ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЯНТАРНОЕ КОРОЛЕВСТВО!

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

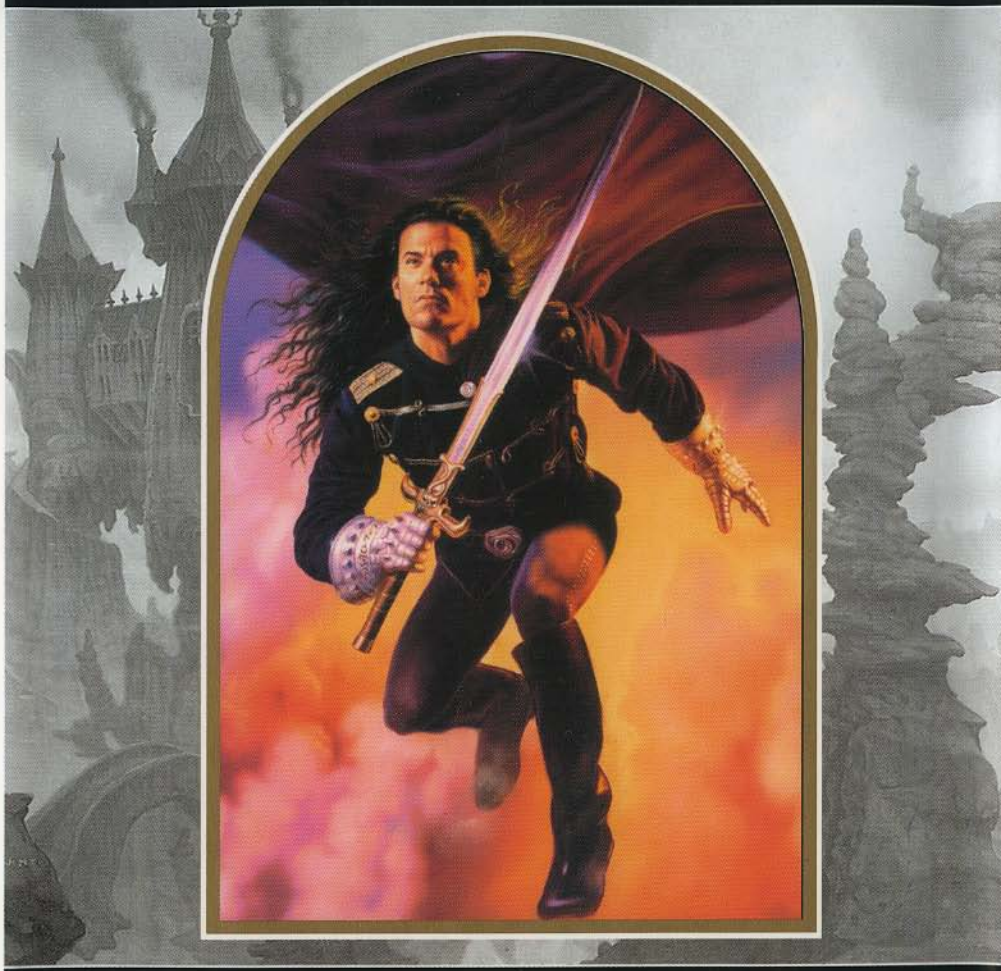
Хроники Амбера

Том I

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

ЭКСМО

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Девять принцев Амбера

•

Ружья Авалона

•

Знак Единорога

•

Рука Оберона

•

Владения Хаоса

Москва
«ЭКСМО»
2006

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

Хроники Амбера

Том I

Москва
«ЭКСМО»
2006

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ж 50

Roger ZELAZNY
NINE PRINCES IN AMBER
Copyright © 1970 by Roger Zelazny
THE GUNS OF AVALON
Copyright © 1972 by Roger Zelazny
SIGN OF UNICORN
Copyright © 1975 by Roger Zelazny
THE HAND OF OBERON
Copyright © 1976 by Roger Zelazny
TRUMPS OF DOOM
Copyright © 1978 by Roger Zelazny

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Желязны Р.

Ж 50 Хроники Амбера. Том 1: Фантастические романы/ Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 864 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

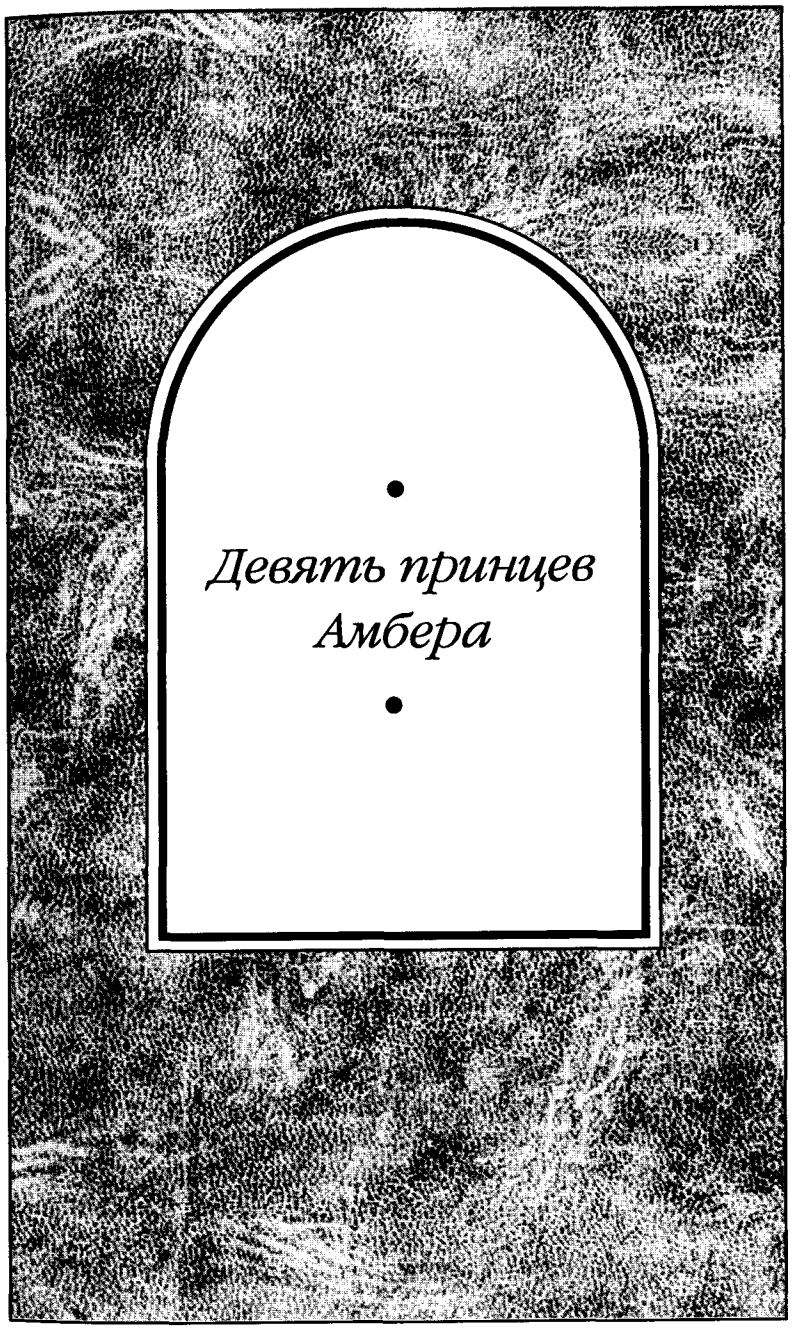
ISBN 5-699-17665-9

Престол таинственного Янтарного королевства — приз победителю в жесткой игре отражений. Сталь и огонь, предательство и коварство, жизни и судьбы людей — все это ничто перед грандиозностью великой цели. Ведь из девяти претендентов — Девяти принцев Амбера — лишь одному суждено занять место на троне.

УДК 820(73)
ББК 84 (7США)

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006
© Перевод. А. Пчелинцев, М. Пчелинцев, Ю. Соколов, Н. Сосновская, И. Тогоева, 2001

ISBN 5-699-17665-9

Глава 1

Похоже, наступал конец тому, что казалось мне вечностью.

Я попробовал пошевелить пальцами ног. Успешно. Ноги я чувствовал, хотя они и были в гипсе. А сам я лежал распростертым на больничной койке.

Я зажмурился, потом снова открыл глаза.

Стены комнаты наконец перестали качаться.

Где же я, черт побери?

Туман в голове понемногу рассеивался; в нем, словно острова в океане, стали возникать обрывки того, что некогда было моей памятью. Я вспоминал бесконечно долгие ночи, бесчисленных сиделок, инъекции, инъекции, инъекции... стоило мне чуточку прийти в себя, как тут же кто-нибудь являлся и всаживал в меня шприц с какой-нибудь дрянью. Да, так оно и было. Это я вспомнил. И пусть я только наполовину пришел в себя, инъекции им придется прекратить.

Но захотят ли они их прекратить?

Почему-то упорно думалось: вряд ли.

Эта мысль пробудила в моей душе естественные сомнения относительно чистоты любых, даже самых лучших человеческих побуждений. Меня длительное время пичкали наркотиками, осознал я вдруг. Причем без особых на то причин, судя по тому, как я себя чувствую. Так что, если им за это платят, с какой стати они вдруг прекратят инъекции? Нет, действовать надо очень осторожно, сказал мне мой внутренний голос. Надо продолжать притворяться, что дурман еще действует. Внутренний голос принадлежал худшей, хотя и более мудрой, половине моей души.

Я последовал его совету.

Минут через десять дверь приоткрылась, на пороге воз-

никла медсестра. А я лежал себе и похрапывал. Сестра тут же удалилась.

Теперь мне уже удалось кое-что восстановить в памяти.

Я смутно припоминал, как попал в какую-то аварию или автомобильную катастрофу; потом — сплошное черное пятно. О том, что было до аварии, я тоже не имел ни малейшего представления. Но помнил, что сначала угодил в больницу, а уже потом сюда. Зачем? Неизвестно.

Ноги мои совсем отошли и явно годились для того, чтобы на них стоять, хотя я понятия не имел, когда они были сломаны. А то, что они были сломаны, я знал точно.

Я попытался сесть. Это оказалось непросто: тело было, как кисель. За окном стояла темная ночь — яркие звезды, бесстыдно красуясь в небе, смотрели на меня. Я подмигнул им и спустил ноги на пол.

Перед глазами все поплыло, однако вскоре в голове прояснилось, я встал, держась за спинку кровати, и сделал первый шаг.

Нормально. Ноги держат. Итак, теоретически я уже в состоянии отсюда выйти.

Я снова залез в постель, вытянулся на спине и стал думать. От совершенных усилий и слабости меня знобило, я весь взмок, во рту стоял противный сладковатый вкус, поташнивало, мерещились засахаренные сливы и тому подобное.

Подгнило что-то в Датском Королевстве...

Да, это точно была автомобильная катастрофа. Черт знает что...

Приоткрылась дверь, сквозь щель в палату ворвался поток света. Я чуть опустил веки и увидел, что это снова сестра со шприцем в руке. Этакая могучая матрона с широченными плечищами.

Когда она подошла совсем близко, я неожиданно приподнялся и сел на постели.

— Добрый вечер! — сказал я.

— Ох! Добрый вечер, — ответила она.

— Когда меня выписывают? — спросил я.

— Об этом надо узнать у доктора.

— Ну так узнайте.

— Пожалуйста, поднимите рукав.

— Да нет, спасибо, больше не надо.

— Но мне необходимо сделать вам укол.

— Нет, никакой необходимости в этом нет.

— Так доктор велел!

— Вот пусть доктор придет и сам мне об этом скажет. А пока что я категорически против.

— Но мне же приказано...

— Эйхман тоже так говорил, а чем кончил? — Я укоризненно покачал головой.

— Хорошо, — вздохнула медсестра. — Мне придется доложить...

— Пожалуйста, докладывайте, — сказал я. — Заодно сообщите доктору, что я утром намерен выписаться.

— Нет, это невозможно! Вы ведь даже ходить еще не в состоянии! И у вас серьезные повреждения внутренних органов...

— Ладно, посмотрим, — кивнул я. — Спокойной ночи.

Она вылетела в коридор, ничего не ответив.

А я снова лег и стал думать. По-видимому, я нахожусь в какой-то частной лечебнице. Значит, кто-то платит за мое пребывание здесь. Интересно, кто? Никаких родственников я вспомнить не мог. Друзей тоже. Кто же тогда платит? Враги?

Я еще немного подумал.

Ничего не придумывалось. Ни малейшей идеи насчет предполагаемого благодетеля.

Вдруг я вспомнил: моя машина летит под откос на горной дороге и падает в озеро... Дальше — полный мрак.

Я был...

От напряжения я снова весь покрылся испариной.

Я не знал, кем я был раньше.

Чтобы отвлечься, я сел и быстренько разбинтовал себя. Под бинтами все давно зажило; похоже, их давно пора было снять. Потом я разбил гипс на правой ноге металлическим прутом, вынутым из спинки кровати. Мною овладело странное чувство: казалось, что нужно как можно скорее отсюда смыться, чтобы успеть сделать нечто важное.

Я попробовал встать на правую ногу. Нормально.

Потом я разбил гипс и на левой ноге, встал и потихоньку пошел к шкафу.

Пусто. Одежды там не было.

В коридоре послышались шаги. Я снова лег, прикрыв простыней снятые бинты и куски гипса.

Дверь опять приоткрылась.

В палате вспыхнул яркий свет; на пороге высился здоровенный детина в белом халате, смахивавший на быка. Это он зажег свет: пальцы его до сих пор лежали на выключателе.

— Что вы тут удумали? Сестра на вас жалуется, — сказал он.

Притворяться спящим больше не имело смысла.

— Неужели? — спросил я. — И что же она говорит?

Детина некоторое время, наморщив лоб, обдумывал мой вопрос, потом строго произнес:

— Вам пора делать укол.

— Вы что, доктор?

— Нет, но мне поручено сделать вам укол.

— А я не желаю, чтобы мне делали укол, — заявил я. — И имею на это полное право. Что вы на это скажете?

— Что я все равно укол вам влеплю, — ответил здоровяк и двинулся к кровати. В руке он держал шприц, которого я раньше не заметил.

Это был исключительно подлый удар, дюйма на четыре ниже пояса. Детина рухнул на колени.

— Ах ты!.. — выдавил он некоторое время спустя.

— Попробуй еще раз, — сказал я, — увидишь, что тогда с тобой будет.

— Ничего, мы с такими пациентами справляться приучены! — выдохнул он.

И я понял, что настало время действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

— Ах ты! — повторил он.

— Тогда, пожалуй, придется позаимствовать твою. Раздевайся!

После третьего раза мне надоело. Я накинул простыню ему на голову и как следует врезал тем самым железным прутом, которым разбивал гипс.

Через несколько минут я был уже весь в белом. Этакий Моби Дик. Или ванильное мороженое гигантских размеров. Довольно-таки жуткое зрелище.

Я засунул этого типа в стенной шкаф и выглянул в окно. В небе сияла полная луна, освещая ряд высоких тополей. Трава в лунном свете казалась серебристой, сверкающей. Ночь близилась к концу. Ничто не подсказывало мне, где я могу находиться. Похоже, это был четвертый этаж. Из окна я заметил внизу, слева от меня, на втором этаже свет: тоже кто-то не спал.

Я вышел в коридор и осмотрелся. Слева коридор упирался в стену с зарешеченным окном. Там были еще четыре палаты, по две с каждой стороны коридора. Я дошел до окна и выглянул наружу. Ничего нового: такие же деревья, такая же трава, та же лунная ночь. Я повернулся и пошел в обратную сторону.

Двери, двери, двери, и ни лучика света изнутри. И тишина. Лишь шарканье моих собственных шагов: позаимствованные ботинки были великоваты.

Часы, тоже позаимствованные, показывали пять пятьдесят четыре. Железный прут я заткнул за пояс под белым халатом; при ходьбе прут втыкался мне в бедренную кость. Через каждые пять-шесть метров под потолком горела тусклая лампочка — ватт на сорок, не больше.

Так я добрался до лестницы, покрытой ковром, и стал тихо спускаться.

Третий этаж выглядел в точности, как мой четвертый, так что я пошел дальше вниз. На втором этаже свернул по коридору направо, пытаясь найти ту комнату, где горел свет.

И я ее нашел — по тонкой полоске света под дверью — почти в самом конце коридора. Стучать я не стал.

В комнате за огромным полированным столом сидел какой-то тип в роскошном купальном халате и что-то писал в настольном блокноте. Это явно была не больничная палата. Тип так и впился в меня глазами: на лице его появилось такое выражение, будто он вот-вот закричит, глаза его дико расширились... Но он не закричал — видимо, я выглядел достаточно решительно, — только быстро поднялся.

Я закрыл за собой дверь, подошел поближе и произнес:

— Доброе утро. Вам грозят большие неприятности.

Людям всегда хочется узнать, что за неприятности им грозят. Так что уже через секунду я услышал:

— Что вы имеете в виду?

— А вот что: я подам на вас в суд. За то, что вы держите меня здесь против моей воли, а также за злоупотребление слу-

жебным положением и нарушение клятвы Гиппократа: вы насильно пичкали меня наркотиками. У меня, можно сказать, уже началась ломка, так что я вполне могу совершить, например, насилие.

— Убирайтесь вон, — сказал этот тип — вероятно, врач.

Я заметил на его столе пачку сигарет, вытянул одну.

— Сядь и заткнись. Нам есть что обсудить.

Он сел, но так и не заткнулся.

— Вы нарушаете правила...

— Суд определит, кто из нас что нарушает, — ответил я. — Пусть принесут мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.

— Но ваше состояние...

— Не твое дело. Или вещи, или судебный иск.

Он было потянулся к кнопке на столе, но я отшвырнул его руку.

— Ну нет, — сказал я. — Раньше надо было нажимать, когда я только вошел. Теперь поздно.

— С вами трудно договориться, мистер Кори...

Кори?

— Я к вам сюда не напрашивался. И имею полное право выписаться, когда мне угодно. А угодно мне именно сейчас. Так что давай.

— Но вы еще не поправились, чтобы выписываться, — ответил он. — Ваше состояние... Нельзя позволить... Я сейчас кого-нибудь позову, вас проводят в палату, уложат в постель...

— И не пытайся. А то мне придется продемонстрировать мое теперешнее состояние. И вот еще что... Кто меня сюда поместил и кто оплачивает мое пребывание здесь?

— Ну хорошо, — вздохнул врач, огорченно опустив тонкие усики, и сунул руку в ящик стола.

Но я был наготове.

Я выбил пистолет у него прежде, чем он успел спустить предохранитель. Так, автоматический, тридцать второго калибра. Аккуратненький такой «кольт».

Я спустил предохранитель и прицелился.

— Придется все же ответить на мои вопросы. По-видимому, ты считаешь меня опасным. И возможно, ты прав.

Врач бледно улыбнулся и закурил. Зря — он так старался сохранить достоинство, но руки-то у него дрожали.

— Хорошо, Кори. Если вы так настаиваете... Привезла вас сюда ваша сестра.

«Сестра?» — подумал я.

— Какая сестра?

— Эвелин.

Это имя мне ничего не говорило.

— Странно. Я уже несколько лет ее не видел, — сказал я. — Она и не знала, что меня занесло в эти края.

Он пожал плечами:

— И тем не менее...

— Где же она теперь живет? Я хочу к ней заехать, — сказал я.

— У меня где-то есть ее адрес.

— Давай сюда.

Он поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, порылся там и достал карточку.

Я впился в нее глазами. Миссис Эвелин Фломель... Нью-йоркский адрес тоже ничего мне не говорил, но я постарался его запомнить. Судя по карточке, меня звали Карл. Отлично. Дополнительная информация.

Я заткнул пистолет, не забыв, конечно, поставить его на предохранитель, за пояс рядом с металлическим прутом.

— Ну ладно, — сказал я. — Где моя одежда и деньги — сколько ты там намерен мне выплатить?

— От вашей одежды после катастрофы остались одни лохмотья, — ответил врач. — Вынужден вам напомнить, что у вас были сломаны обе ноги, причем левая — в двух местах. Откровенно говоря, я просто не понимаю, как вы стоите. Прошло всего две недели...

— На мне все заживает, как на собаке, — успокоил его я. — Так как насчет денег?..

— Каких денег?

— Насчет отступного, чтобы я не подавал в суд на ваше заведение. За всякие злоупотребления и прочее.

— Не валяйте дурака!

— Кто здесь валяет дурака? Я готов удовлетвориться тысячей, но наличными и немедленно.

— Даже говорить на эту тему не желаю!

— Я бы на твоем месте сперва подумал. Суд, конечно, мо-

жет принять решение и в твою пользу, но как насчет прессы? Уж я постараюсь, чтобы в газетах появились кое-какие материалы еще до суда. И с телевизионщиками свяжусь. В грязи ведь вываляют...

— Это шантаж! — заорал он. — Да я вообще не имею к этому никакого отношения!

— Сейчас ты заплатишь или потом, после суда, — сказал я, — мне, в общем-то, безразлично. Но сейчас дешевле обойдется!

Если он согласится, значит, я прав и здесь что-то нечисто.

Врач долго буравил меня взглядом.

— У меня нет при себе тысячи, — заявил он наконец.

— Что ж, тогда поторгуемся?

— Это вымогательство! — возмутился он.

— Ничего подобного: ведь ты отдаешь деньги добровольно, милый. Итак?

— В сейфе, наверное, сотен пять найдется.

— Ладно. Доставай.

Покопавшись в сейфе, он заявил, что нашел всего четыреста тридцать долларов. Мне не хотелось проверять: могли остаться отпечатки пальцев. Так что я взял эти четыреста тридцать и сунул в карман.

— Так, теперь о транспорте. Как отсюда вызвать такси?

Он дал мне название компании и телефон. Я проверил по телефонной книге: мы находились где-то на севере штата Нью-Йорк.

Я заставил его вызвать для меня такси, потому что так и не понял, где я, и не хотел, чтобы он догадался, что голова у меня не в порядке. Между прочим, один из бинтов я снял как раз с головы...

Когда врач разговаривал по телефону, я услышал, как он назвал свое заведение: частная клиника «Гринвуд».

Я погасил окурок, закурил новую сигарету и с облегчением плюхнулся в мягкое кресло возле книжного шкафа, освободив свои бедные ноги как минимум от шестидесяти килограммов живого веса.

— Подождем здесь, а когда придет такси, ты меня проводишь, — сказал я.

Он не ответил и больше не произнес ни единого слова.

Глава 2

Было уже около восьми утра, когда мы добрались до ближайшего городка. Я расплатился с водителем и побродил минут двадцать по улицам. Потом зашел в кафе и заказал сок, яичницу, ветчину, тосты и целые три чашки кофе. Ветчина была слишком жирной.

Завтракал я не торопясь, с удовольствием, наверное, не меньше часа. Потом снова отправился бродить по городку. Нашел магазин готового платья, дождался его открытия и купил брюки, ремень, три спортивные рубашки, белье и подходящие ботинки. Выбрал еще носовой платок, бумажник и расческу.

Потом отправился разыскивать автобусную станцию, где сел на автобус компании «Грейхаунд», идущий в Нью-Йорк. Никто не пытался меня задержать. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Сидя в автобусе и лениво поглядывая в окно на проплывавшие мимо осенние пейзажи, на ясное холодное небо, я снова и снова мысленно перебирал все, что было мне известно о себе самом и о происшедших со мной событиях.

Итак, моя сестра Эвелин Фломель поместила меня в лечебницу «Гринвуд» под именем Карла Кори. Это было следствием автомобильной катастрофы, случившейся дней пятнадцать назад, во время которой я переломал себе все кости. Кстати, ноги меня совершенно не беспокоили.

Никакой сестры Эвелин я не помнил. Персоналу «Гринвуда», видимо, было велено держать меня в «отключке», и теперь они опасались попасть под суд, которым я пригрозил, когда освободился. Хорошо. Значит, кто-то меня по каким-то причинам боится. Что ж, буду иметь это в виду.

Я упорно пытался вспомнить хоть что-нибудь об этой автокатастрофе, просто голова распухла. Случайностью авария явно не была. Почему-то я в этом совершенно не сомневался, хотя и не мог понять, почему. Но я все выясню. Тогда кому-то придется заплатить! И очень дорого!

Ярость, черная ярость закипела в моей груди. Кто бы ни был тот, что так старался навредить мне или использовать меня в своих целях, вскоре он получит по заслугам!.. Я ощутил

страстное желание немедленно уничтожить того, кто заманил меня в ловушку. И еще я знал: не впервые мне приходится испытывать это чувство, эту яростную жажду мести, и не раз уже в своей жизни я следовал этому желанию... Не раз.

За окном, медленно кружась, опадали осенние листья.

Первое, что я сделал, добравшись наконец до Нью-Йорка, это постригся и побрился в ближайшей парикмахерской. Затем зашел в туалет и полностью переоделся во все новое. Пистолет, прихваченный в клинике «Гринвуд», я сунул в правый карман пиджака. Если бы тот тип или моя неведомая сестрица Эвелин хотели засадить меня в тюрьму, то сейчас повод был бы идеальный: незаконное ношение оружия. Поправка Салливана[1]. Но я все же решил оставить пистолет при себе. Меня ведь сначала надо еще найти. К тому же необходимо узнать, зачем я им.

Потом я наскоро пообедал и целый час добирался на метро и автобусе через весь город до дома Эвелин, моей так называемой сестры и возможного источника информации.

По дороге я обдумывал, какой тактики мне следует придерживаться.

Так что когда я постучал и массивная дверь огромного старого дома наконец открылась, я уже знал, что именно скажу. Я продумал каждое слово, направляясь к дому по подъездной аллее, посыпанной гравием. Дул холодный ветер, мрачные дубы и клены роняли листья, шуршавшие под ногами. Ветер леденил мой свежевыбритый затылок, и даже поднятый воротник пиджака не спасал от холода. Аромат парикмахерского лосьона смешивался с затхлым запахом плесени и гниющей листвы, исходившим от увитых плющом старых кирпичных стен дома. Раньше я явно здесь никогда не бывал, все мне было абсолютно незнакомо.

Я постучал в дверь, и из глубины дома ответило гулкое эхо. Я сунул руки в карманы и стал ждать.

Дверь отворилась, и я улыбнулся возникшей на пороге

[1] Дополнение к Конституции США, запрещающее незаконное ношение и использование оружия. *(Здесь и далее примеч. редакции.)*

горничной. Она была смуглая, вся в родинках и говорила с пуэрториканским акцентом.

— Что вам угодно?

— Я бы хотел видеть миссис Эвелин Фломель.

— Как мне о вас доложить?

— Скажите, что это ее брат Карл.

— Пожалуйста, войдите, — пригласила горничная.

Я вошел в холл. Пол был выложен маленькими керамическими плитками кремового и бирюзового цвета, стены отделаны красным деревом, слева — огромное кашпо, откуда свисали пышные побеги какого-то растения с огромными зелеными листьями. Под потолком — куб из стекла и эмали, из которого вниз лился желтый водопад света.

Горничная удалилась, а я оглядывался по сторонам в поисках хоть чего-нибудь знакомого.

Ничего знакомого я не обнаружил.

Что ж, подождем.

Вскоре горничная вернулась, улыбаясь мне и кивая головой:

— Пожалуйста, прошу вас. Вас ждут в библиотеке.

Я пошел за нею, миновал три лестничных марша, коридор и две закрытые двери. Наконец третья дверь по левую руку от меня оказалась открытой. Горничная указала мне на эту дверь, я вошел и остановился на пороге.

Это была библиотека, и она, разумеется, была полна книг. Еще там висели три картины: два в высшей степени мирных пейзажа и один, тоже в высшей степени мирный, морской сюжет. На полу — тяжелый зеленый ковер. Рядом с огромным письменным столом стоял гигантский глобус, с которого на меня смотрела Африка. За глобусом — окно во всю стену, восемь прозрачных стеклянных панелей. Но все эти предметы не произвели на меня особого впечатления, и остановился я вовсе не поэтому.

У стола сидела женщина в сине-зеленом платье цвета морской волны, с узким глубоким вырезом и широким воротником. Ее длинные волосы и пышная челка были цвета облаков на закате или, может быть, напоминали тот ореол, что окружает пламя свечи в темной комнате; я почему-то знал, что это их естественный цвет. Ее глаза за стеклами очков, которые ей, по-моему, совершенно не требовались, были той пронзитель-

ной голубизны, какой обладают воды озера Эри безоблачным летним днем. На губах играла сдержанная улыбка. Но не красота этой женщины заставила меня застыть на пороге.

Я знал ее! Откуда-то я ее, безусловно, знал, вот только не мог вспомнить откуда.

Я подошел ближе, улыбаясь в ответ на ее улыбку.

— Привет, — сказал я.

— Садись, — сказала она. — Пожалуйста.

И указала мне на огромное оранжевое кресло с высокой спинкой.

Я сел. Она внимательно смотрела на меня.

— Рада тебя видеть здоровым. Хорошо, что приехал.

— Я тоже рад. Как ты поживаешь?

— Спасибо, все в порядке. Признаться, не ожидала увидеть тебя здесь.

— Ясное дело, — соврал я. — Но вот видишь, я здесь и хочу поблагодарить тебя, сестра, за доброту и заботу. — Мне хотелось быть чуть ироничным: интересно, как она прореагирует на это.

И тут в комнату ввалился огромный пес, ирландский волкодав, и шлепнулся на пол возле стола. Потом появился еще один, обошел пару раз вокруг глобуса и улегся под ним.

— Ну, — сказала «сестра», тоже стараясь быть ироничной, — это, собственно, все, что я могла для тебя сделать. Ты бы все-таки ездил поосторожнее.

— Непременно, — ответил я. — Я непременно буду осторожнее, обещаю тебе. — Черт знает что за игру мы с ней затеяли, но поскольку она явно не понимает, что именно я помню, а что забыл, я решил продолжать в том же духе, чтобы вытянуть из нее всю информацию, какую она могла дать. — Мне показалось, что ты не прочь узнать, в каком я состоянии, вот я и приехал.

— Да, конечно. Меня это беспокоило и продолжает беспокоить, — откликнулась Эвелин. — Ты не голоден?

— Не очень. Перекусил слегка часа два-три назад.

Она позвонила горничной и велела принести поесть. Потом сказала:

— У меня вообще-то была мысль, что тебе взбредет в голову самостоятельно выбраться из клиники «Гринвуд», едва ты

придешь в себя. Правда, я не ожидала, что это случится так скоро. И уж тем более — что ты явишься прямо ко мне.

— Знаю, — кивнул я. — Именно поэтому я здесь.

Она протянула мне сигареты и сама взяла одну. Я дал ей прикурить, затем прикурил сам.

— Ты всегда был совершенно непредсказуем! — сообщила она мне наконец. — И хотя в прошлом это не раз тебе помогало, сейчас я бы не слишком рассчитывала на собственную непредсказуемость.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сейчас ставки слишком высоки, чтобы блефовать, а ты, по-моему, как раз блефуешь. Ишь ты, явился прямо сюда!.. Меня всегда восхищало твое мужество, Корвин, но нельзя же вести себя так глупо! Ты ведь прекрасно знаешь, в каком положении оказался.

Корвин? Что ж, запомним и это имя. Оно не хуже, чем Кори.

— А может быть, я ничего не знаю? Не забывай, я ведь довольно долго проспал.

— Ты хочешь сказать, что с тех пор ни с кем не общался?

— Как-то возможности не представлялось. Во всяком случае, с тех пор как очнулся.

Она склонила голову набок, прищурив свои прелестные глаза.

— Сомнительно... Хотя вполне возможно. Видимо, это действительно так. Видимо. Хорошо, предположим, я тебе поверила. Пока что. В таком случае ты весьма разумно поступил, приехав сюда. Ладно, я должна подумать.

Я затянулся сигаретой, надеясь, что она скажет еще что-нибудь. Но она молчала. Тогда я решил воспользоваться тем преимуществом, которого, похоже, добился в этой загадочной игре с неведомыми мне игроками и слишком высокими ставками, о которых не имел ни малейшего понятия.

— Уже одно то, что я приехал сюда, о чем-то говорит, — заявил я.

— Разумеется, — ответила она. — Это я понимаю. Но ведь ты же хитрец, так что говорить твой приезд может о чем угодно. Поживем — увидим.

Поживем? Увидим? Что увидим?

Горничная принесла бифштексы и кувшин с пивом, так

что я на время был избавлен от необходимости делать слишком многозначительные заявления, которые моей собеседнице казались хитроумными и уклончивыми. Бифштекс был превосходный, розовый внутри и истекающий соком. Я впился зубами в кусок свежего, хрустящего хлеба, жадно запивая еду пивом. Она, смеясь, наблюдала за мной, отрезая маленькие кусочки от своей порции.

— Мне нравится смотреть, с каким аппетитом ты ешь, Корвин. До чего же ты любишь жить! Именно поэтому мне будет крайне неприятно, если тебе придется с жизнью расстаться.

— Мне тоже, — пробормотал я.

Пожирая мясо, я размышлял. Она вдруг вспомнилась мне совсем в иной одежде: в бальном платье зеленого цвета — такого, каким бывает море на глубине, — с длинной пышной юбкой, с обнаженными плечами. Звучала музыка, вокруг танцевали, слышались голоса... Сам я был в черном с серебром...

Видение исчезло. Но это явно было воспоминание из реального прошлого. Я знал это, я был в этом уверен. Проклятие! Я никак не мог восстановить картину во всей полноте. Что она в том зеленом бальном платье говорила тогда мне, одетому в черное с серебром, ночью, наполненной музыкой и голосами танцующих людей?..

Я налил ей и себе еще пива и решил проверить себя.

— Помнится, однажды ночью. Ты еще была в своем зеленом платье, а я, как всегда, в черном... Не забыла? Все тогда казалось прекрасным, и музыка играла...

Ее взгляд вдруг стал задумчивым, щеки порозовели.

— Да, — промолвила «сестра». — О дивные, светлые времена... Так ты действительно ни с кем не встречался?

— Слово чести, — произнес я торжественно, к чему бы это ни относилось.

— Положение значительно ухудшилось, — сказала она. — Из Царства Теней появляется столько ужасного, что и представить себе было невозможно.

— И?..

— И у него по-прежнему множество проблем, — договорила Эвелин.

— Неужели?

— Ну конечно! И он, разумеется, захочет узнать, на чьей ты стороне.

— Да на той же!

— Ты хочешь сказать?..

— Во всяком случае, пока, — быстро добавил я. Может быть, слишком быстро, потому что глаза ее вдруг изумленно расширились. — Я ведь все еще не полностью представляю себе расстановку сил.

Что бы это ни значило, пусть думает.

— Ах вот как.

Мы наконец покончили с бифштексами, остатки кинули псам.

Потом мы пили кофе, и мне вдруг отчетливо показалось, что она мне действительно сестра. Но я подавил излишнюю сентиментальность.

— А как остальные? — спросил я. Это могло означать все, что угодно, но звучало вполне безобидно.

На секунду у меня, правда, возникло опасение, что она спросит, кого конкретно я имею в виду. Но она ничего не спросила, а откинулась на спинку кресла и проговорила, глядя в потолок:

— Как обычно. Ни от кого никаких известий. Никто уже давно не появлялся. Ты, вероятно, поступил умнее всех. Мне, во всяком случае, это нравится. Но разве можно забыть?! Честь, славу?..

Я опустил глаза, так как не знал, что они должны в такой момент выражать.

— Невозможно, — сказал я. — Забыть об этом невозможно.

Последовало долгое и какое-то напряженное молчание. Потом она спросила:

— Ты меня ненавидишь?

— Конечно же, нет, — ответил я. — Как же я могу, памятуя обо всем, что ты для меня сделала?

Это, казалось, ее успокоило. Она опять улыбнулась, показав очень белые зубы.

— Спасибо тебе. Что бы ни случилось, ты всегда джентльмен.

Я с улыбкой поклонился:

— Ты мне льстишь.

— Едва ли, — сказала она. — Памятуя обо всем, что ты для меня сделал.

Тут я почувствовал себя неуютно.

Гнев мой все еще пылал в груди. Интересно, подумал я, а она знает, против кого этот гнев должен быть направлен? Я чувствовал, что знает. И боролся с искушением спросить ее об этом напрямик. Искушение удалось подавить.

— Ну хорошо. А что ты намерен делать теперь? — спросила она наконец.

Я был к этому вопросу готов и тут же ответил:

— Ты, конечно, мне не поверишь...

— Конечно. Этого мы не можем себе позволить.

Я отметил это «мы».

— Пока что я намерен оставаться у тебя под присмотром. Буду рад, если ты здесь глаз с меня не спустишь.

— А потом?

— Потом? Посмотрим.

— Что ж, разумно, — кивнула она. — Весьма разумно. И ты к тому же поставишь меня в довольно затруднительное положение.

Я сказал так только потому, что мне просто некуда было идти, а денег, заработанных шантажом, надолго не хватило бы.

— Конечно, — продолжала Эвелин, — ты можешь оставаться у меня. Но должна тебя предупредить, — и она ткнула пальцем в какой-то предмет, висевший у нее на шее, который я принял было за кулон. — Это свисток для собак. Ультразвуковой. Вот Доннер и Блицен, а еще у них есть четыре брата, и все они приучены ставить надоедливых людей на место, а на сигнал мой реагируют мгновенно. Так что не вздумай совать свой нос туда, куда не следует. При малейшей опасности я подам сигнал, и перед моими псами не устоишь даже ты. Ведь именно благодаря этим собачкам в ирландских лесах перевелись волки.

— Понятно, — сказал я. Действительно, чего уж тут не понять.

— Хорошо, — продолжала она. — Эрику будет приятно думать, что ты мой гость. И он, наверное, перестанет тебя преследовать. Ведь ты именно этого и хочешь, n'est-ce pas[1]?

[1] Не так ли (*фр.*).

— Oui[1], — ответил я.

Эрик! Очень знакомое имя! Когда-то давно я действительно знал какого-то Эрика, и это показалось мне весьма важным. Но тот Эрик, с которым я тогда встречался, все еще существовал, и это тоже было очень важно.

Почему?

Я его ненавидел, вот почему. Ненавидел так сильно, что готов был убить. Может быть, даже пытался.

Но, кроме этого, нас с ним связывало что-то еще, сомневаться не приходилось. Может быть, он мой родственник?

Да, точно. Никому из нас не доставляло особой радости быть братьями. Я вспомнил, наконец я вспомнил!

Огромный, могучий Эрик. Борода вся мокрая и кудрявая, а глаза... Глаза — как у Эвелин!

Меня потрясли эти проснувшиеся воспоминания, в висках застучала боль, от затылка к шее разлилась горячая волна. Но выражение моего лица оставалось неизменным. Я лишь позволил себе лишний раз затянуться сигаретой да отхлебнул еще глоток пива. Итак, Эвелин действительно оказалась моей сестрой! Только звали ее вовсе не Эвелин!.. Осторожнее, сказал я себе. Не надо вообще называть ее по имени, пока не вспомнишь.

Ну а сам я? Кто я такой и что со мной происходит?

И внезапно меня осенило: Эрик имеет какое-то отношение к той автокатастрофе! Я должен был в ней погибнуть, да вот выжил. Значит, это он все подстроил! А Эвелин на его стороне. Она не жалела денег, чтобы в «Гринвуде» меня пичкали наркотиками до полусмерти! Это, конечно, лучше, чем смерть, хотя...

И тут мне стало ясно, что, приехав к Эвелин, я, таким образом, умудрился угодить прямо в лапы Эрику.

И теперь буду в некотором роде его пленником — он в любой момент сможет снова покуситься на мою жизнь. Если я останусь в этом доме, разумеется.

Однако Эвелин сказала, что если я буду жить у нее, то он оставит меня в покое. Я колебался. Ей, конечно, доверять не следует, и все время надо быть начеку. Может, лучше все-таки

[1] Да (*фр.*).

куда-нибудь уехать и подождать, пока полностью не восстановится память?

Но в то же время меня не покидало ощущение, что мне нельзя сидеть сложа руки. Надо как можно скорее восстановить полную картину событий и действовать, уже исходя из этого. Жажда деятельности прямо-таки томила меня. Что ж, ладно, я останусь у нее, даже если за собственные воспоминания придется дорого заплатить.

— А еще я помню... — сказала Эвелин, и до меня дошло, что все это время она о чем-то рассказывала, а я ее не слушал. Может быть, она и не заметила этого, потому что целиком погрузилась в какие-то воспоминания. Я же не слушал ее потому, что то, о чем я непрестанно размышлял, было для меня гораздо важнее. — ...помню, как однажды вы с Джулианом играли в его любимую игру и ты его обыграл, а он запустил в тебя бокалом вина. Как он тогда ругался!.. Но ты все-таки выиграл приз. А он еще потом испугался, что слишком дал себе волю. Но ты только посмеялся, и потом вы с ним снова пили вино. Мне кажется, он тогда очень сожалел, что так разозлился: он ведь прекрасно умеет владеть собой. А в тот день страшно тебе завидовал и не смог скрыть своих чувств. Помнишь? По-моему, с того дня он и начал во всем тебе подражать. И все равно я его ненавижу! Чтоб он пропал! Я думаю, что он...

Джулиан, Джулиан, Джулиан... И да, и нет. Какая-то игра... Я его обыграл, он утратил свое хваленое самообладание... Да, что-то такое вспоминалось. Нет, я так и не мог вспомнить, что это было.

— А Кейн? Как ты его дурачил! Он ведь до сих пор тебя ненавидит, знаешь ли.

Я понял, что в семье меня не особенно любили. И это почему-то меня радовало.

Имя Кейн тоже звучало привычно. Очень знакомое имя.

Эрик, Джулиан, Кейн, Корвин. Имена эти, сменяя друг друга, вертелись у меня в голове, и мне показалось, что им там тесно.

— Все это в прошлом, — произнес я непроизвольно, и это было действительно так.

— Корвин, — сказала она, — перестань вилять. Я же понимаю, что ты не просто прячешься здесь. И что ты по-прежнему достаточно силен, чтобы добиться своего даже при нынешнем положении вещей — если, конечно, изберешь правильную тактику. Мне трудно отгадать, что именно у тебя на уме, но, может быть, нам удастся договориться с Эриком.

Опять «нам»? Она, видимо, уже определила мое место в этой большой игре. И явно углядела возможность кое-что выиграть. Я слегка улыбнулся.

— Ты ведь поэтому приехал сюда? — продолжала Эвелин. — Ты что-то хочешь предложить Эрику? И тебе нужен посредник?

— Может быть, — ответил я. — Но я еще должен подумать. Я ведь совсем недавно поправился, и мне есть над чем подумать, согласись. Я просто хотел некоторое время побыть в безопасности, имея, однако, возможность быстро предпринять любые необходимые шаги, если решу, что в моих интересах договориться с Эриком.

— Берегись, — сказала она. — Ты же знаешь, что я передам ему каждое твое слово.

— Ну разумеется! — воскликнул я, хотя не знал ровным счетом ничего и старался отделываться общими фразами. — Если только — чисто случайно — твои сокровенные интересы не совпадают с моими.

Эвелин нахмурилась, на лбу ее между бровями пролегла морщинка.

— Нельзя сказать, что я тебя поняла.

— Я пока ничего конкретного и не предлагаю. Пока. Честно и открыто заявляю тебе, что пока ничего не знаю. Не уверен, что стану искать союза с Эриком. В конце концов...

Я специально не закончил фразы: не знал, как ее закончить, хотя чувствовал, что сказать что-то должен.

— У тебя есть выбор? — Внезапно Эвелин вскочила и схватилась за свисток. — Ну конечно! Блейз!

— Сядь, — сказал я. — И не городи чепухи. Стал бы я сюда являться с открытой душой и безоружный, чтобы ты имела возможность натравить на меня своих собачек! И вообще, при чем здесь Блейз?

Она села, пожалуй, немного успокоенная и даже смущенная.

— Может быть, я и не права, зато прекрасно знаю, что ты опасный игрок и предательство тебе не в новинку. Если ты явился сюда, чтобы покончить с одним из своих врагов, ис-

пользуя меня, то можешь не трудиться: я не гожусь для столь важной роли. Пора было бы уже это понять. Кроме того, ты, по-моему, всегда относился ко мне с симпатией.

— Правильно, всегда, — кивнул я. — И вообще, тебе не о чем беспокоиться. Блейз! Интересно, почему ты вспомнила это имя?

Ну, смотри же, какая жирная наживка! Хватай же, хватай! Мне еще столько нужно узнать!

— Почему? Значит, вы с ним все-таки виделись?

— Я бы предпочел пока оставить эту тему, — сказал я, рассчитывая зацепиться попрочнее. Ведь я наконец узнал, что Блейз — мужчина. — Даже если бы Блейз ко мне обратился, я ответил бы ему то же самое, что и Эрику: я подумаю.

— Все-таки Блейз! — повторила Эвелин.

И у меня в голове вертелось это имя. Блейз! Ты мне нравишься, Блейз. Не помню уж почему, но нравишься. Хотя я вроде бы не должен тебя любить и на то есть веские основания. Но ты мне нравишься, это я твердо знаю.

Мы некоторое время молчали. Я чувствовал себя совершенно разбитым, но виду не показывал. В ее глазах мне надлежало выглядеть сильным. Потом я улыбнулся и сказал:

— Замечательная у тебя библиотека.

— Спасибо, — ответила она. Затем после некоторой паузы повторила опять: — Блейз... Как ты думаешь, а у него есть шансы?

Я пожал плечами:

— Кто знает? Я, во всяком случае, понятия не имею. Может быть, есть. А может быть, и нет.

Эвелин вдруг изумленно уставилась на меня, полуоткрыв рот.

— Не имеешь понятия? — переспросила она. — Ты хочешь сказать, что сам даже и пытаться не будешь, а?

Я рассмеялся — затем лишь, чтобы снять напряжение.

— Не говори глупостей. При чем здесь я?

Однако своим вопросом она будто задела в самой глубине моей души некую сокровенную струну, которая глухо прогудела: «А почему бы и нет?»

И я вдруг испугался.

Эвелин же, казалось, испытала облегчение, услышав мой

отказ от претензий — неизвестно на что. Улыбнулась и, показывая на встроенный бар слева от меня, сказала:

— Давай выпьем виски.

— Давай, — ответил я. Поднялся и налил ей и себе.

— Знаешь, — продолжил я, вновь опускаясь в кресло, — а это приятно — вновь вот так посидеть с тобой, хотя бы недолго. Навевает приятные воспоминания.

Эвелин улыбнулась в ответ. Она была просто очаровательна.

— Да, ты прав. — Она пригубила виски. — Когда ты рядом, я чувствую себя почти как в Янтарном Королевстве, в родном Амбере.

Я чуть не выронил стакан.

Амбер!.. Словно молния сверкнула в моем мозгу.

А она вдруг заплакала, и мне пришлось утешать ее, обнимая за плечи.

— Не плачь, малышка. Ну, не плачь. Когда ты плачешь, мне тоже хочется завыть.

Амбер! В этом слове нечто прямо-таки магическое!

— Не плачь, — повторил я тихо. — Для нас еще настанут хорошие времена.

— Ты правда в это веришь?

— Да, — сказал я твердо, — верю!

— Ты все-таки сумасшедший, — сказала Эвелин. — Наверное, поэтому я тебя всегда любила больше других братьев. Я почти всегда верю любым твоим словам, хоть и знаю, что ты сумасшедший.

Она еще поплакала, потом перестала.

— Корвин, — сказала она, — если благодаря какому-нибудь капризу судьбы... даже с помощью Царства Теней... если когда-либо ты все же добьешься своего — ты не забудешь свою сестричку Флоримель?

— Не забуду, — ответил я, твердо зная, что это ее настоящее имя. — Тебя я не забуду.

— Спасибо, Корвин. Я передам Эрику только суть нашего разговора. А про Блейза вообще ничего не скажу. И о своих подозрениях тоже.

— Спасибо, Флора.

— Но тебе я все равно не верю ни на грош! — добавила она. — Тоже не забывай.

— Это мне и так ясно.

Потом она позвала горничную, и та проводила меня в отведенную мне комнату. Я как-то умудрился даже раздеться, рухнул в постель, заснул мертвым сном и проспал целых одиннадцать часов.

Глава 3

Утром, когда я проснулся, Флоры дома уже не было. Никакой записки она не оставила. Горничная подала мне завтрак на кухне, а сама отправилась по своим делам. Я не стал расспрашивать ее ни о чем, поскольку она либо действительно ничего не знала, либо не имела права сказать мне хоть что-то из того, что меня интересовало. К тому же она, несомненно, донесла бы о моих расспросах Флоре. Итак, поскольку дом был в полном моем распоряжении, я решил отправиться в библиотеку и там попробовать что-то разузнать. Кроме того, я вообще люблю библиотеки. Я прекрасно чувствую себя в окружении множества книг, в которых столько прекрасных и мудрых слов. Всегда как-то спокойнее, когда что-то отгораживает тебя от Царства Теней.

Внезапно откуда ни возьмись появился Доннер или Блицен, а может быть, еще какой-то их братец, и, припадая на лапы, пошел за мной по холлу, нюхая мои следы. Я попробовал расположить собачку к себе, но это было все равно что улыбаться полицейскому, когда тот задерживает тебя на шоссе за превышение скорости. По дороге я заглянул и в другие комнаты — просто комнаты, обычные и совершенно безобидные.

Итак, я вошел в библиотеку, где снова уперся взглядом в Африку на гигантском глобусе. Дверь за собой я закрыл, оставив собак в коридоре, и прошелся вдоль полок, разглядывая корешки и читая названия книг.

Большая часть из них была по истории, во всяком случае, мне так показалось. Много было также книг по искусству — большие, дорогие альбомы. Некоторые я полистал. Обычно самые лучшие мысли приходят в голову, когда думаешь вроде бы о чем-то совсем другом.

А размышлял я о возможных источниках явного богатства

Флоры. Если мы родственники, то не должно ли это означать, что и я тоже некоторым образом довольно состоятельный человек? Интересно было бы узнать поточнее, каковы мой социальный статус и профессия, а также — откуда я родом. У меня было смутное ощущение, что проблемы денег для меня не существовало: их всегда предостаточно, чтобы удовлетворять любые мои запросы. Неужели и у меня был такой же большой дом? Я не помнил.

Чем же все-таки я занимался раньше?

Сидя за столом, я сосредоточенно пытался хоть что-нибудь вспомнить. Нелегко копаться в собственной памяти, как в чужом сундуке. Может быть, именно поэтому я и не мог ничего оттуда выудить. Что твое, то твое. Это как бы часть тебя самого, и совершенно невозможно смотреть со стороны на то, что находится где-то у тебя внутри. В том-то все и дело.

Может быть, я врач? Мысль пришла мне в голову, когда я рассматривал анатомические наброски Леонардо да Винчи. Невольно я начал вспоминать различные стадии хирургических операций и понял, что в прошлом не раз оперировал людей.

Но это явно было не главное. Мое прежнее отношение к медицине, безусловно, являлось частью чего-то большего. Я почему-то знал, что никогда по-настоящему не практиковал как врач, как хирург. Но чем же я тогда занимался? И в какой области?

Внезапно мое внимание привлекла сабля.

Сидя за столом, я имел возможность обозревать всю комнату и на дальней стене среди прочих вещей заметил старинную кавалерийскую саблю, которая в первый раз почему-то не попалась мне на глаза. Я подошел к ней и взял ее в руки.

Она была в ужасно запущенном состоянии. Я даже поцокал языком от возмущения. Чтобы привести ее в должный вид, прежде всего требовался точильный брусок и масло. Я явно кое-что понимал в старинном оружии, особенно что касалось клинков.

Сабля была довольно легкой и хорошо лежала в руке, создавая ощущение свободы и уверенности. Я встал в позицию, парировал воображаемый выпад, нанес несколько рубящих ударов... Да, меня, безусловно, учили обращаться с нею.

Так каково же оно, мое прошлое?

Я вновь огляделся вокруг, надеясь еще на какую-нибудь зацепку. Но остальные вещи молчали.

Я повесил клинок обратно, вернулся к столу и, усевшись в кресло, решил осмотреть ящики.

Начал я со среднего, затем, ящик за ящиком, осмотрел левую тумбу и, наконец, правую.

Бумага, конверты, почтовые марки, скрепки, огрызки карандашей, ластики — всякая чепуха.

Тогда я вынул из стола все ящики один за другим и, по очереди ставя себе на колени, начал копаться в каждом. Это я тоже умел — производить обыск. Интересный я прошел курс наук.

А еще память подсказывала мне, что надо исследовать и сами тумбы. Изнутри.

Вот тут-то и обнаружилось то, что сначала ускользнуло от моего внимания: верхний ящик правой тумбы был не таким глубоким, как остальные. Я заглянул внутрь и увидел что-то вроде небольшой коробки, прикрепленной снизу к крышке стола.

Это тоже оказалось выдвижным ящиком, маленьким и запертым на замок.

Я поковырялся в замке скрепкой, потом булавкой и уже через минуту выдвинул ящичек с помощью рожка для обуви, который нашел там же, в столе. И обнаружил колоду игральных карт.

То, что было изображено на рубашке верхней карты, буквально сразило меня. Весь покрывшись испариной и едва дыша, я так и застыл — у стола на коленях.

Это был вставший на дыбы белый единорог на зеленом поле, обращенный вправо.

Он был мне до боли знаком, хотя я не мог сказать, где видел его прежде.

Перевернув колоду, я стал рассматривать карты. Некоторые карты были самыми обычными — валеты, дамы с веерами, короли с мечами, скипетрами, кубками. Но некоторые карты были совершенно ни на что не похожи!

Я поставил на место все ящики, стараясь не защелкнуть замок на секретном. Потом продолжил изучение колоды.

Изображения почти как живые: люди на странных картах,

похоже, готовы шагнуть ко мне, прорвав блестящую оболочку. Сами карты холодные, гладкие и приятные на ощупь.

Внезапно я вспомнил, что и у меня когда-то были точно такие же карты. И принялся раскладывать их на столе.

На одной был изображен остроносый смеющийся человечек с коварным и хитрым лицом и целой копной волос соломенного цвета. Костюм человечка напоминал эпоху Возрождения — яркое сочетание оранжевого, красного и коричневого: длинные штаны в обтяжку и тесно прилегающий расшитый дублет. Я узнал его. Это был Рэндом.

Со следующей карты на меня равнодушно смотрел Джулиан. Длинные черные волосы и голубые ко всему безразличные глаза. Он был с ног до головы в белых доспехах — не серебристых и как бы вообще не из металла, но словно покрытых эмалью. Однако я знал, что это очень прочные доспехи, способные выдержать самый мощный удар меча, несмотря на кажущуюся декоративность и явную изысканность. Именно этого человека я когда-то обыграл в его любимую игру, за что он и запустил в меня стаканом с вином. Я хорошо знал его и от всей души ненавидел.

Затем возникло смуглое лицо, черные глаза. Кейн, одет в черный с зеленым отливом атлас. Темная шляпа-треуголка лихо сдвинута на один бок. Длинный зеленый плюмаж спускался ему на спину. Он как бы повернулся ко мне боком, лихо подбоченясь. Носки его сапожек загибались вверх. На поясе висел украшенный изумрудами кинжал. Этот человек вызывал у меня двойственные чувства.

Следующим был Эрик. Красавец, что ни говори. Волосы иссиня-черные, как вороново крыло, борода кудрявая, вечно улыбающийся сочный рот. Обычная кожаная куртка и кожаные штаны, простой плащ и высокие черные сапоги. На широкой красной портупее серебристая сабля, рукоять которой украшена крупным рубином. Капюшон плаща и обшлага куртки тоже отделаны красным. Большие пальцы рук заложены за пояс; руки мощные, крупные. Пара черных перчаток заткнута за ремень справа. Именно он — я был в этом уверен — пытался убить меня, подстроив автокатастрофу. Я смотрел на него с некоторым страхом.

Затем возник Бенедикт — высокий, суровый, очень худой, узколицый, но с широкой душой и великим умом. Костюм у

него тоже был оранжево-красно-коричневый, и внешне он напоминал то ли пугало с головой-тыквой и клоком соломы вместо волос, то ли главного героя «Легенды Спящей Долины»[1]. У него были тяжелая крепкая нижняя челюсть, карие глаза и каштановые совершенно прямые волосы. Бенедикт держал под уздцы буланого коня и опирался на копье, украшенное гирляндой цветов. Смеялся он редко. Его я любил.

Когда я открыл следующую карту, сердце мое забилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди.

То был я сам.

Все равно что смотришь в зеркало, когда бреешься. Да, лицо, изображенное на карте, было точно моим: зеленые глаза, черные волосы. Одет в черное с серебром. На плечах плащ, чуть раздуваемый ветром. Черные высокие сапоги, как у Эрика. Клинок на боку, только потяжелее и не такой длинный, как у него. На руках — латные перчатки, отливающие серебром. Пряжка под горлом в виде серебряной розы.

Это был я, Корвин.

А со следующей карты на меня смотрел могучий и властный мужчина. Мы с ним были очень похожи, только челюсти у него казались, пожалуй, более мощными и тяжелыми, да и сам он был крупнее меня, зато — я точно знал это — гораздо медлительнее. Силищей он обладал поистине сказочной. В своей серой с синим мантии, перехваченной в талии широким черным поясом, мужчина стоял и смеялся. На груди у него покоился на крепкой серебряной цепи охотничий рог. Лицо обрамлено короткой бородкой, над верхней губой небольшие усы. В правой руке — кубок вина. Внезапно какие-то добрые чувства проснулись во мне, и тут же в памяти всплыло его имя: Джерард.

Потом появилось изображение ярко-рыжего, словно в огненной короне, человека, одетого в красные и оранжевые шелка. В правой руке он держал меч, в левой — кубок. В глазах, той же синевы, что у Флоры и Эрика, плясали черти. Тонкий подбородок, борода. Меч украшен золотой насечкой. На правой руке — два массивных перстня и еще один на левой:

[1] «Легенда Спящей Долины» — рассказ классика американской литературы Вашингтона Ирвинга (1783—1859), романтика, основателя жанра рассказа в американской прозе.

соответственно с изумрудом, рубином и сапфиром. Это и был Блейз.

А потом возник еще один, похожий на Блейза и на меня. Черты лица — почти как у меня, только помельче, а глаза и волосы, как у Блейза. Безбородый. В зеленом костюме для верховой езды. Он сидел на белом коне, причем конь на карте смотрел вправо. В этом человеке одновременно чувствовались и сила, и слабость; предприимчивость и полная отрешенность от мира. Он и нравился, и не нравился мне, чем-то привлекая и отталкивая. Звали его Брэнд. Я вспомнил это, лишь только взглянул на него.

Итак, я знал их всех, помнил их сильные и слабые стороны, их победы и поражения.

Потому что все это были мои братья.

Я вытащил из Флориной сигаретницы сигарету и закурил. Потом откинулся на спинку кресла и стал размышлять о том, что успел вспомнить.

Да, это были мои братья — все восемь странных людей, одетых в странные костюмы. Но я понимал, что именно так они и должны быть одеты, равно как и сам я должен носить черное с серебром.

Мне вдруг стало смешно: я понял, во что одет, что именно я купил в первом попавшемся магазинчике, когда сбежал из «Гринвуда». На мне были черные брюки, а все три купленные мною рубашки были серебристо-серого цвета. Пиджак тоже был черным.

Я опять взял карты в руки. И передо мной появилась Флора в платье цвета морской волны, в том самом, в каком вспомнилась мне накануне. Следующая картинка изображала черноволосую девушку с голубыми глазами — как у Флоры. Ее длинные волосы свисали ниже пояса, она была в черном платье, на талии — серебряный поясок. Мои глаза вдруг наполнились слезами, сам не знаю почему. Имя ее было Дейрдре.

Потом последовала Фиона; волосы в точности как у Блейза или Брэнда, а глаза мои. Кожа жемчужно-белая. И сразу же во мне вспыхнула ненависть.

Я быстро перевернул следующую карту, и там была Ллевелла с зеленоватыми нефритовыми волосами и глазами, в мерцающем серо-зеленом платье, перетянутом лиловым по-

ясом. Глаза ее были влажны от слез, и выглядела она какой-то мокрой и печальной. Почему-то я был уверен, что она совсем иная, чем мы, но тоже моя сестра.

Я ощутил вдруг ужасную тоску, оторванность ото всех этих людей. С другой стороны, мне явственно казалось, что они где-то рядом.

Карты были очень холодными, кончики пальцев у меня совсем заледенели. Я положил карты на стол, впрочем, не очень охотно. Мне почему-то не хотелось выпускать их из рук.

Но рассматривать в колоде больше было нечего. Остальные карты оказались обычными. И еще я чувствовал — снова не в силах понять, откуда взялось это ощущение, — что нескольких карт тут не хватает. Но я в жизни не ответил бы на вопрос, каких именно. И что на них изображено.

От этого мне почему-то стало совсем грустно. Я снова закурил и задумался.

Почему я сразу же вспомнил этих людей, едва открыв карты? И почему я совершенно не мог вспомнить ничего, с ними связанного? Теперь я знал куда больше, чем утром, но все это были лишь имена и лица. И практически ничего больше.

Я не мог, например, понять, зачем все мы изображены на игральных картах. Однако мне страшно хотелось иметь точно такую же колоду. Если взять Флорину, она сразу же узнает о пропаже и у меня будут неприятности. Поэтому я снова положил карты в секретный ящичек и запер его.

Господи, как я после этого пытался растормошить свою память! Но, увы, безрезультатно.

Пока не вспомнил странное, волшебное слово.

Амбер!

Вчера вечером, услышав это название, я был поражен в самое сердце. Мне было так больно, что потом я старался даже не вспоминать об этом. Теперь же слово «Амбер» манило меня, и я решил выяснить, какие ассоциации оно может вызвать.

Прежде всего я почувствовал страшную тоску, даже ностальгию. Где-то в самой глубине этого слова — «Амбер» — таилась некая неизъяснимая прелесть; оно вызывало смутные воспоминания о власти и победах: власти почти неограниченной, победах громких и славных. И еще — слово это явно

было для меня привычным, часто произносимым. Я как бы являлся его частью, и, с другой стороны, оно тоже было частью меня самого. Я уже понял, что это название какой-то страны, которую я хорошо знал когда-то. Я чувствовал сильное волнение, однако в памяти не возникало никаких картин.

Сколько я так просидел, не помню. Время как будто остановилось, растворилось в моих воспоминаниях.

Из глубокой задумчивости меня вывел легкий стук в дверь. Потом дверная ручка медленно повернулась, и в библиотеку вошла горничная Кармела. Ее интересовало, не проголодался ли я.

Мысль была здравая, и я, проследовав за девушкой на кухню, с удовольствием съел половину цыпленка и выпил большую кружку молока. Кофе я прихватил с собой в библиотеку и уже наливал себе вторую чашку, когда зазвонил телефон.

Мне страшно хотелось самому снять трубку, но потом я решил, что в доме есть параллельные аппараты и, по всей вероятности, ответить лучше Кармеле.

Но телефон продолжал звонить. И я не выдержал.

— Алло, — сказал я, — резиденция миссис Фломель.

— Будьте любезны, попросите ее к телефону.

Это был мужчина. Он говорил быстро и, похоже, нервничал. Дышал с трудом, словно запыхался. К тому же в трубке слышались еще какие-то неясные звуки, шорохи и голоса. Мужчина явно звонил издалека, из другого города.

— К сожалению, ее нет дома, — ответил я. — Ей что-нибудь передать?

— А с кем я имею честь говорить? — спросил он.

Я некоторое время колебался. Но потом все же ответил:

— С Корвином.

— Боже мой! — воскликнул он и вдруг надолго умолк.

Я уж было решил, что он повесил трубку.

— Алло, алло. — Я даже подул в трубку.

Тогда он заговорил вновь:

— Она жива?

— Конечно, жива! Какого черта! Кто это говорит?

— Ты что, не узнаешь меня, Корвин? Я — Рэндом! Слушай, я сейчас в Калифорнии. У меня тут неприятности. Я хотел попросить Флору приютить меня. Ты что, тоже у нее поселился?

— Временно.

— Понятно. Так я могу рассчитывать на твою помощь и защиту, Корвин? — Он еще помолчал и прибавил: — Пожалуйста.

— Разумеется, я постараюсь, — ответил я. — Но я же не могу решать за Флору, даже не посоветовавшись с нею.

— Так ты за меня заступишься в случае чего?

— Да.

— Тогда ладно. Прямо сейчас попытаюсь вылететь в Нью-Йорк. Добираться, видимо, буду кружным путем, не представляю, сколько это займет времени. Встретимся, если смогу уйти от них. Пока. Пожелай мне удачи.

— Желаю удачи, — ответил я.

В трубке щелкнуло, и снова послышались шорохи и отдаленные голоса.

Итак, нахальный малыш Рэндом попал в беду. Раньше, уверен, меня бы это вряд ли тронуло. Но теперь он мог стать ключом к моему прошлому, да и к будущему тоже. Что ж, попытаюсь помочь ему чем смогу, пока не узнаю от него все, что мне нужно. Я уже понял, что между нами не было особенно теплой, братской любви. Но я также знал, что он отнюдь не дурак, никому не прислуживает, весьма находчив и умен, хоть и склонен порой к сентиментальности по самым неожиданным поводам. С другой стороны, слово его гроша ломаного не стоило, и вообще он готов был продать кого угодно и кому угодно, лишь бы цена была подходящая.

Теперь я уже достаточно хорошо вспомнил его, этого маленького негодяя. Хотя было у меня к нему и какое-то теплое чувство, может, в связи с прошлыми временами, когда мы еще дружили. Но доверять ему?! Никогда! Я решил ничего не говорить Флоре, пока Рэндом не явится сам. Он мог сыграть в моей игре роль припрятанного в рукаве туза. Или хотя бы валета.

Я налил себе еще кофе и, медленно прихлебывая, размышлял.

Интересно, от кого он бежит?

Явно не от Эрика, иначе он не стал бы звонить Флоре. И почему это он спросил, жива ли еще Флора? Не потому ли, что я оказался в ее доме? Неужели она действительно настолько предана Эрику, моему брату, которого я ненавидел, что все

в семье уверены: я непременно и ее убью, если такая возможность представится? Это казалось весьма странным, но ведь вопрос-то он задал!

Против кого же они заключили союз? Откуда взялась ненависть, это всеобщее противостояние? И почему, от кого Рэндом должен был бежать?

Амбер!

Вот где ответ на все вопросы.

Амбер. Ключ ко всем загадкам. Это я теперь знал точно. Тайна всей неразберихи заключена в Амбере. В каком-то событии, совсем недавно случившемся там, насколько можно судить. Надо быть начеку. Надо притвориться, что мне все известно, и по крупицам, исподволь вытягивать информацию из всех, кто ею обладает. Между нами и так сплошное недоверие, так что опасаться нечего. Надо сыграть именно на этом. А когда я получу все, что мне нужно, добьюсь всего, чего хочу, уж я не забуду тех, кто помог мне, и разделаюсь с остальными. Ведь именно таковы законы нашей семьи; теперь я знал это, так же как и то, что я — истинный сын своего отца.

Внезапно вернулась жуткая головная боль, в висках застучало. Надо полагать, в связи с тем, что я вспомнил об отце. Именно это воспоминание, какая-то догадка... Но я так и не был уверен до конца.

Через некоторое время боль в висках унялась, и я уснул — прямо там, в кресле. Проснулся же оттого, что кто-то вошел. За окном снова царила ночь, а на пороге стояла Флора.

Она была в шелковой зеленой блузке и длинной шерстяной юбке. Серой. В спортивных туфлях без каблуков и толстых чулках. Волосы были скручены в узел на затылке, и выглядела она довольно бледной. На груди, как всегда, болтался свисток для собак.

— Добрый вечер, — сказал я, вставая.

Она не ответила. Молча подошла к бару, плеснула в стакан ирландского виски и по-мужски выпила одним глотком. Потом налила еще, взяла стакан и устало опустилась в большое кресло.

Я закурил сигарету и передал ей. Она кивком поблагодарила меня, затем сказала:

— Добраться до Амбера слишком трудно.

— Почему?

Флора с удивлением подняла на меня глаза.

— Ты когда в последний раз пытался туда попасть?

Я пожал плечами:

— Не помню...

— Что ж, ладно. А я уж подумала, не твоих ли это рук дело.

Я не ответил, потому что не понимал, о чем она говорит. Но тут вдруг вспомнил, что существует и более легкий путь в Амбер, чем та дорога. Флора, очевидно, этого пути не знала.

— В твоей колоде не хватает нескольких карт, — вдруг сказал я почти совсем спокойно.

Она вскочила. Виски из стакана выплеснулось ей на руку.

— Отдай! — закричала она, хватаясь за свисток.

Я подошел к ней и взял за плечи.

— У меня их нет. Это просто констатация факта.

Флора несколько расслабилась, а потом вдруг заплакала. Я слегка подтолкнул ее к креслу и опустил в него.

— Я решила, что ты взял те, что у меня оставались, — пробормотала она. — Вечно ты всякие гадости говоришь!

Я не стал извиняться. Это показалось мне неуместным.

— Тебе далеко удалось пройти?

— Вовсе нет.

Флора рассмеялась, и в глазах ее вспыхнул какой-то новый огонек.

— Теперь я поняла, чего ты добился, Корвин, — сказала она, и мне пришлось закурить, чтобы только не отвечать. — Кое-что из того, что мне попалось на дороге, это ведь твоя работа, не так ли? Прежде чем явиться сюда, ты перекрыл мне путь в Амбер, так ведь? Ты знал, что я пойду к Эрику. А теперь я не могу к нему пробраться. И мне придется ждать, пока он не явится сюда. Ты ведь этого хочешь, да? Хочешь заманить его? Только сам он не придет! Он пришлет гонца.

В голосе ее было странное восхищение. Она что, признавалась в том, что хотела выдать меня моим врагам? И в том, что все равно выдаст, когда представится такая возможность? Да еще упрекала меня в том, что я якобы чем-то помешал ей осуществить задуманное? Поразительно, как спокойно она признавалась в собственных дьявольских кознях, глядя мне прямо в глаза, мне, своей предполагаемой жертве...

Ответ выплыл внезапно из темных глубин моей памяти: так всегда ведут себя члены нашей семьи. Нам нет нужды щадить друг друга и что-то скрывать. И все же мне показалось, что Флоре не хватает настоящего профессионализма.

— Ты, видно, считаешь меня дураком? — спросил я. — Неужели ты думаешь, что я приехал сюда специально для того, чтобы подождать, пока ты выдашь меня Эрику? Что бы тебе ни встретилось на дороге, так тебе и надо.

— Ну ладно, хорошо. Да, мы с тобой враги. Но ведь и ты тоже в изгнании. Значит, и ты где-то умудрился свалять дурака!

Ее слова обожгли меня, словно удар хлыста, но я был уверен, что она не права.

— Черта с два! — ответил я.

Флора опять рассмеялась.

— Так я и знала, что ты не смолчишь! — удовлетворенно сказала она. — Хорошо. Значит, ты действительно побывал в Царстве Теней с какой-то определенной целью. Нет, все-таки ты совершенно сумасшедший.

Я пожал плечами.

— Так чего же ты от меня хочешь? — спросила она. — Зачем ты явился сюда?

— Мне просто интересно было узнать, на что ты способна, — ответил я. — Вот и все. Ты ведь не сможешь меня удержать, если я соберусь уехать. Даже Эрик не сможет этого сделать. А вдруг мне просто захотелось повидать тебя? Может быть, я к старости становлюсь сентиментальным. В любом случае я немножко поживу у тебя, а потом, вероятно, навсегда исчезну. Если бы ты не была столь прыткой и не пыталась строить против меня козни, то извлекла бы для себя куда больше пользы. Ты же просила не забывать тебя, если однажды кое-что все же случится...

Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы до нее наконец дошло.

— Ты все же хочешь попытаться! — наконец выговорила она изумленно. — Ты действительно намерен попробовать!

— Да, черт возьми, намерен! — ответил я, совершенно в этом уверенный, что бы это намерение ни означало. — Можешь сообщить Эрику, если хочешь. Но помни: я ведь могу и добиться своего! И еще запомни: если я своего добьюсь, для тебя же лучше будет оказаться на моей стороне!

Да, хотелось бы мне узнать, о чем мы, черт побери, гово-

рим! Но я уже вполне достаточно запомнил всяких слов и понимал, насколько важен их смысл, так что пользовался ими по своему усмотрению, не задумываясь, что именно они означают. Однако чувствовал: все, что я говорю, правильно, совершенно правильно.

Неожиданно Флора прильнула ко мне:

— Я не скажу ему. Правда, не скажу, Корвин! Мне кажется, ты сможешь своего добиться. Будет трудновато с Блейзом, но Джерард, наверное, тебе поможет. И Бенедикт тоже. А тогда и Кейн к вам переметнется — когда увидит, что происходит.

— Планы я и сам строить умею, — сказал я.

Она сразу отстранилась, отодвинулась. Налила вина в два бокала, протянула один мне.

— За будущее! — Флора подняла бокал.

— Я всегда пью за это.

И мы выпили.

Потом она снова наполнила мой бокал и внимательно посмотрела мне в глаза.

— Либо Эрик, либо Блейз, либо ты. Только вы трое способны на это. Но ты же сам вышел из игры, и так давно, что я почти сбросила тебя со счетов.

— Это лишний раз доказывает: ничего нельзя знать заранее.

Я отпил вина, надеясь, что сестрица наконец заткнется, хотя бы на минуту. Мне показалось, что она уж слишком очевидно пытается подыгрывать и нашим и вашим. Что-то в этом мне очень не нравилось, и я бы хотел немного подумать.

Интересно, сколько мне лет?

Это, я уверен, было в большой степени связано с тем чувством, которое я испытывал, рассматривая карты, — с чувством тоски и оторванности от людей, на них изображенных. Я был значительно старше, чем выглядел. На вид мне лет тридцать; во всяком случае, когда я смотрел в зеркало, мне так казалось. Но теперь-то я понимал, что Тени всегда лгут. Я был много-много старше. И уже очень давно не видел всех своих братьев и сестер вместе — мы тогда еще были друзьями и жили бок о бок, как карты в одной колоде, и между нами не было ни отчужденности, ни вражды...

У входной двери прозвенел звонок, и Кармела пошла открывать.

— Видимо, наш братец Рэндом, — сказал я, совершенно уверенный, что это именно он. — Я обещал ему свое покровительство.

Глаза Флоры широко раскрылись, но потом она улыбнулась, как бы высоко оценив мой гениальный маневр.

Я, впрочем, вовсе не был уверен в его гениальности, хотя обрадовался, что она считает именно так.

Так-то оно лучше.

Глава 4

Лучше мне стало минуты на три от силы.

Я обогнал Кармелу и быстро распахнул дверь.

Он ввалился внутрь, с силой захлопнув дверь за собой и задвинув засов. Под ясными глазами у него чернели круги, а одет он был вовсе не в расшитый дублет. И побриться явно не успел. На нем был коричневый шерстяной костюм, на ногах — темные замшевые туфли. Плащ небрежно перекинут через плечо. Но передо мной стоял действительно Рэндом, тот самый Рэндом, которого я видел на одной из карт. Только в уголках смеющихся губ сейчас притаилась усталость, а под ногтями был траур.

— Корвин! — воскликнул он и обнял меня.

Я сжал его за плечи.

— Ну и видок у тебя! Выпить хочешь?

— Да, да, да!.. — ответил он, и я подтолкнул его по направлению к библиотеке.

Через несколько минут он уже сидел в кресле, держа стакан с виски в одной руке, а сигарету в другой.

— За мной гонятся, — сообщил Рэндом. — И скоро будут здесь.

Флора вскрикнула, но мы не обратили на это никакого внимания.

— Кто? — спросил я.

— Обитатели Царства Теней, — ответил он. — Не знаю, какие они и кто их послал. Их четверо или пятеро. А может, и

шестеро. Они летели в одном самолете со мной. Подсели, кажется, в Денвере. Я пытался сбить их со следа, да не вышло. А мне не хотелось слишком сильно отклоняться от маршрута. В Манхэттене я, кажется, все-таки оторвался от них. Но это ненадолго. Думаю, они скоро заявятся сюда.

— И ты совершенно не представляешь, кто их послал?

Он только улыбнулся:

— Ну, полагаю, непременно кто-то из наших. Может быть, Блейз. Или Джулиан. А может, Кейн. Впрочем, может быть, и ты — чтобы завлечь меня сюда. Надеюсь, однако, что это не ты. Или все-таки ты?

— К сожалению, не я, — сказал я. — Ну и что, ребята серьезные?

Рэндом пожал плечами:

— Двоих-троих я бы загнал в ловушку. Но их оказалось многовато.

Он был небольшого роста, что-нибудь мне до плеча. Да и весил, пожалуй, не больше килограммов шестидесяти. Но о возможной схватке говорил вполне уверенно. Я вдруг подумал: интересно, а на что способен я, его брат? Я чувствовал себя полным сил и знал, что с готовностью встречусь в честном поединке с любым противником. Но насколько в действительности я силен?

И тут я понял, что очень скоро получу возможность узнать это.

В дверь постучали.

— Что будем делать? — спросила Флора.

Рэндом засмеялся, развязал галстук, снял его и бросил поверх плаща, лежащего на столе. Потом снял пиджак и огляделся по сторонам. Заметив висевшую на стене саблю, он тут же бросился к ней, и через секунду сабля была у него в руке.

Я достал пистолет и спустил предохранитель.

— Что делать? — переспросил Рэндом. — Скорее всего дверь они высадят. И, стало быть, войдут в дом. Когда ты в последний раз участвовала в битве, сестрица?

— Очень давно, — ответила Флора.

— Тогда поскорее вспоминай все, чему тебя когда-то учили, — заявил он. — Они скоро будут здесь. Их кто-то навел, я уверен. Однако нас все-таки трое, а врагов всего в два раза больше. Беспокоиться не о чем.

— Но мы же не знаем, что они из себя представляют, — сказала Флора.

В дверь опять постучали.

— А какое это имеет значение?

— Никакого, — сказал я. — Может быть, мне просто открыть им?

Они оба вдруг побледнели.

— Наверное, лучше все-таки подождать...

— Можно попытаться вызвать полицию, — предложил я.

Они рассмеялись — почти истерически.

— Или Эрика, — сказал я и взглянул на Флору.

Она покачала головой:

— У нас на это просто нет времени. Карта, конечно, у меня, но пока он ответит на вызов... если вообще ответит... Тогда уже будет поздно.

— А ведь их мог послать и он, — сказал Рэндом.

— Сомневаюсь, — ответила Флора. — Это не в его стиле.

— Верно, — кивнул я, просто чтобы дать им понять, что тоже вполне в курсе событий. — А как насчет Кармелы? — спросил я, только что вспомнив о девушке.

Флора покачала головой:

— Мне кажется, ей лучше не подходить к двери.

— Но ты же не знаешь, кто там, — сказал Рэндом и быстро выскочил из библиотеки. Я бросился за ним, и мы влетели в холл как раз вовремя, чтобы не дать Кармеле открыть дверь.

Мы велели ей идти к себе и покрепче запереться.

— Противник, кажется, сильный, — сказал Рэндом. — Во что это мы влипли, Корвин?

Я пожал плечами:

— Если бы я знал! Ну, по крайней мере, пока мы заодно. Отойди-ка!

И я отпер дверь.

Первый попытался отшвырнуть меня в сторону, и я ударом отбросил его назад.

Их было шестеро, теперь я разглядел как следует.

— Что вам нужно? — спросил я.

Но мне никто не ответил. На меня смотрели дула пистолетов. Я нырнул вбок, захлопнул дверь и задвинул засов.

— Так, это действительно они, — сказал я. — Но кто докажет, что это не твои штучки?

— Никто, — ответил Рэндом. — Лучше бы это действительно были мои штучки. Крутые парни.

С этим трудно было не согласиться. Парни там, снаружи, действительно были крутые. Мощные, здоровые, шляпы надвинуты на глаза, так что лиц не разглядеть.

— Хотелось бы мне все же знать, во что это мы влипли, — пробормотал Рэндом.

Внезапно у меня в ушах возникло очень неприятное ощущение. Я понял, что Флора подала сигнал своим собакам.

Услышав звон разбитого окна где-то в правой части дома, я совершенно не удивился последовавшему за этим страшному лаю и рычанию.

— Она позвала собак, — пояснил я. — У нее их шесть. Жуткие твари. Между прочим, они и на нас могут напасть — при определенных обстоятельствах.

Рэндом кивнул, и мы оба побежали туда, откуда раздался звон битого стекла.

Когда мы ворвались в гостиную, двое уже влезли внутрь. С пистолетами наготове. Я уложил первого и, падая, успел выстрелить по второму. Рэндом, размахивая саблей, перепрыгнул через меня, и я увидел, как голова второго слетела с плеч.

Заметив, что через подоконник перелезают еще двое, я стрелял по ним, пока не опустела обойма. В ушах звенело от рычания Флориных псов и треска выстрелов.

Трое нападавших уже лежали на полу без движения. Рядом — три собаки. Отлично. Полдела сделано! И когда в окно полезли остальные, я убил следующего мерзавца таким способом, что удивился сам.

Не задумываясь ни на секунду, я схватил огромное тяжелое кресло и швырнул его через всю комнату. Пролетев метров десять, оно попало в одного из этих типов и сломало ему хребет.

Остались двое, но, прежде чем я успел до них добраться, Рэндом уже ранил одного своей саблей и, предоставив собакам довести дело до конца, повернулся к последнему и сбил его с ног.

Тот успел еще застрелить одного из псов, но больше уже не успел ничего: Рэндом его задушил.

В результате схватки две собаки были убиты и еще одна

тяжело ранена. Рэндом добил ее ударом сабли, и мы обратили свое внимание на поверженных врагов.

Выглядели они как-то странно.

Тут вошла Флора, которая помогла нам разобраться, в чем дело.

Во-первых, у всех шестерых были страшные, налитые кровью глаза, совершенно красные. Похоже, впрочем, что для них это нормально.

Во-вторых, каждый палец у них был на один сустав длиннее, чем у обычного человека, а на тыльной стороне ладони торчал острый, загибающийся шип, похожий на шпору.

У всех были тяжелые, мощные челюсти, а когда я открыл одному из них рот, то насчитал целых сорок четыре зуба, причем значительно крупнее, чем обычные, человеческие, и, похоже, гораздо острее. Кожа у них была сероватой, толстой и блестящей.

Существовали, несомненно, и другие отличия, но и этих хватило, чтобы подтвердить наши подозрения.

Мы подобрали их оружие, и я стал рассматривать три небольших плоских пистолета.

— Типы, несомненно, из Царства Теней, — сказал Рэндом. Я кивнул. — А мне здорово повезло, — продолжал он. — Они, видно, никак не ожидали, что у меня подоспеет подкрепление — да еще какое! Героический братец и полтонны злющих собак!

Он подошел к разбитому окну и выглянул наружу. Я не стал ему мешать.

— Никого, — сказал Рэндом через некоторое время. — Со всеми разделались.

Он задернул тяжелые оранжевые портьеры, затем пододвинул к окну несколько высоких шкафов. Пока он этим занимался, я осмотрел карманы убитых.

Меня нисколько не удивило, что я не обнаружил в них даже намека на документы.

— Пошли в библиотеку, — сказал Рэндом. — У меня там выпивка осталась.

Прежде чем усесться обратно в кресло, он тщательно вытер саблю и снова повесил ее на стену. Тем временем я налил Флоре.

— Итак, кажется, я пока в безопасности, — заявил Рэндом. — Во всяком случае, мы здесь втроем. Пока.

— Кажется, так, — согласилась Флора.

— Господи, я же со вчерашнего дня не ел! — заявил он.

И Флора пошла сообщить Кармеле, что уже можно выйти и следует принести побольше еды в библиотеку.

Едва за ней закрылась дверь, Рэндом повернулся ко мне и спросил:

— Слушай, а как ты умудрился с ней поладить?

— С Флорой надо быть настороже, вот и все.

— Она все еще на стороне Эрика?

— Насколько я знаю, да.

— В таком случае что ты-то здесь делаешь?

— Я пытался заманить Эрика сюда, чтобы он сам попробовал за мной поохотиться. Он ведь понимает, что это единственный способ до меня добраться. Вот я и хотел узнать, как сильно ему этого хочется.

Рэндом покачал головой:

— Не думаю, что у тебя получится. Шансов почти никаких. Пока ты здесь, а он там, зачем ему совать голову в петлю? У него сейчас более выгодное положение. Так что, если он тебе нужен, тебе придется самому отправиться туда, к нему.

— Я тоже почти пришел к такому заключению.

Его глаза сразу вспыхнули, и на лице появилась прежняя улыбка. Рэндом провел рукой по своим соломенным волосам, не сводя с меня глаз.

— А ты собираешься это предпринять? — спросил он.

— Может быть, — ответил я.

— Да какое «может быть», братец! У тебя это прямо на лбу написано. И знаешь, я почти готов за тобой последовать. На свете больше всего мне нравятся женщины и меньше всего — Эрик.

Я закурил, обдумывая его слова.

— Думаешь? — сказал он. — Не уверен, можно ли доверять этому Рэндому? Он ведь такой трус и подлец, да и имя ему вполне соответствует[1]. При первой же возможности продаст, если ему предложат более выгодную сделку. Так?

Я кивнул.

[1] Рэндом (*англ.* random) — случайный, беспорядочный, шальной.

— Тем не менее, братец Корвин, вспомни-ка: хоть я тебе никогда особенно добра и не делал, но и зла особого тоже не причинял. Ну, всякие там шуточки не в счет. Но в целом, можно сказать, мы с тобой ладили — уж получше всех остальных в нашей семейке. То есть поперек дороги друг другу не становились. Вот о чем подумай. По-моему, кто-то уже идет, Флора или ее горничная, так что давай сменим тему. Погоди! Вряд ли у тебя с собой колода наших любимых семейных карт, а?

Я покачал головой.

Вошла Флора и провозгласила:

— Кармела сейчас принесет ужин.

Мы выпили за это, и Рэндом подмигнул мне у Флоры за спиной.

На следующее утро тела из гостиной исчезли; пятен крови на ковре как не бывало; стекло в окне целехонько. Рэндом объяснил, что «обо всем позаботился», и я посчитал за лучшее не расспрашивать его о подробностях.

Мы одолжили у Флоры ее «Мерседес» и поехали прокатиться. Окрестности, как мне показалось, странным образом изменились. Я, правда, не смог бы с уверенностью сказать, что именно исчезло или появилось нового, но, так или иначе, все выглядело иным. Однако от попытки логически это обосновать у меня снова разболелась голова, и я решил оставить решение сей сложной задачи до лучших времен.

Я вел машину, а Рэндом сидел рядом. И вскользь я заметил, что было бы здорово вновь оказаться в Амбере, — хотелось посмотреть, как он отреагирует.

— Никак не пойму, — откликнулся Рэндом, — то ли ты явился сюда только ради мести, то ли ради чего-то поважнее. — Словно бросил мяч мне обратно — лови! — заставляя ответить меня самого.

Я и ответил. Использовал давно прибереженную фразу:

— Ты знаешь, я и сам все раздумываю — каковы мои шансы. По-моему, все-таки стоит попробовать.

Рэндом резко повернулся ко мне — до того он был полностью поглощен видом за окном — и с жаром проговорил:

— А по-моему, нам всем просто не дают покоя собственные амбиции, надежда на возможную победу... мне уж, во вся-

ком случае, точно! Хотя сам я, пожалуй, слишком рано вышел из игры. Но я... мне кажется, попытаться все же стоит. Ты ведь хочешь узнать — я правильно тебя понял? — стану ли я помогать тебе? Да, стану. Причем исключительно назло остальным. — Он помолчал и прибавил: — А как ты считаешь, Флора сможет чем-нибудь посодействовать нам?

— Весьма сомнительно, — сказал я. — Она бы, может, и перешла на нашу сторону, если бы знала наверняка. Но что можно сказать наверняка в теперешней ситуации?

— А в какой можно? — прибавил Рэндом.

— Да, ты прав, — согласился я. Пусть думает, что ответ его меня устраивает.

Я опасался слишком доверяться ему, прежде всего говорить о состоянии своей памяти. И еще не до конца поверил ему вообще. Но мне столько необходимо было узнать, а обратиться было совершенно не к кому. Я некоторое время обдумывал сложившуюся ситуацию.

— Ну хорошо, а когда, по-твоему, лучше начать? — спросил я.

— Когда ты будешь готов.

Ну вот, теперь все уперлось в меня, а я понятия не имел, что предпринять.

— Так, может, прямо сейчас начнем?

Рэндом промолчал. Закурил — по-моему, чтобы выиграть время.

Я тоже закурил.

— Ладно, — произнес он наконец. — Ты когда в последний раз был там?

— Ужасно давно! — сообщил я. — Так давно, что не уверен, что смогу найти дорогу.

— Понятно, — сказал он. — В таком случае сначала нужно уехать подальше — чтобы возврата не было. Сколько у нас бензина?

— Три четверти бака.

— Тогда на следующем перекрестке сверни налево. А там посмотрим!

Я свернул налево, и тротуары по обе стороны шоссе начали странно посверкивать.

— Проклятие! — воскликнул Рэндом. — В последний раз

я был здесь лет двадцать назад, по крайней мере. Что-то больно хорошо я все помню!

Мы ехали и ехали, и я не успевал поражаться тому, что, черт побери, творилось вокруг. Небеса постепенно приобрели зеленоватый оттенок, потом внезапно порозовели.

Я прикусил язык: страшно хотелось снова начать расспрашивать Рэндома.

Мы проехали под мостом, а когда вынырнули с другой его стороны, небо вновь приобрело свой нормальный оттенок, зато, куда ни глянь, повсюду торчали желтые ветряные мельницы.

— Не обращай внимания, — быстро сказал мне Рэндом, — могло быть куда хуже.

Я заметил, что встречные одеты, мягко говоря, странновато, а дорога вымощена булыжником.

— Сверни направо.

Я повернул руль.

Багряные облака окутали солнце, потом пошел дождь. Сверкнула молния, разрезав небо пополам. Прямо у нас над головой прогремел гром. «Дворники» на ветровом стекле работали как бешеные и все равно не справлялись. Я включил дальний свет и еще сбавил скорость. И тут — клянусь! — навстречу нам попался рыцарь в сером плаще с низко надвинутым капюшоном, защищающим лицо от дождя.

Наконец ветер несколько разогнал тучи. Мы выехали на берег моря. О прибрежные скалы бились тяжелые валы, над волнами носились невероятно крупные чайки. Дождь прекратился, я выключил фары и остановил «дворники». Теперь мы ехали по грейдеру, но местности я не узнавал вовсе. В зеркале заднего вида не было и намека на город, за пределы которого мы только что выехали. Пальцы мои судорожно стиснули руль: за окном проплыла виселица, ветер раскачивал ужасный скелет повешенного.

Рэндом продолжал себе курить и смотреть в окошко. Дорога повернула прочь от моря: теперь она серпантином поднималась по склону холма. Справа расстилалось широкое, лишенное деревьев поле, а слева громоздилась какая-то горная гряда. Теперь небо над нами было великолепного глубокого синего цвета — словно бездонное озеро с ключевой водой,

скрывающееся в густой тени берегов. Не помню, приходилось ли мне когда-либо раньше видеть небеса такого цвета.

Рэндом приоткрыл окошко, чтобы выбросить окурок, и в машину со свистом ворвался ледяной ветерок, так что окно пришлось снова закрыть. Ветерок принес запахи моря, солоноватые и пряные.

— Все пути ведут в Амбер, — сказал Рэндом тоном, не допускающим возражений. Это явно была некая аксиома.

И тут я вспомнил, о чем позавчера говорила мне Флора. Только сейчас до меня дошло, на что именно она намекала. Но я промолчал: очень не хотелось демонстрировать собственную тупость, однако и важную информацию хранить при себе не стоило, тем более что она явно была важна не только для меня, но и для Рэндома.

— Знаешь, — начал я, — когда ты звонил в первый раз — я тогда еще снял трубку, потому что Флоры не было дома, — я был почти уверен, что она как раз предприняла попытку пробраться в Амбер, но ей это не удалось, потому что путь оказался закрыт.

Он рассмеялся:

— У бедняжки слишком убогое воображение. Разумеется, в такое время путь закрыт! И нам, несомненно, еще придется пробираться пешком. А для того чтобы пройти этот путь, придется не жалеть ни сил, ни изобретательности — если мы вообще сможем его пройти до конца. Неужели Флора считала, что сможет вернуться в Амбер как законная наследница престола? Ступая по брошенным под ноги розам? Дура она все-таки. Ей и жить-то, если уж честно, незачем. Впрочем, это не мне решать... Поверни-ка, пожалуй, на этом перекрестке направо, — сказал он вдруг.

Что же все-таки происходит? Я понимал, что все это — благодаря Рэндому, но не мог определить, как и когда он умудряется осуществить эти перемены и какова его конечная цель. Я знал также, что мне необходимо самому разгадать его тайну, иначе он сразу поймет, что я просто блефую. И тогда уж я полностью окажусь в его власти. Он вроде бы ровным счетом ничего не делал, только курил да смотрел в окошко, однако, вынырнув из очередного распадка, мы вдруг попали в совершенно голубую пустыню, а солнце над головой почему-то приобрело розовый оттенок. В зеркале заднего вида тоже

была бескрайняя, до самого горизонта пустыня. Голубая. Ничего себе штучки.

И тут мотор закашлял, зачихал и заглох совсем.

Руль прямо у меня в руках начал менять свою форму. Он превратился в изящный полумесяц, а сиденье совсем откинулось назад. Сама же машина как бы осела и теперь почти лежала на земле. «Дворники» на лобовом стекле застыли под совершенно загадочным углом.

Я, впрочем, продолжал держать язык за зубами. Даже когда на нас налетел сиреневый смерч.

Но когда смерч пронесся мимо, я просто задохнулся от изумления.

Прямо перед нами была чертова пропасть машин, вплотную стоящих друг за другом. Череда их уходила вдаль как минимум на километр. Машины, застрявшие в гигантской пробке, сигналили на разные голоса. Ни одна не двигалась.

— Сбавь скорость, — велел Рэндом. — Это предупреждение номер один.

Я притормозил, и тут на нас налетел новый смерч.

Я не успел даже включить фары: смерч сразу умчался дальше. Я протер глаза.

Машин как не бывало. Вокруг стояла тишина. Зато дорога теперь сверкала и переливалась, как тротуары тогда в городе, в самом начале пути; я услышал, как Рэндом бормочет под нос проклятия в чей-то адрес.

— Ну конечно! Мы попали именно на ту дорогу, куда он и хотел! Кто бы там ни устроил эту пробку! Черт меня побери — я все понимаю, но как дурак делаю именно то, чего он и ожидает. Главное...

— Эрик? — спросил я на всякий случай.

— Видимо, да. Как ты думаешь, что теперь? Подождать, а потом попробовать другую дорогу, потрудней? Или ехать дальше, до новых препятствий?

— Давай еще немного проедем. В конце концов, мы ведь пока только раз засели.

— Ладно, — сказал Рэндом и прибавил: — Кто его знает, что будет во второй...

Во второй раз было действительно нечто... не знаю уж, как и назвать... Нечто, похожее на гигантскую плавильню с рука-

ми. Оно сидело посреди дороги и своими ручищами загребало машины, пожирая их.

Я вдавил в пол педаль тормоза.

— В чем дело? — обернулся ко мне Рэндом. — Не обращай внимания и поезжай дальше. Иначе ведь все равно не проедешь.

— Признаться, немного растерялся, — сказал я. Он как-то странно, искоса посмотрел на меня, и тут налетел очередной смерч.

Зря, конечно, я это сказал.

Когда пыльное облако миновало, мы вновь оказались на совершенно пустой дороге. Вдалеке виднелись какие-то башни.

— По-моему, я все-таки сбил его с толку, — сказал Рэндом. — Я спутал несколько дорог, и, похоже, теперь мы на той, которую он пока не учитывает. В конце концов, невозможно перекрыть все дороги, ведущие в Амбер.

— Верно, — кивнул я, надеясь хоть как-то реабилитировать себя после той глупости, что вызвала его изумленный взгляд исподтишка.

Я размышлял: а что, собственно, Рэндом из себя представляет? Роста он небольшого, довольно субтильный, по крайней мере с виду. И он с тем же успехом тоже мог погибнуть вчера вечером. В чем же его сила? И что за постоянные разговоры о Царстве Теней? Внутреннее чутье подсказывало мне, что кем бы эти «Тени» ни были, мы и сейчас находимся среди них. А вот почему — каким-то образом зависело от загадочных действий Рэндома; однако он сидел совершенно неподвижно, даже расслабленно, я все время видел его руки, спокойно лежавшие на коленях, и решил, что он делает все с помощью мысленной энергии. Но снова вопрос: как?

Ну хорошо. До меня доносились вообще-то слова типа «прибавить», «разделить» — словно вся Вселенная вокруг нас представляла собой некое большое уравнение. Я решил для себя — причем уверенность в правильности этого решения все крепла, — что Рэндом каким-то образом выделял и дробил некие элементы видимого мира, чтобы мы глубже могли проникнуть в загадочное королевство Амбер.

И я — совершенно определенно! — тоже когда-то обладал этим умением. И когда-то знал все ключи к решению задачи, связанной с Янтарным Королевством.

Когда-то — но не сейчас.

За крутым поворотом пустыня неожиданно кончилась, уступив место полям, покрытым высокой голубой травой с острыми режущими краями. Через некоторое время начали попадаться невысокие холмы, а у подножия третьего холма приличная дорога кончилась и начался грязный узкий проселок. Земля, впрочем, была здесь довольно хорошо утрамбована. Проселочная дорога вилась среди уже довольно высоких холмов; кроме того, стали попадаться заросли невысоких кустарников и мощных сорняков, похожих на чертополох.

По такой местности мы ехали примерно с полчаса, потом холмы кончились и начался лес, состоящий из приземистых толстоствольных деревьев, листья которых по форме напоминали карточные бубны осенних оранжевых и красных оттенков.

Моросил мелкий дождик; со всех сторон нас обступали тени. Густые, видимые глазом испарения поднимались от промокших листьев, устилавших землю густым слоем. Где-то справа послышался жуткий вой.

Руль еще три раза успел поменять форму и в последнем своем воплощении представлял собой нечто вроде деревянного восьмиугольника. Теперь машина стала высокой, точно карета, а крыша ее весьма элегантным образом оказалась украшенной летящими фламинго, неизвестно откуда взявшимися. Я по-прежнему воздерживался от каких бы то ни было комментариев, стараясь приспособиться к бесконечно меняющейся форме сиденья, руля и приборного щитка.

Рэндом, однако, взглянув на загадочной формы руль как раз в тот момент, когда снова раздался вой в лесу, удрученно покачал головой, и внезапно деревья стали гораздо выше; теперь их украшала бахрома из низко свисающих виноградных лоз и что-то вроде голубого испанского мха, похожего на кружевную накидку. Зато машина обрела почти нормальный вид. По счетчику у нас оставалось еще полбака бензина.

— Пока едем дальше, — задумчиво проговорил мой братец, и я только согласно кивнул.

Дорога снова стала значительно шире, на ней появилось бетонное покрытие, с обеих сторон лежали глубокие кюветы, заполненные грязной жижей. На поверхности жижи плавали листья, мелкие ветки, разноцветные птичьи перья...

Голова у меня вдруг стала странно легкой, я почувствовал небольшое головокружение. Рэндом тут же предупредил:

— Спокойно. Дыши глубже. — Хотя я ничего о своих ощущениях сказать не успел. — Мы совершаем прыжок во времени, так что сила тяжести несколько изменится. До сих пор нам поразительно везло! Я хочу, пока возможно, попользоваться этим везением. Следует спешить: может быть, удастся выиграть время.

— Хорошая идея! — одобрил я.

— Может, и так, — пробормотал он. — Но мне кажется, в любом случае рискнуть стоит... Ого! Гляди-ка!

Мы взбирались на холм, и тут с другой невидимой нам стороны на вершину его вылетел грузовик и с грохотом понесся вниз, нам навстречу. Он мчался по встречной полосе прямо нам в лоб. Я резко крутанул рулем, чтобы избежать столкновения, но грузовик тоже резко вильнул. В самый последний момент, чтобы избежать лобового удара, я вынужден был съехать с дороги на мягкую обочину и остановиться у самого краешка глубокого кювета.

Справа от меня с визгом затормозил грузовик. Я попытался вывернуть колеса и выбраться на дорогу, однако мы прочно застряли в рыхлой земле.

Хлопнула дверца грузовика, и я увидел, что из кабины с правой ее стороны вылез шофер — что означало только одно: он-то ехал как раз по своей полосе, а мы — по встречной! Я был уверен, что нигде в Штатах нет левостороннего движения, в отличие от Великобритании, однако только теперь мне стало окончательно ясно, что мы давно уже покинули те земные края, которые я знал.

Это была цистерна. На боку у нее огромными красными буквами было написано: «ЗУНЬОКО», а пониже и помельче — «ездием па всиму свету». Шофер обрушил на меня целый поток брани, едва я успел, выбравшись из машины, начать извиняться. Он был высоким, того же роста, что и я, только очень толстый и похож на пивную бочку; в руке он держал монтировку.

— Послушай, я ведь уже извинился, — сказал я. — Ну что тебе еще от меня надо? Никто ведь не пострадал, машины тоже целы...

— Да таких дерьмовых водил, как ты, и близко к дороге

подпускать нельзя! — завопил он. — Ведь ты, ублюдок, кому хочешь под колеса попадешься!

Тогда из машины вылез Рэндом и сказал:

— Слушай, милок, вали-ка ты своей дорогой! — В руке Рэндом держал пистолет.

— Убери, — быстро сказал я, однако он не послушался и спустил предохранитель.

Наглый хмырь развернулся и бросился бежать; широко раскрытые глаза его побелели от страха, челюсть отвисла.

Рэндом поднял пистолет и аккуратно прицелился прямо в спину бегущего; мне удалось стукнуть его по руке, как раз когда он выстрелил.

Пуля чиркнула по бетонному покрытию и срикошетила назад.

Рэндом резко повернулся ко мне; лицо его было белым как мел.

— Ты, кретин чертов! Одним этим выстрелом можно было поджечь цистерну!

— А еще — пришить этого типа. Ты ведь в него целился?

— Ну и что? Кому какое дело? Все равно мы больше ни разу не сможем проехать по этой дороге еще лет пятьдесят по крайней мере. Ублюдок осмелился оскорбить принца Амбера!.. Я ведь, между прочим, твою честь защищал.

— Свою честь я способен защитить сам, — медленно проговорил я, и душу мою вдруг охватило какое-то холодное ощущение собственного могущества. — Так что мне надлежало решить: убивать его или нет. Если бы я захотел, то сделал бы это. — Я с трудом сдерживал охвативший меня бешеный гнев.

И тут Рэндом виновато опустил голову.

Я услышал, как захлопнулась дверца грузовика, и цистерна ринулась по дороге вниз.

— Прости меня, брат, — сказал Рэндом. — Я бы никогда не осмелился... Но ужасно обидно было слушать, как кто-то из этих разговаривает с тобой таким тоном. Я понимаю: мне, разумеется, следовало подождать, пока ты сам решишь, как с ним поступить. По крайней мере, я должен был сначала посоветоваться с тобой.

— Ладно. Что там говорить. Давай выбираться на дорогу, — сказал я ему. — И поехали дальше, если сможем.

Задние колеса увязли в грязи по самые оси. Я озадаченно смотрел на них. Но тут Рэндом окликнул меня:

— Давай поднимем ее — я за передний бампер, ты за задний — и отнесем на дорогу... а потом на всякий случай поедем все-таки по левой стороне.

Он говорил совершенно серьезно.

Он не предупреждал меня, что сила притяжения здесь меньше, но мне и в голову не приходило, что поднять заднюю часть «Мерседеса» будет настолько легко. С другой стороны, ничего иного мне не оставалось: Рэндом явно именно этого от меня и ожидал; в данном случае провести его было бы невозможно.

Так что я присел на корточки, взялся за бампер и начал потихоньку выпрямлять ноги. Задние колеса с чавканьем вылезли из земли. Машина была — черт побери! — довольно-таки тяжелой, но я вполне мог ее держать, да еще в полметре над землей!

При каждом шаге я погружался сантиметров на пятнадцать в мягкую почву, однако машину нес. И Рэндом тоже на своем конце вполне справлялся.

Мы поставили ее на дорогу, и мышцы лишь чуть-чуть ныли от напряжения. Потом я снял ботинки, вылил из них грязную жижу, вытер изнутри пучком травы, выжал носки, счистил грязь с брюк, швырнул свою обувь под заднее сиденье и босиком залез в машину.

Рэндом тоже быстренько прыгнул на свое сиденье и произнес:

— Слушай, я бы хотел еще разок перед тобой извиниться...

— Да ладно, — сказал я. — Дело прошлое.

— Да, конечно, но мне бы не хотелось, чтобы у тебя оставалась заноза в памяти...

— Не останется, — успокоил я его. — Просто отныне умерь свой пыл, когда речь идет о человеческой жизни. По крайней мере в моем присутствии.

— Хорошо, — пообещал он.

— Тогда поехали. — И мы двинулись дальше.

Сначала мы долго пробирались по узкому, засыпанному камнями ущелью, потом миновали какой-то странный город, который, казалось, целиком был сделан из стекла или чего-то в этом роде; здания там были высокими, узкими и поразительно хрупкими, а люди просвечивали под розовым солнцем так, что отчетливо видны были их внутренние органы и даже остатки пищи, съеденной недавно. Прозрачные люди, толпясь на перекрестках, удивленно смотрели на мчащийся мимо автомобиль, однако ни один не махнул нам вслед рукой и ни один не решился перейти нам дорогу.

— Подданные Карла Великого надолго запомнят это событие, — заявил мой брат.

Я только кивнул.

Затем дорога как таковая кончилась: теперь мы ехали по какому-то бесконечному пласту силикона. Потом пласт стал уже и превратился как бы снова в дорогу, а еще через некоторое время слева и справа от нас появились болота, глубокие, полные коричневой вонючей жижи. Я заметил — клянусь! — как настоящий диплодок высунул из болотной воды голову и уставился прямо на нас. Потом над нами низко пролетел гигантский крылатый ящер с перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями. Небо теперь было ярко-синим, а золотое, цвета опавших листьев солнце светило вовсю.

— У нас осталось меньше четверти бака, — сообщил я.

— Ну ладно, — сказал Рэндом. — Останавливай машину.

Я остановил и стал ждать.

Довольно долго — может быть, минут пять-шесть — брат молчал, потом промолвил:

— Поехали дальше.

Километров через пять мы наткнулись на груду бревен, и я начал ее объезжать. Вдруг прямо посреди завала появилась какая-то дверь, и Рэндом велел мне:

— Останови машину и посигналь.

Я повиновался; вскоре бревенчатые ворота задвигались на своих огромных железных петлях, заскрипели и распахнулись.

— Заезжай, — сказал Рэндом. — Это неопасно.

Я проехал в ворота и слева заметил три красноголовые бензоколонки «Эссо», а за ними — самый обыкновенный маленький домик, какие я бесчисленное множество раз видел на бензозаправочных станциях, но при более, так сказать, ординарных обстоятельствах. Припарковавшись возле одной из бензоколонок, я стал ждать.

Паренек, что вышел из домика, был не выше полутора

метров ростом, однако немыслимо толстый, а нос у него цветом напоминал спелую землянику. В плечах — косая сажень.

— Что вам угодно? — спросил он. — Машину заправить?

Я кивнул и сказал:

— Обычным.

— Подайте чуточку назад, пожалуйста, — попросил он.

Я подал назад и поинтересовался у Рэндома:

— А деньги-то мои здесь годятся?

— А ты на них посмотри, — предложил он мне, и я заглянул в бумажник.

Он был набит какими-то оранжевыми и желтыми бумажками, в уголках — римские цифры и буквы «Д. Р.».

Рэндом, ухмыляясь, наблюдал за мной.

— Видишь, как здорово я обо всем позаботился, — сказал он.

— Да уж. Между прочим, хочется есть.

Мы осмотрелись и обнаружили неподалеку вывеску, с которой знакомый тип, что обычно рекламирует «Жареных цыплят из штата Кентукки», смотрел на нас, окруженный совсем другими животными.

Клубничный Нос слил остатки бензина на землю, повесил шланг обратно, подошел к окошку и заявил:

— Восемь королевских монет.

Я отыскал купюру с пометкой «V.Д.Р.», прибавил еще три с пометкой «I.Д.Р.» и передал ему.

— Спасибо, — сказал он и сунул деньги в карман. — Проверить вам масло и воду?

— Да, пожалуйста.

Парень добавил немножко воды, сообщил, что масло в норме, и слегка протер ветровое стекло грязным лоскутом. Потом махнул нам на прощание рукой и пошел к себе под навес.

Мы доехали до закусочной «Кенни Рой. Жареные ящеры Кентукки» и купили целую корзину еды, да еще упаковку слабого солоноватого пива. Потом умылись в уличном туалете, погудели у бревенчатых ворот, и наконец человек с алебардой на правом плече открыл ворота и выпустил нас.

Мы снова выехали на прежнюю дорогу.

И тут прямо перед нашим носом на шоссе выпрыгнул ти-

ранозавр, подумал немного и побрел по своим делам дальше, куда-то влево. Над головой пролетели еще три птеродактиля.

— Ах, как не хочется расставаться с небесами Амбера! — воскликнул Рэндом. Я не очень-то понял и что-то пробурчал ему в ответ. — Но почему-то мне страшно — вот так, сразу... — продолжал он. — Нас запросто могут на куски разорвать.

— Это уж точно, — согласился я.

— С другой стороны, эти места мне что-то не очень нравятся.

Я кивнул, и мы поехали дальше. Наконец силиконовая равнина осталась позади; теперь нас со всех сторон обступили голые скалы.

— А что ты делаешь сейчас? — осмелился я спросить Рэндома.

— Ну, раз у меня с небесами все получилось, я хочу попробовать добраться и до земли, — ответил он.

Скалы перестали тесниться, между ними появились проплешины. Через некоторое время земли стало значительно больше, а скалы торчали лишь кое-где. Наконец я увидел яркие пятна зелени — сначала лишь отдельные клочки травы, однако необычайно зеленой, изумрудной; во всяком случае на Земле, насколько мне было известно, такая не росла.

Вскоре зелени стало больше.

Появились первые деревья, разбросанные поодиночке вдоль дороги. Потом мы оказались в лесу.

Ах, что это был за лес!

Я никогда в жизни не видел подобных деревьев — мощных, в великолепных, глубокого сочно-зеленого цвета лиственных уборах, с легким золотистым отливом. Деревья высились, точно башни; они, казалось, достигали небес. То были немыслимо огромные сосны, дубы, клены и еще какие-то другие деревья, названий которых я не знал. Их ветви чуть колыхались под легким ветерком, наполняя воздух дивным ароматом. Я сразу ощутил этот аромат, едва приоткрыв окно. И мне тут же захотелось открыть все окна, чтобы ветер вольно гулял по салону автомобиля и можно было полной грудью вдыхать живительный лесной воздух.

— Арденский лес[1], — спокойно сказал тот, кто называл

[1] Арденский лес — лесной район в Центральной Англии, описанный в комедии Шекспира «Как вам это понравится».

себя моим братом; впрочем, я знал, что он именно мой брат, и любил в нем эту спокойную мудрость и отчасти завидовал ему — потому что он все это знал и помнил так хорошо.

— Брат, — произнес я с чувством, — ты прекрасный спутник! Лучший, чем когда-либо у меня был. Благодарю тебя.

Это, похоже, его просто ошеломило. Видимо, до сих пор Рэндом слова доброго от своих родственников не слышал.

— Я стараюсь помочь тебе, — сказал он. — И буду помогать впредь, обещаю!.. Гляди! Вот наше небо и вот наш лес! Это настолько хорошо, что даже как-то не верится! Кроме того, мы миновали больше половины пути и не встретили особых препятствий. По-моему, нам здорово везет. Может, назначишь меня регентом?

— Назначу, — ответил я, хотя понятия не имел, о чем он. Просто мне хотелось наградить его, раз это в моих силах.

Рэндом кивнул и сказал:

— Ты тоже молодец.

Он с детства был жутким пронырой и вечным бунтарем. Мне вспомнилось, что когда-то давно родители пытались приучить его к дисциплине, только это им так и не удалось... И тут до меня дошло, что родители-то у нас с ним общие! А вот с Эриком, Флорой, Кейном, Блейзом и Фионой — нет. Не помню точно, как с остальными, но с теми, кого я вспомнил, это было именно так.

Мы ехали по хорошо утрамбованной, однако покрытой лужами дороге под сводами смыкавшихся в вышине огромных деревьев. Казалось, этой лесной дороге не будет конца. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности. Порой мы вспугивали в зарослях изумленного видом автомобиля оленя или лису, которые потрясенно застывали возле дороги или бросались буквально нам под колеса. Кое-где на земле виднелись следы копыт. Солнечный свет, как бы профильтрованный густой листвой, тонкими косыми лучами пробивался вниз, подобно золотым струнам волшебного индийского ситара. Влажный ветерок приносил запахи леса и зверья. Я четко понимал теперь, что хорошо знаю эти места, что в прошлом много раз проезжал по этой дороге через Арденский лес. Я бывал здесь верхом и пешком, охотился, валялся на спине под сенью этих величественных деревьев, заложив руки за голову и глядя в небо, много раз взбирался по могучим ветвям к самой вершине и любовался оттуда вечно колышущимся зеленым миром...

— Ах, как мне дороги эти места! — вырвалось у меня вслух, и Рэндом тут же откликнулся:

— Да, ты всегда любил этот лес. — В голосе его слышалось что-то похожее на нежность. Впрочем, возможно, мне это только показалось.

Вдруг откуда-то издали донеслись знакомые звуки — охотничий рог.

— Гони быстрее, — проговорил Рэндом торопливо. — Это, похоже, рог Джулиана. Давай жми!

Я нажал на газ.

Рог протрубил снова. Уже ближе.

— Его проклятые псы вполне способны разорвать машину в клочки, а потом его милые «птички» с полным удовольствием выклюют нам глаза! — пробормотал Рэндом. — Терпеть не могу встречаться с Джулианом во время охоты. Впрочем, на кого бы он ни охотился, я уверен, он с удовольствием прервется ради поединка с любимыми братцами.

— Живи и жить давай другим — вот моя точка зрения в настоящий момент, — заметил я.

Рэндом хихикнул:

— Очень свежая мысль! Держу пари: на этой своей позиции ты удержишься от силы минут пять.

Тут рог протрубил снова, значительно ближе, и Рэндом выругался.

Спидометр показывал уже сто сорок километров в час — загадочными руническими символами, — и ехать быстрее по такой дороге было просто опасно.

Снова совсем близко протрубил рог — три раза. Откуда-то слева послышался лай собак.

— Мы уже почти достигли Подлинного Мира, но до Амбера еще далеко, — сказал мой брат. — Пробраться через приграничные районы непросто: если Джулиан действительно охотится на нас, то непременно нагонит — он сам или его Тень.

— Что же нам делать?

— Жми на газ и не теряй надежды. Может быть, он все-таки гонится не за нами.

Рог протрубил теперь уже почти над нашими головами.

— Что за тварь он оседлал, черт побери? Паровоз? — спросил я.

— По-моему, это Моргенштерн, самый быстрый и могучий конь из когда-либо созданных им.

Я как бы мысленно «обкатал» последние слова брата. Удивительно, но Джулиан и вправду создал Моргенштерна, сказал мне мой внутренний голос, создал из Теней, вложил в чудовищного коня силу и скорость урагана, мощность копра.

Я вспомнил, что мне особенно стоит опасаться этого страшилища, и тут увидел его самого.

Моргенштерн был локтей на шесть выше любого другого жеребца, глаза у него отливали тем же янтарным светом, что и у кровожадных веймарских гончих; шкура была абсолютно серая, без единого пятнышка, а копыта — словно из полированной стали. Он, как ветер, промчался мимо, легко обгоняя автомобиль, и в седле его, чуть сгорбившись, сидел Джулиан — точно такой, как на той карте: длинные черные волосы, яркие голубые глаза, с ног до головы в белом.

Джулиан улыбнулся нам и махнул рукой; Моргенштерн тоже приветственно замотал башкой. Его великолепная грива развевалась, как флаг. Ноги на бегу были почти неразличимы.

Я вспомнил, как Джулиан однажды заставил одного из слуг надеть мою поношенную одежду и мучить в ней лошадей. А потом во время охоты моя лошадь попыталась сбросить меня на всем скаку и чуть не затоптала, когда я соскочил на землю у нее перед носом, чтобы снять шкуру с убитого оленя.

Я закрыл окошко, чтобы эта тварь не почуяла моего запаха. Однако Джулиан меня уже разглядел, так что следовало быть наготове. Вокруг вилась целая свора чудовищных гончих псов с гладкими мускулистыми телами и стальными зубами. Псы тоже являлись порождением Царства Теней — ни одна нормальная собака не могла бы бежать с такой скоростью. Правда, мне было хорошо понятно, что слово «нормальный» для этого мира совершенно не годится.

Тут Джулиан подал нам знак, чтобы мы остановились. Я взглянул на Рэндома, тот кивнул.

— Если мы не подчинимся, он просто загонит нас до смерти, — сказал он.

Так что я нажал на тормоз.

Моргенштерн взревел, взвился на дыбы, забив копытами

в воздухе, потом грохнул ими о землю и легко перепрыгнул через машину. Псы собрались вокруг; языки у них свисали до земли, бока ходили ходуном. Чудовищный конь был покрыт странной лоснящейся пленкой: сие означало, видимо, что он вспотел.

— Какая неожиданная встреча! — воскликнул Джулиан. Слова он едва цедил, словно что-то мешало ему выговаривать их, — его обычная манера. И тут гигантский сокол с черно-зеленым оперением, кружившийся над его головой, спустился и сел ему на левое плечо.

— Да, удивительно, не правда ли? — откликнулся я. — Как ты поживаешь?

— О, прекрасно! — решительно ответил он. — Как всегда, прекрасно! А как ты, братец Рэндом?

— Мы оба в добром здравии, — сказал я, а Рэндом скромно кивнул и тихонько заметил:

— По-моему, в это время года ты обычно предавался иным видам спорта.

Джулиан чуть склонил голову и подозрительно посмотрел на него сквозь ветровое стекло.

— Мне просто нравится убивать всяких тварей, — сказал он. — Что касается моих родственников, то о них я думаю постоянно.

У меня по спине пополз легкий озноб.

— От охоты меня отвлек рев вашей машины, — продолжал Джулиан. — Я и не предполагал, что в ней вас окажется двое. По-моему, это не праздная прогулка. А цель у вас вполне определенная. Амбер, не так ли?

— Так, — согласился я. — Однако позволь поинтересоваться, почему сам ты оказался здесь, а не там?

— Эрик поручил мне патрулировать эту дорогу, — ответил он, и рука моя непроизвольно легла на рукоять пистолета, хотя я понимал, что обычной пулей эти белые доспехи не пробьешь. Впрочем, я рассчитывал попасть в Моргенштерна.

— Ну что ж, возлюбленные братья мои, — продолжал Джулиан, улыбаясь, — поздравляю с прибытием в родное королевство и желаю приятного путешествия! Вскоре мы с вами, несомненно, увидимся в Амбере. Всего хорошего. — И он, развернув коня, помчался к лесу.

— Давай-ка поскорей выбираться отсюда к чертовой мате-

ри, — сказал Рэндом. — Он, вполне возможно, приготовит нам ловушку. Или будет еще одна погоня.

С этими словами мой брат вытащил пистолет и положил его на колени.

Я рванул вперед на вполне приличной скорости.

Минут через пять — меня как раз только-только отпустило немного — я снова услышал звуки рога и буквально вдавил педаль газа в пол, понимая, что так или иначе Джулиан нас все равно настигнет. Впрочем, стоило попытаться выиграть как можно больше времени.

Нас швыряло при поворотах, машина ревела, взбираясь на косогоры и пересекая долины. Один раз я чуть не убил оленя, но удачно избежал столкновения, даже не замедлив хода.

Горн звучал все ближе. Рэндом бормотал себе под нос ругательства.

Мне казалось, что этому лесу не будет конца — совсем не радостная мысль в данной ситуации.

И вдруг впереди открылось довольно большое поле, и на относительно ровном участке дороги я умудрился почти минуту выжимать из машины максимум. Похоже, Джулиан со своим горном несколько отстал. Потом дорога вновь начала петлять, и пришлось сбавить скорость. Джулиан опять начал нас нагонять.

Минут через пять я увидел его в зеркальце заднего вида; Моргенштерн грохотал копытами по дороге, свора псов неслась следом с лаем и визгом.

Рэндом открыл боковое окно, подождал с минуту, высунулся и начал стрелять.

— Черт бы побрал эти доспехи! — проговорил он. — Уверен, что по крайней мере два раза попал в него, — и ничего!

— Не хотелось бы, конечно, стрелять в коня, — сказал я, — но все же попытайся попасть в это чудовище.

— Я уже пытался, несколько раз, — ответил Рэндом, швыряя пустой пистолет на пол и доставая другой. — Либо я никудышный стрелок, либо это правда: чтобы убить Моргенштерна, нужны серебряные пули.

Сделав последние шесть выстрелов, он подстрелил шесть собак. Впрочем, там еще дюжины две осталось.

Я протянул ему свой пистолет, и он ранил еще пятерых псов.

— Последнюю обойму я оставлю про запас, — сказал Рэндом. — Специально для Джулиана, когда с небольшого расстояния можно будет попасть ему в голову.

Погоня была уже совсем рядом, Джулиан явно нагонял нас, и я резко нажал на тормоз. Некоторые из псов по инерции понеслись дальше, а Джулиан внезапно исчез, и над головой у нас проплыла темная тень — это Моргенштерн перемахнул через машину. Он моментально развернулся, и, когда лошадь и всадник снова бросились на нас, я нажал на газ, и машина рванула вперед.

Одним фантастическим прыжком Моргенштерн успел отскочить в сторону. В зеркало заднего вида я заметил, как двое псов отшвырнули крыло машины, которое за время нашей краткой остановки успели напрочь оторвать, и бросились за нами вслед. Кое-кто из собак остался лежать на земле, но штук пятнадцать или шестнадцать все еще продолжали погоню.

— Дивное зрелище, — пробормотал Рэндом. — Впрочем, тебе еще повезло, что они не вцепились в колеса. Наверное, никогда раньше не охотились на автомобили.

Я протянул ему последний заряженный пистолет:

— Постарайся подстрелить побольше собак.

Он стрелял очень уверенно и удивительно метко: еще шесть собак остались лежать на дороге.

А Джулиан теперь скакал рядом с машиной, выхватив меч.

Я что было сил нажал на клаксон, надеясь испугать Моргенштерна, однако трюк не удался. Я резко вильнул в их сторону, но проклятый конь взвился на дыбы и отпрыгнул. Рэндом почти лежа выстрелил в мое окно мимо меня, уперев правую руку с пистолетом в левую.

— Погоди пока, — сказал я ему. — Попробую-ка я его сбросить.

— Ты что, сумасшедший? — удивился он, когда я снова резко нажал на тормоз.

Но пистолет все-таки опустил.

Едва мы затормозили, я резко открыл дверцу, выскочил наружу — босым, черт меня побери! — успел присесть, когда Джулиан замахнулся мечом, и перехватить его руку, а потом выдернул из седла. Один раз он все-таки успел ударить меня

по голове рукой в латной перчатке; перед глазами у меня поплыли оранжевые круги — было ужасно больно.

Джулиан так и лежал там, где грохнулся наземь, и, видно, еще не совсем очухался. Вокруг бесновались псы, стараясь вцепиться в меня, и Рэндом пинал их ногами. Я подхватил валявшийся на земле Джулианов меч, приставил острие ему к горлу и крикнул:

— Отзови псов! Или я пришпилю тебя к земле!

Он что-то приказал собакам, и те отступили. Рэндом с трудом держал пытавшегося вырваться Моргенштерна под уздцы.

— Ну, дорогой братец, что ты можешь поведать нам о своей миссии? — спросил я.

Глаза Джулиана горели холодным голубым огнем, лицо же оставалось совершенно бесстрастным.

— Если вы намереваетесь меня убить, тогда вперед! — заявил он.

— Все в свое время, — успокоил я его, не без удовольствия заметив грязь на белоснежных доспехах Джулиана. — Ты пока скажи нам вот что: тебе собственная жизнь дорога?

— Отдам за нее все, что угодно. Из того, чем владею, разумеется.

Я чуть отступил, пропуская его на заднее сиденье машины.

— А ну залезай! — велел я ему.

Он подчинился без звука; но прежде я снял висевший у него на поясе кинжал. Рэндом занял место рядом со мной, обернулся и прицелился из пистолета с последней оставшейся у нас обоймой в голову Джулиана.

— Почему бы нам его просто не прикончить?

— По-моему, он может нам пригодиться, — сказал я. — А кроме того, мне бы хотелось кое-что выяснить. Да и ехать нам еще долго.

Я завел машину, и мы двинулись дальше. Собаки носились вокруг. Моргенштерн скакал за нами, не отставая.

— Боюсь, что в качестве пленного не имею для вас особой цены: знаю я немного, — заметил Джулиан. — Даже под пыткой я смогу рассказать вам лишь то, что известно мне самому.

— Ну начни хотя бы с этого, — предложил я.

— Эрик пытается полностью овладеть ситуацией, — сказал Джулиан, — поскольку именно он оказался в Амбере, когда все началось. Во всяком случае, по-моему, цель его именно такова. Я предложил ему свою поддержку; если бы на его месте был один из вас, я, возможно, стал бы вашим союзником. Эрик возложил на меня обязанность охранять Арденский лес. Здесь проходит одна из главных дорог, ведущих в Амбер. Джерард контролирует подступы со стороны моря на юге, а Кейн — на севере.

— А где Бенедикт? — спросил Рэндом.

— Не знаю. О нем я ничего не слышал. Возможно, он где-то с Блейзом. А может, по-прежнему в Царстве Теней и даже не подозревает о том, что здесь произошло. Вполне возможно также, что он просто умер. Уже много лет о нем ни слуху ни духу.

— Сколько людей охраняют Арденский лес? — спросил Рэндом.

— Около тысячи, — ответил Джулиан. — И кое-кто, возможно, уже вас заприметил, но пока выжидает.

— Ну, если им угодно, чтобы ты остался жив, то пусть выжидают: это пока единственное, что им позволено, — сказал Рэндом.

— Да, ты прав, — откликнулся Джулиан. — Я вынужден все же принять ваши условия. Корвин поступил на редкость умно, оставив меня в живых. С таким пленником вы, пожалуй, сможете благополучно проехать через весь лес.

— Ишь как заговорил! Что, очень хочется в живых остаться? — съязвил Рэндом.

— Конечно, хочется! А что, нельзя?

— Отчего же...

— Я ведь все вам рассказал.

Рэндом рассмеялся:

— Ну, допустим, рассказал ты нам очень мало и далеко не все; я уверен, что из тебя вполне можно вытащить куда более ценную информацию. И мы это обязательно проверим при первой возможности. А, Корвин?

— Там видно будет, — сказал я. — Где Фиона?

— Где-то на юге, по-моему, — ответил Джулиан.

— А что слышно о Дейрдре?

— О ней я ничего не знаю.

— Ну а где Ллевелла?

— В Ребме.

— Ладно, — сказал я. — По-моему, ты иссяк. Это все?

— Все.

Дальше мы ехали молча. Лес наконец стал редеть. Я уже давно потерял Моргенштерна из виду, хотя время от времени замечал, что сокол Джулиана все еще кружится над нами. После поворота дорога пошла вверх; с обеих сторон высились ярко-красные горы. Топлива осталось меньше четверти бака. Где-то через час мы миновали две огромные, нависающие над дорогой скалы.

— Чудное место для засады, — сказал Рэндом.

— Неплохое, — согласился я. — А ты что на этот счет думаешь, Джулиан?

Он вздохнул и сказал:

— Да, все верно. Вас там ожидают. Однако вы сами знаете, как из этой засады выбраться.

Это мы действительно знали. Когда у очередных ворот навстречу нам вышел стражник в кожаных зелено-коричневых доспехах с обнаженной саблей, я показал пальцем на заднее сиденье автомобиля и спросил:

— Видишь?

Он сразу увидел. Да и нас он тоже узнал.

А потому поспешил открыть ворота и даже помахал нам на прощание рукой.

Мы миновали еще двое ворот, пока выбирались из узкой горловины меж скал. Сокол куда-то исчез. За счет прямого отрезка пути мы выиграли более километра высоты. Я притормозил и остановил машину на самом краю пропасти, совершенно отвесной и бездонной.

— Выходи, — велел я. — Теперь тебе придется прогуляться.

Джулиан побледнел.

— Я скулить не стану, — сказал он. — Умолять вас подарить мне жизнь тоже. — И вышел из машины.

— Ах ты, черт побери! — воскликнул я. — Жаль, давненько я не слышал, как некоторые умеют скулить! Ну хорошо, иди и встань на самом краю. Немного ближе, пожалуйста. — Рэндом по-прежнему держал его на мушке. — Чуть раньше ты говорил, что стал бы союзником любого, кто оказался бы на месте Эрика.

— Это так.

— Посмотри вниз.

Джулиан посмотрел. Дна видно не было.

— Ну ладно, — сказал я. — Вспомнишь наш разговор, когда события примут иной ход. А еще вспомнишь, кто подарил тебе жизнь тогда, когда другой непременно отнял бы ее. Пошли, Рэндом. Пора ехать дальше.

Он так и остался стоять там, на самом краю пропасти, тяжело дыша и сдвинув брови в одну линию.

Когда мы уже добрались до вершины, бензин почти кончился. Я выключил двигатель и начал долгий спуск.

— А ведь ты ничуть не утратил былой хитрости, — сказал Рэндом. — Сам-то я скорее всего прикончил бы его. Однако ты, по-моему, верно поступил: он еще окажет нам поддержку — если, разумеется, мы сможем загнать Эрика в угол. Ну а пока он непременно тому же Эрику обо всем донесет.

— Непременно, — кивнул я.

— И тебе еще не раз захочется его прикончить — больше, чем кого бы то ни было.

Я улыбнулся:

— Личные чувства не должны вмешиваться ни в политику, ни в дела.

Рэндом раскурил две сигареты и одну протянул мне.

Посмотрев вниз сквозь клубы сигаретного дыма, я впервые увидел море. Под темно-голубыми, почти ночными небесами, под золотистым солнцем море играло дивным богатством цветов от ярко-синего до почти фиолетового — словно кусок волшебной ткани. Сладостная боль пронзила мне сердце от одного лишь взгляда на это море. И тут я заметил, что говорю вслух, причем на языке, совершенно мне неведомом. Я читал «Балладу о пересекающих морские просторы», а Рэндом внимательно слушал и, когда я умолк, спросил меня:

— Все говорили, что это ты сам сочинил. Правда?

— Ну, это было слишком давно. Я и сам уже не помню.

Мы по-прежнему скользили по узкой горной дороге куда-то влево, по направлению к лесистой долине, а море все шире и шире открывалось нашему взору.

— Вон маяк на острове Кабра, — сказал Рэндом, указывая на гигантскую серую башню, что вздымалась прямо из волн морских весьма далеко от берега. — Я уж почти его забыл...

— Я тоже, — откликнулся я. — Очень странно чувствуешь себя, когда возвращаешься назад. — И тут до меня оконча-

тельно дошло, что мы говорим уже не по-английски, а на языке, называемом тари.

Через полчаса мы спустились вниз. Я старался ехать вдоль берега с выключенным двигателем так долго, как только мог. Когда мотор снова заработал, целая стая темных птиц с шумом взвилась над кустами слева от нас. Какая-то серая, похожая на волка тварь вынырнула из зарослей и тут же снова скрылась; однако олень, которого эта тварь преследовала, успел ускакать прочь. Нас окружала сочная и буйная растительность, хотя и не настолько густая, как в Арденском лесу. Долина полого, но упорно спускалась к морю. Слева толпились, возвышаясь друг над другом, горы.

Чем дальше мы углублялись в заросли, тем лучше становился виден склон могучей горы, по которому мы только что спускались. Горы рядами подступали к самому морю: они как бы росли и становились все выше, а с плеч их свисала мантия, отороченная зеленым и переливающаяся розовато-лиловым, багряным, золотым и ярко-синим. Горы стояли лицом к морю, которого отсюда, из лесистой долины, не было видно, а над вершиной самой последней и самой высокой горы в небе летела легкая вуаль призрачных облаков, и солнце, временами выглядывая из-под этой вуали, окрашивало ее золотисто-огненным светом.

Я прикинул: езды до Амбера оставалось еще около часу, а бензин был на нуле. Я знал, что та, самая высокая вершина в вуали облаков и есть наша цель. Желание как можно скорее попасть туда охватило мою душу. Рэндом тоже не отрываясь смотрел на освещенную солнцем горную вершину.

— Янтарное Королевство все еще там... — проговорил я.

— Я почти позабыл его, — откликнулся он.

Когда мы снова тронулись с места, я обратил внимание, что брюки мои приобрели необычный блеск. Я присмотрелся повнимательнее: брюки стали совсем узкими у щиколотки, а манжеты исчезли. Тогда я стал оглядывать себя с головы до ног.

Рубашка моя теперь больше походила на легкую куртку или блузу; она осталась черной, а по краям была отделана серебряным кантом. Ремень тоже значительно увеличился в ширине. Кроме того, я заметил, что серебряный шнур тянется и по внешнему шву моих черных штанов.

— Похоже, я уже и одет подобающим образом, — удивился я.

Рэндом хихикнул. Я заметил, что он тоже успел сменить наряд: на нем были коричневые с красным кантом штаны и оранжево-коричневая блуза. Коричневая шапочка с желтыми полями лежала с ним рядом на сиденье.

— Мне ужасно хотелось знать, когда же ты наконец это заметишь, — засмеялся он. — Ну и как ты себя чувствуешь?

— Вполне! — бодро ответил я. — Да, кстати, бензин у нас почти кончился.

— Ну, теперь уже слишком поздно и предпринять ничего нельзя, — сказал он. — Теперь мы уже в Подлинном Мире, и пытаться отсюда затевать игры с Тенями вряд ли стоит. К тому же это не осталось бы незамеченным. Боюсь, нам придется идти пешком, когда машина совсем встанет.

Она встала минут через пять. Я припарковал ее у обочины дороги. Солнце уже клонилось к западу, тени стали очень длинными.

Я полез назад; мои башмаки, которые валялись там на полу, успели превратиться в высокие черные сапоги, и, когда я стал их вытаскивать, что-то загремело у меня под рукой.

Я вытащил из-под заднего сиденья также серебряный меч — короткий и не слишком тяжелый — и ножны. Ножны в точности подходили отделкой к моему ремню. На сиденье лежал еще черный плащ с застежкой в виде серебряной розы.

— Может, ты думал, что утратил все это навсегда? — спросил Рэндом.

— Почти что так, черт меня побери! — потрясенно произнес я.

Мы выбрались из машины и пошли пешком. Холодный вечерний воздух был напоен ароматами. На востоке уже заблестели первые звезды, а солнце мирно ложилось отдыхать где-то за краем неба.

Мы молча шагали по дороге, и вдруг Рэндом сказал:

— Что-то мне ото всего этого не по себе.

— От чего именно?

— Уж больно легко мы добрались почти до цели, — пояснил он. — Мне это решительно не нравится. Немыслимо: миновали Арденский лес практически без заминки! Правда, там нас опекал братец Джулиан... Но я, право, не знаю... Мы так

быстро оказались здесь, что я почти уверен: нам специально позволили это сделать.

— Мне тоже приходило такое в голову, — солгал я. — А зачем, как, по-твоему?

— Боюсь, — ответил он, — что мы угодим прямо в ловушку.

Несколько минут мы шли молча, потом я сказал:

— Очередная засада? Вообще-то здесь подозрительно тихо.

— Ничего не понимаю.

Через полчаса закат догорел. Черное ночное небо было усыпано сверкающими звездами.

— Не пристало таким, как мы, ходить пешком, — сказал Рэндом.

— Пожалуй.

— Однако на лошадях, по-моему, еще опасней.

— По-моему, тоже.

— А как ты вообще ко всему этому относишься? — спросил Рэндом.

— Пахнет смертью и дерьмом, — промолвил я. — Мне кажется, очень скоро на нас нападут.

— А тебе не кажется, что нам лучше бы идти не по дороге?

— Вообще-то я об этом думал, — снова солгал я. — Прогулка по опушке будет только полезна нашему здоровью.

Так мы и поступили.

Мы шли под деревьями, скользили мимо темных скал и огромных кустов. А над нами медленно поднималась, заливая все своим светом, луна — огромная, серебристая.

— Сейчас я почти уверен, что ничего у нас не выйдет, — сказал Рэндом.

— Голос сердца? — спросил я. — А ему доверять можно?

— Вполне.

— В чем же, собственно, дело?

— Мы забрались слишком далеко вглубь. И слишком быстро. Мне это совсем не нравится. Теперь, когда мы уже в Подлинном Мире, поворачивать назад поздно. Как и заигрывать с Тенями. Так что следует положиться лишь на собственные клинки. (У Рэндома был короткий блестящий меч из вороненой стали.) И я уверен, что именно по воле Эрика нас пропустили сюда. С этим, разумеется, уже ничего не поделаешь, однако по мне, так лучше бы нам пришлось сражаться за каждую пядь пути.

Минут через двадцать мы остановились покурить, прикрывая сигареты ладонями.

— Что за прелестная ночь! — сказал я, обращаясь не то к Рэндому, не то к легкому прохладному ветерку.

— По-моему... Что это?

Где-то совсем рядом, почти у нас за спиной, слышалось легкое похрустывание веток.

— Зверь, наверное.

Клинок сверкнул в руке у Рэндома.

Мы подождали еще несколько минут, но больше ничего не услышали. Брат сунул меч в ножны, и мы двинулись дальше.

За спиной у нас все было тихо, однако что-то весьма странное послышалось впереди.

Рэндом кивнул в ответ на мой вопросительный взгляд, и мы стали осторожно пробираться вперед. Потом заметили в зарослях какой-то свет — словно вдалеке горел костер.

Вокруг было тихо. Рэндом лишь изумленно пожал плечами, увидев, что я направляюсь прямо к этому костру, горевшему чуть правее глубоко в лесу.

Не прошло и часа, как мы вышли к лагерю. Возле горящего костра сидели четверо, а еще двое спали в сторонке, в тени деревьев. Неподалеку в землю был вбит кол; возле него сидела связанная девушка. На нас она не смотрела, но сердце мое часто забилось, когда я разглядел ее профиль.

— Неужели?.. — прошептал я.

— Да, — ответил Рэндом. — Очень похоже.

Тут девушка наконец повернула голову, и я понял, что так оно и есть.

— Дейрдре!

— Интересно, что эта чертовка затеяла? — сказал Рэндом. — Судя по цветам, ее страна принадлежит к компании Эрика. И, по-моему, они ведут ее обратно в Амбер.

Я тоже заметил, что форма у этих парней черно-красная с серебряным кантом; я помнил по той карточной колоде (и знал еще откуда-то), что таковы цвета Эрика.

— Ну, раз Эрик хочет заполучить ее, так он ее не получит, — сказал я.

— Мне-то Дейрдре никогда особенно не нравилась, — промолвил Рэндом, — но я помню, что ты ей симпатизировал, так что...

Он вытащил меч из ножен. Я сделал то же самое.

— Готов? Пошли! — И, сделав мощный прыжок, мы бросились на стражников.

На все нам понадобилось минуты две от силы.

Дейрдре смотрела на нас во все глаза. Отблески пламени и мечущиеся черные тени делали ее лицо похожим на жутковатую подмигивающую маску. Она и смеялась, и плакала. И громко называла нас по именам дрожащим голосом. Я сорвал с нее веревки и поднял с земли.

— Ну, здравствуй, сестра. Не присоединишься ли ты к нам? Мы идем в Амбер.

— Нет! — решительно заявила она. — Спасибо, что спасли мне жизнь, но хотелось бы и впредь ее сохранить. А что вам-то нужно в Амбере? И почему я о вас ничего не знаю?

— Видишь ли, на трон нашлись еще претенденты, — ответил Рэндом (для меня это была новость), — и мы входим в их число.

— Если у вас есть головы на плечах, держитесь-ка оттуда подальше — подольше проживете, — посоветовала Дейрдре.

Господи! До чего же она все-таки была хороша! Хотя выглядела измученной и грязной.

Я ласково обнял ее за плечи — мне очень этого хотелось. А Рэндом отыскал у костра бурдюк с вином, и мы выпили.

— Эрик теперь считается единственным законным наследником Амбера, — сказала Дейрдре. — Войска верны ему.

— Ну, Эрика-то я не боюсь, — ответил я, понимая, что вовсе в этом не уверен.

— Он никогда не пропустит вас в Амбер! — продолжала она. — Я сама была его узницей, но два дня назад обнаружила потайной путь и бежала. Я думала, что смогу переждать в Царстве Теней, пока все не закончится. Но связаться с Тенями нелегко в такой близости от Подлинного Мира. В итоге сегодня утром воины Эрика схватили меня и вели назад, в Амбер. Думаю, что там меня скорее всего убили бы... Впрочем, с уверенностью сказать не могу. Во всяком случае, Эрик постарался бы сделать меня своей марионеткой. Может быть, он просто безумен? Но опять-таки я не уверена...

— А о Блейзе что-нибудь известно? — спросил Рэндом.

— Он насылает на Амбер всяких тварей из Царства Теней, чем страшно злит Эрика. Но сам ни разу напасть не осмелился. В общем, Эрик нервничает, а вопрос о том, кому править Амбером, так и не решен, однако на троне Эрик пока сидит прочно.

— Ясно. А о нас он когда-нибудь вспоминал? — поинтересовался Рэндом.

— О тебе, Рэндом, нет. А вот о Корвине — да. Он все еще боится его возвращения. Может быть, часа два ваш путь еще будет относительно спокойным, но дальше опасности ожидают вас на каждом шагу. Каждое дерево, каждый камень могут таить ловушку. Это он все для Блейза и Корвина приготовил. Эрик специально дал вам зайти поглубже — чтобы у вас не было возможности ни искать помощи в Царстве Теней, ни уйти от его преследования. Никто из вас не сможет проникнуть в Амбер. Вы непременно попадете в лапы Эрика.

— Но все же тебе-то удалось бежать...

— Это другое дело. Я стремилась уйти из Амбера, а не попасть туда. Может, он потому и не слишком тщательно сторожил меня — как, безусловно, сторожил бы любого из вас, — что я, во-первых, женщина, а во-вторых, амбиции мои не заходят слишком далеко. И тем не менее сами видите: далеко убежать мне все равно не удалось!

— Ну, сестричка, зато теперь ты свободна — во всяком случае, пока руки мои в силах поднять меч на твою защиту, — сказал я.

Она поцеловала меня в лоб и пожала мне руку. Такие штучки у меня всегда здорово получались.

— И все-таки за нами явно кто-то крадется, — произнес Рэндом.

Мы все трое немедленно уставились во тьму, пытаясь хоть что-то разглядеть, потом тихо легли в зарослях, не сводя глаз с той тропы, по которой пришли сюда.

Через некоторое время все же вновь послышался наш шепот — мы начали совещаться, и вопрос, который я поднял, был в высшей степени прост: что же нам делать дальше?

Вопрос этот казался, с одной стороны, слишком общим, а с другой — слишком важным, но решить нужно было именно его; никакого другого я предложить не мог. Я понимал, что не могу полностью доверять им обоим, даже милой Дейрдре, но если уж выбирать изо всей семейки, то Рэндом, по крайней

мере в данный момент, на моей стороне, это уж точно; а Дейрдре всегда была моей любимицей.

— Обожаемые родственники, — сказал я, — мне нужно кое в чем вам признаться.

Рука Рэндома тут же легла на рукоять меча — вот оно, наше доверие друг к другу! Я отлично представлял, как в мозгу его стучит одна и та же мысль: «Корвин завел меня сюда, а теперь предаст».

— Если ты нарочно заманил меня сюда, — начал он, — то обратно живым...

— Не говори ерунды! — оборвал его я. — Ты мне нужен как помощник, а не покойник. Так что выслушай сперва: я не понимаю, что, черт побери, здесь происходит. Кое о чем я догадался, но как следует так и не смог разобраться. В чем же дело? Что сейчас творится в Амбере? Почему мы ползаем на брюхе в каких-то кустах, спасаясь от солдат Эрика? И кто же, в таком случае, я сам?

Последовало томительно долгое молчание, затем Рэндом прошептал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да, что? — повторила за ним Дейрдре.

— Я хочу сказать, — начал я, — что мне удалось обмануть тебя, Рэндом. Разве тебе не показалось странным, что в течение всего пути я только и делал, что крутил руль?

— Но ведь из нас двоих главный ты, — заявил он. — И потом, я думал, что ты строишь какие-то свои планы. К тому же ты чертовски умно поступил несколько раз — мне бы такое и в голову не пришло. Я, например, не сомневаюсь, что ты — именно Корвин.

— А сам я всего дня два назад об этом узнал. Я понимаю, что я именно тот, кого вы называете Корвином, но некоторое время тому назад со мной приключился несчастный случай. У меня был серьезно поврежден головной мозг — я покажу вам шрамы, когда будет посветлее, — и теперь страдаю от потери памяти. Я, например, почти не понимаю ваших разговоров о Тенях. Я даже и Амбер-то едва помню. Более или менее помню только нашу семейку, а еще — что нельзя слишком доверять своим родственникам. Вот, собственно, и все, что я намеревался сообщить вам. Что будем делать теперь?

— О господи! — пробормотал Рэндом. — Да, теперь-то я

понимаю! Теперь мне понятны все те мелочи, что так озадачивали меня... Но как это тебе удалось так здорово приручить Флору?

— Просто повезло, — сказал я. — Кроме того, помогла врожденная изворотливость. Да нет, даже и в этом нужды не было: она просто глупо себя вела. В любом случае вы мне теперь особенно нужны.

— Как ты думаешь, сможем мы вернуться обратно в Царство Теней? — спросила Дейрдре у Рэндома: на меня она и не глядела.

— Конечно, — ответил Рэндом. — Только, по-моему, этого делать не стоит. Мне все-таки хотелось бы увидеть Корвина на троне Амбера, а голову Эрика — на шесте. По-моему, попробовать хотя бы еще разок стоит, хотя, честно говоря, надежды маловато; но пока что возвращаться в Царство Теней я не собираюсь. А ты, разумеется, если хочешь, можешь туда вернуться. Вы всегда считали меня малосильным врунишкой. Ну вот, теперь есть шанс убедиться, чего я на самом деле стою. А я намерен это продемонстрировать.

— Спасибо, брат, — сказал я.

— Смотри не обманись при лунном свете, — предупредила Дейрдре.

— Тебя ведь снова можно привязать к столбу, знаешь ли, — откликнулся Рэндом, и она промолчала.

Мы еще некоторое время лежали в полной тишине, и вскоре возле костра появились трое и принялись озираться по сторонам. Потом двое из них опустились на четвереньки и стали обнюхивать землю. Потом все дружно посмотрели в нашу сторону.

— Все ясно, — прошептал Рэндом, когда три серые тени двинулись по направлению к нам.

Я хорошо видел, что произошло потом, хотя преследователи были скрыты в густой тени. Они опустились на четвереньки, и лунный свет чудесным образом превратил их серые одежды в волчьи шкуры. Во тьме зажглись три пары звериных глаз.

Я проткнул первого оборотня своим серебряным клинком, и по лесу разнесся человеческий вопль. Рэндом одним ударом меча отрубил второму голову, и, к моему удивлению,

Дейрдре подняла одного в воздух и сломала ему хребет о свое колено с отвратительным хлюпаньем.

— Скорей, где твой меч! — крикнул Рэндом; я поспешил проткнуть и его противника, и противника Дейрдре, и снова в воздухе раздались человеческие вопли.

— А теперь давайте-ка уносить отсюда ноги, — сказал Рэндом. — Сюда! — И мы бросились за ним.

— Куда мы идем? — спросила Дейрдре примерно через час весьма энергичной гонки по густому кустарнику.

— К морю, — ответил Рэндом.

— Зачем?

— Там хранится память Корвина.

— Где? Почему там?

— В Ребме, конечно.

— Да они же убьют тебя, а твоими мозгами накормят рыбок!

— Я не пойду до самого конца. Тебе самой придется беседовать с сестрой твоей родной сестры.

— Ты хочешь, чтобы он снова прошел по Огненному Пути?

— Да!

— Это очень опасно!

— Знаю... Послушай, Корвин, — обратился он ко мне. — Ты все это время вполне прилично вел себя по отношению ко мне. Но если все же каким-то образом ты окажешься не настоящим Корвином — можешь считать себя покойником. Впрочем, по-моему, все-таки это ты. Судя по твоему поведению, ты просто не можешь быть никем иным. И потом, все твои хитроумные фокусы, несмотря на утраченную память... Нет, я жизнью своей готов в этом поклясться. Так что воспользуйся единственной возможностью восстановить память — пройди волшебным Путем. Ну что, попробуешь?

— Возможно, — сказал я. — А что это такое?

— Ребма — это город-призрак, — начал объяснять мне Рэндом. — Как бы отражение в морских глубинах настоящего Амбера. Все, что происходит в Янтарном Королевстве, повторяется и отражается в Ребме, словно в зеркале. Там живут подданные Ллевеллы, они совершают в точности те же поступки, что и жители Амбера. Меня они, правда, кое за какие грешки ненавидят, так что я не смогу и пытаться пройти по Пути с тобой вместе, однако если ты сам должным образом

поговоришь с ними и, может быть, намекнешь на конечную цель своего путешествия, то они, по-моему, позволят тебе пройти по Тайному Пути, что начинается в Ребме и ведет прочь от Амбера, однако все же приводит туда.

А еще Путь дарует сыновьям нашего общего отца способность свободно переноситься в Царство Теней.

— Но как эта способность может помочь мне?

— Она поможет тебе вспомнить собственное прошлое.

— Ладно, согласен, — сказал я.

— Молодец! В таком случае идем дальше, к югу. До Лестницы еще несколько дней пути... Ты пойдешь с нами, Дейрдре?

— Я пойду со своим братом Корвином.

Я знал, что она скажет именно так, и был этому рад. Сомнения терзали мою душу, но я был рад ее словам.

Мы шли всю ночь. Три раза пришлось обходить вооруженные засады; только утром мы подыскали какую-то пещеру и улеглись спать.

Глава 5

Мы шли еще целых два дня до самого вечера и наконец оказались среди розовато-черных прибрежных дюн. Итак, утром третьего дня мы вышли на берег моря, накануне вечером весьма удачно избежав очередного сражения с небольшим отрядом врагов. На открытое пространство выходить не слишком хотелось. Мы пока точно не определили, откуда начинается Файэлла-бионин, Лестница Ребмы, а там можно было бы быстро пересечь полосу пляжа и скрыться в волнах.

Утреннее солнце сверкало миллионами бликов в пенных гребнях волн. Глаза наши слепил этот бесконечный танец света, так что разглядеть с такого расстояния нечто, находящееся под поверхностью воды, было невозможно. Мы уже два дня не ели ничего, кроме диких ягод, и меня мучил чудовищный голод, но я забыл о нем, увидев знакомый, широкий и полосатый, словно шкура тигра, берег с поражающими воображение складками дюн кораллового, оранжевого и красного цветов, с кучками красивых ракушек и мелких отполированных морем

камешков, с грудами плавника. Дальше лежало море, то вздымающееся, то мягко опадающее в своих удивительных берегах, все золотое и голубое до самого горизонта, где вечно веют песни ветров, словно сама природа благословляет эту красоту вод, раскинувшихся под фиалковыми небесами.

Та гора, что в своих материнских объятиях баюкала Амбер, сейчас виднелась примерно в сутках пути отсюда к северу. Солнце заливало золотом ее вершину и склон, яркая радуга повисла в дымке над самым Янтарным Королевством. Гора называлась Колвир. Рэндом посмотрел на нее и, скрипнув зубами, отвернулся. Может быть, я тоже скрипнул зубами.

Дейрдре тронула меня за руку, кивком показав, куда нам нужно свернуть, и первой прошла параллельно полоске прибоя к северу. Мы с Рэндомом последовали за ней. Она явно знала какую-то отметку.

Минут через десять нам показалось, что земля у нас под ногами вроде бы чуточку вздрогнула.

— О черт! — прошипел Рэндом.

— Смотрите! — воскликнула Дейрдре, закинув голову и указывая в небеса.

Я посмотрел туда.

В вышине над нами кружил сокол.

— Далеко нам еще? — спросил я.

— Вон до тех камней, — сказала Дейрдре.

Груда камней высилась метрах в ста от нас и была похожа на стену или усеченную пирамиду, примерно в полтора человеческих роста высотой. Она была сложена из довольно крупных, величиной с человеческую голову серых булыжников, отполированных ветром и песком и разъеденных морской водой.

Стук копыт слышался все явственней, а вскоре зазвучал и знакомый охотничий рог.

— Бежим! — сказал Рэндом, и мы побежали.

Едва мы это сделали, как сокол стрелой ринулся прямо на Рэндома, но тот успел выхватить меч и быстро отогнал страшную птицу. Тогда сокол переключился на Дейрдре.

Выхватив из ножен меч, я сильно ударил злобную тварь наотмашь. Полетели перья. Сокол упал на песок, приподнялся, снова упал, и я вновь ударил его в полную силу. По-моему, сокол так и остался на песке, хотя и не уверен; впрочем, у

меня все равно не было времени останавливаться. Теперь стук копыт раздавался совершенно отчетливо и рог звучал совсем близко.

Наконец мы добрались до серых камней, и Дейрдре, свернув под прямым углом, направилась прямо в море.

По всей вероятности, она знала, что делает. Так что я просто последовал за ней и тут же краешком глаза увидел всадников.

Они были еще довольно далеко, но неслись по пляжу, словно смерч; лаяли собаки, трубили горны. Мы с Рэндомом поспешили погрузиться в волны прибоя следом за нашей сестрой.

Нам было уже по пояс, когда Рэндом вдруг сказал:

— Меня ждет гибель, если я пойду дальше, но то же самое, если останусь здесь.

— Если останешься, то погибнешь неизбежно, — сказал я. — А во втором случае, по-моему, возможны переговоры. Пойдем!

И мы пошли. Мы ступили на какую-то скалистую гряду, плавно спускающуюся в море. Не знаю, как нам удавалось дышать под водой, однако Дейрдре, похоже, это совсем не заботило. Ну и я решил об этом не думать.

Но все равно думал.

Когда вода закружилась и заплескалась над нашими головами, мне стало здорово не по себе. Дейрдре шла вперед, постепенно спускаясь все ниже; я шел сразу за ней, а за мной — Рэндом.

Перед нами были как бы гигантские ступени не меньше метра шириной: лестница эта и называлась Файэлла-бионин; я ее узнал.

Вскоре голова моя окончательно скроется под водой, но ведь Дейрдре уже давно спустилась гораздо ниже меня...

Я набрал в легкие побольше воздуха и последовал за сестрой.

Дейрдре уверенно спускалась по широченным ступеням. Почему это, вопреки законам физики, тело мое не всплывает и я продолжаю шагать вниз, словно по самой обычной лестнице? Ну, может быть, чуть медленнее. А еще мне было весьма интересно, что произойдет, когда в легких у меня не останется воздуха.

Над головами Рэндома и Дейрдре всплывали пузырьки, и я решил понаблюдать, как они дышат, но никак не мог разглядеть толком. Грудь у обоих вроде бы равномерно поднималась и опускалась; похоже, они дышали нормально.

Когда мы уже спустились под воду метра на три, Рэндом искоса глянул на меня — он шел слева, — и я услышал его голос: я будто приложил ухо к днищу ванны, и слова были подобны глухим ударам по ее краю, однако слышно все было довольно ясно.

— Не думаю, что им удастся заставить собак лезть в воду, даже если лошади все-таки пойдут.

— Как тебе удается дышать? — с трудом проговорил я и услышал слабое эхо собственного голоса.

— Расслабься, — сказал Рэндом. — Если ты до сих пор умудряешься задерживать дыхание, то немедленно прекрати это, вздохни и дыши спокойно. На Лестнице можно дышать совершенно свободно. Но только на ней.

— Как это? — Я был потрясен.

— Узнаешь, если мы все-таки доберемся до конца, — ответил Рэндом. Голос его странно зазвенел в текучей и холодной зеленоватой воде.

Мы были уже на глубине более шести метров: наконец я решился и осторожно вдохнул.

Ничего неприятного не произошло, и я вздохнул поглубже. Над моей головой взвилось множество пузырьков, но больше я ничего особенного не почувствовал.

Возросшего давления тоже совершенно не ощущалось. Мы спустились еще метра на три; я, словно сквозь зеленоватый туман, видел Лестницу, ступени которой вели в глубину, вниз, вниз, вниз... Лестница была совершенно прямая. И вела туда, откуда к нам пробивался какой-то свет.

— Если успеем пройти в Ворота, мы спасены, — сказала моя сестра.

— Это вы спасены! — поправил ее Рэндом. Интересно, чем это он так насолил жителям Ребмы, чтобы заслужить их проклятие? — Если их лошади под водой впервые, то скоро им придется продолжать погоню пешком, — продолжал Рэндом. — Тогда, можно сказать, нам повезло.

— Ну, тогда они могут и вовсе не догнать нас, — сказала Дейрдре.

Мы прибавили ходу.

Здесь, на большой глубине, вода стала очень темной и очень холодной, а впереди все ярче разгорался свет; ступеней через десять я уже смог различить его источник.

Чуть правее меня вздымался какой-то столб, на вершине которого было нечто вроде светящегося шара. Потом, ступеней через пятнадцать, второй такой же столб появился слева. Дальше, похоже, виднелся еще один, снова справа, и так далее.

Уже у первого столба вода стала теплее, а Лестница видна значительно отчетливее: ступени ее были белыми, словно мрамор, с розоватыми и зеленоватыми прожилками, но совсем не скользкими, хотя постоянно находились под водой. Шириной Лестница была метров пять; с каждой стороны — широкие перила.

Мимо нас проплывали рыбки. За спиной не было заметно никакой погони.

Стало еще светлее. Оказалось, что на верхушке столба вовсе не шар, но я бы никак не смог логически объяснить то, что увидел: это просто не укладывалось у меня в голове. То было живое, горящее пламя, высотой чуть больше полуметра: пламя плясало на верхушке столба, словно на конце огромного факела. Я решил попросить объяснений позже — хотелось поберечь кислород, потому что спускались мы теперь очень быстро. Впрочем, о каком кислороде могла идти речь?

Дальше вся Лестница была освещена; мы миновали уже шесть таких «факелов», когда Рэндом произнес:

— За нами погоня.

Я оглянулся и увидел позади неясные фигуры: четверо человек верхом.

Странно было под водой услышать собственный смех...

— Пусть себе, — сказал я и положил руку на рукоять меча. — Теперь мы уже достаточно далеко, я чувствую в себе силы!

Мы продолжали спуск; вода справа и слева стала черной, как чернила. Освещена была только Лестница, по которой мы уже просто бежали со всех ног, и в неясной дали я начал различать огромную арку.

Дейрдре летела вниз, прыгая через две ступени. Лестница гудела от стука мощных копыт: за нами гналась довольно

большая группа вооруженных людей. Они были еще довольно далеко, значительно выше нас, но первая четверка нас почти настигала. Мы со всех ног поспешили за Дейрдре. Рука моя твердо сжимала меч.

Три, четыре, пять... После пятого столба я снова оглянулся: всадники отставали всего шагов на двадцать, зато пешие воины были почти не видны. Арка Ворот мрачно высилась впереди, до нее было еще шагов семьдесят. Она величественно вздымалась и сверкала, белоснежная, как алебастр. На ней были вырезаны тритоны, морские нимфы, русалки и дельфины. А по другую сторону Ворот нас, похоже, ждали люди.

— Вот, должно быть, удивляются, чего это мы сюда явились, — сказал Рэндом.

— Ну теперь-то мы уж непременно должны успеть, — откликнулся я, убыстряя темп, потому что всадники выиграли еще метра три.

Я вытащил меч из ножен, и он засверкал в свете подводных огней. Рэндом незамедлительно последовал моему примеру.

Ступеней через двадцать Лестница стала дрожать так, что нам пришлось повернуться к преследователям лицом, чтобы не получить удара в спину.

Они почти нагнали нас. До Ворот оставалось шагов тридцать, но это не имело никакого значения, если нам не одолеть этих четверых всадников.

Я резко согнулся, когда первый из них взмахнул мечом. Рядом с ним был еще один всадник, справа и чуть позади, так что, естественно, я отшатнулся вправо, чуть не упав с Лестницы. Из-за этого первому пришлось нанести рубящий удар через шею коня.

Я парировал и сделал ответный выпад.

Он сильно наклонился вперед, нанося удар, и острие моего меча вонзилось в его шею.

Струя крови алым туманом, растворявшимся в зеленоватом свете, окутала его. Мелькнула совершенно безумная мысль: жаль, что здесь нет Ван Гога, чтобы запечатлеть эти краски.

Лошадь раненого продолжала двигаться вперед, и я, обогнув ее, напал на второго преследователя из-за ее крупа. Он обернулся, парировал мой удар, причем весьма удачно. Однако конь его рванул, и мой следующий удар выбил всадника из седла.

Я пнул его ногой, а враг попытался достать меня мечом, но это усилие оказалось для него роковым: он сорвался с Лестницы. Я услышал, как страшно он вскрикнул, когда чудовищная толща воды сдавила его. И крик тут же смолк.

Рэндом к этому времени уже убил одного всадника и дрался со вторым, пешим преследователем. Когда я подоспел на помощь, он и этого уже прикончил и смеялся. Над ним клубами поднималась алая кровь, и вдруг я осознал, что действительно был знаком с печальным безумцем Винсентом Ван Гогом и мне действительно очень жаль, что он не может сейчас запечатлеть все это.

Пешие воины были от силы шагах в сорока от нас, так что мы повернулись и бросились к арке Ворот. Дейрдре уже находилась по ту сторону.

Мы успели. Когда мы влетели в Ворота, нас со всех сторон окружили люди с обнаженными клинками, и пешие преследователи тут же повернули назад. Мы вложили свои мечи в ножны, и Рэндом сказал:

— Ну, вот и все.

От тех, кто только что готов был защищать нас, Рэндом немедленно получил приказ сдать оружие. Он только плечами пожал и отдал свой меч. Потом двое встали справа и слева от него, а третий — еще и позади, и мы двинулись дальше, вниз по Лестнице.

В этом водном царстве я утратил всякое ощущение времени. По-моему, шагали мы еще минут пятнадцать или полчаса. Потом прошли в золотые Ворота Ребмы и оказались в городе.

Все здесь было словно покрыто зеленоватой дымкой. Дома, какие-то чересчур хрупкие и тянущиеся ввысь, стояли изящными группками, создавая столь дивные цветовые сочетания, что мозг мой снова заработал, мучительно пытаясь вспомнить нечто очень знакомое. Но ничего вспомнить я так и не смог, лишь появилась знакомая головная боль, всегда сопровождавшая подобные усилия. Я, безусловно, когда-то уже ходил по этим улицам, сомнений нет; по крайней мере по улицам, очень похожим на эти.

Рэндом не сказал ни слова с тех пор, как был взят под стра-

жу. Дейрдре спросила лишь о нашей сестре Ллевелле. И ей сообщили, что Ллевелла находится в Ребме.

Я стал рассматривать наших спутников. У них были зеленые волосы, впрочем, иногда попадались черноволосые или с пурпурными волосами, но глаза у всех были одинаково зеленые; только у одного я заметил зеленовато-карие, ореховые. Все были в штанах с высоким поясом и плащах; портупея надета прямо на голое тело; талии перетянуты украшенными перламутром ремнями, с которых свисали короткие мечи. У всех мужчин гладкая, почти лишенная растительности кожа. Никто из подводных жителей так со мной и не заговорил, хотя некоторые рассматривали меня с явным любопытством, не таясь, а иные бросали украдкой заинтересованные взгляды. Оружие мое мне оставили.

Войдя в город, мы стали подниматься по какой-то широкой улице, освещенной такими же фонарями, как Лестница. Только здесь расстояние между фонарными столбами было меньше, а из странных восьмиугольных окон с разноцветными стеклами в оловянных рамах выглядывали люди и смотрели, как мы идем. Вокруг плавали ярко окрашенные, с белыми брюшками, рыбки. Когда мы повернули за угол, откуда-то вдруг налетело, подобно ветерку, холодное течение, но через несколько шагов нас снова объяли теплые воды.

Дворец находился в самом центре города, я узнал его сразу; точно так же моя рука сразу узнала знакомые очертания перчатки, что была сейчас заткнута за пояс. Это была точная копия нашего дворца в Амбере, только как бы окутанная зеленоватой дымкой и странно измененная зеркалами, помещенными в самых неожиданных местах и вделанными в стены как с наружной стороны, так и внутри. На троне в этом зеркальном зале, который мне тоже показался очень знакомым, сидела женщина; волосы у нее были зеленые, и в них посверкивали серебряные нити. Глаза женщины светились зеленоватым светом, словно круглые нефритовые луны, а размах бровей напоминал крылья оливковой чайки. Небольшой рот и подбородок, скулы высокие и довольно широкие, лицо овальное. Серебряный венец был опущен низко на лоб, на шее сверкало хрустальное ожерелье, в центральном подвеске которого был крупный сапфир. Ее прелестная грудь была обнажена. Женщина была одета лишь в длинные штаны из синей материи с

высоким поясом, перетянутые в талии серебряным ремнем. В правой руке она держала коралловый скипетр, а на каждом пальце у нее было по перстню с голубым или синим камнем различных оттенков.

— Что надобно вам здесь, изгои Амбера? — спросила женщина без улыбки, шелестящим, тихим, каким-то струящимся голосом.

Ответила ей Дейрдре:

— Мы бежали от гнева принца, что правит в Подлинном Городе, — от Эрика! И, говоря по совести, очень надеемся на его свержение. Если же здесь мы встретили его сторонников, то, безусловно, пропали, ибо сами предались в руки врагов своих. Но, кажется, здесь его сторонников нет... Так что мы ищем помощи твоей, о нежнейшая Моэри.

— Я не дам вам воинов для нападения на Амбер, — ответила та. — Как тебе известно, хаос в Подлинном Городе непременно отразится на моем царстве.

— Но мы и не просим у тебя войска, дорогая Моэри! — воскликнула Дейрдре. — Нам нужно совсем немного, и это не потребует никаких усилий с твоей стороны и со стороны твоих подданных.

— Так говори же, что вам нужно! Ибо, как тебе известно, Эрик столь же неугоден нам, как и тот негодяй, что стоит сейчас по левую руку от тебя. — Плавным жестом она указала на Рэндома, который откровенно-нагло, оценивающе изучал ее; в уголках его губ затаилась легкая усмешка.

Если он обязан уплатить свой долг за совершенное ранее, то какова бы ни была цена, я уверен, что он уплатит ее, как подобает подлинному принцу Амбера! Как уплатили свой долг трое наших покойных братьев много веков назад, вспомнил я вдруг. И он будет все так же улыбаться, даже если рот его наполнится собственной кровью, а умирая, с трудом, но произнесет в адрес своих палачей такие проклятия, которые непременно со временем сбудутся. Я осознал вдруг, что тоже обладаю подобной силой; и я этой силой воспользуюсь, если того потребуют обстоятельства.

— То, о чем я прошу, жизненно необходимо моему брату Корвину, который является также братом и леди Ллевелле, что правит здесь с тобой вместе. Я твердо уверена, что вас он никогда и ничем не оскорбил...

— Верно. Но почему он сам не попросит за себя?

— В том-то все и дело. Он не может! Ибо не знает, что просить. Слишком многое в его памяти было уничтожено в результате злодеяния, совершенного над ним, когда он пребывал в Царстве Теней. Так что мы сюда явились лишь для того, чтобы Корвин мог восстановить свою память, вспомнить прежние времена и то, что именно он способен противостоять Эрику в борьбе за трон Амбера.

— Продолжай, — молвила женщина на троне, глядя на меня сквозь ресницы, отбрасывающие на ее щеки густую тень.

— В одном из залов этого дворца, — сказала Дейрдре, — есть на полу узор — сложный светящийся лабиринт линий, то, что мы называем Огненным Путем. Лишь сыновья и дочери покойного короля Амбера могут пройти по волшебному Пути живыми. Он дает человеку власть над силами Царства Теней...

В этот миг глаза Моэри как-то странно блеснули, и я подумал: интересно, скольких она посылала по Огненному Пути, чтобы обрести полную власть над царством Ребмы? Все эти несчастные, разумеется, погибли.

— Если Корвин вновь пройдет по волшебному Пути, то, как нам кажется, память вернется к нему. Он вспомнит, кем в действительности был: принцем Амбера. Он не может сейчас с той же целью направиться прямо в Амбер, как тебе, должно быть, известно. Лишь Ребма полностью повторяет Янтарное Королевство, да еще Тир-на Ног'тх, куда мы, разумеется, в настоящий момент пойти не можем вовсе.

Моэри внимательно посмотрела на мою сестру, затем перевела взгляд на Рэндома и снова уставилась прямо на меня.

— А сам-то Корвин хочет испытать себя? — спросила она.

Я учтиво поклонился и громко сказал:

— Хочу, о моя госпожа!

И тут Моэри улыбнулась:

— Прекрасно. Я даю вам свое разрешение. Но, к сожалению, не могу гарантировать вашу безопасность за пределами Ребмы.

— На это, ваше величество, — сказала Дейрдре, — мы и не рассчитывали. Мы сумеем позаботиться о себе, покинув Ребму.

— Но Рэндом останется здесь, — быстро добавила Моэри. — Здесь он будет в полной безопасности!

— Что ты имеешь в виду, о моя госпожа? — встревоженно

спросила Дейрдре, ибо Рэндом, разумеется, сам за себя просить ни за что бы не стал.

— Ты, конечно, помнишь, — ответила Моэри, — что однажды принц Рэндом явился в мое царство как друг, но потом, словно вор, бежал отсюда с дочерью моей, Моргантой.

— Да, такие слухи до меня доносились, госпожа, однако я не уверена, что то было правдой...

— Правдой, к сожалению, — мрачно объявила Моэри. — Через месяц после своего бегства дочь моя возвратилась. И совершила самоубийство несколько месяцев спустя — после того, как родила сына Мартина. Что можешь ты сказать на это, принц Рэндом?

— Ничего, — ответил Рэндом.

— Когда Мартин вырос, — продолжала Моэри, — то он, будучи королевской крови, решил пройти по волшебному Пути. И был единственным здесь, кому это удалось. Потом он ушел куда-то в Царство Теней, я с тех пор его не видела. А на это что ты скажешь, лорд Рэндом?

— Ничего, — ответил Рэндом.

— Ну так знай! Ты понесешь наказание. Я сама выберу женщину, на которой ты женишься, и ты останешься в моем королевстве на целый год. Или распростишься с жизнью. Что скажешь, Рэндом?

Рэндом ничего не сказал, только коротко кивнул в знак согласия.

Моэри чуть пристукнула скипетром по подлокотнику своего бирюзового трона.

— Прекрасно, — объявила она. — Да будет так.

Так оно и было.

Затем нас отвели в предоставленные нам покои. Вскоре в дверях моей комнаты появилась Моэри.

— Приветствую тебя, о прекрасная Моэри, — сказал я учтиво.

— Лорд Корвин, принц Амбера, — задумчиво проговорила она. — Частенько думала я о том, как бы с тобой повстречаться.

— Мне тоже хотелось с тобой познакомиться, — солгал я.

— О твоих подвигах сложены легенды.

— Спасибо на добром слове, но сам я почти ничего о них не помню.

— Можно мне войти?

— О, конечно же! — Я отступил в сторону, пропуская ее.

Моэри вошла в мою великолепно убранную комнату и уселась на краешек оранжевой кушетки.

— Когда тебе будет угодно совершить испытание Огненным Путем?

— Как можно скорее, — сказал я.

Она немного подумала и спросила:

— В каких местах Царства Теней ты уже побывал?

— Это очень далеко отсюда. Но я, пожалуй, успел даже полюбить эти края.

— Странно, что правитель Амбера обладает такой способностью...

— Какой?

— Что-то любить, — ответила она.

— Может быть, я выбрал неподходящее слово...

— Вряд ли, — промолвила Моэри, — ибо сочиненные принцем Корвином баллады издавна трогают самые потаенные струны наших сердец.

— Госпожа моя, ты слишком добра ко мне.

— Но ведь я права, — возразила она.

— Когда-нибудь я посвящу свою балладу тебе.

— Чем ты занимался там, в Царстве Теней?

— Мне вспоминается, что я был профессиональным воином, госпожа. То есть воевал на стороне тех, кто мне платил. А кроме того, сочинял стихи и музыку; многие мои песни весьма полюбились тамошнему народу.

— И то и другое представляется мне вполне естественным.

— Умоляю, скажи, что будет с моим братом Рэндомом?

— Он женится на одной девушке, моей подданной. Ее имя Вайол. Она слепа, и женихов среди моего народа у нее нет.

— Ты уверена, — спросил я, — что поступаешь хорошо по отношению к ней?

— Благодаря этому браку она займет высокое положение в нашем обществе, — ответила Моэри, — даже если муж ее покинет королевство Ребма через год и больше никогда не вернется. Как бы то ни было, он все-таки настоящий принц Амбера.

— Но что, если она по-настоящему полюбит его?

— А разве кто-нибудь еще способен на настоящую любовь?

— Ну, я вот, например, люблю Рэндома — как брата.

— Впервые слышу, чтобы принц Амбера произносил подобные слова! Думаю, что это говорит скорее твой поэтический темперамент.

— Ну и пусть! — воскликнул я. — Но нужно быть совершенно уверенными, что девушке это не повредит.

— Я хорошо все продумала, — сказала Моэри, — и совершенно уверена, что права. Она так или иначе оправится от любого горя, которое он может причинить ей, зато, даже после его ухода, будет одной из наиболее уважаемых придворных дам.

— Что ж, возможно, ты и права, — сказал я, чувствуя, как меня охватывает печаль. — Хотелось бы, чтобы все произошло именно так. Разумеется, я имею в виду девушку... — Потом, помолчав, я взял руку Моэри и поцеловал. — Надеюсь, ты поступаешь мудро.

— Лорд Корвин, ты единственный принц Амбера, которого я, возможно, все-таки поддержу в борьбе за трон, — внезапно сказала она. — Ну, может быть, еще Бенедикта. Он, правда, давно исчез; с тех пор прошло уже двенадцать лет, потом еще десять, и кто знает, где покоятся теперь его кости... А жаль.

— Я ничего этого не знал. Чертова моя память! Пожалуйста, постарайся понять меня и как-то примириться с моей забывчивостью. Я все еще надеюсь увидеть Бенедикта, а он, может быть, уже давно мертв!.. Бенедикт был моим учителем, у него я постиг искусство владеть любым оружием. Он всегда был так добр ко мне!

— Ты тоже очень добр, Корвин, — молвила Моэри; потом взяла меня за руку и привлекла к себе.

— Нет, нет, я вовсе не так уж добр, — возразил я, усаживаясь на кушетку подле нее.

Тут она сказала:

— До обеда у нас времени еще довольно.

И прильнула ко мне нежным обнаженным плечом.

— А когда будет обед? — спросил я.

— Когда я объявлю об этом, — просто ответила она и повернулась ко мне; лицо ее оказалось совсем близко.

Я обнял ее и, расстегнув серебряную пряжку на поясе, стал нежно гладить прелестное обнаженное тело, покрытое зеленоватым пушком.

Там, на кушетке, я и подарил ей обещанную балладу. Губы ее беззвучно вторили мне.

После обеда — я вполне успешно научился поглощать пищу под водой и могу более подробно рассказать об этом при случае — мы встали из-за стола, накрытого в высоком мраморном зале, довольно странно украшенном сетями и веревками с красными и коричневыми поплавками, и отправились куда-то по длинному узкому коридору, ведущему все вниз и вниз, казалось, ниже дна морского. Сначала все мы спускались по сверкающей винтовой лестнице, которая вилась в абсолютной, непроницаемой темноте. Однако примерно ступеней через двадцать брат мой заявил:

— Черт с ней, с лестницей этой!

Перебрался через перила и поплыл вниз рядом с ними, светящимися во мраке.

— Так действительно быстрее, — подтвердила его правоту Моэри.

— Тем более что спускаться еще долго, — вторила ей Дейрдре, которой известно было расстояние от Ребмы до Амбера.

И мы, перешагнув через перила, тоже поплыли вниз, сквозь тьму, рядом со светящимся гигантским винтом лестницы.

Потребовалось, наверное, минут десять, чтобы достигнуть дна; когда ноги наши коснулись его, то оказалось, что стоим мы вполне устойчиво, вода нас ничуть не сносит. Вокруг все было неярко освещено светильниками, горевшими в нишах стен.

— Почему здесь все иначе, чем всюду в Ребме? — спросил я.

— Потому! — отрезала Дейрдре и очень меня разозлила.

Мы находились как бы в гигантской каверне, и во все стороны от ее дна отходили туннели. Мы пошли по одному из них.

Мы шли очень долго. Наконец стали попадаться боковые ответвления, вход в которые часто был закрыт дверью или решеткой; некоторые, впрочем, были открыты.

У седьмого поворота в такой туннель мы остановились перед огромной серой дверью из чего-то похожего на сланец. Дверь, окованная металлом, была по крайней мере в два раза выше меня самого. Я кое-что припомнил о размерах тритонов, глядя на эту дверь. Тут Моэри улыбнулась — именно мне! — сняла с кольца, приделанного к ее серебряному ремню, огромный ключ и вставила его в замок.

Но повернуть его не смогла. Наверное, замком слишком давно не пользовались.

Рэндом что-то прорычал, сердитым движением отбросил ее руку и взялся за дело сам.

Крепко зажав ключ правой рукой, он повернул его.

Раздался щелчок.

Рэндом толкнул дверь ногой, та отворилась, и мы застыли на пороге огромного зала.

Там, на полу, был выложен странный орнамент: Путь. Пол был абсолютно черным и казался гладким, как стекло. И Путь в причудливом переплетении линий сверкал, словно холодное пламя, — собственно, это и было пламя. Оно дрожало, мерцало, и это волшебное свечение делало все в зале каким-то нереальным. Поразительный орнамент был создан силами света. Прямых линий в нем было крайне мало, только ближе к самой середине. Светящийся Путь напоминал мне чрезвычайно замысловатый рисунок фантастического лабиринта — словно в популярной игре, когда требуется с помощью карандаша или еще чего-нибудь в этом роде «выбраться» наружу с другой стороны, например, или куда-то войти. Мне казалось, я уже вижу надпись: «Начинайте отсюда» — где-то у себя за спиной. Протяженность лабиринта, на мой взгляд, была не меньше метров ста, а может быть, и ста пятидесяти.

Из-за всего этого у меня в голове сначала зазвенело, потом возникла знакомая мигающая боль. Мозг мой вздрогнул и съежился от ее ледяного прикосновения. Но если я действительно принц Амбера, то где-то внутри меня, в моей крови, в моих генах, должен быть «записан» этот Путь! Я непременно обязан правильно найти вход и выход из проклятого лабиринта.

— Ох, до чего же хочется курить! — пробормотал я. Женщины захихикали, однако поспешно умолкли, чтобы не сорваться на нервный визг.

Рэндом взял меня за руку и сказал:

— Это тяжкое испытание, но пройти Путь вовсе не так трудно, иначе мы не пришли бы сюда. Двигайся очень медленно и ни в коем случае не отвлекайся. Не пугайся, если порой над тобой снопом взовьются искры. Они не причинят тебе вреда. Все время будет казаться, будто сквозь тебя как бы пропускают слабый электрический ток, а вскоре ты почувствуешь, что силы твои явно возросли. Но главное — не отвлекайся, не забывай, что нужно все время идти дальше! Не останавливайся, что бы с тобой ни происходило, и ни в коем случае не сходи с Пути, иначе сам Путь тебя и убьет.

Рэндом говорил и говорил, подводя меня все ближе, ближе к той стене, что была справа, у дальнего конца лабиринта. Женщины следовали за нами.

Я прошептал Рэндому:

— Я пытался отговорить Моэри от ее планов. Ничего не вышло.

— Я знал, что ты непременно попытаешься, — улыбнулся он. — Не беспокойся! Во-первых, год я могу хоть на голове простоять, а во-вторых, они, возможно, отпустят меня даже и раньше — из-за моего отвратительного поведения. Уж я постараюсь им надоесть.

— Девушку, которую она наметила для тебя, зовут Вайол. Она слепая.

— Ничего себе! — воскликнул Рэндом. — Ну и штучки придумывает Моэри!

— Помнишь, мы с тобой говорили о регентстве?

— Да.

— Тогда будь с этой девушкой подобрее и веди себя пристойно весь год; я отплачу достаточно щедро.

Ответа не последовало.

Потом Рэндом сжал мне руку.

— Твоя подружка, что ли? — хмыкнул он. — Ну и как она?

— Ты что, торгуешься? — удивился я.

— Ага, торгуюсь.

И тут оказалось, что мы стоим в том самом месте, где начинается Путь, — в противоположном углу зала.

Я подошел чуть ближе и увидел цепь спрятанных в глубине огней; Путь начинался почти в том месте, где стояла сейчас моя правая нога. Только свет лабиринта рассеивал непроницаемую тьму вокруг. Я знал, что за стеной зала ледяные глубины вод.

Я шагнул с левой ноги. Очертания моей стопы были повторены цепочкой голубовато-белых искр. Потом я шагнул правой ногой и сразу ощутил тот электрический ток, о котором говорил Рэндом. Потом снова шагнул.

Раздался треск, я почувствовал, как волосы мои встают дыбом, но не остановился.

Тропа начала довольно резко изгибаться, как бы возвращаясь к исходной точке. Я сделал шагов десять, и мне показалось, что нечто невидимое противится моему дальнейшему продвижению вперед. Передо мной как бы вдруг вырос барьер, сделанный из тьмы, из загадочного вещества. Барьер этот не давал мне сделать ни шагу.

Я боролся как мог. Я вдруг догадался, что это Первая Преграда. Если ее преодолеть, то как бы совершишь Деяние, указывающее на то, что сам ты тоже стал частью Пути. Уже только поднять и опустить ногу было невыносимо трудно. Из волос сыпались искры.

Я сосредоточил все свое внимание на изгибе светящейся волшебной линии. Я двигался вдоль нее, тяжело дыша.

Вдруг сопротивление ослабело. Преграда исчезла так же внезапно, как появилась. Я преодолел ее, я чего-то добился!

Я отвоевал часть самого себя.

Я видел похожую на пергамент кожу мертвых узников Аушвица, их конечности, похожие на палки. Я присутствовал на суде в Нюрнберге, я помнил это. Я слышал голос Стивена Спендера, читающего свою «Вену»; я видел мамашу Кураж на сцене в ночь премьеры брехтовского спектакля; я видел, как ракеты выползают вверх из своих металлических гнезд: Пенемюнде, Ванденберг, мыс Кеннеди, Кызылкум в Казахстане... собственными руками я касался Великой Китайской стены. Мы пили пиво и вино, и Шахпур сам сказал мне, что мертвецки пьян. Забравшись в зеленые леса Западной резервации, я за один день снял три скальпа. Я мурлыкал песенку, когда мы маршировали в колонне. Я вспомнил ее начало: «Aupres de la Blonde»[1]... Я вспоминал, вспоминал... свою жизнь в Царстве Теней, которую сами его жители называют Землей. Еще три

[1] Рядом с моей блондинкой *(фр.)*.

шага, и в руке у меня откуда-то появилась окровавленная шпага; я увидел троих мертвецов и собственную павшую лошадь — я бежал от Великой французской революции. И еще многое, очень, очень многое... Я возвращался назад.

Еще шаг.

Шаг назад...

Мертвые. Они окружали меня со всех сторон. Чудовищный запах разлагающейся плоти висел в воздухе; я услышал истошный визг собаки, забитой ногами до смерти. Клубы черного дыма застилали небо, свистел ледяной ветер, несущий мелкий противный дождь. Горло мое горело, руки дрожали, голова была как в огне. Я, спотыкаясь, брел по пустынным улицам, перед глазами плыл туман: меня пожирала лихорадка. Сточные канавы были завалены мусором, дохлыми кошками, содержимым ночных горшков. Раздался звон колокольчика: мимо с грохотом проехал воз, доверху нагруженный трупами, и обдал меня грязью и ледяной водой.

Долго ли я так брел, не знаю. Потом какая-то девица схватила меня за руку, и я разглядел череп — точнее, кольцо с черепом у нее на пальце. Она отвела меня к себе, но обнаружилось, что у меня, во-первых, нет денег, а во-вторых, я в бреду. По размалеванному лицу женщины пробежала гримаса ужаса, на губах задрожала блуждающая улыбка, она выбежала из комнаты, а я упал на ее постель и потерял сознание.

Позже — и снова я не знал, сколько времени прошло, — какой-то здоровенный мужик, видимо, Черный Дэви, сутенер той самой девицы, явился и стал бить меня по лицу, рывком пытаясь поставить меня на ноги. Я вцепился в его правое плечо мертвой хваткой и буквально повис на нем. Этот тип уже почти вышвырнул меня за дверь, но когда до меня дошло, что я вот-вот снова окажусь на холодной улице, я еще теснее прижался к нему, как бы протестуя против такой несправедливости. Я сжимал его плечо изо всех оставшихся еще во мне сил, бормоча едва слышные и полубредовые мольбы.

Потом сквозь пот и слезы, заливавшие мне глаза, я вдруг ясно разглядел его лицо, услышал его пронзительный крик, увидел раззявленный рот, полный гнилых зубов... Его правая рука в том месте, где я вцепился в нее, была сломана.

Он отшвырнул меня левой рукой и, подвывая, упал на колени. Я сел на пол, и на какое-то мгновение голова моя прояснилась.

— Я... я... останусь здесь, пока мне не станет лучше. Убирайся. Если придешь еще — убью.

— У тебя чума! — крикнул Черный Дэви. — За твоим трупом и так придут завтра! — Он сплюнул, поднялся на ноги и, спотыкаясь, вышел из комнаты.

Я кое-как добрался до двери и забаррикадировал ее. Потом вернулся к постели, свалился на нее и заснул.

Утром, когда они явятся за моим телом, их ждет разочарование: несколько часов спустя я проснулся в холодном поту и понял, что лихорадка меня отпустила. Кризис миновал. Я был еще очень слаб, но соображал вполне нормально.

Мне стало ясно, что чуму я победил.

В шкафу нашелся мужской плащ, а в ящике стола было немного денег. Все это я забрал.

Потом опять вышел в ночь. То была Ночь Чумы, поразившей Лондон...

Я по-прежнему не мог вспомнить, кто я и что здесь делаю.

Вот так все и началось...

...Теперь я уже преодолел довольно значительный участок Пути. Огни у меня под ногами продолжали мигать, искры снопом взлетали при каждом шаге. Я полностью утратил чувство направления, неведомо где остались Рэндом, Дейрдре и Моэри. Меня все время било током, глаза норовили выскочить из орбит. Потом в лицо будто вонзились иголки, а по спине пробежал холодок. Я стиснул зубы, чтобы не стучали.

Итак, память я утратил вовсе не в результате автомобильной катастрофы. Уже во времена Елизаветы I я не очень хорошо помнил свое прошлое. Флора, вероятно, решила, что после аварии память моя как раз восстановилась. Она же не могла не знать, в каком я до этого был состоянии. Мне неожиданно пришла в голову мысль, что Флора не случайно оказалась в Царстве Теней: ее прислали туда, чтобы следить за мной.

Выходит, я потерял память еще в шестнадцатом веке?

Точно сказать, конечно, было трудно. Это еще предстояло выяснить.

Я быстро сделал еще шесть шагов вперед и достиг конца изгиба. За ним начинался совершенно прямой участок Пути.

Я ступил на него и сразу почувствовал сопротивление, которое нарастало с каждым моим шагом, — Вторая Преграда.

Потом был поворот направо, потом я еще раз свернул, и еще раз, и еще...

Я действительно был принцем Амбера. Это все-таки оказалось правдой. Нас в семье было пятнадцать братьев — шестеро из них уже умерли — и восемь сестер; две из них тоже ушли в мир иной, а может быть, и четыре. Мы проводили немало времени как в Царстве Теней, так и в нашем собственном мире. В этой связи возникал хотя и чисто академический, но все же не лишенный философского смысла вопрос: мог ли тот, кто обладал такой властью над Царством Теней, создать собственный мир? И каким бы ни был окончательный ответ, судя по практическим результатам, мы такой способностью обладали.

Начался новый изгиб Пути. Я медленно продвигался вперед. Ноги будто приклеивались к полу. Один шаг, два, три, четыре... Я по-прежнему с трудом отрывал свои сверкающие огнями сапоги от пола, но шел дальше.

В голове звенело; сердце, казалось, вот-вот разорвется.

Амбер!

Идти стало гораздо легче, лишь только я вспомнил Амбер.

Амбер был самым величественным городом, который когда-либо существовал или будет существовать. Амбер был всегда и пребудет вовеки; любой другой город в любой точке времени и пространства — лишь отражение, бледная тень одного из мгновений жизни Амбера. Амбер, Амбер, Амбер... Я помню тебя. И никогда не забуду. Видимо, где-то в самой глубине моей души всегда жила память о тебе; в течение долгих столетий, проведенных мной в Царстве Теней, на Земле, сновидения мои были полны твоими золотисто-зелеными шпилями и круто поднимающимися ввысь террасами садов и полей. Я помню твои широкие площади, украшенные клумбами с красными и золотистыми цветами. Я помню, сколь сладостен твой воздух, помню твои бесчисленные храмы и дворцы, ту радость и наслаждение, что таил ты в себе и вечно будешь дарить людям. Амбер, бессмертный город, недосягаемая вершина для всего Истинного Мира, я никогда не смогу забыть тебя, как не смогу забыть и тот счастливый миг, когда

на Пути, ведущем из царства Ребма, я наконец вспомнил тебя в сверкании стен и шпилей: когда после мучительного голода я наконец вкусил пищу и после долгих дней воздержания познал любовь Моэри. Именно тогда я понял, что никто не может сравниться с моей любовью к тебе, ибо само воспоминание о твоей красоте уже было для меня наслаждением. И даже сейчас, когда я, полный мыслей о хаосе, рассказываю свою историю тому единственному, кто, может быть, впоследствии перескажет ее другим, чтобы она не исчезла бесследно, когда умру я, даже сейчас я люблю тебя, о мой город, править которым я был рожден...

Еще десять шагов, и вдруг передо мной возник водоворот огненных узоров. Я помедлил, изучая его... и холодные воды сразу смыли пот с моего разгоряченного чела.

То был сложный, дьявольски сложный узор. Я все еще медлил, и мне вдруг показалось, что вода вокруг забурлила, возникли стремительные течения, вполне способные вынести меня из этого зала. Сознавая, что если покину Путь, не пройдя его до конца, то погибну, я не смел оторвать глаз от огоньков, что сверкали впереди, и поэтому не представлял: сколько уже прошел, сколько еще осталось идти...

Водяные вихри утихли так же внезапно, как и возникли. Ко мне вдруг вернулись воспоминания — о тех временах, когда я был принцем Амбера... Нет, о них я ничего не расскажу, эти воспоминания принадлежат лишь мне одному, некоторые из них связаны со злом и жестокостью, а некоторые — с высоким благородством. Это воспоминания моего детства, которое протекло в огромном королевском дворце, где над башнями гордо реяло знамя Оберона, моего отца, — на зеленом поле белый единорог, вставший на дыбы и обращенный влево.

Рэндом проходил по этому Пути. Даже Дейрдре смогла его пройти. И я, Корвин, непременно пройду Путь до конца, как бы это ни было трудно.

Я пробился наконец сквозь огненный узор и вышел к Большому Изгибу. И те силы, что управляют Вселенной, сразу обрушились на меня, стараясь сломить мое сопротивление.

У меня все-таки было одно преимущество перед другими: я знал, что некогда прошел весь этот Путь, а значит, смогу пройти его еще раз. Это весьма помогало справляться со стра-

хом, который порой черным облаком окутывал меня, потом исчезал и возникал вновь с удвоенной силой, пытаясь со мной расправиться. Я упорно продвигался по Пути, постепенно вспоминая все: те столетия, что я провел в Царстве Теней, на Земле, и в других местах; многие из этих мест были мне дороги, особенно одно — его я любил больше всего на свете, если не считать Амбера.

Путь три раза круто изогнулся, затем последовал прямой участок, затем снова несколько крутых поворотов... И тут я с новой силой осознал то, чего, в сущности, никогда и не забывал: я обладал властью над Царством Теней.

Пришлось сделать еще с десяток крутых поворотов. Меня уже начало мутить. Затем последовал короткий изгиб, прямой участок и, наконец, Последняя Преграда.

Каждый шаг вызывал адскую боль. Силы, управляющие Вселенной, старались сбить меня с Пути. Воды вокруг то были холодны как лед, то вдруг превращались в кипяток. Мне казалось, что сильные течения бьют прямо в грудь. Я боролся с этими силами каждым своим новым шагом, преодолевая их напор. Огненные искры из-под ног взлетали уже до пояса, потом стали достигать груди, плеч, замелькали перед глазами... И наконец окружили меня всего мерцающим облаком, так что я почти не видел Пути.

Еще один изгиб и за ним — полный мрак.

Шаг, другой... Последний шаг было сделать так трудно, словно я пытался проломить телом бетонную стену.

Но я все же сделал этот шаг.

И тогда наконец смог обернуться и взглянуть на то, что только что преодолел. Сил совсем не осталось, но я не мог позволить себе рухнуть на колени. Я был подлинным принцем Амбера, и, клянусь, ничто не смогло бы заставить меня унизиться в присутствии равных мне! Даже Путь!

Я небрежно махнул рукой туда, где, как мне казалось, они должны были находиться. Видели они меня или нет, это уже неважно.

Какое-то время я стоял неподвижно и размышлял.

Теперь я понял, в чем заключается могущество Пути. Пройти по нему в обратном направлении было бы уже совсем не страшно.

Но зачем?

Мне бы очень пригодилась сейчас моя колода карт, но ее у меня не было. Впрочем, Путь мог сослужить ту же службу...

Они ждали меня — мои брат и сестра, и Моэри тоже. Бедра ее белели, как мраморные колонны.

Дейрдре могла теперь позаботиться о себе сама; в конце концов, жизнь мы ей спасли. Я не считал себя обязанным оставаться при ней, чтобы оберегать ее и защищать. Рэндом застрял в Ребме на год; впрочем, у него хватит пороху попытаться бежать оттуда по Огненному Пути. Ну а с Моэри я был рад познакомиться поближе; возможно, я еще навещу ее когда-нибудь, мне будет приятно вновь увидеть ее. Я закрыл глаза и опустил голову.

Но краем глаза все-таки успел заметить промелькнувшую рядом странную тень.

Рэндом? Пытается пройти волшебным Путем? Но ведь он в любом случае не знает, куда я направляюсь. Никто этого не знает.

Я открыл глаза. Я по-прежнему стоял посередине Пути, однако теперь видел его как бы с противоположной стороны.

Я ужасно замерз и устал, но находился теперь в Амбере — в точно таком же зале, как тот, который только что покинул. Только тот, первый, был лишь отражением этого, настоящего. Отсюда, из центра Пути, я мог по собственному желанию перенестись в любое место Янтарного Королевства.

Однако вернуться назад было бы сложно.

Я стоял неподвижно и размышлял.

Если Эрик разместился в королевских покоях, искать его нужно именно там. Или, может быть, в тронном зале. Но тогда придется в одиночку бороться за свою прежнюю власть, вновь пройти Путь и отыскать ту точку, откуда открывается дорога к моему спасению.

Я перенесся в самое безопасное место, которое помнил во дворце. Это была крошечная комната без окон; свет проникал туда сквозь узкие смотровые щели, находившиеся высоко под потолком. Запер дверь на засов, вытер пыль с деревянной скамьи у стены, расстелил на ней свой плащ и улегся, чтобы хоть немного поспать. Если кто-то вздумает сунуться сюда, я услышу его шаги задолго до того, как он подойдет к двери.

С этой мыслью я заснул.

...Через некоторое время я проснулся. Встал, отряхнул пыль с плаща и надел его. Потом начал подниматься по вмурованным в стену деревянным ступеням лестницы, ведущей в верхние покои дворца.

Я знал, где была нужная мне дверь — третья по счету.

Оказавшись на небольшой площадке, я поискал смотровую щель. Потом заглянул внутрь. Никого. Библиотека была пуста. Я прикрыл щель настенной панелью и вошел внутрь.

Как всегда, я замер, пораженный огромным количеством собранных здесь книг. Такие библиотеки всегда производили на меня неизгладимое впечатление. Я внимательно осмотрел все вокруг, включая витрины с разложенными в них диковинками, а потом подошел к хрустальной горке, где хранилось то, что и объединяло нашу большую семью, служило предметом наших вечных насмешек друг над другом. Там лежали четыре колоды наших семейных карт. Я намеревался вытащить одну, но так, чтобы не поднять тревоги, ненароком включив скрытую сигнализацию.

Мне понадобилось, пожалуй, минут десять, чтобы справиться с замком. Наконец я извлек одну колоду и, усевшись в кресло, стал думать, что делать дальше.

Карты были точно такие же, как у Флоры. На ощупь холодные. На них были изображены все члены семьи. Теперь я уже знал, зачем и почему.

Я перетасовал колоду и должным образом разложил карты на столе. Они сказали мне, что вскоре наше семейство ожидают неприятности. Я сложил карты в колоду — все, кроме одной.

Той, на которой был изображен мой братец Блейз.

Остальные же карты я положил в футляр и сунул за пояс. Потом стал рассматривать физиономию Блейза.

И тут замок в огромной двери заскрипел. Что мне было делать? Я проверил, легко ли вынимается из ножен мой клинок, и стал ждать, на всякий случай спрятавшись за столом.

Осторожно выглянув оттуда, я увидел, что это слуга по имени Дик, который просто пришел делать уборку. Он начал вытряхивать пепельницы и корзины для мусора и вытирать пыль с полок.

Я решил не дожидаться, пока он на меня наткнется, и вышел из своего укрытия.

— Привет, Дик. Узнаешь меня?

Он обернулся, бледнея прямо на глазах, и хотел было броситься бежать, но взял себя в руки и ответил:

— Конечно, господин мой. Разве вас можно забыть?

— Ну почему же нет? Ведь столько времени прошло.

— Что вы, лорд Корвин, никогда!

— Я здесь, видишь ли, без официального разрешения занимаюсь не совсем законными изысканиями, — сказал я. — Так что, если Эрик выразит неудовольствие, когда ты сообщишь, что видел меня, будь добр, объясни ему, что я всего лишь воспользовался своим правом бывать здесь и что вскоре он увидит меня лично.

— Я непременно передам, лорд Корвин, — сказал он, кланяясь.

— Присядь-ка на минутку, дружище Дик, я тебе еще кое-что расскажу.

Он сел, я тоже.

— Некогда, — начал я, — меня считали без вести пропавшим, даже погибшим. Но поскольку я все же оказался жив и обладаю не только прежними умом и способностями, но и правами, то, к сожалению, обязан оспорить претензии Эрика на трон Амбера. Конечно, сей вопрос решить будет нелегко, однако не он ведь старший сын в семье, и я уверен, он не получит достаточной поддержки, если обретет конкурента. Учитывая все это, а также в силу иных причин, по большей части личных, я намерен начать против него борьбу. Я еще не решил, как и где встречусь с ним, но, клянусь Господом, он заслуживает, чтобы ему как следует всыпали! Так и передай. Если Эрик желает меня видеть, скажи, что я по-прежнему в Царстве Теней, только в ином, нежели прежде. Может быть, он догадается, где именно. Скажи, что погубить меня нелегко, я все время настороже; по крайней мере, я столь же осторожен, как он сам. А еще — я буду бороться с ним до самого конца, до тех пор, пока не погибнет один из нас. Ну, что скажешь на это, старина?

Он взял мою руку и поцеловал.

— Приветствую тебя, принц Амбера, лорд Амбера!

В глазах его стояли слезы.

В это мгновение дверь со скрипом отворилась.

Вошел Эрик.

— Здравствуй, брат, — сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно противней. — Право, не ожидал встретить тебя столь скоро, ведь сейчас еще только самое начало нашей игры. Ну, как дела в Амбере?

Его глаза от изумления чуть не вылезли из орбит, но голос был исполнен сарказма или чего-то в этом роде. Иного слова я подобрать не мог.

— Дела в Амбере, Корвин, — ответил Эрик, — идут паршиво.

— Жаль, — сказал я. — И что мы с тобой можем сделать, чтобы исправить такое положение?

— Я знаю что, — произнес он и так глянул на Дика, что тот вихрем вылетел из библиотеки, плотно прикрыв за собой дверь. Только замок щелкнул.

Эрик положил руку на эфес своего меча.

— Ты хочешь отнять у меня трон.

— Да. И не только я один, — сказал я.

— Да, наверное, — вздохнул он. — Дурная голова ногам покоя не дает! Совершенно не понимаю, зачем он нам всем так понадобился, почему мы все так стремимся заполучить этот трон?.. Ты ведь помнишь, наверное, что я уже дважды одержал над тобой победу, однако милостиво сохранил тебе жизнь. Там, в Царстве Теней, помнишь?

— О да, ты был чрезвычайно милостив, — сказал я. — Бросил меня подыхать от чумы! Ну а в первый раз, насколько я помню, результат больше смахивал на ничью.

— Что ж, теперь мы снова встретились лицом к лицу, Корвин, — сказал он. — Я старше тебя и умнее. Если ты намерен решать наш спор в бою, я вполне готов к этому. В случае победы ты, вероятно, получишь и трон. Что ж, попробуй. Мне кажется, однако, что успеха ты не добьешься. И вообще, мне порядком надоели твои наглые притязания. Ну, давай! Клинок наголо! Посмотрим, чему ты научился в Царстве Теней!

И мы встали друг напротив друга с мечами в руках.

Я обошел вокруг стола.

— Ну и хутспа[1] у тебя! Да, Эрик, нахальства тебе, как всегда, не занимать! — сказал я. — С чего это ты вдруг решил, что лучше всех остальных? И что трон принадлежит именно тебе?

[1] Самообладание, граничащее с наглостью *(идиш)*.

— А с того, что именно я успел его захватить! — ответил он. — Попробуй отними!

И я попробовал.

Я нанес страшный рубящий удар, но он успешно парировал. Затем уже мне пришлось отбивать его ответный выпад. Эрик метил мне прямо в сердце. Парируя, я задел ему руку у кисти.

Он снова отбил мой удар и вдруг, зацепив ногой табуретку, швырнул ее между нами. Я подхватил ее и кинул обратно, метя ему в лицо, но промахнулся. Он снова пошел на меня.

Я отбил его атаку, он — мою. Я успел сделать выпад, и снова обороняться пришлось ему. Эрик парировал, бросился на меня, получил отпор и ретировался.

Тогда я попробовал навязать ему свою тактику. Я отступил на шаг, сделал обманный выпад, финт, резко повернулся и попытался в броске достать клинком его руку.

Атака удалась. Я его ранил. Полилась кровь.

— Черт бы тебя побрал, дорогой братец! — злобно рявкнул он, отступая. — Мне докладывали, что еще и Рэндом с тобой явился.

— Верно, — сказал я. — Я не единственный твой противник!

Он снова сделал выпад, на этот раз заставив меня отступить. Внезапно я понял, что, несмотря на все мои старания, Эрик все равно сильнее меня. Он был одним из лучших фехтовальщиков, с кем мне когда-либо доводилось встречаться. Я чувствовал, что не смогу его одолеть. Я парировал все его выпады, как безумный наступал и снова отступал под его напором, но он постоянно, шаг за шагом все-таки гнал меня. Мы оба имели за плечами опыт, полученный в течение многих веков от лучших мастеров клинка. Величайшим из наших учителей был Бенедикт, но здесь он давно не появлялся и не мог помочь ни одному из нас. Тогда я стал хватать все, что попадалось под руку, и швырять в Эрика. Он уклонялся и продолжал неумолимо наступать, могучий и непобедимый. Я же по-прежнему отступал, все время уклоняясь вправо, — так ему труднее было попасть в меня. Клинок постоянно приходилось держать перед лицом, на уровне глаз, и постоянно обороняться. Мной овладевал страх. Эрик был действительно ве-

ликолепным бойцом. Если бы я не так его ненавидел, я бы им восхищался.

По мере того как я продолжал отступать, меня все больше сковывали страх и сознание того, что такой соперник мне не по силам. Я не мог его одолеть. Во всем, что касалось фехтования, Эрик был, безусловно, более опытным и умелым. Я выругался, но и это не помогло. Я попробовал провести еще три хитрые, прямо-таки изощренные атаки... Все они не удались. Он парировал любой выпад и упорно продолжал давить на меня, заставляя отступать.

Нужно сказать, что и сам я очень неплохой фехтовальщик. Дело лишь в том, что Эрик фехтовал значительно лучше.

Я услышал, что в зале за стеной поднялась суматоха. Видимо, подоспели приспешники Эрика. Так что если он сам не убьет меня в ближайшее время, то они это сделают определенно скорее всего стрелой из арбалета.

Его правая рука сильно кровоточила. Эрик по-прежнему твердо держал меч, но мне вдруг показалось, что при иных обстоятельствах, даже ведя оборонительный бой, я мог бы просто измотать его, прежде всего потому, что он ранен и потерял много крови. Потом можно было бы попробовать пробиться сквозь его защиту, когда он начнет уставать...

Я выругался сквозь зубы, а Эрик рассмеялся.

— Ты глупо поступил, явившись сюда, — сказал он.

Я продолжал отступать, только теперь к двери. Когда Эрик понял, что я задумал, было уже поздно. Признаться, рискованный план: у двери не оставалось ни малейшего пространства для маневра или отступления. Но риск был все же лучше неотвратимой гибели.

Левой рукой я ухитрился быстро задвинуть засов на двери, сама ее створка была тяжелой и прочной. Прислужникам Эрика понадобится некоторое время, чтобы ее выбить и войти в библиотеку. Правда, за этот фокус я расплатился раной в плечо. К счастью, в левое.

Я улыбнулся. Хорошая мина желательна при любой игре.

— Может быть, это ты поступил глупо, явившись сюда? Ты уже понемногу теряешь темп, не так ли? — И я внезапно начал яростную атаку.

Он успешно парировал мои удары, но все-таки вынужден был отступить шага на два.

— Тебя убьет твоя же рана, — продолжал я. — Ты постепенно слабеешь. Рука уже не так хорошо держит меч...

— Заткнись! — рявкнул Эрик, и я понял, что его броня наконец дала трещину. Мои шансы явно увеличивались. Я усилил нажим, вложив в атаку последние силы; долго мне так не выдержать.

Но Эрик об этом не догадывался.

Я все-таки заронил в его душу семена страха, и теперь он непрерывно отступал под моим яростным напором.

В дверь уже вовсю стучали, однако пока об этом можно было не думать.

— Сегодня я одолею тебя, Эрик. Я уже не тот, каким был раньше, я стал сильнее. А ты к тому же ранен, братец.

Я видел, как в глазах Эрика мелькнул страх, как страх постепенно разлился по его лицу. Изменилась и его тактика: он ушел в глухую оборону, отступал при каждом моем выпаде. И он не притворялся, я был в этом уверен. Мой блеф явно попал в цель. На самом-то деле он всегда фехтовал более умело, чем я. А может быть, я просто внушил себе эту уверенность в его непобедимости? И Эрик всеми силами мою уверенность поддерживал? Что, если я все это время сам себя обманывал? Может быть, я вовсе не хуже его? Может быть. Я вдруг ощутил странный прилив сил. И повторил тот же финт, который в начале нашего поединка принес мне успех. И опять мне удалось его ранить; снова на руке его появилась кровь.

— Глупо с твоей стороны, Эрик, дважды попадаться на одну и ту же уловку, — улыбнулся я.

Он вновь отступил и загородился большим креслом. Некоторое время мы обменивались ударами над спинкой.

— Мои люди наверняка уже пошли за топорами, — сказал Эрик, задыхаясь. — Сейчас вышибут дверь.

Я продолжал улыбаться. Все еще улыбаясь, я произнес:

— Ну, несколько минут это все же займет. Более чем достаточно, чтобы покончить с тобой. Ты ведь едва паришь мои удары, а кровь твоя все вытекает! Посмотри-ка!

— Заткнись!

— К тому времени как они вышибут дверь, в Амбере останется только один принц. Но не ты, Эрик!

Тогда он схватил левой рукой несколько книг с ближай-

шей полки и швырнул в меня. Одна попала мне в лицо, остальные полетели на пол. Но он не воспользовался и этой возможностью, чтобы атаковать меня, а бросился через всю комнату к небольшому стулу, схватил его и зажал в левой руке как щит. Затем забился в угол, прикрываясь этим «щитом» и выставив перед собой клинок.

За стеной вновь послышался шум: в дверь ударили топорами.

— Ну давай, что же ты, — сказал он. — Попробуй теперь меня достать!

— А ведь ты боишься! — поддразнил я его.

Эрик рассмеялся:

— Теперь это уже неважно. Тебе меня не одолеть, а дверь сейчас выломают. И тогда ты покойник.

С этим трудно было не согласиться. Он мог теперь отбиваться от меня по крайней мере несколько минут.

Я быстро отбежал к противоположной стене, левой рукой отодвинул панель, скрывавшую потайной ход, по которому сюда пробрался.

— Ну ладно, — сказал я, — похоже, ты еще поживешь, хотя и недолго. Сегодня тебе повезло. Только когда мы встретимся в следующий раз, тебе уже никто не поможет.

В ответ он плюнул и начал ругаться. Как всегда, нес всякие гадости. Даже свой импровизированный «щит» отбросил, чтобы сопровождать ругательства неприличными жестами. Я нырнул в тайный лаз и задвинул за собой панель.

Рядом со мной вдруг что-то глухо грохнуло, и деревянную панель проткнул клинок — дюймов восемь блестящей стали. Эрик напоследок метнул в меня свой меч! Вообще-то он здорово рисковал — я ведь мог и вернуться! Но он понимал, что сейчас я не вернусь, ведь дверь уже почти вышибли.

Я быстро спустился по лестнице в комнатушку, где провел предыдущую ночь, и подумал, что мое умение владеть мечом значительно возросло. В начале поединка с Эриком я постоянно ощущал психологическое давление с его стороны, и благодаря этому он чуть не одержал надо мной победу. Теперь же я в его превосходстве сомневался! Вполне возможно, что столетия, проведенные в Царстве Теней, не прошли для меня даром. Может быть, во мне прибавилось бойцовских качеств, и я просто стал опытнее. Во всяком случае, я чувствовал, что

сравнялся с Эриком в искусстве фехтования. Это вселило в меня уверенность. Если мы встретимся еще раз — а я был уверен, что это непременно произойдет, — и будем биться один на один, без помощников и «доброжелателей», я его, наверное, одолею. Во всяком случае, не премину воспользоваться такой возможностью. Сегодня наша встреча Эрика явно напугала. Это хорошо: пусть прежде подумает и не действует столь стремительно.

Спрыгнув с высоты в три человеческих роста, я мягко приземлился. Пока что я опережал погоню минут на пять. Этого вполне достаточно. Ведь теперь у меня были наши волшебные карты!

Существовало два способа быстро исчезнуть из Амбера и перенестись в Царство Теней.

Первый из них — Путь, но им редко пользовались для столь ничтожной цели.

Второй — фамильные карты. Конечно, если можно довериться кому-то из собственных братьев...

Я выбрал Блейза. Ему я почти доверял — он ведь все-таки приходился мне родным братом; кроме того, он и сам был в беде, а я мог ему помочь.

На карте он был как живой: ярко-рыжие волосы, словно огненная корона; одет в красные и оранжевые шелка; меч в правой руке, кубок — в левой. В синих глазах пляшут черти. Борода тоже огненно-рыжая. На обнаженном клинке — до меня это внезапно дошло — отражаются огоньки Пути. Поблескивают кольца и перстни, украшающие его пальцы.

Контакт между нами возник внезапно, как порыв ледяного ветра. Изображение на карте вдруг укрупнилось и постепенно обрело размеры обычного человека; затем Блейз переменил позу и встал поудобнее. Его глаза, похоже, пытались разглядеть мое лицо получше. Он шевельнул губами:

— Кто вызывает меня?

— Корвин, — ответил я.

Он протянул мне левую руку, в которой уже не было кубка.

— Что ж, пожалуй ко мне, коли таково твое желание.

Я протянул руку, и наши пальцы встретились. Я сделал шаг вперед.

В левой руке я по-прежнему сжимал карту, но стоял теперь рядом с живым Блейзом на вершине скалы. С одной сто-

роны зияло глубокое ущелье, с другой возвышался замок. Небо над головой было огненного цвета.

— Привет, Блейз, — сказал я, пряча карту вместе с остальными. — Спасибо за помощь.

Внезапно голова у меня закружилась: я вспомнил, что рана на моем левом плече все еще кровоточит.

— Да ведь ты ранен! — воскликнул Блейз, обнимая меня за плечи.

Я хотел ответить, но потерял сознание.

Поздним вечером мы сидели в одном из залов его замка, пили виски, курили и неторопливо беседовали.

— Итак, ты действительно побывал в Амбере?

— Да.

— И ранил Эрика на поединке?

— Да.

— Черт возьми! Жаль, что не убил! — Потом он подумал и добавил:

— Впрочем, может быть, и хорошо. Тогда бы ты непременно захватил трон. Вероятно, лучше иметь противником Эрика, а не тебя. С ним мне справиться будет легче. Что ты намерен делать теперь?

Я решил говорить с ним совершенно открыто:

— Мы все хотим одного: захватить трон. Поэтому нет смысла лгать друг другу. Я вовсе не собираюсь убивать тебя, чтобы расчистить себе дорогу. Это было бы по меньшей мере глупо. Но, с другой стороны, я не намерен отказываться от своих притязаний только потому, что сейчас пользуюсь твоим гостеприимством. Рэндом — совсем другое дело, но у него сейчас и проблемы совсем другие. От Бенедикта уже давно никаких вестей. Джерард и Кейн поддерживают Эрика и вроде бы отступились от собственных прав и притязаний. То же самое можно сказать о Джулиане. Остаются Брэнд и сестры. Намерения Брэнда мне неизвестны, но я точно знаю, что Дейрдре практически бессильна — если, конечно, они с Ллевеллой не вздумают подготовить войско в Ребме. Что касается Флоры, то она клевретка Эрика. Вот о Фионе я ничего не знаю...

— Значит, пока что остаемся только ты да я, — сказал Блейз, вновь наполняя наши бокалы. — Да, ты прав. Я тоже не знаю, что замышляют наши родственнички, но вполне

способен оценить возможности каждого из них. И я считаю, что пока что нахожусь в наилучшем положении. Ты сделал правильный выбор, когда вызвал меня. Если ты меня поддержишь, предлагаю тебе регентство.

— О Господи! — вздохнул я. — Ну ладно, посмотрим.

Мы выпили.

— Какой тактики будем придерживаться? — спросил Блейз. Это был действительно важный вопрос.

— Можно снарядить армию и осадить Амбер, — предложил я.

— В каком Царстве Теней у тебя армия? — осведомился он.

— Ну, это уж мое дело, — сказал я. — Впрочем, не думаю, чтобы мы с тобой стали врагами. Если кто-то из нас все-таки должен занять трон, то я бы предпочел либо тебя, либо себя, а может быть, Джерарда или Бенедикта — если тот еще жив.

— Но больше всего, разумеется, сам хотел бы?

— Конечно.

— Что ж, мы вполне понимаем друг друга. А потому можем действовать вместе. Пока что.

— Мне тоже так кажется, — кивнул я. — Иначе я вряд ли явился бы сюда, чтобы оказаться в полной твоей власти.

Он улыбнулся в бороду:

— Тебе же все равно нужен союзник. А я все-таки — наименьшее зло из всей нашей семейки.

— Да, пожалуй, — согласился я.

— Очень бы мне хотелось, чтобы Бенедикт оказался здесь! И еще — чтобы Джерард все-таки не продался Эрику.

— Мало ли чего тебе хочется, — откликнулся я. — Надо еще и действовать. Сильное желание в сочетании с активностью дают порой неплохие результаты, знаешь ли.

— Красиво говоришь, — заметил Блейз.

Некоторое время мы молча курили.

— Насколько я могу тебе доверять? — спросил он.

— Настолько же, насколько я могу доверять тебе.

— Тогда давай заключим договор. Откровенно говоря, я считал тебя мертвым. И уж никак не ожидал, что ты появишься именно сейчас и тут же предъявишь свои права. Но ты, тем не менее, появился, и с этим приходится считаться. Давай же объединим наши армии и осадим Амбер. Тот, кто сумеет вы-

жить, получит высшую награду. Если выживем мы оба — что ж, всегда можно решить судьбу трона честным поединком!

Я колебался. Все это представлялось слишком заманчивым. В конце концов я ответил:

— Хорошо. Дай мне время до утра. И тогда получишь ответ, ладно?

— Согласен.

Мы допили виски и некоторое время сидели в раздумье. Плечо еще побаливало, но спиртное мне очень помогло. Как и целебная мазь, что дал Блейз. Хмель, правда, сделал нас излишне сентиментальными.

Странно это все-таки, думал я: иметь столько братьев и сестер и десятилетиями не видеться с ними, не знать даже, как и чем они живут! Мы предавались воспоминаниям, пока у обоих на стали слипаться глаза от усталости. Тогда Блейз хлопнул меня по здоровому плечу и сказал, что, наверное, все-таки пора спать и что утром слуга подаст мне завтрак прямо в постель. Я кивнул, мы обнялись на прощание, и он удалился к себе.

Я подошел к окну и выглянул наружу. Комната находилась на одном из верхних этажей, отсюда хорошо были видны окрестности.

Вокруг замка горели тысячи костров. Армия Блейза расположилась лагерем под крепостными стенами. Да, Блейз явно собрал внушительные силы. Я почувствовал легкий укол зависти. Но, с другой стороны, это же здорово! Если кто-то и мог одолеть Эрика, то, по всей вероятности, именно Блейз. Он мог стать неплохим правителем Амбера. Но я все же предпочел бы сам занять королевский трон.

Я продолжал наблюдать. Между костров двигались весьма странные фигуры. Интересно, из кого же состоит войско Блейза?

Впрочем, это не важно; главное, что оно гораздо больше того, чем располагаю я сам.

Я вернулся к столу и налил себе еще виски. Но прежде чем выпить, зажег свечу и вытащил из-за пояса украденную колоду карт, разложил их на столе и выбрал ту, на которой был изображен Эрик. Эту карту положил перед собой, а остальные убрал.

Через некоторое время изображение ожило. Эрик был уже

в ночной рубахе. Рука забинтована. Я услышал, как он спросил: «Кто это?»

— Это я, Корвин. Как ты себя чувствуешь?

Он выругался. А я рассмеялся. Это была очень опасная игра. Наверное, виной моей наглости был хмель.

— Мне просто захотелось сообщить тебе, что у меня все в порядке, — продолжал я. — А еще — дать тебе один совет. Насчет дурной головы. Ты был прав. Но боюсь, тебе недолго осталось носить ее на плечах. Так что берегись, братец! День, когда мы вновь встретимся с тобой в Амбере, будет твоим последним. Мне захотелось тебе об этом напомнить: ведь день этот недалек!

— Что ж, приходи, — ответил Эрик. — Но за твою жизнь тогда я не дам и ломаного гроша.

По его глазам я понял, что он наконец увидел меня; между нами тут же возник контакт.

Я показал ему нос и быстро накрыл карту ладонью.

Это было все равно что повесить телефонную трубку. Я сунул карту в колоду.

Засыпая, я все думал об армии Блейза, что расположилась лагерем вокруг замка; а еще — об обороне Эрика.

Да, оборона у него мощная, разрушить ее будет нелегко!

Глава 6

Страна, где я оказался, называлась Авернус, а солдаты Блейза были все-таки не совсем людьми. На следующее утро я рассмотрел их как следует, обходя лагерь вместе с Блейзом. Выше двух метров ростом, краснокожие и почти безволосые, с совершенно кошачьими глазами. На руках и ногах у них было по шесть пальцев, украшенных мощными когтями. Уши с острыми кончиками стояли торчком. Одежда на них, преимущественно синего или серого цвета, выглядела шелковистой, но это был не шелк. Каждый воин был вооружен двумя короткими клинками с крюком у острия.

Климат здесь был теплый, растительность — необыкновенно яркая, а нас считали богами.

Блейз подыскал страну, где религиозные представления

были связаны с почитанием богов-братьев, судя по всему, весьма похожих на нас. Между этими божествами шло вечное противоборство. Один из них — воплощение сил зла — сумел захватить власть и всячески преследовал остальных братьев, олицетворяющих силы добра. Конечно, было в этом культе и понятие о конце света, когда уцелевшие братья должны будут участвовать в последней битве за победу добра.

С левой рукой на перевязи я обходил ряды солдат, представителей этого народа, которым вскоре суждено было погибнуть за нас. Остановившись возле одного из них, я спросил:

— Ты знаешь, кто такой Эрик?

— Злое божество.

Я кивнул и сказал:

— Верно. Молодец.

И двинулся дальше.

Да, пушечное мясо, собранное Блейзом, было действительно отличного качества!

— Большая у тебя армия? — спросил я.

— Около пятидесяти тысяч.

— Поздравляю. И приветствую тех, кто готов отдать за тебя жизнь, — сказал я. — Но с пятьюдесятью тысячами Амбер тебе не взять, даже если ты сумеешь прорваться к самому подножию Колвира, сохранив почти все войско, что практически невозможно. Глупо рассчитывать на силы этих бедолаг в битве против бессмертного города. Разве их игрушечные сабли на что-нибудь годятся?

— Да, конечно, — ответил Блейз. — Но у меня есть и еще кое-что.

— Во всяком случае, людей тебе понадобится гораздо больше.

— А что ты скажешь насчет трех флотилий, каждая из которых равна по силе флотам Джерарда и Кейна вместе взятым?

— Все равно этого недостаточно, — произнес я. — Разве что для начала...

— Да, но я продолжаю строить корабли и вербовать людей! — воскликнул он.

— Что ж, строй, да побольше. Эрик, не выходя за пределы Амбера, способен уничтожить нас всех уже во время нашего

похода через Царство Теней. Когда же уцелевшие отряды подойдут к Колвиру, он просто наголову разгромит и вырежет их. А ведь чтобы достичь Амбера, надо еще подняться на вершину! Сколько воинов останется у тебя, когда ты подойдешь к городским воротам? Да Эрику и пяти минут хватит, чтобы их уничтожить. Так что если это все, что у тебя есть, братец, то я весьма сомневаюсь в успехе нашего похода.

— Эрик объявил, что его коронация состоится через месяц, — сказал Блейз. — К тому времени у меня будет по крайней мере втрое больше сил. Может быть, мне удастся собрать в Царстве Теней тысяч двести пятьдесят. Там еще много стран, подобных этой, и я свободно могу проникать в любую из них. Я соберу поистине бесчисленную армию. Такую, какие собирали крестоносцы. Никто еще не выступал против Амбера со столь мощными силами.

— Но у Эрика тоже пока что есть время, и он будет усиливать оборону. Не знаю, Блейз... Это похоже на самоубийство. Встретившись с тобой, я не сразу понял сложившееся положение.

— Что же ты сам не привел с собой войско? Ведь ты-то явился один! По слухам, ты некогда командовал целыми армиями. Где же они теперь?

Я отвернулся.

— Их больше нет.

— Ты что же, не можешь отыскать собственную Тень в Царстве Теней?

— Не хочу даже и пробовать, — ответил я. — Прости.

— Тогда какой мне от тебя прок?

— Хорошо, я уйду, если ты именно этого хочешь. И если я нужен тебе только для того, чтобы у границ Амбера валялось побольше трупов.

— Погоди! — вскричал Блейз. — Я погорячился. Нет, не уходи, пожалуйста! Мне очень нужны твои советы. И не только. Останься, прошу тебя. Я даже готов перед тобой извиниться!

— В этом нет необходимости, — сказал я, понимая, что это значит для принца Амбера. — Ладно, я остаюсь. Мне кажется, я все-таки смогу помочь тебе.

— Прекрасно! — воскликнул Блейз и хлопнул меня по здоровому плечу.

— Ну а насчет армии можешь не беспокоиться: я приведу тебе еще воинов.

Это свое обещание я выполнил.

Я побывал во многих странах Царства Теней и подыскал племя вполне похожих на людей существ — с покрытыми густой шерстью телами, темнокожих, клыкастых и снабженных весьма мощными когтями. Что касается их умственных способностей, то они напоминали учеников младших классов, знающих еще очень мало, но чрезвычайно любознательных. Они были честны и искренне преданны мне. Их легко оказалось обмануть столь изощренным мерзавцам, как мы с Блейзом. Я себя чувствовал, как диск-жокей за пультом: знай себе нажимай на нужные кнопки!

Я привел около ста тысяч воинов, которые молились на меня и почитали за бога; все они готовы были с оружием в руках идти туда, куда мы их поведем, хоть к черту в пасть.

На Блейза это произвело должное впечатление. Он прямо-таки сиял. Через неделю моя рана окончательно зажила. А через два месяца наша армия составляла более двухсот пятидесяти тысяч.

— Корвин, Корвин! Ты все тот же! — заявил мне Блейз, и мы на радостях выпили за дальнейший успех.

Но меня одолевали странные чувства. Большинству этих солдат суждено погибнуть. И ответственность за это лежит на мне, хотя я ни на минуту не забывал о разнице между Царством Теней и Подлинным Миром. И все-таки каждая смерть будет настоящей смертью живого существа! Об этом я тоже не мог забыть.

Вечерами я часто доставал свои карты. Эта колода была полной. Одна из карт изображала Амбер; с ее помощью я мог в одно мгновение оказаться в Вечном Городе. На других были портреты моих погибших или пропавших без вести родственников. Был там и мой отец, давно нас покинувший. Я быстро убрал эту карту.

Я подолгу изучал каждое лицо, пытаясь понять, что для меня значат эти люди. Несколько раз я раскладывал карты на манер пасьянса, и всякий раз выходило одно и то же: Кейн.

Карта с его изображением всегда оказывалась сверху.

Он был одет в черный с зеленоватым отливом атлас; зеле-

ный плюмаж треуголки спускался на спину. На поясе висел украшенный изумрудами кинжал. Лицо, как всегда, смуглое.

— Кейн, — позвал я.

Через некоторое время он откликнулся:

— Кто зовет меня?

— Корвин.

— Корвин? Шутишь, что ли?

— Нет.

— Что тебе от меня нужно?

— А что у тебя есть?

— Ты и сам знаешь. — Теперь он глядел куда-то вдаль. Но я видел, как его рука передвинулась поближе к рукояти кинжала. — Ты где сейчас, Корвин?

— У Блейза.

— Прошел слух, что тебя недавно видели в Амбере. А потом у Эрика оказалась забинтованной рука...

— Да, ты правильно понял почему, — подтвердил я. — Так какую цену ты просишь?

— О какой цене речь?

— Давай будем откровенны. И вообще — ближе к делу. Как ты думаешь, сможем мы с Блейзом одолеть Эрика?

— Нет. Именно поэтому я на его стороне. И не намерен никому продавать свою армаду, если тебя интересует именно она. А ведь именно она тебя интересует, так?

Я улыбнулся в ответ:

— Ты попал в точку. Ну что ж, приятно было побеседовать. Увидимся в Амбере, и, возможно, скоро.

Я хотел было закрыть карту ладонью, но он закричал:

— Подожди!

— Ты что-то еще хочешь мне сказать?

— Я ведь так и не услышал, что ты можешь мне предложить.

— Да ты же сам догадался! — сказал я. — И это тебе не подходит.

— Этого я не говорил! Просто я стараюсь судить беспристрастно...

— Вернее, стараешься быть на стороне того, кому в данный момент принадлежит власть.

— Хорошо, пусть так. Так что ты можешь мне предложить?

Мы говорили с ним еще, наверное, целый час, и в результате северные проливы оказались открыты для наших флотов; теперь мы могли получить подкрепление по морю.

— Если вы проиграете, всем нам троим не сносить головы, — сказал Кейн.

— Но ты ведь, наверное, не рассчитываешь на подобный конец, не так ли?

— Нет. Я надеюсь, что весьма скоро ты или Блейз займете трон. И я буду счастлив служить победителю. Регентство меня вполне устроит. Конечно, хотелось бы еще получить голову Рэндома в счет оплаты...

— Не пойдет, — решительно ответил я. — Или ты соглашаешься на предложенные условия, или можешь считать, что мы с тобой говорили зря.

— Хорошо, я согласен.

Я улыбнулся и закрыл карту рукой. Кейн исчез. Джерарда я решил оставить на завтра — слишком много сил ушло на обработку Кейна.

А потому я забрался в постель и заснул.

Когда Джерард уяснил расстановку сил, он, по крайней мере, согласился не мешать нам. Согласился только благодаря моей личной просьбе, ибо раньше считал Эрика наименьшим злом из всех возможных.

С ним я договорился быстро, пообещав все, чего он требовал, поскольку ни о чьей голове речи не шло.

Затем я еще раз осмотрел свое войско и рассказал воинам кое-что об Амбере. Особенно меня удивило, как быстро они нашли общий язык — и краснокожие великаны Блейза, и мои маленькие мохнатые солдаты.

Как ни грустно, но такова была действительность: они считали нас богами, и нам приходилось этому соответствовать.

Потом я долго любовался флотом. Боевые корабли шли по волнам цвета крови. Я подумал, что в Царстве Теней, через которое им предстояло плыть, многие из них непременно погибнут.

Внимательно осмотрев солдат из страны Авернус и тех чернокожих и волосатых, страна которых называлась Ри'ик, я

задумался: им все-таки предстояло идти в Истинный Мир, к Амберу.

Я вновь извлек свою колоду и разложил карты. Потом выбрал ту, на которой был изображен Бенедикт. Я очень долго старался вызвать его, но ответа так и не получил. Карта оставалась холодной. Тогда я вытащил другую, на которой был Брэнд. И опять очень долго я не получал ответа, а потом вдруг раздался ужасный, исполненный страдания крик:

— Помогите!

— Как? Чем я могу тебе помочь?

— Кто это? — спросил он, и я увидел, что он буквально корчится от боли.

— Корвин.

— Забери меня отсюда, брат мой Корвин! Я отдам все, что ты захочешь, только поскорее забери меня отсюда!

— Но где ты?

— Я...

Потом все смешалось, и моим глазам представилось такое, что невозможно было постигнуть умом: снова послышались крики, кто-то явно бился в агонии, затем наступило молчание.

И карта стала холодной.

Я вдруг почувствовал, что меня всего трясет. Непонятно отчего.

Я закурил и подошел к окну. Снаружи была ночь. Карты остались лежать на столе.

Звезды казались совсем крошечными и слабо сверкали сквозь туман. Я не узнавал ни одного созвездия. Маленькая голубая луна быстро двигалась по мрачному небу. Ночь, наступив как-то внезапно, принесла с собой ледяной холод, пришлось поплотнее закутаться в плащ. И тут мне вспомнилась зима нашей русской военной кампании, закончившейся полным поражением. Господи! Я тогда чуть не замерз насмерть! Куда же я тогда-то стремился?

Разумеется, к трону Амбера.

Только в этом можно было найти достаточно оправданий для любых своих деяний.

Но что же все-таки случилось с Брэндом? Где он? Кто подвергает его таким мучениям?

Ответов на эти вопросы я не знал.

Я следил за плывущей по небу луной и размышлял. Может быть, я не совсем владею ситуацией и упускаю из внимания какой-нибудь важный фактор?

И на этот вопрос ответа у меня тоже не было.

Я снова уселся за стол и налил себе вина. Затем перетасовал колоду и нашел карту с изображением отца.

Оберон, повелитель Амбера, возник предо мной, одетый в зеленое с золотом. Высокий, широкоплечий, мощный. Борода и волосы — черные с проседью. Золотые перстни с зелеными камнями, золотистое лезвие меча... Когда-то мне казалось, что никакая сила не может заставить бессмертного короля Оберона, властелина Янтарного Королевства, покинуть свой трон. Что же все-таки с ним произошло? Я по-прежнему этого не понимал. Знал только, что его с нами больше нет. Как же встретил свою смерть мой отец?

Я уставился на карту, сконцентрировав все свое внимание.

Ничего... Ничего... И вдруг. Что это?

В ответ на мой призыв изображение как будто слегка шевельнулось, едва заметно, почти неощутимо... Но я почувствовал, что он жив!

— Где ты? Что с тобой случилось?

— Я... — Длинная пауза.

— Да, да, говори! Это Корвин, твой сын! Что произошло в Амбере, почему тебя там больше нет?

— Я... — Снова длительное молчание. — Кончилось мое время. — Голос его звучал будто издалека.

— Ты хочешь сказать, что отрекся от престола? Никто из братьев ничего мне об этом не говорил, да я им не до конца и доверяю, потому особенно и не спрашивал. Эрик захватил трон, Джулиан охраняет Арденский лес, Кейн и Джерард — побережье. Блейз готовится выступить против них вместе со мной. Мы пока союзники. Что ты на это скажешь?

— Ты единственный, кто меня спрашивает, — произнес он, странно задыхаясь. — Да...

— Что «да» ?

— Да, идите на них войной.

— А ты? Не могу ли я как-то помочь тебе?

— Я... Мне уже не поможешь. Постарайтесь захватить трон.

— Кто? Блейз или я?

— Ты! — сказал он.

— Я?

— Ты! Благословляю тебя на это! Отними у Эрика трон, и поскорее!

— Но почему все-таки именно я, отец?

— Мне не хватает воздуха... Ты должен отнять у него трон!

И он исчез.

Значит, отец все это время был жив! Интересно! Что же мне теперь предпринять?

Я отпил вина и снова погрузился в раздумья.

Оберон жив и скитается где-то — он, король Амбера! Но почему ему пришлось бежать? И куда? Кто был его врагом? Или врагами? Как все это произошло? Кто знает подробности? Я, во всяком случае, не знаю ничего!.. Ладно, не стоит ломать голову. Пока.

Однако...

Я никак не мог расставить события по местам. По правде говоря, мы с отцом далеко не всегда находили общий язык. Я отнюдь не испытывал к нему ненависти, как, например, Рэндом, но у меня, черт возьми, не было и особых причин горячо любить его. Он действительно был великим человеком и могущественным королем. А кроме того, моим отцом и повелителем. Этого более чем достаточно. А еще — он был как бы живым воплощением истории Амбера, которая — настолько, насколько она нам ведома, — простирается в немыслимую глубь веков...

Так что же мне делать?

Я решительно допил вино и отправился спать.

На следующее утро состоялось совещание военачальников Блейза. Присутствовали все четыре адмирала его флота, а также огромное количество офицеров сухопутных войск. В целом — не менее тридцати человек; одни огромные и краснокожие, другие чернокожие и волосатые.

Совещание продолжалось часа четыре, потом состоялся обед. Было решено выступить через три дня. Поскольку требовалось, чтобы кто-то из нашей семьи открыл войскам путь в Амбер, я должен был отправиться в поход на борту флагман-

ского корабля. Блейз, со своей стороны, намеревался возглавить пешие войска во время перехода через Царство Теней.

Меня такой расклад несколько беспокоил, и я спросил Блейза, что бы он стал делать в одиночку, если бы я не подвернулся и не предложил свою помощь. Он ответил, что в таком случае ему вначале пришлось бы отвести к берегам Амбера флот и, оставив его в открытом море, вернуться на одном из кораблей в Авернус, а затем повести сухопутные войска для встречи с флотом в условленном месте. А еще он сказал, что стал бы разыскивать в Царстве Теней кого-нибудь из наших братьев, чтобы иметь союзника.

Последнее особенно смутило меня, хотя в данный момент союзником собственного брата оказался я. Что же касается его первого плана захвата Амбера, то выглядел он практически неосуществимым, ибо флот оказался бы слишком далеко от берега для быстрого взаимодействия с сухопутной армией. Кроме того, слишком велик был риск того, что войско не явится в назначенное место в определенный день и час: чересчур значительны были расстояние и размеры самой армии Блейза. Словом, план его не вызвал у меня доверия.

Впрочем, тактиком он был блестящим. Когда он разложил перед нами начерченные им самим карты Амбера и прилегающих к нему областей и в подробностях изложил порядок боевых действий, я лишний раз убедился в том, что он истинный принц Янтарного Королевства, которого трудно превзойти в хитрости и коварстве.

Но только дело было в том, что нашим противником сейчас оказался тоже истинный принц Амбера, позиция которого к тому же была значительно лучше нашей. Все это тревожило меня; впрочем, поскольку день коронации Эрика неумолимо приближался, нам, видимо, не оставалось иного выхода. И я решил приложить все свои силы для достижения общей цели. Проиграв в сражении, мы, безусловно, погибнем. Но Блейз пока что был наиболее серьезной угрозой для Эрика и притом обладал тщательно разработанным и вполне осуществимым планом действий; такого плана у меня самого не было.

А пока что я бродил по просторам страны Авернус, любовался туманными долинами, горными ущельями и дымящимися кратерами вулканов, грелся под ярким солнцем на совершенно немыслимом небе, мерз от холода ледяными ночами и изнывал от жары в полдень. На каменистых склонах холмов, покрытых черным песком, во множестве водились мелкие бесстрашные и весьма ядовитые животные и росли огромные пурпурные растения, напоминавшие кактусы. На второй день пребывания в Авернусе я как-то остановился на утесе, нависшем над морем; гора наверху словно упиралась прямо в затянутое облаками небо. И тут мне вдруг пришло в голову, что страна эта мне очень нравится, а если уж ее сыновья должны погибнуть в битве, которую поведут их боги, то я должен обессмертить их, сложив об этом подвиге героическую песнь.

Мне удалось несколько успокоить терзавшие меня сомнения, только когда я наконец погрузился на корабль и принял командование флотом. Если мы победим, наши помощники навсегда займут место в рядах бессмертных.

Итак, в этом походе я был и командиром, и проводником. Я должен был открыть флоту путь в Амбер. И был этому рад.

На следующий день мы подняли паруса и вышли в море. Я находился на флагманском корабле. Пришлось выдержать шторм, который, впрочем, скорее помог нам достигнуть цели. Мы без потерь миновали опасные гигантские водовороты. Я успешно провел флот через мелководья со множеством подводных скал, и мы вновь вышли в глубокие воды. Цвет неба и моря постепенно менялся, становясь все более характерным для Амбера. Значит, я по-прежнему обладал властью над пространством и собственной судьбой. Я был вполне способен привести этот флот к цели и приплыть домой. Домой!

Мы шли мимо странных островов, где на ветвях пели зеленые птицы, а зеленые обезьяны, раскачиваясь над самой водой, дико орали и швырялись в нас камнями.

Сначала я увел флот далеко в море, затем, круто повернув, направился к берегу. В это время Блейз вел наше сухопутное войско по равнинам разных миров. Я почему-то был уверен, что он преодолеет все препятствия, пробьется сквозь все линии обороны, созданные Эриком. Я держал с ним связь с помощью колоды карт и знал обо всех боях и испытаниях, что пришлись на его долю. Он, например, потерял десять тысяч человек в битве с кентаврами, пять тысяч погибли в чудовищном землетрясении, еще полторы тысячи унесла чума, внезапно поразившая его войско, затем около двух тысяч погибли и пропали без вести во время столкновений с врагом в

джунглях неведомой страны, местоположение которой я так и не смог определить. Там на головы солдат Блейза вдруг обрушились потоки напалма из странных жужжащих механизмов, внезапно повисших над ними. Потом шесть тысяч дезертировали в стране, которую они приняли за землю обетованную, за обещанный им рай. Еще пяти сотен войско недосчиталось после встречи на плоской песчаной равнине с загадочным грибовидным облаком — последствием огромной силы взрыва. Более восьми с половиной тысяч погибли в боях со странными самоходными боевыми машинами, изрыгавшими пламя. Еще восемь сотен безнадежно больных попросту пришлось бросить; двести человек пострадали от теплового излучения; пятьдесят четыре были убиты в поединках; три сотни умерли от яда, оказавшегося в местных фруктах; тысяча была затоптана насмерть напавшими на войско огромными, похожими на буйволов животными; семьдесят четыре сгорели во время охватившего лагерь пожара, полторы тысячи унесло внезапное наводнение; две тысячи погибли от смертельного дыхания ветров, дующих с Голубых холмов.

Мне здорово повезло: сам я за это время потерял всего лишь сто восемьдесят шесть кораблей.

Уснуть. И видеть сны?[1]

Да, ситуация складывалась не самая приятная. Эрик уничтожал наши силы постепенно, но весьма последовательно. До коронации времени оставалось все меньше и меньше, всего несколько недель. И, конечно же, Эрик понимал, зачем мы движемся к границам Янтарного Королевства, так что наши войска таяли с каждым днем.

Судьбой предопределено, что лишь истинный принц Амбера может свободно перемещаться по Царству Теней. Зато он способен вести за собой столько простых смертных, сколько пожелает. Мы все-таки шли вперед со своим войском, несмотря на потери. О Царстве Теней я могу сказать только одно: есть реальность и есть ее Тень; в этом — суть всего. В реальном Мире существует лишь Амбер, реальный город на реальной Земле, в котором собрано все. А Царство Теней — лишь бесконечность ирреальности. Здесь тоже можно обнаружить все — но то будут лишь тени, искаженное отражение реальности. Царство Теней окружает Амбер со всех сторон. А за его пределами царит хаос. На пути из Амбера в Царство Хаоса возможно все.

[1] В. Шекспир, «Гамлет», строка из знаменитого монолога «Быть или не быть».

Существуют три способа преодолеть разделяющие эти царства пространства, и все три очень трудны.

Если ты принц или принцесса королевской крови, то можешь спокойно странствовать в Царстве Теней, заставляя все, что тебя окружает, меняться в соответствии с твоими желаниями и оставаться так сколь угодно долго. Тогда тот мир Теней, в котором ты оказался, становился полностью твоим (если исключить возможность вторжения кого-то из твоих ближайших родственников), и ты можешь делать в нем все что угодно. Именно в таком мире я и провел несколько столетий.

Второй способ передвигаться в Царстве Теней — волшебные карты, созданные Дворкином, Мастером Линии, нарисовавшим членов королевской семьи Амбера так, чтобы они могли в любой момент осуществлять связь между собой. Дворкин был мастером старой школы, и для него не существовало правил пространства и перспективы, когда он создавал эти волшебные карты. Впрочем, меня никогда не оставляло подозрение, что карты эти использовались не только с той единственной целью, для которой их предназначал старый Дворкин.

Третий способ — Огненный Путь, также созданный Дворкином. По нему могли пройти лишь члены королевской семьи. Ступивший на Путь обретал умение пользоваться волшебными картами, а достигший его конца — способность в любой момент переноситься в Царство Теней.

Карты и Путь были созданы для мгновенного перемещения из реального Мира в Царство Теней и наоборот. Третий способ преодоления бесконечных пространств, отделявших эти миры друг от друга, был гораздо труднее.

Я понимал теперь, что делал Рэндом, когда мы с ним переносились в Истинный Мир: постоянно менял окружающую нас действительность в соответствии со своими представлениями об Амбере, отсекая то, что с ними не вязалось. И когда все наконец встало на свои места, он догадался, что мы пересекли невидимую границу. В этом не было риска: любой из нас, обладая необходимыми знаниями, мог отыскать свой

собственный, «теневой», Амбер, где каждый из нас правил бы и мог провести целую вечность. Однако это не было бы подлинным Янтарным Королевством, в столице которого мы родились. И которая была вершиной реального Мира.

Именно поэтому мы и избрали самый трудный способ проникновения в Амбер и повели свои войска на его штурм. На столь длительном пути легко можно было воздвигнуть любые препятствия для нас, обладай кто-то достаточной силой и властью, присущей принцам королевской крови. Именно так и поступил Эрик. И мы вынуждены были, теряя людей, преодолевать эти бесчисленные препятствия. Чем кончится наш поход, ни я, ни Блейз не знали.

Но если Эрик действительно станет королем Амбера, то такая реальность немедленно отразится на всем Царстве Теней.

Каждый из еще остававшихся в живых братьев, принцев Янтарного Королевства, полагал, что будет гораздо лучше — разумеется, каждый судил со своей колокольни! — если трона добьется именно он. И пусть в Царстве Теней происходит что угодно.

Мы разминулись с очень странными призрачными флотами — то были корабли Джерарда, этакие «летучие голландцы» различных миров. Выходит, наша цель недалеко — призраки кораблей были тому свидетельством.

На восьмой день плавания мы почти достигли границ Амбера. И вот тут-то разразился ужасный шторм.

Море стало черным, низко над головой клубились тучи. Потом ветер вдруг стих, и паруса бессильно повисли на реях. Синий диск солнца совершенно исчез. Я понял, что Эрик наконец обнаружил нас.

Тогда поднялся шквал, который, словно живое существо, всей своей силой обрушился на мой корабль.

Нас кидало и швыряло во все стороны. Ветер выл и свистел в снастях, яростно рвал их в клочья. Волны били в борт с такой силой, что корабль сотрясался от киля до клотика, как игральные кости в кулаке гиганта. Палубу заливало водой — чудовищные волны перекатывались через нее. Из низких туч хлестали потоки дождя. Небо совсем почернело, ливень сменился дождем со снегом. Во мраке сверкали гигантские молнии, напоминавшие веревки в чудовищном кукольном театре, за которые дергает громовержец-кукольник. Мне пришлось привязаться к мачте, чтобы не смыло за борт. Эрик, словно свору псов, выпустил на нас все стихии.

Час, два, три, четыре... Конца шторму не было видно. Пять часов все бушевало вокруг. Сколько еще?

Потом я услышал какой-то звон, скрежет и увидел Блейза — словно на противоположном конце серого туннеля.

— Что случилось? — спросил он. — Никак было к тебе не пробиться...

— Жизнь полна неожиданностей, — ответил я. — И вот как раз одна из них.

— Шторм?

— Да еще какой! Всем штормам шторм. А еще я вижу некое чудовище. Если у него есть хоть какие-то мозги, оно непременно постарается протаранить флагманский корабль. Ага, эта тварь как раз нырнула!

— У нас только что было то же самое.

— Что, шторм или чудовище?

— Шторм. Две сотни погибших.

— Не падай духом. Держись! Свяжемся позднее, ладно?

Блейз кивнул, и я увидел сверкание молний у него за спиной.

— Эрик, кажется, нас вычислил, — сказал он и исчез.

Да, Эрик, безусловно, нас вычислил.

Прошло еще целых три часа, прежде чем шторм начал понемногу стихать. Лишь позднее я узнал, что в тот день мы потеряли половину нашего флота. На моем корабле из ста двадцати человек команды погибло сорок.

После шторма опять пошел сильный дождь. Но мы все же достигли вод, в глубинах которых скрывалась Ребма.

Я достал колоду и извлек карту с изображением Рэндома. Поняв, кто его вызывает, он сразу же сказал:

— Уходите отсюда немедленно.

Я спросил почему.

— Потому что — таково мнение Ллевеллы — Эрик как раз теперь в состоянии вас уничтожить. Она советует вам пока отступить и переждать. Когда он снова несколько расслабится — скажем, через год, — вы можете предпринять очередную попытку.

— Очень жаль, — покачал я головой, — но уже поздно.

Слишком много уже было жертв и слишком далеко мы забрались. Мы либо решим этот вопрос сейчас, либо никогда!

Рэндом пожал плечами. На лице его было написано: «А что я вам говорил?»

— И все же почему Ллевелла считает именно так? — спросил я.

— Главным образом потому — я сам только недавно об этом узнал, — что во власти Эрика все стихии Амбера и он может ими распоряжаться, — ответил Рэндом.

— И все же мы рискнем.

Он опять пожал плечами:

— Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

— А Эрик точно знает, что мы идем на него войной?

— Неужели ты считал его полным кретином?

— Нет. Не полным.

— Разумеется, ему все известно! Если уж я догадался о ваших действиях, сидя здесь, в Ребме, то уж в Амбере-то сам Бог велел о них знать. А я ведь действительно догадался — по изменениям в Царстве Теней.

— Жаль, — сказал я. — У меня было некоторое предубеждение против этой затеи, но Блейз рвался в бой.

— Ну и брось его, пусть себе пропадает.

— Нет, к сожалению, это невозможно. Да и потом, он ведь может все-таки и одержать победу. Так что я выполню свое обещание и поведу флот дальше.

— А ты с Кейном говорил? Или с Джерардом?

— Говорил с обоими.

— Тогда у тебя еще, может быть, есть шанс напасть с моря. Но послушай: Эрик, похоже, нашел способ воздействовать на судьбу с помощью Волшебного Кристалла. Были такие слухи... Это с его помощью он управляет погодой. И кто его знает, на что он еще способен.

— Да, очень жаль, что все так складывается, — промолвил я. — Что ж, придется пройти и через это. Подумаешь, еще несколько штормов! С пути мы все равно не свернем!

— Корвин, я должен тебе признаться. Я говорил с Эриком три дня назад.

— Ну и что?

— Он сам меня вызвал. Ну а я тут со скуки подыхал... Вот

мы с ним и поговорили всласть. Он мне много чего порассказал о своей системе обороны.

— Это только потому, что Джулиан уже сообщил ему, что мы прибыли вместе. Эрик совершенно уверен, что ты все это немедленно передашь мне.

— Да, наверное, — кивнул Рэндом. — Но то, что он мне рассказал, пожалуй, не имеет отношения...

— Пожалуй, — согласился я.

— Так пусть Блейз и воюет сам, — закончил Рэндом. — А ты сможешь нанести удар чуть позднее.

— Но коронование же вот-вот состоится!

— Знаю, знаю. Ну и что? Какая разница, с кем вести войну — с королем или с принцем? Тебе не все равно, кем он будет, если ты сумеешь его победить? В любом случае он был и останется Эриком.

— Ты прав, — ответил я. — Но я уже обещал свою помощь Блейзу.

— Да брось ты его.

— Нет, к сожалению, не смогу.

— Ты что, совсем с ума сошел?

— Возможно.

— Ну ладно. В любом случае желаю тебе удачи!

— Спасибо.

— До встречи.

Вот такой у нас получился разговор, и он не выходил у меня из головы.

Может, мы ломились прямо в расставленный капкан? Эрик ведь далеко не дурак. Он вполне мог подготовить для нас смертельную ловушку...

В конце концов я бессильно пожал плечами и мрачно облокотился на поручень. Карты я снова сунул за пояс.

Быть принцем Амбера — значит всегда быть гордым, бесконечно одиноким, не доверять никому. Сейчас все это мало мне нравилось. Но что делать?

Шторм, так здорово потрепавший нас, конечно же, был послан Эриком. Это вполне соответствовало тому, что мне сообщил Рэндом о его власти над стихиями.

Я тоже попытался что-нибудь такое придумать.

Я вообразил иной Амбер, весь заваленный снегом. И, когда он предстал передо мной, повел к нему свой флот. Потом

попытался устроить самую ужасную метель, какую только можно вообразить. Снег повалил вовсю.

Посмотрим, сумеет ли Эрик это остановить!

Но он сумел.

Не прошло и получаса, как созданная мной метель прекратилась. Да, Амбер был практически недоступен для любых влияний извне. Это был единственный реальный город! Мне уже не хотелось ничего менять, и я решил оставить все как есть. Эрик действительно управлял погодой всего королевства.

Так что же теперь остается?

Только идти вперед. Смерти в пасть.

Второй шторм оказался куда страшнее первого, но я крепко держал штурвал. Началась гроза, молнии прицельно били прямо в наши корабли. Смерч разметал некоторые из них в щепы. Всего мы потеряли сорок судов.

Я с некоторым опасением вызвал Блейза, чтобы узнать, как у него дела.

— У меня осталось около двухсот тысяч солдат, — сообщил Блейз. — Опять тепловое излучение.

Я передал ему то, что рассказал мне Рэндом.

— Что ж, похоже на правду, — промолвил он. — Ну и ладно. Что бы там ни вытворял с погодой Эрик, мы все равно его победим!

— Надеюсь.

Я закурил.

Амбер вот-вот должен был появиться на горизонте. Теперь я уже знал все пути туда. Тяжелые предчувствия терзали мою душу, я просто надеялся на свою удачу.

Мы продолжали плыть к цели. Вдруг, подобно внезапно возникшему девятому валу, впереди стеной встал мрак. Вновь началась буря, самая ужасная из тех, что встречались нам на пути.

Мы кое-как выбрались из ее смертельных объятий, хотя теперь, пожалуй, я был по-настоящему напуган. Мы почти достигли цели и находились в северных водах Амбера. Если Кейн сдержит данное мне слово, все еще, может быть, кончится хорошо. Если же он сам намеревается напасть на нас, то более выгодного положения для этого не придумаешь.

Предположим, он нас предал. Почему бы, собственно, и нет? Я начал готовить свой флот — семьдесят три оставшихся корабля — к бою, когда увидел, что навстречу идет его флотилия. Значит, карты солгали. Впрочем, нет, наоборот, карты как раз были правы: Кейн являлся ключевой фигурой во всем этом деле.

Его флагманский корабль шел прямо на меня. Я тоже не свернул с курса. Когда мы поравнялись и сошлись борт к борту, то смогли рассмотреть друг друга. Кейн, разумеется, мог бы вызвать меня на разговор с помощью карт, но он этого не сделал. Сейчас его позиция была сильнее, так что, следуя фамильному этикету, он имел право выбирать, как ему в данном случае поступить. Видимо, он хотел, чтобы его слова слышали все, а потому закричал в рупор:

— Корвин! Сдавайся! У нас значительно более мощный флот, тебе не прорваться!

Я продолжал рассматривать его через разделявшую нас полосу воды. Потом поднял свой рупор:

— А как же наш договор?

— Он утратил силу! — ответил Кейн. — У тебя осталось слишком мало кораблей, чтобы штурмовать Амбер. Так что давай обойдемся без кровопролития. Сдавайся!

Я посмотрел на небо. Солнце подходило к зениту.

— Прошу тебя, брат мой Кейн, выслушай меня, — сказал я. — Молю тебя лишь об одном: благоволи пока не начинать боевых действий, чтобы я мог искать совета моих капитанов до того, как солнце покинет свою небесную обитель!

— Изволь, — ответил он. — Несомненно, они уже оценили свое положение и не станут колебаться.

Я приказал сделать поворот оверштаг, и мы пошли назад, к кордебаталии нашего флота.

Если мы попытаемся бежать, Кейн устроит за нами погоню через все Царство Теней и будет уничтожать наши корабли один за другим. Порох в Истинном Мире не воспламеняется, так что от пушек никакого проку нет. Предположим, нам все-таки удастся отплыть от Амбера достаточно далеко — и тогда порох может послужить только для того, чтобы взорвать себя. У Кейна наверняка есть артиллерия, и если, например, погибну я, то весь флот застрянет, ибо без меня не сможет плыть через Царство Теней. Тогда наши корабли будут подобны бес-

помощным уткам под выстрелами охотников. Так что в любом случае экипажи либо перебьют, либо возьмут в плен.

Да, Рэндом, пожалуй, был прав.

Я извлек карту с изображением Блейза и сосредоточил свое внимание.

— Ну? — отозвался он. Он был очень возбужден. Я почти слышал звуки битвы, кипевшей вокруг него.

— Мы попали в засаду — сообщил я. — До цели дошло всего семьдесят три корабля, и теперь Кейн требует, чтобы мы сдавались.

— Черт бы его побрал! — воскликнул Блейз. — Я ведь еще не успел достаточно далеко продвинуться! У нас тут бой в самом разгаре — такая рубка! Сражаемся с огромными силами кавалерии. Так что прости, я тебе ничего посоветовать просто не в состоянии. Тут своих проблем по горло. Поступай, как считаешь нужным. О Господи, опять они атакуют! — И Блейз прервал контакт.

Я извлек карту Джерарда и вызвал его.

Во время нашего разговора я разглядывал берег, смутно видневшийся за его спиной. Мне показалось, что я узнаю эти места. Если я угадал правильно, он находился где-то на юге.

Мне до сих пор неприятно вспоминать тот наш разговор. Я спросил Джерарда, не поможет ли он мне в битве против Кейна.

— Я дал согласие лишь пропустить тебя в эти воды, — ответил он, — и потому отошел к югу. Я бы не успел к тебе на помощь, даже если бы захотел. А вступать с тобой в сговор, чтобы погубить нашего брата, я вообще не намеревался.

И прежде чем я успел что-то объяснить, он исчез. Да, конечно, Джерард был прав. Он согласился не мешать мне, но вовсе не обещал меня поддерживать.

Итак, какой у меня теперь выбор?

Я закурил сигарету и стал мерить шагами палубу. Утренний туман полностью рассеялся, горячие лучи солнца касались моих плеч. Скоро полдень. Часа через два...

Я снова достал волшебную колоду и начал перебирать карты. Конечно, можно попробовать столкнуть лбами Кейна и Эрика, противопоставив волю одного воле другого. Эту власть над людьми карты тоже давали. Они вообще обладали огромными возможностями, и я далеко не обо всех этих воз-

можностях имел представление. Ведь карты некогда были созданы волей великого короля Оберона и искусством безумного Мастера Дворкина Баримена, горбуна с огромными глазами, то ли колдуна, то ли жреца, то ли шамана — мнения о нем никогда не совпадали. Он был родом из какого-то дальнего мира, принадлежащего Царству Теней, и мой отец однажды вытащил его оттуда, избавив от страшной кары, которую Дворкин сам на себя навлек. Подробностей этой истории не помнил уже никто, однако все знали, что с тех пор горбун был несколько не в своем уме. Но все же оставался великим Мастером и великим художником, обладавшим к тому же некоторыми весьма загадочными способностями. Он исчез уже много веков назад, сразу после того, как создал наши фамильные карты и начертал волшебный Путь в Амбер. Мы часто его вспоминали, но никто и понятия не имел, где он теперь находится. Может быть, отец сам его прикончил, чтобы похоронить заодно и все известные горбуну тайны?

Итак, Кейн намерен атаковать меня, а я не в силах оказать ему достойное сопротивление, хотя, наверное, смогу какое-то время продержаться. Совершенно очевидно, что его капитаны уже получили приказ готовиться к бою.

Эрик тоже, вероятно, готов к любому повороту событий. И коли уж я попал в такое положение, то вполне могу рискнуть и все-таки попробовать прорваться. Терять мне нечего, кроме собственной жизни.

Я был готов погибнуть в бою, но зачем эта смерть моим воинам?.. Вероятно, моя кровь все-таки окончательно испорчена, хоть я и сохранил еще власть над Путем. У настоящего принца Амбера таких сомнений быть не должно. Видимо, долгие столетия, проведенные мной в Царстве Теней, на Земле, слишком сильно изменили меня, сделав более мягким и не похожим на собственных братьев.

Я принял решение: сдаю Кейну флот, пытаюсь в одиночку пробраться в Амбер и вызываю Эрика на решающий поединок. У него вполне достанет глупости, чтобы мой вызов принять. В конце концов, какого черта? Что мне еще оставалось?

Я уже повернулся было к своим офицерам, чтобы отдать соответствующие распоряжения, когда меня вдруг опутало силовое поле, и я замер, не в силах вымолвить ни слова.

— Кто это? — удалось мне произнести сквозь стиснутые зубы.

Ответа не последовало. Лишь в мозгу моем бесконечно что-то свербило, мысли путались, и мне приходилось напрягать все силы, чтобы справиться с этим наваждением.

Наконец тот, кто меня вызывал, понял, что без длительной борьбы ничего не выйдет. И тогда я услышал голос Эрика:

— Каково изволит поживать брат мой?

— Худо, — сказал или подумал я.

Он рассмеялся, но тоже через силу: противостояние наших волевых импульсов было нешуточным, голос его дрожал от напряжения.

— Достойно сожаления. Если бы ты сделал милость, возвратился и споспешествовал бы мне в моей борьбе, я бы щедро наградил тебя. Однако теперь уж поздно. Теперь мне осталось лишь одно удовольствие, одна радость: поразить вас обоих — тебя и Блейза.

Я ответил не сразу. Все мои душевные силы были направлены на то, чтобы подавить соперника, и он все же немного отступил под моим напором.

Если бы кто-то из нас отвлекся хоть на мгновение, немедленно осуществился бы физический контакт или же более сильный возобладал в нашем мысленном противостоянии, а более слабый подпал бы под его власть.

Теперь Эрик был ясно виден мне, он находился в своих дворцовых покоях. Мы смотрели друг на друга, и каждый пристально впивался взглядом в лицо противника. Наша скрытая от посторонних глаз борьба продолжалась. Итак, он напал на меня первым. В левой руке Эрик держал мою карту, брови его были нахмурены. Я тщетно пробовал найти хоть какое-нибудь слабое место в его позиции. Люди из моей команды напрасно обращались ко мне: я их не слышал и продолжал стоять, опираясь на поручни и глядя в пространство.

Сколько же времени прошло? Может быть, час или два. Но я совсем не был в этом уверен: ощущение времени я утратил.

— Я чувствую, как в смертельном страхе бьются твои мысли, — мрачно проговорил наконец Эрик. — Да, я действовал в союзе с Кейном. И он сообщил мне о вашем разговоре. А сейчас я буду держать тебя вот так, пока корабли твои не будут

уничтожены все до единого и не попадут в Ребму, чтобы гнить там, на дне. А войско твое станет добычей морских тварей.

— Постой! — ответил я. — Ведь на моих солдатах нет вины. Блейз и я вели их к ложной цели в своих интересах, но они-то считали, что идут в бой за правое дело. Да и тебе нет резона губить огромное войско. А флот я готов сдать добровольно.

— Тогда не следовало заходить так далеко, — отвечал он. — А теперь уже слишком поздно! Я не могу, находясь в контакте с тобой, связаться одновременно и с Кейном, чтобы изменить свои указания. Если же я освобожу тебя, то рискую подпасть под твое влияние. Ты достаточно силен, да и характеры наши слишком схожи.

— Ну а если я дам слово чести, что ничем не стану вредить тебе?

— Любой отречется от клятвы ради целого королевства! — ответил Эрик.

— Но мои мысли ведомы тебе! Ты же знаешь, что я не держу камня за пазухой. И мое слово чести верно.

— Поистине достойна удивления твоя жалость к людям, которых ты завлек и обманул! И мне, разумеется, не дано понять, что связало вас столь прочными узами. Но нет! Все слова твои — ложь! Ты и сам это знаешь! Даже если сейчас ты искренен в намерении своем — а такое вполне возможно, — слишком сильным может стать искушение. Особенно если тебе предоставится хоть малейшая возможность заполучить Амбер! Я не желаю рисковать.

Да, он был прав: я и сам знал это. Неугасимым огнем горел Амбер в нашей крови!

— Ты ныне мастерски владеешь мечом, — заявил Эрик. — Вижу, изгнание сослужило тебе хорошую службу. Теперь ты почти так же славно фехтуешь, как и я сам, и многого достиг в этом искусстве. Теперь лучше нас только Бенедикт. Но он, вероятнее всего, мертв.

— Не обольщайся напрасной надеждой, — сказал я. — Ты же понял, что теперь я способен одолеть тебя. По сути...

— Можешь не продолжать. На поединок с тобой я больше не выйду. Ты опоздал.

И он усмехнулся, прочитав мои мысли, — трудности это, естественно, не составило бы никому из нашей семейки.

— Мне очень хотелось бы иметь своим союзником тебя, а не кого-то другого, — продолжал Эрик. — Ты пригодился бы мне гораздо больше. На Джулиана мне вообще наплевать. Кейн — трус. Джерард — сильный боец, но глуповат...

И тогда я решил замолвить слово хоть за одного из наших с ним братьев:

— Послушай, я увлек за собой и Рэндома, хотя он вовсе не разделяет моих устремлений. Думаю, он поддержал бы тебя, если бы ты просил его об этом.

— Этот ублюдок! — рассердился Эрик. — Да я ему ни на грош не верю! Он же предаст в любой момент! Доверь ему выносить ночной горшок — и однажды обнаружишь в нем пиранью! Нет уж, спасибо! Я, может, и пощадил бы его, если бы не твоя рекомендация. Ты что же, хочешь, чтобы я после всех ваших штучек прижал его к сердцу и назвал милым братом? Ну нет! И потом, что-то ты слишком горячо защищаешь его. Это лучшее доказательство его истинного отношения ко мне. Ну а ты, несомненно, об этом осведомлен, так что имени Рэндома лучше не упоминай.

Я почувствовал запах дыма и услышал звон сабель. Кейн явно пошел на абордаж.

— Вот и хорошо, — сказал Эрик, прочитав мои мысли.

— Останови их! Прошу тебя! Нам все равно не выстоять!

— Никогда! Даже если ты сдашься сам... — Он выругался, не договорив. Я понял его мысль: Эрик мог потребовать, чтобы я сдался в плен, пообещав в обмен пощадить моих воинов, а потом предоставить Кейну с ними расправиться. Это было бы вполне в его стиле. Но в запале он уже успел ненароком проговориться.

Я поцокал языком и засмеялся. Он пришел в бешенство.

— Все равно я до тебя доберусь! — прорычал Эрик. — Пусть только они возьмут твой корабль!

— Ну, до этого еще далеко, — ответил я. — А пока не хочешь ли отведать моего угощения?

И, собрав все свои душевные силы, я обрушился на противника, стремясь подавить его волю, сжечь его своей ненавистью. Я чувствовал, какую боль ему причиняю, и старался сделать еще больнее. Вся моя ярость, весь мой гнев, накопившиеся за годы изгнания, обрушились сейчас на Эрика. Я жаждал отомстить, отплатить ему за то, что он бросил меня подыхать от чумы, за то, что я чуть не лишился рассудка, за все мои бесконечные беды и разочарования. И за ту автокатастрофу, которую, как я был совершенно уверен, подстроил именно он. За все причиненное мне зло хотелось расплатиться с ним — расплатиться тоже болью и страданиями.

Под моим бешеным напором он начал отступать. Я удвоил усилия. Я давил и давил на его рассудок, и в конце концов Эрик сдался.

— Ты, дьявол! — вскричал он и судорожно закрыл ладонью мою карту. Контакт прервался.

Я стоял на палубе, весь дрожа от пережитого напряжения.

Но я победил! Я победил его и в поединке воли, и в поединке умов! Теперь он мне в качестве противника не страшен. Теперь я сильнее своего брата-тирана.

Я несколько раз глубоко вздохнул и выпрямился, готовый к очередной подобной атаке, хоть и понимал, что со стороны Эрика атаки не будет. Отныне он меня боится. Боится моей ярости.

Я огляделся. Вокруг кипел бой. Палуба была вся в крови. Корабль противника пытался взять нас на абордаж. А с противоположного борта с той же целью подходил еще один. Рядом просвистела стрела.

Я обнажил меч и кинулся в самую гущу схватки.

Не знаю, скольких я уложил в тот день. После двенадцатого или тринадцатого я потерял счет. Вероятно, я убил вдвое больше. Сила, которой наделены все принцы Амбера, — та самая, что позволила мне тогда легко поднять «Мерседес», — очень мне пригодилась. Порой, одной рукой приподняв врага, я просто швырял его за борт.

Нам удалось перебить почти всех на обоих кораблях, пытавшихся взять нас на абордаж, а потом мы пробили им днище, и они отправились в Ребму. Пусть в Ребме на них полюбуются. У меня на корабле после боя осталась едва половина команды. Сам я несколько раз был ранен, хотя и легко.

Затем мы двинулись на помощь нашим соседям и потопили еще один корабль Кейна.

Остатки команды того корабля, которому мы пришли на помощь, перешли на мой флагман, так что у меня снова был полный экипаж.

— Кровь! — вскричал я. — Кровь и месть! Бейте их, о мои воины, и вас вовеки восславят в Амбере!

— Кровь! — отвечали они, потрясая оружием.

Реки крови были пролиты в тот день. Мы утопили еще два корабля Кейна и двинулись к очередному, шестому по счету. Я взобрался на грот-мачту, чтобы осмотреться. Силы противника по-прежнему втрое превосходили наши. Но и у меня оставалось еще сорок или пятьдесят кораблей.

Мы потопили и шестой корабль. А когда седьмой и восьмой пошли на нас сами, уничтожили и их. Теперь у меня снова осталась лишь половина команды. А сам я на сей раз был ранен гораздо серьезнее: в левое плечо и правое бедро. Раны были глубокие, они горели и кровоточили.

Почти сразу на нас напали еще два корабля. Мы стали уходить и по пути встретились со своим судном, только что успешно завершившим схватку. Мы снова объединили остатки двух экипажей, однако мне пришлось перенести свой флаг на другой корабль, потому что он оказался менее поврежденным. Мой же бывший флагман опасно кренился на правый борт, и в трюм безостановочно поступала вода.

Времени, чтобы хоть немного передохнуть, не было совершенно. К нам приближался очередной корабль противника, и его команда готовилась к абордажу.

Люди смертельно устали, устал и я сам. К счастью, экипаж неприятельского судна тоже был не в лучшей форме. И прежде чем другие суда Кейна поспешили на помощь, мы успели сами взять противника на абордаж, перебили команду и захватили корабль. Он почти не пострадал, так что я перенес свой флаг на него.

Следующий корабль нам тоже удалось потопить. Теперь у меня снова был прекрасный корабль, но всего сорок человек команды. И все мы едва переводили дух.

Я огляделся. Каждый из моих кораблей сражался по крайней мере с одним кораблем Кейна. Еще одно судно противника шло прямо на нас, и некому было нам помочь. Мы стали уходить, выиграв, таким образом, минут двадцать. Я попытался даже уйти в Царство Теней, но это немыслимо трудная задача в непосредственной близости от Амбера. К Амберу легче приблизиться, чем уйти от него; последнее почти невозможно. Он как бы притягивает к себе невидимыми силами. Хотя,

если бы у меня в запасе было еще минут десять, мне, наверное, удалось бы уйти.

Но я не успел.

Когда неприятельский корабль стал настигать нас, я заметил неподалеку еще один, тоже направляющийся в нашу сторону. На его мачте под вымпелом Эрика с белым единорогом трепетал черно-зеленый стяг. Это был флагман Кейна. И он шел, чтобы нас уничтожить.

Первый корабль мы все же захватили, но потопить не успели. Подоспел Кейн. Я стоял на залитой кровью палубе, а вокруг — дюжина оставшихся в живых воинов. Мы видели, как Кейн подошел к борту и поднял к губам рупор:

— Сдавайся!

— Даруешь ли ты жизнь моим воинам, если я добровольно сложу оружие? — спросил я его.

— Да, — ответил он. — Мне бы не хотелось терять людей в бессмысленном бою. В этом уже нет необходимости.

— Ты даешь мне слово принца? — снова спросил я.

Он с минуту раздумывал, потом кивнул в знак согласия:

— Даю. Прикажи своим людям бросить оружие. И сразу переходите на мой корабль.

Я вложил меч в ножны и подал знак команде:

— Вы доблестно сражались, и я, принц Амбера, никогда этого не забуду! Но сегодня мы проиграли. — Я вытер окровавленные руки краем плаща. — Бросайте оружие. Однако помните: ваш подвиг бессмертен. И я еще восславлю его при дворе Амбера!

Мои воины — девять краснокожих великанов и трое маленьких мохнатых людей, — обливаясь слезами, бросили оружие на палубу.

— Пусть вас не терзает мысль, что все потеряно, — добавил я. — Борьба за Амбер еще не окончена. Мы проиграли только эту битву, но бой идет и в других местах. Мой брат Блейз пробивается сейчас в Амбер по суше. Кейн сдержит свое слово и оставит вам жизнь, когда увидит, что меня нет. А я пойду на помощь Блейзу и продолжу поход на Амбер. Кейн не знает, что Блейз отрекся от прежней клятвы и вновь идет на Эрика войной. Мне очень жаль, что я не могу взять вас всех с собой.

Я незаметно вытащил из-за пояса карту и, когда корабль

Кейна подошел к нам вплотную, уже вызвал Блейза. Под холодной поверхностью карты что-то слегка шевельнулось.

— Кто это? — спросил Блейз.

— Корвин, — ответил я. — Как у тебя дела?

— Мы выиграли битву, но потери большие. Сейчас передыхаем. Завтра снова в поход. А у тебя как?

— Надеюсь, что мы утопили по крайней мере половину флота Кейна. Но битву все же проиграли. Он сейчас берет меня на абордаж. Помоги мне уйти.

Блейз протянул руку, наши пальцы встретились, и я упал в его объятия.

— Я начинаю привыкать к подобным встречам, — пробормотал я.

Блейз тоже был ранен — в голову, и левая кисть оказалась забинтованной.

— Пришлось отбивать удар сабли голыми руками, — объяснил он, заметив мой взгляд. — Болит здорово!

Мы проследовали в его шатер. Блейз открыл бутылку вина и предложил мне хлеба, сыра и вяленого мяса. Сигарет у него все еще было в достатке, и я с наслаждением выкурил одну, пока его врач обрабатывал мои раны.

В армии Блейза оставалось восемьдесят тысяч.

С вершины холма я оглядел его лагерь. Сгущались сумерки, и мне все больше казалось, что впереди мелькают костры всех тех бесчисленных биваков, что разбивали мои армии на протяжении многих веков. Внезапно глаза мои увлажнились слезами — то были слезы жалости ко всем тем людям, что, в отличие от принцев Амбера, живут лишь короткий срок, а потом неизменно превращаются в прах. Сколько их нашло свой преждевременный конец на полях сражений в этом мире!

Я вернулся в шатер, и мы с Блейзом прикончили бутылку.

Глава 7

В ту ночь разразилась ужасная гроза. Она не прекратилась даже с восходом солнца, сквозь тучи окрасившего мир в серебристые тона, и продолжалась весь день. Но войско упорно шло вперед.

Легко можно пасть духом, когда постоянно застреваешь в жиже, дождь льет как из ведра и холодно, как зимой. Сколько же раз за долгие века приходилось мне выбираться из ненавистной грязи!

Мы попытались найти в Царстве Теней иной мир, где не было бы дождя, но тщетно.

Понемногу мы приближались к цели, однако были совершенно измотаны, одежда наша насквозь пропиталась водой, прилипала к телу, над головой непрерывно грохотал гром и сверкали чудовищные молнии.

На следующую ночь резко похолодало, и к утру все вокруг заледенело. Даже флажки и знамена стали твердыми, как жесть. Мир окрасился в белое; теперь в нем хозяйничали метели и снежные бураны. Больше всего страдали от холода краснокожие гиганты — их родной мир был очень теплым.

В тот день на нас поочередно нападали тигры, белые медведи и волки. Тигр, которого уложил Блейз, был не менее восьми шагов в длину.

И все же мы продолжали идти, даже когда спустилась ночь. Началась оттепель. Блейз все подгонял уставших воинов, стремясь поскорее выбраться из царства холода. Мы знали, что в Амбере сейчас теплая и сухая осень. Близился Реальный Мир.

К полуночи, на вторые сутки похода, мы наконец миновали те равнины, где поочередно страдали то от снега, то от ледяных ливней; сейчас по нашим спинам молотил теплый дождь. А когда мы вышли в сухой мир, был отдан приказ разбить лагерь, утроив, однако, караулы. Принимая во внимание то, насколько устали наши воины, следовало ожидать атаки противника. Люди совершенно выбились из сил, было просто бессмысленно заставлять их идти дальше. Следовало непременно отдохнуть.

Противник напал на нас уже через несколько часов; командовал вражеским войском Джулиан, как я понял позднее из рассказов тех, кто уцелел.

Воины Джулиана лавиной обрушились на наш лагерь, легко обнаруживая наиболее уязвимые места и стараясь не вступать в сражение с главными силами, как бы обтекая лагерь по периферии. Если бы я знал, что наступление ведет

именно Джулиан, я бы попытался задержать его с помощью карт. Но тогда я об этом не догадывался.

Под ударами внезапно обрушившейся на нас зимы мы только что потеряли около двух тысяч человек. Сколько воинов погибло в схватке с кавалерией Джулиана, подсчитать не берусь.

После этого боя мне показалось, что войска наши полностью деморализованы. Однако едва был отдан приказ выступать, как они пошли вперед.

На следующий день мы без конца попадали в засады.

Большое и неповоротливое войско наше маневрировало с трудом, огрызаясь на внезапные кавалерийские налеты Джулиана с флангов. Какую-то часть его конницы мы все же сумели уничтожить, но не так уж много: наверное, лишь по одному на каждые десять наших погибших.

Солнце было в зените, когда мы пересекли долину, что тянулась параллельно побережью. Слева от нас, на севере, темнел Арденский лес. Амбер находился прямо перед нами. Легкий прохладный ветерок приносил сладостные ароматы нагретой земли и цветов. До Амбера было еще дня два пути, но он уже виднелся на далеком горизонте.

После полудня небо закрыли облака, прошел небольшой дождь. На небе опять засверкали молнии. Вскоре гроза прекратилась, и снова выглянуло солнце, быстро высушив все вокруг.

Через некоторое время откуда-то потянуло дымом, и на нас буквально обрушилось пламя. Огонь стеной вставал вокруг, временами несколько опадая, но все время приближаясь, медленно, неумолимо. Волосы уже потрескивали от невыносимого жара, кое-где в войсках началась паника; раздались крики, колонны смешались, задние ряды напирали на передние...

И тогда мы побежали. На головы нам сыпался пепел, дым стал еще гуще. Но мы бежали, не останавливаясь, хотя стены огня обступили нас вплотную, превратившись в сплошные волны испепеляющего жара. Оранжевые языки плясали, извиваясь, буквально у нас под ногами; деревья вокруг чернели и дымились, листья, коротко вспыхнув, яркими комочками падали на обугленную землю. Кусты и сочная молодая по-

росль тоже начали заниматься. Впереди, насколько хватал глаз, расстилалось море огня.

Мы еще прибавили шагу, опасаясь, что скоро будет значительно хуже.

И не ошиблись.

От пожара прямо перед нами начали падать огромные деревья. Мы старались как-то перебираться через них или обходить, но не останавливались и двигались вперед.

Жар становился совершенно невыносимым, с трудом можно было дышать. Нас обгоняли объятые паникой волки и олени, лисы и зайцы. Они бежали вместе с нами, ничуть не страшась близости человека, своего извечного врага. Небо, казалось, было сплошь заполнено жалобно кричащими птицами. Их помет падал на нас дождем, но никто не обращал на это внимания.

Для меня сожжение замечательного, волшебного Арденского леса было истинным святотатством. Но принц Эрик сидел сейчас на троне Амбера и вскоре должен был стать королем. На его месте я, возможно, тоже...

Волосы и брови мои уже дымились. Горло совершенно пересохло и, наверное, изнутри закопчено было не меньше, чем каминная труба. Интересно, сколько людей мы потеряем в огне, мелькнуло у меня в голове.

Мы прошли примерно треть расстояния, отделявшего нас от Амбера. Впереди расстилалась заросшая лесом долина.

— Блейз! — хрипло окликнул я его. — Через полчаса примерно будет развилка. Если свернуть направо, то мы вскоре достигнем реки Ойзен, а она течет прямо в море. Надо идти туда! Вся долина Гарнатха в огне! Мы сгорим, если не пробьемся к воде!

Он кивнул в знак согласия.

И мы из последних сил побежали дальше. Но огонь обгонял нас.

Мы достигли развилки, на бегу сбивая пламя с одежды, вытирая слезящиеся глаза, запорошенные пеплом, выплевывая золу, хрустевшую на зубах, и стряхивая искры с волос.

— Еще минут пять продержаться — и все! — закричал я.

Прямо на меня сыпались горящие сучья и крупные ветки. Обнаженные участки тела были покрыты мучительными ожогами. Весь я превратился в сплошную боль. Мы бежали по го-

рящей траве покатого склона, а завидев воду, еще прибавили ходу, хотя и так были на пределе возможностей. Наконец мы бросились прямо в волны реки, и ее прохлада приняла нас в свои объятия.

Блейз и я держались рядом, хотя бурное течение крутило и кидало нас, стремясь к морю. Сплетенные ветви деревьев над головами выглядели как стропила в объятом пламенем пожара соборе. Когда они падали, нам приходилось либо быстро отплывать в сторону, либо нырять. Вокруг было полно дымящихся и шипящих обломков, а головы воинов, плывших за нами, походили на кокосовые орехи, которые гонит течением.

Но вода оказалась слишком холодной, и вскоре наши обожженные и измученные тела закоченели. Все мы дружно стучали зубами.

Прошел примерно час, когда горящий лес наконец кончился и мы достигли плоской безлесой равнины, тянувшейся до самого моря. Место было в высшей степени подходящее для засады; например, Джулиан вполне мог бы ждать нас здесь с лучниками наготове. Я сказал об этом Блейзу, и он со мной согласился. Впрочем, выбора не оставалось.

Лес продолжал гореть, а нас несло течением дальше. Чудилось, что прошло уже очень много времени, хотя на самом деле это, конечно, было не так. Однако предчувствия мои, к сожалению, оправдались: в нас полетели тучи стрел.

Я нырнул и долго плыл под водой. Река стремительно несла меня вперед, так что всплыл я гораздо дальше, чем ожидал сам.

Но не успел я показаться на поверхности, как на меня тут же обрушился град стрел.

Только богам ведомо, сколько может продолжаться такая игра человека со смертью! Я не стал больше испытывать судьбу, набрал полную грудь воздуха и снова нырнул.

Мне удалось опуститься на самое дно, и я пошел по нему, огибая подводные камни. Когда мне не хватило дыхания, я всплыл ближе к правому берегу.

Вылетев на поверхность, я глубоко вздохнул и снова нырнул, даже не осмотревшись.

Я плыл под водой, пока легкие не начали разрываться от напряжения, затем снова вынырнул.

На этот раз мне повезло гораздо меньше: в левое предплечье тут же вонзилась стрела. Я нырнул и, достигнув дна, сумел сломать ее древко и извлечь наконечник из раны. Потом я поплыл по-лягушачьи, помогая себе одной лишь правой рукой. Я чувствовал, что в следующий раз на поверхности мне уже не уцелеть.

Поэтому оставался под водой, пока перед глазами не заплясали красные молнии и не начало мутиться сознание — кажется, минуты три, не меньше.

Однако, вынырнув, я наконец смог как следует отдышаться и поплыл к левому берегу. Потом, уцепившись за ветви деревьев, вылез на сушу. Объятый огнем лес остался далеко позади. Сюда пожар не дошел. Оба берега казались совершенно пустынными, но и на поверхности воды никого видно не было. Неужели спасся я один? Вряд ли. Не может быть! Нас ведь было так много, когда начался этот наш последний поход...

Я оглох от усталости. Все тело болело, бесчисленные ожоги саднили. После слишком долгого пребывания в ледяной воде меня буквально трясло от холода. Но хотя продвигаться по реке дальше было слишком рискованно, я все же решил еще немного проплыть под водой.

Четыре раза я глубоко нырял и умудрился проплыть довольно значительное расстояние. На пятый сил уже не осталось. Я понял, что могу и не вынырнуть, уцепился за какую-то скалу, перевел дыхание и вылез на берег.

Некоторое время я лежал на спине. Потом сел и осмотрелся. Местность была совершенно незнакомая. Огонь сюда не добрался. Справа был густой кустарник; я заполз туда, упал ничком и тут же уснул.

Проснувшись, я здорово пожалел о собственной неосмотрительности: все тело ломило, я явно был нездоров. В полубреду я некоторое время провалялся в кустах, потом заставил себя встать и подойти к реке, чтобы напиться. Потом снова забрался в кусты и заснул.

Я по-прежнему плохо себя чувствовал и на следующий день, но сил все-таки прибавилось. Я немного походил по берегу, потом достал карты и вызвал Блейза. Оказалось, он тоже уцелел.

— Ты где? — спросил он сразу.

— Кабы я знал! Хорошо, что вообще куда-то выплыл. По-

моему, море недалеко. Я слышу шум прибоя, да и запах знакомый.

— Ты все еще возле реки?

— Да.

— На каком берегу?

— На левом, если стоять лицом к морю. На северном.

— Тогда там и оставайся. Я кого-нибудь к тебе пришлю. Я как раз собираю уцелевших. Собралось уже больше двух тысяч и постепенно подходят еще. Джулиана здесь не слышно.

— Хорошо, — сказал я. — Буду ждать.

Потом опять лег и погрузился в сон.

Сквозь сон я услышал шаги и моментально вскочил, раздвинул кусты...

Их было трое. Краснокожие гиганты.

Я встал, немного привел себя в порядок, одернул одежду, провел рукой по волосам, потом несколько раз глубоко вздохнул и вышел из кустов.

— Я здесь, — сказал я громко.

Двое сразу же обернулись; в руках у них блеснули клинки. Но, увидев меня, гиганты заулыбались и принялись кланяться. Потом повели меня в лагерь, до которого оказалось с полчаса пути. Как ни странно, дошел я довольно легко.

— Уже собралось больше трех тысяч, — сообщил мне Блейз и пригласил врача, чтобы тот осмотрел меня.

Ночью нас никто не беспокоил, и мы продолжали продвигаться к цели. Шли всю ночь и весь следующий день.

К тому времени нас было уже тысяч пять. Амбер сиял прямо впереди.

Всю следующую ночь мы проспали, а наутро вновь вышли в поход. Мы довольно успешно продвигались вдоль берега моря, и Джулиана с его конницей не было видно.

Боль от ожогов почти прошла, рана в бедре тоже не особенно беспокоила меня, только плечо по-прежнему сильно болело и жгло, а левая рука плохо слушалась.

Мы все шли и шли, постепенно приближаясь к Амберу. Погода стояла хорошая. Слева виднелись обугленные стволы и ветви погибшего леса. Пожар уничтожил и большую часть деревьев в долине, что, впрочем, оказалось нам на руку: здесь

уже невозможно было бы устроить засаду — любой человек виднелся издалека. Мы прошли еще порядком до захода солнца и разбили лагерь на берегу реки.

Утром меня осенило, что до коронации Эрика времени почти не осталось, и я сказал об этом Блейзу. Мы оба совсем потеряли счет дням. Нужно было спешить.

До полудня мы совершили настоящий марш-бросок, затем остановились передохнуть. До подножия Колвира оставалось не более дневного перехода. К наступлению сумерек это расстояние сократилось вдвое.

Около полуночи мы разбили лагерь и остановились на ночлег. Теперь я уже почти пришел в себя, даже немного поупражнялся с мечом и понял, что практически восстановил свои силы. А утром почувствовал себя снова в форме.

Мы вышли в путь и у самого подножия Колвира встретились не только с войском Джулиана, но и со ставшими пехотинцами командами уцелевших кораблей Кейна.

Завидев их, Блейз принялся ругаться и ругался, как самый распоследний сапожник. Нам ничего не оставалось, только наступать! И мы пошли в атаку.

После этого боя наша армия насчитывала не более трех тысяч воинов. Джулиан, конечно же, сбежал.

Но мы победили. Мы одержали блистательную победу! И всю ночь в лагере царило веселье.

Однако меня одолевали страхи и сомнения, которыми я поделился с Блейзом. Предстояло штурмовать Колвир, имея всего три тысячи человек!

Флот мы потеряли, сухопутная армия Блейза уничтожена на девяносто восемь процентов. Радоваться нечему. Мне крайне не нравился такой расклад сил.

На следующий день мы начали подъем. На склоне Колвира была каменная лестница, позволявшая идти узкой цепочкой по двое. Но чем выше, тем у́же становилась лестница, и вскоре мы уже поднимались гуськом, один за другим.

Так мы преодолели первые сто ступенек, потом двести, потом триста...

И тут с моря подул ветер. Он обрушивался на нас с такой силой, что приходилось держаться друг за друга, чтобы не сдуло. Вскоре мы потеряли еще около двух сотен человек.

Но продолжали подъем.

Потом начался ливень. Подъем становился все круче, ступени были страшно скользкими. Мы преодолели четвертую часть лестницы, когда столкнулись с вооруженным отрядом, спустившимся нам навстречу.

Шедшие первыми сразу же вступили в схватку; двое упали. Мы поднялись еще на две ступени; еще один наш воин полетел в пропасть.

Так продолжалось более часа; мы преодолели первую треть подъема и продолжали идти вверх. Наши краснокожие гиганты оказались гораздо сильнее воинов Эрика, и хотя бы это было уже отрадно. Раздавался звон мечей, вопль, и вниз летел очередной несчастный. Иногда это был краснокожий или мохнатый воин из нашей армии, но гораздо чаще — солдаты из армии Эрика.

Так мы поднялись до половины склона, отвоевывая буквально каждый шаг. Ближе к вершине ступени делались все более широкими, такими же, как там, в Ребме, чья Лестница была отражением этой, настоящей, которая вела прямо к Восточным воротам Амбера.

У нас в авангарде оставалось всего человек пятьдесят. Потом — сорок, двадцать, дюжина...

Мы прошли уже две трети пути. Лестница извивалась, повторяя изгибы склона горы. Восточной лестницей вообще пользовались редко. Согласно нашему первоначальному плану мы по лесистой долине должны были обойти город с тыла и проникнуть туда через Западные ворота. Лесной пожар и атаки конницы Джулиана заставили нас изменить направление удара. С оставшимися войсками нам никогда бы не удалось проникнуть в город с тыла. Придется либо ударить в лоб, либо отступить. Только отступать мы не собирались.

Пало еще трое воинов Эрика, и мы отвоевали еще четыре ступени. Потом пал один из наших.

С моря дул холодный пронзительный ветер, к подножию горы уже начало собираться воронье. Сквозь тучи вдруг проглянуло солнце. Видимо, Эрик оставил свои штучки с погодой и теперь был полностью поглощен подготовкой войска.

Мы отвоевали еще шесть ступеней, потеряв одного воина.

Очень странный и печальный то был подъем.

Блейз шел впереди меня. Скоро придет и его черед. А потом — мой, если он погибнет.

В авангарде оставалось всего шестеро.

Еще десять ступеней... Осталось пятеро...

Мы продолжали продвигаться вверх, медленно, мучительно. Ступени заливала кровь, насколько мог видеть глаз. Да, боевой дух наших воинов был поистине неистребим!

Шедший первым уложил четверых и погиб сам. Лестница снова повернула.

Мы упорно поднимались! В авангарде осталось всего трое. Первый упрямо лез вперед и вверх — в каждой руке по клинку. Для него это была священная война, каждый удар он наносил с удвоенной силой. Он уложил троих, прежде чем пал сам.

Следующий не был столь отважен и ловок, его уложили сразу. Передо мной осталось двое.

Блейз уже вытащил из ножен свой длинный меч: лезвие засверкало на солнце.

— Что ж, братец, — сказал он. — Посмотрим, устоят ли они против принца Амбера!

— Надеюсь, что в любом случае одного принца им будет достаточно, — ответил я.

Он рассмеялся.

Мы преодолели уже, наверное, три четверти пути, когда пришла очередь Блейза.

Он бросился вперед, и тут же первый воин противника полетел в пропасть. Потом острием меча он проткнул горло следующему, а третьего оглушил ударом плашмя и тоже скинул вниз. Вскоре за ними последовал и четвертый.

Я не отставал ни на шаг, держа меч наготове.

Блейз дрался великолепно, куда лучше, чем я ожидал, и значительно лучше, чем в те годы, что я помнил. Он летел вперед, как ураган, его меч сверкал, как живая молния. И враги падали вокруг него один за другим.

Что бы там раньше ни говорили о Блейзе, в тот день он был истинным принцем Амбера. Но надолго ли хватит у него сил?

В левой руке он сжимал кинжал, которым пользовался с ужасающей точностью, сходясь с противником вплотную. Своего одиннадцатого он прикончил именно кинжалом, ударив в шею. И мертвец полетел вниз, унося клинок, застрявший в страшной ране.

Веренице врагов не было видно конца. Видимо, они шли

непрерывным потоком прямо с площади на вершине. Я все же надеялся, что моя очередь не наступит, я уже почти верил в это.

Еще трое убитых упали, прежде чем мы добрались до небольшой площадки перед очередным поворотом лестницы. Блейз расчистил ее от врагов и двинулся дальше. Уже полчаса он шел впереди меня и все убивал, убивал... Я слышал восхищенные восклицания воинов позади меня. И уже почти поверил, что мы дойдем так до самой вершины.

Блейз использовал все известные ему приемы боя: сбивал противника с толку, размахивая плащом перед его носом, ставил подножки, выкручивал врагам руки. Словом, разошелся вовсю.

Так мы поднялись до следующей площадки. У Блейза рукав уже был в крови, но он продолжал улыбаться. А воины позади тех, кого он убивал одного за другим, побледнели до синевы. Это только придало ему сил, да и я был рядом, готовый занять его место в случае чего. Это тоже прибавляло врагу страха. Потом уже я понял, что воины Эрика знали, что произошло во время морского сражения.

Блейз благополучно миновал еще одну площадку и вновь пошел вверх. Вот уж никогда не подумал бы, что он столько продержится! Я бы не выдержал. Поистине замечательный пример выдержки, выносливости и фехтовального искусства; никогда не видел ничего подобного после того, как Бенедикт в одиночку защитил проход в Арденском лесу от толп варваров из Гхенеша.

Однако Блейз начал заметно уставать. Если бы только я мог заменить его, хотя бы дать ему возможность передохнуть!..

Но я никак не мог этого сделать. И продолжал подниматься позади него, сознавая, что каждый удар может стать для Блейза последним.

Он явно слабел. А до вершины было еще добрых полсотни шагов.

Мне вдруг стало жаль Блейза. Он все же был моим братом и действительно хорошо ко мне относился все это время. Не думаю, что он был уверен в конечной победе, однако сражение продолжал. По сути дела, он своими руками прокладывал мне дорогу к трону.

Блейз убил еще троих, но меч его поднимался все медленнее. С четвертым он сражался целых пять минут, прежде чем уложил и его. Я был уверен, что следующий — его последняя жертва...

Но я ошибся.

Когда Блейз наконец уничтожил и этого противника, я, переложив меч в левую руку, правой вынул свой кинжал и метнул его.

Кинжал по самую рукоять вошел в горло следующему врагу. Блейз, перепрыгнув сразу через две ступени, рубанул еще одного по ногам. Тот рухнул куда-то вбок. Блейз сделал выпад и распорол брюхо следующему. Я тоже бросился вперед, чтобы прикрыть своего брата справа, но в этом не было нужды.

У Блейза как будто прибавилось сил. Он свалил еще двоих. Я вытащил из ножен запасной кинжал, да еще один мне передали сзади.

Кинжал я держал наготове, пока не заметил, что Блейз вновь начинает уставать, и сразу метнул кинжал в его противника. Однако тот как раз сделал выпад, и кинжал попал в него не острием, а рукоятью. Тем не менее он попал ему в голову, и Блейзу оставалось только посильнее толкнуть оглушенного врага, чтобы тот свалился вниз.

И тут следующий воин прыгнул вперед и, несмотря на то, что сам напоролся на меч Блейза, успел все же нанести ему сильный удар в плечо. Оба они покатились вниз.

Я даже не успел ни о чем подумать и действовал совершенно инстинктивно. Это было одно из тех решений, которые принимаешь в долю секунды и осознаешь только потом. Моя рука сама метнулась к поясу, выхватила футляр с колодой карт и кинула его Блейзу, когда тот на мгновение зацепился за крошечный выступ.

— Держи! — заорал я.

И он успел поймать футляр.

У меня не хватило времени проследить, что с ним было потом, — пришлось парировать выпад очередного противника.

Так начинался последний этап нашего восхождения на Колвир.

Скажу сразу: нам все-таки удалось добраться до вершины. Задыхаясь, я остановился на последней площадке, а вокруг меня собрались мои взобравшиеся следом верные воины.

Мы построились и вновь пошли в атаку. Нам потребовался час, чтобы достигнуть Ворот и с боем миновать их.

Мы были в Амбере.

Уверен, что Эрик все-таки никогда не предполагал, что мы сумеем пробиться.

Как-то там Блейз, подумал я. Успел ли он вытащить нужную карту и воспользоваться ею, прежде чем достиг подножия Колвира?

Мы все-таки явно недооценивали противника. Его силы снова превосходили наши. Оставалось только сражаться до последнего. Отчего же я поступил так глупо, бросив Блейзу колоду? Я знал, что своих карт у него нет; видимо, это и заставило меня так поступить. Может быть, сказывалось влияние тех столетий, что я провел в Царстве Теней, на Земле? А ведь карты могли бы и мне самому пригодиться, если дело обернется худо...

Именно так и произошло.

Мы дрались до наступления сумерек, и у меня оставалась всего лишь горсточка воинов. Мы уже достаточно далеко продвинулись в глубь Амбера, когда нас окружили. Мы отчаянно отбивались, и я терял своих воинов одного за другим. Силы были слишком неравными.

Ллевелла или Дейрдре, несомненно, предоставили бы мне убежище... Зачем только я отдал карты Блейзу?

Я уложил еще одного и постарался забыть о картах.

Солнце село, все окутала ночная тьма. Нас оставалось всего несколько сотен — и очень далеко до дворца.

И тут я увидел Эрика. Он что-то кричал, отдавая распоряжения. Ах, если бы я только мог до него добраться!

Наверное, пора было сдаваться, чтобы сохранить жизнь оставшимся воинам, на славу мне послужившим. Но кому сдаваться? Да никто от нас этого и не требовал. Даже если бы я специально вызвал Эрика, он бы попросту меня не услышал. Он вообще не участвовал в бою: только командовал издали.

И мы продолжали сражаться, хотя в живых осталось уже меньше сотни моих людей.

Опущу подробности. В конце концов противник перебил всех, кроме меня. На меня же набросили сеть, сначала оглушив. Я упал, был связан по рукам и ногам и лишился сознания... Но какие-то неясные кошмары преследовали меня даже в забытьи, словно не желая оставить в покое.

Итак, мы полностью проиграли.

Очнулся я в подземелье, где-то очень глубоко. Было страшно жаль, что у нас так ничего и не вышло, несмотря на то, что мы все-таки пробились в город.

Я был все еще жив — значит, Эрик что-то задумал в отношении меня. Мне представились кандалы, дыба, огонь и раскаленные клещи. Лежа на куче прелой соломы, я вообразил, на что буду похож через несколько дней.

Сколько времени я пробыл без сознания? Неизвестно.

Я обшарил всю камеру в поисках хоть чего-нибудь острого, рассчитывая покончить с собой, но ничего подходящего не нашел.

Раны мои горели огнем, я чувствовал страшную усталость и снова лег на солому, моментально провалившись в сон.

Когда я проснулся, рядом по-прежнему никого не было. Никто не заходил. Никто не собирался пытать меня.

Я лежал, закутавшись в плащ, и перебирал в памяти события последних дней — с тех пор как очнулся в клинике «Гринвуд» и отказался от уколов. Может быть, отказываться и не стоило.

Теперь я познал отчаяние сполна.

Скоро состоится коронация Эрика, он станет королем Амбера. Или уже стал?

Меня почему-то все время тянуло в сон. Я совершенно лишился сил. Это была первая за много, много дней возможность как следует отдохнуть и постараться забыть о своих ранах и несчастьях...

В камере было темно и сыро. И отвратительно воняло.

Глава 8

Не знаю, сколько раз я просыпался и вновь погружался в сон. Дважды, проснувшись, я обнаруживал рядом хлеб, мясо и воду. Я съедал все, что мне приносили. В камере было по-прежнему темно и очень холодно. Я все время чего-то ждал.

И за мной наконец пришли.

Дверь, заскрипев, отворилась, в камеру упал луч света. Я зажмурился, и кто-то окликнул меня.

Потом меня вели по коридору, битком набитому вооруженными людьми: опасались, как бы я не выкинул какой-нибудь номер.

Я еле тащился, потирая заросшие щетиной щеки. Наконец мы вышли на площадку, откуда начиналась винтовая лестница, и стали подниматься. Вопросов я никому не задавал, со мной тоже никто не заговаривал.

Когда мы поднялись наверх, меня снова куда-то повели. И в итоге я оказался в теплой и чистой комнате, где мне велели раздеться; я подчинился. А потом с наслаждением погрузился в горячую ванну, приготовленную специально для меня. Слуга тщательно вымыл меня, затем побрил и подстриг.

Я переоделся во все новое: черное с серебром. И на спину мне набросили плащ, застегнутый на плече пряжкой в виде серебряной розы.

— Если вы готовы, — сказал мне начальник стражи, — то прошу идти за мной.

Я пошел за ним, а стража — следом.

Меня отвели на задний двор. Кузнец заковал мои руки и ноги в кандалы, слишком прочные, чтобы пытаться их сломать. Сопротивляться я не пытался: меня просто избили бы до потери сознания, но оковы все равно надели бы.

Несколько стражников, взявшись за свисавшие с моих оков цепи, отвели меня обратно во дворец. Я совершенно не замечал великолепия обстановки. Я был здесь пленником и, вероятно, скоро буду либо мертв, либо подвергнут пытке. Так или иначе, я ровным счетом ничего предпринять не мог. Лишь проходя мимо окна, я заметил, что на дворе уже рассвело. И с удивлением обнаружил, что испытываю полное равнодушие к бесчисленным залам, где играл еще ребенком.

Миновав еще один длинный коридор, мы вошли в огромную столовую. Во всю ее длину были накрыты столы, за столами сидели люди; многие из них были мне знакомы.

Меня окружали сотни знатнейших людей Амбера в роскошных парадных костюмах. Играла тихая музыка, горели факелы. Столы были уставлены изысканными блюдами, но никто пока не ел.

Среди нескольких незнакомых мне людей я заметил лицо Флоры. Потом увидел нашего менестреля, лорда Рейна. Да, именно лорда — я же сам посвятил его в рыцари когда-то. Мы не виделись несколько столетий! Встретив мой взгляд, он отвел глаза.

Меня усадили за огромный стол в центре зала. Стража осталась стоять за моей спиной. Концы моих цепей прикрепили к кольцам, явно не так давно вмурованным в пол.

Место во главе стола пока пустовало.

Женщина, сидевшая справа от меня, была мне незнакома, зато моим соседом слева оказался Джулиан. Я не обратил на него ни малейшего внимания, как бы весь поглощенный дамой, миниатюрной блондинкой.

— Добрый вечер, сударыня, — сказал я. — Мне кажется, я никогда еще вас здесь не видел. Меня зовут Корвин.

Она растерянно обернулась за поддержкой к своему соседу справа — огромному рыжему малому с усеянным веснушками лицом. Но тот вдруг принялся нарочито оживленно беседовать с другой своей соседкой, сидевшей дальше.

— Со мной вполне можно разговаривать, — сказал я блондинке. — Я вовсе не заразен.

Она слабо улыбнулась в ответ:

— Меня зовут Кармел. Как вы себя чувствуете, принц Корвин?

— У вас прелестное имя. И чувствую я себя прекрасно. Но признайтесь: что вы, такая красивая женщина, делаете в этом мрачном дворце?

Она поспешно отпила глоток воды из бокала.

— Корвин, — сказал Джулиан, пожалуй, несколько громче, чем требовалось, — мне кажется, дама находит тебя слишком назойливым!

— Она сама об этом тебе поведала?

Он аж побелел от ярости.

— Хватит! Замолчи!

Я расправил плечи, нарочно загремев цепями на весь зал. Я сделал это, чтобы проверить, насколько цепи сковывают движения. Конечно же, они очень мешали. Эрик принял все меры предосторожности.

— Ну-ка, братец, повтори, что ты сказал! — обратился я к Джулиану.

Братец не ответил.

Я был последним из гостей за этим столом, и теперь все ждали выхода Эрика. И он появился.

Шесть труб пять раз звонко возвестили об этом, и Эрик вошел в зал.

Все встали. Все, кроме меня. Стражникам пришлось поднять меня за цепи и силой держать в стоячем положении.

Эрик слегка улыбнулся и спокойно проследовал к своему месту во главе стола, справа от меня. Я едва мог разглядеть, во что он одет: все скрывала тяжелая горностаевая мантия.

Эрик не сел, а продолжал стоять. Рядом с ним неслышно появился виночерпий, и на столах тотчас же начали наполнять кубки и бокалы.

Когда вино всем было налито, Эрик поднял свой кубок.

— Да пребудем мы вовеки веков в мире, — провозгласил он, — и да пребудет во веки веков наш Амбер!

Все подняли кубки. Все, кроме меня.

— Подними кубок! — прошипел Джулиан.

— Пошел к черту! — ответил я.

Он, конечно, не пошел, но злобно уставился на меня.

Затем я быстро наклонился и поднял свой кубок. Эрика отделяло от меня сотни две народа, однако слышал он меня вполне хорошо. Тем более что все время, не отрываясь, на меня смотрел.

— За Эрика, что сидит вон там, на дальнем конце стола! — провозгласил я.

Меня почему-то никто не тронул. Джулиан тут же вылил свое вино на пол, и все остальные последовали его примеру. А я успел выпить кубок почти до дна, прежде чем его у меня выбили.

Эрик сел, и все тоже сели. Меня наконец отпустили, и я упал в свое кресло.

Слуги начали обносить яствами, и я принялся за еду. Я был голоден и ел с не меньшим аппетитом, чем остальные, пожалуй, даже и с большим, чем многие.

Обед длился два часа с лишним, в зале все время играла музыка. Никто больше не сказал мне ни слова, да я и сам все это время молчал. Но мое присутствие за столом ощущалось отчетливо: на этом конце его разговаривали значительно тише, чем в других местах.

Кейн сидел дальше от меня и ближе к Эрику, справа от него. Я догадался, что Джулиан почему-то лишен милости. Здесь не было ни Дейрдре, ни Рэндома, зато было множество других, кого я знавал когда-то и даже раньше считал друзьями; никто из них даже не взглянул на меня.

И тут я понял, что Эрику требуется всего лишь маленькая формальность, чтобы стать полновластным правителем Амбера.

И вскоре он своего добился.

Окончание обеда не было ознаменовано речами. Эрик просто встал из-за стола. Вновь хрипло зазвучали трубы.

Все тоже встали, и процессия направилась в тронный зал.

Я уже понял, что будет дальше.

Эрик остановился у трона, и все склонились перед ним в низком поклоне.

Кроме меня, конечно. Но меня все-таки заставили упасть на колени. Силой.

Сегодня был день коронации Эрика.

В зале воцарилось полное молчание. Кейн приблизился к Эрику, держа в руках алую подушечку, на которой лежала корона Амбера. Кейн преклонил перед будущим королем одно колено и замер, протягивая корону Эрику и предлагая взять ее.

И тут меня рывком подняли с пола и поволокли вперед. Я понял зачем. Эта мысль поразила меня как молния. Я сопротивлялся изо всех сил. Но меня сбили с ног и подтащили к подножию трона.

Вновь зазвучала музыка. Теперь она играла «Песнь Амбера». Джулиан, стоявший позади меня, провозгласил:

— Восславим же нашего нового короля! — А потом мне на ухо прошептал: — Возьми корону и подай ее Эрику! Он сам наденет ее!

Я не отрываясь смотрел на корону Амбера — тяжелый серебряный обруч с семью зубцами, каждый из которых венчал драгоценный камень. Кроме того, она была буквально усыпана изумрудами, а по бокам, над висками, сияли два огромных рубина.

Я не двигался. Перед моим мысленным взором возникло лицо отца, увенчанного этой короной.

— Никогда! — сказал я и почувствовал удар по левой щеке.

— Возьми ее и подай Эрику! — повторил Джулиан.

Я тоже попытался его ударить, но меня держали крепко. Джулиан снова ударил меня.

Я еще раз посмотрел на корону, на ее острые высокие зубцы.

— Хорошо, — сказал я и, как бы решившись, протянул руку.

Я поднял корону обеими руками, подержал так секунду, затем быстро возложил себе на голову и провозгласил:

— Короную себя, принца Корвина, и провозглашаю королем Амбера!

Корону с меня немедленно сорвали, она вновь была водружена на подушку. Я же получил несколько ощутимых ударов в спину. По залу пронесся легкий шум.

— Возьми корону и подай ее Эрику! — злобно прошипел Джулиан. — Ну же!

Еще один пинок сзади.

— Хорошо, — сказал я, чувствуя, что весь взмок.

На этот раз я метнул корону прямо в Эрика, стараясь попасть ему зубцами в глаза.

Он поймал ее на лету правой рукой и улыбнулся, глядя, как меня избивают.

— Благодарю тебя, — промолвил он. — А теперь слушайте все: и те, что присутствуют в этом зале, и те, что внемлют мне в Царстве Теней! Сегодня я собственноручно короную себя и принимаю титул короля Амбера! Я беру скипетр и принимаю Амбер под свое покровительство! Я честно победил в борьбе за этот трон и отныне буду владеть им по праву крови!

— Лжец! — закричал я, но мне зажали рот.

— Я короную себя и нарекаю Эриком Первым, королем Амбера, Янтарного Королевства!

— Да здравствует король! — трижды провозгласили все присутствующие.

И тогда Эрик наклонился ко мне и прошептал:

— Глаза твои видели сегодня величайшее зрелище из всех, какие ты когда-либо лицезрел. Но это — последнее, что они видели! Эй, стража! Отвести его в кузницу и ослепить! Выжечь ему глаза! Пусть сегодняшняя церемония будет последним,

что они увидят. А потом заточить пленника в самом глубоком и темном подземелье! И пусть даже имя его будет забыто!

Я плюнул ему в лицо, и меня снова жестоко избили.

Я пытался сопротивляться, но меня силой выволокли из тронного зала. Никто даже не обернулся в мою сторону. Последнее, что я увидел, был Эрик, восседающий на троне с милостивой улыбкой.

Его приказ в отношении меня был исполнен незамедлительно. К счастью, я потерял сознание до того, как они завершили свое страшное дело.

Не представляю, сколь долго я провалялся без чувств. Очнувшись в полном мраке, на который отныне был обречен, я почувствовал ужасную боль в глазницах. Может быть, именно тогда, увидев приближающееся к моим глазам раскаленное железо, я и произнес свое страшное проклятие; может быть, и раньше. Не помню. Но я знал: Эрику никогда спокойно не править в Амбере, ибо проклятие одного из принцев, да еще произнесенное в неистовстве, будет тяготеть над проклятым вечно.

От боли я вцепился зубами в пучок соломы. Слез не было — и в этом заключалось самое страшное. Меня окружала тьма. Бог знает, сколько прошло времени, прежде чем я погрузился в спасительный сон.

Я проснулся вместе с болью. Встал, шагами измерил свою темницу. Четыре шага в ширину, пять в длину. В одном углу — куча соломы и соломенный тюфяк сверху, в другом — отверстие в полу для отправления естественных потребностей. В нижней части двери — небольшое отверстие, закрытое дверкой, и полочка. На полочке стоял поднос с куском черствого хлеба и кувшином воды. Я поел и напился, но это мало мне помогло.

Голова раскалывалась от боли, и душа страдала не меньше.

Я почти все время спал, никто ко мне не приходил. Я просыпался, ел, бродил по камере и снова засыпал.

По моим подсчетам, прошло дней семь. Боль в глазницах наконец утихла. Но ненависть к брату моему, ставшему правителем Амбера, ярким пламенем пылала в моей груди. Лучше бы он меня убил!

Интересно, как на мое ослепление реагировали жители Янтарного Королевства?

Когда окружающий меня ныне мрак достигнет границ Амбера, Эрик — я был уверен! — еще пожалеет о содеянном. Эта мысль немного согревала.

...Так начались для меня дни бесконечного мрака и полного бессилия. Впрочем, даже если бы глаза у меня были, я все равно не смог бы отличить в этой темнице день от ночи, ибо здесь не было ни окон, ни света.

Время текло само по себе, словно проходило мимо. Порой от этой мысли меня бросало то в жар, то в холод. Сколько же все-таки я здесь нахожусь? Месяцы? Или только часы? Или недели? А может быть, годы?

Я совершенно утратил способность ощущать течение времени. Я спал, ходил по камере (я уже помнил наизусть каждую выбоинку), вспоминал былое, свои деяния и то, чего сделать не успел... Иногда просто сидел, скрестив ноги, в оцепенении, дыша медленно и глубоко, пытаясь вывернуть наизнанку свою память, пока хватало сил и терпения. Порой это помогало.

Да, Эрик поступил умно. Я сохранил свою силу и могущество, но теперь они были бесполезны. Слепой не в состоянии пройти через Царство Теней.

Моя борода уже достигала груди, волосы тоже сильно отросли. Сначала мне все время страшно хотелось есть, затем аппетит почти прошел. Порой, при резких движениях, сильно кружилась голова.

Во сне — а снились мне чаще всего кошмары — способность видеть возвращалась, и это причиняло мне при пробуждении особые страдания.

Однако некоторое время спустя я как бы отрешился от своего горя и тех событий, которые предшествовали моему ослеплению. Порой казалось, что это случилось вовсе не со мной, а с другим человеком. Странно, но это тоже было похоже на правду.

Я, наверное, сильно исхудал, выглядел тощим и бледным. Плакать я не мог, хотя иногда мне очень этого хотелось; слезные железы были явно повреждены. Чудовищно! Сама мысль об этом вселяла в меня ужас.

Однажды посреди этого бесконечного мрака я вдруг услышал, что кто-то скребется в дверь, но не обратил на это внимания.

Звук повторился, и снова я не ответил.

Потом кто-то позвал меня по имени.

Я подошел к двери.

— Кто это?

— Это я, Рейн, — раздалось в ответ. — Как вы там?

Я рассмеялся:

— Отлично! Просто превосходно! Бифштексы и шампанское каждый вечер! И юные танцовщицы!.. Господи, нашел о чем спросить!

— Мне очень жаль, — произнес он, — что я ничем не могу помочь вам.

В его голосе чувствовалась искренняя боль.

— Спасибо, — сказал я.

— Я бы все для вас сделал, если бы только мог!

— Знаю.

— Я вам тут кое-что принес. Возьмите, пожалуйста.

Окошечко в двери скрипнуло, открываясь.

— Что это?

— Чистая одежда. Свежий хлеб, головка сыра, говядина, две бутылки вина, сигареты, спички...

У меня ком в горле застрял.

— Спасибо, Рейн. Ты молодчина! Как это тебе удалось?

— Я хорошо знаю одного стражника... Он никому не проговорится — слишком многим мне обязан.

— Ничего. Свой должок он сумеет вернуть, сделав донос на тебя, — сказал я. — Так что лучше больше не приходи, хотя твой приход мне очень приятен. И я, конечно, постараюсь уничтожить все следы.

— Мне очень жаль, что все получилось именно так, а не наоборот, Корвин.

— Мне тоже. Спасибо, что хоть помнишь обо мне: всем ведь приказано забыть...

— Ну, это нетрудно.

— Сколько времени я здесь?

— Четыре месяца и десять дней, — ответил Рейн.

— Что нового в Амбере?

— Эрик сидит на троне. Этим все сказано.

— А что Джулиан?

— Отправился обратно в Арденский лес со своим войском.

— С чего бы это?

— Странные вещи происходят ныне в Царстве Теней...

— Так. А Кейн?

— Он еще в Амбере. Наслаждается жизнью. Вино и женщины.

— Джерард?

— Стал адмиралом и командует королевским флотом.

Я вздохнул с некоторым облегчением. Я опасался, что его уступка мне и отход к югу во время того сражения будут иметь дурные последствия.

— От Рэндома ничего не слышно?

— Сидит здесь же, только в верхних камерах.

— Что? Неужели его схватили?

— Да. Он прошел по волшебному Пути и явился во дворец с арбалетом. Ему удалось ранить Эрика, прежде чем его успели схватить.

— Да ну! Почему же Рэндома не убили?

— Прошел слух, что он женат на знатной даме из Ребмы. А Эрик не хочет портить с Ребмой отношения. У Моэри сейчас очень сильное королевство, поговаривают, будто Эрик даже хотел к ней посвататься. Слухи, конечно. Но занятные.

— Да уж, — сказал я.

— Вы ведь ей нравились, правда?

— Возможно. А ты-то откуда знаешь?

— Когда Рэндому выносили приговор, я улучил момент и успел с ним поговорить. Леди Вайол утверждает, что она жена Рэндома, и просит разрешения присоединиться к нему в тюрьме. Эрик все еще не решил, что ей ответить.

Я вспомнил о слепой девушке из Ребмы, которой никогда не видел, и задумался о превратностях судьбы.

— Давно все это произошло?

— М-м-м... Тридцать четыре дня назад, — ответил Рейн. — То есть это Рэндом тогда объявился. А Вайол подала свое прошение неделей позже.

— Необычная, должно быть, дама. Она что же, действительно любит Рэндома?

— Мне так кажется, — сказал Рейн. — Более странный брак трудно себе представить.

— Если тебе удастся увидеть Рэндома, передай ему от меня привет и скажи: мне очень жаль, что все так получилось.

— Хорошо.

— А как поживают мои сестры?

— Дейрдре и Ллевелла по-прежнему в Ребме. Леди Флора пользуется полным доверием Эрика и занимает весьма высокое положение при дворе. А вот о Фионе я ничего не знаю.

— О Блейзе какие-нибудь вести были?

— Никаких. Вероятно, он погиб, — сказал Рейн. — Впрочем, тела его так и не нашли.

— Бенедикт?..

— От него по-прежнему ничего.

— А Брэнд?

— О нем тоже ничего не известно.

— Так. Кажется, всех перебрали. Ну а сам-то ты как? Сочинил что-нибудь новое?

— Нет, — ответил он. — Я, правда, заканчиваю «Песнь об осаде Амбера», только вряд ли ее кто-нибудь увидит.

Я просунул руку в окошечко.

— Коснись моей руки, Рейн, — попросил я и тут же почувствовал ответное пожатие. — Я очень благодарен тебе за все. Но прошу: не приходи ко мне больше. Не стоит так рисковать. Опасно навлекать на себя гнев Эрика.

Он еще раз сжал мою руку, и мы расстались.

Я нащупал пакет, который он мне принес, и с жадностью набросился на мясо. Потом съел хлеб. Я уже почти забыл вкус нормальной пищи. После сытной еды меня стало клонить в сон, и я уснул. Спал я, правда, недолго, а проснувшись, откупорил одну из бутылок с вином.

Выпил я всего несколько глотков, куда меньше, чем позволял себе прежде, когда вино еще будоражило кровь. Потом закурил, уселся на тюфяк, опершись спиной о стену, и задумался.

Я помнил Рейна еще совсем ребенком. Я давно уже стал взрослым, а он всего лишь готовился к должности придворного шута. Тоненький умный мальчик. Над ним часто смеялись, в том числе и я. Но я тогда уже вовсю сочинял баллады и музыку к ним, а он раздобыл где-то лютню и стал учиться играть.

Скоро мы пели с ним на два голоса, и Рейн мне нравился все больше и больше. Мы теперь вместе занимались и боевыми искусствами. Он, правда, почти ничего не умел, но мне было стыдно за прежнее пренебрежение к нему, я сам стал учить его, и в итоге он начал фехтовать вполне сносно. Мне ни разу потом не пришлось об этом пожалеть, да и ему, полагаю, тоже.

Вскоре он стал менестрелем при дворе Амбера. Но я продолжал называть его своим пажом, а когда началась война с чудовищными черными порождениями Царства Теней, вейрмонкенами, Рейн сделался моим оруженосцем, и мы всегда были вместе. После битвы у Джонс-Фоллс я посвятил его в рыцари. Он этого вполне заслуживал. А чуть позднее Рейн потихоньку начал обгонять меня в том, что касалось стихосложения и музыки. Он предпочитал алые цвета, и слово его было просто чистое золото. Я крепко любил его; таких настоящих друзей в Амбере у меня было всего двое или трое. Но я и не надеялся, что он осмелится так рисковать ради визита ко мне, да еще принесет вкусной еды. Вряд ли кто-то еще из моих бывших друзей решился бы на такое.

Я выпил еще немного вина и закурил вторую сигарету, повторяя его имя. Очень хороший, добрый человек. Интересно, удастся ли ему выжить при дворе Эрика?

Окурки и пустую бутылку я спрятал в изголовье под соломой. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь обнаружил остатки моего пиршества в случае обыска. Я съел все, что мне принес Рейн, и впервые за все время заключения почувствовал себя совершенно сытым. Вторую бутылку вина я все же оставил на потом, на всякий случай, и вернулся к прежнему образу жизни. К своим воспоминаниям и самобичеванию.

Я все-таки надеялся, что Эрик не получил всей власти, какой может обладать правитель Амбера. Даже несмотря на то, что стал королем. Но знания его пока еще были недостаточны, а потому он и не мог бы быть столь же могущественным, как наш отец. Так что я сохранил надежду, пусть самую мизерную, что все еще может измениться. Только благодаря этому мне удавалось сохранять остатки рассудка, не сойти с ума от бесконечных обрушившихся на меня несчастий и разочарований.

Правда, порой я, видимо, рассудок все-таки терял. Не уверен, но вполне возможно. Некоторые периоды пребывания в

подземелье совершенно выпали у меня из памяти, я не помню абсолютно ничего, сколько ни пытаюсь вспомнить. Бог его знает почему.

И ни один из врачей не смог бы мне ответить на этот вопрос, ибо ни один врач не в силах понять никого из королевской семьи Амбера.

Я часами валялся на своем тюфяке, подолгу расхаживал по камере, но все — в полном мраке. Зато слух у меня предельно обострился. Я слышал шуршание крыс в соломе, отдаленное эхо шагов стражника, приносившего мне еду. По звуку я научился определять направление и расстояние.

Думаю, что и обоняние тоже стало значительно тоньше. Помимо различных тошнотворных ароматов, наполнявших темницу, я в течение долгого времени явственно ощущал запах разлагающейся плоти. Я мог бы поклясться в этом. Интересно, скоро ли заметят, если я умру? Сколько кусков черствого хлеба останутся несъеденными, прежде чем стража наконец соизволит проверить, что происходит?

Ответ на этот вопрос представлял для меня значительный интерес.

Запах смерти был весьма стоек. На мой взгляд, он меня преследовал, видимо, с неделю.

Сигареты я расходовал очень экономно, стараясь не уступать искушению. Но в конце концов осталась всего одна пачка.

Я открыл ее и закурил. Рейн принес мне целый блок «Салема», и одиннадцать пачек я уже выкурил. Всего, значит, двести двадцать сигарет. Однажды я заметил, что мне нужно семь минут, чтобы выкурить сигарету. Значит, на курение у меня ушло тысяча пятьсот сорок минут, то есть двадцать пять часов и сорок минут. Я был уверен, что между двумя сигаретами проходило не менее часа, скорее даже часа по полтора. Ладно, допустим, полтора часа. На сон уходило от шести до восьми часов в сутки. Это означало, что шестнадцать-восемнадцать часов я бодрствовал. Выкуривал я примерно десять-двенадцать сигарет в день. Стало быть, с визита Рейна прошло около трех недель. Он тогда сообщил мне, что миновало четыре месяца и десять дней со дня коронации. Значит, всего я находился в заключении уже пять месяцев.

Я как мог растягивал последнюю пачку сигарет, предель-

но наслаждаясь каждой. Когда же сигареты все-таки кончились, я испытал приступ отчаяния.

Бог знает, сколько еще прошло времени.

Я часто думал об Эрике. Как-то он справляется с королевскими обязанностями? Какие у него возникают проблемы? И каковы теперь его планы? Почему он не стал подвергать меня пыткам? Забудут ли обо мне в Амбере навсегда, как того хотел нынешний король? Вряд ли́, решил я.

Интересно, а что с остальными моими братьями? Почему никто из них ни разу не связался со мной? Они ведь легко могли обойти любой указ, воспользовавшись нашими семейными картами.

Увы, никто этими картами так и не воспользовался.

Я много раз вспоминал Моэри, последнюю женщину, с которой был близок. Чем она сейчас занята? Вспоминает ли меня? Наверное, нет. Может быть, она уже стала наложницей Эрика или даже королевой Амбера. Говорила ли она с ним обо мне? Тоже, наверное, нет.

И как там остальные мои сестры? Ладно, черт с ними. Сволочи они все.

Однажды я уже был ослеплен, в восемнадцатом веке, в Царстве Теней, на Земле. Мне тогда выбило глаза взорвавшейся пушкой. Но я не мог видеть всего только месяц, потом зрение вернулось ко мне. Эрик же намерен был ослепить меня навечно. Мне все еще часто являлся во сне тот страшный миг, когда раскаленное железо приблизилось к моим глазам и коснулось их! И я просыпался тогда от собственного крика, весь в холодном поту, дрожа от боли и ненависти.

Вспомнив об этом, я даже застонал, продолжая расхаживать взад-вперед по камере.

Я совершенно ничего не мог предпринять, вот что самое страшное. Я был беспомощен, как новорожденный младенец. Я отдал бы душу, лишь бы вновь обрести зрение, вернуться к нормальной жизни! Пусть на один только час — чтобы иметь возможность сойтись с мечом в руке на поединке с моим гнусным братцем!

Обессиленный, я рухнул на тюфяк и заснул. А когда проснулся, уже принесли еду. Я поел и опять принялся шагать взад и вперед. Ногти на руках и ногах чудовищно отросли. Борода свисала чуть ли не до колен, а волосы постоянно падали

на лицо. Я был покрыт грязной коркой, тело ужасно чесалось. Наверное, на мне завелись блохи или вши.

Уже одно то, что меня, принца Амбера, довели до такого состояния, вызывало во мне бешеную ненависть. Я вырос, с детства воспринимая всех членов нашей семьи как нечто неуязвимое, чистое, холодное и твердое, подобно алмазу. Такими были наши изображения на волшебных картах. Но, очевидно, в жизни это было не совсем так.

Зато мы оказались похожи на прочих людей и в смысле скрытых резервов воли. Я, например, играл сам с собой в различные игры, сам себе рассказывал всякие истории, вспоминал разные приятные вещи и события, которых было, к счастью, немало. Я размышлял о том, что составляет живой мир, — о ветре, дожде, снеге, о летнем тепле, о прохладных весенних ветрах. В Царстве Теней, на Земле, у меня когда-то был собственный маленький самолет, и мне очень нравилось ощущение полета. Я вспоминал, как сверху открывалась широкая панорама, многообразие цветов и видов: крошечные города на горизонте, голубой простор неба над головой, гряда облаков (где-то теперь эти облака?), бескрайний океан под крылом... Я вспоминал женщин, которых любил, веселые пирушки, тяжелые бои... А когда надоедали все воспоминания и я уже не мог думать ни о чем другом, я думал об Амбере.

И однажды, когда я думал о нем, то ощутил на своих щеках влагу: видимо, мои слезные железы пришли в норму. Я плакал.

Прошло еще немало времени, когда уделом моим были лишь сон да вечный мрак, и вдруг я вновь услышал за дверью шаги. Человек подошел, шаги стихли, в замке повернулся ключ.

После того визита Рейна я уже успел забыть вкус вина и сигарет — слишком давно я пробовал их в последний раз.

Людей было двое. Я догадался об этом еще по их шагам, до того как услышал голоса, один из которых тут же узнал.

Дверь отворилась, и Джулиан окликнул меня по имени.

Я ответил не сразу, и он снова позвал меня:

— Корвин! Иди сюда.

Выбора у меня не было; я поднялся и пошел к двери. Подойдя к нему вплотную, я остановился.

— Что тебе надо? — спросил я.

— Идем со мной. — И он взял меня за руку.

Мы вышли в коридор. Джулиан ничего мне не объяснял, а я не стал унижаться и спрашивать.

Судя по эху, мы, миновав коридор, очутились в большом пустом зале, потом стали куда-то подниматься по лестнице. Стало быть, мы шли во дворцовые покои.

Меня ввели в какую-то комнату и усадили в кресло. Цирюльник занялся моими волосами и бородой. По голосу я его не узнавал. Он спросил, подстричь ли мне бороду или сбрить совсем.

— Сбрей, — ответил я.

Затем мне привели в порядок ногти на руках и на ногах. Я принял ванну, кто-то помог мне одеться во все чистое. Костюм, по всей вероятности, висел на мне, как на вешалке. Потом меня чем-то опрыскали, — видимо, какой-то гадостью от насекомых. Но это было уже неважно.

Затем меня провели в зал, наполненный музыкой, ароматами роскошных яств, голосами и смехом множества людей. Я понял, что нахожусь на пиру.

Когда вошли мы с Джулианом, голоса мгновенно стихли. Меня усадили за стол. Вскоре запели трубы, и меня тут же заставили встать.

И тогда я услышал:

— За здоровье Эрика Первого, короля Амбера! Да здравствует король!

Я пить не стал, но никто, видимо, и внимания на это не обратил. Тост провозгласил Кейн, я узнал его голос.

Я съел столько, сколько смог в себя вместить; я не ел ничего подобного со дня коронации. Из разговоров вокруг я понял, что сегодня — первая годовщина правления Эрика. Стало быть, я провел в подземелье уже целый год.

Ко мне никто не обращался, сам я тоже ни с кем не заговаривал. Я был на том пиру призраком. Этим, видимо, меня стремились еще более унизить, а заодно и предостеречь остальных братьев: непослушание сюзерену карается жестоко! К тому же все знали, что меня приказано забыть.

Празднество продолжалось почти до утра. Кто-то все время подливал мне вина, что уже было неплохо. Так что я с удовольствием пил вино и слушал музыку. Столы к этому времени убрали, потому что меня пересадили в угол.

В итоге я здорово напился, и меня уже под утро на руках

отнесли обратно в темницу. Праздник кончился. Жаль, что я так и не упился до скотского состояния!

Закончился первый год моего заключения.

Глава 9

Не стану утомлять вас излишними подробностями. Второй год был точно таким же, как первый, и закончился тем же. И третий — тоже. В течение второго года Рейн дважды приходил ко мне и приносил всякие вкусные вещи и целый ворох сплетен. Каждый раз я строго-настрого запрещал ему появляться в подземелье. Но в течение третьего года он посещал меня шесть раз — каждые два месяца. Я все твердил, чтобы он не смел являться сюда, но с удовольствием съедал все, что он приносил мне, и слушал его болтовню.

В Амбере было неладно. Из Царства Теней проникали странные существа, несущие страх и зло. Их, конечно, уничтожали. Эрик все пытался понять их природу и происхождение. Я ничего не сказал Рейну о своем проклятии, но про себя радовался, понимая, что оно действует.

Рэндом, как и я, до сих пор оставался узником. Его жена все же добилась своего и теперь воссоединилась с ним в тюрьме. Остальные мои братья и сестры жили по-прежнему. Надежда на возможные перемены не оставляла меня во время празднества по поводу третьей годовщины правления Эрика. Надежда эта очень поддерживала мой дух, я словно ожил вновь.

А кроме того...

Кроме того, произошло нечто, приведшее меня в столь восторженное настроение, что я немедленно откупорил последнюю бутылку вина и вскрыл последнюю пачку сигарет, принесенных Рейном, которые берег на самый крайний случай.

Я устроил себе настоящий праздник, пил, курил и мечтал о свете, который вновь забрезжил во тьме кромешной.

Да, я увидел свет!

Тонкий лучик света, внезапно появившийся где-то справа от меня!

Представьте себе: вы очнулись на больничной койке и вдруг поняли, что очнулись слишком рано. Вот такое ощущение я испытывал.

У меня все заживает значительно быстрее, чем у любого другого человека. Этой способностью — в большей или меньшей степени — обладают все члены королевской семьи Амбера. Именно благодаря этой способности я и пережил чуму, бегство французов из Москвы и многое другое. Я регенерирую значительно быстрее и лучше, чем остальные люди. Это отмечал и Наполеон, и генерал Макартур... Правда, с нервными окончаниями получалось хуже и медленнее, но все равно получалось, и я выздоравливал.

Ко мне возвращалось зрение — вот что означал тот лучик света!

Через некоторое время я уже отчетливо видел, что лучик этот проникает в щель зарешеченного окошка в двери моей темницы.

Итак, глаза мои вновь восстановились — так сказали мне и пальцы, когда я ощупал лицо. Потребовалось, правда, более трех лет, но глаза все-таки сумели регенерировать! Это был тот самый единственный из миллиона шанс, о котором я когда-то упоминал. Такого не мог предполагать даже Эрик, даже он не в силах был до конца оценить мои способности, поскольку у каждого из членов нашей семьи они проявлялись по-разному и в разных масштабах. Тут я одержал верх. Я догадывался, что могу вырастить нервную ткань и даже новые глазные яблоки, — нужно только время.

На франко-прусской войне я был ранен, и в результате у меня оказалась парализованной вся нижняя часть тела. Уже через два года паралич полностью прошел. В данном же случае у меня была надежда— конечно, почти нереальная, — что мне все-таки удастся восстановить выжженные глаза. И я оказался прав! У меня теперь вновь были глаза, и зрение потихоньку возвращалось ко мне, хотя и очень медленно.

Сколько времени оставалось до следующей встречи с Эриком на пиру? Я застыл посреди камеры, пытаясь унять сердцебиение. Как только они заметят, что я восстановил глаза, я сразу же их лишусь. Значит, необходимо бежать отсюда до окончания четвертого года заключения.

Но как?

До сих пор я, в общем-то, не задумывался о побеге: все равно слепым я никогда бы не выбрался не только из Амбера, но даже и из дворца.

Теперь...

Массивная дверь моей темницы была окована листовой бронзой, а маленькое смотровое окошечко забрано решеткой. Через это окошечко можно было следить за мной, если бы кому-то взбрело такое в голову. Даже если бы мне удалось выбить решетку, до замка все равно не дотянуться. В нижней части двери была маленькая дверка-«кормушка», но она тоже ни на что не годилась. Дверные петли были либо с другой стороны, либо вделаны в стену — не знаю. В любом случае для меня они недосягаемы. Окон в камере не было, других дверей тоже.

Вокруг было темно и глухо, словно я все еще оставался слепым. Виднелся лишь тоненький лучик света, который проникал сквозь решетку на двери. Я понимал, что зрение мое еще полностью не восстановилось. На это потребуется немало времени. Но даже и теперь ясно, что меня окружает почти полный мрак. Кроме того, я прекрасно представлял себе, что такое подземелья Амбера.

Я закурил сигарету и немного походил по камере, соображая, что из имеющихся у меня вещей могло бы пригодиться для побега. Итак, одежда, тюфяк и куча гнилой соломы; были также спички, но я сразу отказался от мысли устроить поджог. Сомнительно, чтобы кто-нибудь соизволил явиться и открыть дверь, если я подожгу солому. Скорее всего стража просто будет стоять по ту сторону двери и смеяться. Если вообще придет... Еще у меня была ложка, украденная на последнем пиру. Я хотел стащить и нож, но Джулиан заметил. Впрочем, кража ложки прошла удачно, я спрятал ее в сапоге.

Что же мне предпринять?

Я, разумеется, знал множество историй о побегах из тюрьмы через подкоп, сделанный с помощью самых неожиданных предметов, например пряжки от ремня (которого, кстати, у меня не было). Но времени повторять подвиги графа Монте-Кристо не оставалось. До конца моего четвертого года здесь было всего несколько месяцев. Если я не успею бежать, то снова лишусь глаз.

Дверь была из дубовых брусьев, окованных четырьмя бронзовыми полосами. Одна полоса проходила поверху, другая —

понизу, чуть выше моей «кормушки», а две остальные — сверху вниз по обе стороны смотрового окошка. Дверь открывалась наружу, замок располагался с левой стороны. Дверь была не меньше ладони в толщину.

Я приблизительно знал, на какой высоте находится замок. Чтобы проверить себя, нажал на дверь и попробовал определить ее сопротивление в разных местах. Я знал также, что дверь заперта еще и на засов, но эту проблему можно попробовать решить позже; например, попытаться сдвинуть засов ложкой, просунув ее между дверью и стеной.

Я подтащил свой тюфяк к двери, опустился на него и начертил на дереве квадрат против того места, где, по моим расчетам, находился замок. Я трудился, пока не отнялись руки. Часа два, не меньше. Потом поковырял ногтем поверхность двери; там уже образовалась неглубокая канавка. Маловато, но лиха беда начало. Я взял ложку в левую руку и продолжал работу, пока не заболела и эта рука.

Я очень надеялся на приход Рейна. Я был уверен, что смогу убедить его отдать мне свой кинжал. Но Рейн все не шел, и я продолжал ковырять деревянную дверь ложкой изо дня в день, пока не углубился в дерево на несколько сантиметров. Каждый раз, заслышав шаги стражи, я оттаскивал тюфяк в дальний угол камеры и притворялся спящим, лежа спиной к двери. Когда стражник удалялся, я возобновлял работу. Руки уже нестерпимо болели — хоть я и обернул свое орудие производства куском ткани, оторванным от платья, ладони все равно были сбиты в кровь. Пришлось сделать перерыв, чтобы зажили раны. За это время я решил обдумать, как поступать, если мне все же удастся выйти отсюда.

Когда я наконец проковыряю дверь насквозь, то сразу отодвину засов. Лязг, вероятно, привлечет внимание стражи. Но я постараюсь успеть побыстрее выйти в коридор. Несколько добрых ударов по истончившейся части — и замок будет выбит. А впрочем, может оставаться там, где был до того, если ему так хочется. Дверь все равно откроется, и я предстану перед стражником, который, конечно же, вооружен. Придется справляться с ним голыми руками.

По всей вероятности, стражник будет вести себя излишне самоуверенно, считая, что я по-прежнему слеп. С другой стороны, он может и очень испугаться, особенно если вспомнит,

как я объявился в Амбере. В любом случае он умрет, а я получу оружие. Я пощупал свои бицепсы. Господи, как же я отощал! И все-таки я ведь принц Амбера! Даже почти утратив все силы, я способен одолеть простого смертного. Может быть, конечно, я и не прав, но все равно иного выхода нет.

Итак, мне необходимо достать оружие, и тогда меня уже ничто не сможет остановить. Я непременно выйду на волшебный Путь, доберусь до его середины и оттуда смогу перенестись в любое место Царства Теней, где наконец переведу дух и приду в себя. На сей раз я не стану спешить. Даже если целый век пройдет, пусть. Я должен полностью восстановить силы, прежде чем снова выступить против Амбера. В конце концов, я ведь все-таки успел надеть на себя королевскую корону! Так что с формальной точки зрения сюзерен Амбера — я! Я короновал себя раньше Эрика! То есть обладаю вескими основаниями занять трон. И я еще это сделаю!

Вот если бы можно было перенестись в Царство Теней прямо из Амбера, минуя Путь... Но мой родной Амбер — центр Подлинного Мира, и из него не так-то легко выбраться.

Примерно через месяц руки мои зажили, ладони покрылись большими твердыми мозолями. И я продолжал продвигаться к намеченной цели.

Как-то раз, услышав шаги стражника, я быстро отскочил в глубь камеры. Послышался скрип «кормушки», и мне просунули поднос с едой. Затем стражник ушел.

Я вернулся к двери. На поднос можно было и не глядеть: наверняка все тот же кусок черствого хлеба и вода; может быть, если очень повезет, кусочек сыра. Я подтащил тюфяк к двери, устроился поудобнее и нащупал сделанную прорезь. Я уже наполовину углубился в дверной брус.

И тут услышал чье-то хихиканье.

Откуда-то сзади.

Я резко обернулся. Сзади явно кто-то был. Да, у левой стены я различил силуэт человека. Он стоял и смеялся.

— Ты кто? — спросил я. Мой голос звучал совершенно непривычно, словно чужой. Я ведь за долгое время ни с кем и словом не перемолвился.

— Ага, бежать собрался! — сказал человек. — Побег готовишь! — И снова засмеялся.

— Как ты сюда попал?

— Да так, зашел просто.

— Зашел? Но откуда? Как?

Я зажег спичку. От света глаза резанула боль, но спичку я не гасил.

Человечек был очень маленький. Можно сказать, крошечный, почти карлик, да к тому же горбун. Волосы и борода у него были такие же длинные, как у меня. Из массы волос выглядывал лишь его длинный крючковатый нос да посверкивали почти совершенно черные глаза, сейчас, на свету, чуть прищуренные.

— Дворкин! — узнал я его.

Он снова засмеялся:

— Да, я Дворкин. А ты-то кто?

— Ты что, не узнаешь меня? — Я зажег еще одну спичку и осветил собственное лицо. — Посмотри-ка повнимательнее. На бороду и эти патлы не обращай внимания. Да еще прибавь столько же веса, сколько во мне сейчас. Ты же сам сколько раз рисовал меня на картах!

— Корвин! — наконец узнал он. — Да-да, я тебя помню.

— А я считал, что ты уже умер, Дворкин.

— Как видишь, нет. Смотри, как я бодр! — И он сделал пируэт, повернувшись на одном каблуке. — А отец твой как поживает? Ты сам-то давно его не видел? Может, это он тебя сюда засадил?

— Оберона больше нет, — ответил я. — В Амбере правит мой брат Эрик, а я его узник.

— Тогда у меня есть некоторое преимущество перед тобой, — промолвил Дворкин, — ибо я узник Оберона.

— Не может быть! Мы и не знали, что отец бросил тебя в темницу!

Я услышал, что он плачет.

— Да, — произнес горбун через некоторое время. — Твой отец не доверял мне.

— Почему?

— Я ему однажды обмолвился, что обдумываю, как можно было бы уничтожить Амбер. Я даже рассказал ему, что знаю такой способ. И тогда он приказал запереть меня в темницу.

— Не очень-то красиво с его стороны.

— Да. Зато он обеспечил меня прекрасной лабораторией и множеством разных инструментов, чтобы я мог продолжать

свои исследования. Только сам вскоре перестал меня посещать. А до того приходил часто и приводил с собой разных людей, которые показывали мне свои чернильные пятна, а я по его приказу придумывал про каждое пятно историю. Вот было здорово!.. Но все это кончилось, когда однажды я выдумал историю, а она мне самому что-то не понравилась, вот я и превратил этого человека в лягушку. Король Оберон разгневался, когда я отказался снова превращать того типа в человека... С тех пор прошло уже столько лет, но ко мне больше никто не приходит, и я, если б даже захотел, не смогу теперь превратить его в человека — если, разумеется, король по-прежнему того желает. Однажды...

— Как ты попал сюда, в мою камеру?

— Я же сказал тебе: просто пришел.

— Сквозь эту стену?

— Конечно, нет. Сквозь стену в Царстве Теней.

— *Ни один человек не может проникнуть в Амбер прямо* из Царства Теней! В Амбере же Теней нет!

— Ну, я соврал, — признался он.

— Так как же все-таки ты сюда попал?

— Я создал новую карту и решил с ее помощью посмотреть, что происходит по другую сторону стены... Ах, боже мой, только что вспомнил!.. Я же не могу без нее вернуться! Придется изготовить еще одну. У тебя не найдется чего-нибудь поесть? И чем рисовать? И на чем?

— Возьми, вот кусок хлеба, — сказал я, отдавая ему свой хлеб. — Тут есть еще сыр, можешь взять и его.

— Благодарю тебя, Корвин! — воскликнул Дворкин и с волчьей жадностью накинулся на еду. Потом выпил всю воду. — Так. Теперь, если ты одолжишь мне перо и кусочек пергамента, я немедленно вернусь в свою комнату. Мне хочется дочитать одну книгу. Приятно было с тобой побеседовать. Жаль все-таки, что королем стал Эрик. Ну, я к тебе еще загляну. Если увидишь отца, скажи ему, чтобы он на меня не сердился, потому что...

— У меня нет ни пера, ни пергамента, — прервал я его.

— Господи, — сказал горбун, — ну и условия у тебя! Прямо варварские!

— Совершенно точно. Под стать самому Эрику.

— Хорошо, а что у тебя есть? Мне все-таки больше нравится моя собственная камера — там освещение лучше...

— Ты разделил со мной обед, — сказал я. — А теперь я хочу попросить тебя о небольшом одолжении. Если ты выполнишь мою просьбу, обещаю: я сделаю все, чтобы помирить тебя с Обероном.

— И чего же ты от меня хочешь?

— Я всегда восхищался твоим искусством, но есть одно твое творение, которое мне нравится больше всего на свете. Я всегда хотел иметь его изображение. Ты ведь помнишь маяк в Кабре?

— Конечно. С тех пор я там был еще раза три. И я знаю его теперешнего смотрителя. Его зовут Джонин. Мы с ним в шахматы играем.

— Когда я стал взрослым, — продолжал я, — более всего мне хотелось хоть взглянуть на твои наброски планов этого великолепного здания!

— Ну, построить его было совсем не трудно!.. — ответил Дворкин. — Я, разумеется, сделал кое-какие предварительные наброски, но дальше как-то не пошло, все время что-то мешало. У меня тогда других забот было полно. Ладно, я принесу тебе один из тех набросков, если уж ты так этого хочешь.

— Нет, — сказал я. — Мне бы хотелось иметь не просто набросок, а что-нибудь посущественнее, более овеществленное, что ли: эта прекрасная вещь скрашивала бы мое одиночество, служила бы мне утехой... да и всем другим, кто попадет сюда после меня.

— Похвальное желание, — произнес он. — А у тебя хоть какой-нибудь инструмент есть?

— Есть вот такое стило, — сказал я, протягивая ему бывшую ложку, которая к этому времени стала весьма острой. — Мне бы хотелось, чтобы ты изобразил маяк вон на той дальней стене, а я буду любоваться им, когда отдыхаю.

Дворкин некоторое время молчал.

— Освещение совершенно никуда не годится, — заявил он наконец.

— У меня есть спички. Я буду зажигать их одну за другой и светить тебе. А можно еще солому зажечь, если спичек не хватит.

— Едва ли подобные условия могут соответствовать процессу гениального вдохновения...

— Разумеется! — воскликнул я. — Прошу прощения, но я не могу предложить ничего лучшего даже великому Дворкину. Это все, чем я располагаю. Однако произведение искусства, созданное твоей гениальной рукой, будет безмерно скрашивать сие убогое существование.

Он опять захихикал.

— Ну хорошо, — согласился он. — Только ты должен будешь светить мне и потом, чтобы я смог нарисовать еще и путь назад, в свою камеру.

— Согласен, — сказал я, нащупывая в кармане спички.

У меня было три полных коробка и один наполовину пустой.

Я вручил мастеру свою замечательную ложку и подвел его к дальней стене темницы.

— Ты понимаешь, что за инструмент я тебе дал? — спросил я.

— По-моему, это заостренная ложка, не так ли?

— Совершенно верно. Скажи, когда будешь готов, и я зажгу спичку. Тебе придется рисовать очень быстро, потому что спичек у меня мало. Половина пойдет на маяк, а вторая — на твой собственный рисунок.

— Хорошо, — согласился Дворкин.

И я зажег первую спичку.

Он принялся рисовать на влажной серой стене. Сначала он изобразил вытянутый прямоугольник, который должен был служить как бы рамой будущей картины. Потом под его рукой стали возникать очертания маяка. Он делал набросок легкими штрихами. Это было поистине великолепно. С годами искусство мастера ничуть не поблекло!

Я зажигал спичку за спичкой, держа каждую за самый кончик, а потом плевал на пальцы и, когда правой рукой держать было уже невозможно, хватал спичку левой уже за обуглившийся конец и переворачивал ее, давая ей догореть до самого конца, прежде чем зажечь следующую.

Когда иссяк первый коробок, Дворкин уже покончил с изображением самой башни маяка и принялся за море вокруг нее и небо. Я всячески подбадривал его, бормоча слова восхищения.

— Здорово! Просто великолепно! — сказал я, когда рисунок был почти закончен.

Потом он заставил меня зажечь еще одну спичку, чтобы поставить на картине свою подпись. К тому времени у меня почти кончились спички во втором коробке.

— Ну а теперь я готов выслушать все твои хвалебные речи! — заявил он.

— Если ты хочешь успеть вернуться к себе, то с выслушиванием хвалебных речей придется повременить. Все слова восхищения я выскажу в твое отсутствие. Спичек осталось слишком мало, чтобы позволить себе подробный и изысканный разбор твоей новой работы.

Он немного обиделся и надулся, но тем не менее сразу отошел к другой стене и принялся рисовать, едва я зажег следующую спичку.

Дворкин изобразил маленький кабинет, стол, на котором лежал человеческий череп и стоял глобус; стены, сплошь увешанные полками с книгами.

— Ну вот и отлично, — сказал он, когда я, покончив с третьим коробком спичек, вытащил последний, неполный.

Ему потребовалось еще шесть спичек, чтобы закончить рисунок, и одна, чтобы его подписать.

При свете восьмой спички он внимательно осмотрел свою работу (у меня теперь оставалось всего две спички), быстро шагнул вперед и исчез.

Спичка догорела до самого конца и обожгла мне пальцы; пришлось ее бросить. Она зашипела, упав в сырую солому, и погасла.

Я в полном смятении стоял посреди камеры, меня била дрожь. И тут я вдруг снова услышал голос Дворкина где-то рядом.

— Я только что сообразил, — сказал он. — Как же ты будешь любоваться моей картиной в такой темноте?

— Ну, вообще-то я неплохо могу видеть и в темноте. Я уже так долго сижу здесь, что с темнотой почти подружился.

— Понятно. Я ведь просто так поинтересовался... Посвети мне, чтобы я мог уйти.

— Хорошо, — согласился я, доставая предпоследнюю из оставшихся у меня спичек. — Но в следующий раз приходи, пожалуйста, со своим светом: спичек у меня уже не будет.

— Ладно! — ответил он.

Я зажег спичку. Он подошел к своему рисунку и во второй раз беззвучно исчез.

Я быстро обернулся к нарисованному им маяку Кабра и посмотрел на него, пока эта спичка еще не погасла. Да, я по-прежнему ощущал свою власть над пространством и прочие свои способности. Однако хватит ли мне единственной оставшейся спички?

Боюсь, что нет. Здесь требовалось гораздо больше времени, чем когда я пользовался волшебными картами.

Что бы мне поджечь? Слишком сырая солома могла и не загореться.

Ужасно: прямо передо мной был путь к спасению, к свободе, а я не имел возможности им воспользоваться!

Необходимо было что-то, способное гореть в течение некоторого времени. Тюфяк! Он же набит соломой, и довольно сухой! Да и сама ткань тоже должна неплохо гореть.

Я расчистил пол посреди камеры и поискал свою заветную ложку, чтобы распороть тюфяк. Проклятие! Дворкин унес ее с собой!

Я попробовал разорвать ткань зубами, и наконец мне это удалось. Я вытряхнул сухую солому на пол и сложил ее в кучку. Тряпку положил рядом, чтобы позже тоже сжечь, если понадобится. Пока же пусть горит только солома — от нее меньше дыма, а дым может привлечь внимание стражника, если тот окажется поблизости. Вряд ли, конечно, поскольку еду он мне принес совсем недавно, а происходит это только раз в день.

Итак, я зажег свою последнюю спичку и сначала поджег коробок, в котором она лежала. Когда коробок загорелся, я поднес его к соломе.

Солома занялась с трудом. Она оказалась гораздо более сырой, чем я ожидал, хотя я достал клочок из самой середины. Но в итоге все-таки она разгорелась, и крошечный огонек быстро превратился в небольшой костер. Для этого пригодились и те три пустых коробка, которые я чуть было не выбросил.

Потом я взял в левую руку тряпку от тюфяка и встал лицом к изображению маяка.

Костер разгорался, хорошо освещая всю стену. Я сосредоточился, пытаясь вызвать в памяти знакомую картину. Мне казалось, что я уже слышу крики чаек и чувствую соленый

запах моря. Изображение становилось все более выпуклым, словно выступая из стены,

Я бросил в огонь тряпку. Пламя на секунду опало, потом снова разгорелось вовсю. Я не сводил с рисунка глаз. Руки Мастера Дворкина по-прежнему обладали магической силой. Вскоре маяк выглядел почти столь же реально, как стены моего подземелья. Потом именно он стал реальностью, а камера моя — лишь Тенью, уплывающей куда-то. Я слышал шум прибоя, чувствовал прикосновение теплых лучей полуденного солнца...

Я шагнул к свету — но вовсе не в костер...

И оказался на усеянном галькой песчаном берегу маленького острова Кабра, где была воздвигнута огромная серая башня маяка, что освещал путь кораблям, ночью плывущим в Амбер. Несколько встревоженных чаек с криками вились вокруг меня, а смеху моему вторили волны, бьющиеся о прибрежные скалы, и бесконечный свист ветра. Амбер находился в нескольких днях пути, где-то за моим левым плечом.

Так был совершен мой побег.

Глава 10

Я дошел до маяка и поднялся по каменным ступеням к двери в его западной стене. Дверь была огромная, тяжелая и недосягаемая для ветров и влаги. Она была заперта. Внизу виднелась небольшая гавань, где стояли пришвартованные к причалу две лодки — одна гребная, другая парусная, с маленькой рубкой. Лодки тихо покачивались на волне. Вода за ними в солнечном свете блестела, как слюда.

Я на минуту застыл, любуясь этим зрелищем. Я так долго не видел ничего, кроме стен собственной темницы, что на какое-то мгновение они показались мне куда более реальными, чем этот простор, и я с трудом подавил рыдание, рвущееся из горла.

Потом решительно повернулся и постучал в дверь.

Ответа не было.

Я довольно долго ждал, потом постучал опять.

Наконец внутри раздался какой-то шум, и дверь распахнулась, скрипя петлями.

Появился Джонин, смотритель маяка, и уставился на меня покрасневшими глазами. От него сильно пахло виски. Он был невысок и так сильно сутулился, что походил на горбуна Дворкина. Борода — примерно такой же длины, как у меня — кажется, свисала чуть ли не до колен. Да еще была какой-то серой, грязноватой, лишь у иссохших губ в ней пробивалось несколько желтых волосков. Кожа у Джонина была пористой, как кожура апельсина, но море и ветер так выдубили ее, что она потемнела и напоминала поверхность прекрасной старинной мебели.

Он, прищурившись, всмотрелся в меня и, как всякий глуховатый человек, довольно громко спросил:

— Кто ты? Что тебе нужно?

Значит, в моем теперешнем виде я стал неузнаваем! Что ж, надо этим воспользоваться. И пока сохранить инкогнито.

— Я долго путешествовал, плывя из южных стран. Но мой корабль разбило бурей. Я ухватился за обломок мачты. Меня много дней носило по волнам и наконец выбросило на берег. Здесь. Я все утро проспал, лишь недавно собрался с силами, чтобы подняться к маяку.

Джонин подошел, взял меня за руку и обнял за плечи.

— Тогда входи, входи же скорей, — сказал он. — Обопрись на меня. И пойдем. Вот сюда...

Он помог мне подняться по лестнице. Жилище его было не убрано и все завалено множеством старых книг, мореходных и географических карт; всюду лежали или стояли какие-то навигационные приборы. Джонин и сам-то не очень твердо держался на ногах, поэтому я старался не слишком на него наваливаться, хотя все-таки опирался: пусть думает, что я сильно ослаб.

Он довел меня до постели и предложил лечь, а сам отправился запереть дверь и готовить мне еду.

Я стащил сапоги, но ноги оказались такими грязными, что сапоги пришлось надеть снова. Если меня долгое время носило по волнам, то ноги, по крайней мере, должны были быть чистыми. Мне не хотелось рассказывать правду о себе, поэтому я просто прикрылся одеялом и откинулся на постели.

Джонин вскоре вернулся, неся на деревянном подносе

один кувшин с водой, другой — с пивом, затем здоровенный кусок говядины и полкаравая хлеба. Он очистил поверхность небольшого столика, который придвинул к постели, и поставил на него поднос.

— Ешь и пей, — сказал он.

И я стал есть и пить. Я ел. Набивал утробу. Насыщался. Я съел все, что там было, и опустошил оба кувшина.

И тут на меня навалилась чудовищная усталость. Джонин только кивнул и велел мне ложиться и спать. Уснул я мгновенно.

А когда проснулся, была уже глубокая ночь. Впервые за долгие недели я почувствовал себя неплохо. Поднявшись с постели, я вышел из башни. Дул пронизывающий ветер, небо было безоблачным, прозрачным, сверкающим миллионами звезд. Мощный фонарь на вершине маяка то вспыхивал, то гас за моей спиной. Вода была ледяная, но вымыться мне было необходимо. Я постарался как можно тщательнее отмыть тело, потом выстирал одежду и почти досуха выжал ее. Должно быть, я потратил на все около часа. Потом вернулся назад, развесил одежду на спинках стульев, надеясь, что к утру она окончательно просохнет, снова залез под одеяло и уснул.

Утром, когда я проснулся, Джонин был уже на ногах и успел приготовить обильный завтрак, с которым я расправился с тем же зверским аппетитом, что и накануне. Потом я позаимствовал у него бритву и ножницы, тщательно побрился и как сумел подстриг волосы. Потом еще раз выкупался в море. И только когда я вновь натянул на себя свою просоленную и задубевшую, но относительно чистую одежду, то ощутил себя наконец полноценным человеком.

Джонин внимательно наблюдал за моими действиями, а потом вдруг сказал:

— Что-то ты мне вроде знаком, парень.

Я пожал плечами.

— Ну-ка, расскажи, что с тобой произошло.

Ну я и рассказал! Чего только не наплел! Да еще с подробностями! Например, как рухнула наша грот-мачта...

Он только похлопал меня по плечу и налил мне вина. Затем предложил сигару и сам тоже раскурил одну.

— Ты пока отдыхай. Когда придешь в себя, я сам отвезу

тебя в гавань, если захочешь. Или дам сигнал какому-нибудь проходящему судну, чтобы тебя забрали.

Я от всей души воспользовался его гостеприимством, которое дало мне возможность полностью восстановить силы. Я ел и пил в его доме. Он одолжил мне чистую рубашку, которая раньше принадлежала его приятелю, утонувшему в море, и самому Джонину была велика.

Я пробыл на маяке целых три месяца, стараясь помогать Джонину чем мог: дежурил вместо него по ночам, особенно когда он здорово напивался, убирал жилище — две из комнат даже заново покрасил, заменил в окнах разбитые стекла, нес ночные вахты с ним вместе в штормовые ночи.

Вскоре я понял, что политика Джонину совсем не интересна. Ему было безразлично, кто стал правителем Амбера. Он считал, что люди — это просто стадо испорченных, избалованных идиотов. Смотрителю было глубоко наплевать на все, что происходило за пределами его острова, лишь бы сам он мог спокойно следить за маяком, есть хорошую пищу, пить излюбленные напитки и мирно возиться с мореходными картами.

Мне он нравился, я даже, пожалуй, полюбил его. Поскольку я тоже кое-что смыслил и в старых морских картах, и в навигации, мы с ним вместе провели немало приятных вечеров, внося в карты некоторые поправки. Давно, много-много лет назад мне довелось плавать далеко на север, и на основе своих тогдашних воспоминаний я начертил ему новую карту. Это произвело на Джонина неизгладимое впечатление, равно как и мои описания северных морей.

— Кори, — говорил он (я назвался этим именем), — я бы с радостью плавал вместе с тобой. Мне ведь и в голову сначала не приходило, что ты когда-то был капитаном, да еще собственного судна!

— Разве можно знать обо всем? — отвечал я. — А ведь ты и сам когда-то был капитаном. Настоящим, морским.

— Откуда ты знаешь?

На самом-то деле я просто вспомнил об этом. Но от прямого ответа отвертелся, лишь обвел вокруг рукой.

— Ну, догадаться нетрудно: все эти приборы и карты, которые ты так любишь и в которых так хорошо разбираешься...

К тому же ведешь ты себя как человек, привыкший командовать.

Он улыбнулся.

— Да, это правда. Я действительно больше ста лет командовал кораблем. Так давно это было... Ладно, давай еще выпьем!

Я отхлебнул немного и отставил стакан. За эти месяцы я почти восстановил свой прежний вес и в любой день ожидал, что Джонин все-таки узнает во мне принца Амбера. И может быть, узнав, выдаст меня Эрику. А может быть, и нет. Особенно теперь, когда между нами установились вполне дружеские отношения. Но желания испытывать судьбу у меня не было.

Иногда ночью, наблюдая за светом маяка, я раздумывал, надолго ли еще задержусь здесь. Вряд ли задерживаться будет разумно. Пора, видимо, двигаться в дорогу, снова в Царство Теней.

А однажды я вдруг почувствовал странное психическое давление. Сначала очень осторожное, как бы изучающее, так что даже не мог бы с уверенностью определить, кто именно вызывал меня.

Я замер на месте, закрыл глаза и полностью ото всего отключился. Но прошло минут пять, и ощущение вызова исчезло.

Я потом долго раздумывал, кто это мог быть. И улыбнулся, заметив вдруг, что при этом расхаживаю взад-вперед, словно по камере в подземелье Амбера.

Кто-то пытался вызвать меня с помощью карт. Может быть, Эрик? Он наверняка уже знает о моем побеге. Может быть, он пытался таким образом меня найти? Вряд ли. Эрик, видимо, все же опасается ментального контакта со мной. Тогда, может быть, Джулиан? Или Джерард? Или Кейн? Кто бы это ни был, я прочно оградил себя от подобных контактов, полностью заблокировав мозг. Возможно, из-за этого я пропустил бы какую-нибудь важную информацию или мог не услышать призыва о помощи, но испытывать судьбу все-таки не хотелось.

Попытка ответить на чей-то зов и последовавшие за этим усилия по блокировке памяти совершенно лишили меня сил. От холода и усталости меня била дрожь. Весь день я потом думал о случившемся и в конце концов пришел к выводу, что пора уходить. Оставаться столь близко от Амбера становилось

опасно, а я еще не восстановил свою прежнюю форму и был слишком уязвим для любого врага. Я, разумеется, достаточно пришел в себя, чтобы отправиться в Царство Теней и подыскать такое место, где можно было бы подготовиться к очередной попытке завоевать Амбер. Пребывание у доброго Джонина пошло мне на пользу: я обрел внутреннее спокойствие, почти умиротворение. Мне жаль было покидать этого старого ворчуна; в последнее время мы особенно сблизились, я, пожалуй, даже полюбил его. Вечером после очередной партии в шахматы я сообщил ему, что намерен отправиться в путь.

Он налил виски в наши стаканы, поднял свой и сказал:

— Удачи тебе, Корвин! Я все же надеюсь, что еще увижу тебя.

Я ничуть не возразил, когда он назвал меня моим настоящим именем. А он улыбнулся, заметив, что я прекрасно это расслышал.

— Мне здесь было очень хорошо, Джонин, — сказал я. — Если я смогу достичь своей цели, то не забуду того, что ты для меня сделал.

Старик покачал головой:

— Ничего особенного я для тебя не сделал. Я счастлив уже потому, что живу именно здесь и делаю то, что хочу. Мне это по душе. В маяке теперь вся моя жизнь. Если ты добьешься успеха — нет, не надо, не рассказывай мне, что ты задумал, я и слышать об этом не желаю! — я буду очень рад, если когда-нибудь ты навестишь меня, чтобы сыграть со мной в шахматы.

— Я непременно тебя навещу, — пообещал я.

— Если хочешь, можешь взять мою «Бабочку».

— Спасибо.

«Бабочкой» он назвал свою парусную лодку.

— Но прежде чем отправляться в путь, — посоветовал Джонин, — возьми-ка ты мою подзорную трубу и как следует осмотри отсюда, сверху, долину Гарнатха.

— Чего я там не видел?

Он пожал плечами:

— Посмотришь — может, чего и увидишь.

Мы с ним еще выпили и улеглись спать.

Да, мне будет не хватать старого Джонина. Если не считать Рейна, он был моим единственным другом со времени возвращения в Амбер. Я смутно помнил охваченную огнем

долину Гарнатха, тогда, четыре года назад. Что там могло измениться с тех пор?

Было полнолуние, и сон мой нарушали странные видения: волки-оборотни, ведьминский шабаш, что-то еще, не менее кошмарное...

Я встал на заре. Джонин еще спал, и я не стал его будить. Терпеть не могу прощаний, к тому же у меня было предчувствие, что больше мы с ним никогда не увидимся.

Прихватив подзорную трубу, я взобрался по лестнице в самое верхнее помещение маяка, туда, где зажигался огонь, и подошел к окну, наведя трубу на долину Гарнатха.

Над лесом стлался туман; серый, холодный и очень сырой, он сплошной пеленой окутывал вершины невысоких, уродливо искривленных деревьев. Их черные ветви переплетались, как пальцы борцов. Между ветвями мелькали какие-то черные твари, но не птицы, а, судя по подпрыгивающему полету, летучие мыши. От этого леса словно исходило что-то неясное, мерзкое, недоброе. Я никак не мог понять, что именно там происходит, пока меня вдруг не осенило: то моя вина.

Это я навлек на лес мерзость запустения и превратил долину Гарнатха в обитель нечисти. Она как бы стала символом моей ненависти к Эрику и его союзникам, что помогли ему захватить власть и позволили ослепить меня. Мне очень не понравился теперешний облик знакомого леса. Я воочию убедился, какая страшная реальность стала следствием моей ненависти. Теперь я осознал, что именно совершил, ибо это было частью меня самого.

Я создал новый проход в Подлинный Мир. Долина Гарнатха превратилась в дорогу из Царства Теней, из мрачного и черного мира в наш. Только очень опасный и злой человек мог пройти по этой дороге.

Так вот о чем говорил тогда Рейн, вот какие страшные и странные события тревожили его! Вот что так беспокоило Эрика! Что ж, это даже хорошо, тем более потому, что отвлекает его от моей персоны. Но, даже опустив подзорную трубу, я долго не мог избавиться от ощущения, что совершил нечто очень дурное и злое. Ведь, проклиная Эрика, я не надеялся когда-нибудь вновь увидеть солнечный свет. Теперь же, когда зрение вернулось ко мне, я понимал, что выпустил на волю страшные силы, которые весьма сложно будет укротить и

обуздать. Я совершил такое, чего никто не мог совершить прежде, в течение всего долгого правления Оберона: проложил новый путь в Амбер. И наступит день, когда правитель Янтарного Королевства — кто бы он ни был — будет вынужден искать способ, чтобы закрыть этот путь. Я прекрасно это понимал, видя порождение моей ярости, боли и ненависти. Если я когда-нибудь сумею завоевать трон Амбера, мне придется исправлять результаты собственных деяний, а это всегда дьявольски трудная задача. Я снова опустил подзорную трубу и вздохнул.

Что ж, быть посему, решил я. Впрочем, неплохо было бы послать Эрику весточку, чтобы он лишился сна по ночам.

Я быстро позавтракал, затем, снарядив «Бабочку», поднял парус и вышел в море. Джонин обычно к этому времени уже вставал, но, видимо, он тоже терпеть не мог прощаться.

Я хорошо знал, куда мне надо плыть, но не был еще уверен, какой именно путь избрать. Я поплыву через Царство Теней, по чужим морям — и все же это лучше, чем путешествие по суше, где властвуют выпущенные мною же на волю черные силы зла.

Я направил свою лодку к берегу, почти столь же светлому и сверкающему, как и сам Амбер, к тому бессмертному королевству, которого уже нет в действительности, ибо его поглотил хаос много веков назад, но великую Тень которого еще можно было где-то отыскать. Мне необходимо было найти ее, эту Тень, и сделать ее своей, как когда-то, в далеком прошлом. И тогда я вновь обрету свое могущество и стану силой, какой еще не видывал Амбер. Я пока не знал, как этого достичь, но поклялся, что залпы орудийного салюта еще раздадутся в честь моего торжественного вступления в бессмертный город.

Путь мой лежал в Царство Теней, но белокрылая птица моих желаний стремительно опустилась мне на правое плечо. И я привязал к ноге этой белой птицы краткое послание, прежде чем она пустилась в обратный путь. Я написал лишь два слова: «Я иду!» — и поставил свою подпись.

Теперь я не остановлюсь — и пусть свершится месть и трон Амбера станет моим! Теперь пусть прощается с жизнью любой, кто встанет на моем пути!

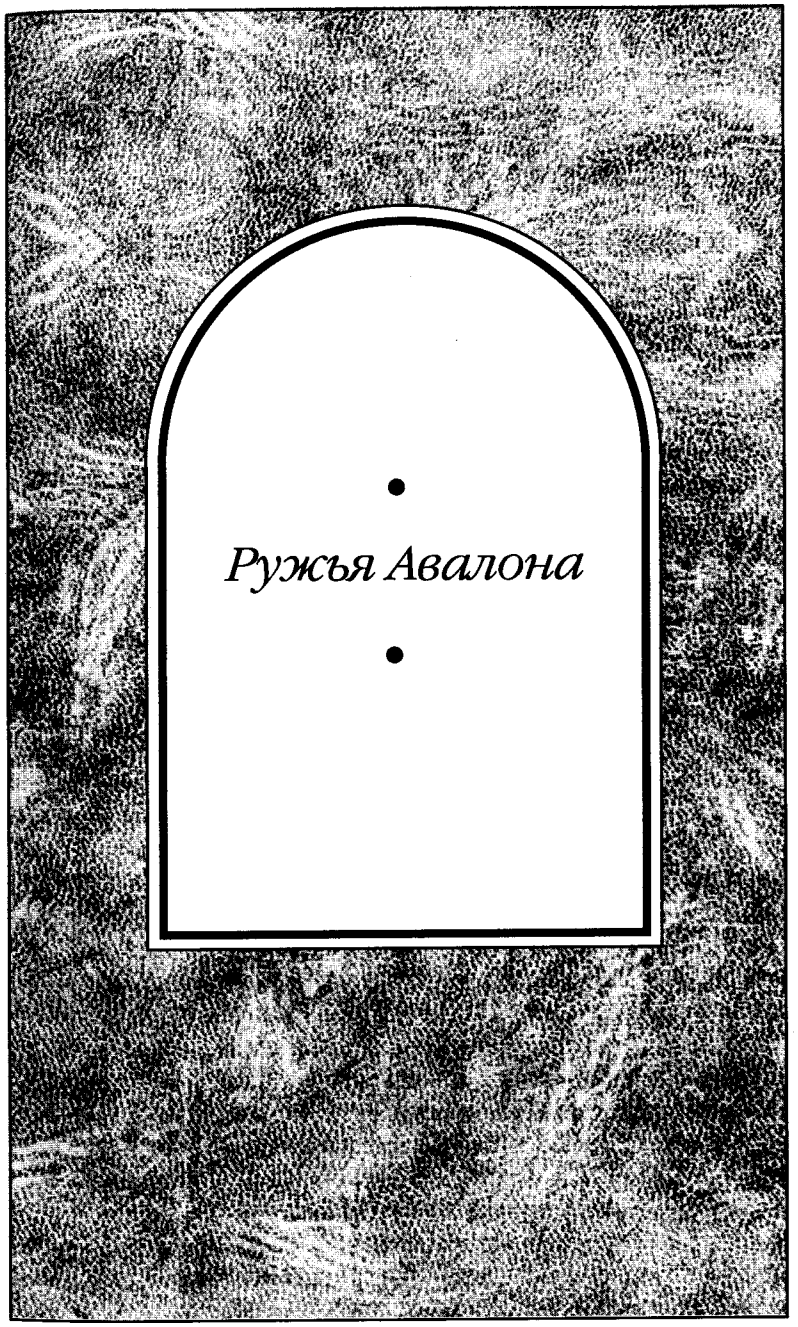
Солнце за моей спиной поднялось еще совсем невысоко,

вольный ветер наполнял паруса и гнал лодку вперед. Я сперва выругался, а потом вдруг рассмеялся.

Я был свободен, однако бежал от этих берегов. Впрочем, мне удалось не только совершить побег, но и обрести столь необходимую мне надежду на успех!

Черная птица моих желаний опустилась мне на левое плечо. И я снова написал несколько слов и отослал черную птицу в обратный путь.

«Эрик! Я вернусь!» — было написано в том послании. И стояла подпись: «Корвин, король Амбера».

Ружья Авалона

Глава 1

Выпрыгнув на берег, я сказал: «Прощай, «Бабочка»!» — и суденышко скользнуло с отмели на глубоководье. Я знал, что лодка вернется к маяку на Кабре — остров находился неподалеку, в самом начале Царства Теней.

Потом я обернулся к черной гряде деревьев вдоль берега — дальний путь предстоял мне теперь — и направился к ним, слегка забирая в сторону. Лес зябко цепенел в предутренней прохладе, однако все было чудесно. Правда, я потерял фунтов пятьдесят веса и порой в глазах у меня двоилось, но дело повернулось к лучшему. Мне удалось бежать из темниц Амбера — помогли сперва свихнувшийся Дворкин, а потом пропитой Джонин. Я стремился в страну, похожую на края, что теперь исчезли навеки. Заметив уходящую в лес тропу, я направился по ней.

Недалеко от опушки возле тропы оказалось дуплистое дерево — именно там, где я и предполагал. Пошарив в дупле, я извлек свой серебряный клинок и пристегнул к поясу. Пусть мой меч только что был где-то в Амбере — теперь он при мне; ведь этот лес уже в Царстве Теней.

Так я шел несколько часов, оставив солнце за левым плечом. А потом передохнул и пустился дальше. Как здорово это было: видеть листья и скалы, стволы деревьев и пни, траву и черную землю. И вновь ощущать дивные летние запахи, слышать ни с чем не сравнимое лесное жужжание и чириканье. Бог мой! Как дорожил теперь я глазами! После почти четырехлетней тьмы я обрел их вновь... Не хватало слов. Даже просто идти по земле...

И я шел. Утренний ветерок колыхал мой изодранный плащ. Должно быть, я выглядел лет на пятьдесят: изможденный, морщинистый, тощий. Кто теперь меня узнает?

И я все шел в этом Царстве Теней, шел, зная ведь, куда надо идти, но пришел не туда. Значит, я сдал. Тут все и началось...

На обочине валялись семеро в разной мере изрубленных людей. Шестеро были уже мертвы. Седьмой вроде бы отдыхал, привалившись к обомшелому стволу древнего дуба. Клинок его лежал на коленях. Из обширной раны в правом боку все еще сочилась кровь. Он был без доспехов, хотя на нескольких убитых они имелись. Серые глаза его уже начинали стекленеть. Костяшки пальцев были ободраны, дыхание еле заметно.

Из-под кустистых бровей незнакомец следил за воронами, что клевали глаза у трупов. Меня он, похоже, не видел.

На всякий случай я надвинул капюшон пониже и подошел к раненому. Я знал этого человека — точнее, другого, похожего на него.

Клинок шевельнулся. Острие обратилось ко мне.

— Я друг, — сказал я. — Пить хочешь?

Немного поколебавшись, он кивнул:

— Да.

Я откупорил фляжку и подал ему.

Он отхлебнул, закашлялся, выпил еще.

— Благодарю вас, сэр, — сказал раненый, возвращая фляжку. — Неплохо бы только чего-нибудь покрепче. Чертов порез!

— Есть и покрепче, если выдюжишь.

Я вытащил пробку из малой фляжки и вложил ее в протянутую руку. После глотка того зелья, что пьет Джонин, он зашелся кашлем едва ли не на полминуты. А потом улыбнулся левой стороной рта и подмигнул мне.

— Теперь много лучше. Вы не будете возражать, если я капну этого на бок? Ужасно жаль доброе виски, но...

— Если надо, выливай все. Правда, у тебя руки трясутся... Давай-ка я помогу.

Он согласился; я распахнул на нем кожаный колет и вспорол кинжалом рубаху, чтобы видеть рану. Выглядела она скверно — глубокий опоясывающий разрез повыше таза. На руках, груди и плечах порезы были полегче.

Кровь все еще сочилась из большой раны. Я промокнул платком и досуха вытер кровь.

— Отлично, — сказал я. — Теперь сожми зубы и отвернись. — И плеснул жидкость на рану.

Резкая судорога передернула его тело, а затем перешла в мелкую дрожь. Он даже не вскрикнул — я и не ожидал иного. Я стряхнул носовой платок и приложил его к ране, забинтовав длинной полосой ткани, которую пришлось оторвать от собственного плаща.

— Выпьешь еще?

— Воды бы, — ответил раненый. — И поспать.

Он попил, и тут же голова его склонилась на грудь. Я сделал ему что-то вроде подушки и прикрыл плащами убитых.

А потом сел рядом и стал следить за веселенькими черными птицами.

Он не узнал меня. Но кто мог бы узнать меня теперь? Если бы я открылся ему, тогда, возможно, другое дело. В этом мире мы с ним никогда и не встречались, но в другом...

Я не шел наобум, я искал в Царстве Теней хорошо знакомое место. Пусть его уничтожили — мне было по силам воссоздать его, ведь Амбер отбрасывает бесконечное множество Теней. И принц королевской крови по праву рождения может свободно перемещаться среди них. Зовите Тени параллельными мирами, если хотите, или сообщающимися вселенными, если угодно, или воплощенным бредом, если достанет дерзости. Я же зову их Царством Теней, так называют их все, кто способен двигаться от Тени к Тени. Мы выбираем цель — мир, который требуется, и просто идем в нужную сторону и приходим, куда нам надо. А значит, в известном смысле и творим такой мир. Но пока хватит об этом.

Я отправился в путь к Авалону[1], и лодка от маяка несла меня именно к нему. Я жил там давно, много столетий назад. Долгая это история, в ней переплелись и боль, и гордость... Может быть, когда-нибудь я расскажу об этом, если сумею дожить...

Так я приближался к моему Авалону, но по пути набрел на раненого рыцаря и шестерых мертвецов. Пройди я тут несколько раз, то, возможно, обнаружил бы и такое место, где рыцарь стоит невредимым в окружении шестерых покойни-

[1] Авалон — островной рай в западных морях, куда, по легенде, отправился умирать король Артур.

ков, или на место, где он лежит недвижим, а шестеро над ним хохочут. Некоторые говорят, что так или этак — безразлично, ведь в Царстве Теней нет истинного, а есть только возможное, и мертвецы одной Тени живы в другой.

Мои братья и сестры — пожалуй, кроме Джерарда и Бенедикта — даже и не оглянулись бы. Но я стал довольно мягкосердечен. Прежде я таким не был. Наверное, долгое заточение в Царстве Теней, на Земле, размягчило меня, а муки в темницах Амбера напомнили о людских страданиях. Не знаю. Только я не сумел пройти мимо того, кто был похож на давнишнего друга — друга в беде. Шепни я теперь ему на ухо свое имя, не горькими ли упреками осыплет он меня, поведав печальную повесть.

Ну что же, теперь я могу отплатить ему добром: поставлю на ноги и исчезну. И не причиню вреда, а может быть, даже помогу, пусть это не тот человек, которого я знал когда-то.

Я терпеливо сидел и ждал. Через несколько часов он проснулся.

— Привет, — сказал я, откупоривая флягу. — Еще выпьешь?

— Спасибо. — Он протянул руку.

Сделав несколько глотков, он возвратил мне флягу и произнес:

— Прошу прощения, я не представился, с моей стороны это невежливо...

— Я знаю тебя. — Я не стал дожидаться, пока он договорит. — А меня зови Кори.

Он взглянул с удивлением, словно собираясь спросить: «Кори? Государь?» — но передумал и кивнул.

— Прекрасно, сэр Кори, — понизил он меня в ранге. — Я должен поблагодарить вас.

— Ты выглядишь уже пободрее, и для меня это лучшая благодарность, — ответил я. — Есть хочешь?

— Да, весьма.

— У меня найдется немного вяленого мяса, ломоть черствого хлеба и большой кусок сыра. Если хочешь — съешь все.

Я достал еду, он потянулся за ней.

— А вы, сэр Кори? — спросил раненый.

— Я уже поел. Пока ты спал.

Я многозначительно огляделся по сторонам, он ухмыльнулся.

— И ты один уложил всех шестерых? — спросил я.

Он кивнул.

— Неплохо смотрится. Что же мне теперь с тобой делать?

Раненый попытался заглянуть мне в глаза, но не сумел.

— Не понимаю, — ответил он.

— Куда ты направлялся?

— К друзьям, лиг за пять к северу. Все случилось как раз по пути. Только я сомневаюсь, чтобы кто-то, будь то сам дьявол, способен пронести меня на спине даже одну лигу. Могу подняться, сэр Кори, чтобы вы увидели, какого я роста.

Я встал, обнажил клинок и единым взмахом перерубил деревце дюйма два толщиной, ободрал кору и подрубил ствол до нужной длины. Повторил все еще раз, а потом поясами и плащами убитых связал обе жерди в носилки.

Он внимательно наблюдал за мной:

— Смертельный у вас клинок, сэр Кори, да к тому же, похоже, серебряный...

— Как насчет небольшого путешествия? — спросил я.

Пять лиг — это около пятнадцати миль.

— А как насчет убитых? — вопросом ответил он.

— Ты что, хочешь устроить им христианское погребение? — удивился я. — Плюнь, пусть природа сама позаботится о своем добре. Отсюда пора уходить, они уже разлагаются.

— Следовало бы хоть прикрыть их. Бились они храбро.

Я вздохнул.

— Ну ладно — если потом тебе будет спокойнее спать. Лопаты у меня нет, но можно набросать кэрн, холм из камней. Ты ведь знаешь — воинов нередко так хоронят.

— Хорошо, — ответил раненый.

Пока я укладывал всех шестерых рядом, он бубнил себе что-то под нос, должно быть, молитву об убиенных.

Потом я оградил мертвых камнями — их вокруг было довольно. Хотелось побыстрее закончить, поэтому я выбирал камни побольше. И чуть было не раскрылся. Один из камней весил фунтов четыреста, я не стал перекатывать его, а просто ухватил и поставил куда надо.

Раздался изумленный вздох — конечно, он все заметил.

Пришлось изобразить гнев:

— Проклятый камень, чуть не переломился из-за него! — крикнул я, но впредь выбирал камни поменьше.

Закончив, я спросил:

— Ну, готов в путь?

— Да.

Я обхватил его руками и уложил на носилки.

Раненый закусил губу.

— Куда теперь? — спросил я.

Он махнул рукой в ответ:

— Обратно по тропе. Надо идти влево до развилки, а там направо. И как вы собираетесь...

Словно колыбель с младенцем я поднял его перед собой. Потом направился к тропе.

— Кори? — спросил он.

— Да?

— Из всех, кого мне доводилось встречать, вы один из самых сильных... Такого человека я должен бы знать...

Я не хотел торопиться с ответом. Но все же произнес:

— Пытаюсь сохранить форму. Веду здоровый образ жизни.

— ...и голос ваш мне как будто знаком.

Он посмотрел вверх, пытаясь разглядеть мое лицо.

Я поспешил сменить тему разговора.

— Кто же эти друзья, к которым мы идем?

— Мы направляемся в Твердыню Ганелона.

— Поганый штрейкбрехер! — невольно вырвалось у меня, и я едва не выронил раненого.

— Я не понимаю употребленное вами слово, — сказал раненый, — но, судя по вашему тону, оно выражает неодобрение. И если это так, я должен заступиться...

— Погоди, — опомнился я. — Мы, видно, говорим о разных людях, хоть имя и одно. Извини.

Тело его заметно расслабилось.

— Несомненно, это так, — согласился он.

Тем временем дошли мы до тропки, и я повернул налево.

Раненый опять уснул, так что я мог как следует прибавить шагу и после развилки просто бежал, а он тем временем храпел. Как-то вдруг припомнились те шесть типов, что собирались расправиться с этим рыцарем и едва не преуспели в своем намерении. Хорошо бы у них не оказалось приятелей, слоняющихся по кустам.

Его дыхание изменилось, и я опять перешел на шаг.

— Я, кажется, заснул, — констатировал он.

— И храпел при этом, — добавил я.

— Далеко мы отошли?

— Лиги на две...

— И вы не устали?!

— Слегка, — отвечал я. — Но отдыхать еще рано.

— Мой бог! Не хотелось бы когда-нибудь поссориться с вами. Уж не дьявол ли вы случайно?

— Истинно так, — подтвердил я. — Принюхайся, разве ты не чувствуешь запашок серы? И учти, мое правое копыто разболелось и просто не дает мне шагнуть как следует!

И он действительно глубоко вдохнул пару раз — меня это задело, — а потом ухмыльнулся.

На самом деле, как я считал, мы прошли тогда около четырех лиг. Я надеялся, что он снова уснет и не будет интересоваться длиной пройденного пути. Мускулы у меня уже начинали побаливать.

— Кем же были эти шестеро мертвецов? — спросил я.

— Это стражники Круга, — ответил он. — И они уже не люди, а одержимые злом. Молите Бога, сэр Кори, чтобы души их обрели мир.

— Стражники Круга? — переспросил я. — Какого Круга?

— Круга Тьмы, где творятся беззакония и разгуливают мерзкие твари... — Раненый глубоко вздохнул. — Там источник зла, поразившего страну.

— Незаметно, чтобы эта страна была поражена злом, — ответил я.

— Мы далеко от Круга, а владения Ганелона — пока еще слишком крепкий орешек для врага. Но Круг все ширится, и последний бой разразится, похоже, неподалеку отсюда.

— Ты будишь во мне любопытство.

— Сэр Кори, если вы еще не слыхали о Круге, лучше вам вовсе забыть о нем, не расспрашивать дальше, обойти его стороной и отправиться своей дорогой. Ох, как бы я хотел биться рядом с вами, но враг этот не ваш... Да кто знает, чем окончится бой?

Тропа стала изгибаться вверх, и за какой-то прогалиной я увидел нечто, напомнившее мне знакомые места.

— Что?.. — вырвалось у моего подопечного. — Да вы словно летели!.. Сюда-то нам и надо. Это Твердыня Ганелона.

И тут я стал думать о Ганелоне — не хотелось, но пришлось. Он был предателем и убийцей, и я выгнал его из моего Авалона много столетий назад. Иными словами, я просто увел его в другую Тень, то есть забросил в другое пространство и время... Таким же образом впоследствии обошелся со мной мой брат Эрик. Теперь оставалось лишь надеяться, что я не заслал Ганелона именно сюда. Такое возможно, хотя и не слишком вероятно. Он был смертен, и жизнь его была отмерена раз и навсегда. Я изгнал его лет шестьсот назад, но могло оказаться, что в этом мире годы равны столетиям. Время — тоже свойство Царства Теней, и даже сам Дворкин не знает всех его концов и начал. А может быть, и знает. Не оно ли свело его с ума? Самое трудное, как я понял, это творить время. И уж во всяком случае, едва ли этот Ганелон был некогда моим лютым врагом, а потом стал верным помощником: уж тот никогда не стал бы бороться со злом, поразившим страну, а скорее напротив — постарался бы побыстрее попасть в самую сердцевину зла, плюхнуться в самую мерзость.

Беспокоил меня и тот, кого я нес. В том Авалоне он тоже присутствовал при опале Ганелона; выходило, что времени здесь прошло действительно немного.

Ганелона — того, что я когда-то знал, — можно было не опасаться, и меня не заботило, узнает ли он меня. О Царстве Теней он не ведал ничего. Должно быть, решил, что я даровал ему жизнь, но околдовал, и если он и выжил, то, возможно, даже сожалел об этом.

Но человек на моих руках нуждался в помощи и покое, поэтому я все шел и шел.

И думал...

Наверно, было во мне что-то знакомое этому человеку. Это место не было моим Авалоном, но очень напоминало его... Быть может, здесь не забыли одну из моих собственных теней? А если помнят, то как? И как отнесутся они ко мне — истинному, если придется открыться?

Солнце уже садилось, подул свежий бриз. Приближалась холодная ночь. Мой подопечный снова захрапел, и я решил пробежать большую часть оставшегося пути. Не нравился мне этот лес; в потемках здесь в любой момент могли появиться

служители мерзкого Круга, о котором я не знал пока ничего, но в том, что он реально существовал, сомневаться не приходилось.

Солнце клонилось к закату, и я бежал, не обращая внимания на свои ощущения, а они говорили о том, что за мной кто-то следит — гонится и преследует. Наконец я вынужден был перейти на шаг, ощущения переросли в предчувствие боя, я уже слышал за спиной мягкие шаги: топ-топ-топ.

Поставив на землю носилки, я обнажил клинок и обернулся.

Их было две... кошки!

Ну точно как сиамские кошки, только величиной с тигра. Ярко-желтые глаза их светились огоньками, зрачков не было. Увидев, что я обернулся, они сели на задние лапы и не моргая уставились на меня.

Они были шагах в тридцати. Загородив собою носилки, я двинулся на них.

Левая кошка открыла пасть. Я ожидал услышать рык или мурлыканье. Но она заговорила:

— Человек при смерти, еле живой... — Голос был слишком высок для человеческого.

— Пока живой, — согласилась вторая кошка похожим голосом.

— Убить надо, — произнесла первая.

— А что делать со вторым, что с мечом? Мне не нравится этот меч.

— Он смертелен?

— Подойди — узнаешь, — тихо сказал я.

— Человек худ и, должно быть, стар.

— Но он нес раненого от кэрна бегом и не отдыхал. Заходим с боков.

Они шевельнулись. Я прыгнул навстречу той, что была справа.

Клинок рассек череп, перерубил плечо. Едва успел я повернуться и вырвать клинок из раны, как вторая скользнула мимо меня к носилкам. Я в бешенстве размахнулся.

Удар пришелся по спине, клинок перерубил ее. Кошка взвизгнула, словно мел по доске, тело ее развалилось надвое. Обе половины тут же загорелись. Первая кошка уже полыхала вовсю.

Но голова той, что я разрубил пополам, еще была жива. Пылающие глаза ее обратились ко мне.

— Я умираю последней смертью, — сказала она, — и я знаю тебя, открыватель Пути. Зачем ты убил нас?

Тут пламя охватило ее голову.

Я повернулся, протер клинок, вложил его в ножны, подобрал носилки и, отмахнувшись от вопроса, пустился дальше. Похоже, я начал догадываться, откуда взялась эта тварь и что имела в виду.

Но и до сих пор иногда вижу во сне горящую кошачью голову и, дрожа, в поту просыпаюсь; ночь тогда становится еще темнее, и смутно проступает в ней нечто.

Твердыню Ганелона окружал ров, и подъемный мост был поднят. Четыре башни высились там, где сходились мощные стены. А за стенами свечами тянулись к небу еще более высокие башни, словно присосавшиеся к низким мрачным облакам. Они затмевали первые звезды и бросали длинные черные тени на высокий холм. Кое-где уже светились окна, ветер доносил дальний невнятный говор.

Я встал перед мостом, опустил раненого на землю, поднес руки ко рту и крикнул:

— О-ла-ла! Ганелон! Мы припозднились!

Раздалось звяканье металла о камень. Нас явно разглядывали откуда-то сверху. Я попытался приглядеться, но острота зрения еще не вернулась ко мне.

— Кто там? — загремел громкий голос.

— Ланс, он ранен, и я, Кори с Кабры, что доставил его сюда.

Мои слова первый стражник прокричал другому, тот третьему и далее. Через несколько минут тем же способом проследовал ответ.

А потом стражник крикнул:

— Отойдите подальше! Мы опускаем мост! Можете входить!

Сразу же раздался скрип, и вскоре подъемный мост с глухим стуком ударился о землю по нашу сторону рва. Я поднял раненого и вошел в замок.

Так внес я сэра Ланселота Озерного в Твердыню Ганело-

на, которому верил, словно родному брату, а это значит — не доверял ни на грош.

К нам тут же бросились люди, и я вдруг обнаружил себя в кольце воинов. Вражды, однако, не чувствовалось, только озабоченность была на их лицах. Я вошел на освещенный факелами просторный мощеный двор, заполненный скатанными походными постелями. Пахло потом, дымом, лошадьми, кухней. Здесь уместилась едва ли не целая армия.

Люди подходили ко мне, глядели, что-то говорили друг другу. Наконец приблизились двое в полном боевом снаряжении, один из них тронул меня за плечо.

— Иди туда, — показал он.

Я последовал приказу, а они сопровождали меня по обе стороны. Подъемный мост со скрипом возвращался на место. Мы направились к главному зданию из темного камня. Через просторную прихожую в зал приемов, а потом к лестнице. Провожатый справа жестом пригласил меня подняться. На втором этаже мы остановились перед тяжелой деревянной дверью. Стражник постучал.

— Войдите, — раздался в ответ, к несчастью, слишком знакомый мне голос.

Мы вошли.

Он сидел у окна во двор за большим деревянным столом. Коричневая куртка наброшена поверх черной рубашки, черные брюки свободно заправлены в темные сапоги. За широким поясом — кинжал с роговой рукояткой. На столе перед ним лежал короткий меч. Рыжие волосы и бороду припудрила седина. Глаза его были черны, как ночь.

Ганелон посмотрел на меня, а потом обернулся к двум стражникам, что внесли следом носилки.

— Положите его на мою кровать, — распорядился он. — Родерик, за дело.

Его личный врач Родерик был немолод и не производил впечатления человека, способного натворить бед. Не затем тащил я Ланса из такой дали, чтобы его уморили каким-нибудь кровопусканием.

А потом Ганелон вновь обернулся ко мне.

— Где вы нашли его? — спросил он.

— В пяти лигах к югу отсюда.

— Кто вы?

— Меня зовут Кори, — отвечал я.

Он внимательно разглядывал меня, тонкие губы змеились в усмешке.

— И какова же ваша роль в этой истории?

— Не знаю, что вы имеете в виду, — ответил я.

Я сгорбился, старался говорить медленно, тихо и неуверенно. Моя убеленная дорожной пылью борода была длиннее, чем у него. Я надеялся, что кажусь стариком. Слова его свидетельствовали пока, что мне это удалось.

— Я спрашиваю, почему вы помогли ему?

— Как говорится, человек человеку брат, — отвечал я.

— Вы иностранец?

Я кивнул.

— Тогда рад видеть вас своим гостем столько времени, сколько вы пожелаете.

— Благодарю. Скорее всего я уйду отсюда завтра.

— А теперь прошу разделить со мной ужин и поведать обо всем случившемся.

Так я и сделал.

Ганелон слушал внимательно, не отрывая от меня колючих глаз. Выражение «разить взглядом» всегда казалось мне поэтическим преувеличением, но только не в тот вечер. Он буквально пронзал меня взором. Я пытался понять, что знает он обо мне и о чем догадывается.

А потом нахлынула усталость, голова моя вдруг отяжелела. Усталость, вино, теплая комната — все навалилось разом. Я словно бы стоял где-то в углу, слушал оттуда разговор и видел себя. И понял, что хоть на короткие усилия я уже способен, однако выносливости еще не хватает. Я заметил, что руки мои трясутся.

— Прошу прощения, — услышал я свой голос. — Усталость от дневного перехода одолевает меня...

— Сочувствую, — ответил Ганелон. — Договорим утром, а теперь спите, спокойного сна.

Он подозвал одного из стражей и приказал проводить меня. Должно быть, по дороге я спотыкался — помнится, стражник поддерживал меня под локоть.

Всю ночь я спал мертвецким сном, и был он беспробудным и долгим... часов четырнадцать или больше того.

Утром все мои суставы ломило.

Я умылся. На высоком столике стоял таз с водой, рядом кто-то предусмотрительно положил мыло и полотенце. Горло еще першило от пыли, в глазах то и дело двоилось.

Я сел, чтобы прийти в себя.

Некогда я мог пройти весь этот путь с Лансом на руках, даже не почувствовав его веса. В ту пору у меня хватило сил, чтобы пробиться к Колвиру, в сердце Амбера.

Те дни миновали. Я словно бы постарел. Да, я, должно быть, и выглядел стариком.

Надо было что-то делать.

Вес и силы не торопились возвращаться ко мне. Этот процесс следовало ускорить.

И я решил, что неделя-другая спокойной жизни и упражнений только пойдут на пользу. Пока Ганелон ни словом, ни жестом не показал, что узнал меня. Отлично. Я воспользуюсь его гостеприимством.

Решив так, я отыскал кухню и с удовольствием поглотил плотный завтрак. На самом деле было уже время ленча, но следует называть вещи своими именами. Хотелось курить, хотя отсутствие табака доставляло мне даже некоторое извращенное удовольствие. Судьбы следили, чтобы я не изменял себе.

Неспешно я вышел во двор, на яркий солнечный свет, и долгое время следил за упражнениями расквартированных там воинов.

В дальнем конце двора звенели тетивой луки. Мишени были привязаны к снопам соломы. Я заметил на больших пальцах воинов наперстки. Тетиву воины брали по-восточному, а не тремя пальцами, как принято в Авалоне. Это различие заставило меня призадуматься о той Тени, куда я попал.

Мечники использовали и лезвия, и острия клинков, фехтовали мечами разной формы, демонстрировали различные приемы. Я попробовал сосчитать воинов и пришел к выводу, что во дворе замка их собралось около восьми сотен. Сколько еще могло находиться в замке, сказать было невозможно. Воины были самыми разными: и светлокожие блондины, и темноглазые брюнеты, и разных оттенков между ними. Стук и звон стали не заглушали голосов. По-разному выговаривали они слова, но все-таки по большей части вокруг звучала речь Авалона — язык Амбера.

Я заметил, что один из мечников поднял руку, опустил клинок, вытер взмокший лоб и отступил назад. Его соперник не казался уставшим. У меня появился шанс поразмяться.

Я шагнул к ним навстречу, улыбнулся и представился:

— Кори с Кабры, я следил за вами. А теперь, — обернулся я к рослому темноволосому мечнику, — что, если нам поразмяться, пока ваш друг отдыхает?

Не переставая улыбаться, он показал на рот и на ухо. Я попробовал еще несколько языков, но и они не возымели успеха. Поэтому я показывал то на клинок, то на него, а то на себя, пока он наконец не догадался. Его партнер, видимо, решил отдохнуть и предложил мне свой клинок.

Я взял меч. Он был немного короче и тяжелее, чем мой Грейсвандир. (Так зовется мой клинок; я пока не упоминал этого имени. Рассказ о нем будет долгим, и, может быть, я еще поведаю его, прежде чем вы узнаете окончание этой истории. Но когда я впредь назову его имя, вы будете знать, о чем речь.)

Я несколько раз махнул для пробы клинком, снял плащ, отбросил его подальше и встал в позицию.

Он атаковал. Я отразил удар и перешел в контратаку. Он парировал укол, сделал выпад и атаковал вновь. И так далее. Через пять минут я понял, что соперник отнюдь не слаб, но я сильнее его. Дважды он останавливал бой, чтобы я повторил прием. Усваивал он быстро. Через пятнадцать минут ухмылка его стала еще шире. Я понял, что приближается время, когда те соперники, что могли противостоять его ударам, пасовали, уступая его силе. Скажу вам: он был вынослив. Через двадцать минут на его лице появилось озадаченное выражение. Должно быть, по моему внешнему виду нельзя было даже предположить, что я продержусь так долго. Несведущий человек не может знать о том, что таит в себе отпрыск королевской династии Амбера.

Через двадцать пять минут он весь взмок, но продолжал бой. В таких случаях мой братец Рэндом становится похож на пыхтящего юного монаха. Однажды, правда, мы фехтовали с ним двадцать шесть часов, пока один из нас не сдался. (Если вам любопытно, признаюсь — сдался я. На следующий день у меня было назначено свидание, и я хотел появиться не в худшей форме.) Но мы могли бы тогда продолжать. Пока мне не хватало сил на подобные деяния, но все равно я был выносливее своего соперника. В конце концов, он был всего лишь человек.

Через полчаса, когда противник мой уже задыхался и опаздывал с контрударами, стало ясно: он вот-вот поймет, что моя усталость притворна, и я поднял вверх руку, опустив при этом клинок, — так, как это сделал его первый соперник. Он тоже остановился, а потом рванулся вперед и обнял меня. Что он говорил, я не понял — догадался только, что он был доволен. Как и я сам.

Но мне было мало. Я обещал себе, что весь день буду изнурять себя в боевых упражнениях, потом поплотнее набью желудок и улягусь спать — без просыпа, — а на следующее утро повторю все сначала.

Поэтому я направился к стрелкам. Через некоторое время я одолжил у кого-то лук и привычным способом, тремя пальцами, с относительным успехом выпустил сотню стрел. Затем какое-то время глядел на всадников, на их копья, щиты, булавы. Когда это мне надоело, отошел к тем, кто упражнялся в рукопашной.

Наконец я поборол по очереди троих и тут понял, что выдохся. Полностью. До конца.

Отдуваясь, насквозь пропотев, я сидел в тени на скамье. И думал о Лансе, о Ганелоне и еде. Минут через десять я вернулся в свою комнату и снова ополоснулся.

Тут я почувствовал волчий голод, а потому отправился на поиски обеда и новостей.

Не успел я отойти подальше от двери, как один из двух стражников, которых я запомнил с минувшего вечера, — тот, что провожал меня спать, — подошел ко мне и сказал:

— После удара обеденного колокола лорд Ганелон просит вас отобедать с ним в его апартаментах.

Я поблагодарил, обещал непременно явиться, вернулся к себе и отдыхал на кровати, пока не настало время. А потом направился к Ганелону.

Мышцы мои начинали болеть, добавилось и синяков. Что ж, это неплохо и поможет мне выглядеть старше. Я постучал в дверь Ганелона. Впустил меня мальчик, затем немедленно присоединившийся к другому юнцу, расстилавшему скатерть на столе перед очагом.

Ганелон в подпоясанной зеленой куртке, брюках, сапогах

сидел в кресле с высокой спинкой. Когда я вошел, он поднялся и пошел навстречу поприветствовать меня.

— Сэр Кори, мне уже доложили о ваших сегодняшних подвигах, — сказал он, пожимая мне руку. — Теперь рассказ о том, как вы несли Ланса, кажется еще более достоверным. Должен признаться, что подобной доблести от человека вашего облика я не ожидал... Не хочу, конечно, вас этим обидеть...

Я усмехнулся:

— Какая там обида.

Он подвел меня к креслу, подал мне бокал с бесцветным вином, впрочем, слишком сладким, на мой вкус, и сказал:

— Глядя на вас, я мог бы решить, что справлюсь с таким воином одной левой... Но вы пронесли Ланса целых пять лиг да еще убили по дороге двух клятых кошек. Он рассказал мне и о кэрне, об этих камнях...

— И как он сегодня? — перебил я.

— Пришлось приставить к нему часового, чтобы он не поднимался с постели. Этот бугай захотел было встать и погулять по замку. Но, клянусь, я выпущу его лишь через неделю!

— Так, значит, ему лучше!

Ганелон кивнул:

— За его здоровье.

— За это стоит выпить.

И мы выпили. А потом он сказал:

— Если бы моя армия состояла из мужей вроде вас с Лансом, вся эта история могла бы сложиться и по-другому.

— Какая история?

— Да с Кругом и его стражами, — ответил он. — Вы слыхали?

— Ланс лишь упомянул об этом.

Один из мальчиков обжаривал на слабом огне насаженный на вертел громадный кусок говядины; время от времени, поворачивая вертел, он поливал мясо вином. Иногда запах мяса достигал моих ноздрей, вызывая раздраженное бурчание в желудке и ответный смешок Ганелона. Другой мальчишка отправился на кухню за хлебом.

Ганелон долго молчал. Он допил свой бокал, налил по новой. Я все еще смаковал первый бокал.

— А вы слыхали когда-нибудь об Авалоне? — наконец спросил он.

— Да, — ответил я. — Когда-то от бродячего барда довелось мне услышать такую песню:

«За рекою Блаженных сидели мы, ой да плакали горько, когда вспоминали об Авалоне[1]. Мечи расщепились в наших руках, а щиты мы развесили по ветвям дуба. Серебряные башни пали, утонули в кровавом море. Сколько же миль до Авалона? Да нисколько — отвечу, — и не ищи, ведь серебряные башни повержены».

— Авалон пал? — удивился он.

— Певец, похоже, был помешанным. Больше я ничего не знаю об Авалоне. Просто мне запомнились эти стихи.

Ганелон отвернулся и молчал несколько минут, а потом проговорил дрогнувшим голосом:

— Было, было такое место. И я жил там много лет назад. Не знал я только, что Авалон пал.

— Почему же оставили вы это место? — спросил я.

— Повелитель Авалона, лорд Корвин, колдун из Амбера, прогневался на меня. Сквозь тьму и безумие послал он меня сюда, чтобы я страдал и умер... И я столько страдал и так часто был близок к смерти! Я искал дорогу назад, но ее здесь не знают. Я спрашивал у колдунов и даже у плененной твари из Круга, прежде чем мы убили ее. Дороги на Авалон не знает никто. Как сказал поэт? «Несколько миль до Авалона», — неправильно процитировал Ганелон. — А вы не помните имя того барда, что пел об Авалоне?

— К сожалению, не помню.

— А где находится Кабра, откуда вы держите путь?

— Далеко на востоке, за морем, это королевство расположено на островах.

— Есть какая-нибудь возможность нанять там небольшой отряд? Я могу хорошо заплатить.

Я отрицательно покачал головой:

— Страна невелика, там и армии-то нет, только немногочисленное ополчение, да и дорога в один конец займет несколько месяцев... Наемниками там никто никогда не служит — народ не слишком воинственный.

[1] Перепев псалма 136 «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе».

— Вы-то совсем не похожи на своих соотечественников. — Ганелон еще раз внимательно взглянул на меня.

Я медленно тянул вино, а потом ответил:

— Я был инструктором королевской стражи.

— Тогда, быть может, вы согласитесь остаться здесь и позаниматься с моими воинами?

— На несколько недель, пожалуй, задержаться могу.

С мгновенной строгой улыбкой он кивнул:

— Печально мне слышать, что дивный Авалон пал... Но если это так и властелин его, должно быть, мертв ныне... — Он осушил бокал. — Значит, бывают такие времена, когда и демону не защититься... Прекрасная мысль. Выходит, и у нас есть шанс одолеть своих демонов.

— Прошу прощения, — поспешил заметить я, посчитав причину удобной. — Если вы имеете в виду Корвина из Амбера — он не умер, когда все это произошло.

Бокал хрустнул в его ладони.

— Вы знаете Корвина?

— Нет, просто слыхал о нем, — ответил я. — Несколько лет назад я повстречался с одним из его братьев... его звали Брэнд. Он рассказал мне тогда об Амбере и о битве... Корвин и его брат по имени Блейз вели целую орду против брата своего Эрика, защищавшего город. Блейз сорвался с горы Колвир, а Корвина взяли в плен. После коронации Эрика его ослепили и заточили в темницу под замком. Там он сейчас, быть может, и пребывает, если уже не умер.

Пока я говорил, Ганелон побледнел.

— Все эти имена — Брэнд, Блейз, Эрик, — промолвил он, — я слыхал от него в былые дни. Давно ли все случилось?

— Года четыре назад!

— Он заслуживал лучшей участи.

— После того как он так обошелся с вами?

— Ну, — ответил Ганелон, — у меня было время поразмыслить... и оказалось, что все случилось не без моей вины. Он был силен — сильнее тебя и Ланса, — справедлив... и мудр. Иногда он даже бывал веселым. Уж лучше бы Эрик убил его сразу, а не мучил. Не скажу, чтобы я любил его, но моей ненависти поубавилось. Чертяка заслуживал лучшей доли...

Мальчик вернулся с корзинкой хлеба. Другой уже снял мясо с вертела и на блюде поставил его посреди стола.

Ганелон кивнул.

— Поедим, — предложил он, поднялся и подошел к столу.

Я направился следом. Во время еды мы по большей части молчали.

Набив желудок до отказа и утопив его содержимое в еще одном стакане слишком сладкого вина, я начал зевать. После третьего зевка Ганелон ругнулся:

— К чертям, Кори, вы меня заразили! — И подавил зевок. — Не пойти ли нам прогуляться? — сказал он, вставая из кресла.

И мы пошли вдоль стен, минуя часовых, что вышагивали каждый по своему маршруту. Завидев Ганелона, воины молодцевато приветствовали его, он отвечал дружелюбным словом, и мы следовали дальше. Так мы поднялись на стенку и уселись подышать на каменном парапете, с наслаждением втягивая в себя влажный, полный запахов леса вечерний воздух и глядя на звезды, что одна за одной появлялись на темнеющем небосклоне.

Вдалеке я как будто бы заметил колыхание морских волн. Где-то под нами завела песню ночная птица. Ганелон извлек трубку и табак из кисета на поясе, поплотнее набил ее, высек огонь. В мимолетном отблеске лицо его могло бы показаться сатанинским, если бы его рот кривился иначе. Известно, что у дьявола — злая ухмылка, но этот... этот был слишком печален для беса.

А потом он заговорил, сначала медленно и едва слышно:

— Я помню Авалон. Родился я в достаточно знатной семье. Но добродетель, увы, не была моим достоянием. Наследство быстро утекло сквозь пальцы. И я стал останавливать путников на дорогах. Потом прибился к банде таких же, как и я. А когда понял, что сильнее всех и лучше вожака, чем я, им не найти, то стал командовать шайкой. За наши головы назначили награду... Моя оказалась самой дорогой. — Теперь он говорил быстрее, голос его зазвучал благороднее и даже сами слова его, словно эхо, доносились из прошлого. — Да, я помню Авалон: серебристые тени, прохладные воды... И костры звезд в небе, и всегда весенняя зелень листвы. Молодость, красота, любовь — все это осталось там, в Авалоне. Гордые кони, блестящий металл, нежные губы. Темный эль. Честь... — Он тряхнул головой. — Однажды, когда стране угрожала война, правитель объявил прощение всем разбойникам, кто последует за ним на поле боя. Таков был Корвин. Я последовал за

ним на войну. Сперва был просто офицером, а затем, позже... пошел в его штаб. Мы выигрывали битвы, подавляли восстания. Потом Корвин вновь мирно правил, а я остался при дворе. Хорошие это были годы. Со временем начались пограничные стычки, но мы неизменно побеждали. Он доверял мне управляться с такими делами. А потом пожаловал герцогство главе второстепенного рода, на чьей дочери собирался жениться. Я же давно добивался этого герцогства, и он все обещал однажды сделать его моим. Тут я пришел в ярость и, когда он направил меня во главе своих войск на южную границу, где всегда что-то шевелилось, предал его... Многие из моих воинов погибли, враг ворвался в страну. Лорду Корвину пришлось снова взяться за оружие. Враг был очень силен, я думал, что государство падет — надеялся на это. Но хитрый лис Корвин справился с бедой. Я бежал, меня схватили и поставили перед ним для приговора. Я проклинал его и плевался. Я не склонил головы, я ненавидел даже землю, на которой он стоял... Обреченный может позволить себе сопротивляться до конца и уйти, как подобает мужчине. Корвин сказал, что помилует меня за прошлые заслуги. Я ответил, что он может катиться со своей милостью, и понял, что он смеется надо мной. Он приказал освободить меня и подошел ко мне. Я знал, что он может убить меня голыми руками. И все же попытался сопротивляться — безуспешно. Он ударил меня, один раз, и я упал. А когда пришел в сознание, то обнаружил, что лежу поперек его лошади и привязан к седлу. По пути Корвин все время сердито мне выговаривал. Я не стал пререкаться, но дивные края сменялись ужасными — тогда-то я и догадался, что он колдун: ведь с тех пор я не встречал никого, кто видел такие места. А потом он объявил мне свою опалу, освободил меня, бросил здесь и уехал.

Ганелон замолк, чтобы вновь разжечь погасшую трубку, потом раскурил и продолжил:

— Много ударов и ран досталось мне здесь от зубов, рук и дубинок, только чудом я сохранил жизнь. Он оставил меня в самом опасном месте страны. А потом судьба моя изменилась. Некий вооруженный рыцарь повелел мне убираться с дороги, дабы его светлость могла проехать. Мне было уже все равно — жить или умереть, поэтому я назвал его сыном рябой шлюхи и послал к дьяволу. Рыцарь поскакал на меня, но, перехватив

копье, я выбросил противника из седла, а потом его же собственным кинжалом вогнал его наглую улыбку прямо ему в зубы. Так раздобыл я коня и оружие. Тут пришла расплата тем, кто притеснял меня. Я припомнил былые подвиги на проезжих дорогах и сколотил новую шайку. Она росла. Нас было уже несколько сотен, и потребности наши все увеличивались. Случалось, и небольшие городки обчищали. Местные нас боялись. Это тоже была неплохая жизнь, хоть и не столь приятная, как в Авалоне, которого я никогда больше не увижу. В придорожных постоялых дворах пугались даже стука копыт наших коней, а путники, завидев нас, мочили штаны. Ха! Так продолжалось не один год. На нас выступали большие отряды, но мы либо скрывались, либо одолевали их из засады. А потом вдруг появился Круг Мрака, и никто не знает почему.

Глядя вдаль, Ганелон яростно запыхтел трубкой.

— Мне говорили, что это случилось далеко на западе — появился небольшой круг из поганок. Внутри его нашли мертвую девочку. А нашедший ее мужчина, отец малышки, умер в судорогах через несколько суток. Место объявили проклятым. Круг стал быстро расти и через несколько месяцев был уже в целую лигу. Внутри Круга трава потемнела и стала блестящей, как металл, но не погибла. Деревья скрючились, их листья померкли. Они гремели, даже если не было ветра, и летучие мыши плясали и метались меж ними. В сумерках там бродили странные тени — но всегда внутри Круга, и какие-то огоньки, словно небольшие костры, горели там по ночам. Круг все разрастался, и те, кто жил неподалеку, бежали... в основном. Хотя некоторые остались. И говорят, что эти, кто остался, заключили какую-то сделку с порождениями тьмы. А Круг все ширился, словно волна от брошенного в воду камня. Все больше и больше людей оставалось в нем. Я говорил и бился с такими, убивал их. Они живы, но кажутся мертвыми. В их голосах нет силы и глубины, не наслаждаются они своим словом. И нет в лицах жизни, неподвижны они, словно маски. Потом их шайки начали выходить за Круг и мародерствовать. Людей убивали без сожаления. Много жестокостей совершили они, осквернили и святые места. Все жгли за собой, но никогда не крали ничего серебряного. А спустя еще несколько месяцев стали появляться и другие — странные исчадия тьмы вроде адских кошек, что ты убил. Тогда Круг вдруг перестал расти,

словно достиг своего предела. Орды налетчиков лезли и лезли оттуда даже днем и опустошали земли окрест. И когда они опустошили все, Круг двинулся и поглотил новые земли. Он растет теперь только таким образом.

Старому королю Утеру, что долго и безуспешно ловил меня, пришлось позабыть о нас. Все силы бросил он, чтобы обложить Круг. Забеспокоился и я: никому не хотелось оказаться ночью в когтях какого-нибудь адского кровопийцы. Поэтому я взял с собой половину из моих людей — всех, кто пожелал. Зачем брать трусов?.. И мы отправились прямо туда. Толпа этих мертволицых поджаривала живую козу на каменном алтаре, и мы обрушились на них. Одного взяли в плен, привязали к этому алтарю и допросили с пристрастием. Он сказал нам, что Круг будет расти, пока не поглотит всю сушу, от океана до океана, и когда-нибудь замкнется на другой стороне планеты. И если мы хотим спасти свои шкуры, лучше бы нам присоединиться к ним. Тогда один из моих воинов умертвил пленного кинжалом. И он умер, действительно умер, уж мертвого-то я могу отличить от живого — мне частенько приходится это делать. Но когда кровь несчастного попала на камень, рот его открылся и он разразился оглушительным хохотом — такого я в жизни не слышал. Словно гром, поразил нас этот смех. А потом он сел не дыша и начал гореть. И вид его менялся в этом огне, пока на алтаре не оказалось что-то вроде большого козла. А потом зазвучал голос: «Беги, смертный! Но ты не сумеешь выйти из этого Круга». И, поверь, мы бежали! Летучие мыши и другие твари затмили небо. За нами громыхали копыта. Мы мчались, обнажив клинки, разя направо и налево. Там были и кошки вроде твоих, змеи, какие-то прыгучие твари и Бог знает что еще... Когда мы оказались у края Круга, нас заметил один из патрульных отрядов короля Утера и пришел на помощь. Из пятидесяти пяти человек назад вернулось только шестнадцать. Патрульный отряд тоже потерял человек тридцать. Меня узнали и немедленно доставили ко двору. Сюда. Это был дворец Утера. Я рассказал ему обо всем: что я сделал, что увидел и услышал. Он поступил так же, как Корвин — даровал всем прощение, если мы выступим на битву против стражей Круга. После того что я испытал, не было у меня выбора. Круг следовало остановить. Пришлось согласиться. А потом я свалился с ног. Когда очнулся, мне рассказали, что в горячке я провел три дня. После выздоровления я был слаб, как дитя, и остальные, кто побывал в Круге со мною, тоже прошли через это: трое даже умерли. Я обошел всех, рассказал о предложении короля — ни один не отказался.

Король усилил патрули у Круга. Но сдержать его мы не могли, Круг рос. Стычек было немало. Наконец я стал правой рукой Утера, как и когда-то у Корвина. Схватки становились уже битвами. Из адской дыры валили все новые полчища. Несколько битв мы проиграли, враг захватил ряд форпостов. Однажды ночью Круг изрыгнул целую армию... орду... и людей, и прочих тварей, обитавших там. С такой силой мы еще не сталкивались. Король Утер отправился на поле боя — против моего совета, ведь ему было уже немало лет... Он пал в ту ночь, и страна сейчас не имеет властелина. Я хотел, чтобы наместником сел мой капитан Ланселот...

Ведь он куда достойнее меня. Странно. Я знал Ланселота — ну в точности его — в Авалоне... Но этот Ланселот не узнал меня, и пришлось знакомиться. Странно... Увы, он отказался от места, и меня поневоле заставили взять власть. Я не хочу этого, но деваться некуда. Во всяком случае, теперь я уже три года сдерживаю эту нечисть. Все во мне стонет и зовет бежать! Кто я этим проклятым людям? Что мне с того, если мерзкий Круг станет расти? Я мог бы сбежать за море, найти землю, куда Круг не дотянется при моей жизни, и забыть обо всем. Проклятие! Ни к чему мне это бремя! Но теперь оно мое!

— Почему? — спросил я, и звук собственного голоса показался мне незнакомым.

Ответом было молчание.

Ганелон выбил трубку. Набил, зажег, раскурил.

Молчание продолжалось.

А потом он проговорил:

— Не знаю. Я могу всадить человеку в спину кинжал за пару сапог, если они есть у него, а мне не во что обуться. Я знаю, что говорю, — так я и поступал когда-то. Однако тут... Тут что-то иное. Этот Круг — он против всех, но только мне по силам сопротивляться ему. Черт побери! Я знаю, когда-нибудь этот замок станет нашей общей могилой. Но я не могу оставить его. Я должен удерживать нечисть, сколько могу.

Ночной воздух освежил мою затуманенную голову, прояс-

нил сознание, хотя оно существовало как бы в стороне от несколько расслабленного тела.

— А Ланс сумеет править ими? — спросил я.

— Я бы сказал — да! Он добрый человек. Но есть еще одна причина. Мне кажется, что та, похожая на козла, тварь, кем бы она ни была, все-таки немного побаивается меня. Я был в Круге; она заявила, что мне не выбраться оттуда, но я пробился наружу. И пережил эту болезнь. Та тварь знает, что это я противоборствую ей. Мы выиграли кровавое сражение в ночь смерти Утера. Тогда я снова встретил это существо — но уже в другом виде, — и оно узнало меня. Быть может, мое присутствие сдерживает эту тварь.

— Как она выглядела?

— Как человек на пегом коне, только с козлиными рогами и красными глазами. Мы бились, но битва развела нас. И к счастью — чудовищное создание уже одолевало меня. Когда мы скрестили мечи, оно заговорило, и я узнал этот оглушительный голос. Оно называло меня дураком и говорило, что нет у меня надежды на победу. Но наступило утро, поле боя осталось за нами, мы загнали всю мерзость обратно в Круг и убивали бегущих. Всадник на пегом коне исчез. С тех пор случались еще вылазки, но не такие. И если я уеду из этой страны, Круг немедленно извергнет подобную армию... Ее уже готовят, готовят сейчас. И тварь эта узнает о моем отъезде... так же как узнала она и о том, что Ланс везет мне диспозицию войск в Круге, и послала проклятых стражей убить его по дороге. Теперь она знает и о тебе и будет размышлять, как изменить ход событий. Чудовище будет гадать, кто ты и откуда у тебя такая сила. Я останусь здесь — сражаться с этой тварью, пока не паду. Это мой долг. Не спрашивай почему. Я надеюсь лишь, что, пока не наступил мой последний день, узнаю, как сузить этот Круг... И почему он объявился здесь.

Вдруг что-то затрепетало возле моей головы. Я быстро откинулся — на всякий случай. Впрочем, необходимости в этом не было. Птица. Белая птица уселась на мое плечо и тихо попискивала. Я поднял руку, она перебралась на ладонь. К ноге была привязана записка. Я отвязал ее, прочел и тут же смял в кулаке. А потом уставился вдаль.

— В чем дело, сэр Кори? — поинтересовался Ганелон.

Записку послал я сам, она была написана моей рукой, отправлена с ведомой мне птицей и могла попасть только в намеченное мной место. Но не в этот замок хотел я ее отправить! Однако я смог прочесть собственное предсказание.

— Что это? — спросил Ганелон. — Что это у вас в руках? Записка?

Я кивнул и передал ему бумажку. Выбросить ее было невозможно, ведь он видел, как я отвязывал ее.

Ганелон раскурил трубку и в ее тусклом свете прочитал несколько слов, что были на этом клочке. «Я иду» — гласила записка, после чего следовала моя подпись.

— Значит, он жив? Значит, он явится сюда?

— Похоже.

— Странно, — произнес Ганелон. — Ничего не понимаю.

— Выглядит как обещание помощи, — сказал я, отпуская птицу, которая дважды гулькнула, покружила над головой и исчезла.

Ганелон покачал головой:

— Не понимаю.

— Зачем считать зубы лошади, которая может достаться тебе даром? — сказал я. — Пока вы еле сдерживаете Круг.

— Верно. Быть может, он сумеет уничтожить его.

— Что, если это просто шутка? — возразил я. — Жестокая шутка.

Ганелон вновь покачал головой:

— Нет. Такие вещи не в его стиле. Интересно, что ему надо?

— Быть может, приснится — и узнаем, — предположил я.

— Верно, ничего больше не остается, — сказал он, подавляя зевок.

Мы встали, вместе прошли по стене и пожелали друг другу спокойной ночи. Я проковылял к кровати и провалился в нее, словно в яму, наполненную снами.

Глава 2

Снова день. Снова ломота. Снова боль.

Мне подарили новый коричневый плащ. Это было недурно, в особенности если учесть, что я скоро раздобрею, а Гане-

лон, несомненно, вспомнит мои цвета. Я не брился — ведь он помнил меня как раз бритым. Я старался изменять голос, когда он был рядом. Даже прятал Грейсвандир под кроватью.

Всю следующую неделю я немилосердно гонял себя, трудился, потел, пока ломота наконец не утихла и мускулы не обрели твердость. Похоже, я набрал за это время фунтов пятнадцать. Медленно, очень медленно возвращались ко мне силы.

Эту страну называли Лоррен. Так звали и ее тоже. Ну, можно было бы, конечно, наврать; дескать, познакомились мы на лугу за замком, она собирала цветы, а я вышел подышать свежим воздухом. Вздор это.

Ее следовало бы отнести к персоналу, обслуживающему лагерь. Дело было в конце дня, после тяжких трудов, в основном с саблей и булавой. Она стояла в сторонке, поджидала клиента — такой увидел я ее впервые. Она улыбнулась мне, я ответил улыбкой. На следующий день, проходя мимо, я сказал ей «привет». И все.

Она постоянно попадалась мне навстречу. К концу второй недели, когда мышцы перестало ломить и вес мой превысил сто восемнадцать фунтов, у меня снова появилась охота к этому занятию, и я провел с ней вечерок. К тому времени я уже знал, кто она, и это устраивало меня. Но той ночью мы не занимались обычным в таких случаях делом. Нет.

Напротив, сперва мы беседовали, а потом кое-что произошло.

Говорила она, чуть гнусавя, ржаво-рыжие волосы ее были слишком длинными, тронутыми сединой. Косметика густым слоем скрывала усталость и множество веснушек. Я понял, что ей под тридцать. Голубые глаза. Острый подбородок. Чистые ровные зубы и рот, что все улыбался мне. Одежда была слишком яркой и броской. Мне она нравилась. Но не это имел я в виду, когда попросил провести со мной ночь, — у меня и в мыслях не было тогда, что она мне нравится.

Идти было некуда, только в мою комнату. Так мы и сделали. Я стал уже капитаном и воспользовался преимуществами, которые давало мне мое положение: попросил принести обед в комнату и подать лишнюю бутылку вина.

— Люди боятся тебя, — сказала она. — Говорят, что ты не устаешь.

— Неправда, — ответил я, — поверь мне.

— Конечно, — сказала она, качнув слишком длинными локонами, — все устают.

— Естественно, — согласился я.

— Сколько тебе лет?

— А тебе?

— Джентльмен не станет задавать таких вопросов!

— Леди, наверно, тоже?

— Когда ты появился здесь, все решили, что тебе за пятьдесят.

— А?..

— А теперь никто не берется и предполагать. Сорок пять? Сорок?

— Нет, — отвечал я.

— Я тоже так не думала, но твоя борода всех обманула.

— Бороды часто вводят в заблуждение.

— С каждым днем ты выглядишь все лучше, все сильнее...

— Благодарю. Я действительно чувствую себя лучше, чем тогда.

— Сэр Кори из Кабры... — промолвила она. — Где эта Кабра? Какая она? А если я очень попрошу, ты возьмешь меня туда?

— Мог бы пообещать, — ответил я. — Но боюсь солгать.

— Знаю. Просто было бы приятно услышать такое обещание.

— Отлично. Я возьму тебя с собой в это вшивое местечко.

— А ты действительно столь хорош, как говорят мужчины?

— Боюсь, что нет. А ты?

— Не слишком. Ты хочешь уже в постель?

— Нет. Лучше поговорим. Хочешь вина?

— Благодарю... твое здоровье.

— И твое.

— Почему же ты так хорошо фехтуешь...

— Способности и хорошие учителя.

— ...и как ты донес Ланса из этакой дали и справился с этими тварями?

— Люди всегда говорят больше, чем было на самом деле.

— Но я же сама видела. Ты сильнее остальных. Поэтому и Ганелон нашел общий язык с тобой. Как бы вы с ним ни порешили, но Ганелон видит всех насквозь. Многие мои приятели были мечниками. Я знаю, как они фехтуют. Ты искрошил бы

их в куски. Люди говорят — ты хороший учитель. Ты нравишься им, но и внушаешь опасение.

— Чем же я пугаю их? Своей силой? В мире много сильных людей. Что удивительного в том, что я могу долго махать клинком?

— Они видят в тебе нечто сверхъестественное.

Я расхохотался:

— Нет. Просто я второй фехтовальщик в здешней округе. Впрочем, прости... Может быть, и третий. Но я стараюсь.

— А кто лучше тебя?

— Ну, наверное, Эрик из Амбера.

— Кто это?

— Сверхъестественное существо.

— Он первый?

— Нет.

— А кто?

— Бенедикт из Амбера.

— И он тоже не человек, как и Эрик?

— Если он еще жив, да.

— Значит, и ты тоже, — сказала она. — Почему? Признавайся, ты тоже сверхъестественное существо?

— Подлить еще?

— Вино ударило мне в голову.

— И хорошо.

Я разлил вино по бокалам.

— Все мы умрем, — сказала она.

— Естественно.

— Это будет скоро, здесь. Все мы падем в бою с проклятым Кругом.

— Почему ты так говоришь?

— Он слишком силен.

— Что ж ты тогда делаешь здесь?

— Куда мне еще деваться! Поэтому я и спросила о Кабре.

— И поэтому согласилась прийти ко мне?

— Нет. Я хотела узнать, кто ты.

— Я атлет, нарушающий режим. Ты родилась где-нибудь неподалеку?

— Да, в лесах.

— А зачем ты путаешься с этими парнями?

— Почему бы и нет? Уж лучше такое занятие, чем каждый день счищать с пяток свиное дерьмо.

— А у тебя был когда-нибудь собственный мужчина? Постоянный то есть?

— Да, он умер. Это он нашел Кольцо Фей.

— Сожалею.

— А я — нет. Он обычно пропивал все, что удавалось ему занять или украсть, а потом шел домой и колотил меня. И когда я встретила Ганелона, то просто обрадовалась.

— Значит, ты считаешь, что Круг слишком силен и мы проиграем?

— Да.

— Быть может, ты и права. Хотя надеюсь, это не так.

Она поежилась.

— А ты будешь биться за нас?

— Похоже, придется.

— И никто ведь не скажет просто «да», все с оговорками! Уже это интересно. Мне бы хотелось поглядеть на твой бой с человеком-козлом.

— Почему?

— Кажется, он их предводитель. У нас появился бы шанс, если бы ты убил его. Только ты способен победить его.

— Придется убить, — отвечал я.

— У тебя есть на это свои причины?

— Да.

— Личные?

— Да.

— Тогда удачи тебе!

— Благодарю.

Она допила вино, я подлил еще.

— Уж он-то, без сомнения, сверхъестественное существо, — сказала она.

— Давай переменим тему.

— Хорошо. Только обещай кое-что сделать для меня.

— Говори.

— Завтра надень броню, возьми копье, покрепче держись в седле и вздуй одного детину из кавалерии... Харалда.

— Почему?

— Он побил меня на той неделе, словно покойный Джарл. Ты можешь это сделать?

— Да.
— А сделаешь?
— Почему бы и нет? Считай его уже наказанным.
Она встала и склонилась ко мне.
— Я люблю тебя, — сказала она.
— Чушь.
— Верно. А как насчет «ты мне нравишься»?
— Неплохо. Я...

Вдруг озноб и онемение ветром промчались вдоль моей спины. Застыв, я попытался отразить мысленный натиск, отключив разум. Меня искал кто-то из наших — член королевского рода Амбера, — причем с помощью колоды карт, моего Козыря, или как там его назвать. Ощущение это ни с чем не перепутать. Если то был Эрик, значит, он оказался крепче, чем я предполагал; в последний раз я обрушил на его мозг чуть ли не горящий напалм. Едва ли это Рэндом — в том, что его выпустили из тюрьмы, я сомневался. Если же меня искали Джулиан или Кейн, оба могли катиться в ад. Блейз, по-видимому, был мертв; Бенедикт, возможно, тоже. Оставались Джерард, Брэнд и сестры. Из них только от Джерарда мог ждать я добра. Поэтому я изо всех сил противился зову и справился с ним. Ушло на это минут пять, и, когда все кончилось, я был покрыт потом и тело мое сотрясал озноб, а Лоррен с удивлением смотрела на меня.

— Что случилось? — спросила она. — Ты еще не пьян, да и я тоже.

— Обычный приступ, — ответил я. — Иногда со мной такое случается. Эту болезнь я подцепил на островах.

— Я видела лицо, — сказала она. — Может быть, на полу, а может — в голове. Лицо старца. Воротник его одежды был зеленым, и он был похож на тебя, только борода седая.

Я шлепнул ее.

— Врешь. Не могла ты...

— А я говорю, видела! И не бей меня! Я не знаю, что это значит! Кто он?

— Думаю, это отец. Но, боже, как странно...

— Что случилось? — повторила она.

— Обычный припадок, — ответил я. — Иногда они случаются со мной, и людям возле меня кажется, что они видят

отца или на стене, или на полу. Не беспокойся, эта болезнь незаразна.

— Чушь, — отрезала Лоррен. — Ты все врешь.

— Не спорю. Только прошу, забудь об этом.

— Почему же я должна забыть?

— Потому что я нравлюсь тебе, — пояснил я. — Помнишь? И еще потому, что завтра я должен вздуть Харалда.

— Верно, — согласилась она.

Меня снова затрясло. Она взяла одеяло с кровати и набросила мне на плечи. А потом налила вина, я выпил. Она села рядом, прислонилась головой к плечу, я обнял ее. Снаружи бесом взвизгнул ветер, часто забарабанил прилетевший с ним дождь. И вдруг словно кто-то постучал в ставни. Лоррен слегка взвизгнула.

— Не нравится мне эта ночь, — объявила она.

— Мне тоже. Закрой дверь на засов, она лишь заперта.

Пока Лоррен выполняла мою просьбу, я развернул кресло так, чтобы сесть лицом к единственному окну. Достал из-под кровати Грейсвандир и обнажил его. Потом погасил все огни в комнате, оставив только свечу по правую руку от себя.

И снова сел, положив клинок на колени.

— Что мы делаем? — спросила Лоррен, усаживаясь слева от меня.

— Ждем, — отвечал я.

— Чего?

— Не знаю, просто ночь такова... Что-то должно случиться.

Она вздрогнула и прижалась ко мне.

— Знаешь, тебе лучше уйти, — сказал я.

— Знаю, — ответила она, — только я боюсь выйти из комнаты. А ты здесь сумеешь защитить меня?

Я покачал головой:

— Не уверен, сумею ли я защитить и себя самого.

Она тронула Грейсвандир.

— Что за дивный клинок!.. Такого мне еще не приходилось видеть.

— Подобного ему нет, — промолвил я.

Рука моя чуть подрагивала, и клинок слегка поворачивался, отражая свет. Меч то казался залитым нечеловеческой оранжевой кровью, то лежал на моих коленях белый как снег, то розовел женским соском, повинуясь моей лихорадке.

Я гадал, как сумела Лоррен увидеть во время попытки контакта то, чего не видел я сам. Она просто не могла придумать ничего столь подходящего случаю.

— Есть нечто странное и в тебе, — сказал я.

Она помолчала, пока пламя свечи не колыхнулось несколько раз, затем произнесла:

— Я немного умею видеть другим взглядом. Моя мать видела лучше меня. И мне говорили, что моя бабка была колдуньей. Ну, этому я не обучена... то есть немного знаю. А если честно, то давно не пробовала. Если я ворожу, то всегда теряю больше, чем получаю.

Потом она умолкла, и я переспросил ее:

— Что ты имеешь в виду?

— Я приворожила к себе моего мужа, — ответила она, — и кем он стал? Не пытайся я ворожить, была бы много счастливей. Я хотела хорошенькую дочку... а случилось совсем другое...

Лоррен вдруг умолкла, и я понял, что она плачет.

— В чем дело? Я не понимаю...

— Я думала, ты знаешь...

— Нет, боюсь, что нет.

— Она-то и была той маленькой девочкой, что нашли мертвой в Кругу Фей. Я думала, ты знаешь...

— Сожалею.

— Как я хотела бы, чтобы у меня никогда не было ни крохи этого умения!.. Теперь я не пользуюсь им. Но оно не покидает меня, приносит знаки и видения — и никогда о том, что я могу изменить. О, если бы только оно оставило меня и смущало кого-нибудь другого.

— Вот этого-то и не будет, Лоррен. Боюсь, что ты уже увязла.

— Откуда ты знаешь?

— В прошлом я знавал таких, как ты.

— И у тебя тоже есть это умение, так?

— Да.

— Значит, и ты чувствуешь, что снаружи есть нечто?

— Да.

— И я чувствую. А ты знаешь, что оно делает?

— Ищет меня.

— Я тоже чувствую это. А зачем?

— Может быть, чтобы испытать мою силу. Оно знает, что я здесь. И раз я — новый союзник Ганелона, оно хочет разобраться, кто я и что из себя представляю...

— Это сам рогатый?

— Не знаю. Впрочем, не думаю.

— А почему?

— Если я действительно могу погубить эту тварь, едва ли она будет искать меня здесь — в твердыне своего врага, без помощи и поддержки. Должно быть, это кто-то из ее слуг. Может быть, именно об этом и хотел предупредить меня призрак отца... не знаю. Если посланец сумеет найти меня и открыть мое имя, рогатый будет знать, к чему готовиться. Если он сумеет войти и убить меня — проблема решена. Если я убью посланца, сила моя будет известна. Что бы ни случилось, инициатива на стороне рогатого. И ему пока незачем рисковать своей двузубой черепушкой.

Мы ожидали в полутемной комнате, минуты сгорали в пламени свечи.

— Что ты имел в виду, когда сказал «откроет мое имя»? Какое имя? — спросила Лоррен.

— Имя того, кто еще не пришел сюда, — ответил я.

— Значит, оно может откуда-то знать твое имя?

— Не исключено, — ответил я.

Лоррен отодвинулась подальше.

— Не пугайся, — сказал я, — я не обижу тебя.

— Боюсь, что ты-то меня и обидишь! — ответила она. — Я знаю! Но я хочу тебя! Почему я хочу тебя?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Что-то бродит там, за окном! — в легкой истерике крикнула Лоррен. — И все ближе! Ближе! Слушай! Слушай!

— Заткнись! — рявкнул я. Холодные мурашки побежали по спине, петлей сдавило горло. — Скорей, прячься туда, за кровать.

— Я боюсь темноты, — пожаловалась она.

— Живей, иначе мне придется самому запихивать тебя в эту щель. Здесь ты будешь только мешать.

Взмахи тяжелых крыльев заглушили рев непогоды. О камни что-то заскрежетало, и Лоррен рванулась исполнять мой приказ.

И тут на меня уставилась пара кровавых сверкающих глаз,

стремившихся заглянуть прямо в душу. Я отвел взгляд. Тварь стояла перед окном на карнизе и разглядывала меня.

Более шести футов было в ней, изо лба выступали громадные ветвистые рога. Нагое тело было пепельно-серым — без признаков пола, громадные крылья исчезали в ночной тьме за окном. В правой руке тварь сжимала короткий тяжелый меч из темного металла. Вдоль клинка были выгравированы руны. Левой рукой она вцепилась в решетку.

— Входи себе на погибель, — крикнул я и поднял меч.

Существо хихикнуло, фыркнуло, хихикнуло снова. И попыталось опять заглянуть мне в глаза, но я отводил взгляд: если оно поглядит подольше, то узнает меня — как те кошки. Потом оно заговорило, словно фагот, выдувая слова.

— Ну, ты не тот, — сказало оно. — Ты ниже и старше. Но... клинок... похож. Кто ты?

— А ты кто? — спросил я.

— Стригаллдвир мое имя. Призови меня, чтобы я мог выесть твое сердце и печень.

— Призвать? Да я такое имя и не выговорю. А от моего цирроза у тебя будет несварение желудка. Убирайся!

— Кто ты? — повторило оно.

— Мисли гами градил, Стригаллдвир! — воскликнул я, и тварь дернулась, словно от пинка.

— И ты хочешь выгнать меня несколькими словами? — спросила она, вновь став на карниз. — Я не из малых.

— Похоже, что это и мешает тебе.

— Кто ты? — повторило существо.

— Не твое дело, Чарли. Пичужка, пичужка, лети быстрее домой...

— Четыре раза должен я спросить, и четыре раза можешь ты не отвечать, а потом я волен войти и убить тебя. Кто ты?

— Нет, — отвечал я, вставая, — входи и сгори!

Оно оторвало решетку, прыгнуло внутрь, загасив при этом свечу.

Я ударил навстречу, и посыпались искры, когда Грейсвандир рубанул по темному, исписанному рунами мечу. Потом отпрыгнул назад. Глаза мои привыкли к полутьме, и, хоть свеча и погасла, я видел тварь. Существо тоже видело меня и было посильнее смертного — как, впрочем, и я сам. Мы кружили по комнате. Из окна садил ледяной ветер, холодные капли хлестали в лицо. Когда я в первый раз ранил тварь в

грудь — длинный порез, — она не проронила ни звука, хотя по краям раны заплясали огоньки. После второй раны — в плечо — существо разразилось проклятиями.

— Сегодня я высосу мозг из твоих костей, — орало оно, — а потом выварю их и сделаю дудки! И когда я буду играть на них, твой дух будет корчиться в бестелесной агонии!

— Неплохо горишь! — отвечал я.

Оно слегка замедлило движения, и у меня появилась возможность.

Я отбил в сторону темный клинок и сделал выпад. Он был великолепен, клинок вошел прямо в середину груди и вышел из спины.

Тварь взвыла, но не упала. Грейсвандир вырвался из моей ладони. Языки пламени охватили рану. Существо стояло передо мной и горело. А потом шагнуло ко мне. Я схватил небольшое кресло и выставил его вперед.

— У меня сердце не там, где у людей, — проговорило существо.

И ударило мечом, но я креслом отвел удар и ножкой попал ему в глаз. Затем, отбросив кресло, я ухватил его за правую руку, вывернул ее в сторону и изо всех сил ударил по локтю. Раздался треск, покрытый рунами меч звякнул об пол. Левой рукой существо ударило меня по голове, и я упал.

Оно метнулось к мечу, но я ухватил его за лодыжку и дернул. Оно растянулось на полу. Я навалился сверху и потянулся к горлу. Голову мне пришлось прижать к груди, упереться в плечо врага — левой рукой он терзал мое лицо.

Мои руки сдавили его горло смертной хваткой, и глаза его стремились к моим. На этот раз я не стал отводить взора. А потом что-то кольнуло в основание мозга, и мы оба узнали то, что хотели.

— Ты! — ухитрилось оно выдавить, прежде чем отчаянным усилием погасил я огонь этих кроваво-красных глаз.

Я встал, поставил ногу на труп и вырвал Грейсвандир.

Как только меч вышел из раны, тварь загорелась и полыхала до тех пор, пока от трупа не осталось ничего, только закоптелое пятно на полу.

А потом ко мне подошла Лоррен. Я обнял ее, и она попросила проводить ее домой... спать. Так я и поступил. Больше мы уже ничего не могли. Просто лежали вместе, пока она не выплакалась и не уснула. Вот так я и узнал Лоррен.

...Не слезая с лошадей, мы втроем — Ланс, Ганелон и я — смотрели с высокого холма на проклятое место. Поднявшееся к полудню солнце светило нам в спину. Раскинувшаяся впереди картина подтвердила мои опасения.

Место было сродни тому искореженному лесу, что лежал к югу от Амбера.

«Ох, отец мой! Что же я натворил?» — проговорил я про себя, но ответ был уже перед моими глазами: Круг Тьмы, простиравшийся, доколе только хватал глаз.

Через прорези забрала рассматривал я его: обугленную, унылую землю, издававшую зловоние. В эти дни я не поднимал забрала. Люди смотрели на это как на прихоть, но мое положение давало мне право на чудачества. Прошло две недели после битвы со Стригаллдвиром. Я надел шлем наутро, прежде чем выполнить обещанное и вздуть Харалда. Раз лицо опухло, я решил скрывать его.

Теперь я весил уже стоунов четырнадцать и чувствовал себя почти как раньше. Если бы только я сумел помочь убрать эту грязь из страны по имени Лоррен... Я знал уже, что возьмусь за это дело и, быть может, справлюсь с ним.

— Так, — сказал я, — не вижу там собравшегося войска.

— Для этого надо ехать на север, — ответил Ланс, — и мы, вне сомнения, увидим их, когда начнет смеркаться.

— Далеко?

— Лиги три или четыре. Они маневрируют.

До Круга мы ехали два дня. От попавшегося рано утром навстречу патруля мы узнали, что внутри у границ Круга по ночам постоянно собираются войска. Проводят какие-то учения, а к утру исчезают в глубине Круга. А над ним постоянно висит темная туча, хотя гроза все не разражается.

— Позавтракаем здесь или поедем на север? — спросил я.

— Почему бы и не позавтракать? — ответил Ганелон. — Я просто умираю от голода, а время для еды у нас есть.

Мы спешились и перекусили вяленым мясом, запивая его влагой из фляжек.

— Не понимаю я этой записки. — Ганелон рыгнул, похлопал себя по животу и раскурил трубку. — В грядущей битве он будет рядом или нет? И где он? Где, если собирается помогать? День битвы все ближе и ближе.

— Забудь о нем, — ответил я. — Это, наверно, была шутка.

— Не могу, разрази меня гром! — воскликнул он в ответ. — Все кажется настолько странным!

— В чем дело? — удивился Ланс, и тут я понял, что Ганелон пока ничего еще не сказал ему.

— Мой прежний сеньор лорд Корвин прислал с почтовой птицей весть о своем прибытии, — объяснил Ганелон. — И я до сих пор не могу понять, что это значит.

— Корвин? — переспросил Ланс, и я затаил дыхание — Корвин из Амбера?

— Из Амбера и Авалона.

— Забудь про это послание.

— Почему?

— Он человек без чести, и слова его ничего не стоят.

— Ты знаешь его?

— Я слыхал о нем. Давным-давно он правил в этой стране. Разве ты не помнишь сказаний о демоне-властелине? Это о нем, только было это задолго до нас. Самым лучшим днем его правления оказался тот, когда он отрекся и бежал — все возненавидели его.

— Это было неправдой!

— Но так ли?

Бесконечное множество теней отбрасывает Амбер, много теней отбрасывает и мой Авалон — я был в нем. На многих землях знают меня; хотя никогда не ступал я там, но тени мои ходили, перевирая мои дела и мысли.

— Нет, — отвечал Ганелон. — Я никогда не придавал значения старым россказням. Интересно, неужели известный мне Корвин — тот самый, что правил здесь?

— Весьма вероятно, — вмешался я, решив перехватить инициативу в разговоре. — Но если он правил столь давно, то, верно, уж одряхлел или умер.

— Он был колдун.

— Тот, которого я знал, — тоже, — согласился Ганелон. — Он изгнал меня из страны, которую не обнаружить ни знанием, ни хитростью.

— Ты об этом никогда не говорил, — сказал Ланс. — Как же все произошло?

— Не твое это дело, — ответил Ганелон, и Ланс умолк.

Я извлек трубку — два дня назад я разжился ею. Ланс сде-

лал то же. Она была из глины и тянула горячо и крепко. Раскурив, мы все трое молча потягивали дым.

— Да, сработано было крепко, — сказал Ганелон. — Давайте забудем об этом.

Забыть, конечно, никто не мог, но теперь мы тщательно избегали этой темы.

И если бы не темный Круг, посидеть и отдохнуть было бы, пожалуй, приятно. Вдруг я ощутил, что эти люди стали мне близкими. Захотел что-нибудь сказать, но ничего подходящего в голову не приходило.

Ганелон прервал молчание, возвратившись к насущным делам:

— Значит, ты хочешь поразить их, прежде чем они нападут на нас?

— Правильно, — согласился я. — Перенесем войну на их территорию.

— Беда-то вся в том и заключается, что это теперь их территория, — сказал он. — Они теперь знают ее лучше, и кому ведомо, какие силы способен враг призвать себе на помощь?

— Надо просто убить рогатого, и все рухнет, — ответил я.

— Может быть. А может, и нет. Возможно, ты сумеешь справиться с ним, — сказал Ганелон. — Я-то не надеюсь на свои силы, разве что повезет. Не так прост рогатый, чтобы легко умереть. Наверно, я обманываю сам себя, полагая, что остался прежним, как и несколько лет назад. Что, если я ослаб? Раньше я не был таким домоседом.

— Знаю, — сказал я.

— Я тоже, — согласился Ланс.

— Ланс, а не поступить ли нам, как подсказывает наш друг? — спросил Ганелон. — Не следует ли нам атаковать?

Тот хотел было пожать плечами и уклониться от ответа, но передумал.

— Да, — ответил он. — Они едва не одолели нас, когда умер король Утер. А теперь мы не нападаем, потому что боимся поражения. О, конечно, победа достанется им нелегко, мы нанесем врагу тяжкий урон. Но, я думаю, они пересилят... Посмотрим, что там у них, хорошо все обмозгуем, а потом решим, готовиться ли к нападению.

— Хорошо, — сказал Ганелон. — Меня уже тошнит от ожидания. Решим по возвращении.

И мы отправились в разведку.

Сперва мы ехали на север, потом выбрали удобное место и спрятались в холмах, откуда был виден Круг. Там, внутри, они поклонялись чему-то или упражнялись с оружием. Я прикинул — их было тысячи четыре. У нас — не больше двадцати пяти сотен. Были там и странные летучие, ползучие и прыгучие твари, издаваемые ими звуки разносились повсюду. Но сердца наши не дрогнули.

Мне нужно было только увидеться с глазу на глаз с их предводителем, и все стало бы ясно — так или иначе. Все, целиком. Я не мог сказать об этом друзьям, но такова была правда.

Дело в том, что я-то и был виноват во всем. Круг появился благодаря мне, и уничтожить его мог лишь я сам, если хватит сил.

Уверенности в этом у меня не было.

В страдании, ярости, ужасе и муке вызвал я это проклятие к жизни. И на всех землях отразилось оно. Такова цена крови принца Амбера.

Мы следили за воинами Мрака всю ночь, а утром уехали.

И решили — атаковать!

На обратном пути нас никто не преследовал. А когда мы вернулись в Твердыню Ганелона, то засели за планы. Наши силы были уже в отличной форме, и мы решили атаковать в ближайшие две недели.

Лежа рядом с Лоррен, я сказал ей об этом. Она должна была знать. Я мог унести ее отсюда в Царство Теней этой же ночью, если бы только она согласилась.

Но Лоррен возражала.

— Я останусь с тобой, — сказала она.

— Хорошо.

Я не раскрыл ей, что все будет решено моею рукой, но, похоже, она догадывалась об этом и по какой-то причине верила мне. Об этом не стоило думать — в конце концов, это ее право.

— Ты знаешь, чем все может обернуться, — предупредил я.

— Знаю, — отвечала она, и было ясно, что действительно знает.

Потом мы занялись любовью, а позже — уснули.

Ей приснился сон.

Утром Лоррен сказала мне об этом.

— И что же ты видела? — спросил я.

— Предстоящую битву, — объяснила она, — и ты бился с рогатым.

— И кто победил?

— Не знаю. Только пока ты спал, я сделала кое-что полезное для тебя.

— Уж лучше бы ты этого не делала, обычно я сам о себе забочусь.

— А потом я увидела свою смерть.

— Давай-ка я заберу тебя отсюда в укромное место.

— Нет, мое место здесь, — твердо заявила она.

— Я не собираюсь лишать тебя свободы, — сказал я, — просто мне по силам спасти тебя от привидевшейся во сне судьбы. Поверь, для меня в этом нет ничего сложного.

— Я верю тебе, но никуда отсюда не уеду.

— Чертова дура!

— Я хочу остаться.

— Ну, как хочешь... Слушай, а может, мне послать тебя на Кабру?

— Нет.

— Проклятая дура!

— Я знаю. Я люблю тебя.

— Глупая, правильно надо говорить: «Ты мне нравишься». Помнишь?

— Ты справишься с ним, — сказала она.

— Иди к черту! — ответил я.

И она тихо заплакала и не могла успокоиться, пока я не утешил ее еще раз.

Такова была Лоррен.

Глава 3

В то утро я задумался обо всем. И о своих братьях и сестрах, словно об игральных картах, что было вовсе несправедливо. Я вспомнил госпиталь, где очнулся, вспомнил, как ступил на Путь в Ребме, о Моэри, которая сейчас была, должно

быть, с Эриком. Я подумал о Блейзе, о Рэндоме, Дейрдре, Кейне, Джерарде и Эрике...

Несколько раз на нас нападали — это были небольшие партизанские стычки. Истребив нападавших, мы следовали дальше. Достигнув заранее намеченного района, разбили лагерь в холмах у Круга, расставили стражу и отправились отдыхать. Наш сон не потревожил никто. Я проснулся, размышляя, неужели все сестры и братья думают обо мне то же, что и я о них. Это было бы грустно.

Уединившись в небольшой рощице, я налил в шлем воды, взбил пену и сбрил бороду. А потом, не торопясь, оделся в изношенное одеяние своих цветов. Теперь я вновь был тверд, как камень, черен, как земля, и скрытен, словно ад. Сегодня день испытания. Я надел кольчугу, шлем, надвинул забрало, перепоясался, сбоку пристегнул Грейсвандир. Потом заколол плащ на шее булавкой в виде серебряной розы.

Тут за мной явился посланец известить о том, что почти все готово.

Я поцеловал Лоррен, которая все же настояла на своем. А потом уселся на своего чалого по кличке Стар и отправился вперед.

По дороге ко мне присоединились Ганелон и Ланс.

— Мы готовы, — дружно сказали оба.

Я вызвал офицеров и дал им инструкции. Они отсалютовали, повернули коней и разъехались.

— Теперь недолго, — сказал Ланс, раскуривая трубку.

— Как твоя рука?

— Хорошо, — ответил он. — А после твоей вчерашней обработки даже чудесно.

Я поднял забрало и закурил.

— Ты сбрил бороду, — удивился Ланс. — Не могу даже представить тебя без нее.

— Так шлем прилегает лучше, — ответил я.

— Желаю нам удачи, — сказал Ганелон. — Не знаю я никаких богов, но если кто-нибудь из них позаботится о нас, я буду ему благодарен.

— Бог един, — отвечал Ланселот. — Я молю его, чтобы не оставил нас своей милостью.

— Аминь, — закончил Ганелон, зажигая трубку. — На весь этот день.

— Он будет наш, — сказал Ланс.

— Конечно, — ответил я. А солнце своим краем растревожило восток и утренних птиц в ветвях. — Похоже на то.

Докурив, мы выбили трубки и упрятали в кисеты. Потом затянули все ремни и застегнули пряжки на броне.

Ганелон сказал:

— Ну что же, начнем.

Офицеры отрапортовали, мои воины были готовы.

Спустившись по склону, мы собрались у границы Круга. Внутри ничто не шевелилось, войска не было видно.

— Интересно, как насчет Корвина? — произнес Ганелон.

— Он с нами, — заверил я его, и Ганелон посмотрел на меня странным взглядом, словно впервые заметив розу, а потом резко кивнул.

— Ланс, командуй, — сказал он, когда все собрались.

Ланс извлек клинок. Отзвук его клича «Вперед!» эхом прогромыхал вокруг.

Мы беспрепятственно въехали в Круг на полмили, и тут началось. Впереди нас было пять сотен, все на конях. Появилась черная конница, мы встретили ее.

Через пять минут они были сломлены, мы двинулись дальше.

Тогда мы услышали гром.

Засверкали молнии, хлынул дождь. Наконец разразилась гроза.

Тонкая линия пехоты с копьями обреченно преграждала нам путь. Все чувствовали засаду, но обрушились на них.

Тотчас кавалерия навалилась на фланги.

Мы развернулись и схватились всерьез.

Прошло, наверно, минут двадцать...

Мы держались, поджидая главные силы.

А потом оставшиеся две сотни или около того поскакали дальше.

Люди. Мы убивали людей, и они убивали нас — мрачные люди с серыми лицами. Но мне нужен был один из них. Другой...

Перед нами открылся спуск, далеко впереди раскинулась цитадель Мрака.

Я поднял клинок.

Мы спускались, они нападали. Шипели, квакали... Это значило, что у него туго с людьми. Грейсвандир пламенем полыхал в моей руке — молния, так сказать, переносной электрический стул. Враги приближались. Я убивал их, и они сгорали, умирая. Справа Ланс сеял такой же хаос в рядах атакующих, что-то бормоча себе под нос, — разумеется, молился за убитых. Слева наотмашь косил Ганелон, оставляя за своей спиной только костры.

Цитадель в блеске молний все приближалась.

Оставшаяся сотня бурей мчалась вперед, адские твари ложились нам под ноги.

У ворот нас встретила пехота: люди и твари. Мы ринулись в бой.

Их было больше, но выбора у нас не оставалось. Ведь мы и так слишком оторвались от своей пехоты. Я, впрочем, не видел в этом беды. Время, теперь все решало время...

— Надо пробиться! — выкрикнул я. — Он там, внутри!

— Он мой! — отвечал Ланс.

— Отдаю его вам! — отозвался Ганелон, укладывая нечисть мечом. — Давайте, если сумеете! Я помогу!

И мы разили, разили и разили, а потом удача обратилась лицом к ним. Они напирали: уроды, в ком человеческое мешалось со звериным, и люди. Мы сбились в плотный клубок, отражая удары со всех сторон. Тут появилась наша пехота, с головы до ног заляпанная грязью, и с ходу бросилась на врага. Мы вновь пробились к воротам; теперь нас оставалось сорок или пятьдесят человек.

Мы ворвались во двор. Там тоже были воины противника...

Лишь дюжина сумела пробиться к подножию черной башни, где нас мечами встретила стража.

— Туда! — крикнул Ганелон, когда мы соскакивали с коней.

— Туда! — крикнул Ланс, и я не понял, кому кричат они — себе или мне. А потом решил, что мне. Оставил в стороне сражающихся и кинулся вверх по лестнице.

Он должен быть там, в самой высокой башне, и мне надлежит встретить его лицом к лицу и повергнуть. Я не знал, по силам ли мне это, но обязан попробовать. Ведь только я знал,

откуда явился он сюда, и только благодаря мне он сумел сделать это...

Наверху была тяжелая деревянная дверь. Я толкнул — она оказалась запертой. Я ударил изо всех сил. Дверь с грохотом рухнула.

Он стоял у окна. Закованное в легкую броню мужское тело венчала голова козла.

Я переступил порог и остановился.

Он обернулся на грохот и теперь пытался уловить мой взгляд за сталью забрала.

— Смертный, ты зашел слишком далеко, — проговорил враг. — Впрочем, смертен ли ты? — И в руке его сверкнул клинок.

— Спроси Стригаллдвира, — ответил я.

— Значит, это ты убил его... Он узнал твое имя?

— Быть может.

На лестнице загремели шаги. Я отступил влево от дверного проема. В палату ворвался Ганелон. Я крикнул:

— Остановись!

Он встал как вкопанный и обернулся ко мне.

— Вот же эта тварь! — воскликнул он. — Что это?

— Это мой грех, грех против всего, что я любил, — сказал я. — Отойди. Он мой.

— Он в твоей власти.

Ганелон не шевельнулся.

— Ты действительно так считаешь? — спросило мерзкое существо.

— Проверь, — ответил я и ринулся на него.

Оно не стало фехтовать. Любой смертный мечник счел бы такой прием безумным...

Просто швырнуло свой меч в меня острием вперед. С громом несся меч в мою грудь, оглушительным грохотом отвечала грому гроза снаружи.

Я спокойно отбил этот меч Грейсвандиром, словно в обычной схватке. Он вонзился в пол и вспыхнул. Снаружи полыхнула молния.

На какое-то мгновение пламя сверкнуло ярче магниевой вспышки, и тварь навалилась на меня. Прижав мои руки к бокам, ударила рогами в забрало: раз, другой... Я попытался ослабить хватку врага, и это мне удалось.

Выронив Грейсвандир, отчаянным усилием я вырвался из захвата.

И тогда глаза наши встретились.

Разом ударили мы и отскочили.

— Принц Амбера, — сказало существо, — почему ты бьешься со мной? Ведь именно ты открыл нам дорогу сюда, открыл этот путь.

— Это было необдуманно и глупо, и я хочу уничтожить его...

— Поздно.

Оно ударило вновь, да так быстро, что я не успел уклониться. Удар припечатал меня к стене. Враг двигался быстро, как смерть.

Потом существо подняло руку и начертало в воздухе знак, и я увидел, что Владения Хаоса приближаются... Волосы мои встали дыбом, хладный вихрь охватил душу, и я понял, что натворил ужасное.

— Теперь видишь? — говорило оно. — Ты открыл эти ворота. Помоги же нам теперь, и мы поможем тебе обрести вновь свое.

На какой-то миг я дрогнул. Возможно было, что оно действительно поможет в ответ...

Но всегда останется угрозой. Союзники на миг, на день, мы сразу же вцепимся в горло друг другу, когда оба обретем свое. А силы Тьмы тогда будут еще могущественнее.

Но если бы я правил в Амбере...

— Итак, договорились? — резко проблеял его голос.

Я думал о Царстве Теней и о том, что за ним...

Медленно поднял я руки к голове и расстегнул пряжку шлема. А потом отбросил его в сторону, и тварь расслабилась.

Ганелон, похоже, в этот момент подбирался поближе.

Одним прыжком я перескочил палату и вмял тварь в стену.

— Нет! — крикнул я.

И почувствовал руки врага на своем горле, в тот же миг мои руки стиснули его тело.

Я давил и гнул изо всех сил. Кажется, тварь делала то же самое.

А потом что-то с треском переломилось, будто сухая палка. Интересно, чья это шея. Моя, во всяком случае, болела.

Я открыл глаза и увидел над собой небо. Я лежал на спине, под которую было подложено одеяло.

— Боюсь, он собирается жить, — сказал Ганелон, и я медленно повернул голову на звук.

Он сидел рядом на краю одеяла. Тут же была Лоррен.

— Ну как? — спросил я.

— Мы победили, — ответил он. — Ты выполнил свое обещание. Когда ты убил эту тварь, все кончилось. Люди упали бездыханными, твари сгорели.

— Хорошо.

— А я сижу и размышляю, почему больше не могу ненавидеть тебя.

— Есть уже какие-то предположения?

— Нет, в самом деле не могу понять. Быть может, мы слишком похожи. Не знаю.

Я улыбнулся Лоррен:

— Хорошо, что иногда твои пророчества не сбываются. Битва кончилась, и ты жива.

— Моя смерть уже пришла, — отвечала она без улыбки.

— Что ты имеешь в виду?

— У нас все еще рассказывают о том, как лорд Корвин казнил моего деда... публично четвертовал... за то, что тот возглавил одно из первых восстаний.

— Это был не я, это одна из моих теней.

Она отрицательно покачала головой и сказала:

— Корвин из Амбера, я есть то, что я есть.

Встала и ушла.

— Что же это было? — спросил Ганелон, не обращая внимания на ее уход. — Откуда взялась эта тварь, что находилась в башне?

— Моя вина, — отвечал я. — Это одна из тех тварей, которых я выпустил на волю, наложив проклятие на Амбер. Тогда я открыл ворота, и то, что лежит за Царством Теней, смогло вторгнуться в Подлинный Мир. Эти твари следуют в Амбер путем наименьшего сопротивления. Здесь таким путем был Круг; в другом месте путь будет выглядеть иначе. Теперь я закрыл им тут дорогу. Можешь отдыхать.

— И за этим ты явился сюда?

— Нет, — отвечал я. — На самом деле я шел в Авалон, когда на полпути наткнулся на Ланса. Я не мог оставить его лежать в крови, принес сюда и сам угодил в собственные сети.

— Авалон? Значит, ты обманул меня, и он не разрушен.

Я покачал головой:

— Нет. Наш Авалон пал, но в Царстве Теней я могу вновь отыскать его.

— Возьми меня с собой.

— Ты сошел с ума!

— Нет. Я хотел бы опять увидеть страну, где родился, чем бы это мне ни грозило.

— Я не собираюсь там задерживаться, — сказал я, — надо готовиться к битве. В Авалоне ювелиры используют красный порошок — однажды я зажег его в Амбере... Теперь мне нужны там только тот порошок да ружья, чтобы осадить Амбер и занять свой трон.

— А что будет с тварями из Царства Теней, о которых ты говорил?

— Я расправлюсь с ними позже. Пусть сейчас ими занимается Эрик — в конце концов, это его забота, я не могу терять на них время.

— Ты сказал, что он ослепил тебя и бросил в темницу.

— Верно. Я вырастил новые глаза и бежал.

— Ты демон?

— Мне часто говорили это. Не могу отрицать.

— Возьмешь меня с собой?

— Если ты в самом деле хочешь, возьму, но этот Авалон будет не совсем тем, что ты знал.

— Нет, я имею в виду Амбер.

— Ты сошел с ума!

— Отнюдь. Я давно хочу наконец увидеть этот сказочный город. И если случится мне там побывать, займусь потом чем-нибудь новым. Разве я был плохим генералом?

— Нет, конечно.

— Тогда научи меня, как воевать этими штуками — ружьями, как ты их называешь, — и я буду рядом с тобой в величайшей из битв. Я-то знаю, что сила начинает уже оставлять меня. Возьми меня с собой.

— И тогда скорее всего кости твои будут белеть под Колвиром — правда, рядом с моими.

— Исход какой битвы предрешен заранее? Я, пожалуй, рискну.

— Ну, как хочешь, не возражаю.

— Благодарю тебя, господин.

Мы заночевали, а с рассветом отправились обратно в замок. Там я стал разыскивать Лоррен и узнал, что она бежала с одним из прежних любовников, капитаном по имени Мелкин. Конечно, вышло нескладно. Жаль, что она не дала мне возможности оправдаться, объяснить эту нелепость.

С удивлением я обнаружил, что Лоррен стала для меня кое-что значить, и этот неразумный ее поступок ранил меня. Я надеялся, что она хотя бы переговорит со мной перед разлукой. И если потом решит предпочесть своего смертного капитана — что ж, я охотно благословлю их. Если же нет... Я понял, что она нужна мне, что она должна быть рядом со мной. А прекрасный Авалон подождет, сперва надо узнать, окончен ли мой последний роман или нет...

И я решил отправиться следом.

Оседлал Стара, обратил голову на ноющей шее лицом в ту сторону, куда они скорее всего направились, и поскакал.

Винить ее, собственно, было не в чем. В замке меня встречали теперь не как убийцу рогатого, не как освободителя от зла. Память об их Корвине еще не изгладилась, и помнили они демона.

Люди, с которыми я бок о бок трудился и воевал, смотрели на меня не просто со страхом... Мельком глянув, они тут же отводили глаза и молчали. Быть может, все боялись, что я захочу остаться править ими. И все они, кроме Ганелона, наверно, почувствовали облегчение, узнав, что я ускакал неизвестно куда. Ганелон же боялся, что я не вернусь и обману его. Поэтому-то он и предложил мне тогда свою помощь. Но такие вещи следует делать самому — в одиночестве...

Я ехал по оставленному конями следу, а в кустах щебетали птицы. День был ясен, небо голубело, вокруг царил мир — ведь грязное пятно исчезло с этой земли. И я был даже чуточку счастлив — мне удалось поправить хоть малую толику того, что сам и натворил. Зло... В этом зле я был повинен больше всех прочих, замешанных в этой истории. Не знаю, где и как в моей жизни прицепилась ко мне совесть, но теперь она могла

малость потешиться. А когда я сяду на трон в Амбере, то дам ей воли побольше... Так думал я. Ха!

Я ехал на север, по местам, совершенно мне незнакомым. Передо мной был четкий свежий след двух всадников. Весь день до самой темноты я не спускал с него глаз, время от времени спешиваясь, чтобы приглядеться внимательней. А когда глаза стали подводить меня, я заметил неподалеку, по левую руку, небольшой овраг и заночевал там. Конечно, лишь из-за боли в шее мне приснился рогатый и битва. «Помоги нам сейчас, а мы поможем тебе вернуть твое», — сказал он. Тут я моментально проснулся с проклятием на устах.

Когда утро выбелило небо, я оседлал коня и отправился дальше. Ночь была морозной, да и день тянулся ко мне своими холодными лапами. На траве поблескивал иней, а плащ отсырел, послужив мне вместо постели.

К полудню в мир вернулось что-то похожее на тепло, след стал свежее. Я настигал их.

А потом увидел ее, спрыгнул с коня и бросился к тому кусту шиповника без единой розы, под которым она лежала. Шипы расцарапали ей плечо и щеку. Ее убили недавно — кровь на ране еще не запеклась. Клинок вошел в грудь — и тело еще не остыло.

Камней, из которых можно было соорудить кэрн, поблизости не было. Срезав дерн Грейсвандиром, я уложил ее на покой. Спутник содрал с убитой все браслеты, кольца, гребенки с драгоценными камнями — все ее состояние. А когда я стал покрывать тело своим плащом и мне пришлось прежде закрыть ей глаза, тут рука моя дрогнула... и глаза затуманились... надолго.

Потом я вновь отправился по следу и быстро нагнал его. Он несся, словно его преследовал сам дьявол, что, собственно, было недалеко от истины. Я молча, не произнося ни слова, выбил его из седла на землю. Он обнажил меч, но свой я доставать не стал. А потом забросил его изломанное тело на высокий дуб. И когда оглянулся, труп уже исчез под темным покрывалом вороновых крыльев.

Все кольца, браслеты и расчески вернул я на законное место, а потом покрыл тело дерном. Прощай, Лоррен. Все, чем ты была и хотела быть, окончилось. Недолгим вышло наше знакомство. И рассказ мой о том, как в стране, что звалась

Лоррен, я встретил женщину по имени Лоррен, закончен... В нем отразилась вся моя жизнь, ведь я — принц Амбера, а значит, часть и соучастник всякого зла, что творится в мире. Я — не только часть зла, что существует в мире, но и Тьмы, окружающей мир. Иногда мне кажется, что я только зло, которое лишь противостоит иному, большему злу. А Мелкиных я теперь убиваю всегда во всех Тенях, если только они попадаются мне. И в тот Великий день, который предрекали пророки, надеясь, что не будет его, в тот Судный день, когда Он очистит мир от скверны и зла, я кану во тьму, глотая проклятия. А может быть, это случится и раньше, еще до Суда. Но чтобы... До того дня не омою я своих рук и не останутся они праздными.

Повернув коня, я отправился назад, в Твердыню Ганелона; он теперь узнал меня, но никогда не поймет.

Глава 4

Рысью и галопом по странным и диким путям, что вели к Авалону, ехали мы с Ганелоном; по кошмарным и дивным долинам, под медным корабликом солнца, ночами, раскаленными добела и серебряными, когда в небе поблескивали алмазы и белым лебедем плыла луна.

Заря протрубила в зеленой весенней роще. Мы переправились через могучую реку, а горы впереди побелели за ночь. Я выпустил стрелу своего желания в грудь полуночи, и, загоревшись над головой, она метеором умчалась на север. Единственный попавшийся нам по дороге дракон оказался хромым и, едва завидев нас, попыхивая дымом, заковылял в сторону, испепеляя дыханием маргаритки. Стаи ярких птиц стрелками указывали нам путь, звонкое эхо от хрустальных озер повторяло наши слова. Я ехал и пел, а чуть погодя начал подпевать мне и Ганелон. Так мы ехали целую неделю; небо и ветер — все указывало на то, что Авалон теперь близок.

Когда солнце скользнуло за скалы, а день умер и сгинул, мы заночевали в лесу у озера. Я отправился искупаться, Ганелон же занялся нашим снаряжением. Прохладная вода не отпускала. И я плескался в ней, не думая о времени.

Из воды мне послышалось, что в лесу кто-то крикнул, но я не был уверен в этом. Лес и так был достаточно необычен, и что творилось в нем, меня не слишком интересовало. Все же я быстро оделся и поспешил назад в лагерь.

Подойдя поближе, я вновь услышал визг и мольбы и понял, что беседа уже в полном разгаре.

Я вышел на выбранную нами поляну. Вокруг было разбросано снаряжение и приготовленный для костра хворост.

Ганелон сидел на корточках под дубом. С одной из ветвей свисал человек.

Он был молод, худощав и светловолос — сказать что-нибудь поточнее было трудно. Сложно точно представить себе рост и вес мужчины, если он висит вниз головой на дубе в нескольких футах от земли.

Руки его были связаны за спиной, а подвесили несчастного за лодыжку правой ноги.

Он говорил, кратко и торопливо отвечая на вопросы Ганелона. Его лицо было забрызгано слюной и покрыто каплями пота. Он не висел мешком, а раскачивался взад и вперед. На щеке его была ссадина, спереди на рубашке краснели свежие пятна крови.

Я остановился, решив не вмешиваться и понаблюдать. Без причины Ганелон не стал бы трудиться, симпатией к этому типу с первого взгляда я тоже не проникся. И что бы там ни заставило Ганелона прибегнуть к подобному способу беседы, но результаты допроса были интересны и мне. Кстати, так я мог узнать кое-что о Ганелоне, моем нынешнем союзнике. А несколько минут вверх ногами едва ли серьезно повредят молодцу.

Когда амплитуда раскачиваний понемногу уменьшилась, Ганелон ткнул пленника острием меча в грудину и качнул посильнее. Кожа при этом лопнула, на рубахе появилось новое красное пятно. Тут мальчишка вскрикнул — по сложению стало понятно, что это юнец. Ганелон выставил меч вперед, чтобы тело с обратным размахом непременно наткнулось на меч, но в последний момент отдернул его, а мальчишка извивался и кричал:

— Ну пожалуйста!

— Остальное! — приказал Ганелон. — Выкладывай все до конца!

— Клянусь, это все! — вскричал тот. — Больше я ничего не знаю. Они неслись прямо на меня! Я ничего не видел!

— А почему ты не отправился следом?

— Они были на конях, я — нет.

— А почему ты не последовал за ними пешком?

— Я был оглушен.

— Оглушен? Да ты струсил! Дезертировал!

— Нет!

Ганелон снова выставил клинок вперед и вовремя убрал его обратно.

— Нет! — закричал юнец.

Ганелон опять повторил свое движение.

— Да! — взвизгнул мальчишка. — Я испугался!

— И ты убежал?

— Да! Убежал! И с тех пор все бегу!

— И ты не знаешь ничего о том, как потом обернулись дела?

— Нет!

— Ты лжешь!

Он вновь шевельнул клинком.

— Нет! — крикнул мальчик. — Пожалуйста...

Я шагнул вперед и сказал:

— Ганелон!

Он глянул на меня, ухмыльнулся и убрал клинок. Юнец лихорадочным взглядом впился в мое лицо.

— И что ты успел выудить? — спросил я.

— Ха! — ответил Ганелон, шлепнув юнца с размаху по мягкому месту так, что тот вскрикнул. — Вора, дезертира... и интересную историю.

— Тогда срежь его с дерева, чтобы я мог услышать ее.

Ганелон небрежно, одним взмахом, перерубил веревку. Мальчик упал на землю и зарыдал.

— Я поймал его за кражей — он хотел стянуть что-нибудь из наших припасов — и решил расспросить об окрестностях, — сказал Ганелон. — Парень только что из Авалона...

— Что ты имеешь в виду?

— Он был пехотинцем в битве, которая произошла здесь две ночи назад. Струсил и дезертировал.

Юнец стал было бормотать возражения, но Ганелон пнул его.

— Тихо! — прикрикнул он. — Я просто пересказываю то, что узнал от тебя.

Мальчишка раскачивался, как краб, и глядел на меня большими умоляющими глазами.

— В битве? — переспросил я. — Кто же и с кем бился?

Ганелон мрачно усмехнулся.

— Довольно знакомая картина. Войска Авалона принимали участие в самой крупной и, возможно, последней битве с не вполне естественными существами...

— Ого?!

Я внимательно посмотрел на мальчика, и тот потупился, но я успел перед этим заметить в его глазах страх.

— ...Женщины, — говорил Ганелон, — бледные фурии из какого-то ада, красивые и холодные. В броне и с оружием. Длинные легкие волосы. Глаза, как лед. На белых огнедышащих конях, что питаются человечиной. По ночам они выходят из лабиринта пещер, открывшегося в горах после землетрясения несколько лет назад, совершают набеги на селения, похищают юношей, а всех остальных убивают. Некоторые из похищенных, словно бездушные автоматы, следуют за авангардом. Это похоже на людей из знакомого нам Круга.

— Но многие из них остались живы, когда их освободили, — сказал я. — И они оказались не бездушными, а только все позабыли, как я когда-то. Странно, — продолжал я, — почему они не завалили входы в пещеры днем, ведь наездницы выходят из них по ночам...

— Дезертир говорит, что это уже пытались делать, — сказал Ганелон, — да только помогло ненадолго. Потом они вырвались снова и стали сильнее прежнего.

Лицо мальчика посерело, но он утвердительно кивнул в ответ на мой вопросительный взгляд.

— И генерал — парень зовет его Хранителем — гонял их уже много раз, — продолжал Ганелон. — Даже провел часть ночи с их предводительницей, бледнокожей девкой по имени Линтра... Только уж не знаю, развлекался он с ней или вел переговоры. Но ничего хорошего из этого не вышло. Набеги продолжались пуще прежнего. Хранитель наконец решился на массированную атаку всеми силами, чтобы полностью уничтожить врага. Из этой-то битвы он и бежал. — Ганелон

указал мечом на юнца. — Вот почему конец истории нам неизвестен.

— Все это действительно так? — спросил я.

Мальчик отвел взгляд от острия меча, что Ганелон не выпускал из рук, на секунду глянул прямо мне в глаза и медленно кивнул.

— Интересно, — сказал я Ганелону. — Очень. Похоже, их проблемы тесно связаны с нашими. Хотелось бы знать, чем окончилась битва.

Ганелон кивнул, перехватив рукоять меча.

— Ну, если покончить с ним сейчас... — начал он.

— Погоди. Парень, кажется, пытался стянуть что-то из еды?

— Да.

— Развяжи ему руки. Пусть поест.

— Но он же пытался украсть у нас...

— Разве ты не говорил когда-то, что убил человека за пару сапог?

— Конечно, но там все было совсем по-другому.

— Как это?

— Сапоги я унес с собой.

Я расхохотался. Этот смех взял верх — я не мог остановиться. Ганелон сперва вроде бы рассердился, потом удивился и тоже захохотал.

Юнец смотрел на нас, как на пару умалишенных.

— Хорошо, — сумел наконец выговорить Ганелон. — Хорошо. — Нагнувшись, он одним движением перерезал стягивавшую запястья юнца веревку. — Пойдем, парень, я дам тебе чего-нибудь поесть.

И склонился над мешком с припасами, копаясь в свертках.

Мальчик схватил предложенный ему кусок и быстро и шумно зачавкал, не отрывая, впрочем, глаз от Ганелона. Если он говорил правду, у меня возникали некоторые сложности, и главная заключалась в том, что в опустошенной войной стране трудно отыскать то, что мне требовалось. И это, помимо природы здешней беды, тоже усиливало мои опасения.

Я помог Ганелону развести костерок.

— Насколько могут измениться наши планы? — спросил он.

Выбора у нас не было. Во всем Царстве Теней неподалеку от намеченного мной места происходит примерно одно и то же. Я мог направиться туда, где нет войны, но тогда попал бы не в Авалон, а куда-то в совершенно другой мир. И там не окажется того, что я ищу здесь. Раз Хаос все тянулся ко мне, когда, повинуясь моей воле, мы шли с Ганелоном среди теней, значит, причиной тому было само желание мое, и с подобными нападками его следовало так или иначе кончать — чем раньше, тем лучше. Уклоняться было нельзя. Таковы правила игры, и некому жаловаться — ведь правила эти устанавливал я сам.

— Идем дальше, — сказал я. — Это место, которое мы ищем.

Мальчишка коротко вскрикнул, а потом, быть может, из благодарности — ведь я вроде бы спас его от мучений — предупредил:

— Не ходите в Авалон, сэр! Вам нечего искать там! Вас убьют!

Я улыбнулся и поблагодарил парня. Ганелон состроил страшную гримасу и сказал:

— Ну что же, прихватим его, пусть предстанет перед военным судом.

Тут юнец вскочил и проворно метнулся в кусты.

Ганелон с хохотом выхватил кинжал и занес руку, чтобы кинуть ему вслед. Я ударил по ней, и кинжал отлетел в сторону. Мальчишка исчез в лесу, а Ганелон продолжал смеяться.

Потом он встал, подобрал кинжал и сказал мне:

— Лучше бы ты все-таки позволил мне прирезать его.

— Я решил иначе.

Он пожал плечами:

— Быть может, мнение твое переменится, когда парень вернется ночью, чтобы перерезать нам глотки.

— Весьма возможно. Но ты ведь знаешь, что на это он не способен.

Ганелон вновь пожал плечами, отрезал изрядный кусок мяса и стал подогревать его над костром.

— Что же, по крайней мере, война великолепно научила его показывать пятки, — объявил он, — и, быть может, мы действительно проснемся завтра.

Он отгрыз кусок и принялся жевать. Занятие показалось мне недурным, и я последовал его примеру.

Глубокой ночью я очнулся от беспокойного сна и долго вглядывался в звезды через просветы в листве. Та часть моего разума, что ведает предзнаменованиями, не могла позабыть этого юнца и не давала мне спать. Вновь заснул я не скоро.

Утром мы закидали пепел костра грязью и отправились в путь. Ближе к полудню подъехали к предгорьям и углубились в них. На нашей тропе время от времени попадались свежие следы, но мы никого не встречали.

На следующий день мы проехали мимо нескольких ферм и домишек, даже не остановившись. Я отказался от дикого, дьявольского маршрута, по которому вез когда-то опального Ганелона. Путь тот был, конечно, короче, только ему он показался бы весьма неприятным. Мне нужно было время, чтобы поразмыслить, поэтому лишних приключений по дороге не требовалось. Теперь, однако, долгая дорога близилась к концу. Днем мы въехали под небо Амбера, и я молча наслаждался его великолепием.

Мы ехали уже через Арденский лес. Он был безмолвен — ни звуков рога, ни намека на присутствие Джулиана, или Моргенштерна, или грозных собак, как в тот последний раз, когда я проезжал Ардёны. Только в кронах высоких деревьев чирикали пташки, жаловалась на что-то белка, тявкала поблизости лисица, журчал небольшой водопад, а в тени белели, краснели и голубели цветы.

Дневной ветерок навевал сон и прохладу и убаюкал меня... Я даже не заметил после поворота ряда вырытых вблизи тропы могил. Поляна вокруг была вытоптана. Мы огляделись по сторонам, но, кроме и так очевидного нам, ничего не узнали.

Поодаль оказалось еще такое же место, потом проехали мы несколько рощиц — деревья там стояли обугленными. Дорога была уже совершенно разбита, кусты по сторонам вытоптаны и изломаны пехотой и конницей. Запах гари висел в воздухе. Мы поспешно миновали вонявший вовсю полуобъеденный труп лошади.

Небо Амбера больше не радовало меня, хотя дорога впереди была уже знакома.

День склонялся к вечеру, и лес вокруг поредел, когда Ганелон заметил дымы на юго-востоке. Мы свернули на первую же тропку, что вела в сторону, но мимо Авалона. Сколько оставалось ехать еще, понять было трудно, но я видел, что до темноты мы не доберемся.

— Значит, их армия еще в поле? — удивился Ганелон.

— Их или победительниц?

Он покачал головой и вытащил из ножен клинок.

Когда стало смеркаться, я съехал с тропы на шум бегущей рядом воды. Ручей был прозрачен и чист и нес с гор прохладную свежесть. Я окунулся, пригладил вновь отпущенную бородку, отряхнул дорожную пыль с одежды. Наше путешествие приближалось к концу, и я хотел явиться в Авалон во всем возможном великолепии. Уловивший мое намерение Ганелон плеснул воды на лицо и громко прочистил нос.

Стоя на берегу, я моргал мокрыми ресницами, уставившись в небеса, и тут впервые заметил, что вижу теперь луну четко и ясно. Впервые. Сердце мое екнуло, я вгляделся повнимательнее. Все: ранние звезды, края облаков, далекие горы и деревья — все видел я новыми глазами резко и четко. Я вновь поглядел на луну, и она не расплылась в мутное облачко.

Зрение полностью вернулось ко мне.

Услышав мой смех, Ганелон отпрянул назад и так и не рискнул спросить о причине.

Подавив желание запеть, я вскочил на коня, и мы снова припустили к тропе. Тени густели, в ветвях над головой заискрились созвездия. Я вдохнул полной грудью наступившую ночь, задержал подольше и выпустил. Теперь я стал снова собой. Чувствовать это было отрадно.

Ганелон подъехал ко мне и тихо сказал:

— Вне сомнения, впереди нас ждут часовые.

— Да, — согласился я.

— А не лучше ли съехать с дороги?

— Нет. Я не хочу скрываться. Не так уж важно, если мы приедем и под конвоем. Мы простые путешественники.

— Для путешествий должна быть причина.

— Тогда... мы наемники, заслышавшие о битве и прискакавшие наниматься.

— Хорошо. Наш вид вполне соответствует этой роли. Бу-

дем надеяться, что у них окажется время приглядеться к нам повнимательней.

— Если они не сумеют нас разглядеть, то и прицелиться не сумеют.

— Верно, только эта мысль меня не очень утешает.

Я прислушивался, чтобы первым уловить топот копыт по дороге. Она извивалась, петляла из стороны в сторону и наконец, изогнувшись, пошла вверх. Когда мы въехали на гребень, деревья вокруг совсем поредели.

Мы были на вершине холма, перед нами открывался широкий простор. Через несколько шагов коней пришлось остановить: склон впереди кончался крутым обрывом высотой десять-пятнадцать метров, переходившим в отлогий уклон к равнине, через милю он сменялся поросшими редколесьем холмами. Долина была усеяна кострами, поближе к центру виднелось несколько шатров. Всюду паслись лошади, воинов можно было насчитать несколько сотен.

Ганелон вздохнул.

— По крайней мере, это люди, — сказал он.

— Да.

— И если это нормальные воины, то за нами уже следят. Место здесь слишком удобное, чтобы его не использовать.

— Да.

Тут позади раздался шорох. Мы стали было оборачиваться, как голос вблизи произнес:

— Не двигаться!

Я все же повернул шею и увидел вблизи четверых. Двое с поднятыми луками держали нас на прицеле, двое сжимали мечи. Один из них шагнул вперед.

— С коней! — приказал он. — Сюда! И не торопясь!

Мы слезли с коней и повернулись к нему, стараясь держать руки подальше от оружия.

— Кто такие? Откуда? — потребовал он.

— Наемники, — отвечал я, — из Лоррена. Услыхали, что у вас есть работа, и предлагаем свои мечи. Мы едем туда, в лагерь. Он ваш, я надеюсь?

— А если я скажу — нет и мы из тех, кто окружил этот лагерь?

Я пожал плечами:

— В таком случае, быть может, и вам нужна пара клинков?

Он сплюнул.

— Хранителю не нужны такие. — А потом спросил: — Откуда вы?

— С востока, — ответил я.

— А... с неприятностями по дороге не сталкивались?

— Нет, — ответил я, — откуда им было взяться?

— Трудно сказать... Снимайте оружие, я отошлю вас в лагерь. Там захотят узнать обо всем, что вы видели на востоке, обо всем необычном...

— Ничего такого мы не видели.

— Что бы там ни было, вас, вероятно, покормят. А нанимать — едва ли. Вы немного опоздали. Теперь давайте сюда оружие.

Пока мы отстегивали мечи, он махнул рукой, и из-за кустов выступили еще двое. Старший приказал им отвести нас в лагерь. Лошади должны были следовать за нами на поводу. У нас забрали оружие, и, когда мы уже повернулись, чтобы идти, допрашивавший крикнул:

— Стойте!

Я обернулся.

— Ты, как твое имя? — спросил он.

— Кори, — ответил я.

— Постой.

Он подошел совсем вплотную и секунд десять рассматривал меня.

— В чем дело? — спросил я.

Вместо ответа он запустил руку в висевший на поясе кисет. Вытащил горсть монет и поднес их к глазам.

— Слишком темно, черт побери, а огня зажигать нельзя...

— Для чего? — удивился я.

— Не может быть! — воскликнул воин. — Лицо твое показалось мне знакомым, и я постарался припомнить откуда. Твой профиль похож на тот, что отчеканен на старых монетах. Иногда они еще попадаются. Похож, правда? — обратился он к ближайшему лучнику.

Тот опустил лук и подошел поближе ко мне.

— Да, — согласился лучник, — похож.

— А кто этот... о ком ты подумал?

— Из старых королей. Правил очень давно. До меня.

— И до меня тоже. Хорошо... — Лучник пожал плечами. —

Ерунда. Вперед, Кори. Отвечайте на вопросы честно, и вас не тронут.

Я повернул к лагерю, оставив его в лунном свете на гребне холма удивляться и чесать затылок.

Наши провожатые оказались неразговорчивыми — это было неплохо.

Спускаясь с холма, я вспоминал рассказ мальчишки и пытался представить, чем завершилась битва: ведь этот мир соответствовал тому, что я искал, и теперь нужно было правильно сориентироваться, чтобы потом не ошибиться.

Лагерь благоухал приятной для ноздрей воина смесью мужского и конского пота, дыма, жареного мяса, кожи и масла... Люди в свете костров толковали, чистили оружие, чинили снаряжение, ели, играли, пили и спали, провожали нас глазами на пути к трем потрепанным шатрам, располагавшимся в центре. И когда мы проходили мимо костров, разговоры смолкали.

Мы остановились возле второго, отличного от других шатра. Один из наших конвоиров что-то сказал расхаживавшему вблизи воину. Тот несколько раз кивнул ему в сторону самого большого шатра. Конвоир прошел туда, через несколько минут вернулся и обратился к другому часовому, что стоял слева. Наконец наш конвоир кивнул часовому и подошел ко мне. Часовой тем временем подозвал кого-то от ближайшего костра.

— Офицеры на совете в шатре Хранителя, ваших лошадей мы стреножили и пустили пастись. Снимайте поклажу и располагайтесь здесь. Придется подождать капитана.

Мы отвязали пожитки от седел, почистили коней. Я потрепал Стара по холке. Низкорослый человек, прихрамывая, повел его вместе с огнедышащим Драконом Ганелона к другим лошадям, а мы уселись на поклажу и стали ждать. Один из стражей поднес нам горячего чая; в ответ я угостил его табаком. Потом все они ушли куда-то за наши спины.

Я смотрел на большую палатку, прихлебывая чай, вспоминал Амбер и улицу Возчиков хлеба в Брюсселе, в Царстве Теней, на той Земле, где я провел столько времени. Раздобыв здесь шлифовальный порошок, я вернусь в Брюссель на оружейную биржу. Заказ мой будет сложным и дорогим, ведь для его выполнения торговцу боеприпасами придется оснащать

новую линию. А по своему военному опыту я знал на той Земле разных дельцов, не только из «Интерармко». На это уйдет несколько месяцев. Я начал обдумывать детали, и время пробежало приятно и быстро.

Часа через полтора по стенам большой палатки задвигались тени. А еще через несколько минут изнутри откинули полог, и из шатра неторопливо стали выходить люди, переговариваясь и вновь заглядывая обратно. Последние двое задержались на пороге, все еще не закончив разговора с оставшимся внутри.

Двое у входа расступились, лица их были обращены внутрь шатра. До меня донеслись звуки разговора, но слов я разобрать не мог. Наконец я сумел различить того, с кем они говорили. Свет был у него за спиной, офицеры заслоняли его от меня, я видел только, что он очень худ и высок.

Наши часовые замерли — похоже, один из двоих офицеров и был упомянутым капитаном. Я, не отрывая от них глаз, внутренне приказывал им расступиться пошире, чтобы можно было наконец разглядеть их предводителя.

Еще немного, и вышло по-моему, а еще через миг — он сделал шаг вперед.

Сперва мне показалось, что полумрак подшутил надо мной... Нет! Он снова шагнул, и какое-то мгновение никто не загораживал его от меня. У него не хватало правой руки, культя была плотно забинтована чуть ниже локтя, и я понял — рана получена совсем недавно.

А потом он повел вниз левой рукой, остановив ее на порядочном расстоянии от тела, обрубок правой при этом дернулся. И что-то шевельнулось в моей памяти. Длинные каштановые волосы его прямыми прядями спадали на плечи, я увидел очерк скулы...

Он вышел из шатра, дуновением ветра плащ отнесло вправо. Желтая рубашка была заправлена в коричневые брюки, плащ пламенел оранжевым цветом. Неестественно быстрым движением левой руки он поймал плащ за край и дернул, чтобы прикрыть культю.

Я быстро встал, и голова его резко повернулась ко мне.

Наши взгляды встретились, на несколько биений сердца мы застыли в неподвижности.

Оба офицера тоже повернули головы, он отстранил их и,

широко шагая, направился ко мне. Ганелон заворчал и стал подниматься во весь рост. Наши стражи тоже застыли от изумления.

Остановившись в нескольких шагах, он окинул меня газельим взором. Вообще-то он редко улыбался, а тут изобразил какое-то слабое подобие улыбки.

— Пойдем со мной, — сказал он и повернулся к палатке.

Мы последовали за ним, оставив свои пожитки.

Взглядом он отпустил обоих офицеров, остановился у входа и пригласил нас войти. Пропустил вперед и вошел следом, задернув за собой полог. Я заметил скатку с постелью, столик, скамьи, оружие, походный сундук. На столе светила масляная лампа, лежали книги, карты, стояли бутыли и чаши. На сундуке мерцала еще одна лампа.

Он пожал мою руку и снова улыбнулся.

— Корвин, — сказал он, — ты, оказывается, еще жив!

— Бенедикт, — ответил я, улыбнувшись, — и ты, выходит, еще дышишь. Чертовски давно виделись мы в последний раз.

— Действительно. Кто твой друг?

— Его зовут Ганелон.

— Ганелон, — повторил он, кивнув, но не подавая руки.

Затем подошел к столу, налил три чаши вина, протянув одну из них мне, другую Ганелону, а третью взял сам.

— За твое здоровье, брат, — произнес он.

— И за твое.

Мы выпили.

— Садитесь! — Он показал нам на скамьи, а сам уселся за стол. — Добро пожаловать в Авалон!

— Благодарю вас... Хранитель.

Бенедикт скривился.

— Впрочем, прозвище вполне заслужено мной, — сказал он ровным голосом, продолжая изучать мое лицо. — Хотелось бы знать, мог ли их предыдущий Хранитель сказать то же самое.

— Ты прекрасно знаешь, что все происходило не тут, — ответил я, — и, как мне кажется, он тоже мог бы утверждать это.

Бенедикт пожал плечами:

— Конечно. Но довольно об этом! Где ты был? И что делал? И почему явился сюда? Расскажи о себе. Мы так давно не встречались.

Я кивнул. К несчастью, фамильный этикет требовал, чтобы я ответил сперва на его вопросы, а потом уже задавал свои. Он был старше меня, и я — пусть не умышленно — вторгся в область его интересов. Не то чтобы мне не хотелось быть с ним вежливым, он принадлежал к числу тех немногих моих родственников, кого я уважал, и был даже приятен мне. Просто мне не терпелось повыспросить его. Как он сказал — последняя встреча случилась настолько давно!

И что можно говорить ему? Я даже не представлял, кому он симпатизирует теперь, и уж вовсе не хотелось мне случайным и неловким словом намекнуть на причины его долгого — хоть и по собственному желанию — отсутствия в Амбере. Следовало начинать с какой-нибудь нейтральной темы и быть настороже во время нашего разговора.

— Ну, уж как-нибудь начинай, — догадался он, — неважно с чего.

— Начал может быть много, — ответил я. — И трудно... Пожалуй, начну с самого начала. — И пригубил вина. — Да, — добавил я решительным тоном, — так будет проще всего... хотя мне удалось припомнить все это не со слишком давнего времени... Через несколько лет после победы над Лунными всадниками из Генеша и твоего отбытия у нас с Эриком произошла крупная ссора — как всегда, из-за права наследования. Папаша снова забурчал об отречении, но наследника престола не называл. Тут же ожили прежние распри, стали выяснять, кто более законный наследник. Конечно, ты и Эрик старше меня, но Файелла, наша с Эриком мать, была его женой после смерти Климнии, а они...

— Довольно! — рявкнул Бенедикт, грохнув рукой по столу так, что тот треснул.

Лампа вздрогнула, расплескалось масло, но каким-то чудом она не перевернулась. Полог моментально отдернулся, в палатку заглянул встревоженный часовой. Бенедикт сверкнул глазами, и он исчез.

— Я не желаю даже слушать все эти россказни о нашей общей незаконнорожденности, — тихо выговорил Бенедикт. — Все это непристойно, потому, собственно, я и стал избегать

этих подробностей. Будь добр, продолжай без дальнейших отступлений.

— Ну хорошо... — Я слегка кашлянул. — Как я уже говорил, вопрос вызвал у нас горячий спор. И однажды вечером слов не хватило. Мы подрались.

— На дуэли?

— Что ты, зачем такие формальности? Точнее это можно было бы назвать взаимным желанием убить другого. В любом случае дрались мы долго. В конце концов Эрик одолел и захотел стереть меня в порошок. Чуть забегая вперед, я должен добавить, что все это мне удалось припомнить только пять лет назад. — Бенедикт согласно кивнул. — Могу только предполагать, что случилось, когда я был без сознания, — продолжал я. — Эрик не стал убивать меня... Очнулся я в Царстве Теней, на Земле, в месте, именуемом Лондоном. Вокруг свирепствовала болезнь, но я справился с нею. Столетия провел я в этом призрачном мире, пытаясь понять, кто я. Я прошел по всем его дорогам. Чаще всего как воин... ходил в его университеты, разговаривал с тамошними мудрецами, обращался к знаменитым врачам. Но нигде не мог отыскать разгадки своего прошлого. Было ясно, что я не такой, как все, и мне пришлось тщательно скрывать это. Я был разъярен: у меня было все-все, кроме того, в чем нуждался я больше всего, — кроме моей памяти, моей личности.

Годы прошли, но гнев и тоска по себе не угасли. Я получил травму головы в автокатастрофе и вдруг начал что-то припоминать. Это было пять лет назад. Ирония судьбы заключается в том, что есть все основания видеть за дорожной аварией руку Эрика. Флора все время жила на этой призрачной Земле, приглядывая за мной. Однако возвратимся к моим предположениям... Должно быть, Эрик в последний момент сдержал себя: он желал мне смерти, но не хотел, чтобы ее могли приписать ему. Потому-то он и забросил меня в Царство Теней, в такой мир и такое место, где меня ожидала быстрая и почти неминуемая гибель, — несомненно, чтобы иметь возможность, вернувшись домой, сказать: дескать, Корвин в гневе отбыл и бормотал по пути, что не желает возвращаться. В тот день мы вдвоем охотились в Арденском лесу...

— Странно, — перебил меня Бенедикт, — чтобы в подобных обстоятельствах двое соперников решили поохотиться вместе.

Я пригубил вина, усмехнулся и ответил:

— Быть может, все было несколько занимательнее, чем я рассказываю. Возможно, мы оба обрадовались представившейся нам возможности поохотиться вдвоем... без свидетелей.

— Понятно, — произнес он. — Значит, все могло быть и наоборот?

— Ну, — ответил я, — трудно сказать. Не думаю, чтобы я зашел так далеко. Конечно, я говорю это сейчас, все мы меняемся. А тогда?.. Быть может, я обошелся бы с ним не ласковей. Утверждать не берусь, но не исключаю. — Бенедикт кивнул, а мимолетная вспышка гнева сменилась во мне удивлением. — К счастью, я не собираюсь оправдывать свои поступки, — продолжал я. — Потом я догадался, что Эрик, конечно, все время следил за мной... Сперва он был разочарован, что я уцелел, однако испытывал удовлетворение от моей беспомощности. Поэтому велел Флоре приглядывать за мной, и повсюду воцарился мир. А потом, должно быть, папаша отрекся, не уладив вопроса о престолонаследии...

— Ни черта! — отвечал Бенедикт. — Ни черта! Он и не думал отрекаться! Просто исчез. Однажды утром его не оказалось в собственных покоях. Кровать даже не была смята и никакой записки. Вечером он вошел туда, это видели, но чтобы он куда-то отбыл... свидетелей не нашлось. Сперва это никому не показалось странным. Все решили, что он снова отправился в Царство Теней, должно быть, за новой невестой. И только потом, через достаточно долгое время, начали подозревать в этом либо чьи-то козни, либо новый способ отречения.

— Я не знал этого, — ответил я. — Твой источник информации, похоже, намного ближе к центру событий, чем мой. — Бенедикт кивнул, подлив масла в огонь моих подозрений относительно того, с кем он имел дело в Амбере. Похоже, в то время он был настроен в пользу Эрика. — А когда ты сам был там в последний раз? — попробовал я изменить ход разговора.

— Чуть больше двадцати лет назад, — ответил он. — Но я постоянно поддерживаю связь.

И никто даже не упомянул мне об этом! Бенедикт, конеч-

но, знал, что эти слова будут для меня предупреждением или угрозой. Конечно, колода карт у него была. В уме я развернул их веером и лихорадочно вгляделся в лица. Рэндом совсем ничего не знал о местонахождении Бенедикта. Брэнд уже давно пропал; скорее всего заточен в каком-то весьма неприятном месте и не может сообщить о себе в Амбер. Быть в контакте с Флорой Бенедикт явно не мог, да и она тоже до недавнего времени находилась в Царстве Теней. Ллевелла была в Ребме, и Дейрдре тоже, да и в Амбере в то время она была не в чести. Фиона? Джулиан говорил мне, что она где-то на юге. Точнее он не знал. Кто загнал ее туда?

Оставались сам Эрик, Джулиан, Джерард и Кейн. Начнем с Эрика. О мнимом отречении папаши он не стал бы говорить в стиле Бенедикта. Джулиан поддерживал Эрика, хотя и не был лишен собственных далеко идущих амбиций. Он мог поделиться сведениями, если видел в этом собственную выгоду. То же самое относилось и к Кейну. С другой стороны, мне казалось всегда, что для Джерарда благополучие Амбера важнее, чем то, кто занимает престол. Он не слишком симпатизировал Эрику, а когда-то даже собирался помочь мне или Блейзу против него. С его точки зрения, осведомленность Бенедикта о событиях была чем-то вроде страхового полиса для всего Королевства. Вне сомнения, сообщил ему кто-то из них троих. Джулиан ненавидел меня, Кейн не проявлял ко мне ни симпатий, ни антипатий, с Джерардом, напротив, нас связывали воспоминания детства...

Я должен был немедленно понять, кто это, а Бенедикт, естественно, не собирался мне помогать, ничего не зная о моих нынешних намерениях. Его связь с Амбером могла быть опасна для меня или полезна — все зависело от того, куда тянулась связующая нить. Она была и мечом, и щитом Бенедикта, и я почувствовал себя уязвленным оттого, что он так быстро прибег к этому оружию. Я предпочел считать, что чрезмерную осторожность вызвала свежая рана — ведь сам я не подал ему ни малейшего повода для беспокойства. А потому мне следовало опасаться — печально было сознавать это, встретив брата через столько лет.

— Интересно, — сказал я, задумчиво поглаживая кубок. — Похоже, что все несколько поторопились.

— Не все, — ответил Бенедикт.

Я слегка покраснел и сказал:

— Извини.

Он отрывисто кивнул:

— Будь добр, продолжай свой рассказ.

— Далее цепь предположений, — сказал я, — приводит меня к выводу: когда Эрик решил, что трон пустует уже достаточно долгое время и наступила пора действовать, ему показалось, будто амнезии для меня мало и все мои возможные претензии следует вырвать с корнем. Тут-то он и устроил мне на призрачной Земле ту аварию, что должна была покончить со мной. Но вышло все наоборот.

— Почему ты так думаешь? Быть может, это только твои подозрения?

— Флора призналa это позже, когда у меня появилась возможность повыспросить ее, с учетом ее собственного участия во всем, конечно.

— Очень интересно. Продолжай.

— Простой удар по голове сделал то, чего не сумел сделать и сам Зигмунд Фрейд, — сказал я. — Память стала возвращаться сперва понемногу, а потом все быстрее, в особенности после встречи с Флорой, которая помогала мне многое припомнить. Я сумел обмануть ее: сестрица решила, что память ко мне возвратилась полностью, и говорила обо всем: о людях и вещах. А потом появился Рэндом, от чего-то спасавшийся.

— Спасавшийся? От чего? И почему?

— От каких-то странных тварей из Царства Теней. А почему — я так и не узнал...

— Интересно, — промолвил Бенедикт, и я вынужден был согласиться.

Я часто думал еще в своей камере — почему вдруг на сцене оказался преследуемый фуриями Рэндом? С того момента, как мы встретились, и пока не расстались, нас обступала опасность. Я был поглощен своими делами, а он молчал о причинах своего внезапного появления. Все эти мысли пришли мне в голову, конечно, сразу, но я не был тогда уверен, что за его появлением что-то кроется, и потому пустил все на самотек. Последующие события заслонили тайну, но я не забыл — и тогда в камере, и сейчас в компании Бенедикта. Интересно? Безусловно. И загадочно.

— Я попытался использовать Рэндома, — продолжал я. —

Он решил, что я добиваюсь трона, а я всего лишь пытался припомнить себя. Он согласился доставить меня в Амбер и выполнил свое обещание. Почти... — поправился я. — Мы попали в Ребму. Там-то я и признался ему в моем истинном состоянии, и он предложил мне пройти через Путь, чтобы полностью восстановить память. Возможность была под рукой, я воспользовался ею и таким образом перенесся в Янтарное Королевство.

Бенедикт улыбнулся:

— Должно быть, ты несколько огорчил Рэндома.

— Конечно, петь от счастья ему было не с чего, — ответил я. — По приговору Моэри он вынужден был жениться — она выбрала для него слепую девушку по имени Вайол — и не покидать жену раньше чем через год. Рэндом остался там, а потом я узнал, что он покорился ее воле. Дейрдре тоже была там — она бежала из Амбера, и мы встретили ее по дороге в Ребму и попали туда втроем. Там она и осталась.

Я допил вино, и Бенедикт кивком указал мне на бутыль, почти уже пустую. Ему пришлось достать из сундука непочатую, после чего мы налили по новой. Я глотнул. Вино было явно получше, чем в первой бутыли. Видно, из его личных запасов.

— Во дворце, — продолжал я, — мне пришлось отправиться в библиотеку, где я отыскал колоду Таро. Но прежде чем я успел что-либо сделать, явился Эрик, и мы бились с ним прямо в библиотеке. Я сумел ранить его и понял даже, что смогу прикончить, когда к нему подоспела помощь, и я был вынужден бежать. Я успел связаться с Блейзом, и тот укрыл меня в Царстве Теней. Остальное ты, должно быть, знаешь из собственных источников. Мы с Блейзом объединились, попытались атаковать Амбер и проиграли. Блейз упал с Колвира. Я бросил ему свою колоду Таро, он успел поймать ее на лету. Насколько мне известно, тела его не нашли. Лететь к подножию долго, хотя прилив тогда был высоким. Не знаю, жив он или нет.

— И я тоже, — отозвался Бенедикт.

— Меня заключили в тюрьму, а Эрик прихватил для себя корону. Несмотря на слабые возражения, меня заставили присутствовать на коронации. Я все-таки сумел примерить корону себе на голову, прежде чем этот ублюдок — в генеалогическом смысле, конечно, — вырвал ее у меня и возложил на собственную голову. А потом он велел ослепить меня и заточить в темницу.

Наклонившись вперед, Бенедикт внимательно изучал мое лицо.

— Да, — сказал он, — я слыхал об этом. И чем же они это сделали?

— Раскаленным железом. — Я непроизвольно вздрогнул и подавил желание прикрыть глаза руками. — К счастью, я скоро потерял сознание.

— И глаза были действительно выжжены?

— Да. По-моему, так.

— Сколько же времени потребовалось на регенерацию?

— Я смог видеть примерно через четыре года, — ответил я. — Теперь зрение постепенно возвращается в норму. Значит, на все ушло около пяти лет.

Бенедикт откинулся назад, вздохнул и слабо улыбнулся.

— Слава богу, — сказал он. — Теперь у меня есть некоторая надежда. Время от времени наши родственнички теряют некоторые анатомические части, правда, с регенерацией оных, но мне-то прежде не доводилось терять ничего существенного.

— Что говорить, — ответил я, — полный реестр впечатляет. Иногда я освежаю его в памяти. Куски и кусочки... И у наших, и у меня: пальцы на руках и ногах, мочки уха и прочее. Я бы сказал, что у тебя есть все основания надеяться. Процесс идет недолго. И хорошо, что ты одинаково владеешь обеими руками, — добавил я.

Улыбка то появлялась на его лице, то исчезала. Он приложился к чаше. Нет, он не собирался рассказывать мне о своих делах.

Я сделал еще глоток. Рассказывать ему о Дворкине мне не хотелось, Дворкина я намерен был приберечь как козырь — на крайний случай. Пределов силы его мы не знали, но он явно сошел с ума. И все-таки им можно было управлять. Хотя даже папаша когда-то начал бояться его и упрятал подальше. О чем же Дворкин говорил мне тогда в камере? Папаша заточил его, когда он объявил, что открыл способ уничтожить Амбер. Если эти слова не бред сумасшедшего и именно они явились причиной заключения Дворкина, значит, папаша повел себя куда благороднее, чем поступил бы я, случись мне ока-

заться на его месте. Оставлять Дворкина в живых было слишком опасно. С другой стороны, папаша пытался вылечить его. Дворкин говорил о врачах, которых он распугивал и уничтожал, обращая на них свою мощь.

Я помнил его мудрым и добрым стариком, преданным моему отцу и всей семье. Поднять на него руку было трудно, пока оставалась надежда. Дворкина заключили в место, откуда нельзя было бежать. И все-таки, соскучившись, он легко вышел оттуда. Амбер — не Царство Теней, в нем нельзя ходить, как мы ходим по отражениям, и то, что сделал Дворкин, покинув свою камеру, просто не укладывалось у меня в голове — должно быть, это было как-то связано с колодой карт. Пока он еще не вернулся к себе, я уговорил его выпустить меня из камеры, и рисунок его перенес меня к маяку на Кабре, где я немного пришел в себя, а потом отправился в плавание, приведшее меня в конце концов в Лоррен.

Насколько я понимал, вся наша семейка всегда обладала особыми способностями, Дворкин только изучал их, а потом обобщил свои знания, создав Огненный Путь и колоду Таро. Он часто пытался обсудить с нами эти вопросы, однако большинству наших эти разговоры казались слишком абстрактными и скучными. Черт побери, мы всегда были слишком практичны. Этим вопросом интересовались разве что Брэнд и Фиона. Я почти позабыл о ней. Иногда Фиона слушала тоже. И папаша... Он вообще знал ужасно много, но помалкивал. Времени на нас у него не хватало, и мы немного знали о нем. Должно быть, в основах он разбирался не хуже Дворкина. Разница заключалась в том, как они использовали знания. Дворкин был художником, а кем был папаша, я так и не понял. Ни с кем из нас он не сближался, хотя назвать его черствым отцом тоже нельзя. Когда ему случалось заметить кого-нибудь из нас, он тут же осыпал подвернувшееся чадо подарками и развлечениями. Но воспитание наше доверил придворным. Мне кажется, он просто терпел нас как неизбежное последствие своих увлечений. И я, в сущности, удивлен, что семейка не столь велика, как могла бы быть. Тринадцать живых детей и еще двое братьев и сестра, мертвые ныне, — и это за пятнадцать веков его любовной активности. Я слыхал, правда, еще о нескольких, что жили задолго до нас... Никто из них не уцелел. Не столь уж впечатляющий итог для похотливого влады-

ки. Правда, и среди нас излишне плодовитых не было. Как только мы обучались заботиться о себе и передвигаться в Царстве Теней, отец сразу же отправлял нас туда, подыскивая такие местечки, где мы жили бы спокойно и счастливо. Так и я попал в тот Авалон, которого теперь уже не было. Насколько я знал, о происхождении папаши знал лишь он сам. Я никогда не встречал таких, кто помнил бы те времена, когда Оберона не было. Странно? Не знать, откуда родом собственный отец, когда для того, чтобы удовлетворить любопытство, у тебя были столетия? Увы, он был скрытен, проницателен и всемогущ... и мы тоже — но уже в известной мере. Он хотел, чтобы мы благоденствовали и были довольны, однако... так, чтобы ничьи способности вдруг не составили угрозу его собственной власти.

Чувствовалась в отце, по моему мнению, какая-то неуверенность, какая-то непонятная осторожность, когда речь заходила о нем и давнем прошлом. Вряд ли он мог представить себе, что когда-нибудь перестанет править в Амбере. Иногда в шутку отец начинал ворчать об отречении, но мне всегда казалось, что делает он это специально — чтобы выяснить, кто и как станет на то реагировать. Он вполне понимал, к чему приведет его уход от дел, но все не верил, что такое возможно. А всех его обязанностей, дел и тайных обязательств не знал никто из нас. И сколь пресной ни казалась такая мысль, во мне почему-то крепло убеждение, что на самом деле никто из нас не пригоден для трона. Не раз хотелось мне обвинить папашу в некомпетентности, но, к несчастью, я слишком долго был знаком с Фрейдом, чтобы не усматривать в этом личных мотивов.

И еще: я начинал сомневаться в законности наших претензий. Раз он жив и отречения не было, мы могли рассчитывать не более чем на регентство. Мне не хотелось бы дождаться возвращения папаши, сидя на его троне в качестве наследника престола. Если честно, я боялся его, и не без причины. Только дурак не боится высшей силы, которая ему непонятна. Но назовись я королем или регентом, у меня было больше права на этот титул, чем у Эрика, а значит, я должен был добиваться своего. И если некая сила, вынырнув из темного прошлого папаши, могла помочь мне, а Дворкин и был такой

силой, — пусть о нем не узнает никто, пока мне не удались мои планы.

«Даже если эта сила способна разрушить сам Амбер, уничтожить все призрачные миры и все подлинные?» — спрашивал я себя.

«В особенности, если она такова, — отвечал я себе. — Разве можно доверить кому-нибудь подобную силу?»

Все мы действительно весьма практично настроены.

Допив вино, я потянулся к кисету за трубкой, прочистил ее и набил.

— Вот, в сущности, и все на сегодняшний день, — сказал я, разглядывая результат своих трудов, и, поднявшись, прикурил от лампы. — А после того я вновь обрел зрение, бежал из Амбера, попал в страну под названием Лоррен и встретил там Ганелона, а потом явился сюда.

— Зачем?

— Невдалеке отсюда был тот Авалон, что я знал когда-то.

Я сознательно не упомянул, что был прежде знаком с Ганелоном, и надеялся, что он поймет меня правильно. Ведь эта Тень была вблизи нашего Авалона, так что Ганелону непременно покажутся знакомыми вся страна и ее обычаи. Это может стать полезным, а потому Бенедикт не должен пока знать об этом.

Как я и надеялся, он пропустил это мимо ушей, увлекшись более занимательными подробностями.

— Как тебе удалось бежать? И как ты только ухитрился?

— Конечно, мне помогли, — признался я, — выбраться из камеры. А уж потом... Там есть еще и такие ходы, о которых не знает даже Эрик.

— Понимаю, — произнес Бенедикт, якобы не выказывая интереса, надеясь, естественно, что я стану продолжать и выложу имена своих сообщников.

Я пыхнул трубкой, улыбнулся и откинулся назад.

— Хорошо, когда у тебя есть друзья, — сказал он, словно соглашался с моей не высказанной вслух мыслью.

— Думаю, в Амбере у каждого из нас найдутся верные люди.

— Хотелось бы так думать, — ответил он. — Помнится, дверь твоей камеры оказалась оструганной, еще ты спалил лежанку и разрисовал стены картинами.

— Да, — согласился я. — Долгое заключение непременно влияет на рассудок. По крайней мере на мой — временами я просто терял его.

— Не завидую твоему опыту, брат, — сказал Бенедикт, — ни на каплю. Что ты собираешься делать дальше?

— Еще не представляю.

— Не захотел бы остаться здесь?

— Не знаю, — ответил я. — А каковы тут дела?

— На меня возложена большая ответственность, — сказал он, и это было не хвастовством, а просто констатацией факта. — Я считаю, что уничтожил пока только главную угрозу. *Если я не ошибаюсь, впереди время относительного спокойствия, и оно было куплено дорогой ценой...* — Тут он глянул на обрубок руки. — Победа стоила того, однако нормальной обстановка станет не скоро.

А потом он в основном пересказал то, что мы уже знали от юного дезертира. Добавились только детали битвы. Когда предводительница адских дев была убита, ее всадницы кинулись врассыпную и разбежались; большинство погибло, пещеры удалось завалить вновь. Бенедикт решил оставить на поле битвы трофейную команду — его разведчики прочесывали окрестности, разыскивая бежавших.

Он не стал даже упоминать о своей встрече с их предводительницей, Линтрой.

— А кто убил предводительницу? — спросил я.

Неожиданно шевельнув обрубком, брат с искаженным лицом ответил:

— Мне удалось это сделать, хотя я чуть-чуть промедлил с первым ударом.

Я отвернулся, Ганелон тоже. Когда мы рискнули вновь глянуть на него, лицо Бенедикта обрело нормальное выражение, он опустил руку.

— Мы искали тебя, Корвин. Разве ты не знал? Брэнд и Джерард искали тебя в Царстве Теней повсюду. Ты не ошибся: Эрик именно так все и рассказал. Но мы вынуждены были не считаться с его словами. Не раз тебя пытались отыскать с помощью карты... Ты не отзывался. Должно быть, повреждение мозга блокирует вызов. Любопытно. Ты не отвечал, и мы решили, что ты умер. Потом к розыскникам присоединились Джулиан, Кейн и Рэндом.

— Все? В самом деле? Я потрясен!

Бенедикт улыбнулся.

— О! — Я усмехнулся в ответ.

Всеобщее участие в травле означало, что не мое благополучие заботило их, а возможность скомпрометировать Эрика покушением на братоубийство, чтобы низложить или шантажировать его.

— Я искал тебя вблизи Авалона, — продолжал он, — наткнулся на эту страну, и она очаровала меня. В те дни она была в весьма плачевном состоянии, поколениями трудился и я, возвращая ей былой блеск. Начинал этот труд в память о тебе, а потом полюбил и страну, и народ. Они считают меня своим Хранителем, и я вижу в себе защитника этой земли.

Я был и тронут, и обеспокоен. Не намекал ли он, что я тут напакостил и ему пришлось застрять здесь, приводя землю в порядок, так сказать, прибирать после меньшого братца? Или он понял, что я любил это место, то есть похожее на него, — и старался сделать его таким, каким я бы хотел его видеть? А может быть, я просто стал сверхмнителен?..

— Приятно узнать, что вы искали меня, — сказал я, — но еще приятнее знать, что ты — защитник этой земли. Мне бы хотелось повидать эти края; они напоминают о том, привычном мне Авалоне.

— И это все, что ты хочешь? Просто побывать там?

— Ничего другого пока не пришло мне в голову.

— Знай тогда, в этом Авалоне не поминают добром твою тень, что правила здесь. Детей тут не называют твоим именем, и Корвин здесь не брат мне.

— Понимаю, — ответил я, — меня зовут Кори. Мы можем быть и просто старыми друзьями.

Он кивнул.

— Здесь всегда рады моим старым друзьям, — ответил он.

Я улыбнулся.

Само предположение, что у меня могут быть какие-то виды на Тень другой Тени, было оскорблением для меня — ведь на голове моей — пусть мгновение — холодным светом горела уже корона Амбера.

Я размышлял, что будет, если Бенедикт узнает, кто, в сущности, виноват в появлении этих наездниц. В некотором смысле я был причиной и его ранения. Правда, если вернуться

еще на один шаг назад, можно считать виновным во всем Эрика. В конце концов именно его действия вызвали к жизни мое проклятие.

И все же я надеялся, что Бенедикт не узнает об этом.

Теперь следовало определить, какую позицию займет Бенедикт по отношению к Эрику. Поддержит его, выступит за меня или просто не будет мешать, когда я сделаю свой ход? К тому же я был уверен, что он озадачен и размышляет, тлеют ли еще мои амбиции или угасли, а если тлеют, то каковы будут мои планы. Итак...

Но кто первым коснется этой темы?

Я несколько раз со вкусом затянулся, допил вино, подлил еще, вновь затянулся. Я слышал гомон лагеря, шум ветра, урчание в собственном желудке.

Бенедикт пригубил вино.

А потом, почти мимоходом, спросил:

— И какие же у тебя дальнейшие планы?

Я мог бы сказать, что еще ни о чем не думал, что просто рад быть на свободе, жить, снова видеть... наконец, что я уже сыт всем этим по горло и больше не строю планов... И он понял бы, что я лгу. Ведь он прекрасно знал меня. Поэтому я ответил:

— Ты все прекрасно представляешь сам.

— Если ты надеешься на мою поддержку — не рассчитывай. Амбер сейчас слишком слаб и не выдержит нового приступа борьбы за власть.

— Но ведь Эрик — узурпатор.

— Я предпочитаю считать его просто регентом. В такой ситуации каждый из нас окажется на троне узурпатором.

— Значит, ты веришь, что отец жив?

— Конечно. Он жив и весьма расстроен. Несколько раз пытался связаться со мной.

Я сумел сохранить на лице равнодушие. Значит, отец являлся не только мне. И открывать свои впечатления от нашей последней встречи я просто не вправе — они могли сойти за ханжество, приспособленчество и прямую ложь. Ведь тогда, пять лет назад, Оберон велел мне занять трон... Конечно, он имел в виду просто регентство.

— Ты не поддерживал Эрика, когда он занял престол, —

сказал я. — Выступишь ли ты на его стороне сейчас, когда он на троне, — если будет предпринято выступление против него?

— Я уже объяснил тебе, — ответил Бенедикт. — Я считаю его регентом. Не могу сказать, что хорошо к нему отношусь, но междоусобиц в Амбере не одобряю.

— Значит, ты поддержишь его?

— Я уже сказал все, что думаю. Приглашаю тебя посетить мой Авалон, но не думай воспользоваться им для подготовки вторжения в Амбер. Такова моя позиция по отношению к твоим дальнейшим планам!

— Понял...

— И ты все еще хочешь посетить Авалон?

— Теперь не знаю, — ответил я. — А твое желание избежать войны в Янтарном Королевстве простирается в обе стороны?

— Ты о чем это?

— А о том, что, если меня вдруг против воли пожелают доставить в Амбер, я лягу костьми и затею такую драку, чтобы вся эта история не повторилась...

Лицо его стало менее жестким, он потупил взор.

— Корвин, зря ты думаешь, что я выдам тебя. Неужели я совсем бесчувственный? Я вовсе не хочу, чтобы тебя снова заточили в темницу, ослепили... или хуже того. Я всегда рад тебя видеть. Свои страхи вместе с амбициями можешь оставить у меня на границе.

— Тогда я хотел бы посетить Авалон. Армии у меня нет, и рекрутов я не набираю.

— Рад слышать это.

— Благодарю, Бенедикт. Я не рассчитывал встретиться здесь с тобой, поэтому рад вдвойне.

Он слегка покраснел и кивнул в ответ.

— Мне очень приятно, — сказал он. — А больше ты пока не видел никого из наших? Я имею в виду после своего бегства.

— Нет, но я просто изнемогаю от любопытства. Серьезные новости были?

— Обошлось без новых смертей.

Мы оба усмехнулись, и я понял, что придется выслушивать семейные сплетни обо мне. Овчинка, впрочем, стоила выделки.

— Я собираюсь задержаться в поле, — сказал Бенедикт, —

чтобы патрулировать, пока не перебьем врагов окончательно. Должно быть, с неделю мы еще простоим здесь.

— О! Значит, победа не была окончательной?

— Не сомневаюсь, что выиграю битву, просто предпочитаю быть осторожным. Уж лучше потратить еще немного времени, чтобы потом быть уверенным...

— Рисковать не следует, — кивнул я в ответ.

— ...поэтому, если у тебя нет большого желания оставаться в лагере, не вижу, почему бы тебе не проследовать в город, поближе к центру событий. Вблизи Авалона у меня есть несколько резиденций, тебе я могу предоставить скромный уютный замок неподалеку от города. По-моему, там хорошо.

— Просто изнемогаю от нетерпения.

— Утром я дам тебе карту и письмо к управляющему.

— Благодарю тебя, Бенедикт.

— Я присоединюсь к тебе сразу же, как только закончу здесь все свои дела, — продолжал он, — но каждый день буду направлять к тебе вестников. Они будут связывать нас.

— Очень хорошо.

— Тогда выбери себе клочок земли поукромнее. Уверен, что ты не проспишь сигнала к завтраку.

— Мне редко предоставлялась такая возможность, — ответил я. — Не возражаешь, если мы останемся ночевать там, где сейчас лежат наши вьюки?

— Никаких возражений, — ответил он.

И мы допили вино.

Когда мы выходили из шатра, я поднял полог повыше и ухитрился сдвинуть его на несколько дюймов вбок. Бенедикт пожелал нам доброй ночи и опустил полог, не заметив образовавшейся сбоку щели.

Постель себе я устроил подальше от наших пожитков, лицом к шатру Бенедикта, сами тюки, устраиваясь, тоже сдвинул подальше. Ганелон вопросительно глянул на меня, в ответ я кивнул, указав глазами на шатер. Он посмотрел туда, понимающе качнул головой и стал укладываться еще правее.

Я бросил оценивающий взгляд и сказал:

— Знаешь, твое место мне нравится больше. Не хочешь ли поменяться? — Для надежности я подмигнул.

— Мне все равно. — Он пожал плечами.

Костры повсюду гасли, большинство воинов уже спало.

Лишь часовые пару раз обратили на нас внимание. Лагерь почти затих, на небе не было ни облачка, способного затмить блистание звезд. Я устал, запахи дыма и сырой земли приятно тревожили ноздри, напоминая об иных временах и иных местах, где доводилось мне стоять лагерем, и об отдыхе тоже.

Но, вместо того чтобы смежить глаза, я взял один из вьюков, положил себе под голову, набил трубку табаком и раскурил.

Бенедикт расхаживал по шатру, и я дважды вынужден был менять свое положение. Однажды он исчез из виду на несколько секунд, а потом свет в глубине шевельнулся, и я понял, что он открыл сундук. Затем он вновь появился, очистил стол, на мгновение отступил, снова приблизился к столу, присел.

Я опять сдвинулся, чтобы видеть его левую руку.

Он листал книгу или перебирал что-то примерно такого же размера.

Быть может, карты?

Конечно.

Многое отдал бы я сейчас за то, чтобы глянуть на ту карту, что он выбрал наконец и держал перед собой. Не меньше отдал бы я и за то, чтобы Грейсвандир оказался у меня под рукой — на случай, если в шатре вдруг появится некто, причем не через вход, за которым я следил. Ладони и пятки мои свербели в предчувствии боя.

Но Бенедикт оставался один. И сидел неподвижно, наверно, более получаса, а потом встал, убрал колоду обратно в сундук и погасил лампы.

Стражи монотонно расхаживали рядом, Ганелон уже храпел.

Я выбил трубку и лег на бок.

Завтра, сказал я себе. Завтра, если я проснусь, все будет хорошо.

Глава 5

Посасывая травинку, я следил за крутящимся мельничным колесом. Мельница была на другом берегу реки, я лежал на траве, подперев голову обеими руками. В облачке брызг у

колеса горела крошечная радуга, время от времени капли долетали и до меня. За плеском воды и шумом колеса ничего не было слышно. Сегодня на мельнице никого не было, и я сожалел об этом — ничего подобного я не видел уже несколько столетий. Вид вращающегося колеса и плеск воды несли не просто умиление, в них было что-то гипнотическое.

Третий день мы гостили у Бенедикта. Ганелон искал развлечений в городе. Прошлым вечером я был с ним и разведал все, что хотел узнать. Теперь времени на увеселения у меня не оставалось. Надо было думать и быстро действовать. В лагере все сложилось нормально. Бенедикт приглядел, чтобы нас покормили, выдал обещанную карту, а с ней и письмо. Мы тронулись на рассвете, а к полудню оказались уже возле замка.

Приняли нас хорошо, и, после того как нам показали отведенные каждому комнаты, мы отправились в город, где и провели остаток дня.

Бенедикт собирался задержаться в поле. И я должен был покончить со своими делами прежде, чем он вернется домой. Поэтому нас ожидала адова скачка. На неторопливую прогулку времени не было, мне пришлось припоминать путь через Тени, так что скоро мы достигли цели.

Оказаться в месте, столь похожем на мой Авалон, было бы большим утешением, если бы этому не препятствовали мои намерения, ставшие уже почти наваждением. Правда, понимать себя и властвовать над собою — это не одно и то же. Так что знакомые виды и звуки отвлекли меня лишь ненадолго, а потом я занялся намеченными делами.

Все должно было выйти прекрасно. Путешествие сразу решало две проблемы, конечно, если я сумею не возбудить подозрений. А это значило, что мне придется пропадать всю ночь, но я позаботился и об этом, а потому проинструктировал Ганелона.

Голова моя стала покачиваться в такт колесу, и я заставил себя выбросить из головы все лишнее, думать только о песке, о зернах его и цвете... температуре, ветре, запахе соли в воздухе и облаках...

Потом я уснул и увидел сон, только не о том, что искал.

Предо мной было колесо какой-то большой рулетки, все мы — мои братья, сестры, я сам и прочие, кого я знал и не забыл, — все мы были на нем и то опускались, то поднима-

лись вместе с ним. Оказываясь наверху, все требовали немедленно остановить колесо, а когда оно шло вниз — разражались протестами и воплями. Колесо стало замедлять ход, я снова был на подъеме. Рядом вверх ногами висел светловолосый юнец — молил и предупреждал о чем-то, но голос его тонул в неразборчивом гуле других голосов. Его лицо потемнело, исказилось, стало омерзительным и нечеловеческим. Я перерезал веревку на лодыжке, он упал вниз и исчез из виду.

Я приближался к вершине, колесо вращалось еще медленнее, и тогда я увидел Лоррен. Она махала мне, подзывая, выкрикивала мое имя. Я склонился к ней — она была прямо передо мной... Я хотел ее, хотел ей помочь. Но колесо вращалось, и меня унесло прочь.

— Корвин!

Я попытался отмахнуться от ее крика — ведь я был уже почти на вершине. Вершина приближалась, и я напрягся, готовясь выскочить. Если колесо не остановится здесь, я выпрыгну — и паду, как та проклятая тварь, даже если погибну при этом. Я приготовился к прыжку. Колесо щелкнуло еще раз...

— Корвин!

Колесо отдалилось, снова приблизилось и поблекло... Я опять глядел на мельничное колесо, имя мое эхом отдавалось в ушах, сливаясь с плеском воды и растворяясь в нем.

Я моргнул и провел рукой по волосам. На плечи мне посыпались одуванчики, рядом раздалось довольное хихиканье.

Я быстро обернулся.

Она стояла в дюжине шагов от меня — высокая, стройная девушка с темными глазами и коротко остриженными каштановыми волосами. На ней была фехтовальная куртка, рапира — в правой руке, маска — в левой. Девушка смотрела на меня и смеялась. У нее были ослепительные зубы, пусть и крупноватые, загорелые щеки, и небольшой нос усеяли веснушки. В ней чувствовалась жизненная сила, это особенно привлекает, иначе, чем просто красота. Особенно в моем возрасте.

Она отсалютовала клинком.

— En garde[1], Корвин! — сказала она.

[1] В состоянии боевой готовности (первая позиция фехтовальщика) *(фр.)*.

— Какого черта, кто ты? — спросил я и заметил рядом с собой на траве куртку, рапиру и маску.

— Ни вопросов, ни ответов, — объявила девушка. — Сперва мы фехтуем.

Она надела маску и приготовилась.

Я поднялся, прихватив куртку. Проще было фехтовать, чем спорить. Меня беспокоило, что она знает мое имя, и чем больше я думал о ней, тем более знакомой она мне казалась. Ну что же, посмеемся, решил я, надевая куртку и застегивая ее.

Я поднес клинок, надвинул маску.

— Хорошо, — сказал я, изобразил короткий салют и сделал шаг вперед. — Хорошо!

Она шагнула навстречу, мы сошлись. Я дал ей атаковать.

Она начала очень резво: удар — финт — финт — выпад. Мой ответный укол был вдвое быстрей, но она сумела отразить его и с той же скоростью ответить. Тогда я начал отступать, вытягивая ее на себя. Девушка расхохоталась и обрушила на меня град ударов. Фехтовала она отлично и знала это. И хотела показать себя. Дважды она чуть не достала меня низкими выпадами, которые отнюдь не понравились мне. И я постарался скорее поймать ее на контратаке. Она беззлобно чертыхнулась, признавая пропущенный удар, и продолжала бой.

Обычно я не люблю фехтовать с женщинами, как бы хорошо ни владели они оружием, но на этот раз я просто наслаждался боем и собой. С таким искусством и изяществом отражала она атаки и наносила удары, что биться с ней было чистым удовольствием. И я задумался о том разуме, который крылся за этим стилем.

Поначалу мне хотелось побыстрее вымотать ее, а потом закончить бой и выспросить обо всем. Теперь я понял, что хочу продлить поединок.

Особой усталости в ней не было заметно. На это теперь надеяться не приходилось. И пока мы скакали взад и вперед по берегу, звеня клинками, я потерял представление о времени.

Должно быть, его прошло достаточно, когда девушка наконец топнула ногой и в прощальном салюте подняла вверх клинок. Потом сорвала маску с лица и улыбнулась мне.

— Благодарю, — сказала она, тяжело дыша.

Я отсалютовал в ответ и снял с головы чертову корзинку.

Отвернулся, принявшись за пряжки куртки, а потом вдруг сообразил, что она рядом и целует меня в щеку. И ей не пришлось для этого вставать на цыпочки. Я слегка смутился, но улыбнулся ей. И прежде чем успел что-нибудь сказать, она взяла меня за руку и повернула лицом назад, туда, где мы только что были.

— Я принесла с собой корзинку с припасами.

— Отлично. Я голоден. И очень хочу знать...

— Я скажу тебе все, что ты хочешь знать, — весело ответила она.

— А как насчет твоего имени? — спросил я.

— Дара. Дара, в честь прабабушки.

Она глянула на меня, словно ожидая определенной реакции. Ужасно неприятно было разочаровывать ее, но я просто кивнул и повторил это имя.

— А почему ты зовешь меня Корвином? — спросил я.

— Потому что это твое имя, — ответила девушка, — я тебя узнала.

— Откуда ты знаешь меня?

Она отпустила мою руку.

— Вот и корзинка. — Девушка достала из-за ствола дерева стоявшую там на корнях корзинку. — Надеюсь, муравьи не успели забрести сюда, — сказала она и, выбрав у ручья тенистое место, расстелила там салфетку.

Я повесил фехтовальное снаряжение на ближайший куст.

— И ты всегда носишь с собой столько всего? — удивился я.

— Моя лошадь вон там, — она показала вниз по течению.

А потом снова занялась салфеткой и корзинкой.

— А почему там? — спросил я.

— Естественно, чтобы было удобнее следить за тобой. Если бы ты услыхал рядом конскую поступь, то вскочил бы, как чертик.

— Вероятно, ты права.

Она замолчала, словно бы задумавшись, а потом нарушила молчание смешком:

— Но в первый раз ты не услышал. Все-таки...

— В первый раз? — переспросил я, чувствуя, что она хочет этого.

— Да, сперва я чуть не раздавила тебя. Ты спал беспробудным сном. А когда я узнала тебя, то сразу отправилась за фехтовальным снаряжением и корзинкой.

— О! Тогда понятно.

— Теперь присаживайся, — пригласила девушка. — Ты, конечно, откупоришь бутылку?

Она водрузила передо мной бутылку, осторожно развернула два хрустальных бокала и поставила на середину салфетки.

— Хрусталь Бенедикта, — заметил я, откупоривая бутылку.

— Да, — согласилась она, — и, пожалуйста, не опрокинь бокалы, когда будешь разливать вино... Вряд ли нам обязательно чокаться.

— Согласен, не будем чокаться, — ответил я, разливая.

Она подняла бокал.

— За наше воссоединение!

— Какое воссоединение?

— Наше.

— Я никогда не встречал тебя.

— Не будь таким прозаичным.

Я пожал плечами:

— За воссоединение.

Девушка принялась за еду, и я тоже. Она так наслаждалась атмосферой таинственности, что мне не хотелось портить ей удовольствие.

— И где же я мог тебя встречать? — попробовал я все-таки выяснить. — При дворе великого повелителя? В гареме, должно быть...

— Должно быть, в Амбере. Ты был...

— В Амбере? — Я удивился и, вспомнив, что в руке моей бокал Бенедикта, постарался ограничить свои эмоции голосом. — Кто ты на самом деле?

— Ты был красив, самодоволен и окружен поклонением дам, — продолжала она, — а я, скромный, тихий мышонок, любовалась тобой издалека. Серенькая мышка... пастельные тона... скромная Дара... тихий ребенок, отдавший тебе свое сердце...

Я пробормотал под нос легкую непристойность, девушка расхохоталась.

— Разве неправда? — спросила она.

— Нет, — отвечал я, проглотив кусок мяса. — Скорее все-

го дело было в том борделе, где я растянул свою спину. Тогда я был пьян...

— Значит, помнишь! — вскричала она. — Я там работаю по совместительству. Привыкла менять лошадей.

— Сдаюсь, — ответил я, подливая вина.

Меня беспокоило что-то ужасно знакомое в ней. По виду и поведению следовало, что ей лет семнадцать. А значит, наши пути едва ли могли пересечься.

— Фехтованию тебя учил Бенедикт? — спросил я.

— Да.

— Кто он тебе?

— Конечно, любовник, — ответила девушка. — Сперва украшает меня драгоценностями и мехами, а потом фехтует со мной.

Она снова рассмеялась.

Я вглядывался в ее лицо.

Что ж, такое было возможно.

Наконец я выпалил:

— Я оскорблен.

— Чем? — спросила она.

— Бенедикт не угостил меня сигарой.

— Какой сигарой?

— Ты его дочь, не так ли?

Она покраснела, но качнула головой.

— Нет, — ответила она, — но уже горячо.

— Тогда внучка? — спросил я.

— Ну... что-то вроде того.

— Боюсь, не понял.

— Он любит, когда я зову его дедушкой. На самом деле это не так, он отец моей бабушки...

— Понятно. А кроме тебя, есть еще кто-нибудь?

— Нет, я одна.

— А мать... и твоя бабка?

— Умерли обе.

— Каким образом?

— Убиты. И оба раза, когда Бенедикт гостил в Амбере. Мне кажется, что именно поэтому он так долго не возвращается туда. Боится оставить меня без защиты... даже зная, что я уже способна сама постоять за себя. Ты ведь понимаешь, что мне по силам это, правда?

Я согласился. Это кое-что объясняло, по крайней мере становилось понятным, почему он стал здесь Хранителем. Девушку надо было где-то прятать, а брать ее в Амбер Бенедикт не хотел. Он решил не извещать нас о ее существовании — слишком уж легко могли мы использовать этот факт против него. И потому ни разу даже не упомянул о ее существовании.

Я твердо произнес:

— Мне кажется, тебе не положено здесь быть. Боюсь, Бенедикт разгневается, если узнает об этом.

— И ты такой же, как он! Я взрослая, черт побери!

— Разве я спорю? Но тебе положено быть совсем в другом месте.

Вместо ответа она пригубила вино. Я последовал ее примеру. В принужденном молчании мы закусили, я решил возобновить разговор.

— А как ты узнала меня? — задал я вопрос.

Дара глотнула, запила вином и ухмыльнулась:

— Конечно, по картинке.

— По какой?

— На карте, — пояснила она. — Я часто играла ими, когда была маленькой. Так я познакомилась со всеми родственниками. Я знаю, что вы с Эриком хорошие фехтовальщики. Вот почему я...

— А колода карт у тебя есть? — перебил я ее.

— Нет, — ответила она, надувшись, — он так и не дал мне ни одной, а у самого их несколько.

— Да ну? А где же он держит их?

Сузив глаза, Дара внимательно посмотрела на меня. Проклятие! Получилось уж слишком прямолинейно.

Но она ответила:

— Одну колоду он почти все время носит с собой, а где остальные, я не знаю. А зачем? Разве он тебе не показывал их?

— Я не просил его об этом, — ответил я. — Ты знаешь их назначение?

— Дед вечно за мной наблюдал, когда карты были рядом. Я понимаю, они нужны ему для чего-то, только сам он ничего мне не рассказывал об этом. Эти карты — очень важная вещь, а?

— Да.

— И я так думаю. Он всегда очень осторожен с ними. А у тебя есть такая колода?

— Да, но я ее как раз одолжил кое-кому.

— Понятно. И тебе нужна еще одна для какого-то сложного и зловещего дела.

Я пожал плечами:

— Колода нужна мне, только цели мои скучны и несложны.

— Например?

Я посмотрел на нее исподлобья:

— Если Бенедикт не хочет, чтобы ты знала, зачем они, то и я не собираюсь рассказывать об этом.

Девушка сначала тихо пробурчала что-то.

— Ты боишься его, — заявила она чуть погодя.

— К Бенедикту я испытываю огромное уважение, не говоря уже о некоторой симпатии.

Она рассмеялась:

— А правда ли, что он лучший боец, чем ты, и фехтует сильнее?

Я поглядел в сторону. Откуда она свалилась? В городе все знали о руке Бенедикта. Такие вести распространяются быстро. Я не собирался просвещать ее.

— Считай как хочешь, — ответил я. — А где ты жила?

— В горной деревеньке. Дед отвез меня туда к своим друзьям по имени Текис. Ты слыхал о Текисах?

— Нет, никогда.

— Мне уже приходилось бывать у них, — продолжала девушка. — Он всегда отвозит меня в эту деревню, если здесь начинается заварушка. У этого места нет имени. Я зову его просто деревней. Там все странно... и люди, и деревня. Они... они... поклоняются нам, что ли. Они обращаются со мной, будто я святая, и никогда не рассказывают мне того, что хотелось бы узнать от них. Ехать недалеко, но там и горы другие, и небо — все там иное. И когда я оказываюсь там, путь обратно, сюда, словно исчезает. Раз я попробовала вернуться назад сама и только потерялась. Дед всегда приезжает за мной, и тогда дорога приятна. Текисы выполняют все, что он ни прикажет. Они относятся к нему, словно к какому-то богу.

— Он и есть бог, — ответил я, — для них.

— А ты сказал, что о них не знаешь.

— В этом нет нужды. Я знаю Бенедикта.

— А как он делает это? Расскажи!

Я покачал головой.

— Как ты сделала это? — спросил я. — Как ты сейчас попала сюда?

Дара допила вино и подставила мне бокал. Когда я поднял глаза, она свесила голову на правое плечо и нахмурила брови, словно разглядывая что-то вдали.

— Я действительно не знаю, — ответила она, подняв вновь наполненный бокал и поднося его к губам. — Я не знаю, как мне это удалось. — Левой рукой девушка прикоснулась к своему ножу, наконец взяла его. — Я просто рассвирепела, прямо как дьявол, когда дед снова упек меня туда. Я сказала ему, что хочу остаться и биться, а он взял меня с собой будто на прогулку, а через некоторое время мы оказались в деревне. Как — понятия не имею. Ехали мы недолго — и вдруг оказались там. Я знаю здешние края. Я здесь родилась и выросла, изъездила все на сотни лиг вокруг и никогда не натыкалась ни на что подобное. А тут мы только выехали — и вдруг оказались у Текисов. Правда, с последнего раза прошло уже несколько лет, и я могу теперь точнее судить обо всем. Я решила вернуться сама. — Она принялась скрести и чертить ножом по земле, не замечая этого. — Я подождала наступления ночи, чтобы по звездам определить путь. Небо было каким-то нереальным: все звезды были иными, я не смогла найти ни одного знакомого созвездия. Даже слегка испугалась, не зная, что делать. На следующий день попыталась выудить хоть что-нибудь из Текисов и других жителей деревни. Это было как в кошмарном сне. Или они безнадежно глупы, или сознательно пытались запутать меня. Они не знали точно, где находится наше «здесь» и их «там». Той ночью я снова попыталась сориентироваться по звездам и начала верить им.

Теперь она водила ножом взад и вперед, словно выравнивая и сглаживая пыль. А потом начала рисовать схемы.

— Следующие несколько дней я пробовала найти обратный путь, — продолжала она. — Думала, что сумею обнаружить наш след и вернуться по нему, но он словно в воду канул. А затем я принялась за единственное, что мне оставалось. Каждое утро я выезжала в какую-то сторону, ехала до полудня, а потом возвращалась. И так и не встретила ничего знакомого. Я была совершенно озадачена. И каждый вечер укладывалась спать все более расстроенная и сердитая... Но решимость найти обратный путь в Авалон все росла. Я должна

была доказать деду, что он, уверенный в моей покорности, не смеет больше отделываться от меня, как от ребенка.

Потом, через неделю, я начала видеть сны, что-то вроде кошмаров. Тебе когда-нибудь снилось, что ты все бежишь и бежишь и не можешь сдвинуться с места? Это было похоже на горящую паутину. Только на самом деле это была не паутина, не было ни паука, ни огня! Но эта штука не отпускала меня, я ходила и в ней, и вокруг нее. На самом деле я, впрочем, и не шевелилась. Все это совершенно не те слова, но я не знаю, как правильно называть подобные вещи. И я все пыталась... я так хотела... научиться ходить. А когда я просыпалась — такой уставшей, словно трудилась всю ночь... Так продолжалось много ночей, и с каждым разом видение становилось все сильнее, отчетливей и длилось дольше.

А проснувшись сегодня утром — сон еще не выветрился из головы, — я вдруг поняла, что могу ехать домой. И выехала, похоже, в полудреме. Не останавливалась нигде, да и на окрестности по пути не обращала внимания, просто думала об Авалоне, и, пока я ехала, все вокруг становилось все более знакомым. И вдруг я оказалась дома. Все это произошло так, будто я просто проснулась. Теперь и деревня, и Текисы, и то небо со своими звездами, и лес, и горы — все кажется мне сном. И я не знаю, найду ли я дорогу назад. Странно ведь, да? Как это вышло, ты не знаешь?

Я поднялся и несколько раз обошел вокруг салфетки с остатками нашего завтрака. А потом сел рядом с девушкой.

— Ты помнишь, как выглядела эта самая горящая паутина, которая на самом деле не была паутиной и не горела? — спросил я.

— Да... более или менее, — ответила Дара.

— Тогда давай сюда нож, — приказал я.

Она молча передала его мне.

Острием я начал направлять нарисованные ею в пыли закорючки, добавлять линии, удлинять и укорачивать их. Ничего не говоря, девушка следила за каждым движением моей руки. Потом я закончил, отложил в сторону нож, и воцарилось молчание.

Наконец она очень тихо произнесла:

— Да, такой она и была. — И поглядела на меня. — А как ты узнал? Как сумел ты угадать мой сон?

— Тебе, — отвечал я, — приснилось нечто, присущее самим твоим генам, а как, почему — не знаю. Но это доказывает, что ты и в самом деле дочь Амбера. То, что ты сделала, называется «ходить в Царство Теней», а снился тебе Огненный Путь Янтарного Королевства. Властью его мы, у кого в жилах течет королевская кровь, правим миром Теней. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Не уверена, — ответила она. — По крайней мере, не совсем. Просто я слыхала, как дед клянет Тени, но я никогда не понимала, о чем он говорит.

— Значит, тогда ты не знаешь, где на самом деле искать Амбер.

— Нет. Он всегда уклонялся от ответа. Дед рассказывал мне о Янтарном Королевстве и о семье. Но я не знаю даже, в какой стороне лежит Амбер. Знаю только, что он далеко.

— К нему можно идти в любую сторону, — ответил я. — Словом, иди, куда пожелаешь. Только...

— Да! — перебила она. — Я забыла об этом! Тогда я решила, что он дурачит или смешит меня... Брэнд говорил то же самое. Хотя я не понимала, что это значит!

— Брэнд! А когда Брэнд был здесь?

— Давно, — ответила девушка, — я была тогда еще маленькой. Он часто наезжал сюда в ту пору... Я очень любила его и безжалостно докучала. Он рассказывал мне сказки, учил играм...

— А когда ты видела его в последний раз?

— Лет восемь или девять назад, мне кажется...

— Кто-нибудь еще здесь бывал?

— Да, — ответила она. — Джулиан. И Джерард, совсем недавно — несколько месяцев назад.

Я как-то вдруг ощутил свою уязвимость. Бенедикт умалчивал о многом. Для меня лучше бы получить от него скверный совет, чем не знать ни о чем. Но все разузнав, много легче сердиться. Беда в том, что Бенедикт был слишком честен, а потому предпочитал молчать, а не врать мне. Теперь следовало ожидать неприятностей, времени на праздность не оставалось, действовать нужно было без промедления. Ох и адова же скачка предстоит мне! И все же следует разузнать еще кое-что. Время... Проклятие!

— Ты видела их впервые? — спросил я.

— Да, — ответила она, — и меня очень обидели. Дед не позволил мне сказать, что я с ними в родстве, он представил меня как воспитанницу. И отказался что-либо объяснить мне. Черт побери!

— Я уверен, что на это у него были веские причины.

— Конечно, и я уверена в этом. Но от этого не легче, если ты всю жизнь хочешь познакомиться с родственниками. А ты знаешь, почему он так поступил?

— В Амбере настали суровые времена. Ситуация будет ухудшаться, а потом все изменится к лучшему, — пояснил я. — И чем меньше людей будут знать о твоем существовании, тем больше у тебя будет шансов уцелеть и не оказаться замешанной во всей этой дряни. Он поступил так, чтобы защитить тебя.

— Тьфу, — сказала она, — я не нуждаюсь в защите и могу постоять за себя.

— Ты хорошо фехтуешь, — согласился я. — Но, к несчастью, жизнь много сложнее, чем поединок на рапирах.

— Знаю! Я не ребенок. Но...

— Никаких «но»! На его месте я сделал бы то же самое. Защищая тебя, он защищает и себя. Меня удивляет даже то, что он Брэнду позволил узнать о тебе. Он придет в бешенство, если ему станет известно, что мы познакомились.

Дара вздрогнула и, откинув голову, поглядела на меня округлившимися глазами.

— Но ты же не сделаешь нам ничего плохого, — сказала девушка, — мы же... мы же родственники.

— Какого дьявола ты решила, будто знаешь, зачем я здесь? И о чем думаю? — ответил я. — Быть может, ты сама просунула сегодня свою шею в петлю, и не только свою, но и его тоже!

— Ты ведь шутишь, скажи, что ты пошутил! — проговорила девушка медленно и, словно защищаясь, подняла правую руку вверх.

— Не знаю, — ответил я. — Не обязательно же мне... Скажи, я стал бы говорить такое, имей я на уме какую-то гнусность?

— Нет... Мне кажется, нет.

— Теперь я хочу сказать тебе то, что Бенедикт должен был объяснить уже много лет назад. Никогда не доверяй родственникам. Это опаснее, чем довериться незнакомцу. Всегда есть вероятность, что первый встречный не причинит тебе зла.

— Ты в самом деле так считаешь?

— Да!

— И к тебе это относится тоже?

Я улыбнулся:

— Ну нет, это не может относиться ко мне. Я просто воплощение любви, чести, добра и милосердия. Верь мне во всем.

— Придется, — сказала она, и я рассмеялся.

— А теперь расскажи мне о Джулиане и Джерарде, — попросил я, как всегда, чувствуя неловкость от искреннего доверия ко мне. — Какова же была причина их визита?

Девушка помолчала немного, внимательно глядя в мои глаза, а потом как бы выдавила из себя:

— Я и так уже наговорила кучу лишнего. Ты прав. Слишком осторожной быть невозможно. По-моему, теперь твоя очередь говорить.

— Хорошо. Ты уже привыкаешь иметь с нами дело. Что же ты хочешь узнать?

— А где в самом деле деревня? И Янтарное Королевство? У них есть что-то общее, а? И что ты имел в виду, когда сказал, что к Амберу можно ехать в любую сторону? И что такое Царство Теней?

Я встал рывком, поглядел на нее сверху вниз и протянул ей руки. Испуганная, она казалась еще моложе, но руку все-таки не отвела.

— Где?.. — начала она, вставая.

— В ту сторону, — показал я и повел ее. Мы остановились на том самом месте, откуда я глядел на мельничное колесо и где уснул.

Она стала говорить что-то, но я остановил ее:

— Не надо. Просто смотри.

Мы постояли, глядя на все это — шум, верчение и плеск, пока я не настроился. А потом сказал ей:

— Идем.

И, взяв под руку, повел ее к лесу.

Пока мы шли среди деревьев, появившаяся откуда-то тучка затмила солнце. Спустились тени, стали пронзительнее голоса птиц, воздух сделался влажным. Мы переходили от дере-

ва к дереву, и листья их удлинялись и расширялись. А когда солнце вышло из-за тучки, оно оказалось просто золотым.

За поворотом тропинки деревья уже были обвиты виноградной лозой. Голоса птиц охрипли, их стало больше. Тропа забирала вверх. Миновав гранитную скалу, мы вышли на пригорок. Где-то вдалеке за спиной еле слышно громыхнуло. Когда мы снова вышли на прогалину, синева неба приняла совсем другой оттенок, и мы вспугнули большую коричневую ящерицу, устроившуюся греться на камне.

Обойдя другую скалу, Дара сказала:

— Я и не знала, что это здесь. Я тут никогда не была.

Я не отвечал — некогда было говорить, я раздвигал Тени.

А потом перед нами опять оказался лес, дорога снова шла в гору. Теперь деревья стали тропическими гигантами, возвышающимися над папоротниками, звуки изменились, слышался лай, шипение и жужжание. Грохот все усиливался, сама земля дрожала под ногами. Дара прильнула к моей руке, ничего не спрашивая больше, только внимательно оглядываясь по сторонам.

Вокруг виднелись крупные плоские бледные цветки, в лужицы между ними сверху звонко капала вода. Стало гораздо жарче, и мы уже взмокли. Грохот превратился в могучий рев; наконец, когда мы вышли из леса, он сделался подобным грому. Я подвел девушку к краю обрыва и показал вперед. Могучий водопад перед нами терзал воду. Вниз обрывались тысячефутовые струи. Течение уносило пузыри и песок вдаль. Перед нами, быть может, в полумиле за радугой и туманом, словно раскрученное титаном, поблескивало, медленно вращаясь, гигантское колесо. Невероятной величины птицы, словно летучие распятия, бороздили небо высоко вверху.

Мы постояли. Говорить было невозможно, да это и не требовалось. Потом, когда Дара глянула вновь на меня и нерешительно сузила глаза, я кивнул и молча показал на лес. И мы пошли в обратную сторону.

Возвращались мы тем же путем, и он дался мне значительно легче. Можно было снова говорить, но девушка хранила молчание, явно догадавшись, что перемены вокруг связаны со мной.

Она заговорила вновь, лишь когда мы опять оказались на берегу ручья, перед мельничным колесом.

— Это место схоже с деревней.

— Да, это Тень.

— А на Амбер похоже?

— Нет, это Тень Амбера. Она может принять любую форму, если только знать, как это делается. Это место было лишь Тенью, твоя деревня была Тенью, и тут, где мы сейчас, тоже Тень. Любое место, которое ты можешь только представить, существует где-то в Царстве Теней.

— А ты, дед и остальные родственники способны расхаживать там, приходить туда или сюда по своему желанию?

— Да.

— Значит, именно это я сделала, вернувшись из деревни?

— Да.

Лицо ее стало как бы этюдом на тему «Постижение истины». Уголки почти черных бровей опустились на полдюйма, она шумно вдохнула.

— Я тоже могу это делать... — заявила Дара. — Ходить, куда захочу.

— Эта способность заключена в тебе самой.

И вдруг, неожиданно, она поцеловала меня и отвернулась — короткие волосы над тонкой шеей, — словно пытаясь охватить взглядом все сразу.

— Значит, я могу все, — сказала она и замерла.

— Ну, есть некоторые ограничения и опасности...

— Такова жизнь, — отрезала она. — А как научиться управлять этим?

— Ключом ко всему является Огненный Путь Янтарного Королевства. Он изображен на полу подземелья под Амбером. Надо ступить на него и дойти до середины без остановки. Сделать это непросто — встречаешь значительное сопротивление. Если ты остановишься, попробуешь сойти с Пути, не завершив его, он уничтожит тебя. Прошедшему даруется власть над Царством Теней.

Дара подошла к месту нашего пикника и поглядела на землю. Я медленно последовал за нею.

Когда я подошел поближе, она сказала:

— Я должна попасть в Амбер и пройти этим Огненным Путем.

— Совершенно уверен, что и Бенедикт рассчитывает на это... в будущем.

— В будущем? — возмутилась она. — Сейчас! Я должна сделать это прямо сейчас! Почему он никогда не рассказывал мне обо всем этом?

— Потому что пока тебе лучше обо всем забыть. Дела в Амбере таковы, что вам обоим будет опасно появиться там; плохо будет даже, если там узнают о вашем существовании. Замок временно закрыт для тебя.

— Но это нечестно!

Дара буравила меня возмущенным взором.

— Конечно, — согласился я. — Но пока все обстоит именно так. И не я тому виной.

Последние слова дались мне с некоторым трудом. Часть вины, конечно, лежала на мне.

— Тогда, раз это недоступно мне, лучше бы ты ничего и не рассказывал.

— Ну, все не так страшно, — ответил я, — положение в Амбере скоро прояснится... Правда, придется немного подождать.

— А как я узнаю об этом?

— Бенедикт будет знать. Он и скажет.

— Как же!.. Оказывается, дед многое утаивал от меня.

— Правильно! А почему, знаешь? Чтобы ты не расстраивалась. Он ведь заботится о тебе, он добр. Когда настанет время, он поступит так, как лучше для твоего блага.

— А если нет? Ты мне поможешь?

— Постараюсь.

— Как же мне связаться с тобой? Как известить?

Я улыбнулся. Тема всплыла без малейших усилий с моей стороны. Действительно, важные подробности ей можно и не говорить. Только то, что в будущем может оказаться для меня полезным.

— Карты, — ответил я. — Они существуют не из сентиментальных побуждений. Это средство связи. Возьми карту с моим лицом и внимательно всмотрись в него, сконцентрируй все свое внимание, выбрось из головы остальные мысли, представь, что это я и есть, — и начинай говорить. Ты вдруг увидишь меня на самом деле, и я отвечу тебе.

— Вот именно этого-то дед и не велел мне делать с картами.

— Естественно.

— А как все это получается?

— В другой раз, — ответил я. — Мы заключили сделку, не забыла? Я рассказал тебе об Амбере и о Царстве Теней. А теперь скажи, что делали здесь Джулиан и Джерард.

— Хорошо, — ответила Дара. — Хотя рассказывать почти нечего. Однажды утром, пять или шесть месяцев назад, дед прямо замер на месте. Мы тогда подрезали деревья в саду, он любит делать это сам, а я помогала. Он стоял на лестнице, вытянувшись вперед, и вдруг замер, опустил ножницы и не шевелился несколько минут. Я решила было, что он просто отдыхает, и продолжала сгребать ветви граблями. А потом услышала, что он говорит — не бормочет себе под нос, а просто разговаривает с кем-то.

Сперва я подумала, что он обращается ко мне, и переспросила его. Он просто не обратил на меня никакого внимания. Теперь, когда я знаю о колоде карт, я понимаю, что он разговаривал с кем-то из родных. Должно быть, с Джулианом. Во всяком случае, он сразу же спустился с лестницы, сказал мне, что ему придется уехать на день-другой, и немедленно отправился к дому. Не доходя до него, вернулся и сказал, что, если сюда явятся Джулиан и Джерард, он представит меня как воспитанницу, осиротевшую дочь верного слуги. А потом сразу же уехал с двумя лошадьми в поводу. Клинок был при нем.

Около полуночи он вернулся, а с ним и они оба. Джерард был почти без сознания. Левая нога сломана, весь левый бок — сплошной кровоподтек. Джулиан тоже был изранен, но кости у него были целы. Они пробыли с нами больше полумесяца, и раны их исцелились очень быстро. Потом братья взяли двух лошадей, и мы распрощались. С тех пор я их не видела.

— А что сказали они о том, как получили эти раны?

— Мне объяснили, что это несчастный случай. Со мной ничего не обсуждали.

— Где? Где это случилось?

— На Черной Дороге. Я несколько раз слышала, как они говорили о ней.

— А где эта Черная Дорога?

— Не знаю.

— Что они говорили о ней?

— Ругали. И все.

Глянув вниз, я увидел, что в бутылке еще оставалось вино. Я нагнулся, разлил оставшееся по бокалам и один передал ей.

— За воссоединение родственников, — сказал я и улыбнулся.

— За воссоединение, — поддержала она.

Мы выпили.

Дара стала убирать, я помогал ей, но чувство острой необходимости вновь вернулось ко мне.

— Когда могу я попробовать связаться с тобой? — спросила она.

— Через три месяца. Не возражаешь?

— И где ты будешь тогда?

— Полагаю, в Амбере.

— А долго ты пробудешь у нас?

— Не очень. Мне придется прямо сейчас кое-куда отлучиться. А потом я немного погощу у вас. Несколько дней.

— Я бы хотела, чтобы ты задержался.

— Если бы я мог! Теперь, после нашей встречи, мне тоже хотелось бы этого.

Она покраснела и с деланным усердием принялась упаковывать корзинку. Я собрал фехтовальные принадлежности.

— Ты сейчас домой? — спросила Дара.

— В конюшню. Я уезжаю немедленно.

Она подобрала корзинку.

— Значит, едем вместе. Моя лошадь там.

Я кивнул и ступил следом за ней на тропинку, уводившую направо.

— Полагаю, — спросила она, — мне не следует говорить о нашем знакомстве никому, деду в особенности?

— Так будет благоразумнее.

Плеск и бормотание ручья, бегущего к реке, что неторопливо катила свои воды к морю, становились все тише и тише, пока не исчезли совсем, и только какое-то время еще доносился скрип колеса, надетого на вал и рассекавшего воду.

Глава 6

Двигаться, уметь просто двигаться не останавливаясь, важнее, чем спешить. Имея перед собою цель, легко двигать и Тени. А уж потом выбираешь скорость по собственному разумению.

И я двигался медленно и настойчиво, с разумной осторожностью. Не было смысла бездумно утомлять Стара. Быстрые перемещения в Царстве Теней тяжелы и для человека, но животные — ведь они не привыкли обманывать себя подобно людям — иногда доходят просто до бешенства.

По небольшому деревянному мосту я пересек речушку и некоторое время ехал вдоль нее. Я хотел обогнуть город по окраине и следовать по течению до побережья. Был полдень. Я ехал в прохладной тени, на поясе у меня висел Грейсвандир.

Углубившись на запад, я вскоре добрался до высоких холмов и наконец достиг места, откуда с высоты открывался прекрасный вид на самое большое поселение в этом районе. Город был похож на мой Авалон. Он носил то же имя, в нем жили и работали тысячи людей. Серебряных башен здесь было поменьше, да и речушка пересекала город под несколько иным углом. К югу она расширялась или ее расширили раз в восемь. Над кузнями и тавернами клубились дымки, легкий ветерок сносил их к северу; люди на конях, пешком, на повозках и в экипажах двигались по узким улочкам, входили в лавки, гостиницы, жилые дома и выходили из них; стаи птиц кружились, взмывали и приникали к земле возле привязанных лошадей; вяло шевелились несколько ярких вымпелов и флагов, вода поблескивала сквозь марево. Я был слишком далеко, чтобы различать голоса, стук, бряцание, грохот, скрип и прочие звуки по отдельности: все сливалось для меня в монотонный шум. Не ощущал я и каких-то особенных запахов, но даже если бы оставался слепым, я узнал бы о близости этого города, только потянув воздух.

Этот вид с высоты пробудил во мне некоторую ностальгию, грустные обрывки воспоминаний да слабую скорбь о городе, который был ему тезкой в исчезнувшей давным-давно Тени... Жизнь тогда была проще, да и я был счастливее, чем ныне.

Но невозможно прожить столь долгую жизнь, как моя, сохранив хоть каплю наивности; обычно среди нас сентиментальность не приветствуется.

Былые дни миновали, с городом давно разделались, и все мои мысли поглощало Янтарное Королевство. Я повернул к югу, исполнившись желания одержать победу. Амбера мне не забыть...

Солнце. Ослепительный палящий диск солнца вспыхнул над головой, взвизгнул ветер... И вдруг от горизонта до горизонта протянулась пустыня. Холмы стали каменистыми. Я спускался по склону, скалы вокруг удивляли формой и цветом. Разразилась пыльная буря. Едва я выехал из предгорий, как пришлось сощуриться и поплотнее закутать лицо. Чалый мой то и дело чихал, ржал коротко, но топал вперед. Песок, ветер, камень, оранжевое небо, синевато-серые облака на горизонте, к которым клонилось солнце...

И сразу — длинные тени, затихающий ветер и тишина. Лишь копыта стучат по камням да еще слышится дыхание... Мгла и тучи мчатся навстречу, солнце тонет за их пеленою...

Обрушился гром, словно загрохотал сам день, разваливаясь на части... Неестественно прозрачный воздух, прохладный, голубой, электрическое покалывание в нем... снова гром. А потом стеклянистая неровная пелена дождя по правую руку... синие ломаные разрывы в облаках... Стало холодно, шаг размерен... Мир вокруг — одноцветное поле...

Гонг раскатов, белая вспышка, пелена все ближе и ближе... Две сотни метров... полторы... Накатило!

Капли бьют землю, вздымая фонтанчики пыли и воды. Запахло мокрой пылью... Конь заржал... Рывок.

Медленно потекли ручейки — они сливаются, впитываются землей, наполняют лужи... запрыгали пузырьки... а вот уже и сплошной поток, и в него отовсюду вливаются струйки.

Голова задрана вверх... Мускулы Стара подо мною вздымаются и опадают, вздымаются и опадают снова, конь прыгает через ручейки и речонки, шлепает по бурлящей воде, взбирается уже вверх по склону... Копыта высекают искры о камень, а ревущий, пенящийся и кипящий внизу поток отзывается здесь только дальним шумом.

Все выше, выше... Теперь обсушиться, выжать углы плаща... Потом вниз — и за спиною справа штормовая волна бьет в подножие утеса, на котором мы оказались.

И от моря — в клеверные поля, навстречу вечеру, а прибой гулко ухает за спиной...

Следом за звездами, что падают с неба к востоку в вечную тьму, и молчанием...

Красноглазые тени встают за нами, перебегают дорогу... Тень — зеленоглазая... Тень — желтая... Тень... Исчезли.

Темные пики в снеговых колпаках обступили меня... Мерзлый снег — снежная сухая пыль, унесенная с вершин ледяными порывами... снег, как пудра... словно мука... снежные волны, вздымаясь, ометают скалы, словно в итальянских Альпах на лыжах... Белый огонь в ночном воздухе... Ноги мои студенеют в мокрых сапогах... Жеребец возбужденно фыркает, осторожничает, на каждом шагу качает головой, не доверяя глазам...

Тени за скалами, склон стал положе, сухой ветер, снега меньше.

Вьющийся, штопором кружащий путь, дорога к теплу... Вниз, вниз, вниз. Вокруг ночь и разные звезды сменяют друг друга над головой.

Час назад меня обступали снега, теперь вокруг приземистые кусты, равнина... Вдалеке, оторвавшись от своей падали, в воздух взмывают грифы и хрипло ругают нас, кружа над нею...

Снова медленно и осторожно... Травы — волною, приятный ветерок... Кашель охотящейся кошки... Уносящаяся крупными прыжками тень, похожая на оленью... И вконец иззябшие было ноги начинают ощущать бока Стара.

...Вдруг конь взметнулся на дыбы. Испугался — чего? Не заметил... Долго утешаю его, потом снова ласкаю, пока не кончилась дрожь.

Полумесяц луны сосульками осыпается на вершины далеких деревьев... от влажной земли исходит светящийся туман... Мотыльки пляшут в лунном свете.

Земля дернулась и вздрогнула подо мной, словно горы переступили с ноги на ногу... У каждой звезды — двойник... Сияющий нимб вокруг гантели-луны... Все: и равнина, и воздух над ней — наполнено летящими силуэтами.

Словно заведенные до отказа часы, земля тикает, тикает и успокаивается... стабильность. Инерция... Тела луны и звезд вновь объединились со своими душами.

Краем густеющей рощи еду на запад. Подумалось: джунгли — это одуревшие змеи под маслянистой водой.

На запад, на запад... Там будет река с широкими ровными берегами — легкая дорога к морю.

Стук копыт, несущиеся тени... Ночной воздух омывает лицо... Мелькнули какие-то яркие создания на высоких тем-

ных стенах, сверкающие башни... Воздух стал сладок. Видение уплывает... Тени.

Словно кентавр, мы со Старом покрыты единой попоной пыли... с трудом вдыхаем воздух и с усилием выталкиваем его наружу. Шея обвита громом, ноздри извергают жар... Поглощаем пространство.

Я рассмеялся — запах воды вокруг, слева подступают деревья...

И среди них... Лоснится кора, свисают лианы, широкие листья с яркими капельками влаги. В лучах луны поблескивает паутина, что-то колышется в центре ее. Вязкая почва... фосфорный свет грибов на упавших деревьях...

Прогалина... Шелест высокой травы...

Снова деревья...

Опять пахнет рекой.

Звуки... Звуки... В траве захихикал ручеек.

Все ближе, ближе и, наконец, рядом... Небо и деревья бьются и плещутся в чреве воды. Чистая, прохладная, вкусная... и налево отсюда, сразу, как перейду... течет легкая, переливается. Мы следом...

Пить... Расплескав воду у берега, зайдя по колено в реку, чалый тянет воду, словно насос... пена летит с ноздрей. Чуть вверх по течению вода лижет мои сапоги, увлажняет мокрые волосы, стекает вниз по рукам... Стар оборачивается на смех...

И снова вниз вдоль реки — чистой, медленной, извилистой. А потом она спрямляется, становится все шире и тише...

Лес то густой, то редеет...

Слабый свет на востоке.

А теперь вниз по склону меж редких деревьев. Место скалистое. И вновь охватывает темнота...

Первые смутные признаки: запах моря возник и пропал... Цок-цок по ночному морозцу... И снова на мгновение запах соли...

Вспышка между стенами камней... Задетые камешки исчезают в бешеном потоке, звуки падения тонут в раскатах грома. Долина глубже и шире...

Вниз, вниз.

Еще дальше.

Вновь светлеет восток, склон положе. Опять запах моря трогает щеки, но теперь он сильнее...

Глина, гравий... За угол, вниз, все светлее...

Осторожно, тихо и спокойно ступая...

Бриз и светлый день, бриз и светлый день. За выступом скалы.

Я натянул поводья.

Передо мною, внизу, застывшее море — дюны, ряд за рядом, их шевелит юго-западный ветер, вздымает песчаные облачка, в утренней дымке тонет дальний блеклый берег.

Восток накинул на море розоватую пелену. То там, то тут из-под летучих песков выглядывает гравий. Над водой нависают зубастые скалы. А перед могучими дюнами высотой в сотни футов, между ними и мной, в рытвинах и щебенке — равнина: угловатые скалы. Из ада почти грядущие во славу дня и словно шевелящиеся тенями.

Да, теперь правильно.

Я спешился и подождал, пока солнце вытаскивало всем напоказ суровый и яркий день. Этот белый свет я и разыскивал. Нужное место было именно здесь, вдали от людей. Я увидел его впервые десятилетия назад на призрачной земле моей ссылки. Никаких бульдозеров, цветных со щетками грохотов; никаких сверхсекретных городов вроде Оранжемюнде. Никаких рентгеновских аппаратов, колючей проволоки, вооруженной охраны.

В этой Тени и слыхать не слыхали про сэра Эрнста Оппенгеймера и про объединенные алмазные копи Юго-Западной Африки... Не слыхали даже про правительство, способное защитить интересы трудящихся.

Эту пустыню где-то звали Намиб. Я стоял милях в четырехстах от Кейптауна на полоске песка и гравия шириной когда в пару, когда в дюжину миль, что простерлась на три сотни миль вдоль гор Рихтерсвельда; в их Тени-то я и находился. И в отличие от любой обычной копи в песке здесь алмазов было едва ли не больше, чем птичьего помета. Естественно, пришлось везти с собой совок и сито.

Сперва я достал еду и приготовил завтрак. День обещал быть жарким и пыльным.

Просеивая дюны, я думал о Дойле — маленьком лысом ювелире из Авалона с прожилками на кирпичных щеках. Шлифовальный красный порошок... Зачем же, дескать, мне понадобился этот порошок в количестве, достаточном для

целой армии ювелиров на дюжину их жизней? Я пожал плечами. К чему ему знать, для чего нужен этот порошок, раз я в состоянии заплатить за покупку? Ну, если нашелся новый способ применения этого порошка, на котором можно подзаработать, тогда надо быть дураком... Другими словами, неужели он не может поставить мне за неделю такое количество? Крохотные квадратные смешки вылетали из брешей в его зубах. Неделя? О нет! Конечно, нет! Просто смешно, не может быть речи.

...Я соглашался. Конечно же, при соответствующей благодарности с помощью своего конкурента с этой же улицы он сумеет поставить необходимое... Может быть, его заинтересуют несколько необработанных алмазов, партию которых я ожидаю?.. Алмазы, он не ослышался, я произнес именно это слово? Обождите... его всегда интересовали алмазы... Да, но что касается красного ювелирного — увы!.. Рука поднята. Должно быть, он слегка поторопился, ведь у него такие связи... Просто его удивило количество. Впрочем, компоненты доступны и состав прост. Отказываться нет причин, нужно попробовать что-нибудь сделать. Не более недели. Ну а теперь об алмазах...

И прежде чем я вышел, колесики уже завертелись.

Как думают многие, порох в ружьях взрывается. В общем, это неверно, просто он быстро горит, и давление пороховых газов выбрасывает пулю из патрона, гонит ее по стволу, а взрывается лишь детонатор, когда по нему бьет игла. С обычной для нашего семейства предусмотрительностью я годами изучал горючие вещества и взрывчатки. Ружейный порох не горит в Янтарном Королевстве, и мое разочарование умерялось лишь сознанием того, что и моим родственничкам огнестрельное оружие в Амбере ни к чему. Уже много позже, с визитом туда, обнаружил я замечательные свойства красного порошка, когда выбросил в камин тряпку с пригоршней его — тогда я полировал для Дейрдре браслет. К счастью, порошка оказалось немного, а в комнате я был один.

В Амбере красный порошок оказался превосходным детонатором — взрывался прямо в контейнере. А если добавить достаточное количество инертного материала — прекрасно горел.

Эти наблюдения пришлось приберечь для себя — быть

может, однажды они вдруг окажутся полезными, если придется выяснить там кое-какие отношения. К несчастью, наша стычка с Эриком произошла раньше, чем мне удалось реализовать этот план, а посему сам факт просто канул на дно моей памяти. Потом, когда мое положение наконец прояснилось, судьба свела меня с Блейзом, готовившим нападение на Амбер. Во мне он, конечно, не нуждался, но взял с собой — боюсь, лишь затем, чтобы приглядеть за мной. Если бы я помог ему ружьями, он стал бы непобедим и во мне не было бы никакой нужды. И что еще более важно, если бы мы овладели Амбером, возникла бы двусмысленная ситуация: войска по большей части были его, и офицеры с немалой охотой подчинились бы ему же. Тогда мне потребовалось бы бросить на весы нечто, способное изменить положение в свою пользу. Скажем, несколько бомб и автоматов.

Если бы я пришел в себя хотя бы на месяц раньше, все было бы совсем по-другому. Я бы уже сидел себе в Амбере, и не было бы нужды жариться, мерзнуть и обдираться в кровь, не упуская из головы предстоящую адову скачку обратно и узел проблем, что ожидает меня по прибытии.

Я выплюнул песок, чтобы не поперхнуться от хохота. Клянусь пеклом, у каждого из нас свое «если».

Лучше обдумывать то, что еще предстоит, чем то, что уже свершилось. И мне, и Эрику...

Но я не забыл того дня, Эрик. На мне были цепи, и меня заставили стать на колени перед троном. Я ведь успел уже, насмехаясь над тобой, возложить корону себе на голову и был избит за это. Во второй раз, когда корона попала в мои руки, я просто швырнул ею в тебя. Но ты поймал ее и улыбнулся. Я был рад, что она осталась цела, раз уж не удалось хотя бы подбить тебе глаз. Прекрасная вещь... с семью остриями, изумруды такие, что затмевают алмазы. И два громадных рубина на висках. Ты короновался в тот же самый день, в спешке, но с надменной пышностью. И когда отзвуки слов «Да здравствует король!» затихли, ты шепнул мне кое-что. Я помню каждое слово: «Твои глаза видели сейчас самое прекрасное зрелище из тех, которые им суждено видеть», — сказал ты. А потом приказал: «Стража! Уведите Корвина в кузницу, и пусть выжгут его глаза! Чтобы запомнил он все, что видел сегодня, последний раз видел своими глазами! А потом пусть ввергнут

его во тьму глубочайшей темницы под замком, и да забудется его имя!»

— Теперь ты правишь в Амбере, — сказал я громко, — но глаза мои вновь видят, и я ничего не забыл, и мое имя не забыто.

Впрочем, нет, подумал я. Царствуй, Эрик, хоть штаны сшей из своего титула. Стены Амбера высоки и прочны. Оставайся за ними. Окружи себя кольцом ненадежных клинков. Словно муравей, сооружаешь ты крепость свою из пыли. Ибо знаешь: пока я жив, никогда тебе не быть в безопасности, а я обещал вернуться. И я вернусь, Эрик. Привезу с собой ружья из Авалона и в щепы разобью твои ворота и перебью телохранителей, а там все и произойдет, быстренько, пока твои люди не ринулись на помощь. В прошлый раз мне досталось лишь несколько капель твоей крови. Теперь мне потребуется вся.

Обратившись лицом к восходящему солнцу, я подумал о Бенедикте, Джулиане и Джерарде. Какая может быть связь между ними? Мне претит любая комбинация, в которой заинтересован Джулиан. С Джерардом все в порядке. Я смог даже уснуть в лагере, когда понял, что с ним-то и связывался Бенедикт. Но если сейчас он объединится с Джулианом, мне есть о чем беспокоиться. Сильнее Эрика меня ненавидит лишь Джулиан. И если ему известно, где я нахожусь, опасность становилась нешуточной. Я еще не был готов к бою....

Бенедикт наверняка сумеет найти какое-нибудь моральное оправдание для предательства. В конце концов, он знал, чего я добиваюсь, знал, что Амберу грозит усобица. И я понимал его, даже сочувствовал его убеждениям. Он был всецело поглощен сохранением государства. В отличие от Джулиана он был все-таки человек принципа, ссориться с ним не хотелось. Оставалось только надеяться, что все произойдет быстро и безболезненно, все равно как вырвать зуб под наркозом, а потом оба мы, естественно, вновь окажемся на одной стороне. Зная теперь Дару, я бы хотел — для ее же собственной пользы, — чтобы все произошло именно так.

Бенедикт рассказал мне слишком немного, а потому я не мог быть спокойным. Я даже не мог проверить, действительно ли он пробыл в лагере всю эту неделю или на самом деле совместно с Амбером подстраивал мне ловушку, готовил мою

погибель. Следовало торопиться, хотя и хотелось мне побыть еще в Авалоне.

Я завидовал Ганелону — в кабаке он или в борделе, на охоте, за кружкой, со шлюхой или занят мордобоем. Он-то явился домой. А не оставить ли его за этими занятиями, хоть он и собирался биться вместе со мною за Амбер?.. Впрочем, нет. Если я исчезну, им займутся... Допросят — с пристрастием, если этим займется Джулиан, а потом в лучшем случае просто выкинут, и будет он отверженным в родной земле. При удачном стечении обстоятельств снова, естественно, примется за разбой, а уже в третий раз это не сойдет ему с рук. Да, придется выполнять обещание. Ганелон отправится со мной, если еще не передумал. Если же он изменил свои намерения, пусть... Я даже позавидовал ему: стать разбойником в Авалоне...

И мне бы хотелось задержаться здесь подольше, съездить с Дарой в горы, побродить по полям и лесам, поплавать по рекам. Я подумал о девушке. Теперь я знал о ее существовании, и это меняло дело. Но ненамного. Все-таки, несмотря на все наши свары и козни, королевское семейство очень взаимосвязано, мы всегда с нетерпением ждем вестей друг о друге, следим за положением всех остальных в вечно меняющейся картине. Желание выслушать новые сплетни, вне сомнения, остановило в нашей семье не один смертельный удар. Иногда наша семейка представляется мне компанией подлых старух, занятой чем-то средним между отдыхом и скачкой с препятствиями.

Дара никак не укладывалась в привычную картину. Она, собственно, и не входила в нее... О, конечно, со временем она всему научится. Как только станет известно о ее существовании, сразу найдутся превосходные учителя. Теперь, когда она услышала от меня о собственной уникальности, это случится рано или поздно, дело только в сроках. Там, в роще, я чувствовал себя мгновениями просто змием, но, клянусь пеклом, она имела право знать все. Она и так все узнает, и чем раньше, тем быстрее научится обороняться. Так будет лучше для ее же собственного блага.

Конечно, вполне возможно, даже наверное, ее бабка и мать прожили свою жизнь, не подозревая о своем происхож-

дении... Кстати, куда оно завело их? Дара говорила, что умерли обе насильственной смертью.

А не случилось ли так, подумал я, что длинная рука Амбера выудила их из Царства Теней? И не собирается ли она снова ударить?

При желании Бенедикт мог быть столь же крепок, настырен и подл, как и любой из нас. Даже крепче прочих. И он будет в бою защищать свое, может и убить кого-нибудь из нас, если сочтет это необходимым. Он решил, конечно, что, если держать существование Дары в секрете, а ее саму — в невежестве, она будет в безопасности. И рассердится, когда узнает, что я сделал... еще одна причина убираться немедленно. Но я рассказал ей все это вовсе не назло братцу. Я хочу, чтобы она уцелела, а он, по-моему, не справляется с делом. И, когда я вернусь, она уже многое поймет. Возникнет много вопросов, а уж я должен предупредить ее и объяснить, что сумею.

Я заскрипел зубами.

Все это не нужно. Я буду править в Амбере, и все произойдет иначе. Обязательно...

Но почему никто до сих пор не нашел способа изменить саму суть человека? Мне стерли память, отправили меня жить в неизвестном и новом для меня мире... и что? — остался тот же старый Корвин. Такая мысль могла бы привести меня в отчаяние. Если бы я не был доволен собой.

В тихой заводи у реки я смыл пыль и пот, размышляя о Черной Дороге, на которой так пострадали мои братья. Нужно было разузнать еще многое.

Я купался, но Грейсвандир был все время неподалеку. Каждый из нас может увязаться по свежему следу, оставленному родственником в Царстве Теней... Но как бы то ни было, омовению моему никто не помешал. На обратном пути, правда, мне трижды пришлось воспользоваться Грейсвандиром для защиты, но от существ куда более безобидных, чем собственные братья.

Однако этого следовало ожидать, поскольку я весьма спешил.

Рассвет уже приближался, хотя было еще темно, когда я ввел коня в конюшню своего брата. Я почистил Стара, чалый дико косил на меня. Поговорил с ним, приласкал, а потом дал

корм и воду. Огнедышащий Дракон Ганелона приветствовал меня из соседнего стойла. Я расчистил место между насосом и задней стенкой конюшни и все думал, где бы мне улечься на ночлег.

Нужно было отдохнуть. Хватило бы нескольких часов, но под крышей Бенедикта я спать не решался. Нельзя же настолько доверяться братьям! Пусть я и говаривал, случалось, что надеюсь умереть в собственной постели, однако в душе желал, чтобы в глубокой старости на меня наступил слон, когда я буду заниматься любовью.

Впрочем, к выпивке за счет Бенедикта у меня отвращения не было, и душа просила чего-нибудь покрепче. В доме было темно, я вошел и на ощупь добрался до буфета.

Налил себе крепкого бренди, пропустил, налил снова и подошел с рюмкой к окну. Видно мне было далеко. Дом стоял на склоне холма. Бенедикт выбрал хорошее место. «Белой полосой легла дорога», — процитировал я, удивляясь звукам собственного голоса, а луна застыла в вышине...

— Так. Так. Именно так, друг Корвин, — донеслись до меня слова Ганелона.

— Я не заметил, что ты здесь, — промолвил я, не оборачиваясь.

— Это потому, что я сидел тихо как мышь, — объяснил он.

— О! — отозвался я. — И насколько же ты пьян?

— Ни насколько, по крайней мере сейчас. Но если ты будешь хорошим другом и поднесешь мне стаканчик...

Я повернулся.

— А сам не можешь?

— Больно шевельнуться.

— Хорошо.

Я отправился к буфету, налил рюмку и поднес ему. Он благодарно кивнул, медленно поднял ее и пригубил.

— Ах, как хорошо! — вздохнул Ганелон. — Может, это утешит меня.

— Ты дрался, — решил я.

— Да, — согласился он. — И не однажды.

— Тогда терпи, как подобает воину, и избавь меня от необходимости выказывать свое сочувствие.

— Но я победил во всех стычках!

— Боже! И сколько же трупов ты оставил?

— Что ты, соперники были не настолько плохи. Во всем виновата эта девчонка.

— Ты же знал, за что платишь.

— Речь совсем не о том. Похоже, я подвел нас обоих.

— Нас? Как?

— Я не знал, что она-то и есть хозяйка дома. Я явился в веселом расположении духа и подумал, что она из служанок...

— Дара? — спросил я, внутренне напрягаясь.

— Да, она самая, я шлепнул ее по корме и потребовал поцелуя. — Он застонал. — Тогда она подняла меня вверх, подняла как щепку над головой и объяснила мне, что она здесь хозяйка. А потом отпустила руки. Я вешу восемнадцать стоунов, друг, для такого камешка падать... — Он пригубил еще раз, я усмехнулся. — И она тоже смеялась, — жалобно продолжил Ганелон, — а потом милостиво помогла мне встать. Я, конечно же, извинился... Этот твой брат, должно быть, богатырь! Такой девушки я не встречал. Так обойтись с мужчиной!.. — В голосе его слышалось благоговейное удивление. Он медленно качнул головой и вылил в глотку остальное. — Мне было страшно... ну, по крайней мере, неудобно...

— Она приняла твои извинения?

— О да! Весьма благосклонно. Велела мне забыть обо всем и обещала, что тоже забудет.

— Тогда отчего ты не лечишь горе сном?

— Я поджидал тебя, решил не спать, когда бы ты ни явился. Нам надо переговорить.

— Ну, в чем дело?

Он медленно встал и взял свой бокал.

— Давай-ка выйдем отсюда.

— Хорошо.

Ганелон подхватил на ходу бутылку бренди, я решил последовать его примеру и направился следом за ним по тропинке за дом. Наконец он грузно плюхнулся на старую каменную скамью у ствола большого дуба. Потом наполнил наши бокалы и пригубил первым.

— О! И в напитках твой брат знает толк!

Я сел рядом с ним и набил трубку.

— Когда я принес извинения и назвался, мы немного поговорили, — сказал он. — Едва она поняла, что я приехал с

тобой, сразу же захотела узнать все об Амбере и Царстве Теней, и о тебе, и о других членах семьи.

— Ты ей рассказал что-нибудь?

Я раскурил трубку.

— Не мог, даже если бы захотел, — пожал плечами Ганелон. — Мне нечего было ответить.

— Молодец.

— Но меня это заставило задуматься. Похоже, Бенедикт не говорит ей о многом, и я понимаю почему. Я поостерегся бы много разговаривать в ее обществе, Корвин. Уж слишком она любопытна.

Пыхнув трубкой, я кивнул.

— Тому есть причина, и очень веская. Впрочем, мне приятно знать, что ты не теряешь головы, когда пьешь. Спасибо, что рассказал.

Он пожал плечами и приложился к бутылке.

— Хорошая трепка отрезвляет. К тому же твое благо — мое благо.

— Верно. Нравится тебе этот вариант Авалона?

— Вариант?! Это же и есть мой Авалон! Люди, конечно, народились новые, но страна совсем не изменилась. Сегодня я забрел на Терновое поле — там когда-то я победил Джека Хейли и обратил себе на службу всю его банду.

— Терновое поле... — произнес я, припоминая.

— Да, это мой Авалон, — продолжал он, — и я вернусь сюда доживать свои дни, если мы не падем перед Амбером.

— И ты все еще хочешь идти со мной?

— Всю свою жизнь я мечтал попасть в Янтарное Королевство... Ну, с тех пор, как услышал о нем впервые от тебя, в гораздо более счастливые времена.

— Я и в самом деле не помню, что говорил тогда. Должно быть, получился недурной рассказец.

— В ту ночь мы были потрясающе пьяны, и ты говорил недолго, порой с надрывом, — о могучей горе Колвир, о зеленых и золотых шпилях на башнях, о гульбищах, навесах, террасах, цветах, фонтанах... Этот разговор мне казался коротким, но длился он целую ночь... Когда мы доковыляли к постелям, занялся рассвет. Боже! Я, кажется, мог бы по памяти нарисовать карту! Перед смертью я должен увидеть Амбер.

— Той ночи я не помню, — медленно проговорил я. — Должно быть, я тогда и в самом деле изрядно набрался.

Ганелон усмехнулся.

— Бывали у нас когда-то здесь веселые денечки, — сказал он. — И нас обоих еще не позабыли. Только мы для них — давнее прошлое, и все эти их россказни о нас так перевраны!.. К чертям! Разве хоть кого-то в этом мире обошли небылицы? — Я молча курил и думал. — И все это заставляет меня задать пару вопросов, — добавил он.

— Выкладывай.

— Твое нападение на Амбер вконец рассорит тебя с Бенедиктом?

— Я и сам хотел бы знать это. Наверно, да, по крайней мере этого стоит ожидать. А потому все должно закончиться прежде, чем он успеет отсюда добраться до Янтарного Королевства по сигналу тревоги. С подкреплениями, конечно... сам-то он может попасть в Амбер мгновенно, если кто-нибудь оттуда поможет. Но толку от этого будет мало. Нет, он не станет разрывать Амбер на части, он будет с тем, кто сохранит в целостности всю страну — в этом я уверен. Если я свалю Эрика, Бенедикт захочет, чтобы борьба немедленно прекратилась, и примирится с тем, что трон достался мне. Просто чтобы положить конец усобице. Но поначалу мои действия он не одобрит.

— Вот и я о том же. А из-за всего происходящего между вами не прольется кровь?

— Едва ли, это просто политика. Мы с ним знаем друг друга целую жизнь и всегда лучше ладили между собой, чем с Эриком.

— Понятно. Раз мы сейчас вместе и Авалон теперь в руках Бенедикта, я подумал: а как он отнесется к моему возвращению сюда когда-нибудь потом?.. Не возненавидит ли меня за помощь тебе?

— В этом я очень сомневаюсь. Он раньше не был мелочным.

— Тогда сделаем еще шаг. Господу ведомо, что я опытный воин, и если мы сумеем захватить Авалон — это будет неплохим доказательством. Раз теперь он безрукий, как ты думаешь, не захочет ли Бенедикт взять меня командиром своего ополчения? Местность я знаю прекрасно. Могу отвести его на

Терновое поле и описать подробности битвы. Клянусь пеклом! Я могу недурно послужить ему, не хуже, чем тебе. — И он расхохотался. — Прости. Лучше, чем тебе.

Я усмехнулся и приложился к бокалу.

— Сложновато будет, — сказал я. — Конечно, идея неплохая. Впрочем, едва ли он тебе доверится. Такая комбинация слишком уж пахнет моими кознями.

— Проклятая политика! Но я же не суюсь в нее! Мое дело — солдатское, и я люблю Авалон!

— Верю. Только зачем ты ему?

— Однорукому властелину не обойтись без хорошего полководца. Он мог бы...

Я было рассмеялся, но быстро умолк, памятуя, что смех разносится далеко, да и чувства Ганелона следовало щадить.

— Очень жаль, — сказал я. — Извини меня, пожалуйста. Ты не понимаешь. Ты просто не понимаешь, с кем ты говорил вчера в палатке. Быть может, он показался тебе обычным человеком... и калекой к тому же. Это не так. Я боюсь Бенедикта, даже сейчас. Он иной, не такой, как прочие, и в реальности, и в Царстве Теней. Он — Владыка оружия в Амбере. Ты можешь себе представить тысячелетие? Тысячу лет? А несколько тысячелетий? Можешь ли ты представить себе человека, который все это время, почти каждый день проводит хотя бы несколько часов с оружием... или за тактикой и стратегией? Ты встретил его в крошечном королевстве во главе малюсенького ополчения; конечно, на заднем дворе хорошо ухоженный сад — только не обманывайся. Вся военная наука умещается в его голове. Он часто странствовал из Тени в Тень, чтобы просмотреть все варианты какой-нибудь битвы в слегка изменившихся обстоятельствах, проверяя свои теории. Ему приходилось командовать такими громадными армиями, что шли бы мимо тебя днями, и конца колоннам не было бы видно. И хотя сейчас он испытывает временное неудобство из-за потери руки, я бы не хотел встретиться с Бенедиктом в поединке — с оружием или врукопашную. К счастью, он не рвется к трону, иначе уже сейчас занимал бы его. И если бы он только захотел этого, я бы отказался от своих претензий в тот же момент и присягнул ему. Я боюсь Бенедикта.

Ганелон долго молчал, а я еще раз приложился к выпивке — в глотке пересохло.

— Этого я, конечно, не представлял, — произнес он, помедлив. — И теперь буду счастлив, если он просто позволит мне вернуться в Авалон.

— Ну, на это он согласится. Я знаю.

— Дара получила от него сегодня известие. Он решил сократить свое пребывание в поле. И вернется сюда — скорее всего утром.

— Проклятие! — сказал я, вставая. — Значит, надо торопиться. Надеюсь, Дойль приготовил состав. Утром следует отправиться к нему и все забрать. Я хочу быть подальше отсюда, когда Бенедикт вернется.

— Значит, красотулечки уже у тебя?

— Да.

— Не покажешь?

Я отвязал мешочек от пояса и передал ему. Ганелон открыл его, высыпал несколько камней на левую ладонь и повертел их пальцами правой.

— Не слишком-то броски, — заключил он. — Конечно, в темноте судить трудно. Подожди-ка! Блестит! Нет...

— Это необработанные камни. На твоей ладони поблескивает целое состояние.

— Удивительно, — промолвил он, стряхивая их обратно в мешочек и завязывая его. — Для тебя это оказалось так просто.

— Ну, не так уж и просто.

— И все-таки иметь возможность так быстро собрать состояние — не к добру.

Он передал мешочек мне.

— Я пригляжу, чтобы у тебя оказалось состояние, когда наши труды завершатся, — заверил я. — Так сказать, компенсация, если Бенедикт не предложит должности.

— Теперь я знаю, кто он, и более прежнего стремлюсь когда-нибудь ему послужить.

— Посмотрим. Может, и удастся.

— Спасибо, Корвин. Как будем отъезжать отсюда?

— Сейчас я хочу, чтобы ты отдохнул: вставать придется рано. Стару и твоему Огнедышащему предстоит везти груз, хотя это и унизит их достоинство. Думаю занять у Бенедикта фургон и на нем отправиться в город. Мне придется подпустить тумана в обстоятельства нашего отъезда. Едем прямо к

ювелиру Дойлю, получаем товар, грузим и сразу же исчезаем в Тени. Чем скорее все проделаем, тем труднее будет Бенедикту нас догнать. Нужно иметь в запасе хотя бы половину дня, тогда все в порядке.

— А зачем ему так поспешно пускаться в погоню?

— Он не верит мне ни на грош, и совершенно справедливо. Бенедикт просто выжидает, пока я сделаю ход. Он знает, что я ищу здесь нечто, но не знает, что именно, и хочет выяснить, чтобы отвести еще одну угрозу от Амбера. И когда он убедится, что мы смылись, то поймет, что я нашел нужное, и явится посмотреть.

Ганелон зевнул, потянулся, потом допил вино.

— Да, — согласился он. — Сейчас лучше отдохнуть, чтобы хватило сил торопиться. Теперь, узнав побольше о Бенедикте, я не так удивлен, как обескуражен, и хочу еще кое-что тебе рассказать.

— Что же?

Он тихонечко поднялся, осторожно указал бокалом вдоль тропы.

— Если ты направишься в ту сторону, выйдешь за забор в конце этого сада и углубишься по ложбине в лес, а затем сделаешь сотни две шагов, то по левую руку окажется рощица: там на глубине фута три под сучьями и листьями укрыта свежая могила. Я обнаружил ее сегодня, когда гулял и остановился облегчиться...

— Откуда ты знаешь, что это могила?

Ганелон усмехнулся:

— Так обычно называют ямы, если в них зарыты человеческие останки. Она не слишком глубокая, я слегка поковырял шестом. Их четверо — трое мужчин и одна женщина.

— Убиты недавно?

— Несколько дней назад, не больше.

— И ты оставил все, как было?

— Я не дурак, Корвин.

— Извини. Ты меня озадачил: я ничего не понимаю.

— Видно, они навредили Бенедикту, и он рассчитался с ними.

— Может быть. Кто они? И как умерли?

— Да ничего особенного. Все средних лет, всем перерезали глотку... одному, правда, распороли живот.

— Странно. Хорошо, что мы скоро уезжаем. У нас хватит и собственных проблем, так что ввязываться в местные свары...

— Согласен. Ну что — по постелям?

— Иди первым, я еще не совсем готов.

— Воспользуйся лучше собственным советом и отдохни, — сказал он, поворачивая к дому. — Сидеть и размышлять бесполезно.

— Я не буду.

— Тогда спокойной ночи.

— До утра!

Я следил за его удалявшейся фигурой. Он был прав, конечно, но я еще не был готов спать. Я снова стал обдумывать свои планы, чтобы убедиться, что ничего не пропущено, допил остатки вина и поставил бокал на скамью. А потом поднялся и зашагал, время от времени выпуская облака табачного дыма. Откуда-то из-за спины прорывался лунный свет, до рассвета оставалось еще несколько часов... Я твердо решил провести остаток ночи вне дома и размышлял, куда же направиться.

Разумеется, по тропинке я быстро набрел на ту самую молодую рощу. Осмотревшись кругом, я понял, что яма и вправду свежая. Но разрывать лунной ночью могилу я не решился, достаточно было свидетельства Ганелона. Я и не понимал, зачем оказался здесь. Должно быть, из-за свойственных мне мерзких наклонностей. Впрочем, сегодня не было желания спать рядом с могилой.

Я отправился в северо-западную часть сада и нашел там себе место, которое не проглядывалось прямо из дома. Вокруг была высокая живая изгородь, приятно пахла мягкая высокая трава. Я расстелил плащ, сел на него, стащив сапоги, устроил ноги в прохладе зелени и вздохнул.

Не следует особенно медлить, решил я. Мир Теней — алмазы — ружья — Амбер. Таков мой путь. Год назад я гнил в своей камере и столько раз переходил грань между безумием и рассудком, что воспоминание об этом следовало вырвать с корнем. Теперь я снова здоров, силен, свободен, глаза опять видели. У меня есть план, и я вновь стал воплощенной угрозой, куда более опасной, чем прежде. На этот раз я рассчитывал лишь на себя — и в успехе, и в поражении.

Было приятно на душе: мягкая трава приятной прохладой ласкала ноги, алкоголь, растворясь в крови, согревал тело. Я выбил трубку, убрал ее, растянулся, зевнул и был уже готов отдаться сну.

Тут поодаль что-то мелькнуло, я перевалился на живот и вгляделся. Долго ждать не пришлось.

Она вышла из тени куста, и лунный свет разом осветил ее лицо. Понимая это, она улыбнулась мне, постепенно замедлила шаг, наконец остановилась передо мною и спросила:

— Так, значит, скромные апартаменты не подходят сэру Корвину?

— Вовсе нет, — возразил я. — Просто сегодня прекрасная ночь, а во мне проснулся бродяга.

— Похоже, бродяга просыпался и в прошлую ночь, хотя было дождливо, — заметила Дара, присаживаясь рядом со мной на плащ. — Ты спал в доме или нет?

— Я бродяжил всю ночь, — ответил я, — и не спал вчера вовсе. Сказать по правде, я не спал с того самого дня, как мы познакомились.

— А где ты был?

— У моря, просеивал песок.

— Унылое занятие.

— Еще бы.

— А я много думала после нашей прогулки в Царстве Теней.

— Могу себе представить.

— И тоже не слишком много спала. Поэтому-то я услышала, что ты приехал, говорил с Ганелоном, а потом остался где-то снаружи, раз он вернулся один.

— Ты не ошиблась.

— Ты ведь понимаешь, мне нужно в Амбер. Хочу пройти через Огненный Путь.

— Я знаю. Ты пройдешь.

— И скоро, Корвин. Скоро!

— Ты молода еще, Дара. У тебя впереди много времени.

— Проклятие! Я ждала всю свою жизнь... и даже ничего не знала об этом. А нет ли такой дороги, которой можно воспользоваться прямо сейчас?

— Нет.

— Но почему же? Ведь ты бы мог быстро провести меня к Амберу через Тени, а там я бы ступила на Огненный Путь.

— Если нас не убьют сразу же. Возможно, мы окажемся рядом на дыбе... или в соседних камерах — до казни.

— Это почему? Ведь ты принц Амбера и можешь поступать, как тебе заблагорассудится!

Я расхохотался:

— Милая, я же вне закона. Стоит мне вернуться в Янтарное Королевство, как меня казнят, и то если повезет... А если нет, будет того хуже. При нынешнем положении дел меня едва ли казнят быстро. С моими спутниками, несомненно, обойдутся не менее любезно.

— Оберон не решится на это.

— Имея соответствующий повод, решился бы, не сомневайся. Но все обстоит немного иначе. Оберона в Амбере больше нет, на троне сидит мой братец Эрик.

— Когда это случилось?

— Несколько лет назад — по календарю Амбера.

— Зачем ему убивать тебя?

— Только затем, чтобы я сам не убил его.

— И ты способен на такое?

— Не только способен, уверен — я убью его. Достаточно скоро к тому же.

Она приблизила ко мне лицо.

— Почему?

— Чтобы самому занять трон. Понимаешь, престол по закону принадлежит мне. Эрик — просто узурпатор. Я лишь недавно бежал из заточения после нескольких лет мучений. Он сделал ошибку — позволил себе роскошь оставить меня в живых, чтобы тешиться моими страданиями. Он и не помышлял, что я сумею освободиться и снова бросить ему вызов. Впрочем, я и сам не надеялся на это. И раз мне невероятно повезло и выпал еще один шанс, я должен действовать безошибочно, не повторять чужих промахов.

— Но он же твой брат!

— Уверяю тебя, едва ли кто-нибудь понимает это больше, чем мы оба.

— И как скоро ты собираешься осуществить свою цель?

— Я тебе уже сказал, если сумеешь добраться до колоды карт, свяжись со мной через три месяца. Если не сумеешь, но

все сложится удачно, я найду тебя сам, как только возьму власть. Ты должна иметь шанс пройти через Огненный Путь прежде, чем окончится год.

— А если неудача?

— Тогда тебе придется подождать подольше, пока Эрик не утвердится на троне и Бенедикт не признает его королем. Ты же видишь, он не слишком-то этого хочет. Его давно не было в Амбере, и Эрик считает, что его уже нет и в живых. Если Бенедикт решит объявиться там, ему придется либо поддержать Эрика, либо наоборот. Если он выступит на его стороне, власть Эрика не будет вызывать ничьих сомнений, а Бенедикт не хочет этого. Сам он и не мечтает о короне. Только находясь здесь, в неизвестности, он может сохранить спокойствие в стране. Если он появится и откажется встать на ту или другую сторону, это будет означать неподчинение власти Эрика и может привести к смуте. Еще хуже для него, если он появится вместе с тобой — он лишается выбора, ведь Эрик будет шантажировать его тобой.

— Значит, если ты потерпишь поражение, я никогда не попаду в Амбер.

— Я просто описываю тебе ситуацию, какой ее вижу. Наверняка кое-что мне неизвестно. Я ведь, так сказать, давно вне обращения.

— Ты должен победить! — сказала она. И вдруг выпалила: — А дед будет тебя поддерживать?

— Сомневаюсь. Но здесь все обстоит по-другому. Я знаю и что он жив, и о тебе. И не стану просить его о помощи. С меня хватит, если он не станет мне противиться. И если я буду действовать быстро, эффективно, он не успеет выступить против меня. Ему не понравится, что я узнал о твоем существовании, однако когда Бенедикт поймет, что я не желаю тебе зла, он сразу успокоится.

— Но почему же ты сам не воспользуешься мной? Это нелогично.

— Согласен. Просто я понял, что ты мне нравишься, — ответил я. — Так что этот вариант отпадает.

Дара рассмеялась;

— Я очаровала тебя!

Я улыбнулся в ответ:

— Деликатно, в собственном стиле — острием меча.

Внезапно она посуровела:

— Дед возвращается завтра.

— Это Ганелон тебе рассказал?

— Да. И как это влияет на твои планы?

— Теперь я адски спешу и собираюсь исчезнуть до его возвращения.

— А как он поступит?

— Во-первых, рассердится на тебя за то, что ты оказалась здесь. А потом захочет узнать, как же ты тут очутилась и что говорила мне о себе.

— И что же мне отвечать ему?

— Просто правду... как ты вернулась. Это заставит его подумать. Что же касается тебя самой, ты своим женским чутьем поняла, что я не стою доверия, а потому и вела себя со мной так же, как и с Джулианом и Джерардом. Где я?.. Скажешь, что мы с Ганелоном одолжили фургон и отправились в город, пообещав вернуться поздно вечером.

— А что ты будешь делать на самом деле?

— Заеду ненадолго в город. Но возвращаться не стану. Я просто хочу отъехать подальше — Бенедикт в состоянии отыскать меня по следу в любой Тени.

— Я постараюсь задержать его, насколько возможно. А ты не собирался попрощаться со мной?

— Я хотел поговорить с тобой обо всем утром, но из-за своей непоседливости ты узнала все раньше.

— Хорошо, что я такая непоседа. А как ты собираешься захватить Королевство?

Я покачал головой:

— Увы, милая Дара, у всех злоумышленников есть свои маленькие секреты. Это моя тайна.

— Просто удивительно, что в Амбере царят такие заговоры и недоверие.

— Почему же? Подобные свары существуют повсюду, пусть в иных формах. И они окружают тебя всегда, ведь все формы берут свое начало в Янтарном Королевстве.

— Трудно понять...

— Когда-нибудь поймешь. Давай пока оставим эту тему.

— Тогда расскажи о другом. Раз я могу уже понемногу перемещаться в Царстве Теней, еще не пройдя через Огненный Путь, объясни мне поподробнее, как ты ходишь там сам. Я хочу лучше понять.

— Нет! — ответил я. — Не могу позволить тебе дурачиться в Царстве Теней, хождение там тебе не по силам. Это опасно даже для тех, кто уже проходил через Путь. Пытаться лезть в Тени до этого — безрассудство. Один раз тебе повезло, не надейся на это снова. Я помогу тебе скорее тем, что ничего больше не скажу.

— Ладно! — ответила Дара. — Извини, я действительно могу подождать.

— Действительно можешь, — согласился я. — Без обид?

— Нет. Ну... — Она рассмеялась. — Понимаю: обижайся, не обижайся — ничего не изменить. Ты, конечно, знаешь, о чем говоришь. Я рада, что ты заботишься обо мне.

Я буркнул что-то в ответ, а она вдруг прикоснулась к моей щеке. Я снова обернулся. Ее лицо медленно приближалось к моему... Улыбка исчезла невесть куда, губы приоткрылись. С полуприкрытыми глазами она поцеловала меня, обхватив руками шею и плечи. Мои руки невольно оказались в том же самом положении вокруг нее. И удивление мое сменилось нежностью, лаской и дополнилось известным возбуждением...

Если Бенедикт узнает, у него будет серьезный повод рассвирепеть...

Глава 7

Фургон монотонно поскрипывал, солнце клонилось к западу, но еще припекало. Позади на ящиках храпел Ганелон, и я завидовал его шумному занятию. Он спал уже несколько часов, а я третий день проводил без отдыха.

Нас от города теперь отделяло миль пятнадцать, мы ехали на северо-восток. Дойль, увы, не успел вовремя выполнить весь заказ, но мы с Ганелоном живо убедили его закрыть лавку и поторопиться. А потому задержались на несколько часов. Я был слишком заведен, чтобы спать, даже не способен на это и управлял фургоном, раздвигая Тени.

Усилием воли я отогнал усталость, отодвинул вечер, при-

крылся от солнца облаками. Мы тряслись по глубоким колеям, выбитым в сухой глине. Она была какого-то уродливо-желтого цвета, под колесами раздавался хруст.

С обеих сторон торчала бурая трава, низкорослые изогнутые деревья покрывала толстая мохнатая кора. Вдоль дороги то и дело попадались выходы сланцевой глины.

Я хорошо заплатил Дойлю за его порошки, заодно купил и красивый браслет для Дары. Алмазы были в мешочке на поясе, Грейсвандир под рукой. Стар и Огнедышащий Дракон тянули размеренным шагом. Я двигался к своей цели.

Интересно, вернулся ли уже Бенедикт домой? И сколько времени он потеряет на ожидание? Опасность еще не миновала. Тени не были препятствием для него, а след за собой я оставлял отменный. Впрочем, выбирать не из чего. Без фургона я не мог обойтись, приходилось тащиться, к тому же на новую адскую гонку сил у меня уже не было. Я осторожно и медленно раздвигал Тени, понимая, что устал и все ощущения мои притуплены. Оставалось надеяться лишь на то, что постепенно увеличивающееся расстояние когда-нибудь отгородит меня от Бенедикта надежной стеной, за которую он не сумеет проникнуть.

На следующих двух милях я вернулся снова к полудню, но погоду сохранял пасмурной — мне нужен был свет, не жара. Удалось даже отыскать легкий ветерок. Правда, запахло дождем, впрочем, риск был оправданным. Нельзя получить все сразу.

Я старался совладать с дремотой и растущим желанием разбудить Ганелона — это можно будет сделать потом. А пока, в начале пути, это опасно, нужно отъехать подальше.

Мне хотелось, чтобы стало светлее, чтобы улучшилась дорога, — я устал от этой проклятой желтой глины, да еще приходилось следить за облаками и не забывать, куда мы едем...

Я потер глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Мысли в голове начинали путаться, а мерное постукивание копыт и поскрипывание фургона просто усыпляли. Я уже не чувствовал ни тряски, ни качки. Руки едва удерживали поводья, задремав, я даже выронил их. К счастью, лошади, казалось, сами понимали, чего от них ждут.

Через некоторое время въехав на холм по пологому длинному откосу, мы возвратились в утро. К тому времени небо и

вовсе нахмурилось; чтобы хоть как-то разогнать собравшиеся над головой тучи, пришлось отъехать еще на несколько миль и при этом еще не раз сместиться. Дождь мигом превратит дорогу в жижу. Я поморщился, оставил небо в покое и переключил внимание на землю под ногами.

Наконец мы подъехали к ветхому мосту через пересохший ручей. Дорога за ним стала поровнее и не такой желтой. По мере того как мы ехали, под копытами коней она становилась все темнее, тверже и глаже, зазеленела придорожная трава.

Тогда вот и начался дождь.

С ним я немного повоевал, не желая покидать ровную дорогу и траву. Голова моя болела, но ливень утих через четверть мили, и вновь проглянуло солнце.

Солнце... Ах да, солнце.

Мы громыхали дальше. Наконец дорога змеей скользнула меж деревьев с яркой листвой по какой-то впадине. Мы спустились в прохладную долину, по небольшому мостику перебрались через узкую полоску воды на дне пересохшего ручья. Поводья пришлось накрутить на кулак — время от времени я клевал носом. Собственные мысли приходили ко мне откуда-то издалека, я с трудом перебирал их.

В перелеске по правую руку от меня птицы робко начинали провозглашать день. Блестящие капли росы усеивали траву и листья. Воздух стал прохладным, косые лучи утреннего солнца пробивались меж деревьев.

Их пробуждение в этой Тени не могло одурачить мое тело, и я с облегчением услышал, что Ганелон пошевелился и ругнулся. Проспи он чуть подольше — пришлось бы его будить.

Хорошо. Я осторожно потянул за поводья, лошади поняли и остановились. Я поставил фургон на тормоз — мы были еще на подъеме — и нащупал бутыль с водой.

— Эй! — сказал Ганелон, увидев, что я пью. — Оставь и мне глоток.

Я передал ему бутыль.

— Теперь твоя очередь. Мне надо поспать.

Он тянул воду с полминуты, потом шумно выдохнул.

— Да, конечно, — ответил он, переваливаясь через край фургона, — только подожди малость. Природа требует свое.

Ганелон сошел с дороги, а я улегся на его ложе и, подло-

жив под голову вместо подушки плащ, сладостно растянулся там.

Вскоре он сел на место кучера и рывком отпустил тормоз. А потом цокнул языком и легонько прихлопнул вожжами.

— Сейчас утро? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да.

— Боже, неужто я проспал целый день и всю ночь?

Я рассмеялся:

— Нет. Просто я сдвигал Тени — ты спал шесть или семь часов.

— Не понимаю, но тем не менее не спорю. А где мы сейчас?

— Просто едем по дороге. Следует отъехать как можно дальше.

— Бенедикт еще может нагнать нас?

— Думаю, да. Потому-то и нельзя сейчас дать лошадям отдохнуть.

— Согласен. Нужно опасаться чего-нибудь определенного?

— Нет.

— Когда тебя разбудить?

— Никогда.

Он замолчал...

Ожидая, пока сон подчинит себе сознание, я, конечно, думал о Даре. Я все время думал о ней.

Для меня все это оказалось совершенно неожиданным. Сперва я даже не воспринимал ее как женщину; лишь оказавшись в моих объятиях, она заставила посмотреть на нее иначе. А секундой позже и мой спинной мозг принялся за дело, ограничив свободу разума, как говорил мне когда-то Фрейд. Алкоголь тут ни при чем, я выпил тогда не слишком много, да он и не подействовал на меня. Почему же случившемуся я хотел найти какую-нибудь постороннюю причину? Просто чувствовал себя виноватым, вот и все. Мы были в слишком дальнем родстве, его можно было не принимать во внимание. Так что объяснение не подходило, и я вовсе не воспользовался ситуацией — она сама знала, зачем ищет меня. Просто обстоятельства заставили меня усомниться в себе, прямо за самим делом. Я хотел добиться большего, чем ее доверия и дружбы, когда мы говорили с ней в первый раз и я вел ее потом через Тени. Я хотел, чтобы часть ее привязанности, веры и любви от Бенедикта перешли ко мне. Я хотел, чтобы она была на моей стороне, союзницей в лагере возможных врагов. Я надеялся, что сумею воспользоваться ею, если дела пойдут скверно и в этом окажется необходимость.

Все это было так. И все же я не хотел признаваться себе, что обладал ею не только из практических соображений. Они, конечно же, примешались к совсем другому чувству; это портило мне удовольствие и заставляло сомневаться. Почему? В свое время я успел натворить достаточно гадостей, весьма пакостных на любой взгляд. Однако прежние подвиги меня не особенно беспокоили. Я боролся с этим чувством, не желая признаться себе в том, но ответ был ясен: девушка мне нравилась. Очень просто.

Все тут было иначе, чем в кратковременной привязанности к Лоррен, дружбе усталых ветеранов; не было и той чувственности, что ненадолго связала меня с Моэри, перед тем как мне пришлось вступить на Путь во второй раз. Все было по-другому. Я и знал-то Дару слишком недолго, чтобы искать тут логику. За моими плечами столетия... Но такого со мной не было уже сотни лет. Я просто позабыл это чувство. Я не хотел влюбляться. Может быть, чуть попозже. А лучше — никогда. Она мне совершенно не пара. Это же еще ребенок. Все, чего она может захотеть, все, что может показаться ей новым и интригующим, я успел вкусить невесть когда. Нет, все неправильно. Не следует влюбляться в нее. Нельзя позволять себе...

Ганелон, фальшивя, напевал чуть слышно какую-то непристойную песенку. Фургон, покачиваясь и поскрипывая, повернул вверх по склону. Лучи солнца упали мне на лицо, и я прикрыл глаза ладонью. Тогда-то забвение ухватило и стиснуло меня.

Проснулся я уже после полудня в мрачноватом настроении. Долго пил, потом плеснул воды на руку и освежил глаза. Причесался — пальцами. И оглядел окрестности.

Вокруг была зелень. Небольшие купы деревьев перемежались с заросшими высокой травой лужайками. Мы ехали все по той же проселочной дороге — жесткой и гладкой. Небо было высоким, небольшие облака то и дело с поразительной регулярностью затмевали свет. Дул легкий ветерок.

— Восстал среди живых. Браво! — сказал Ганелон, когда я перелез через переднюю стенку и уселся рядом с ним. — Лошади начинают уставать, Корвин, да и мне хотелось бы вытянуть ноги. К тому же я очень проголодался. А ты?

— Тоже. Поворачивай налево, в тень, остановимся и передохнем.

— По-моему, следует проехать подальше.

— Есть какие-нибудь причины?

— Да. Хочу кое-что тебе показать.

— Вперед.

Так мы проскрипели еще полмили, там дорога поворачивала к северу. Поднялись на холм; за ним оказался другой, еще выше.

— Куда ты собираешься ехать? — спросил я.

— Вон на ту горку, — ответил Ганелон. — Возможно, с нее будет видно.

— Поехали.

Лошади с трудом тянули фургон по крутому склону, я вылез подтолкнуть сзади. Когда мы наконец взобрались наверх, пыль и пот совсем испортили мне настроение, но я снова чувствовал себя совершенно бодрым. Ганелон осадил коней и поставил фургон на тормоз. Потом перебрался внутрь, а оттуда повыше — на крышу. Он встал, поглядел налево и, притенив глаза, позвал:

— Корвин, поднимись сюда.

Я полез сзади; присев на корточки, он протянул руку, потом указал вдаль, и я внимательно вгляделся в ту сторону.

Быть может, в трех четвертях мили слева направо тянулась широкая черная полоса. Мы были в нескольких сотнях ярдов над нею и прекрасно видели ее часть примерно в полмили длиною. Шириной она была в несколько сотен футов. И хотя полоса изгибалась и даже дважды поворачивала, ширина ее оставалась неизменной: посреди нее высились деревья — абсолютно черные. Казалось, там что-то шевелится, но различить ничего не удавалось. Возможно, просто ветер колебал черную траву. Темная полоса извивалась будто река, в ней словно бы различались отдельные струи.

— Что это? — спросил я.

— А я-то думал — ты знаешь, — ответил Ганелон. — Я решил, что это какое-то волшебство, связанное с твоими Тенями.

Я медленно покачал головой:

— Перед тем как задремать, я обязательно предупредил бы тебя, что наткнемся на что-нибудь столь странное. А как ты узнал про нее?

— Просто пока ты спал, мы несколько раз проезжали неподалеку от нее, а потом отъехали в сторону.

Мне почему-то эта полоса не нравится. Чувствуется что-то знакомое. Тебе она ничего не напоминает?

— Увы, увы, к сожалению, напоминает.

Он кивнул:

— Словно тот проклятый Круг в Лоррене. Вот на что она похожа.

— Черная Дорога, — сказал я.

— Что?

— Черная Дорога, — повторил я. — Я даже не знал, что это такое, когда она упомянула про нее, но теперь начинаю догадываться. Ох, не к добру это!

— Еще одно плохое предзнаменование?

— Боюсь, что так.

Ганелон ругнулся, а потом спросил:

— Неприятностей следует ожидать скоро?

— Не похоже, но утверждать не могу.

Он спрыгнул на землю, я последовал за ним.

— Тогда давай поищем, где подкормить лошадей, — сказал Ганелон, — да и о собственных желудках пора позаботиться.

— Уговорил.

Он взял поводья, мы двинулись вперед. Удобное местечко отыскалось у подножия холма.

Мы проторчали там чуть менее часа и говорили в основном об Авалоне. О Черной Дороге не было сказано ни слова, хотя мысли мои не отрывались от нее. Следовало, конечно, глянуть на эту черноту поближе.

А когда мы собрались в путь, поводья снова взял я. Слегка отдохнувшие лошади заспешили.

Ганелон сидел слева от меня и разглагольствовал. Только теперь начинал я понимать, что означало для него это странное возвращение домой. Он посетил все притоны своей развратной молодости, обошел четыре поля боя, где покрыл себя неувядаемой славой уже как человек с авторитетом. Его воспоминания меня даже слегка растрогали. Какая необычная

смесь глины и золота в этом человеке! Родиться бы ему в Амбере.

Мили проскальзывали мимо, и мы уже подбирались вновь к Черной Дороге, когда мой разум ощутил знакомый удар. Я передал поводья Ганелону.

— Бери! — приказал я. — Правь!

— Что с тобой?

— Потом. Правь!

— Поторопиться?

— Нет. Езжай, как едем, только помолчи некоторое время.

Я закрыл глаза, сжал голову ладонями, опустошил ум и возвел стену вокруг пустоты... Никого нет дома. Ушли в гости. Адвокатов не требуется. Собственность без владельца. Просьба не беспокоить, нарушители будут преданы суду. Осторожно, злая собака. Горный обвал. После дождя скользко. Сносится для перестройки.

Напряжение спало, тяжко навалилось вновь; я опять блокировал его. Потом пришла третья волна. Я справился и с нею.

А потом все исчезло.

Я вздохнул, потер глаза.

— Теперь все в порядке.

— Что случилось?

— Со мной пытались связаться весьма необычным для тебя способом, наверняка это был Бенедикт. Он, наверное, только что узнал кое о чем... и захотел остановить нас. Теперь я снова возьму поводья. Боюсь, он не замедлит пуститься в погоню.

Ганелон передал мне поводья.

— Есть у нас шанс ускользнуть?

— И неплохой, ведь мы уже достаточно далеко. Я хочу еще потасовать Тени, как только голова перестанет кружиться.

Я правил. Дорога петляла и изгибалась... Некоторое время мы ехали вдоль черной ленты. А потом дороги стали сходиться. Наконец мы оказались лишь в нескольких сотнях ярдов от нее.

Ганелон молча вглядывался вперед и потом произнес:

— Уж слишком она похожа на то самое место. Та же туманная пелена вокруг и ощущение, что сбоку что-то шевелится, а повернешься — и ничего.

Я закусил губу. Я взмок. Я пытался сместиться от этой штуки, и что-то все время противилось мне. Не было ощущения монолитной недвижимости, той, что возникает, если ты вдруг соберешься вступить в Тени в Амбере. Здесь было другое чувство — неизбежности.

Мы, как положено, двигались, переносясь из Тени в Тень. Солнце поднималось все выше, к полудню, но рядом с этой полосой в голову лезли мысли про черную полночь. Небо утратило голубизну, деревья стали выше, вдалеке появились горы.

Неужели дорога прорезает и саму Тень?

Должно быть, так. Иначе как смогли бы найти ее Джулиан и Джерард и заинтересоваться ею?

Я уже начинал опасаться, что, к несчастью, и эта дорога имеет прямое отношение ко мне.

Проклятие!

Мы довольно долго ехали неподалеку от нее, постепенно приближаясь к темной полосе. И скоро нас разделяла только сотня футов. Пятьдесят...

Наконец, как я ожидал, обе дороги пересеклись.

Я натянул поводья, набил трубку и раскурил ее, не отрывая глаз от дороги. Стар и Огнедышащий Дракон явно остерегались темной полосы, внезапно оказавшейся перед ними. Кони ржали и пытались сойти на обочину.

Дорога пересекала черную полосу наискось, и часть ее скрывали от взгляда невысокие скалы. Темноту густо обрамляла черная трава, островки ее попадались и у подножия скал. Повсюду липли клочки тумана, над впадинами клубились дымки. Над темной полосой стояла легкая мгла, и небо сквозь марево казалось темным и грязноватым. В предстоящей тьме царило молчание, не имевшее ничего общего с покоем, словно кто-то невидимый спрятался там, затаив дыхание.

А затем раздался визг. Девичий. Или, может быть, пожилой дамы в отчаянии?

Доносился он справа, прямо из-за холмов. Подозрительно. Черт побери! Или же это всерьез?

Я перебросил поводья Ганелону, соскочил на землю, выхватил Грейсвандир.

— Пойду посмотрю, — сказал я, повернулся направо и перепрыгнул через придорожную канаву.

— Не задерживайся! — крикнул мне вдогонку Ганелон.

Раздвигая кусты, я дошел до каменистого склона, продрался через такие же заросли с обратной стороны и полез вверх по следующему, еще более высокому откосу. Визг повторился, и до меня донеслись новые звуки.

А потом я добрался до верхушки холма, откуда открывался вид вдаль.

Чернота начиналась внизу футах в сорока от меня, безобразие творилось уже в ней — еще футов на сто пятьдесят подальше.

Черно-белую картинку нарушало одно лишь пламя. Женщина в белом платье — черные волосы разметались по плечам — была привязана к одному из темных деревьев. Ноги ее тонули в тлеющем хворосте. Полдюжины волосатых альбиносов-мужчин, почти нагишом, продолжая на ходу раздеваться, копошились вокруг, бормотали и хихикали, тыкали в женщину и в огонь палками, что были у каждого, время от времени хватаясь за чресла. Языки пламени лизали одежду женщины, уже начинавшую тлеть. Длинное одеяние было разодрано в клочья, мне была видна ее дивная фигура, хотя дым скрывал лицо.

Я рванулся вперед на Черную Дорогу, перепрыгнул через длинные вьющиеся травы и врезался в толпу. Я срубил на ходу голову одному и пронзил мечом второго, прежде чем кто-нибудь из них что-то понял. Остальные повернулись ко мне, выставив палки, размахивая ими и крича.

Грейсвандир не останавливался, пока все они не умолкли и не свалились на траву. Из тел текла черная жижа.

Я обернулся и, задерживая дыхание, затоптал огонь. А потом приблизился к даме и разрезал ее путы. Рыдая, она рухнула в мои объятия.

И только тут я увидел ее лицо, точнее, отсутствие оного. Ко мне была обращена овальная маска слоновой кости, совершенно ровная и гладкая, лишь с двумя небольшими прямоугольными прорезями для глаз.

Я оттащил женщину подальше от кострища и черных луж. Тяжело дыша, она липла ко мне, прижимаясь всем телом. Выждав какое-то время, я попытался освободиться, но она не отпускала меня, проявив неожиданную силу.

— Теперь все в порядке. — Я сказал это или что-то столь

же заезженное и уместное в подобном случае, но она и не думала отвечать.

Женщина крепко обхватила мое тело, неуклюже и ласково поглаживая, что не могло не обеспокоить меня. Она становилась все желаннее и желаннее. Вдруг я понял, что глажу ее по волосам, ласкаю ее грудь...

— Теперь все в порядке, — повторил я. — Кто ты? Почему тебя жгли? Кто они?

Она не отвечала. И теперь уже не рыдала, просто тяжело дышала, но уже по-другому.

— Почему на тебе эта маска?

Я потянулся за ней, она отклонила голову назад.

Впрочем, это было не так важно. Я был безволен, обессилен, как боги эпикурейцев, но что-то холодное, трезвое внутри меня отдавало себе отчет в неестественности подобной страсти. Однако я желал ее и был уже готов для этого.

Тут меня окликнул Ганелон. Я хотел повернуть голову, но женщина не позволила мне. Я был удивлен ее силой.

— Дитя Амбера, — раздался полузнакомый голос. — Мы должны это сделать за все, что ты дал нам, и сейчас ты полностью станешь нашим.

Голос Ганелона донесся до меня снова — ровный поток богохульств.

Все свои силы бросил я против этой хватки, и она ослабла. Моя рука потянулась вперед — я ухватился за маску.

Женщина сердито вскрикнула, а потом процедила четыре слова:

— Амбер должен быть разрушен!

Лица под маской не было. Под ней не было ничего... совсем.

Одежда ее осела вниз и повисла на моих руках. Она... точнее оно... исчезло.

Быстро обернувшись, я увидел на краю Черной Дороги Ганелона. Он стоял в неловкой позе с неестественно вывернутыми ногами. Клинок его методично вздымался и падал, но с кем он воюет, не было видно. Я побежал к нему.

Черная трава, через которую я перепрыгнул, опутала его ноги полностью. Он перерубал эти путы, а другие стебли раскачивались вблизи, словно пытаясь вырвать из его руки меч.

Ганелон сумел почти освободить левую ногу и качнулся вперед, чтобы сделать шаг.

Я обошел его со спины, стараясь держаться подальше от травы, и отбросил в сторону маску, которую, как оказалось, еще сжимал в руке. Она упала на землю у края Тьмы и сразу же вспыхнула.

Подхватив Ганелона под руки, я оттащил его; куст яростно сопротивлялся, но я все же одолел. Перепрыгивая через темные травы, что отделяли нас от мирной, ручной травки, я отнес товарища за дорогу.

Поднявшись, Ганелон некоторое время не отпускал меня, потом согнулся и стал растирать ноги.

— Онемели, — сказал он, — словно отнялись.

Я помог ему добраться до фургона. Ухватившись за него, он сумел притопнуть.

— Покалывает. Начинают приходить в себя... о-о!

Наконец он прохромал к передней части фургона. Я помог ему забраться на сиденье и сам вспрыгнул следом.

Ганелон вздохнул.

— Стало получше, — заулыбался он, — чуть-чуть отошли — эта дрянь просто высосала из них всю силу. И из всего меня тоже. Что случилось?

— Плохое предзнаменование наконец оправдалось.

— Что теперь?

Я взял поводья и спустил тормоз.

— Придется ехать поперек. Нужно узнать получше, что это за мерзость. Держи клинок наготове.

Ганелон осклабился и положил оружие поперек колен. Лошади упирались идти вперед. Но я слегка тронул их бока кнутом, и они сдвинулись с места.

Мы ехали по черной полосе, словно в кинохронике о второй мировой войне. Ехали будто в какой-то дали — близкой, мрачной, унылой. Даже скрип фургона и поступь копыт звучали глуховато, словно издалека. В ушах начало слабо и ровно звенеть. Трава у дороги шевелилась, и я старался держаться подальше от нее. Несколько раз мы проехали сквозь туманные облака. Они ничем не пахли, но мы невольно задерживали дыхание. Мы приближались к первому холму, и я начал раздвигать Тени.

Осторожно обошли холм.

Ничего.

Темная дорога дымилась на прежнем месте.

Тогда я рассвирепел. Извлек из памяти Путь, заполыхавший перед моим внутренним взором. И вновь попробовал сдвинуть Тень.

Сразу же заболела голова. Раскаленной проволокой от лба до затылка пронзила голову боль. Но это только разожгло мой гнев, и я изо всех сил стал сдвигать эту Черную Дорогу в небытие.

Все пошатнулось. Сгустились туманы, подушками поползли по дороге. Очертания расплылись. Я дернул вожжи. Лошади прибавили шагу. В голове моей теперь уже пульсировало, словно она вот-вот развалится на части.

Но вместо нее раскололось все вокруг. Земля дрогнула, по ней поползли трещины, но это было еще не все. Вокруг все задрожало, и трещины были не просто трещинами. Всюду зияли дыры: из одной торчала зеленая ветвь, в другой — поблескивала вода, в третьей — синее небо, а еще — абсолютная чернота, белесое ничто, фасад кирпичного дома, лица за окном, огонь, кусочек звездного неба...

К тому времени лошади уже неслись галопом, а я прилагал все усилия, чтобы не вскрикивать от боли.

Накатилась волна голосов: животные, люди, машины — все что-то бормотали. Я, кажется, расслышал голос Ганелона; он ругался — впрочем, не помню.

Я уже было подумал, что вырублюсь от этой боли, но из чистого упрямства и гнева решил выстоять. Все свои мысли я обратил к Пути, как умирающий к Богу, и всю свою волю бросил против самого существования Черной Дороги.

А потом давление исчезло, кони ринулись вперед, в зеленое поле. Ганелон ухватился за поводья, но я успел первым и остановил коней.

Мы пересекли Черную Дорогу.

Я сразу же обернулся назад и вгляделся. Передо мной все дрожало, как в растревоженной луже. Но наш след был непоколебим, будто мост в черной реке, и трава на нем стала зеленой.

— Это было похуже той скачки, когда ты вез меня в ссылку, — отметил Ганелон.

— Да, пожалуй, — согласился я и, ласково окликнув коней, вернул их на глинистую полоску дороги.

Здесь мир был ярче, а деревья, меж которых мы двигались теперь, оказались гигантскими соснами. Воздух благоухал их ароматом. Мелькали белки, перепархивали с ветки на ветку птицы. Земля стала темной и плодородной. Похоже, мы оказались повыше, чем были за Черной Дорогой. Меня порадовало, что Тени все-таки сдвинулись в нужном направлении.

Дорога изогнулась, повернула ненадолго вспять, потом выпрямилась. Время от времени перед глазами оказывалась черная полоса — не слишком далеко справа. Мы ехали, в общем, вдоль нее. Она явно прорезала Тень. Было видно, что теперь она снова осела, застыла в своей мерзкой сути.

Головная боль утихла, на сердце стало легче. Мы въехали чуть повыше, отсюда открывался дивный вид на поросшие лесом холмы, напоминавшие мне о местах в Пенсильвании, которыми я так наслаждался когда-то.

Я потянулся... спросил:

— Как твои ноги?

— В порядке, — ответил Ганелон, оглядываясь. — Корвин, у меня очень острое зрение...

— Да?

— Я вижу несущегося за нами во весь опор всадника.

Я встал и обернулся. Кажется, я застонал, рухнув на сиденье и дернув вожжи.

Он был еще слишком далеко, по ту сторону Черной Дороги. Кто этот всадник, пока не было видно. Но кто еще мог так мчаться по нашему следу?

Я выругался.

Мы приближались к гребню очередного холма. Я повернулся к Ганелону и сказал:

— Готовься к новой адской гонке.

— Это Бенедикт?

— Думаю, да. Слишком много времени мы потеряли. А он умеет ездить потрясающе быстро, в особенности сквозь Тени и в одиночку.

— Ты думаешь, нам удастся оторваться?

— Скоро узнаем, — ответил я. — В самом деле скоро.

Я цокнул языком лошадям, хлопнул поводьями. Когда мы поднялись на гребень, в лицо ударил ледяной ветер. Мы свер-

нули вбок, и скала слева затмила небосвод. Когда мы миновали ее, тьма осталась, и мелкие кристаллики снега понеслись навстречу, впиваясь в наши лица и руки.

Через несколько мгновений мы вновь повернули вниз, легкий снежок стал слепящей пургой. В ушах ревел ветер, фургон громыхал и раскачивался. Я быстро выровнял его. Вокруг были заносы, дорога стала белой. При дыхании изо рта валил пар, вокруг все занесло снегом.

Мы гнали вперед, ветер бил нас, кусал и визжал у дороги. Снежные заносы уже перекрыли ее.

Обогнув поворот, мы выехали из бурана. Мир вокруг оказался политым белой глазурью, временами порхали случайные снежинки, но солнце вырвалось из-за облаков и осветило землю. Мы снова направились вниз и, пробив туманную пелену, оказались в безжизненной скалистой местности, усеянной камнями и ямами, но без единой снежинки...

Повернув направо, опять выехали под солнце, виляя меж высоких, похожих друг на друга синевато-черных каменных столбов...

И вдалеке справа в ту же сторону бежала Черная Дорога.

Волной накатила жара. Все вокруг задымилось. В кратерах булькала жижа, добавляя зловоние и в без того вонючий воздух. Горстью старинных бронзовых монет поблескивали мелкие лужи.

Кони понесли, почти обезумев, едва рядом с дорогой закипели гейзеры. Земля изрыгала кипящую воду, вокруг пенились струи, обрушиваясь на камни парящими потоками. Сквозь медное небо мутным яблоком просвечивало солнце. Зловонный ветер задыхался, как запыхавшийся пес.

Земля задрожала. Слева вершина одной из дальних гор в столбах пламени взлетела к небесам. Обрушившийся на наши головы страшный удар на время оглушил нас, землетрясение колыхало все вокруг. Фургон приплясывал и качался. А вместе с ним и мы.

Земля содрогалась, ветер бил в наши лица почти с ураганной силой. Мы мчались к цепи черноверхих холмов.

Покинув дорогу, когда она повернула не в ту сторону, мы припустили по самой равнине. Колеса фургона то налетали на камни, то ухали в рытвины. Пляшущие в дрожащем воздухе горы неумолимо приближались.

Почувствовав на предплечье руку Ганелона, я обернулся. Он что-то выкрикивал, но я не слышал его. Тогда он указал назад — я посмотрел в ту сторону, однако не увидел ничего неожиданного. Горячий воздух был полон пыли, мусора и пепла. Пожав плечами, я глянул на горы.

У ближайшего подножия виднелся какой-то сгусток тьмы. Я направился к нему. Размеры его все росли, и дорога вновь покатила вниз к громадному входу в пещеру, под завесой непрестанного потока пыли и гравия.

Я хлестнул кнутом над крупами коней — мы пронеслись последние пять-шесть сотен ярдов и влетели внутрь пещеры.

Сразу же замедлив ход, я перевел коней почти на шаг.

Все еще спускаясь, мы завернули за угол и въехали в просторный грот. Из отверстий в своде пещеры свет пятнами падал на сталагмиты и зеленые трепещущие лужицы. Земля мелко дрожала, но слух стал понемногу возвращаться ко мне. Я увидел, как неподалеку рухнул массивный сталагмит, и услышал наконец слабый шум.

Через мрачную узкую пропасть мы переехали по громадному камню, кажется, песчанику; сразу за нами он рухнул вниз.

Сверху дождем сыпались мелкие камушки, иногда падали камни и покрупнее. В трещинах по сторонам светились красные и зеленые налеты грибка и плесени. Поблескивали изогнутые жилы самоцветов, крупные кристаллы и плоские розы из бледного камня усиливали красоту этого странного сырого места. Мы неслись цепью связанных друг с другом пузырей-пещер, пересекли белопенный поток, исчезавший в какой-то темной дыре. Длинная галерея штопором завивалась вверх.

До меня донесся слабый голос Ганелона:

— Я, кажется, видел... кто-то шевельнулся, похоже, всадник... на вершине холма... одно мгновение... позади.

Мы въехали в зал посветлее.

— Если это Бенедикт, ему придется туго, — крикнул я.

Земля дрогнула, и позади нас послышался грохот обвала.

Мы ехали вперед и вверх, над головой стали появляться синие пятна неба.

Цокот копыт и грохот фургона мало-помалу приобрели нормальную громкость, даже стало доноситься эхо. Земля успокоилась, вокруг заметались мелкие пичуги, посветлело.

Еще один поворот — и мы оказались перед выходом из пещеры: низким широким отверстием. Пришлось даже пригнуться, проезжая под зазубренной притолокой.

Подпрыгнув на выступающем покрытом мхом камне, фургон вылетел на полосу гравия, серпом протянувшуюся по склону, вниз до гигантских деревьев. Я цокнул, подгоняя лошадей.

— Они уже очень устали, — заметил Ганелон.

— Знаю. Скоро отдохнут — так или иначе.

Гравий хрустел под колесами. От деревьев пахло свежестью.

— Ты заметил ее? Внизу справа.

— Что?.. — начал было я, повернув голову, и охнул.

Адская Черная Дорога была неподалеку, может быть, в миле от нас.

— Через сколько же Теней она проходит? — удивился я.

— Похоже, через все, — предположил Ганелон.

Я медленно покачал головой:

— Надеюсь, что нет.

Мы направились вниз. На голубом небе клонилось к закату обычное солнце.

— Я даже боялся выезжать из этой пещеры, — признался Ганелон чуть погодя. — Трудно было предположить, что ждет нас снаружи.

— Кони скоро выдохнутся. Надо сдаваться. Если мы видели Бенедикта, плохо ему придется — ведь его лошадь устала. Он и так гнал ее, заставил бедное животное пройти все это. Думаю, он повернул назад.

— А может, он привык к подобным местам, — сказал Ганелон, когда мы свернули направо, потеряв из виду вход в пещеру.

— Не исключено, — кивнул я и вспомнил Дару: чем-то она занята в эту минуту?

Мы все время спускались. Я медленно и незаметно сдвигал Тени.

Дорога свернула направо, и я выругался, поняв, что этот путь приведет нас опять к Черной Дороге.

— Проклятие! От нее не избавишься, как от страхового агента! — воскликнул я, чувствуя, что мой гнев переходит в ненависть. — Будет время, уничтожу ее вовсе.

Ганелон не отвечал. Он тянул воду, а потом передал бутыль мне, и я в свой черед припал к горлышку.

Наконец мы выехали на равнину, но колея продолжала извиваться. Нашим лошадям стало полегче, да и нагонять по такой дороге труднее.

Примерно через час я почувствовал некоторое облегчение, и мы остановились передохнуть, а заодно и подзаправиться. Мы как раз укладывали потом вещи, когда Ганелон, не отрывавший взгляда от склона, встал и прикрыл козырьком глаза.

— Нет, — вскрикнул я, вскакивая, — не верю!

Из устья пещеры вырвался одинокий ездок, я видел, как он на мгновение остановился и снова поспешил по следу.

— Ну, что будем делать? — спросил Ганелон.

— Быстрее собирайся и поехали, по крайней мере чуть отложим неизбежное. Я хочу поразмышлять.

Мы не торопясь покатили дальше, но мои мысли гнали вовсю. Должен же быть способ задержать его. Лучше всего не убивая.

Но придумать я ничего не мог.

Мирный вечер в прекрасной местности портила только снова приблизившаяся Черная Дорога. Позорно портить такой закат кровью, особенно собственной. Я боялся Бенедикта, даже держа клинок в руках. Ганелон здесь помочь не мог — что он против моего брата!

Я сместился в Тень сразу же за поворотом, чуть позже до моих ноздрей донесся слабый дымок. Я сместился снова.

— Он торопится! — объявил Ганелон. — Я только что заметил... Дым! Огонь! Лес горит.

Я рассмеялся и поглядел назад. Половина склона была затянута дымом, оранжевые языки лизали зелень, треск огня только сейчас достиг моих ушей. По собственной воле кони ускорили шаг.

— Корвин! Неужели ты?..

— Да! Если бы склон был покруче и без деревьев, я попробовал бы устроить обвал.

Воздух кишел птицами. Мы подъезжали к Черной Дороге. Огнедышащий Дракон задрал голову и заржал, на губах его выступила пена. Он попытался вильнуть, потом встал на дыбы, забив ногами в воздухе. Стар, мой чалый жеребец, испуганно вскрикнув, рванулся направо. С трудом я справился с лошадьми, но решил отъехать чуть подальше.

— Он нагоняет! — крикнул Ганелон.

Я выругался, и мы помчались. Повернув, тропа привела нас к Черной Дороге. Здесь был длинный прямой участок; глянув назад, я увидел, что полыхает уже весь склон, только шрамом прорезает его опускающаяся вниз колея. Тогда-то я и заметил всадника. Он был где-то на половине склона, а мчался как на дерби в Кентукки. Боже! Какой у него конь! И в какой Тени отыскал он такого?

Я натянул поводья, сперва слабо, потом сильнее, и мы стали останавливаться в нескольких сотнях футов от Черной Дороги. Я видел, что впереди это расстояние сужается футов до тридцати-сорока. Я умудрился завести лошадей в эту узкую полосу, едва мы до нее доехали, и кони дрожа встали. Я передал поводья Ганелону, извлек из ножен Грейсвандир и спрыгнул на землю.

Почему бы и нет? Место было ровным и чистым, а может быть, черная пустошь рядом с цветущей по ее обочине жизнью пробуждала во мне низменную симпатию.

— Что теперь? — спросил Ганелон.

— Больше нам его уже нечем удивить, — сказал я. — Если он пробьется через огонь, то будет здесь через несколько минут. Бежать дальше не имеет смысла.

Ганелон намотал поводья на оглоблю и потянулся за клинком.

— Нет, — сказал я. — Ты тут бесполезен. Вот что, отъезжай, встань неподалеку и жди. Если все закончится благополучно для меня — поедем дальше. Если же нет — немедленно сдавайся Бенедикту. Ему нужен лишь я, и только он может вернуть тебя в Авалон. Он сделает это. И ты хотя бы вернешься домой.

Ганелон заколебался.

— Ступай, — повторил я, — да поживее!

Он посмотрел на землю, отвязал поводья и взглянул на меня.

— Желаю удачи, — сказал он и тронул лошадей.

Я сошел с колеи, выбрал место у низкой поросли и стал ждать с Грейсвандиром в руке. Посмотрел на Черную Дорогу, затем снова на колею.

Вскоре, окутанный огнем и дымом, из пламени появился наш преследователь. Вокруг трещали и падали ветви. Конечно же, это был Бенедикт, лицо его было чем-то обмотано, обрубком правой руки он защищал глаза — словно призрак, бежавший из ада. В облаке искр и пепла он вырвался на прогалину и припустил вниз по колее.

Вскоре я мог уже слышать стук копыт. Из благородства следовало бы вложить клинок в ножны... Но решись я на это — не знаю, удалось ли бы мне извлечь его оттуда снова.

А потом я задумался о том, как Бенедикт носит клинок и каков он. Прямой? Изогнутый? Длинный? Короткий? Брат фехтовал любым оружием с равной ловкостью. Он-то и научил меня фехтовать.

Вложить клинок в ножны было бы и благородно, и мудро. Бенедикт, быть может, захочет поговорить, а так я сам нарываюсь на неприятности. Но конская поступь становилась все громче, и я понял, что боюсь решиться на это.

Прежде чем он показался, я успел вытереть ладонь. Должно быть, он увидел меня только сейчас и направился прямо ко мне, попридержав коня, но останавливаться явно не собирался.

Это была какая-то мистика. Как еще назвать происходившее, не знаю. Бенедикт приближался, а мой ум опережал время, словно у меня была вечность, чтобы поразмыслить при приближении этого человека, бывшего моим братом. Одежда его была в грязи, лицо испачкано, обрубок правой руки дернулся в каком-то жесте. Он ехал на громадном полосатом черно-красном звере с буйной рыжей гривой и хвостом. Но это была все-таки лошадь — глаза ее закатывались, вокруг рта была пена, она с трудом дышала.

Я увидел, что клинок у Бенедикта за спиной, а рукоять торчит над правым плечом. Все еще замедляя шаг, не отводя от меня глаз, он съехал с дороги, забирая слегка налево; бросив поводья, он правил коленями. Левая рука взметнулась, словно в приветствии: занеся ее над головой, он выхватил рукоять меча. Клинок вышел из ножен без звука, описав над ним прекрасную дугу, и замер в смертельной готовности, похожий на крыло из тусклой стали с блестящим волоском лезвия. Бенедикт выглядел величественно, великолепие это странно трогало меня. Клинок был длинным, изогнутым, мне уже приходилось видеть, как он орудует им. Только тогда мы

вместе отражали общего врага, которого я уже начинал считать непобедимым. В ту ночь Бенедикт доказал обратное. А теперь этот клинок был обращен против меня, и чувство собственной смертности стиснуло мое нутро, как никогда прежде. Словно с мира содрали какую-то пелену, и я вдруг внезапно со всей полнотой ощутил смерть.

Прошло мгновение. Я отступил в рощу и встал так, чтобы воспользоваться зарослями. Зашел туда футов на двенадцать и шагнул на два шага влево. В последний момент конь моего брата попятился, фыркнул и заржал, раздувая влажные ноздри. Разрывая копытами дерн, он повернул. Рука Бенедикта двинулась почти незаметно, как язык жабы, и клинок его рубанул деревце дюйма в три толщиной. Оно постояло, а потом медленно рухнуло.

Сапоги грохнули о землю, Бенедикт двинулся прямо на меня. Для этого мне и нужна была роща — здесь длинному клинку будут мешать и деревья, и заросли.

Но, приближаясь, он помахивал клинком в обе стороны почти непринужденно, и деревца за ним падали. Если бы в нем не было этого адского умения! Если бы это не был мой кровный брат!

— Бенедикт, — сказал я нормальным голосом, — она уже взрослая и может решать кое-что сама.

Но он словно бы и не слышал. Просто шел вперед, помахивая гигантским клинком. В воздухе тот словно звенел, потом слышалось мягкое «тюк», когда лезвие рассекало ствол, почти не замедляя движения.

Я поднял Грейсвандир на уровень груди.

— Бенедикт, не подходи, — заявил я, — биться с тобой я не хочу.

Он поднял клинок для атаки и выдохнул одно слово:

— Убийца!

Рука его дернулась, и мой клинок был просто отведен в сторону. Я парировал последовавший выпад; он вновь смел в сторону мой контрвыпад и навалился на меня.

На этот раз я и не пытался контратаковать — я просто отбивался, отступал и наконец встал за деревце.

— Не понимаю! — выкрикнул я, отбивая скользнувший вдоль ствола клинок, едва не пронзивший меня. — Я давно не убивал никого, по крайней мере в Авалоне.

Вновь «тюк», и на меня повалилось дерево. Я шагнул в сторону и, защищаясь, опять стал отступать.

— Убийца, — повторил он.

— Не знаю, о чем ты, Бенедикт!

— Лжец!

Тогда я уперся. Проклятие! Бессмысленно умирать по ошибке. Я контратаковал — быстро, как только мог, — ожидая его ошибок. Их не было.

— По крайней мере объясни, в чем дело, — крикнул я. — Пожалуйста!

Он, похоже, с разговорами закончил. И просто давил, а я отступал. С равным успехом можно было бы фехтовать с ледником. Я постепенно уверился, что он не в своем уме, правда, какого-нибудь утешения в этом не было, помешательство заставило бы любого другого потерять контроль над собой. Но рефлексы Бенедикта ковались столетиями, и я вполне серьезно допускал, что, даже лишись он коры мозга, движения его не утратили бы своего совершенства.

Он уверенно гнал меня назад, я метался среди деревьев, а он сносил их и все наступал. Я решил было атаковать и лишь волей случая остановил его контрудар в дюйме от груди. И подавил первую волну паники, заметив, что он гонит меня к краю рощи. Там, на открытом месте, деревья не будут мешать ему.

Внимание мое было уделено лишь его мечу, и я не видел ничего, пока это не случилось.

С могучим криком Ганелон рванулся вперед и, обхватив Бенедикта, прижал его руку с мечом к телу.

Даже если бы я и хотел, то не смог бы убить его в этот момент — он был слишком быстр, Ганелон и не подозревал о его силе. Изогнувшись направо, Бенедикт отгородился им от меня и словно дубинкой ударил Ганелона обрубком правой руки в висок. А потом освободил левую руку, схватил Ганелона за пояс и, размахнувшись, бросил в меня. Пока я уклонялся, он успел нагнуться, подобрал выпавший клинок с земли и снова пошел в атаку. Я лишь на какое-то мгновение краем глаза успел увидеть, что Ганелон приземлился в какой-то куче в десяти шагах за моей спиной.

Я отбил удар и опять приготовился отступать. В запасе у меня оставался только один сюрприз, и родилось неприятное

подозрение, что, если и он не сработает, Амбер так и не дождется законного властелина.

С хорошим левшой фехтовать намного труднее, это мешало. Но приходилось экспериментировать. Нужно было кое-что выяснить. Оставался последний шанс.

Я широко шагнул назад, на мгновение вырвался из пределов его досягаемости, а потом кинулся вперед и атаковал. Движение было заранее рассчитанным и мгновенным.

Неожиданным, и в этом была, я уверен, лишь доля удачи, оказалось то, что я пробил его защиту, пусть и промахнулся, — Грейсвандир молнией ударил по левому уху моего противника. На мгновение это замедлило его движение, однако серьезной реакции не вызвало. Единственным результатом стало то, что он усилил защиту. Я продолжал атаковать, но пробиться было просто негде. Порез у Бенедикта был небольшим, хотя кровь стекала по мочке и капала на плечо. Это могло отвлечь меня, и я решил не обращать более на его рану внимания.

А потом я решился... Да, разумеется, опасно, но попробовать стоило. Я чуть приоткрылся, на миг, понимая, что теперь он может нанести удар прямо мне в сердце.

Так он и сделал, и я остановил клинок лишь в последний момент. Не хочу даже вспоминать, насколько близок он был тогда к своей цели.

А потом я снова начал сдавать назад, к краю рощи. Отбиваясь и отступая, я добрался до места, где лежал Ганелон. В защите, не нападая, я отступил еще футов на пятнадцать.

И открылся еще раз.

Бенедикт снова сделал выпад, и я снова остановил его. Он возобновил атаку с еще большим усердием, оттесняя меня к краю Черной Дороги.

Там я постарался удержаться, бочком передвигаясь в заранее выбранное место. Надо было задержать его подольше, чтобы...

Положение было серьезным, но я сопротивлялся, как фурия, и был наготове.

А потом открылся снова.

Я знал — он отреагирует точно так же, и потому завел правую ногу за левую и выпрямился после удара. Клинок его при

этом я отбил в сторону и повалился спиной на Черную Дорогу, сразу же вытянув вперед руку против контрвыпада.

И он сделал то, что я ожидал, отбив мой клинок, двинулся прямо, я ответил в кварту, заставив его отступить в куст черной травы, через которую я перепрыгнул.

Сперва я не осмеливался глянуть на него — просто стоял, предоставив растениям действовать.

Времени потребовалось немного. Бенедикт заметил их, едва попытался пошевелиться. Я видел, как по его лицу скользнуло удивление, затем озабоченность. И понял: он почувствовал действие травы.

Впрочем, я сомневался, что она может надолго удержать его, поэтому немедленно перешел к атаке.

Я метнулся вправо, за пределы досягаемости его клинка, потом вперед и перепрыгнул через траву по краю Черной Дороги. Бенедикт попытался обернуться, но стебли уже опутали его ноги до колен. Он пошатнулся, хотя все же устоял.

Я обошел его сзади и встал справа. Легкий удар — и он мертв; впрочем, теперь в этом не было никакой нужды.

Он махнул рукой назад, за спину, повернул голову, выставив клинок в мою сторону. Он даже начал уже выдирать левую ногу.

Но я сделал выпад направо и, пока он выкарабкивался, чтобы отбиться, врезал ему сзади по шее плоской стороной Грейсвандира.

Бенедикт ошеломленно застыл, и я теперь смог подойти поближе, ударить левой ему в печень. Он слегка согнулся. Я задержал его руку с мечом и еще раз двинул по шее, на этот раз кулаком и крепко. Он упал без сознания. Вырвав клинок у него из руки, я отбросил его в сторону. Кровь из пораненного уха экзотической серьгой стекала на шею.

Отложив Грейсвандир, я ухватил Бенедикта под мышки и потащил его на дорогу. Трава сопротивлялась, но я потянул сильнее и в конце концов освободил его.

К тому времени Ганелон уже пришел в себя. Хромая, он подошел и встал рядом, глядя вниз на Бенедикта.

— Вот это витязь. Вот это витязь... Что ты собираешься с ним делать?

Я подхватил брата на плечи и встал.

— Для начала просто оттащить к фургону, — ответил я. — А ты принесешь клинки.

— Хорошо.

Я зашагал по дороге. Бенедикт оставался без сознания, что было на руку, к тому же мне вовсе не хотелось бить его без особой надобности. У фургона я усадил его, прислонив к крепкому стволу.

Когда Ганелон подошел, я вложил клинок в ножны и велел ему развязать веревки на нескольких ящиках. Пока он делал это, я обыскал Бенедикта... и нашел, что искал.

Потом привязал его к дереву, а Ганелон подогнал громадную лошадь и привязал ее к соседнему деревцу, на который я повесил клинок.

Я взобрался на место кучера, Ганелон подошел сбоку.

— И ты его оставишь прямо так? — спросил он.

— Ненадолго, — ответил я.

Мы тронулись по дороге. Я не оглядывался — в отличие от Ганелона.

— Он еще не шевелится, — сообщил Ганелон, а потом добавил: — Никто не мог подхватить меня и бросить, да еще одной рукой.

— Поэтому я и велел тебе пережидать в фургоне и не идти в бой в случае моего поражения.

— Что с ним теперь будет?

— Я пригляжу, чтобы о нем побыстрей позаботились.

— С ним будет все в порядке?

Я кивнул.

— Хорошо.

Мы проехали мили две, я остановил лошадей и слез на дорогу.

— Не обращай внимания ни на что, — сказал я. — Теперь время позаботиться о Бенедикте.

Я сошел с дороги и встал в тени, достав взятую у Бенедикта колоду. Просмотрев их, я достал карту Джерарда и вынул ее из колоды, остальные сложил в обшитую шелком деревянную коробочку, где их держал Бенедикт.

Сжимая в руке карту с портретом Джерарда, я внимательно вгляделся в нее.

Спустя некоторое время она стала теплой, живой, словно пошевелилась. Я почувствовал присутствие Джерарда. Он на-

ходился в Амбере — шел по улице, которую я узнал. Джерард во многом похож на меня, только крупнее и тяжелее. Он по-прежнему был при бороде.

Он остановился и поглядел.

— Корвин!

— Да, Джерард. Ты неплохо выглядишь.

— Твои глаза! Ты видишь?

— Да, я вижу снова.

— Где ты?

— Иди ко мне, я покажу.

Взгляд его напрягся.

— Не уверен, что могу сделать это. Корвин, я очень занят.

— Речь идет о Бенедикте, — сказал я. — Ты единственный, кому я могу доверить его.

— Бенедикт? Он в беде?

— Да.

— А почему он сам не обращается ко мне?

— Не может. Он связан.

— Почему? Кем?

— Объяснять долго и сложно. Поверь мне, ему нужна твоя помощь, прямо сейчас.

Джерард закусил бороду зубами.

— А ты сам не в состоянии справиться?

— Совершенно исключено.

— Думаешь, я смогу?

— Уверен.

Он тронул меч в ножнах.

— Не хотелось бы, чтобы за этим крылись какие-нибудь твои козни, Корвин.

— Не сомневайся. При том времени, которое мне досталось на размышления, я мог бы придумать и что-нибудь поумней.

Он вздохнул, а потом кивнул головой:

— Ладно. Иду.

— Давай.

На мгновение застыв, Джерард шагнул вперед.

И встал рядом со мной. Протянул руку. Положил мне на плечо.

— Корвин, — с улыбкой сказал он, — как я рад, что твои глаза опять на месте.

Я отвернулся.

— Я тоже.

— А кто там в фургоне?

— Друг. Его зовут Ганелон.

— Где Бенедикт? В чем дело?

Я показал в рощу.

— Там. Милях в двух. Он привязан к дереву. Его лошадь рядом.

— Почему же ты тогда здесь?

— Я спасаюсь бегством.

— От кого?

— От Бенедикта. Я сам и связал его.

Джерард нахмурился:

— Не понимаю..

Я покачал головой.

— Вышло недоразумение. Я не смог убедить Бенедикта, и пришлось биться. Удалось оглушить его и связать. Освободить его сам я не могу — он снова набросится на меня. Но и оставлять его так нельзя, чтобы ничего не случилось, пока он связан. Поэтому я и вызвал тебя. Пожалуйста, ступай туда, освободи его и проводи до дома.

— А чем ты займешься тем временем?

— Молнией уберусь отсюда к чертям собачьим и затаюсь в Тени. Ты окажешь нам обоим большую услугу, если удержишь Бенедикта от погони. Не хотел бы я снова схватиться с ним.

— Может быть, ты объяснишь, что случилось?

— Я сам не понимаю. Он обозвал меня убийцей. Но даю тебе честное слово, что не убивал никого в Авалоне за все те дни, что провел у него. Пожалуйста, передай ему это. Он мог разгневаться и еще кое на что. Но пусть Дара сама все ему объяснит.

— Так в чем же все-таки дело?

Я пожал плечами:

— Не знаю, как сказать. Если он упомянет об этом, ты все поймешь. Если же нет — забудь.

— Так ты сказал — Дара?

— Да.

— Ну хорошо, я сделаю, как ты просишь. А теперь объясни мне: как тебе удалось ускользнуть из Амбера?

Я улыбнулся:

— Интересуешься из чисто научного интереса? Или же предполагаешь, что и самому однажды придется прибегнуть к этому способу?

Он засмеялся:

— Просто полезно знать, на мой взгляд.

— Сожалею, дорогой мой брат, но мир еще не созрел для подобной премудрости. И если бы мне непременно надо было выговориться, я бы рассказал все это одному тебе... Впрочем, ты не сумеешь воспользоваться этим секретом, а я, если он останется в тайне, в случае необходимости снова прибегну к нему.

— Иными словами, у тебя есть собственная калитка в Амбер... Опять что-то замышляешь, Корвин?

— А ты как думаешь?

— Ответ очевиден. Только я испытываю по этому поводу двойственные чувства.

— Не объяснишь?

Джерард махнул рукой в сторону Черной Дороги, часть которой была видна от места, где мы стояли.

— Эта дрянь, — сообщил он, — пролегла теперь к самому подножию Колвира. И по ней постоянно приходит зло и нападает на Королевство. Мы защищаемся, мы всегда побеждаем, но атаки становятся все ожесточеннее и чаще. Теперь не время для новых смут, Корвин.

— А может быть, наоборот? — перебил я.

— Для тебя с точки зрения личной выгоды — может быть, и да, но только не для Амбера.

— А как Эрик управляется с этим злом?

— Неплохо. Как я уже говорил, мы всегда побеждаем.

— Я имею в виду не стычки и битвы, а все целиком, причину беды.

— Я сам ездил по Черной Дороге... причем проехал достаточно далеко.

— И что же?

— Все я не осилил. Знаешь, ведь чем дальше от Амбера, тем более дикими и странными становятся Тени.

— Да. Даже разум порой отказывает там, подступает безумие.

— А где-то за Царством Теней лежат Владения Хаоса. Дорога ведет к ним, Корвин, я уверен, она пролегла от порога и до порога.

— Да.

— Этого я и боюсь.

— Вот почему независимо от собственных симпатий я все же не рекомендую заниматься мщением сейчас. Безопасность Амбера превыше всего.

— Вижу. Больше и сказать нечего.

— Ну, как теперь твои планы?

— Раз ты не знаешь, каковы они, то бессмысленно говорить, что они остались неизменными. Впрочем, это действительно так.

— Не знаю, желать ли тебе удачи, но добра я тебе пожелаю. Я и в самом деле рад, что зрение вернулось к тебе. А теперь надо спешить к Бенедикту. Насколько я понимаю, он тяжело ранен?

— Только не мной. Я лишь приложил ему несколько раз по шее. Но не забудь передать ему мои слова.

— Не забуду.

— И проводи его обратно в Авалон.

— Попытаюсь.

— Значит, до скорого свидания, Джерард.

— До свидания, Корвин.

Он повернулся и зашагал по дороге. Я проследил, пока брат не скрылся из виду, а потом вернулся к фургону. Вложил его карту в колоду и отправился в Антверпен.

Глава 8

Стоя на верхушке холма, я смотрел вниз, на дом. Меня окружали кусты, поэтому я был не слишком заметен.

Уж и не знаю, что я ожидал там увидеть. Обгорелый каркас? Машину в подъездной аллее? Семейство, уютно устроившееся на моей веранде, обставленной гарнитуром красного дерева? Вооруженную охрану?

Я заметил, что крышу не худо бы подновить, что лужайка давным-давно приняла естественный вид, но, как это ни странно, разбитым оказалось лишь одно окно — сзади.

Значит, считали, что дом заброшен.

Я размышлял.

Постелив пиджак на землю, я сел, зажег сигарету. Других домов поблизости не было.

За алмазы я выручил почти семьсот тысяч долларов. На это мне потребовалось полторы недели. Из Антверпена мы перебрались в Брюссель и провели там несколько вечеров на улице Угольщиков и Хлебопеков, прежде чем наткнулись на нужного человека для другой сделки.

Артур был весьма удивлен предложением. Худощавый, седовласый, с аккуратно подстриженными усами, бывший офицер BBC, оксфордец, он начал покачивать головой почти с самого начала разговора и все перебивал меня вопросами о поставке. В отличие от сэра Базиля Захароффа он искренне сожалел, когда идеи заказчика начинали ему казаться сыроватыми. Артур явно не любил, когда его продукция исчезала в неизвестном направлении сразу же после поставки. Он считал, что подобные случаи портят его репутацию. И потому, когда речь шла об отгрузке, с ним было куда полезнее иметь дело, чем с кем-либо еще. Моими планами относительно дальнейшей транспортировки он интересовался лишь потому, что у меня их явно не было.

Для оформления сделок подобного рода важно иметь сертификат о месте использования оружия. В общих чертах документ подтверждает, что государство X заказало оружие. Эта бумажка нужна, чтобы вывезти партию из страны-изготовителя. Она позволяет заинтересованным сторонам сохранить лицо, даже если на самом деле все немедленно будет переправлено в государство Y сразу же, едва оружие пересечет границу. Обычно для этого стремятся заручиться поддержкой кого-нибудь из посольства государства X, лучше, если родственники или друзья вашего партнера связаны с министерством обороны. Это полезно при оформлении документов. Обходятся они недешево, и Артур, как мне кажется, держал все текущие цены в уме.

— Но на чем же вы все повезете? — спрашивал он. — Как будет осуществляться доставка?

— Ну, это мое дело, — отвечал я. — Мне и беспокоиться.

Но он все качал головой.

— Не годится так срезать углы, полковник. — Полковником Артур звал меня уже дюжину лет, с первой встречи, а почему — не знаю. — В этом нет ничего хорошего. Сэкономишь на таком пустяке несколько долларов и потеряешь весь груз, да еще вляпаешься в неприятности. Сейчас я без труда могу устроить доставку через одну из этих юных африканских стран...

— Лучше просто помоги мне с оружием.

Во время всего разговора Ганелон сидел рядом и потягивал пиво; рыжебородый и мрачный, он кивал в такт любому моему слову. Он не понимал по-английски и о ходе переговоров представления не имел. А по сути дела и не участвовал в них. Просто, следуя моим указаниям, он время от времени обращался ко мне на тари, и мы коротко переговаривались о какой-нибудь чепухе. Из чистейшей вредности — старина Артур был неплохим лингвистом и все старался определить место назначения груза. Всякий раз, когда мы заговаривали, он просто дрожал от любопытства, пытаясь определить язык. Наконец он стал кивать, словно это ему удалось.

После дальнейших прений Артур покрутил головой и произнес:

— Я тоже читаю газеты. Ваша публика может позволить себе потратиться на страховку.

Так сказать, малость утешился, сдаваясь на мою милость.

Но я ответил:

— Нет, поверь мне на слово: эти винтовки сразу же исчезнут с лица земли, едва я их получу.

— Приятно слышать, — отвечал он, — что не будешь знать, где же они вынырнут в конце-то концов... Впрочем, настойчивость — это одно, а упрямство — другое... — Артур пожал плечами. — Ладно, пусть остается на вашей совести.

А потом я рассказал ему, какие нужны мне патроны, и он, должно быть, уверился, что я не в своем уме. Он долго глядел на меня и никак не реагировал. Лишь минут через десять я заставил его обратить внимание на чертежи. Тогда он снова начал качать головой и забормотал что-то о серебряных пулях и инертных капсюлях.

Впрочем, деньги — универсальный арбитр — рассудили дело в мою пользу.

— С ружьями и грузовиками проблем нет, — покачал го-

ловой Артур, — а вот убедить руководство оружейного завода изготовить ваши патроны будет дорогим удовольствием.

Он даже заранее не решался предположить, найдется ли такой. А когда я сказал, что цена не имеет значения, он расстроился еще больше. Раз я заказывал столь странные патроны, сертификат о месте использования не имел значения.

— Конечно, — согласился я. — Но мы же решили, что все это — мое дело.

Он вздохнул, пригладил щеточку усов. И кивнул — хорошо, мол, пусть все будет по-твоему.

Ясное дело, он содрал с меня три шкуры. Раз во всем прочем я выгляжу вполне разумно, значит, о сумасшествии моем не может быть и речи — просто я занят дорогостоящей аферой. Хотя подробности, конечно, интересовали его, Артур явно решил не выказывать любопытства к столь сомнительному предприятию. Он просто хватался за любую возможность не связывать свое имя с моим проектом. А когда наконец подобрал нужных людей — как оказалось, в Швейцарии, — то просто горел желанием поскорее свести меня с ними и отмыть собственные руки от всего, кроме денег.

Мы с Ганелоном отправились в Швейцарию по поддельным документам. Он был немец, я — португалец. Что там написали в моих собственных бумагах, меня не слишком интересовало — сработаны они были отлично, но немецкий паспорт Ганелону я выбрал потому, что этот язык ему дался бы легче прочих. Кроме того, в Швейцарии всегда хватает германских туристов.

Он справился с языком достаточно быстро. Однако мы договорились, что для истинных немцев и швейцарцев необходимо сочинить легенду, будто он вырос в Финляндии.

В Швейцарии мы проторчали недели три, пока качество патронов не стало удовлетворительным. Как я и ожидал, состав был абсолютно инертен в этой Тени. Впрочем, сейчас от производителей требовалось лишь тщательно выполнять все мои указания. Конечно, дороже всего обошлось серебро. Может быть, я и перестраховался. Просто в Амбере и вокруг него попадаются твари, с которыми надежнее разделываться серебром — раз мне это по карману. Кстати, какая еще пуля лучше для короля... кроме золотой, конечно?

Если мне придется пристрелить Эрика, оскорбления величия не произойдет. Когда настанет мой черед, будьте снисходительны и ко мне, братья.

А потом я отпустил Ганелона «попастись», в роль туриста он вжился, словно истинный ученик системы Станиславского. Я проводил его в Италию с фотоаппаратом на шее и отстраненным выражением лица, а сам вернулся обратно в Штаты.

Вернулся? Да. Это запущенное жилище на склоне было моим домом почти десяток лет. Я возвращался в этот дом, когда попал в ту аварию, с которой все и началось.

Попыхивая сигаретой, я обозревал окрестности. В те времена дом не был заброшенным. Я всегда содержал его в хорошем состоянии. Все здесь было полностью оплачено. Шесть комнат и пристроенный гараж на две машины. И семь акров вокруг, практически целый склон.

В основном я жил тут один. Мне нравилось это место. Большую часть времени я проводил в кабинете и мастерской. Интересно, висит ли еще в студии рельеф Мори? Назывался он «Лицом к лицу», на нем изображены были два сошедшихся в поединке воина. Хорошо, если бы он уцелел. Но я чувствовал, что надеяться на это не приходится. Быть может, все, что не успели украсть, пошло в уплату за налоги. Чего еще ждать от властей штата Нью-Йорк? Просто удивительно, что в доме не оказалось новых жильцов. Я наблюдал, чтобы удостовериться в этом. Клянусь пеклом, спешить некуда. Даже просто некуда податься.

С Джерардом я связался сразу же, как только очутился в Бельгии. Я решил некоторое время не разговаривать с Бенедиктом. Приходилось опасаться, что при этом он сумеет наброситься на меня.

Джерард внимательно и осторожно вглядывался в мое лицо. Он был где-то в полях, похоже, совсем один.

— Корвин? — произнес он. — Да...

— Верно. Ну, как дела у Бенедикта?

— Я обнаружил его там, где ты сказал, и освободил. Он собирался немедленно пуститься вдогонку за тобой, но я сумел убедить его в том, что мы расстались давно. Раз ты сказал, что оставил его в беспамятстве, я решил, что так будет лучше всего. И конь его был совершенно изможден. Мы вернулись

вместе в Авалон. С ним я оставался до похорон, а потом одолжил коня. Сейчас я возвращаюсь в Амбер.

— Похорон? Чьих же?

Снова тот же оценивающий взгляд.

— Ты и в самом деле не знаешь?

— Если бы я, черт побери, знал, то и не спрашивал бы!

— Его слуг. Их убили. Он уверен, что это сделал ты.

— Нет, — сказал я, — нет. Да это просто смешно. Зачем мне убивать его слуг? Я не понимаю...

— Бенедикт вернулся и почти сразу же стал разыскивать их, раз они не встречали его. А потом увидел, что они убиты, а ты и твой спутник исчезли.

— Теперь понимаю, к какому выводу он пришел... А где обнаружили тела?

— Не знаю. Но их похоронили в неглубокой могиле в маленьком леске сразу за домом.

Так, именно так... Лучше, впрочем, не упоминать, что я знал об этой могиле.

— Какие у меня могут быть причины убивать его слуг, об этом он подумал? — взвинтился я.

— Он озадачен, Корвин. В высшей степени озадачен. И никак не может понять, почему ты не убил его, когда получил такую возможность, и почему вызвал меня, хотя просто мог бросить его связанным.

— Теперь я понимаю, почему во время поединка он называл меня убийцей, но... Ты сказал, что я никого не убивал и просил тебя передать это ему?

— Сказал. Сперва он просто отмахнулся, как от пустой болтовни. Тогда я заметил, что ты казался абсолютно искренним и совершенно озадаченным. Похоже, его смущала твоя уверенность в собственной невиновности. Несколько раз он спросил, верю ли я тебе.

— И что ты ответил?

Джерард опустил глаза.

— Клянусь пеклом, Корвин, во что я должен верить? Я вляпался в эту историю совершенно неожиданно. Мы ведь не встречались так долго... — Тут он и глянул на меня. — Есть и еще кое-что.

— Что же?

— Почему ты вызвал на помощь именно меня? Ведь в твоих руках была вся колода. Ты мог вызвать любого из нас.

— Ну, ты просто прикидываешься, — ответил я.

— Нет, я жду ответа.

— Хорошо. Я доверяю только тебе.

— И это все?

— Нет. Бенедикт не хочет, чтобы о его убежище стало известно в Амбере. Я знаю, что только ты и Джулиан ведаете, где искать его. Джулиан мне не нравится, я не доверяю ему, поэтому пришлось обратиться к тебе.

— А как ты узнал, что мы с Джулианом знаем о нем?

— Он помог вам обоим не так давно оправиться от ран, полученных на Черной Дороге. Об этом мне рассказала Дара.

— Дара? Кстати, кто это?

— Круглая сирота. Ее родители работали у Бенедикта. Она была там, когда вы с Джулианом оказались у него.

— И ты послал ей браслет... Кстати, ты вспоминал о ней там на дороге, когда вызвал меня.

— Верно. А в чем дело?

— Ни в чем. Я и в самом деле не помню ее. А скажи, почему ты удрал так внезапно? Ты ведь должен признать, что вел себя именно как человек с нечистой совестью.

— Да, — ответил я, — конечно, я был виноват, только не в убийстве. Я искал кое-что в Авалоне, нашел все, что нужно, и решил убраться восвояси. Ты видел мой фургон, он был загружен. И я удрал до возвращения Бенедикта, чтобы не отвечать на те вопросы, которые он стал бы мне задавать. Клянусь пеклом! Если бы я просто смывался, то не тянулся бы на грохочущем фургоне! Я бы мчался верхом налегке и галопом.

— А что было в фургоне?

— Тайна, — ответил я. — И Бенедикту я не хотел говорить этого, и тебе тоже не скажу. Конечно, он может все выяснить и сам, если ему надо. Впрочем, это все для него неважно. Ему довольно знать, что я разыскивал в Авалоне нечто и нашел. Эта вещь ценится не здесь, а в другом месте. Достаточно ясно?

— Вполне, — кивнул Джерард. — Все выглядит вполне разумно.

— А теперь ответь и на мой вопрос: как ты полагаешь, убивал я его слуг?

— Нет, — произнес он, — теперь я тебе верю.

— И как же Бенедикт? Что он замышляет?

— Я думаю, он больше не нападет на тебя, не выяснив все до конца. Он засомневался, я это понял.

— Хорошо, уже что-то. Спасибо, Джерард. Я ухожу.

— Подожди, Корвин! Подожди!

— В чем дело?

— Как ты рассек Черную Дорогу? Ты разрушил ее там, где переезжал. Как тебе это удалось?

— С помощью Огненного Пути, — сказал я. — Если у тебя будут неприятности с этим, обратись к Пути. Знаешь, иногда приходится вызывать его в памяти, если Тени вокруг начинают разбегаться и все словно сходит с ума.

— Да, я пробовал этот способ, но ничего не получилось. Только нажил головную боль. Эта штука не из Теней?

— И да и нет, — отвечал я. — Природа ее мне известна! Я вызывал Путь, пока голова моя не стала рваться на части, я полуослеп от боли и вот-вот готов был потерять сознание. Но все вышло наоборот — стала разрываться дорога. Мне было не до шуток, но все сработало.

— Я запомню, — сказал Джерард. — А ты не хочешь переговорить с Бенедиктом прямо сейчас?

— Нет, — ответил я, — сейчас он все еще переживает. Пусть понемногу остынет... когда еще он доберется до фактов? Я сразу же свяжусь с ним, как только появится надежда на мирный исход. Не хочу нового поединка. На этот раз я замолкну надолго. И буду сопротивляться всем попыткам связаться со мной.

— Амбер, Корвин! Что же станет с Амбером?

Я опустил глаза.

— Не становись на моем пути, Джерард, когда я вернусь. Поверь, шансов у тебя будет немного.

— Корвин... Подожди. Хотелось бы, чтобы ты изменил свое решение. Не нападай сейчас на Амбер. Он ослабел во всех отношениях.

— Мне очень жаль, Джерард. Только будь уверен, за последние пять лет я передумал на эту тему больше, чем вы, мои братцы, вместе взятые.

— Тогда и ты извини.

— Полагаю, теперь нам лучше расстаться.

— До свидания, Корвин.

— До свидания, Джерард.

Я подождал несколько часов, пока солнце не исчезло за холмом, но не село и дом погрузился в преждевременный сумрак. Раздавив последний окурок, я поднял пиджак, отряхнул и набросил на плечи. В доме признаков жизни заметно не было, за грязными и разбитыми стеклами никто ни разу не шевельнулся. Я медленно спускался по склону.

Дом Флоры в Уэстчестере был продан несколько лет назад, и это меня не удивило. Оказавшись в городе, я проверил это просто из любопытства. Однажды даже проехал мимо. Исчезла причина, приковывавшая Флору к этой призрачной земле. Долгий надзор завершился успешно — я видел ее в Амбере с полученной за это наградой. То, что она так долго была рядом со мной, а я не знал о ней, даже не ощущал ее присутствия, несколько раздражало меня.

Я подумал было связаться с Рэндомом, однако потом решил, что не стоит. Единственное желание — узнать о положении дел в Амбере. Это, конечно, неплохо, но не стоило хлопот. Я был достаточно уверен, что Рэндому можно доверять. В конце концов, в прошлом он уже оказывал мне кое-какую помощь — конечно, отнюдь не из альтруизма, и все же он сделал для меня больше, чем следовало ожидать. Но это произошло пять лет назад. Его снова принимали в Амбере, к тому же теперь он женат. И может захотеть обеспечить свое положение. Я просто не знал, как поступить; наконец, сопоставив возможные плюсы и минусы, решил, что лучше подождать и переговорить с ним лично, когда я вновь окажусь в Королевстве.

Я сдержал свое слово и не ответил ни на одну попытку связаться со мной. В первые две недели моего пребывания в этом призрачном мире, на земле моей ссылки, они случались почти ежедневно. Но с тех пор прошло несколько недель, и теперь меня больше не пытались тревожить. Почему я должен знакомить вас, братцы, со своими планами? Спасибо за доверие, родные мои.

Я подобрался к дому сзади, скользнул к окну, провел по нему рукавом. За домом я наблюдал три дня — внутри не должно было быть никого. И все же...

Я заглянул.

Там, конечно, был содом. Многое, понятно, отсутствова-

ло, но кое-что еще оставалось на местах. Я двинулся вправо и толкнул дверь. Заперта. Я усмехнулся.

Обойдя дом, я подошел к патио, где находилась ниша: девять кирпичей вбок, четыре вверх. Ключ был на своем месте. На обратном пути я потер его о пиджак. А потом отпер дверь и вошел.

Повсюду лежала пыль, кое-где, правда, ее слой был потревожен. В камине валялись банки из-под кофе, обертки от сандвичей и окаменелые остатки гамбургера. За мое отсутствие дождь проложил себе надежный путь по трубе. Я подошел к очагу и задвинул вьюшку.

Передняя дверь была взломана у замка. Я дернул — она, должно быть, оказалась заколоченной гвоздями.

На стене прихожей была нацарапана непристойность. Я зашел в кухню. Здесь был полный кавардак. Все, что уцелело при грабеже, валялось на полу. Плита и холодильник исчезли, на полу остались лишь царапины от того, как их волокли.

Я повернул назад, в свою мастерскую. Тоже ограблена. Полностью. Проследовав далее, я с удивлением обнаружил в спальне собственную незастеленную кровать и два довольно дорогих кресла.

Студия оказалась в более благовидном состоянии. Большой стол был завален хламом и мусором, но так было всегда. Раскурив сигарету, я подошел к нему и уселся рядом. Думается, он остался на месте лишь из-за своего размера. Все книги оказались на полках. Это крадут лишь друзья. А там...

Я не поверил своим глазам, встал и подошел поближе.

Дивный рельеф Иоситоси Мори висел на своем собственном месте: чистый, жесткий, элегантный, мощный. Подумать только, что никто так и не догадался уволочь самое ценное из моего состояния...

Чистый?

Я пригляделся, провел пальцем по раме.

Слишком уж чистый — ни пылинки, ни соринки, совсем не так, как вокруг.

Я поискал ловушку — не обнаружил, снял рельеф с крючка и опустил вниз.

Нет, стена под ним не была темнее, в точности такая же, как вокруг.

Я поставил творение Мори на стул у окна и возвратился к

столу. Я был встревожен, на что, вне сомнения, некто и рассчитывал. Рельеф явно снимали, о нем позаботились — за это я был благодарен — и повесили обратно совсем недавно. Словно мое возвращение можно было предугадать.

Такой причины вполне достаточно для мгновенного бегства. Но теперь бежать было уже неразумно. Если это ловушка, она, конечно же, готова сработать.

Я вытащил автоматический пистолет из кармана пиджака и заткнул за ремень. Я и сам не собирался возвращаться сюда. Так получилось просто потому, что у меня вдруг оказалось свободное время.

Значит, рассчитано было не на один день. Если я вернусь в свой прежний дом, то лишь за самой ценной вещью в нем. Поэтому надо сохранить ее и представить так, чтобы я второпях ничего не заметил. А если заметил? Пока на меня еще не нападали, так что на ловушку не похоже. Что это значит?

Весть. В каком-либо виде.

Какая? От кого? И где?

Самым надежным уголком во всем доме, если он только не взломан, был сейф. Справиться с этим железным шкафом было вполне по плечу и сестрицам, и братьям. Я подошел к задней стенке, утопил панель и поднял ее. Набрав на циферблате нужную комбинацию цифр, отступил на шаг и открыл дверцу когда-то щегольской тростью.

Ничто не взорвалось. Неплохо. Правда, я и не ожидал взрыва.

Внутри не было ничего особенно ценного — несколько сотен долларов, какие-то документы, рецепты, письма.

Конверт. Свежий, еще не пожелтевший и прямо на виду. Его я не помнил.

Изящным почерком на нем было написано мое имя. Но не шариковой ручкой.

В конверте лежали письмо и карта.

Письмо гласило:

Брат мой Корвин, если ты читаешь эти строки, значит, мы еще мыслим достаточно сходно и я в какой-то мере могу предугадывать твои поступки. Благодарю тебя за рельеф — одну из двух, на мой взгляд, возможных причин твоего возвращения в эту убогую обитель. Мне жаль возвращать его, должно быть, наши вкусы во многом схожи, а он провисел в моих палатах теперь

уже несколько лет. Есть в этой теме нечто, затрагивающее весьма знакомую нам обоим струну. Возвращение рельефа рассматривай как знак моей доброй воли и призыв к вниманию.

Я буду с тобой откровенен. Если еще способен в чем-нибудь убедить тебя, то не стану просить прощения за содеянное. Жалею лишь об одном: что не убил тебя, когда это следовало сделать. Тщеславие, дурацкое тщеславие! Время, может быть, и исцелило твои глаза, но я сомневаюсь, чтобы оно могло хоть как-то изменить наши чувства друг к другу. Твоя записка «Я вернусь» лежит сейчас передо мной. Если бы я написал ее сам, то, безусловно, вернулся бы — это мне ясно. Мы в чем-то похожи, и я жду твоего возвращения, жду не без страха. Ты ведь не дурак и вернешься с силой. За былое тщеславие платит нынешняя гордость. Корвин, не для себя, ради Королевства я бы помирился с тобой.

Теперь из Теней к Амберу все время приходят войска, и я не совсем понимаю, откуда они берутся. Вся семья сплотилась под моей державой против врагов, самых страшных за всю историю Королевства. Я бы хотел, чтобы ты поддержал меня в этой борьбе. Если же нет, я требую, чтобы ты на время воздержался от нападения на меня. Коли ты решишь оказать мне содействие, никакой присяги сеньору от тебя не потребуется — просто на время опасности признай мою власть. Тебе будут оказаны все положенные почести. Чтобы ты убедился, что я не лгу, свяжись со мной. Я не смог вызвать тебя через твою карту, потому посылаю тебе свою собственную. И хотя твой ум учитывает возможность обмана с моей стороны, заверяю тебя, что это не так.

Эрик, Государь Амбера.

Я перечел письмо и расхохотался — для чего же, по его мнению, служат проклятия?

Не выйдет, братец. Как благородно с твоей стороны — вспомнить обо мне в минуту необходимости, и я верю тебе, верю, ведь все мы порядочные люди, но встреча наша произойдет по моему плану, не по твоему. Что же касается Амбера, нужд его я не забыл, что и докажу в свое время. Ты ошибаешься, Эрик, если думаешь, что необходим. Брось — кладбища забиты людьми, верившими, что их некому заменить. Впрочем, я подожду и выскажу тебе все прямо в глаза.

Я запихнул его письмо и карту в карман пиджака. Затушил сигарету в грязной пепельнице. А потом принес полотно из спальни, чтобы обернуть моих бойцов. Теперь они будут ждать меня в более надежном месте.

Направившись к выходу, я еще раз задумался. А зачем меня, в самом деле, сюда занесло? Мелькнула мысль о людях, которые знавали меня, когда я жил здесь, о том, что они обо мне думали, пытались ли выяснить, что со мной случилось. Этого я уже не узнаю.

Начиналась ночь, на очистившемся небе разгорались первые звезды, когда я вышел из дома и запер за собой дверь. Зашел сбоку и положил ключ на место в нишу. А потом поднялся на холм.

Когда я глянул вниз с вершины, дом как будто съежился в темноте, унылый и заброшенный, словно пустая пивная банка на обочине. Перебравшись через холм и наискосок спустившись по склону, я направился полем к месту, где оставил машину. Уж лучше бы я не оглядывался.

Глава 9

Мы с Ганелоном выехали из Швейцарии на паре грузовиков. Их пригнали из Бельгии, ружья я загрузил в свой. Если считать, что вес каждого ружья десять фунтов, то три сотни весили почти полторы тонны, что было неплохо. Когда мы загрузили патроны, осталось достаточно места для топлива и прочих припасов. Приходилось напрямую лезть через Тень, чтобы миновать пограничную стражу. Отбыли мы в том же порядке, со мной, так сказать, во главе.

Мы ехали через узкие деревни, зажатые темными холмами, где единственным транспортным средством была повозка. Ехали долго и наконец выбрались прямо к Черной Дороге, некоторое время шли вдоль нее, а потом отвернули. Небо поменялось в цветовой гамме раз двенадцать. Местность из холмистой превращалась в равнину и обратно. Мы то тащились по рытвинам, то скользили по скалистым твердым и гладким, как стекло, долинам. Краем обошли гору, берегом проехали вдоль моря цвета прозрачного вина. Миновали туманы и грозы.

Мне пришлось потратить полдня, чтобы найти их. Возможно, я попал в соседнюю Тень, это неважно. Да-да, отыскался тот самый народец, услугами которого я когда-то воспользовался. Невысокие волосатые ребята с длинными клыками и острыми когтями. На руках у них был указательный палец, пригодный, чтобы нажимать на спусковой курок. Кроме того, они видели во мне бога. Они были вне себя от счастья, когда я вернулся. И то, что пять лет назад я увел их лучших воинов на смерть в далеких землях, для них не значило ничего. У богов не требуют отчета — их любят, почитают, поклоняются им.

Все были разочарованы, когда мне потребовалось лишь несколько сотен добровольцев. Пришлось отказывать тысячам. На этот раз моральная сторона дела не беспокоила меня. Можно было расценивать хотя бы так: их помощь просто оправдывает смерть предшественников. Конечно, я не рассматривал ситуацию именно таким образом, но иногда приятно поупражняться в софистике. Я мог бы также считать, что плачу своим наемникам духовной валютой. Какая мне разница, за что они воюют: за веру или за деньги? Мне нужно было войско, и я имел возможность расплатиться с ними по-всякому.

Патроны здесь были еще инертны, потребуется несколько дневных переходов из Тени в Тень, прежде чем доберемся до страны, подобной Амберу. Именно здесь крылся риск в моей затее. Маловероятно, чтобы братец заглянул именно в эту Тень. Но случались и худшие совпадения.

Я гонял своих солдат недели три, а потом решил, что учения пора кончать. И тогда, прохладным ясным утром, мы свернули бивуак и двинулись в Тень. За грузовиками тянулись колонны пехотинцев. Грузовики встанут вблизи Амбера — с двигателями уже начинались неприятности. Но лучше завезти подальше все, что возможно.

На этот раз я намеревался подступить к вершине Колвира с севера, минуя обращенную к морю сторону. Все люди знали свою цель. Взаимодействие стрелковых взводов было уже намечено и отработано на учениях.

Мы остановились, пополдничали и направились дальше. Тени медленно проскальзывали одна за другой. Над головой сверкало голубизной темнеющее небо, небо Амбера. Меж скал чернела земля, трава стала ярко-зеленой. Листва деревьев и

кустарник влажно поблескивали. Воздух был чист и прозрачен.

К ночи мы уже оказались среди громадных деревьев в предгорьях Арден, разбили бивуаки и выставили усиленную стражу. Ганелон, теперь в берете и хаки, долго просидел со мной над кроками, которые я же и рисовал. До гор оставалось еще миль сорок.

Грузовики сдали на следующее утро. Они прошли через несколько серьезных ремонтов, постоянно барахлили, и в конце концов их двигатели отказались заводиться. Мы, подталкивая, завезли машины в расщелину и забросали там сучьями. Распределили между людьми амуницию и рационы и отправились дальше.

Наконец появилась возможность оставить твердую пыльную дорогу, мы углубились в леса. Я еще помнил их, особой проблемы они не представляли. Конечно, лес замедлял продвижение, но и уменьшал шансы напороться на патруль Джулиана. Мы углубились в Ардены. Деревья стали довольно высокими, а местность приподнималась по мере передвижения.

Никого страшнее лис, оленей, кроликов и белок в тот день мы не встретили. Запахи леса, его зеленые, золотые и коричневые краски напоминали мне о более счастливых временах. Перед закатом я взобрался на вершину лесного гиганта и сумел заметить горный хребет, за которым высился Колвир. Непогода охватывала его, облака скрывали вершину.

Перед полуднем следующего дня мы все-таки нарвались на патруль Джулиана. Не знаю, кто был более удивлен, кто кого застал врасплох. Стрельба началась почти одновременно с обеих сторон. Я до хрипоты наорался, запрещая пальбу — каждый хотел испробовать оружие на живой цели. Отряд противника был невелик, никто не ушел живым. У нас оказался единственный раненый — кто-то из наших попал в другого, а может, и сам в себя. Я не стал выяснять, мы наделали шуму, поэтому пришлось торопиться. Где и как были расположены другие отряды, я не имел представления.

К ночи мы достаточно продвинулись вперед и вверх, горы были теперь на виду, если их не скрывали деревья. Облака еще липли к вершинам. Мои воины были перевозбуждены после дневной бойни и угомонились не скоро.

На следующий день мы добрались до подножия гор, удач-

но миновав два сторожевых отряда. Стемнело, но я все торопил людей вперед, стремясь к намеченному заранее укрытию. Спать мы укладывались, должно быть, на полмили повыше, чем в предыдущую ночь. Небо заволокли облака, дождя не было, но все словно дрожало от напряжения, которое предшествует грозе. Я плохо спал в ту ночь. Мне снились горящая кошачья голова и Лоррен.

Утром мы тронулись в путь под низкими облаками, я безжалостно гнал войско. Вдали ударил гром, воздух трепетал и весь был пронизан электричеством.

К середине утра на вьющейся меж скал дороге я услышал где-то за спиною крик, тут же затрещали выстрелы. Пришлось, конечно, вернуться на место происшествия.

Несколько человек, среди них и Ганелон, негромко переговаривались между собой. Я протолкался вперед.

Трудно было поверить глазам. Никогда на моей памяти такие твари не добирались до Амбера. Футов двенадцати длиной, какая-то пародия на человека с львиным телом, орлиные крылья на окровавленных боках, все еще подрагивающий хвост со скорпионьей колючкой... Однажды я встретил мантикору на южных островах — ужасная тварь, что всегда была почти во главе моего грязного послужного списка.

Один из воинов повторял:

— Она разорвала Ролла пополам, прямо пополам...

В двадцати шагах на земле я заметил останки Ролла. Мы прикрыли его, труп завалили сверху камнями. Большего сделать было нельзя. По крайней мере, эта неприятность помогла восстановить осторожность, исчезнувшую после легкой вчерашней победы. Люди приумолкли и стали внимательно следить за дорогой.

— Ничего себе зверюга, — сказал Ганелон. — У нее и разум человечий?

— Не знаю.

— Забавно, Корвин, я что-то волнуюсь. Словно должно случиться нечто ужасное. Не знаю даже, как это понять.

— Я понимаю.

— Значит, и ты чувствуешь это?

— Да. Должно быть, погода, — сказал я.

Он с опозданием кивнул в ответ.

Мы поднимались вверх, небо темнело, непрестанно гро-

мыхало вдали. На западе жарко полыхали молнии, ветер усилился. Над головой повисли груды облаков. На фоне их то и дело прорисовывались темные крылатые силуэты. Чуть позже мы наткнулись на другую мантикору, но расправились с ней уже без потерь. Примерно через час на нас набросилась стая птиц с острыми, как бритвы, клювами. Мы их отогнали, конечно, но эта стычка меня встревожила.

Мы лезли в гору, ожидая, что вот-вот над нами разразится гроза. Ветер крепчал.

Вокруг потемнело, как поздним вечером, хотя солнце, я знал, еще не садилось. Воздух стал туманным, плыл навстречу какой-то дымкой, словно мы приближались к облакам. Пахнуло сыростью. Скалы под ногами стали скользкими. Так и хотелось объявить привал, но мы были еще далеко от Колвира, а я старался избежать сложностей с рационами — все было рассчитано под завязку.

Мы осилили еще мили четыре, поднявшись теперь уже на несколько тысяч футов, когда нам пришлось остановиться. Вокруг царила кромешная тьма, которую нарушали только частые вспышки молний. На голом каменистом склоне мы разбили круговой лагерь, расставив по всей окружности стражу. Гром словно отбивал неведомый марш. Заметно похолодало. Я был вынужден даже разрешить костры, но ничего из горючего вокруг не оказалось. Пришлось переждать холодную и темную ночь.

Через несколько часов на нас внезапно и бесшумно набросились мантикоры. Погибло семеро наших, мы перебили шестнадцать тварей, не знаю, сколько еще их удрало. Перевязывая раны, я вовсю костерил Эрика и гадал, из какой Тени вывел он эту гадость.

Когда наступил рассвет, мы уже продвинулись к Колвиру миль на пять, а потом свернули к западу. Идти можно было тремя маршрутами, но этот путь я всегда считал наиболее удобным для нападения. Несколько раз нас вновь атаковывали птицы, большим числом и с удвоенной яростью. Впрочем, чтобы отогнать всю стаю, оказалось достаточно подстрелить нескольких.

Наконец мы обошли вокруг основания громадной скалы, дорога вела все вверх и вверх через облака и туман. И тут пе-

ред нами внезапно открылся вид на склон и дюжину миль через простиравшуюся справа внизу долину Гарнатха.

Я объявил привал, а сам пошел оглядеться. Когда я в последний раз видел эту некогда чудную долину, она показалась мне искореженной. Теперь все стало еще хуже. Черная Дорога бежала по ней к основанию самого Колвира и там оканчивалась. В долине шла лютая битва. Конные полки схватывались, бились, разъезжались. Шеренги пехотинцев сближались, шли в штыки, отступали. В гуще боя гремел гром и разили молнии. Птицы черным пеплом реяли над костром сражения.

Холодным влажным одеялом охватил нас воздух долины.

Громовые раскаты гулким эхом перекатывались между гор. Я озадаченно взирал на ход схватки.

Расстояние было слишком велико, и борющихся сторон я не различал. Сперва мне показалось было, что кто-то из наших рискнул напасть, опередив меня. Может быть, это Блейз уцелел и вернулся с новой армией?

Впрочем, нет. Нападающие валили с запада по Черной Дороге. Я увидел теперь, что эту армию сопровождали птицы. Крупными прыжками по дороге передвигались не люди и не звери. Может быть, мантикоры.

Они приближались, и молнии разили их, жгли, разбрасывали, укладывали на месте. Когда я обратил внимание, что рядом с обороняющимися молнии не ударяют, то вспомнил, что Эрик в какой-то мере сумел освоить устройство, известное как Камень Кары, — с его помощью папаша управлял погодой вокруг Амбера. Уже пять лет назад Эрик с явным успехом воспользовался им против нас.

Значит, армия Царства Теней, о которой я слышал, оказалась еще сильнее, чем мне представлялось. У подножия Колвира я рассчитывал встретить заградительные отряды, но не яростную битву. Я глянул на черную полосу — она буквально кишела нападавшими.

Ганелон подошел, встал рядом и долго молчал.

Я не хотел, чтобы он задавал мне вопросы — говорить просто не было сил, разве только ответить.

— И что же дальше, Корвин?

— Надо поторопиться, — сказал я, — чтобы к вечеру оказаться в Амбере.

И мы снова пошли вперед. Двигаться было легче, чем стоять, и это помогало. Гроза без дождя продолжалась, гром и молнии становились все громче и ярче. Вокруг царил полумрак.

А когда поближе к полудню мы оказались в безопасном месте, милях в пяти к северу от окрестностей Амбера, я вновь остановил свое войско — отдохнуть и в последний раз перекусить. Что-либо расслышать можно было, только если тебе орали прямо в ухо, поэтому держать речь я не стал. Просто велел передать друг другу, что цель близка и следует быть наготове.

Прихватив с собой свою порцию еды, я отправился оглядеться, пока другие отдыхали. В миле впереди оказался пологий подъем, я поднялся на вершину и замер. На склоне прямо передо мной тоже шла отчаянная битва.

Я спрятался и стал наблюдать. Отряд из Амбера схватился с превосходящим его числом войском, которое либо только что прошло перед нами по этому склону, либо появилось другим путем. Должно быть, правильным было последнее — все-таки мы ничего не заметили. Стало понятным наше везение — почему мы пробились к Колвиру, так почти никого и не встретив.

Я подкрался поближе. Атакующие могли попасть сюда по одной из двух других дорог, но я понял, что не в дорогах дело. Атакующие все прибывали, и видеть это было довольно жутко — они прилетали по воздуху.

Тучами черных листьев летели они с запада. Издали было видно, что подкрепления прибывали не на воинственных птицах, а на крылатых двуногих тварях, чем-то напоминающих дракона. На такого зверя больше всего похож геральдический вайверн — крылатый дракон. До сих пор я встречался с вайвернами лишь в виде архитектурных украшений, но, с другой стороны, встречи с ними в натуре никогда не искал.

Среди оборонявшихся было множество лучников, пожинавших обильную жатву, — летучие твари, сраженные стрелами, градом падали вниз. То и дело в воздухе адским пламенем полыхали молнии, и темными угольками воздушная кавалькада осыпалась на землю. Но враги все прибывали, уцелевшие приземлялись, и всадник и только что несшая его тварь устремлялись в атаку на осажденных. Я поискал взглядом и нашел наконец пульсирующее свечение, которое испускал Ка-

мень Кары. Оно исходило из самой крупной группы оборонявшихся, прижатой к подножию высокого утеса.

Я приглядывался и размышлял, уделив все внимание обладателю Камня. Сомневаться не приходилось. Это был Эрик.

На животе я подполз чуть поближе. На моих глазах предводитель ближайшего отряда оборонявшихся одним взмахом клинка снес голову приземлявшемуся вайверну. Левой рукой он ухватил седока и зашвырнул футов на тридцать, за край обрыва. И когда, обернувшись, он рявкнул приказ, я понял, что передо мною Джерард. Похоже, он предводительствовал над вылазкой во фланг атакующих основные силы возле утеса. Напротив, с другой стороны долины, почти такой же отряд вел бой. Кто из братьев там?

Интересно, сколько часов уже длится эта битва и в долине, и здесь, наверху? Припомнив, когда началась неестественная гроза, я теперь увязал ее с этим зрелищем.

Я перебрался направо, не отрывая глаз от запада. Битва в долине кипела по-прежнему. Отсюда воинов обеих сторон трудно было отличить друг от друга — и, соответственно, понять, кто побеждает. Впрочем, новых подкреплений на западе видно не было.

Я напряженно обдумывал наилучшую линию поведения. Ясно, что нападать на Эрика в столь критической ситуации, во время битвы за Амбер, немыслимо. Мудрее всего было бы сориентироваться по ситуации. И крысиные зубы сомнения уже точили мое сердце.

Исход битвы еще не был ясен, даже если атакующие больше не получат подкреплений. Враги сильны и многочисленны. А я понятия не имел, какие у Эрика есть резервы. В этот миг было еще непонятно, стоит ли ввязываться в бой за Амбер и Эрика. Но если Эрик падет, врагов придется отражать мне самому, а войско Амбера будет обескровлено потерями.

Можно было не сомневаться, что мои стрелки живо перебьют крылатую конницу со всеми ее вайвернами. Но для этого нужно связаться с кем-то из братьев в долине. Любая карта откроет ворота моим людям. И что бы ни творилось внизу, враги будут ошеломлены, когда войско Амбера ощетинится винтовками.

Я перевел взгляд на схватку рядом со мной. Нет, дело складывалось не в нашу пользу.

Я лихорадочно размышлял, к чему способно привести мое вмешательство. Конечно, в такой ситуации Эрик не сможет напасть на меня. Помня те муки, на которые он обрек меня, не хватало еще, чтобы я принялся таскать для него каштаны из огня. За поддержку в бою он будет благодарен, конечно, но уж не за те чувства, которые она вызовет. Вне сомнения, нет. Я снова окажусь в Амбере с весьма опасной для него дружиной и при общей симпатии. Интересная мысль. Такой путь к цели будет много спокойнее, чем грубое нападение с убийством брата-короля, которое я запланировал.

Да.

Я понял, что улыбаюсь. Видно, мне суждено стать героем.

Все-таки приятно отметить в себе даже толику благородства. Получилось, что выбирать я должен между королевством с Эриком на троне и королевством, павшим перед врагом. И мое решение было однозначным — атаковать пришельцев, другого и быть не могло. Нельзя поручиться, что битва сложится удачно, и, хотя победа за счет моей помощи укрепила бы мое положение, я даже не думал о собственной выгоде. «Я бы мог ненавидеть тебя, Эрик, если бы не любил Амбер».

Я поспешил назад по склону, молнии за спиной отбрасывали мою тень сразу во всех направлениях.

Добравшись до лагеря, я остановился. На его противоположном конце Ганелон бранился с одиноким всадником, и я узнал коня. Я пошел навстречу.

Наездник пришпорил коня. Покачав головой, Ганелон направился следом.

Это была Дара. Едва она могла меня услышать, я закричал:

— Какого дьявола ты здесь делаешь?

Она спешилась, улыбнулась и стала передо мной.

— Я хотела в Амбер. И вот я здесь.

— Как ты добралась сюда?

— Следуя за дедом, — пояснила она. — Я поняла, что через Тень легче ехать по чьему-нибудь следу, а не прокладывать путь самой.

— Бенедикт здесь?

— Там, внизу, он командует войсками в долине. И Джулиан тоже здесь, — радостно сообщила Дара.

Ганелон подошел и встал рядом.

— Девушка говорит, что шла сюда следом за нами, — крикнул он. — Она здесь уже пару дней.

— Это правда? — спросил я.

Она кивнула и улыбнулась:

— Ну, это было несложно.

— Зачем ты так сделала?

— Конечно же, чтобы попасть в Амбер! Я хочу пройти через Огненный Путь. Вы же как раз туда и направляетесь, верно?

— Верно-то верно. Только, видишь ли, там впереди свирепствует битва!

— И что же ты собираешься делать?

— Победить в ней, конечно.

— Ну и прекрасно. Я подожду.

Некоторое время я ругался, чтобы дать себе время на размышления, а потом выпалил:

— Где ты была, когда вернулся Бенедикт?

Улыбка исчезла с ее лица.

— Не знаю, — ответила она. — Я взяла коня сразу же, как ты уехал, и проездила целый день. Хотелось подумать в одиночестве. А когда утром я вернулась, его уже не было. На следующий день я снова отправилась в путь. Заехала довольно далеко, стемнело, и я решила заночевать на месте. Я часто так поступаю. А утром возвращалась домой и увидела его с вершины холма, он скакал на восток. Я решила отправиться следом. Ехал он через Тени, теперь я в состоянии это заметить... И ты был прав, следовать за кем-то через Тени действительно легче. Не знаю, сколько ушло на это времени — оно просто взбесилось.

Дед приехал сюда, место я узнала по картинке. В лесу к северу отсюда он встретил Джулиана, и вместе они направились на поле боя. — Дара махнула рукой в сторону долины. — В лесу я пробыла несколько дней, совсем не представляя, что делать дальше. Ехать назад — я побоялась заблудиться. А потом заметила, как в гору поднимается твой отряд, и во главе увидела вас — тебя и Ганелона. Я знала, что Амбер лежит в той стороне, и последовала за вами. Только не решалась приблизиться — надеюсь, отсюда ты не отошлешь меня обратно.

— Не верю, что ты рассказала мне всю правду, — ответил я, — но нет времени проверять. Мы идем вперед, в бой. И целее всего ты будешь здесь. Я оставлю с тобой двоих для охраны.

— Мне они не нужны!

— Твое мнение меня не интересует. Ты их получишь. А когда битва окончится, я пошлю за тобой.

Тут я повернулся, выбрал без разбору двоих, велел им оставаться на месте и охранять ее. Судя по лицам, занятие это не вызвало у воинов никакой радости.

— А что это за оружие у них? — спросила Дара.

— Потом поговорим, — ответил я. — Сейчас некогда.

Я коротко проинструктировал командиров и отдал необходимые распоряжения.

— Что-то людей у тебя немного? — поинтересовалась она.

— Мне хватит, — отвечал я. — Встретимся позже.

Мы вернулись немного назад тем же путем. Пока мы шли, гром вдруг прекратился, и это скорее тревожило, чем радовало меня. Нас снова охватил полумрак, я весь взмок в сыром воздухе.

Привал я объявил прежде, чем мы успели добраться до того места, откуда я один обозревал окрестности. И, взяв с собой Ганелона, я опять направился туда.

Повсюду носились всадники на вайвернах. Они теснили обороняющихся к скале. Я поискал глазами Эрика, но ни свечения Камня, ни его самого не увидел.

— Кто же наши враги? — поинтересовался Ганелон у меня.

— Наездники на чудовищах. — Теперь, когда небесная артиллерия приумолкла, все они беспрепятственно приземлились. Я оглядел ряды защищавшихся, Джерарда тоже нигде не было видно. — Веди войска, — велел я, поднимая карабин. — Прикажи, чтобы убивали и чудовища, и людей.

Ганелон отошел, а я прицелился в опускавшегося вайверна и выстрелил. Чудище забило крыльями, врезалось в склон и запрыгало по нему. Я прицелился и выстрелил еще.

Тварь загорелась сразу же, как только свалилась наземь. Скоро передо мной горело три костра. Я перебрался на другое место, убедился в своей безопасности и выстрелил снова.

Я подбил еще одного, и тут враг стал поворачивать в мою сторону, причем довольно быстро.

Я сумел остановить их и как раз перезаряжал карабин, когда появился первый отряд стрелков. Мы усилили атаку и перешли в наступление сразу же, как только начали подходить остальные.

Все закончилось минут за десять. За первые пять минут вайверны успели понять, что шансов у них нет никаких, и стали отступать к обрыву, крича и опираясь на крыло. Мы били чудищ на бегу, повсюду вокруг горело мясо и тлели кости.

Влажная скала вздымалась по левую руку, ее вершина терялась в облаках, и казалось, что она уходит в какую-то бесконечность. Ветер отгонял дым и туман. Скалы вокруг были замараны пятнами черной крови. Мы стреляли, продвигаясь вперед. Воины Амбера быстро поняли, что мы идем им на помощь, и двинулись нам навстречу от подножия утеса. Вел их мой брат Кейн. На миг взгляды наши встретились, а потом он рванулся в бой.

Разрозненные группы воинов Амбера объединились, едва атакующие отступили, и сразу же набросились на дальний от нас фланг уже умудренных горьким опытом зверолюдей и их вайвернов, перекрыв нам сектор обстрела. Но предупредить их возможности не было. Мы сходились с врагом, и наши выстрелы были метки.

Небольшая кучка людей оставалась у подножия утеса. Я словно чувствовал, что они охраняют Эрика и он скорее всего ранен — ведь гроза прекратилась внезапно, — и стал пробиваться к ним.

Стрельба уже начинала ослабевать, когда я оказался рядом и едва ли мог заподозрить что-нибудь опасное для себя.

Вдруг что-то громадное, нагоняя, ринулось на меня сзади. Я упал на землю и покатился, машинально взяв на прицел. Но спусковой крючок так и не нажал. Мимо меня верхом на лошади мелькнула Дара. Она обернулась и расхохоталась, пока я прошипел ей вслед:

— Назад! Чертовка! Тебя же убьют!

— Встретимся в Амбере! — крикнула она, припустив по тропке, выбитой в серой скале.

Я был разъярен. Но сделать ничего не мог. Оскалившись, я поднялся и отправился дальше...

Я шел к ним и несколько раз слышал свое имя. На меня оглядывались, расступались, пропуская. Многих я узнал, но виду не показал.

Думаю, мы с Джерардом увидели друг друга одновременно. Он склонился над раненым, что лежал прямо на земле. Это был Эрик.

Подходя, я кивнул Джерарду и глянул свысока на Эрика. Чувства мои пришли в смятение. Из ран в его груди била ярко-красная кровь. Камень Кары на цепочке вокруг шеи лежал тут же, забрызганный кровью, — жутко и вяло пульсировал, словно вырванное сердце. Глаза Эрика были закрыты, голова покоилась на скатке плаща. Он едва дышал.

Я встал на колени, не в силах оторвать глаз от пепельного лица. Эрик умирал, и я постарался хотя бы немного поунять свою ненависть, отодвинуть ее подальше, чтобы в последний раз попробовать понять этого витязя, которому совсем немного оставалось быть моим братом. И я осознал, что могу даже чувствовать к нему что-то похожее на симпатию, ведь он терял все-все и жизнь тоже... А потом мне подумалось: и я сам мог лежать на этом месте, сложись иначе судьба пять лет назад. Я попробовал придумать что-то в его честь, получилось вроде эпитафии: «Он умер в бою за Амбер». Впрочем, лучше, чем ничего, и слова эти почему то засели в моей голове.

Веки Эрика задрожали, поднялись. Глаза встретились с моими, на лице не отразилось ничего. Я даже подумал было, что он не видит меня.

Но он назвал мое имя, затем промолвил:

— Не сомневался, что это ты. — Потом перевел дыхание и продолжил: — Признай, они все-таки помогли тебе. — Я не отвечал, он все понимал и сам. — Когда-нибудь настанет твой черед, тогда и сквитаемся. — Эрик усмехнулся, но оказалось, что лучше бы ему этого не делать — он задохнулся в спазмах влажного кашля и, когда ему стало полегче, свирепо глянул на меня. — Твое проклятие так и прилипло ко мне. Я чувствовал его все время. Ты не умер, а проклятие не оставило меня. — Немного погодя, словно прочитав мои мысли, он едва заметно улыбнулся и добавил: — Нет, мое предсмертное проклятие предназначено не тебе. Я приберег его для врагов Амбера. Для тех.

Он показал глазами и шепотом произнес его...

Я дрогнул от этих слов.

Взгляд его снова обратился к моему лицу. Эрик внимательно вгляделся в меня. А потом тронул цепь на своей шее.

— Камень... — сказал он. — Отнесешь его в центр Пути. Поднимешь вверх, поднесешь поближе к глазам. И вглядись внимательнее, будто тебе нужно попасть внутрь камня. Пред-

ставь себя внутри его. Не получится, тогда есть... опыт... потом узнаешь, как использовать...

— Но как?.. — начал было я и осекся.

Он сказал мне уже, как овладеть камнем. Зачем же еще тратить его последние минуты, чтобы узнать, каким образом он догадался об этом.

Но Эрик понял и сумел выдавить:

— Записки Дворкина... под камином... мой... — Тут кашель вновь сотряс его тело. Кровь хлынула из носа и горла. Сделав глубокий вдох, он сел с выкатившимися глазами. — Веди себя не хуже, чем я, поганец! — выдавил Эрик, упал на мои руки и испустил последний кровавый вздох.

Я немного подержал его, а потом уложил на землю. Глаза брата оставались открытыми, я медленно закрыл их. Почти машинально сложил его руки на безжизненном теперь камне. Не мог я в этот момент снимать с тела эту регалию. А потом встал, скинул плащ и укрыл мертвого.

Обернувшись, я увидел, что все глядят на меня. В основном лица были знакомыми, но иногда попадались и незнакомцы. Как много их — тех, кто видел меня в цепях на том пиршестве.

Нет. Не время думать об этом. Я отбросил эту мысль.

Ганелон созывал и строил войско. Я направился к ним.

Миновав убитых воинов Амбера и свою дружину, я подошел к краю утеса. Внизу в долине еще шла битва, конница кружила, налетала, отступала, будто вода в половодье, словно насекомые, копошились пехотинцы.

Я достал колоду, что принадлежала Бенедикту, вытащил карту с его портретом. Он подрагивал передо мной, и немного спустя состоялся контакт.

Бенедикт был на том же черно-рыжем коне, на котором гнался за мной тогда. Он размахивал мечом, вокруг кипела битва. Перед ним оказался еще один всадник, и я не стал торопиться. Он коротко бросил:

— Подожди.

Двумя быстрыми движениями меча Бенедикт разделался со своим противником, потом развернул жеребца и стал выбираться из гущи боя. Я заметил, что поводья его связаны в петлю и привязаны к обрубку правой руки. Ему потребовалось минут десять, чтобы выбраться на относительно спокойное место. Потом он поглядел на меня, и я понял, что он внимательно изучает окрестности за моей спиной.

— Да, я на высотах, — сказал я. — Мы победили. Эрик пал в бою. — Бенедикт молча глядел, ожидая продолжения. Лицо его не выдавало никаких эмоций. — Мы победили, потому что я привел стрелковые части и мне наконец удалось найти вещество, что взрывается здесь. — Глаза его сузились, он кивнул. Я чувствовал — он сразу же понял, что это за штука и где я ее добыл. — Мне о многом хотелось бы переговорить с тобой, — продолжал я, — но сперва следует думать о врагах. Если ты поддержишь контакт, я перешлю тебе несколько сотен стрелков.

Бенедикт улыбнулся и ответил:

— Поторопись.

Я подозвал Ганелона — он оказался совсем рядом. Велел ему построить отряд в одну шеренгу. Он кивнул и отбежал, выкрикивая распоряжения.

Пока мы ждали, я сказал:

— Бенедикт, Дара здесь. Она сумела проследовать за тобой через Тени, когда ты ехал из Авалона. Я хочу...

Он оскалил зубы и крикнул:

— Что за дьявольщина? Кто эта Дара, о которой ты все время толкуешь? Никогда не слыхал о ней до твоего появления! Будь другом, расскажи! Мне хотелось бы знать!

Я слегка улыбнулся.

— Нехорошо. — Я покачал головой. — Я знаю о ней все и никому еще не сказал, что у тебя есть внучка.

Его губы и глаза невольно открылись.

— Корвин, — сказал Бенедикт, — ты или с ума сошел, или тебя обманули. Насколько мне известно, у меня нет подобных потомков. А о том, что кто-то мог ехать следом за мной — знай, я прибыл сюда по карте Джулиана.

Конечно. Извинить меня могла лишь битва, захватившая все мое внимание. Дару нужно было перехватить немедленно. О битве Бенедикта, конечно же, известили с помощью колоды карт. Зачем же тащиться на коне, когда можно оказаться на месте мгновенно?

— Проклятие! — вскричал я. — Она теперь уже в Амбере! Слушай, Бенедикт! Пусть Джерард или Кейн передадут тебе войска. Ганелон поможет. Приказы отдавайте через него.

Я огляделся. Неподалеку Джерард разговаривал с придворными. В отчаянии я позвал его. Он быстро повернул голову и бросился ко мне.

— Корвин! В чем дело? — крикнул Бенедикт.

— Не знаю! Случилась какая-то громадная беда!

Когда Джерард подбежал ко мне, я сунул ему карты.

— Пригляди, чтобы войско отправилось к Бенедикту! — сказал я. — А Рэндом во дворце?

— Да.

— На свободе или в застенке?

— На свободе... если такое можно считать свободой: рядом с ним несколько стражей. Эрик все еще не доверяет... Не доверял ему.

Я повернулся.

— Ганелон, — крикнул я, — делай, что прикажет тебе Джерард. Он собирается послать твой отряд вниз к Бенедикту. И пригляди, чтобы твои люди повиновались ему. Мне срочно надо в Амбер.

— Хорошо, — отозвался он уже на скаку.

Джерард отправился за ним, а я опять развел веером карты. Нашел картинку с изображением Рэндома и сосредоточился. В этот момент наконец начался дождь.

В контакт я вошел почти моментально.

— Привет, Рэндом, — сказал я, едва его изображение ожило, — не забыл еще меня?

— Где ты? — спросил он.

— В горах. Мы только что выиграли свою часть битвы. И я посылаю подкрепление Бенедикту, чтобы очистить долину. А сейчас мне нужна твоя помощь. Перенеси меня к себе.

— Не знаю, Корвин, Эрик...

— Эрик мертв.

— И кто командует?

— А ты как думаешь? Перенеси меня!

Он быстро кивнул и протянул руку. Я подал свою, они соединились в рукопожатии. Я сделал один шаг и оказался рядом с Рэндомом на балконе третьего этажа над одним из дворцовых двориков. Ограда была беломраморной. Под нами были цветы, много цветов.

Я пошатнулся. Он схватил меня за руку и спросил:

— Ты ранен?

Я покачал головой и только тут понял, насколько устал. В прошедшие ночи мне едва доводилось вздремнуть. Помимо всего прочего...

— Нет, — ответил я, переводя взгляд на свою окровавленную куртку. — Просто устал. А кровь — Эрика.

Рэндом провел рукой по светлым волосам и выпятил губу.

— Значит, ты наконец пристукнул его, — тихо произнес он.

Я вновь отрицательно качнул головой:

— Нет. Он уже умирал, когда я оказался рядом. А теперь пошли! Живо! Это очень важно.

— Куда? В чем дело?

— К Пути, — ответил я. — Почему? Не знаю, просто уверен, что дело серьезное. Быстро.

Мы вошли во дворец и направились к ближайшей лестнице. Ее охраняли двое стражей, они вытянулись перед нами и мешать не стали.

— Я рад, что слух о твоих глазах оправдался, — сказал мне Рэндом, когда мы спускались по лестнице вниз. — Видишь нормально?

— Да. Я слыхал, ты еще женат?

— Да. — Спустившись на первый этаж, мы заторопились направо. Там снова была пара стражников, они тоже не пытались остановить нас. — Да, — повторил Рэндом, когда мы повернули к центру дворца. — И ты удивлен, не так ли?

— Я думал, что год-то ты вытерпишь, а потом смоешься.

— Я и сам так считал, — ответил он. — Но очень влюбился в нее. В самом деле.

— Случались и более странные вещи.

Мы пересекли мраморную столовую и вступили в длинный узкий коридор, уводивший далеко в грязь и забвение. Я невольно поежился, вспомнив, как проходил здесь последний раз.

— Я ей действительно дорог, — продолжал Рэндом. — Ко мне так никто не относился прежде.

— Рад за тебя, — ответил я.

Мы добрались до двери, за которой под широким помостом уходила вглубь старая лестница. Дверь оказалась открытой. Мы ступили на лестницу и стали спускаться.

— А я не рад, — сказал Рэндом, торопясь вниз следом за мной. — Я и не собирался влюбляться. По крайней мере, тог-

да. Мы же с тех пор все время были пленниками. Какая была в этом для нее радость?

— Ну, теперь все закончилось, — успокоил я. — Ты попал в плен потому, что связался со мной и пытался убить Эрика. Разве не так?

— Да. А потом она присоединилась ко мне.

— Я не забуду этого, — отвечал я.

Мы торопились. Спускаться надо было глубоко, лампы там отстояли футов на сорок одна от другой. Это была громадная естественная пещера. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь знал, сколько в ней туннелей и коридоров. Внезапно меня охватила жалость ко всем узникам ее темниц, по какой бы причине они ни попали туда. И я решил отпустить их всех или облегчить их участь.

Медленно тянулись минуты. Внизу уже замерцали факелы и фонари.

— Есть одна девушка, — начал я. — Зовут ее Дара. Она сказала мне, что Бенедикт ее дед, у меня были веские причины поверить ей. Я поведал ей кое-что о Тенях, Истинном Мире и Пути. Над Тенями она имеет некоторую власть, и она просто рвалась пройти Огненным Путем. Когда я в последний раз видел ее, она торопилась сюда. Бенедикт несколько минут назад поклялся, что и не слыхивал о ней. И мне вдруг стало страшно. Я хочу остановить ее — нельзя пускать ее на Путь — и как следует повыспросить.

— Странно, — кивнул Рэндом, — очень странно. Я согласен. Ты думаешь, она сейчас здесь?

— Если еще нет, то скоро примчится.

Наконец мы опустились на дно. И я рванулся в полутьме к заветному коридору.

— Стой! — выкрикнул Рэндом.

Я остановился и обернулся. Но не увидел его. Пришлось вернуться. Он оказался за лестницей.

Вопрос не успел сорваться с моих губ.

Рэндом склонялся над рослым бородатым мужчиной.

— Мертв! — произнес он. — Очень тонкий клинок. Хороший удар. Только что.

— Вперед!

Мы оба рванулись к туннелю и помчались по нему. Наконец седьмой проход справа — он-то и нужен! На ходу я вырвал

из ножен Грейсвандир. Массивная, окованная металлом темная дверь оказалась распахнутой.

Я метнулся в нее, Рэндом следом. Черный пол этой громадной палаты очень гладок, похож на стекло, но не скользит. На нем сверкает Путь — сплошное мерцающее переплетение линий, длиной ярдов этак в сто пятьдесят.

Кто-то был там, шел Огненным Путем. Я почувствовал странный колючий озноб, как всегда возле этого изображения. Дара?.. Трудно было сказать что-то определенное, вокруг темной фигуры взметались фонтаны искр. Кем бы ни был этот человек, он принадлежал к королевской семье. Все знали, что Путь уничтожит любого, кто не принадлежит к ней. А незнакомец уже прошел Великую Кривую и осиливал переплетение дуг, ведущее к Последней Завесе.

Огненный силуэт менялся с каждым шагом. На мгновение мои чувства отказались воспринимать эти быстрые изменения, чтобы не видеть, не осознать неизбежное. Рэндом судорожно охнул возле меня, и этот звук словно разрушил плотину в моем подсознании. На мой разум обрушился поток впечатлений.

Оно высилось в этой всегда казавшейся сказочной палате. А потом съежилось, сократилось почти в ничто. На мгновение мелькнул силуэт хрупкой женщины, должно быть, Дары — волосы ее светились, вздымались, потрескивали разрядами. А потом на месте волос оказались рога, громадные кривые рога на широком челе, кривоногий обладатель их неуверенно переступал копытами по горящему Пути. И что-то еще... чудовищный кот... безликая женщина... Крылатое существо неописуемой красоты... гора угольев и пепла...

— Дара, — крикнул я, — это ты?

Собственный голос эхом вернулся ко мне, другого ответа не последовало. Кто оно или что, но это существо продиралось теперь сквозь Последнюю Завесу. Мускулы мои напряглись, невольно подражая идущему.

Наконец оно оказалось снаружи.

Да, это была Дара. Высокая и величественная, прекрасная и ужасная одновременно. Один вид ее терзал мой разум. Ее руки были в возбуждении подняты, нечеловеческий хохот срывался с губ. Я хотел отвернуться, но не мог. Неужели я и впрямь обнимал, ласкал и любил... вот это? Одновременно такого от-

вращения и притяжения я не испытывал никогда. И не мог понять причин поглотившей меня раздвоенности.

Потом она поглядела на меня.

Смех прекратился. Прозвенел ставший незнакомым голос:

— Господин Корвин, теперь ты владыка Амбера?

Кое-как я ухитрился ответить:

— Практически да.

— Хорошо! Тогда прими свою участь!

— Кто ты? Что ты?

— Теперь ты уже не узнаешь, — ответила она, — опоздал.

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Амбер, — произнесла она, — будет разрушен.

А потом исчезла.

— Что за дьявольщина? — выдавил Рэндом. — Что это было?

Я стоял завороженный.

— Не знаю, поверь мне, не знаю. И, по-моему, узнать это — теперь для меня важнее всего на свете.

Он схватил меня за руку.

— Корвин, — лихорадочно проговорил Рэндом, — оно... она... предрекла... А ведь такое возможно.

Я согласно кивнул:

— Знаю.

— Что мы теперь будем делать?

Я вложил Грейсвандир в ножны и повернул к двери.

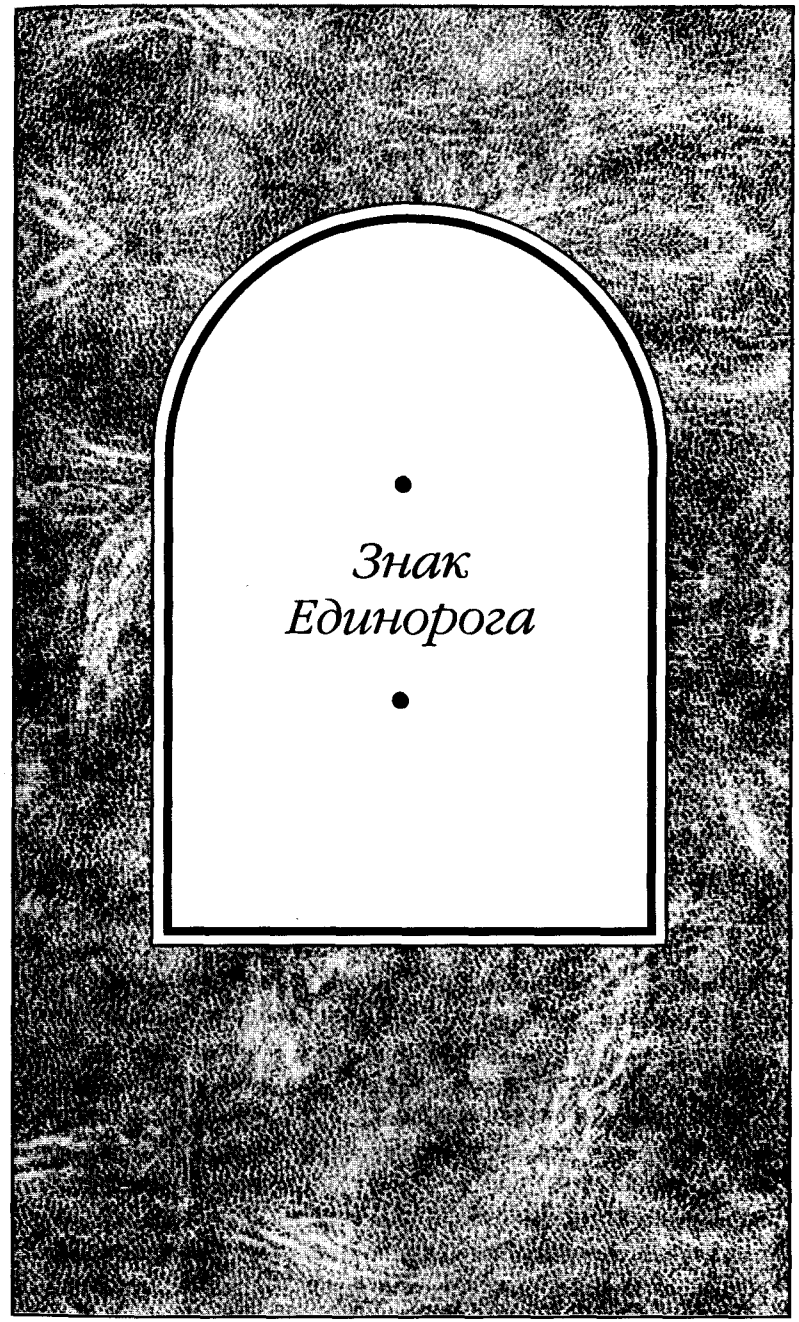
— Собирать осколки, — сказал я. — Я получил то, чего давно добивался, и теперь моя обязанность — позаботиться о безопасности страны. Я не стану ждать. Я должен искать, найти и остановить ее, прежде чем она сможет протянуть руки к Амберу.

— А где искать, ты знаешь? — спросил он.

Мы повернули в туннель.

— Думаю, на другом конце Черной Дороги, — ответил я.

По дну пещеры мы дошли до лестницы, возле которой лежал мертвец, и кругами стали подниматься, оставив его внизу, во мраке.

Знак Единорога

Глава 1

Грум пялился на меня во все глаза, но я молча спешился и передал ему поводья. Потом снял с коня свою завернутую в плащ ношу. Что завернуто в плащ, было ясно, но и это меня не смущало. Я взвалил ношу на плечо и торопливо зашагал к боковому входу во дворец.

Хаос мог в любую минуту потребовать очередной уплаты по счету — мешкать было нельзя.

Миновав поле брани, я направился к дорожке, углублявшейся в южный угол дворцового сада. Чем меньше любопытных глаз, тем лучше. Нет, меня заметят и узнают неизбежно, но так все равно лучше, чем переться через парадный вход, где всегда такая уйма народу. Черт бы их всех побрал!

Проклятье, проклятье! Мало ли у меня забот? Увы, беда одна не ходит. Наверное, так уж заведено.

В дальнем конце сада, у фонтана, слонялось несколько бездельников. Пара гвардейцев вышагивала сквозь кусты к дорожке. Заметили меня, быстренько посовещались и, как по команде, отвернулись. Умники.

А ведь меня не было дома меньше недели! Придворные в панике и сходят с ума от подозрений. А тут еще это убийство, омрачившее и опорочившее краткое и несчастливое правление Корвина Первого — мое правление.

Настала пора сделать то, что следовало сделать с самого начала. Но с самого начала следовало сделать столько всего... Я и не зевал вроде бы. Выбрал дела поважнее и занялся ими. А теперь вот на́ тебе...

Выйдя из-под тени деревьев под косые лучи заходящего солнца, я подошел к широкой винтовой лестнице. Гвардеец у входа встал по стойке «смирно», когда я поднялся к двери.

Я прошел мимо него, поднялся по боковой лестнице на второй этаж и, не останавливаясь, — на третий.

Справа из двери своих покоев вышел мой братец Рэндом и бросился ко мне через зал.

— Корвин! — воскликнул он, вглядываясь в мое лицо. — Что случилось? Я увидел тебя с балкона и...

— Не здесь, — оборвал я его, красноречиво поглядев по сторонам. — Надо поговорить с глазу на глаз. И немедленно.

Рэндом растерянно уставился на мою ношу.

— Давай поднимемся выше, — предложил он. — Ладно? А то здесь Вайол.

— Ладно, пошли.

Рэндом пошел впереди, распахнул двери. Войдя в маленькую гостиную, я пошарил глазами, на что бы упасть, выбрал себе кресло и буквально рухнул в него. Рэндом не сводил глаз с мешка.

— Что я должен сделать? — спросил он.

— Развяжи мешок и погляди, — сказал я.

Рэндом наклонился и откинул полу плаща, но тут же запахнул.

— Труп, — заключил он. — Мертвее не бывает. Так в чем дело?

— Ты плохо посмотрел. Оттяни ему веко, — посоветовал я. — Открой рот, посмотри на зубы. Полюбуйся руками — там у него шипы. Фаланги на пальцах сосчитай. А потом говори.

Рэндом приступил к осмотру, но стоило ему взглянуть на руки убитого, как он тут же заявил:

— Ясно. Припоминаю...

— Припоминай вслух.

— Там, у Флоры...

— Я таких именно там увидел впервые, — кивнул я. — А ведь охотились они за тобой. Я, правда, так и не понял почему.

— Конечно, — согласился Рэндом. — Никак не удавалось рассказать. Мы давно не виделись. Странно... этот-то откуда взялся?

Я немного растерялся, не зная, что лучше, — заставить Рэндома выложить правду или сначала все рассказать самому. Решил все-таки рассказать, поскольку дело было срочное.

Я вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Мы потеряли еще одного брата. Кейн мертв. Я опоздал.

Эта тварь... Это он сделал. Я, конечно, хотел взять его живым. Но он вздумал сопротивляться. Выбора не было.

Рэндом понимающе присвистнул и уселся в кресло напротив меня.

— Ясно... — проговорил он еле слышно.

Я не спускал с Рэндома глаз. Не улыбнется ли он? Улыбнется — что мне тогда делать? Улыбнуться в ответ? Наверное.

— Нет, — сказал я как отрезал. — Будь все иначе, я бы сделал так, чтобы в моей невиновности было как можно меньше сомнений. Я говорю тебе чистую правду.

— Хорошо, — кивнул Рэндом. — Где тело Кейна?

— Зарыто в земле, неподалеку от рощи Единорога.

— Будут подозрения, — нахмурился Рэндом. — Наверняка будут. У других.

— Знаю. Но мне нужно спрятать тело. Не сюда же его тащить! Меня бы тогда просто засыпали вопросами. И потом, нужно о многом расспросить тебя. Это очень важно.

— Ладно, — вздохнул Рэндом. — Уж не знаю, что и насколько важно, но это дело твое. Только учти, голову мне не морочь. Как все случилось?

— Дело было сразу после обеда, — начал я. — Мы обедали в гавани с Джерардом. Потом Бенедикт вызвал меня наверх, через карту. У себя в комнате я обнаружил записку — видимо, ее подсунули под дверь. В записке была изложена просьба о встрече наедине у рощи Единорога. А подписано было Кейном.

— Записка еще у тебя?

— Да, — ответил я, вытащил записку из кармана и подал Рэндому. — Вот, смотри.

Рэндом прочитал записку, помолчал и покачал головой.

— Не знаю, — недоверчиво проговорил он. — Может, это и Кейн писал... спешил, может... но только все-таки, по-моему, не он.

Я пожал плечами, взял у Рэндома записку, сложил и убрал в карман.

— В общем, я пытался вызвать его через карту, но он не отзывался. Я решил, что Кейн, наверное, заблокировался — не хочет, чтобы кто-то знал, где он. Так что я оседлал коня и поскакал.

— Говорил кому-нибудь, куда направляешься?

— Никому. Взял с места в карьер, лошадь загнал и все равно опоздал. Я не видел, как все случилось, — увидел только, что Кейн лежит на земле. Горло у него было перерезано. А в кустах неподалеку кто-то шуршал. Я бросился туда, нагнал вот эту тварь, мы сцепились... пришлось прикончить. Сам понимаешь, разговаривать с ублюдком мне было некогда.

— Ты уверен, что не ошибся?

— Окажись ты на моем месте, ты был бы уверен в этом не меньше меня. Его следы тянулись от тела Кейна, а на его тряпье была свежая кровь.

— Может, она его собственная?

— А ты осмотри эту сволочь внимательнее. Целехонек — ни царапинки. Я ему только шею сломал. А поскольку не забыл, где имел счастье видеть таких красавчиков, приволок сюда, чтобы ты посмотрел. Но, прежде чем ты мне все расскажешь, я тебе еще кое-что покажу, чтобы ты не сомневался, — сказал я и вынул из кармана еще одну записку. — Эту записку я нашел у этого мерзавца. Наверное, он ее у Кейна стащил. — Рэндом прочитал вторую записку и отдал мне.

— Кейну от тебя с просьбой о встрече на этом самом месте. Все ясно. Тут и говорить нечего.

— Нечего, точно, — согласился я. — И главное, как на мой почерк похоже, то есть на первый взгляд.

— Интересно, что бы произошло, если бы первым туда прибыл ты?

— Может, и ничего, — сказал я, пожав плечами. — Я им нужен живым и паршиво выглядящим. Вся соль была в том, чтобы заманить нас туда друг за другом, и притом в определенном порядке. А я немного опоздал к началу спектакля.

Рэндом задумался.

— Ловко сработано. За этим явно стоит тот, кто находится здесь, во дворце. Есть какие-нибудь соображения?

Я хмыкнул и потянулся за сигаретой. Закурил и снова хмыкнул.

— Я только что вернулся. А ты тут был все время. Кто нынче сильнее всех меня ненавидит?

— Дурацкий вопрос, Корвин, — заявил Рэндом. — Все на тебя за что-нибудь в обиде. Я бы, конечно, первым назвал Джулиана. Но он тут явно ни при чем.

— Это почему же?

— Они с Кейном отлично ладили много лет. Один пропадет — другой разыскивает. Да, они дружили. Джулиан — человек холодный, черствый, жестокий — не мне тебе рассказывать. Но если он и питал когда-нибудь к кому-нибудь хоть какие-то чувства, так это к Кейну. Не думаю, чтобы он мог убить его только для того, чтобы свалить вину на тебя. В конце концов, для того чтобы тебе подгадить, он мог бы много чего другого придумать.

Я вздохнул:

— Кто следующий?

— Не знаю. Просто не знаю.

— Ладно. Каковы могут быть последствия, как думаешь?

— Плохо твое дело, Корвин. Все решат, что это твоих рук дело, что бы ты ни говорил.

Я молча кивнул в сторону лежавшего в углу трупа. Рэндом покачал головой:

— Скажут: приволок из Царства Теней какого-то бедолагу, чтобы чистеньким прикинуться, и все.

— Ясно, — кивнул я. — Что ни говори, времечко для возвращения в Амбер я выбрал удачное. Самое подходящее для восхождения на престол.

— Лучше не бывает, — согласился Рэндом. — Ведь тебе даже Эрика не пришлось убивать, чтобы добиться того, чего хотел. Повезло тебе. Здорово повезло.

— Что да, то да. Однако ни для кого не секрет, что я вернулся именно с этой целью — убить Эрика, и теперь нужно совсем немного времени, чтобы мои расквартированные в Амбере войска — иноземные, особо вооруженные, прекрасно вымуштрованные — начали вызывать законное недовольство. До сих пор выручал только страх угрозы извне. Ведь меня подозревают во многом таком, что я якобы учинил до своего возвращения в Амбер, — в убийстве сторонников Бенедикта, к примеру. А теперь еще Кейн...

— Да, — сказал Рэндом понимающе. — Сразу видно, к чему ты клонишь. Тогда, много лет назад, когда вы шли на Амбер вместе с Блейзом, Джерард увел часть кораблей с вашего пути. А Кейн повел свои суда в атаку и обратил вас в бегство. Теперь, когда Кейна больше нет, ты, видимо, назначишь Джерарда командующим флотилией.

— А кого же еще? Он единственный, кто может справиться.

— Несмотря на...

— Несмотря. Назначу. Видишь, как получается: если бы я должен был кого-то отправить на тот свет, чтобы упрочить собственное положение, этим кем-то, по логике вещей, должен был бы стать Кейн. Такова истинная, жуткая правда.

— И как ты собираешься все уладить?

— Честно расскажу всем, что случилось, и попытаюсь узнать, чьи это проделки. Или у тебя есть предложение получше?

— Я все думаю, какое бы тебе алиби сочинить. Но, похоже, не выйдет.

Я усмехнулся и покачал головой:

— Нет, Рэндом, ты слишком близок ко мне. Что бы мы оба ни говорили, эффект может получиться с точностью до наоборот.

— А ты думал о том, чтобы взять вину на себя... нарочно?

— Думал. Но самозащита исключена. У Кейна перерезано горло — такое бывает только при внезапном нападении. А представить дело в ином свете у меня пороху не хватит — ну, например, я прознал, что он замышляет дурное, и прикончил его ради блага Амбера. Такие признания не по мне. С душком выйдет, как ни крути.

— Зато создашь себе репутацию непримиримого тирана.

— Такого сорта непримиримость в мои планы не входит. Нет-нет, не пойдет.

— Ну, стало быть, все решено — пока что.

— «Пока что» — это ты о чем?

Рэндом прищурился и, самым внимательным образом разглядывая ноготь на большом пальце левой руки, изрек:

— Видишь ли... я подумал, что, если ты горишь желанием кого-нибудь еще убрать с картины, сейчас самое время подумать о том, что раму всегда можно уменьшить.

Я задумчиво докурил сигарету.

— Мысль недурная, — признал я. — Но, видишь ли, сейчас не время жертвовать еще кем-то из братьев.

Даже Джулианом, хотя он-то как раз в раму хуже всех вписывается.

— Тут дело не в нашем семействе, — возразил Рэндом. — Полным-полно благородных жителей Амбера, горящих желанием разделаться с тобой. Взять хотя бы сэра Реджинальда...

— Забудь об этом, Рэндом. Менять раму я тоже не собираюсь.

— Как скажешь. Только учти, мое серое вещество вот-вот иссякнет.

— Очень надеюсь. Его хоть малость осталось, такого, что отвечает за память?

— Вроде бы да.

Рэндом вздохнул, потянулся, встал, перешагнул через неподвижное тело, подошел к окну. Отодвинув портьеру, некоторое время молча смотрел в окно.

— Ладно, — сказал он наконец. — Рассказ выйдет долгий.

И Рэндом начал вспоминать вслух.

Глава 2

— Кто спорит: секс — занятие замечательное, но есть много всяких других дел, которыми мы любим заниматься в промежутках. Для меня, Корвин, это игра на ударных, а еще я обожаю летать и резаться в карты. Не буду уточнять, что я люблю больше. Пожалуй, летать все-таки приятнее — на планерах, воздушных шарах, да мало ли на чем — все от настроения зависит, сам понимаешь. Я в том смысле, что спроси ты меня в другой раз, и я заявлю, что мне больше по душе что-то другое. Да, все дело в настроении.

В общем, так... Несколько лет назад я был тут, в Амбере. Так, слонялся из угла в угол, ничем особо не занимаясь. Погостить приехал и путался у всех под ногами. Папаша еще жив был тогда, и как-то раз, когда он впал в особенно сварливое расположение духа, я понял, что пора бы мне прогуляться. Хорошенько прогуляться! Я давно заметил, что папашина любовь ко мне возрастает в прямой зависимости от того, на каком расстоянии от него я нахожусь. На прощание папаша преподнес мне изумительно красивый хлыст — наверное, для того, чтобы подстегнуть процесс разгорания отеческих чувств. Хлыст, ей-богу, был превосходный — тонкий, инкрустированный серебром, просто мечта, а не хлыст — и я не преминул воспользоваться им по назначению. Решил предаться про-

стым радостям бытия в соответствии с моими скромными запросами в одном уютном уголке Царства Теней.

Путь был долгий. Не буду утомлять тебя подробностями. Главное, что я забрался очень далеко от Амбера. Никаких важных дел у меня не было; от важных дел либо очень скоро в тоску впадаешь, либо наталкиваешься на уйму трудностей — все зависит от того, какую долю ответственности на себя взвалишь. А мне отвечать за что-то охоты не было — я хотел просто развлечься, и все.

Тексорами — большой открытый портовый город: жаркие дни, долгие ночи, дивная музыка, азартные игры круглые сутки, поединки каждое утро, а для тех, кто не в силах до утра потерпеть, — драки днем и ночью. А какие там воздушные потоки! У меня был маленький красный планер, и примерно раз в пару дней я занимался скай-серфингом. Лупил по барабанам, сколько хотел, в одном подвальчике выше по реке — стены там были такие же вспотевшие, как тамошние завсегдатаи, и дым тек в лучах светильников, словно струйки молока. А когда мне надоедало колотить по барабанам, я отправлялся на поиски приключений — наслаждался женским обществом или резался в карты. На это уходил остаток ночи... Эрик, будь он проклят! Нет, ты представляешь — он как-то меня шулером обозвал! Вот уж где я сроду не хитрил, так это в картах. К каждой игре отношусь совершенно серьезно. И играть умею, и везет мне, как правило. С Эриком все было наоборот. Просто беда. Он так много чего умел делать хорошо, что не желал даже самому себе признаться в том, что на свете могут быть вещи, которые кто-то делает лучше, чем он. И если ты его в чем-то побеждал, получалось, что ты сыграл нечестно.

Как-то ночью он затеял по этому поводу жуткий скандал — дело могло бы плохо кончиться, но Джерард с Кейном вмешались и не дали ему разойтись. Спасибо Кейну — он тогда был на моей стороне. Бедняга... Все-таки чертовски ему не повезло — глотку перерезали, сволочи... Ну вот, словом, оттягивался я в Тексорами — музыка, женщины, что ни игра, то выигрыш, а днем летал, как птица небесная, на своем планере. Пальмы там, желтофиоли по ночам благоухают — красотища! А как пахло в порту! Специи, кофе, деготь — ну, можешь себе представить. Народу всякого полно — и тебе господа благородные, и купчишки, и пеоны. Моряки, путешественники... Все носятся туда-сюда как угорелые. Ну и парни вроде меня, любители острых ощущений. Прожил я в Тексорами чуть побольше двух лет и был счастлив. Честно, счастлив. Надолго ни с кем не сходился. Так, шапочные знакомства — поздороваешься при встрече, а чтобы дружить — ни-ни. Амбер у меня просто из головы вылетел.

Но однажды ночью все разом переменилось. Я дулся в карты, и на руках у меня был «фуль», так что я был спокоен, а парень, что напротив меня сидел, изо всех сил старался угадать, не блефую ли я.

И вдруг со мной ни с того ни с сего заговорил валет бубен.

Да-да, вот так все и началось. Правда, я тебе честно скажу, с головой у меня тогда неважно было. Я только что отыграл пару горячих партий, и мне все время везло. Да и летал весь день, устал как собака, а предыдущей ночью почти глаз не сомкнул. Уже потом я подумал, что в то мгновение произошел ментальный контакт — такой, какой происходит через волшебные карты, хотя тогда в руках у меня были карты самые обычные. Но ведь когда кто-то нас вызывает, мы карт в руках не держим, а берем их только тогда, когда сами хотим вызвать кого-то. Словом, не знаю. Может, мое свободно парящее подсознание ухватилось за то, что было под рукой... Позднее я много раз голову ломал над этим. Было чему удивиться. До сих пор не знаю, как все вышло.

Валет сказал: «Рэндом!» Потом перекосился весь и говорит: «Помоги мне». Я уже немного очухался, но все равно в глазах стоял туман. Потом стали проступать черты лица, и я понял, что это Брэнд. Я не ошибся. Видок у него был — хуже не придумаешь: не то в цепи закован, не то связан — не разберешь. И снова говорит: «Помоги». А я ему: «Слышу тебя. Что стряслось?» — «Я в плену», — отвечает и еще что-то сказал, только я не разобрал. «Где?» — спрашиваю, а он только головой покачал. «Мне, — говорит, — тебя сюда не вытащить. Карт у меня нет, а я слишком слаб. Добираться тебе долго придется».

Я не стал допытываться, как это ему удалось со мной связаться без моей карты. Главное было — узнать, где он находится. Я спросил, как его разыскать. Он сказал: «Смотри внимательно. Запомни все, что сможешь. Только раз могу показать, и все. Захвати оружие...»

И я увидел... Корвин, это было где-то жутко далеко от Амбера — где-то там, где Тени начинают сходить с ума. Гораздо дальше, чем я люблю забираться. Все кругом какое-то застывшее, окоченевшее, а цвета постоянно меняются. Вроде как все объято пламенем. Словно бы и день, а солнца нет. Камни здоровенные носятся по земле, что твои парусники по морю. А Брэнд... Брэнд был заточен в башне — только эта башня стояла на месте, не двигалась. И еще я успел заметить, что у подножия башни свернулась кольцом какая-то тварь — блестящая такая, переливающаяся. Похоже было, что она охраняет эту башню, но она так сверкала, что просто глаза слепило, и я толком разглядеть не успел, что это такое.

Потом вдруг все исчезло. Было — и нет. А я сижу, как идиот, пялюсь на валета бубен. Парень, что напротив сидел, видно, совсем уж взбеленился — чего это я так долго думаю? Не тронулся ли я часом?

Больше я в ту ночь не играл. Доплелся до дома, рухнул на кровать, курил и думал, думал... Когда я уезжал, Брэнд был в Амбере. Потом, когда я спрашивал, куда он делся, мне никто сказать не мог. Затосковал, дескать, собрался в одночасье и ускакал куда-то. Вот и все. И никаких вестей от него. Сам на связь не выходил, и его никто вроде бы дозваться не мог.

Я все гадал, что же могло случиться. Брэнд — он ведь не дурак и пройдоха известный. Большего пройдохи у нас в семействе не найти, пожалуй. Но он попал в беду и звал меня на помощь. Почему меня? Эрик и Джерард — куда большие герои, чем я, и с радостью пустились бы в приключения. Кейн, пожалуй, отправился бы Брэнду на помощь из чистого любопытства. Джулиан мог бы решиться на такое, чтобы всем нос утереть и с папашей поквитаться. И уж проще всего Брэнду было самого папашу вызвать. А он вызвал меня. Почему?

Тогда я подумал, что, может, кто-то из наших повинен в том, что с Брэндом случилось, — и, может, даже не кто-то один... Ну мало ли — вдруг, к примеру, отец его выделять вздумал... Словом, ты понимаешь. Если так, то, вызови он папашу — тот бы в нем мигом разочаровался.

Так что я мало-помалу заглушил в себе порыв связаться с кем-нибудь из наших и позвать кого-то на подмогу. Брэнд позвал меня, а протрепаться про это кому-нибудь в Амбере было все равно что перерезать ему глотку собственными руками.

Ладно. Но все-таки при чем тут я? И что я с этого могу поиметь?

Если речь шла о наследовании, если Брэнд и вправду выбился в фавориты, выдай я его — он бы мне это припомнил. А если нет... Вариантов было хоть отбавляй. Может, он домой возвращался и на что-то напоролся, на что-то такое, о чем следовало разузнать получше. А еще мне было жутко любопытно, как это он ухитрился карты обойти и со мной связаться. В общем, я бы сказал, что из одного только любопытства я решил отправиться в одиночку и попытаться спасти Брэнда.

Я достал свою колоду и попробовал с ним связаться. Как и следовало ожидать, он мне не ответил. Я хорошенько выспался, а с утра снова попробовал его вызвать. То же самое. Ладно, решил я, ждать больше нечего.

Почистил меч, плотно поел, напялил на себя какие-то шмотки погрязнее, прихватил темные поляризованные очки... Точно не знал, помогут ли они мне там, но та тварь возле башни была такая яркая, что я подумал — очки не помешают. И пистолет взял. Было, правду сказать, такое чувство, что толку от него мало будет, и я не ошибся. Но как я всегда говорю: пока сам не попробуешь — не узнаешь.

Единственным, с кем я попрощался, был один ударник, мой приятель. Я отдал ему свою установку — знал, что о ней позаботится.

Потом спустился к ангару, повозился с планером, вылетел и поймал отличный воздушный поток.

Не припомню — ты когда-нибудь летал через Тени? Нет, не летал? Понятно. Ну так вот... Я был над морем и летел до тех пор, пока северный берег не превратился в тонкую полосочку. Подо мной плескались темно-свинцовые волны — вздымались, трясли искристыми белыми бородами и снова опадали. Ветер переменился. Я сделал разворот, помчался над волнами к берегу. Небо потемнело. Когда я долетел до устья впадавшей в море реки, никакого Текссорами там и в помине не было — на многие мили тянулись сплошные болота. Я поймал восходящий поток воздуха и полетел над землей, вверх по течению реки, над всеми ее излучинами, поворотами, притоками... Ничего тут теперь не стало — ни причалов, ни дорог, ни транспорта. Все заросло высоченными деревьями.

На западе сгустились облака — розовые, жемчужные, жел-

тые. Солнце постоянно меняло цвет — оно было оранжевым, потом стало красным, потом желтым. Что ты головой качаешь? С солнцем — это из-за городов. Когда я тороплюсь, я истребляю... нет, не совсем так — стремлюсь сократить путь. На такой высоте жутко мешают всякие искусственные постройки. Для меня главное — светотени и рельеф. Вот почему я тебя спросил, летал ли ты через Тени. Это совершенно особенное дело.

В общем, я летел на запад, и леса постепенно сменились зелеными лугами, которые мало-помалу побледнели, распались, превратившись в коричневые, рыжеватые и желтые пятна. Потом все внизу посветлело, рассыпалось на мелкие крошки, а затем слилось в сплошное грязное пятно. За свою спешку я получил в подарочек грозу. Я пытался обогнуть грозовой фронт, но кругом уже полыхали молнии, и я побоялся, что порывы ветра окажутся слишком свирепыми для моего маленького планера. Я быстро направил его вниз, под облака, но в результате снова увидел под собой зелень лугов. И все-таки я ухитрился проскочить грозу, и в спину мне светило жаркое желтое солнце. Через некоторое время я добился того, что подо мной снова оказалась пустыня — голая, мрачная, холмистая.

А потом солнце сжалось, его опоясали полосы туч — они словно по кусочку стирали солнце с небес. В бешеной спешке я так сократил путь, что забрался немыслимо далеко от Амбера — так далеко, как никогда не забирался.

Солнце исчезло, но свет остался. Яркий, но какой-то сверхъестественный, рассеянный, непонятно откуда исходящий. Глаза слепило, перспективу разглядеть было просто невозможно. Тогда я опустился пониже, чтобы ограничить поле зрения. Скоро впереди возникли большие скалы. Постепенно они стали приобретать те самые очертания, что мне запомнились.

Естественно, когда летишь над скалами, тут только успевай поворачиваться — вверх, вниз и так далее. Планером стало трудно управлять. Я опустился ниже, чем нужно, и в одном месте чуть было не врезался в скалу. В довершение всего появились клубы дыма, заплясали языки пламени — примерно так, как я запомнил — безумно, беспорядочно, то там, то тут, выбиваясь из расселин в земле, дыр, входов в пещеры. И цвета метались — в общем, все в точности так, как я успел запомнить. А потом скалы начали двигаться — зашевелились и поплыли, словно корабли без руля и ветрил в тех местах, где родятся радуги.

Воздушные потоки на ту пору тоже словно обезумели. Порывы ветра налетали один за другим, лупили по планеру, словно струи фонтанов. Я держался, как мог, но понимал, что на такой высоте мне долго не протянуть. Поднялся повыше, на время позабыв обо всем — только бы удержать высоту. Когда я снова посмотрел вниз, там происходило что-то наподобие жуткой регаты с участием черных айсбергов. Скалы носились по земле, налетали одна на другую, отскакивали, снова сталкивались, вертелись, перелетали через открытые пространства, пролетали одна другую насквозь... А меня мотало то вверх, то вниз, и очень скоро я почувствовал, что воздушный поток ослабевает. Тогда я в последний раз дал Теням пинка и снова глянул вниз. Вдалеке я увидел контуры башни — казалось, она построена из чего-то светлее льда и алюминия и покоится на прочном основании.

Последний толчок — и все было кончено. Я понял это по тому, как забесновался ветер. Порвалось несколько тяжей, и меня помчало вниз — словно в лодочке по водопаду. Я задрал нос планера, выровнял полет, но мы все равно неслись вниз на бешеной скорости. Я только успел разглядеть, куда мы падаем, и выскочил в последнее мгновение. А мой несчастный планер налетел на одну из этих чертовых скал и разбился на мелкие кусочки.

Пришлось поторопиться — скала, угробившая планер, неслась прямо на меня. Кто ими двигал, этими скалами, я понять не мог и поначалу в их передвижении не замечал никакой системы. Земля под ногами была то теплая, то горячая, из нее валил дым, рвалось пламя. Мерзко пахнущие газы сочились из бесчисленных отверстий. Я, увертываясь от мечущихся скал, поспешил к башне.

Добрался до нее не скоро. Сколько времени у меня ушло, точно не скажу — я только то и делал, что выбирал дорогу. Правда, по пути заметил, что в передвижении скал прослеживается определенный порядок. Во-первых, более крупные камни двигались быстрее. Во-вторых, они двигались по кругу, и крупные носились вокруг более мелких. Может быть, пер-

вотолчок этого круговращения исходил от крошечной пылинки, а может, и вообще от одной-единственной молекулы. Но искать центр этого камневорота у меня ни времени, ни желания не было. Я просто лавировал между скалами, исподволь размышляя, и это, видимо, помогло мне избежать нескольких столкновений.

Ну, стало быть, подошел Чайльд Рэндом к башне, в одной руке он меч сжимал, а в другой — пистолет... На груди у меня на ремешке болтались очки. Покуда вокруг было так дымно и свет все время менялся, не было смысла их надевать, а вот теперь смысл появился.

По какой-то непонятной причине беснующиеся камни к башне не приближались. Она стояла на возвышении, и, когда я до нее добрался, понял, что пляски камней происходят в громадной котловине у подножия холма, на котором стояла башня. Но пока оттуда, где я стоял, трудно было понять, что собой представляет это возвышение — остров или полуостров посреди котловины.

Я плелся вперед сквозь дым, по обломкам камней, увертывался от языков пламени, то и дело вырывавшихся из трещин и дыр в земле. Наконец я почувствовал, что поднимаюсь по склону и немного уклонился от прямого пути к башне. Ненадолго задержался в том месте, где с башни меня не было видно, проверил, в порядке ли оружие, собрался с духом и напялил очки. Я добрался до края подъема и припал к земле.

Ох, как мне помогли очки! Страшилище, конечно, было начеку.

Оно выглядело еще более ужасно оттого, что была в нем какая-то удивительная красота. Змеиное тело толщиной в бочку, голова наподобие молотка, заостренного в сторону пасти. Глаза — бледно-бледно-зеленые. И вся тварь была прозрачная, как стеклышко, только кое-где виднелись тоненькие, едва заметные линии, обозначавшие кольца. Что бы там ни текло у страшилища по венам, оно тоже было прозрачным. Смотришь и видишь внутренности — вот они были мутные, непрозрачные, какие-то затуманенные. Зрелище просто завораживающее — лежать и смотреть, как эта штука устроена. Да, еще у чудища была густая грива — что-то наподобие стеклянной щетины, которая воротником обнимала шею.

Когда тварь пошевелилась, заметив меня, она подняла голову и заскользила вперед. Это было похоже на движение воды — такая живая река без русла и берегов. Но когда я разглядел, что у чудища в желудке, я похолодел... Там был наполовину переваренный человек.

Я поднял руку с пистолетом, прицелился в ближайший ко мне глаз чудища и нажал на курок. Я ведь тебе уже говорил — толку чуть. Я бросил пистолет, вскочил, отпрыгнув влево, оказался по правую сторону от головы чудища и попытался попасть ему в глаз мечом.

Ты должен знать, как трудно прикончить всякого похожего на змею зверя. По правилам его нужно сначала ослепить, а уж потом оттяпать ему язык. Потом, если удастся действовать быстро, положено рубануть по башке разок-другой, а после того, как она отвалится, чудище должно забиться в агонии, поизвиваться как следует и в конце концов издохнуть. А еще я тешился надеждой, что тварь не будет вести себя слишком прытко, поскольку недавно плотно покушала.

«Хорошо, что она сыта, — думал я, — и какое счастье, что я не появился здесь раньше». Я замахнулся мечом. Тварь дернула головой и нырнула под лезвие меча. А я еще не успел обрести равновесие и вдобавок получил мощнейший удар в грудь — словно тяжелым молотом шарахнула змеюка. Короче, я упал.

Упал, покатился по земле, быстренько отполз подальше. Еще бы чуть-чуть, и я бы оказался на краю обрыва. Я мгновенно поднялся, а тварь развернулась и снова кинулась на меня. Ее голова взметнулась футах в пятнадцати надо мной.

В тот миг я отчетливо представил себе, что, будь на моем месте Джерард, он бы не упустил такого момента и нанес бы твари сокрушительный удар. Рванулся бы вперед и рассек бы чудище пополам своим громадным мечом. Тварь бы, естественно, повалилась, накрыла его своим мерзопакостным телом, а он выкарабкался бы из-под нее, отделавшись несколькими синяками. Ну а Бенедикт — уж тот бы не промахнулся, целя твари в глаз. Да что там — промахнулся... оба глаза уже бы лежали у него в кармане, а башкой твари он бы в мячик играл, сочиняя в уме депешу Клаузевицу.

Но они-то настоящие герои, а я... А я стоял как идиот, выставив вперед меч, сжав рукоять обеими руками, упершись локтями в бедра, запрокинув голову. Больше всего на свете

мне хотелось драпануть во все лопатки и забыть об этом на всю оставшуюся жизнь.

Но только... я знал, что, если брошусь наутек, тварь настигнет меня и сожрет как миленького.

Да еще из башни донеслись вопли — значит, меня заметили, но оглядываться и смотреть, что там творится, у меня желания не было. Я принялся дразнить чудище. Я хотел, чтобы оно снова атаковало меня, и тогда уж я с ним покончил бы, так или иначе.

В конце концов тварь кинулась на меня, а я, изловчившись, размахнулся и изо всех сил вогнал меч в то место, куда метил.

Сам я от этого удара еле очухался. Левый бок онемел, и было такое ощущение, словно я на целый фут врос в землю. Однако удар удался. Я все сделал верно, и было за что меня похвалить.

А вот чудище хвалить было совершенно не за что. Не ответил мне гад взаимностью — никаких тебе предсмертных конвульсий.

Совсем наоборот, снова задрал голову. Мало того, он еще и меч мой уволок — тот по рукоять ушел в левую глазницу твари, а кончик лезвия торчал посреди стеклянных игл гривы. Словом, я понял, что дело мое — труба.

А из отверстия в основании башни стали появляться какие-то фигуры — медленно, крадучись, они двигались в мою сторону. Видок у этих парней был премерзкий, они были вооружены, и я почувствовал, что в драке с чудищем они явно не на моей стороне.

«Ладно, — решил я. — В другой раз буду знать, что надо получше целиться».

— Брэнд! — прокричал я. — Это я, Рэндом! Не могу пройти к тебе! Прости!

А потом я повернулся, побежал, соскользнул с края обрыва и во всю прыть помчался по склону к котловине, где бесновались камни, на бегу решая, верно ли я выбрал время для бегства.

Как во многих случаях, ответ был и «да», и «нет». Клянусь, таких лихих прыжков мне бы в жизни своей не сделать, если бы... Уцелеть-то я уцелел, но вот именно, что уцелел — весь побитый, исцарапанный и, похоже, ногу в лодыжке сломал.

Встать и снова побежать меня заставили шум наверху и звук осыпающегося щебня. Когда я надел очки и посмотрел наверх, я понял, что чудище решило спуститься с холма, догнать меня и завершить столь успешно начатое дело. Проклятый змей-призрак сползал, извиваясь, по склону. Вокруг глаза темнело пятно в том месте, куда угодил мой меч.

Я сел. Встал на колени. Пощупал лодыжку и понял, что идти не смогу. Поискал глазами какую-нибудь палку, чтобы опереться. Ничего даже смутно похожего. Я пополз. Что еще оставалось делать? Только пытаться по возможности выиграть расстояние и думать, что еще можно предпринять для спасения собственной шкуры.

Спас меня камень — один из тех, что были поменьше остальных и носились не так бешено, — размером с небольшой фургон. Когда я заметил, что он приближается ко мне, я подумал: а почему бы не воспользоваться им в качестве транспортного средства? К тому же это могло обеспечить мне некоторую долю безопасности. Камни, что носились быстрее, не вызывали у меня доверия.

Соображая таким образом, я проследил за движением более крупных камней рядом с тем, что выбрал для себя, попытался уловить систему в их перемещении и приготовился, выжидая подходящего момента. А при этом еще во все уши слушал — близко ли чудище. С вершины холма уже доносились вопли мерзких охранников башни. Я лихорадочно гадал, кто они такие и нападут ли на меня.

Улучив момент, я пополз к избранному мной камню. Без труда увернулся от проскочившего мимо булыжника, а потом пришлось обождать, когда проскочит следующий. Затем мне пришлось рискнуть и оказаться на пути у «моего» камня, иначе бы я просто не поспел.

Я все рассчитал правильно — ухватился за выступы на камне, которые приглядел заранее, и меня проволокло по земле примерно футов двадцать, прежде чем я успел что-либо сообразить.

Погоня была близко. Тварь продолжала ползти за мной, уцелевшим глазом следя за здоровенными камнями.

А сверху слышался весьма и весьма удручающий вой. Вскоре по склону вниз повалила целая толпа охранников башни, издавая боевые кличи, как я понял, предназначенные

для того, чтобы подбодрить чудище. Я принялся растирать лодыжку и попытался расслабиться. Прозрачный гад полз за мной и обогнул первый крупный камень, который как раз завершил очередной круг.

«Далеко ли я смогу сместиться по Теням, пока тварь не настигнет меня?» — думал я. Все двигалось вокруг, все менялось...

Тварь дождалась, пока мимо нее проскочил очередной камень, заметила меня, проползла еще немного... «Тень, на помощь, поскорей...»

Отряд ратников на ту пору уже завершал спуск с холма. А тварь выжидала, когда между валунами образуется просвет, чтобы добраться до того камня, на котором сидел я. Я знал, что ей ничего не стоит задрать голову и слизнуть меня с камня.

«Оживи и тварь убей!»

Вертясь и скользя на верхушке камня, я ощутил структуру Тени, погрузился в нее, начал манипулировать ею, переводя возможное в вероятное, а вероятное в реальное, почувствовал приход реального в виде едва заметного искривления пространства и в нужный момент придал Тени необходимый толчок...

Естественно, моя спасительница появилась с той стороны, где у твари был ослепший глаз, — громаднейшая скала, всем скалам скала, накренившаяся набок, словно потерявшая управление. Конечно, намного изящнее было размазать этого гада между двумя скалами, но с него и одной хватило. На изящество у меня не было времени. Я просто взял и сделал так, что скала подмяла под себя чудище, переехала его и помчалась дальше, а тварь размазалась по земле.

Правда, мгновение спустя размозженное тело чудища ни с того ни с сего поднялось в воздух, извиваясь, полетело, гонимое ветром, и вскоре скрылось из виду.

А мой камешек уносил меня все дальше — медленно, но верно. И все вокруг плыло и вращалось. Те ублюдки, что бросились за мной в погоню, сгрудились у подножия, посовещались и, судя по всему, решили-таки догонять меня. Но их-то мне бояться было совершенно нечего. Я на своем камешке мог в любой момент проскочить сквозь Тени и оставить их отряд на много миров позади. Только это я и мог себе позволить. С ними мне, как с чудищем, управиться было невозможно. В конце концов они были у себя дома, обозлены и живы-здоровы.

Я снял очки и снова пощупал лодыжку. Попробовал встать. Было больно, но на ногах я худо-бедно держался. Я снова сел и попытался подвести итоги. Итак, я остался без меча и здорово покалечился. На подвиги меня не тянуло, и самое лучшее было — убраться отсюда подобру-поздорову. Я успел разузнать, что тут к чему, и в следующий раз мне могло повезти больше. И вот...

Небо посветлело, цвета перестали бешено метаться. Языки пламени присмирели, стали пониже. Отлично. Тучи стали понемногу рассеиваться. Великолепно. Вскоре за облаками возникло сияние, исходившее из определенного места. Восхитительно. Когда тучи разойдутся окончательно, в небесах засияет солнце.

Я оглянулся и, к величайшему удивлению, обнаружил, что за мной все еще гонятся. Скорее всего я просто недостаточно усердно потрудился над аналогами ублюдков в срезе новой Тени. Полагаться на то, что все предусмотрел, когда так торопишься, неосмотрительно. Ну ладно...

Я снова сместился. Камень, на котором я сидел, мало-помалу изменил курс, несколько изменил форму, остался без спутников и двигался по прямой туда, где, по моим представлениям, должен был находиться запад. Тучи разошлись, на небе светило тусклое, бледное солнце. Камень набирал скорость. Стало быть, все в порядке. Теперь уж я точно попал совсем в другое место.

Однако далеко не все было в порядке. Когда я снова оглянулся, я обнаружил, что мои преследователи все еще гонятся за мной. Правда, я здорово оторвался от них. Но почему они не исчезли?

Что делать — такое иногда бывает. А причин тому могло быть две. Либо я настолько взбудоражен всем случившимся, что мои действия по перемещению далеко не идеальны и я невольно утащил мерзавцев с собой, либо я сохранил константу там, где нужно было подавить переменную величину, то есть, перенося себя в другое место, бессознательно потребовал, чтобы элемент погони сохранился. Тогда получалось, что подонки были другие, но это ничего не меняло — они все равно гнались за мной.

А я растирал лодыжку как проклятый. Солнце стало оранжевым. Ветер с севера взметнул тучу песка и пыли и повесил ее за моей спиной, скрыв от меня отряд преследователей. Я мчался на запад, где все более явно вырисовывалась горная гряда. Время вошло в фазу разрыва. Боль в лодыжке мало-помалу утихала.

Я решил немного передохнуть. Камень мне попался довольно удобный, если такое можно сказать про камень. Не было смысла гнать его с бешеной скоростью, когда все вокруг, казалось, движется так мирно и гладко. Я растянулся на спине, забросил руки за голову и стал смотреть на приближающиеся горы, думая о Брэнде, томящемся в башне. Место было то самое. Все в точности так, как он мне показал. Правда, он мне не показал охранников. И я решил, что должен выскочить в подходящую Тень, набрать подмогу, а потом вернуться туда и задать этим гадам жару. Тогда все должно получиться как надо.

Полежав немного, я потянулся, перевернулся на живот и поглядел назад. Будь я проклят, если погони не было! Подонки даже нагнали меня!

Ну, естественно, я просто взбесился от злости. Хватит! Сколько можно от них удирать? Сами напросились. Пора было разделаться с ними.

Я осторожно поднялся. Боль в лодыжке все еще чувствовалась, но уже притихла. Я поднял руки в поисках нужных мне Теней. И нашел их.

Камень подо мной прекратил движение по прямой и двинулся вправо, описывая дугу. Искривленное пространство уплотнилось и натянулось. Я перемахнул через параболу и помчался прямо на своих преследователей с нарастающей скоростью. Времени создавать бурю позади себя не было, хотя, если бы удалось, это был бы весьма впечатляющий нюанс.

Подонков было десятка два. Удивленные скоростью моего приближения, они благоразумно рассыпались. Но парочке не повезло — не успели отбежать. И поделом! Я проскочил через новую кривую и вернулся обратно — быстро, как только мог.

Вид поднимающихся в воздух трупов потряс меня до глубины души. Они оторвались от земли, взлетели под углом и парили у меня над головой.

Удар был удачен, однако я обнаружил, что несколько мерзавцев успели залезть ко мне на камень. Первый из них взобрался наверх и замахнулся мечом. Я перехватил его руку, вырвал меч и сбросил наглеца на землю. Наверное, тогда-то я и заметил шипы на ладонях у твари. Мерзость жуткая — меня аж передернуло.

В это время те, что были внизу, принялись обстреливать меня какими-то пакостными штуками, а на камень взобрались еще двое. Было похоже, что к ним скоро присоединятся другие.

Что было делать — даже Бенедикт порой благоразумно ретируется. По крайней мере те, кто уцелеет, меня надолго запомнят!

Я отпустил Тени, оторвал шипастую лапу, что вцепилась в мой бок, и еще одну — что схватила меня за бедро, рубанул по той руке подонка, что держала меч, поддал ему как следует в солнечное сплетение, упал на колени, чтобы избежать удара, который мне готов был нанести второй мерзавец, и ответным ударом сбил его с ног. А потом скинул обоих с камня.

Наверх карабкались еще пятеро. Камень летел на запад. С десяток ублюдков перегруппировывались позади, а в воздухе над ними реяли трупы их товарищей.

Со следующим мне крупно повезло — только он успел появиться над краем камня, как незамедлительно отправился на тот свет. Туда ему и дорога. Теперь счет был четыре-ноль в мою пользу.

Пока я разделывался с последним, на камень забрались еще трое, причем все с разных сторон.

Я схватился с одним из них и прикончил его, но тут подоспели двое и разом навалились на меня. Я принялся отбиваться, а в это время к ним подоспел еще один.

Не сказать, чтобы ублюдки были такими уж потрясающими бойцами, но на камне стало тесновато, да и поверхность у него была для поединка не самая удобная — сплошные выступы, и притом острые. Я вертелся как волчок, раздавал удары налево и направо, скакал в разные стороны, пытаясь добиться того, чтобы ублюдки мешали друг другу. И когда мне показалось, что я ухитрился выстроить их боевой порядок в соответствии со своими пожеланиями, пошел в атаку. Получил, правда, парочку порезов — мне, хочешь не хочешь, пришлось раскрыться, но череп я одному таки проломил — отомстил за

полученные раны. Удар был силен — ублюдок полетел к краю камня да еще и товарища с собой прихватил. Они зацепились друг за друга и разом отправились вниз.

К несчастью, один из них уволок с собой мой меч — видимо, тот увяз в его черепушке. Наверное, денек такой у меня выдался, особенный, — мечи терять. Я еще подумал: может, это мне по гороскопу так положено — надо было поинтересоваться, прежде чем в путь трогаться.

Однако мне хватило ловкости, и я успел уклониться от удара, который мне приготовился нанести последний оставшийся враг. Увертываясь, я поскользнулся на лужице крови и пролетел до самого края камня. Мог бы свалиться на землю, и тогда камень переехал бы меня, и я бы остался в тех краях на веки вечные — плоский такой Рэндом, что-то вроде экзотического коврика, который забавлял бы тамошних путников.

Я скользил вниз и пытался ухватиться за какой-нибудь выступ, а ублюдок подбежал и высоко занес меч, собираясь сделать со мной то же самое, что я только что сделал с одним из его товарищей.

Но мне удалось ухватить его за ногу. При этом меня здорово тряхнуло, и... будь я проклят — именно в это мгновение кто-то попытался связаться со мной через карты.

Я рявкнул: «Я занят! Свяжитесь со мной попозже» — и последним усилием удержался на камне, в то время как мой противник упал на спину и покатился вниз. Я попытался дотянуться до него и схватить за ногу: хотелось взять его в плен и потолковать с ним, но моя, казалось бы, неуклюжая подножка оказалась более чем удачной. Я вскарабкался на верхушку камня и встал, чтобы поглядеть, что творится позади.

Я был неприятно удивлен.

Поредевший отряд все еще гнался за мной. Правда, мне удалось здорово оторваться. Ну, по крайней мере очередная группа еще не скоро пойдет на абордаж.

Меня снова несло к горам. Вызванное моим заклинанием солнце начало основательно жарить. Я весь вымок от пота и крови. Раны саднили. Жутко хотелось пить. Дождь, скоро должен пойти дождь, решил я. Думай об этом, только об этом, а потом уже обо всем остальном.

И я приготовился к переносу в этом направлении. Предста-

вил себе сгущающиеся тучи... вот они собираются, темнеют...

Я перенесся куда-то в другое место, и в полубреду мне послышалось, будто кто-то снова зовет меня и не может дозваться... О, сладостная темнота!..

Проснулся я оттого, что хлынул дождь — сильный, проливной. Я не сразу понял, отчего так темно — от грозы или оттого, что наступил вечер, а может, от того и другого сразу. Похолодало. Я расстелил на камне плащ и лег на спину, раскрыв рот. Лежал, глотал струйки дождя, время от времени стряхивая скапливающуюся в складках плаща воду. Постепенно я утолил жажду. Струи дождя омыли мои раны. Камень вымок не меньше меня и стал таким скользким, что передвигаться по нему было рискованно. Горы теперь намного приблизились. Вспышки молний озаряли их вершины. Позади все было окутано мраком, и я не мог разглядеть, есть за мной погоня или нет. Дорогу, правда, здорово развезло, и вряд ли подонки могли за мной угнаться на своих двоих, но полагаться на такое, когда пробираешься сквозь незнакомые Тени, не стоит. Я немного побранил себя за то, что заснул, и довольно быстро себя же простил, поскольку ничего ужасного, пока я спал, не случилось. Я завернулся в плащ, поискал сигареты, которые взял с собой из Тексорами, и, к величайшему удивлению и радости, обнаружил, что почти половина из них уцелела. С восьмой попытки мне удалось выпросить у Теней огня. А потом я сидел себе, курил и блаженствовал под дождем. Мне было так хорошо, что даже двигаться не хотелось, и я не шевелился несколько часов подряд.

Когда гроза наконец прекратилась и небо прояснилось, стало ясно, что наступила ночь. В небе горели странные, незнакомые созвездия. Потрясающе, как красивы ночи в пустыне!.. Гораздо позже я заметил, что дорога пошла на подъем и скорость камня уменьшилась. Что-то происходило: на меня и на камень действовали какие-то физические силы. Понимаешь, сам подъем не был настолько крутым, чтобы значительно снизить скорость камня. Связываться с Тенями я не хотел — боялся потерять дорогу, но тем не менее хотел оказаться в таком месте, где посторонние воздействия не сбивали бы меня с толку.

А потому я дал камню окончательно замедлить ход и оста-

новиться, слез с него и зашагал вверх по склону. На ходу я играл в ту игру с Тенями, которой всех нас научили в детстве. Минуешь какой-нибудь объект — сухое дерево, груду валунов — и сделай так, чтобы небо по обе стороны от объекта стало разным. Мало-помалу в небесах начали проступать знакомые созвездия. Я знал, что спускаться буду уже не с той горы, на которую взобрался. Раны мои все еще тупо болели, а вот боль в лодыжке почти совсем прошла. Я отдохнул и чувствовал, что идти смогу долго. Похоже, все снова было в порядке.

Прогулка вышла действительно долгой. Склон становился все круче. Правда, время от времени я попадал на торную тропу, и тогда было легче шагать. Я шел и шел вперед под знакомым небом и был полон решимости не останавливаться до утра. Вскоре — я даже не успел толком заметить, когда, — моя одежда сменилась и стала такой, какая соответствовала данной Тени. На мне оказались грубые парусиновые штаны и такая же куртка. Место промокшего плаща заняла сухая накидка.

Неподалеку послышался крик совы, а где-то далеко позади, внизу, раздались звуки, напоминавшие завывание койота. Как они радовали мой слух, эти знакомые звуки! Я почувствовал себя в безопасности. На душе стало легче, я стал понемногу отходить от жуткого отчаяния, охватившего меня во время погони.

Примерно через час я не выдержал и уступил искушению еще разок поиграть с Тенью. Ведь нет ничего сверхъестественного в том, чтобы встретить в таких горах бродячую лошадь, верно? И я ее встретил. Минут десять ушло на то, чтобы сойтись с ней покороче, после чего я вскочил на нее, и верхом мой путь к перевалу стал куда приятнее. Подмораживало. Взошла луна, и тропа заиграла искорками инея.

В общем, я ехал всю ночь. Задолго до рассвета одолел перевал и начал спускаться в предгорья. Оглядевшись, я отметил, что гора позади стала выше. Склон зеленел свежей травой, по нему сбегали ровные линии шоссе, вдоль которых тут и там виднелись аккуратные домики. Стало быть, все шло именно так, как я задумал.

Наряд на мне снова изменился — теперь я был одет в брюки цвета хаки и легкую рубашку, поверх нее — ветровка. Высоко в небе мчался реактивный самолет, оставляя за собой ребристую полосу, верша свой путь от горизонта к горизонту.

В ветвях деревьев распевали птицы. Начинался теплый солнечный день.

Вот тогда-то я и услышал, что кто-то упорно произносит мое имя. Меня снова звали через карту. Я резко натянул поводья и ответил:

— Да.

Это был Джулиан.

— Рэндом, где ты? — спросил он.

— Не сказать, чтобы близко от Амбера, — ответил я. — А что?

— Кто-нибудь из наших пытался связаться с тобой?

— Вчера разве что. Да, вчера кто-то пытался, но я был занят и разговаривать не мог.

— Это был я, — сказал Джулиан. — Тут такое происходит, что лучше тебе быть в курсе.

— А ты где? — спросил я.

— В Амбере. В последнее время у нас кое-что случилось.

— Например?

— Отца давно нет дома. И никто не знает, где он.

— Он и раньше, бывало, пропадал подолгу.

— Да, но раньше он оставлял хоть какие-то распоряжения на время отлучек и как-то давал о себе знать.

— Верно, — согласился я. — А «давно» — это сколько?

— Год с лишним. Ты что, ничего не знал?

— Я знал, что он уехал. Джерард как-то обмолвился.

— Ну так вспомни, когда ты с ним говорил. После этого уйма времени прошла.

— Ясно. Ну и как вы там управляетесь?

— В том-то и дело. До сих пор мы решали все вопросы по мере их возникновения. Джерард и Кейн командовали флотом, как и при отце. Только без него они все решения принимали самостоятельно. Я снова возглавил патруль в Арденском лесу. Но у нас нет человека, который взял бы на себя централизованную власть, принимал бы стратегические решения, говорил бы, так сказать, за весь Амбер.

— То есть нам нужен регент. Можно жребий бросить, наверное.

— Все не так просто. Мы думаем, что отец погиб.

— Погиб? Почему? Как?

— Мы все время пытались вызвать его через карту. Целый год. Каждый день. Тишина. Что скажешь?

— Может, он и вправду погиб, — промолвил я. — Мало ли что с ним могло приключиться. Но все равно... мало ли что... Может, он в плену. Томится где-нибудь в тюрьме, к примеру.

— Тюрьма не помеха для связи через карты, ты же понимаешь. Он мог попросить о помощи в любое мгновение, когда мы его вызывали.

— Тут я спорить не могу, — сказал я. (Сказать-то сказал, а сам вспомнил о Брэнде.) — А может быть, он намеренно не желает выходить на связь?

— С какой стати?

— Понятия не имею, но такое возможно. Ты же знаешь, отец порой ужасно скрытничает.

— Нет, — не согласился Джулиан. — Не похоже. Все равно он должен был бы как-то дать знать о себе — какие-нибудь распоряжения, намеки...

— Ну ладно, так или иначе, — сказал я, — делать-то что?

— Кто-то должен занять престол Амбера.

Я чувствовал, что Джулиан к этому клонит, — а ведь, казалось бы, такое в принципе не должно было случиться никогда.

— Кто? — спросил я.

— Похоже, лучше всех для этой роли подходит Эрик, — ответил Джулиан. — Честно говоря, несколько месяцев он этим уже занимается. Остается только уладить формальности.

— То есть? Он будет не просто регентом?

— Да.

— Понятно. И впрямь, пока меня дома не было, много у вас там всякого случилось. А насчет Бенедикта вы не думали?

— Ему, похоже, хорошо там, где он находится. Болтается в какой-то Тени.

— А что он про это про все думает?

— Он явно не в восторге. Но вряд ли взбунтуется — ему же хуже будет.

— Ясно, — сказал я. — А что Блейз?

— Они с Эриком поскандалили, но ведь войска не станут подчиняться приказам Блейза. Месяца три назад он покинул Амбер. Задержись он подольше, может, и наделал бы бед. И теперь это не исключено. Но мы к такому готовы.

— Джерард? Кейн?

— Они пойдут за Эриком. Я вот про тебя думаю. Ты-то как?

— А девочки?

Джулиан пожал плечами:

— Сестрицы, похоже, все принимают как должное. Нет проблем.

— А Корвин, видимо, не...

— Тут никаких новостей. Он мертв. И все мы это знаем. Его могила уже мхом поросла. Если он жив, значит, сам отрекся от Амбера. Здесь все кончено. Ну, так на чьей ты стороне?

Я хмыкнул:

— Вряд ли мое положение дает мне право решающего голоса.

— Нам важно знать твое мнение.

Я кивнул и сказал:

— Знаешь, я всегда держал нос по ветру. Плыть против ветра — не в моих правилах.

Джулиан улыбнулся и кивнул мне в ответ.

— И когда коронация? — поинтересовался я. — Надо понимать, что я приглашен?

— Конечно, конечно. Точная дата пока не назначена. Надо еще утрясти кое-какие мелочи. Как только дата будет назначена, кто-нибудь из нас свяжется с тобой.

— Спасибо, Джулиан.

— До свидания, Рэндом.

Я не сразу пришел в себя. Сидел, думал. Потом продолжил путь, размышляя о новостях. Интересно, как долго Эрик проворачивал свою затею, гадал я. Большая часть перемен в Амбере могла произойти совсем недавно, но план наверняка был составлен заранее. Ну, естественно, у меня возникли серьезные подозрения в том, что Эрик причастен к беде, в которую угодил Брэнд. Знаешь, я ничего не мог с собой поделать — даже решил, что Эрик и к исчезновению отца мог руку приложить. Тут ему надо было здорово потрудиться и устроить какую-то из ряда вон выходящую ловушку.

Но чем больше я думал, тем меньше мне хотелось сваливать вину за происшедшее на него. Всякие мысли лезли в голову — ведь я когда-то считал, что он и к твоему исчезновению причастен, Корвин. Однако при трезвом размышлении трудно было представить, чтобы все это мог учинить один-

единственный человек. «Что поделаешь, — решил я, — если теперь власть в руках Эрика? Уж лучше пусть он будет ко мне благосклонен».

Но мне все равно хотелось получше разобраться в происшедшем. Кто бы из наших мог меня просветить, думал я. Думал-думал, и вдруг что-то заставило меня обернуться. Обернувшись, я еще раз оценил высоту горы, спуск с которой не успел закончить.

Неподалеку от вершины я разглядел группу всадников. Похоже, они ехали по той же дороге, что и я. Сколько их там было точно, трудно сказать, но никак не меньше дюжины — подозрительно много для случайного совпадения. Как только я понял, что они таки едут следом за мной, у меня по спине мурашки побежали. Неужели?.. Что, если это все те же мерзавцы? И ведь я знал ответ, знал: они самые и есть.

Каждый из них по отдельности мне был не страшен. А вот парочка их уже представляла серьезную опасность. Но самое ужасное было то, что эти твари, кем бы они ни являлись, умели манипулировать Тенями не хуже нашего. А это означало, что кому-то еще знакомо искусство, которое, как я всю жизнь считал, ведомо исключительно членам нашего семейства.

Теперь прикинь: если это были те самые подонки, что взяли в плен Брэнда, то выходило, что их замыслы в отношении Амбера не такие уж безобидные. Клянусь, меня холодный пот прошиб от этой мысли: кто-то способен сравниться с нами в том, что мы всегда считали своим главным непререкаемым могуществом!

Правда, пока всадники находились слишком далеко позади, чтобы решать, кто же они на самом деле такие. Но когда хочешь выйти победителем в игре на выживание, нужно учитывать все мелочи до единой. А не мог ли Эрик отыскать и обучить или вообще сотворить какие-нибудь особые существа, которые состояли бы у него на службе, обладая такими способностями? У Брэнда, наравне с тобой и Эриком, были самые веские права на престол Амбера... не говоря уже о том, что и с тобой не все было ясно, черт подери! Ну, ты понимаешь, о чем я говорю.

Я тебе все рассказываю, чтобы ты понял, какие мысли меня тогда занимали. Ну вот. У Брэнда были все основания

заявить свои права на престол, и он бы их заявил, будь у него такая возможность. Тебя нет, следовательно, Брэнд становился главным соперником Эрика, если говорить о легальной стороне наследования. Когда все это соединилось у меня в голове с тем, что мне поведал Джулиан, да добавь сюда еще способность моих преследователей прорываться через Тени... словом, Эрик предстал передо мной прямо-таки в кошмарном свете, и его образ пугал меня куда больше, чем сами всадники, хотя и они у меня особой радости не вызывали. И я решил, что надо как можно скорее сделать сразу несколько дел: переговорить с кем-нибудь из Амбера и попросить вытащить меня туда через карту.

С кем поговорить, я решил быстро. С Джерардом. Он мужик откровенный, простой и нейтральный. Чаще правду говорит, чем врет. А из разговора с Джулианом я понял, что во всем происходящем в Амбере у Джерарда роль скорее пассивная. Ну, то есть он не намеревался оказывать Эрику активного сопротивления. Не хотел крупных неприятностей. Но это вовсе не значило, что он одобряет происходящее. Скорее всего он каким был, таким и остался — прежним Джерардом-консерватором. Приняв решение, я спокойно полез в карман за колодой. И похолодел. Карты исчезли.

Я обшарил все карманы. Я же точно взял с собой колоду, когда покидал Тексорами! Правда, потерять ее вчера я мог когда и где угодно... Я прорычал длиннющее проклятие и вогнал колени в бока лошади. Теперь все надо было делать намного быстрее — и думать, и удирать. А прежде всего следовало добраться до более надежного населенного места, где бы банальное покушение на меня стало труднее совершить.

Я понесся вниз по склону в направлении одного из шоссе, на скаку манипулируя тканью Тени, — на этот раз я постарался вложить в это все свое умение и ловкость. Хотелось лишь одного — поскорее оторваться от погони и уйти.

Мир вокруг меня заколебался, и дрогнул, и стал в конце концов тем миром, которого я желал всей душой, — Калифорнией. О, как я ему обрадовался! Обернувшись на скаку, я увидел, что на пути моих преследователей возникла скала, от нее отделился здоровенный кусок и медленно заскользил в их сторону. Чуть позже я спешился, отпустил лошадь и бодро зашагал к шоссе. Одежда моя стала еще легче и еще лучше каче-

ством. Какое тут было время года, я точно не знал и гадал, какая может быть погода в Нью-Йорке.

Довольно скоро вдалеке показался вызванный моим заклинанием автобус. Я проголосовал, автобус остановился. Я сел у окошка, закурил и принялся любоваться окрестностями. Впрочем, очень быстро это мне приелось, и я задремал.

Когда открыл глаза, день уже клонился к вечеру. Автобус подъехал к конечной остановке. Я почувствовал, что голоден как волк, и решил, что надо перекусить, а потом прыгнуть в такси и мчаться в аэропорт. У меня еще завалялась пара «зелененьких» из Тексорами, и я заказал в закусочной три чизбургера и два стакана солодового напитка. На ожидание официанта и еду у меня ушло примерно минут двадцать. Выйдя из закусочной, я увидел вереницу такси, водители которых томились в ожидании пассажиров. Но, прежде чем усесться в такси, я решил заглянуть в туалет — это было крайне актуально.

И представь себе — в самый неподходящий момент у меня за спиной распахнулись дверцы сразу шести кабинок и те подонки, что выскочили оттуда, разом навалились на меня.

Перепутать их ни с кем я не мог — мерзкие шипы на ладонях, тяжелые, отвисшие нижние челюсти, горящие глаза... И ведь они не только настигли меня: они еще, гады, успели приодеться по-местному, вполне современно. Теперь уж у меня развеялись последние сомнения относительно их способности управляться с Тенями.

На мое счастье, один из подонков слишком поторопился. А еще, наверное, мой скромный рост ввел их всех в заблуждение насчет моей физической силы. Так вот: этого торопыгу я ухватил за руку, приподнял, стараясь не оцарапаться о шипы, перехватил поудобнее и швырнул его прямо в остальных. А потом развернулся и бросился наутек. Вышиб плечом дверь и даже не задержался, чтобы ширинку застегнуть. Это я сделал уже в такси, отчего водитель густо покраснел.

С меня было довольно. Теперь мне требовалось не просто убежище. Мне нужно было взять в руки колоду волшебных карт и сообщить кому-то из членов семейства об этих тварях. Если это создания Эрика, о них должны узнать остальные. Если же нет, то о них следовало узнать и самому Эрику. Ну а если... если никто из домашних не причастен к их существованию? Что, если и отец, и Брэнд стали жертвами врагов, о которых никто из нас и понятия не имел? Значит, прямо под ногами лежало что-то злобное и могущественное, а я прямо на это «что-то» наступил. Вот тебе и причина, почему эти твари так упорно гнались за мной. Я был нужен им до зарезу. В голове у меня все перемешалось. Может быть, меня старательно загоняют в какую-то западню? Может быть, за мной следят отовсюду, и те, кто меня преследует, не одиноки?

Я постарался взять себя в руки и унять разбушевавшиеся эмоции. Дал себе команду: делай все постепенно, одно за другим. Брось бесплодные гадания или, по крайней мере, отложи на потом. В этой Тени — твоя сестра Флора. Она живет на другом краю континента, в местечке под названием Уэстчестер. Доберись до телефона и позвони ей. Скажи, что дело срочное, что тебе нужно убежище. Тут она не откажет, даже если ненавидит тебя хуже горькой редьки. А потом бегом на самолет, и прости-прощай. Подумать по дороге успеешь, а сейчас — спокойно.

Из аэропорта я позвонил Флоре, а трубку снял ты, Корвин. Это стало тем неизвестным, которое спутало в клубок все уравнения, выстроенные в моем мозгу. Ни с того ни с сего, как снег на голову, ты появился в это время, в этом месте, в этой точке событий. Ты предложил мне защиту, и я ухватился за твое предложение, но не только потому, что я в действительности нуждался в защите — с шестеркой подонков я как-нибудь и сам управился бы, не в этом было дело. Дело было в том, что я подумал, будто они — твои. Я подумал, что все эти годы ты прятался и врал, чтобы в подходящий момент появиться на сцене. Теперь ты был готов к выходу — так я подумал — и этим все объяснялось. Заточил в башню беднягу Брэнда и сговорился с проклятыми зомби, умеющими перескакивать через Тени, чтобы вернуться в Амбер и застать Эрика со спущенными штанами.

Я хотел быть на твоей стороне, потому что ненавидел Эрика, а еще потому, что знал: в умении строить планы тебе нет равных и, как правило, ты добиваешься того, чего хочешь. Я сказал, что за мной погоня через Тени, чтобы услышать, что ты на это скажешь. Ты никак не отреагировал, но это ровным счетом ничего не значило. Либо ты что-то скрываешь, решил я, либо действительно не имеешь понятия о том, где меня носило. Не исключал я и возможности угодить в расставленные

тобой сети, но мне уже и так было несладко, и к тому же я не считал себя такой уж важной фигурой в игре, от которой тебе до зарезу нужно было избавиться. В особенности если бы я предложил тебе помощь и поддержку, чего я желал всеми фибрами души.

Итак, я вылетел в Уэстчестер. И будь я трижды проклят, если шестеро омерзительных молодцов не летели в одном самолете со мной! Что же это такое, гадал я. Лечу к тебе с эскортом или как? Ну да ладно, решил я в конце концов, хватит загадки отгадывать.

Я еще раз улизнул от подонков, как только самолет приземлился, и рванул прямиком к дому Флоры. Там я повел себя так, словно все мои догадки не имеют под собой абсолютно никакой почвы, и ждал, и смотрел, как ты себя поведешь. Когда ты помог мне разделаться с моими преследователями, я окончательно растерялся. То ли их вторжение действительно было для тебя полным откровением, то ли это была хитрая уловка — избавиться от части приспешников, чтобы что-то скрыть от меня? Ладно, сказал я себе, будем пока оставаться в неведении, будем помогать Корвину и потихоньку выяснять, что у него на уме.

И я оказался самым подходящим партнером в той игре, которую ты затеял, чтобы утаить потерю памяти. А когда я узнал правду, было уже слишком поздно. Мы направлялись в Ребму, и мои приключения для тебя ровным счетом ничего не значили. Потом, после коронации Эрика, я не посчитал нужным рассказать ему о случившемся. Я стал его пленником и относился к нему сам понимаешь как. Я даже решил, что то, что мне известно, может в один прекрасный день пригодиться — по крайней мере тогда, когда я вновь обрету свободу. Что до Брэнда, то я сомневался, чтобы мне кто-нибудь поверил, — только я один знал, как попасть в ту Тень. Купить на это Эрика, чтобы он подобрел и освободил меня, — он бы только расхохотался и посоветовал бы мне выдумать историю поинтереснее. А от Брэнда с тех пор — ни гугу. Ни я, ни остальные ничего о нем не знают. Все думают, что его нет в живых. Сказал бы я им... Вот и вся история, которую мне никак не удавалось тебе поведать. А ты уж сам решай, что все это значит.

Глава 3

Я изучающе смотрел на Рэндома, стараясь не забывать о том, как лихо он играет в карты. Поглядишь на него со стороны — ни за что не догадаешься, врет он или правду говорит. С таким же успехом можно пытаться угадать, что за душой у... ну, скажем, у бубнового валета. Рассказывать он был мастак! История, поведанная им, была щедро пересыпана подробностями, из-за которых выглядела весьма убедительной и правдоподобной.

— Выражаясь словами Эдипа, Гамлета и прочих ребят вроде них, — сказал я, — как жаль, что раньше я не знал об этом.

— Но у меня действительно впервые появилась возможность все тебе рассказать.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Увы, твой рассказ не только ничего не проясняет, а, наоборот, только сильнее запутывает головоломку. Дела непростые... Что мы имеем? Мы имеем Черную Дорогу, заканчивающуюся у подножия Колвира. Она проходит через Тени, и некие существа наловчились пользоваться ею, чтобы попадать в Амбер. Какие именно силы за всем этим стоят, мы не знаем, но существа эти однозначно злобны и, судя по всему, набирают силу. Знаешь, я давно чувствую, что в происходящем есть доля моей вины и что все это как-то связано с моим проклятием. Ну ладно, проклятие не проклятие — все равно все на свете рано или поздно материализуется и превращается в нечто такое, что можно одолеть. Вот этим мы и займемся. Но вот еще что... Последнюю неделю я только и делал, что пытался понять, какова роль Дары в ходе событий. Кто она такая на самом деле? Что она такое? Почему она так страстно желала пройти по Пути? Как вышло, что ей это удалось? Да еще эта ее роковая угроза... «Амбер будет уничтожен» — так она заявила. Похоже, это не пустые слова — ее пророчество прозвучало именно тогда, когда на нас напали на Черной Дороге. И мне кажется, что это нападение не отдельный случай, а всего лишь часть общего плана. А все вместе, похоже, указывает на то, что здесь, в Амбере, среди нас находится изменник — смерть Кейна, записки эти проклятые... Кто-то тут развивает деятельность —

не то призывает врагов извне, не то сам все творит. А теперь еще прибавь исчезновение Брэнда, на подонка этого посмотри... — Я с отвращением пнул ногой труп мертвеца. — Тогда получается, что смерть или пропажа отца — из той же оперы. Если все так, выходит, что существует страшный, разветвленный заговор, а детали жуткого плана продумываются и осуществляются одна за другой уже не первый год.

Рэндом заглянул в буфет, что стоял в углу гостиной, достал оттуда бутылку и пару бокалов. Наполнил оба до краев, подал мне один из них и вернулся к своему креслу. Мы молча выпили за бренность бытия.

— Ладно, — сказал Рэндом после непродолжительной паузы. — Гадать и строить планы — занятие номер один в Амбере, ты же знаешь. Тут у всех свободного времени хоть отбавляй. Такое уже бывало. Мы с тобой слишком молоды, чтобы помнить наших братьев Озрика и Финндо, павших за честь Амбера. Но после беседы с Бенедиктом у меня сложилось такое впечатление, что...

— Да, — прервал я Рэндома, — они размышляли о престоле отнюдь не абстрактно, и потому стало срочно необходимо, чтобы они пали смертью храбрых за его честь. Я про это тоже слышал. Может — правда, может — нет. Наверняка нам никогда не узнать. И все-таки... Точку отсчета ты выбрал верную, хотя это, честно говоря, почти ничего не дает. Я нисколько не сомневаюсь в том, что подобные фортели проделывались с незапамятных времен. Мы с тобой чисты. Кто тогда? До тех пор, пока мы этого не узнаем, действовать придется крайне осторожно. Всякий наш шаг может еще больше раздразнить зверя. Ну, давай, Рэндом, думай, предлагай что-нибудь!

— Корвин, — сказал Рэндом, — если честно, за всем происходящим может стоять любой из нас. Даже я, хотя я томился в плену у Эрика и все такое прочее. Это же так соблазнительно! Ей-богу, я бы испытывал искреннее наслаждение разыгрывать из себя беспомощного страдальца, а на самом деле держать в руках ниточки, дергая за которые я заставляю остальных приплясывать. Кто бы от такого отказался? У каждого полно и причин, и мотивов, и притязаний. За прошедшие годы все имели массу времени и возможностей проделать титанический труд. Нет, искать предполагаемых злоумышленников — пустое занятие. Тогда надо всех подозревать. Давайка лучше вот о чем подумаем: что, помимо мотивов и возможностей, может отличать злоумышленника от остальных? Я бы даже так сказал: давай рассмотрим методику его действий.

— Отлично. Приступай.

— Кто-то из нас больше других знает о том, как манипулировать Тенями. Входы-выходы, как и почему... У этого человека есть сторонники, которых он приобрел чертовски далеко от Амбера. И сочетание своих способностей и возможностей он обрушил на Амбер. Так? Дальше. Просто посмотреть на кого-то и сказать, что он обладает теми или иными способностями и навыками, невозможно. Подумаем о другом: откуда они могли у нашего злоумышленника взяться? Может, он их приобрел самостоятельно в какой-нибудь из Теней? А может, научился этому здесь, когда Дворкин был еще жив и не отказывался давать уроки?

Я оторвал взгляд от Рэндома и уставился в бокал. Дворкин, может быть, жив до сих пор. Это он помог мне совершить побег из подземелий Амбера — когда это было? Я про это никому не рассказывал и рассказывать не собирался. Во-первых, Дворкин совершенно выжил из ума — наверное, именно поэтому отец и держал его взаперти. Во-вторых, несмотря на сумасшествие, он такие фокусы показывал, которые мне были непонятны и недоступны, и я решил, что Дворкин может быть крайне опасен. И все же после небольшой порции лести и погружения в воспоминания он проникся ко мне добрыми чувствами.

Если он жив, подумал я, пожалуй, можно набраться терпения и договориться с ним. Словом, я запер свои соображения по поводу Дворкина на пудовый замок — пусть это будет мое потенциальное секретное оружие. Пока что менять это решение причин не было.

— Брэнд всю дорогу ошивался около Дворкина, — сказал я вслух, поняв, к чему клонит Рэндом. — Его такие штучки всегда интересовали.

— Точно, — кивнул Рэндом, — он наверняка про такое знал больше нас, если сумел вызвать меня на связь без карты.

— Ты думаешь, Брэнд вступил в сговор с врагами, открыл им дорогу в Амбер, а потом, когда он стал им больше не нужен, они решили заточить его в башне?

— Не обязательно. Но не исключено. Мысли у меня немного другие. Правда, я могу переоценивать положительные качества Брэнда. Думаю, он в этом деле многое постиг и мог видеть как на ладони все, чем занимались другие — с картами, Путем, а заодно и то, что происходило в областях Царства Теней, непосредственно примыкающих к Амберу. А потом он поскользнулся. Может, недооценил противника и схватился с ним в открытую сам, вместо того чтобы обратиться к отцу или Дворкину. И что же? Отряд подонков схватил его и засунул в башню. Его не стали убивать сразу, потому что решили, что он еще может пригодиться.

— Звучит убедительно, — кивнул я. Так и хотелось добавить: «И превосходно вписывается в твой рассказ, который я даже могу дополнить». Жутко хотелось мне вот так сказать, глядя в лицо старого картежника. Но я не поведал ему о том, что, когда мы с Блейзом готовились к нападению на Амбер, я как-то баловался картами, и у меня вышла мгновенная связь с Брэндом. Он успел сказать, что ему плохо, что он в плену, — и связь прервалась.

Что ж, пока все сходилось, но сказал я вот что:

— Если Брэнд способен показать пальцем на врага, мы должны спасти его, вернуть в Амбер и заставить сделать это.

— Я очень надеялся на такое предложение, — отозвался Рэндом. — Терпеть не могу оставлять дела такого рода незаконченными.

Я встал, сходил за бутылкой и снова наполнил бокалы. Выпил, закурил новую сигарету.

— Но, прежде чем мы этим займемся, — продолжил я, — нужно придумать, как сообщить о гибели Кейна. Кстати, а где Флора?

— В городе, наверное. Утром заходила. Уверен, я смогу разыскать ее, если она тебе нужна.

— Будь добр, разыщи, если сможешь. Кроме нас, она единственная, кто своими глазами видел этих ублюдков — в тот день, когда они вломились к ней в дом в Уэстчестере. Так или иначе она для нас человек небесполезный. И поскольку характерец у Флоры сам знаешь какой, ее надо держать в узде. Да и вообще мне надо ее порасспрашивать кое о чем.

Рэндом допил вино и встал.

— Ладно, пойду поищу. Куда ее привести?

— Ко мне. Если меня не будет, подождите.

Я встал и вышел в зал следом за ним.

— У тебя есть ключ от этой гостиной?

— Он висит на крючке внутри, около двери, — ответил Рэндом.

— Возьми его и запри дверь. Разоблачения раньше времени нам ни к чему.

Рэндом запер дверь и отдал мне ключ. Мы вместе спустились по лестнице на пролет ниже. Дальше Рэндом пошел один. Я проводил его взглядом и отправился к себе.

Открыв сейф, я вынул оттуда Камень — тот драгоценный рубин, с помощью которого отец и Эрик управляли погодой в окрестностях Амбера. Умирая, Эрик рассказал мне, как им пользоваться. До сих пор у меня до Камня руки не доходили, да и сейчас, честно говоря, времени не было. Но, беседуя с Рэндомом, я решил, что пора наконец заняться Камнем вплотную. В тайнике у камина в комнате Эрика я нашел записи Дворкина — о том, что они там лежат, Эрик тоже успел мне поведать перед смертью. Мне очень хотелось узнать, как они к нему попали, где он их раздобыл — записи сохранились не полностью. Я вынул их из потайного ящичка сейфа и снова просмотрел. Все сходилось с объяснениями Эрика о том, как пользоваться волшебным Камнем. В записях Дворкина он назван «Судным».

В тех же записках говорилось и о том, что у Судного Камня есть и другие области применения, что управление погодой — дело пустяковое, хотя и зрелищное, и что Камнем можно пользоваться для демонстрации принципов, лежавших в основе Пути, волшебных карт и самой физической целостности Амбера, отделенного от Царства Теней. Увы, подробности отсутствовали. И все же чем больше я копался в памяти, тем явственней ощущал, что в этом что-то на самом деле есть. Отец пользовался Судным Камнем крайне редко, и хотя он всегда говорил о нем как об инструменте для управления погодой, погода, когда он пользовался Камнем, менялась далеко не всегда. Кроме того, отец частенько прихватывал Камень с собой, отправляясь на непродолжительные вылазки. Словом, я готов был поверить, что Судный Камень и вправду способен на многое. Вероятно, такого же мнения придерживался и Эрик, но то ли не успел, то ли не сумел узнать детали.

Когда мы с Блейзом пошли на штурм Амбера, Эрик воспользовался самыми простыми и очевидными свойствами Судного Камня. То же самое он проделал на прошлой неделе, когда подлые мерзавцы напали на нас на Черной Дороге. Оба раза Камень верно послужил Эрику, но не спас его от смерти.

Торопиться не стоит, решил я. Воспользоваться Камнем я всегда успею. А вот поносить его у всех на виду — это другое дело. Это крайне важно — особенно сейчас, когда важна каждая мелочь.

Я спрятал записи Дворкина в сейф, а Камень положил в карман. Вышел из комнаты и спустился по лестнице. Шагая по пустым залам, я уже не в первый раз почувствовал себя так, словно никогда не отлучался из Амбера. Здесь был мой дом, то, чего я всегда хотел. Теперь я стал защитником своего дома. Я еще не носил короны, а все заботы Амбера уже стали моими заботами. Как смешно! Ведь я вернулся сюда для того, чтобы забрать корону Амбера у Эрика, водрузить ее на свою бедную головушку, прославиться и править Амбером. А теперь все так неожиданно, прямо на глазах, разваливалось на куски...

Не понадобилось много времени, чтобы понять, что Эрик действует бесчестно. Если он действительно убрал отца, то не имел никаких прав на корону. Если нет, то попросту поторопился. Так или иначе коронация послужила только для того, чтобы еще сильнее раздуть и без того раздутое до предела самолюбие Эрика. Разве мне не хотелось короноваться? Еще как хотелось! Но я прекрасно знал, чем мне это грозит, — при том, что в Амбере расквартированы мои иноземные войска, при том, что на меня может пасть подозрение в убийстве Кейна, при том, что передо мной стали одна за другой раскрываться детали фантастического зловещего замысла, и при том, что, как все сильнее мне казалось, отец еще жив. Не один раз я испытывал такое чувство, будто он пытается связаться со мной; и однажды, несколько лет назад, мне показалось, что он одобрил мои притязания на престол Амбера. Но кругом было столько обманов и предательства, что я просто перестал понимать, чему верить, а чему нет. Отец не отрекался от престола. А я перенес сотрясение мозга и, помимо всего прочего, отлично осознавал свои собственные желания. Сознание человека — удивительно смешная штука. Честно говоря, я своему сознанию не слишком доверяю. Не может ли быть такого,

что всю эту заварушку я сам и устроил? С той поры столько воды утекло и столько всякого случилось... Быть жителем Амбера — дорогое удовольствие. Платишь за него тем, что перестаешь верить самому себе. Забавно, что бы сказал по этому поводу старина Фрейд? Вряд ли он сумел бы докопаться до причины моей амнезии; зато, наверное, мог бы растолковать мне что-нибудь насчет глубинной природы моих отношений с папашей и вообще просветил бы меня относительно того, что за человек мой отец. Жаль, что мне это раньше в голову не пришло. Да, недурно было бы встретиться с Фрейдом еще разок.

Я миновал мраморную столовую и попал в темный узкий коридор, начинавшийся сразу за ней. Кивнул стоявшему у дверей гвардейцу и начал спускаться по бесконечной витой лестнице, ведущей в недра Колвира. Я шел и шел, озаряемый тусклым светом редких светильников. Позади меня все погружалось в темноту.

Уж не упомню, когда я начал чувствовать, будто я потерял равновесие, будто я уже не сам иду, а меня ведут, заставляют переставлять ноги, повиноваться. Погоняют. И каждый мой шаг влек за собой новый шаг. Может быть, это тянется уже многие годы, а я только теперь начал догадываться о чем-то? Может быть, мы все — чьи-то жертвы, но такие жертвы, что никто из нас этого не подозревает? Исполнители чьей-то злобной воли? Зигмунд, где ты теперь?

Я когда-то хотел стать королем... Я и теперь хотел этого — хотел сильнее всего на свете. Но чем больше я узнавал и чем больше размышлял о том, что узнал, тем больше я себе самому казался пешкой, рвущейся к клетке четвертого правителя Амбера. Это чувство, осознанное мною когда-то, становилось все более явственным, и мне было от него не по себе. Но ведь никто из живущих не застрахован от ошибок, успокаивал я себя.

Виток, еще виток и еще один... ниже, ниже... редкие огни... Как витки длинной лестницы, вились мои мысли, накручивались, словно нитка на катушку, а потом отматывались обратно... и все время — неуверенность... Где-то внизу послышался звук — металл ударил о камень. Это алебарда стражника. Смена караула. А вот и сам стражник поднимается мне навстречу, а вместе с ним поднимается свет фонаря.

— Лорд Корвин...

Последняя ступенька.

Я снял с полки фонарь, зажег его, развернулся и направился к входу в туннель — медленно, шаг за шагом, отталкивая от себя непроницаемый мрак.

В туннеле я старательно считал в уме боковые ответвления. Мне нужно было свернуть в седьмое. Эхо моих шагов. Слизь под ногами. Грязь и вековая пыль. Вот он, седьмой поворот. Теперь уже совсем близко. Я поставил фонарь на пол — он мне больше не понадобится. Сам Путь испускал вполне достаточно света.

Несколько мгновений я стоял и смотрел на Путь — яркие извивы переплетающихся линий. Их сияние слепило глаза. Я пытался охватить взглядом весь Путь, весь его замысловатый, как бы погруженный в пол подземелья рисунок. Путь давал власть над Царством Теней, он помог мне восстановить в памяти почти все, что я забыл. Но стоит мне сделать неверный шаг, и Путь может уничтожить меня в один миг. Как я был благодарен судьбе за то, что пришел сюда не потому, что мне было страшно за себя. Я ничего не боялся. Я стоял и смотрел на прекрасную, таинственную семейную реликвию, место которой было там, где она находилась, — в подземелье.

Я перешел в тот угол, откуда начиналась спираль Пути. Сосредоточился, расслабился и опустил левую ступню на самое начало линии. Немедля сделал первый шаг и ощутил, как меня подхватывает огненный поток. Вокруг моих ботинок засверкали разноцветные искорки. Еще один шаг. Раздался довольно громкий треск, я почувствовал сопротивление и зашагал по первой дуге, обуреваемый желанием как можно скорее добраться до Первой Завесы. Когда я подошел к ней, у меня зашевелились волосы на голове, а искры у ног стали ярче и превратились в огненные иглы.

Сопротивление усиливалось. Каждый новый шаг давался труднее предыдущего. Треск разрядов стал громче, невидимый поток увлекал меня вперед все сильнее. Волосы встали дыбом, я рукой стряхнул с них искры. Не отрывая взгляда от огненных линий, я шел и шел вперед.

И вдруг сопротивление ослабло. Я вздрогнул, но не остановился. Преодолел Первую Завесу и обрел ощущение человека, сделавшего свое дело. Я вспомнил, как шел по Пути в

прошлый раз, в Ребме — подводном городе. Тогда Первая Завеса начала возвращать мне память.

Я продвигался вперед. Все ярче горели искры, и напряжение огненного потока снова возросло. Тело покалывали невидимые иглы.

Вторая Завеса... Зигзаги... Тут всегда казалось, что силы на пределе, возникало такое ощущение, что ты весь преображаешься в чистую абстрактную Волю. Влекущее, неумолимое чувство... Преодоление Пути превратилось для меня в то единственное, что имело смысл. Я всегда был здесь, стремился только сюда, никогда и никуда отсюда не уходил и всегда буду здесь, и буду утверждать себя, борясь своей Волей с могуществом Пути...

Искры сверкали уже у пояса. Я достиг Главной Дуги и, тяжело ступая, пошел по ней. Я умирал и возрождался с каждым новым шагом, сгорал в пламени творения, промерзал до костей от холода энтропии.

Шаг в сторону, вперед, поворот... еще три дуги, потом прямая, и еще несколько дуг. Головокружение, полуобморочное состояние, прилив сил — словно я перестал существовать, а потом возник вновь. Поворот, поворот, еще поворот, и снова... короткая, резкая дуга... линия, ведущая к Последней Завесе... Наверное, я задыхался, наверное, пот лился с меня ручьями. Никогда не могу вспомнить такое наверняка. Искры сверкали и потрескивали уже на уровне плеч. Я с трудом переставлял ноги. Искры попадали в глаза, и я отчаянно моргал. Линии Пути расплывались... Войти — выйти, войти — выйти...

Я с трудом поднял и выбросил вперед правую ногу — наверное, вот так чувствовал себя Бенедикт, когда его ухватила за ноги черная трава... как раз перед тем, как я сам его сцапал, как кролика. Такое ощущение, словно меня долго и упорно колотили тяжелой дубиной. Шаг левой... Вперед — так медленно, что я уже не понимал, иду я или нет... Руки были объяты синеватым пламенем, ноги, казалось, проткнуты насквозь огненными ножами. Шаг. Еще шаг... Еще один.

Я чувствовал себя медленно оживающей статуей, учащимся ходить снеговиком, здоровенным качающимся бревном... Еще два шага... еще три... Я еле волочил ноги, но это я, я был

обладателем Вечности и совершенным средоточием Воли, которая будет реализована...

Я преодолел Завесу. Прошел по короткой дуге. Всего три шага, а потом — темнота и покой. Эти последние шаги оказались самыми тяжелыми.

У Сизифа перерыв на чашечку кофе! — вот какая у меня была первая мысль, когда я сошел с Пути. Вторая мысль была такая: я снова сделал это!

Я позволил себе роскошь — несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, встряхнулся. А потом достал из кармана Судный Камень и, взяв за цепочку, на которой он висел, поднес его к глазам.

Внутри он был красный — глубокого вишнево-красного цвета, с дымчатыми переливами. Но казалось, будто за время моего странствия по Пути Камень обрел дополнительную яркость и свечение. Я не отрываясь смотрел в глубь Камня, думая о том, как им пользоваться, повторяя в уме строчки руководства и сравнивая написанное с тем, что уже знал сам.

Пройдя по Пути, добравшись до того места, где я стоял, можно было повелеть Камню перебросить тебя в любое место, какое только ты мог зрительно представить, — нужны лишь желание и воля.

При этой мысли я затрепетал. Если все пойдет, как шло раньше, я могу в такую ловушку угодить — век не выбраться. Но ведь Эрику это не грозило? Его же не запечатало в Камень где-то в сумасшедшей дали Царства Теней. Дворкин, написавший руководство по пользованию Камнем, был великим человеком, и я верил ему.

Собравшись с мыслями, я постарался усилить свою защиту от манящих глубин Судного Камня.

И внутри его засветилось искаженное отражение Пути, окруженное мерцающими пятнышками света, крошечными искорками и вспышками. Я принял решение, сосредоточил волю...

Красноватый свет... Медленное движение... Будто погружаешься в океан с густой, вязкой водой. Поначалу я практически не мог двинуться. Вокруг сгущался мрак, а красноватые огни горели далеко-далеко впереди. Наконец я почувствовал, что понемногу плыву, едва заметно. Впереди то вспыхивал, то гас свет. Скорость движения росла... Я, похоже, стал точкой

сознания в неопределенной системе координат. Да, я осознавал движение, осознавал, что собой представляет то, к чему меня несло, — теперь уже, можно сказать, быстро...

И вдруг красноватый свет исчез вместе с каким бы то ни было ощущением среды, по которой я перемещался. Сопротивление исчезло. Скорость все нарастала. Казалось, все тянется и тянется то мгновение, которое уже прошло. Во всем происходящем было удивительное чувство полного безвременья. Скорость, с которой я передвигался, казалась мне поистине чудовищной, если учитывать расстояние до цели. А крошечный, искаженный, туманный рисунок разрастался на глазах и постепенно превратился в трехмерную уменьшенную модель Пути. Окутанный вспышками разноцветных огней, он вырастал передо мной — галактическая туманность, заблудившаяся во мраке вечной ночи и осиянная ореолом тускло светящейся звездной пыли. Спирали ее были составлены мириадами мерцающих точек. Она расширялась — или я сжимался... Она приближалась ко мне — или я к ней, и мы были совсем близко друг от друга.

Вот она заполнила все пространство сверху донизу по вертикали и горизонтали, а меня все несло и несло вперед — моя скорость, если она у меня была, все нарастала. Сияние охватило меня, овладело мной, и я увидел узкую прямую ленту — начало галактической спирали... Я был слишком близко, я перестал уже видеть всю галактику целиком. Все плыло, мерцало, качалось, а я, совершенно растерявшийся, гадал, достаточно ли трех измерений, для того чтобы описать испытываемые мной головокружительные ощущения. Теперь мне хотелось сравнить среду, внутри которой я находился, не с галактикой. Скорее теперь это была ее прямая противоположность — субатомное пространство Гильберта. Но ведь это не что иное, как метафора откровенного отчаяния!

Нет, если честно, я просто ничего не понимал. У меня только зрело чувство — откуда оно исходило, я не знал: то ли мной управлял Путь, то ли все-таки работала интуиция — я обязан пролететь и через этот сверкающий туман, чтобы обрести тот новый уровень могущества, которого я жаждал.

Я не ошибся. Меня затянуло в круговорот огней, и при этом скорость моего полета нисколько не снижалась. Я мчался, вращаясь и кувыркаясь, по световым лентам, сквозь не-

осязаемые бесплотные облака сияния и огня. Головокружительное турне по Млечному Пути? Чувства, подобные тем, что испытывает человек, которого утаскивает на дно водоворот в поросшем кораллами каньоне? Или так себя чувствует воробей-лунатик, которого занесло в парк с аттракционами ночью Четвертого июля? Вот какие мысли мелькали у меня в голове, когда я подлетал к концу световой дороги, будучи непонятно и неизвестно кем.

...Назад... сквозь... через... И все. Вспышка красноватого света озарила меня, стоящего около Пути, глядящего внутрь Судного Камня. Контур светился внутри его и внутри меня, и все было внутри меня, и я был внутри всего, а красный свет угасал, угасал — и угас.

Остались только я, Путь и Судный Камень у меня в руке — все по отдельности. Восстановилась привычная схема взаимоотношений «субъект—объект», но как бы на октаву выше — вот, пожалуй, наилучший образ для моих ощущений в то мгновение. Что-то такое возникло между нами — какое-то родство, сопереживание. Казалось, я обрел новое чувство, новые выразительные средства. Я был доволен и счастлив — искренне, глубоко.

Всей душой желая испытать новые возможности, я опять сосредоточил волю и отдал Камню приказ перенести меня в другое место.

И оказался в круглой комнате на верху самой высокой башни в Амбере. Пересек комнату и вышел на крошечный балкончик. Контраст оказался потрясающим и был сравним лишь с ощущениями, только что испытанными мной во время сверхчувственного полета. Несколько мгновений я просто стоял и смотрел.

Море играло цветами. Небо потемнело, горизонт затянули облака — день клонился к вечеру. Ветер дул с моря, донося его запах. Высоко в небе парили птицы, камнем падали к волнам и стрелой взмывали ввысь. Прямо внизу раскинулись дворцовые площади. За ними плавными уступами спускался к подножию Колвира город. По его улицам оживленно сновали людские фигурки. Мне было страшно одиноко.

И тогда я прикоснулся к Судному Камню и вызвал грозу.

Глава 4

Рэндом и Флора ждали в моей комнате. Рэндом первым делом уставился на Судный Камень — он теперь висел у меня на груди, как кулон. Я кивнул брату, повернулся к Флоре и слегка поклонился.

— Сестрица, — сказал я, — сколько лет, сколько зим... — Вид у Флоры был немного испуганный — и прекрасно. Она натянуто улыбнулась и пожала мою протянутую руку.

— Брат, — промолвила она, — я вижу, ты сдержал слово.

Она, оказывается, подстригла свои чудные бледно-золотистые волосы, но они по-прежнему лежали мягкими волнами. Пока я не мог решить, нравится мне новая прическа Флоры или нет. Да, волосы у нее были просто роскошные. А еще у нее были синие-пресиние глаза и красивый голос, в котором почти все время звучали нотки тщеславия, — Флора любила добиваться своего. Временами казалось, что она дура набитая, хотя порой она меня потрясала тем, что это оказывалось не так.

— Ты уж извини, что я тебя разглядываю, — сказал я, — но в прошлый раз я тебя толком разглядеть не сумел.

— Я очень рада, что дела идут на лад, — отозвалась Флора. — Было просто невозможно... Но я ничего не могла поделать, ты же понимаешь.

— Понимаю, — согласился я, вспоминая, как радостно звучал ее смех по другую сторону тьмы в одну из годовщин того события, о котором шла речь. — Понимаю.

Я отошел к окну и распахнул его, зная, что струи дождя не попадут в комнату. Очень люблю запах грозы.

— Рэндом, — спросил я, не оборачиваясь, — тебе удалось разузнать что-нибудь новенькое насчет потенциального почтальона?

— Пока нет, — ответил Рэндом. — Я навел кое-какие справки. Но, похоже, никто не видел никого в определенное время в определенном месте.

— Ясненько, — сказал я. — И на том спасибо. Ты мне попозже, может быть, еще понадобишься.

— Ладно, — кивнул Рэндом. — Раз такое дело, то я весь вечер на месте — у себя.

Я кивнул, обернулся, прислонился к створке окна и пристально посмотрел на Флору. Рэндом тихо прикрыл за собой дверь. С полминуты я молчал и слушал шум дождя.

— Что ты собираешься со мной делать? — не выдержала Флора.

— Делать?..

— У тебя теперь появилась возможность рассчитаться со старыми должниками. Похоже, что-то затевается?

— Может, и так, — сказал я. — Но знаешь, как в жизни бывает. Одно зависит от другого.

— Ты о чем?

— Дай то, что мне нужно, а там поглядим. Время от времени я могу быть пай-мальчиком, ты же знаешь.

— Что тебе нужно?

— Правду, Флора. Правдивый рассказ. Расскажи мне о том, как вышло, что ты стала той, кто шпионил за мной в той Тени — на Земле. Все важные подробности. Что там было задумано? Зачем? Все досконально.

Флора вздохнула.

— Это началось... — проговорила она. — Да... Это произошло в Париже, на вечеринке у некоего мсье Фуко, примерно за три года до начала Террора...

— Стоп! — оборвал я Флору. — Что ты там делала?

— Я прожила в той Тени лет пять, — сказала она. — Путешествовала, искала новизны, чего-нибудь такого, что отвечало бы моим неуемным фантазиям и удовлетворяло любопытство. В то место и в то время я попала точно так же, как все мы попадаем в любые места и времена. Я отдала себя на откуп своим желаниям и следовала инстинктам.

— Потрясающее совпадение.

— Но не в свете всего прошедшего времени — и учитывая, сколько мы все путешествуем. Там для меня был, если хочешь, мой Авалон, мой суррогат Амбера, мой дом вдали от дома. Называй, как хочешь, но я попала на ту вечеринку именно в тот октябрьский вечер, когда ты туда заявился с маленькой рыжей девицей — Жаклин, так ее звали, да?

Воспоминания разом нахлынули на меня — а ведь я давным-давно не вспоминал об этом. Жаклин я помнил гораздо лучше, чем саму вечеринку, но вечеринка была, это точно.

— Продолжай.

— Ну вот, — сказала Флора. — Ты приехал позже меня. И, конечно, я тебя сразу заметила. Безусловно, когда люди подолгу путешествуют, им то и дело попадаются те, кто им кого-то напоминает. Я так и подумала сразу, когда улеглось первое волнение. «Наверняка двойник», — решила я. Ведь прошло столько лет, как от тебя — ни слуху ни духу. Однако у всех есть свои тайны и есть причины эти тайны хранить. Может быть, у тебя была своя тайна? Я попросила, чтобы нас познакомили, а потом просто из кожи вон лезла, стараясь хоть на пару минут оторвать тебя от твоей рыжей подружки. Ты утверждал, что тебя зовут Фенневаль — Кордель Фенневаль. Я засомневалась — то ли передо мной действительно твой двойник, то ли ты хитришь и что-то скрываешь. Но была у меня и третья догадка: ты прожил так долго в окрестностях этой Тени, что научился отбрасывать Тень, отражаясь от самого себя.

Я бы так и уехала, мучимая сомнениями, если бы Жаклин ни с того ни с сего не проболталась мне о твоей удивительной силе. Как правило, женщины про такое помалкивают, и то, каким тоном она мне об этом сообщила, заставило меня задуматься, что ты, пожалуй, действительно показал ей себя с необычной стороны. Я поболтала с ней немного, стараясь выудить побольше информации, и поняла, что восторгается она в основном твоими боевыми подвигами.

Мысль о двойнике сразу отпала. Либо это был ты сам, либо твоя Тень. В таком случае, даже если Кордель не был Корвином, он все равно оставался загадкой и самим своим существованием намекал на то, что ты либо побывал поблизости, либо поблизости находишься. Так я впервые догадалась о том, что ты жив и где-то рядом. Нужно было разузнать об этом понадежнее.

С того вечера я начала следить за тобой, пытаясь выяснить, каково твое прошлое. И чем больше я расспрашивала разных людей, тем более загадочным оно выглядело. Прошло несколько месяцев, я ничего не могла сказать наверняка. В твоей биографии оставалось слишком много темных пятен. А открылось все следующим летом, когда я на время заглянула в Амбер. Я рассказала Эрику о встрече с тобой.

— Вот как?!

— Ну, и... он, похоже... знал, что такое возможно.

Флора умолкла и стала вертеть в руках перчатки, которые до сих пор лежали на подлокотнике кресла.

— А-га... — понимающе кивнул я. — И что же он тебе сказал?

— Что это на самом деле мог быть ты, — ответила Флора. — Он сказал, что был... несчастный случай...

— Да ну?

— То есть нет, — поправилась она. — Не несчастный случай. Он сказал, что вы подрались и он тебя ранил. Подумал, что ты умираешь, и не захотел, чтобы его обвинили в убийстве. Поэтому он перенес тебя в Тень и оставил там, в том месте. Прошло много лет, и он решил, что ты умер и что между вами наконец все кончено. Моя новость его явно не порадовала. Эрик взял с меня клятву молчать и отослал обратно следить за тобой. Теперь у меня появилось отличное оправдание для возвращения на Землю — я всем нашим успела наговорить с три короба о том, как мне там нравится.

— Ты не могла дать ему обет молчания за здорово живешь, Флора. Чем он с тобой расплатился?

— Дал мне слово, что, если когда-нибудь придет к власти в Амбере, он меня не забудет.

— Несколько рискованно, — заметил я. — Ведь, по большому счету, ты становилась опасной свидетельницей — ты знала, что где-то находится главный конкурент Эрика и что он приложил руку к исчезновению этого конкурента.

— Верно. Но потом все как-то успокоилось, затихло, да и я, честно говоря, чувствовала себя его сообщницей — какой смысл мне было признаваться в этом?

— Верится с натяжкой, но не выглядит таким уж невероятным, — согласился я. — А ты думала, Эрик оставит меня в живых, если у него появится возможность взойти на престол?

— Об этом разговор никогда не заходил. Никогда.

— Но думать об этом ты могла, правда?

— Думала, — сказала Флора. — Но потом, позже. И решила, что он ничего такого делать не станет. В конце концов, складывалось такое впечатление, что ты и вправду память потерял. Не было причин избавляться от тебя, пока ты безвреден.

— Итак, ты осталась, чтобы шпионить за мной и следить за тем, чтобы я оставался безвредным?

— Да.

— А что бы ты стала делать, если бы почувствовала, что память ко мне возвращается?

Флора резко посмотрела на меня и отвела взгляд.

— Сообщила бы Эрику.

— И что бы он тогда сделал?

— Не знаю.

Я негромко рассмеялся, Флора покраснела. Впервые видел, чтобы Флора краснела.

— Лежачего не бьют, — сказал я. — Я не буду. Ну хорошо, ты осталась. Ты за мной шпионила. А потом? Что случилось потом?

— Ничего особенного. Ты продолжал жить своей жизнью, а я с тебя глаз не спускала.

— И все остальные знали, где ты находишься?

— Да. Я из этого секрета не делала. На самом деле все наши ко мне время от времени наведывались.

— И Рэндом тоже?

Флора брезгливо скривилась:

— И не раз.

— Что это ты усмехаешься?

— Слишком поздно притворяться, будто он мне симпатичен, — выказала свою неприязнь Флора. — Ты же знаешь, я терпеть не могу отребье, с которым он якшается, — бывшие каторжники, лабухи джазовые. Я была вынуждена по-родственному принимать его, когда он навещал мою Тень, но Рэндом жутко действовал мне на нервы, когда заваливался в любое время дня и ночи со своими дружками, — то пьяную оргию устроят, то в карты режутся до утра. Дом потом неделями проветривать приходилось, и я всегда радовалась, когда Рэндом наконец убирался вон. Прости. Я знаю, что он тебе нравится, но ты же просил... начистоту.

— Понимаю, он задел твою тонкую, аристократическую натуру. Ну ладно. А теперь давай обратимся к тому краткому промежутку времени, в течение которого я был твоим гостем. Рэндом присоединился к нам довольно-таки неожиданно. За ним гналось с полдюжины жутковатых ребят, которых мы прикончили у тебя в гостиной.

— Да. Это я помню очень живо.

— Помнишь, как они выглядели — те твари, с которыми мы дрались?

— Да.

— Узнала бы такого, если бы он тебе снова встретился?

— Не сомневаюсь.

— Отлично. А раньше таких видела?

— Нет.

— А потом?

— Нет.

— Не слышала, кто-нибудь рассказывал про таких?

— Не припомню. А что?

Я покачал головой:

— Не сейчас. Спрашиваю пока я, не забывай. Я прошу тебя вот о чем: вспомни, что было до того печального вечера. Вернемся к тем событиям, из-за которых я угодил в клинику «Гринвуд». А может, и чуток пораньше. Что случилось и как ты об этом узнала? Что произошло? Какую роль во всем этом сыграла ты?

— Да, — процедила сквозь зубы Флора. — Я знала, что рано или поздно ты меня спросишь об этом. А случилось то, что Эрик вышел со мной на связь на следующий день после аварии — из Амбера, через мою карту.

Флора пристально смотрела на меня — явно пыталась понять, как я реагирую на ее рассказ. Я хранил молчание и спокойствие.

— Он сказал мне, что прошлым вечером ты попал в аварию и что тебя отвезли в больницу. Сказал, что тебя нужно переправить в частную клинику, где бы я могла лучше проследить за твоим лечением.

— Иначе говоря, он хотел, чтобы я продолжал оставаться безвредным кочаном капусты?

— Он хотел, чтобы тебя там накачивали седативными препаратами.

— А сказал Эрик, что причастен к аварии, или не говорил?

— Ну, в том, что кого-то натравил на тебя, он не признавался. Сказал, что знает об аварии. А как еще, интересно, он мог о ней узнать? Когда я попозже поняла, что Эрик метит на трон, я решила, что он таки решил избавиться от тебя окончательно. Когда же попытка не удалась, он решил подержать

тебя взаперти, чтобы успеть короноваться. Корвин, ведь кто-то стрелял по твоей машине.

— Да?!

Флора изменилась в лице. Явно пришла в себя.

— Ты же сам говорил мне, что была авария, что кто-то пытался тебя убить... Я решила, что ты знаешь подробности.

Я снова ступил на скользкую стезю — впервые за долгое время. Амнезия все еще немного мучила меня, и я решил, что мне от нее никогда не избавиться. Несколько дней, непосредственно предшествовавших аварии, до сих пор виделись мне как в тумане. Путь вернул мне память о моей жизни вплоть до этих самых дней, но полученная травма накрепко разрушила воспоминания о событиях, напрямую ей предшествовавших. Дело в принципе понятное. Скорее всего произошло органическое поражение мозга, а не временное функциональное нарушение его деятельности. Я и так радовался безумно, что ко мне вернулась память, жаловаться на мелочи не приходилось.

Что же касается аварии, то я, конечно, догадывался, что это был никакой не несчастный случай, и, пожалуй, я действительно слышал выстрелы. Выстрелов было два. Я, похоже, даже краешком глаза успел увидеть фигуру человека с винтовкой, но мельком и слишком поздно. А может быть, это вообще из области фантазии... Нет, все-таки, мнится, я это помнил. Ведь что-то подобное у меня в мыслях бродило, когда я направлялся в Уэстчестер. Даже теперь, когда в моих руках была власть над Амбером, я боялся кому-либо признаться в этом маленьком провале в памяти.

Наша беседа с Флорой до сих пор шла как по маслу, и мне не хотелось сбавлять темп. И я решил сыграть ва-банк.

— Не хотелось вылезать и смотреть, куда они там попали, — сказал я. — Стреляли-то по колесам, а не по мне. Услышал выстрелы и потерял управление. Это я потом решил, что была авария, но наверняка... И тебя я спросил об этом исключительно из любопытства: откуда ты знаешь, что была авария?

— Я тебе уже сказала откуда: от Эрика.

— Но ты сказала об этом так, словно знала все подробности случившегося еще до того, как он тебе об этом рассказал.

— Значит, ты меня неверно понял, — покачала головой Флора. — Иногда бывает такое, когда смотришь на события

уже после того, как они случились. Я отрицаю то, в чем ты меня хочешь обвинить. Я тут совершенно ни при чем.

— Ну, раз Эрика теперь уже нет в живых и он не может ни подтвердить, ни опровергнуть твои заверения, то пусть так и будет, — сказал я. — Пока.

А сказал я это для того, чтобы она только тем и занималась, что искала себе оправдания; надо было увести ее внимание в сторону и ничем — ни фразой, ни словом — не дать ей поймать меня на проклятом провале в памяти.

— А позднее ты не интересовалась личностью того, кто в меня стрелял?

— Никогда, — ответила Флора. — Скорее всего какой-нибудь наемный бандит.

— Не знаешь, сколько времени я пробыл без сознания, пока кто-то не подобрал меня и не доставил в больницу?

Флора покачала головой. Что-то ускользало от меня, и я никак не мог найти зацепку.

— А Эрик не сказал, когда точно меня положили в больницу? — Она снова покачала головой. — Хорошо. Когда я попал к тебе, почему ты так рвалась в Амбер? Разве Эрик не мог вытащить тебя через карту?

— Я никак не могла его дозваться.

— Ну вызвала бы кого-нибудь еще, тебя бы перенесли туда. Флора, — произнес я строго, — я думаю, ты лжешь.

На самом деле это была элементарная проверка, чтобы посмотреть, как она отреагирует. Имел я на это право? Имел.

— Лгу? — удивленно спросила Флора. — Я никого не могла вызвать. Все были чем-то заняты.

Я поднял руку с вытянутым указательным пальцем. За спиной у меня, прямо за окном, полыхнула молния.

По телу пробежали мурашки. Раскат грома тоже прозвучал весьма эффектно.

— Ты грешишь, недоговаривая, — сказал я на всякий случай.

Флора закрыла лицо руками и заплакала.

— Не понимаю, о чем ты! — всхлипнула она. — Я тебе на все вопросы ответила! Чего тебе еще надо? Я не знаю, куда ты ехал, кто стрелял и когда это точно случилось. Я тебе все-все сказала, черт подери!

Либо она действительно не врала, либо ее ничем не прой-

мешь, решил я. Так или иначе разговорами от нее больше ничего не добиться. И вообще пора было сменить тему. Хватит про аварию, а то Флора решит, что я на ней зациклился. Если я что-то упустил, дознаваться надо было самому, без Флориной помощи.

— Пойдем со мной, — велел я.

— Куда?

— Хочу тебе кое-что показать. Ты мне нужна для опознания. Увидишь — тогда я тебе кое-что скажу.

Флора встала и послушно последовала за мной. Мы прошли через зал и поднялись этажом выше. Я хотел сначала показать ей труп ублюдка, а уже потом рассказать о том, что случилось с Кейном.

Труп на Флору большого впечатления не произвел.

— Да, — кивнула она и добавила: — Даже если бы я не узнала эту тварь, я бы сказала, что узнала, — ради тебя.

Я пробурчал что-то нечленораздельное. Родственная верность порой трогает меня до глубины души. Не могу сказать, поверила мне Флора или нет, когда я ей поведал про Кейна. Правда, когда оба собеседника друг другу чего-то недоговаривают, значит, оба хороши. Я ни словом не обмолвился о Брэнде, и она о нем молчала. Единственное, что сказала Флора, когда мне сказать было уже нечего, так это следующее:

— Камешек тебе к лицу. А как насчет короны?

— Об этом пока рано говорить, — ответил я.

— Если тебе потребуется моя скромная помощь...

— Знаю, — кивнул я. — Знаю.

Место для моего склепа выбрали на редкость уединенное и спокойное. Стоит он один-одинешенек на заднем склоне гребня Колвира, защищенный с трех сторон от буйства стихий. В подсыпанной вокруг него земле растет пара-тройка суковатых деревьев, там-сям торчат колючие кусты, зеленеет трава, по скалам вьются толстые канаты горного плюща. Склеп — длинное, приземистое строение, перед которым врыты в землю две каменные скамьи. Он почти весь порос плющом, милосердно скрывающим убийственную надпись, высеченную над входом пониже моего имени. Понятное дело — сюда мало кто ходит.

Вот туда-то мы и отправились ближе к ночи с Ганелоном, прихватив порядочно вина, нарезанного хлеба и холодного мяса.

— Гляди-ка, ты не шутил, оказывается! — воскликнул Ганелон, после того как спешился, подошел к склепу, раздвинул плети плюща над входом и прочел надпись.

— Конечно, нет, — ответил я, слезая с коня и привязывая к дереву поводья. — Моя могилка, можешь не сомневаться.

Привязав рядом со своим чалым лошадь Ганелона, я снял с седла наши сумки с вином и провизией и перенес их на ближайшую скамью. Ганелон присоединился ко мне, как только я откупорил первую бутылку и наполнил кружки темным густым вином.

— Все равно непонятно как-то, — покачал головой Ганелон, взяв у меня кружку.

— Что тут понимать? Я умер и похоронен здесь. Это мой кенотафий — гробница, которую ставят, когда не могут разыскать тело умершего. Я, честно говоря; и сам о том, что он обнаружен, узнал не так давно. Склеп поставили несколько столетий назад, когда тут решили, что я уже не вернусь.

— Странновато как-то, — пробурчал Ганелон. — И что же там внутри?

— Ничего. Хотя предусмотрительно устроена ниша, а в нише стоит урна для моего праха — на случай, если когда-нибудь обнаружится тело. Не придерешься.

Ганелон сделал себе сандвич.

— А чья была идея? — поинтересовался он.

— Рэндом думает, что Брэнда или Эрика. Точно никто не помнит. Но, похоже, в ту пору все эту идею одобрили.

— И что теперь с этой штукой будет?

Я пожал плечами:

— Подозреваю, кое-кто жалеет о том, что такой прекрасный склеп пустует, и мечтает, чтобы в него легло мое тело. На самом деле — милейшее местечко, просто созданное для того, чтобы приходить сюда и вдрызг напиваться. Я еще ни разу не засвидетельствовал почтения своей могилке таким образом.

Я сделал себе двойной сандвич и принялся с аппетитом уплетать его. У меня была первая настоящая передышка за последние дни — как сказать, может, и последняя, учитывая все, что меня ожидало. Но за прошедшую неделю мне никак

не удавалось переговорить с Ганелоном с глазу на глаз, а он был одним из тех немногих, кому я доверял. Я хотел рассказать ему все. Я должен был ему все рассказать. Мне требовалось поговорить с человеком, который не погряз в наших делах так, как мы сами, не был непосредственным участником событий в Амбере.

Так я и сделал.

За время моего рассказа луна совершила долгое путешествие по небесам, а у стены склепа выросла солидная горка битого стекла.

— Ну и что по этому поводу думают остальные? — спросил Ганелон, когда я закончил рассказ.

— То, что и следовало ожидать, — ответил я. — Я и не сомневался, что Джулиан ни одному моему слову не поверит, хотя будет говорить, что поверил. Он знает, как я к нему отношусь, и не хочет меня дразнить. Бенедикт, думаю, мне тоже не верит, но в его тактике разобраться будет потруднее. Он тянет время — и пусть тянет, мне и самому время нужно, чтобы осмотреться и поразмыслить. Что до Джерарда... для него убийство Кейна, судя по всему, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения, и, если у Джерарда хоть какое-то доверие ко мне было, теперь оно испарилось. И все же завтра рано утром он возвращается в Амбер, и мы вместе отправимся в рощу и выкопаем тело Кейна. Я вовсе не собираюсь устраивать из этой поездки сафари, но в попутчики мне обязательно нужен кто-то из членов семейства. Теперь Дейрдре — она вроде как даже обрадовалась. Ни единому слову не поверила, не сомневаюсь. Но это ладно. Она всегда была на моей стороне и никогда не жаловала Кейна. Я бы даже так сказал: она рада, что я занимаюсь укреплением своих позиций. Не могу судить наверняка, поверила ли мне Ллевелла. Ей, похоже, вообще ни до кого нет дела, не то что остальным. Что касается Фионы, то ее все это вроде бы просто позабавило. Она всегда и ко всему относится отвлеченно и свысока. Никогда не поймешь, что на самом деле у нее на уме.

— А про Брэнда ты тоже всем рассказал?

— Нет. Я рассказал только про Кейна и попросил всех быть в Амбере завтра вечером. Вот тогда-то я расскажу про Брэнда. Есть одна догадочка, хочу ее проверить.

— Ты со всеми через карты переговаривался?

— Конечно.

— Знаешь, я давно собирался тебя спросить... Там, в той Тени, куда мы мотались за оружием, есть телефоны...

— Ну и?..

— Пока мы там болтались, я кое-что вызнал насчет прослушивания телефонных переговоров. А как ты думаешь, ваши переговоры через карты... не может тут быть каких-нибудь «жучков»?

Я громко расхохотался, но довольно быстро сообразил, что в таком нелепом на первый взгляд предположении Ганелона что-то есть.

— Честно говоря, не знаю, — ответил я наконец. — В записках Дворкина многое покрыто мраком. Мне такая мысль в голову не приходила, и сам я никогда такое проделывать не пробовал. Но это интересно...

— Ты знаешь, сколько всего колод волшебных карт?

— Ну... у каждого из членов семейства — по одной, да в библиотеке что-то около дюжины запасных. Может, и еще есть.

— Я вот думаю, ведь если вправду подслушивать, то можно много чего вызнать.

— Да! Дай-ка сообразить... отцова колода, колода Брэнда да та, что у меня была с самого начала... да еще та, что Рэндом посеял... Проклятье! Ведь действительно уймы карт не хватает! А что с этим делать, ума не приложу. Пожалуй, надо начать расследование и провести серию экспериментов. Спасибо, что надоумил.

Ганелон улыбнулся. Некоторое время мы молча потягивали вино.

Потом он спросил:

— Ну, Корвин, что делать собираешься?

— Ты насчет чего?

— Да насчет всего сразу. План боевых действий, по порядку.

— Поначалу я собирался прочесать Черную Дорогу, добраться до того места, откуда она начинается, — сказал я. — Приступить к этому мне хотелось, как только в Амбере все маленько поутихнет. Теперь планы несколько изменились. Надо как можно скорее вернуть Брэнда, если он еще жив. Если нет, я хочу выяснить, что с ним стряслось.

— Но дадут ли враги тебе время на передышку? Может быть, именно сейчас они готовятся к новой атаке.

— Да, конечно. Я думал об этом. И все же такое чувство, что немного времени у нас есть, ведь мы их только что разбили. Нужно же им посчитать раны, поразмыслить, собраться с силами и оценить перемену в расстановке сил в связи с тем, что у нас появилось новое оружие. Пожалуй, следует выставить вдоль дороги несколько наблюдательных постов, дабы дозорные докладывали о любых вражеских происках и маневрах. Бенедикт уже согласился возглавить эту операцию.

— Интересно, сколько у нас времени на самом деле? — задумчиво проговорил Ганелон. Поскольку я не мог придумать достойного ответа, я просто подлил ему вина. — А вот в Авалоне такого сроду не бывало, верно? В нашем Авалоне, я хочу сказать.

— Это точно, — согласился я. — Ты не единственный, кто тоскует по славным денькам. Теперь кажется, что раньше все было проще.

Ганелон кивнул. Я предложил ему сигарету, но он отказался и раскурил трубку. Вспыхнувшее пламя огнива осветило Судный Камень, висевший на цепочке у меня на груди.

— И что, ты на самом деле можешь управлять погодой с помощью этого булыжника? — поинтересовался Ганелон.

— Могу, — ответил я.

— Откуда ты знаешь?

— Сегодняшняя гроза — моя работа.

— Занятно...

— Что?

— Да так. Просто подумал: будь у меня такая власть, что бы я делать стал?

— Я тебе честно скажу, — проворчал я и с размаху шлепнул ладонью по стенке склепа, — разгромить эти хоромы к чертям собачьим, вот какое у меня было первое желание! Шарахнуть молнией по склепу, чтоб он рассыпался. Чтоб никто не сомневался, какие чувства я питаю к этому местечку и на что способен.

— И что тебя удержало?

— Да подумал, понимаешь... И решил... о, черт! Знаешь, могилка моя, если мне недостанет хитрости, жестокости и удачи, еще о-го-го как может быть использована по своему

прямому назначению! Ну а коли так, то ведь в принципе я ничего против этого места не имею. Хоронить-то меня где-то все равно придется, верно? А тут замечательно — высоко, чисто, просторно. Ничего кругом — только скалы да небо... Звезды, тучи, солнце, луна, ветер, дождь... компания более приятная, чем у остальных семейных склепов. Не вижу причин, зачем это мне покоиться в земле рядом с теми, кого бы я хотел схоронить до своей кончины.

— Ты озлобился, Корвин. Или перебрал. Или и то и другое. Зачем ты так жестоко? Ни к чему это тебе. Не нужно.

— Да кто ты, черт бы тебя подрал, такой? Откуда тебе-то знать, что мне нужно, что не нужно? — вспылил я, но, почувствовав, что Ганелон весь подобрался, пожалел о сказанном.

— Я что, — пожал плечами Ганелон. — Я что думал, то и сказал.

— Как дела в войсках? — спросил я.

— Пока все на подъеме, Корвин. Они ведь как-никак пошли на священную войну в небесах. И полагают, что вся стрельба на прошлой неделе — из этой оперы. А потому солдаты счастливы — мы же победили. А теперь... город... ожидание... они тут ничего не понимают. Кое-кто из тех, кого мы считали врагами, теперь, оказывается, друзья. Есть от чего смутиться. Солдаты знают, что их держат в боевой готовности для предстоящего сражения, но не понимают, когда и с кем им придется драться. В общем, пока они сидят по казармам, они не могут узнать, насколько их присутствие здесь не приветствуется регулярными войсками и народом вообще. Но, думаю, скоро это до них дойдет. Я давно с тобой об этом поговорить хотел, но ты так занят был...

Некоторое время я молча курил. Потом произнес:

— Ты прав, стоит с ними потолковать. Завтра вряд ли получится, да и потом дел будет по горло. Наверное, стоит перевести войска на бивачную поляну в Арденском лесу. Завтра. Решено. А ты всем объяви, что делается это для того, чтобы войска располагались поближе к Черной Дороге. Скажи, что скоро на нас снова могут напасть, — между прочим, так оно и есть. Помуштруй солдат, поддержи их боевой дух. А я, как только сумею вырваться, приеду и сам с ними потолкую.

— Но ведь тогда у тебя в Амбере не останется личной гвардии?

— Это верно. Но игра, думаю, стоит свеч. Выйдет нечто вроде демонстрации доверия и жеста дружелюбия. Да, шаг получится предусмотрительный и разумный. Ну а если не выйдет... — Я пожал плечами и швырнул очередную бутылку в стену склепа. — Прошу прощения.

— Это за что же?

— Я только что сам заметил, что я зол как собака, надрался как свинья и говорю жестокие вещи. Ты прав. Ни к чему мне это.

Ганелон хмыкнул и чокнулся со мной.

— Я тебя понимаю, — сказал он. — Очень хорошо понимаю.

И мы славненько сидели, покуда не зашла луна, пока последняя бутылка не пала смертью храбрых у стены склепа рядом со своими подружками. Болтали о том о сем, вспоминали старые добрые времена. Иногда мы оба умолкали, и я смотрел на звезды, горевшие в небесах над Амбером. Хорошо тут было, спору нет, но город уже звал меня к себе.

Словно прочитав мои мысли, Ганелон встал, потянулся и пошел к лошадям. Я немного задержался. Помочившись прямо у входа в мой склеп, я последовал за Ганелоном.

Глава 5

Роща Единорога расположена в Арденах, к юго-западу от Колвира, там, где предгорья спускаются к долине под названием Гарнатх. Сам Гарнатх проклинали, жгли, завоевывали и отвоевывали без конца за последние годы, а предгорья никто пальцем не тронул. В этой роще, как клялся отец, он много веков назад увидел единорога и пережил нечто из ряда вон выходящее. В итоге единорог стал волей отца покровителем Амбера, а его изображение украсило собой отцовский боевой мундир.

Оттуда, где находились мы с Джерардом, роща виделась нам темно-зеленым пятнышком на пути от Гарнатха к морю. В роще, на полянке не слишком правильной формы, из груды валунов бил родник; он превращался в узенький ручеек и об-

разовывал крошечное озерцо, а потом вытекал из него и струился вниз, к Гарнатху.

Вот туда-то мы и направлялись с Джерардом. Выехали рано. Солнце встало из-за моря тогда, когда мы одолели уже полпути от Колвира, усыпало волны разноцветными блестками, озарило небо всем набором красок. Джерард натянул поводья и спешился, подав мне знак последовать его примеру. Я послушался, спешился и привязал своего Стара и вьючную лошадь рядом с конем Джерарда — высоченным жеребцом в яблоках. Пройдя следом за братом примерно с десяток шагов, я оказался в лощине, щедро усыпанной гравием. Джерард остановился, я встал у него за спиной.

— В чем дело? — поинтересовался я.

Джерард развернулся, вперил в меня устрашающий взгляд прищуренных глаз, снял плащ и швырнул на землю. Расстегнул ремень и кинул поверх плаща.

— Сними и ты плащ да брось меч, — посоветовал он мне. — Они тебе только мешать будут.

Я все понял. Ну что ж, будь что будет. Снял плащ, аккуратно сложил, опустил на землю, поверх него положил Судный Камень и Грейсвандир. Выпрямился, встретился взглядом с Джерардом. Только одно слово и произнес, одно-единственное:

— Почему?

— Ты, наверное, забыл почему, — процедил Джерард сквозь зубы. — Слишком много воды утекло с тех пор.

Он медленно двинулся на меня, а я выбросил руки перед собой и отскочил. Он меня не достал. Я всегда был быстрее его. Мы оба пригнулись, и Джерард начал делать кошачьи пассы левой рукой, прикрывая грудь и живот правой — она у него слегка дрожала.

Если бы место для драки с Джерардом надо было выбирать мне, я бы уж точно не это место облюбовал. И Джерард это отлично знал. А уж если бы вообще речь шла о поединке, я ни за что не выбрал бы рукопашную схватку. Я бы предпочел схлестнуться на мечах или кинжалах. Да на чем угодно, лишь бы у меня были возможность быстроты действий и время на обдумывание стратегии поединка, чтобы я мог время от времени наносить ему удары, не подпуская близко к себе. Тогда бы мне удалось измотать его, он волей-неволей начал бы раскрываться и мои удары становились бы все более точными и болезненными. Джерард и это знал превосходно. Вот почему он завел меня сюда. Я отдавал ему должное и теперь вынужден был играть по его правилам.

Джерард подбирался ко мне все ближе. Несколько раз я отбрасывал его занесенную для удара руку. Наконец я изловчился, пригнулся и нанес Джерарду быстрый резкий удар с левой чуть повыше солнечного сплетения. Ударом такой силы можно было запросто переломить пополам толстую доску и превратить в желе внутренности более хлипкого смертного. Увы, годы не состарили Джерарда. Он, правда, взревел, но при этом блокировал мою правую руку, своей правой поддел мою левую и схватил за плечо.

Я не стал вырываться. Сойдясь с Джерардом вплотную, я развернулся, аналогичным манером захватив его левое плечо, поддел левой ногой колено Джерарда и ухитрился бросить его наземь.

Но он меня не выпустил, и я упал на него сверху. Я слегка ослабил хватку и вогнал левый локоть в бок Джерарда как раз в то мгновение, когда мы коснулись земли. Угол атаки был далек от идеального. Левая рука Джерарда взметнулась и сцепилась с правой у меня за головой.

Я сумел вынырнуть, но он железной хваткой сжимал мою руку. Мне жутко хотелось заехать ему в пах свободной рукой, но я удержался. Терпеть не могу бить ниже пояса — не в моих правилах. Вдобавок я понимал: стукни я Джерарда в пах, и он чисто рефлекторно сломает мне руку в плече. Я поступил иначе: больно оцарапав о гравий предплечье, ухитрился просунуть левую руку под голову Джерарда, а правой ухватил его за ляжку. Преуспев в этом, я перекатился на спину, готовясь распрямить ноги, как только коснусь ступнями земли. Я планировал рвануть Джерарда на себя и снова швырнуть на спину, надавив плечом на его грудь для пущего эффекта.

Но Джерард скрестил ноги и подался влево, заставив меня перелететь через него. В полете я отпустил левую руку, крутанулся по часовой стрелке, вырвал-таки правую и был готов уже припечатать Джерарда ногой к земле.

Однако не таков был Джерард, чтоб вот так сдаваться. Он выбросил руки за спину и одним могучим броском освободился; затем, вскочив, выпрямился. Я тоже поднялся с земли

и отпрыгнул назад. Джерард, не медля ни секунды, двинулся на меня. Я понял: если он меня сейчас схватит, то расплющит в блин. Нужно было лавировать.

Я не спускал глаз с ног Джерарда. И в то мгновение, которое счел наиболее удачным, нырнул между его разведенными в стороны руками — он как раз переносил вес с левой ноги на правую. Мне удалось ухватить брата за правую лодыжку и задрать его ногу фута на четыре со спины. Он перевернулся и рухнул на левый бок.

Джерард пытался подняться, но я въехал ему левой в челюсть, и он снова упал. Озверело потряс головой, опять встал и пошел на меня, заслоняясь руками. Я хотел стукнуть его в живот, промахнулся и угодил в бедро. Но Джерард удержал равновесие и снова двинулся на меня.

Я вертелся по кругу, нанося удары ему в лицо. Два раза подряд стукнул в живот и отпрыгнул. Джерард зловеще ухмыльнулся. Он знал, что я боюсь ближнего боя. Я еще раз дал ему в живот и попался. Мы сошлись. Джерард опустил руки вполне достаточно для того, чтобы я сумел ухватить его за шею. Увы, он сразу же поднял руки и обхватил меня за пояс. Я врезал ему в подбородок ребром ладони, но Джерард не ослабил хватку и оторвал меня от земли. Все. Больше драться я не мог. Его ручищи уже изо всех сил сдавливали мои почки. Я нащупал большими пальцами сонные артерии Джерарда, нажал...

А он поднимал меня все выше и выше и поднял над головой. Мои пальцы ослабли, разжались, соскользнули с шеи Джерарда... И он швырнул меня спиной на камни — примерно так, как крестьянки колотят простыни о прибрежные валуны.

Перед глазами вспыхнули искры, мир дрогнул и поплыл куда-то, теряя реальность... А Джерард рывком поднял меня на ноги. Я увидел его кулак...

Рассвет был дивно красив, вот только смотрел я на него под каким-то неправильным углом — что-то около девяноста градусов.

У меня жутко закружилась голова. По спине, как дорожки по крупномасштабной карте, побежали ленточки боли и вскоре добежали до «большого города», который располагался неподалеку от подбородка.

Я висел в воздухе. С трудом повернув чуть-чуть голову, я увидел, что я не просто в воздухе, а над краем пропасти.

Кто-то крепко держал меня за плечо и бедро. Я чуть сильнее повернул голову и увидел, что держат меня руки Джерарда. Да, это он держал меня на вытянутых руках над головой. Там, где он стоял, тропа обрывалась и открывался прекрасный вид на Гарнатх и то место, где далеко внизу заканчивалась Черная Дорога. Если он бросит меня, подумал я, некоторая часть моего тела разделит участь птичьего помета, толстым слоем покрывавшего скалу, а все остальное скоро станет похоже на обглоданную рыбку — я такую как-то видел между камней на берегу моря.

— Вот-вот. Смотри вниз, Корвин, — произнес Джерард. Он заметил, что я пошевелился, поднял голову и встретился со мной взглядом. — Стоит мне только разжать пальцы...

— Я тебя слушаю, — негромко проговорил я, силясь придумать, как бы мне и его с собой прихватить, если он выполнит свою угрозу.

— Я в умниках не числюсь, — продолжал Джерард. — Но была у меня одна мыслишка — ужасная, прямо скажу. Послушай: тебя слишком долго не было в Амбере. Правда, что ты память потерял, или нет — кто тебя знает. Ты вернулся, взял верх над всеми, но пока что ты еще Амбером не правишь. Помощники Бенедикта погибли, теперь Кейн... Эрик убит, сам Бенедикт покалечен. Может, это все и не твоя вина, но я подумал — чем черт не шутит, вдруг ты взял да и сговорился с нашими врагами с Черной Дороги?

— Я ни с кем не сговорился, — ответил я.

— Это не важно и к тому, что я хочу сказать, отношения не имеет. Молчи и слушай. А я тебе скажу все. Если ты, пока мотался неведомо где, все рассчитал и провернул — все, что случилось совсем недавно, — так, может, и пропажа отца и Брэнда на твоей совести? Выходит, ты всю семью готов уничтожить, подавить всякое сопротивление ради узурпации власти, а?

— Разве я бы позволил Эрику пленить и ослепить меня, если бы это было так?

— Слушай меня! — рявкнул Джерард. — Что, ты оступиться не мог? Мог, вот и вышло такое. Но теперь все это не имеет значения. Может быть, ты чист и невиновен, как утверждаешь, а может быть, по уши сидишь в грязи. Смотри вниз, Кор-

вин, смотри хорошенько. Смотри на Черную Дорогу. Если все, что я сказал, правда, в конце пути ты подохнешь. Я снова показал тебе свою силу — на всякий случай, чтоб ты о ней не забывал. Я могу прикончить тебя, Корвин. И не надейся, что твой меч защитит тебя, пусть даже я выйду против тебя с голыми руками. Я сделаю это, я сдержу слово. А слово мое такое: если ты виновен, я убью тебя на месте, как только узнаю об этом. Знай, что за мою жизнь есть кому постоять, потому что теперь она неразрывна с твоей.

— То есть?

— Сейчас нас через мою карту видит все семейство. Теперь тебе ни за что не избавиться от меня, не раскрыв своих истинных замыслов перед остальными. Значит, даже если я погибну, я все равно сдержу клятву.

— Я тебя понял, — ответил я. — А если тебя прикончит кто-то другой? А потом — меня? Кто останется? Джулиан, Бенедикт, Рэндом и девочки. И кто же будет сражаться на баррикадах? Девочки? Чем дальше, тем веселее — для того, кто стоит за всем происходящим. Кто только мог до такой ерунды додуматься, вот интересно!

— Я! — рявкнул Джерард. — Я один! — И я почувствовал, как он еще сильнее сжал пальцы, как напряглись его мышцы. — Просто ты, как всегда, хочешь все запутать! Как всегда! Не так уж плохо тут у нас все было, пока ты не вернулся. Будь ты проклят, Корвин! Все из-за тебя! — воскликнул Джерард и подбросил меня в воздух.

— Я не виноват, Джерард! — только и успел выкрикнуть я, а он уже поймал меня, верзила поганый, и оттащил от края обрыва. Проволок по щебню и поставил на ноги. А сам как ни в чем не бывало зашагал к лощинке, где мы с ним дрались. Мы оба подобрали с земли свои вещи.

Застегивая пряжку широкого ремня, Джерард стрельнул в меня взглядом и буркнул:

— Разговор окончен.

— Идет.

Я поплелся к лошадям. Вскоре мы уже продолжали путь.

Родник в роще заливался веселыми трелями. Солнце поднялось довольно высоко, и его лучи пробивались сквозь густую листву деревьев. Трава еще не высохла от росы. Ее капельки сверкали и на пластах дерна, которые я нарезал на месте могильного холмика.

Я принес захваченную из Амбера лопату и разрыл могилу. Не говоря ни слова, Джерард помог мне вытащить тело Кейна и перенести на расстеленный на земле кусок грубого холста. Этим холстом мы обернули труп брата и зашили широкими небрежными стежками.

— Корвин! Посмотри! — сдавленным шепотом проговорил Джерард и схватил меня за локоть.

Я посмотрел туда, куда он показывал, и окаменел. Мы оба, не в силах пошевелиться, не могли отвести глаз от дивного зрелища. Это был он, окруженный тончайшей белесой дымкой, отчего казалось, что одет он в какую-то ткань, а не в шкуру, украшенную длинной гривой. Его крошечные копытца казались золотыми, таким же казался и длинный витой рог на гордо посаженной голове. Когда он поднял голову и посмотрел в нашу сторону, мы увидели его глаза — яркие, лучистые, изумрудно-зеленые. Пару мгновений чудный зверь простоял, как и мы, не двигаясь. А потом взволнованно трижды ударил по камню правым передним копытцем, подпрыгнул и исчез, растаял, как снежинка, — может быть, ускакал в лес, что тянулся вправо от поляны.

Я опрометью побежал к камню, на котором только что стоял единорог. Рядом с камнем во мху виднелись следы острых копыт.

— Значит, мы действительно видели его... — пробормотал Джерард.

— Что-то видели, точно. Прежде тебе доводилось?..

— Нет. А тебе?

Я покачал головой.

— Джулиан божится, что один раз видел его, — сказал Джерард. — Издалека вроде бы. Говорит, что гончие не стали за ним гнаться.

— Какой же он красивый — шелковый хвост, золотые копытца...

— Да. Отец всегда говорил, что встреча с ним — добрый знак.

— Я бы тоже не отказался ее так расценить.

— Странное время он выбрал для появления... столько лет...

Я снова кивнул.

— Может, тут есть нечто особенное? Ну, он все-таки наш покровитель и все такое прочее... Может быть, мы что-то должны сделать?

— Может, и должны, но мне отец ничего про это не говорил, — ответил я и осторожно погладил камень, на котором стоял единорог. — Если тебе не безразлична наша судьба, если ты в силах подарить нам свою милость, благодарю тебя, единорог, — сказал я. — Но даже если это не так, благодарю тебя за то, что ты своим появлением озарил нашу жизнь в эти мрачные дни.

Мы ушли от камня и попили воды из родника. Взвалив нашу скорбную ношу на спину вьючной лошади, мы повели коней под уздцы и сели верхом только тогда, когда ушли далеко от поляны, где после нашего ухода стихло все, кроме поющего ручья.

Глава 6

Жизнь полна неожиданностей, но надежда никогда не покидает нас окончательно, даже тогда, когда мы на волосок от гибели, и как славно, когда жаровни, под которыми не то погасили, не то забыли развести огонь, остаются далеко позади... Вот такие мудрые житейские истины бродили у меня в голове к вечеру, нежимые духом творческого вдохновения.

Все семейство собралось в библиотеке. Я сел на краешек широкого письменного стола. Рэндом расположился на стуле справа от меня. Джерард стоял у противоположной стены, внимательно разглядывая развешанное по стенам оружие, а может, рассматривал гравюру Рейна, на которой был изображен единорог. Ни Джерард, ни мы с Рэндомом не обращали никакого внимания на Джулиана — этот развалился в мягком кресле около стеллажей, сложив руки на груди, вытянув и скрестив ноги и глубокомысленно рассматривая свои ботинки. Фиона, стройная красотка (ростом в пять футов и два дюйма), не сводила с Флоры зеленых глаз, а та пожирала ее своими необычайно синими. Сестры о чем-то сплетничали у камина, и волосы Фионы горели не менее ярко, чем пламя,

мерцали и переливались. Глядя на Фиону, я испытывал ощущение, подобное тому, что испытывает скульптор, закончив работу, когда он складывает инструменты, отходит от своего творения, изучает издали, улыбается и начинает задавать себе все новые и новые вопросы. То местечко, куда «скульптор» умело надавил пальцем и сотворил ямочку над ключицами, всегда восторгало меня как изюминка творения — особенно тогда, когда Фиона насмешливо или надменно запрокидывала голову, глядя на нас остальных как бы сверху вниз.

Почувствовав, видимо, что я на нее смотрю, она едва заметно улыбнулась — гордячка, ясновидица, она прекрасно знала, что хороша собой, и мой взгляд ее нимало не смутил. Ллевелла устроилась в углу и притворялась, будто читает книгу. Она стояла к нам спиной. Зеленоватые волны ее волос чуть-чуть не доплескивались до побережья — высокого темного воротника платья. Что означала ее любовь к уединению — сознательное отчуждение или элементарную осторожность, — этого я никогда понять не мог. Может, и того, и другого было понемножку. Ллевелла редко наведывалась в Амбер.

...Вот как раз признание того факта, что мы как семья скорее представляем собой собрание индивидуальностей, а не клан родственников, и привело меня к кое-каким выводам, и выводы эти вызвали горячее одобрение Рэндома. А мне нужно было ото всех что-то такое, что даже выше родственных отношений, мне нужно было общее желание сотрудничать, соучаствовать.

Повеяло родным и близким. Любимый голос проговорил: «Привет, Корвин» — ко мне шла Дейрдре. Я протянул руку, сжал ее тонкие пальцы, поднес к губам. Дейрдре сделала еще один шаг ко мне — это было похоже на первое па какого-то старинного танца. Когда она остановилась, витраж решетчатого окна у нее за спиной обрамил ее головку и плечи, а богатый ковер на стене слева, казалось, еще ярче заиграл красками. Так и было задумано, не иначе. Но все равно эффектно, ничего не скажешь. В левой руке у Дейрдре была моя карта. Все смотрели на нас, а Дейрдре улыбалась, улыбалась, как Мона Лиза, у которой в руках автомат.

— Корвин, — промурлыкала она, поцеловав меня в щеку, — я, наверное, рано?

— Такое просто невозможно. Ты, как всегда, вовремя, — ответил я и обернулся к Рэндому — он уже был рядом с нами.

— Хочешь выпить, сестричка? — спросил он, взяв Дейрдре под руку и кивнув в сторону буфета.

— О, конечно, спасибо, — ответила она, и Рэндом увел ее угощать вином.

Тактика его была мне яснее ясного: он старался если не предотвратить, то хотя бы отложить неизбежную стычку Дейрдре с Флорой. Похоже, все семейные трения остались такими же, какими я их помнил. В общем, если мне чего-то и стоило присутствие Дейрдре, оно так или иначе несло в себе подобие стабильности, а стабильность сейчас важнее всего. Рэндом все-таки умница порой, когда сам этого хочет.

Я побарабанил пальцами по крышке стола, растер ноющее плечо, закурил сигарету.

И тут вошел он. Джерард повернулся к двери, что-то проговорил... Мгновением позже он пожимал левую, единственную руку Бенедикта, последнего члена нашего семейства.

Ну что ж. Бенедикт явился через карту Джерарда, а не через мою, и это со всей очевидностью показывало, как он ко мне относится, и рассчитано было на то, чтобы удивить меня. Уж не Бенедикт ли надоумил Джерарда провести со мной легкую утреннюю разминку? Не исключено.

Джулиан встал, подошел к Бенедикту, пожал его руку и что-то сказал ему. Ллевелла, обернувшись, закрыла книгу и положила ее на полку. Улыбаясь, подошла и поприветствовала Бенедикта, что-то шепнула Джерарду, обняла Джулиана. Завязалась теплая, дружеская беседа. Что ж, и это хорошо. Очень хорошо!

Четыре на три. И двое запасных.

Я ждал и смотрел на компанию, болтающую у противоположной стены. Семья в сборе, можно в любую секунду потребовать внимания и приступить к тому, для чего я и собирал всех. Но...

Уж слишком все было натянуто, напряжено. И все как один это чувствовали, я знал наверняка. Казалось, в библиотеке внезапно образовались два противоположных магнитных полюса. И мне очень любопытно было поглядеть, как же разлягутся железные опилки.

Флора бросила на меня быстрый взгляд. Вряд ли она за

ночь успела переменить свои взгляды, если только не произошло чего-то непредвиденного. Нет, с ней все в порядке. Я чувствовал, я знал, как она сейчас поступит.

И не ошибся. Я услышал, как она сказала, что у нее в горле пересохло и она не против выпить бокал вина. Потом повернулась и готова была шагнуть в мою сторону, но, видимо, ждала, что за ней последует Фиона. Когда этого не произошло, Флора на мгновение растерялась, понимая, что привлекла внимание всей компании. Однако она тут же нашлась: улыбнулась и подошла ко мне.

— Корвин, — сказала она, — ужасно хочется выпить.

Не оборачиваясь, чтобы не упустить подробностей живой картины, разыгрывающейся передо мной, я бросил через плечо:

— Рэндом, будь так добр, налей Флоре вина.

— Сию секунду, — сказал Рэндом, и вскоре я услышал соответствующие звуки.

Флора кивнула, перестала улыбаться и обогнула письменный стол справа.

Четыре на четыре, не считая душки Фионы, озарявшей своей ослепительной красой пространство посередине, между двумя группировками. Самоуверенная до мозга костей и наслаждавшаяся своей самоуверенностью, она повернулась к овальному зеркалу в темной резной раме, висевшему между двумя высокими книжными шкафами, и принялась поправлять выбившуюся золотистую прядь у левого виска.

Что-то вспыхнуло на ковре у ее ног — что-то зеленовато-серебристое.

Мне хотелось и выругаться, и рассмеяться одновременно. Вот мерзавка! Вечно выпендривается перед нами! Восхитительна, как всегда. Совершенно не изменилась. Сдержав и проклятия, и улыбку, я шагнул было к ней, но меня опередил Джулиан. Опередил всего на мгновение — он стоял ближе к Фионе.

Джулиан наклонился и поднял с ковра оброненную Фионой вещицу.

— Твой браслет, сестричка, — ласково проговорил он. — Глупенький, и как он только посмел удрать с такой прелестной ручки! Дай-ка я его верну на место...

Фиона протянула руку, одарив Джулиана загадочной улыбкой и взглядом из-под пушистых ресниц. Джулиан за-

стегнул на ее запястье цепочку с изумрудами, сжал руку Фионы и обернулся к компании у противоположной стены, которая просто пожирала глазами его и Фиону, хотя все изо всех сил делали вид, что увлечены разговором.

— Пойдем к нам, — предложил Фионе Джулиан. — Мы тебе анекдот расскажем — очень смешной.

Фиона улыбнулась еще загадочнее и отняла у Джулиана руку.

— Спасибо, родной. Я наверняка посмеюсь от души, когда услышу ваш анекдот. Вот только, — проговорила она, обернувшись и взяв меня за руку, — мне больше хочется выпить. Гораздо больше.

Я под руку отвел Фиону к Рэндому. Пять на четыре.

Джулиан, который всегда отличался умением скрывать эмоции, принял решение чуть позже и последовал за нами. Он сам налил себе бокал до краев, отхлебнул прилично, секунд десять-пятнадцать молча смотрел на меня, затем произнес:

— Ну, все в сборе. Когда ты нам скажешь, зачем ты нас всех собрал?

— Ты прав, — вздохнул я с облегчением. — Действительно, тянуть не стоит. Ждать больше некого. Пора, — обратился я ко всем сразу. — Устраивайтесь поудобнее.

Братья и сестры подошли поближе. Сдвинули кресла, расселись. Разлили вино по бокалам. Через минуту все были готовы слушать меня.

— Благодарю вас, — сказал я, когда шум затих. — Многое мне бы хотелось сказать вам, и наверняка кое-что интересное будет сказано. Это связано с событиями, произошедшими раньше. К ним-то мы и обратимся. Рэндом, поведай, пожалуйста, всем то, о чем говорил мне.

— Хорошо, — отозвался Рэндом.

Я уселся на стул, а Рэндом встал и сел, как раньше я, на краешек стола. Я, наклонив голову, снова выслушал рассказ о том, как его вызвал Брэнд и как он попытался спасти брата. На сей раз Рэндом излагал события более сжато, не вдаваясь в описание своих чувств и сомнений, которые, однако, виделись мне вполне отчетливо. Ощущали их и остальные — воцарилось молчаливое понимание. Я это предвидел и именно поэтому хотел, чтобы первым говорил Рэндом. Если бы начал

я и принялся выкладывать все свои подозрения, меня бы наверняка сочли закоренелым умельцем выгораживать свою персону и я бы незамедлительно услышал, как один за другим с лязгом защелкиваются засовы на дверях сознания моих дорогих братцев и сестриц. А так — что бы ни говорил Рэндом, какие бы мысли он ни высказывал (пусть даже те, которые мне не хотелось услышать), они выслушают его, и услышат даже то, о чем он промолчит, и будут удивляться, задумываться. Они будут жонглировать идеями, пытаясь угадать, ради чего же в первую голову мне понадобилось созвать их всех вместе. И я выиграю время, необходимое для того, чтобы успели пустить корни те предпосылки, на которые можно будет опереться будущим доказательствам. А еще они будут гадать — сумеем мы представить доказательства или нет. Это мне и самому было небезынтересно.

Словом, я ждал и смотрел, как все слушают Рэндома, — бесполезное, но неизбежное упражнение. Даже не подозрительность, а элементарное любопытство требовало, чтобы я следил за лицами своих милых родственников — их реакциями, догадками. За лицами, которые мне были так знакомы. И делал выводы в пределах своего понимания.

И, конечно же, я ничего не увидел. Вероятно, правы те, кто утверждает, что при первой встрече с человеком ты просто смотришь на него и только, а во время последующих встреч между вами происходит нечто вроде ментального рукопожатия. У меня слишком ленивый ум, чтобы верить этому бесповоротно, да еще и пользоваться этой точкой зрения, возводя ее в ранг закона. Такая работа не по мне. На этот раз тем не менее я трудился изо всех сил, но не добился ровным счетом ничего. Джулиан напялил на свою физиономию маску усталости и легкого удивления. Джерард, казалось, злится, поражается и задумывается попеременно. Бенедикт слушал мрачно, скептически. Ллевелла сидела печальная и непроницаемая, как всегда. Дейрдре слушала как бы вполуха, Флора — с молчаливым согласием, а Фиона за всеми приглядывала, включая и меня, — видимо, составляла свой собственный каталог реакций.

Единственное, в чем я уверился через некоторое время, так это в том, что речь Рэндома безусловно произвела впечатление. Никто из слушавших никак не выдал себя, но я видел,

что о скуке и равнодушии говорить не приходится, что в головах братьев и сестер гаснут прежние подозрения, уступая место новым. Всем было интересно. А потом общее удивление выразилось в полившемся на Рэндома потоке вопросов.

— Погодите, — прервал я родственников. — Дайте ему закончить. Расскажет до конца — и некоторые ответы появятся сами собой. А остальные вопросы зададите потом.

Кто-то кивнул, кто-то пробурчал что-то под нос, и Рэндом, продолжив рассказ, довел его до конца. То есть до драки с мерзавцами, ворвавшимися в дом Флоры, не забыв указать, что мерзавцы были точно такие же, как тот, что напал на Кейна. Флора подтвердила слова Рэндома.

Пришло время расспросов, и я с утроенным вниманием стал следить за братьями и сестрами. Покуда речь будет идти о рассказе Рэндома — все нормально. Мне было важно избавиться от подозрений, что за всем происходящим стоит кто-то из наших. Как только с этим будет покончено, разговор переключится на меня и резко запахнет жареным. Тогда-то и польются всяческие недобрые речи и создастся настроение, которое мне было вовсе не на пользу. Первым делом — доказательства, оттяжка по возможности разбирательства, потом надо обозначить виновника, если удастся, и укрепить свою позицию.

Так что я смотрел и ждал. Когда почувствовал, что роковое мгновение вот-вот пробьет, я резко остановил часы.

— Мы бы могли не прибегать ни к каким дискуссиям и размышлениям, располагай мы точными фактами, — сказал я. — А факты можно получить прямо сейчас. Для этого я вас всех и собрал.

Сработало. Получилось! Внимание. Готовность, может быть, даже желание.

— Я предлагаю разыскать Брэнда и забрать его домой, — торопливо добавил я. — Прямо сейчас. Немедленно.

— Каким образом? — спросил Бенедикт.

— С помощью карт.

— Я пробовал, — вставил Джулиан. — Ничего не выходит. Он не отвечает.

— Речь идет не об обычной манере пользоваться картами, — возразил я. — Я просил, чтобы все прибыли сюда с полными колодами. Карты у всех при себе? — Все дружно закивали. — Отлично. Давайте вытащим карту Брэнда. Я предлагаю, чтобы мы все попробовали одновременно вызвать его.

— Неплохая мысль, — согласился Бенедикт.

— Недурственная, — подтвердил Джулиан, вынимая колоду и перебирая карты. — По крайней мере, можно попытаться. Вдруг появится какая-то дополнительная энергия. Точно не знаю, но давайте попробуем.

Я вынул карту Брэнда. Подождал, пока это сделают все остальные.

— Соберемся с духом, — сказал я. — Все готовы?

Прозвучало восемь утвердительных ответов.

— Тогда... приступим. Начали.

Я смотрел на карту Брэнда. Он был очень похож на меня, только ниже ростом и более стройный. Волосы — как у Фионы. В зеленом костюме для верховой езды Брэнд сидел верхом на белом коне. Когда его запечатлели на карте? Как давно это было? Мечтатель, мистик, поэт... Брэнд вечно менял настроения — он был то возбужден, то разочарован, то циничен до предела, то, наоборот, открыт нараспашку и верил всему на свете. Его чувства, казалось, не ведают такого понятия, как золотая середина. Маниакально-депрессивный синдром — такая оценка, пожалуй, слишком примитивна для понимания характера Брэнда, однако именно это могло определять направление его вылазок из Амбера и объяснять то громадное количество препятствий, на которые он то и дело наталкивался. Что и привело, вероятно, к нынешнему положению дел.

Должен признаться, порой Брэнд виделся мне таким очаровательным, внимательным, чутким и верным, что я ставил его для себя выше всех остальных родственников. Но в другие времена... в другие времена он становился таким язвительным, саркастичным и несправедливым мерзавцем, что я старался уйти от него подальше из страха, что разозлюсь и сделаю ему что-нибудь плохое. И когда мы с ним виделись в последний раз, он пребывал как раз во второй своей ипостаси — отвратительной — незадолго до нашей ссоры с Эриком, что привела к моему изгнанию из Амбера.

...Вот с какими чувствами и мыслями я смотрел на карту Брэнда, пытаясь дотянуться до него разумом и волей, открывая для него место у себя в душе, место, которое он мог бы за-

нять по праву. А вокруг меня, похоже, тем же самым занимались и остальные.

Постепенно изображение на карте затуманилось, потом появилась иллюзия объемности. А потом — знакомый трепет, всегда испытываемый при контакте через карту. Карта стала холоднее на ощупь, изображение на ней снова воссоединилось, оформилось, приобрело остроту и реальность видения, полноту и драматичность...

...Да, похоже, он находился в темнице. За спиной Брэнда виднелась каменная стена. На полу — куча соломы. Брэнд был весь избит и изранен и прикован цепью к большому кольцу, вмурованному в стену. Цепь была довольно длинная и давала возможность передвигаться. Брэнд лежал на куче грязной соломы. Вот он пошевелился... Волосы и борода у него жутко отросли и спутались, лицо кошмарно исхудало — таким страшным я его никогда не видел. Одежда превратилась в грязные лохмотья. Похоже, он спал.

Я вспомнил, как сам томился в темнице; отчетливо вспомнил все: как там пахло, как было холодно и сыро, как одиноко, безысходно и безумно. Безумие то уходило, то подступало вновь. На счастье, Брэнда не ослепили, как в свое время меня, — его глаза раскрылись и сверкнули, когда несколько родственников одновременно окликнули его, — зеленые, подслеповатые, какие-то отрешенные глаза.

Может, беднягу накачали каким-то зельем? Или он решил, что это галлюцинация?

Брэнд пришел в себя. Попытался подняться. Протянул руку.

— Братья... — прохрипел. — Сестры...

— Я иду! — раздался громовой крик, потрясший библиотеку.

Джерард вскочил как ужаленный и перепрыгнул через свое кресло. В несколько шагов он оказался у стены и сорвал с нее громадный боевой топор. Пристегнув его ремнем к запястью, он на мгновение застыл на месте, не отрывая глаз от карты Брэнда. А потом... протянул свободную руку и тут же оказался там, где находился Брэнд, схватил его протянутую руку, и... изображение задрожало, померкло и исчезло. Контакт был прерван.

Проклиная все на свете, я перетасовал карты, на сей раз

разыскивая карту Джерарда. Найдя ее, я возобновил контакт. Медленно, постепенно. Друг за другом последовали включение, преображение... Вот!

Джерард натянул цепь и пытался перерубить ее топором. Как ни могучи были его удары, цепь не поддавалась. Наконец Джерарду удалось расплющить несколько звеньев, однако шум, производимый им, привлек внимание стражи. Двери камеры видно не было, но слева послышались топот, треск, лязг засова, визг петель. Брэнд снова приподнялся. Джерард продолжал колотить топором по цепи.

— Джерард! Дверь! — крикнул я,

— Слышу! — проревел он, обернул цепь вокруг запястья и резко дернул. Она не поддавалась.

Джерард бросил цепь и, развернувшись, занес топор над головой одного из шипоруких стражей, который бросился на него с мечом наголо. Сраженный топором Джерарда, он тут же повалился на пол, и его место занял следующий страж. Потом еще один. И еще. В камере стало тесновато — один за другим туда вбегали новые и новые ублюдки.

И вдруг картина неожиданно помутнела, кто-то двинулся, вошел в нее... и на колени рядом с Брэндом опустился Рэндом. Правой рукой он сжал руку брата, а в левой, как щит, сжимал прихваченный с собой стул, выставив его ножками перед собой. Вот он вскочил на ноги и бросился к нападающим, то размахивая стулом, то толкая его перед собой, словно таран. Враги спотыкались, падали, отступали. Рэндом поднял и опустил стул. Один из подонков валялся на полу, разрубленный топором Джерарда. Другой прыгал неподалеку, корчась от боли и сжимая в крючковатых пальцах то, что осталось от его правой руки. Рэндом свой кинжал оставил в животе у того из стражей, что был к нему ближе всех, свалил стулом еще двоих и пошел на последнего. А в это время тот из них, которого я считал мертвым, пошевелился, оторвался от пола и поплыл в воздухе, распадаясь на куски. Раненый упал на колени и потянулся за мечом.

Джерард тем временем обеими руками ухватился за цепь, уперся ногой в стену и стал тянуть. Его плечи напряглись, на спине буграми вздулись мышцы. Цепь не поддавалась. Прошло секунд десять. Пятнадцать.

И наконец с грохотом и звоном цепь распалась. Джерард

отлетел по инерции назад, но не упал — его поддержала заботливая рука. Он обернулся и увидел, как я понял, Рэндома — мне его видно не было. Похоже, Джерард обрадовался, заметив брата, присел и взял Брэнда на руки. Тот, судя по всему, снова потерял сознание. Джерард, удерживая Брэнда, протянул к нам свободную руку. Рядом с ним в поле зрения появился Рэндом, расставшийся наконец со стулом, и тоже протянул к нам руку.

Мы все, не сговариваясь, протянули руки братьям, и через мгновение они были рядом с нами. Все бросились к ним, сгрудились вокруг.

Наверное, чувства у всех были приблизительно одинаковые — радостные, торжественные. Ведь рядом с нами снова был наш брат, которого мы не видели столько лет, который наконец был свободен от взявших его в плен таинственных врагов. Возродилась надежда найти ответ на мучившие нас вопросы. Но только... он был так слаб, изможден и бледен...

— Отойдите! — крикнул Джерард. — Я перенесу его на кушетку! Потом насмотритесь, слышите, вы?!

Немая сцена. Все отшатнулись и застыли как каменные.

Потому что Брэнд был в крови, и кровь капала на пол. В левом боку Брэнда торчал нож. Но ведь его там не было несколько мгновений назад! Кто-то из наших целил ему в печень и попал.

Честно говоря, я не испытывал особого восторга от того, что гипотеза Рэндома — Корвина — за всеми пакостями стоит кто-то из нас — только что получила солидное подтверждение. Одно-единственное мгновение у меня было на то, чтобы резко сосредоточиться и употребить все свои способности, чтобы мысленно сфотографировать положение, в котором находился каждый из нас во время немой сцены. А потом картина ожила. Джерард отнес Брэнда на кушетку, и все мы выстроились рядом. Все до единого прекрасно понимали не только то, что произошло, но и то, что это значит.

— Пусть кто-нибудь принесет чистой воды, — распорядился Джерард, положив Брэнда на живот и разорвав его грязную, ветхую рубаху. — И полотенца. Физраствор, глюкозу и все прочее — я поставлю капельницу. Все, что нужно, все инструменты — быстро!

Дейрдре и Флора поспешили к выходу.

— Моя комната ближе всех! — предложил Рэндом. — Там полный набор инструментов. Пусть одна из вас идет за ним, а вторая — со мной на третий этаж, в лабораторию. Я помогу найти комплект номер четыре. — Рэндом догнал сестер. Дверь за ними закрылась. Все члены нашего семейства когда-то получили медицинское образование как в Амбере, так и за его пределами. Но то, чему нас учили в Тенях, не могло применяться в Амбере в чистом виде. К примеру, тут были совершенно бесполезны антибиотики из большинства миров Царства Теней. И потом — иммунные процессы у нас протекали совершенно иначе, чем у других народов, с которыми мы сталкивались. То есть подцепить какую-либо инфекцию нам было гораздо сложнее. А если мы и заражались, то боролись с болезнью быстрее и легче. Ну и еще надо учесть нашу способность к скоростной регенерации.

И это было вполне естественно — оригинал всегда более совершенен, чем его копии. Рано, еще в детские годы, узнавая о своей исключительности, мы и медицинское обучение проходили в юном возрасте. Как правило, это приводило к тому, что каждый из нас жил по системе «врач, исцелися сам» и с недоверием относился к другим докторам — родственникам, в особенности к тем, от врачебной помощи которых могла зависеть наша жизнь. Отчасти этим объяснялось то, что я не стал отталкивать Джерарда и настаивать, чтобы самому оказать помощь Брэнду, хотя в Тени под названием «Земля» я закончил медицинский институт — точно не упомню когда. Но это отчасти. На самом же деле Джерард просто никого близко не подпускал к Брэнду. Джулиан и Фиона, которые, вероятно, думали примерно о том же, о чем и я, попробовали подойти поближе... и наткнулись на левую руку Джерарда, выставленную наподобие шлагбаума на железнодорожном переезде.

— Нет, — заявил он твердо. — Я знаю, что нож в него всадил не я, но это все, что я знаю. Второго шанса я никому не дам.

Если бы такое ранение получил любой из нас, будучи при этом в полном здравии, я бы мог четко сказать: Джерард управится за полчаса и пациент будет жить. Но Брэнд был так слаб... с трудом верилось.

Когда вернулись трое ходивших за инструментами и лекарствами, Джерард выдернул из раны нож, омыл, зашил и

наложил повязку на ранение Брэнда. Открыл четвертый комплект, вправил молоточком и долотом переломы, укрыл Брэнда простыней и одеялом и пощупал его пульс.

— Ну как? — спросил я.

— Слабый, — ответил Джерард, потянул к себе стул и сел рядом с кушеткой. — Принесите кто-нибудь мой меч, — попросил он. — И вина. А то я выпить не успел еще. И еды какой-нибудь, жрать зверски охота.

Ллевелла поспешила к буфету, а Рэндом принес Джерарду меч и поинтересовался:

— Ты что, тут лагерем встать собираешься?

— Вот именно, — кивнул Джерард.

— А может, стоит перенести Брэнда и уложить поудобнее?

— Ему и здесь неплохо. Я решу, когда его можно будет перенести. А пока пусть кто-нибудь получше разведет огонь. Да и свечи лишние не помешают.

— Я все сделаю, — сказал Рэндом и взял в руки нож, который Джерард вынул из бока Брэнда, — тонкий стилет с лезвием примерно в семь дюймов. Рэндом положил оружие на ладонь и спросил: — Никто не узнает ножичек?

— Я — нет, — ответил Бенедикт.

— Нет, — сказал Джулиан.

— Нет, — сказал я.

Девушки молча покачали головами.

Рэндом внимательно разглядывал стилет.

— Такой легко спрятать — в рукаве, за голенищем, за корсажем... Да, тут нужны крепкие нервы...

— И отчаяние, — добавил я.

— А еще — очень точный расчет на то, что мы собьемся в кучу. Стало быть, и воображение.

— Может, это сделал кто-нибудь из стражей — там, в башне? — предположил Джулиан.

— Нет, — отрезал Джерард. — Никто из них близко к Брэнду не подходил.

— Такой стилет легко метнуть, — проговорила Дейрдре.

— Верно, — согласился Рэндом и взял стилет между пальцами, сжимая кончик лезвия. — Вот только метнуть его там ни у кого возможности не было — я точно знаю.

Вернулась Ллевелла — с подносом, на котором лежали куски нарезанного мяса и хлеба, стояли бутылка вина и кубок.

Я расчистил маленький столик и поставил его рядом со стулом, на котором сидел Джерард.

Ставя на столик поднос, Ллевелла проговорила:

— Но как же так? Тогда получается, что это сделал кто-то из нас? Зачем?

Я вздохнул:

— А как ты думаешь, чьим он был пленником?

— Что, кого-то из нас?

— Если он знает что-то такое, что до сих пор никому не было известно, — ну, как ты думаешь? Та же самая причина, из-за которой его держали взаперти там, должна была и здесь ему рот заткнуть.

Ллевелла нахмурилась:

— Все равно... бессмысленно. Почему же его тогда просто не убили и не покончили со всем этим раз и навсегда?

Я пожал плечами:

— Наверное, он был зачем-то нужен. Но на эти вопросы может ответить только один человек. Когда встретишь его, спроси.

— «Его», а может, и «ее», — поправил меня Джулиан. — И вообще, сестричка, ты меня просто потрясаешь своей наивностью — откуда она только взялась?

Ллевелла устремила на Джулиана взгляд своих ледяных глаз, подобных айсбергам, плывущим над бог весть какими глубинами.

— А вот я помню, — проговорила она, — что, как только Рэндом и Джерард с Брэндом появились, ты вскочил, обогнул письменный стол слева, встал за ним справа от Джерарда и потом так, что рук твоих из-за стола видно не было. Да еще и вперед наклонился.

— А как мне помнится, — парировал Джулиан, — ты и сама была совсем близко, слева от Джерарда, и тоже довольно сильно наклонилась.

— Ну, тогда бы мне пришлось вонзить стилет левой рукой, а я, к твоему сведению, правша.

— Может, поэтому Брэнд как раз и жив до сих пор? — съязвил Джулиан.

— По-моему, тебе очень хочется, чтобы это был кто угодно, только не ты.

— Ну-ну, — прервал я их перепалку. — Не надо, Ллевелла.

Вполне нормальная самозащита. Ясно, что это сделал кто-то из нас, но таким путем мы не выведем его на чистую воду.

— «Его» или «ее», — снова поправил меня Джулиан.

Джерард встал, упер руки в бока и грозно посмотрел на нас.

— Хватит тут орать! — рявкнул он. — Я никому не позволю тревожить больного. Рэндом, если не ошибаюсь, ты обещал подбросить в камин дров.

— Сейчас, сейчас, — спохватился Рэндом и бросился к камину.

— Давайте переберемся в гостиную за парадным залом, — предложил я. — Этажом ниже. Джерард, я поставлю у двери пару гвардейцев.

— Нет, — резко отказался Джерард. — Вот этого не надо. Я сам сюда никого не пущу. Пусть только кто сунется — утречком получишь его голову.

Я похлопал брата по плечу.

— Не кипятись. Если что-нибудь понадобится, позвони или вызови любого из нас через карты. А утром расскажем тебе обо всем, что узнаем.

Джерард уселся на стул, смачно крякнул и приступил к еде. Рэндом развел огонь и зажег новые свечи. Одеяло, которым был укрыт Брэнд, вздымалось и опадало медленно, но ровно. Мы тихо вышли из библиотеки и пошли вниз по лестнице, оставив Джерарда и Брэнда наедине с игрой огня и потрескиванием поленьев, с капельницей и флаконами лекарств.

Глава 7

Не счесть, сколько раз я просыпался среди ночи от страха, порой бросавшего в дрожь, от ночного кошмара, жуткого сна, в котором мне виделось, будто я беспомощный, слепой, снова сижу в темнице, в подземелье Амбера. Так что не сказать, чтобы мне было не знакомо состояние, в котором пребывает узник. В своей жизни я несколько раз попадал в тюрьму на различные сроки. Но воспоминания об одиночной камере и слепоте вкупе с полным ощущением конца и безнадежности легли тяжелым грузом на полку отчаяния в глубинах моего сознания.

Как правило, когда я бодрствую, я на эту полку не заглядываю, но порой по ночам они спрыгивают с полки и принимаются бешено скакать по коридорам складских помещений подсознания.

Зрелище плененного Брэнда пробудило то, о чем я старался не вспоминать, и мне стало зябко, хотя холодно не было. И теперь, сидя в кругу родственников в гостиной с плотно занавешенными шторами, я никак не мог избавиться от мысли, что кто-то из них расправился с беднягой Брэндом так, как в свое время со мной расправился Эрик. Сама по себе чья-то способность вытворить такое не была для меня большим откровением, однако сознавать, что здесь, в этой комнате, рядом с тобой сидит истинный виновник происшедшего, а ты не знаешь кто... Единственное, что меня немного успокаивало, так это то, что каждый из присутствующих тоже по-своему волновался, включая и виновного, поскольку теорема о его существовании была доказана. А ведь я почему-то всегда предполагал, что вся вина целиком и полностью лежит на чужих, на врагах. И теперь вот на́ тебе.

С одной стороны, я чувствовал, что мне еще труднее, чем прежде, сказать то, что я хотел сказать. С другой — время для выуживания информации самое что ни есть подходящее, поскольку все до единого пребывали в расположении духа, далеком от обычного. Желание сотрудничать в деле, связанном с угрозой для всех нас, могло оказаться небесполезным. И даже виновник мог возжелать вести себя точно так же, как все остальные. Кто знает, может, он поскользнется именно тогда, когда проявит излишнее усердие?

— Ну что? Хочешь предложить еще какие-нибудь маленькие эксперименты? — язвительно поинтересовался Джулиан, закинув руки за голову и развалившись в моем любимом кресле.

— Не сейчас, — ответил я.

— Жаль, — скорбно вздохнул он. — А я-то надеялся, что ты станешь предлагать в таком же духе разыскать отца. И, если бы нам повезло и мы нашли бы его, уж тут кто-то постарался бы получше и избавился от папаши наверняка. А потом мы бы все сыграли в русскую рулетку с этими новыми игрушками, которые ты приволок в Амбер, и... победителю достается все.

— Ты неверно подбираешь слова, — сказал я.

— Напротив. Я их подобрал очень верно, все до единого, — возразил Джулиан. — Столько времени потрачено на ложь, что я решил: как забавно раскрыть то, что думаешь на самом деле. Хотя бы для того, чтобы посмотреть: заметит такое кто-нибудь или нет.

— Как видишь, заметили. А еще мы заметили, что ты теперешний ничуть не лучше прежнего.

— Выбирай любого, но мы оба очень интересуемся, есть ли у тебя какие-нибудь соображения относительно того, что ты собираешься делать дальше.

— Есть, — ответил я. — Я собираюсь получить ответы на некоторые вопросы и выяснить, кто же бросает тень на всех нас. Начать можно, к примеру, с Брэнда и тех страданий, на которые его обрекли... Бенедикт, — окликнул я брата — он сидел ко мне вполоборота, задумчиво глядя на пламя в камине. — В Авалоне ты мне говорил, что Брэнд был одним из тех, кто искал меня после моего исчезновения.

— Верно, — кивнул Бенедикт.

— Не только он. Мы все искали, — уточнил Джулиан.

— Не сразу, — возразил я. — Сначала меня искали Брэнд, Джерард и Бенедикт. Бенедикт, твои слова?

— Все верно, — откликнулся Бенедикт. — Остальные подключились к поискам позднее.

Я кивнул:

— А Брэнд в это время ни о чем необычном не сообщал?

— В каком смысле «необычном»? — спросил Бенедикт.

— Не знаю. Просто пытаюсь найти какую-то связь между тем, что случилось с ним и со мной.

— Значит, не там ищешь, — буркнул Бенедикт. — Он вернулся из поисков и ничего не рассказывал. А потом его носило неизвестно где, и с расспросами к нему приставать было бессмысленно.

— Это мне известно, — согласился я. — Но из того, что мне рассказал Рэндом, я понял, что в последний раз Брэнд исчез примерно за месяц до того, как я обрел память и вернулся в Амбер. Вот это меня сильно удивляет. Хорошо, он ничего такого особенного не рассказывал после своего возвращения из поисков, но, может быть, он хоть о чем-то обмолвился до своего последнего исчезновения? В промежутке? Хоть кому-нибудь? Хоть как-то открылся? Ну, говорите же!

Последовал быстрый обмен взглядами. Взгляды были скорее удивленные, чем испуганные или подозрительные.

И наконец прозвучал голос.

— Ну... — проговорила Ллевелла. — Честно говоря, не знаю... То есть я хочу сказать, что не знаю, насколько это важно. — Взгляды всех присутствующих устремились к ней. А она принялась развязывать и завязывать узелки на концах витого пояска. Помолчав, произнесла: — Это произошло в промежутке, и, может быть, тут нет ничего такого... Просто мне это показалось не совсем обычным... Как-то раз давным-давно Брэнд оказался в Ребме...

— Когда? Точнее! — потребовал я.

Ллевелла нахмурила брови:

— Пятьдесят лет назад... Или нет, шестьдесят... А может, семьдесят. Точно не помню.

Я попытался произвести в уме грубые подсчеты на основании того коэффициента, который вывел во время своего долгого тюремного заключения. Амберский день составлял приблизительно два с половиной земных дня.

Мне хотелось связать события в Амбере с тем, что происходило со мной, расположить их на своей собственной шкале времени — этим я занимался всегда, когда только было возможно, на тот случай, если бы вдруг появились какие-то из ряда вон выходящие новости. Итак, Брэнд прибыл в Ребму в некое время, которое, по моим подсчетам, оказалось девятнадцатым столетием.

— Неважно, когда именно это произошло, — продолжала Ллевелла. — Он явился в Ребму и навестил меня. Пробыл у меня несколько недель. — Глянув на Рэндома, она добавила: — Расспрашивал меня о Мартине.

Рэндом прищурился и наклонился вперед.

— Почему, сказал?

— Ну, не то чтобы сказал, — уклончиво ответила Ллевелла. — Говорил, будто встретился с Мартином где-то во время своих странствий и вроде бы был не прочь снова с ним повидаться. Только потом, по прошествии времени, я подумала, что, может быть, поиски Мартина и были главной целью визита Брэнда. Вы же знаете, как хитер бывает Брэнд, когда что-то или кого-то ищет, а притворяется, будто не ищет. Потом, когда я переговорила кое с кем из тех, кого он еще посетил, я

начала понимать, что же на самом деле произошло. А вот почему — этого выяснить мне не удалось.

— Потрясающе, — проговорил Рэндом. — Просто потрясающе! Теперь я припоминаю... А ведь я и внимания не обратил тогда. Дело в том, что однажды Брэнд довольно долго расспрашивал меня о моем сыне — очень может быть, что примерно в то же самое время. Но не говорил мне, что встречался с ним, и даже о том, что хотел бы встретиться. Вообще-то разговор начался с того, что он затронул проблему незаконнорожденных. Я принялся оправдываться, тогда Брэнд извинился и задал несколько вежливых вопросов о мальчике — мне показалось, что он это делает только для того, чтобы я не остался в обиде. А теперь ты, Ллевелла, говоришь, что Брэнд разыскивал Мартина. Почему же ты мне раньше не рассказала?

Ллевелла очаровательно улыбнулась:

— С какой стати я должна была тебе об этом рассказывать?

Рэндом медленно, сдержанно кивнул. Лицо его оставалось спокойным.

— Хорошо. Что ты сказала Брэнду? — спросил он. — Что он о нем узнал? Что тебе известно о Мартине такого, что неизвестно мне?

Ллевелла покачала головой и перестала улыбаться.

— Ничего. Честное слово, ничего. Насколько я знаю, в Ребме ни одна душа о Мартине ничего не ведает с тех пор, как он прошел по Пути и сгинул. Не думаю, чтобы Брэнд покинул Ребму, узнав о Мартине больше, чем знал до ее посещения.

— Странно... — проговорил я. — Очень странно. А Брэнд еще к кому-нибудь приставал с подобными расспросами?

— Не припомню, — ответил Джулиан.

Остальные молча покачали головами.

— Ну что ж, возьмем этот факт на заметку и отложим пока в сторонку, — сказал я. — Хотелось бы выяснить еще кое-что. Джулиан, как я понимаю, вы с Джерардом некогда пытались пройти по Черной Дороге, и где-то в пути Джерард был ранен. Похоже, какое-то время, пока Джерард оправлялся от раны, вы провели у Бенедикта. Нельзя ли узнать о подробностях этой экспедиции?

— Похоже, ты и так все знаешь, — отозвался Джулиан. —

Ты только что самым подробным образом перечислил все тогдашние события.

— А откуда тебе об этом известно, Корвин? — поинтересовался Бенедикт.

— Я узнал об этом в Авалоне, — ответил я.

— От кого?

— От Дары, — ответил я.

Бенедикт встал, подошел и уставился на меня в упор:

— Долго ты намерен твердить эту идиотскую историю про взбалмошную девчонку?

Я вздохнул:

— Да, я повторял эту историю не единожды. И всякий раз пересказывал ее от начала до конца. Верить мне или нет — ваше дело. Но то, что я знаю, я знаю от нее.

— Прости, но тогда выходит, что ты мне не все рассказал. Про это, например, я впервые слышу.

— Но это правда или нет? — спросил я. — Про Джулиана и Джерарда?

— Правда, — ответил Бенедикт.

— Тогда давай пока оставим в покое источник информации и поговорим о том, что тогда произошло.

— Договорились, — кивнул Бенедикт. — Мне скрывать нечего. Теперь можно говорить откровенно, поскольку исчезла причина секретности. То бишь — Эрик. Он обо мне ничего не знал, как и большинство остальных. Новости из Амбера до меня доходили в основном через Джерарда. Эрик чем дальше, тем больше интересовался Черной Дорогой и в конце концов решил отправить разведчиков, дабы те прочесали ее, пройдя через Тени до самого начала. Разведчиками он избрал Джулиана и Джерарда. Неподалеку от Авалона их атаковал мощный отряд каких-то тварей. Джерард через карту позвал меня на подмогу. Мы разогнали врагов. Поскольку Джерарду в схватке сломали ногу, да и Джулиан был не в лучшем состоянии, я забрал их обоих к себе домой, после чего прервал заговор молчания, существовавший между мной и Эриком, и сообщил ему, что случилось с Джулианом и Джерардом и где они находятся. Он распорядился, чтобы они не пытались продвигаться дальше по Черной Дороге и чтобы, как только поправятся, возвращались в Амбер. До тех пор они пробыли у меня, а потом вернулись.

— Это все?

— Все.

Нет, не все. Дара мне еще кое-что рассказывала. Она упоминала еще об одном госте Бенедикта. Это я помнил совершенно отчетливо. В тот день на берегу ручья, где над занавешенным дымкой брызг водопадом стояла маленькая радуга, где без устали вертелось мельничное колесо, творя и перемалывая мечты, в тот день мы бродили по Тени и болтали, прошли через девственный лес и добрались до того самого быстрого ручья и мельничного колеса — колеса, способного перемолоть зерно для житницы богов... Там, на берегу, мы устроили пикник, флиртовали, сплетничали, и Дара наговорила мне с три короба, в том числе и уйму вранья. Но насчет экспедиции Джулиана и Джерарда она не соврала, а значит, по всей вероятности, не соврала и тогда, когда сказала, что Брэнд бывал у Бенедикта в Авалоне и не просто бывал, а часто наведывался. Да, она так и сказала: «часто».

И вот теперь Бенедикт об этом умалчивает — стало быть, не доверяет мне. Ну что же, недоверие — вполне веская причина для того, чтобы скрывать важные сведения. Черт подери, а ведь если бы я поменялся с Бенедиктом местами, я бы вряд ли себе доверял. Только идиот стал бы откровенничать в такой момент, и упрекать Бенедикта за недомолвки было глупо. Тут возможны варианты.

Не исключено, что об обстоятельствах, при которых его навещал Брэнд, он собирался поведать мне наедине. Очень может быть, тут крылось нечто такое, чего Бенедикт не хотел обнародовать здесь и сейчас, при остальных, а в особенности — в присутствии возможного убийцы Брэнда.

Либо... Либо, может быть, сам Бенедикт за всем этим и стоял. Мне даже не хотелось об этом серьезно задумываться, ибо выводы были бы ужасны. Послужив у Наполеона, Ли и Макартура, я ценил тактиков ничуть не меньше, чем стратегов. Бенедикт был и тактиком, и стратегом, причем в обеих ролях не знал себе равных.

То, что он не так давно лишился правой руки, нисколько не умаляло его способностей, даже, если на то пошло, не могло сказаться на его ловкости в боевых искусствах. Нет, мне совсем не хотелось, чтобы проклятым злоумышленником оказался Бенедикт, и я счел за лучшее не выпытывать у него то,

что он предпочел скрыть. Оставалось только надеяться, что он приберег эти сведения на потом.

И я удовлетворился его ответом, решив несколько изменить направление беседы.

— Флора, — обратился я к сестре, — тогда, после аварии, когда я впервые попал к тебе домой, ты сказала мне кое-что, чего я до сих пор так и не понял. Довольно скоро после той нашей встречи у меня появилась масса свободного времени, и как-то я припомнил наш разговор. Время от времени я мысленно к нему возвращаюсь до сих пор. Не будешь ли ты так добра объяснить мне, что ты имела в виду, когда сказала, будто в Тенях на самом деле кроется гораздо больше ужасов, чем кто-либо может себе представить?

— Ну... честно говоря, не припоминаю, чтобы я такое говорила, но, видимо, все-таки говорила, раз это произвело на тебя такое впечатление. А заговорить об этом, как ты понимаешь, я могла вот почему: Амбер, похоже, действует на примыкающие к нему Тени подобно магниту и что-то вытягивает из них; чем ближе к Амберу, тем легче такое происходит даже для существ, обитающих в Тенях. И хотя какой-то, так сказать, обмен веществ между самими Тенями существовал во все времена, явление это по мере приближения к Амберу становится все более выраженным и более односторонним. Проникновение сюда странного и незнакомого для нас никогда не было секретом. Что еще сказать? Ну, например, за несколько лет до твоего возвращения таких проникновений стало больше, и почти всегда сюда попадало что-то опасное. Чаще всего в Амбер попадали знакомые существа из непосредственно примыкающих к нему Теней. Но время шло, и сюда стали проникать существа из все более и более далеких миров. Чем дальше, тем больше среди них попадалось совсем уж неведомых. Причину такого неожиданного вторжения понять было невозможно, хотя мы довольно-таки старательно искали отклонения, способные его вызвать. Короче говоря, происходило непредвиденное проникновение через Тени, издалека.

— И что, это на самом деле началось, когда отец еще был здесь?

— О, да. Я же сказала: за несколько лет до твоего возвращения.

— Ясно. А никому в голову не пришло усмотреть некую связь между этими событиями и отъездом отца?

— Естественно, пришло, — отозвался Бенедикт. — Я до сих пор думаю, что он уехал именно поэтому. Либо на разведку отправился, либо на поиски средств борьбы с угрозой.

— Это всего лишь предположение, — возразил Джулиан. — Ты же знаешь отца. Он о причинах распространяться не любил.

Бенедикт пожал плечами.

— Предположение логичное, — сказал я. — Как я понимаю, он говорил о том, что его беспокоит, то есть о миграции всякой пакости.

Я вынул колоду и нашел карту Джерарда; в последнее время у меня появилась привычка не расставаться с картами. Остальные молча смотрели на меня. Через считанные мгновения произошел контакт.

Джерард все так же сидел на стуле, положив меч на колени, и жевал. Уловив мой вызов, он проглотил кусок и спросил:

— Да, Корвин, чего тебе?

— Как там Брэнд?

— Спит. Пульс получше. Дышит ровно. Но пока еще рано...

— Знаю, — оборвал я Джерарда. — Я только хотел спросить тебя, может, ты помнишь... Ближе к отъезду отец не говорил ли чего-то такого, что объясняло бы причину отъезда, — ну, к примеру, что он обеспокоен проникновением в Амбер странных существ?

— Это называется, — встрял Джулиан, — наводящим вопросом.

— Связь могла быть, это точно, — ответил Джерард. — Он вроде бы нервничал, что-то его все время тревожило. Да, время от времени он проговаривался насчет странных существ. Но, правда, никогда не говорил, будто это — его главная забота. Однако не говорил и о том, что его главная забота нечто совсем другое.

— То есть?

Джерард мотнул головой:

— Да что угодно. Я... Да, есть кое-что... Пожалуй, тебе стоит узнать, независимо от того, важно это или нет. Через не-

которое время после исчезновения отца я пытался выяснить одну подробность, а именно: был ли я последним из тех, кто его видел. И я уверен — так оно и было. Я весь вечер проторчал тогда во дворце, а к ночи собирался вернуться на флагманский корабль. Отец ушел примерно на час раньше меня, а я еще посидел — мы резались в шашки с капитаном Тобеном в караульной комнате. Поскольку мы на следующее утро отплывали, я решил прихватить с собой какую-нибудь книжку, вот и пришел сюда, в библиотеку. Отец сидел вот здесь, за письменным столом, — сказал Джерард и кивнул в сторону стола. — Он даже не переоделся, сидел и просматривал какие-то странные фолианты. Кивнул мне, когда я вошел, а я ему сказал, что мешать не буду, только книжку возьму и уйду. Он что-то пробурчал насчет того, что куда же еще за книжками ходить, как не сюда, и продолжал чтение. Я замешкался, рыская по полкам, а отец еще проворчал, что, мол, не спится. Я нашел нужную книжку, пожелал ему доброй ночи, а он мне — счастливого плавания, и я ушел. — Джерард опустил взгляд и проговорил: — Теперь я помню четко: в ту ночь на нем был Судный Камень — висел на цепочке на груди, как сейчас у тебя. А еще я уверен в том, что раньше, вечером, Камня на отце не было. Я долго потом думал об этом, ведь он всегда брал с собой Камень, когда куда-нибудь отправлялся. В покоях его — ни намека на то, что он переодевался перед дорогой. Камня я с тех пор не видел до того дня, когда вас с Блейзом не разбили около Амбера. Тогда Камень был на Эрике. Когда я спросил его, откуда Камень, он сказал, что нашел его в отцовских покоях. Не имея четких доказательств, что такого в принципе быть не могло, я принял слова Эрика на веру. Ты задал вопрос, я увидел на твоей груди Судный Камень — вот и вспомнил про тот вечер и решил, что тебе стоит узнать об этом.

— Спасибо, — сказал я. На языке у меня вертелся еще один вопрос, но я решил пока его не задавать. Ради спокойствия остальных родственников я спросил: — Значит, ты считаешь, что Брэнду не надо больше одеял? Или еще чего-нибудь? — Джерард молча отсалютовал мне поднятым бокалом и выпил до дна. — Отлично, — сказал я. — Желаю успехов, — и провел рукой по карте Джерарда.

— Брат наш Брэнд, похоже, поправляется, — сообщил я

всей компании. — А Джерард сказал мне, что не припоминает, будто отец говорил о чем-то таком, что напрямую связывало бы его отъезд с проникновением злобной силы в Амбер. Интересно, что вспомнит Брэнд, когда очнется?

— Если очнется, — уточнил Джулиан.

— Думаю, очнется, — сказал я. — Дело житейское, бывало и похуже с каждым из нас. Наша жизнестойкость — одна из немногих вещей, в которые еще можно верить. По моим подсчетам, Брэнд должен прийти в себя к утру.

— Что ты намерен делать с виновным, если Брэнд назовет его?

— Допросить, — ответил я.

— В таком случае я хотел бы участвовать в допросе. У меня такое подозрение, что на сей раз ты прав, Корвин: тот, кто похитил и пленил Брэнда, может быть повинен и в нашей вражде, в исчезновении отца и гибели Кейна. Раз так, то лично я предвкушаю истинное наслаждение от предстоящего допроса. А потом мне бы хотелось лично перерезать глотку злодею.

— Мы это учтем, — сказал я.

— Но и ты не свободен от подозрений, Корвин.

— Понимаю.

— Я должен сказать кое-что, — вмешался Бенедикт, перехватывая инициативу у Джулиана. — Меня волнует как сила врага, так и не оставляющая никаких сомнений его цель. Я уже не раз имел несчастье сталкиваться со злобными тварями, и совершенно ясно: они жаждут крови. Если все-таки на минуточку поверить в твою байку, Корвин, о странной девице Даре, то ведь ее последние слова резюмировали отношение врагов ко всем нам: «Амбер будет уничтожен». Не побежден, не наказан — уничтожен. Скажи, Джулиан, ты ведь не отказался бы стать верховным правителем, а?

Джулиан криво усмехнулся.

— Разве что через годик примерно в это же время, — промолвил он. — Сейчас — увольте, благодарю покорно.

— Вполне готов допустить, — продолжал Бенедикт, — что ты — да и любой из нас — воспользовался наемниками или привлек на свою сторону чужаков ради захвата власти. Но я не могу представить, чтобы ты или кто-то другой образовал альянс с силами столь могущественными, чтобы сами они превратились в такую жуткую, страшную беду, будучи направленными не на завоевание, а на уничтожение. Я не могу в толк взять, чтобы ты, я, Корвин — да кто угодно — могли стремиться к разрушению Амбера или стали бы связываться с теми, кто на такое способен. Вот почему мне не по душе мысль Корвина о том, что за всем этим стоит кто-то из нас.

Я был вынужден кивнуть. Не скажу, чтобы я не понимал слабости этого звена в цепи своих умозаключений. Но слишком много было неизвестного. Я мог бы предложить альтернативные гипотезы, как Рэндом, но догадками ничего не докажешь.

А Рэндом сказал следующее:

— Может быть, кто-то из наших вошел с чужаками в сговор, но недооценил их? Виновник теперь не в лучшем положении по сравнению со всеми остальными — точно так же обливается холодным потом. Может быть, он теперь уже не в состоянии изменить ход событий, даже если хочет этого.

— Мы могли бы предоставить ему такую возможность, — сказала Фиона. — Пусть немедленно признается нам, кто его приспешники. Если нам удастся сдержать Джулиана, да и всех остальных, чтобы не кинулись на него тут же с ножом, пусть раскроется, если догадка Рэндома верна. Виновный не станет посягать на престол, да он, видимо, и раньше к этому не стремился. Ему будет сохранена жизнь, а он мог бы уберечь весь Амбер от грозящей ему беды. Кто согласен со мной?

— Я, — сказал я. — Я согласен сохранить ему жизнь, если он признается. Но он должен понять, что остаток дней своих проведет в темнице.

— Я согласен, — сказал Бенедикт.

— Я тоже, — сказал Рэндом.

— Я тоже, но с одним условием, — сказал Джулиан. — Только если он лично невиновен в гибели Кейна. Если виновен — не согласен. И доказательства, безусловно.

— Сохранить жизнь и заключить в темницу... — задумалась Дейрдре. — Что ж, я — за.

— Я тоже, — сказала Флора.

— Я тоже, — сказала Ллевелла.

— Скорее всего Джерард тоже согласится, — добавил я. — За Брэнда ручаться не могу. Боюсь, он может оказаться против.

— Давайте спросим Джерарда, — предложил Бенедикт. —

Если Брэнд будет против и окажется единственным несогласным, виновник будет знать, что опасаться ему надо будет одного-единственного противника. Пусть тогда сам голову ломает, как ему быть.

— Хорошо, — кивнул я после непродолжительного раздумья и снова вызвал на связь Джерарда.

Тот выразил согласие с нашим предложением.

А потом мы все встали и принесли клятву единорогу Амбера — Джулиан произнес клятву с поправкой, — а еще мы поклялись, что любой из нас, кто нарушит клятву, пойдет в темницу. Честно говоря, я считал, что от клятвы толку чуть, но семейное единство всегда так греет душу!

После этого все заявили, что намерены провести ночь во дворце, очевидно, желая этим доказать, будто не боятся того, что может сказать очнувшийся к утру Брэнд, а в особенности же чтобы продемонстрировать свою решимость не покидать города даже в том случае, если Брэнд ночью умрет. Каждый понимал, что подобная верность общему делу не забывается. Я, поскольку больше вопросов к родственникам не имел и поскольку никто из присутствующих не порывался назвать себя виновным, вытянулся в кресле и молчал. Компания разбилась на группы по двое, по трое, и принялись болтать. Одной из главных тем было наведение порядка в семейной портретной галерее в библиотеке, ну и, конечно, никто не выразил жгучего желания взять на себя инициативу в этом деле. Я курил и помалкивал.

Небезынтересную мысль высказала Дейрдре. Мысль заключалась в том, что сам Джерард и покушался на жизнь Брэнда и что остался с ним не потому, что хочет его спасти, а для того, чтобы иметь полную возможность заткнуть Брэнду рот окончательно, пока мы тут все сидим. И если это так, тогда Брэнду уж точно не дотянуть до утра. Умно. Но мне не верилось в такое. Остальные на это предположение тоже не купились — никто не вызвался подняться в библиотеку и вышвырнуть оттуда Джерарда.

Скоро ко мне подошла Фиона и уселась рядышком.

— Как я погляжу, твой гардеробчик пополнился красивой вещицей, — сказала сестра, протянула руку и взяла изящными пальчиками Судный Камень. Некоторое время она разглядывала его, потом подняла глаза и посмотрела на меня. — Ты умеешь заставлять его творить для тебя чудеса?

— Немножко, — ответил я.

— Значит, ты уже знаешь, как его настраивать? Он связан с Путем, верно?

— Да. Эрик меня просветил насчет того, как им пользоваться. Перед смертью.

— Ясно.

Фиона отпустила Камень и отвела взгляд к камину.

— А рассказал он тебе, что в обращении с Камнем необходима предосторожность? — спросила Фиона, не глядя на меня.

— Нет, — ответил я.

— Забавно, почему? Из-за обстоятельств или из-за самого принципа действия?

— Ну, видишь ли... У Эрика тогда было важное дело — он умирал, и это в значительной степени сократило нашу с ним беседу.

— Не сомневаюсь. Я о другом. Я пытаюсь понять, что было сильнее: его ненависть к тебе или стремление к престолу. Может быть, он сам не знал, какие принципы лежат в основе действия Камня.

— Ты-то что об этом знаешь?

— А вспомни, как умирал Эрик. Когда это произошло, меня здесь не было, но к похоронам я поспела. Я присутствовала, когда Эрика готовили к погребению — обмывали, брили, облачали, и видела его раны. Не поверю, чтобы хоть одна из них сама по себе была смертельной. Три ранения в грудь, и только одно из них более или менее глубокое.

— Могло бы хватить и одной раны, если...

— Погоди, — оборвала меня Фиона. — Это было не просто, но я попыталась определить угол прокола тоненькой стеклянной палочкой. Хотела сделать надрез, но Кейн не позволил. И все-таки я не верю, чтобы у Эрика пострадало сердце или крупные артерии. Аутопсию и сейчас провести не поздно, если хочешь, чтобы я довела дело до конца. Конечно, раны и общий стресс сыграли свою роль, но мне кажется, что добил его Камень.

— Почему ты так думаешь?

— Кое о чем говорил Дворкин, когда я у него училась, да и сама кое-что подмечала. А Дворкин говорил, что, хотя Ка-

мень и дарит своему владельцу необычные способности, он также представляет угрозу для его жизни. И чем дольше его носишь, тем сильнее он вытягивает жизнь. Позднее я стала обращать внимание на то, что отец надевал его исключительно редко и никогда не носил подолгу.

Мои мысли вернулись к Эрику — к тому дню, когда он лежал, умирая, на склоне Колвира, а рядом с ним еще кипела битва. Я вспомнил, каким увидел его тогда: он лежал бледный, тяжело дышал, по груди его текла кровь, а Судный Камень, висящий на цепочке, пульсировал, словно сердце, в промокших складках одежды Эрика. Ни раньше, ни потом я не видел, чтобы Камень вел себя подобным образом. Я заметил, что пульсация Камня становится все слабее, а когда Эрик умер и я сложил его руки на груди, Камень успокоился и перестал пульсировать.

— А что ты знаешь о том, как работает Камень? — спросил я Фиону.

Она покачала головой:

— Дворкин считал это государственной тайной. Я знаю только самые очевидные вещи: с помощью Камня можно управлять погодой, ну еще, по некоторым замечаниям отца, я поняла, что Камень способен усиливать интуицию и обострять восприятие. Дворкин говорил о Камне прежде всего как о примере проникновения Пути во все то, что дает нам силу, — даже в картах он присутствует, если присмотреться получше. А еще он говорил, что Камень — частный случай закона сохранения энергии: все наши исключительные способности имеют свою цену. Чем выше талант, тем больше за него платят. Карты — мелочь, но даже их использование отнимает какие-то силы. Прохождение через Тени, то есть эксплуатация того прообраза Пути, который есть в каждом из нас, требует еще большей отдачи. Физическое прохождение по Пути — колоссальная потеря собственной энергии. А вот про Судный Камень Дворкин говорил, что он... ну, как бы на целую октаву выше, чем все остальное, и стоит своему владельцу, соответственно, намного больше.

Вот вам, пожалуйста, еще один штришок к портрету моего покойного и самого ненавистного братца. Если он знал об этом качестве Камня и все-таки взял его и так долго носил ради защиты Амбера, фигура Эрика вырастала поистине до

героических высот. В таком случае то, что он передал мне Камень, ни о чем не предупредив, выглядело не чем иным, как последней попыткой отомстить. Он бы, конечно, оправдывался, будто умолчал о пагубных свойствах Камня ради того, чтобы я с полной отдачей воспользовался им по назначению: в борьбе против наших врагов. А это, конечно же, означало, что их он ненавидел больше, чем меня, а потому потратил свои угасающие силы в стратегическом плане так, что лучше просто не придумаешь — на благо Амбера.

Записи Дворкина, найденные в указанном мне Эриком тайнике, сохранились не полностью. Не могло ли быть так, что Эрику они достались полностью, а он взял да и изъял из них именно ту часть, где говорилось о мерах предосторожности в обращении с Судным Камнем? И тем самым проклял меня, своего преемника? Нет, это навряд ли. Он ведь не мог предугадать, когда именно я вернусь и каким образом, что битва потечет так, как потекла, и что я на самом деле стану его преемником. Преемником Эрика мог стать любой из его фаворитов, а уж фавориту он такое наследство вряд ли бы оставил. Нет, решил я. Либо Эрик сам не знал об отрицательных свойствах Камня и записи Дворкина достались ему с купюрами, либо записи попали кому-то в руки раньше, чем я их нашел, и этот кто-то выкрал соответствующие страницы, дабы я пребывал в опасной для жизни уверенности, что все в порядке. Опять-таки это могла сделать рука все того же врага.

— А защититься от этого свойства Камня можно, не знаешь? — спросил я Фиону.

— Не знаю, — ответила она. — Могу изложить тебе только свои косвенные соображения — вдруг пригодятся. Во-первых, отец никогда не носил Камень подолгу. Во-вторых, можно опереться на некоторые из отрывочных замечаний отца, типа: «Когда видишь, что люди обращаются в статуи, ты либо попал не туда, куда собирался, либо угодил в беду». Время от времени я пробовала выпытать у отца какие-нибудь подробности, и у меня сложилось такое впечатление, что первые признаки, указывающие на то, что носишь Камень слишком долго, — это какие-то нарушения восприятия, выражающиеся в первую очередь в оценке течения времени. Может быть, у владельца Камня ускоряется общий обмен веществ и возникает такое чувство, будто жизнь в окружающем мире замедля-

ется. Наверное, это тяжко. Вот и все, что мне известно. А ты его уже долго носишь?

— Да не очень, — ответил я, проверяя свой ментальный пульс и пытаясь понять, не замедлилась ли уже жизнь вокруг меня.

Дать определенного ответа на этот вопрос я не мог, хотя чувствовал себя не лучшим образом. Правда, мне казалось, что причина моего неважного самочувствия — драка с Джерардом, но признаваться в этом мне не хотелось никому из членов семейства, даже Фионе, проявляющей поистине чудеса дружелюбия. Гордыня? Подозрительность? Да нет, элементарная осторожность, вот и все. Ну и, конечно, самое обычное недоверие — я ведь всего несколько часов назад надел Камень. Подожду.

— Ну что ж, — сказала Фиона, — ты, видимо, не просто так нацепил его. Я лишь хотела предупредить тебя, что подолгу носить Камень опасно, пока не разузнаешь о нем побольше.

— Спасибо, Фи. Я его скоро сниму. Очень благодарен тебе за все, что ты рассказала. Кстати, а что стряслось с Дворкином?

Фиона потерла кончиками пальцев висок.

— С ума сошел, бедняга. Хочется верить, что отец нашел для его ссылки какой-нибудь уютный уголок в Царстве Теней.

— Ну да, — кивнул я. — Ладно, давай будем думать, что так оно и есть. Бедолага.

Джулиан закончил разговор с Ллевеллой, встал, выпрямился, кивнул ей и подошел ко мне.

— Ну, Корвин, сочинил еще какие-нибудь вопросы? — спросил он.

— Такие, какие хотел бы задать прямо сейчас, — нет.

Джулиан улыбнулся:

— И сказать нам больше ничего не хочешь?

— Пока нет.

— И никаких там экспериментов, представлений, ребусов?

— Нет.

— Превосходно. В таком случае я отправляюсь на боковую. Доброй ночи. — Он отвесил поклон Фионе, помахал Бенедикту и Рэндому, по пути к двери кивнул на прощание

Флоре и Дейрдре. На пороге обернулся и добавил: — Теперь можете перемывать мне кости. — И вышел.

— Превосходно, — проговорила Фиона. — Этим и займемся. Я думаю, это он.

— Почему? — спросил я.

— Я, с твоего позволения, пройдусь по всему списку — пускай субъективно, пускай интуитивно и поверхностно, все равно. Бенедикт, на мой взгляд, вне подозрения. Если бы он так жаждал взойти на престол, он бы уже своего добился, причем взял бы его бесхитростными, военными методами. Запасом времени Бенедикт располагал и давно бы мог осуществить успешное нападение на Амбер, даже при отце. Он на такое способен, это всем известно. Что касается тебя, то ты совершил массу промахов, которых мог бы избежать, находись ты в полном здравии и владей своими способностями в полной мере. Вот почему я верю в твои истории насчет амнезии и всего такого прочего. Никто не даст себя ослепить добровольно, из одних только стратегических соображений. Джерард сейчас пытается доказать свою невиновность. Я думаю, он и с Брэндом возится скорее именно поэтому, чем из желания его спасти и уберечь. Как бы то ни было, очень скоро мы все узнаем или получим новую почву для подозрений. Теперь Рэндом. За ним слишком долго и упорно присматривали, чтобы у него была возможность вытворить хоть что-нибудь из того, что произошло. Словом, он исключается. Из нас, представительниц слабой половины семейства, у Флоры недостает ума, у Дейрдре — кишка тонка, а у Ллевеллы нет никаких причин такими пакостями заниматься — она счастлива где угодно, только не здесь. Ну а меня можно винить во всех смертных грехах, кроме злодейства. Остается Джулиан. Способен он на такое? Да. Мечтает воссесть на престол? Конечно. Были у него время и возможности? Хоть отбавляй. Он тот, кого ты ищешь.

— Разве он стал бы убивать Кейна? — спросил я. — Ведь они дружили.

Фиона скривилась.

— У Джулиана нет друзей, — сказала она. — Он холоден, как лед, и думает только о себе. Да, в последние годы он, пожалуй, ближе всех был с Кейном, чем с кем-нибудь еще. Но даже это... даже это могло быть частью общего плана. Играть в

дружбу так долго, чтобы теперь не заподозрили в убийстве. Я не верю в способность Джулиана к сильным привязанностям, а потому могу допустить такое.

— Даже не знаю, — проговорил я. — Дружба Джулиана с Кейном — из области событий, имевших место в мое отсутствие, и я о ней знаю только понаслышке. И все-таки то, что Джулиан искал дружбы с человеком, схожим с ним по характеру, — это мне вполне понятно. А схожи они были во многом. И дружба, склонен полагать, у них сложилась настоящая. Поэтому я не верю, чтобы один мог предать другого, когда двое дружат столько лет. Такое возможно только тогда, когда один из друзей туп как пробка, а про Кейна такого не скажешь. И... Хорошо, вот ты говоришь, что твоя оценка субъективна, интуитивна и поверхностна. В этом я с тобой солидарен. Мне просто противно думать, что кто-то может быть таким жутким злодеем, чтобы так поступить с единственным другом. Вот почему мне кажется, что с твоим перечнем не все гладко.

Фиона вздохнула:

— Для того, кто прожил на свете столько лет, Корвин, стыдно нести такую чушь. Может быть, это за годы пребывания там, где ты жил, ты так переменился? Много лет назад ты не хуже меня видел очевидное.

— Может, и переменился. А может быть, переменилась ты, Фиона? Ты стала циничнее, чем та маленькая девочка, которую я знал когда-то. Пожалуй, тогда, много лет назад, такое не показалось бы тебе очевидным.

Она очаровательно улыбнулась:

— Никогда не говори женщине, что она переменилась, Корвин. Разве что к лучшему. Кстати, это правило ты раньше знал и соблюдал. А... вдруг ты — это не ты, а всего-навсего одна из теней Корвина, посланная сюда затем, чтобы страдать за него и запугивать всех нас? А вдруг настоящий Корвин сейчас не здесь, а неизвестно где и смеется над всеми нами?

— Я здесь, — ответил я. — И я не смеюсь.

Фиона громко расхохоталась.

— Ага, вот и попался! — воскликнула она. — Теперь я точно знаю, что ты — это не ты! Внимание! Прослушайте объявление, все! — вскричала Фиона, вскочив с места. — Я только что установила, что это не настоящий Корвин, а одна из его

Теней! Этот тип только что разглагольствовал о вере в дружбу, честь, благородство духа и всякое такое, про что пишут только в дешевых романах! Как я его раскусила, а?!

Остальные удивленно уставились на Фиону. А она вновь расхохоталась, вдруг обмякла и упала в кресло.

Я услышал, как Флора процедила сквозь зубы «напилась» и продолжила свой разговор с Дейрдре.

— Да, Тени — это очень интересно, — проговорил Рэндом и вернулся к беседе с Бенедиктом и Ллевеллой.

— Вот видел? — пробормотала Фиона.

— Что?

— Ты нематериален, — сообщила она и хлопнула меня по колену. — Да и я тоже, если задуматься хорошенько. Ужасный был день, Корвин.

— Да. Я себя тоже паршиво чувствую. Я-то думал: какая отличная мысль — вытащить Брэнда. Мало того — получилось! Но вот лучше ли ему от этого — вот вопрос.

— Ты только не переживай, — посоветовала мне Фиона. — Тебя же нельзя винить за то, что все так вышло.

— Спасибо, утешила.

— Думаю, Джулиан был прав, — сонно проговорила Фиона. — Я тоже спать хочу. Нет сил.

Я встал и проводил ее до двери.

— Я в порядке, — шепнула она. — Честное слово.

— Точно?

Фиона резко кивнула.

— Утром увидимся.

— Надеюсь, — сказала она. — А теперь можете посплетничать и про меня.

Фиона подмигнула мне и вышла.

Я обернулся. К двери шли Ллевелла и Бенедикт.

— Уходите? — спросил я.

Бенедикт кивнул.

— Пора, — сказала Ллевелла и поцеловала меня в щеку.

— Это за что? — поинтересовался я.

— Много за что, — сказала Ллевелла. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Рэндом, ссутулившись, присел у камина и ворошил кочергой поленья.

— Если ты ради нас, то можешь не стараться, — сказала ему Дейрдре. — Мы с Флорой идем спать.

— Ладно, — кивнул Рэндом, отложил кочергу и встал. — Приятных сновидений.

Сестры улыбнулись: Дейрдре — сонно, Флора — нервно. Я тоже пожелал им доброй ночи и проводил взглядом.

— Ну как? — спросил Рэндом. — Узнал что-нибудь новенькое и ценное?

— А ты?

— Да так... Мнения, предположения... Новых фактов — ноль. Мы все пытались угадать, кто будет следующим по списку.

— И?..

— Бенедикт думает, что это дело жребия — ты или он. Если, конечно, не ты все затеял. А еще он думает, что твоему дружку Ганелону следует быть поосторожнее.

— Ганелон... Да, верно. И подумать об этом следовало бы мне. Насчет жребия Бенедикт, похоже, тоже прав. Только положение Бенедикта, пожалуй, хуже моего будет: ведь враги знают, что я настороже после попытки покушения.

— А я бы сказал, что теперь ни для кого не секрет, что и Бенедикт не дремлет. Он ухитрился это всем втолковать. Его врасплох не застанут.

Я хмыкнул:

— Ну, стало быть, монета стоит на ребре. Жребий — ни дать ни взять.

— И это он тоже сказал — естественно, понимая, что я передам тебе его слова.

— Ясно. Мне бы, конечно, хотелось с ним еще потолковать. Но... Нет, пока я больше ничего со всем этим поделать не в силах. К чертям!.. Пойду спать.

— Не забудь только под кровать заглянуть на всякий случай.

Мы вместе вышли из гостиной и направились через зал.

— Эх, Корвин, — покачал головой Рэндом, — как жаль, что ты не догадался захватить кофе в придачу к ружьям. Не отказался бы сейчас от чашечки.

— А спать потом как? Тебя что, кофе не возбуждает?

— Нет. Люблю вечерком выпить чашечку-другую.

— А я по утрам страдаю. Надо будет закупить где-нибудь кофейку, когда вся эта кутерьма успокоится.

— Надежда слабая, но идея хорошая. Кстати, что это на Фи нашло?

— Она считает, что виновник всех бед — Джулиан.

— Может быть, она недалека от истины.

— Но Кейн... это же невозможно!

— Допускаю, что тут замешан не один человек, — начал рассуждать Рэндом, когда мы пошли вверх по лестнице. — Скажем так: их было двое, Джулиан и Кейн. А потом они взяли и повздорили. Джулиан избавился от Кейна и использовал его гибель, чтобы и тебе подгадить. Ты же знаешь, бывшие друзья — худшие враги.

— Все бесполезно. — Я пожал плечами. — У меня голова кругом идет от этого копания в вероятностях. Придется либо ждать, пока что-нибудь еще случится, либо сделать так, чтобы что-то случилось. Второе предпочтительнее. Но только не сегодня...

— Эй, Корвин! Куда ты так несешься? — крикнул отставший от меня Рэндом.

— Прости, — сказал я, подождав его на лестничной клетке. — Сам не понимаю, что со мной. Спурт на финише, наверно.

— Излишек нервной энергии, — поставил диагноз Рэндом, догнав меня.

Мы снова зашагали рядом, и я с трудом приноровился к размеренной поступи Рэндома, борясь с желанием идти быстрее.

— Ну, приятных снов, — сказал он наконец.

— Доброй ночи, Рэндом.

Он поднялся выше, а я пошел по коридору к своим комнатам. Видимо, на ту пору я жутко устал, потому что у двери выронил ключ.

Поймав его на лету, я успел удивиться тому, как медленно он падал — гораздо медленнее, чем должен был. Я вставил ключ в замочную скважину, повернул...

В комнате было темно, но я решил не зажигать ни свечу, ни масляный светильник. Глаза мои уже почти привыкли к темноте после полутемного коридора. Я обернулся к окну — сквозь шторы пробивался звездный свет — и пошел через комнату, на ходу расстегивая ворот рубахи.

Он ждал меня в спальне, слева от двери. Позиция была выбрана очень правильно, и он не выдал себя ни единым шорохом. Естественно, я на него наткнулся. Все как надо — идеальная стойка, кинжал наготове плюс моя растерянность. Видимо, по замыслу я должен был умереть на месте — не в своей постели, — а прямо на пороге спальни пасть к ногам злодея. Я все понял, как только перешагнул порог. Заслоняясь рукой от удара, я прекрасно сознавал, что уже слишком поздно. Но вот что меня поразило за те считанные мгновения, пока кинжал еще не успел коснуться меня, так это то, как медленно двигалась рука злоумышленника. А ведь он меня ждал, волновался — значит, действовать ему следовало быстро и резко. Он не должен был давать мне времени на то, чтобы развернуться и заслониться рукой!

Мое предплечье ударилось о занесенную для удара руку врага, рыжая дымка заволокла все поле зрения, и почти в тот же миг острый стальной клинок уперся мне в живот и вошел в него. Мне показалось, будто на мгновение на красном фоне проступил бледный рисунок того космического варианта Пути, что я видел днем раньше. Я согнулся и упал, уже не в силах думать. Сознание осталось со мной еще на миг, а образ Пути стал четче, приблизился... Мне хотелось бежать, скакать во весь опор, спасаться, но лошадка моего тела споткнулась и сбросила меня.

Глава 8

Каждому за жизнь положено пролить хоть немного крови. Увы, я опять столкнулся с этой печальной необходимостью, и похоже было, что крови пролилось немало. Я лежал на боку, скрючившись, обеими руками обхватив живот. Я весь промок и чувствовал, как противно пульсируют мышцы в области диафрагмы. Спереди и сбоку, чуть повыше ремня, я нащупал края раны, напоминавшие грубо вспоротый конверт. Первая мысль была такая: «Чего он еще ждет?» По всей вероятности, coup de grâce[1] откладывается. Почему, интересно?

Я открыл глаза. Они, как ни странно, не подвели меня. Уж

[1] Coup de grâce — завершающий смертельный удар *(фр.)*

не знаю, сколько времени я провалялся без сознания, но в темноте видел отлично. Я поднял голову. В комнате, кроме меня, никого не было. Но случилось что-то необычное, а вот что — я пока понять не мог. Я закрыл глаза и снова уронил голову на матрас. Что-то было неправильно и в то же время правильно...

Матрас... Да, я лежал на кровати. Сам я до нее вряд ли мог добраться. Что за идиотство? Пырнуть меня кинжалом, а потом перенести на кровать? Моя кровать? Моя. И не моя.

Я зажмурился. Скрипнул зубами. Я ничего не понимал. Мысли у меня из-за болевого шока могли быть путаные, бессвязные, я потерял много крови. Я изо всех сил пытался заставить себя думать ясно и трезво, но это было нелегко.

Моя кровать... Такое бывает: когда ты растерян и пытаешься что-то сообразить, начинаешь с того, в своей ли ты постели. Я очнулся в своей постели, но...

Мне жутко хотелось чихнуть, но я сделал над собой усилие и сдержался, понимая, что, чихни я сейчас, — и просто тресну по швам. Я зажал ноздри и сделал несколько коротких резких вздохов через рот. Воздух был жутко напичкан пылью — даже ртом ощущался ее запах и вкус. Чихать расхотелось. Я открыл глаза, наконец поняв, где нахожусь. Как я тут оказался — ума не приложу, но попал я в то место, в которое, по моим расчетам, не должен был уже попасть никогда. Я опустил правую руку и попытался приподняться. Моя спальня в моем доме. В моем старом доме. В том доме, в котором я когда-то был Карлом Кори. Меня забросили в ту Тень, в тот насквозь пропыленный дом. Кровать никто не прибирал с тех пор, как я тут жил в последний раз, а это было лет пять тому назад. Я отлично помнил, в каком состоянии дом, — я своими глазами видел его несколько недель назад.

Я осторожненько сел, попытался спустить ноги с кровати. От боли согнулся пополам. Плохо дело.

Чихать больше не хотелось, но я понимал, что это слабое утешение. Необходимо позвать кого-то на помощь, сам себе помочь я был не в силах. Я не был уверен даже в том, долго ли сумею пробыть в сознании. Нужно встать и выбраться из дома. Телефон наверняка отключен, а до ближайшего жилья отсюда далековато. Надо хотя бы до шоссе добраться. Я смутно помнил, что одной из причин, почему я здесь поселился, как

раз было то, что шоссе довольно тихое. Я ведь время от времени обожаю затворничество...

Правой рукой я нащупал ближайшую подушку и стянул с нее наволочку. Вывернул ее, сложил, как мог, вышло плоховато... отряхнул, затолкал под рубашку и прижал к ране. Посидел. Наваливалась жуткая слабость — дышать поглубже и то было трудно.

Чуть позже я дотянулся до второй подушки, ухитрился положить ее на колени и стащить с нее наволочку, которой решил воспользоваться в качестве белого флага, коим собирался помахать, если по шоссе будет проезжать машина. Запихивая наволочку за ремень, я не мог не удивиться поведению подушки. Она упала с моих колен и все никак не приземлялась на пол — летела и летела, страшно медленно. И я вспомнил о том, что примерно так же падал ключ, оброненный мной перед дверью комнаты. Вспомнил и то, как быстро, непривычно быстро я шагал по лестнице рядом с Рэндомом. Вспомнил предостережения Фионы насчет Судного Камня... А Камень был жив-здоров, висел себе на цепочке у меня на груди и пульсировал в такт с моим окровавленным боком. Может быть, он спас мне жизнь? Да, вероятно — если верить тому, что говорила Фиона. Наверное, Камень даровал мне мгновение, которого хватило, чтобы чуть-чуть отсрочить смертельный удар, повернуться, выставить руку... Не из-за Камня ли я и сюда перенесся так неожиданно? Ладно, обо всем этом можно будет подумать потом, если мне удастся установить сносные отношения с собственным будущим. А пока что от Камня лучше избавиться, опять-таки учитывая кое-какие замечания Фионы.

Сумев наконец с горем пополам затолкать за ремень вторую наволочку, я попытался встать, но меня закачало, голова закружилась от нестерпимой боли. Я стал спускаться на пол, боясь по пути потерять сознание. Немного передохнул, потом медленно, осторожно пополз.

Парадная дверь, насколько я помнил, была заколочена. Хорошо, значит, ползти надо к черному ходу. Я дополз до порога спальни и отдышался, прислонив голову к дверному косяку. Снял с шеи цепочку с Судным Камнем и обмотал ее вокруг запястья. Камень требовалось где-то спрятать, а до сейфа, что стоял в кабинете, отсюда было далековато. К тому же за

мной наверняка тянулся кровавый след. Всякий, кто зайдет в дом, запросто пойдет по нему и, если я не доползу до сейфа, найдет и подберет Камень... Нет, ползти в кабинет у меня не было ни сил, ни времени.

Я преодолел порог спальни, прополз следующую комнату. Теперь надо было подняться и открыть засов двери черного хода. Ох, как я ошибся — тут надо было бы передохнуть!..

Когда я снова пришел в себя, то лежал поперек порога. Дверь была распахнута. Стояла холодная влажная ночь, небо было почти целиком затянуто тучами.

Порывистый ветер раскачивал деревья в патио, и они громко скрипели. На ладонь моей вытянутой руки упало несколько холодных капель.

Я собрался с силами и переполз через порог. Двор замело снегом — слой его был в пару дюймов толщиной. Морозный воздух подействовал на меня благотворно. Мысли несколько прояснились, и от этого стало страшно, когда я попытался себе представить, в каком состоянии проделывал путь от спальни до черного хода. Я ведь мог умереть в любое мгновение!

Я поскорее пополз к дальнему от меня углу дома, мечтая добраться до навозной кучи, запрятать в нее Судный Камень и отметить это место пучком жухлой травы. Что я и сделал, а потом набросал сверху снега и пополз дальше.

Обогнув дом, я обрел укрытие от ветра. Ползти стало легче — земля пошла под уклон. Я добрался до фасада и снова передохнул. Только что по шоссе проехал автомобиль — вдали исчезали его габаритные огни. Больше машин пока видно не было.

От снега пощипывало щеки. Я снова пополз вперед. Колени вымокли и горели от холода. Передний дворик все шел под уклон и наконец круто обрывался к шоссе. Примерно в ста ярдах вправо начинался кювет — место частых аварий. Я подумал, что именно там меня будет лучше всего видно в свете фар — маленькая такая зацепка, какие всегда ищешь, когда попадаешь в большую беду, нечто вроде таблетки аспирина от чрезмерных эмоций. С тремя перерывами на отдых я дополз до обочины, потом добрался до высокого камня, на котором был намалеван номер моего дома, сел около него и прислонился спиной к обледеневшему бетону заграждения. Вынул наволочку и положил ее на колени.

Я сидел и ждал, чувствуя, что в голове у меня то и дело мутится. Наверное, я поминутно то терял сознание, то снова приходил в себя. И как только мне казалось, что я соображаю более или менее четко, я пытался привести мысли в порядок и оценить случившееся раньше в свете того, что произошло сейчас. Я отчаянно искал какие-нибудь другие средства спасения. Это оказалось невыносимо трудно. Невозможно было думать ни о чем другом, кроме моего теперешнего положения. С чувством притупленной радости я осознал, что хотя бы колода волшебных карт при мне. Я мог связаться с кем-нибудь из Амбера и попросить вытащить меня отсюда.

Но с кем? Все-таки я соображал достаточно ясно, чтобы понимать, что запросто могу вызвать того самого человека, который напал на меня. Что лучше — рискнуть таким образом или все-таки попытать счастья здесь?

Ну а все-таки, может, вызвать Рэндома или Джерарда?..

Мне показалось, что я слышу шум двигателя — тихий, отдаленный. Правда, этому сильно мешали звук моего пульса и вой ветра. Я повернул голову. Сосредоточился.

Точно — машина. Я приготовился размахивать наволочкой.

А разум продолжал работать... Я понял, что так слаб, что при всем желании не смогу даже воспользоваться картами...

Шум двигателя становился все громче. Я поднял руку с наволочкой. Через несколько мгновений шоссе озарилось светом. Вскоре я заметил одолевший подъем автомобиль и тут же потерял его из виду — дальше дорога шла на спуск. А потом автомобиль снова появился на дороге и стал приближаться — в лучах света передних фар метались и искрились снежинки.

Машина была уже совсем близко от кювета, лучи слепили. Водитель не мог меня не заметить. Но он проехал мимо, этот мужчина за рулем седана новейшей марки, а рядом с шофером на переднем сиденье сидела женщина. Женщина, правда, обернулась и посмотрела на меня, но мужчина даже не сбавил скорость.

Через пару минут появился еще один автомобиль, не такой шикарный, как первый. За рулем сидела женщина, кроме нее, в машине никого не было. Проезжая мимо, она притормозила, но, видимо, мой внешний вид не привел даму в восторг: она газанула, и машина вскоре скрылась из виду.

Я прислонился спиной к камню и отдышался. Принцу Амбера вряд ли стоит рассчитывать на людское братство и винить людей в черствости и равнодушии. По крайней мере, относиться к этому всерьез было нельзя, а смеяться — слишком больно.

Сейчас, когда не оставалось ни сил, ни способности сосредоточиться, ни возможности передвигаться, моя власть над Тенями гроша ломаного не стоила. А славно было бы воспользоваться ею, думал я, и найти какое-нибудь теплое местечко... Смогу ли я вползти по холму наверх, к навозной куче? Забавно, но о том, чтобы вырыть Камень и с его помощью изменить погоду, я не думал. Наверное, я и для этого был слишком слаб. Может быть, такая попытка могла прикончить меня. И может, все-таки...

Я помотал головой. Перед глазами все плыло, хотелось спать. А спать было нельзя. Еще машина? Вроде бы... Я попытался поднять над головой наволочку и уронил ее. Наклонился за ней, голова моя легла на колени... Дейрдре....

Вот кого бы надо вызвать — любимую сестру. Если уж кого-то звать, то Дейрдре. Нужно вынуть ее карту и позвать ее... Эх, если бы она не была мне сестрой... Нет, надо отдохнуть. Я, конечно, хитрец великий, но не идиот. Наверное, когда я передохну, мне станет стыдно... Если бы было хоть чуточку теплее... А вот так хорошо — свернуться и... Машина? Хотелось распрямиться, поднять голову, но сил не было. И так заметят, решил я.

Сквозь прикрытые веки я почувствовал свет фар и явственно различил шум двигателя. Он не приближался и не удалялся — мотор урчал негромко и ровно. Я услышал окрик, потом скрип и хлопок — открылась и захлопнулась дверца. Пожалуй, я мог бы открыть глаза, но делать этого не хотелось. Я боялся, что, открыв глаза, опять увижу перед собой пустое темное шоссе, а звук мотора превратится в сумасшедшее биение сердца и завывание ветра. Лучше пусть все остается как есть, пусть мне это снится, пусть...

— Эй! Что с тобой? Побили?

Шаги... Все взаправду.

Я открыл глаза, заставил себя разогнуться.

— Кори! Бог мой! Это ты?!

Я вымученно усмехнулся, вяло кивнул:

— Я, Билл. Как поживаешь?

— Что случилось?

— Я ранен. Может быть, серьезно. Мне нужно к врачу.

— Сам идти сможешь, если я поддержу? Или тебя на руки взять?

— Попробую идти.

Билл помог мне подняться. Я привалился к нему, и мы пошли к его машине. Помню только первые несколько шагов.

Когда везущая меня прекрасная колесница, вместо того чтобы мерно покачиваться, подпрыгнула на ухабе, я очнулся, попытался поднять руку и понял, что она закреплена и к ней подсоединена трубочка капельницы. Я решил, что буду жить. Пахло больницей.

Я проверил свои внутренние часы. Учитывая, сколько времени прошло, в том, что я жив, есть и моя личная заслуга. Мне было тепло и хорошо — настолько, насколько возможно после пережитого. Я удовлетворенно закрыл глаза, вдавив голову в подушку, и опять заснул.

Позже, когда я снова проснулся, мое самочувствие стало еще лучше. Появилась медсестра и сообщила, что доставили меня сюда семь часов назад и что скоро придет доктор, чтобы поговорить со мной. Потом она подала мне стакан воды и сказала, что снег перестал идти. Наверное, ей до смерти хотелось узнать, что со мной стряслось.

Я решил, что пора сочинить легенду, и чем проще, тем лучше. Значит, так: я возвратился домой после долгого пребывания за границей. Проголосовал на дороге, добрался до дома, а там на меня напал не то бандит, не то грабитель, напуганный моим появлением. Я выполз из дома в поисках помощи. Все.

Поведав эту нехитрую историю врачу, я поначалу не мог понять, поверил он мне или нет. Доктор оказался грузным мужчиной в летах с отечным морщинистым лицом. Звали его Бейли, Моррис Бейли. Он спросил меня:

— Вы рассмотрели того, кто напал на вас?

Я покачал головой:

— Было темно.

— Он вас ограбил к тому же?

— Не знаю.

— Бумажник у вас был при себе?

Я решил, что на этот вопрос на всякий случай лучше ответить утвердительно.

— Когда вас сюда доставили, бумажника при вас не было. Значит, вас все-таки ограбили.

— Наверное, — согласился я.

— А меня вы совсем не помните?

— Не сказал бы. А что, должен помнить?

— Когда вас только привезли, мне показалось, что мы где-то виделись.

— А потом? — поинтересовался я.

— Что за странная одежда на вас была, что-то вроде формы?

— Последний писк. Так теперь модно за границей. Так вы говорите, я показался вам знакомым?

— Да, — кивнул врач. — А «за границей» — это где, если не секрет? Откуда вы приехали?

— Я много путешествовал, — уклончиво ответил я. — Но вы ведь что-то хотели мне сказать...

— Да, — спохватился врач. — Понимаете, клиника у нас маленькая, а несколько лет назад один ушлый агент уговорил директора приобрести компьютер, в память которого вводятся данные истории болезни. Ну мало ли — вдруг в здешних краях увеличится население и нам придется расширяться... Компьютер влетел в копеечку, а мы так и не расширились. Словом, толку от него мало, разве что истории болезни перестали валяться по всей клинике — раньше ими даже реанимационная была завалена. Ну и, конечно, персонал обленился до невозможности. Но это я так, наши проблемы... Ну так вот, когда мистер Рот назвал мне ваши имя и фамилию, я быстренько пробежался по файлам и понял, почему вы показались мне знакомым. Той ночью, семь лет назад, я тоже дежурил в приемном покое — в тот самый день, когда вы угодили в аварию. Я вас и штопал тогда — и был уверен, что вам не выкарабкаться. Вы меня удивили — и тогда, и теперь. Я даже швов своих не нашел, а ведь им следовало бы сохраниться. Славненько вы поправились.

— Спасибо. Слава добрым докторам! — улыбнулся я.

— Вы мне сообщите ваш возраст — для записи в историю болезни.

— Тридцать шесть, — не задумываясь, ответил я.

Доктор что-то черканул в блокнот, что лежал у него на коленях.

— Знаете, я готов поклясться: когда я вас осматривал, мне показалось, что семь лет назад вы выглядели точно так же, как сейчас.

— Здоровый образ жизни.

— Вы свою группу крови знаете?

— Кровь у меня экзотичная, но рассматривайте ее как АВ с положительным резусом. Мне можно любую вливать, а вот мою никому вливать не советую.

Врач кивнул:

— Инцидент таков, что требует рапорта в полицию, понимаете?

— Догадываюсь.

— Я подумал, что вы сами этого пожелаете.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Так, значит, вы тогда дежурили? Забавно. А помните еще что-нибудь про тот случай?

— То есть? Вы о чем?

— Об обстоятельствах, при которых меня сюда доставили. У меня память напрочь отшибло. Я в себя пришел только тогда, когда меня перевезли в другую клинику... «Гринвуд», что ли. Вы помните, как я сюда попал?

Как раз тогда, когда я решил, что выражение лица доктора Морриса не меняется ни при каких обстоятельствах, он нахмурился.

— Мы посылали за вами карету «Скорой помощи».

— А кто ее вызвал? — спросил я. — Кто сообщил о несчастном случае? Как?

— Я вас понял, — кивнул доктор. — «Скорую» вызвал полицейский патруль. Если я верно помню, кто-то стал свидетелем аварии и позвонил в ближайший полицейский участок. Они послали к месту происшествия свою машину, убедились, что вызов не ложный, и вызвали «Скорую». Вот и все.

— А кто полицию вызвал — это нигде не зафиксировано?

Врач пожал плечами:

— Мы за подобными мелочами не следим. А ваша страховая компания не интересовалась? Запроса не делала? Вот они, наверное, могли бы...

— Знаете, я, как поправился, почти сразу уехал за границу

и больше ко всему этому интереса не проявлял. А в полиции такие вызовы фиксируют?

— Наверняка. Не знаю, правда, как долго у них хранится информация такого рода. Вот только если... — хмыкнул доктор, — к ним тоже не заглянул тот ушлый агент. Да на что вам это теперь? Дело прошлое. Ваш друг Рот вам лучше меня расскажет...

— Дело не в вызове, — сказал я. — Просто хочется узнать, что на самом деле произошло. Я много лет пытаюсь вспомнить и не могу. Ретроградная амнезия.

— У психиатра не консультировались по этому вопросу? — спросил врач.

Что-то мне в этом вопросе не понравилось — наверное, тон, каким он был задан. И тут же в сознании замелькали крошечные вспышки озарения... Не могла ли Флора представить меня психом еще до того, как меня перевезли в «Гринвуд»? Нет ли такой записи в моей здешней истории болезни? Не указано ли, что я сбежал из какой-нибудь психушки? Прошло много времени, и я не знал, чем мне это грозит с точки зрения закона. Но даже если все именно так, то могли ведь меня в какой-нибудь другой инстанции освидетельствовать как психически полноценного человека?

Благоразумие — да, наверное, благоразумие, вот что заставило меня лечь на бок и посмотреть на наручные часы врача. Где-то в сумраке сознания сохранилась память о том, что, когда он проверял мой пульс, на руке у него были часы с календарем. Точно. Часы были именно такие. Отлично. Какой там день и месяц? Двадцать восьмое ноября. Я быстренько произвел в уме перерасчет по своему коэффициенту и получил год. Все верно, семь лет назад.

— Нет, — сказал я. — Не консультировался. Я просто решил, что мозг у меня поражен скорее органически, чем функционально, и выкинул все, что забыл, образно выражаясь, в мусорное ведро.

— Ясно, — кивнул врач. — Медицинскую терминологию вы знаете неплохо. Такое бывает с людьми, которые много лечились.

— Да, — согласился я. — Я про это много читал.

Доктор вздохнул и встал.

— Послушайте, — сказал он. — Я собираюсь позвонить

мистеру Роту и сообщить ему, что вы пришли в себя. Так, наверное, лучше будет.

— То есть?

— Ну, он все-таки ваш друг — поговорите с ним откровенно, прежде чем встретитесь с полицией.

Врач открыл блокнот на той странице, где записал мой возраст, приготовился что-то записать, удивленно вскинул брови и растерянно проговорил:

— Кстати, а какое сегодня число?

Мне нужны были карты. Вещи мои скорее всего убрали в ящичек стоявшей у кровати тумбочки, но дотянуться до нее было невмоготу. Да и, правду сказать, торопиться было особо некуда. Восьмичасовой сон в Амбере — это двадцать здешних часов, так что там еще наверняка все на своих местах. Конечно, нужно успеть связаться с Рэндомом и придумать какую-нибудь версию — почему это поутру меня не окажется дома. Но это потом.

Времена такие, что мне ни в коем случае нельзя навлекать на себя подозрения. Кроме того, непременно нужно узнать, что скажет очнувшийся к утру Брэнд. Дальнейшие мои действия напрямую диктовались сутью его рассказа. Я принялся размышлять. Если я буду вынужден поправляться после ранения здесь, то в Амбере времени пройдет меньше. Надо очень точно рассчитать время и избежать возможных осложнений ситуации. Я надеялся, что вот-вот приедет Билл. Мне не терпелось выяснить кое-какие подробности.

Билл родился в этих краях, учился в Буффало, потом вернулся, женился и стал работать в отцовской фирме. Вот и все. Меня он знал как армейского офицера в отставке, который время от времени путешествует по неизвестно каким делам. Оба мы состояли членами местного клуба, где я, собственно, с ним и познакомился. Что-то около года мы только здоровались и никогда подолгу не беседовали. А потом случайно оказались рядом за стойкой в баре, и выяснилось, что Билл просто без ума от военной истории — особенно его интересовали наполеоновские войны. Мало-помалу мы подружились и приятельствовали до того самого дня, когда я попал в беду.

Время от времени я потом вспоминал Билла. И не заглянул к нему, когда прошлый раз навещал эту Тень, лишь потому, что боялся расспросов. Дел было у меня по горло, готовых

ответов я заранее не придумал, а потому не мог себе позволить насладиться его компанией. А вообще я планировал как-нибудь заглянуть к нему, когда в Амбере все утрясется. Жаль, что мы встретились с ним не в клубном зале.

Билл приехал примерно через час — невысокий, полноватый, краснощекий, немного поседевший. Улыбнулся, кивнул мне. Я к тому времени ухитрился сесть. Попробовал пару раз вдохнуть поглубже и понял, что рановато. Билл взял меня за руку, придвинул стул к кровати. В свободной руке у него был небольшой портфельчик.

— Ну и напугал же ты меня ночью, Карл! Я поначалу подумал, что это не ты, а твой призрак, — признался он.

— Еще бы чуть-чуть, так бы оно и было, — сказал я. — Спасибо тебе, дружище. Как делишки?

— Да как? Дел выше крыши, как обычно. Только еще больше.

— А как Элис?

— Отлично! У нас двое новых внучат — детишки Билламладшего, двойняшки. — Билл вытащил бумажник и достал из него фотографию. — Вот, полюбуйся.

Я посмотрел на фото и отметил явное фамильное сходство.

— Даже не верится, — сказал я.

— А ты совсем не изменился.

Я криво усмехнулся и положил руку на живот.

— Да, если не считать вот этого...

— Где тебя носило?

— Господи, где меня только не носило! Трудно сосчитать — где я только не был.

Билл помолчал, потом пристально посмотрел на меня и спросил:

— Карл, в какую передрягу ты угодил?

Я улыбнулся:

— Если ты имеешь в виду какие-нибудь трения с властями, то тут все в порядке. Источник моих бед находится в другой стране, и я собираюсь туда как можно скорее вернуться.

Билл успокоился. Его глаза блеснули за стеклами бифокальных очков.

— У тебя здесь какой-нибудь военный советник, видимо? — Я кивнул. — Скажешь кто?

Я покачал головой:

— Прости.

— Да нет, чего там, дело понятное, — произнес Билл. — Доктор Бейли рассказал мне о том, что, по твоим словам, произошло прошлой ночью. Не для протокола: это как-то связано с тем, чем ты занимаешься? — Я снова кивнул. — Ну, тогда все более или менее ясно, — облегченно вздохнул Билл. — Более или менее. Я не стану тебя расспрашивать, кто за этим стоит и стоит ли кто вообще. Я всегда знал: ты настоящий джентльмен и притом человек расчетливый. Вот почему, когда ты пропал так неожиданно, я, уж ты прости, немного покопался. Но твой гражданский статус оказался так загадочен... Мне очень хотелось узнать, что с тобой случилось, — я за тебя волновался. Ты не в обиде, надеюсь?

— В обиде? — переспросил я. — Билл, на свете так мало людей, которым не все равно, что со мной! Я тебе благодарен. И потом, мне самому интересно, что ж тебе удалось раскопать. Мне же никак не удавалось основательно углубиться в ту историю. Может, расскажешь мне, что ты вынюхал?

Билл открыл портфельчик и достал блокнот в матерчатой обложке. Положил его на колени, перевернул несколько страничек, испещренных какими-то записями. Вернулся к первому листку, некоторое время молча смотрел на него и наконец сказал:

— После того как ты сбежал из больницы в Олбани и угодил в аварию, Брэндон скорее всего исчез, и...

— Стоп! — оборвал я Билла. — Ты перечисляешь события в обратном порядке, а «Гринвуд» не в Олбани находится.

— Знаю, — кивнул Билл. — Но я говорил о санатории Портера. Там ты пробыл два дня, а потом удрал, в тот же день попал в аварию и тебя привезли сюда. Затем появилась твоя сестра Эвелин. Она упросила, чтобы тебя перевезли в «Гринвуд». Там ты пробыл неделю и снова удрал. Верно?

— Отчасти, — сказал я. — Особенно ближе к концу. Как я уже говорил доктору, у меня неладно с памятью. Два дня перед аварией не помню совсем. Что-то такое насчет Олбани вспоминаю, звенит какой-то звоночек, но все как в тумане. Просветишь меня?

— Конечно, — кивнул Билл. — И очень может быть, это как раз имеет отношение к состоянию твоей памяти. Ты попал туда на основании жалобы...

— Чьей?

Билл расправил листок, присмотрелся и сообщил:

— Твоего брата, Брэндона Кори, адресованной лечащему врачу Хиллари Б. Ранду, психиатру. Еще звоночки слышишь?

— Пожалуй, что да, — сказал я. — Давай дальше.

— Ну, вот на этом основании и был подписан ордер. Тебя соответствующим образом освидетельствовали, отвезли в участок, оформили опеку и перевезли в клинику. Теперь что касается твоей памяти...

— Да?

— Точно не знаю, могло ли лечение как-то на ней сказаться, но... Там, у Портера, тебя лечили электрошоком. А потом, как записано в истории болезни, ты сбежал оттуда. Наверное, забрал свою машину у кого-то из местных и поехал домой, а по пути угодил в аварию.

— Вроде все сходится, — проговорил я. — Да, так оно и было.

Поначалу, на какой-то миг, когда Билл начал рассказывать, мне показалось, что меня забросили в какую-то неправильную Тень — все как бы то же самое, только течет в обратном направлении. Теперь я больше так не думал. Рассказ Билла смахивал на правду. Что-то я такое помнил...

— Что касается ордера, — продолжал Билл. — Он был выдан по ложному обвинению, но тогда суд этого точно выяснить не смог. Настоящий доктор Ранд находился в то время в Англии, и, когда я позже связался с ним, он сказал, что никогда и не слышал о тебе. Правда, в его отсутствие офис доктора ограбили. Что интересно, второй инициал у него вовсе не «Б». И о Брэндоне Кори он тоже никогда не слыхал.

— А с самим Брэндоном что случилось?

— Испарился. Когда ты удрал из санатория Портера, его искали, но найти не смогли. Ну вот. Потом — авария, ты попал сюда, тебя здесь лечили. Позвонила женщина по имени Эвелин Фломель, представилась твоей сестрой, объяснила врачам, что ты не в своем уме и что семья желает, чтобы тебя переправили в клинику «Гринвуд». В отсутствие Брэндона, назначенного твоим опекуном, врачи действовали в соответствии с ее пожеланиями, поскольку более близких родственников у тебя не было. Вот как вышло, что ты попал в «Грин-

вуд». Через пару недель ты сбежал и оттуда, и здесь моя летопись обрывается.

— Ну и каков же теперь мой правовой статус? — поинтересовался я.

— О, тут все в ажуре, — заверил Билл. — Я переговорил с доктором Рандом и представил суду сведения, полностью отрицающие твою психическую ненормальность. Ордер аннулировали.

— Тогда почему здешний врач ведет себя так, словно я сумасшедший?

— Правда? Я об этом не подумал. Значит, в твоей истории болезни исправлений нет. Надо было мне раньше с ним повидаться. Копия выписки у меня с собой. Покажу ему.

— Билл, а сколько времени прошло после моего побега из «Гринвуда» до того, как все было улажено в суде?

— Месяц, — ответил Билл. — Уже через пару недель я забил тревогу.

— Просто не могу передать, — произнес я, — как я счастлив, что ты до этого додумался. Ты мне очень много важного рассказал.

— Так приятно хоть чем-нибудь помочь другу, — улыбнулся Билл, закрыл блокнот и убрал в портфельчик. — Но знаешь... Когда все это закончится... чем бы ты ни занимался — если, конечно, тебе можно об этом говорить, — хотелось бы послушать.

— Не могу обещать, — сказал я.

— Ясно. Это я просто так. Кстати, ты с домом как поступать собираешься?

— С моим? А что, он еще мне принадлежит?

— Принадлежит, но в этом году может быть конфискован за неуплату налогов, если ты ничего не предпримешь.

— Просто удивительно, как этого не случилось раньше.

— Но ты же наделил банк правом поверенного для оплаты твоих счетов.

— Я не думал, что они станут расплачиваться за дом.

— Ну, в итоге на счету у тебя почти что пусто, — сообщил Билл. — Я вчера заезжал в банк и говорил с Мак-Нелли. В общем, если ты ничего не предпримешь, дом пойдет с молотка.

— Он мне больше не нужен. Пусть делают с ним, что хотят.

— Но ты сам бы мог его продать и хоть что-то выручить.

— Я не успею этим заняться — не хочу тут долго задерживаться.

— Я готов помочь тебе. А потом и деньги перешлю, куда скажешь.

— Договорились. Я подпишу нужные бумаги. Из вырученных денег оплати, пожалуйста, мой больничный счет, а остальное оставь себе.

— Нет, я не смогу.

Я пожал плечами:

— Делай, как знаешь, Билл, но только не стесняйся и возьми за услуги, сколько положено.

— Хорошо. Остаток я внесу на твой счет.

— Ладно. Спасибо. О, кстати, пока не забыл... будь добр, загляни в тумбочку, там должна лежать колода карт. Я сам дотянуться не могу, а мне они нужны.

— Конечно, о чем речь...

Билл наклонился и выдвинул ящик.

— Тут большой коричневый пакет, — сообщил он. — Наверное, туда сложили все, что у тебя было в карманах.

— Открой его, пожалуйста, и посмотри.

— Да, тут есть колода карт, — сказал Билл, залезая рукой в пакет. — Надо же, какая красивая коробка! Можно заглянуть?

— Я...

Что я мог сказать? «Нельзя»?

Билл открыл коробку.

— Красотища... — пробормотал он восхищенно. — Что-то вроде таро. Старые, да?

— Да.

— Какие холодные... Я таких никогда не видел. Ой, послушай, да ведь это ты! А разодет-то, ну прямо рыцарь какой-то! Они для чего, карты эти?

— Так, для одной жутко сложной игры, — отговорился я.

— Но если тут изображен ты, как же они могут быть старыми?

— Я не говорил, что это я. Это ты сказал.

— Ну да... Тут изображен твой предок?

— Что-то вроде того.

— Красавец... И этот, рыжий, тоже ничего себе...

— Да, пожалуй...

Билл сложил карты и убрал в коробку. Отдал мне.

— Единорог просто чудо как хорош!.. Мне, наверное, нельзя было трогать, да?

— Да нет, ничего страшного.

Билл вздохнул, откинулся на спинку стула, заложил руки за голову.

— Странный ты все-таки человек, — проговорил он задумчиво. — Есть в тебе что-то непонятное, Карл. Моя-то жизнь сам знаешь какая. А меня так интересуют всякие тайны, загадки. Я с настоящими фокусниками никогда так близко не сталкивался.

— Так ты меня в фокусники записал? — усмехнулся я. — Только из-за того, что подержал в руках холодную колоду?

— Да нет, — смутился Билл. — Это так, пикантность некая... Дело, конечно, не мое — ну то, чем ты занимался в последние годы, но последний случай... Ничего понять не могу.

— То есть?

— После того как я тебя доставил сюда и отвез Алису домой, я вернулся к твоему дому — думал, может, на месте разберусь, что с тобой стряслось. Снег уже перестал идти, и твой след был хорошо виден. Он тянулся по двору и вокруг дома. — Я кивнул. — Но это ты полз, это понятно. Никаких же следов — ни твоих, ни чьих-то еще к дому не вело. Да и от дома тоже. Ничто не говорило о том, что тот, кто тебя ранил, ушел оттуда.

Я усмехнулся:

— Что, думаешь, я сам себя пырнул?

— Нет, нет, конечно. В доме никакого оружия не было. Я пошел по кровавому следу и попал в спальню, к твоей кровати. У меня с собой только фонарик был, но от того, что я там увидел, у меня просто голова кругом пошла. Такое впечатление, что ты появился прямо там, на кровати, истекая кровью, а потом как-то поднялся и пополз.

— Нет, это невозможно. — Я покачал головой.

— Но следов-то больше не было никаких, вот дело-то в чем!

— Может, снегом замело?

— А твой след остался? — Билл покачал головой. — Нет, не получается. Надеюсь, ты когда-нибудь надумаешь и расскажешь мне, что случилось на самом деле.

— Постараюсь не забыть, — сказал я.

— Хорошо, — кивнул Билл. — Только у меня странное чувство... Может быть, я тебя никогда больше не увижу. Знаешь, я себя ощущаю второстепенным актером в мелодраме, который томится за кулисами, толком не зная, что происходит на сцене.

— Прекрасно понимаю, — сказал я. — Моя собственная роль понуждает меня порой бросаться на поиски автора этой идиотской пьесы. А ты попробуй посмотреть на дело иначе: таинственные истории редко оказываются такими, какими их себе представляешь. Как правило, все оказывается просто и пошло, и, когда правда раскрывается, остаются одни мотивы — примитивнее некуда. Гадать и пребывать в иллюзиях порой намного приятнее.

Билл улыбнулся:

— Ты говоришь, как всегда. И все-таки бывали случаи, когда ты начинал проговариваться. Несколько раз...

— Что это мы со следов на меня перескочили? — оборвал я Билла. — А я как раз вспомнил: просто я пришел в дом тем же путем, что и выбирался оттуда. И, наверное, когда полз, стер следы, что вели к дому.

— Неплохо, — кивнул Билл. — И тот, что на тебя напал, тем же путем в дом проник?

— Наверное.

— Замечательно, — сказал Билл. — Ты великий мастер ликвидировать любые сомнения. Но у меня все-таки такое чувство, что основная масса улик говорит о волшебстве.

— О волшебстве?! Да что ты! Странность — еще куда ни шло. Тут все зависит от интерпретации.

— Или от семантики. Ты полицейский отчет об аварии читал?

— Нет. А ты?

— Ага! А что, если его подробности более чем странны? Ты тогда оставишь за мной слово «волшебство»?

— Идет.

— И ответишь на один вопрос?

— Не знаю, смотря что за вопрос.

— Вопрос простой. Ответить можешь «да» или «нет».

— Ладно, договорились. Ну, так что там было, в отчете?

— Там записано, что после сообщения об аварии к месту

происшествия была послана дежурная машина. На месте происшествия полицейские увидели странно одетого человека — он оказывал тебе первую помощь. Незнакомец утверждал, что вытащил тебя из свалившейся в озеро машины. Было похоже на то — он тоже промок до нитки. Мужчина среднего роста, худой, рыжеволосый, в одежде зеленого цвета. Один из полицейских отметил, что он напомнил ему кого-то из героев фильма про Робин Гуда. Назвать себя отказался, не захотел проследовать в полицейский участок и сделать какое-либо заявление. Когда полицейские стали настаивать, чтобы незнакомец поехал с ними, он громко свистнул, и откуда ни возьмись появилась белая лошадь. Тогда он вскочил на нее верхом и ускакал. С тех пор его в этих краях не видели.

Я рассмеялся. Стало больно, но сдержаться было невозможно.

— Будь я проклят... — проговорил я, морщась от боли. — Все мало-помалу проясняется.

Билл несколько мгновений смотрел на меня в упор.

— Правда? — спросил он наконец.

— Да, — кивнул я. — Похоже на то. — Пожалуй, стоило попасть под нож и вернуться ради всего, что я сегодня узнал.

— Странный порядок событий... — произнес Билл и потер подбородок.

— Пожалуй, — согласился я. — Зато во всем, чего я раньше не знал, порядок восстанавливается. Одно это стоит моего признания, хотя оно и ненамеренное.

— Это все из-за того парня на белой лошади?

— Отчасти, отчасти... Билл, скоро я отсюда исчезну.

— Скоро не получится.

— Все равно... Те бумаги, про которые ты говорил... Лучше, чтобы я их подписал сегодня.

— Ладно, заеду во второй половине дня, привезу. Только... мне бы не хотелось, чтобы ты каких-нибудь глупостей натворил.

— Уверяю тебя, с каждой минутой я все более осторожен и предусмотрителен.

— Надеюсь, — вздохнул Билл, защелкнул замочек портфеля и встал. — Ну, отдыхай. С доктором я все улажу и обязательно завезу бумаги.

— Еще раз спасибо.

Я пожал руку Билла.

— Да, кстати! — вспомнил он. — Ты ведь согласился ответить на один вопрос.

— Да, верно, согласился. Что за вопрос?

— Ты — человек? — спросил Билл, не выпуская мою руку. Лицо его было совершенно спокойно.

Я хотел было усмехнуться, но передумал.

— Не знаю... Я... На самом деле... Конечно, да! Что за идиотский... о, черт! Ты серьезно спрашиваешь? А я обещал ответить честно? — Я прикусил губу и на мгновение задумался. — Знаешь, я так не думаю.

— Я тоже, — кивнул Билл и улыбнулся. — Мне-то все равно. Но вдруг тебе не все равно — из-за того, что кто-то понимает, что ты не такой, как все, а ему это безразлично.

— Спасибо, Билл. Я этого не забуду.

— Ладно. Увидимся.

— Пока.

Глава 9

День клонился к вечеру. От меня только что ушел полицейский. Я лежал и чувствовал себя намного лучше, и это меня радовало. В общем, лежал себе, полеживал и размышлял о том, как опасно жить в Амбере. И Брэнда и меня пытались отправить на тот свет с помощью излюбленного семейного оружия. Кому из нас пришлось хуже? Наверное, Брэнду. Ему, похоже, прямо в почку угодили, а ведь он и до ранения был не в лучшем состоянии.

До появления сотрудника из конторы Билла, который вручил мне на подпись бумаги, я ухитрился встать и пару раз пройтись по палате туда и обратно. Мне было важно выяснить, на что я способен, — это никогда не лишнее. Поскольку я умел поправляться намного быстрее жителей этой Тени, то, по моим подсчетам, я уже должен был вставать и немного ходить, как обычный больной сумел бы через пару дней после ранения. Это мне удалось. Было больно, в первый раз сильно кружилась голова, но во второй раз ходить стало легче. Ну,

хоть что-то. Теперь я снова лежал в кровати и, как я уже сказал, чувствовал себя гораздо лучше.

Я десятки раз тасовал колоду, раскладывал солитер, играл сам с собой, гадал и читал двусмысленные предсказания судьбы, глядя на знакомые до боли лица. И всякий раз с трудом удерживал себя от искушения связаться с Рэндомом, рассказать ему про то, что со мной стряслось, спросить у него, как там у них дела, что нового. «Позже, — твердил я себе. — Каждый час там — это два с половиной здесь. А каждые два с половиной часа здесь для тебя — все равно что семь или восемь для обычных смертных. Отвлекись. Лежи. Думай. Регенерируй».

И вот тогда, когда за окном стемнело (это было после обеда, и я уже успел выложить молодому, гладко выбритому молодчику из полиции все, что собирался выложить, а он мне не то поверил, не то — нет, но был подчеркнуто вежлив, лишних вопросов не задавал и надолго не задержался)... Ну так вот, странные вещи стали происходить сразу же после того, как ушел полицейский. Я лежал и думал, не заглянет ли доктор Бейли проверить, как я соблюдаю постельный режим, размышлял обо всем, что рассказал мне Билл, пытался соединить подробности его рассказа со всем тем, что я знал, или с тем, о чем только догадывался. И вдруг...

Контакт! Меня вызывали. Кто эта ранняя птичка в Амбере?

— Корвин!

Это был Рэндом, сильно взволнованный.

— Корвин! Вставай! Отопри дверь! Брэнд очнулся и зовет тебя.

— Ты стучал в дверь и пытался разбудить меня?

— Да.

— Ты один?

— Да.

— Отлично. В комнате меня нет. Ты меня в Тени нашел.

— Не понимаю.

— Я тоже. Я ранен, но жить буду. Подробности потом... Расскажи мне скоренько про Брэнда.

— Он только что пришел в себя. Сказал Джерарду, что хочет немедленно поговорить с тобой. Джерард звонком вызвал слугу и послал за тобой. Тот не смог достучаться, и позвали

меня. Слугу я только что отослал — передать Джерарду, что я сам тебя разбужу и приведу.

— Ясно, — промолвил я и медленно сел. — Рэндом, уйди куда-нибудь, где тебя никто бы не увидел, и вытащи меня. Мне понадобится какая-нибудь одежда. В моем гардеробе кое-чего недостает.

— Тогда мне, пожалуй, лучше всего вернуться к себе.

— Давай.

— Минуточку подожди.

И тишина.

Я осторожно пошевелил ногами. Сел на край кровати, убрал в коробку карты. Я понимал, что в Амбере мне не стоит распространяться о своем ранении. Даже в самые спокойные времена негоже демонстрировать свою уязвимость.

Сделав глубокий вдох, я встал, придерживаясь рукой за спинку кровати. Тренировки не прошли даром. Я ровно, спокойно дышал. Отпустил спинку. Неплохо — если ходить медленно, не подавая виду, что больно... Ничего, можно будет потерпеть, пока поправлюсь окончательно.

— Немедленно вернитесь в кровать, мистер Кори! — завопила появившаяся в дверях медсестра. В белоснежном халате, вся такая чистенькая, симметричная, только тем не похожая на снежинку, что все снежинки похожи одна на другую. — Ложитесь! Вам еще рано вставать!

— Мадам, — вежливо обратился я. — Мне нужно встать. Просто необходимо.

— Могли бы позвонить и попросить судно, — фыркнула она и пошла мне навстречу.

Тут меня снова вызвал Рэндом. Я устало покачал головой. Интересно, как она среагирует на мое исчезновение. Ведь я исчезну не сразу — в палате на некоторое время задержится мое радужное изображение... «Еще одна пикантная деталька к той обрастающей подробностями сказке, которую тут будут рассказывать про меня...» — подумал я.

— Послушайте, милочка, — сказал я ей. — До сих пор мы с вами общались, так сказать, материально. Но у нас будут и другие встречи. Много-много раз. Увидимся еще. Adieu, — попрощался я с оторопевшей медсестрой и звонко чмокнул ее в щечку, а сам шагнул в Амбер, оставив ее в палате.

В тот миг, когда она, остолбенев, таращилась на мой радужный призрак, я уже сжимал плечо Рэндома.

— Корвин! Какого черта! — вскричал брат, когда я покачнулся.

— Если кровь — та цена, которую нужно заплатить за адмиральское звание, — пошутил я, — то считай, что я только что прошел военную комиссию. Принес одежду?

Рэндом набросил мне на плечи тяжелый длинный плащ, и я дрожащими пальцами затянул завязки на шее.

— Все, порядок. Веди меня к Брэнду.

Мы вышли из комнаты Рэндома, миновали зал, подошли к лестнице. Всю дорогу я буквально висел на Рэндоме.

— Рана серьезная? — спросил он.

— Кинжал, — ответил я и показал рукой место, куда меня пырнули. — Кто-то напал на меня ночью в моей комнате.

— Кто?

— Ну... Это не мог быть ты, потому что с тобой мы как раз перед этим расстались. Не мог быть и Джерард — он сидел в библиотеке с Брэндом. Отними троих от всех остальных и начинай гадать. Самый лучший спо...

— Джулиан, — твердо проговорил Рэндом.

— Не исключено, — сказал я. — Фиона упорно пыталась вечером его очернить, и ни для кого не секрет, что я его терпеть не могу.

— Корвин, он исчез. Куда-то смылся ночью. Тот слуга, что пришел за мной, сказал, что Джулиан уехал. Как тебе это нравится?

Мы немного постояли у лестницы. Держась за плечо Рэндома, я чуть-чуть передохнул.

— Не знаю, — покачал я головой. — Порой сомневаться во всем на свете так же плохо, как не сомневаться ни в чем. Но мне кажется, что, если бы Джулиан думал, что избавился от меня, гораздо резоннее ему было бы остаться здесь и вести себя как ни в чем не бывало. Вот то, что он удрал, как раз выглядит подозрительно. Я склонен думать, что он смылся, потому что боялся того, что скажет Брэнд, когда очнется.

— Но ты жив, Корвин. Ты ушел от того, кто напал на тебя, и он не может быть уверен, что покончил с тобой. Будь я на месте убийцы — только бы меня тут и видели.

— Это точно, — согласился я, и мы пошли вниз по лестнице. — Да, ты, пожалуй, прав. Пусть этот вопрос остается пока теоретическим. А главное — никто не должен знать, что я ранен. Молчи об этом.

— Как скажешь, — согласился Рэндом. — Молчанием в Амбере переполнены ночные горшки.

— Чего-чего?

— Молчание — золото, милорд, равно как и струи королевской мочи.

— Ой, Рэндом, ты меня лучше не смеши, особенно на эту тему... А вот попробуй-ка угадать, как злоумышленник проник в мою комнату. Через стену?

— Через потайной ход?

— Он заперт. Я его теперь все время закрытым держу. А замок новый и очень мудреный.

— Понятно. Пожалуй, я догадываюсь как. Но мой ответ доказывает, что это опять-таки кто-то из наших.

— Говори.

— Кто-то решил поднабраться энергии и пройти по Пути прежде, чем нанесет тебе удар. Он спустился в подземелье, прошел по Пути, спроецировал себя в твою комнату и напал на тебя.

— Все бы хорошо, если бы не одна мелочь, — не согласился я. — Мы все разошлись приблизительно одновременно. Если бы на меня напали позже... Но напали на меня, как только я вошел в спальню. Не верю, чтобы кто-то успел попасть туда раньше меня, предварительно пройдя по Пути. Меня ждали. Значит, если это был кто-то из наших, он попал туда как-то иначе.

— Значит, все-таки открыл замок, ухитрился.

— Может быть, — сказал я, когда мы добрались до площадки и пошли по коридору. — Рэндом, давай передохнем на углу. Я хочу отдышаться и войти в библиотеку без твоей помощи.

— Конечно.

Мы так и сделали. Я собрался с силами, запахнул поплотнее плащ, расправил плечи, подошел к двери и постучал.

— Минутку, — проговорил голос Джерарда.

Послышались шаги, приближающиеся к двери.

— Кто здесь?

— Корвин, — ответил я. — Со мной Рэндом.

Я услышал, как Рэндом спросил у Брэнда: «Рэндом тебе тоже нужен?» — и Брэнд тихо ответил: «Нет».

Дверь открылась.

— Только ты, Корвин, — предупредил Джерард.

Я обернулся к Рэндому.

— Потом увидимся, — сказал я ему.

Он кивнул и удалился туда, откуда мы пришли.

Я вошел в библиотеку.

— Распахни плащ, Корвин, — потребовал Джерард.

— Не надо, — проговорил Брэнд.

Я заглянул через плечо Джерарда и увидел, что Брэнд сидит на кушетке, обложенный подушками, и улыбается, ощерив желтые зубы.

— Прости, но я не так доверчив, как Брэнд, — сказал Джерард, — и не желаю, чтобы мои труды пропали даром. Докажи, что ты безоружен.

— Я же сказал — не надо, — повторил Брэнд. — Не он меня ранил.

Джерард резко обернулся.

— Откуда ты знаешь, что не он?

— Потому что знаю кто, естественно. Не будь ослом, Джерард. Я бы не стал звать Корвина, будь у меня причины его бояться.

— Ты был без сознания, когда я тебя сюда вынес. Ты не мог знать, кто тебя ранил.

— Ты в этом уверен?

— Ну... А почему ты мне не сказал?

— А вот на это у меня есть причины, и притом веские. А теперь я хочу остаться с Корвином наедине.

Джерард наклонил голову.

— Смотри только в горячку не впадай, — сказал он. Прошагал к двери, открыл ее, обернулся и добавил: — Я буду неподалеку. Крикни, если что. — И захлопнул за собой дверь.

Я подошел к кушетке. Брэнд протянул мне руку, и я пожал ее.

— Рад, что ты вернулся, — сказал Брэнд.

— Взаимно, — ответил я и опустился на стул, всеми силами стараясь не упасть. — Как самочувствие?

— В каком-то смысле ужасное. А в другом — лучше, чем когда бы то ни было. Все на свете относительно.

— Почти все, — уточнил я.

— Все, кроме Амбера, — резюмировал Брэнд.

Я вздохнул:

— Ладно, ерунда. Что с тобой случилось?

Брэнд смотрел на меня в упор, изучающе — что-то высмотреть пытался. Что? Наверное, хотел угадать, что мне известно. Вернее, что не известно. А это обнаружить труднее, и потому скорее всего мысли Брэнда прыгали и метались с того самого мгновения, как он пришел в себя. Зная Брэнда как облупленного, я понимал: то, что мне не известно, интересует его гораздо больше, чем наоборот. А сам он будет по возможности помалкивать. Ему нужен какой-то минимум сведений, от которого он мог бы плясать. Добровольно не потратит ни ватта от своего заряда. Такой уж он, Брэнд, был. Разве что только...

В последние годы сильнее, чем раньше, я пытался убедить себя в том, что люди все-таки меняются и течение времени служит не только для того, чтобы закреплять и усиливать существующие качества. С людьми происходят перемены из-за того, что им довелось повидать, пережить, совершить, передумать, перечувствовать... Наверное, я утешал себя подобными мыслями из-за того, что теперь все шло наперекосяк. Правда, я и сам понимал, что моя доморощенная философия меня то и дело подводит. И все же — Брэнд спас мою жизнь и мою память, каковы бы ни были у него на то причины. Что ж — я решил отступить и дать Брэнду возможность выжидать и гадать. Но спину ему подставлять я не собирался. Маленькая такая концессия, знак протеста против привычного юмористического начала наших бесед.

— Мир не всегда таков, каким кажется, Корвин, — вальяжно начал Брэнд. — Твой сегодняшний друг завтра — твой враг, и...

— Хватит, — оборвал я его. — Пора раскрыть карты. Я ценю то, что сделал для меня Брэндон Кори, и именно я настоял на том, чтобы мы все попытались разыскать тебя и вернуть домой.

Брэнд улыбнулся:

— Видимо, для пробуждения братских чувств после стольких лет неприязни были веские причины?

— Позволю себе предположить, что у тебя они тоже были, когда ты мне помогал.

Брэнд усмехнулся, поднял и опустил правую руку.

— Стало быть, мы либо квиты, либо в долгу друг перед другом, в зависимости от того, как каждый из нас смотрит на вещи. Пожалуй, сейчас мы с тобой друг в друге нуждаемся, так что небольшая порция взаимной лести не повредит.

— Ты юлишь, Брэнд, хочешь мне зубы заговорить. И вдобавок портишь мне замечательный день. Я просто преисполнен идеализма. Ты выдернул меня из постели, чтобы что-то сказать. Прошу.

— Все тот же неисправимый старина Корвин, — усмехаясь, проговорил Брэнд и отвернулся. — А может, нет? Может, я ошибаюсь? Не изменился ли ты, как полагаешь? Столько времени прожить в Тени, не зная, кто ты на самом деле такой? Будучи частицей совсем другого мира?

— Может, я и переменился, — сказал я. — Не знаю. Да, пожалуй, что так. Одно качество я за собой замечаю четко: я стал намного быстрее выходить из себя, как только дело касается семейных интриг.

— Хочешь разговора начистоту — прямого, откровенного? Дело превыше всего и так далее? О, тогда ведь теряется масса удовольствия!.. Но в этой новизне что-то есть, определенно. Держать всех в подвешенном состоянии, наносить неожиданные удары... Да, да. Это, пожалуй, ценно. И свежо. Ладно. Не психуй. Покончим с увертюрой. Любезностями мы обменялись. Сейчас я обнажу Истину, сорву с нее покровы Незнания и извлеку из туманных складок Тайны жемчужину сокровенной сути. Но для начала — маленькая просьба, если не возражаешь. У тебя не найдется закурить? Я столько лет об этом мечтал. Давай закурим и отпразднуем мое возвращение домой.

Я уже собирался ответить, что закурить нечего, но вспомнил, что в ящике письменного стола есть сигареты — я сам их там оставил. Не скажу, чтобы мне безумно хотелось вставать, но я сказал: «Минутку» — и встал.

Шагая к столу, я изо всех сил старался не покачиваться. Подойдя к нему, я сделал вид, будто небрежно оперся о крышку, тогда как на самом деле навалился на руку всей тяжестью тела. Хорошо еще — плащ маскировал мои движения.

Я нашел в ящике пачку сигарет и вернулся к Брэнду, по пути остановившись у камина, где прикурил сразу две сигареты. Брэнд взял у меня одну и поинтересовался:

— Что это у тебя рука так дрожит?

— Перебрали вчера и не выспался, — ответил я.

— А, вот оно что... А ведь можно себе представить, а? Ну как же, все вместе в кои-то веки! И такой успех — нашли меня, вернули домой... А потом кто-то, вконец отчаявшись и жутко психуя, сделал свое дело. Тут, правда, успех вышел не окончательный. Я был ранен и умолк, но вот надолго ли, это вопрос. А потом...

— По твоим словам, ты знаешь, кто это сделал. Ты пошутил?

— Вовсе нет.

— Кто же?

— Всему свое время, дорогой братишка, всему свое время. Последовательность, порядок и расстановка ударений — вот что главное в этом деле. Позволь мне изложить тебе всю драму, так сказать, в исторической ретроспективе. Итак, меня кольнули в бок, и вы все собрались в кружок. Ах! Чего бы я только не отдал за то, чтобы лицезреть эту дивную картину! Ты не мог бы мне описать, какие у всех в то мгновение были физиономии?

— Боюсь, что физиономии меня тогда меньше всего интересовали.

Брэнд вдохнул и пустил облачко табачного дыма.

— Как славно! — с улыбкой проговорил он. — Ничего, я и так всех вижу будто наяву. У меня богатое воображение, ты же знаешь. Шок, потрясение, удивление, постепенно переходящее в подозрительность, страх... А потом, как мне было сказано, вы все ушли, а душка Джерард остался тут нянчиться со мной. — Брэнд умолк и стал смотреть на синеватую струйку дыма. На миг лицо его стало серьезным. — Знаешь, — задумчиво произнес он, — Джерард — единственный честный человек среди нас.

— В моем списке популярности он оценивается довольно высоко, — сказал я.

— Он меня выходил на славу. Вечно он всех выхаживает. — Брэнд ни с того ни с сего хихикнул. — Честно говоря, не знаю, чего бы это ему так обо мне беспокоиться... Пока я ва-

лялся без сознания и мало-помалу поправлялся, вы, видимо, собирались потолковать о делах. Искренне сожалею, что мне не удалось поприсутствовать. О, сколько же там всего было!.. Эмоции, подозрения, вранье — и все сплетается, наталкивается одно на другое, и никто не хотел уходить и пожелать остальным спокойной ночи первым. Видимо, через некоторое время у вас там стало просто замечательно. Все из кожи вон лезли — старались вести себя как можно лучше, каждый приглядывал за остальными и старался кого-нибудь очернить. Ох уж мне эти попыточки отыскать единственного виновника всех бед... Ну, наверное, отыскались козлы отпущения, и в них было брошено некоторое количество камней... Но в итоге так ни до чего не договорились, верно?

Я поддакнул, восхищенный логичностью рассуждений и воображением Брэнда, и решил дать ему возможность повысказываться еще в этом духе.

— Сам же знаешь, что верно, — упрекнул я.

Брэнд стрельнул в меня глазами и продолжал:

— Но наконец все разошлись, чтобы ворочаться с боку на бок без сна, гадать и выстраивать в уме головокружительные схемы... Да, ночью наверняка происходили потаенные перевороты. Признаюсь, жутко приятно сознавать, что все как один тревожились о моем драгоценном здоровье. Кое-кто, безусловно, искренне желал, чтобы я пришел в себя, кому-то этого вовсе не хотелось. А посреди всего этого круговращения эмоций валяюсь я, слабый, беспомощный, не желающий разочаровывать тех, кто всей душой — за мое выздоровление. Джерард сразу накинулся на меня и давай выпытывать подробности. Когда мне это надоело, я послал за тобой.

— На всякий случай, если ты до сих пор этого не заметил, обрати внимание: я пришел. Что ты хотел мне открыть?

— Спокойствие, братец! Спокойствие! Припомни, сколько лет ты проторчал в Тени, понятия ни о чем не имея... — Брэнд очертил зажатой в пальцах сигаретой круг. — Ты ведь ждал столько времени, пребывая в неведении, пока я не нашел тебя и не попытался восстановить тебя в твоих правах. Что по сравнению с этим какие-то жалкие мгновения?

— Мне говорили, что ты искал меня, — вернулся я к интригующей теме. — Меня, честно сказать, это удивило — ведь мы расстались не в самых лучших отношениях.

— Это точно. Но со временем я прощаю обиды.

Я фыркнул.

— Я вот думаю, стоит ли тебе рассказывать все и чему из сказанного ты поверишь, — прищурившись, проговорил Брэнд. — Сомневаюсь, что ты примешь все как есть, но смею тебя заверить, что, за исключением кое-каких мелочей, намерения у меня самые альтруистические.

Я снова фыркнул.

— Однако это правда, — продолжал Брэнд. — И дабы ты не сомневался, я добавлю: мои намерения таковы, что другого выбора у меня просто нет. С чего же начать? Начало — это всегда самое трудное... С чего бы я ни начал, всегда отыщется что-то такое, что было раньше... Тебя тут так долго не было. Но если уж отталкиваться от чего-то, то пусть это будет престол Амбера. Ну, вот я и произнес эти слова. Видишь ли, сразу после твоего исчезновения мы стали придумывать, как бы захватить престол. В некотором смысле эти размышления были подстегнуты тем, что ты исчез. Отец подозревал, что к этому приложил руку Эрик, но доказательств не имел. Ну а мы провоцировали и эксплуатировали это чувство — там словечко, сям словечко, еще и еще. Годы шли, тебя никак не удавалось разыскать, и все сильнее казалось, что ты и в самом деле умер. Неприязнь отца к Эрику росла с каждым днем. Как-то вечером, когда за столом собрались почти все наши, я завел какой-то совершенно нейтральный разговор, и отец заявил, что никто из нас, братьев, никогда не воссядет на престоле Амбера. Говоря это, он не спускал глаз с Эрика. Ты знаешь, как папаша умел порой посмотреть. Эрик зарделся, будто солнце на закате, у него, похоже, кусок в горле застрял. А потом папаша пошел дальше, гораздо дальше, чем все мы ожидали или хотели. Честно тебе скажу — не знаю, для чего он все это выложил: не то дал волю чувствам, не то действительно говорил что думал. А сказал он, что почти наверняка решил назначить тебя своим преемником, а потому твое исчезновение принимает очень близко к сердцу. Он не заговорил бы об этом, если бы не был уверен в том, что тебя нет в живых. Через несколько месяцев мы воздвигли твой склеп, чтобы слова отца обрели материальное подтверждение, а еще постарались, чтобы никто не забывал о тех чувствах, которые папаша питал к Эрику.

После тебя мы считали Эрика главным претендентом на престол.

— Мы? Кто еще, кроме тебя?

— Спокойствие, Корвин. Последовательность, порядок и расстановка ударений. Ударения, интонации... Слушай. — Брэнд взял у меня новую сигарету, прикурил ее от окурка первой и прочертил в воздухе линию горящим кончиком. — Следующий пункт плана требовал того, чтобы мы убрали отца из Амбера. Этот пункт был самым важным и опасным, и вот тут мнения разделились. Мне пришлась не по сердцу мысль о сговоре с силами, в природе которых я мало что понимал. Особенно мне не нравилось то, что сговор давал им некую власть над нами. Пользоваться Тенями — это одно, а вот давать им пользоваться собой — совсем другое. Это мерзко, каковы бы ни были обстоятельства. Я выступил против этого, но большинство выступили «за». — Брэнд усмехнулся. — Двое против одного. Да, нас было трое. И мы начали действовать. Устроили ловушку, и отец в нее попался.

— Он еще жив? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Брэнд. — Потом дела пошли худо. У меня своих собственных неприятностей было по горло. После отъезда отца наш план предусматривал укрепление наших позиций в ожидании того момента, когда все поверят, что отец умер. В идеале нам нужно было заручиться сотрудничеством одного человека — Джулиана или Кейна — неважно, кого именно. Видишь ли, Блейз-то на ту пору отчалил куда-то в Царство Теней и сколачивал там большое войско...

— Блейз! Он был одним из вас?!

— Естественно. Мы прочили его на престол — конечно, при условии, что он будет куклой на ниточках. В итоге должен был получиться триумвират. Ну, короче, Блейз отправился собирать войско, как я уже сказал. Мы надеялись на бескровный захват власти, но должны были приготовиться к такому обороту событий, что слов для победы могло оказаться недостаточно. Если бы Джулиан уступил нам землю или Кейн — море, мы могли бы без проблем перебросить войско в Амбер и продержались бы силой оружия, если бы потребовалось. Увы, я сделал ставку на ненадежного человека. По моим расчетам, Кейна было легче подкупить, чем Джулиана. Словом, я тонко и деликатно посвятил его в суть дела. И поначалу он вроде бы

клюнул. Но... то ли потом передумал, то ли сразу меня хитро надул. В общем, как бы то ни было, через какое-то время он решил, что для него более выгодно поддерживать нашего соперника в борьбе за трон. Понимай: Эрика. Правда, надежды Эрика на престол сильно пошатнулись из-за того, как к нему относился папаша... но папаша исчез, а наши действия давали Эрику шанс засветиться в роли защитника Амбера. К несчастью для нас, такая позиция и его самого уводила на шаг в сторону от трона. А что того хуже, Джулиан и Кейн привели войска Амбера к присяге на верность Эрику, великому защитнику. Вот так образовалось второе трио. Эрик принес публичную клятву защищать престол, и тем самым между нами была проведена черта. Естественно, положение мое на ту пору было самое незавидное. Партия Эрика смотрела на меня как на врага, но не знала, кто мои приспешники. И все же бросить меня в темницу или пытать они не могли, потому что я быстренько выскользнул из их ручек через карту. Ну а вздумай они меня убить... Нет, они понимали, что за мою смерть отомстят, но кто отомстит — неизвестно. Словом, должно было установиться что-то вроде молчаливого напряженного перемирия. А еще Эрик с товарищами видели, что выступить против них открыто я тоже не в состоянии. За мной пристально следили.

И тогда был придуман более хитрый ход. Я снова спорил и снова проиграл — два против одного. Было решено призвать на помощь те же самые силы, что помогли нам убрать отца. Теперь с их помощью планировалось дискредитировать Эрика. Если бы дело защиты Амбера оказалось ему не по плечу — дело, которое он столь самоуверенно взял на себя, — тогда на сцену вышел бы Блейз и провернул маневр с переброской войск. В роли защитника оказался бы Блейз, и в скором времени он возложил бы на свои плечи тяжкий груз правления — ради блага Амбера...

— Вопрос, — прервал я Брэнда. — А что Бенедикт? Я знаю, что он торчал в Авалоне и был недоволен происходящим, но если бы Амберу на самом деле что-то грозило...

— Да, — не дослушал Брэнд. — Это точно. А потому в наши планы входило сделать так, чтобы у Бенедикта стало как можно больше личных проблем.

И я вспомнил о том, как на Авалон Бенедикта накинулись

ведьмы. Подумал о его отрубленной правой руке. Но только я открыл рот, собираясь заговорить, как Брэнд протестующе поднял руку.

— Дай-ка я сам закончу, как смогу, Корвин. Я слышу твои слова и читаю твои мысли. Я чувствую твою боль в левом боку. Там у тебя рана — близняшка моей. Да, я знаю и это, и многое другое. — Брэнд закурил еще одну сигарету; вернее, она зажглась сама собой, когда в его глазах полыхнул странный огонь. Он глубоко затянулся и, выдыхая дым, заговорил снова: — Я насчет этого решения горячо спорил с остальными. Я считал, что это слишком большое зло — подставлять сам Амбер под такой подлый удар... — Несколько мгновений Брэнд молча смотрел на сигаретный дымок, затем продолжил: — Но дела зашли слишком далеко, и я не мог просто так взять и уйти. Переходить на сторону Эрика было слишком поздно. Он бы не защитил меня, даже если бы хотел, а я, кроме всего прочего, был уверен, что Эрик проигрывает. Вот тогда-то я и решил воспользоваться новообретенными умениями и навыками...

Меня всегда интересовали странные отношения между Эриком и Флорой, которая жила себе поживала в Тени под названием Земля и изо всех сил притворялась, будто жуть как счастлива там. У меня родилось сильное подозрение, что там, на Земле, было нечто такое, что сильно беспокоило Эрика, и что Флора скорее всего его тамошний агент. Поскольку просто подойти к Эрику и напрямую спросить его об этом я не мог, я решил предпринять собственное расследование, выяснить, чем там занимается Флора. Так я и сделал. Но тут ход событий резко набрал скорость. Мои союзники сильно заинтересовались тем, где это меня носит. Вот как раз тогда я и нашел тебя и вернул тебе кое-какие воспоминания. Эрик узнал от Флоры, что дельце их прогорело. Скоро меня уже искали обе группировки. Я решил, что твое возвращение поставило бы крест на планах как тех, так и других. Слишком долго я протомился в потайном кармане судьбы. Я готов был его покинуть, чтобы предложить новое решение, способное в корне изменить положение дел. Тогда притязания Эрика на престол могли бы дать трещину, у тебя появились бы свои сторонники, моя партия утратила бы цель деятельности, а я... я решил, что ты будешь мне благодарен за все, что я для тебя сделал.

А ты взял и удрал из санатория Портера, и тогда все резко осложнилось.

Все тебя разыскивали, все до одного, как я потом узнал, — и все по разным причинам. Но у моих бывших союзников были и другие дела. Они все вынюхали, разыскали тебя и добрались туда первыми. Естественно, они выбрали самый простой способ сохранить статус-кво и удержаться на своих позициях. Блейз стрелял несколько раз, и в итоге ты вместе со своей машиной угодил в озеро. Я появился там как раз тогда, когда это происходило. Блейз почти мгновенно исчез, поскольку решил, что довел дело до конца. А я выволок тебя из машины и понял, что тебя еще можно спасти.

Вообще, если сейчас на это посмотреть, то дело было рискованное: я ведь не знал, будет ли прок от моего целительства, и не понимал, кем ты очнешься — Корвином или Кори... И потом было страшно пребывать в неведении относительно того, что с тобой стало... Я улепетнул во все лопатки, как только прибыла полиция. Мои союзнички нагнали меня чуть позже и поместили туда, где ты меня нашел. Продолжение знаешь?

— Не до конца.

— В таком случае останови меня, когда почувствуешь, что дальше тебе все известно. Я и сам не сразу разобрался в том, что было дальше. Приближенные Эрика узнали об аварии, нашли тебя и сделали так, чтобы тебя перевезли в частную клинику, где бы ты находился под надежной охраной и одурманенный наркотическими препаратами. Они стремились полностью обезопасить себя от твоего возможного возвращения.

— Зачем бы это Эрику оставлять меня в живых, если самое мое существование угрожало его планам?

— К тому времени уже семеро из нас знали, что ты жив. Делать то, чего он желал всей душой, было слишком поздно. А Эрик все еще пытался позабыть про слова отца. Если бы что-то случилось с тобой, когда ты был в его руках, это навсегда преградило бы ему путь к трону. Проведай об убийстве Бенедикт... или Джерард... Нет, он не стал бы этого делать. Потом — да. Но не раньше. И вышло так, что наше общее знание о том, что ты еще жив, поторопило Эрика с коронацией. Он назначил ее дату и решил держать тебя подальше до тех пор,

пока это не произойдет. Затея была явно преждевременная, хотя не сказал бы, чтобы у него был выбор... Видимо, все дальнейшее тебе известно, потому что происходило в твоем присутствии.

— Да. Я объединился с Блейзом как раз тогда, когда он пошел ва-банк. Вот только наше нападение обернулось для меня не слишком удачно.

Брэнд пожал плечами:

— Могло бы и удачней обернуться, если бы ты победил и если бы ты мог что-нибудь поделать с Блейзом. Но, на мой взгляд, таких шансов у тебя не было. Мотивы моих бывших товарищей мне в этом маневре не совсем ясны. Думаю, что то сражение на самом деле было чем-то вроде отвлекающего маневра.

— Почему?

— Говорю тебе: не знаю. Но Эрик уже был там, где они хотели его видеть. По-моему, атака была бесполезна.

Я покачал головой. Слишком много всего сразу, слишком быстро... Многое казалось правдой, если сделать скидку на самооправдание рассказчика. И все же...

— Не знаю... — начал я.

— Конечно, — кивнул Брэнд. — Но если спросишь, отвечу.

— Кто был третьим членом вашей группировки?

— Естественно, тот самый, кто ранил меня. Хочешь угадать?

— Нет, угадывать не собираюсь.

— Фиона. Весь план был ее идеей.

— Почему ты мне сразу не сказал?

— Потому что тогда ты не дослушал бы до конца. Ты бы бросился искать ее, чтобы заточить в темницу, обнаружил бы, что уже давно ее след простыл, поднял бы на ноги всех остальных, начал бы расследование и потерял бы даром уйму столь ценного времени. Ты и теперь можешь всем этим заняться, но, по крайней мере, я сумел дать тебе понять, чего хочу. И сейчас, когда я говорю тебе, как важно выиграть время и что тебе обязательно нужно выслушать то, что я тебе еще не сказал и что должен сказать как можно скорее — если Амберу еще суждено спастись, — уж лучше выслушай меня, чем гоняться за сумасшедшей бабой.

А я уже готов был встать.

— Что, не надо ее искать?

— Пошла она к черту. Пока. У тебя есть дела и поважнее. Лучше посиди.

Что я и сделал.

Глава 10

Все залито лунным светом... горят призрачные факелы — как горели бы в черно-белом фильме... Звезды... редкие полосы тумана...

Перегнувшись через перила, я смотрел на мир, простирающийся внизу. Непроницаемая тишина окутала ночь... Город, погруженный в сон, казался отсюда маленькой вселенной... Там, вдали — море, Амбер, Арденский лес, Гарнатх, маяк Кабры, роща Единорога, мой склеп на склоне Колвира... Все безмолвное, далекое и такое четкое, ясное... Божественная картина, видение души, освободившейся от тела и парящей высоко-высоко... в ночи...

Я пришел туда, где призраки играют в призраков, где знамения, пророчества и материализовавшиеся желания бродят по ночным улицам и населяют просторные залы небесного Амбера — города Тир-на Ног'тх...

Повернувшись спиной к перилам и зрелищу дальнего мира, что лежал внизу, я не отрываясь смотрел на широкие улицы и темные террасы, на дворцы богов и кварталы, где обитали смертные... Лунный свет в Тир-на Ног'тхе ярче, он заливает серебряным сиянием стены призрачных строений...

Сжав в пальцах рукоять трости, я шагнул вперед, пошел по улице. Кругом двигались призрачные создания — они ходили, мелькали в проемах окон, появлялись на балконах, садились на скамьи у ворот... Я шел вперед, невидимый для обитателей этого мира — для них, кем бы они ни были, я призрак...

Безмолвие и серебро... Только стук моей тросточки по мостовой — да и то приглушенный, едва слышный... Плывущие куда-то, словно влекомые невидимым магнитом, ленты тумана... Дворец — восхитительное творение, подобное белому костру... Роса, будто капли ртути, на изящных лепестках и

стеблях цветов в садах у тротуаров... Луна, чей свет слепит глаза сильнее, чем лучи полуденного солнца, сияние звезд, уступающее лунному сиянию... серебро и безмолвие... свет, свет...

Я не хотел приходить сюда — здешние пророчества обманчивы и двусмысленны, сходство этого мира с миром живых кажущееся: от того, что здесь видишь, легко потерять голову... И все же я пришел. Пришел, потому что заключил сделку со временем, и посещение Тир-на Ног'тха было частью этой сделки...

Оставив Брэнда на попечение Джерарда, я удалился, понимая, что мне самому нужно подлечиться и восстановить силы. При этом я хотел, чтобы никто не узнал о моем ранении. Фиона действительно исчезла, и ни ее, ни Джулиана не удавалось дозваться через карты. Если бы я рассказал Бенедикту и Джерарду все, что мне поведал Брэнд, они наверняка стали бы настаивать на поисках Фионы и Джулиана. А я был уверен, что поиски ровным счетом ничего не дадут.

Я удалился в свои покои и послал за Рэндомом и Ганелоном. Им я объявил, что собираюсь воспользоваться столь необходимыми мне отдыхом и сном: передохну днем, а ночью отправлюсь в Тир-на Ног'тх — путешествие вполне логичное для жителя Амбера, у которого накопилась такая уйма серьезнейших проблем. Не сказать, чтобы я мог похвастаться богатой практикой подобных путешествий, но остальные там бывали, и довольно часто. Я чувствовал, что моя отлучка того стоит. Тогда будет понятно, почему я исчезаю на целый день — а день мне тоже был нужен, как воздух. Итак, у меня целый день, ночь и часть следующего дня на поправку после ранения. Словом, я верил, что время потрачу не зря.

А поскольку в мои планы нужно было кого-то посвятить, я посвятил в них Рэндома и Ганелона. Я улегся в постель и рассказал им все, что узнал от Брэнда о его, Фионы и Джулиана злобных происках, а также о заговоре Эрика, Кейна и Блейза. Рэндом и Ганелон поняли причину бегства Фионы и Джулиана — несомненно, и та, и другой бросились собирать свои войска. Хорошо бы друг против друга, но скорее всего — нет. Вероятно, либо Фиона, либо Джулиан двинут свои силы против Амбера.

— Что ж, придется им бросать жребий и ждать своей очереди, как и всем остальным, — сказал Рэндом.

— Не совсем так, — возразил я. — Дело в том, что приспешники Фионы — это те самые твари, что приходят по Черной Дороге.

— А Круг в Лоррене? — спросил Ганелон. — И это они же. Так они проявили себя в той Тени. Они приходят издалека.

— Проклятые ублюдки... — процедил сквозь зубы Рэндом.

Я кивнул и постарался объяснить товарищам, как, по моему мнению, обстоят дела.

Итак, я пришел в Тир-на Ног'тх... В тот час, когда взошла луна и на небе возникло блеклое, неясное отражение Амбера, сквозь ткань которого просвечивали звезды и которое с каждым мгновением становилось все четче и мало-помалу превратилось в город с высокими, окруженными бледными ореолами башнями, со стенами, вдоль которых двигались крошечные пятнышки — тамошние обитатели, я вместе с Ганелоном и Рэндомом стоял на самой вершине Колвира — в том месте, где из глубокого камня высечены три широкие неровные ступени...

Когда лунные лучи упали на ступени, в воздухе проступило их продолжение: высокая Лестница, дугой перекинувшаяся через море к призрачному городу. Когда же луна осветила саму Лестницу и она стала казаться материальной, я шагнул на нижнюю ступень... У Рэндома была с собой полная колода волшебных карт, а мои карты лежали в кармане куртки. Мой дивный меч, Грейсвандир, выкованный при свете луны на этом самом камне, давал мне власть над небесным городом, и потому я взял его с собой. Я отдохнул за день и набрался сил. В левой руке у меня была трость, на которую я опирался при ходьбе... Иллюзия расстояния и времени...

Ступени, ведущие к небесам, что равнодушны к Корвину, — не простая лестница, и подъем по ней — не просто подъем. Я еще ощущал рукопожатие Ганелона и тяжесть ладони Рэндома на плече, когда одолел четверть пути. Если я смотрел под ноги, напрягая зрение, то ступени становились прозрачными, и тогда я видел внизу океан, будто глядя на него через увеличительное стекло... Я потерял счет времени... Внизу, под волнами, проступили очертания Ребмы... Я вспомнил о Моэри. Как она там? Что станется с подводным двойником Амбера, если само Янтарное Королевство погибнет? Исказится ли его отражение в зеркале вод? Может быть, блоки и перекры-

тия зданий там качнутся в унисон, может быть, одинаковыми гранями повернутся кости на столах в казино под волнами, по которым проплывают наши корабли?.. Сердце защемило, однако волны, проклявшие Корвина, не дали мне ответа.

Но вот Лестница окончилась, и я ступил в призрачный город — как вошел бы в дальний Амбер, поднявшись по величественным ступеням на обращенном к морю склоне Колвира...

Я перегнулся через перила и посмотрел на свою страну.

Черная Дорога шла к югу. Ночью ее не было видно, но это не имело значения. Теперь я знал, куда она ведет, если верить Брэнду. Солгав, он лишился бы жизни, а потому я ему верил.

Я знал всю Черную Дорогу от начала до конца. От негасимого сияния Амбера и ясного света примыкающей к нему Тени, сквозь темные слои Царства Теней, уходящие во все стороны, сквозь пейзажи со смещенной перспективой и дальше, дальше, сквозь такие места, которые могут привидеться только тогда, когда вдребезги пьян, или мечешься в горячке, или видишь ночной кошмар... И еще дальше, дальше той границы, где лежит предел моего воображения...

Как сказать проще о том, что так непросто?..

Солипсизм — вот в чем загвоздка! Понятие, заключающее в себе предположение о том, что ничего не существует, кроме тебя самого, или, по крайней мере, существует лишь то, что нам не может быть ведомо, то есть нет ничего, кроме нашего собственного существования и опыта. Однако с этим можно поспорить, да мы и спорили не раз и говорили о том, что, может быть, те Тени, что мы посещаем мысленно, мы же сами и создаем, а на самом деле только мы сами и существуем, а Тени, через которые проходим, — не что иное, как проекции наших желаний... Как бы то ни было, суть этих споров объясняет другое: как и почему члены нашего семейства относятся к людям и местам за пределами Амбера. Получается, что мы — нечто вроде кукольных мастеров, а все остальное — нами изготовленные марионетки, зачастую опасно одушевленные, но и это — часть игры. Все мы по духу своему — импресарио, и точно так же мы относимся друг к другу. И хотя причины врожденного солипсизма у всех нас вызывают сомнения, каждый старается оградить себя от неизбежных вопросов. Большинство членов нашего семейства, в чем я не раз убеждался, в действиях своих крайне прагматичны.

И все-таки есть в этой картине элемент, разбивающий в пух и прах и солипсизм, и прагматику. Есть места, где Тени сходят с ума... Когда нарочито одолеваешь слой за слоем в Царстве Теней и при этом — нарочито же — отстраняешься от своего представления о том, что происходит вокруг тебя с каждым новым шагом, то в конце концов попадаешь на границу безумия, дальше которой ступить не можешь. Почему? Зачем это вообще нужно? Из-за надежды на озарение, наверное; а может быть, это просто новая игра... Но, попадая в такое место, а в такие места попадали все мы, понимаешь, что добрался не то до границы Царства Теней, не то до своего собственного предела. И мы всегда считали эти понятия синонимичными. Но теперь...

Теперь я знаю, что это не так, — теперь, когда я стою здесь и жду, и не существует для меня голоса Владений Хаоса, что твердит, что это так, — я знаю, что это не так. Нынешней ночью в Тир-на Ног'тхе я понимал это, понимал и раньше, когда бился в Черном Круге Лоррена с монстром с козлиной головой, и еще раньше — в тот день, на маяке Кабры, куда переместился из подземелья, и тогда, когда смотрел на опустошенный Гарнатх... Я понимал, что есть что-то еще. Потому что знал: Черная Дорога уходит дальше — дальше того, что кажется пределом. Она тянется через безумие к хаосу и еще дальше. Те, что приходили по ней, приходили откуда-то, но они не были сотворены мной. Получалось, что я помогал им, сам того не желая, проделывать этот путь, хотя мерзкие твари не согласовывались с моим представлением о реальности. Они существовали не то сами по себе, не то кому-то принадлежали, но сумели проделать дыры в полотне метафизики, сотканном нами за многие века. Они рушили стены наших твердынь, не принадлежа нашему миру, угрожали ему и нам самим. Фиона и Брэнд добрались туда, где, по нашим понятиям, ничего не было и быть не могло. Выпущенное оттуда зло доказывало: мы не одни и Тени — никакие не наши игрушки, и наши отношения с Царством Теней нельзя расценивать по-прежнему...

И все это потому, что Черная Дорога уходила к югу и вела дальше, за край света, дальше того места, куда я мог дойти...

Безмолвие и серебро... Я отхожу от перил, опираюсь на трость, пересекаю туманную пелену — границу зыбкого горо-

да... Призраки... Тени теней... образы возможного... «Может быть» и «может быть, было»... Утраченные возможности, возможности обретенные...

Я иду, иду по мостовой... фигуры... лица... Многие мне знакомы. Чем они заняты тут? Трудно сказать. Чьи-то губы шевелились, чьи-то лица озарялись оживлением. Я не понимаю, не слышу слов... Я прохожу мимо, невидимый...

Но вот одна из фигур... одинокая женщина. Она кого-то ждет. Ее нервные пальцы развязывают узелки мгновений. Я хочу видеть ее лицо. Она сидит на каменной скамье под суковатым деревом, смотрит в сторону дворца. Какая знакомая фигура!.. Ближе... Ближе... Я узнаю ее. Это Лоррен. Она смотрит сквозь меня, не слышит моего голоса, не слышит, как я говорю ей, что отомстил за ее смерть.

Но это в моей власти — сделать так, чтобы меня услышали здесь... И власть эта — мой меч Грейсвандир.

Вынув из ножен, я поднимаю его над головой, и лунный свет бежит по завиткам письмен, что испещряют лезвие меча... Я кладу меч на землю между нами...

— Корвин! — Лоррен запрокидывает голову, и ее волосы вспыхивают в отсветах луны. — Откуда ты пришел? Тебе еще рано сюда...

— Ты ждешь меня?

— Конечно... Ты же просил, чтобы...

— Как ты сюда попала?

— К этой скамье?

— Нет. В этот город.

— В Амбер? Я не понимаю. Ты сам меня привел. Я...

— Ты счастлива здесь?

— Ты знаешь, что это так, пока я с тобой.

Я не забыл, какие у нее ровные белые зубы, какие милые веснушки на щеках, что прячутся за тонким веером.

— Лоррен, что случилось? Это очень важно. Давай притворимся, будто я ничего не знаю. Расскажи мне обо всем, что с нами случилось после битвы в Черном Круге, Лоррен.

Она нахмурилась. Встала. Отвернулась.

— Мы поссорились, — сказала она. — Ты догнал меня, прогнал Мелкина. Мы поговорили. Я поняла, что не права, и последовала с тобой в Авалон.

Там был твой брат Бенедикт. Он убеждал тебя перегово-

рить с Эриком, ты не соглашался, но решил пойти на перемирие из-за чего-то, что сказал тебе Бенедикт. Он поклялся не делать тебе зла, а ты поклялся защищать Амбер. Мы оставались в Авалоне до тех пор, покуда ты добывал взрывчатку, а потом перебрались в другое место — туда, где ты обзаводился странным оружием. Потом... Вы выиграли сражение, но Эрик лежит раненый на поле боя... — Лоррен остановилась и посмотрела на меня. — Ты думаешь о том, чтобы прервать перемирие? Так, Корвин?

Я покачал головой и почему-то решил, что должен обнять Лоррен.

Я потянулся к ней... Мне хотелось прижать ее к себе, хотя я понимал, что одного из нас не существует, не может существовать, и в тот миг, когда я заключил бы Лоррен в объятия, я сказал бы ей: что бы ни случилось и что ни случится, я...

Ничего ужасного не произошло, но я упал. Я лежал — на земле, накрыв собой Грейсвандир. Трость моя лежала на траве в нескольких шагах. Я встал на колени и увидел, что лицо Лоррен — щеки, губы — потеряли живые краски, стали мертвенно-бледными. Она отвернулась, губы ее неслышно шевелились, произнося призрачные слова, она искала взглядом чего-то или кого-то... Я поднял с земли Грейсвандир и вложил его в ножны. Дотянулся до трости, оперся на нее, встал на ноги... Лоррен смотрела куда-то сквозь меня. Вот она улыбнулась и шагнула вперед... Я отошел в сторону, обернулся, глядя ей вслед, а она побежала к идущему ей навстречу мужчине. Он обнял ее, она смотрела в его глаза — глаза призрака-счастливца с серебряной розой в петлице камзола. Он поцеловал ее — проклятый незнакомец... Я никогда и не узнаю, кто он такой...

Серебро, и безмолвие, и серебро...

Прочь отсюда... Не оглядываться... Вдоль по аллее...

Голос Рэндома:

— Корвин, ты в порядке?

— Да.

— Что там происходит?

— Потом, Рэндом.

— Прости.

И вот... сверкающая лестница, ведущая ко дворцу... Вверх по ней, затем — направо... Теперь медленно, спокойно... пройти

по саду... Призрачные цветы на серебряных стебельках покачиваются у дорожки, призрачные кусты в белоснежных цветах, словно замороженные фейерверки... И все бесцветное, абсолютно все — одни очертания, наброски, свечение... Весь этот мир — набросок. Что такое Тир-на Ног'тх? Особый фрагмент Тени в реальном мире... небесная проекция Амбера в полный рост? Может быть, целительное средство? Если бы тут не было так много серебра, то ночь в этом уголке души была бы слишком темна... И слишком безмолвна...

Я иду... Миную фонтаны, скамейки, рощицы, замысловатые беседки, увитые призрачным плющом... по дорожкам... Взбираюсь по лесенкам, прохожу по узеньким мостикам... Мимо прудов под деревьями... мимо незнакомой статуи... мимо циферблата солнечных (наверное, лунных?) часов... Теперь еще направо и вперед... теперь повернуть за северный угол дворца, теперь налево, по двору, над которым нависают балконы... на них полным-полно призраков... да и во дворе их много... и внутри тоже наверняка...

Через двор и снова вокруг дворца — хотя бы для того, чтобы увидеть те сады, что так красивы в лунном сиянии и в истинном Амбере...

Еще фигуры — говорят, стоят... Никто, кроме меня, не движется... Тянет вправо... Какая-то пружинка разжимается и тянет меня туда... Я повинуюсь и иду...

К высокой изгороди... В ней — узенький проход, расчищенный в зарослях... Когда-то, давным-давно, здесь...

Две фигуры — обнимающаяся парочка. Я отвожу взгляд... Они выпускают друг друга из объятий... Не мое это дело, но... Дейрдре! Это Дейрдре! Я знаю, кого она обнимала, он может даже не оборачиваться...

О, жестокая шутка того, кто правит этим безмолвием, этой тишиной... Прочь, прочь назад, прочь от этой изгороди... Я поворачиваюсь, бегу, поскальзываюсь, встаю и шагаю прочь... Быстрее, быстрее...

Голос Рэндома:

— Корвин, ты в порядке?

— Потом, потом, черт подери!

— Скоро рассвет, Корвин. Я решил, что должен напомнить тебе об этом.

— Считай, что напомнил.

Быстрее, быстрее... Время в Тир-на Ног'тхе — тоже призрак и сон. Утешение маленькое, но все же лучше, чем никакое. Быстрее, еще быстрее...

Дворец — прекрасное творение разума и духа... он выглядит, пожалуй, даже реальнее настоящего... Но мне ни к чему судить о его совершенстве — я должен увидеть, что там, внутри. Может быть, там мой конец... я так изнемог. Я даже не остановился подобрать трость у изгороди, когда она упала на серебряную от росы траву... Теперь я ясно понимал, куда должен идти и что делать, хотя логика, двигавшая мною, была далека от той, что правит бодрствующим разумом.

Скорее вверх по лестнице, к заднему порталу... О, опять вернулась боль в боку... Через порог... внутрь...

Свет здесь рассеянный, какой-то бесцельно плывущий, блуждающий... Там, где света нет, лежат глубокие, непроницаемые тени. Не видно ни углов, ни центрального прохода, ни ниши, ни лестницы.

Туда... через тени... уже почти бегом... одноцветье моего дома... Тревога охватывает меня... Черные пятна теней кажутся дырами в ткани реальности... Я боюсь подходить к ним слишком близко... Упаду и провалюсь...

Поворот... Наконец-то... Вот он, вход в тронный зал... Тут темно, и я прочерчиваю взглядом воображаемую линию сквозь мрак к тому месту, где должен быть трон...

А там — какое-то движение...

Я приближаюсь... и что-то плывет вправо...

Плывет и приподнимается...

Я вижу ботинки на чьих-то ногах... Я все ближе и ближе к подножию трона...

В руке моей зажата рукоять Грейсвандира. Мой дивный меч сам ищет хоть лучик света, чтобы возобновить свое загадочное движение... он меняет очертания, начинает светиться сам по себе...

Я опускаю левую ногу на нижнюю ступень подножия, и передо мной постепенно вырисовывается силуэт... Рука — кисти, предплечья, плечи — что за рука? Какому странному металлическому существу она принадлежит? Словно грани драгоценного камня, поблескивают плоскости запястья и изгибы локтя, тонкие нити серебряной проволоки вспыхивают пятнышками огня... Рука, подобная руке скелета... швейцар-

ская игрушка... жуткое металлическое насекомое — живое, смертельно опасное, убийственно красивое...

Оно скользит в сторону, и я вижу человека, которому принадлежит металлическая рука...

За троном стоит Бенедикт, и его левая, настоящая рука спокойно лежит на спинке трона. Он наклоняется вперед. Его губы шевелятся.

Но вот металлическая рука делает движение и... становится видно, кто сидит на троне.

— Дара!

Она поворачивает голову вправо, улыбается, кивает Бенедикту. Губы Дары движутся. Я протягиваю Грейсвандир вперед до тех пор, пока его острие не упирается в ямочку между ее ключицами.

Медленно, очень медленно она поворачивает голову и встречается со мной взглядом. Лицо Дары оживает, наливается краской. Ее губы шевелятся вновь, и теперь я слышу слова:

— Что ты такое?

— Нет. Это мой вопрос. Отвечай. Немедленно.

— Я Дара. Дара из Амбера. Королева Дара. Я восседаю на этом троне по праву крови и наследования. А ты кто такой?

— Я Корвин. Я тоже из Амбера. Не двигайся. Я не спрашивал, кто ты такая. Что ты такое?

— Корвин мертв уже много веков. Я видела его склеп.

— Он пуст.

— Не так уж он пуст. Там лежит тело.

— Какова твоя родословная?!

Взгляд Дары скользит вправо, туда, где по-прежнему стоит призрак Бенедикта. В его новоявленной руке возникает меч, кажущийся ее продолжением, и держит он его свободно, почти небрежно. Его левая рука легла на руку Дары. Его глаза ищут меня за сиянием, излучаемым Грейсвандиром, но не находят. Бенедикт видит только сам Грейсвандир и узнает его...

— Я — праправнучка Бенедикта и ведьмы Линтры, которую он любил, а потом зарезал. — Бенедикт вздрагивает от этих слов, однако Дара продолжает: — Я не знала ее. Моя мать и мать моей матери родились в месте, где время течет не так, как в Амбере. Я — первая по материнской линии, в ком проявились все признаки человека. А ты, лорд Корвин, — всего лишь призрак из давно умершего прошлого, всего лишь злобная тень. Как ты сюда пришел, я не знаю. Но ты ошибся. Возвращайся в свою могилу и не тревожь живых!

Моя рука вздрагивает... острие отступает назад примерно на полдюйма... Но этого достаточно.

Бросок Бенедикта — за гранью моего восприятия. Его металлическое плечо ловко направляет кисть, в которой зажат меч, и его меч наотмашь ударяет по Грейсвандиру, а настоящее, живое плечо поднимает живую руку, ту, что лежала на руке Дары... Все это я понимаю чуть позже, когда падаю и снова встаю и наношу парирующий удар — чисто рефлекторно. Как это странно — поединок двух призраков... Но нет, условия неравные. Его меч не может коснуться меня, а вот Грейсвандир...

Нет! Бенедикт перекладывает меч в другую руку, отходит от Дары и делает выпад, зажав рукоять меча обеими руками. Поворот запястья, бросок меча вперед и вниз, мы сходимся... То есть это было бы так, принадлежи наши тела смертным. И все же на миг мечи скрещиваются, и этого мгновения достаточно.

Мерзко сверкающая металлическая рука кидается ко мне — вся из лунного света и огня, мрака и гладкой стали... вся угловатая, без округлостей, пальцы согнуты, плоская ладонь, так похожая на живую, настоящую, с серебристым отблеском... она тянется схватить меня за горло...

Но промахивается и цепляется в плечо, а большой палец, судорожно скрючившись, пытается нащупать не то ключицу, не то гортань... Сжав левую руку в кулак, я изо всех сил бью в солнечное сплетение, а там... там пустота...

Голос Рэндома:

— Корвин! Солнце вот-вот взойдет! Тебе надо спускаться!

А я даже не в силах ответить. Секунда-другая — проклятая рука вырвет из меня то, что сжимает... О, эта рука... Грейсвандир и эта так странно похожая на него рука — две вещи, странно сосуществующие в моем мире и в мире призраков...

— Я все вижу, Корвин. Вырвись и иди ко мне. Карту, достань карту, слышишь!

Я освобождаю лезвие Грейсвандира из захвата, замахиваюсь и наношу удар... Только призраку под силу одолеть Бенедикта — вернее, призрак Бенедикта — таким ударом. Мы стояли слишком близко друг к другу, и блокировать Грейсвандир

он не мог при всем желании. Но если он ответит мне контрударом, точным контрударом, и попадет по руке — руки у меня не будет.

Но он промахивается, а я завершаю атаку и бью изо всех сил как раз в то место, где мерзкое устройство из серебристой стали присоединяется к призрачному телу Бенедикта. Не выпуская из скрюченных пальцев мое плечо, рука отделяется от Бенедикта и замирает... Мы оба падаем...

— Вставай! Единорогом заклинаю тебя, Корвин, вставай! Солнце восходит! Сейчас город вокруг тебя растает!

Пол подо мной качается, колеблется, становится полупрозрачным, и я вижу предрассветно-радужные волны. Я встаю, покачиваясь из-за тяжести впившейся в плечо металлической руки. Она висит на мне, словно дохлый клещ... Боль в боку нестерпимая...

И вдруг я обретаю вес. Видение океана не исчезает, а я начинаю просачиваться сквозь пол. К миру вокруг меня возвращаются цвета — волнующиеся полосы розоватых отсветов. Пол, отвергающий Корвина, тает, и подо мной разверзаются глубины, готовые меня проглотить...

Я падаю...

— Сюда, Корвин! Ну же!

На вершине горы стоит Рэндом и протягивает ко мне руки. Я тянусь к нему...

Глава 11

И вот уже жаровни, под которыми не то погасили, не то забыли развести огонь, снова далеко позади...

Мы с Рэндомом расцепились и встали с земли, но я тут же сел на нижнюю из трех каменных ступеней и оторвал от плеча металлическую руку. Крови не было, а вот синяки наверняка появятся. Даже в лучах ласкового утреннего солнца рука выглядела зловеще и отвратительно.

Ганелон и Рэндом стояли рядом.

— С тобой все в порядке, Корвин?

— Да. Дайте только отдышаться.

— Я еды захватил, — сообщил Рэндом. — Можно позавтракать прямо здесь.

— Неплохая мысль.

Рэндом принялся распаковывать провизию, а Ганелон носком ботинка пнул металлическую руку.

— Это что еще за мерзость? — спросил он.

Я покачал головой и ответил:

— Я ее отрубил у призрака Бенедикта. Сам не пойму как, но она ухитрилась в меня вцепиться.

Ганелон подобрал руку с земли и стал ее разглядывать.

— А она намного легче, чем я думал, — сообщил он и взмахнул металлическим протезом. — Да, такой рукой можно дел наделать — о-го-го!

— Знаю.

Ганелон повертел стальную кисть, согнул и разогнул пальцы.

— А может, она настоящему Бенедикту сгодится?

— Может быть, — согласился я. — Правда, как подумаю о том, чтобы предложить ему эту штуку... просто не знаю... Хотя, наверное, ты прав.

— А твоя-то рана как?

Я осторожно прикоснулся ко шву.

— Да не так уж паршиво. Могло быть и хуже. После завтрака смогу ехать верхом, но не очень быстро.

— Ладно. Слушай, Корвин, пока Рэндом там с едой возится, мне бы хотелось тебя спросить кое о чем. Может, и не стоит спрашивать, да только мне это покоя не дает.

— Спрашивай.

— Ага. Я тебе, Корвин, вот что скажу: я душой и телом за тебя, иначе бы только меня здесь и видели. Я буду биться за тебя, чтобы ты получил свой трон и все такое прочее. Только... всякий раз, как заходит разговор о наследовании, все злятся и начинают говорить о другом. Вот ты сейчас там был, наверху, а я с Рэндомом попробовал на эту тему потолковать — дохлый номер. Не могу сказать, что мне до смерти необходимо узнать, чего это ты так стремишься сесть на трон и какие у тебя для этого основания, просто любопытно, почему вы всю дорогу грызетесь из-за этого.

Я тяжело вздохнул и некоторое время сидел молча.

— Ладно, — проговорил я. — Ладно. Коли уж мы сами в

этом разобраться не можем, чужому, пожалуй, и вовсе тяжко придется. Значит, так: Бенедикт — старший. Его матерью была Цимнея. Она родила отцу еще двоих сыновей — Озрика и Финндо. Потом... как это пишется в родословных... ага, Файелла родила Эрика. После этого отец усмотрел в своем супружестве с Цимнеей какие-то недостатки и развелся с ней — ab initio[1], как сказали бы древние в той Тени, где я жил так долго. То бишь объявил брак недействительным. Ловко сработано. Но он как-никак был королем.

— Выходит, все дети от этого брака считаются незаконнорожденными?

— Ну, скажем так: их положение стало менее определенным. Озрик и Финндо, похоже, не на шутку рассердились, но они вскоре погибли. А Бенедикт не то меньше сердился, не то повел себя более дипломатично. Шума, во всяком случае, не поднял. А потом отец женился на Файелле.

— И Эрик стал законнорожденным?

— Стал бы, если бы отец признал его своим сыном. Относился-то он к нему, словно так оно и было, но никаких формальных шагов по этому поводу не предпринимал. Тут еще требовалось улаживать отношения с семейством Цимнеи — не все было гладко...

— И все-таки, если он относился к Эрику как к своему...

— Угу. Но он взял да и признал Ллевеллу — дочь от внебрачной связи, бедняжку. Все, кто поддерживал Эрика, возненавидели ее за это, считая, что факт признания сказался на положении Эрика. Как бы там ни было, Файелла вскоре снова должна была родить, и родился я. Меня отец признал, так что я стал первым законным престолонаследником. Поговори об этом с кем угодно из остальных и услышишь самые разные мнения. Но факт есть факт. Сейчас, правда, это не так уж важно, поскольку Эрик мертв, а Бенедикт, похоже, не слишком интересуется... Ну, словом, таково мое положение.

— Ясно, — кивнул Ганелон. — Более или менее. Но тогда еще одно...

— Что?

— Кто следующий? Ну, если с тобой что-то случится?..

— Вот тут все намного сложнее. Следующим должен быть

[1] С самого начала (*лат.*).

Кейн, но он мертв, и чаша весов склоняется в сторону потомства Клариссы — ее рыжеволосых отпрысков: Блейз, потом Брэнд.

— Что еще за Кларисса? А с твоей матерью что стало?

— Она умерла при родах. Так на свет появилась Дейрдре. Отец после смерти матери долго не женился. Но в конце концов вступил в брак с рыжеволосой красоткой из какой-то далекой южной Тени. Мне она никогда не нравилась. Отцу она скоро тоже разонравилась, и он начал погуливать. Правда, они как-то сошлись вскоре после того, как в Ребме родилась Ллевелла, и в итоге на свет появился Брэнд. Когда же отец наконец развелся с Клариссой, то признал Ллевеллу — наверное, для того, чтобы Клариссу уязвить. По крайней мере, я так думаю.

— А женщины, значит, в наследовании не учитываются?

— Нет. Но если их учитывать, то перед Блейзом должна идти Фиона, а за ним — Ллевелла. А после Клариссиных отпрысков наследование переходит к Джулиану, потом — к Джерарду, а потом — к Рэндому. Вот так. О, прости, перед Джулианом надо поставить Флору. Тут, конечно, дата женитьбы отца имеет еще большее значение, но очередность никто не оспаривает. Так что вот так все обстоит. Доволен?

— Вполне, — кивнул Ганелон. — Значит, теперь, если ты умрешь, трон достанется Брэнду?

— Ну... Брэнд — предатель и сам в этом сознался. К тому же он ни с кем не умеет ладить. Я не верю, что остальные захотят видеть его королем — таким, каков он сейчас. Но я точно так же не верю, что он отказался от мысли о престоле.

— Тогда, значит, Джулиан?

Я пожал плечами:

— Мне лично он не по сердцу, однако это вовсе не означает, что он никуда не годится. На самом деле из него мог бы выйти весьма деятельный монарх.

— Вот он-то тебя кинжальчиком и пырнул, чтобы доказать, какой он деятельный, — встрял в нашу беседу Рэндом. — Идите-ка есть.

— Нет, вряд ли, — сказал я, поднимаясь с камня и ковыляя к тому месту, где Рэндом разложил на земле еду. — Во-первых, непонятно, как он мог попасть ко мне в комнату. Во-вторых, это уж как-то больно очевидно. В-третьих, если мне

суждено отправиться на тот свет в ближайшем будущем, свое слово о наследовании может сказать Бенедикт. И это всем известно. Он самый старший, умен, и сил у него предостаточно. Бенедикт может запросто заявить: «Пошли вы все к чертям собачьим со своими интригами, я решил поддержать кандидатуру Джерарда». И все. И будет так.

— А что, если он решит пересмотреть свою позицию и сам заявит права на престол? — спросил Ганелон.

Мы уселись на землю и разобрали оловянные тарелки, которые Рэндом наполнил едой.

— Он бы давно уже это сделал, если бы хотел, — сказал я. — Положение сына от расторгнутого и признанного недействительным брака можно рассматривать по-разному, но чаще всего оно однозначно. Озрик и Финндо потребовали справедливости и поплатились за это. Бенедикт лучше знал, как себя вести, он просто ждал. Так что... Не исключено. Но — маловероятно.

— Значит, при условии, что с тобой что-то случится, вопрос снова повиснет в воздухе?

— Еще как повиснет.

— Но Кейна-то зачем убрали? — задумчиво проговорил Рэндом. Проглотив кусок, он сам же и ответил на свой вопрос: — А затем, чтобы после того, как разделаются с тобой, власть перешла бы к потомкам Клариссы. Знаешь, я вдруг подумал, что Блейз, может быть, еще жив, а он-то по очередности следующий. Ведь его тело так и не нашли. Я вот что думаю: во время твоей атаки на Амбер он перескочил через карту к Фионе и принялся собирать войско в Царстве Теней, будучи уверенным в том, что ты непременно падешь от руки Эрика. В конце концов он приготовился к очередному шагу. Его союзники убили Эрика и совершили покушение на тебя. И если эта компашка действительно сговорилась с тварями с Черной Дороги, то самое разумное сейчас для них — готовить оттуда новую атаку. Блейз мог бы поступить точно так же, как в свое время ты, — явиться в последний миг, отбить нападающих и войти в Амбер. Вот и все: и очередность соблюдена, и сила доказана. Все просто. Только... ты уцелел, и Брэнд вернулся. Если верить тому, в чем Брэнд винит Фиону, все сходится, все укладывается в их первоначальный план.

— Может быть. Я спрашивал Брэнда про Блейза. Он не

исключает такой возможности, но сказать наверняка не может. Или не хочет. Лично я думаю, что он врет.

— Почему?

— Понимаешь, Брэнд, может быть, подумывает отомстить за свой плен и покушение на него. Ведь убери он Блейза, он двух зайцев разом убивает: отомстит за себя да еще избавится от соперника. Видимо, он рассчитывает на то, что я приму обрисованную им картину Черной Дороги. Уничтожение бывших приспешников и победа над тварями с Черной Дороги выставят Брэнда в неплохом свете, особенно если учесть его добровольное признание. Наверное, он надеется, что тогда у него появится шанс.

— Значит, тебе тоже кажется, что Блейз еще жив?

— Есть такое. Да, — кивнул я, — пожалуй.

— А в чем они преуспели, кстати говоря?

— В повышении квалификации. Что-то вроде аспирантуры. Фиона и Брэнд вертелись около Дворкина, в то время как мы, все остальные, предавались полному набору страстей в Царстве Теней. Ну и, похоже, они поднаторели в волшебстве и всех нас переплюнули. Эта компашка больше нас знает о Тенях и о том, что лежит за их пределами, и о Пути, и о картах. Потому-то Брэнду и удалось вызвать тебя без карты.

— Интересная мысль... — задумчиво проговорил Рэндом. — А как ты думаешь, они могли потом избавиться от Дворкина, когда решили, что узнали от него достаточно? Если бы что стряслось с отцом, они бы стали хозяевами положения, так ведь?

— Я об этом не думал, — произнес я.

А подумал я вот о чем: не могли ли Брэнд с Фионой сотворить что-то с сознанием Дворкина и превратить его в того безумного старикашку, каким я видел его в последний раз? Если так, известно ли им, что он еще жив? И где он теперь? Или они в конце концов разделались с Дворкином?

— Да, мысль интересная, — сказал я вслух. — Это весьма вероятно.

Солнце поднималось все выше над морем. Завтрак придал мне сил. Утренний свет рассеял все воспоминания о Тир-на Ног'тхе, осталось только что-то вроде отражения в пыльном зеркале. Ганелон отдал Рэндому единственное свидетельство моего визита в небесный город — металлическую руку, и Рэн-

дом уложил ее в мешок вместе с посудой. В свете дня ступени на вершине горы стали больше похожи на самую обычную груду камней.

— Вернемся той же дорогой? — спросил Рэндом.

— Да, — сказал я, и мы взобрались в седла.

Сюда мы добирались по тропе, завивающейся вокруг Колвира к югу, — не самый ближний путь, зато ровный. Можно было бы поехать через перевал, но бок у меня побаливал и истязать себя тряской не хотелось.

В общем, мы поехали направо, друг за другом: впереди — Рэндом, позади — Ганелон. Тропа поначалу делала плавный подъем, потом шла на спуск. В прохладном утреннем воздухе витали ароматы свежей зелени и сырой земли — довольно странные запахи для такой высоты и таких суровых мест. Прикинув, откуда дует ветер, я решил, что ароматы доносятся снизу, из далекого леса.

Мы пустили лошадей медленным шагом вниз и на подъем. Взяв подъем, конь Рэндома громко заржал и попятился. Рэндом довольно быстро управился с конем, а я, оглядевшись по сторонам, не заметил ничего такого, что могло бы напугать животное.

Рэндом натянул поводья, обернулся и крикнул:

— Восход-то каков, а?! Нет, ты посмотри!

С чего бы это Рэндому так сентиментальничать? Красоты природы никогда на него особо не действовали.

Однако, одолев подъем, я придержал и Стара, и себя самого: в небесах стоял фантастический золотой шар солнца, в несколько раз больше, чем обычно, и совершенно невообразимого цвета. Его лучи играли и переливались на полоске океана, открывшейся на горизонте за следующим подъемом, а небо и облака поражали тончайшими оттенками красок. Смотреть на эту картину долго я не смог — яркий свет до боли слепил глаза.

— Потрясающе! — крикнул я в спину Рэндому, направляя Стара вниз по откосу. Позади что-то восхищенно пробурчал Ганелон.

Проморгавшись, я обратил внимание на то, что, пожалуй, растительность кругом почему-то стала гуще — я в этих местах такой не помнил. В памяти у меня сохранилось всего лишь несколько суковатых деревьев да пятна сухих лишайников на

камнях. Теперь же тут росло несколько десятков деревьев, они были выше, и гуще, и зеленее, чем мне помнилось. Тут и там пестрели лужайки, скалы поросли лозами дикого винограда, сглаживающими их острые выступы. Правда, после моего возвращения в Амбер я по этим местам ездил только в темноте. Наверное, подумал я, отсюда и исходили те самые ароматы.

Мы ехали по дну лощины, и она казалась мне шире и просторнее, чем та, что я вроде бы помнил. К тому времени как мы пересекли ее и пустили коней вверх по склону, я уже перестал сомневаться.

— Рэндом! — окликнул я брата. — Тебе не кажется, что здесь все изменилось?

— Трудно сказать, — отозвался Рэндом. — Эрик меня на прогулки не пускал. Но, похоже, подзаросло тут, это точно.

— И лощина шире стала.

— Верно. Только я подумал, что это мне лишь кажется.

Кони одолели новый подъем, но теперь солнце не ударило по глазам, как в прошлый раз. Его затянуло легкой дымкой. Впереди, внизу, тянулся овраг, еще гуще поросший деревьями, чем та лощина, из которой мы только что выбрались. Деревья росли сплошной стеной — высокие, ветвистые. Мы натянули поводья.

— Не помню такого места, — пробормотал Рэндом. — Правда, мы ночью ехали, но все равно... тут мы не проезжали. Я бы запомнил. Наверное, мы не там свернули.

— Как это можно было не там свернуть? — удивился я. — Мы же представляем, где мы. Я бы предпочел ехать вперед, а не возвращаться наверх и начинать все по новой. Правда, нельзя забывать о том, что творится вокруг Амбера.

— Верно.

Рэндом пришпорил коня и пустил его по склону вниз, к лесу. Мы с Ганелоном последовали за ним.

— Странно как все-таки, — промолвил Рэндом, обернувшись. — На такой высоте — такая растительность.

Как только мы въехали под деревья, тропа повернула влево. Откуда взялся этот поворот, я в толк взять не мог. Вскоре тропа снова повернула — на этот раз вправо. Возвращаться назад хотелось все меньше. Деревья, вблизи оказавшиеся еще

более высокими, чем выглядели сверху, росли теперь так густо, что порой между ними нельзя было проехать.

Повернув еще раз, тропа стала шире и пошла прямо. Пожалуй, она стала слишком широкой — настоящая дорога, а не тропа.

Рэндом снова придержал коня.

— Проклятье, Корвин! — воскликнул он. — Ты, часом, не играешь в какие-нибудь игры, а?

— Не смог бы, даже если бы захотел, — ответил я. — Играть с Тенями на Колвире мне никогда не удавалось. Их тут и быть не должно, по идее.

— Я тоже всегда так думал. Амбер отбрасывает Тени, но сам из них не состоит. Слушай, не нравится мне все это. Что скажешь? Может, вернуться?

— У меня такое чувство, что обратной дороги мы не найдем, — ответил я. — Похоже, у происходящего есть какая-то причина, и я хочу узнать какая.

— А мне кажется, что это ловушка.

— Не исключено, — кивнул я.

Рэндом пришпорил коня, и мы поехали шагом по тенистой дороге под деревьями, что стали теперь еще выше и гуще. Было тихо. Тропа ровно, не изгибаясь, шла вперед. Почти бессознательно мы пустили коней в галоп.

Прошло минут пять, прежде чем мы снова заговорили.

— Корвин, это не Тень, — сказал Рэндом. — Этого не может быть.

— Почему «не может быть»?

— А я попробовал поработать с ней, но ничего не вышло. А ты не пытался?

— Нет.

— Ну, попробуй.

— Хорошо.

«Пускай за деревом возникнет острая скала... Пускай луч солнца оживит вот те колючие кусты... Над ними пусть блеснет полоска синяя небес с прозрачным облачком на ней... А дальше поперек тропы пусть ляжет мхом поросший ствол... и по нему пускай бежит сырая лесенка грибов... ну, лужица еще, а в ней лягушка на дне... Корявый сук... и листопад... шум ветра... щелканье семян... Нависший над тропою сук... но

не над этою тропою, над другой, что ляжет перед нами... вот на нее, вертясь, ложится легкое перо...»

— Никакого толку, — вздохнув, проговорил я.

— Но если это не Тень, что же это тогда такое?

— Что-то другое, естественно.

Рэндом помотал головой и прикоснулся к рукояти меча. Я тоже инстинктивно проверил, легко ли вынимается из ножен Грейсвандир. Позади меня звякнуло оружие Ганелона.

Тропа впереди стала сужаться и вскоре начала петлять. Мы вынуждены были пустить коней шагом. Деревья подступали к тропе все ближе, ветви их свисали все ниже. Тропа извивалась и извивалась... вот она повернула в последний раз и... исчезла.

Рэндом пригнулся под нависшей веткой, поднял руку и остановил коня. Мы с Ганелоном тоже остановили коней. Все. Никакой тропы впереди. Я оглянулся. Позади тропы тоже не было.

— Так... — сказал Рэндом. — Давайте думать. Теперь мы не знаем, ни откуда приехали, ни куда едем, и, разумеется, понятия не имеем, где находимся. Я вот что предлагаю: к чертям всякое любопытство. Давайте мотать отсюда и побыстрее. Единственно возможным способом.

— Через карты? — уточнил Ганелон.

— Да. Что скажешь, Корвин?

— Ладно. Мне этот вариант, честно говоря, не очень нравится, но ничего другого я придумать не могу. Давай.

— Кого вызвать? — спросил Рэндом, вынимая из кармана коробку. — Может, Джерарда?

— Да.

Он вытащил колоду, нашел карту Джерарда и стал на нее смотреть. А мы с Ганелоном смотрели на Рэндома. Время шло.

— Ничего не выходит, — признался Рэндом через некоторое время.

— Попробуй вызвать Бенедикта, — посоветовал я.

— Ладно.

Все то же самое. Связи не было.

— Попытайся вызвать Дейрдре, — сказал я и вынул свою колоду. — А я к тебе присоединюсь. Может, вдвоем лучше получится.

И снова то же самое. В ответ на все наши усилия — тишина.

Рэндом недовольно пробурчал что-то.

— У тебя с картами все в порядке? — спросил он.

— Нет. Но что с ними, не пойму. Они... какие-то другие.

— Мои вроде бы не такие холодные, как обычно, — сказал Рэндом.

— И мои тоже, — согласился я. — Точно. Но давай все-таки еще разок попробуем. Ну, скажем... Флору попробуем вызвать.

— Давай.

Результат тот же. Не отвечали ни Флора, ни Ллевелла, ни Брэнд.

— Понимаешь что-нибудь? — спросил Рэндом. — Что может быть не в порядке?

— Ни малейшей идеи! Не могли же они все заблокироваться. И умереть все разом не могли... То есть нет, в принципе, конечно, могли. Но это весьма и весьма маловероятно. Похоже, что-то подействовало на сами карты. Я даже не представлял, что такое возможно.

— Ну, судя по инструкции производителя, гарантия качества не стопроцентная, — произнес Рэндом.

— Значит, ты знаешь что-то такое, чего не знаю я.

Рэндом усмехнулся.

— Всем нам памятен день совершеннолетия и первого прохода по Пути, — сказал он. — Я все помню так отчетливо, словно это было в прошлом году. Когда я сделал свое дело и весь просто горел от восторга, Дворкин вручил мне мою первую колоду карт и проинструктировал насчет пользования. Я хорошо помню, что спросил его, везде ли они работают одинаково. И помню его совет. «Нет, — вот что он мне ответил. — Но тебе они послужат в любом месте, куда бы ты ни попал», — добавил он. Ты знаешь, он меня никогда особо не жаловал.

— А ты спросил у него, что он под этим подразумевал?

— Спросил. А Дворкин ответил: «Сомневаюсь, чтобы ты когда-либо дожил до такого состояния, чтобы карты отказались служить тебе. Почему бы тебе прямо сейчас не испытать их?» И, естественно, я последовал его совету. Мне не терпелось как можно скорее побаловаться с картами.

— «Дожить до состояния» — так и сказал? Не «добраться до места»?

— Да, так и сказал. У меня на такие вещи память отменная.

— Забавно... хотя не вижу, чем бы это могло нам помочь. Какая-то метафизика.

— А вот Брэнд, наверное, знает, что тут к чему.

— Очень может быть, но нам это тоже ничего не дает.

— Надо что-то делать, а не философией заниматься, — вступил в разговор Ганелон. — Раз вы лишились способности управлять Тенями, раз карты отказываются вам служить, значит, первым делом надо определить, где мы находимся. А потом искать помощи.

— Ну, если мы не в Амбере, — сказал я, — то логично предположить, что мы где-то еще, в какой-то Тени, например, в каком-то особенном месте, и притом совсем недалеко от Амбера — ведь изменения произошли очень резко, почти внезапно. Перенеслись мы сюда без сколь-либо активного участия с нашей стороны, значит, кто-то это сделал и имеет в отношении нас какие-то намерения. Если этот кто-то собирается напасть на нас, сейчас самое подходящее время. Если этот кто-то хочет чего-то другого, значит, он собирается нам что-то показать, но вот что — догадаться невозможно.

— Значит, ты предлагаешь ничего не делать?

— Я предлагаю подождать. Не вижу смысла в том, чтобы бродить наугад. Мы только еще сильнее заблудимся.

— Послушай... — проговорил Ганелон. — А помнишь, ты мне как-то говорил, что соседствующие Тени вроде бы способны проникать одна в другую или что-то в этом роде?

— Говорил, наверное. И что?

— Тогда, если мы действительно недалеко от Амбера, нам надо ехать на восток, чтобы добраться до той параллели, на которой находится город.

— Не думаю, чтобы все было так просто. Ну, допустим, это у нас получится. Что тогда?

— Может быть, в точке максимального приближения карты снова заработают?

Рэндом посмотрел на Ганелона и перевел взгляд на меня.

— Попробовать невредно, — произнес он. — Что нам терять?

— У нас не так много ориентиров, — сказал я. — А вообще мысль неплохая. Если здесь с нами ничего не случится, мож-

но попробовать. Правда, как оглянешься... Такое впечатление, что дорога позади сокращается в прямой пропорции по отношению к пройденному нами расстоянию. Мы не просто перемещаемся в пространстве — тропа словно сматывается. В таких обстоятельствах я бы предпочел ехать до тех пор, пока не пойму, что дальше ехать некуда. Если кому-то нужно, чтобы мы попали в какое-то определенное место, то это уж его дело — выразить приглашение в более понятной форме. Давайте немного подождем.

Оба мои спутника кивнули. Рэндом уже начал было спешиваться, да так и замер: одна нога на земле, другая — в стремени.

— Столько лет прошло... — проговорил он. — Ведь никогда в это по-настоящему не верил...

— Что это? — прошептал я.

— Наша цель, — ответил Рэндом и взлетел в седло.

Он пустил коня шагом. Я последовал за ним и через несколько мгновений увидел то, что видел Рэндом.

Это был он — такой же ослепительно белый, как тогда, в роще. Единорог стоял, наполовину скрытый от глаз густыми зарослями кустарника.

Услышав поступь коней, единорог обернулся и поскакал прочь, но вскоре снова остановился за стволами деревьев.

— Вижу! — взволнованно прошептал Ганелон. — Подумать только... Чтобы такой зверь на самом деле существовал! Это же эмблема вашего семейства, верно?

— Да.

— Ну, тогда это, наверное, добрый знак.

Я промолчал. Мы медленно ехали вперед, стараясь не терять единорога из виду. Я не сомневался: он хочет, чтобы мы следовали за ним.

Он бежал и останавливался, но никак не показывался целиком — откуда-то выглядывал, перебегал от укрытия к укрытию, мчался вперед легко и быстро, избегал открытых участков, предпочитая заросли и тень. А мы ехали и ехали за ним, забираясь все глубже в лес, который с каждым шагом все меньше напоминал местность на склонах Колвира. Уж если это и было на что похоже, так скорее на Арденский лес.

Мы ехали, по моим подсчетам, уже примерно час и вскоре

приблизились к неширокому прозрачному ручейку. Единорог обернулся и помчался по его берегу против течения.

Рэндом отметил:

— А ведь как будто что-то знакомое...

— Да, — подтвердил я. — Но только «как будто». А почему — никак не пойму.

Дорога пошла на подъем. Коням стало трудно поспевать, но единорог словно почувствовал это и сбавил прыть. Под копытами коней попадались камни, деревья стали ниже. Ручей шумел и плескался, непрерывно петляя. Я уже устал считать его коленца, когда мы приблизились к вершине небольшого холма.

Дальше дорога пошла по ровному лесу, из которого вытекал ручей. Краешком глаза я заметил через просвет среди деревьев нечто, что меня сильно удивило: ослепительно голубую гладь океана — далеко внизу. Наверное, то же самое увидел и Ганелон, поскольку проговорил:

— Ну и высоко же мы забрались. Вроде бы все по низинам ехали, а тут...

— Роща Единорога! — прервал его Рэндом. — Вот на что это похоже! Смотрите!

И он не ошибся. Впереди лежала ровная площадка, усеянная валунами. Посреди них из земли бил ключ, дававший начало ручью, по берегу которого мы ехали. Мой внутренний компас говорил мне, что поляна на самом деле должна быть не столь широкой и расположена иначе, но сходство было поистине потрясающее. Простое совпадение? Вряд ли.

Единорог взбежал на невысокую скалу около ручья, посмотрел на нас и отвернулся. Может быть, он смотрел вниз, на океан?

И стоило нам только тронуться вперед, как и камень, и единорог, и деревья вокруг, и ручеек позади — все приобрело какую-то необычную ясность, резкость очертаний, словно стало испускать свой собственный свет, и способность заставлять все кругом светиться исходила от нас. А на границе зрения свет дрожал и колебался — так плывет мимо тебя все, когда с бешеной скоростью скачешь на коне.

Мой жеребец шагал вперед, и с каждым его шагом что-то исчезало из окружающего мира. Внезапно между нами и окружающими нас объектами началась перестройка взаимосвя-

зей, исчезало чувство объемности, нарушались перспектива и оценка расстояния. Все стало каким-то плоским, одномерным, лишилось площади. Конь Рэндома встал на дыбы и громко заржал. Зрелище вышло поистине апокалипсическое: я вспомнил «Гернику». Увы, я заметил, что странные кубистические изменения коснулись и нас самих: и Рэндом, пытавшийся обуздать обезумевшего коня, и Ганелон, не давший своему Дракону вздыбиться, выглядели по меньшей мере странно — все из прямых линий и углов.

Впрочем, Стар во многих передрягах побывал, да и Дракон был бравым жеребцом. Мы с Ганелоном покрепче прижались к коням и почувствовали, что земля движется... Что же это такое? Рэндому наконец удалось справиться со своей лошадью. А перспектива все искажалась и искажалась...

А потом вдруг резко изменилось освещение. Небо почернело, как ночью, но стало похоже на плоскую, не отражающую света поверхность. Точно такими же стали и пустые участки между объектами. Свет теперь исходил от самих объектов. Все плоскости испускали белое свечение разной интенсивности, и, горя ярче всего вокруг, ставший вдруг громадным и странным, единорог поднялся на дыбы, ударил передними копытами по воздуху... Казалось, он уничтожит нас, если мы сделаем хоть один шаг.

А потом был только свет.

А потом все замерло.

А потом свет исчез и не осталось совсем ничего — даже черноты. Какой-то разрыв существования, длившийся не то краткий миг, не то целую вечность...

А потом и мрак и свет вернулись. Но только... поменялись местами. Свет заполнил внутренние объемы предметов.

Первое, что я услыхал, — был звук бегущей воды, и понял, что мы все еще у родника. Первое, что я почувствовал, — дрожь, бьющая моего чалого. А потом до меня донесся запах моря.

А потом у меня перед глазами возник Путь... или нет: его искаженный негатив.

Я наклонился вперед — и края предметов осветились более ярко. Откинулся назад — и свет исчез. Снова склонил голову, сильнее, чем в первый раз...

Свет рассеивался. В картине мира появились оттенки се-

рого цвета. Осторожно, почти нежно я сжал коленями бока Стара, понуждая жеребца шагнуть вперед.

Мир вокруг оживал, обретал привычные цвета, очертания, формы...

Я слышал — мои товарищи тронулись в путь позади меня. Далеко внизу виднелся Путь, совсем не таинственный, сам становящийся объяснением той удивительной трансформации, что произошла с миром вокруг нас.

Мы спускались по склону, и вот уже вернулось ощущение перспективы... Море, отчетливо видимое справа, зримо отделялось от неба — всего мгновение назад это было нечто единое — и вверху вода, и внизу... отражение от отражения... Мы ехали по каменистому гребню — вероятно, он начинался от дальнего конца рощи, в том месте, куда нас подвел единорог. Приблизительно в ста метрах внизу лежала удивительно ровная площадка — громадный монолитный каменный овал, по длинной оси что-то около двухсот метров. Гребень, по которому мы ехали, падал влево и снова вздымался, описывая высокую дугу, обнимающую площадку внизу. По левую сторону дуги ничего не было — то есть, вернее сказать, она полого спускалась к незнакомому морю.

Все вокруг стало еще более объемным. Солнце превратилось в величественный золотой шар — такой, какой мы уже видели раньше. Небо обрело такую глубокую синеву, какой никогда не бывало над Амбером, и ни единой тучки не плыло по нему. Таким же синим-пресиним было море, и на нем — ни паруса, ни островка. Не летали птицы. Стояла тишина, которую не нарушали никакие звуки, кроме тех, что производили мы сами. Удивительная, всепоглощающая тишина. И наконец сознание мое прояснилось окончательно, и на лежащий внизу каменный овал легли линии Пути.

Поначалу мне показалось, что он как бы нарисовался на камне, но, когда мы спустились пониже, я увидел, что линии лежат внутри — золотисто-розовые скрижали, похожие на изгибы рисунка экзотического мрамора. Несмотря на очевидную искусственность, линии Пути казались совершенно естественными.

Я натянул поводья Стара, мои спутники тоже придержали коней. Рэндом стал справа от меня, Ганелон — слева.

И мы долго молча смотрели вниз. Черный разлом с резкими грубыми краями рассекал овал от центра до края.

— Знаешь, — наконец вырвалось у Рэндома, — такое ощущение, словно кто-то срезал верхушку Колвира — всю гору до самых подземелий.

— Точно, — отозвался я.

— Значит, если так, то там и должен лежать Путь.

— Верно, — согласился я.

— А этот черный разлом уходит к югу, откуда идет Черная Дорога.

Я медленно кивнул, обретая понимание, которое постепенно переходило в уверенность.

— Но что же это значит? — потрясенно проговорил Рэндом. — Все соответствует истине, но... Ничего не понимаю. Зачем мы попали сюда, зачем нам показывают все это?

— «Соответствует истине» — не те слова, — сказал я. — Все так и есть.

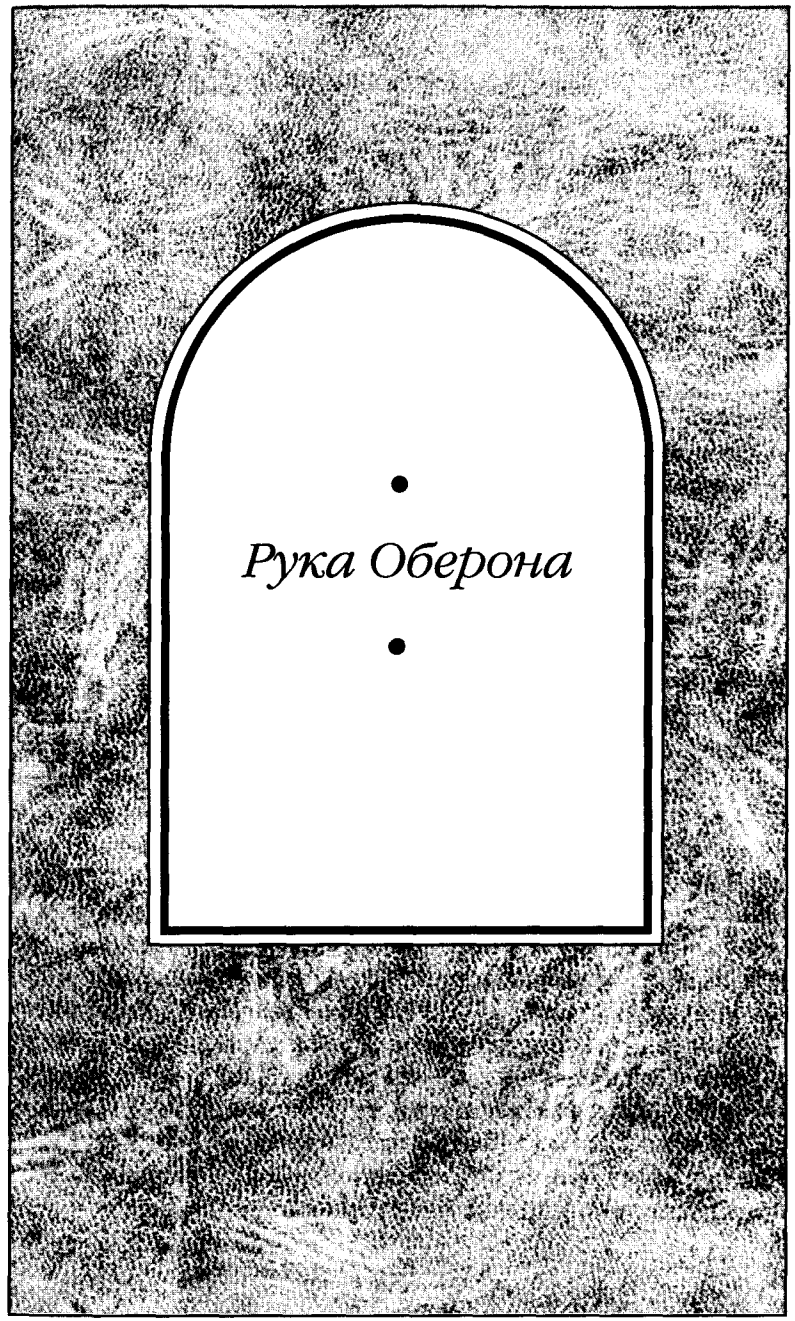
Ганелон повернул к нам голову.

— В той Тени, на Земле, где ты прожил так долго, Корвин, — сказал он, — я слыхал стихотворение о дороге в лесу, о развилке дорог, точнее. Кончалось оно так: «Я по нехоженой пошел, и стало все иным». Когда я услыхал его, это стихотворение, мне припомнилось то, что ты однажды мне сказал: «Все дороги ведут в Амбер». Я думал об этом потом... да и теперь думаю... Для вас-то есть разница или нет, какую из двух дорог выбрать? Для вас, людей одной крови, которых в конце должно ждать одно и то же?

— Понимаешь? — спросил я. — Понимаешь, Ганелон?

— Думаю, да, — кивнул он и вытянул руку. — Значит, там внизу — самый настоящий Амбер?

— Да, — ответил я. — Да, настоящий.

Рука Оберона

Глава 1

Яркая вспышка в памяти моей, подобная этому странному солнцу...

Ага, вот он... Раскинулся в солнечных лучах, хотя прежде я видел его только в темноте, где он светился лишь собственным светом — Путь, Великий Путь Амбера, огненный лабиринт на полукруглой площадке, расположенной то ли ниже, то ли выше загадочного моря-неба.

...И я понял — скорее всего благодаря той нерасторжимой связи, что существовала между мной и Путем, — что он Подлинный. То есть Путь в Амбере — всего лишь его тень, хотя и самая первая. А значит...

Значит, и Амбер, и Ребма, и Тир-на Ног'тх никогда и не могли быть перенесены куда-либо вне пределов нашего мира, и место, которого мы достигли, являлось, согласно закону первородства, Подлинным Янтарным Королевством.

Я повернулся к улыбающемуся Ганелону; его борода и буйная шевелюра словно плавились в безжалостном свете солнца.

— Откуда ты узнал? — спросил я его.

— Видишь ли, у меня хорошо развито чувство предвидения, Корвин, и я помню все твои рассказы об Амбере: как тени самого Королевства способны перемещаться по Царству Теней, подобно тем твоим врагам, с которыми ты не раз сражался. Я часто задавал себе вопрос: а не могло ли что-то из мира Теней отбросить внутрь самого Амбера столь страшную Тень, как Черная Дорога? И мне это показалось возможным, однако лишь под воздействием могучей, неведомой нам силы. — Ганелон показал на лежавший перед нами Огненный Путь. — Вот вроде этого.

— Продолжай, — сказал я.

Выражение лица его переменилось, и он пожал плечами:

— Ну и в таком случае просто обязан был существовать некий более глубокий уровень реальности, чем уровень Амбера. Там, собственно, и творилось все зло. Твой хозяин Единорог привел нас, похоже, именно туда, куда надо, а вон то черное пятно посреди Пути выглядит как результат совершенного злодеяния. Ты согласен со мной?

Я кивнул.

— Я ошеломлен скорее твоей восприимчивостью, нежели тем логическим заключением, которое ты сделал, — сказал я ему.

— Черт побери! — вмешался и Рэндом, стоявший справа от меня. — Если честно, ощущение первозданности этого мира проняло меня до самых кишок — как бы это поделикатнее выразиться... И я действительно верю, что основа, фундамент Амбера именно там, внизу, перед нами!

— Человеку со стороны порой виднее, чем тем, кто в этом мире существует непосредственно, — задумчиво проговорил Ганелон.

Рэндом глянул на меня и снова перевел взгляд на раскинувшийся перед нами Путь.

— Как ты думаешь, Путь будет еще меняться, если мы спустимся и рассмотрим получше? — спросил он.

— Это все равно единственный способ хоть что-то понять, — сказал я.

— Тогда идем гуськом, — кивнул Рэндом. — Я впереди.

— Хорошо.

Рэндом повернул коня сперва направо, потом налево, потом снова направо, двигаясь резкими зигзагами, точно по бесконечным «американским горкам». Ехали мы в том же порядке, что и в течение всего дня, — я за Рэндомом, а Ганелон последним.

— Сейчас вроде бы вполне надежно, — крикнул, оборачиваясь, Рэндом.

— Да, вроде бы, — откликнулся я.

— Там, внизу среди скал, какой-то просвет.

Я наклонился вперед. На одном уровне с овальной площадкой и чуть сзади и правее нас виднелся вход в пещеру. Ее совершенно невозможно было заметить с того выступа наверху, откуда мы любовались Огненным Путем.

— Мы должны пройти весьма близко от нее, — сказал я.

— ...и как можно быстрее, осторожнее и тише, — добавил Рэндом, обнажая клинок.

Я вытащил из ножен Грейсвандир; Ганелон у меня за спиной тоже приготовил оружие.

Мы не стали сразу выезжать на открытое пространство, а еще раз свернули влево. Мы проехали в десяти — пятнадцати футах от входа в пещеру, однако я уловил доносившийся оттуда неприятный запах, определить который не смог. Лошади, похоже, разобрались в ситуации лучше меня, а может, просто были пессимистами от рождения, потому что прижали уши, раздули ноздри и стали тревожно ржать, всхрапывать и упираться, не желая слушаться поводьев. Впрочем, они мгновенно успокоились, стоило нам в очередной раз свернуть в сторону, противоположную пещере, и были спокойны до тех пор, пока мы не достигли конца спуска и не начали движение в направлении разрушенного Пути. Однако к нему лошади просто наотрез отказывались приближаться.

Рэндом спешился. Затем подошел к краю светящегося волшебного узора, постоял, помолчал, глядя на него, и наконец проговорил, не оборачиваясь:

— Похоже, в данном случае Путь разрушен умышленно.

— Похоже, что так, — откликнулся я.

— Также очевидно, что и нас завели сюда с определенной целью.

— И я того же мнения.

— Не требуется слишком богатого воображения: мы здесь для того, чтобы выяснить, каким образом был разрушен Путь и как можно его исправить.

— Возможно. И ты уже успел поставить диагноз?

— Пока нет.

Рэндом двинулся по периметру площадки, на которой светился Путь — дальше, вправо, туда, откуда доносился тот самый запах. Я снова сунул меч в ножны и приготовился спрыгнуть на землю, но Ганелон подъехал ближе и сжал мое плечо.

— Я вполне могу и сам... — начал было я, однако он беспокоился не обо мне.

— Корвин, там, примерно на середине Пути, что-то явно

не в порядке. И эта штука выглядит так, будто не имеет ни малейшего отношения...

— Где? Какая штука?

Он показал, и я внимательно присмотрелся. Да, там действительно виднелся какой-то совершенно посторонний предмет. Палка? Камень? Скомканная бумага? С такого расстояния определить было невозможно.

— Теперь вижу, — сказал я.

Мы оба спешились и пошли к Рэндому, который к тому времени уже сидел на корточках у самого края и изучал потемневший сектор площадки.

— Ганелон заметил там какую-то штуковину, примерно на середине, — сказал я.

Рэндом кивнул:

— Я тоже ее заметил и как раз пытался определить, как бы мне получше к ней подобраться. Меня вовсе не привлекает прогулка по нарушенному Пути. С другой стороны, и через почерневший участок идти опасно... Ты-то что на сей предмет думаешь?

— Во-первых, даже если Путь и нарушен, чтобы пройти по нему, всегда требуется некоторое время, — сказал я. — Особенно если сопротивление там примерно такое же, как и в Амбере. Во-вторых, нас всегда учили, что сбиться с Пути — значит погибнуть, а это пятно вполне может заставить сойти с Пути даже меня. А если пойти прямиком через потемневший сектор, то — и здесь ты прав — это может привлечь внимание наших врагов. Так что...

— Так что ни один из вас никуда не пойдет, — вмешался Ганелон. — Это сделаю я.

И он, не ожидая ответа, с разбегу прыгнул на черный сектор, стремительно пролетел по нему до самого центра, довольно долго, как нам показалось, возился там, наконец подобрал интересующий нас предмет, развернулся и устремился назад.

Через несколько секунд он стоял перед нами.

— Зачем же было так рисковать? — произнес Рэндом с укором.

Ганелон кивнул, признавая его правоту, однако возразил:

— Но ведь вы оба до сих пор спорили бы, если б я не рискнул. — Он протянул нам подобранный предмет. — Итак, что вы скажете теперь?

Это был кинжал с надетой на острие игральной картой, испачканной кровью. Я взял у него и кинжал, и карту.

— Похоже на карту из нашей фамильной колоды, — проговорил Рэндом.

Я кивнул и снял карту с острия клинка; потом расправил смятые и порванные уголки. Человек, на которого я сейчас смотрел, был мне отчасти знаком — что само собой подразумевало, конечно, что отчасти он мне был и совершенно чужой. Светлые прямые волосы, чуть резковатые черты лица, легкая улыбка на губах, — не слишком крепкого сложения...

Я покачал головой:

— Я его не знаю...

— Дай-ка мне посмотреть. .

Рэндом взял у меня карту, глянул на нее и нахмурился.

— Нет, — сказал он, помолчав. — Я, пожалуй, тоже его не знаю. Хотя почти уверен, что должен был бы знать, но... Нет.

И тут лошади снова жалобно заржали, только гораздо более громко. Мы как-то позабыли чуть свернуть, чтобы выяснить причину их беспокойства, но тут «причина» сама решила явиться пред нами.

— О черт! — воскликнул Рэндом.

Я был с ним вполне согласен.

Ганелон трубно прочистил глотку и выставил вперед свой клинок.

— Кто-нибудь знает, что это такое? — тихо спросил он.

Сперва мне показалось, что чудовище, выползшее из пещеры, больше всего похоже на змея или дракона: оно извивалось, и у него был длинный толстый хвост весьма угрожающего вида. Тварь передвигалась с помощью четырех мощных и широких лап, довольно коротких, однако снабженных длинноющими острыми когтями. Узкая голова чудовища заканчивалась клювом, и тварь покачивала ею из стороны в сторону, медленно приближаясь к нам и показывая то один свой бледно-голубой глаз, то другой. Большие кожистые багряного оттенка крылья были сложены вдоль спины. Ни шерсти, ни перьев мы не заметили, однако на груди, на плечах, вдоль хребта и хвоста чудовище было покрыто пластинами чешуи. От острого как штык клюва до кончика извивающегося хвоста в нем

было немногим более трех метров. Двигаясь, оно издавало слабый звон, и я заметил, как на шее у него вспыхнуло что-то яркое.

— Наиболее близким к этому чудовищу животным, — заговорил наконец Рэндом, — мне представляется геральдический зверь грифон. Только этот почему-то плешивый и какой-то красный.

— Да, птичка определенно не с нашего герба, — прибавил я, поднимая Грейсвандир и покачивая его острием на уровне грифоновой башки.

Грифон высунул красный раздвоенный язык, на несколько дюймов приподнял крылья и снова их опустил. Когда его голова наклонялась вправо, хвост двигался влево, и наоборот; в итоге эти покачивания производили на зрителей почти гипнотический эффект.

Грифон, казалось, куда больше интересовался лошадьми, чем нами, ибо направился прямехонько к коновязи, где наши кони дрожали и переступали ногами от волнения. Я мгновенно вклинился между ними.

И тут грифон встал на дыбы.

Взметнулись и широко распростерлись красноватые крылья, словно два старых паруса, вдруг надувшихся от порыва ветра. Он стоял на задних лапах, значительно возвышаясь над нами, и теперь казался по крайней мере раза в четыре больше, чем прежде. Потом он взревел, словно вызывая врага на битву, и от этого рева у меня зазвенело в ушах. Продолжая реветь, грифон захлопал крыльями и взлетел, на мгновение чем-то напомнив большую неуклюжую птицу.

Лошади сорвались с привязи и бросились в разные стороны. Теперь грифона нам было не достать. И тут я вдруг догадался, что означали тот перезвон и яркие блестки у него на шее. Он сидел на цепи! Длиннющая цепь тянулась из глубины зловонной пещеры, и ее точная длина мгновенно стала для нас вопросом далеко не только академического интереса.

Я повернулся, когда грифон пролетал мимо, злобно шипя и хлопая крыльями, и увидел, что он буквально рухнул на землю невдалеке от нас. У него явно не хватило времени, чтобы набрать настоящую высоту. Да и цепь мешала. Мой Стар и Дракон Ганелона отступали к дальнему концу овальной площадки, но конь Рэндома по кличке Яго прыгнул прямо на темный сектор и двинулся в сторону Огненного Пути.

Грифон, опустившись на землю, повернулся было в сторону Яго, словно намереваясь погнаться за ним, затем внимательно оглядел нас и застыл как изваяние. На сей раз он был гораздо ближе к нам и склонил свою башку набок, как бы демонстрируя правый глаз; потом приоткрыл клюв и что-то тихо прокаркал.

— А что, если нам первыми напасть на него? — предложил Рэндом.

— Нет, погоди-ка... Как-то он странно ведет себя... — Заслышав мои слова, грифон низко опустил голову и свесил полураскрытые крылья до земли. Затем три раза поскреб землю клювом, снова поднял голову и аккуратно сложил крылья вдоль туловища. Хвост его разок шевельнулся, потом более энергично задвигался из стороны в сторону. Он снова открыл клюв и повторил свое птичье приветствие.

И тут нас отвлекли.

Яго уже миновал темный сектор и прошел по светящейся линии Пути метров пять или шесть; теперь силовые линии пронизывали его насквозь, и он был пришпилен ими к поверхности Пути, точно муха к липучке. Конь громко заржал, когда искры пробежали по его телу, а грива встала дыбом.

Небо у нас над головами мгновенно стало темнеть. Но это было отнюдь не обычное облако. Это было некое довольно плотное и абсолютно круглое образование, в середине красное и желтое по краям, которое вращалось по часовой стрелке. Звук, похожий на удар колокола, донесся из него до наших ушей, и за колокольным звоном сразу последовал невероятный рев.

Яго все еще пытался вырваться из паутины силовых полей; сперва ему удалось высвободить правую переднюю ногу, потом он снова запутался, зато высвободил левую. Все это время он громко и дико ржал. Снопы искр взвивались ему до плеч, и он стряхивал их с себя, словно капли дождя, а все его тело приобрело маслянистый оттенок и начало слабо светиться.

Рев стал еще оглушительней, а в центре той красной штуковины, что повисла над нами, начали плясать маленькие молнии. И тут мое внимание привлек какой-то шуршащий звук; я глянул себе под ноги и увидел, что грифон подполз со-

всем близко и как бы отгородил нас своим телом от странного красного облака. Он весь скрючился, словно горгулья, отвернулся от нас и внимательно следил за развитием событий. Яго как раз удалось высвободить обе передние ноги и даже встать на дыбы. Теперь конь казался каким-то нематериальным, волшебным существом из-за светящейся кожи, снопами рассыпавшихся искр и некоторой расплывчатости силуэта. Наверное, он яростно ржал, однако мы не слышали ни его ржания, ни каких-либо других звуков: все заглушал неумолчный рев, доносившийся сверху.

Из ревущего круглого «облака» вниз спустилось нечто вроде воронки — яркой, светящейся, тоже воющей и вращающейся с невероятной скоростью. Воронка вытянулась, коснулась своим тонким концом вставшей на дыбы лошади, на какое-то мгновение необычайно расширилась — и жеребец исчез. На несколько секунд воронка замерла, похожая на отлично сбалансированный детский волчок. Потом вой стал стихать.

Через несколько секунд ствол воронки сам собой медленно поднялся, почти втянулся внутрь — теперь он был длиной не более человеческого тела — и завис над Путем. Все «облако» резко взмыло ввысь с той же быстротой, с какой опустилось.

Вой прекратился, крохотные молнии внутри красного круга начали затухать. «Облако» на глазах бледнело и вращалось гораздо медленнее. Вскоре оно стало не больше клочка темной тучки на горизонте, а потом исчезло совсем.

От Яго не осталось и следа.

— Только ни о чем меня не спрашивай, — успел сказать я, так как Рэндом уже повернулся ко мне, — я тоже ничего не понимаю.

Он кивнул и переключил свое внимание на нашего краснокрылого знакомца, который как раз начал погромыхивать своей цепью.

— Ну а что с этим клоуном делать? — спросил Рэндом, проводя пальцем по лезвию клинка.

— Я уверен, что он определенно пытался нас защитить, — сказал я, делая шаг вперед. — Прикрой меня. Я хочу кое-что попробовать.

— Ты уверен, что способен двигаться достаточно быстро? — шепнул он. — С твоей дыркой в боку...

— Не беспокойся. — И я продолжал тихонько подходить к грифону.

Рэндом был прав насчет моего левого бока; подживающая уже рана, нанесенная тем кинжалом, все еще побаливала и при каждом удобном случае как бы старалась мне помешать. Но я крепко сжимал Грейсвандир в правой руке, и почему-то как раз сейчас мне особенно хотелось доверять собственным инстинктам. Раньше я часто и весьма успешно пользовался своей интуицией. Порой подобная игра со смертью представляется мне как нельзя более уместной.

Рэндом сдвинулся чуть вперед и вправо. Я повернулся лицом к грифону и протянул ему свою левую руку, как если бы, например, здоровался с незнакомой собакой. Впрочем, довольно медленно протянул. Наш геральдический приятель уже давно встал, выпрямился и теперь как раз разворачивался мордой ко мне.

Он довольно долго и внимательно изучал Ганелона, стоявшего поодаль, слева от меня. Потом уставился на мою протянутую руку. Потом снова низко-низко опустил голову и поскреб клювом землю, в точности как прежде, и очень тихо что-то прокаркал; потом поднял голову, медленно вытянул ее по направлению ко мне, подтащил поближе свой огромный хвост, чтобы было удобнее, и коснулся клювом моих пальцев. Затем повторил все представление сначала. Тогда я осторожно положил руку ему на голову. Виляние хвостом усилилось, но голова оставалась неподвижной. Я нежно почесал ему шею, и грифон стал медленно подставлять ее под мои пальцы: ему явно было это очень приятно. Я убрал руку и отступил на шаг назад.

— По-моему, мы с ним друзья, — тихонько проговорил я. — Теперь ты, Рэндом.

— Ты что, смеешься?

— Нет. Я совершенно уверен: это безопасно. Попробуй.

— А что, если ты ошибаешься?

— Тогда я перед тобой извинюсь.

— Ничего себе!..

Рэндом подошел к грифону и протянул к нему руку. Тот по-прежнему вел себя исключительно дружелюбно.

— Ну хорошо, — сказал Рэндом примерно минуту спустя, все еще почесывая грифону шею, — и что мы этим доказали?

— То, что это всего лишь сторожевой пес.

— И что же он стережет?

— Ну разумеется, Путь!

— В таком случае я утверждаю, — заявил Рэндом, отступая назад, — что работа этого сторожа оставляет желать лучшего. — Он указал на темный сектор. — Что, собственно, объяснимо, если он так же дружелюбен ко всем тем, кто не ест ни овса, ни лошадей.

— А по-моему, в этом отношении он как раз весьма разборчив. Возможно также, что его посадили здесь уже после того, как Путь был разрушен, на случай возобновления подобных злостных попыток.

— И кто же его здесь посадил?

— Это я и сам хотел бы узнать. Кто-то из наших сторонников, видимо.

— Что ж, попробуй собрать дополнительные доказательства своей теории. Теперь вели Ганелону погладить эту собачку.

Ганелон не двинулся с места.

— А может, у членов вашего семейства какой-нибудь запах особый, — сказал он в конце концов, — и грифон по нему отличает уроженцев Амбера? Нет уж, спасибо, тут я пас.

— Ладно. Это не так уж и важно. Ну а что ты вообще можешь сказать обо всем случившемся?

— Из двух группировок, борющихся за право сидеть на троне Амбера, — сказал Ганелон, — сильнее та, которую представляют Брэнд, Фиона и Блейз: у них, как ты сам говорил, гораздо больше знаний и возможностей воздействовать на те силы, что вьются вокруг Королевства. Брэнд ничего толком не рассказал тебе — разве что ты сам умудрился видеть кое-какие происшествия, к которым он мог иметь отношение, — однако, согласно моему предположению, нанесенный Пути ущерб наглядно демонстрирует те средства, благодаря которым союзники этой группировки завоевали доступ в Амбер. Благодаря действиям одного или нескольких из этих союзников и возникла, например, Черная Дорога. Если сторожевой пес, посаженный здесь, реагирует на запах членов вашей семьи или еще на какую-то подобную информацию, заложенную во всех вас, то это значит, что он преспокойно мог сидеть

здесь и не чувствовать ни малейшей потребности вмешиваться, пока творилось зло.

— Возможно, ты прав, — заметил Рэндом. — А что ты думаешь насчет способа, которым они воспользовались?

— Если хочешь, — сказал Ганелон, — я вам это продемонстрирую, но только мне кое-что для этого нужно.

— А что именно?

— Идите сюда, — пригласил он, направляясь к краю площадки, на которой горел Огненный Путь.

Я последовал за ним, Рэндом тоже. Грифон осторожно крался со мною рядом. Ганелон повернулся и протянул руку.

— Корвин, можно тебя побеспокоить? Передай мне, пожалуйста, тот кинжал, что я подобрал там.

— Пожалуйста, — произнес я, вытаскивая кинжал из-за пояса и протягивая ему.

— Ты так и не сказал, что для этого нужно? — снова спросил требовательным тоном Рэндом.

— Кровь принца Амбера, — ответил Ганелон.

— Не уверен, что эта идея мне по вкусу, — покачал головой Рэндом.

— Тебе придется лишь уколоть палец этим кинжалом, — сказал Ганелон, протягивая ему клинок, — чтобы капля твоей крови упала на линию Пути.

— И что случится тогда?

— Давай попробуем и увидим.

Рэндом посмотрел на меня:

— А ты что скажешь?

— Давай-давай! По крайней мере что-то выясним. Это действительно интересно.

Он кивнул, взял из рук Ганелона кинжал и оцарапал им кончик своего левого мизинца. Потом выдавил капельку крови, держа палец точно над светящейся линией Пути. Красная капля чуть увеличилась, задрожала и упала вниз.

И тут же там, где она коснулась Пути, взвился столб дыма и послышался негромкий треск.

— Черт меня побери! — воскликнул явно восхищенный Рэндом.

Крошечное пятно на поверхности Пути уже достигло размеров серебряного доллара.

— Ну вот вам, пожалуйста! — сказал Ганелон. — Именно так это и было сделано.

Пятнышко действительно выглядело в точности так же, как и огромное пятно в центре Пути, справа от нас. Грифон, вытянув шею, издал короткий пронзительный вопль и быстро отпрянул, испуганно вертя головой и глядя на каждого из нас по очереди.

— Спокойно, приятель, спокойно, — пробормотал я, снова почесывая ему шею.

— Но что могло вызвать появление такого большого... — начал было Рэндом и понимающее закивал головой.

— Действительно, следов нет, — заметил Ганелон. — Однако я не вижу никаких следов и на том месте, где только что был уничтожен твой Яго.

— Значит, кровь Амбера, — задумчиво проговорил Рэндом. — Дорогой Ганелон, ты сегодня прямо-таки переполнен различными догадками и предвидениями, а?

— Спроси Корвина, пусть расскажет тебе о Лоррен, о той стране, где я так долго прожил, — сказал Ганелон, — и о том месте, где начинается Черный Круг. Я весьма чувствителен к воздействию этих сил, хотя знаю их скорее на расстоянии. Но их природа становилась мне все яснее с каждым вашим новым рассказом. Да, сейчас я научился даже кое-что интуитивно предугадывать в действиях этих сил, ибо теперь мне известно гораздо больше. Спроси Корвина, высоко ли он оценивает своего генерала, его ум и способность предугадывать события.

— Корвин, — сказал Рэндом, — дай-ка мне ту проколотую карту.

Я вытащил ее из кармана и разгладил. Сейчас кровавые пятна на карте выглядели еще более зловещими. И еще одно поразило меня: я не мог поверить, что это работа Дворкина, мудреца, мага, Мастера Линии и наставника детей Оберона, но только сейчас мне пришло в голову, что кто-то другой оказался способен сделать нечто подобное. И хотя общий стиль казался в какой-то степени знакомым, это была не его работа. Не Дворкина. Но где же я раньше видел столь уверенную линию, не такую непринужденную, правда, как у старого Мастера? На этом рисунке каждый штрих был как бы тщательнейшим образом продуман еще до того, как перо коснулось бумаги. И еще кое-что было здесь не так: некое нарочитое подчеркивание отдельных черт, как если бы художник работал под воздействием собственных старых воспоминаний или чужих описаний, а не видя перед собой живой объект.

— Карту, пожалуйста, Корвин, — напомнил мне Рэндом.

Именно то, как он это сказал, и заставило меня колебаться. Я почувствовал, что он примерно на шаг впереди меня в опознании чего-то очень важного, и это ощущение мне совсем не понравилось.

— Не забывай: я только что по твоей просьбе чесал этого старого урода, а потом пожертвовал во имя общего дела собственной кровью, так что давай-ка сюда карту.

Я отдал ему карту, и мое беспокойство усилилось, когда он, зажав ее в руке, сдвинул брови. Я почему-то вдруг почувствовал себя исключительно глупым. Неужели одна ночь в Тир-на Ног'тхе способна так замедлить деятельность мозга? Почему...

Вдруг из уст Рэндома посыпались проклятия; он богохульствовал так изощренно, что превзошел все, что мне когда-либо доводилось слышать за долгую жизнь воина.

Потом я спросил:

— В чем все-таки дело? Я что-то не понимаю...

— Кровь Амбера! — сказал он наконец. — Кто бы ее ни пролил, шел по Пути первым, понимаешь? Потом они тоже стояли там, в центре, установив с ним контакт с помощью этой карты. И когда контакт был установлен, они нанесли ему предательский удар в спину. Это его кровь пролилась на линию Пути, нанеся ей такой ущерб.

Рэндом умолк, глубоко вдыхая воздух и словно не в силах надышаться.

— Это напоминает какой-то ритуал, — сказал я.

— К черту ритуалы! — заорал он. — К черту всех их! Один из них уж точно умрет, Корвин, и это я убью его... или ее.

— Я все еще не...

— Ах, глупец! — воскликнул он. — Как же я сразу-то не разглядел? Посмотри! Посмотри внимательней!

Рэндом сунул проткнутую кинжалом карту мне под нос, и я тупо уставился на нее. Я все еще ничего не понимал.

— А теперь посмотри на меня! — крикнул он. — Меня-то ты видишь?

Его я видел. И снова посмотрел на карту. И понял наконец, что он имел в виду.

— Я всегда был для него всего лишь неведомым шепотом жизни в темноте... Но для своих грязных целей они использовали именно его, моего сына, — сказал он. — Это, конечно, его карта, карта Мартина.

Глава 2

Стоя возле разрушенного Пути и глядя на изображение человека, который то ли был, то ли не был сыном Рэндома и погиб (а может быть, и нет?) от предательского удара в спину, нанесенного как бы извне Пути, я мысленно совершил гигантский прыжок в прошлое, чтоб хоть на мгновение представить себе череду событий, закончившихся здесь. За последнее время я узнал так много для себя нового, что события нескольких минувших лет теперь представлялись мне совсем в ином свете, чем тогда, когда я сам был их участником. И все эти события и перемены в моем восприятии вновь как бы сместили только что открывшуюся передо мной перспективу.

Я ведь не помнил даже собственного имени, когда очнулся в «Гринвуде», в той частной клинике в Нью-Йорке, где совершенно бессмысленно провалялся целые две недели после автомобильной катастрофы. И лишь недавно узнал, что авария эта была подстроена моим братцем Блейзом, как только я сбежал из санатория Портера в Олбани. Я выудил эту историю из другого своего братца, Брэнда, который, в сущности, и засадил меня в этот санаторий, использовав фальшивые заключения психиатров. В санатории меня подвергли лечению электрошоком; процедуры повторялись настолько часто, что их результаты хоть и казались довольно сомнительными, однако явно способствовали возвращению моей памяти. Очевидно, именно это больше всего и напугало Блейза, и он предпринял очередную попытку убрать меня, когда во время моего бегства из санатория прострелил в моем автомобиле парочку шин. В этот миг я как раз входил в крутой поворот над озером, и все, без сомнения, должно было закончиться весьма печально, если бы Брэнд не следовал за Блейзом по пятам и не был

готов во что бы то ни стало защитить свой страховой полис, то есть меня. Он тогда побеседовал с полицейскими, вытащил меня из озера и даже успел оказать первую помощь до приезда медиков. Однако вскоре после этого Брэнд был взят в плен своими же бывшими союзниками — Блейзом и нашей сестрицей Фионой — и заключен в тщательно охраняемую башню где-то в Царстве Теней.

Две родственные группировки внутри нашего семейства постоянно занимались политическими интригами, устраивая друг против друга заговоры, следуя друг за другом по пятам, дыша друг другу в затылок и делая всякие гадости. Эрик, пользовавшийся поддержкой Джулиана и Кейна, давно готовился захватить трон, с давних пор пустовавший после необъяснимого исчезновения нашего отца Оберона. То есть необъяснимым исчезновение Оберона было для Эрика, Джулиана и Кейна. А для другой группировки — Блейза, Фионы и некоторое время действовавшего с ними заодно Брэнда — ничего необъяснимого в его исчезновении вовсе не было, ибо именно они специально подготовили целую сеть событий, чтобы обеспечить вступление на престол Блейза.

Однако в какой-то момент Брэнд совершил тактическую ошибку, попытавшись в играх по захвату трона заручиться помощью еще одного нашего брата, Кейна. Кейн решил, что для него выгоднее и надежнее держаться стороны Эрика. Брэнд тоже начал сомневаться, опасаясь могущества Эрика, и в результате оказался отвергнут своими союзниками Блейзом и Фионой. В итоге, когда все повернулись к нему спиной, он решил начать игру заново и отправился в Царство Теней, на Землю, туда, где Эрик несколько столетий тому назад оставил меня умирать от чумы. Лишь много позже Эрик узнал, что я тогда не умер, однако полностью утратил память, что было, в сущности, для него почти так же хорошо, и приставил нашу сестру Флору следить за мной, надеясь, что эта ссылка будет для меня последней. Брэнд позже рассказывал, что я тогда был препоручен сомнительным заботам Портера и жаждал непременно восстановить свою память, чтобы вновь вернуться в Амбер.

Пока Фиона и Блейз имели дело с Брэндом, Эрик поддерживал постоянную связь с Флорой. Это она подготовила тогда мой переезд в «Гринвуд» из клиники, куда меня после аварии

поместили полицейские, и строго наказала держать меня на наркотиках. Эрик тем временем начал подготовку к собственной коронации. Вскоре после этого идиллическая жизнь нашего братца Рэндома в Тексорами была нарушена: Брэнду удалось послать ему весточку с просьбой об освобождении, минуя наши нормальные каналы связи, то есть фамильные карты. И пока Рэндом, который, к счастью, не принадлежал ни к одной из двух противоборствующих группировок, занимался этим делом, мне удалось выбраться из «Гринвуда», хотя память моя была восстановлена еще далеко не полностью. Я вытряс адрес Флоры из перепуганного главврача и отправился к ней в Уэстчестер, вступив в игру и отчаянно блефуя.

Я поселился у Флоры в качестве гостя, по-прежнему занятый восстановлением памяти, а Рэндом между тем потерпел серьезную неудачу в попытке освободить Брэнда. Убив змея, сторожившего башню, он был вынужден спасаться бегством от внутренней стражи, использовав при этом тамошние странные подвижные скалы. Стража — наглая банда не совсем гуманоидных хмырей — гналась за ним через все Царство Теней, что обычно недоступно тем, кто родился не в Амбере. И Рэндому в итоге пришлось спасаться там, где мы с Флорой все еще бродили по тропам взаимного недоверия. Рэндом вышел со мной на связь и пересек континент, заручившись моим обещанием оказать ему поддержку и защиту, и явился в дом Флоры, полагая, что его преследователи — это именно моя армия. Когда же я сам помог ему уничтожить их, он был страшно озадачен, однако не пожелал ничего выяснять, ибо я по-прежнему оставался для него претендентом на трон. Впрочем, Рэндома оказалось вовсе не трудно уговорить отправиться вместе со мной в Амбер через Царство Теней.

Это путешествие было удачным во многих отношениях, хотя кое в чем нам крупно не повезло. Когда я наконец вспомнил, на каком свете нахожусь и кто я такой на самом деле, Рэндом и наша сестра Дейрдре, которую мы повстречали в пути, проводили меня в зеркальное отражение Амбера — подводный город Ребму. Там я прошел по Огненному Пути и в результате вспомнил сразу все, что так безнадежно выпало из моей памяти, а заодно решил и весьма спорный для моих родственников вопрос о том, настоящий ли я Корвин или же просто одна из его Теней. Из Ребмы я, используя могущество

Пути, мгновенно переправился в Амбер; там бился на дуэли с Эриком, однако не убил его и бежал, воспользовавшись фамильными картами, во владения своего брата и предполагаемого убийцы Блейза.

Я был союзником Блейза во время предпринятого им штурма Амбера — в этом неудачном предприятии мы проиграли. Во время последнего боя Блейз исчез, причем при таких обстоятельствах, которые, казалось бы, явно свидетельствовали о его гибели; однако чем больше я думал об этом, тем меньше мне это представлялось достоверным. В результате я сам оказался пленником Эрика и незваным гостем на пиру в честь его коронации, после чего он велел ослепить меня и запер в подземелье. Несколько лет, проведенных в донжонах Амбера, способствовали восстановлению моего зрения, однако сильно расшатали мою нервную систему и рассудок. И лишь случайное появление старинного друга и советника моего отца Дворкина, рассудок которого пребывал в еще более удручающем состоянии, чем мой, привело меня в итоге к спасению.

Бежав из темницы, я усердно восстанавливал силы и в следующий раз готовился проявить большую осторожность, если решусь пойти против Эрика. Потом, путешествуя по Царству Теней, я добрался до своего старого королевства Авалона, которым правил когда-то; я намеревался раздобыть там некое вещество, о котором среди всех членов нашей семейки знал один лишь я. Это было единственное в своем роде химическое вещество, способное взорвать стены Амбера. По пути я миновал страну Лоррен, встретив там своего авалонского генерала Ганелона (или кого-то чрезвычайно на него похожего), который находился в ссылке. Там мне пришлось немного задержаться — из-за одного раненого рыцаря, девушки и местных грязных интрижек, удивительно похожих на те, что творились и в Амбере; кроме того, меня задержал все расширяющийся Черный Круг, который оказался каким-то образом связан с той Черной Дорогой, по которой передвигались наши враги и за появление которой я в глубине души чувствовал свою вину, ибо произнес некое ужасное проклятие в тот миг, когда мне выжгли глаза. Битву в Лоррен я выиграл, но девушку потерял и отправился дальше в Авалон вместе с Ганелоном.

Достигнув Авалона, мы очень быстро убедились в том, что

это королевство находится под покровительством моего брата Бенедикта, который давно уже боролся со своими собственными неприятностями — явления в его королевстве были, возможно, родственны возникновению Черного Круга и Черной Дороги. В последнем поединке с этим злом Бенедикт потерял правую руку, однако ему удалось одержать блестящую победу в битве с ведьмами, настоящими исчадиями ада. Он предупредил меня, чтобы я всегда имел самые чистые намерения относительно Амбера и Эрика, а затем предложил воспользоваться гостеприимством своего замка. Самому же ему еще несколько дней требовалось провести на полях сражений. Именно у него-то я и встретился с Дарой.

Дара сообщила мне, что является правнучкой Бенедикта, хотя ее существование держится в тайне для принцев Амбера. Она вытянула из меня все сведения о нашем королевстве, какие смогла: об Огненном Пути, о фамильных картах, о способности передвигаться по Царству Теней... Она была хороша собой, умна и, кроме того, была отличным фехтовальщиком и прелестной любовницей. Особенно часто мы с ней предавались любовным утехам после моего возвращения из дьявольски опасного путешествия, где я разжился достаточным количеством алмазов, чтобы с лихвой расплатиться за то вещество, которое понадобится мне при следующем штурме Амбера. Потом мы с Ганелоном, взяв с собой необходимый запас химикатов, отправились в Царство Теней, на Землю, место моей недавней ссылки, чтобы добыть там автоматическое оружие и еще кое-какие боеприпасы.

Все это время нам довольно сильно мешала Черная Дорога, влияние которой среди миров Тени, похоже, весьма усилилось. Неприятностей нам обоим досталось примерно поровну, однако же я чуть не погиб во время нелепой дуэли с Бенедиктом, который почему-то как бешеный бросился за нами в погоню. Он был слишком разъярен, чтобы выслушать мои объяснения, и с ходу вступил со мною в бой близ небольшого леска. Бенедикт был куда лучшим фехтовальщиком, чем я, хоть и действовал теперь одной только левой рукой. Мне удалось спастись и перехитрить его лишь благодаря одному фокусу с Черной Дорогой, о котором он понятия не имел. Я был убежден, что брат жаждет моей крови из-за любовной интрижки с Дарой. Но нет. Из тех нескольких слов, которыми

мы с ним обменялись, мне стало ясно, что он совершенно ничего о ней не знает. Он заявил, что погнался за нами исключительно потому, что мы якобы перебили всех его преданных слуг. К этому времени Ганелон действительно обнаружил несколько свеженьких трупов в лесу близ замка Бенедикта, однако мы договорились о них даже не вспоминать, поскольку понятия не имели, откуда они взялись и кто такие, и не имели желания еще больше осложнять нашу и без того сложную жизнь.

Оставив лишившегося сознания Бенедикта на попечение нашего брата Джерарда, которого я вызвал с помощью карт из Амбера, мы с Ганелоном продолжили свой путь в земное Царство Теней, приобрели там оружие, собрали подходящее войско и двинулись обратно, намереваясь взять Амбер штурмом. Однако же, прибыв в Янтарное Королевство, обнаружили, что оно уже подверглось нападению существ, явившихся по Черной Дороге. Мое новое оружие тут же пошло в ход для защиты Амбера, а мой брат Эрик во время этого яростного сражения погиб, оставив мне и свои проблемы, и свои дурные устремления, и Судный Камень — контролирующее погоду устройство, которое он использовал против меня, когда мы с Блейзом впервые атаковали Амбер.

Тут-то как раз и появилась Дара: пронеслась верхом мимо нас прямо в Амбер, отыскала Путь и успешно прошла по нему — наиважнейшее свидетельство того, что в ее жилах тоже течет королевская кровь и мы в самом деле родственники. Однако же во время движения по Огненному Пути она постоянно меняла свой облик, причем самым немыслимым образом, а завершив это испытание, объявила, что Янтарное Королевство непременно будет уничтожено, и мгновенно исчезла.

Примерно через неделю после этого был убит Кейн, причем при обстоятельствах, бросающих подозрение на меня. Тот факт, что именно я убил его убийцу, вряд ли мог восприниматься как достаточное доказательство моей невиновности, тем более что этот тип был явно не в состоянии сказать что-либо внятное. Однако, вспомнив, что я уже видел ему подобных среди тех существ, которые преследовали Рэндома, когда тот спасался в доме Флоры, я в конце концов нашел время, чтобы посидеть вдвоем с Рэндомом и выслушать до конца ис-

торию его неудачной попытки вызволить Брэнда из плена в башне.

Я отправился в Амбер, чтобы вызвать на поединок Эрика, а Рэндом остался в Ребме — королева Ребмы, Моэри, заставила его жениться на одной из ее придворных по имени Вайол, милой слепой девушке. Отчасти Моэри таким образом наказала Рэндома за проступок, совершенный много лет назад, когда он бросил ее беременную дочь Морганту, ставшую матерью Мартина и вскоре совершившую самоубийство. Этот самый Мартин вроде бы и был изображен на карте, которую Рэндом держал сейчас в руках. Рэндом, как ни странно, влюбился в Вайол по-настоящему.

Итак, оставив Рэндома в Ребме, я получил-таки Судный Камень и спустился с ним глубоко в подземелье, в Зал Пути. Там я воспользовался частично известными мне инструкциями и настроил Камень на нужный мне лад. Во время этой настройки я пережил некие весьма необычные ощущения, однако добился контроля над наиболее важной функцией Камня: способностью управлять метеорологическими явлениями. После этого я как можно подробнее расспросил Флору о причинах той своей ссылки. Рассказанное ею казалось вполне правдоподобным и совпадало с теми фактами, которыми располагал уже я сам; но я все время чувствовал, что кое-какие события той злосчастной «аварии» она все же утаивает; Флора, правда, пообещала мне опознать убийцу Кейна, если это одно из тех существ, с которыми мы с Рэндомом бились у нее дома в Уэстчестере, и заверила меня в своей полной сестринской поддержке.

Даже услышав рассказ Рэндома, я все еще ничего не подозревал о существовании двух группировок внутри нашего семейства и об их происках. И решил, что если Брэнд жив, то главное для нас — освободить его; хотя бы уже потому, что он, по всей очевидности, обладает некоей важной информацией, распространения которой кто-то весьма не желал. Я приложил все силы для воплощения в жизнь своего замысла, отложив задуманное лишь для того, чтобы мы вместе с Джерардом могли вернуть тело Кейна в Амбер. Впрочем, Джерард за это время успел еще избить меня до потери сознания — просто на тот случай, если я забыл, на что он способен, и чтобы прибавить веса своим словам: мол, он непременно лично меня прикончит, если окажется, что именно я виновен в переживаемых теперь Амбером напастях. А вообще это был по-настоящему изысканный поединок, и его, благодаря карте Джерарда, наблюдало все наше семейство — своеобразная гарантия на тот случай, если все-таки именно я окажусь виновным и мне придет в голову вычеркнуть имя Джерарда из списка живых. Потом мы поехали в рощу Единорога и там откопали тело Кейна. Именно тогда нам и удалось ненадолго увидеть легендарного Единорога Амбера.

В тот вечер все мы встретились в библиотеке; то есть там были Рэндом, Джерард, Бенедикт, Джулиан, Дейрдре, Фиона, Флора, Ллевелла и я. Там мы обсудили мой план возвращения Брэнда в лоно семьи. Все одновременно пришли к выводу, что его следует попытаться отыскать с помощью карт. И эта попытка оказалась удачной.

Мы вышли с ним на контакт, и нам общими усилиями удалось вернуть его в Амбер. Однако среди всеобщего оживления, суматохи и сутолоки, когда Джерард протаскивал Брэнда сквозь Тени, кому-то удалось пырнуть его в бок кинжалом. Джерард тут же объявил себя единственным действительно сведущим врачом и выгнал всех остальных из комнаты.

Делать было нечего, и мы перебрались вниз, в гостиную, чтобы перекусить и обсудить случившееся. Вот тут-то Фиона и посоветовала мне воспользоваться Судным Камнем, который мог бы показать нам похищение Брэнда из темницы как в замедленной съемке, предположив, однако, что именно Камень послужил причиной смерти Эрика, а не нанесенные ему раны. Она считала одним из первых признаков воздействия Камня нарушение чувства времени — некое очевидное несовпадение временных границ событий и их отражения в психике индивидуума. Я решил проявлять предельную осторожность, тем более что Фиона была значительно лучше остальных осведомлена в этих вопросах, ибо считалась когда-то одной из лучших учениц Дворкина.

Возможно, она была абсолютно права и действительно подобный эффект в тот вечер имел место. По крайней мере, мне показалось, что тот, кто предпринял попытку убить меня, когда я вернулся к себе, двигался несколько медленнее, чем двигался бы я сам при подобных обстоятельствах. Однако же

удар был почти удачным. Клинок попал мне в бок, и я потерял сознание.

Сильно ослабевший, я очнулся на кровати в своем старом доме на Земле, где прожил много лет под именем Карла Кори. Как я там оказался, понятия не имею. Я выполз из дома и попал в снежную бурю. С трудом удерживая ускользающее сознание, я спрятал Судный Камень в старой компостной куче, чувствуя, что мир вокруг меня действительно как бы начал замедлять свое движение. Потом я с трудом добрался до шоссе, пытаясь остановить какую-нибудь машину.

Остановившимся водителем оказался мой друг и бывший сосед Билл Рот, который и отвез меня в ближайшую больницу. Там мной занимался тот же врач, что и много лет назад, во время той моей аварии. В итоге он заподозрил, что у меня нелады с психикой, обнаружив в старой истории болезни какие-то записи насчет неадекватного восприятия мною реальности.

Потом снова объявился Билл и кое-что исправил в сложившейся ситуации. Будучи адвокатом, он после моего исчезновения весьма заинтересовался всей этой историей и даже провел кое-какие расследования. Так, например, он узнал о том, что заключение психиатров на мой счет поддельное. Узнал он и о моих удачных побегах из психушек. У него даже имелись кое-какие дополнительные детали, связанные с аварией. Билл не без оснований подозревал, что я человек, мягко выражаясь, несколько странный, но это его не особенно волновало.

Через некоторое время со мной с помощью карт связался Рэндом. С его помощью я вернулся домой и отправился на свидание с Брэндом. Именно тогда я кое-что наконец узнал о той борьбе, что велась вокруг меня, и об участниках двух группировок. История, рассказанная Брэндом, и то, что сообщил мне Билл, наконец соединили события последних нескольких лет воедино и сделали их относительно объяснимыми. Брэнд также поведал мне о той ужасной опасности, перед лицом которой мы в данный момент оказались.

Весь следующий день я бездельничал под предлогом того, что мне нужно подготовиться к визиту в Тир-на Ног'тх, а на самом деле — стараясь выиграть время и подлечить свою рану. Однако же, дав обещание, я должен был сдержать его. Я проделал путешествие в Небесный Город той же ночью, со-

брав целую коллекцию самых различных предзнаменований, может быть, и бессмысленных, а также найдя и прихватив с собой занятную механическую штуковину-руку, принадлежавшую призраку моего брата Бенедикта.

Вернувшись из своей экскурсии на небеса, мы с Рэндомом и Ганелоном позавтракали, а потом пустились в обратный путь с вершины Колвира домой. Медленно, почти неощутимо тропа, по которой мы шли, начала изменяться, словно мы пересекали Царство Теней! Это было абсолютно невозможно в непосредственной близости от Амбера. Мы попытались сменить направление, однако ни Рэндом, ни я не сумели оказать какого-либо воздействия на постоянно менявшееся окружение. Вот тут-то перед нами возник Единорог. Похоже, он приглашал нас последовать за ним. И мы последовали.

Единорог вел нас мимо менявшихся с калейдоскопической скоростью пейзажей, пока наконец мы не оказались на том самом выступе над Подлинным Путем наедине со своими планами и замыслами. Единорог же исчез. И вот, когда вся эта последовательность событий вновь пронеслась в моем мозгу и мысли мои получили возможность обратиться к чему-то второстепенному, к отдельным событиям, я, вспомнив те слова, которые только что произнес Рэндом, почувствовал, что снова нахожусь как бы чуть впереди него. Сколько еще может продлиться такое положение вещей, я не знал, однако вспомнил наконец, где видел картины, написанные той же рукой, что и портрет на пронзенной клинком карте.

Брэнд частенько брал в руки кисть и краски, особенно пребывая в очередной затяжной меланхолии, и я, перебирая в памяти один его холст за другим, вспомнил и его излюбленную технику. Вспомнил также и его жадный интерес к рассказам каждого, кто когда-либо знал Мартина. И хотя сам Рэндом пока что стиля Брэнда не признал, мне было интересно, сколько времени потребуется ему, чтобы все-таки начать думать и в итоге догадаться, куда ведут концы собираемой Брэндом информации. Даже если и не собственная рука нашего братца направила этот предательский клинок, он, безусловно, принимал во всем этом самое активное участие и обеспечивал необходимые средства. Я достаточно хорошо знал Рэндома, чтобы понять: он непременно сделает то, что сказал. Непре-

менно попытается убить Брэнда, как только догадается о его связи с этим покушением. А это уже совершенно ни к чему.

Не так уж важно теперь, что Брэнд, возможно, спас мне жизнь. Я считал, что наши счеты сравнялись, когда я вызволил его из этой чертовой башни. Нет. Вовсе не чувство долга и не сентиментальность заставляли меня искать способ, могущий как-то сбить Рэндома с толку или хотя бы задержать его. Следовало признать совершенно хладнокровно: Брэнд был мне нужен. Об этом он позаботился сам. Впрочем, причины, по которым и я спас его, тоже были далеки от альтруистических — как и его собственные, когда он вытаскивал меня из озера после автомобильной катастрофы. Он обладал сейчас самым для меня нужным: информацией. Брэнд мгновенно понял это и выдавал ее крохотными порциями — обеспечивал себе безопасность.

— Я действительно вижу некоторое сходство, — сказал я Рэндому, — и ты, возможно, совершенно прав в своих догадках относительно происшедшего...

— Разумеется, прав!

— Но проткнута кинжалом ведь только карта, — сказал я.

— Ну естественно. Я не...

— Следовательно, тот человек, который пытался вызвать его сюда, установил с ним контакт, но не смог убедить его явиться.

— Ну и что? Контакт был установлен, а значит, Мартин был достаточно уязвим, чтобы его могли предательски ударить в спину. Он, возможно, еще оказался в состоянии блокировать свой разум и спасти себя от мысленного вторжения, истекая кровью. А может быть, мальчик и совсем не имел практики в обращении с картами...

— Может быть, да, а может быть, и нет, — сказал я. — Ллевелла или Моэри, пожалуй, смогут рассказать нам, как много он знал о картах. Но я-то пытался доказать тебе совсем иную мысль: контакт мог быть прерван еще до наступления смерти. Если Мартин унаследовал твои способности к регенерации, он, вполне возможно, выжил.

— Вполне возможно? Подобные догадки мне не нужны! Мне нужны ответы!

Я в уме принялся подводить итоги. Я был уверен, что знаю кое-что, чего не знает Рэндом, однако источник моей информации далеко не самый лучший. Кроме того, промолчать пока что об этом стоило еще и потому, что у меня не было возможности обсудить все с Бенедиктом. С другой стороны, Мартин был сыном Рэндома, а я действительно хотел отвлечь внимание Рэндома от Брэнда.

— Знаешь, я кое-что вспомнил на этот счет, — сказал я Рэндому.

— Что?

— Сразу после того, как доставили раненого Брэнда и мы все вместе перешли в гостиную... Не помнишь ли ты, когда именно наш разговор перекинулся на Мартина?

— Помню. Но ничего нового сказано не было.

— Кое-что новое мог бы добавить я, но я сдержался, потому что не хотел говорить в присутствии всех. И еще потому, что хотел обсудить этот вопрос с теми, кто имеет к нему непосредственное отношение.

— С кем же?

— С Бенедиктом.

— С Бенедиктом? Какое он-то имел отношение к Мартину?

— Не знаю. Именно поэтому я и не хотел пока говорить об этом. Хотел все уточнить сам. Тем более что мой источник информации — особа весьма раздражительная.

— Продолжай.

— Это Дара. Бенедикт просто из себя выходит, стоит мне упомянуть ее имя, однако же множество вещей, которые она сообщила мне, на деле оказались правдой, например путешествие Джулиана и Джерарда по Черной Дороге, то, как их ранили и как они жили в Авалоне... Даже Бенедикт подтвердил, что все именно так и было.

— А что она говорила о Мартине?

Ну вот! Как тут выкрутиться, не упомянув Брэнда?.. Дара тогда сказала, что Брэнд довольно часто, в течение целого ряда лет, навещал Бенедикта в Авалоне. Разница во времени между Амбером и Авалоном такова, что весьма похоже — и это только сейчас пришло мне в голову, — что их дружба совпала с тем периодом, когда Брэнд так активно собирал сведения о Мартине. А я-то все недоумевал, зачем его туда влечет, тем более что они с Бенедиктом никогда особенно не дружили.

— Только то, что у Бенедикта часто бывал в гостях человек

по имени Мартин, который, как ей показалось, тоже был из Амбера, — солгал я.

— Когда это было?

— Некоторое время тому назад. Не помню точно.

— Почему же ты мне раньше этого не говорил?

— Ну, во-первых, это такая малость... а во-вторых, ты ведь никогда особенно Мартином и не интересовался, верно?

Рэндом покосился на грифона, который пристроился справа от меня, нахохлившись и свесив башку, потом кивнул.

— А теперь вот интересуюсь, — сказал он. — Все меняется. Если он еще жив, я бы хотел непременно узнать его поближе. Если же нет...

— Хорошо, — кивнул я. — Для того чтобы убедиться в том или в другом, нам нужно прежде всего как-то попасть домой. По-моему, мы уже увидели все, что нам полагалось увидеть, и я бы предпочел на этом осмотр местности закончить и попробовать отыскать дорогу в Амбер.

— Я уже думал об этом, — сказал Рэндом, — и мне пришло в голову, что мы, наверное, могли бы воспользоваться Огненным Путем. Просто дойти до середины и с помощью карт...

— Хочешь попробовать пройти по темным участкам?

— А почему бы и нет? Ганелон ведь уже попробовал, и с ним ничего не случилось.

— Минуточку, — вмешался Ганелон. — Я же не говорил, что это было так уж легко, и я совершенно уверен, что вы не сможете заставить лошадей даже спуститься туда.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Помнишь место, где мы пересекли Черную Дорогу, когда бежали из Авалона?

— Еще бы.

— Ну так вот, ощущения, которые я испытал, доставая карту и кинжал, были весьма схожи с тем «удовольствием». Отчасти именно поэтому я и бежал с такой скоростью. Нет, я бы предпочел еще раз попытаться воспользоваться картами прямо отсюда. Мне кажется, что Амбер где-то здесь, недалеко.

Я кивнул:

— Хорошо. В конце концов, особого труда новая попытка не составит. Но сперва давайте соберем лошадей.

Мы собрали их, зная теперь длину цепи, на которой сидел

грифон. Он был способен пройти не более тридцати метров от входа в пещеру, а потому при виде лошадей сразу же начал жалобно блеять, что отнюдь не способствовало успокоению наших четвероногих спутников. Впрочем, у меня тут же родилась одна весьма любопытная идея, которую я пока что решил оставить при себе.

Когда все было улажено, Рэндом достал свою колоду карт, а я — свою.

— Давай попробуем вызвать Бенедикта, — предложил он.

— Хорошо. Сразу и начнем.

Я заметил, что карты снова стали холодными на ощупь. Хороший знак. Я вытащил из колоды карту Бенедикта и приготовился. Рэндом, стоя рядом со мной, проделал то же самое.

Бенедикт откликнулся почти мгновенно.

— По какому случаю? — спросил он, быстро осмотрев нашу живописную группу и только потом встретившись взглядом со мной.

— Ты нас в Амбер не перетащишь? — спросил я.

— Вместе с лошадьми?

— Это наши заслуженные боевые кони.

— Ладно, давайте.

Он протянул руку, и я коснулся ее. Все мы придвинулись друг к другу как можно теснее. И через несколько секунд уже стояли рядом с Бенедиктом на каменистой вершине холма; пронзительный холодный ветер срывал с нас одежду, над головой светило полуденное солнце Амбера, а по небу плыли густые облака. На Бенедикте был плотный кожаный дублет в обтяжку, длинные узкие штаны из телячьей кожи и рубашка бледно-желтого цвета. Оранжевый плащ скрывал обрубок правой руки. Он сурово выставил вперед свой мощный подбородок и глядел на меня сверху вниз.

— Интересное местечко вы только что покинули, — произнес он. — Я там мельком кое-что заметил в отдалении.

Я кивнул в подтверждение его слов.

— А отсюда тоже интересный вид открывается? — спросил я, заметив у него на ремне подзорную трубу, и тут же понял, что стоим мы на том самом широком выступе скалы, с которого Эрик командовал сражением в день моего возвращения и его смерти. Я чуть придвинулся к краю, чтобы лучше

разглядеть темневшую внизу, в долине Гарнатха, извивающуюся полосу, уходившую далеко за горизонт.

— Да, — сказал Бенедикт. — Черная Дорога, похоже, утвердилась в своих границах по всей длине. Хотя кое-где она продолжает расширяться. Похоже на то, что она стремится повторить... рисунок... некоего пути... А теперь расскажите мне, откуда вы держите путь?

— Прошлую ночь я провел в Небесном Городе, — начал я, — а сегодня утром мы почему-то сбились с пути прямо на тропе, ведущей к вершине Колвира.

— Да, это надо уметь, — ядовито заметил Бенедикт. — Значит, вы заблудились на собственной горе? Всегда нужно идти только на восток, разве вы этого не знаете? Ведь именно с востока, как известно, начинает свой путь солнце, детки.

Я почувствовал, как от стыда горят мои щеки.

— У нас случилось несчастье, — сказал я, не глядя на него. — Мы потеряли лошадь.

— Какое же несчастье с вами случилось?

— Серьезное. Особенно для лошади.

— Бенедикт, — сказал вдруг Рэндом, поднимая глаза от зажатой в руке той самой пронзенной карты, — что ты можешь рассказать мне о моем сыне Мартине?

Бенедикт некоторое время изучающе смотрел на него и молчал.

— Откуда сей внезапный интерес? — спросил он наконец.

— Дело в том, что у меня есть основания считать его погибшим, — сказал Рэндом. — Если это действительно так, я хочу отомстить за него. Если же нет — что ж, прекрасно, но мысль о том, что такое могло бы с ним случиться, причинила мне некоторое огорчение. Так что, если он все еще жив, я бы непременно хотел с ним встретиться и поговорить.

— Что заставляет тебя думать, что Мартин мог погибнуть?

Рэндом глянул на меня. Я кивнул.

— Начинай с завтрака, — посоветовал я.

— Пока он будет рассказывать, я попробую приготовить нам что-нибудь на обед, — сказал Ганелон, роясь в одной из сумок.

— Единорог указал нам путь... — начал Рэндом.

Глава 3

Мы сидели молча. Рэндом уже закончил свой рассказ, а Бенедикт все смотрел куда-то в небеса, простиравшиеся над Гарнатхом. Лицо его казалось совершенно бесстрастным. Я давным-давно научился уважать его молчание.

Через некоторое время он резко повернулся, чтобы посмотреть Рэндому прямо в лицо.

— Я давно подозревал что-либо подобное, — заявил он, — памятуя то, что отец и Дворкин предали забвению много лет тому назад. Мне всегда казалось, что существует некий первичный, Истинный Путь, который они то ли нашли, то ли создали сами, сделав его основой могущества Амбера, его фундаментом. Я знал, что он находится где-то недалеко от Королевства, однако так никогда и не отыскал его. — Бенедикт снова отвернулся и стал смотреть на Гарнатх; на щеках у него катались желваки. — И что, судя по вашим словам, там то же самое?

— Похоже, что так, — ответил Рэндом.

— ...И сделано это благодаря пролитой крови Мартина?

— По-моему, да.

Бенедикт поднес к глазам карту, которую Рэндом передал ему во время своего рассказа. Тогда он ничего не сказал, принимая ее от него.

— Да, — произнес он теперь, — это Мартин. Он явился ко мне сразу после того, как покинул Ребму. И довольно долго у меня тогда прожил.

— Почему он отправился именно к тебе? — спросил Рэндом.

Бенедикт слабо улыбнулся.

— Видишь ли, парню просто нужно было куда-то уйти. Его уже тошнило от того положения, которое он занимал в Ребме, и он ощущал двойственность отношения к нему Амбера. Он был молод, свободен и только что вошел в полную силу благодаря Пути. Ему стало тесно в Ребме, захотелось уйти оттуда, повидать новые места, попутешествовать в Царстве Теней — как и всем нам когда-то. Однажды, когда он был еще малышом, я взял его с собой в Авалон, чтобы дать ему возможность побегать по сухой, горячей от летнего зноя земле,

чтобы научить его ездить верхом, чтобы он увидел, как убирают урожай в полях. Когда же Мартин, неожиданно для себя самого, ощутил, что способен мгновенно перенестись в любое место, стоит только пожелать, выбор у него был ограничен теми немногими местами, о которых он хоть что-то знал. Он, разумеется, мог бы выдумать себе какое-нибудь приятное место и отправиться туда — так сказать, создать королевство для себя. Однако он вполне отдавал себе отчет в том, что ему еще нужно многому научиться, дабы обеспечить собственную безопасность в мире Теней. Так что Мартин предпочел явиться ко мне и попросил меня поучить его. Я научил парня фехтованию и искусству борьбы, показал, как пользоваться фамильными картами, объяснил кое-какие законы Царства Теней, постарался внушить ему все то, что непременно должен знать каждый житель Амбера, если хочет остаться в живых.

— Почему ты все это для него сделал? — спросил Рэндом.

— Кто-то же должен был. Он пришел именно ко мне, значит, мне и надлежало стать его учителем, — спокойно ответил Бенедикт. — Хотя, надо сказать, я и сам привязался к этому мальчику.

Рэндом кивнул:

— Ты говоришь, он пробыл у тебя почти год. А что с ним стало потом?

— Тебе не хуже меня знакома эта жажда путешествий. Стоило ему обрести некоторую уверенность в собственных силах, как он захотел испытать себя. Обучая Мартина, я брал его с собой в Царство Теней, знакомил с разными людьми и племенами, показывал самые различные страны. И вот наконец наступил тот час, когда ему захотелось пойти собственным путем.

В один прекрасный день он распрощался со мной и отправился искать приключений.

— А с тех пор ты его видел? — спросил Рэндом.

— Да. Он время от времени возвращался ко мне, гостил в моем доме и рассказывал о своих приключениях и открытиях. Но каждый раз мне было совершенно ясно, что он заглянул ненадолго. Через некоторое время его и впрямь одолевало беспокойство и он снова куда-то исчезал.

— Когда он гостил у тебя в последний раз?

— Несколько лет назад, еще во времена моего житья в

Авалоне. Однажды утром Мартин, как обычно, заявился ко мне, прожил недели две, нарассказывал целую кучу всего о своих приключениях и планах, а потом снова куда-то исчез.

— И ты больше о нем не слышал?

— Напротив. Я постоянно получал вести о нем от наших общих друзей, с которыми он виделся тогда чаще. А иногда он даже связывался со мной посредством карт...

— Так у него была своя колода? — спросил я.

— Да, я подарил ему одну из своих запасных.

— А его собственная карта в этой колоде была?

Бенедикт отрицательно покачал головой.

— Я и понятия не имел, что такая карта, оказывается, существует, пока не увидел собственными глазами вот эту, — сказал он, поднимая карту Мартина и внимательно на нее глядя. Потом он передал ее Рэндому со словами: — Нет, сам я, безусловно, не способен изготовить нечто подобное, мастерства не хватит. Рэндом, а ты пытался связаться с ним с помощью этой карты?

— Да, множество раз с тех пор, как мы нашли ее, и, между прочим, еще несколько минут тому назад. Ответа нет.

— Это, разумеется, ничего еще не доказывает. Если все случилось так, как ты предполагаешь, и он все-таки выжил, то мог полностью заблокировать свой разум ото всех и всяких попыток контакта. Он прекрасно умеет это делать.

— А ты думаешь, что я прав в своих предположениях? Может быть, ты знаешь об этом и еще что-то?

— Есть у меня одна идея... — промолвил Бенедикт. — Видишь ли, он действительно однажды объявлялся раненый у одного нашего общего друга — там, в Царстве Теней, несколько лет назад. Рана была серьезная и нанесена кинжалом в спину. Мои друзья сообщили мне, что Мартин был очень плох, однако не пожелал толком объяснить, что же с ним произошло. Он пробыл у них несколько дней и уехал, не успев еще по-настоящему поправиться. Больше они его не видели. А я с тех пор тоже не имею о нем никаких известий.

— И тебе совсем не было интересно, куда он делся? — спросил Рэндом. — Неужели ты его не искал?

— Конечно же, искал! И до сих пор ищу. Однако взрослый мужчина имеет право жить своей собственной жизнью и чтобы родственники в эту жизнь не вмешивались даже с самыми

лучшими намерениями. Он ведь тогда сам выпутался из весьма сложной передряги, но не предпринял даже попытки связаться со мной. Так что Мартин отлично знал, что делает и каковы его цели. Кроме того, он оставил для меня записку у этих Текисов, наших общих друзей, и в ней говорилось, что если даже я узнаю, что с ним произошло, то не должен беспокоиться, ибо он сам выбрал свой путь.

— Текисы? — переспросил я.

— Совершенно верно. Мои друзья из Царства Теней.

Я с трудом удержался, чтобы не сказать лишнего. Ведь я-то считал Текисов всего лишь выдумкой Дары, которая порой так ужасно перекручивала все на свете, стараясь сократить или приукрасить свое повествование. Однако об этих Текисах она мне рассказывала так, словно они были ее хорошими знакомыми, словно она у них не раз жила и притом с ведома Бенедикта!

Однако момент не казался мне подходящим для пересказа видений прошлой ночи, явившихся мне в Тир-на Ног'тхе и явно указывавших на родство Бенедикта с этой девушкой. Я и сам-то еще не успел как следует разобраться в этой проблеме и в том, что могло быть с нею связано.

Рэндом стоял, напряженный, задумчивый, у самого края обрыва спиной к нам; пальцы его за спиной были крепко переплетены. Через несколько минут он обернулся и подошел к нам.

— Как мы могли бы связаться с этими Текисами? — спросил он Бенедикта.

— Никак, — сказал Бенедикт. — Разве что поехать и повидать их.

Рэндом повернулся ко мне:

— Корвин, мне нужен конь. Ты говоришь, что Стар выдерживал не одну бешеную скачку...

— У него было утомительное утро.

— Ну, не такое уж утомительное. Он просто сильно испугался, а теперь выглядит вполне хорошо. Можно мне взять его у тебя на время?

Прежде чем я успел ответить, Рэндом повернулся к Бенедикту.

— Ты ведь проводишь меня, да? — спросил он.

Бенедикт колебался.

— Я не знаю, что можно узнать у них...

— Все что угодно! Может, они еще что-то вспомнят — такое, что им тогда совсем не показалось важным, а нам теперь вдруг покажется очень существенным.

Бенедикт посмотрел на меня. Я кивнул:

— Ладно, пусть берет моего Стара, если ты согласен проводить его.

— Ну что ж, — сказал Бенедикт, поднимаясь с земли. — Пойду тоже седлать коня.

Он повернулся и пошел туда, где в стороне от остальных был привязан его огромный полосатый жеребец.

— Спасибо, Корвин, — произнес Рэндом.

— Пожалуйста, но я с удовольствием предоставлю тебе возможность расплатиться со мной за эту услугу.

— Чем же?

— Дай мне на время карту Мартина.

— Для чего она тебе?

— Мне только что пришла в голову одна мысль... Нет, слишком долго и сложно рассказывать, а ты ведь, кажется, хотел выехать немедленно? Впрочем, ничего дурного не опасайся, это я тебе обещаю.

Он закусил губу.

— Хорошо. Но я хочу получить ее обратно, когда она больше не будет тебе нужна.

— Ну конечно.

— А это поможет разыскать его?

— Возможно.

Рэндом передал мне карту.

— Ты теперь вернешься во дворец? — спросил он.

— Да.

— Тогда, может, зайдешь к Вайол и расскажешь ей о том, что случилось и куда я отправился теперь? Она всегда так беспокоится...

— Конечно, зайду и расскажу.

— Я постараюсь получше заботиться о Старе.

— Знаю. Удачи тебе.

— Спасибо.

Я ехал верхом на Драконе, Ганелон шел пешком. Сам настоял. По этой дороге тогда, в день битвы, я преследовал Дару. Последние события, видимо, и заставили меня думать о ней

снова. Я перетряхнул былые чувства по отношению к Даре и осознал, что, несмотря на все безжалостные игры, в которые она играла со мной, несмотря на все те убийства, которые тайно были содеяны ею самой или при ее участии, несмотря на ее нахальные планы по поводу Амбера, меня все еще влечет к ней нечто большее, чем простое любопытство. И я не слишком удивился, обнаружив это в себе. Все обстояло примерно так же, как когда я в последний раз проводил подобную ревизию своих эмоциональных кладовых. Мне только хотелось знать, сколь большая доля правды могла заключаться в открывшемся мне этой ночью в Небесном Городе видении, если исходить из того, что происхождение Дары от Бенедикта было дано мне как непреложный факт. Да и в реальной действительности их физическое сходство практически не оставляло сомнений. Ну а в Небесном Городе-призраке тень Бенедикта подтвердила достаточно многое, особенно когда подняла свою новую, механическую руку в защиту Дары...

— Ты над чем смеешься? — спросил Ганелон, шедший слева от меня, держась за стремя.

— Вспомнилась та рука, — сказал я, — которую я притащил из Тир-на Ног'тха: я тогда все беспокоился, нет ли в этом какого-то скрытого важного умысла, непредвиденного проявления воли Судьбы — не могла же та странная вещь просто так взять и явиться в наш мир из загадочного города тайн и мечтаний. Однако она даже и на один день при мне не задержалась. И ничего не осталось там, где Путь уничтожил Яго. Стало быть, все было напрасно, видения целого вечера обернулись ничем.

Ганелон прокашлялся.

— Похоже, на самом-то деле ты не совсем так считаешь, — промолвил он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Эта механическая рука, или как ее там назвать, была ведь вовсе не в седельном вьюке у несчастного Яго. Рэндом положил ее в твой вьюк. Вместе с продовольственными припасами. А когда мы поели, он сложил всю кухонную утварь в свой вьюк, как и раньше, а для руки там места не было, так что...

— Ах вот как! — сказал я. — Тогда, значит...

Ганелон кивнул.

— ...она сейчас у него с собой, — закончил он за меня.

— И рука, и сам Бенедикт... Черт побери! Что-то все это мне не слишком нравится. Эта рука и без того пыталась убить меня. Никто прежде не подвергался такой опасности в Небесном Городе!

— Но с самим Бенедиктом-то все в порядке. Он на нашей стороне, даже если в данный момент у вас и возникли некоторые разногласия, верно?

Я не ответил.

Ганелон взял Дракона под уздцы и заставил остановиться. Потом внимательно посмотрел на меня:

— Корвин, что там все-таки случилось, наверху? Что ты там узнал?

Я колебался. А действительно, что такого особенного узнал я в том призрачном городе на небесах? Никто и никогда не мог быть уверен в том, что стоит за являющимися там видениями и предсказаниями. Вполне возможно, как мы порой и подозревали, что там просто воплощаются чьи-то невысказанные страхи и желания, смешанные порой с неосознанными догадками. Делать выводы и пытаться разумно обосновать пусть даже странные стечения реальных обстоятельств — это одно. Но подозрения, порожденные чем-то неведомым, видимо, следовало бы все же отмести в сторону, не придавая им особого значения. И все же как тут ни крути, а механическая рука была достаточно материальной...

— Я уже говорил тебе, — сказал я, — что отбил эту руку у призрака Бенедикта. По всей видимости, мы с ним боролись.

— И теперь тебе эта схватка представляется предвестницей реального поединка с Бенедиктом?

— Возможно.

— Однако там тебе было указано и на причину вашей ссоры, не так ли?

— Ну хорошо, — произнес я, слегка вздохнув. — Ты прав. Мне было дано понять, что Дара действительно является родственницей Бенедикта. Что, по-моему, вполне соответствует действительности. Также вполне возможно, что сам он об этом даже не подозревает. А потому давай умолчим об их родстве, пока не проверим этот факт. Договорились?

— Разумеется. Но как такое возможно?

— В точности так, как она и сказала.

— И она действительно его правнучка?

Я кивнул.

— От кого?

— От одной ведьмы, которую мы знаем только по слухам, — некоей Линтры, той самой дамы, которая стоила ему руки.

— Но ведь битва, в которой Бенедикт потерял руку, произошла совсем недавно.

— Время течет с разной скоростью в разных княжествах Царства Теней, Ганелон. А в самых дальних его пределах... Это вовсе не является невозможным.

Он потряс головой и чуть ослабил узду.

— Корвин, я уверен: Бенедикту непременно следует об этом знать, — проговорил Ганелон твердо. — Если это правда, ты должен дать ему возможность как-то подготовиться, чтобы подобные новости не обрушивались на него как снег на голову. Вы, в вашем королевстве, какие-то все бесплодные, что ли? Во всяком случае, отцовство, похоже, является для вас куда более тяжким ударом, чем для любого нормального мужчины. Вон, посмотри на Рэндома. В течение многих лет он как бы и не имел сына, зато теперь!.. У меня такое ощущение, что он готов ради него жизнь отдать.

— И у меня тоже, — кивнул я. — А теперь забудь первую часть моего рассказа, однако не забывай о второй, чтобы сделать с ее помощью еще один шажок в истории с Бенедиктом.

— Ты думаешь, он принял бы сторону Дары в битве против Амбера?

— Я бы лучше вообще не предоставлял ему подобного выбора и не давал даже предположить, что подобный выбор существует. Если он действительно существует, конечно.

— По-моему, ты оказываешь Бенедикту плохую услугу. Он вовсе не похож на чересчур впечатлительного юнца. Пусти-ка в ход ваши карты да расскажи ему честно о своих подозрениях. По крайней мере заставишь его подумать как следует, а не оставишь совершенно неподготовленным в случае неожиданного нападения с ее стороны или чего-нибудь в этом духе.

— Он ни за что не поверит мне! Ты же видел, каким он становится, стоит мне упомянуть о Даре.

— Это и само по себе подозрительно. Возможно, у него

есть некоторые сомнения на сей счет, и он так яростно отрицает подобную возможность именно потому, что иначе ему просто придется с ней смириться.

— Нет, в данный момент мой рассказ просто превратил бы ту трещину, что лежит меж нами и которую я пытаюсь все время загладить, в настоящую пропасть.

— А ты не боишься, что именно твое умалчивание может превратить эту трещину в непреодолимую пропасть, когда Бенедикт сам обнаружит правду?

— Нет. Я в этом уверен. И я знаю своего брата лучше, чем ты.

Ганелон выпустил поводья.

— Прекрасно, — сказал он. — Надеюсь, ты прав.

Я не ответил, лишь тронул коня за повод. Меж нами существовал негласный уговор: Ганелон мог спрашивать меня обо всем, что ему хотелось знать, а я обязательно прислушаюсь к любому совету, который он сочтет нужным мне предложить. Так сложилось отчасти потому, что он занимал в моей жизни особое положение: мы с ним не были родственниками. Он даже родом не был из Янтарного Королевства; проблемы Амбера касались его только потому, что он сам сделал такой выбор. Когда-то мы с ним были друзьями, потом врагами и наконец, не так давно, снова стали друзьями и союзниками в битве за избранную им страну. После той битвы Ганелон сам попросил меня взять его с собой, чтобы помочь мне разобраться как с моими собственными проблемами, так и с проблемами Амбера. Как мне представлялось, теперь никто из нас друг другу ровным счетом ничего не был должен — если только при подобных отношениях кому-то может прийти в голову делать зарубки на память, — и, таким образом, нас связывала одна лишь дружба, вещь куда более сильная, чем старые долги и вопросы чести. Вот эта-то дружба и давала ему право теребить меня, выпытывая ответы на такие вопросы, когда я даже Рэндома вполне мог бы послать ко всем чертям, если уж решил никому ничего не говорить. Я понимал, что не должен сердиться на Ганелона, ибо намерения у него самые добрые. Скорее всего во мне просто бунтовал старый вояка, командовавший армией еще в те времена, когда Ганелон был у меня в подчинении: я и до сих пор не люблю, когда мои решения и приказы подвергают сомнениям. Вот и теперь, возможно, я уже принял решение, однако был скорее даже раздо-

садован тем, что Ганелон только что сделал несколько дерзких, но вполне разумных догадок и несколько на редкость здравых предложений, на этих догадках основанных, — тогда как обо всем этом мне давно следовало бы догадаться самому. Никому не нравится признавать собственную глупость и справедливость высказываний ближнего...

И все же... неужели только это раздражало меня? Неужели только эта мимолетная обида и разочарование в собственных способностях? Или по-прежнему срабатывал старый рефлекс главнокомандующего, считающего собственное мнение непогрешимым? Или же это было нечто более глубокое, то, что не давало мне покоя все время и только сейчас выплывало на поверхность?

— Корвин, — сказал Ганелон, — я вот тут как раз думал...

Я вздохнул:

— Да?

— ...о сыне Рэндома. Ваша семейная способность к немыслимой регенерации, по-моему, дает основания предполагать, что он выжил и мы еще встретимся.

— Мне тоже хотелось бы на это надеяться.

— Тогда не спеши.

— Что ты хочешь сказать?

— На мой взгляд, у Мартина было крайне мало контактов с Амбером и членами вашей семьи, поскольку рос он в Ребме, в совершенно иных условиях...

— Именно так.

— И я думаю поэтому, что вдали от Бенедикта — и Ллевеллы, оставшейся в Ребме, — единственным человеком, который нанес ему предательский удар, мог быть только тот, кто хоть в какой-то степени был ему близок и имел с ним некую связь, то есть Блейз, Брэнд или Фиона. Видимо, у него были довольно смутные представления об отношениях внутри вашей семьи.

— Смутные, — кивнул я, — однако, как мне кажется, вполне обоснованные, если я правильно понимаю тебя.

— По-моему, да. И мне представляется вполне возможным, что Мартин не только боится вашей семейки, но и вступил с кем-то из ее представителей в сговор.

— И это тоже возможно, — согласился я.

— А как ты думаешь, мог он сговориться с кем-нибудь из наших противников?

Я покачал головой:

— Нет, если знает, что он принадлежит к той группировке, которая пыталась его уничтожить.

— А что, если он к ней не принадлежит? Интересно... Вот ты говорил, например, что Брэнду надоели их игры и он пытался расстаться со своими союзниками, которые затевали дружбу с чудовищными посланниками Черной Дороги. А что, если эти твари настолько сильны, что Фиона и Блейз стали игрушками в их руках? Если положение дел действительно таково, то я вполне могу вообразить, как Мартин закидывает удочку, чтобы поймать что-то или кого-то, способное дать ему возможность одержать над ними верх.

— Слишком сложная система предположений, — сказал я.

— Однако твой враг, похоже, знает о тебе довольно много.

— Это верно, но и у них найдется парочка предателей, чтобы преподать им нужные уроки.

— А не могли ли они рассказать этим предателям все то, что, как ты говоришь, знала Дара?

— Интересная точка зрения, — заметил я, — однако что-либо сказать наверняка тут сложно. — Разве что проверить историю с Текисами? — Это только сейчас пришло мне в голову. Однако я решил пока что попридержать идею, а сперва узнать, к чему клонит Ганелон, и не уходить от основной темы столь внезапно. — Мартину вряд ли удалось много рассказать кому-то об Амбере.

Некоторое время Ганелон молчал. Затем спросил:

— А у тебя так и не было возможности что-нибудь выяснить относительно того вопроса, который я задал тебе в ту ночь у твоей гробницы?

— Какого вопроса?

— Нельзя ли подделать ваши карты? — сказал он. — Нам известно, что у Мартина есть целая колода...

Теперь пришлось помолчать мне, пережидая, пока целая толпа воспоминаний пересекает мой путь, стараясь непременно лизнуть меня своими липкими языками.

— Нет, — сказал я. — Такой возможности у меня пока не было.

Мы довольно долго продвигались дальше в молчании, а потом Ганелон вдруг произнес:

— Корвин, в ту ночь, когда ты привез Брэнда назад... помнишь?

— Да, и что?

— По твоим словам, ты подозревал тогда абсолютно всех, пытаясь выяснить, кто же ткнул тебя в бок ножом, и, по твоим же словам, любой из них вполне был способен на подобный фокус в столь удобный момент.

— Ну и ну, — только и сказал я.

Он кивнул:

— Теперь у тебя появился еще один родственник, о котором тоже нужно подумать. Ему, возможно, недостает фамильной изысканности и изощренности только потому, что он слишком молод и практики у него маловато.

И тут в мыслях я вернулся далеко назад, на тот молчаливый парад мгновений, что пронеслись в моей жизни непосредственно до моего возвращения в Амбер и вскоре после этого.

Глава 4

— Кто там? — спросила она, когда я постучался, и я ответил. — Подожди минутку.

Я услышал ее шаги, потом дверь отворилась. Вайол вряд ли была выше пяти футов и казалась удивительно хрупкой. Брюнетка, тонкие черты лица, нежный и тихий голосок, красное платье... Ее невидящие глаза смотрели как бы сквозь меня, напоминая мне о былой тьме, о боли.

— Рэндом, — сказал я, — просил передать, что он задержится еще чуть дольше, но беспокоиться тебе абсолютно не о чем.

— Пожалуйста, войди, — пригласила она, отступая чуть в сторону и еще шире распахивая передо мной дверь.

Я вошел. Хотя и не собирался. Я и просьбу-то Рэндома на самом деле выполнять не собирался — но почему-то честно рассказал Вайол и о том, что случилось, и о том, куда он сейчас отправился. Сперва я хотел просто сообщить ей то, что

уже сказал, и ничего больше. Ведь только когда мы с ним разъехались, до меня дошло, к чему, собственно, вела его просьба: вот так, запросто, он попросил меня сообщить его жене, с которой я до сих пор и десятком слов не обмолвился, что он уехал искать своего незаконнорожденного сына — того самого, чья мать, Морганта, вскоре после его появления на свет покончила жизнь самоубийством, из-за чего Рэндома и наказали, насильно заставив жениться на Вайол. То, что этот брак, неведомо почему, оказался счастливым — да нет, просто прекрасным, — до сих пор удивляло всех. У меня не было ни малейшего желания вываливать на Вайол целую кучу малоприятных известий, и я, входя в комнату, судорожно пытался что-нибудь придумать.

Я прошел мимо бюста Рэндома, помещенного довольно высоко на полке слева от меня. И вдруг до меня дошло, что в этом доме мой брат — действительно хозяин и повелитель. В дальнем конце комнаты я увидел рабочую скамеечку Вайол. Обернувшись, я еще раз внимательно посмотрел на бюст.

— Я даже как-то не сразу понял, что это твоя работа.

— Моя.

Вскоре я обнаружил и другие примеры ее творчества.

— Знаешь, все очень и очень неплохо, — сказал я.

— Спасибо. Может быть, присядешь?

Я опустился в большое с высокими подлокотниками кресло, которое оказалось на удивление удобным. Сама она уселась на низенький диванчик справа от меня и поджала ноги.

— Может быть, хочешь поесть или выпить чего-нибудь?

— Нет, спасибо. Я ведь буквально на минутку. Дело в том, что Рэндом, Ганелон и я несколько сбились с пути, возвращаясь домой, а потом еще повстречались с Бенедиктом, что тоже отняло какое-то время. Но самое главное, именно в результате этой встречи Рэндом и Бенедикт были вынуждены предпринять еще одно небольшое путешествие.

— Как долго он будет отсутствовать?

— Может быть, всю ночь. Или чуть дольше. Если это сильно затянется, он, вероятно, свяжется с кем-нибудь с помощью карт, и мы дадим тебе знать.

Бок у меня отчего-то разболелся, и я, прижав к нему руку, начал его тихонько массировать.

— Рэндом мне столько рассказывал о тебе, — промолвила Вайол.

Я хмыкнул.

— Ты уверен, что не хочешь перекусить? Право, меня бы это нисколько не затруднило.

— Разве он не сказал тебе, что я всегда голоден?

— Нет, — засмеялась она. — Но если все было так, как ты говоришь, то легко догадаться, что у тебя просто не было времени поесть, да и сил ты потратил немало.

— Ну, отчасти ты, пожалуй, права. Ладно, если у тебя случайно завалялся кусок хлеба, можешь дать его мне; пожевать не повредит.

— Отлично. Тогда подожди минутку, пожалуйста.

Она встала и вышла в соседнюю комнату Теперь я мог наконец всласть почесать бок вокруг заживающей раны, которая вдруг начала свербеть. Отчасти из-за этого я и согласился воспользоваться гостеприимством Вайол; а кроме того, я вдруг понял, что ужасно голоден. Лишь позднее я догадался, что она бы все равно не заметила, что я чешусь. Ее уверенные движения, доверительная манера почему-то заставили меня совсем позабыть о том, что она слепая. Ну и отлично. Я был рад, что Вайол держится молодцом.

Я услышал, как она в соседней комнате напевает «Балладу о пересекающих морские просторы», любимую песню Великого Торгового Флота Амбера. Янтарное Королевство никогда не отличалось развитой промышленностью, да и сельское хозяйство отнюдь не было нашей сильной стороной. Однако наши суда способны были заплывать как угодно далеко в Царство Теней и прокладывали курс между любыми точками мира, торгуя буквально всем на свете. Практически все мужчины Королевства, как благородные, так и простолюдины, какое-то время отдавали Торговому Флоту. И именно сыновья самых благородных семей в стародавние времена прокладывали торговые пути для последующих поколений, бороздя моря десятков миров и нанося на карты их очертания; картами пользовались потом многие и многие сотни других капитанов. Когда-то и я участвовал в этом, хотя моя помощь, разумеется, никогда не была столь велика, как Джерарда или Кейна; но и меня глубоко волновало могущество морских просторов и сила духа тех, кто эти просторы покоряет.

Вскоре Вайол вернулась с тяжелым подносом, нагруженным хлебом, мясом, сыром, фруктами и графином вина. Она поставила поднос на столик возле моего кресла.

— Ты что, целый полк накормить решила? — спросил я.

— Ничего страшного, даже если ты что-то и не доешь.

— Вот спасибо! А может, и ты ко мне присоединишься?

— Ну, может, что-то из фруктов и съем, — спокойно и весело сказала Вайол.

Пальцы ее скользнули над блюдом, поймали яблоко, и она вернулась на свой диванчик, мурлыча все тот же напев.

— Рэндом говорит, что это твоя песня, — прервавшись, сказала она.

— Это было очень, очень давно, Вайол.

— А в последнее время ты ничего такого не сочинял?

Я хотел было покачать головой, потом спохватился и сказал вслух:

— Нет. Эта часть моей души... пока отдыхает.

— Очень жаль. Такая прелестная мелодия!

— Настоящий-то музыкант в нашей семье как раз Рэндом.

— Да, он очень хороший музыкант. Однако исполнительство и композиция — совершенно разные вещи.

— Это верно. Ну ладно, когда-нибудь, когда все успокоится... Скажи, а ты счастлива здесь, в Амбере? Все ли тебе здесь по вкусу? Нет ли у тебя в чем нужды?

Вайол улыбнулась:

— Мне лишь бы Рэндом был рядом. Он такой хороший!

Я был как-то странно тронут ее детской, восторженной манерой говорить о нем.

— Раз так, то я очень рад, — сказал я. И прибавил: — Рэндом значительно моложе нас... он, возможно, переживал многое более болезненно, чем остальные. Нет ничего более бессмысленного, чем рождение в семье еще одного принца, когда их и без того целая армия. Впрочем, в его детских горестях я не менее виновен, чем другие. Как-то раз мы с Блейзом высадили его на крошечный островок к югу отсюда...

— ...а Джерард, едва узнав об этом, отправился туда и вызволил его, — подхватила Вайол. — Да, он мне об этом рассказывал. Неужели твоя вина до сих пор не дает тебе покоя? Ведь прошло столько лет!

— Так ведь и он тоже, наверно, об этом до сих пор не забыл.

— Нет, Рэндом давным-давно уже вас простил. Он об этом рассказывал как о веселой шутке. А еще он рассказывал, как вбил гвоздь в каблук твоего сапога, и гвоздь, выйдя наружу, буквально насквозь проткнул тебе пятку, стоило тебе этот сапог надеть.

— Так это все-таки был Рэндом! Черт меня побери! А я-то всегда винил Джулиана...

— Да, тот поступок действительно беспокоит Рэндома до сих пор.

— Господи, как же давно все это было... — произнес я.

Покачав изумленно головой, я снова принялся за еду, вдруг ощутив страшный голод. Вайол даже несколько минут молчала, давая мне как следует насытиться. Немного утолив голод, я почувствовал необходимость что-нибудь сказать.

— Да, так значительно лучше. Значительно! — благодарно сообщил я. — Знаешь, после этой странной и полной искушений ночи, которую я провел в Небесном Городе, силы мои явно истощились.

— Получил ли ты там какие-нибудь полезные предзнаменования?

— Не знаю, насколько полезными они могут оказаться... А впрочем, лучше иметь их, чем не иметь, Скажи: что нового в Амбере?

— По-моему, ничего. От служанки я узнала, что твой брат Брэнд продолжает поправляться. Он хорошо поел сегодня утром, что вселяет надежду на его скорое выздоровление.

— Приятно слышать, — сказал я. — И, по всей видимости, он уже вне опасности.

— Похоже, что так. Но что это... за череда ужасных и странных неожиданностей, жертвами которых оказались вы все? Меня это очень огорчает. Я так надеялась, что ты, может быть, получишь какие-то указания этой ночью в Тир-на Ног'тхе!

— Все это ерунда, — ответил я. — Я вовсе не уверен в ценности подобных указаний.

— Но тогда зачем же... Ох, извини.

Я рассматривал Вайол с каким-то новым интересом. По ее лицу по-прежнему ничего особенного прочесть было нельзя, но правая ее рука непроизвольно сжималась и разжималась,

поглаживая и пощипывая обивку дивана. Потом, словно спохватившись, Вайол оставила диван в покое. Она, очевидно, была тем человеком, который уже ответил на свой самый главный вопрос и хочет только, чтобы об этом больше никто не узнал.

— Да нет, — промолвил я, — ты права: я соврал. Ты знаешь, что меня там ранили?

Она молча кивнула.

— Это ничего, что Рэндом сказал тебе; я на него не сержусь, — продолжал я. — Ему всегда было свойственно обо всем судить резко и сразу вставать в оборонительную позицию. Впрочем, это вовсе не так уж плохо. Мне только нужно знать, как много ты от него узнала — ради твоей безопасности и моего спокойствия. Ибо я полагаю, что тебе известно не все.

— Понимаю. Это всегда трудно — приуменьшить опасность в рассказе... то есть что-то выпустить из него... Видишь ли, Рэндом от меня практически ничего не утаивает. Я знаю и твою историю, и большую часть историй остальных членов семьи. Он держит меня в курсе событий и обстоятельств, а также собственных сомнений и подозрений...

— Спасибо, — сказал я, прихлебывая вино, — теперь мне уже гораздо легче говорить, и я тоже намерен поведать тебе все — во всяком случае, обо всем случившемся за то время, что прошло после завтрака до сего момента...

Так я и поступил.

Вайол порой улыбалась во время моего рассказа, но ни разу не прервала меня. Когда же я закончил, она спросила:

— Так ты боялся, что упоминание о присутствии в нашей жизни Мартина огорчит меня?

— Мне казалось, что это возможно, — признался я.

— Нет. Как раз напротив... Видишь ли, я знала Мартина в Ребме еще совсем маленьким. И позже, когда он начинал подрастать... И всегда очень его любила. Так что, даже если бы он не был сыном Рэндома, он все равно оставался бы мне дорог. А теперешняя забота и беспокойство Рэндома о нем мне даже приятны, ибо я знаю, что они своевременны и пойдут на пользу им обоим.

Я покачал головой.

— Мне за мою долгую жизнь нечасто приходилось встре-

чать таких женщин, как ты, — искренне сказал я. — Я рад, что наконец мне повезло и мы с тобой встретились.

Она рассмеялась:

— Ты ведь тоже долгое время был незрячим?

— Да, а что?

— Слепота может наполнить человека горечью, но она же способна дать ему великую радость среди людей и вещей, которые ему близки.

Мне не нужно было вспоминать ощущения тех дней, когда я оставался слепым, чтобы догадаться: я-то определенно принадлежу к первому типу людей, даже если сбросить со счетов те обстоятельства, при которых меня постигло это страшное несчастье. Очень жаль, но таков уж я: не умею довольствоваться малым. Действительно, очень жаль!

— Ты права, — сказал я. — И тебе повезло.

— На самом деле это всего лишь состояние души — то, что способен легко оценить лишь Властитель Тьмы. — Вайол встала. — Мне всегда хотелось знать, как ты выглядишь, — сказала она. — Рэндом, конечно, описывал тебя, но это не совсем то... Можно мне?..

— Ну конечно!

Она подошла ко мне совсем близко и коснулась кончиками пальцев моего лица, нежными прикосновениями долго исследовала мои черты.

— Да, — подвела она итог, — в основном ты именно такой, каким мне и представлялся. Но я чувствую в тебе какое-то напряжение. И оно не уходит из твоей души уже очень и очень давно, верно?

— По-моему, с тех пор, как я вернулся в Амбер.

— Интересно, мог бы ты стать счастливее, если бы не восстановил свою память?

— Это один из тех вопросов, на которые нет ответа, — сказал я. — Если бы я не восстановил память, я вполне мог бы уже давно быть мертвым. Но если, чисто абстрактно, на минутку забыть об этом, то в той моей жизни все же было что-то очень для меня привлекательное, волнующее. Я каждый день искал возможность выяснить, кто же я на самом деле такой или что я такое...

— Но был ли ты тогда счастливее, чем теперь? Или нет?

— Ни то ни другое, — ответил я. — Все всегда как-то само

собой уравновешивается. Все это, по твоим же собственным словам, всего лишь состояние души. И даже если бы это было не так, я все равно никогда не смог бы вернуться к прежней жизни теперь, когда знаю, кто я такой, когда я уже отыскал Амбер.

— Почему же нет?

— А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Я хочу тебя понять, — медленно проговорила Вайол. — С тех самых пор как я впервые услышала о твоем возвращении там, в Ребме, даже еще до того, как Рэндом начал рассказывать мне всякие истории, я хотела знать, что же именно заставило тебя с таким трудом пробиваться сюда. И вот теперь у меня есть возможность — хотя, конечно, нет никакого права, всего лишь возможность — расспросить тебя самого. И я чувствую, что мне можно и даже нужно использовать эту возможность, невзирая на мое положение в этой семье и всякую субординацию.

Я криво усмехнулся:

— Умно ты это преподнесла!.. Что ж, постараюсь быть честным. Сперва меня гнала сюда ненависть — ненависть к моему брату Эрику. И еще — желание заполучить трон. Если бы ты спросила меня, когда я только что вернулся, которое из этих чувств было сильнее, я бы сказал: жажда власти. Теперь, однако... пожалуй, нужно признать, что это не совсем так: и то и другое отчасти было просто уловкой. До сих пор я, пожалуй, даже не сознавал этого. Однако Эрик мертв, и у меня не осталось в помине той ненависти, которую я испытывал тогда. Место правителя вакантно, но мне кажется, что теперь я испытываю к этому весьма смешанные чувства. Возможно, ни один из нас при теперешних обстоятельствах не имеет права на трон Амбера, и даже если бы были устранены все противоречия в нашем семействе, в данный момент я бы его не принял. Я бы непременно позаботился сперва о том, чтобы в Королевстве восстановилась некая стабильность, а также попытался бы ответить еще на некоторое количество нерешенных вопросов.

— Даже если бы ответы на них указали, что ты, возможно, и не сядешь на этот трон?

— Даже в этом случае.

— Тогда я начинаю понимать.

— Что? Что тут понимать?

— Лорд Корвин, мои знания философских основ этих явлений весьма ограниченны, но, по-моему, ты способен отыскать все что угодно в Царстве Теней. Это тревожная для меня тема, и я никогда до конца не понимала объяснений Рэндома. Но ведь вы действительно, если захотите, можете не только странствовать по Царству Теней, но и отыскать для себя другой Амбер — в точности такой же, как этот, во всех отношениях, за исключением того, что там-то вы получили бы возможность сесть на трон и наслаждаться тем, что дает истинно королевский статус?

— Да, мы можем отыскивать подобные места, — сказал я.

— Тогда почему же вы этого не делаете, чтобы положить конец раздорам?

— Потому, что то место способно лишь казаться нам точно таким же, как Амбер, и не больше. Мы все являемся частью нашего Янтарного Королевства точно так же, как и оно является частью нас самих. А потому любая тень Амбера должна непременно быть населена нашими тенями, чтобы хоть на что-нибудь быть годной. Мы можем даже воплотиться в собственную тень, если вдруг согласимся переместиться в такое вот готовенькое королевство. Однако же существа в Царстве Теней никогда не бывают в точности такими же, как здесь. И тень никогда не бывает точным повторением того предмета, который ее отбрасывает. Их очень много, этих маленьких отличий, и на самом деле они куда хуже, чем основные отличия между двумя различными существами. В итоге ты вполне можешь оказаться в стране, населенной совершенно чужими и чуждыми тебе людьми. Представь — ничего лучше мне в голову не приходит, — что порой ты встречаешься с человеком, ужасно похожим на кого-то из твоих хороших знакомых, и, разумеется, все время ждешь, что он начнет вести себя, как этот твой хороший знакомый. Но гораздо хуже, что ты сам постоянно ведешь себя так, словно рядом с тобой тот, другой. Ты смотришь на него, будто надев некую маску, и его реакция на тебя, тоже тебя не устраивающая, кажется гнусным притворством. Это очень беспокойное, просто ужасное ощущение. Я всегда не любил встречаться с такими людьми, которые напоминают мне кого-то другого. Целостность личности — вот то единственное, что нам не подвластно при наших манипуляциях с Царством Теней. Хотя именно благодаря нерушимости нашей личностной характеристики мы и можем связываться друг с другом. Именно поэтому Флора так долго колебалась на мой счет там, на Земле, когда я сбежал из лечебницы: моя новая личностная характеристика казалась ей в достаточной степени иной.

— Я начинаю понимать, — сказала Вайол. — Амбер для вас не просто место рождения и возможного правления. Это вся ваша жизнь, весь установленный для вашего рода миропорядок.

— Да, это вся наша жизнь... И основа нашего мира, — подтвердил я ее слова.

— Ты говоришь, что ненависть твоя умерла вместе со смертью Эрика, а твое желание получить трон было значительно ослаблено размышлениями над теми новыми вещами, которые ты постиг?

— Именно так.

— В таком случае я, кажется, действительно понимаю, что движет тобою...

— Мною движет желание стабильности, — сказал я, — и еще некое любопытство... и желание отомстить нашим врагам...

— Долг, — сказала она. — Ну конечно.

Я хмыкнул:

— Да, это слово звучит весьма утешительно и благородно, да только мне отчего-то быть лицемером не хочется. Вряд ли я такой уж послушный долгу сын Амбера. Или Оберона.

— Ты нарочно говоришь таким тоном; ты просто не хочешь, чтобы тебя считали таковым.

Я закрыл глаза. Закрыл для того, чтобы присоединиться к ней в темноте, вспомнить ненадолго тот мир, где на первом месте совсем иные способы передачи информации, чем световые волны. И тут я понял, как права была она, в том числе и насчет моего тона. С чего это я принялся глумиться над понятием долга? Я же люблю, когда меня хвалят за доброту, честность и благородство, за мой ум, даже когда я кажусь себе не совсем таким — как и всякий другой человек. Что так задело меня при упоминании моего долга по отношению к Амберу? Ничего. Так в чем же дело?

Отец.

Я уже больше ничего ему не должен, я свободен от всех обязательств перед ним. В конечном счете именно он виноват в теперешнем положении дел. Он породил нас в таком количестве, ничем не обеспечив ни справедливого наследования, ни доброго отношения к нашим матерям, и при этом он еще ожидал от нас любви, преданности и поддержки. Он играл своими фаворитами, а на самом деле, похоже, играл и нами, натравливая нас друг на друга. А затем он оказался замешанным в чем-то таком, с чем сам не смог справиться, и спешно покинул Королевство.

Зигмунд Фрейд, хвала ему, давным-давно дал мне обезболивающее и вернул к нормальным для нашей семейки чувствам отвращения и ненависти, которые только и могли здесь править. И при этих условиях никаких ссор и споров ни с кем у меня не возникало. Факты — дело другое. Я не могу сказать, что не любил своего отца только потому, что он не давал мне никаких причин любить его; по правде говоря, мне казалось, что он трудился как раз в противоположном направлении. Ну и хватит об этом. Я наконец понял, что именно так взбесило меня при упоминании о долге: сам его объект.

— Ты права, — сказал я, открывая глаза и глядя на нее, — и я рад, что сказала мне об этом именно ты.

Я поднялся, собираясь уходить.

— Дай мне руку.

Она протянула мне свою правую руку, и я поднес ее к губам.

— Спасибо, — сказал я. — Ленч был замечательный.

Я повернулся и направился к двери. Когда я оглянулся, то увидел, что Вайол покраснела от смущения и улыбается, а рука ее так и осталась протянутой ко мне. И тут я начал понимать, почему в Рэндоме произошли такие перемены.

— Счастья тебе и удачи, — сказала она, услышав, что я остановился.

— ...И тебе, — сказал я и быстро закрыл за собою дверь.

Затем я собирался повидать Брэнда, но почему-то никак не мог заставить себя сделать это. С одной стороны, не хотелось встречаться с ним, когда голова совсем отупела от усталости. С другой — разговор с Вайол был первым моим приятным впечатлением за весьма длительное время, и ужасно не

хотелось его портить, хотя именно сейчас я несколько воспрянул духом.

Я поднялся по лестнице и прошел по коридору в свою комнату, вставил свой новый ключ в новый же замок. В спальне я задернул шторы, чтобы не так ярко светило полуденное солнце, разделся и лег в постель.

Как всегда после стресса, сон пришел не сразу. Я довольно долго ворочался, сминая простыни и оживляя в памяти события нескольких последних дней, а также кое-что из далекого прошлого. Когда же наконец я уснул, то и во сне меня преследовали те же события, ужасное заклятие, произнесенное мною некогда в темной тюремной камере, и нацарапанная на двери картина, помогшая мне бежать.

Было темно, когда я проснулся и действительно почувствовал себя отдохнувшим. Напряжение улеглось, полусонные мысли были куда более мирными. И только где-то в области затылка будто ощущалось некое приятное возбуждение, какая-то несложная обязанность, не дававшая мне покоя. На кончике языка вертелось заветное слово, глубоко похороненное давнее намерение...

Да!

Я сел. Потянулся за одеждой и стал одеваться. Надел ремень и пристегнул Грейсвандир. Потом свернул одеяло по-армейски и сунул себе под мышку. Ну конечно...

Голова была совершенно ясной, бок ничуточки не болел. Я понятия не имел, сколько времени проспал, и вряд ли теперь это имело значение. Мне предстояло заглянуть в одно очень интересное место, где нечто должно было случиться со мной давным-давно — да нет, совершенно точно случилось! Я когда-то уже бывал там, однако надлом во времени и течении событий сместил что-то в моей памяти. Но теперь я вспомнил.

Я запер за собой дверь и двинулся к лестнице. В коридоре свечи мигали от сквозняка, и вылинявший олень на гобелене на правой стене, что умирал в течение долгих веков, оглядывался в ужасе на столь же вылинявших охотничьих псов, которые столько же веков преследовали его. Порой мои симпатии были на стороне оленя, однако обычно я все же чувствовал себя охотничьим псом. И теперь я должен был во что бы то ни стало восстановить то, что кануло в далекое прошлое.

По лестнице и вниз, откуда не доносилось ни звука. Значит, очень поздно. Это хорошо. Прошел еще один день, и мы все еще живы. И, возможно, даже стали немножко умнее. Во всяком случае, настолько, чтобы понять, что существует еще огромное количество вещей, которые нам неведомы. Хотя надежда узнать их не утрачена. Вот чего мне недоставало, когда я сидел, скорчившись и воя от боли в той проклятой камере и прижав руки к выжженным глазам. Вайол! Как бы хорошо было тогда поговорить с тобой хоть несколько минут! Но я учился в отвратительной школе, где даже более щадящий курс обучения не сумел бы привить мне твоего милосердия. И все же... трудно сказать. Я всегда чувствовал себя куда больше охотничьим псом, чем загнанным оленем, куда больше охотником, чем жертвой. Ты, возможно, кое-чему и сумела бы научить меня, смягчила бы горечь, умерила ненависть. Но вот было бы это к лучшему для меня? Не уверен. Ненависть и так умерла вместе с тем, к кому я ее испытывал, а горечь прошла сама собой — но, оглядываясь назад, я все задавал себе вопрос: выполнил бы я свою задачу, если бы горечь и ненависть не поддерживали меня? Выжил бы в своей темнице без этих своих безобразных друзей, что упорно тащили меня назад, к жизни и здоровью? Это теперь я могу позволить себе роскошь порой представить себя оленем, а тогда подобные мысли могли оказаться для меня смертельно опасными. О нет, милая дама, я совсем не уверен в том, что было бы для меня тогда лучше, и вряд ли когда-нибудь узнаю это.

На втором этаже было все недвижимо и тихо. Снизу доносился слабый шум. Спите сладко, милая дама... Еще один поворот по лестнице. Интересно, догадался ли Рэндом, что великий момент уже наступил? Скорее всего нет, иначе он или Бенедикт уже вышли бы на связь со мной. А что, если с ними что-то случилось?.. Глупейшее занятие — самому будить лихо. Пусть будет что будет, мне совершенно осточертело ходить вокруг да около.

Первый этаж.

— Уилл? — окликнул я. — Ролф?

— Лорд Корвин!

Оба стражника приветливо раскланялись со мной. По их лицам я понял, что все в порядке, но ради проформы спросил, как дела.

— Все тихо, лорд Корвин, все в порядке, — ответил старший из них.

— Вот и отлично, — сказал я и двинулся дальше, входя в мраморный обеденный зал.

Это должно сработать! Обязательно! Если только время и влажность не совсем уничтожили его... И тогда...

Я миновал длинный коридор, где пыльные стены почти смыкались у меня над головой. Темнота, тени, мои шаги...

Я подошел к двери в конце коридора, открыл ее и остановился на площадке. Потом стал спускаться в подземные пещеры Колвира, вниз по винтовой лесенке, мимо горящих по обе стороны редких фонарей. Рэндом был прав: если что-то изобразить примерно на уровне той далекой площадки, где светился Подлинный Путь, который мы видели сегодня утром, то сходство непременно будет весьма близкое.

Еще вниз. Во мраке извивались и покачивались на стенах тени. Последний факел — и залитый светом фонаря сторожевой пост показался мне декорацией, забытой и абсолютно застывшей, будто вделанной в стену. Я спустился с последней ступеньки и пошел к посту.

— Добрый вечер, лорд Корвин, — с лучезарной улыбкой поздоровался со мной тощий, похожий на покойника человечек, удобно прислонившийся спиной к ящику для всякого барахла и куривший трубку.

— Добрый вечер, Роджер. Как дела у обитателей нижнего мира?

— Тут только крысы, летучие мыши да пауки. А больше ничто и не движется даже. Мир да покой.

— Тебе нравится эта служба?

Он кивнул:

— Я пишу философский роман с элементами болезненной мистики и всякими ужасами. Здесь отлично работается.

— Да, весьма подходящее местечко, — согласился я. — Кстати, не найдется ли у тебя фонаря?

Роджер вытащил фонарь из своего сундука и зажег его с помощью свечи.

— А конец романа будет счастливым? — поинтересовался я.

Он пожал плечами:

— Счастливым буду я, это уж точно.

— Я хотел спросить, торжествует ли там у тебя добро и завоевывает ли герой сердце героини? А может, ты всех своих героев предаешь смерти?

— Ну это вряд ли было бы справедливо.

— Ладно, не обращай на мои вопросы внимания. Может, и мне когда-нибудь удастся еще прочитать твой роман.

— Может быть, — сказал он спокойно.

Я взял фонарь и пошел туда, куда не ходил уже очень давно. И обнаружил, сколь сильны еще отголоски былого в моей душе.

Вскоре, двигаясь вдоль стены, я определил нужный мне коридор и вошел в него. Теперь оставалось просто считать шаги. Ноги сами знали путь.

Дверь в мою старую камеру находилась чуть в стороне от других. Я поставил фонарь на пол и обеими руками налег на дверь, чтобы открыть ее как можно шире. Она подавалась со скрипом и ворчаньем, даже со стонами. Затем я поднял фонарь повыше и вошел внутрь.

Тело у меня сразу онемело, а в животе свернулся холодный тугой комок. Начался озноб, и я с трудом поборол сильнейшее желание выскочить отсюда, захлопнуть за собой дверь и сбежать куда глаза глядят. Я не ожидал от себя подобной реакции. Я боялся хотя бы на шаг отойти от этой тяжелой обитой бронзой двери; казалось, что она непременно захлопнется у меня за спиной и тут же будет заперта на все засовы. Какое-то мгновение я не испытывал ничего, кроме чистейшей воды ужаса при виде этой крошечной грязной клетушки. Потом заставил себя сосредоточиться на частностях — на той дыре в полу, что заменяла мне уборную; на черном пятне, где я развел костер в последний день... Я провел левой рукой по внутренней поверхности двери и обнаружил следы тех царапин, которые нанес некогда черенком сломанной ложки. Я вспомнил, чего стоила моим рукам эта попытка вырезать замок. Потом наклонился, чтобы рассмотреть свою работу поближе. Бороздки были совсем поверхностными, вовсе не такими глубокими, как казалось мне тогда, во всяком случае, по сравнению с толщиной двери. Я только сейчас осознал, как сильно преувеличивал свои слабые силы в стремлении вырваться на свободу. Я отошел от двери и посмотрел на стену

Рисунок был виден очень слабо, пыль и влажность сделали свое дело. Но я все еще мог разглядеть очертания маяка Кабры, изображенного все тем же черенком сломанной ложки. И волшебство все еще ощущалось в этом наброске, что в итоге дало мне возможность оказаться на свободе. Я чувствовал эту волшебную силу, даже не взывая к ней.

Я повернулся лицом к другой стене.

Тот рисунок, на который смотрел я сейчас, сохранился хуже, но ведь он и выполнен был в ужасающей спешке, при свете последних нескольких спичек. Я даже не все мог разобрать на нем, хотя память помогала восстановить кое-какие детали, что были теперь не видны. Передо мной какая-то комната или библиотека, где вдоль всех стен тянутся полки с книгами; на переднем плане — рабочий стол, за ним виднеется глобус... Интересно, подумал я, а что, если попытаться стереть с картины пыль?

Я поставил фонарь на пол и вернулся к другому рисунку, уголком одеяла попытался осторожно протереть участок возле самого фундамента маяка. Линия стала более четкой. Я еще раз протер рисунок, нажимая чуть сильнее, и, к несчастью, несколько нарушил при этом линию.

Я отступил от стены и оторвал широкий лоскут от края одеяла. Затем свернул остаток в некое подобие подушки и уселся на нее. А потом медленно, осторожно принялся за работу над маяком. Мне необходимо было как следует потренироваться, определить нужный нажим и тому подобное, прежде чем пробовать очистить другую картину.

Через полчаса я встал, потянулся, сделал несколько наклонов и как следует растер затекшие ноги. Изображение маяка было теперь чистым, однако я разрушил процентов двадцать рисунка, прежде чем догадался, с какой силой нужно нажимать на тряпку. Вряд ли, решил я, удастся добиться лучших результатов.

Фонарь мигнул и плюнул в меня, когда я передвинул его на другое место. Я развернул одеяло, оторвал от него новую полосу и снова свернул в виде подушки. Эту подушку я подложил себе под колени, опустился на пол и принялся за работу.

Через некоторое время мне удалось увидеть то, что скрывалось под слоем пыли. Я, например, совсем забыл о черепе на столе, пока осторожное прикосновение тряпки не открыло его моему взору. И еще я вспомнил тот угол у дальней стены и

толстенную свечу в подсвечнике... Я отшатнулся. Было бы рискованно пытаться расчистить еще что-то. Да, может, и не стоило. Все это выглядело совершенно таким же, каким было когда-то.

Фонарь снова замигал. Ругая Роджера за то, что он не проверил, достаточно ли в нем керосина, я встал, держа фонарь примерно на уровне плеча слева от себя. И постарался забыть обо всем, кроме находившейся передо мной картины.

По мере того как я смотрел на нее, она обрела даже некое подобие перспективы. Еще через мгновение она была уже совершенно трехмерной и значительно расширилась, полностью заняв поле моего зрения. Тогда я шагнул вперед и поставил фонарь на край письменного стола.

Я обшаривал глазами комнату. На всех четырех ее стенах были книжные полки. Никаких окон. На дальнем конце — две двери, налево и направо, одна напротив другой; одна закрыта, другая чуть приоткрыта. Возле приоткрытой двери был еще длинный низенький стол, заваленный книгами и бумагами. Странный, причудливый беспорядок царил повсюду; книги на полках были навалены как попало, кое-где оставались пустые места; на стенах были какие-то непонятные ниши и выступы — там помещались кости, камни, керамика, глиняные таблички с письменами, увеличительные стекла, веера и инструменты неведомого мне предназначения... На огромном ковре, похоже, был изображен Ардебил. Я сделал шаг в этом направлении, и мой фонарь снова зашипел и плюнул. Я взял его в руку, и тут фонарь погас совсем.

Я прорычал какое-то ругательство и поставил его обратно. Потом медленно повернулся, ища хоть какой-нибудь источник света. Нечто напоминающее ветку кораллов слабо светилось на полке у противоположной стены, слабое свечение также исходило из-под закрытой двери. Я бросился туда.

Дверь я открывал как можно тише. Комната, в которой я очутился, казалась необитаемой. Это была маленькая, без окон нора, слабо освещенная тлеющими углями в небольшом очаге слева от меня. Каменные стены комнаты аркой сходились над головой. Очаг, возможно, был устроен в естественной нише. В дальней стене виднелась большая, окованная железом дверь; из замка торчал огромный ключ.

Я прихватил с собой из библиотеки свечу и двинулся по

направлению к камину, чтобы разжечь в нем огонь поярче. Однако, опустившись на колени и начав раздувать полупотухшие угли, я услышал тихие шаги совсем рядом, у порога.

Обернувшись, я увидел его. Примерно пять футов высотой, горбатый, волосы и борода еще длиннее, чем помнилось мне. Дворкин был в ночной рубахе до щиколоток, в руках держал масляную лампу, а темные глаза его остро вглядывались во тьму, стараясь разглядеть меня у перепачканного сажей камина.

— Оберон, — сказал он, — неужели время наконец настало?

— Какое такое время? — тихо проворчал я, подражая отцу.

Он захихикал:

— Ну какое же еще? Время разрушить этот мир, разумеется!

Глава 5

Я убрал свет подальше от лица, стараясь по-прежнему говорить негромко.

— Еще нет, — сказал я. — Еще не время.

Он вздохнул:

— Ты так и остался неубежденным.

Дворкин склонил голову набок, внимательно вглядываясь в меня.

— Ну почему тебе все нужно портить? — сказал он.

— Я ничего еще не испортил.

Он опустил лампу. Я снова отвернулся, но ему все-таки удалось как следует рассмотреть меня. Он рассмеялся.

— Забавно. Забавно, забавно, забавно, — затараторил Дворкин. — Ты явился в обличье юного лорда Корвина, надеясь растрогать меня? Почему же ты не предпочел облик Брэнда или Блейза? Именно они, дети Клариссы, лучше всех служили нам.

Я пожал плечами.

— Да как тебе сказать... — наконец пробормотал я, решившись по возможности кормить его двусмысленностями, пока он будет их воспринимать и обдумывать ответы. Что-то очень важное могло выйти из этой игры, к тому же она представлялась мне наилучшим способом сохранить у Дворкина хоро-

шее расположение духа. — Ну а ты сам? — продолжал я. — Какой облик в данном случае примешь ты?

— Ну, для того чтобы заслужить твое благорасположение, я уж постараюсь, — ответил он и засмеялся, откинув голову назад.

Смех его гремел вокруг меня, и все в нем стало меняться. Туловище увеличивалось, лицо надувалось, как туго натянутый парус. Горб на спине постепенно исчезал, Дворкин все больше выпрямлялся, становился выше. Черты лица его совершенно изменились, а борода потемнела. Он точно каким-то образом перераспределял массу своего тела; ночная рубашка, прежде доходившая ему до щиколоток, теперь едва прикрывала бедра. Он набрал полную грудь воздуха, и плечи его расширились, руки удлинились, торчавший животик втянулся, стал плоским и мускулистым. Дворкин теперь был мне по плечо, потом еще подрос, потом посмотрел мне прямо в глаза. Одеяние его становилось все короче. Горб совершенно исчез. Лицо исказилось в последний раз, и черты как-то успокоились, перестав меняться. Смех превратился в хихиканье, затих совсем, сменившись ухмылкой.

Я смотрел на чуть более хрупкую копию себя самого.

— Доволен? — спросил он.

— Неплохо, — подтвердил я. — Подожди, я подброшу парочку поленьев в огонь.

— Я помогу тебе.

— Да пустяки.

Я принес несколько поленьев из кучи, лежавшей справа. Каждая подобная увертка давала мне возможность получше рассмотреть Дворкина. Пока я занимался очагом, он отошел в сторонку и уселся на стул. Я заметил, что на меня он и не смотрит, а уставился куда-то в темный угол. Когда огонь в очаге заревел, я выпрямился, надеясь, что теперь он все-таки что-то скажет, способное прояснить ситуацию. И он сказал:

— А что, между прочим, случилось с Великим планом?

Я понятия не имел, то ли он имеет в виду преобразования Пути или еще какой-то иной «Великий план», задуманный отцом, так что вывернулся:

— Это уж ты мне сам объясни.

Он снова захихикал:

— А почему бы и нет? Ты просто передумал, вот что случилось!

— В каком смысле передумал — как это тебе представляется, а?

— Нечего надо мной подшучивать. Даже ты не имеешь никакого права подшучивать надо мной, — обозлился Дворкин. — В принципе именно ты — в последнюю очередь.

Я встал.

— Я над тобой не подшучиваю, — произнес я уверенно, прошел через комнату, взял другой стул и перенес его поближе к огню, усевшись прямо напротив Дворкина. — Как ты узнал меня?

— Мое местонахождение вряд ли известно каждому.

— Это верно.

— А действительно ли многие в Амбере считают, что я умер?

— Да. И еще многие предполагают, что ты до сих пор, возможно, скитаешься где-то в Царстве Теней.

— Понятно.

— Как ты себя в последнее время... чувствовал?

Он злобно усмехнулся, глядя на меня:

— Ты что, думаешь, я все еще не в своем уме?

— Ты сам это сказал — не я; я не хотел тебя обидеть.

— Порой мое безумие ослабевает, порой усиливается, — произнес Дворкин. — Оно охватывает меня целиком, а потом снова отступает, и тогда я чувствую себя почти прежним — почти, предупреждаю. Потрясение, вызванное твоим визитом, например, может... Что-то, видно, сломалось в моем мозгу. Да ты и сам знаешь. А как могло быть иначе? И это ты тоже прекрасно знаешь сам.

— Вероятно, ты прав, — согласился я. — Но почему бы тебе вновь не рассказать мне обо всем, с самого начала? Это могло бы тебя отвлечь, навести какой-то порядок в твоих мыслях, ты почувствуешь себя лучше, а заодно напомнишь мне кое о чем. Я ведь и сам многое подзабыл или упустил. Ну так как?

Дворкин снова захихикал:

— Как будет угодно моему королю. Ты хотел бы услышать что-нибудь особенное? С чего лучше начать? С моего полета из Царства Хаоса на этот маленький неожиданно появивший-

ся островок в ночном море? С моих размышлений над пропастью? С того момента, когда вид Пути открылся мне в драгоценном Камне, что висел на шее у Единорога? Или с того, как я воссоздал Огненный Путь с помощью молнии, крови и звуков лиры, пока наши отцы неистовствовали — ведь они явились слишком поздно, чтобы позвать меня назад, ибо поэма огня уже пылала прихотливым рисунком в моем мозгу, заражая меня желанием обрести форму? Слишком поздно! Слишком поздно... Я был болен и слаб, я остался без их помощи, но я сам спланировал и создал его, пленника моей обновленной души. Именно эту сказку ты и хотел послушать еще раз? Или мне лучше рассказать о том, как было исправлено зло?

Мои мысли бешено вращались вокруг тех намеков, тех тайных значений, которые Дворкин только что горстью бросил мне в лицо. Трудно было понять, так ли все происходило на самом деле, или же Дворкин злоупотребляет метафорами или просто несет какой-то параноический бред, однако же все это было очень похоже на то, что я хотел, что я должен был услышать. Так что, по-прежнему стараясь не поворачиваться к нему лицом и говорить голосом того, за кого он меня принял первоначально, я сказал:

— Напомни мне, как было исправлено зло.

Он соединил кончики пальцев и, приложив руки ко рту как рупор, заговорил:

— Я — это Путь, и это действительно так. Пройдя сквозь мой разум и душу, чтобы обрести свою нынешнюю форму, и став основой Амбера, основой нашего мироздания, он оставил на мне свою мету точно так же, как и я на нем. Однажды я вдруг отчетливо понял это. Мы с ним неразделимы, и любые взаимные перемены и модификации Огненного Пути и меня, Дворкина, затрагивают непременно нас обоих. Именно в этом-то и заключена наша слабость и наша сила. Мне давно ясно, что любой вред, нанесенный Пути, наносится и мне самому, а вред, нанесенный мне, отразится на состоянии Пути. И все же по-настоящему мне навредить невозможно, ибо Путь защищает меня. Ну а кто, кроме меня, способен нанести вред Пути? Нет, мы образуем великолепную замкнутую систему, и все ее слабые места полностью защищены ее же собственной силой.

Дворкин умолк. Я слушал, как потрескивают дрова в очаге. Не знаю, к чему прислушивался он. Потом он сказал:

— Но я допустил просчет. И в таком простом вопросе!.. Оказалось, что моя кровь, с помощью которой я создал Путь, способна его и уничтожить. Точно так же, как и кровь моих потомков. Чтобы понять это, мне потребовались века. И твоя кровь годится для того, чтобы воздействовать на Путь, и твоих детей, и твоих внуков — да, до третьего колена!

Я не очень удивился, узнав, что он, собственно, и был прародителем всех нас. Мне почему-то всегда казалось, что так оно и должно было быть, что я всегда знал об этом, но никогда не говорил этого вслух. И все же... как бы то ни было, но, услышанное теперь, это известие поднимало куда больше вопросов, чем давало ответов. Особенно в нашей весьма разветвленной семейке... Я совсем запутался насчет Дворкина: кто же он все-таки такой? Особенно если учесть, что, согласно его собственным словам, это всего лишь сказка, сочиненная старым безумцем.

— Однако, чтобы восстановить Путь... — начал было я.

Он ухмыльнулся; и я увидел ухмылку Дворкина на своем собственном лице, маячившем передо мной.

— Неужели ты совсем утратил вкус к тому, чтобы править живой пустотой и быть королем Хаоса?

— Возможно, — ответил я.

— Клянусь Единорогом, матерью твоей, я знал, что к этому придет! Ощущение Пути столь же сильно в тебе, как и желание править самым могущественным из царств. Так каково же будет твое желание теперь?

— Сохранить первозданный миропорядок в своем королевстве.

Дворкин покачал своей, вернее моей, головой:

— Было бы куда проще все разрушить и попытаться все начать сначала — как я тебе неоднократно предлагал прежде.

— Ты же знаешь, что я упрям. Так что попробуй предложить мне это еще раз, — сказал я, пытаясь подражать ворчливому тону отца.

Он пожал плечами:

— Разрушив Путь, мы разрушим основы Амбера и всего Царства Теней, что его окружает. Отпусти меня, и я дойду до середины Пути, чтобы уничтожить его вместе с собой; отпус-

ти меня, но дай мне прежде слово, что затем ты с помощью Судного Камня, что заключает в себе зерно миропорядка, создашь новый Путь, ясный, светлый, ничем не запятнанный, возвышающийся над бессмыслицей твоей собственной жизни, и не поддашься легионам сил Хаоса, которые будут стараться перетянуть тебя то на одну, то на другую сторону. Пообещай мне это и позволь мне со всем покончить, ибо ныне я сломлен настолько, что предпочел бы умереть во имя священного миропорядка, чем жить ради него. Ну, и каков же будет твой ответ?

— По-моему, все же лучше попытаться восстановить наш прежний Путь, чем уничтожать работу многих тысячелетий.

— Трус! — вскричал он, вскакивая на ноги. — Я так и знал, что ты это скажешь!

— Но разве я не прав?

Дворкин принялся мерить шагами комнату.

— Сколько раз мы с тобой говорили об этом! — воскликнул он. — Но ты по-прежнему стоишь на своем. Боишься попробовать!

— Возможно, — кивнул я. — А по-твоему, разве то, ради чего ты пожертвовал столь многим, не стоит попытаться спасти — если существует такая возможность и жертвы во имя его спасения будут не так уж велики?

— Ты все еще не понимаешь, — сказал он. — Я могу думать только об одном: поврежденная основа должна быть уничтожена и благополучно заменена другой. Природа моего собственного недуга такова, что никакого исцеления я не предвижу. Я должен быть уничтожен, чтобы, возможно, возродиться вновь. Так что мои чувства в этом отношении предопределены.

— Если Судный Камень способен послужить во имя создания нового миропорядка, то почему бы не использовать его для восстановления старого Пути, а также для того, чтобы покончить с нашими бедами и излечить твою душу?

Дворкин подошел и остановился прямо передо мной.

— Неужели ты все забыл? Ведь ты же знаешь, что бесконечно труднее восстановить разрушенное, чем начать все сначала. Даже Судному Камню куда легче уничтожить Путь, чем ликвидировать причиненное ему зло. Неужели ты забыл, как

это выглядит? — Он ткнул куда-то в стену у себя за спиной. — Может, хочешь пойти и полюбоваться?

— Да, — сказал я. — Пожалуй. Пойдем же.

Я встал и посмотрел на Дворкина сверху вниз. Сердясь на меня, он израсходовал слишком много сил, и его контроль над собственным телом ослабел. Он уже снова стал на три-четыре дюйма короче, а «мое» лицо постепенно превращалось в его собственное, похожее на физиономию гнома; и уже вполне заметен стал старый горб между лопаток, особенно когда Дворкин начинал жестикулировать.

Его глаза вдруг изумленно расширились, и он внимательно всмотрелся в мое лицо.

— Ты действительно так думаешь? — медленно проговорил он. — Что ж, хорошо. Пойдем.

Дворкин повернулся и пошел к огромной обитой металлом двери. Я последовал за ним. Ключ ему пришлось поворачивать обеими руками, потом он еще и навалился на него всем телом. Я хотел было помочь ему, но Дворкин одним взмахом руки отмел меня в сторону, проявив при этом необычайную силу. Наконец ключ был повернут. Дверь заскрежетала и распахнулась вовне. Я сразу почувствовал странный, однако почему-то знакомый запах.

Дворкин шагнул через порог и остановился. Потом отыскал то, чего ему, видимо, не хватало: высокий посох, стоявший справа от нас у стены. Он несколько раз ударил посохом о землю, и его верхний конец начал светиться, достаточно хорошо освещая все вокруг, в том числе и вход в узкий туннель, куда Дворкин теперь и направился. Я двинулся следом, и вскоре туннель стал настолько широк, что я уже смог идти рядом с Дворкином. Запах становился все сильнее, и мне уже практически было ясно, откуда он доносится. Ведь совсем недавно...

Где-то шагов через восемьдесят мы свернули налево и стали подниматься вверх. Затем миновали небольшую пещеру, пол в которой усыпали обглоданные кости, а в каменную стену было вделано большое металлическое кольцо. От кольца, поблескивая, тянулась металлическая цепь; звенья ее казались во мраке каплями расплавленного, но уже остывающего металла.

Туннель снова стал у́же, и Дворкин снова пошел впереди.

Очень скоро он вдруг резко свернул куда-то за угол, я услышал его невнятное бормотание и сам чуть не налетел на него. Он ползал на четвереньках и левой рукой шарил в темной трещине в скале. Потом я услышал негромкое знакомое каркань, увидел выход из пещеры, куда выводила цепь, и наконец догадался, где мы и что там, на конце цепи.

— Добрый Виксер, — донеслось до меня бормотание Дворкина, — ты не сердись, дальше я не пойду, так что все в порядке, добрый Виксер. Вот тут есть еще кое-что для тебя в подарочек.

Что уж он там достал из трещины в скале и бросил грифону, понятия не имею. Однако пурпурный грифон, к которому я теперь подошел довольно близко, дернул головой, поймал подношение и принялся звучно его пережевывать.

Дворкин с ухмылкой посмотрел на меня:

— Удивлен?

— Чем?

— Ты небось думал, что я его боюсь? Что я никогда не сумею с ним подружиться? Ведь это ты посадил его здесь, у выхода, чтобы я не смог выбраться наружу и достигнуть Пути?

— Как ты мог такое подумать?

— А чего тут думать? Я же не дурак.

— Ну ладно, думай, как знаешь, — сказал я.

Он похихикал, встал и двинулся дальше.

Я шел за ним и вскоре почувствовал, как пол под ногами снова стал ровным. Потолок над головой поднялся, а сам тунель расширился. Мы подошли к выходу из пещеры. Несколько минут Дворкин постоял там, выделяясь темным силуэтом на фоне более светлого неба и держа перед собой высоко поднятый посох. Снаружи была ночь, и свежий, пахнущий солью и морем воздух выветрил наконец мускусный запах зверя, что стоял у меня в ноздрях.

Еще через мгновение Дворкин уже шагал дальше, в широкий мир, под бархатные небеса, утыканные свечками звезд. Следуя за ним, я даже задохнулся сперва, увидев столь поразительное зрелище. И не только потому, что звезды в безлунном, безоблачном небе сияли каким-то доисторическим светом, и не только потому, что граница между небом и морем вновь оказалась полностью размытой. Самое основное — это то, что Путь светился какой-то ацетиленовой голубизной

среди этого моря-неба, и все звезды над ним, под ним и вокруг него с геометрической точностью образовывали некую фантастическую кружевную решетку, которая более, чем все остальное, рождала ощущение, будто мы висим в центре загадочной космической паутины, где Путь является истинным центром, а все остальные светящиеся линии — лишь точное отражение и повторение его рисунка.

Дворкин шел прямо к площадке, на которой сиял Путь, к тому ее краю, где виднелся темный сектор. Остановившись, он взмахнул своим посохом и обернулся как раз в тот момент, когда я подошел к нему.

— Так вот она где, — воскликнул он, — эта проклятая дыра в моем мозгу! Эта часть моего разума как бы отключена, и теперь я способен думать только с помощью того, что еще уцелело. И я не представляю, как можно исправить нанесенный мне ущерб. Если ты считаешь, что можешь восстановить Путь, то должен быть готов каждый раз добровольно подвергаться некоему воздействию на его разрушенных участках. Это будет подобно сильному удару электрическим током, когда ты замкнешь собой разорванную линию Огненного Пути. Черный же сектор будет для тебя практически безвреден. Станет ли помогать тебе Судный Камень, я не знаю. Может быть, и да. Но все равно это будет очень нелегко. И с каждым поворотом разрушенной цепи будет становиться все труднее и труднее, а силы твои при этом будут неизменно уменьшаться. В последний раз, когда мы обсуждали с тобой эту возможность, ты явно опасался за свою жизнь. Может, ты хочешь сказать, что с тех пор стал значительно храбрее?

— Может, и хочу, — произнес я. — Но другого выхода я не вижу. А ты?

— Я знаю только, что можно сделать, если все начать с новой строки; однажды я так уже поступил. Лучшего способа я не знаю. Однако чем дольше ты будешь ждать, тем положение будет хуже. Так почему бы тебе не принести сюда Судный Камень и не одолжить мне твой меч, сынок? На мой взгляд, это самый лучший выход из всех возможных.

— Нет, — возразил я. — По-моему, я все еще знаю недостаточно. Расскажи мне еще раз, каким образом Пути было нанесено столь значительное повреждение.

— Я так и не сумел выяснить, кто из твоих детей пролил

кровь одного из членов нашей семьи прямо на линию Пути. Однако, раз это сделано, пусть так и остается. Темные стороны взяли верх в душах твоих отпрысков. Вполне возможно, что сейчас они находятся под слишком сильным влиянием породившего всех нас Хаоса и позабыли о тех постоянных упражнениях воли, которые необходимы, чтобы победить Хаос в своей душе, и которые так тяжело дались всем нам. Когда-то я полагал, что для королевских детей ритуал прохождения Пути окажется достаточным испытанием; более сильного испытания я тогда придумать не смог. Однако его оказалось недостаточно. Они придумывают новые разрушительные планы. Они даже стремятся уничтожить сам Путь!

— Но, может быть, если все начать сначала, подобное больше никогда не повторится?

— Кто знает? Впрочем, есть ли у нас выбор? Если мы потерпим неудачу, все так или иначе вернется к первозданному Хаосу.

— А что станется с нашими противниками, если мы попытаемся начать все сначала?

Дворкин довольно долго молчал. Потом пожал плечами:

— Понятия не имею.

— А каково будет следующее поколение? Кем станут наши наследники?

Он захихикал:

— Ну откуда же мне знать?

Я вытащил проткнутую ножом карту Мартина и передал ему. Дворкин долго рассматривал ее, освещая концом своего посоха.

— По-моему, это сын Рэндома, — сказал я, — и, по-моему, именно его кровь была пролита здесь. Не знаю, правда, жив ли он еще. Как ты думаешь, он что-нибудь собой представлял?

Дворкин оглянулся на Путь.

— Так вот чем они его так разукрасили! — воскликнул он. — Как тебе удалось достать оттуда карту?

— Мне ее достали, — ответил я, не вдаваясь в подробности. — Но это ведь не твой рисунок, верно?

— Разумеется, нет! Я этого мальчика ни разу в жизни не видел. Однако эта история дает ответ на один из твоих вопро-

сов: если уже существует поколение твоих внуков, то твои же дети его и уничтожат.

— И что ж, по-твоему, мы непременно должны уничтожить их самих?

Он посмотрел мне в глаза очень внимательно:

— С каких это пор ты стал любящим и преданным отцом?

— Кто же изготовил карту Мартина, если не ты?

Дворкин опустил глаза и поковырял карту ногтем.

— Мой лучший ученик. Твой сын Брэнд. Это его стиль. Ты представляешь, что они сделают, стоит им обрести хотя бы относительное могущество? Да станет ли хоть один из них жертвовать своей жизнью, чтобы сохранить этот миропорядок и восстановить Путь?

— Может быть, и да, — сказал я. — Например, Бенедикт. Или Джерард, Рэндом, Корвин...

— Бенедикт уже отмечен роковой судьбой, Джерард обладает волей, но не умом, Рэндому не хватает мужества и решительности. Корвин... Разве он не стал изгоем в собственном королевстве?

Я мысленно вернулся к нашей последней встрече: тогда Дворкин помог мне выбраться из темницы и попасть в Кабру. Мне пришло в голову, что у него насчет моего плена были свои соображения, хотя он явно не ведал тех обстоятельств, из-за которых меня ослепили и замуровали в подземелье.

— Неужели именно поэтому ты принял его обличье? — продолжал между тем Дворкин. — Неужели это следует понимать как упрек мне? Неужели ты снова меня испытываешь?

— Корвин больше не изгой, и местонахождение его хорошо известно, — сказал я, — хотя у него множество врагов как среди членов нашей семьи, так и в других краях. Я уверен, он предпримет все что угодно для сохранения нашего мира. А как по-твоему, есть у него шансы на успех?

— Корвин, кажется, провел долгие годы вдали отсюда?

— Да, это так.

— В таком случае он, видимо, сильно изменился. Не знаю.

— Да, он действительно изменился и горит желанием попробовать свои силы.

Дворкин снова внимательно посмотрел на меня; потом, не сводя с меня глаз, произнес:

— Ты не Оберон.

— Нет.

— Ты тот, в чьем обличье ко мне явился.

— Именно так.

— Понятно... Я не учел, что это место тебе может быть известно...

— А я и не знал о его существовании до недавнего времени. Впервые меня привел сюда Единорог.

Глаза Дворкина изумленно расширились.

— Это... весьма... интересно, — пробормотал он. — Уже очень давно...

— Так как ты ответишь на мой вопрос?

— А? Вопрос? Какой вопрос?

— О моих шансах на успех. Как ты думаешь, смогу ли я восстановить Путь?

Он медленно приблизился ко мне, остановился и положил правую руку мне на плечо, левой при этом приподняв свой посох, который качнулся, и его голубой свет вспыхнул примерно в футе от моего лица, но ни малейшего жара я не ощутил. Старик смотрел мне прямо в глаза.

— Да, ты изменился, — промолвил он наконец.

— Достаточно ли, — спросил я, — чтобы выполнить эту задачу?

Дворкин отвернулся.

— Возможно, попробовать стоит. Даже если мы заранее приговорены к неудаче.

— Ты поможешь мне?

— Не знаю, — ответил он, — буду ли я в состоянии. То, что происходит с моими чувствами, с моими мыслями... безумие то накатывает, то отступает... Даже сейчас я чувствую, что не в состоянии полностью контролировать себя. Может быть, я слишком взволнован? Нет... лучше нам вернуться назад, в пещеру...

У себя за спиной я услышал звяканье цепи. Обернувшись, я увидел грифона; голова его медленно покачивалась из стороны в сторону справа налево, хвост— слева направо, раздвоенный язык мелькал в воздухе. Он начал описывать вокруг нас круги, потом остановился, оказавшись между Дворкином и Путем.

— Он знает, — сказал Дворкин. — Он способен чувствовать, когда я начинаю меняться. Он ни за что не подпустит

меня даже близко к Пути... Добрый Виксер. Ладно, возвращаемся. Все в порядке, Виксер... Пойдем, Корвин.

Мы двинулись по направлению к пещере, Виксер следовал за нами, при каждом шаге позвякивая цепью.

— Камень, — вдруг вспомнил я, — Судный Камень... ты говоришь, он необходим, чтобы восстановить Путь?

— Да, — ответил Дворкин. — Камень необходимо пронести по всему Пути, с его помощью восстанавливая исходный рисунок в тех местах, где произошли разрушения. Это, однако, может сделать только тот, кто настроен на Судный Камень.

— Я на него настроен.

— Как это ты сумел? — спросил Дворкин, резко останавливаясь.

Виксер покашлял у нас за спиной, и мы двинулись дальше.

— Я последовал твоим письменным указаниям; и еще Эрик кое-что успел рассказать мне, — сказал я. — Я взял Камень, вышел с ним на середину Пути и с его помощью спроектировал самого себя. И все удалось.

— Понятно, — пробормотал Дворкин. — Непонятно только, как ты его получил?

— Мне передал его Эрик, умирая.

Мы вошли в пещеру.

— Камень и сейчас у тебя?

— Нет, я был вынужден спрятать его на Земле, в Царстве Теней.

— Я очень советую тебе поскорее принести его сюда или же, по крайней мере, во дворец. Его лучше хранить ближе к центру нашего мира.

— Почему?

— Он может значительно исказить мир Теней, если слишком долго находится среди них.

— Каким образом?

— Заранее сказать невозможно. Это полностью зависит от окружения.

Мы свернули за угол, все дальше уходя во тьму.

— Но мне непонятно вот что: когда долго носишь Камень, то время начинает словно замедляться вокруг тебя. Фиона предупреждала меня, что это опасно, но не смогла ответить почему.

— Это означает, что ты достиг пределов своего собственного жизненного пространства, что твоя энергия в ближайшем будущем будет исчерпана полностью и ты погибнешь, если очень быстро кое-что не предпримешь.

— Что же именно?

— Не начнешь черпать силы из самого Пути — из того его зерна, что заключено внутри Камня.

— И как это сделать?

— Ты должен стать подвластным Судному Камню, отдаться на его милость, освободить себя, стереть собственную личность, уничтожить границы, отделяющие тебя от всего остального.

— Звучит так, будто это практически невозможно.

— Нет, это возможно, и это единственный способ.

Я покачал головой. Мы прошли еще немного и наконец оказались у той огромной двери. Дворкин выпустил из рук посох, прислонив его к стене. Мы вошли, и он тщательно запер дверь. Виксер к двери подходить не стал.

— Теперь тебе следует поскорее уходить отсюда, — сказал Дворкин.

— Но мне еще о стольком нужно спросить тебя и столько тебе поведать!

— Нет, мысли мои уже путаются, и твои слова будут потрачены впустую. Приходи завтра ночью, или послезавтра, или послепослезавтра. А теперь скорее! Уходи!

— К чему такая спешка?

— Я могу стать для тебя опасным, когда со мной произойдет перемена. Сейчас я сдерживаюсь, но ценой огромных усилий. Убирайся же!

— Я не знаю... То есть я знаю, как попасть сюда, но отсюда...

— На столе в соседней комнате лежат все колоды волшебных карт. Возьми свечу и уходи! Да уходи же куда-нибудь поскорее!

Я хотел было возразить, что, дескать, ничего не боюсь и вряд ли он сможет осуществить надо мной какое-нибудь физическое насилие, когда его черты вдруг начали расплываться, как тающий воск, и Дворкин вдруг показался мне значительно выше, чем был всегда, и с куда более длинными ногами и руками. Схватив свечу, я выбежал из комнаты, ощущая внезапный озноб.

...Я бросился прямо к столу и рывком выдвинул ящик: карты лежали россыпью внутри. Все они были разные. Тут я услышал шаги, и нечто вошло в комнату за мной следом, остановившись у меня за спиной. Шаги не были похожи на человеческие. Я не оглянулся и продолжал рассматривать карты. Одна из них лежала сверху. Изображенный на ней пейзаж был мне абсолютно не знаком, однако я тут же открыл свой разум и потянулся туда, где виднелся какой-то горный хребет, странно, будто пунктиром разрисованное небо, горстка звезд где-то слева... Карта при моем прикосновении становилась то горячей, то холодной на ощупь; потом мне показалось, что прямо с нее дует сильный ветер, и картинка каким-то образом начала меняться под воздействием этого ветра.

Прямо у меня из-за спины донесся сильно искаженный, однако все еще узнаваемый голос Дворкина:

— Глупец! Ты выбрал страну своей смерти!

Огромная когтистая рука — черная, в складках кожи и наростах — протянулась через мое плечо, словно желая вырвать у меня карту. Однако пейзаж передо мной уже открылся мне навстречу, и я бросился туда, в эту страну, одновременно понимая, что мне удалось спастись. Потом я замер и постоял совершенно неподвижно, чтобы дать себе привыкнуть к новому окружению.

Я понял — благодаря легендам, семейным сплетням и тому ощущению, которое охватило меня, — куда попал. Сомнений не оставалось: прямо передо мной лежали Владения Хаоса.

Глава 6

Куда теперь? Полагаться на собственные ощущения — вещь чрезвычайно ненадежная, а нервы мои к тому же были натянуты до предела. Скала, на которой я стоял, при более внимательном рассмотрении напоминала асфальт в жаркий полдень: оседала, двигалась, шла волнами, хотя ступни мои стояли на ней совершенно неподвижно. И невозможно было

определить, какого же она все-таки цвета. Скала пульсировала и вспыхивала красными пятнами, точно шкура игуаны.

Таких небес, какие я узрел над головой, я тоже никогда в жизни не видел. Они были как бы расколоты надвое точно посредине — половина ночная, густо-черная, где в глубине плясали звезды. Когда я сказал «плясали», то имел в виду именно это слово; они не мигали и не вспыхивали; нет, они прыгали и скакали, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах; они мчались стрелой и водили хороводы; они меркли и загорались с новой силой. Это был довольно-таки пугающий спектакль, и в животе у меня свернулся тугой комок, предвестник приступа акрофобии. Попытки перевести взгляд на что-то другое облегчения не принесли. Вторая половина неба была похожа на сосуд с цветным песком, который постоянно встряхивают; полосы оранжевого, желтого, красного, коричневого и багряного цветов извивались и сплетались; пятна зеленого, розовато-лилового, серого и мертвенно-белого то появлялись, то исчезали, порой превращаясь в иные, тоже извивающиеся переменчивые фигуры. Это постоянное движение вызывало самые немыслимые ощущения — дали и близости одновременно. Порой наверху будто вдруг возникало высокое небо, но вскоре вновь светящиеся цветные туманы и полосы опускались, вызывая головокружение и тошноту, и охватывали меня своими вполне материальными, прозрачными щупальцами. И только потом я заметил, что линия, отделявшая черную часть небес от цветной, медленно смещалась куда-то влево. Было похоже, что небесная мандала кружится надо мной вокруг оси, проходящей непосредственно через мою макушку. Источник света в яркой половине установить было просто невозможно.

Я посмотрел вниз, на то, что сперва показалось мне некоей долиной, где мелькали бесчисленные яркие вспышки; однако, когда продвигающаяся вперед тьма небес вплотную подошла к границе этой «долины», звезды, танцуя, постепенно сгорели в ней. И оказалось, что передо мною распростерлась совершенно бездонная пропасть, похожая более всего на край Вселенной, на край жизни, на конец времени. Однако вдали, далеко-далеко от того места, где я стоял, что-то высилось антрацитовой грудой — сама чернота, имеющая, впрочем, конкретные очертания и смягченная едва заметными вспышками света. Я не мог представить себе размеры этой

горы или строения, ибо понятия о расстоянии, глубине, перспективе здесь отсутствовали. Было ли то здание? Или группа зданий? Может быть, город? Или просто возвышенность?

Очертания черной горы менялись каждое мгновение, стоило мне взглянуть туда. Теперь легкие полосы тумана, похожие на простыни из полупрозрачной материи, медленно проплывали меж нами, свертывались, извивались, словно вздуваемые потоками горячего воздуха. Мандала у меня над головой наконец прекратила вращаться, заняв положение, в точности обратное первоначальному. Теперь яркие цветные полосы вспыхивали у меня за спиной и были почти незаметны, если не оборачиваться (на что у меня и не было ни малейшего желания).

Приятно стоять на краю этой пропасти, из которой некогда возникли все вещи на свете... Она существовала всегда, задолго до возникновения Пути. Это я знал совершенно точно, хотя и неведомо откуда; это находилось в самом центре моего сознания. Я знал это хотя бы потому, что определенно бывал здесь прежде. На заре своей жизни, задолго до того, как я стал тем, кем являюсь сейчас, я побывал здесь — то ли отец, то ли Дворкин, теперь я уже и не помню, приносили меня сюда и держали на руках, стоя со мной на этом самом месте, здесь, на краю пропасти, и я видел примерно ту же сцену с тем же, что и сейчас, чувством узнавания и непонимания одновременно...

Удовлетворение, которое я сейчас испытывал, чуть отдавало избыточным нервным возбуждением; в нем был привкус чего-то запретного, чего-то подозрительного и чуждого мне. Интересно, но именно в этот миг во мне возникло острое желание обладать Судным Камнем, который я вынужден был спрятать в компостной куче на Земле, в Царстве Теней; ведь Камень был той самой вещью, благодаря которой Дворкин некогда создал в нашем мире столь многое. А впрочем, может быть, я, сам того не ведая, просто искал защиты у Камня или жаждал обладать неким символом сопротивления тому хаотическому злу, что крутилось передо мной, в глубине бездонной пропасти? Возможно. Не знаю.

Я, восхищенный, продолжал смотреть на тот берег бездны, и то ли глаза мои как-то приспособились, то ли перспектива в очередной раз изменилась, однако теперь я стал различать некие крошечные призрачные предметы, движущиеся

внутри черной громоздящейся глыбы и похожие на медленно пролетающие метеоры. Я ждал, внимательно вглядываясь в них, порой угадывая их дальнейшие действия. Вскоре одна из туманных полупрозрачных полос подплыла ко мне совсем близко, открыв горизонт, и почти сразу же я получил ответ на некоторые свои вопросы.

Движение в темной массе стало отчетливо заметно. Одна из форм начала расти, и я понял, что она движется ко мне по некоему извилистому пути. Через несколько секунд стало ясно, что это всадник — на вид вполне материальный, хотя и казавшийся призраком, как, впрочем, и все, что было передо мной. Еще через мгновение я увидел, что всадник этот совершенно наг и сидит на безволосой лошади; и человек, и конь были смертельно бледны и стремительно мчались по направлению ко мне. Всадник размахивал белым, как кость, мечом; его глаза и глаза лошади вспыхивали красным. Не знаю, по правде говоря, видели ли они меня, существовали ли мы в одном и том же измерении — уж больно неестественно он себя вел. И все же я вытащил из ножен Грейсвандир и отступил на шаг, ожидая, когда всадник совсем приблизится.

По его длинным белым волосам пробегали крохотные искорки, и, когда он повернул голову, я понял: примчался он за мной. Взгляд его был тяжел и холоден, я физически ощущал его лбом и грудью. Я повернулся к нему боком и поднял свой меч.

Он продолжал движение, и только тут мне стало ясно, сколь оба они — и всадник, и конь — огромны, чудовищно огромны, куда больше, чем я полагал. Они приближались. Что-нибудь метрах в десяти от меня всадник поднял коня на дыбы, и они остановились, глядя на меня и покачиваясь, словно в морских волнах.

— Как твое имя? — прогремел голос всадника. — Назови мне свое имя, о ты, явившийся сюда незваным!

От звука его голоса у меня зазвенело в ушах. Он говорил удивительно монотонно и громко.

— Я называю свое имя только по собственной воле, а не по чужому приказу, — сказал я. — Кто ты такой?

Он три раза коротко гавкнул — видимо, засмеялся.

— Смотри, утащу тебя вниз, в пропасть, и будешь там вечно оплакивать свою дерзость.

Я прицелился Грейсвандиром ему в глаз.

— Разговоры твои — дешевка! Подождем, как до дела дойдет.

И тут я почувствовал слабое прохладное прикосновение, как если бы кто-то вызывал меня с помощью карты. Однако ощущение было неясное, туманное, а у меня не было возможности разбираться в тонкостях, ибо всадник подал своему коню какой-то сигнал и чудовище снова взвилось на дыбы. Ничего, расстояние слишком велико, решил я. Однако безволосый конь бросился вперед прямо на меня, сойдя с призрачной дороги, которая, казалось, давала ему направление.

Его прыжок был так силен, что он почти достал меня. Однако не упал в пустоту и не исчез, как я надеялся, а продолжал скакать над пустотой, хотя его продвижение теперь несколько замедлилось, словно ему приходилось преодолевать некий барьер.

По мере того как белый всадник на белом коне приближался ко мне (теперь уже с половинной скоростью), я заметил вдали другую фигуру, явно устремлявшуюся в этом же направлении. Оставалось лишь вступить в бой с этим чудовищем и надеяться отбить его атаку прежде, чем подоспеет второе.

Голый всадник приближался, его красные глаза сверкали все ярче, замирая, правда, при виде Грейсвандира. Какова бы ни была природа безумной иллюминации у меня за спиной, она все же сослужила мне полезную службу, высветив на моем клинке ту часть Пути, что была на нем выгравирована: рисунок заиграл и заискрился по всей его длине. Всадник был уже совсем близко, однако он вдруг натянул поводья и остановил коня, а глаза его взметнулись к небесам, встретившись с моими. Отвратительная ухмылка на его физиономии исчезла.

— Я знаю тебя! — заявил он. — Ты тот, кого зовут Корвин!

И тут мне на помощь пришел счастливый случай. Передние копыта белого коня уже стояли на самом краю, и я бросился в атаку. Конь старался найти опору и для своих задних копыт, несмотря на натянутые поводья, — и слушался плохо. Всадник угрожающе замахнулся мечом, но я сманеврировал и атаковал его с левого фланга. Когда он попытался ударить мечом наискось, я уже совершил выпад. Грейсвандир вошел в его бледную плоть чуть ниже грудины.

Я вырвал свой клинок, и из раны, словно кровь, брызнули искры огня и повалил пар. Рука всадника, державшая меч, дрогнула, а конь издал пронзительное ржание или, точнее, свист, когда пар и огненные искры обожгли ему шею. Я отпрыгнул назад, поскольку всадник начал резко заваливаться коню на шею, а конь, теперь прочно стоящий на всех четырех ногах, двинулся ко мне и стал бить копытом. Я снова взмахнул мечом, причем совершенно инстинктивно, защищаясь, и мой клинок вошел в левую переднюю ногу коня, которая тоже загорелась.

Я быстро отступил в сторону, однако конь повернулся и опять попытался напасть на меня. И тут всадник вдруг выпрямился и мгновенно превратился в столб огня. Конь заржал, забил копытами и шарахнулся к краю пропасти. Не останавливаясь, он перевалил через ее край и исчез во тьме, оставив мне лишь странные воспоминания о тлеющей голове кота из моих давнишних приключений, которая могла разговаривать, да озноб, всегдашний спутник прояснения рассудка.

Я некоторое время постоял, прислонившись спиной к скале и тяжело дыша. Тонкой лентой проплыла рядом призрачная дорога — футах в десяти от края пропасти. Левый мой бок свела судорога.

Второй всадник быстро приближался, не такой мертвенно-бледный, как первый. Волосы его были черны, а в лице тоже были какие-то краски. Он ехал верхом на отлично оседланном гнедом коне, держа в руках взведенный и заряженный тяжелой стрелой арбалет. Я глянул через плечо: пути к спасению не было, не было даже никакой щели, в которую я мог бы заползти.

Я вытер ладонь о штаны и покрепче сжал Грейсвандир, повернувшись к нападающему боком, чтобы представлять для него наименее удобную мишень, поднял меч и отгородился им от противника. Рукоять Грейсвандира была на уровне моей головы, острие направлено в землю — сейчас это был мой единственный щит.

Всадник подъехал ко мне почти вплотную и остановился, словно вися в воздухе на прозрачной полосе или дороге. Он медленно поднял свой арбалет, видимо, понимая, что если не собьет меня сразу, то я, возможно, успею пронзить его своим мечом, как копьем. Глаза наши встретились.

Он был безбородый, стройный. Возможно, светлоглазый, хотя глаза его были прищурены в прицеле. Он отлично управлял свои конем — одними коленями. Руки у него были большие и уверенные. Могучие. Странное чувство охватило меня, когда я разглядел его целиком.

Мгновение для атаки несколько растянулось и было упущено. Всадник чуть качнулся назад и опустил арбалет, хотя руки его по-прежнему были напряжены.

— Эй, ты! — крикнул он. — Это ведь Грейсвандир?

— Да, — сказал я.

Всадник продолжал оценивающе смотреть на меня и что-то внутри меня сломалось; я так и не нашел слов, способных сбить его с толку.

— Что тебе здесь нужно?

— Ничего. Я хочу уйти отсюда, — ответил я.

Раздался свист, грохот, и тяжелая арбалетная стрела врезалась в скалу, однако гораздо выше и левее меня.

— Ну так уходи, — сказал всадник. — Здесь для тебя слишком опасно.

Он развернулся, намереваясь скакать туда, откуда явился.

Я опустил Грейсвандир.

— Я тебя не забуду, — произнес я.

— Нет, — откликнулся он. — Не забывай меня.

И умчался прочь. Еще через несколько мгновений светящиеся полосы воздушных дорог тоже исчезли, уплыли куда-то.

Я вложил Грейсвандир в ножны и сделал шаг вперед. Мир снова начал вращаться: свет выплывал справа, тьма уходила влево. Я осмотрелся, ища хоть какой-нибудь проход в скале. Похоже, скалы поднимались здесь не выше чем футов на тридцать-сорок, а мне очень хотелось посмотреть, что там, по ту сторону горы. Я обследовал выступ, на котором стоял, и выяснил, что справа он вскоре становится совсем узким, не давая ни малейшей надежды подняться наверх, и повернул влево.

Там я обнаружил валун, притаившийся за поворотом, и мне показалось, что я вполне смогу взобраться наверх с помощью этого камня. Я еще раз осмотрелся, чтобы убедиться, что пока что больше никто мне не угрожает. Призрачные полосы уплыли совсем далеко; никаких новых всадников на горизонте заметно не было. И я начал подъем.

Это было нетрудно, хотя высота оказалась большей, чем

представлялось мне снизу. Скорее всего это было связано с неким пространственным искажением, которым, кажется, начало страдать мое зрение в Царстве Хаоса. Через некоторое время я взобрался на вершину очередной скалы и встал во весь рост, чтобы как можно лучше рассмотреть то, что лежало по ту сторону.

Снова передо мной во всей красе проплыли краски Хаоса: справа от меня их погоняла тьма. Земля, над которой исполняли они свой танец, была покрыта острыми скалами и кратерами вулканов; ни малейших признаков жизни среди этих гор заметно не было. Однако по самой середине этой страны от дальнего края горизонта до некоей точки в ближних горах, несколько правее меня, чернильно-черная и извивающаяся, точно живая, ползла полоса, которая могла быть только Черной Дорогой.

Еще минут десять я взбирался, огибая выступы, все выше и выше и наконец достиг максимальной высоты, откуда была видна конечная точка Дороги. Она уходила в широкий провал справа от края пропасти. Там ее собственная чернота как бы сливалась с тьмой, царившей на дне, и Дорога была заметна лишь потому, что на ее фоне не светилось ни единой звезды. Пользуясь этой особенностью, я приблизительно оценил протяженность Черной Дороги и понял, что она уходит значительно дальше, туда, где скрылись туманные полосы.

Я вытянулся, лежа на животе и вжавшись в камень так, чтобы стать как можно незаметнее, чтобы чьи-нибудь невидимые мне внимательные глаза не заметили случайно моего присутствия на гребне горы. Из головы у меня не выходила мысль о том, где же начало Черной Дороги. Вред, нанесенный Пути злоумышленниками, открыл Амбер для этого Зла, а мое давнишнее проклятие наверняка ускорило процесс его проникновения. Теперь-то я понимал, что Зло и без того вскоре предприняло бы свое наступление, однако ощущал и свою безусловную вину, хотя, может быть, не столь тяжкую, как считал когда-то. Я вспомнил об Эрике, о том, как он лежал, умирающий, на склоне Колвира. Он тогда сказал, что при всей его ненависти ко мне проклинает он все же врагов Амбера. Иными словами, по иронии судьбы все мои усилия теперь были направлены на исполнение воли самого моего нелюбимого брата, теперь покойного. Таким образом, его проклятие

как бы аннулировало то мое проклятие, а меня самого из врага Эрика превратило в его союзника. И все это, как ни странно, оказалось совершенно оправданным.

Я поискал и, к своему удовольствию, не обнаружил сверкающих всадников или еще какой-нибудь нечисти на черной извивающейся ленте. Пока очередной отряд наших врагов не вышел в путь, Амбер находится в относительной безопасности. И сразу в душе моей проснулась тревога. Во-первых, если время здесь действительно вело себя так странно, как на то указывало возможное появление на свет Дары, то почему до сих пор атака не повторилась? У них, конечно же, времени было в избытке, чтобы подготовиться к очередному штурму. Во-вторых, что-нибудь могло произойти совсем недавно, если считать по времени Амбера, и тогда их стратегические планы совершенно переменились. Если это так, то что именно произошло? Пущено в ход мое «земное» оружие? Выздоровел Брэнд? Или случилось что-то иное?

Хотелось бы знать также, как далеко смогли продвинуться передовые части Бенедикта. Разумеется, не до этих мест, иначе я бы уже об этом узнал. Интересно, бывал ли здесь когда-нибудь Бенедикт? Или другой мой родственник? Стоял ли кто-нибудь из них на том месте, где только что стоял я, глядя на Владения Хаоса и осознавая (а может, и зная) нечто такое, чего так и не понял я?

Я решил спросить об этом Брэнда и Бенедикта, как только вернусь.

Но больше всего меня поразило поведение здесь времени. Лучше особенно не задерживаться, решил я, ощупывая те карты, которые успел прихватить тогда из стола Дворкина. И хотя все они были по-своему весьма интересны, я не узнавал ни одной из сцен, что изображены были на рубашках. Тогда я вытащил нашу фамильную колоду, перетасовал ее и вытащил карту Рэндома. Возможно, именно он пытался связаться со мной совсем недавно. Я поднял карту и уставился на нее.

Вскоре лицо Рэндома поплыло у меня перед глазами, и из калейдоскопа различных образов вынырнул в итоге настоящий Рэндом, который то удалялся, то приближался...

— Рэндом, — окликнул я его мысленно, — это я, Корвин.

Я почувствовал его ответ, однако больше ничего не после-

довало. И я догадался, что ему не до меня; возможно, он мчался как бешеный на коне, стремясь уйти от погони, спастись от преследовавших его злых сил Царства Теней; или же сконцентрировал все свое внимание, надеясь блокировать чью-то злую волю. Не знаю, но, так или иначе, он не мог мне ответить, иначе тут же потерял бы контроль над ситуацией. Я блокировал его карту, прикрыв ее рукой, и прервал контакт.

Потом я вытащил карту Джерарда. Контакт возник буквально через несколько секунд. Я молча ждал.

— Корвин, ты где это? — спросил он наконец.

— На краю света, — ответил я, — но очень хочу вернуться домой.

— Ну так давай руку.

Я ухватился за его протянутую руку, шагнул вперед и очутился на нижнем этаже нашего дворца в Амбере, в той самой гостиной, где все мы ожидали тогда ночью возвращения Брэнда. Похоже, было раннее утро. В камине горел огонь. Кроме Джерарда, в комнате никого не было.

— Я уже пробовал связаться с тобой, — сказал он. — И, по-моему, Брэнд тоже. Но в последнем я не уверен.

— Как долго меня здесь не было?

— Восемь дней.

— Хорошо, что я поторопился. Что происходит?

— Ничего особенного. Я только никак не пойму, чего хочет Брэнд. Он все время спрашивал о тебе, а ты, как назло, куда-то запропастился. Наконец я дал ему колоду и сказал, пусть сам попробует, может, у него лучше получится. Но, видимо, и у него не получилось.

— Меня чрезмерно отвлекали, — сказал я. — Да и временной дифференциал был не в мою пользу.

Джерард кивнул:

— Я стараюсь с ним видеться пореже, с тех пор как жизни его перестала угрожать опасность. Он снова в отвратительнейшем настроении и настаивает, что вполне способен сам о себе позаботиться. В этом отношении он прав. Ну и тем лучше.

— А где он сейчас?

— У себя. Во всяком случае, еще час назад он был там, и чрезвычайно мрачный.

— Он что же, вообще не выходит?

— Иногда, только для короткой прогулки. А в последние несколько дней его совсем не видно.

— Раз так, то мне лучше поскорее встретиться с ним. От Рэндома что-нибудь слышно?

— Да, — кивнул Джерард. — Несколько дней назад вернулся Бенедикт. Он сказал, что они с Рэндомом довольно много узнали о Мартине. Одна из таких нитей вела куда-то далеко, и Бенедикт решил пока расстаться с Рэндомом и вернуться в Амбер, где сейчас все чересчур нестабильно. Так что Рэндом продолжает поиски в одиночку. Знаешь, Бенедикт даже кое-что выиграл во время их путешествия. Во всяком случае, он вернулся, щеголяя какой-то замечательной искусственной рукой. Честное слово, он может делать ею все, что и настоящей!

— Вот как? — сказал я. — Любопытно.

Джерард улыбнулся и кивнул:

— Да, он сказал мне, что это ты принес ее из Небесного Города. А вообще-то Бенедикт говорил, что ему нужно как можно скорее с тобой посоветоваться.

— Ну еще бы. Где же он сейчас?

— На одном из внешних постов охраны, которые он установил вдоль Черной Дороги. Так что вызывай его с помощью карты.

— Хорошо, — кивнул я. — А что слышно о Джулиане и Фионе?

Джерард только пожал плечами.

— Ну ладно, — сказал я, направляясь к двери. — Наверное, сперва мне стоит повидаться с Брэндом.

— Ужасно хотелось бы знать, с чего это ты ему так понадобился, — сказал Джерард.

— Потом расскажу, — бросил я, вышел из комнаты и поспешил к лестнице.

Глава 7

Я постучался в дверь Брэнда.

— Входи, Корвин, — откликнулся он.

Я вошел, решив ни за что не спрашивать у него, как он узнал, что это я.

В комнате царил мрак; горели свечи, хотя за окнами был солнечный день и окон в комнате было целых четыре. Впрочем, на трех из них ставни были закрыты, а на четвертом приоткрыты лишь отчасти. Брэнд стоял как раз возле этого окна, неотрывно глядя куда-то в морскую даль. Он был весь в черном бархате, на шее серебряная цепь. Пояс тоже был серебряный, тонкой работы, из ажурных звеньев.

Брэнд поигрывал небольшим кинжалом и даже не посмотрел в мою сторону, когда я вошел. Он все еще был очень бледен, однако борода аккуратно подстрижена, и вообще вид приобрел ухоженный; пожалуй, он даже несколько прибавил в весе с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Ты выглядишь гораздо лучше, — сказал я. — А как чувствуешь себя?

Брэнд повернулся и посмотрел на меня без всякого выражения. Глаза его были полузакрыты.

— Где, черт побери, тебя носило? — проговорил он.

— В самых различных местах. Ты, кажется, хотел меня видеть?

— Я спросил, где тебя носило? — повторил он.

— Да-да, я прекрасно тебя расслышал, — сказал я, снова открывая дверь у себя за спиной. — А теперь знаешь что? Я выйду и войду снова. И, может быть, лучше начнем наш разговор сначала?

Брэнд вздохнул, затем произнес:

— Погоди минутку. Извини меня. Ну почему, черт побери, все мы такие тонкокожие? Вот уж непонятно... Ну ладно. Возможно, ты прав: лучше, если я действительно начну все с самого начала.

Он сунул свой ножик в ножны, прошелся по комнате и рухнул в тяжелое кресло черного дерева с кожаным сиденьем.

— Я весьма сильно беспокоился из-за того, о чем мы с тобой говорили, — начал он. — А также — из-за того, о чем мы даже не упоминали. Я ждал подходящего момента после твоего возвращения из Тир-на Ног'тха. Однако, когда я спросил о тебе, мне сказали, что ты еще не вернулся. Я подождал еще. Сперва ожидание меня просто раздражало, потом я испугался, что тебя могли застигнуть врасплох наши враги. А позже я узнал, что ты все-таки приезжал, но совсем ненадолго и лишь для того, чтобы повидаться с женой Рэндома —

это, должно быть, был поистине великий разговор, — а потом немного поспал и снова уехал. Я страшно разозлился, что ты даже не счел нужным заглянуть ко мне, однако же решил еще немного подождать. Наконец я попросил Джерарда связаться с тобой с помощью карт. Ему это не удалось, и во мне вновь поднялась тревога. Я попробовал сделать это сам, и когда мне — это было несколько раз — казалось уже, что я буквально касаюсь тебя, я все-таки не смог к тебе пробиться. Я действительно боялся за тебя, а теперь вижу, что боялся зря. Вот почему я сперва был так резок.

— Понятно, — сказал я и сел с ним рядом. — Дело в том, что время там бежало куда быстрее, чем здесь, хотя на самом деле я не был так уж далеко отсюда, как кажется. Ты, похоже, успел гораздо лучше залечить свою рану, чем я — свою.

Он слабо улыбнулся и понимающе кивнул:

— Ну хоть какое-то объяснение все-таки. Зря я, что ли, так переживал из-за тебя?!

— Мне и самому пришлось немало попереживать, — заметил я, — так что не прибавляй мне лишних волнений. А все-таки зачем я был тебе нужен? Давай поговорим об этом.

— Тебя что-то тревожит, — сказал Брэнд. — Может, нам сперва стоит обсудить именно это?

— Хорошо, — кивнул я. — Давай обсудим.

Я повернулся и посмотрел на картину, висевшую на стене возле двери: написанное маслом довольно мрачное изображение колодца в Мирате, возле которого стоят со своими лошадьми двое мужчин и разговаривают.

— Твой стиль легко узнать, — сказал я.

— Он во всем одинаков, — откликнулся Брэнд.

— Ты украл мое следующее предложение! — засмеялся я, вытаскивая карту Мартина и передавая ему.

Лицо его осталось совершенно бесстрастным. Он внимательно посмотрел на карту, искоса глянул на меня и кивнул.

— Не стану отрицать: рука моя.

— Твоя рука сотворила ведь не только эту карту, верно?

Брэнд облизал верхнюю губу кончиком языка.

— Где ты нашел ее?

— Именно там, где ты ее оставил, в самом сердце Амбера — в центре Подлинного Пути.

— Значит... — проговорил он, поднимаясь с кресла и под-

ходя к приоткрытому окну с картой в руке, словно для того, чтобы лучше рассмотреть ее, — значит, ты знаешь куда больше, чем я полагал. Каким образом тебе стало известно о Подлинном Пути?

— Сперва ты ответь: это твоя рука нанесла Мартину предательский удар?

Брэнд отвернулся от окна, мгновение смотрел на меня, потом резко кивнул. Глаза его будто что-то искали в моем лице.

— Но почему? — воскликнул я.

— Кто-то же должен был это сделать, чтобы открыть путь тем силам, которые были нам так нужны. Мы тянули соломинки...

— И ты вытащил длинную?

— Длинную, короткую... — Он пожал плечами. — Какое все это теперь имеет значение? Все получилось совсем не так, как мы планировали. Да и я теперь совсем другой человек.

— Ты убил его?

— Что?

— Ты убил Мартина? Сына Рэндома? Он умер или нет?

Брэнд повернул свои руки ладонями вверх.

— Вот уж не знаю. Если он и не умер, то не потому, что я не пытался убить его. Больше можешь ничего не спрашивать. Ты уже нашел виновного. Ну а теперь, когда ты его нашел, что ты намерен сделать?

— Ничего. Насколько мне известно, этот парень, по всей вероятности, все еще жив.

— Тогда давай перейдем к вопросам более важным. Как давно ты знаешь о существовании Истинного Пути?

— Достаточно давно. Во всяком случае, о его происхождении, предназначении и о воздействии на него свежей крови членов королевской семьи. Представь себе, я уделял куда больше внимания Дворкину, чем ты мог предположить. Так что я позволил Скитальцу спать долго-долго. Мне даже в голову не приходило до недавнего разговора с тобой, что существование Черной Дороги, возможно, связано с глупой выходкой. Когда же я отправился обследовать Путь, то нашел карту Мартина. И обнаружил все остальное.

— Я и не знал, что ты был знаком с Мартином.

— Ни разу в жизни его не видел.

— Тогда как же ты понял, что именно он изображен на карте?

— Я там был не один.

— Кто же был с тобою?

Я улыбнулся:

— Нет, Брэнд. Теперь твоя очередь разгадывать. Помнишь, во время нашего последнего разговора ты сказал, что враги спешат в Амбер из Владений Хаоса, что они сумели пробраться в наш мир благодаря Черной Дороге, ибо когда-то давно вы — ты, Блейз и Фиона — совершили нечто гнусное ради захвата трона. Вы тогда были еще заодно. Однако Бенедикт постоянно следит за Черной Дорогой, а я только что заглянул во Владения Хаоса. И не заметил там никакого нового войска, никакого движения в нашу сторону по Черной Дороге. Я знаю, что в тех местах время течет иначе, и у них еще хватит времени, чтобы подготовиться к новому нападению. Но я хочу знать, что сдерживает их сейчас. Почему они не атакуют? Чего они ждут, Брэнд?

— Ты одарил меня куда большим количеством информации, чем та, которой я располагаю. Спасибо!

— Не думаю. Ты у нас главный эксперт по этим вопросам. Ты имел дело непосредственно с силами Хаоса. Эта карта — лишь одно из свидетельств этого. Не юли, Брэнд, рассказывай честно.

— Владения Хаоса... — начал он. — Но ты же всегда был занят! Эрик был просто глупцом, что не убил тебя тогда! Если б он только знал, что тебе обо всем известно!..

— Эрик действительно умом не отличался, — согласился я. — Зато у тебя ума палата. Ну рассказывай же.

— Да и я тоже дурак, — воскликнул Брэнд, — к тому же еще и сентиментальный! Ты помнишь наш последний с тобой спор, здесь, в Амбере, давным-давно?

— Отчасти.

— Я сидел тогда на краешке кровати. Ты стоял у моего письменного стола. Когда ты повернулся ко мне спиной и направился к двери, я решил убить тебя. И уже сунул руку под кровать, где у меня был спрятан заряженный тяжелой стрелой арбалет. Я готов был выстрелить, когда вспомнил нечто незначительное, что и остановило меня.

Он помолчал.

— И что же это было? — спросил я.

— Посмотри вон там, возле двери.

Я посмотрел, не увидел ничего особенного и уже удивленно вскинул на него глаза, когда Брэнд прибавил:

— На полу.

И тут я догадался: его любимый ковер, красновато-коричневый, с примесью чего-то оливкового и зеленого, с мелким геометрическим рисунком.

Он кивнул:

— Да, ты стоял на моем любимом коврике. Мне не хотелось, чтобы он был залит кровью. Позже мой гнев улегся. Так что я тоже всего лишь жертва эмоций и обстоятельств.

— Прелестная история... — пробормотал я.

— ...А теперь ты хочешь, чтобы я перестал ходить вокруг да около. Однако же я как раз пытаюсь начать с самого начала. Мы, все мы, принцы Амбера, до сих пор живы только благодаря терпению друг друга и чисто случайным удачным обстоятельствам. Я хочу предложить на время отставить свое терпение и, таким образом, исключить возможность случайности в решении парочки весьма важных проблем. Однако же прежде попытаюсь ответить на твой вопрос, хоть и не знаю наверняка, что именно сдерживает силы Хаоса. Могу лишь высказать одну весьма, на мой взгляд, неплохую догадку. Блейз собрал огромное войско для штурма Амбера. Оно значительно превосходит те силы, с которыми ты некогда пытался это сделать. Видишь ли, он будет рассчитывать на твой тогдашний опыт, чтобы предусмотреть возможные сюрпризы. Он может также организовать попытки убить тебя и Бенедикта. Хотя этот штурм — всего лишь отвлекающий маневр. Я бы скорее предположил, что Фиона вышла на связь с силами Хаоса — а может быть, и сейчас находится в их Владениях — и уже подготовилась к настоящему штурму, который можно будет ожидать в любое время после обманной вылазки Блейза. А потому...

— По-твоему, это неплохая догадка? — прервал я его. — Однако мы даже не знаем наверняка, жив ли в данный момент Блейз.

— Блейз жив, — сказал он. — Я сумел убедиться в этом благодаря его карте и даже кое-что узнать о его теперешней деятельности, прежде чем он успел заметить мое присутствие

и заблокировать контакт. Блейз ведь очень чувствителен. Я отыскал его в поле вместе с войском, которое он намерен использовать против Амбера.

— А Фиона?

— Ее я не трогал, — ответил Брэнд. — И никаких экспериментов с ее картой не проводил и тебе не советую. Она исключительно опасна! Я не хотел бы подставиться ей открыто, поскольку отлично знаю о ее способностях. Моя оценка ее настоящей деятельности поэтому основана исключительно на дедукции, а не на прямой информации. Хотя я вполне способен довериться собственным выводам.

— Понятно, — сказал я.

— У меня есть один план...

— Продолжай.

— Тебе удалось вытащить меня из заточения весьма замечательным способом. Тот же самый принцип всеобщей концентрации можно использовать снова — но как бы с другого конца. Сила объединенных менталитетов непременно пробьется сквозь любой личный барьер и сделает это довольно легко — даже если это будет барьер, поставленный Фионой. Нужно только правильно эту силу применить.

— То есть направлять ее будешь ты?

— Конечно. Я предлагаю, чтобы мы собрали всех членов семьи и общими усилиями попытались пробиться к Блейзу и Фионе, где бы они ни были. И тогда мы могли бы задержать их, причем во плоти, хотя бы на одно мгновение. Которого мне вполне хватит для нанесения удара.

— Именно так ты поступил и с Мартином?

— Я думаю, что на этот раз получится лучше. Мартин в последний момент сумел высвободиться. Теперь такого допустить нельзя, да это и не должно случиться, если участвовать будут все. Четверых или даже троих, возможно, будет достаточно.

— И ты действительно считаешь, что сможешь реализовать свой план так легко?

— Я уверен в одном: нам лучше поспешить. Время-то уходит. Ты будешь первым, кого они казнят, когда возьмут Амбер. Как, впрочем, и меня. Ну, что скажешь?

— Если я буду уверен, что это абсолютно необходимо...

Если у меня не будет иного выбора, как принять твое предложение...

— Но это действительно необходимо, поверь! А еще мне очень нужен Судный Камень.

— Для чего?

— Если Фиона действительно сейчас во Владениях Хаоса, до нее с помощью карты не доберешься, даже если мы будем действовать все вместе. Судный Камень нужен, чтобы сфокусировать нашу общую энергию.

— Полагаю, это можно было бы устроить.

— Тогда чем скорее мы примемся за дело, тем лучше. Не мог бы ты организовать все к сегодняшнему вечеру? Я уже достаточно поправился и вполне в силах сыграть свою роль.

— Нет, черт побери, — сказал я, вставая.

— Но почему? — Брэнд яростно стиснул подлокотники кресла. — Почему же нет?

— Я ведь сказал, что последую твоему совету, если сочту, что это неизбежно. Однако ты сам утверждаешь, что большая часть твоей теории покоится всего лишь на догадках. Уже одного этого мне достаточно, чтобы сомневаться в необходимости использования Камня.

— Забудь, что у тебя есть время сомневаться! Или ты все-таки хочешь попробовать, на что они способны? Учти, следующий штурм будет куда страшнее предыдущего, Корвин. Им известно о твоем новом оружии, и они учли его в своих планах.

— Даже если бы я был согласен с тобой, Брэнд, уверен, что мне не убедить остальных.

— Убедить? Да просто прикажи им! Ты ведь держишь их всех за глотку, Корвин! Ты сейчас на самом верху! И ты ведь хочешь остаться наверху, верно?

Я улыбнулся и двинулся к двери.

— Я и останусь наверху, — сказал я, — но действовать буду по-своему. Впрочем, о твоем предложении я не забуду.

— Давай, давай, действуй по-своему! И придешь прямиком к собственной гибели. Причем гораздо скорее, чем тебе кажется.

— Учти, я снова стою на твоем любимом ковре, — заметил я.

Брэнд рассмеялся:

— Ну хорошо. Но пойми, я тебя не запугиваю. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. И сейчас ты в ответе за все Королевство. Ты должен сделать единственный правильный выбор.

— А ты-то понял, что имел в виду я? У меня нет ни малейшего желания убивать собственных родственников из-за твоих необоснованных подозрений. Чтобы совершить подобное, мне необходимо нечто несоизмеримо большее. Мне нужны неопровержимые доказательства.

— Когда ты все это получишь, будет скорее всего слишком поздно.

— Посмотрим, — промолвил я, пожав плечами, и направился к двери.

— Что ты намерен предпринять теперь? — спросил Брэнд мне вслед.

— Я ни тебе и никому другому этого не скажу, как не скажу и всего, что знаю, Брэнд. Так мне надежнее.

— Ну, допустим, это я понять могу. Остается надеяться, что знаешь ты достаточно.

— А может, ты боишься, что я знаю слишком много?

В глазах его мгновенно вспыхнула тревожная настороженность. Потом он улыбнулся:

— Я не боюсь тебя, брат!

— Это хорошо, когда нечего бояться, — произнес я и ступил на порог.

— Погоди, — окликнул меня Брэнд.

— Да?

— Ты так и не сказал мне, кто был с тобой, когда ты нашел карту Мартина.

— Как, неужели ты не догадался? Рэндом, конечно.

— Ах вот как?! И ему известны все подробности?

— Если тебе интересно, знает ли он, кто именно нанес его сыну предательский удар, то успокойся: пока что нет.

— Понятно. А еще насчет новой руки Бенедикта... Я так понял, что ты каким-то образом добыл ее в Тир-на Ног'тхе? Может, расскажешь поподробнее?

— Не сейчас. Давай прибережем что-нибудь и для нашей следующей беседы. Ждать придется не так уж долго.

И я — наконец-то! — ступил за порог и прикрыл за собой дверь. Из головы у меня не выходил его любимый коврик.

Глава 8

Я посетил кухню, устроил там себе настоящий пир, а потом направился в конюшню, где выбрал молодого гнедого жеребца, некогда принадлежавшего Эрику. С этим конем мы подружились быстро и вскоре уже спускались по тропе, ведущей с вершины Колвира в лагерь, где расположились мои войска из Царства Теней.

Я не спешил, переваривая обед и пытаясь разобраться в той мешанине сведений и событий, которые обрушились на меня за последние несколько часов. Если Амбер действительно был некогда создан восставшим Дворкином во Владениях Хаоса, то из этого следовало, что все мы без исключения родственны тем силам, что теперь стали нашими врагами. Было, разумеется, нелегко решить, насколько можно верить словам Дворкина. И все же Черная Дорога действительно брала истоки где-то во Владениях Хаоса и, очевидно, являлась непосредственным результатом неких магических действий Брэнда, основанных на тех знаниях, которые он получил у Дворкина, будучи его лучшим учеником.

К счастью, пока что большая часть повествования Дворкина не была жизненно важной с практической, сиюминутной точки зрения. И все же я испытывал весьма смешанные чувства, например, относительно своего возможного происхождения от Единорога...

— Корвин!

Я натянул поводья. Остановился, сосредоточился, подготавливаясь к контакту, и передо мной возник Ганелон.

— Я здесь, — откликнулся я. — А где ты раздобыл нашу фамильную колоду? Да еще научился ею пользоваться?

— Я еще в тот раз прихватил одну из ящика в библиотеке. Решил, что неплохо иметь возможность связаться с тобой в случае острой необходимости. А научился у вас же: просто делал то же самое, что ты и все остальные, — внимательно смотрел на карту, думая о том, кто на ней изображен, и пытался мысленно связаться с этим человеком.

— Мне бы надо было давно раздобыть для тебя наши карты, — сказал я. — Это просчет с моей стороны, который, к

счастью, ты сам и исправил. Ты сейчас просто тренируешься, или что-нибудь все-таки произошло?

— Произошло, — ответил он. — Ты сейчас где?

— Если повезет и дальше, то пока что я спускаюсь с горы тебе навстречу.

— С тобой все в порядке?

— Да.

— Прекрасно. Тогда продолжай спускаться. Я, пожалуй, лучше не буду пробовать перетаскивать тебя сюда с помощью карты. Это не настолько необходимо в данный момент. Значит, мы скоро увидимся?

— Да.

Ганелон прервал контакт, и я отпустил поводья, продолжая свой путь. В какой-то момент я почувствовал легкий укол досады из-за того, что он не попросил карты у меня. Но потом вспомнил, что отсутствовал больше недели (по времени Амбера), и он, возможно, начал волноваться. Скорее всего он был совершенно прав, что не стал обращаться за помощью к кому-либо еще.

Спуск происходил вполне успешно, вот только мой конь, чье имя, между прочим, было Драм, настолько радовался, вновь оказавшись на свободе, что все время норовил свернуть куда-нибудь в сторону. Впрочем, мне было достаточно лишь изредка подправлять его поводьями. Вскоре впереди завиднелся лагерь. К этому времени я окончательно понял, что очень скучаю по своему жеребцу Стару.

В лагере меня встретили изумленными взглядами и криками приветствия. Потом воцарилась почти полная тишина, и всякая деятельность прекратилась. Неужели они считали, что я явился поднимать их в поход?

Ганелон вышел мне навстречу, не успел я спешиться.

— Быстро ты, — заметил он, хлопая меня по плечу. — Хорошая у тебя лошадка.

— Неплохая, — согласился я, передавая поводья его адъютанту. — Ну, какие новости?

— Видишь ли... — начал Ганелон, — недавно я говорил с Бенедиктом...

— Какое-то движение на Черной Дороге?

— Нет, дело совсем не в этом. Он просто приезжал повидаться со мной после того, как вернулся от своих друзей Теки-

сов, и рассказал, что с Рэндомом все в порядке, что он идет по следу, который непременно должен привести его к Мартину. Потом мы говорили о чем-то совсем ином, и вдруг Бенедикт попросил меня сообщить ему все, что я знаю о Даре. Рэндом уже рассказывал ему, как она прошла по Огненному Пути, и он решил, что пора и ему хоть что-то узнать о ней поподробнее, поскольку слишком многие, помимо тебя, знают о ее существовании.

— И что же ты ему поведал?

— Все.

— Включая и мои предположения, возникшие после посещения Тир-на Ног'тха?

— Именно так.

— Ну ладно. И как он это воспринял?

— Очень разволновался. Или скорее обрадовался. Да пойдем, сам с ним поговоришь.

Я кивнул, и мы направились к палатке Ганелона. Он отодвинул в сторону полог и вошел внутрь. Я следом.

Бенедикт сидел на низеньком стульчике рядом с походным сундуком, на котором была разложена карта, и вел по ней длинным металлическим пальцем блестящей скелетообразной руки, обхватывавшей обрубок его собственной конечности серебряным широким браслетом. Это была та самая рука, которую я привез ему из Небесного Города, и она была так ловко прилажена к культе, прятавшейся в рукаве коричневой рубахи, что эта внезапная перемена в его облике заставила меня на минуту содрогнуться, так сильно он был похож на того призрака, которого я встретил.

Бенедикт поднял глаза мне навстречу и приветливо махнул рукой — с детства знакомый жест, — а потом улыбнулся широкой и ласковой улыбкой, какой я давненько у него на лице не видел.

— Корвин! — сказал он, вставая мне навстречу и протягивая руку.

Я заставил себя пожать ее — то самое устройство, что чуть не убило меня. Однако Бенедикт, казалось, ни о чем дурном и не помышлял и вообще смотрел на меня куда добрее, чем еще совсем недавно. Я сделал вид, будто не заметил того, что его новая рука такая холодная и угловатая, и только выразил

удивление, причем совершенно искреннее, как отлично он научился управляться ею за такой короткий срок.

— Я должен принести тебе свои извинения, — сказал Бенедикт. — Я был несправедлив к тебе. Прости. Мне очень жаль.

— Да ладно, — ответил я. — Чего уж там, все понятно.

Он на минутку обнял меня, и мою веру в то, что между нами наконец-то снова все наладилось, омрачала сейчас лишь чересчур сильная хватка мертвых пальцев на моем плече.

Ганелон радостно захихикал и притащил еще один стул, поместив его по другую сторону сундука. Мое раздражение по поводу его чрезмерной болтливости уже улеглось, особенно после того приема, который оказал мне Бенедикт. Я не мог припомнить, когда еще видел своего брата в столь прекрасном расположении духа; а Ганелон был явно доволен тем, что ему удалось нас помирить.

Я улыбнулся и сел на предложенный мне стул; потом отстегнул Грейсвандир и повесил его на один из шестов, подпиравших палатку. Ганелон извлек откуда-то три стакана и бутылку вина. Расставляя стаканы и наполняя их вином, он заметил:

— Пытаюсь отплатить тебе за дружеский прием, оказанный мне в твоей палатке той ночью, в Авалоне.

Бенедикт взял свой стакан — металл еле слышно звякнул о стекло.

— Должен отметить, что сейчас в этой палатке гораздо спокойнее и приятнее, — сказал он. — Разве я не прав, Корвин?

Я кивнул и поднял свой стакан:

— За этот покой и за нашу дружбу. Хотелось бы, чтобы они существовали всегда.

— Знаешь, — произнес Бенедикт, — я впервые за долгое время получил возможность поговорить с Рэндомом. Он весьма сильно переменился.

— Это верно, — кивнул я.

— Теперь я куда больше склонен доверять ему, чем когда-либо. Мы столько успели обсудить после того, как уехали от Текисов.

— И куда же вы направлялись?

— Текис сообщил, что, судя по некоторым намекам Мар-

тина, тот собирался в пограничный город Царства Теней — Хират. Это место мне известно; мы направились туда и обнаружили следы пребывания Мартина. Он действительно проезжал этим путем.

— Мне Хират не знаком, — заметил я.

— Это город буквально целиком из кирпича и камня, крупный торговый центр на перекрестке нескольких путей. Там Рэндом добыл новые сведения о Мартине, согласно которым ему предстояло ехать на восток и еще глубже в Царство Теней. Мы с ним расстались в Хирате, ибо я не хотел надолго покидать Амбер. Кроме того, у меня была и чисто личная причина: Рэндом рассказал мне, что видел, как Дара шла по Огненному Пути в день той битвы...

— Да, — подтвердил я, — она действительно прошла по Огненному Пути. Я тоже ее видел там.

Бенедикт кивнул:

— Рассказ Рэндома произвел на меня большое впечатление. Я не мог не поверить, что он говорил мне правду. Но если все так и было, то, возможно, прав и ты. И теперь мне просто необходимо выяснить, на чем основаны утверждения Дары относительно нашего с ней близкого родства. Ты некоторое время был недосягаем, так что я явился к Ганелону — это было несколько дней назад — и заставил его рассказать мне все, что он знает о Даре.

В ответ на мой взгляд Ганелон утвердительно кивнул.

— Итак, теперь ты поверил, что у нас есть новая родственница, — сказал я. — Правда, довольно лживая и, вполне возможно, настроенная по отношению к нам враждебно. Что же ты намерен предпринять?

Бенедикт отпил вина.

— Я бы хотел верить в это родство. Мне оно почему-то очень приятно. Так что пусть оно либо так родством и останется, либо пусть будет опровергнуто наверняка. Если окажется, что мы и в самом деле связаны кровными узами, тогда я хотел бы понять мотивы ее действий. И еще я хотел бы понять, почему Дара никогда не давала мне знать о своем существовании? — Он поставил стакан и пошевелил в воздухе пальцами новой руки. — В общем, я хотел бы сперва расставить все по местам. Начиная с того, что ты пережил в Небесном Городе и что узнал о Даре и обо мне. Мне также чрезвычайно любопытна эта рука, которая ведет себя так, словно сделана специально для меня. Я никогда прежде не слыхал о том, чтобы из Тир-на Ног'тха в Амбер попадали какие-либо материальные предметы.

Бенедикт сжал руку в кулак, разжал пальцы, покрутил кистью, вытянул руку от плеча, поднял ее и медленно опустил на колени.

— Рэндом отлично все закрепил, с хирургической точки зрения, не правда ли? — спросил он.

— Да, отлично сработано, — согласился я.

— Ну так что? Расскажешь мне эту историю?

Я кивнул и отпил вина.

— Во дворце Тир-на Ног'тха, что наполнен чернильно-черными движущимися Тенями, — начал я свой рассказ, — я ощутил настоятельную необходимость посетить тронный зал и вошел туда. Когда же Тени как бы раздвинулись, я увидел тебя: ты стоял справа от трона и уже с этой рукой. Потом все вокруг еще немного прояснилось, и я увидел Дару, которая сидела на троне. Я подошел ближе и коснулся ее Грейсвандиром, что сделало меня видимым для нее. Она объявила меня мертвым на ближайшие несколько столетий и потребовала, чтобы я немедленно вернулся в свою могилу. Когда же я спросил, кто ее родители, она призналась, что ее родословная восходит к тебе и некоей ведьме по имени Линтра.

Бенедикт глубоко вздохнул, но ничего не сказал. Я продолжил:

— Дара пояснила, что время в тех краях, где она родилась, двигалось с такой скоростью, что там успело смениться уже несколько поколений. Она была первой в своем роду, кто обладал нормальными человеческими качествами. Потом она снова потребовала, чтобы я немедленно ушел. А ты, Бенедикт, в это время почему-то изучал Грейсвандир. А потом вдруг ударил меня — видимо, чтобы уберечь от опасности Дару, — и мы начали странный поединок. Грейсвандир действительно способен был поразить тебя, а эта твоя рука чуть меня не убила. Вот и все. В остальном это был поединок призраков. С восходом солнца город начал таять, но ты лишь крепче сжал мое плечо, надеясь погубить меня. И тогда я отсек механическую руку с помощью Грейсвандира и спасся, унеся с собою и руку. Она по-прежнему сжимала мое плечо.

— Любопытно, — промолвил Бенедикт. — Я знал и раньше, что это место способно выдавать ложные пророчества, чувствуя тайные страхи и желания посетителя. С другой стороны, оно столь же часто открывало и неведомые дотоле истины. В данном случае, как и всегда, трудно отделить истинное от фальшивого. А что из этого понял ты?

— Бенедикт, — сказал я, — мне история происхождения Дары кажется правдивой. Ты ее никогда не видел, а я видел и не раз. Она кое в чем очень похожа на тебя. Что же касается остального... это совершенно бесспорно: все, что казалось мне фальшивым, я уже отделил от истинного.

Он медленно склонил голову, и я был уверен, что не сумел убедить его до конца; однако же он не хотел просто так отказываться от решения этого вопроса. Бенедикт понимал не хуже меня, что это значит. Если он был намерен и дальше бороться за трон Амбера, то, возможно, в один прекрасный день ему придется от него отступиться ради своего собственного потомка.

— Что ты собираешься предпринять? — спросил я.

— Предпринять? — переспросил он. — А что предпринимает сейчас Рэндом в отношении Мартина? Я стану ее искать, найду, выслушаю всю историю из ее собственных уст и тогда уже решу, что делать мне. Однако это придется отложить, пока не будет решена проблема Черной Дороги. И именно это я также хотел обсудить с тобой.

— Вот как?

— Если время в тех краях движется со столь отличной от нашего времени скоростью, то нашим врагам его должно было хватить с избытком, чтобы начать новый штурм. Я не хочу ждать встречи с ними в случайных и ничего не решающих битвах. Я предлагаю проследовать по Черной Дороге до самых ее истоков и атаковать врага на его же собственной территории. И прошу твоей помощи и участия в этом походе.

— Бенедикт, — сказал я, — ты когда-нибудь смотрел сверху на Владения Хаоса?

Он поднял голову и уставился на бесцветную стену палатки.

— Несколько столетий назад, когда я был еще молод, — начал он, — я участвовал в одной бешеной скачке, надеясь доскакать так далеко, чтобы узнать, где конец всему. Там, под разделенными небесами, я смотрел сверху на ужасную про-

пасть. Я не знаю, там ли исток Дороги или же просто она проходит мимо этих мест, но я готов снова пройти этот путь, если дело именно в этом.

— Именно в этом, — кивнул я.

— Отчего ты так уверен?

— Я только что вернулся из Владений Хаоса. Темная цитадель по-прежнему высится там. И Черная Дорога ведет именно туда.

— Труден ли был путь?

— Вот, — сказал я, вытаскивая карту и передавая ему. — Это творение Дворкина. Я нашел карту среди его вещей и случайно попробовал ее. И она перенесла меня туда мгновенно. И сразу же время удивительно убыстрилось. Там меня атаковал всадник, ехавший по туманной прозрачной дороге — такую на карте не изобразишь. Наша фамильная колода карт там почти не действует. Возможно, из-за разницы во времени. Меня обратно вытащил Джерард.

Бенедикт внимательно изучал карту.

— Похоже, это именно то место, которое я видел тогда, — произнес он наконец. — Что ж, тем проще будет нам обеспечить себе тылы. Если в прямом контакте по обе стороны карты будем мы оба, то сможем перебросить войска прямо туда, как сделали это, перебросив их с Колвира в долину Гарнатха.

Я кивнул:

— Мне тоже приходила в голову такая мысль. Но могут существовать и другие пути, менее опасные, чем отправка огромного войска в неведомое. Хотелось бы, чтобы ты как следует все обдумал, пока я не исследую все возможные пути до конца.

— Да, мне придется анализировать каждый шаг и воздерживаться от любых решений, чтобы приобрести хоть какие-то знания об этом месте. Мы ведь даже не уверены, будет ли там действовать твое автоматическое оружие, правда?

— Не знаем, конечно. У меня ведь его с собой не было, так что попробовать я не мог.

Бенедикт поджал губы.

— Тебе и впрямь следовало подумать об этом заранее и прихватить с собой хотя бы что-то.

— Знаешь, обстоятельства этого как-то не позволяли.

— Обстоятельства?

— Ладно, в другой раз... Сейчас это не главное. Ты говорил о том, чтобы пройти по Черной Дороге до ее истоков?..

— Да, ну и что?

— Ее настоящие истоки не там. Они здесь, в Амбере, в том черном пятне, что разрушило Истинный Путь.

— Я, кажется, понимаю... И Рэндом, и Ганелон — оба описывали мне ваше путешествие к тому месту и повреждения, которые вы обнаружили... Я вижу тут аналогию, возможную связь...

— Ты помнишь мое бегство из Авалона и то, как ты меня преследовал?

Вместо ответа он лишь слабо улыбнулся.

— В одном месте мы пересекли Черную Дорогу, — сказал я. — Помнишь?

Бенедикт прищурился.

— Да, — кивнул он. — Ты тогда проложил сквозь нее как бы тропу. И мир вернулся к своему нормальному состоянию в этой точке. Я уже забыл...

— Это произошло благодаря воздействию на Черную Дорогу Истинного Пути, — сказал я. — Причем я надеюсь, что такое воздействие можно использовать и в более широком масштабе.

— То есть?

— Путь может уничтожить ее целиком.

Он отклонился назад и внимательно посмотрел мне в лицо.

— Тогда почему же ты медлишь?

— Мне нужна кое-какая предварительная подготовка.

— Как много времени на нее потребуется?

— Не слишком много. Может быть, всего несколько дней. В крайнем случае несколько недель.

— Почему же ты не сказал об этом сразу?

— Я только что сам понял это.

— И что же ты понял?

— Ну, прежде всего потребуется восстановление Пути...

— Отлично! Предположим, тебе это удастся. Враг-то по-прежнему поблизости. — Бенедикт показал в сторону Гарнатха и Черной Дороги. — Кто-то уже однажды обеспечил им проход сюда.

— Враги всегда были где-то поблизости, — сказал я. — И именно от нас зависит, чтобы проход для них был закрыт.

Так что придется иметь дело и с теми, кто им обеспечил проход в первый раз.

— В этом я буду на твоей стороне, что бы ни случилось, — заверил он меня, — однако я вовсе не это имел в виду. Требуется дать урок нашим врагам, Корвин. Я хочу научить их уважать Амбер, уважать должным образом, так, что, даже если путь сюда снова окажется открыт для них, они побоятся воспользоваться им. Вот что я имел в виду.

— Ты не представляешь себе, на что это похоже — перенести сражение в те места, Бенедикт. Словами этого не опишешь.

— Ну раз так, то мне, наверное, лучше посмотреть самому, — улыбнулся он. — Я пока оставлю эту карту у себя, если ты не возражаешь, ладно?

— Не возражаю.

— Вот и хорошо. В таком случае занимайся пока своим делом, Корвин, а я займусь своим. На это тоже потребуется некоторое время. Мне еще нужно отдать соответствующие распоряжения своим командирам. И договоримся не принимать никаких окончательных решений в одиночку, не связавшись прежде друг с другом.

Я согласно кивнул.

Мы допили вино.

— Что ж, пора и мне заняться сборами, — сказал я. — Желаю тебе удачи, Бенедикт.

— Я тебе тоже. — Он снова улыбнулся. — Теперь все пойдет на лад, уверен. — И, хлопнув меня на прощание по плечу, он пошел к выходу.

Мы последовали за ним. Ганелон велел своему ординарцу привести коня Бенедикта.

— Я тоже хочу пожелать тебе удачи. — Он протянул моему брату руку.

Бенедикт с благодарностью пожал ее.

— Спасибо, Ганелон. Спасибо за все, — сказал он и вытащил свои карты. — Если хочешь, можно вызвать на переговоры Джерарда, пока не привели мою лошадь, — обратился он ко мне.

Бенедикт перетасовал карты, вытащил одну и уставился на нее.

— Как же ты намерен восстановить Путь? — спросил меня Ганелон.

— Мне необходимо вернуть Судный Камень, — ответил я. — Лишь с его помощью я мог бы снова начертать нарушенные линии.

— Это опасно?

— Да.

— А где сейчас этот Камень?

— На Земле, в Царстве Теней, там, где я его и оставил.

— Почему же ты его оставил там?

— Я испугался, что он убьет меня.

Лицо Ганелона исказилось.

— Не нравится мне, когда ты так об этом говоришь, Корвин. А нет ли другого способа?

— Если бы я знал его свойства, то, конечно, воспользовался бы им.

— А если бы ты воспользовался планом Бенедикта, отправившись со своей армией во Владения Хаоса? К тому же ты сам утверждал, что Бенедикт способен поднять неисчислимые легионы обитателей Тени. И еще ты сказал, что на поле боя лучшего, чем он, не сыскать.

— И все же тогда Путь остался бы разрушенным и нечто чуждое могло бы проникнуть в образовавшуюся в нем дыру, нарушив наш миропорядок. Почему-то всегда наш внешний враг оказывается не настолько важен и опасен, насколько опасна наша же собственная внутренняя слабость и разобщенность. Нет, если ущерб, нанесенный Огненному Пути, не исправить, мы, можно сказать, уже побеждены, хотя у наших стен еще не стоит ни одно иноземное войско.

Ганелон отвернулся.

— Мне трудно спорить с тобой. Ты лучше знаешь свой мир, — сказал он. — Но я по-прежнему чувствую: ты, возможно, совершаешь большую ошибку, рискуя собой в том, что на деле может оказаться отнюдь не таким важным именно сейчас, когда ты особенно необходим здесь.

Я хмыкнул, ибо в ответ ему повторил слова Вайол о долге, и мне вовсе не хотелось присваивать их себе.

— Это мой долг перед Амбером.

Он не ответил.

Бенедикт явно добрался до Джерарда, ибо, стоя поодаль

от нас, все время что-то бормотал, потом умолк и стал слушать. Мы ждали, когда он закончит переговоры, чтобы с ним попрощаться.

— ...Да он и сейчас здесь! — услышал я его слова. — Нет, в этом я весьма сомневаюсь. Однако...

Бенедикт несколько раз глянул в мою сторону и покачал головой.

— Нет, я так не думаю, — сказал он. Потом прибавил: — Ну хорошо, иди сюда сам.

Он протянул свою новую руку, и перед нами возник Джерард, который тут же отыскал глазами меня и с угрожающим видом двинулся навстречу, обшаривая меня глазами с ног до головы, словно что-то искал.

— В чем дело? — спросил я.

— Брэнд исчез, — ответил он. — Прямо из собственной спальни. То есть, конечно, кое-что от него там осталось — кровь, например. Да и беспорядок такой, что нетрудно догадаться, что там происходило.

Я осмотрел свою рубашку и штаны.

— А, так ты ищешь на мне пятна его крови? Как видишь, это действительно кровавые пятна, однако куда более старые. Возможно, одежда моя грязна и измята, но крови моего брата на ней нет.

— Это еще ничего не доказывает! — заявил Джерард.

— А, собственно, почему ты думаешь, что именно я...

— Ты был последним, кто его видел, — сказал он.

— Последним был тот, с кем он дрался, — возразил я, — если Брэнд действительно дрался с кем-то.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты же не хуже меня знаешь его бешеный темперамент. Он был в депрессии, а тут еще мы с ним немного поспорили, к его неудовольствию. Потом он, возможно, начал вспоминать наш разговор, после того как я уже ушел, и в гневе вполне мог что-нибудь разбить и даже пораниться; ему стало неприятно, может быть, даже стыдно, и он решил с помощью карт перенестись куда-нибудь, переменить обстановку, успокоиться... Погоди-ка! Его любимый ковер! Не было ли крови на том небольшом пестром коврике в его комнате возле двери?

— Я не уверен... нет, по-моему, нет. А почему?..

— Это обстоятельство лучше прочих доказывает, что Брэнд

все сделал сам. Он очень любит этот коврик. И старается никогда и ничем его не пачкать.

— Я что-то не понимаю, — сказал Джерард. — То эта странная смерть Кейна... То глупость слуг Бенедикта, которые вполне могли обнаружить, что тебе нужен порох. А теперь еще Брэнд...

— Это, вполне возможно, звенья одной и той же попытки взять меня в оборот, — указал я. — А что касается нас с Бенедиктом, то мы уже выяснили отношения.

Джерард повернулся к Бенедикту, который стоял на прежнем месте как вкопанный и с бесстрастным лицом внимательно нас слушал.

— Он что, уже объяснил тебе все эти смерти? — спросил его Джерард.

— Не совсем, — ответил Бенедикт, — однако большая часть истории представляется мне теперь совсем в ином свете. И я, пожалуй, склонен верить всем его словам.

Джерард покачал головой и снова посмотрел, на меня:

— Все еще непонятно... О чем же вы спорили с Брэндом?

— Джерард, — сказал я, — это наше с Брэндом личное дело до тех пор, пока мы оба не решим иначе.

— Я буквально выволок его с того света, я все время ухаживал за ним как проклятый, Корвин! И делал я это вовсе не для того, чтобы его убили во время какой-то дурацкой ссоры.

— Ну подумай хорошенько, — уговаривал я его. — Кому принадлежала идея вернуть Брэнда назад тем способом, который мы применили?

— Значит, тебе что-то от него было нужно, — упрямо заявил Джерард. — И ты в конце концов своего добился. А он стал тебе помехой.

— Ничего подобного. Но даже если бы это было и так, неужели ты думаешь, что я стал бы избавляться от Брэнда столь очевидным способом? Если он убит, то эта смерть того же порядка, что и смерть Кейна... Еще одна попытка свалить вину на меня.

— Ты говорил об очевидности и в случае с Кейном. По-моему, ты хитришь, Корвин. Тут ты большой мастак!

— Мы уже все это обсуждали, Джерард...

— ...И ты прекрасно помнишь, что я тогда тебе сказал.

— Такое трудно забыть.

Он вдруг железной хваткой стиснул мне правое плечо.

Я немедленно ударил его левой рукой в живот и вывернулся. И тут мне пришло в голову, что, возможно, мне все-таки следовало рассказать ему, о чем мы с Брэндом говорили, пусть даже мне и не понравилось, как он об этом спрашивал.

Джерард снова бросился на меня. Я отступил в сторону, слегка врезал ему куда-то возле правого глаза и продолжал колотить его, главным образом просто сдерживая: я был еще совсем не в форме, чтобы драться с ним как полагается, а Грейсвандир остался там, в палатке. При мне же никакого иного оружия не было.

Я упорно кружил вокруг Джерарда. Бок саднило, даже если я наносил удары левой ногой. Один раз мне удалось попасть ему по бедру правой ногой, но я был еще медлителен и с трудом сохранял равновесие, так что перейти в наступление не смог и продолжал скакать вокруг него, нанося удары.

В конце концов он блокировал мою левую руку и обхватил меня за плечи. Мне бы нужно было быстро вывернуться и уйти, но он тут совершенно раскрылся, и я с размаху ударил его правой рукой прямо в живот, собрав последние силы. Джерард задохнулся и согнулся пополам, однако плечо мое держал крепко. Я попытался нанести ему апперкот левой, но он блокировал мой удар, сам ударил меня в грудь, одновременно заломив мне левую руку назад и вбок с такой силой, что я полетел на землю. Если бы он навалился сверху, все было бы кончено.

Но он опустился на одно колено и потянулся к моему горлу.

Глава 9

Я попытался заблокировать его руку, однако кто-то остановил ее на полпути. Повернув голову, я увидел, что чья-то рука прижала сверху руку Джерарда и отвела ее ему за спину.

Я откатился в сторону и увидел, что Джерарда схватил Ганелон. Тот тщетно пытался высвободиться.

— Тебе лучше держаться от этого подальше, Ганелон! — выкрикнул Джерард.

— Уходи, Корвин, — быстро обернулся ко мне Ганелон. — Иди, добывай свой Камень!

И тут Джерард попробовал было резко вскочить, однако Ганелон успел нанести ему перекрестный удар левой в челюсть. Джерард неуклюже рухнул к его ногам. Ганелон размахнулся, собираясь ударить его ногой по почкам, однако Джерард поймал его ногу и дернул так, что Ганелон перекувырнулся через него. Я отполз в сторону и присел на корточки, одной рукой опираясь о землю.

Джерард наконец поднялся с земли и тут же бросился на Ганелона, который только еще пытался встать. Он уже почти прижал его к земле, однако Ганелону удалось вывернуться и нанести противнику двойной удар в солнечное сплетение. На несколько секунд Джерард был вынужден застыть, согнувшись, а кулаки Ганелона заработали как бешеные.

Джерард, казалось, был настолько ошеломлен этой стремительной атакой, что даже не пытался защищаться. Когда же наконец он выставил вперед кулаки, Ганелон влепил ему удар в челюсть, и Джерард, пошатнувшись, рухнул навзничь. Ганелон тут же бросился к нему, завел его правую руку за спину и навалился сверху, ударив правым кулаком в челюсть. Когда голова Джерарда бессильно откинулась назад, Ганелон нанес ему еще один превентивный удар левой.

Бенедикт только сейчас вдруг очнулся и подбежал к ним, чтобы вмешаться в драку, но Ганелон уже успел подняться с земли. Джерард лежал без сознания, изо рта и из носа у него текла кровь. Я с трудом встал на ноги и отряхнулся. Ганелон улыбался, глядя на меня.

— Ты тут не стой, — сказал он. — Не уверен, что мне так же повезет в следующий раз. Иди, иди, ищи свой камешек.

Я нерешительно посмотрел на Бенедикта. Тот кивнул, и я пошел в палатку за Грейсвандиром. Когда я вернулся, Джерард все еще лежал неподвижно.

Бенедикт подошел ко мне вплотную и сказал:

— Помни, у тебя есть моя карта, а у меня — твоя. И никаких окончательных действий не предпринимать, не посоветовавшись друг с другом.

Я кивнул. Мне хотелось спросить его, почему он собирался помочь Джерарду, а не мне во время этой драки? Или так только казалось? Однако что-то мешало задать этот вопрос, и

я решил не портить нашу свеженькую, только что возникшую вновь дружбу.

Я двинулся к лошадям. Ганелон хлопнул меня по плечу, когда я проходил мимо.

— Удачи тебе. Я бы поехал с тобой, но нужен здесь, особенно если Бенедикт все же отправится во Владения Хаоса.

— Ну что ж, желаю ему приятного путешествия, — сказал я. — Сам-то я вроде никаких особых сложностей встретить не должен. Не беспокойся, Ганелон.

Я вскочил в седло. Ганелон махнул мне рукой, я тоже помахал ему в ответ. Бенедикт стоял на коленях, склонившись над Джерардом, и головы не поднял.

Я двинулся кратчайшим путем через Арденский лес. Море осталось у меня за спиной. Гарнатх и Черная Дорога лежали слева от меня, Колвир — справа. Я должен был отъехать на некоторое расстояние от Амбера, прежде чем смогу воспользоваться волшебством Царства Теней. Наконец Гарнатх исчез из виду; небо по-прежнему оставалось совершенно безоблачным. Я преодолел несколько небольших подъемов и спусков, выбрался на нужную тропу и двинулся по ее плавному изгибу в лес, где влажная тень и пение птиц в ветвях деревьев напомнили мне о долгих мирных периодах жизни, какие мы знавали когда-то, и о шелковистой, светящейся шкуре нашего предка Единорога...

Боль моя утихла под мерное покачивание в седле, и я снова задумался о только что состоявшейся встрече с моими братьями. Вовсе нетрудно понять отношение ко мне Джерарда. И тем не менее все это было так некстати и так нелепо — что бы там ни произошло с Брэндом, — что я не мог рассматривать случившееся иначе как очередную попытку либо задержать меня, либо совсем остановить. Мне еще повезло, что рядом оказался Ганелон, и к тому же в хорошей форме. Интересно, а что бы стал делать Бенедикт, если бы мы там были только втроем? Мне казалось, что он бы выжидал до последнего и вмешался бы лишь для того, чтобы не дать Джерарду убить меня. Да и от соглашения с Бенедиктом я особого восторга не испытывал, хотя, разумеется, это был значительный прогресс в наших с ним отношениях.

Но больше всего меня занимало одно: что же случилось с Брэндом? Неужели Фиона или Блейз все-таки добрались до

него? Неужели он что-то предпринял в одиночку и получил отпор, а потом был извлечен из Амбера с помощью карт его же потенциальной жертвой? А может, каким-то образом к нему проникли его прежние союзники из Владений Хаоса? Или же тот страж с шипастыми лапами, что сторожил Брэнда в башне? Или же это было, как я и предположил в разговоре с Джерардом, просто несчастным случаем, ранением, нанесенным самому себе в приступе ярости, за чем последовало непродуманное бегство из Амбера? Бегство во имя новых скитаний и новых заговоров с новыми союзниками из иных мест?

Когда одно-единственное происшествие порождает сразу так много вопросов, ответ обычно трудно получить с помощью чистой логики. Хотя следовало сперва воспользоваться логикой, чтобы отсортировать все нецелесообразное к тому времени, когда подвернутся новые факты и доказательства.

Я тщательно вспомнил и обдумал все, что тогда сказал мне Брэнд, рассматривая его откровения в свете того, что знал теперь. За одним лишь исключением, в большей части рассказанного им я не сомневался. Он строил свое здание слишком умно, чтобы его было так легко разрушить, но это значит, что у него должно было быть достаточно времени и сил. Времени, чтобы все как следует обдумать. Однако по тому, как Брэнд представлял мне эти события, чувствовалось, что он что-то недоговаривает, пытаясь направить меня по ложному пути. А его последнее предложение практически убедило меня в этом.

Старая дорога сперва резко сузилась, потом снова стала шире, снова сузилась и повернула к северу, вниз, в густые заросли. Лес изменился очень мало. Дорога была почти такой же, как несколько веков назад, когда я, совсем еще юный, ездил по ней просто так, ради удовольствия, изучая обширные леса, что покрывали большую часть нашего континента, уходя прямиком через границу с Царством Теней. Хорошо было бы снова ехать здесь так же беззаботно, как прежде!

Примерно через час я уже углубился в лес настолько, что деревья стали казаться огромными темными башнями, а пятнышки солнечного света на их ветвях — гнездами фениксов. У подножия этих великанов царили вечные влажные сумерки, мягкий полусвет, сглаживающий очертания пней и кочек, куч хвороста и поросших мхом валунов. Впереди через тропу мет-

нулся олень, стремясь как можно скорее скрыться в густых зарослях. Пение птиц слышалось прямо у меня над головой, но не слишком близко. Порой я замечал следы других всадников — некоторые из них были совсем свежими, однако вскоре исчезали с дороги. Колвир давно уже исчез из виду.

Дорога вновь пошла вверх, и я знал, что вскоре достигну небольшой гряды холмов, проеду меж ними и снова двинусь вниз. Деревья теперь росли чуть реже, и наконец мне посчастливилось увидеть кусочек неба, который становился все больше и больше, а когда я оказался на вершине холма, то услышал далекий крик охотящейся птицы.

Я посмотрел вверх и увидел большого темного хищника, кружившего высоко надо мной. Я поспешно пробирался меж валунами и даже пришпорил коня, чтобы увеличить скорость, поскольку путь и опушка леса были видны совершенно ясно. Я бросился вниз, спеша снова укрыться под крупными и раскидистыми деревьями.

Птица издала громкий негодующий крик, заметив мои попытки, однако я уже успел нырнуть в полумрак леса. Я постепенно сбавил скорость и стал прислушиваться — больше с небес никаких звуков не доносилось.

Эта часть леса была в общем почти такой же, как и та, которая осталась позади; за холмами, правда, попался небольшой ручеек, и я некоторое время следовал по его течению, но потом все же перебрался на другой берег. За ручьем дорога стала шире, и чуть больше света просачивалось сквозь листву; светлый участок тянулся примерно на пол-лиги.

Я уже почти проехал то расстояние, которое было мне необходимо, чтобы начать манипуляции с Царством Теней и с их помощью перенестись в прошлое, туда, где я пребывал в ссылке в прошлый раз. И все же начинать здесь было трудновато; пожалуй, стоило проехать еще немного. Я решил не тратить понапрасну свои силы и не мучить коня, тем более что путешествие началось столь удачно. Ничего угрожающего пока что не произошло. Та птица вполне могла быть самым обычным хищником.

И только одна мысль не давала мне покоя.

Джулиан...

Арденский лес находился во власти Джулиана и его бандитов, которых он называл егерями. Он всегда очень тщатель-

но маскировал лагеря своих наемников — страж внутренних границ Амбера, выступающий его защитником как от обычных опасностей, так и от той неожиданной угрозы, что могла возникнуть на границе Амбера с Царством Теней.

Куда же исчез Джулиан в ту ночь, когда Брэнду был нанесен предательский удар? Если он просто хотел скрыться из дворца, то необходимости бежать дальше этого леса у него не было никакой. Здесь сила и все преимущества были на его стороне, здесь он действительно был королем в своем собственном королевстве, и уж этот лес он знал куда лучше, чем мы все, вместе взятые. Вполне возможно, что и сейчас он где-то совсем рядом. Он вообще обожал всякую охоту, и для нее у него были эти чертовы псы и эти ужасные птицы...

Полмили, миля...

И тут до меня донесся тот самый звук, который я больше всего боялся услышать. Сквозь зелень леса и густую тень до меня донеслись звуки охотничьего рога. Они слышались пока что довольно далеко, где-то сзади и, по-моему, чуть левее тропы.

Я погнал коня галопом, и деревья по обе стороны от меня слились в сплошные полосы. Тропа была ровной и прямой. Что ж, тем лучше.

Потом за спиной я услышал рев — ужасающую смесь глубокого кашля, звериного рычания и хрипов, вырывавшихся из мощных легких. Нет, это явно была не собака. Даже дьявольские гончие Джулиана не способны издавать такие звуки. Я оглянулся, но не заметил никакой погони и, пригнувшись к шее Драма, немного поговорил с конем, успокаивая его.

Через некоторое время стало слышно, как кто-то ломится сквозь лес справа от меня, однако тот рев больше пока не повторялся. Я снова и снова всматривался в чащу, однако не мог понять, что же это там такое. Вскоре я снова услыхал рог, гораздо ближе, и на этот раз ему ответил лай, в происхождении которого ошибиться было невозможно. Проклятые гончие псы Джулиана приближались — быстрые, могучие, злобные твари, которых он отыскал где-то в Царстве Теней и обучил охоте.

Я решил, что пора убираться отсюда. Влияние Амбера было все еще весьма сильным, однако я пренебрег этим и начал перемещение в Царство Теней.

Тропа тут же начала изгибаться влево. Мы мчались по ней, не останавливаясь, и лес все дальше уходил назад, а деревья как бы уменьшались в размерах. Еще один поворот, и мы вылетели на обширную поляну метров двести в диаметре. Подняв голову, я увидел, что та проклятая птица все еще кружит надо мной, хотя теперь значительно ниже и гораздо ближе ко мне, словно намерена вместе со мной отправиться в мир Теней.

Это была неожиданная помеха. Мне необходимо было открытое пространство, чтобы развернуть коня и пустить его по кругу, а если будет нужно, то и для того, чтобы свободно орудовать мечом. Однако хищник в небесах явно собирался атаковать, и мне некуда было от него укрыться.

Тем временем мы подъехали к невысокому холму, взобрались на его вершину, спустились вниз и миновали одинокое, расколотое молнией дерево. На самой ближней к нам ветви сидел невероятных размеров коршун; его оперение отливало серым, серебристым и черным. Я посвистел ему, и он сорвался в воздух, испуская дикие пронзительные боевые кличи.

Я поспешил дальше, уже отчетливо слыша лай и рычание собак и топот копыт. К этим звукам примешивались еще какие-то, совсем незнакомые, даже не звуки, а некая вибрация, будто дрожала сама земля. Я снова оглянулся, однако пока никого из моих преследователей видно не было. Я уже полностью настроился на переход в Царство Теней: солнце скрылось за облаками; вдоль тропы выросли странные цветы — зеленые, желтые и пурпурные; вдали послышались раскаты грома. Поляна передо мной расширилась, потом удлинилась. И стала совершенно ровной.

Я снова услыхал звук охотничьего рога. И обернулся.

Теперь я разглядел, что происходит у меня за спиной, и обнаружил, что вовсе не являюсь объектом этой охоты. Всадники, собаки и птица преследовали нечто совсем иное, что мчалось буквально по моим следам. Может быть, это «нечто» как раз и охотилось именно за мной.

Я склонился вперед, крича на Драма и колотя его коленями по бокам, однако отлично понимал, что отвратительная тварь у меня за спиной движется гораздо быстрее моего бедного коня. Мне стало здорово не по себе. Ибо меня преследовала мантикора.

В последний раз я видел это существо за день до того сражения, в котором погиб Эрик. Когда я вел свой отряд в тыл, по ту сторону Колвира, мантикора буквально пополам разорвала человека по имени Ролл, прежде чем мы успели уничтожить ее с помощью своего автоматического оружия. Та гадина была двенадцати футов в длину, и у нее, как, впрочем, и у этой, были совершенно человечьи лицо и голова, а плечи — как у льва. Крылья, похожие на орлиные, были сложены вдоль туловища, а длинный, заканчивающийся жалом, скорпионий хвост извивался в воздухе, загибаясь к лопаткам. Тогда этих тварей выбралось из Царства Теней довольно-таки много, и они чертовски нам мешали. Не было никаких оснований полагать, что их сюда вызвали специально для участия в сражении, однако ни одна из них после битвы больше не появлялась и никаких свидетельств их существования вблизи Амбера зафиксировано не было. Очевидно, эта, последняя, тогда залетела в Арденский лес случайно, да так там и осталась.

Я глянул на нее еще раз и понял, что в любой момент она может стащить меня с седла, если я не окажу сопротивления. Кроме того, я заметил темную стаю собак, несущихся вниз по склону холма.

Я понятия не имел, обладают ли мантикоры разумом и какова психология их поведения в момент опасности. Большая часть летучих тварей не станет задерживаться и атаковать тот предмет, который им не мешает и ничем не угрожает. Их основная цель — самосохранение. С другой стороны, я отнюдь не был уверен, что мантикора ощущает себя объектом преследования. Она, возможно, полетела по моему следу в надежде на поживу, а уж потом ее собственный след взяли псы Джулиана. А потому мне вряд ли имело смысл задерживаться и раздумывать обо всем этом.

Я вытащил Грейсвандир и развернул коня, натянув поводья.

Драм пронзительно заржал и так резко взвился на дыбы, что я почувствовал, что сползаю с седла. Пришлось мне соскочить на землю.

Однако я совсем позабыл, с какой ураганной скоростью способны бежать Джулиановы гончие и как легко они однажды нагнали нас с Рэндомом, когда мы мчались на «Мерседесе» нашей сестрицы Флоры; и еще я забыл, что, в отличие от

обычных собак, которые лишь бросаются на машины, эти псы тут же начинают рвать автомобиль (или любую другую свою жертву) на части.

Внезапно дюжина или больше ужасных собак нагнала мантикору. Они окружили ее, яростно рыча и лая. Чудовище откинуло назад голову и, когда они набросились на него, издало леденящий душу вопль. Ядовитый хвост бил направо и налево, то один, то другой пес взлетал на воздух и падал мертвым. Потом мантикора встала на дыбы, отбиваясь мощными передними лапами.

Но тут один из псов умудрился вцепиться ей в лапу, два других повисли на ляжках, а еще один взобрался аж на спину, кусая в плечо и в шею. Собаки окружили мантикору плотным кольцом, и стоило ей повернуться к одной, как остальные бросались на нее всем скопом.

В конце концов мантикоре все же удалось достать своим ядовитым хвостом ту собаку, что грызла ей холку, а потом обезвредить и ту, что вцепилась ей в переднюю лапу. Однако же теперь кровь широкими ручьями текла у нее по крайней мере из десятка других глубоких ран. Вскоре стало заметно, что и передняя лапа причиняет мантикоре значительное беспокойство: она не могла ни как следует ударить ею, ни опереться на нее, когда пыталась ударить врага другой лапой.

Между тем еще одна собака вспрыгнула ей на холку, и, похоже, на этот раз избавиться от подобного наездника мантикоре будет значительно трудней. Еще один пес вцепился ей в правое ухо и повис на нем. На ляжках у нее теперь висело уже четверо, а когда мантикора вновь поднялась на дыбы, здоровенный пес бросился вперед и стал рвать ей брюхо. Мне показалось, что мантикора ошеломлена еще и теми жуткими звуками, которые издавали псы, их отвратительным рычанием и хриплым визгом; однако она продолжала бешено отбиваться от мечущихся вокруг нее серых теней.

Я поймал Драма за узду и попытался хоть как-то успокоить его, надеясь снова сесть в седло и убраться отсюда к чертовой матери, пока длится эта схватка. Однако конь все время норовил встать на дыбы и вырваться, и требовалось немало сил и слов, чтобы просто удерживать его на месте.

Вдруг мантикора с каким-то печальным воплем попыталась сбросить того пса, что терзал ее спину, и нечаянно вонзи-

ла свое ядовитое жало в собственное плечо. Собаки мгновенно воспользовались ее оплошностью и возобновили атаку с еще большей яростью, рыча и вырывая у диковинного зверя куски плоти.

Я уверен, что собаки вскоре прикончили бы мантикору, однако в этот момент на вершине холма показались всадники и начали спуск. Их было пятеро, во главе — Джулиан в своих знаменитых белых доспехах. На шее у него висел охотничий рог. Он был верхом на своем гигантском жеребце Моргенштерне, который издавна ненавидел меня.

Джулиан поднял длинное копье, явно приветствуя меня, потом опустил его и что-то громко приказал собакам. Они ворча отстали от своей жертвы. Даже тот пес, что сидел у мантикоры на спине, ослабил хватку и соскочил на землю. Все они отпрянули в сторону, когда Джулиан взял копье наперевес и пришпорил Моргенштерна.

Мантикора обернулась к нему с воинственным воплем и, обнажив клыки, прыгнула вперед. Они сошлись, и на мгновение все передо мной закрыла гигантская фигура Моргенштерна. Еще секунда, и по поведению жеребца я понял, что удар Джулиана попал точно в цель.

Моргенштерн отскочил в сторону, и я увидел распластанную на земле мантикору: огромные кровавые кляксы расплывались у нее на груди, копье Джулиана тоже цвело кровавым цветом.

Джулиан спешился. Он что-то сказал остальным всадникам, и те остались в седлах. Джулиан долго смотрел на все еще корчившуюся мантикору, потом поднял глаза на меня и улыбнулся. Подошел к чудовищу поближе, поставил на него ногу и с размаху пронзил копьем распластанное тело. Затем вытащил копье, воткнул его в землю и привязал к нему Моргенштерна, ласково потрепав коня по холке. И только тогда повернулся и двинулся ко мне.

Когда он подошел совсем близко, то первыми его словами были:

— Зря ты все-таки Белу-то убил.

— Белу? — непонимающе переспросил я.

Он посмотрел на небо. Я проследил за его взглядом. Коршун там больше не кружил.

— Бела был моим любимцем...

— Мне, право, очень жаль, — сказал я. — Я не сразу разобрался в обстановке.

Он кивнул:

— Ну ладно, долг платежом красен. Я-то ведь перед тобой тоже кое в чем виноват. А теперь расскажи, что там было, после того как я удрал из дворца. Брэнду удалось бежать?

— Да, — сказал я, — и в этом отношении с тебя сняты все подозрения. Брэнд заявил, что тот предательский удар ему нанесла Фиона. Однако ей мы задать этот вопрос тоже не смогли: она той же ночью исчезла. Удивительно, как это вы с ней не столкнулись лбами в темноте?

Джулиан улыбнулся:

— Я примерно так и думал.

— Но зачем ты-то бежал при столь подозрительных обстоятельствах? — удивился я. — Это ведь совсем не в твою пользу.

Он пожал плечами:

— Не хотелось в очередной раз выслушивать несправедливые обвинения. К тому же если в данном случае принимать в расчет и тайные намерения, то я не менее виновен, чем наша сестренка. Я бы сделал то же самое, что и она, если б мог. Нет, правда, у меня уже и клинок был наготове в ту ночь, когда мы его похищали. Просто меня немножко опередили.

— Но почему ты хотел убить его? — спросил я, совершенно потрясенный.

Джулиан засмеялся:

— Почему? Да я просто боюсь этого ублюдка, вот почему! В течение долгого времени я считал его мертвым; я очень надеялся, что он в конце концов предстал перед судом тех темных сил, с которыми имел дело. А ты сам-то много о нем знаешь, Корвин?

— Как-то у нас с ним был весьма длинный разговор...

— Ну и?..

— Он признал, что они втроем — Блейз, Фиона и он сам — выработали совместный план по захвату трона. Они хотели короновать Блейза, однако реальную власть разделить между собой. Они действительно воспользовались помощью тех темных сил, о которых ты упоминал, чтобы убрать из Королевства нашего отца, Оберона. Брэнд говорил еще, что он пытался привлечь на свою сторону и Кейна, однако же Кейн

предпочел вас с Эриком, и вы трое тоже заключили некий союз с целью захвата власти и трона, желая короновать Эрика.

Джулиан согласно кивнул.

— Да, ты все правильно излагаешь — в том, что касается очередности событий; однако же причины были несколько иными. Нам трон вовсе не был нужен; во всяком случае, не сразу и не в те времена. Мы создали свою группировку, чтобы противостоять группировке Фионы и Блейза, ибо это было необходимо во имя защиты Королевства. Сперва нам удалось убедить Эрика лишь принять звание регента. Он опасался, что коронация при таких условиях грозит ему скорой гибелью. И тут как раз подвернулся ты со своими в высшей степени законными претензиями. Мы никак не могли позволить тебе эти претензии отстаивать, потому что орды, собранные Брэндом, грозили нам войной со всех концов. Однако мы чувствовали, что той группировке гораздо меньше захочется воевать с нами, если трон Амбера уже будет занят. Мы не могли короновать тебя, потому что ты-то уж точно отказался бы стать нашей марионеткой, а именно такова была игра, которую мы затеяли. Но ты пребывал в неведении относительно слишком многих ее правил, и разъяснять их тебе нам не хотелось, да и времени не было. Так что мы все же убедили Эрика пойти на риск. Вот так он и был коронован.

— Значит, он просто пошутил, когда выжег мне глаза и бросил меня в темницу?

Джулиан отвернулся и посмотрел на мертвую мантикору.

— Болван ты, — проговорил он наконец почти ласково. — Ты же был у них пешкой с самого начала. Они просто использовали тебя против нас, и если бы ты попробовал пойти любым другим путем, то тут бы тебе и крышка. Если бы этот дурацкий штурм, подготовленный Блейзом, каким-то образом удался, ты сам не прожил бы и двух секунд, даже отдышаться не успел бы. А если бы Блейз потерпел неудачу, как это, собственно, и произошло, он бы тут же исчез без следа (а так оно и случилось) и предоставил бы тебе расплачиваться собственной жизнью за попытку узурпации власти. Ты выполнил свою роль и должен был умереть. Они практически не оставили нам выбора в этой игре. По закону нам следовало бы тогда убить тебя — и ты это прекрасно знаешь.

Я прикусил губу. Я бы многое мог сказать ему. Однако

если он сейчас говорил нечто весьма близкое к правде, то, значит, у него была для этого определенная цель. К тому же мне хотелось послушать еще.

— Эрик, — продолжал Джулиан, — считал, что твое зрение, возможно, восстановится со временем; он знал нашу способность к регенерации. Вообще, ситуация была весьма деликатная. Если бы вернулся отец, Эрик освободил бы трон для него и сумел бы оправдать все свои действия ко взаимному удовлетворению — все, за исключением твоего убийства. Этого бы ему не простили и тогда, когда успокоились бы все страсти. И я честно скажу тебе: он просто хотел на время засадить тебя в тюрьму и забыть о твоих претензиях.

— В таком случае кому же принадлежала идея моего ослепления?

Джулиан снова довольно долго молчал. Потом проговорил очень тихо, почти шепотом:

— Послушай меня, пожалуйста, внимательно. Эта идея принадлежала мне, и именно она, возможно, тогда спасла тебе жизнь. Любое действие, направленное против тебя, приравнивалось ими к смерти; или же их фракция попыталась бы по-настоящему уничтожить тебя. Ты больше не был им нужен, однако же, живой и находясь поблизости, представлял потенциальную опасность. Они могли, например, воспользоваться твоей картой, вызвать тебя и убить; или же вызволить тебя тем же способом, но лишь для того, чтобы принести в жертву в следующем своем заговоре против Эрика. Однако слепой ты стал им не опасен и не нужен. Тебя спасло то, что ты больше не попадался им на глаза, а нас это спасло от более грубых действий, которые в один прекрасный день могли обернуться против нас же самих. Иного выбора не было. Невозможно было и проявить большую снисходительность: тогда нас заподозрили бы в том, что мы сами хотим как-то воспользоваться тобой. Если бы кто-то из них догадался, что ты являешься весьма ценным объектом, ты бы мгновенно стал покойником.

— Понятно, — сказал я.

— Да, — кивнул Джулиан, — тебе слишком быстро удалось во всем разобраться и восстановить зрение. Никому и в голову не приходило, что ты сумеешь сделать это за такой ма-

лый срок. Да еще отыскать способ спасения! А кстати, как тебе это удалось?

— Тише, мыши, кот на крыше... — пробормотал я.

— Что-что, прости?

— Я сказал... впрочем, не обращай внимания. Ну а что тебе известно о пленении и заключении Брэнда в башню?

Джулиан снова долго смотрел на меня.

— Мне известно только то, что он каким-то образом разошелся со своими союзниками. Подробностей я не знаю. По какой-то причине Блейз и Фиона боялись и убить его, и отпустить с миром. По-моему, когда мы его освободили, Фиона больше всего боялась именно того, что он окажется на свободе.

— Ты и сам сказал, что достаточно опасался Брэнда и хотел убить его. Но почему именно тогда? Ведь прошло уже столько времени, та давнишняя история с вашим заговором и моим пленением стала историей, а власть в нашем королевстве снова пошатнулась. Ведь тогда он был так слаб и совершенно беспомощен! Какой же вред мог он принести?

Джулиан вздохнул.

— Я не знаю, какими силами владеет Брэнд, — проговорил он, — и не понимаю их природы, однако с ними нельзя не считаться. Я знаю, что он может не только мысленно путешествовать в Царстве Теней, но и, сидя в кресле, способен определить местонахождение в этом Царстве любого нужного ему предмета или человека, а потом призвать к себе этот предмет всего лишь благодаря собственной воле, даже не вставая с кресла; и он, разумеется, способен путешествовать в Царстве Теней физически, причем он предварительно создает нечто вроде мысленного коридора и попадает туда, просто сделав один лишь шаг. И еще, по-моему, он умеет читать чужие мысли. В общем, похоже, что Брэнд стал чем-то вроде собственной карты, только живой, во плоти. Не знаю, как объяснить лучше, но я сам не раз видел, как он все это проделывает. Однажды, уже в самом конце, когда мы держали его под постоянным наблюдением во дворце, он таким вот образом обманул нас: как раз тогда совершил то путешествие на Землю, отправив тебя в психушку. Когда мы его снова поймали, один из нас оставался при нем неотлучно. Мы тогда еще, правда, не знали, что он способен вызывать из Царства Теней различные вещи. Когда Брэнд узнал, что тебе удалось восстановить зре-

ние и бежать из темницы, он вызвал откуда-то ужасное чудовище, которое напало на Кейна, в тот раз бывшего его стражем. Потом он, видимо, снова направился к тебе. Только Блейз и Фиона, наверно, опять его перехватили раньше нас, и я больше его не видел до той ночи в библиотеке, когда мы вызволили его из плена. Знаешь, Корвин, я боюсь его, ибо он обладает неким смертоносным могуществом, природы которого я не понимаю.

— Но тогда каким образом они-то смогли заключить его в эту башню?

— По-моему, Фиона, да и Блейз тоже обладают примерно теми же способностями. Так что вдвоем они, очевидно, способны свести на нет могущество Брэнда, а потом поместить его в такое место, где он свои силы применить не сможет.

— Не совсем так, — сказал я. — Ему же удалось все-таки послать весточку Рэндому. Кроме того, он один раз вышел на связь и со мной, хотя контакт был слабый.

— Ну тогда, значит, полностью нейтрализовать его они не способны, — сделал вывод Джулиан. — Хотя в прошлый раз они весьма сильно ограничили его возможности. И нам только всем вместе удалось пробить их защиту.

— А что ты знаешь об их играх со мной — с моим пленением, с попыткой убить меня, с моим спасением?

— Этого я совершенно не понимаю, — честно признался он, — разве что это являлось какой-то частью их дьявольского плана? Или они передрались между собой? Ведь тогда их группировка чуть сама собой не распалась, и обе ее части имели на тебя какие-то виды. Так что, естественно, если одна сторона пыталась убить тебя, то другая, напротив, стремилась тебя спасти. В конце концов, именно Блейз получил от тебя наибольшую выгоду во время того штурма Амбера, который он же и начал.

— Но ведь именно Блейз и пытался убить меня там, на Земле! — воскликнул я. — Именно Блейз прострелил шины моего автомобиля.

— Вот как?

— Ну, по крайней мере, так мне рассказывал Брэнд, и это совпадает со всеми прочими свидетельствами очевидцев и результатами полицейского расследования.

— Тут я ничем тебе помочь не могу, — пожал плечами

Джулиан. — Понятия не имею, что там между ними тогда происходило.

— И все же именно ты из всех членов семьи больше всего поддерживаешь Фиону, — сказал я. — По-моему, у тебя к ней просто слабость, особенно если она поблизости.

— Это верно, — согласился он, улыбаясь. — Мне Фиона всегда очень нравилась. Она, конечно же, самая привлекательная и самая воспитанная из всех нас. Жаль, что отец всегда так строго запрещал браки между братьями и сестрами! Мне всегда было очень неприятно то, что мы с ней в разных лагерях. Хотя все почти наладилось после смерти Блейза, твоего заточения в темницу и коронации Эрика. Она весьма кротко восприняла свое поражение — что было, то было. Фиона, по всей видимости, не меньше меня боялась возвращения Брэнда.

— Брэнд мне об этом рассказывал несколько в ином ключе, — заметил я, — впрочем, конечно, так оно и должно быть. Одно только не сходится: Брэнд утверждает, что Блейз до сих пор жив, что он пытался связаться с ним с помощью карт, и определил, что тот находится где-то в Царстве Теней и готовит новое войско для очередного штурма Амбера.

— Что ж, вполне возможно, — предположил Джулиан. — Но ведь и мы сейчас вполне подготовлены к любой подобной атаке, верно?

— Да, но Брэнд утверждает, что эта атака будет всего лишь отвлекающим маневром, — продолжал я, — и что настоящий штурм начнется позже, непосредственно из Владений Хаоса, по Черной Дороге. Он считает, что Фиона в настоящий момент как раз и занята подготовкой Дороги для этого штурма.

Джулиан нахмурился:

— Надеюсь, что он все это выдумал. Мне ненавистна сама мысль о том, что их группировка воскресла и снова готовится выступить против нас, да еще на сей раз с помощью темных сил. И мне было бы крайне неприятно узнать, что во всем этом замешана Фиона.

— Брэнд заявил, что сам он из их группировки вышел, поняв свою основную ошибку в борьбе за власть... ну и тому подобное. Покаянные речи!

— Ха! Я скорее поверю тому чудовищу, которое только что убил, чем Брэнду. Надеюсь, у тебя хватило ума держать его

под охраной? Хотя, впрочем, разве охрана его удержит, если он вновь обрел свое прежнее могущество?

— Но какую игру он мог бы начать сейчас?

— Он или оживит их старый триумвират — эта мысль мне особенно не нравится, — или же у него совершенно иные планы, принадлежащие ему одному. Но поверь мне, планы у него есть. Брэнд никогда не удовлетворялся ролью простого зрителя. Он всегда что-нибудь планирует и задумывает. Я готов поклясться, что он и во сне готовит всякие заговоры.

— Возможно, ты и прав, — произнес я. — Видишь ли, в последнее время в Амбере кое-что произошло, но вот то ли это к добру, то ли нет, я сказать пока не берусь. Дело в том, что я только что дрался с Джерардом. Он считает, что я причинил бедняжке Брэнду какое-то зло, тогда как тот еще не оправился после ранения. Это вовсе не так, но у меня не было возможности доказать свою невиновность. Хотя я действительно, кажется, был последним, кто видел Брэнда сегодня утром. Джерард заходил к нему совсем недавно. Он говорит, что в комнатах все перевернуто вверх дном, повсюду пятна крови, а самого Брэнда нигде нет. Не знаю, что и думать об этом.

— Я тоже. Но надеюсь, что кому-то на сей раз удалось-таки довести дело до конца.

— Господи, — взмолился я, — как у нас тут все запутано! Если бы я только знал это раньше!

— Да все никак не было подходящего случая рассказать тебе, — простодушно сказал Джулиан, — только вот сейчас и сумели поговорить. То ты у нас в темнице сидел, уязвимый для любого врага, то ты сбежал и надолго исчез... Ну а когда ты вернулся с новым войском и новым оружием, я совсем не был уверен в чистоте твоих намерений. А потом все произошло чересчур быстро, и Брэнд снова появился, и было уже слишком поздно — мне пришлось спасать собственную шкуру. Здесь, в Арденском лесу, я чувствую свою силу. Здесь я, наверное, сумею справиться со всем, что бы он ни послал против меня. Я все время занимался подготовкой новых патрульных отрядов и мог бы использовать их как мощную боевую силу. Хотя, конечно, я постоянно ждал известий о гибели Брэнда. Мне очень хотелось спросить кого-нибудь из вас, по-прежнему ли он где-то поблизости, но я никак не мог решить, кого же лучше спросить. Ведь я думал, что вы все еще подо-

зреваете меня в покушении на его жизнь или, если он все-таки умер, в его смерти. Если бы я точно знал, что он все еще жив, я, наверное, все-таки решился бы вызвать его самого. А теперь... так сложились обстоятельства... Кстати, что ты теперь собираешься делать, Корвин?

— Я уезжаю в Царство Теней, чтобы забрать Судный Камень оттуда, где я его спрятал. Кажется, существует способ с его помощью разрушить Черную Дорогу. Я намерен этот способ испробовать.

— Как же это можно сделать?

— Ну, слишком долго рассказывать. Кроме того, мне только что в голову пришла одна ужасная мысль...

— Что именно?

— Судный Камень нужен Брэнду! Он у меня о нем спрашивал, и теперь... А тут еще эта его способность отыскивать предметы в Царстве Теней и призывать их к себе... Кстати, насколько она сильна?

Джулиан выглядел озабоченным.

— Он вряд ли всеведущ, если ты это имеешь в виду. Ты можешь и сам отыскать нужный тебе предмет в Царстве Теней самым обычным способом, как и все мы — то есть попав туда. По словам Фионы, Брэнд как бы просто устраняет процесс физического передвижения, так сказать, работу ног. А потому и получает обычно некий предмет, а не какой-то определенный. Кроме того, Судный Камень — вещь особенная, если судить по тому, что мне о нем рассказывал Эрик. Я думаю, Брэнду придется отправиться на его поиски лично; но сперва он постарается мысленно определить, где именно этот Камень находится.

— Тогда мне нужно чертовски спешить. Я должен обогнать его.

— Я вижу, ты взял Драма, — заметил Джулиан. — Хороший жеребец, хотя и упрямый. Во многих подобных скачках побывал.

— Рад это слышать, — улыбнулся я. — Ну а ты чем займешься?

— Я хочу связаться с кем-нибудь в Амбере и поточнее обо всем договориться — например, с Бенедиктом.

— Не годится, — сказал я. — До него не доберешься. Он сейчас во Владениях Хаоса. Попробуй связаться с Джерардом

и убеди его, если сможешь, что я честный человек и Брэнда не трогал.

— Эти рыжие — единственные волшебники в нашей семье, но я попробую... Ты точно знаешь, что Бенедикт отправился во Владения Хаоса?

— Да, но повторю еще раз: время для меня слишком дорого.

— Разумеется. Ступай. Мы и потом сможем всласть поболтать... я надеюсь.

Он протянул руку и обнял меня на прощание. Я взглянул на мантикору и сидящих кружком собак.

— Спасибо, Джулиан. Я... Тебя иногда все-таки очень трудно понять!

— Не так уж трудно. Я думаю, что просто тот Корвин, которого я ненавидел, умер, должно быть, много веков назад. А теперь гони, парень! И если Брэнд только сунет сюда свой нос, я его к дереву пришпилю!

Джулиан что-то повелительно крикнул своим псам, когда я уже садился в седло, и они набросились на мантикору, лакая ее кровь и отрывая куски мяса. Проезжая мимо, я увидел, что на ее странном, массивном, почти человеческом лице глаза все еще открыты, хотя и подернуты пленкой. Они были голубые или синие, и даже смерть не убила в них выражение некоей доисторической невинности. То ли эта невинность, то ли взгляд мертвых открытых глаз — однако последним даром смерти этому чудовищу было то, что мне почему-то совершенно не хотелось ни шутить, ни иронизировать, даже желания такого не возникло. Я вывел Драма на тропу и возобновил свою гонку.

Глава 10

Я не спешил, продвигаясь по тропе и глядя, как на небесах сгущаются тучи; время от времени раздавалось нервное ржание Драма, который никак не мог успокоиться после пережитых волнений. Мы свернули налево и устремились вверх, по склону холма... Мимо проплывали то коричневые, то желтые, то снова коричневые участки земли. Деревья словно приседали на корточки, расступаясь все шире. Между ними раскачи-

вались и пригибались к земле травы на холодном, внезапно поднявшемся ветру. Вдруг в небе сверкнула молния... Упали редкие капли дождя, прогремел гром...

Теперь каменистая тропа стала круче. Ветер раздувал мой плащ. Мы упорно ползли вверх — туда, где среди скал виднелись серебристые ленты ручьев, а деревья, казалось, выстроились в одну линию... Травы, зеленые огоньки светлячков — все померкло, поникло, промокло под дождем. Но мы упорно поднимались вверх, к скалистым, сверкающим, умытым дождем высотам, где тучи неслись и клубились, словно мутные воды реки на стремнине во время паводка. Дождь лупил, как крупная картечь, и ветер уже прочищал глотку, чтобы запеть еще громче. Подъем все продолжался, вот наконец уже видна вершина, похожая на голову удивленного рогатого быка, охраняющего тропу. Молнии так и плясали вокруг этих «рогов» и в проходе между ними, нас окутал запах озона. Внезапно дождь прекратился, ветер унесся куда-то вдаль...

Теперь предстоял спуск по другой стороне гряды. Здесь дождя не было, в воздухе — ни дыхания ветерка, небо чистое и темное, в нем сверкали мириады звезд... Порой на фоне этих темных небес пролетали вспышками метеоры, и казалось, что после их полета остаются огненные рубцы, которые потом исчезают, тают... Луны были разбросаны, точно пригоршня монет — три ярких десятицентовика, туповатого вида четвертак и парочка одноцентовиков, один из которых был погнут и весь в шрамах... Я снова ехал все вниз и вниз, по длинной извилистой тропе. Стук копыт Драма отчетливо раздавался в ночном воздухе.

Откуда-то вдруг донесся вопль, похожий на кошачий. Темная тень мелькнула на фоне одной из маленьких лун: какой-то зверек, быстрый и косматый...

Вниз, вниз... Словно вниз падает, намереваясь расколоться, сама Земля... Там, внизу, меня поджидала тьма. Извилистая тропа, проходящая по бесконечно длинной щеке горы, как бы светилась в лунном свете. Она изгибалась, складывалась в складки, становилась почти прозрачной... Потом как бы поплыла в воздухе, и звезды стали видны сквозь ее тонкую ткань с обеих сторон. Теперь уже казалось, что я поднялся выше звезд, что никакой земли нет... Только ночь — ночь и тонкий, прозрачный путь, по которому нужно непременно

проехать верхом, чтобы научиться чувствовать себя на нем уверенно на случай неведомой мне грядущей необходимости...

Вокруг было совершенно тихо, и каждое движение ощущалось каким-то удивительно замедленным. Вскоре исчез и светящийся прозрачный путь, и мы теперь будто плыли под водой на немыслимой глубине, где звезды казались яркими рыбками... Вот она, свобода, вот оно, пьянящее могущество бешеной скачки, однако же совсем не похожее на ту беспечность, что порой возникает во время битвы, когда играешь в самоуверенность перед рискованным шагом, рассчитанным, впрочем, до мелочей. Вот оно, ощущение глубочайшего удовлетворения, сродни тому, что возникает, если найдешь единственно нужное, ключевое слово для уже созданной поэмы. Вот они, эти дивные ощущения плюс ощущение самой скачки, скачки из никуда в никуда, может быть, над россыпями драгоценных камней, может быть, над полными огня пропастями, когда ты свободен от влияния земли, воздуха и воды...

Мы настигли огромный метеор, коснулись его шершавого бока, промчались по его покрытой рытвинами поверхности вниз, кругом и снова вверх... Вдруг метеор вытянулся, превращаясь в широкую долину, посветлел, стал желтым...

Теперь под копытами коня был песок. Звезды меркли и исчезали по мере того, как рассеивалась тьма. За спиной вставало солнце, отбрасывая вперед длинные полосы тени от одиноко стоявших деревьев. Мы мчались за этими ускользающими тенями... Это был словно прорыв сквозь тьму... Яркие птички взмывали ввысь из-под конских копыт, жалобно пища, и вновь рассаживались по ветвям...

Деревья вокруг росли все гуще, темнее становилась земля под ними. Уже отчетливо стала видна дорога. Экзотические пальмовые листья съежились до размеров ладони, кора деревьев потемнела. Резкий поворот вправо, и путь стал еще шире... Вот уже под нашими подковами искры летят из камней мостовой — это не лесная дорога, а обрамленная деревьями городская улица. Мимо мелькали ряды домов: яркие ставни, мраморные ступени лестниц, крашеные заборчики, перед ними мощенные плиткой дорожки... Проехала повозка, влекомая лошадью и нагруженная свежими овощами. Люди останавливались и смотрели на нас. Негромко гудели их голоса...

Все дальше и дальше... Проехали под мостом и двинулись вдоль берега ручья, пока он не стал совсем широким, влился в большую реку, устремляется вместе с ней к морю...

Глухо прошлепали копыта по песчаному пляжу под лимонного цвета небесами, по которым неслись голубые облака. Запах просоленных и выброшенных на берег водорослей, разноцветные раковины, отполированный водой плавник... Морская пена лимонного цвета...

Скорее туда, где над морем высится выступ...

Ступени крошились и с грохотом осыпались под ногами коня, скалы меняли свои очертания, шум горного обвала сливался с шумом прибоя... Скорее вверх, к плоскому выступу над морем, к вершине горы, заросшей деревьями долине, к золотистому городу, сверкающему вдали, как мираж...

Город рос на глазах в тени огромного зонта, его серые башни взлетали ввысь, стекло и металл светились во мгле. Потом башни начали раскачиваться...

Город совершенно беззвучно обрушился как бы внутрь себя, и мы проехали мимо. На месте башен кипела пыль, вздымалась темными облаками, окрашенными в розоватый цвет странным, исходящим откуда-то снизу свечением, и с легким шипением, точно загасили свечу, оседала...

Потом налетела пыльная буря, быстро уступив место густому туману. Сквозь туман слышались звуки автомобильных сигналов... Что-то проплывало мимо, нас будто слегка приподнимало в волнах, потом — прорыв в бело-сером плывущем, жемчужно-белом покрывале... Отпечатки подков Драма на обочине шоссе... Справа — бесконечные ряды неподвижных машин. Жемчужно-белых, сероватых, тоже куда-то плывущих... Доносились пронзительные вопли и жалобный плач... Редкие вспышки света...

Мы снова поднимались... Туман остался внизу и потихоньку рассеивался. Травы, травы, травы... Теперь небо было гораздо ближе к нам, оно оказалось нежно-голубым. Солнце спешило к закату. Пели птицы. Корова на лугу жевала жвачку, поглядывая на нас...

Перепрыгнув через деревянную ограду, мы поскакали по деревенской дороге. За холмом вдруг налетела волна холода... Травы пожухли, а на земле лежал снег. Показался фермерский домик с жестяной крышей, над ним завиток дыма...

Подъем все продолжался... Он все круче. Солнце скатилось за край земли, и на смену ему пришла тьма... Небо было звездным... Вон дом в глубине двора... А вон там и другой... К нему вела длинная подъездная дорожка, обсаженная старыми деревьями... Навстречу выплыли фары автомобиля...

Прочь с дороги, на обочину... Я натянул поводья и дал машине проехать.

Потом вытер пот со лба и отряхнул пыль с рубашки на груди и рукавах. Потрепал Драма по шее. Автомобиль замедлил ход, приблизившись ко мне, и я заметил, какое изумленное лицо было у водителя.

Я чуть тронул поводья, и Драм тихонько двинулся дальше. Машина затормозила, остановилась, и водитель что-то крикнул, обращаясь ко мне, но я продолжал свой путь как ни в чем не бывало. Через несколько секунд я услышал, как он поехал дальше.

Мы вышли на знакомую мне сельскую дорогу, и было заметно, что, с тех пор как я был здесь в последний раз, уже прошло какое-то время. Я неспешно ехал мимо легко узнаваемых пейзажей, вспоминая иную свою жизнь. Через несколько миль я оказался на перекрестке и свернул на другую дорогу, шире и лучше, стараясь по-прежнему держаться правой обочины. Воздух становился все холоднее, но в нем чувствовался какой-то приятный чистый привкус. Над холмами слева возникла горбушка луны. По небу проплывали небольшие редкие облачка, порой закрывая луну и с трудом пропуская на землю слабый, какой-то пыльный ее свет. Ветерок был совсем слабый; порой шевельнутся ветки, и все. Через некоторое время я подъехал к такому месту, где дорога шла вниз как бы ступенями, и догадался, что уже почти достиг цели.

Поворот и еще парочка спусков... Я увидел валун у дороги и прочитал на нем свой адрес.

Я натянул поводья и посмотрел вверх, на вершину холма. На подъездной дорожке у дома стоял пикап, а в самом доме горел свет. Я направил Драма через кювет по полю прямо к группе деревьев невдалеке. Там я привязал его, почесал ему шею и сказал, что долго не задержусь. Потом вернулся на дорогу.

Ни одной машины видно не было, и я направился по подъездной дорожке к дому, пройдя мимо пикапа. Освещено было

только окно гостиной, справа от входа. Я обошел дом слева и вышел на задний двор.

И внезапно замер, оглядываясь. Что-то здесь было не так.

Задний двор выглядел иначе! Пара развалившихся садовых стульев, которые когда-то были прислонены мной к полуразрушенной клетке для цыплят и которые у меня все не хватало времени убрать, куда-то исчезли. То же самое произошло и с самой клеткой. В прошлый раз, когда я проезжал здесь, все было на месте. Куча сухих веток, которые когда-то я сам спилил и сложил вместе с давнишними, полусгнившими, чтобы время от времени рубить на дрова, тоже исчезла.

Не было на месте и компостной кучи.

Я бросился туда, где она раньше лежала. Там был только неправильной формы участок голой земли примерно той же формы, что и сама куча.

Но я давно уже обнаружил, еще только настраиваясь на Камень, что могу заставить себя почувствовать его присутствие. На мгновение я закрыл глаза и попытался это сделать.

И ничего не почувствовал.

Я снова стал искать, на этот раз особенно тщательно, но нигде не заметил его волшебного, сказочного блеска. Не понимаю, на что я рассчитывал: ведь я действительно не чувствовал присутствия Судного Камня где-либо поблизости.

Окна в освещенной комнате были не занавешены. Осматривая домик снова, я заметил, что ни на одном из окон нет ни занавесок, ни жалюзи, ни ставен. А значит...

Я обошел дом с другой стороны и, подойдя к освещенному окну, быстро заглянул внутрь. Большая часть пола была накрыта разными тряпками и мешковиной. Мужчина в кепке и рабочей одежде красил дальнюю стену.

Ну разумеется!

Я ведь тогда попросил Билла продать дом! И подписал все необходимые бумаги, лежа в местной клинике после того покушения на меня, когда еще рассчитывал вернуться домой — возможно, благодаря воздействию Камня. По местному времени с тех пор прошло уже несколько недель, если считать, что временной коэффициент Амбера по отношению к Земле примерно два с половиной к одному, да еще следовало прибавить те восемь дней, которых, по времени Амбера, стоило мне

пребывание во Владениях Хаоса. Билл, конечно же, уже поступил в полном соответствии с моей просьбой. Однако дом был в плохом состоянии, он и до меня несколько лет простоял заброшенный, потом там «похозяйничали» какие-то бандиты... Нужно было сменить рамы, починить крышу, сделать новые водосточные желоба, покрасить стены, кое-где подцементировать... И еще там было жуткое количество мусора — и в доме, и во дворе, — который требовалось убрать...

Я повернул прочь и пошел вниз к дороге, вспоминая, как в последний раз тащился здесь на четвереньках, в полубессознательном состоянии, а из раны в боку текла кровь. В ту ночь было куда холоднее, на земле лежал снег, и сверху тоже падали снежинки. Я прошел мимо того места, где сидел, махая наволочкой и пытаясь остановить машину. Перед глазами у меня тогда плыл туман, но я еще помнил, как пролетали мимо автомобили.

Я пересек дорогу и двинулся по полю к деревьям. Отвязывая Драма и садясь в седло, я сказал ему:

— Придется нам еще немного поскакать. На этот раз не слишком далеко, правда.

Мы вернулись на дорогу и проехали по обочине мимо моего бывшего дома. Если бы я не сказал тогда Биллу, чтобы продал дом сразу же, компостная куча все еще была бы на месте вместе с Камнем. И я бы уже возвращался в Амбер, выполнив свою задачу. А теперь нужно отправляться на поиски красного Камня на цепи, хотя уже ясно, что время опять поджимает. Здесь, по крайней мере, временное соотношение с Амбером более благоприятное. Я прильнул к шее Драма, взял в руки поводья, и мы помчались. Не было ни малейшего смысла зря тратить драгоценные минуты.

Через полчаса я уже въезжал в город по тихой улочке в старом жилом квартале, где вокруг меня толпились дома. У Билла горел свет. Я свернул на его подъездную дорожку, объехал дом кругом и оставил Драма на заднем дворе.

Дверь мне открыла Элис, мгновение изумленно смотрела на меня, потом воскликнула:

— Боже мой, Карл!

Через несколько минут я сидел в гостиной рядом с Биллом, справа на столике стояла выпивка. Элис хлопотала на

кухне: она совершила непростительную ошибку, спросив меня, не хочу ли я закусить.

Билл изучающе смотрел на меня, раскуривая трубку.

— Ты по-прежнему пользуешься весьма нестандартными способами появления и исчезновения, — сказал он наконец.

— Важнее всего результат, — улыбнулся я.

— Знаешь, эта сиделка в клинике... хотя, впрочем, в ее фантазии почти никто не поверил...

— Почти?

— Во всяком случае, мало кто из тех, кого я спрашивал сам.

— Ну и что же она рассказывала?

— Она уверяла, что ты дошел до середины комнаты, стал совсем плоским и просто растаял на месте, сопровождаемый радужным сиянием.

— Радужные вспышки перед глазами могут быть вызваны глаукомой. Ей необходимо проверить зрение.

— Она и проверила, — кивнул Билл. — Зрение оказалось в норме.

— Ах вот как! Это очень плохо. Тогда ей, пожалуй, стоит посетить невропатолога.

— Ну перестань, Карл. С ней все в порядке. И ты это прекрасно знаешь.

Я улыбнулся и отхлебнул из своего стакана.

— А ты сейчас, — заметил он, — между прочим, выглядишь в точности как на той игральной карте, по поводу которой я однажды уже спрашивал тебя. Только там ты с мечом... Что, собственно, происходит, Карл?

— Все совершенно перепуталось, — честно признался я. — И дела обстоят даже хуже, чем когда мы с тобой разговаривали в прошлый раз.

— То есть ты по-прежнему ничего не можешь объяснить мне как следует?

Я покачал головой.

— Ты и без того уже заслужил путешествие ко мне на родину, когда все это кончится, — сказал я. — Если, разумеется, к тому времени у меня еще будет родина. А в данный момент время творит ужасные вещи.

— Чем я могу тебе помочь?

— Пожалуйста, снабди меня кое-какой информацией о

моем старом доме. Кто тот человек, который там все ремонтирует?

— Эд Уиллен. Местный. Работает по найму. Да ты его вроде знаешь. По-моему, он тебе душ строил.

— Да, да, строил... припоминаю.

— Дела у него вообще-то идут хоть куда. Купил кой-какой инструмент получше, нанял себе парней в помощь. Да еще я позаботился, чтоб его приняли в члены нашей корпорации.

— А ты не знаешь, кто именно там работает сейчас?

— Нет, но узнать ничего не стоит. — Билл положил свою ручищу на телефонный аппарат, стоявший на боковом столике. — Хочешь, я прямо сейчас ему позвоню?

— Да, пожалуйста, — попросил я. — Мне, собственно, нужно только одно: там, на заднем дворе, у меня была компостная куча. А теперь ее нет. И я хотел бы выяснить, куда она подевалась.

Билл склонил голову на правое плечо и широко улыбнулся, не выпуская трубку из зубов.

— Ты это серьезно? — наконец вымолвил он.

— Серьезнее не бывает, — сказал я. — Я кое-что спрятал в этой куче, когда полз мимо нее, поливая снег вокруг своей драгоценной кровушкой. И теперь мне необходимо отыскать эту вещь.

— А что же это такое?

— Рубиновая подвеска.

— Бесценная, наверное?

— Ты прав.

— Если бы это был кто-то другой, я бы не сомневался, что он просто не слишком умно пошутил, — сказал Билл. — Надо же, сокровище в компостной куче... Фамильная драгоценность?

— Да. Карат сорок или пятьдесят. Очень простая с виду подвеска на толстой, тяжелой цепи.

Он вынул изо рта трубку и тихонько присвистнул.

— Не возражаешь, если я спрошу, зачем ты ее туда сунул?

— Я бы уже давно был мертв, если б тогда этого не сделал.

— М-да, веская причина.

Билл снова потянулся к телефону.

— Мы уже и покупателя нашли, — заметил он. — Довольно быстро, если учесть, что я еще и объявления дать не успел. Этот парень что-то от кого-то прослышал, вот и подсуетился.

Я его сам отвозил туда сегодня утром. Он действительно хочет купить дом. Все можно прокрутить в один миг.

Билл начал набирать номер.

— Погоди, — сказал я. — Расскажи-ка мне об этом покупателе.

Билл положил трубку и внимательно посмотрел на меня.

— Тощий такой, — начал он. — Рыжий. С бородой. Сказал, что художник. Хочет иметь домик в деревне.

— Сукин сын! — выругался я как раз в тот момент, когда Элис вошла в комнату с подносом в руках.

Она поцокала языком и улыбнулась, передавая поднос мне.

— Тут только парочка гамбургеров да остатки салата, — сказала она. — Ничего сногсшибательного.

— Спасибо большое! Я уж готов был слопать собственного коня. А после этого, как ты понимаешь, плохо бы мне пришлось.

— Да и коню твоему, наверное, тоже. Ну ладно, ешь. — Элис пожелала мне приятного аппетита и вернулась на кухню.

— А компостная куча все еще была там, когда ты возил этого покупателя смотреть дом? — спросил я. Билл закрыл глаза и нахмурил брови.

— Нет, — промолвил он через минуту. — Двор был уже расчищен.

— Ну тогда ладно, — сказал я и принялся за еду.

Он позвонил и разговаривал несколько минут. Я все понял из его разговора, однако выслушал еще раз в подробностях после того, как он повесил трубку, приканчивая угощение и промывая глотку тем, что еще оставалось у меня в стакане.

— Видишь ли, ему было прямо-таки больно смотреть, как пропадает отличный компост, — сказал Билл. — Так что он перегрузил всю кучу в свой пикап прямо на следующий день и отвез к себе на ферму. Вывалил компост возле того участка, который собирается возделывать этой весной, и пока еще не успел раскидать по полю. Говорит, что никаких драгоценностей в куче не заметил, хотя, конечно, вполне мог и пропустить.

— Если у тебя можно одолжить фонарь, то я бы лучше поскорее туда отправился.

— Конечно. Я тебя подвезу, — предложил Билл.

— Не хочется расставаться с конем в такой момент.

— Но тебе, наверное, будут нужны грабли и лопата или вилы. Я могу отвезти все это и встретить тебя там, если ты знаешь дорогу.

— Я знаю, где ферма Эда. Да у него и самого, наверное, инструмент найдется. — Билл пожал плечами и улыбнулся. — Ну хорошо, — сказал я, — поедем вместе. Позволь мне только воспользоваться твоей ванной комнатой, и давай поторапливаться.

— А ты, похоже, знаешь этого рыжего художника, верно?

Я отодвинул поднос и встал.

— В последний раз ты слышал о нем как о Брэндоне Кори.

— Тот самый тип, что притворялся твоим братом и устроил тебе аварию?

— Притворялся, черт побери!.. Он и есть мой брат. Хоть я в этом и не виноват. Ох, прости, пожалуйста, ты здесь ни при чем.

— Он сегодня был там.

— Где?

— На ферме у Эда, в полдень. Этот рыжебородый.

— И что он там делал?

— Попросил разрешения порисовать на одном из полей.

— И Эд ему разрешил?

— Ну разумеется! Он вообще-то говорил, что это очень здорово, что он, может, даже прославится. Он и мне-то рассказал только потому, что похвастаться захотелось.

— Бери скорее инструмент. Я тебя там встречу.

— Ладно.

Я поспешно сделал все, что мне было нужно в ванной комнате, и вытащил свою колоду карт. Необходимо самым срочным образом связаться с кем-либо в Амбере, причем с кем-то достаточно сильным, чтобы остановить Брэнда. Но с кем? Бенедикт во Владениях Хаоса. Рэндом занят поисками сына, а с Джерардом я только что расстался в отношениях весьма далеких от дружеских. Мне вдруг очень захотелось, чтобы в колоде была карта Ганелона.

Но решил, что все-таки стоит попробовать связаться с Джерардом.

Я вытащил его карту, проделал все как полагалось и через мгновение вышел с ним на связь.

— Корвин!

— Ты только послушай, Джерард! Брэнд жив, если тебя это как-то утешит, и я, черт побери, совершенно в этом уверен. Однако случилось нечто непредвиденное. Для Амбера это вопрос жизни или смерти. И ты сейчас должен будешь кое-что сделать!

Выражение его лица стремительно менялось — от гнева к удивлению и заинтересованности...

— Продолжай, — сказал он.

— Брэнд, возможно, очень скоро вернется в Королевство. Может быть, он уже там. Ты его еще не видел?

— Пока нет.

— Его нужно остановить, прежде чем он пройдет по Пути.

— Я не понимаю... Но могу поставить стражу у Зала Пути.

— Поставь стражу как снаружи, так и внутри Зала. Учти, Брэнд теперь пользуется весьма странными способами передвижения. И помни: ужасные вещи могут случиться, если он пройдет по Пути.

— Тогда я сам лично стану на страже. А что, собственно, происходит?

— Нет времени объяснять, извини. Да, скажи, Ллевелла вернулась в Ребму?

— Да.

— Тогда свяжись с ней немедленно. Она должна предупредить Моэри, что Путь, находящийся в Ребме, тоже необходимо охранять.

— Насколько все это серьезно, Корвин?

— Это грозит гибелью всему нашему миру, — сказал я. — А теперь мне пора.

Я прервал контакт и бросился через кухню на задний двор, задержавшись лишь на мгновение, чтобы поблагодарить Элис и пожелать ей спокойной ночи. Если Брэнд добрался до Камня и сумел на него настроиться, то я не взялся бы предсказать, каковы будут его последующие действия, однако подозрения на сей счет имел весьма мрачные.

Я вскочил на Драма и развернул его. Билл, дав задний ход, уже выезжал с подъездной дорожки на шоссе.

Глава 11

Я гнал напрямик через поля, тогда как Биллу приходилось ехать только по шоссе, а потому не так уж сильно отстал от него. Когда я подъехал, он разговаривал с Эдом, который все показывал куда-то на юго-запад.

Пока я спешивался, Эд рассматривал Драма.

— Отличная лошадка у тебя, — сказал он.

— Спасибо.

— Долго тебя в наших местах не было.

— Это точно.

Мы пожали друг другу руки.

— Хорошо, что снова к нам заехал, я рад, — улыбнулся Эд. — А я как раз рассказывал Биллу про этого художника. Я и не знаю, сколько он там пробыл. Я считал, что как только стемнеет, так он и уйдет, даже внимания на него не обратил. Ну а раз он действительно искал что-то из твоих вещей в этой компостной куче, так он, вполне может, еще и задержался. Если хочешь, я могу и ружье с собой прихватить.

— Нет, — покачал я головой, — спасибо, ружье тут не понадобится. По-моему, я знаю, кто это. Просто мы с Биллом сходим туда и сами посмотрим.

— Как хотите. А то могу и я с вами сходить и помочь, если надо, — предложил он.

— Спасибо, но это вовсе не обязательно, — твердо ответил я.

— Ну а как насчет твоего жеребца? Ты не против, ежели я пока что его напою, накормлю да почищу?

— Я уверен, что он будет очень тебе благодарен за это.

— То-то же. Как его зовут?

— Драм.

Эд подошел к Драму и начал с ним знакомиться.

— Ну ладно, — сказал он. — Я на месте, разве что в амбар за сеном схожу. Если понадоблюсь, вы только свистните.

— Спасибо тебе большое, Эд.

Я вытащил из машины Билла вилы и лопату, а он, прихватив электрический фонарь, повел меня куда-то в сторону, куда Эд указывал ему прежде.

В поле я все время смотрел себе под ноги, надеясь в свете фонаря разглядеть остатки компостной кучи. Наконец я что-

то разглядел, и у меня совершенно непроизвольно вырвался горестный вздох. Кто-то здесь уже порылся на славу — повсюду были разбросаны полусгнившие остатки растений. Такая плотная масса не могла так разлететься, когда ее просто сбросили с небольшого грузовичка.

И все же... даже если Брэнд и искал здесь, это вовсе не означало, что он нашел то, что искал.

— Ну, и что ты думаешь? — спросил Билл.

— Не знаю, еще не понял. — Я опустил лопату и подошел к самому большому кому компоста. — Посвети-ка сюда, пожалуйста.

Я тщательно перерыл остатки растерзанной компостной кучи, потом схватил грабли и принялся разгребать ее по земле, разбивая каждый комок. Через некоторое время Билл, пристроив фонарь поудобнее, принялся мне помогать.

— Знаешь, у меня какое-то странное чувство... — сказал он.

— У меня тоже, — буркнул я.

— ...что мы, возможно, слишком сильно опоздали.

Однако мы продолжали возиться в компосте, разбрасывая его по земле...

И тут я почувствовал знакомый трепет начинающегося контакта. Я выпрямился и подождал. Контакт состоялся буквально через несколько секунд.

— Корвин!

— Я здесь, Джерард.

— Что ты сказал? — спросил Билл.

Я поднял руку, призывая его хранить молчание, и сосредоточился. Джерард стоял в тени у ярко светившегося начала Пути, опираясь на свой огромный меч.

— Ты был прав, — сказал он. — Брэнд действительно промелькнул здесь буквально минуту назад. Понятия не имею, как он пробрался внутрь. Он вышел вон из той тени в левом углу. — Джерард показал рукой. — Потом взглянул на меня, повернулся и снова исчез в тени. Даже не ответил, когда я его окликнул. Я прибавил яркости и все вокруг осветил фонарем, однако Брэнда уже нигде не было видно. Он просто исчез. Как по-твоему, что мне делать теперь?

— А Судный Камень был на нем?

— Не могу сказать. Я видел его всего несколько секунд, к тому же почти в темноте.

— Путь в Ребме сейчас под охраной?

— Да. Ллевелла подняла там тревогу.

— Хорошо. Тогда оставайся на посту. Я скоро снова с тобой свяжусь.

— Ладно, буду здесь. Слушай, Корвин... ты извини... насчет того, что там было раньше...

— Забудем об этом.

— Вот и отлично. А твой Ганелон — парень крепкий.

— О да, — кивнул я. — Ты только не спи, смотри в оба.

Облик Джерарда померк, ибо я прервал контакт, однако, что было весьма странно, ощущение связи осталось. Я чувствовал себя точно включенный радиоприемник, не настроенный на определенную волну. Билл как-то странно смотрел на меня.

— Карл, что происходит?

— Не знаю. Погоди-ка минутку.

И вдруг снова возник контакт, однако уже не с Джерардом. Она, должно быть, пыталась со мной связаться как раз во время разговора с ним.

— Корвин, это очень важно...

— Говори быстрей, Фиона.

— Ты не найдешь здесь того, что ищешь. Камень у Брэнда.

— Это я и сам начал подозревать.

— Мы должны остановить его. Не знаю, как много тебе известно...

— Теперь уже и я этого не знаю, однако на всякий случай велел тщательно охранять Путь и в Амбере, и в Ребме. Джерард только что сообщил мне, что Брэнд промелькнул возле Огненного Пути Амбера, но словно чего-то испугался.

Фиона кивнула своей маленькой изящной головкой. Ее длинные рыжие локоны были в несвойственном ей беспорядке. Выглядела она усталой.

— Знаю. Он у меня под наблюдением. Но ты забыл еще об одной возможности.

— Нет, — возразил я. — Согласно моим расчетам Тир-на Ног'тх пока еще для него недостижим...

— Я говорила совсем не об этом. Он ведь направляется к Истинному Пути...

— Чтобы настроить Камень?

— Чтобы впервые пройти по нему.

— Ему придется пройти и по поврежденному участку. Я полагаю, что это вызовет у него по меньшей мере затруднения.

— Значит, ты действительно знаешь многое. Это хорошо — экономит время. Темные участки не причинят ему такого вреда, как любому другому из нас. С тьмой подобного рода у него особые отношения. Мы должны остановить его до того, как он ступит на Путь.

— Ты знаешь, как наикратчайшим путем добраться туда?

— Да. Пойдем, я провожу тебя.

— Минутку. Я хочу взять Драма.

— Зачем?

— Пока это тайна. Но именно он мне и нужен.

— Хорошо. Тогда давай я перейду к тебе. Нам ничуть не труднее будет отправиться из того места, где находишься ты, чем отсюда.

Я протянул руку. Через секунду я почувствовал, как Фиона, опершись о нее, шагнула вперед и оказалась рядом со мной.

— Господи! — воскликнул Билл, отшатнувшись. — А я-то еще сомневался, Карл, в своем ли ты уме. Теперь остается сомневаться, не сошел ли я сам с ума. Она... она ведь одна из тех, что изображены на картах, да?

— Да. Билл, это моя сестра Фиона. Фиона, это Билл Рот, очень хороший мой друг.

Она протянула ему руку и улыбнулась. Они разговорились, а я тем временем сбегал за Драмом.

— Билл, — сказал я, — прости, что заставил тебя зря тратить на меня время. Это все братец мой виноват. А сейчас мы с Фионой попытаемся нагнать его. Спасибо, что помог.

Я пожал ему руку. Он прогудел прочувствованно: «Корвин!» И я улыбнулся:

— Да, именно так меня зовут.

— Мы тут поговорили немного с твоей сестрой. Совсем немного, я мало что успел понять, ясно только одно: это очень опасно. Так что желаю удачи! И я все-таки хотел бы когда-нибудь услышать всю историю до конца.

— Еще раз спасибо тебе, — сказал я. — Непременно постараюсь со временем все тебе рассказать подробно.

Я сел в седло, наклонился, подхватил Фиону и усадил перед собой.

— Доброй ночи, мистер Рот, — обернулась она к нему. Потом велела мне: — Начинай, только медленно, прямо через поле.

Так я и сделал.

— По словам Брэнда, именно ты тогда пырнула его кинжалом, — заговорил я, как только мы отъехали подальше и почувствовали себя в полном одиночестве.

— Да, я.

— Но зачем?

— Чтобы избежать всего этого.

— Мы с ним говорили довольно долго. Он подтвердил, что изначально вы были вместе — ты, Блейз и он, — когда пытались захватить трон и власть.

— И это верно.

— Потом он сблизился с Кейном, попытался привлечь его на вашу сторону, но ничего не вышло, и Кейн поведал об этом Эрику и Джулиану. Те в итоге заключили свой союз в борьбе против вас.

— В общем правильно. Правда, Кейном двигали кое-какие собственные амбиции. Однако пока что ему все равно было бы не по силам воплотить их в жизнь. Так что, решив, что ему на роду написано быть в числе более слабых, он перешел на сторону Эрика, предав Блейза. Цель его в общем-то была мне тоже ясна.

— Он еще говорил мне, что вы трое постоянно имели дело с силами, приходящими с другого конца Черной Дороги, из Владений Хаоса.

— Да, — подтвердила Фиона, — правда. Мы это делали.

— Ты сказала «делали»?

— Раньше, но не теперь. По крайней мере, я и Блейз.

— Но Брэнд утверждает обратное.

— Еще бы!

— Он говорит, что вы с Блейзом продолжаете эту связь с темными силами, а ему пришлось изменить прежним союзникам. Чем, как он утверждает, и был вызван твой гнев и его заточение в башню.

— Тогда объясни, почему бы нам было просто не убить его?

— Все, сдаюсь. Объясни мне все сама.

— Брэнд был слишком опасен, чтобы даровать ему свободу, но лишить его жизни мы тоже не могли — в его руках находилось нечто очень ценное.

— Что же именно?

— После исчезновения Дворкина Брэнд был единственным, кто знал, как устранить повреждения, которые он нанес Подлинному Пути.

— Тебе, наверное, потребовалось немало времени, чтобы все это узнать.

— Поверь, он обладает невероятными возможностями.

— Тогда почему же ты нанесла ему удар тайком?

— Повторяю: чтобы избежать всего этого. Если уж вопрос в том, жить ему или умереть, то лучше пусть умрет! Тогда у нас будет время самим, собственными силами восстановить Путь.

— Но раз дела обстоят именно так, то почему же ты согласилась вместе с нами вернуть его назад в Амбер?

— Во-первых, я все время пыталась помешать этой вашей попытке. Однако вас было слишком много, и все вы буквально горели рвением; я была совершенно ни при чем, когда вы вышли на контакт с ним. Во-вторых же, мне следовало быть на месте, если попытка все же вам удалась бы. И в итоге я сделала все, что смогла.

— Так, значит, вы с Блейзом почти прервали свой альянс с темными силами, однако у Брэнда подобных сомнений не возникало?

— Верно.

— Но как это согласуется с вашим упорным стремлением к трону?

— Мы считали, что сможем добиться победы без помощи со стороны.

— Понятно.

— Ты веришь мне?

— Боюсь, что начинаю верить.

— Здесь сверни.

Я свернул в какую-то расселину. Путь был узок и темен. Над нами виднелось всего лишь несколько звездочек. Все то время, пока мы вели беседу, Фиона умело манипулировала силами Царства Теней, направляя нас прямо с поля Эда заветным путем, и сейчас мы оказались в туманном болотистом

месте, потом снова поднялись вверх по склону холма и выехали на каменистую дорогу среди гор. Сейчас, когда мы двигались по этой темной расселине, я снова почувствовал манипуляции Фионы. Здесь воздух был холодным, но не слишком. Тьма справа и слева от нас была абсолютной, создавая иллюзию немыслимых морских глубин, а не тесно стоящих скал, окутанных мраком. Это впечатление еще более усиливалось тем, что, как я неожиданно заметил, копыта Драма не производили ни малейшего шума, ступая по земле.

— Как мне завоевать твое доверие? — спросила Фиона.

— Ничего себе вопросик!

Она рассмеялась:

— Хорошо, выражусь иначе. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в правдивости моих слов?

— Ответь мне только на один вопрос.

— Какой же?

— Кто прострелил мне тогда шины?

Она снова рассмеялась:

— Ты ведь уже и сам догадался, верно?

— Возможно. Но скажи мне сама.

— Брэнд, — произнесла Фиона. — Ему не удалось окончательно расстроить твою память, и он решил предпринять кое-что понадежнее.

— Согласно той версии, которой на сей счет располагаю я, стрелял Блейз и он же бросил меня, когда я тонул в озере, тогда как Брэнд прибыл как раз вовремя, чтобы вытащить меня и спасти мне жизнь. Да и в полицейском отчете говорилось примерно то же самое.

— А кто вызвал полицию? — спросила Фиона.

— У них записано, что звонок был анонимный, однако...

— Это Блейз позвонил им. Он не смог вовремя до тебя добраться, чтобы спасти, когда понял, что именно происходит. Он надеялся, что успеют они. К счастью, они и успели.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Брэнд вовсе не вытаскивал тебя из этой лужи. Ты выбрался сам. Он-то ждал неподалеку, чтобы убедиться, что ты утонул, а ты взял да и вынырнул, да еще умудрился выбраться на берег. Брэнд как раз осматривал тебя, решая, умрешь ли ты, если он просто бросит тебя лежать на берегу, или же все-таки лучше снова кинуть тебя в воду. Вот тут-то и появилась

полиция, и ему пришлось играть роль спасителя. А вскоре после этого нам удалось застать его врасплох и заточить в башне. Хотя усилий для этого потребовалось немало. Позже я связалась с Эриком и сообщила ему о происшедшем. Он тогда приказал Флоре переправить тебя в другое место и позаботиться, чтобы тебя продержали там, пока он не будет коронован.

— Подходит, — сказал я. — Спасибо.

— К чему подходит?

— В ссылке я был всего лишь обычным фармацевтом, да и времена были куда более простые, чем теперь; кроме того, я никогда не имел особых дел с психиатрией. Однако же я твердо знал, что к пациенту не применяют лечение электрошоком, если хотят восстановить его память. Такая терапия обычно имеет обратный эффект. Особенно хорошо электрошок разрушает память, связанную с недавними событиями. У меня появились подозрения, когда я узнал, что именно Брэнд сделал со мной такое. Так что постепенно я выработал собственную гипотезу. Автокатастрофа не восстановила мою память, как и электрошок. Я начал восстанавливать ее естественным путем. Однако, наверное, словами или поступками как-то дал возможность понять, что память моя восстанавливается, и известие об этом каким-то образом достигло Брэнда. Тот решил, что ему это крайне нежелательно, и отправился в Царство Теней, устроив мне такое «лечение», которое, как он надеялся, разрушит и те жалкие воспоминания, которые я только что восстановил. Однако и это ему удалось только отчасти: лишь в течение нескольких дней после очередного ужасного сеанса я совершенно не мог собраться с мыслями. Разумеется, авария тоже внесла свою лепту. Однако когда мне удалось бежать из «санатория» Портера и спастись от очередной попытки убить меня, процесс выздоровления пошел более активно, так что когда я вновь пришел в себя в клинике «Гринвуд», то вскоре сбежал и оттуда. Я вспоминал все более активно, когда жил в доме у Флоры. И тем более восстановление моей памяти ускорилось, когда Рэндом взял меня в Ребму, где я прошел по Огненному Пути. Однако же, и теперь я в этом совершенно убежден, даже если бы я оставался пассивен, память все равно бы ко мне вернулась. Возможно, потребовалось бы несколько больше времени, однако я уже про-

бился сквозь беспамятство и вспоминал все быстрее и все больше. Итак, я в итоге сам пришел к заключению, что в главном виноват именно Брэнд, и твой рассказ вполне совпадает с моими выводами и с тем, что я уже знаю.

Цепочка звезд в вышине стала еще уже, и наконец они совсем исчезли. Мы продвигались вперед сквозь нечто, напоминавшее абсолютно черный туннель, только где-то очень-очень далеко слабо мерцал порой едва заметный огонек.

— Да, — кивнула Фиона, — ты все угадал верно. Брэнд боялся тебя. Он утверждал, что однажды ночью видел, как ты вернулся из Тир-на Ног'тха, чтобы разрушить все наши планы. Я тогда не обратила на его слова никакого внимания, ибо еще даже не знала, что ты жив. А он-то как раз и пустился разыскивать тебя. Догадался ли о твоем местонахождении благодаря каким-то колдовским средствам или же просто прочитал об этом в мыслях Эрика, я не знаю. Возможно, последнее. Брэнд иногда на такое способен. Так или иначе он определил, где ты находишься, а все остальное тебе теперь известно.

— Впервые он заподозрил что-то из-за присутствия на Земле Флоры и ее странной связи с Эриком. Так примерно он говорил мне. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. А что ты предлагаешь с ним сделать, если нам удастся его схватить?

Фиона засмеялась:

— У тебя же меч при себе, не правда ли?

— Брэнд говорил еще, что Блейз жив. Это правда?

— Да.

— Тогда почему ты со мной, а не с Блейзом?

— Блейз не настроен на Камень. А ты настроен. Ты можешь взаимодействовать с ним, и более того, Камень непременно постарается спасти твою жизнь в случае опасности. Так что с тобой риск значительно меньше, — честно призналась она. Затем, помолчав, добавила: — Не думай все-таки, что это будет так просто. Ловкий и быстрый удар меча способен опередить действие Камня. Ты можешь умереть рядом с Брэндом.

Светлая полоса впереди стала шире, ярче, однако оттуда не доносилось ни звука, ни запаха. Продолжая путь вперед, я думал, сколько самых различных объяснений получил с тех пор, как вернулся, и каждое из них имело свой сложный ком-

плекс мотиваций, оправданий и того, что случилось, пока меня не было, и того, что происходило сейчас. Я словно кружился в водовороте чужих эмоций, планов, переживаний, чувств и целей, которые я медленно восстанавливал, извлекая из могилы своего второго «я», и каждая новая интерпретация того, что уже было выстроено мною, каким-то образом меняла положение более чем одной составляющей. Но те имели крепкие якоря, и вновь возникали сомнения, и вновь вся моя жизнь начинала казаться мне лишь подвижной игрой, взаимодействием Теней, их кружением вокруг Амбера — то есть вокруг той истины, постигнуть которую не будет возможности никогда.

И все же я не мог отрицать, что теперь знал больше, чем несколько лет назад, теперь был ближе к сути дела, и все те события, в которые я оказался вовлеченным по возвращении, теперь, похоже, мчались к некоему окончательному разрешению. А что же я, собственно, хотел? Выяснить, где справедливость, и действовать в соответствии с этим? Я засмеялся. Так кого же из моих информаторов в данном случае благодарить первым? Значит, опять лишь весьма относительная правда? Нет, теперь мне вполне достаточно... И еще остался какой-то шанс махнуть Грейсвандиром сколько-то раз и не бесцельно: вот самая большая компенсация мне от этого мира за пережитые мной в течение одного часа (!) его времени события!

Я засмеялся и проверил, свободно ли могу достать из ножен свой меч.

— Брэнд говорил, что Блейз подготовил другое войско... — начал было я.

— Об этом позже, — прервала меня Фиона. — Времени больше нет.

И она была права. Свет впереди стал ярче — это был широкий выход на открытое пространство. Он приближался к нам с такой огромной скоростью, как если бы туннель сам по себе вдруг начал стремительно сокращаться. Мне показалось, что там, за выходом, сияет дневной свет.

И через несколько секунд мы вылетели из пещеры. Я зажмурился от яркого солнца. Слева от меня расстилалось море, которое будто бы сливалось с небом того же цвета. Золотистое солнце то ли плыло, то ли висело над этим морем, а может, и внутри этого моря-неба, источая свои сверкающие лучи во все

стороны сразу. За спиной у нас теперь не было видно ничего, кроме сплошной каменной стены; проход исчез без следа. Чуть ниже нас, примерно футах в ста, лежал Истинный Путь. На нем виднелась темная фигурка, преодолевавшая вторую из его внешних дуг; человек этот был настолько поглощен своим занятием, что явно не замечал нашего присутствия. Потом мелькнула красная вспышка, когда он повернулся к нам лицом, и я узнал Судный Камень, свисавший у него с шеи, как когда-то у нашего отца, у Эрика и у меня. Конечно же, это был Брэнд.

Я спешился. Посмотрел вверх на Фиону, казавшуюся маленькой и растерянной, и вложил поводья Драма в ее руки.

— Что-нибудь посоветуешь, или мне сразу гнаться за ним? — спросил я шепотом.

Она покачала головой.

Тогда, повернувшись, я обнажил Грейсвандир и бросился вперед.

— Удачи тебе, — тихо пожелала она мне вслед.

Пока я шел к началу Пути, я заметил длинную цепь, что тянулась из входа в пещеру к неподвижному теперь телу грифона Виксера. Голова Виксера валялась на земле в нескольких шагах от тела. Яркая, того же цвета, что и у людей, кровь его обильно оросила камни вокруг.

Все ближе подходя к началу Пути, я быстро подсчитывал в уме: Брэнд уже совершил несколько поворотов, следуя основной спирали этого лабиринта, так что по крайней мере круга на два опередил меня. Если бы мы были отделены друг от друга всего лишь одним поворотом, я мог бы попытаться достать его с помощью Грейсвандира, выйдя на позицию, параллельную его движению. Однако чем дальше от начала Пути, тем идти труднее, так что скорость Брэнда постепенно уменьшалась. Ушел он все-таки еще не слишком далеко. Не обязательно было догонять его. Просто нужно пройти примерно полтора круга и занять позицию, параллельную ему.

Я ступил на Путь и двинулся вперед так быстро, как только мог. Вокруг моих ног тут же вспыхнули голубые искры, особенно при стремительном прохождении первого круга, когда сопротивление постоянно нарастало. Искры становились все крупнее и взлетали все выше. Волосы у меня стояли дыбом, когда я достиг Первого Препятствия, вокруг явствен-

но раздавалось потрескиванье. Однако я упорно пробивался сквозь невидимую стену, думая о том, заметил ли уже Брэнд мое присутствие, и будучи не в состоянии позволить себе отвлечься и хотя бы бросить взгляд в его сторону. Я еще усилил свой натиск, и через несколько шагов Препятствие осталось позади. Идти стало гораздо легче.

Я взглянул вверх. Брэнд как раз заканчивал борьбу с ужасным Вторым Препятствием; он по пояс был в облаке голубых искр, но улыбался, и в улыбке его ясно видна была решимость победителя. Наконец он высвободился и шагнул вперед. И тут наконец заметил меня.

Улыбка тут же исчезла; он заколебался, что было мне на руку, ибо нельзя останавливаться, когда идешь по Пути. Любая остановка может стоить такого количества энергетических затрат, что трудно будет снова начать движение.

— Ты опоздал! — крикнул мне Брэнд.

Я и не подумал ему отвечать. Я продолжал идти. Синие искры ручейками стекали с изображенного на Грейсвандире Пути.

— Сквозь черный участок ты пройти не сможешь! — сказал он.

Я продолжал идти. Темный участок был как раз передо мной. Я был рад, что он расположен не в самой трудной части Пути. Брэнд тоже двинулся дальше, медленно приближаясь к Большому Изгибу. Если бы я только мог нагнать его там! Никакого поединка бы не потребовалось: у него не хватило бы ни сил, ни скорости, чтобы защищаться.

По мере моего приближения к поврежденному участку Пути я вспоминал те способы, с помощью которых мы с Ганелоном перебирались через Черную Дорогу во время нашего бегства из Авалона. Мне это удалось только потому, что я все время мысленно представлял себе Огненный Путь. Теперь же сам Путь был вокруг меня, да и расстояние, которое требовалось пересечь, было совсем не таким большим, как тогда. И тут мне пришло в голову, что Брэнд просто пытается сбить меня с толку своими угрозами, что сила черного участка, вполне возможно, сильнее всего именно здесь, у ее истоков. Когда я подошел ближе, Грейсвандир неожиданно ярко вспыхнул. Повинуясь неведомому импульсу, я коснулся концом его острия

края той черноты, что простиралась предо мной там, где прерывался Путь.

Грейсвандир как бы прилип к темной поверхности, и больше я его поднять не смог. Однако я продолжал движение, и мой меч разрезал черную поверхность предо мной, скользя вперед, как мне казалось, примерно по стертой ныне линии Пути. Я следовал за ним. Солнце словно померкло у меня над головой. В ушах гулко отдавались удары сердца, лоб был весь мокрый от испарины. Сероватая пелена заволокла все вокруг. Мир стал каким-то сумеречным, Путь исчезал на глазах. Казалось, что ничего не стоит сейчас сделать один лишь неверный шаг и... Не хотелось выяснять, каким именно будет результат.

Я все время смотрел себе под ноги, следуя той линии, которую прорезал Грейсвандир; голубой огонь, плясавший на его лезвии, был единственным проблеском света в этом мире. Шаг правой ногой, шаг левой...

И вдруг все кончилось. Грейсвандир снова свободно взлетел в моей руке, и синий свет на его лезвии отчасти померк, то ли из-за ярко вспыхнувшего вновь передо мной Огненного Пути, то ли еще по какой-то неведомой мне причине.

Оглядевшись, я увидел, что Брэнд приближается к Большому Изгибу. Я же пока что подходил лишь ко Второму Препятствию. Нас обоих ждали тяжкие испытания, однако Большой Изгиб преодолеть значительно труднее, так что я уже должен буду освободиться и смогу двигаться значительно быстрее, пока Брэнд будет преодолевать этот трудный участок. Зато потом мне придется пересекать поврежденный участок Пути во второй раз. К этому времени Брэнд, возможно, уже освободится, однако все равно будет двигаться с меньшей, чем у меня, скоростью — после Большого Изгиба идти труднее всего.

Напряжение электрического поля усиливалось с каждым шагом; все тело покалывало. Искры из-под ног взлетали уже до середины бедра. Я словно пробирался среди колосьев странной электрической пшеницы. Волосы мои по-прежнему стояли дыбом. Я чувствовал, как они шевелятся. Один раз я оглянулся и увидел Фиону: она сидела в седле совершенно неподвижно и наблюдала.

И я устремился ко Второму Препятствию.

Углы... резкие повороты... Сопротивление все росло, и все мое внимание и все мои силы были теперь отданы борьбе с ним. Снова возникло уже знакомое ощущение безвременья, как если бы вся моя прошлая жизнь — это только Путь, да и дальнейшая тоже... Я настолько сконцентрировал свое внимание, что остальное вокруг словно исчезло: Брэнд, Фиона, Амбер, мое собственное «я»... Искры взлетали все выше по мере того, как я с огромным трудом продвигался вперед, сворачивал и снова шел вперед, и каждый следующий шаг был труднее предыдущего.

Прямо к очередному черному участку.

Я снова опустил Грейсвандир, выставив его вперед. И снова меня окружила серость, одноцветный туман, прорезаемый лишь голубым свечением клинка, открывавшего передо мной тонкую линию Пути, подобно хирургическому скальпелю.

Когда вновь вспыхнул нормальный свет, я сразу увидел Брэнда. Он все еще был в западном квадранте, пройдя примерно две трети Большого Изгиба. Если я поднажму, то, возможно, сумею нагнать его, когда он выйдет из Большого Изгиба. И я устремился вперед что было сил.

Добравшись до северной части Пути, до того поворота, что вел меня как бы в обратном направлении, я внезапно догадался, что мне сейчас нужно сделать. Нужно снова пролить кровь на линию Пути. Да, если бы речь шла о простом выборе между незначительным разрушением еще одного участка Пути и полным его разрушением Брэндом, то понятно, что следовало сделать и как можно скорее. Однако я чувствовал, что должен существовать и другой способ...

Я совсем немного сбросил скорость. Теперь все зависело от отсчета времени. Брэнду проход по Пути дался гораздо труднее, чем мне, так что по крайней мере в этом отношении у меня было преимущество. Согласно моей абсолютно новой стратегии я должен был подготовить нашу встречу в точно определенном месте. По иронии судьбы я вдруг вспомнил трогательную заботу Брэнда о его любимом коврике. Однако забота о чистоте Пути была делом куда более сложным и хитроумным.

Он приближался к концу Большого Изгиба, а я шагал, подсчитывая в уме расстояние до черного участка. Я решил дать Брэнду возможность пролить свою кровь над тем местом,

которое уже было им повреждено. Единственным его преимуществом, на мой взгляд, было то, что я окажусь от него справа. Чтобы свести до минимума и это преимущество, мне нужно было чуть-чуть отстать.

Брэнд с трудом преодолевал сопротивление и продвигался вперед чрезвычайно медленно. Я тоже двигался с трудом, но все же легче. Походка моя была ровной. Я думал только о Камне, о том сродстве, которое мы обрели с ним благодаря настройке. Я чувствовал его присутствие — там, слева от себя и чуть впереди, несмотря на то что даже не мог его видеть. Станет ли Камень помогать мне, если Брэнду удастся взять верх в предстоящем поединке? Ощущая присутствие Камня, я почти уже мог поверить, что он мне поможет. Он уже однажды буквально вырвал меня из рук убийцы и каким-то образом отыскал убежище — спрятав меня в моей собственной постели. От Камня в душу мою проникала некая уверенность; однако, вспоминая слова Фионы, я решил не слишком полагаться на это. И все-таки верил, надеялся, вспоминая его фантастические возможности и свою собственную способность управлять им, не вступая с ним в непосредственный контакт...

Брэнд почти завершил преодоление Большого Изгиба. Из самых глубин своей души я молил Камень о помощи, и мне удалось выйти с ним на связь. И тогда я призвал бурю, нечто вроде красного торнадо, некогда уничтожившего жеребца Яго. Я не знал, смогу ли управлять этим грозным явлением здесь, посреди Пути, но тем не менее призвал вихрь и направил его на Брэнда.

Сперва ничего не произошло, однако я чувствовал, что Камень начал действовать. Брэнд добрался до конца Изгиба и миновал его.

Я был там, прямо позади.

Каким уж там образом, не знаю, но он это почувствовал. И выхватил меч из ножен в тот самый миг, как сопротивление ослабело. Вопреки моим расчетам, ему удалось выиграть пару шагов. Он выставил вперед левую ногу, повернулся ко мне боком и посмотрел мне прямо в глаза поверх наших поднятых мечей.

— Черт меня побери, ты все-таки прошел! — воскликнул Брэнд, касаясь конца моего клинка своим клинком. — Тебе

никогда бы не удалось так быстро добраться до этого места, если бы не та ведьма, что сидит в седле!

— Как мило ты отзываешься о нашей сестре, — сказал я, делая ложный выпад. Он парировал.

Мы были страшно стеснены в движениях: ни один из нас не смог бы сделать настоящий выпад, не сойдя с Пути. Я был связан еще и тем, что не хотел пока что проливать кровь брата.

Я снова сделал ложный выпад, и он отшатнулся. Левая нога его соскользнула с Пути. Брэнд выставил вперед правую ногу, оперся о нее и резким движением попытался рубануть меня по голове. Черт побери! Я парировал и чисто машинально сделал ответный выпад. Я совершенно не собирался наносить ему удар в грудь, однако Грейсвандир концом лезвия все-таки задел его под грудиной, изобразив там нечто вроде кровавой дуги. В воздухе раздалось гудение, однако я не мог позволить себе отвести взгляд от Брэнда. Он глянул под ноги и еще чуть отступил. Отлично. Теперь перед его рубашки украшала уже широкая кровавая полоса. Впрочем, материя хорошо впитывала кровь...

Я встал поудобнее, сманеврировал, сделал резкий выпад, парировал его удар, подождал, прыгнул вперед, потом назад — я делал все, что только мог придумать, лишь бы заставить его отступать. Я явно имел психологическое преимущество: мне было легче достать его, и мы оба понимали, на что способен мой Грейсвандир.

Брэнд уже приближался к темному участку. Еще несколько шагов... Я услышал звук, похожий на одинокий удар колокола, за которым последовал страшный рев. Неожиданно нас накрыла тень, похожая на грозовую тучу в солнечный день.

Брэнд глянул вверх. Думаю, что в это мгновение мне ничего не стоило проткнуть его насквозь, но он был все еще в полуметре от намеченной мной цели. Брэнд мгновенно очнулся и злобно на меня глянул.

— Будь ты проклят, Корвин! Это ведь твои штучки, верно? — И он с криком перешел в наступление, совершенно забыв о какой бы то ни было осторожности.

К сожалению, моя позиция была на редкость неудачной: я все еще шел вперед, готовясь потеснить его и заставить отступить до нужного мне предела. Я был совершенно открыт и не успел принять боевую стойку. И хотя я сумел парировать его

удар, этого оказалось недостаточно. В тот же миг я пошатнулся и упал назад.

Я тщетно пытался удержаться на Пути. Мне удалось уцепиться за него, потом упереться на правый локоть и перекинуть левую руку. Я выругался: боль была такой сильной, что локоть мой снова соскользнул; видимо, я здорово его повредил, падая.

Однако Брэнд на этот раз промахнулся, а ноги мои, окутанные облаком синих искр, умудрились удержаться на светящейся линии Пути. Практически я был вне досягаемости для Брэнда: по крайней мере, смертельного удара он мне нанести не мог, хотя все еще способен был подрезать мне коленное сухожилие.

Я поднял правую руку, сжимая в ней Грейсвандир, и выставил ее вперед. Потом попробовал сесть. Когда мне это удалось, я увидел, что некое красноватое образование с желтыми краями вращается прямо над головой Брэнда, трещит и рассыпает искры и маленькие молнии. Рев теперь сменился воем.

Брэнд взял свой меч за рукоять и поднял его над плечом, словно копье, целясь в меня. Я понимал, что ни парировать, ни увернуться от меча сейчас не смогу.

Мысленно я послал приказ Камню и тому облаку в небесах...

Что-то ярко вспыхнуло, и короткая молния из облака коснулась меча Брэнда...

Оружие выпало у него из рук; он невольно прижал к губам обожженную ладонь. Однако левой своей рукой он стиснул Судный Камень, словно наконец поняв, что я творю, и пытаясь уменьшить мое влияние на Камень. Брэнд сосал обожженные пальцы и с ужасом смотрел вверх; вся ярость и гнев исчезли с его лица. С небес к нему начинала спускаться чудовищная воронка.

Тогда он вдруг ступил на черный участок Пути, повернулся лицом к югу, поднял обе руки и что-то выкрикнул: слов я не расслышал из-за нарастающего воя.

Воронка накрыла его, он стал вдруг каким-то плоским, словно размытым, потом начал уменьшаться, съеживаться, но не то чтобы стал меньше в размерах, а просто как бы удалился от меня. Он будто таял вдали и исчез за одно лишь мгновение

до того, как смертоносная воронка лизнула то место, где он только что стоял.

Вместе с ним исчез и Судный Камень, так что у меня не было никаких средств воздействия на ту штуку, что висела теперь у меня над головой. Я не знал, что лучше: присесть и не двигаться или возобновить движение и добраться до конца Пути. Я решил пока что не двигаться — ураган, похоже, охотился за теми, кто нарушал нормальное положение вещей в этом месте. Я буквально приник к светящейся линии Пути. А когда осмелился приподняться на четвереньки, воронка уже начала подниматься. Вой ослабел, а потом и совсем стих. Синие огни, горевшие у моих подошв, почти погасли. Я повернулся и посмотрел на Фиону. Она знаками показала, чтобы я встал и двигался дальше.

Я медленно поднялся, видя, что вихревое образование надо мной продолжает рассасываться, и возобновил свое движение. Проходя по тому темному участку, где еще совсем недавно прошел Брэнд, я в очередной раз воспользовался Грейсвандиром. Искореженные остатки меча Брэнда валялись у дальнего края темной зоны.

Ах, как мне хотелось, чтобы существовал какой-нибудь более легкий способ выбраться отсюда! Ведь теперь было совершенно бессмысленно проходить весь Путь до конца. Однако нельзя повернуть назад, если ты уже ступил на Путь, а ведь мне еще не терпелось каким-нибудь хитроумным способом выяснить соотношение Пути и Черной Дороги, так что я продолжал двигаться вперед, к Большому Изгибу. Интересно, думал я, куда исчез Брэнд? И что за сила ему помогала? Если бы я это знал, то мог бы, достигнув центра, приказать Пути отправить меня за ним следом. Возможно, у Фионы и были какие-то соображения на сей счет... Скорее всего он, конечно, отправился туда, где у него есть союзники. И, наверное, бессмысленно преследовать его в одиночку...

Что ж, по крайней мере мне вовремя удалось прервать свою связь с Камнем, утешал я себя.

Затем я вступил на Большой Изгиб. И вокруг меня взвился целый сноп искр.

Глава 12

Мы были на вершине горы: клонившееся к западу послеполуденное светило висело над скалами слева от меня, и от них вправо тянулись длинные тени. Солнце просвечивало сквозь листву деревьев, окружавших мою гробницу; его тепло чуть смягчало пронизывающий ветер, дувший с Колвира. Я выпустил руку Рэндома и повернулся, чтобы посмотреть на того, кто сидел на скамье перед мавзолеем.

У него было то же лицо, что и у юноши, изображенного на проткнутой кинжалом карте, но от носа к подбородку уже протянулись резкие морщины, черты посуровели, а в глазах чувствовалась глубокая внутренняя усталость; впрочем, упрямый подбородок был вздернут вверх, что на карте было не так заметно.

Так что я узнал его еще до того, как Рэндом произнес:

— Это мой сын Мартин.

Мартин встал, когда я подошел к нему, пожал мне руку, сказал: «Дядя Корвин», и выражение лица его несколько переменилось, но совсем немного. Он внимательно изучал меня.

Юноша был на несколько дюймов выше Рэндома, однако такой же стройный и легкий. Его подбородок и скулы были тех же очертаний, а волосы — такие же светлые и густые.

Я улыбнулся:

— Долго же тебя не было в Амбере... Впрочем, и меня тоже.

— Но я никогда по-настоящему и не бывал в Королевстве, — ответил Мартин. — Я вырос в Ребме... и еще в других местах...

— Тогда позволь мне приветствовать тебя, племянничек. Ты явился как раз в самый интересный момент, Рэндом, должно быть, уже рассказал тебе кое-что?

— Да, именно поэтому я и попросил встретиться с тобой здесь, а не там.

Я глянул на Рэндома.

— Последний дядя, которого видел Мартин, был Брэнд, — пояснил Рэндом, — и обстоятельства этого свидания, как ты

догадываешься, были не самые благоприятные. Так что вряд ли ты станешь винить его за выбор подобного места?

— Не стану. А с Брэндом я сам встречался чуть раньше. И не могу сказать, что безумно обрадовался этой встрече.

— Встречался?! — удивился Рэндом.

— Дело в том, что он сбежал из Амбера и выкрал на Земле Судный Камень. Если бы я знал заранее то, что знаю теперь, наш милый братец все еще сидел бы в своей башне. Он оказался самым опасным из нашей семейки.

Рэндом кивнул.

— Знаю, — сказал он. — Мартин подтвердил все наши подозрения: удар кинжалом ему действительно нанес Брэнд. Но что ты там такое говоришь насчет Камня?

— Просто он раньше меня успел попасть в то место, где я оставил Камень. Однако он должен был пройти с ним по Огненному Пути и как бы настроить его на себя, то есть установить с Камнем связь и получить возможность им пользоваться. Я вовремя успел помешать Брэнду сделать это. Впрочем, ему удалось бежать. А сейчас я был по ту сторону Колвира с Джерардом; мы послали целый сторожевой отряд на помощь Фионе, чтобы не дать ему вернуться и предпринять еще одну попытку на Подлинном Пути. Пути Амбера и Ребмы также находятся под охраной.

— Но зачем ему власть над этим Камнем? Чтобы поднять несколько ураганов? Черт возьми, да он может прогуляться в Царство Теней и устроить там любую бурю, какая ему по душе.

— Человек, настроенный на Судный Камень, может использовать его, чтобы разрушить Путь.

— Вот как? И что тогда будет?

— Наш мир, каким мы знаем его, погибнет.

— Вот как, — снова произнес Рэндом и добавил: — А ты откуда знаешь?

— Долгая история, некогда рассказывать, но я узнал ее от Дворкина, а в этом отношении я ему совершенно доверяю.

— Так он все еще где-то здесь?

— Позже поговорим и об этом, — сказал я.

— Ладно. Но Брэнд, должно быть, сошел с ума, если стремится сотворить такое!

Я кивнул.

— По-моему, он уверен, что сумеет создать новый Путь и новую Вселенную, потом стать ее властелином.

— А это возможно?

— Разве что чисто теоретически. Даже у Дворкина имелись определенные сомнения насчет возможности подобного деяния в данный момент. В тот, первый, раз комбинация различных факторов была уникальной... Да, я тоже полагаю, что Брэнд повредился в рассудке. Оглядываясь назад, вспоминая все перемены, происшедшие с его личностью, его затяжные циклические смены настроения... Похоже, у него всегда были некие шизофренические задатки. И я не уверен, не тесное ли общение с нашими врагами подтолкнуло Брэнда к опасному краю. Впрочем, это неважно. Сейчас мне больше всего хотелось бы вернуть его в ту башню. Жаль, что Джерард оказался таким хорошим лекарем.

— А ты знаешь, кто тогда пырнул его ножом?

— Фиона. Она и сама может рассказать тебе эту историю.

Рэндом оперся о плиту с написанной на ней эпитафией в мой адрес и покачал головой.

— Брэнд, — проговорил он. — Черт побери! Любой из нас мог бы сто раз убить его — в былые времена. Он ведь менял свою линию, только доведя кого-то до белого каления. И через некоторое время любому начинало казаться, что он, в конце концов, не так уж и плох. Жаль, что никто из нас ни разу так и не сорвался...

— Насколько я понимаю, он теперь ведет игру по всем правилам против вас? — вежливо спросил Мартин.

Я посмотрел на него. На щеках у юноши играли желваки, глаза были прищурены. Мне показалось, что за эти несколько секунд в его лице промелькнули лица всех нас, словно кто-то перебирал наши фамильные карты. Весь наш эгоизм, ненависть, зависть, гордость и бесчестье, казалось, отразились на его лице в одно мгновение, а ведь он еще и ногой не ступал на землю Амбера.

Что-то будто щелкнуло и прорвалось в моей душе, я протянул руки и крепко обнял его за плечи.

— У тебя есть все основания ненавидеть Брэнда, — сказал я, — и ответ на твой вопрос будет: «Да». Охотничий сезон открыт. Я не вижу иного способа. Брэнда надо уничтожить. Я сам часто испытывал ненависть к нему до тех пор, пока его

действия оставались лишь чем-то абстрактным. Но теперь все по-другому. Да, он должен быть убит. Только не позволяй собственной ненависти становиться для тебя чем-то вроде меты при вступлении в нашу компанию. Ненависти среди нас и так всегда предостаточно. Я смотрю на твое лицо... и не знаю... Прости, Мартин. Слишком многое меняется в нашем мире в эти часы. Ты еще так молод. Я же видел и пережил гораздо больше. И кое-что из того, что я видел, мучает и беспокоит меня — по-разному — до сих пор. Вот и все.

Я отпустил его плечи и отступил на шаг назад.

— Расскажи мне о себе, — попросил я.

— Долгое время я Амбера просто боялся, — начал Мартин, — и сейчас, по-моему, побаиваюсь. С тех самых пор, как Брэнд предательски напал на меня, я все задавался вопросом, не сможет ли он начать на меня охоту. Долгие годы я жил с оглядкой и, по-моему, боялся тогда всех вас. Многих членов семьи я знал только по картам да кое-что слышал — весьма нелестные отзывы, надо сказать. Я сказал Рэндому — то есть отцу, — что не хотел бы встречаться сразу со всеми, и он тогда предложил, чтобы сперва я встретился с тобой. Видимо, именно тебе будут особенно интересны некоторые вещи, которые стали известны мне. Когда я упомянул о них, отец сказал, что я должен повидаться с тобой как можно скорее. Он довольно подробно рассказывал мне о том, что здесь происходило, и... видишь ли, я кое-что знаю...

— Я уже понял это.

— Очень трудно решить, с какого места начинать... — пробормотал Мартин.

— Я знаю, что вырос ты в Ребме, что ты прошел по Огненному Пути, а потом использовал свою власть над Тенями, чтобы посетить Бенедикта в Авалоне, — сказал я. — Бенедикт более подробно рассказал тебе об Амбере и о Царстве Теней, научил тебя пользоваться нашими картами, потренировал в искусстве владения оружием. Позже ты отправился бродить по Царству Теней один. И я знаю, как поступил с тобой Брэнд. Вот, кратко, что мне о тебе известно.

Мартин кивнул и посмотрел в небо, куда-то на запад.

— Расставшись с Бенедиктом, я долгие годы путешествовал по Царству Теней, — начал он. — Это были счастливейшие времена в моей жизни, приключения, азарт, новые зна-

ния и новые дела... Где-то в глубине души я всегда был уверен, что, став умнее, сильнее и опытнее, непременно совершу путешествие в Амбер, непременно познакомлюсь со своими остальными родственниками. Но до меня успел добраться Брэнд.

Я расположился лагерем на склоне небольшого холма, просто отдыхая после долгой скачки, угощаясь обедом и намереваясь затем посетить своих друзей Текисов. И тут на связь со мной вышел Брэнд. Бенедикт уже научил меня пользоваться картами. Он даже порой переносил меня из одного места в другое, так что я знал, какие при этом возникают ощущения, знал, что здесь к чему. Ну и в данном случае было то же самое, и на мгновение я даже подумал, что это Бенедикт. Но нет. Это был Брэнд — я узнал его по рисунку на карте. Он стоял как раз посредине Огненного Пути. Все это показалось мне очень интересным, а кроме того, совершенно непонятно было, как он вышел на связь со мной: насколько мне известно, в колоде моей карты нет.

Брэнд поговорил со мной примерно с минуту — совершенно не помню, о чем, — а потом вдруг... предательски ударил меня кинжалом. Я оттолкнул его и сразу же постарался прервать контакт. Но он каким-то образом ухитрился поддерживать со мной связь еще некоторое время. И только потом мне наконец удалось блокировать его. Этому меня тоже научил Бенедикт. Однако Брэнд пробовал снова и снова и оставил свои попытки далеко не сразу. Я был недалеко от дома Текисов; мне удалось взобраться в седло и доехать до них. Я был уверен, что умру; никогда прежде я не бывал ранен так тяжело. Но спустя какое-то время начал поправляться. И тогда мне стало страшно: охватила уверенность в том, что Брэнд непременно отыщет меня и доведет начатое до конца.

— Почему же ты не связался с Бенедиктом, — спросил я, — и не рассказал ему ни о случившемся, ни о своих страхах?

— Я хотел это сделать, — ответил Мартин, — однако меня смущало то, до какой степени Брэнд уверен в том, что действительно убил меня. Я ведь не знал, сколь жестокая борьба за трон ведется в Амбере, но решил, что попытка убить меня имела к ней самое непосредственное отношение. Бенедикт достаточно много рассказал мне обо всей семье, так что это приходило в голову первым. И я решил, что лучше мне пока

считаться мертвым. Я спешно покинул Текисов, еще не успев окончательно поправиться, и затерялся в Царстве Теней.

Случайно я обратил внимание на одну странную вещь... Прежде это явление мне не встречалось, однако теперь оно, кажется, присутствует повсеместно: почти во всем Царстве Теней существует загадочная Черная Дорога, предстающая то в одном обличье, то в другом. Я был озадачен, а поскольку Дорога пронизывала все Царство Теней целиком, любопытство мое еще усилилось. И я решил пойти по ее извивам и побольше узнать о ней.

Это оказалось опасно. Очень скоро я научился относиться к Черной Дороге с большой осторожностью. По ночам там проплывали какие-то странной формы существа. А звери и растения из живого мира, попав на Дорогу, неизменно гибли. Так что я не подходил к ней ближе, чем это было необходимо, стараясь лишь держать ее в пределах видимости. Я прошел по многим мирам и быстро понял, что всюду Черная Дорога приносит с собой смерть, опустошение и несчастье. Я не знал, как же можно остановить ее.

Я был еще слишком слаб после ранения, — продолжал Мартин, — и слишком спешил, погоняя коня. И вот однажды вечером я свалился совсем больным и провалялся, укутавшись одеялом и дрожа, всю ночь и почти весь следующий день. Время от времени у меня начинался бред, и я впадал в беспамятство, так что не знаю точно, когда именно она появилась. Тогда она показалась мне сном наяву... Совсем юная девушка и очень хорошенькая. Она заботилась обо мне, пока я не стал поправляться. Ее имя было Дара. Мы с ней без конца разговаривали. Это очень приятно, когда есть с кем поговорить по душам... Я, должно быть, выложил ей о себе все. Тогда и она рассказала мне кое-что. Дара отнюдь не была уроженкой этих мест, а тоже путешествовала по Царству Теней. Она еще не умела проходить миры Царства Теней насквозь, как это делаем мы, хотя чувствовала, что способна этому научиться. Не менее уверенно она заявила, что кровным родством связана с правителями Амбера, а именно — с Бенедиктом. И ей действительно все было ужасно интересно. Средством передвижения Даре служила тогда сама Черная Дорога. На нее она почему-то не оказывала ни малейшего смертоносного воздействия — возможно, потому, что Дара приходилась родней также и тем, кто жил на дальнем конце Дороги, во Владениях Хаоса. Однако же она очень хотела жить по-нашему, так что я изо всех сил старался обучить ее всему, что знал сам. Я рассказал ей о Пути, даже нарисовал его. Я показал ей свою колоду карт — Бенедикт подарил мне одну — и объяснил, как выглядят остальные члены семейства. Особенно Дара почему-то заинтересовалась твоей картой.

— Начинаю понимать, — кивнул я. — Продолжай, пожалуйста.

— Она объяснила, что Янтарное Королевство, распадаясь и погрязнув в бесконечных грехах, нарушило некое метафизическое равновесие между этим миром и Владениями Хаоса. Ее народ теперь занят восстановлением содеянного, опустошая Амбер. Их место обитания — это не Тень Амбера, но настоящее государство со своими правами и законами. Между тем все миры Царства Теней страдают из-за Черной Дороги.

Поскольку мое знание Амбера тогда еще было весьма слабым, я мог только слушать. Сначала я принимал на веру все, что Дара говорила. Брэнд в моих глазах, естественно, полностью совпадал с обликом представителя того зла, которое, по ее словам, царило в Амбере. Но когда я упомянул о нем, она возразила: нет, ничего подобного. У нее на родине он считался кем-то вроде героя. Впрочем, в деталях она сомневалась, да и вообще ее это, по-моему, вовсе не волновало. Именно тогда я впервые и обратил внимание на чрезвычайную самоуверенность Дары — о чем бы она ни говорила, вокруг нее словно повисало некое безумие, какой-то фанатизм. Я вдруг заметил, что невольно пытаюсь защищать Амбер. Я вспомнил о Ллевелле, о Бенедикте и еще о Джерарде, которого несколько раз видел. Ей ужасно хотелось узнать побольше о Бенедикте — это, пожалуй, было самым слабым местом Дары. О Бенедикте я мог говорить достаточно уверенно, и она сама всегда готова была поверить всему хорошему, что я хотел сказать. Не знаю уж, каков оказался окончательный результат этих бесед, но, по-моему, она стала не такой самоуверенной ближе к концу...

— К концу? — спросил я. — Что ты хочешь этим сказать? Как долго она пробыла с тобой?

— Почти неделю, — ответил Мартин. — Она сразу пообещала, что останется со мной, пока я не поправлюсь, и свое обещание сдержала. Вообще-то Дара задержалась немного

дольше, чем то было необходимо. Отчасти чтобы окончательно убедиться, что я чувствую себя хорошо. Но мне кажется, на самом деле ей просто хотелось еще поговорить. В конце концов, однако, она сказала, что должна ехать дальше. Я просил ее остаться со мной, она отказалась. Я готов был сопровождать ее куда угодно, но она не разрешила. Она, должно быть, догадалась, что я в любом случае попытаюсь последовать за нею, так что ускользнула украдкой, среди ночи. Черная Дорога была для меня заповедной, и я понятия не имел, куда именно теперь направилась Дара, хотя, по ее словам, стремилась она в Янтарное Королевство. Обнаружив утром, что она исчезла, я какое-то время и сам подумывал о возвращении в Амбер. Но все еще боялся. Возможно, кое-что из рассказанного Дарой усилило мои страхи.

Как бы то ни было, пока я решил остаться в Царстве Теней. Я продолжил свое путешествие, многое повидал, многое пытался понять, а потом меня разыскал Рэндом и предложил вернуться домой. Однако сперва он перенес меня сюда, чтобы я встретился здесь с тобой. Он хотел, чтобы ты выслушал мою историю, прежде чем тебе станет что-то известно от других. Он сказал, что ты был знаком с Дарой и не прочь узнать о ней побольше. Надеюсь, какую-то лепту я в это внес?

— Да, — кивнул я. — Спасибо тебе.

— Насколько я понял, Дара все-таки действительно прошла по Огненному Пути?

— Да, ей это удалось.

— И после этого она объявила себя врагом Амбера?

— Верно.

— Надеюсь, — сказал он, — что это не принесет ей зла. Она была так добра ко мне.

— Видишь ли, Дара вполне способна позаботиться о себе, — произнес я. — Однако... да, она действительно очень приятная девушка. Я ничего не могу обещать тебе относительно ее безопасности, ибо по-прежнему знаю о ней слишком мало — прежде всего о ее участии в том, что сейчас происходит. И тем не менее твой рассказ очень помог мне. Теперь Дара скорее представляется мне личностью, способной сомневаться и склоняться в сторону добра.

Мартин улыбнулся:

— Я рад услышать это.

Я пожал плечами:

— Ну а что ты сам собираешься теперь делать?

— Сперва я бы хотел, чтобы он повидался с Вайол, — вставил Рэндом, — ну а потом, возможно, и с остальными, если позволят время и стечение обстоятельств. Но если на нас свалится что-нибудь новенькое и я немедленно потребуюсь тебе...

— Уже свалилось, — сказал я, — но ты мне, пожалуй, сейчас пока не нужен. Назначим свидание чуть позже. У меня еще есть немного времени.

Пока я рассказывал Рэндому о случившемся с момента его отъезда, я все время думал о Мартине. Пока что юноша был для меня полной загадкой. Его история весьма походила на правду, да я и сам, пожалуй, чувствовал, что это чистая правда. С другой стороны, мне казалось, что это не вся правда, что он намеренно утаивает что-то — возможно, что-нибудь совершенно невинное. А если нет? У него ведь нет никаких особых причин любить нас. Как раз наоборот. И Рэндом, вполне возможно, привез домой троянского коня. Но, может быть, заблуждаюсь как раз я — только потому, что никогда никому не доверяю, если возможны альтернативные варианты.

И все же ничто из того, что я сейчас говорил Рэндому, не могло по-настоящему быть использовано против нас, и вряд ли Мартин способен был нанести нам такой уж вред, если даже это и входило в его намерения. Нет, скорее он просто столь же уклончив в ответах, как и все мы; и в основном по тем же причинам: страх и стремление к самосохранению.

Повинуясь внезапному порыву, я спросил его:

— А после этого ты когда-нибудь еще встречался с Дарой?

Мартин покраснел.

— Нет, — ответил он как-то слишком быстро. — Только один раз, тогда.

— Понятно, — промолвил я, и Рэндом, отличный игрок в покер, не мог не заметить моей реакции. Таким образом я просто на всякий случай позаботился о нашей безопасности и весьма недорогой, надо сказать, ценой: всего лишь заставив отца остерегаться своего утраченного было и только что вновь обретенного сына.

Я быстро перевел разговор на Брэнда. И в тот момент, когда мы сопоставляли свои знания в области психопатологии, я почувствовал легкое покалывание во всем теле и ощу-

щение чьего-то присутствия: кто-то выходил со мной на связь с помощью фамильных карт. Я поднял руку и отвернулся.

Через несколько секунд связь была установлена, и мы с Ганелоном посмотрели друг другу в глаза.

— Корвин! — обрадовался он. — Мне захотелось проверить, что мы имеем на сегодня: у кого из вас Камень, у тебя или у Брэнда, или вы оба все еще его ищете? Ну так как?

— Камень у Брэнда, — ответил я.

— Жаль, — посетовал он. — Что ж, расскажи, как это случилось.

Что я и сделал.

— Значит, Джерард сказал мне правду, — заявил Ганелон.

— Так ты уже слышал об этом?

— Не так подробно, — не смущаясь, ответил он. — А мне хотелось быть уверенным в мельчайших подробностях. Между прочим, с Джерардом я поговорил только что. — Он посмотрел куда-то вверх. — Пожалуй, тебе пора уходить отсюда, если я кое-что еще помню о восходящей луне.

Я кивнул:

— Да, я скоро пойду прямо к Лестнице. Это ведь совсем недалеко.

— Хорошо. А теперь вот что ты должен сделать...

— Я сам знаю, что я должен сделать, — отрезал я. — Я должен подняться в Тир-на Ног'тх до того, как туда доберется Брэнд, и заблокировать для него выход на Путь. Если мне это не удастся, то я буду вынужден снова охотиться на моего милого брата в извилинах Огненного Пути.

— М-да, не слишком веселая затея, — пробормотал Ганелон.

— Можешь предложить что-нибудь лучше?

— Да, кое-что. У тебя семейные карты с собой?

— Конечно.

— Хорошо. Во-первых, ты все равно не успеешь попасть туда вовремя, чтобы заблокировать ему выход на Путь...

— Почему же нет?

— Тебе нужно будет совершить восхождение, потом пройти через весь дворец и спуститься вниз, к началу Пути. На это требуется немало времени даже в Тир-на Ног'тхе — особенно в Тир-на Ног'тхе, где время вечно выкидывает всякие фокусы. Ты же сам знаешь, там тебя может поджидать, например,

чье-то тайное пожелание твоей смерти, и это, безусловно, замедлит продвижение к цели... Ну, я не знаю, что бы там ни было, Брэнд непременно доберется до начала Пути раньше тебя. И даже, возможно, на этот раз успеет уйти так далеко, что тебе будет его не догнать.

— Надеюсь, что он достаточно утомлен, и это несколько замедлит его продвижение.

— Вот уж не думаю. Поставь на его место себя: ведь так просто отправиться в Царство Теней, где время течет иначе, и вместо нескольких часов с утра до полудня получить несколько дней, чтобы как следует отдохнуть перед тем тяжким испытанием. Надежнее было бы предположить, что Брэнд все-таки будет в хорошей форме.

— Ты прав, — кивнул я. — На его усталость рассчитывать не стоит. Ну ладно. Есть у меня и еще один вариант, но я, пожалуй, не стал бы его использовать, если бы этого можно было избежать; дело в том, что Брэнда можно убить и на расстоянии. Взять с собой арбалет или ружье и просто-напросто застрелить его на середине Пути. Но в этом варианте меня очень беспокоит воздействие крови принцев Амбера на Истинный Путь. Возможно, конечно, что при этом миропорядок в Амбере и Ребме останется прежним, однако я совсем в этом не уверен.

— Верно, этого ты не знаешь, — сказал Ганелон. — Да и я бы не хотел, чтобы ты полагался на обычное оружие. Это ведь очень странное место. Ты сам говорил мне, что больше всего оно похоже на некий загадочный город из Царства Теней, что плывет в небесах. Даже если ты и придумал, как можно пользоваться ружейным огнем в Амбере, то на небесах эти правила, возможно, совсем непригодны.

— Да, дело связано с большим риском, — признал я.

— Что же касается арбалета, то каждый раз может неожиданно возникать сильный порыв ветра и относить стрелу в сторону...

— Боюсь, я не совсем тебя понимаю.

— Судный Камень. Брэнд к этому времени уже пройдет с ним значительную часть Подлинного Пути; да и до того у него было предостаточно времени, чтобы поэкспериментировать. Как ты думаешь, возможно ли, что Брэнд уже отчасти настроен на него?

— Не знаю. Я не так уж хорошо разбираюсь во взаимодействии Судного Камня с людьми.

— Я всего лишь хотел подчеркнуть возможность того, что Брэнд в таком случае сумеет как-то воспользоваться им для самозащиты. У Камня, наверно, есть и еще какие-то свойства, о которых ты понятия не имеешь. Это я все к тому, что вряд ли можно рассчитывать убить Брэнда с какого-то расстояния. И на твоем месте я бы даже не стал пытаться вновь проделать тот же трюк с Камнем, как в первый раз — во всяком случае, если Брэнд уже приобрел некоторую степень контроля над ним.

— Ты действительно представляешь себе все куда более мрачно, чем я.

— Зато более реалистично, — возразил Ганелон.

— Допустим. Продолжай. Ты говорил, у тебя и план есть какой-то?

— Верно, есть и план. По-моему, Брэнду вообще нельзя позволить добраться до начала Пути, ибо, если он только ступит на него, возможность катастрофы увеличится невероятно.

— И ты считаешь, что я могу не успеть туда вовремя, чтобы помешать ему?

— Не успеешь, если он действительно способен мгновенно передвигаться в пространстве, в отличие от тебя. Я считаю, что он просто ждет восхода луны, и как только город обретет форму, окажется там, внутри, совсем рядом с началом Пути.

— Мне понятна твоя основная мысль, но это не ответ.

— Ответ таков: ты не станешь пытаться проникнуть в Тир-на Ног'тх сегодня ночью.

— Погоди-ка минутку! Что ты городишь?

— Сам погоди, черт возьми! У тебя есть гениальный стратег, ты сам притащил меня сюда, так лучше слушай, что тебе говорят.

— Ладно, ладно, слушаю.

— Итак, ты, кажется, уже допускаешь, что можешь не успеть добраться в Небесный Город вовремя. Но это может кто-то другой.

— Кто и каким образом?

— Значит, так. Я только что разговаривал с Бенедиктом. Он уже вернулся и в данный момент находится в Амбере, в Зале Пути. По всей вероятности, он как раз добрался до его

середины и стоит там, ожидая. Ты доберешься до подножия Лестницы, ведущей в Небесный Город. Там ты дождешься восхода луны и, как только Тир-на Ног'тх обретет форму, выйдешь на связь с Бенедиктом с помощью карты. В этот момент он, пользуясь могуществом Пути Амбера, перенесет себя на то же место Пути в Тир-на Ног'тхе. И тогда будет неважно, с какой скоростью способен передвигаться Брэнд: ему все равно не обогнать Бенедикта.

— Так, для меня все преимущества налицо, — сказал я. — Это действительно самый быстрый способ, а Бенедикт безусловно настоящий мужчина и отлично владеет мечом. У него не возникнет особых трудностей в поединке с Брэндом.

— А ты уверен, что Брэнд не постарается как-то еще себя обезопасить? — спросил Ганелон. — Судя по всему услышанному об этом человеке, можно сделать вывод, что он необычайно умен и подозрителен, даже если и считается сумасшедшим. Он запросто может предвидеть подобную ловушку.

— Не исключено. А как по-твоему, что он тогда предпримет?

Ганелон взмахнул рукой так, будто ловил что-то в воздухе, потом шлепнул себя по шее и улыбнулся.

— Жучок, — пояснил он. — Извини, пожалуйста. До чего надоедливое насекомое!

— Ты все-таки считаешь...

— Я считаю, что тебе необходимо все это время поддерживать контакт с Бенедиктом, пока он будет в Небесном Городе. Если Брэнд одержит победу, придется срочно спасать Бенедикта и перетаскивать его сюда.

— Естественно. Но тогда...

— Тогда мы проиграем первый раунд, что вполне допустимо. Это ведь не вся игра. Даже если Брэнду удастся как следует настроиться на Судный Камень, ему все равно необходимо будет попасть в центр Подлинного Пути, чтобы с помощью Камня разрушить основу нашего мира. Ну а тебе придется позаботиться о том, чтобы он даже не ступил на Подлинный Путь.

— Да, — сказал я, — по-моему, ты учел абсолютно все. И как быстро ты это придумал, однако!

— У меня недавно образовалась куча свободного времени, а это может оказаться весьма неприятным, если не занять себя

решением всяких умных загадок. Вот я и занял. А теперь, по-моему, тебе нужно поскорее отправляться в путь. День клонится к вечеру.

— Хорошо, сейчас отправлюсь, — сказал я. — И спасибо тебе за отличный совет.

— Прибереги свою благодарность на потом. Еще неизвестно, что из всего этого выйдет, — возразил Ганелон и прервал контакт.

— Разговор, кажется, был очень важным? — спросил Рэндом. — Что-нибудь случилось?

— Да уж, — вздохнул я, — но у меня совсем не осталось времени, так что придется тебе подождать до утра, когда наконец представится возможность все рассказать спокойно.

— Я могу чем-то помочь тебе?

— Вообще-то да, — кивнул я. — Для этого тебе либо нужно сесть вместе с Мартином на одну лошадь, либо связаться с Джерардом с помощью карты и попросить его прислать тебе другого коня. Мне нужен мой Стар.

— О чем разговор! — воскликнул Рэндом. — И это все?

— Да. Сейчас исход зависит от нашей расторопности.

Мы бросились к своим лошадям.

Я потрепал Стара по шее и вскочил в седло.

— Увидимся в Амбере! — крикнул Рэндом. — Удачи тебе!

— Да, непременно в Амбере, — сказал я. — Спасибо за Стара.

Я развернулся и направился прочь от моей гробницы туда, где начиналась Лестница. Ставшие совсем длинными тени протянулись теперь, казалось, до самого горизонта на востоке.

Глава 13

На самой вершине Колвира есть нагромождение скал, напоминающее три гигантские ступени. Я сел на нижнюю из них и стал ждать, пока надо мной не появится в небесах призрак города. Прежде всего для этого нужна была лунная ночь, что, можно сказать, наполовину уже имелось.

На западе и северо-востоке собирались облака. Я хмуро посматривал на них. Если они сгустятся до такой степени, что

полностью закроют луну, то Тир-на Ног'тх исчезнет, растает, превратится в ничто. Именно поэтому путешествующему туда всегда желательно иметь на земле помощника, способного благополучно вернуть его на землю с помощью карты, если город вдруг начнет исчезать.

Небо над головой, однако, было чистым, и в нем сверкали знакомые звезды. Когда взойдет луна и ее свет упадет на ту скалу, где я примостился, в небесах возникнет Лестница, спускающаяся с невероятной высоты, из Тир-на Ног'тха, из отраженного в небе Амбера.

Я чувствовал, как сильно устал. Слишком многое успело случиться со мной за столь короткий промежуток времени. Так что, получив возможность немного отдохнуть, снять сапоги, растереть ступни, откинуться назад и поудобнее уложить голову, хотя бы и на камень, я испытал чисто животное наслаждение, а холодный камень показался мне царским ложем. Я прикрылся плащом, ибо воздух становился все холоднее. Горячая ванна, полный обед, постель — вот что было бы лучше всего, однако все это казалось мне почти несбыточным при данных обстоятельствах. Так что теперешнего краткого отдыха было более чем достаточно; можно наконец позволить мыслям несколько замедлить свой бег и плыть по течению; можно позволить себе как бы со стороны взглянуть на события минувшего дня.

Господи, сколько же всего успело случиться!.. Но теперь, по крайней мере, у меня имелись ответы на некоторые из мучительных вопросов. Разумеется, не на все. Однако их было вполне достаточно, чтобы удовлетворить мои запросы хотя бы на какое-то время... И теперь я примерно представлял, что происходило здесь во время моего отсутствия, и гораздо лучше понимал происходившее в данный момент, и даже представлял себе кое-что из того, что именно мне необходимо будет сделать впоследствии... Почему-то у меня было такое ощущение, что знаю я гораздо больше, чем мне кажется, что я уже обладаю всеми необходимыми кусочками, что способны заполнить пустые пространства в разрастающейся вокруг меня головоломке, если их правильно повернуть и вставить. То, с какой скоростью развивались события, особенно сегодняшние, не позволяло мне ни минуты как следует подумать. А теперь некоторые из этих «кусочков» добытых мной знаний, по-

хоже, уже начинали поворачиваться под каким-то странным углом...

Меня отвлекло оживление за плечом — это едва заметно посветлели небеса, предвещая скорое появление луны. Обернувшись, я встал на ноги и осмотрел горизонт. Призрачный лунный свет уже разлился над морем. Я напряженно ждал, и вот крошечный серпик возник в небесах. Облака, правда, тоже немного сдвинулись, хотя и не настолько, чтобы вызвать опасения. Впрочем, ожидаемого явления в зените пока еще не наблюдалось. И все же я вытащил свою колоду, перетасовал и вынул из нее карту Бенедикта.

И думать забыв об отдыхе, я внимательно смотрел на карту, видя, как над водой все шире разливается серебристое свечение, а на волнах начинает посверкивать лунная дорожка. Слабо видимые очертания города вдруг закачались высоко в небесной вышине. Чем ярче светила луна, тем чаще по линиям города-призрака то тут то там пробегали искры. Тир-на Ног'тх становился виден все более отчетливо. Я по-прежнему внимательно смотрел на карту Бенедикта, стремясь установить с ним контакт...

Он был в Зале Пути; стоял как раз на самой середине. Зажженный фонарь поблескивал у его левой ноги. Он узнал меня.

— Корвин, — спросил он, — что, уже пора?

— Не совсем, — сказал я. — Но луна уже встает. Город, правда, только еще начинает обретать форму. Впрочем, ждать придется недолго. Я просто хотел убедиться, что ты готов.

— Я готов, — эхом откликнулся Бенедикт.

— Хорошо, что ты успел вернуться! Узнал что-нибудь интересное?

— Меня отозвал Ганелон, — сказал он. — Знаешь, его план показался мне очень неплохим, именно поэтому я и здесь. Что же касается моего путешествия во Владения Хаоса, то, по-моему, я действительно кое-что узнал...

— Минутку, — прервал я его.

Сотканный из лунных лучей город приобретал все более ясные очертания. Теперь он был отчетливо виден прямо у меня над головой. Появилась и Лестница, хотя она в некоторых местах казалась бледнее и прозрачнее, чем в остальных.

Я так и потянулся к ней, чтобы хоть на миг погасить жажду своей души...

Холодный, спокойный, я ступил было на четвертую ступень, однако она, как мне показалось, чуть подалась под моими ногами.

— Скоро начнется, — сказал я Бенедикту. — Сейчас собираюсь испытать Лестницу. Будь готов.

Он кивнул.

Я поднялся по каменным ступеням — раз, два, три, — потом приподнял ногу и опустил ее на четвертую, почти прозрачную ступень. Она легонько качнулась. Я не решался встать на нее обеими ногами и ждал, наблюдая за луной и вдыхая холодный воздух.

Лунная дорожка на воде становилась все шире; посмотрев вверх, я увидел, что Тир-на Ног'тх несколько утратил свою прозрачность. Звезды за ним были почти не видны. За эти мгновения и ступень под моей ногой стала тверже. Упругость ее исчезла. Я чувствовал, что теперь она способна выдержать мой вес.

Я пробежал глазами по Лестнице снизу доверху и увидел ее во всей красе: кое-где она казалась совершенно непрозрачной и плотной, в других местах чуть просвечивала и посверкивала искрами, но все же представляла собой сейчас единое целое. Лестница вела прямо в молчаливый город, что плыл в небесах над морем.

Я поднял вторую ногу и опустил ее на ступень. Захоти я этого сейчас, Лестница могла бы послать меня в такое место, где сны становятся реальностью, где бродят порождения неврозов, где всем правят сомнительные пророчества — в залитый лунным светом город, где осуществляются двусмысленные желания, где время совершенно искажено и где все сияет бледной неземной красотой.

Я снова сошел на землю и посмотрел на луну, теперь находившуюся в самой высшей своей точке, потом взглянул на карту Бенедикта.

— Лестница обрела прочность, луна взошла, — сказал я.

— Хорошо, иду.

Я видел его там, в самом центре Пути. Он поднял зажатый в левой руке фонарь и какое-то мгновение стоял совершенно неподвижно. Еще один миг — и он исчез, исчез и Огненный

Путь Амбера. Через несколько секунд Бенедикт появился почти в таком же зале, только у края Пути, в самом его начале. Он высоко поднял фонарь и огляделся. В зале он был один.

Бенедикт подошел к стене и прислонил к ней фонарь. Его тень протянулась от фонаря по направлению к Пути, резко метнулась по стене, когда он крутанулся на каблуках и вернулся к исходной позиции в начале Пути.

Этот Путь, заметил я, светился более бледно, чем тот, что в Амбере, — серебристо-белый, без малейшей примеси голубизны. Очертания его были теми же, однако призрачный город проделывал странные фокусы с перспективой. Мне мерещились там какие-то неровности, сужения, расширения, которые будто постоянно двигались и менялись местами без всякой видимой причины, как бы скользя по поверхности Пути — словно я рассматривал его через бракованную линзу, а не через карту Бенедикта.

Я вернулся на землю и сел на самую нижнюю каменную ступень, продолжая наблюдать. Бенедикт приготовил меч.

— Тебе известно о воздействии крови принцев Амбера на Путь? — спросил я.

— Да. Ганелон сказал мне.

— Ты когда-нибудь подозревал... что-нибудь в этом роде?

— Я никогда не доверял Брэнду, — услышал я вместо ответа.

— Ну а что же узнал ты во время своего путешествия во Владения Хаоса?

— Поговорим потом, Корвин. Теперь он может появиться с минуты на минуту.

— Надеюсь, никаких отвлекающих видений у тебя не возникнет, — сказал я, вспоминая свое собственное путешествие в Тир-на Ног'тх и участие Бенедикта в моих приключениях там.

Он пожал плечами:

— Они обретают силу тогда, когда на них обращаешь чрезмерное внимание. А мое внимание сегодня целиком поглощено одним.

Бенедикт медленно повернулся, снова внимательно оглядев зал.

— Интересно, а он знает, что ты здесь? — спросил я.

— Возможно. Но это не имеет значения.

Я кивнул. Если Брэнд до сих пор не появился, то мы выиграли день. Остальные Пути охраняемы; в крайнем случае Фиона получит возможность продемонстрировать свое собственное мастерство и колдовские способности, чтобы отыскать Брэнда. И уж тогда он от нас не уйдет, Фиона и Блейз уже однажды сумели его остановить. Сможет ли она сделать это одна? Или же нам придется отыскать Блейза и попытаться убедить его в необходимости помочь нам? А может, Блейза отыскал Брэнд?.. Интересно все-таки, за каким чертом понадобилось Брэнду такое могущество? Для чего? Желание сесть на королевский трон было мне понятно. Но все остальное... Нет, этот человек сумасшедший, и хватит об этом. Очень и очень жаль, однако ничего не поделаешь. Интересно, это у него наследственное или вызвано стечением обстоятельств и окружением? Я сухо резюмировал, что все мы до какой-то степени поражены подобным безумием. Если честно, то лишь безумцу, который и без того имеет слишком много, так сильно и с такой горечью хочется прибавить еще больше и хоть чуточку возвыситься над остальными. У Брэнда эта мания развилась максимально, вот и все. Он был как бы нашей общей карикатурой в своем стремлении к величию. И с этой точки зрения так ли уж важно, кто из нас стал предателем?

Да, Брэнд оказался именно тем, кто совершил этот ужасный поступок. Безумный или нет, но он зашел слишком далеко. Ничего подобного никогда бы не сделали ни Эрик, ни Джулиан, ни я. Блейз и Фиона в конце концов порвали с ним, ибо его идеи стали приобретать угрожающие формы. Джерард и Бенедикт всегда были капельку старше всех нас — в моральном отношении прежде всего, а потому сами себя исключили из этой бессмысленной игры в захват власти. За последние годы весьма сильно изменился Рэндом. Неужели нам, детям Единорога, потребовались века, чтобы наконец стать взрослыми? Неужели мы все это время постепенно взрослели, хотя и очень медленно, и одного Брэнда этот процесс почему-то не коснулся? А может быть, напротив, именно Брэнд своими выходками способствовал нашему процессу созревания?

Таких вопросов всегда сразу возникает множество, да только ответить на них очень трудно. В конце концов, все мы в достаточной степени похожи на Брэнда, все обладаем неким особым чувством страха, свойственным только нашему се-

мейству. И все-таки, какова бы ни была конкретная причина, Брэнд оказался единственным, кто пошел на такое.

Луна поднялась совсем высоко: свет ее вызывал в моей душе видение Зала Пути. Облака продолжали сгущаться и стягиваться все ближе к луне. Я хотел было сообщить об этом Бенедикту, потом решил не отвлекать его. Тир-на Ног'тх плыл надо мной, подобный некоей сверхъестественной радуге над океанами ночи...

И тут неожиданно появился Брэнд.

Я машинально сжал рукоять Грейсвандира, хотя отлично сознавал, что в данный момент Брэнд стоит напротив Бенедикта по другую сторону Пути в темном зале высоко в небесах.

Я опустил руку. Бенедикт, конечно же, сразу почувствовал присутствие врага и повернулся к нему лицом. Он не сделал ни шагу к лежавшему у стены мечу, а просто внимательно смотрел через зал на Брэнда, нашего с ним родного брата.

Честно говоря, я опасался, что Брэнд, исхитрившись, возникнет прямо у Бенедикта за спиной и сразу попытается нанести ему предательский удар. Я-то бы на его месте и пробовать не стал: даже умирая, Бенедикт вполне способен отправить своего убийцу на тот свет.

Совершенно очевидно, что и Брэнд это понимал и не испытывал желания действовать исподтишка.

Брэнд улыбнулся.

— Это ты, Бенедикт? — спросил он. — Что ж, чудесно...

Судный Камень, висевший у него на шее, яростно светился.

— Брэнд, — сказал Бенедикт, — тебе лучше даже не начинать.

По-прежнему улыбаясь, Брэнд расстегнул ремень, и тот вместе с мечом упал на пол. Когда затихло эхо, он произнес:

— Я ведь не дурак, Бенедикт. Еще не родился на свет человек, способный победить тебя в поединке на мечах.

— Мне не нужен меч, Брэнд.

Брэнд медленно двинулся по внешней границе Пути.

— И все же ты всегда вооружен мечом, как если бы служил трону Амбера. А ведь ты мог бы восседать на нем королем.

— Я никогда особенно к этому не стремился.

— Верно... — Брэнд помолчал, постоял и сделал несколько шагов по периметру зала. — Преданный, исполненный самоуничижения... Да, ты совсем не изменился. Жаль, что отец успел воспитать тебя именно таким. Ты мог бы пойти гораздо дальше!

— У меня есть все, что мне нужно, — сказал Бенедикт.

— В тебе задушили желания, слишком рано отсекли от семейных притязаний.

— Не заговаривай мне зубы, Брэнд. И не провоцируй меня.

Все еще улыбаясь, Брэнд медленно двинулся к нему. Интересно, что все-таки он задумал?

— Ты знаешь: я умею кое-что, чего не умеет никто из остальных, — говорил Брэнд. — Если у тебя есть какое-нибудь неосуществимое желание, например, то я предоставляю тебе возможность назвать его и понять, насколько ты в отношении меня был не прав. Я научился делать такие вещи, в которые ты вряд ли поверишь.

Бенедикт улыбнулся одной из своих редких улыбок.

— Ты выбрал неверный способ, — сказал он. — Я и сам сумею получить все, что захочу.

— В Царстве Теней! — взревел Брэнд, резко останавливаясь. — Там любой из вас способен обрести фантом собственной мечты!.. Я же говорю о реальности! Об Амбере! О власти! О Владениях Хаоса! А не о мечтах наяву, представших во плоти здесь, в Небесном Городе! Я не желаю быть вторым после первого, я стану самым первым!

— Если бы я хотел иметь больше, чем имею, то знал бы, что делать. Как видишь, я пока что не сделал ничего, — ответил Бенедикт.

Брэнд засмеялся и снова двинулся вперед. Он уже обошел зал вдоль кромки Пути примерно на четверть. Судный Камень у него на груди сиял все ярче. Голос его звенел.

— Ты просто глупец, ибо носишь эти оковы по собственной воле! Но если ничто в Королевстве не взывает к тебе, если власть ни в коей мере для тебя не притягательна, то что ты скажешь о Великих Знаниях? Я сумел постичь всю мудрость Дворкина и с тех пор весьма преуспел, хотя и расплатился черными делами за лучшее познание сущности Вселенной. А ты мог бы теперь получить эти знания, не платя такой цены.

— Всему своя цена, — сказал Бенедикт. — Но эту цену я платить не стану.

Брэнд покачал головой и взлохматил волосы. Тут изобра-

жение Пути как-то заколебалось, словно клочок облака на миг закрыл свет луны. Тир-на Ног'тх слегка потемнел, потом снова засветился с прежней яркостью.

— Да, ты говоришь то, что думаешь, — промолвил Брэнд, явно не заметив этого мимолетного затмения. — Что ж, больше не буду тебя испытывать. Однако попытаться я был должен. — Он снова остановился, уставившись на Бенедикта. — Ты слишком хороший человек, брат, чтобы тратить себя на заварившуюся в нашем Королевстве кашу и защищать то, что безусловно обречено на провал. Учти, Бенедикт: я намерен одержать победу. Затем уничтожить Амбер и старый миропорядок и создать нечто новое. Да, я намерен стереть старый Путь и проложить свой собственный. Если хочешь, оставайся на моей стороне. Я буду рад, если ты станешь моим союзником. Я собираюсь создать идеальный мир, гораздо теснее связанный с Царством Теней. А впоследствии я намерен слить Амбер с Владениями Хаоса. Ибо хочу расширить этот мир, пронизать линиями Пути все Царство Теней. Ну а ты смог бы командовать нашими легионами, самой могущественной армией, когда-либо существовавшей во Вселенной. Ты...

— Но если твой новый мир будет абсолютно идеальным, что следует из твоих же слов, Брэнд, то какова нужда в огромных армиях?.. Однако если он всего лишь будет отражать представления своего создателя, то мне думается, что он станет гораздо хуже того, что существует ныне. Благодарю тебя за лестное предложение, однако я по-прежнему принадлежу и служу нашему Королевству.

— Ты дурак, Бенедикт! Я понимаю, намерения у тебя благие, однако же ты полный дурак!

Брэнд снова начал осторожно продвигаться вперед. До Бенедикта ему оставалось уже не больше сорока футов... потом тридцати... Он продолжал идти. Затем остановился шагах в десяти, сунул большие пальцы за пояс и молча уставился на него. Бенедикт тоже смотрел ему прямо в глаза. Я снова обратил внимание на облака, ибо длинная гряда их продолжала надвигаться на сияющую луну. Пока что я был уверен, что в любую минуту смогу вызволить Бенедикта из Небесного Города. И решил сейчас его не беспокоить.

— Слушай, а почему ты просто не подойдешь и не прирежешь меня? — спросил наконец Брэнд. — Я ведь совершенно

безоружен, это не составит тебе труда. Разве имеет значение то, что в наших жилах течет одна и та же кровь? Чего ты ждешь?

— Я ведь уже сказал, что не желаю тебе зла, — ответил Бенедикт.

— И все же совершенно готов к поединку, если я попытаюсь перебежать тебе путь?

Бенедикт молча кивнул.

— Ну согласись, что ты боишься меня, Бенедикт, а? Да и все вы меня боитесь! Даже когда я делаю шаг по направлению к тебе — безоружный, как сейчас, — у тебя что-то сжимается под ложечкой, признайся? Ты же видишь, как я доверяю тебе, и не желаешь понимать этого. Значит, ты все-таки боишься. — Бенедикт не ответил. — ...И еще ты боишься моей крови на своих руках, — продолжал Брэнд, — боишься моего предсмертного проклятия...

— А ты не боялся пролитой тобой крови Мартина? — спросил Бенедикт.

— А, этот щенок? Ублюдок! — заявил Брэнд. — Он, в сущности, и в игре-то не имеет права участвовать. Всего лишь пешка.

— Послушай, у меня нет ни малейшего желания убивать родного брата. Отдай мне камушек, который ты носишь на шее, и мы вместе вернемся в Амбер. Еще не поздно все исправить, Брэнд!

Брэнд, откинув голову, рассмеялся:

— Ах, какие благородные речи! Ты всегда был благороден, Бенедикт! Прямо настоящий король! Ты просто заставляешь меня стыдиться из-за твоего чрезмерного великодушия!.. Но вот вопрос: какова же главная цель всего этого? — Он погладил рукой Судный Камень. — Хочешь заполучить камушек? — Он снова засмеялся и сделал еще пару шагов. — Вот эту безделушку? Неужели, если я добровольно отдам его тебе, то куплю для всего Королевства мир, покой и порядок? А заодно и выкуплю собственную жизнь, верно?

Брэнд снова остановился, теперь уже не больше чем в десяти футах от Бенедикта. Поднял Камень, зажав его в пальцах, и посмотрел на него.

— А ты знаешь полную силу этой штуковины? — спросил он.

— В достаточной сте... — начал было Бенедикт, и голос его прервался.

Брэнд поспешно сделал еще шаг вперед. Камень ярко освещал его лицо. Рука Бенедикта потянулась к мечу, однако меч оказался вне пределов его досягаемости, и теперь он стоял напряженно, словно вдруг превратившись в статую. Тут я наконец догадался, в чем дело, однако было слишком поздно.

Ничто из тех слов, которые наговорил перед этим Брэнд, не имело ни малейшего смысла. То была обычная болтовня, отвлекающий маневр перед основным ударом. Он действительно успел отчасти настроиться на Камень, и даже эти ограниченные возможности позволяли ему побудить Камень к действию, причем последствия этих действий, естественно, были мне совершенно неизвестны, тогда как он сам их представлял себе прекрасно с самого начала. Брэнд, соблюдая осторожность, появился в Зале Пути подальше от Бенедикта, попробовал Камень, а затем, подходя все ближе, снова и снова пробовал его, пока не нашел ту точку, откуда Камень мог оказать наиболее сильное воздействие на нервную систему Бенедикта.

— Бенедикт, — сказал я ему, — тебе лучше перебраться ко мне, становится опасно.

И я, сосредоточившись, напряг всю свою волю, однако Бенедикт даже не пошевелился и ни слова мне не ответил. Карта его все еще действовала, благодаря ей я наблюдал все происходящее, но не мог добраться до Бенедикта. Камень, очевидно, воздействовал на него гораздо сильнее, причем не только подавляя двигательные функции.

Я снова посмотрел на облака. Они быстро сгущались, стремясь закрыть луну. Видимо, вскоре так и случится, и если я не сумею до того вытащить Бенедикта, то он непременно упадет прямо в море, как только Тир-на Ног'тх исчезнет. Оставалось надеяться, что если Брэнд заметит облака, то, возможно, рассеет их с помощью Камня. Однако тогда ему пришлось бы отвлечься от Бенедикта, может быть, даже освободить его... Я сомневался, что он на это пойдет. И все же... Облака вроде бы несколько замедлили свой бег.

Я вытащил из колоды карту Брэнда и на всякий случай отложил ее в сторону.

— Эх, Бенедикт, Бенедикт, — сказал, улыбаясь, Брэнд, — велика ли польза от твоего искусства, если ты даже не в состоянии сдвинуться с места и взять клинок? Я же говорил, что ты

болван. Неужели ты надеялся, что я по собственной воле дам тебе зарезать меня? Тебе следовало бы поверить тому страху, который ты испытывал. Тебе следовало бы догадаться, что без мощной поддержки я даже не войду в этот зал. Я ведь именно это имел в виду, когда честно предупредил, что намерен одержать победу. Для меня ты, правда, замечательный вариант, самый лучший из всех возможных. И я действительно хотел, чтобы ты принял мое предложение. Но теперь это уже совсем неважно. Меня нельзя остановить. И ни у кого из вас нет такой возможности. Ну а ты исчезнешь совсем легко.

И Брэнд вытащил из-под плаща кинжал.

— Перенеси меня к себе, Бенедикт! Скорее! — крикнул я, что было совершенно бессмысленно, ибо ответа не последовало. И не было силы, способной перенести меня наверх, к нему на помощь.

Я сжал в руке карту Брэнда, вспомнив тот поединок с Эриком, что я вел с помощью карт. Если бы я смог выйти сейчас на контакт с Брэндом, то по крайней мере заставил бы его переключить внимание на меня и тем самым хотя бы отчасти высвободить Бенедикта. Я полностью сосредоточился на его карте, готовясь к массированной телепатической атаке.

Но ничего не произошло. Путь к нему оставался мертвым и темным.

Должно быть, он был настолько сосредоточен на взаимодействии с Камнем, что мне было просто не пробиться сквозь этот ментальный барьер.

Вдруг Лестница надо мной стала стремительно бледнеть, и я быстро взглянул на луну. Проклятье! Густые кучевые облака отчасти уже скрыли ее от меня.

Я снова переключился на карту Бенедикта. Похоже, что очень медленно... но все же контакт с ним восстанавливался. Видимо, где-то глубоко Бенедикт все еще сохранил проблески сознания.

Брэнд приблизился к нему еще на шаг, по-прежнему отпуская различные шуточки. Камень на тяжелой цепи горел ярким светом. Теперь между братьями было едва шага три. Брэнд поигрывал кинжалом.

— ...Да, Бенедикт, — издевался он, — ты бы, пожалуй, предпочел погибнуть в бою. С другой стороны, ты вполне способен и свою смерть расценить как некое дело чести — этакий

сигнал для всех остальных. Со своей стороны, могу сказать, что в некотором роде твой конец станет началом нового миропорядка, что не менее почетно...

На какое-то мгновение Путь перед ними совсем поблек, однако я не мог оторвать глаз от происходящего и не знал, что там делается с луной. Сам же Брэнд, окруженный тенями и мерцающими огнями, стоя спиной к Пути, казалось, не замечал ничего. Он сделал еще шаг вперед.

— Однако довольно болтовни. Есть вещи, которые необходимо сделать немедленно, тем более что эта ночь не будет длиться вечно. — Он подошел еще ближе, держа кинжал в опущенной руке. — Спокойной ночи, милый принц.

И тут странная механическая рука Бенедикта, некогда унесенная мной из этого мира призраков, серебряного сияния и лунного света, стремительно взвилась, подобно атакующей змее. Сверкающие металлические пластинки, из которых она состояла, были пронизаны отблесками огня и походили на грани самоцветов; рука ужасно походила на руку металлического скелета, однако функционировала отлично и обладала мертвой хваткой. В этот миг она показалась мне даже прекрасной; я не успел заметить, как рука молниеносно выбросила себя вперед, тогда как все остальное тело Бенедикта продолжало оставаться неподвижным, будто статуя, и механические пальцы впились в цепь, на которой висел Судный Камень. И тут же рука дернулась вверх, подняв Брэнда за цепь высоко над полом. Брэнд выронил кинжал и обеими руками вцепился в горло.

За его спиной Путь стал светиться совсем тускло. Перекошенное лицо Брэнда в свете фонаря, оставленного Бенедиктом у стены, казалось лицом призрака. Сам же Бенедикт был по-прежнему недвижим, держа Брэнда высоко над полом на своей руке-виселице.

Путь стал еще бледнее. Надо мной начали исчезать ступени Лестницы. Луна уже наполовину скрылась за облаками.

Извиваясь, Брэнд вскинул руки и ухватился за цепь рядом с механической рукой Бенедикта, которая душила его. Брэнд был силен — как и все мы, впрочем. Я видел, как надулись, напрягшись, его мускулы. Лицо Брэнда уже заметно потемнело от прилившей крови, а на шее скрученными жгутами проступили жилы. От боли он прокусил губу, и кровь стекала по его бороде. И тут он попытался разорвать цепь.

С резким щелчком и звоном цепь порвалась, и Брэнд упал, задыхаясь, на пол. Потом перевернулся, сжимая горло обеими руками.

Медленно, с огромным трудом опустил Бенедикт свою странную руку, по-прежнему сжимавшую цепь вместе с Судным Камнем. Он чуть размял вторую руку и глубоко вздохнул.

Путь еле светился. Тир-на Ног'тх над моей головой стал прозрачным. Луна почти скрылась за облаками.

— Бенедикт! — крикнул я. — Ты меня слышишь?

— Да, — ответил он очень тихо и начал погружаться куда-то сквозь пол, проваливаться...

— Город исчезает! Ты должен немедленно перейти ко мне!

Я протянул руку.

— Брэнд... — начал было он, оборачиваясь. Но Брэнд тоже проваливался, и я видел, что Бенедикт не сможет до него дотянуться. Я крепко схватил Бенедикта за левую руку и дернул. Оба мы упали на землю на самом краю выступа, на вершине Колвира.

Я помог Бенедикту подняться, и мы устало опустились на каменную ступень. В течение долгого времени мы молчали. Потом я снова посмотрел вверх: Тир-на Ног'тх исчез.

Сколько стремительных и неожиданных событий произошло за один лишь сегодняшний день!.. На меня вдруг навалилась чудовищная усталость; я чувствовал, что силы мои совершенно истощены и вскоре я просто упаду и засну, где бы ни находился. Мысли путались. Слишком много людей и мест промелькнуло перед глазами за последние часы.

Я прислонился спиной к скале, глядя на облака и звезды. На те остатки... города, которые, казалось, еще можно соединить, если только правильно вставить исчезнувшие куски... Но части Тир-на Ног'тха распадались, расползались, ускользали друг от друга, словно по собственному желанию...

— Он умер, как ты думаешь? — спросил Бенедикт, отвлекая меня от этого зрелища и вызывая из полусна, в который я уже погрузился.

— Возможно, — сказал я. — Он был далеко не в лучшем состоянии, когда город начал исчезать.

— Но до земли было так далеко... Может быть, он успел

все-таки что-нибудь придумать и спасся? Или убрался оттуда тем же путем, каким появился?

— Ну, в данный момент это, в общем-то, не имеет значения. Ты уже вырвал ему клыки.

Бенедикт что-то проворчал. Он все еще сжимал в руке Судный Камень, светившийся теперь значительно менее ярко.

— Да, это так, — наконец проговорил он. — Путь в безопасности. Я бы хотел... Мне бы страшно хотелось, чтобы некогда — это было очень, очень давно — кое-что из сказанного не было сказано и кое-что из содеянного нами не осуществилось. Чтобы мы могли знать это уже тогда, и Брэнд, возможно, вырос бы совсем другим человеком — не тем злобным, криводушным маньяком, которого я видел там перед собой. Лучше всего сейчас ему было бы умереть. И все-таки мне очень жаль — в любом случае это напрасная трата отличного материала, из которого мог бы получиться настоящий принц Амбера.

Я промолчал. Возможно, слова Бенедикта и верны. Но это было неважно. Возможно, Брэнд совершенно спятил, а возможно, и нет. Для всего всегда находится какая-то причина. Оправдание найдется для любого ужасного деяния. Однако, имея перед собой некую чудовищную ситуацию, простыми объяснениями ее отнюдь не исправишь. Для самого отвратительного поступка тоже существует своя причина. Пойми это, Бенедикт, если тебе так хочется понять, почему наш брат стал подлецом. Действительность — это то, что остается с тобой, тебе в наследство. Брэнд уже совершил свой мерзкий поступок. И занятия посмертным психоанализом ничего не изменят. Поступки и их следствия — вот по чему наши ближние судят нас. Все остальное, а также то, что получаешь в виде дешевого ощущения собственного превосходства, и впечатление, что уж ты бы сделал все это значительно лучше, если б действовать пришлось тебе, — сущая ерунда. Так что пусть решают небеса. Я же недостаточно опытный судья.

— Нам следовало бы вернуться в Амбер, — сказал Бенедикт. — Столько еще всего нужно сделать...

— Погоди, — сказал я.

— Почему?

— Я все это время думал...

И поскольку я так и не докончил свою мысль, он в конце концов спросил:

— Ну и?..

Я медленно перетасовал колоду, вставив на место его карту и карту Брэнда.

— А ты никогда не задавал себе вопросов относительно той новой руки, что тебе так верно служит? — спросил я его.

— Конечно, задавал. Но я и так знаю, что ты принес ее из Тир-на Ног'тха при весьма необычных обстоятельствах. Однако она отлично мне подходит. Она прекрасно работает. Она доказала сегодня свою силу...

— Вот именно. Тебе не кажется, что последнее ее качество имело слишком большое значение, чтобы считать его проявление простым стечением обстоятельств? Рука была единственным оружием, которое там, наверху, дало тебе возможность выстоять против силы Камня. И как-то так случилось, что до того именно эта штука и оказалась там, будучи одновременно как бы частью тебя, а ты — разумеется, совершенно случайно! — участвовал там в смертельном поединке и воспользовался ею... А? Ты проследи развитие событий в обратном порядке, от конца к началу, и снова — с начала до конца. Разве не усматривается во всем этом необычная, нет, абсурдная цепь странных совпадений?

— Ну если посмотреть на это с такой точки зрения... — проговорил Бенедикт.

— Я-то уже посмотрел. Но и ты должен понять не хуже меня, что здесь замешано куда больше сил, чем могло показаться.

— Ну хорошо. Пусть так. Но каким образом?.. Как все это было устроено?

— Понятия не имею, — сказал я, вытаскивая ту карту, на которую не смотрел давным-давно, и ощущая под пальцами ее холодную поверхность, — однако важен не способ. Ты неправильно построил вопрос.

— Что же я должен был спросить?

— Не как, а кем.

— Ты полагаешь, что некий человек сумел задумать и построить всю эту цепь событий, начиная с обретения нами Судного Камня?

— Насчет этого не знаю. И потом, что значит «человек»?

Впрочем, я действительно подозреваю, что некто, кого мы с тобой оба отлично знаем, вернулся и за всем этим стоит именно он.

— Но кто?

Я показал ему карту, которую держал в руке.

— Отец? Это же невероятно! Он ведь, должно быть, давно умер.

— Ты отлично понимаешь, что уж он-то как раз и мог бы все это устроить. Изобретательности у него с избытком. Кроме того, мы никогда не знали, сколь разносторонним могуществом обладает Оберон.

Бенедикт встал. Потянулся. Потряс головой.

— Я думаю, что ты чересчур много времени провел на холодном ветру, Корвин. Должно быть, ты просто нездоров. Давай-ка лучше пойдем домой.

— И тебе даже не хочется попробовать опровергнуть или подтвердить мою догадку? Да ну же, Бенедикт! Где твой охотничий азарт! Сядь и дай мне еще минуту. Давай попробуем его карту.

— Он бы непременно уже вышел с кем-нибудь на связь, если б был жив.

— А я так не думаю. На самом-то деле... Ладно, можешь надо мной смеяться. И все-таки что мы теряем?

— Хорошо, давай попытаемся. Почему бы и нет?

Бенедикт сел рядом со мною. Я держал карту так, чтобы оба мы видели ее ясно. Мы сосредоточились. Потом я попробовал установить связь, и контакт состоялся почти мгновенно.

Он улыбался, глядя на нас.

— Добрый вечер. Отлично поработали! — сказал Ганелон. — Я страшно рад, что вы вернули мне мою любимую безделушку. Нам она скоро понадобится.

Владения Хаоса

Глава 1

Амбер — сверкает в полдень на вершине Колвира. Черная дорога — зловеще тянется из Владений Хаоса на юг через Гарнатх. Я — ругаюсь, расхаживаю и изредка что-то читаю в библиотеке дворца в Амбере. Дверь библиотеки — заперта на засов. Озверевший принц Амбера уселся за стол и вновь обратился к раскрытому тому. В дверь постучали.

— Прочь!

— Корвин, это я, Рэндом. Открой, а? Я даже ленч принес.

— Секунду.

Я снова встал, обогнул стол, пересек комнату и открыл дверь. Рэндом вошел, кивнул и поставил поднос на маленький столик, рядом с письменным.

— Еды здесь будь здоров, — сказал я.

— Я тоже проголодался.

— Ну так присоединяйся.

Что он и сделал, нарезав мясо, передав мне кусок на ломте хлеба и разлив вино. Мы сели и стали есть.

— Я знаю, ты все еще злишься... — промолвил Рэндом через некоторое время.

— А ты — нет?

— Может, я просто больше к этому привык. Не знаю. Хотя, если подумать... да. Коленце, мягко говоря, неожиданное.

— Неожиданное? — Я от души глотнул вина. — Все как и раньше. Только еще хуже. В роли Ганелона он даже начал мне нравиться. А теперь, снова у власти, он все так же непререкаем. Наприказывал нам, наприказывал, ничего не объяснил, и поминай как звали.

— Он сказал, что скоро с нами свяжется.

— По-моему, он и в прошлый раз собирался.

— Не уверен.

— И он ничего не рассказал про то свое отсутствие. Да он вообще ничего не рассказал.

— Имел, наверное, на то причины.

— Я вот начинаю уже задумываться. Как ты считаешь, может, он впадает в маразм?

— На то, чтобы тебя одурачить, ума у него хватило.

— Это — всего лишь животная хитрость и способность к смене форм.

— Однако сработало

— Да, сработало.

— Корвин, а может, ты просто не хочешь, чтобы его план оказался действенным, не хочешь, чтобы он оказался прав?

— Смешно! Я не меньше твоего хочу покончить со всей этой неразберихой.

— Но ты бы предпочел, чтобы решение пришло с какой-нибудь другой стороны.

— То есть?

— Ты не хочешь ему доверять.

— Да, не хочу. Я очень долго не видел его в его собственном облике, и...

Рэндом помотал головой:

— Я не о том. Ты злишься, что он вернулся. Ты надеялся, что мы его больше не увидим.

Вот же нахалюга. Пришлось скромно потупить очи.

— Точно, — сказал я секунд через десять. — Но не ради опустевшего трона, не только ради трона. Все дело в нем, понимаешь? В нем.

— Согласен, — кивнул Рэндом. — Но признай, он ведь облапошил Брэнда, а это ой как не просто. Я до сих пор не понимаю, как он выкинул этот фокус — заставил тебя принести из Тир-на Ног'тха руку, заставил меня передать ее Бенедикту, устроил, чтобы Бенедикт в нужное время оказался в нужном месте; все это сработало как часы, и он получил Камень назад. А работа с Тенями? Нам такой класс и во сне не снился. Помнишь тот поход к изначальному Огненному Пути?

Не наблюдай я все собственными глазами, никогда бы не поверил, что можно работать прямо на Колвире. Я так не могу. И ты тоже. А Джерард, помнишь, как он обошелся с Джерардом? Нет, я бы не сказал, что он стареет. И еще, самое главное, нравится нам это или нет — с теперешней ситуацией никому, кроме него, не справиться.

— По-твоему, я должен ему доверять?

— По-твоему, у тебя нет выбора.

— Против лома нет приема, — вздохнул я. — И обижаться мне не на что. И все же...

— Тебя беспокоит приказ об атаке.

— Приказ и многое другое. Подожди мы подольше, Бенедикт собрал бы больше силы. За три дня к таким вещам не готовятся. По крайней мере, когда о враге почти ничего не известно.

— А может, и известно. Он довольно долго беседовал с Бенедиктом наедине.

— Я же говорю — «и многое другое». Все эти раздельные приказы, эта секретность... Да ведь он доверяет нам еще меньше, чем мы — ему.

Рэндом хмыкнул, я — тоже.

— Ладно, — ухмыльнулся я, — согласен. Будь я на его месте — тоже не очень доверял бы таким деткам. Но за три дня раскрутить войну... Будем надеяться, что он знает больше нас.

— Мне кажется, что это скорее не война, а упреждающий удар.

— Вот только не сказал он нам, что именно мы упреждаем.

Рэндом пожал плечами и налил еще вина.

— Может, он посвятит нас в подробности, когда вернется. Тебе не досталось отдельного приказа, так ведь?

— Нет, просто велел быть наготове и ждать. А тебе?

Он покачал головой:

— Нет, примерно то же самое. «Придет время, и ты все узнаешь». Джулиану он хотя бы приказал держать войска наготове, чтобы выступить в любой момент.

— О? Разве они не остаются в Арденском лесу?

Рэндом кивнул.

— А когда же он это сказал?

— После твоего ухода. Он вызвал Джулиана по карте, передал ему сообщение, и они уехали вместе. Я слышал, отец сказал, что часть пути проедет с ним.

— Они поехали по восточной дороге через Колвир?

— Да. Я их провожал.

— Интересно. Что я еще пропустил?

Рэндом неуютно поерзал в кресле.

— То, что меня как раз беспокоит. Сев на лошадь и попрощавшись, отец обернулся ко мне и сказал: «И приглядывай за Мартином».

— И все?

— И все. Сказал и расхохотался.

— Думаю, это естественное подозрение к новичкам.

— А зачем тогда смеяться?

— Спроси чего полегче.

Я отрезал кусок сыра и съел.

— Может, мысль и неплохая. Может, это и не подозрительность вообще. Может, на его взгляд, Мартин нуждался в защите от чего-то. Или и то и другое вместе. Или ни то, ни другое. Ты знаешь, какой он временами бывает.

— Я даже не пытался разобрать все эти варианты. Пошли со мной, а? Ты же проторчал здесь все утро.

— Пошли. — Я встал и пристегнул к поясу Грейсвандир. — Кстати, а где Мартин?

— Я оставил его на первом этаже. Он говорил с Джерардом.

— Тогда твой сынок в надежных руках. А Джерард — он как: остается здесь или возвращается к флоту?

— Не знаю. Он не обсуждает полученные приказы.

Мы вышли из библиотеки и направились к лестнице. По дороге я услышал внизу какой-то шум и ускорил шаг. Перегнувшись через перила, я увидел у входа в тронный зал толпу стражников и массивную фигуру Джерарда. Все стояли спиной к нам. Я перескочил последние ступеньки. Рэндом не отставал.

— Джерард, что происходит? — спросил я, протолкнувшись к братцу.

— Чтоб я знал, — ответил он. — Смотри сам. Смотреть можно, руками трогать нельзя.

Он отодвинулся, а я сделал шаг вперед. Потом еще один. На чем мой порыв и иссяк. Я словно уперся в упругую совершенно невидимую стену. Сценка, разыгрываемая за этим витринным стеклом, скрутила мои мысли и воспоминания в тугой болезненный узел. И тяжелый, липкий страх — где-то там, в затылке, у основания черепа.

Я окаменел. Да, не слабо. Улыбающийся Мартин все еще

держал в руках карту; перед ним стоял Бенедикт — очевидно, только что вызванный. На помосте, рядом с троном, отвернувшись от нас, стояла девушка. Мужчины что-то говорили, но слов слышно не было.

Наконец Бенедикт повернулся и, казалось, обратился к девушке. Через некоторое время она, похоже, ответила. Мартин встал слева от нее. Бенедикт, пока она говорила, взошел на помост. Теперь я увидел ее лицо. Разговор продолжался.

— Девица вроде знакомая. — Джерард тоже прошел вперед и теперь стоял со мной.

— Ты мог ее видеть, когда она проезжала мимо, — сказал я. — В день смерти Эрика. Это Дара.

Он судорожно перевел дыхание.

— Дара! Тогда ты...

— Я не врал. Она — настоящая.

— Мартин! — крикнул Рэндом, вставший тем временем справа от меня. — Мартин! Что происходит?

Ответа не было.

— Да он тебя не слышит, — махнул рукой Джерард. — Похоже, эта стена полностью нас отрезала.

Рэндом рванулся вперед, уперся руками в невидимую преграду.

— Давайте все вместе, — сказал он.

Я попробовал еще раз. Джерард тоже всем своим весом обрушился на стену.

Через минуту я бросил бесполезное занятие.

— Без толку. Мы ее не сдвинем.

— Что это за хреновина? — спросил Рэндом. — Что удерживает...

У меня были некоторые подозрения... Подозрения, не более того. И то лишь благодаря déja vu всего сценария. Хотя сейчас... Сейчас я схватился за ножны, проверяя, на месте ли Грейсвандир.

На месте.

Ну и как же тогда мог я объяснить, что мой весьма характерный клинок сам по себе, безо всякой поддержки появился в воздухе, сверкнул своим хитроумным орнаментом и чуть коснулся горла Дары?

А никак не мог.

Только слишком уж все это напоминало события той ночи

в небесном городе сновидений Тир-на Ног'тхе, чтобы оказаться совпадением. Ловушек тех и помех — темноты, общего смятения, густых теней, собственных моих бурных эмоций — не было. Но все равно сразу же вспомнилась та ночь. Очень похоже.

И все же не точно так же. Бенедикт стоял несколько иначе — чуть дальше, тело согнуто под другим углом. Читать по губам я не мог, так что оставалось только догадываться, задает ли Дара те же странные вопросы; вряд ли. Видимо, в этот раз — если связь вообще была — сцену, такую же, и все же другую, исказило воздействие Тир-на Ног'тха на мой разум.

— Корвин, — сказал Рэндом. — Это же вроде Грейсвандир там болтается?

— Болтается, говоришь? — изумился я. — Но нетрудно заметить, что мой клинок со мной.

— Другого такого быть не может... или может? А ты-то сам понимаешь, что тут происходит?

— Вроде бы да, — ответил я. — В любом случае мне этого не остановить.

Шпага Бенедикта вылетела из ножен и скрестилась с моей, точнее — с похожей на мою. Еще мгновение, и он вступил в бой с невидимым противником.

— Задай ему, Бенедикт! — закричал Рэндом.

— Бесполезно, — возразил я. — Скоро его обнаружат.

— А ты откуда знаешь? — воскликнул Джерард.

— В некотором роде это я там упражняюсь в фехтовании. Это оборотная сторона моего сна в Тир-на Ног'тхе. Не знаю, как отцу это удалось, но такова плата за возвращенный ему Камень.

— Не понимаю, — пожал плечами Джерард.

— Я тоже не знаю, как все сделано, — покачал головой я. — Но пока из комнаты не исчезнут две вещи, войти мы туда не сможем.

— Какие две вещи?

— Смотри.

Бенедикт перебросил клинок в другую руку; его сверкающий протез метнулся вперед и схватился за нечто невидимое. Два клинка наносили удары, парировали, захватывали, давили друг на друга... Правая рука Бенедикта продолжала сжиматься.

Вдруг Грейсвандир высвободился и, обойдя шпагу Бенедикта, нанес ему потрясающий удар по сочленению правой руки и протеза. Тут Бенедикт повернулся и на несколько секунд загородил от нас происходящее.

Бенедикт, поворачиваясь, упал на одно колено, и все снова стало видно. Он сжимал культю. Механическая рука висела в воздухе рядом с Грейсвандиром; опускаясь, они удалялись от Бенедикта. Достигнув пола, эти странные предметы не остановились, но прошли насквозь и исчезли.

Меня повело вперед, я восстановил равновесие и двинулся дальше. Барьер исчез.

Мартин и Дара подбежали к Бенедикту раньше нас. Когда мы с Джерардом и Рэндомом подошли, Дара уже перевязывала руку пострадавшего полоской ткани, оторванной от своего плаща.

Рэндом схватил Мартина за плечо и повернул.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Дара... Дара сказала, что хочет посмотреть Амбер, — ответил тот. — Раз уж я теперь здесь живу, я согласился провести ее, устроить ей вроде экскурсию. Потом...

— Провести ее сюда. По карте?

— М-м... да.

— По чьей карте? По твоей или ее?

Мартин закусил нижнюю губу.

— Понимаешь...

— Дай-ка мне эти карты! — Рэндом сорвал футляр с пояса Мартина, раскрыл и начал просматривать колоду.

— Потом я решил сказать Бенедикту, ведь он ею интересовался, — продолжал Мартин. — Бенедикт захотел прийти и посмотреть.

— Какого черта? — воскликнул Рэндом. — Тут есть твоя карта, ее и еще какого-то парня, его я ни разу не видел. Откуда они у тебя?

— Дай посмотреть, — попросил я.

Он передал мне три карты.

— Ну? — продолжил Рэндом. — Они от Брэнда? Ну, конечно, кто же, кроме него, умеет сейчас делать карты.

— С Брэндом я стану иметь дело, только когда соберусь его убивать.

Но я уже знал, что эти карты — не от Брэнда. Не его стиль.

Вообще незнакомый мне стиль. Хотя и не стиль меня сейчас занимал. Занимал меня третий, которого никогда не видел Рэндом. А я — видел. Я смотрел на лицо юнца, который выступил против меня с арбалетом у двери Владений Хаоса, узнал меня и решил не стрелять.

— Мартин, кто это? — Я протянул карту.

— Тот самый, кто сделал дополнительные карты, — ответил он. — Заодно нарисовал и свою. Я не знаю, откуда он взялся. Какой-то приятель Дары.

— Врешь, — повысил голос Рэндом.

— Спроси у Дары, — сказал я и повернулся к ней.

Она все еще стояла на коленях рядом с Бенедиктом, хотя тот уже сидел на полу и перевязка была закончена.

— Ну так как? — повторил я, помахивая перед ней картой. — Кто это такой?

Она взглянула на карту, на меня и улыбнулась:

— Ты что, действительно не знаешь?

— А зачем бы я спрашивал?

— Посмотри на него снова, а потом взгляни в зеркало. Это — твой сын, как, впрочем, и мой. Его зовут Мерлин.

Меня нелегко потрясти. Голова пошла кругом, но мозг быстро соображал.

— Дара, — спросил я, — чего ты хочешь?

— Я тебе уже сказала, проходя Огненный Путь, что Амбер должен быть разрушен. Я хочу принять в этом посильное участие.

— Тебе достанется моя старая камера, — сказал я. — Нет, соседняя. Стража!

— Корвин, все в порядке, — произнес Бенедикт, поднимаясь на ноги. — Все не так плохо, как кажется. Она может объяснить.

— Пусть начнет.

— Не сейчас. В приватной обстановке. Только для членов семьи.

Я отослал пришедшую на мой зов стражу.

— Ладно, пройдем в одну из комнат над залом.

Бенедикт кивнул, и Дара взяла его под левую руку. Рэндом, Джерард, Мартин и я проследовали за ними. Я оглянулся на пустой зал, где мой сон обратился явью.

Такие вот дела.

Глава 2

Я перевалил через гребень Колвира, подъехал к своей гробнице и спрыгнул с лошади. В прохладном сумрачном помещении стоял еле уловимый запах плесени; я открыл гроб. Пусто. Хорошо, а то я уж сомневался — вдруг увижу там себя самого, живое (мертвое, конечно) доказательство того, что, несмотря на ориентиры и интуицию, я каким-то образом забрался не в ту Тень.

Выйдя наружу, я почесал Стару нос. Светило солнце, дул прохладный бриз. Мне вдруг захотелось в море. Вместо этого я сел на скамейку и занялся трубкой...

Мы поговорили. Дара сидела, поджав ноги, на коричневом диване, улыбалась и повторяла историю своего происхождения от Бенедикта и адской девы Линтры, своего детства, проведенного во Владениях Хаоса — кошмарно неэвклидовом местечке, где даже время было многомерным и вело себя до крайности странно.

— В тот раз ты мне врала, — сказал я. — Так с какой же радости должен я верить тебе сейчас?

Дара улыбнулась и критически оглядела свои ногти.

— В тот раз мне пришлось врать, — объяснила она. — Чтобы получить то, что мне было нужно.

— А именно?..

— Сведения о семье, Огненном Пути, картах, Амбере. Завоевать твое доверие. Родить от тебя ребенка.

— А что, нельзя было по-честному?

— Вряд ли. Я — из стана врага. Не думаю, чтобы тебе понравились мои побудительные мотивы.

— А то, как ты фехтуешь? Ты сказала, что училась у Бенедикта.

Мрачный огонь, вспыхнувший в ее глазах, как-то не вязался с очередной обворожительной улыбкой.

— Я училась у великого герцога Бореля, Верховного Лорда Хаоса.

— ...и твой облик, — продолжил я, — он несколько раз менялся, пока ты проходила Огненный Путь. Как? И почему?

— Все порождения Хаоса способны менять форму.

Я вспомнил Дворкина в ту ночь, когда он прикидывался мной.

Бенедикт кивнул:

— Папаша надул нас, прикинувшись Ганелоном.

— Оберон — сын Хаоса, — сказала Дара, — мятежный сын мятежного отца. Но способность у него осталась.

— Почему же тогда мы так не можем? — спросил Рэндом.

Она пожала плечами.

— А вы когда-нибудь пробовали? С другой стороны, в вашем поколении способность могла угаснуть. Не знаю. Что до меня, в трудный момент я перехожу в одну из любимых форм. Там, где я выросла, это — нормально, иногда другая форма даже доминировала. У меня остался рефлекс. Именно это ты и видел.

— Дара, — спросил я, — а зачем тебе все это — сведения о семье, Огненном Пути, картах, Амбере? И сын?..

— Ладно, — вздохнула она. — Ладно. Сейчас ты уже знаешь, какие у Брэнда планы — уничтожение и воссоздание Амбера... Так?

— Да.

— Это делалось с нашего согласия и при нашем содействии.

— В том числе и убийство Мартина? — спросил Рэндом.

— Нет, — покачала головой Дара. — Мы не знали, кого он собирается использовать в качестве... агента.

— Вы бы остановились, если бы знали?

— Ты задаешь гипотетический вопрос, — сказала она. — Ответь сам. Я рада, что Мартин все еще жив. Добавить мне нечего.

— Ладно, — кивнул Рэндом. — А что насчет Брэнда?

— С нашими предводителями он связался с помощью подхваченного у Дворкина приемчика. У него были амбиции, но не хватало познаний и силы. Вот он и предложил сделку.

— Какого рода познаний?

— Во-первых, он не знал, как разрушить Огненный Путь...

— В таком случае это вы ответственны за то, что он сделал, — обвинил Рэндом.

— Считай как хочешь.

— Именно так я и считаю.

Она пожала плечами и посмотрела на меня:

— Так вы будете слушать?

— Валяй. — Я взглянул на Рэндома, тот кивнул.

— Брэнду дали то, чего он хотел, — продолжала Дара, — но доверять ему никто не собирался. Мы боялись, что, получив силу ваять мир по собственному желанию, он не ограничится правлением в переделанном Амбере, а захочет распространить свою власть и на Хаос. Мы добивались ослабления Амбера, чтобы в новом равновесии нам досталось больше теней и Хаос прибавил в силе. Давным-давно стало ясно, что ни слить наши королевства воедино, ни уничтожить одно из них, не нарушив все процессы, берущие начало в их взаимодействии, невозможно. Результатом будет либо мертвая недвижность, либо полный хаос. Однако, несмотря на все свои подозрения, наши предводители с Брэндом договорились. Такой случай подворачивается раз в столетия, его надо было ловить. Мы решили, что Брэнда можно использовать, а потом, в подходящий момент — заменить.

— Значит, вы тоже замыслили двойную игру, — сказал Рэндом.

— Сдержи он свое слово — не было бы никакой двойной игры. Только мы знали, что он его не сдержит. Вот и приготовили на этот случай ответный ход.

— Какой?

— Достигнув цели, Брэнд будет уничтожен. Его сменит член королевской семьи Амбера, отпрыск первой семьи Владений Хаоса, взращенный у нас и подготовленный к этой роли. Строго говоря, Мерлин связан с Амбером и по отцовской, и по материнской линии — через моего предка Бенедикта и прямо через тебя, он — потомок двух главных претендентов на ваш престол.

— Так ты принадлежишь к королевской семье Хаоса?

Дара улыбнулась.

Я встал, отошел к камину и начал рассматривать остывший пепел.

— Весьма, весьма польщен, что именно мне была отведена роль быка-производителя. — Я картинно поклонился. — Но даже если принять — условно! — твои слова на веру, остается интересный вопрос: зачем ты все это рассказываешь?

— Затем, — ответила она, — что я боюсь, не зашли бы на-

ши повелители в своих проектах так же далеко, как Брэнд — в своих. Или дальше. Это я все о том же равновесии. Очень немногие понимают, насколько оно хрупко. Я ходила по Теням рядом с Амбером и бывала в самом Амбере; я хорошо знакома с окрестностями Хаоса. Я повидала очень многое, встречалась со многими людьми. Потом, познакомившись с Мартином, я почувствовала, что результат изменений, благоприятность которых мне подробно описывали, далеко не сведется к перекройке Амбера по вкусу наших старейшин. Задуманные «улучшения» обескровят Амбер, с биполярным миром будет покончено, Хаос восторжествует. К нему присоединится большая часть Теней. Амбер станет островом. Некоторые из наших старейшин, все еще остро переживающие создание Дворкиным Амбера, действительно хотят возвращения к прежним дням, когда существовал только Полный Хаос, из которого затем вышло все. Мне же теперешняя ситуация нравится больше, и я хочу ее сохранить. Я хочу, чтобы в этой схватке не победила ни одна из сторон.

Я повернулся и успел увидеть, как Бенедикт качает головой.

— Значит, ты ни на чьей стороне, — заключил он.

— Вернее сказать, на обеих одновременно.

— Ну а ты, Мартин, — спросил я, — ты с ней заодно?

Он кивнул.

Рэндом засмеялся:

— Вот так вот вдвоем? И против Амбера, и против Владений Хаоса? Чего же вы надеетесь добиться? Каким образом намерены вы реализовать свои представления о равновесии?

— Мы не одни, — возразила Дара, — и план — не наш.

Ее пальцы скользнули в карман и извлекли на свет что-то блестящее, оказавшееся по рассмотрении кольцом нашего отца.

— Где ты взяла эту штуку? — заинтересовался Рэндом.

— Угадай с трех раз.

Бенедикт шагнул вперед и протянул руку; Дара беспрекословно рассталась с кольцом.

— Да, то самое, — сказал он, скрупулезно обследовав семейную реликвию. — На внутренней стороне есть мелкие пометки, которые я видел раньше. Почему оно у тебя?

— Во-первых, чтобы убедить вас, что я действительно исполняю его приказания.

— А как ты с ним познакомилась? — спросил я.

— Я встретила его некоторое время назад, когда у него были... ну, скажем, затруднения. И даже помогла ему от этих затруднений избавиться. Это было после встречи с Мартином; я уже успела проникнуться некоторой симпатией к Амберу. Кроме того, ваш отец весьма обаятелен и умеет убеждать. Мне не захотелось оставаться в стороне и видеть его пленником моих родственников.

— А ты не знаешь, кстати, как они его поймали?

Она покачала головой:

— Знаю только, что Брэнд затащил Оберона в какую-то достаточно далекую от Амбера Тень, где его смогли взять. Думаю, не обошлось без липового похода за несуществующим магическим устройством, способным починить Огненный Путь. Теперь он понимает, что на это способен только Камень.

— Ты помогла ему сбежать... И как это отразилось на твоих отношениях с родственничками?

— Да уж не положительно. На настоящий момент у меня нет дома.

— И ты хочешь найти его здесь.

Дара вновь улыбнулась:

— Это уж как пойдут дела. Если наши победят, не останется ничего иного, как вернуться. Или уйти в Тень — если, конечно, от них что-нибудь сохранится.

Я достал карту и посмотрел на нее:

— А как Мерлин? Где он сейчас?

— Во Владениях Хаоса, — вздохнула Дара. — Боюсь, сейчас он — их человек. Он осведомлен о своем происхождении, но слишком уж долго они занимались его воспитанием. Не знаю даже, можно ли его оттуда вытащить.

Я поднял карту и попытался сосредоточиться.

— Без толку, — предупредила Дара. — Между Владениями и Амбером они не работают.

Я вспомнил, как сложно было связаться по картам, когда я был на окраинах тех мест, однако продолжал упорствовать. Карта похолодела, и я потянулся к Мерлину.

Слабейший проблеск контакта. Я усилил посыл.

— Мерлин, это — Корвин. Ты меня слышишь?

Мне послышалось что-то вроде ответа. Вроде бы «не могу...». А потом ничего.

Карта перестала быть холодной.

— Дотянулся? — поинтересовалась Дара.

— Не уверен, но похоже. На секунду.

— Лучше, чем я думала. Или условия сейчас хорошие, или ваши мозги очень похожи.

— Размахивая папашиным кольцом, ты говорила о каких-то приказах, — напомнил Рэндом. — О каких таких приказах? И почему он передает их через тебя?

— Для синхронизации.

— Синхронизации? Да он только утром уехал!

— Он должен был закончить одно дело, прежде чем начинать другое. И не знал, сколько это займет времени. А я разговаривала с ним прямо перед тем, как идти сюда — никак, кстати сказать, не ожидала такого приема, — и сейчас он готов перейти к следующей фазе.

— Где ты с ним говорила? — спросил я. — Где он?

— Понятия не имею. Он сам связался со мной.

— И...

— Он хочет, чтобы Бенедикт немедленно начал атаку.

Джерард наконец выбрался из огромного кресла, в котором все это время сидел, заткнул за пояс большие пальцы и посмотрел на Дару сверху вниз:

— Подобный приказ должен исходить прямо от отца.

— Оттуда он и исходит, — парировала она.

Джерард скептически покачал головой:

— Ничего не понимаю. Зачем ему связываться с тобой — с личностью, доверять которой у нас нет ровно никаких оснований, — а не с кем-либо из нас?

— Не уверена, что сейчас он может на вас выйти. А на меня — смог.

— Почему?

— Он воспользовался не картой (моей у него нет), а реверберацией Черной Дороги — тот же самый эффект, с помощью которого Брэнд сбежал от Корвина.

— Однако ты в курсе всех событий.

— А то. У меня все еще есть источники информации во

Владениях, а именно там и укрылся он после вашей схватки. У меня есть уши.

— Знаешь ли ты, где сейчас наш отец? — спросил Рэндом.

— Нет, но, по-моему, он отправился в истинный Амбер, чтобы посоветоваться с Дворкином и еще раз осмотреть повреждения, нанесенные первозданному Огненному Пути.

— Зачем бы это?

— Не знаю. Может, чтобы решить, как вести себя дальше. А раз уж он связался со мной и приказал атаковать, то решение скорее всего принято.

— И как давно он выходил на связь?

— Несколько часов назад — по моему времени. Но я была в достаточно далекой отсюда Тени. Различия во времени я не знаю, опыта не хватает.

— Значит, это могло быть совсем недавно, секунды назад, — промолвил Джерард. — И почему же он все-таки связался с тобой, а не с нами? Ну не верю я, что он не мог при желании выйти на нас. Не верю, и все тут!

— Желал показать, что он мне доверяет?

— Может, все это и правда, — заключил Бенедикт, — но без подтверждения приказа я не собираюсь ничего делать.

— Фиона все еще у первичного Огненного Пути? — спросил Рэндом.

— По последним моим данным, — ответил я, — она разбила там лагерь. Кажется, я понял...

Я достал карту Фи.

— Поодиночке мы оттуда связаться не могли, — заметил он.

— Именно. Вот и помоги.

Он встал рядом со мной, подошли и Бенедикт с Джерардом.

— В этом нет никакой необходимости, — запротестовала Дара.

Не обращая внимания, я сосредоточился на утонченных чертах своей рыжей сестрицы. Через пару секунд возник контакт.

— Фиона, — начал я. Судя по фону, она все еще пребывала в резиденции, в самом центре вещей. — Отец там?

— Да, — сухо улыбнулась сестрица. — Он внутри, вместе с Дворкином.

— Слушай, это очень важно. Не знаю, знакома ли ты с Дарой, но она сейчас здесь и...

— Я знаю, кто она такая, хотя ни разу с ней не встречалась.

— Она утверждает, что отец приказал Бенедикту атаковать. У Дары его кольцо, однако он раньше ничего об этом не говорил. Тебе что-нибудь известно?

— Нет, — покачала головой Фиона. — Когда они с Дворкином осматривали Огненный Путь, мы только поздоровались. Правда, у меня еще тогда зародились некоторые подозрения, а теперь они подтвердились.

— Подозрения? Ты о чем?

— По-моему, отец хочет починить Огненный Путь. У него с собой Камень, и я расслышала кое-что из его разговора с Дворкином. Стоит ему начать, во Владениях Хаоса в ту же секунду об этом узнают и постараются воспрепятствовать. Он хочет напасть первым, чтобы у них были связаны руки. Только вот...

— Что?

— Корвин, это его убьет. Поверь мне, уж я знаю. Независимо от успеха процесс его уничтожит.

— Что-то не верится...

— Что король отдаст свою жизнь за королевство?

— Что отец отдаст.

— Значит, либо он изменился, либо ты никогда его не знал. По-моему, он намерен попытаться.

— Так на кой же посылать этот приказ с личностью, которой мы не доверяем?

— Чтобы вы ей доверяли после того, как он подтвердит приказ — ничего другого мне в голову не приходит.

— Как-то все это уж чересчур сложно. Однако я полностью согласен, что без подтверждения действовать нельзя. Добудешь нам это подтверждение?

— Постараюсь. Выйду на связь, как только поговорю с ним.

Она прервала контакт.

— Ты знаешь, что задумал отец? — Я повернулся к Даре, слушавшей только одну сторону разговора.

— Что-то, связанное с Черной Дорогой, — ответила она. —

По крайней мере так я поняла из его слов. Но что и как, он не сказал.

Я отвернулся, собрал карты и спрятал их в футляр. Развитие событий мне никак не нравилось. День начался плохо, а потом все шло хуже и хуже. А время-то всего лишь обеденное.

Я потряс головой. В разговоре со мной Дворкин описал вероятные последствия попытки починить Огненный Путь, и мне они показались устрашающими. Предположим, что отец попытается, у него ничего не выйдет, и он погибнет. Что тогда? Да то же, что и сейчас, только накануне войны у нас не будет предводителя, и снова всплывет вопрос престолонаследия. Отправляясь на войну, мы только об этом вопросе и будем думать, а разделавшись с теперешним врагом, сразу начнем приготовления к войне друг с другом.

Должен быть другой выход. Лучше живой отец на троне, чем возобновление всех этих дрязг.

— Чего мы ждем? — спросила Дара. — Подтверждения?

— Да, — кивнул я.

Рэндом начал расхаживать из угла в угол, Бенедикт сел и проверил повязку на руке, Джерард прислонился к каминной решетке, а я стоял и думал.

И тут у меня родилась идея. Я сразу же ее прогнал, но она вернулась. Новорожденная идея мне очень не нравилась, хотя это к делу не относилось. Однако действовать надо было побыстрому, пока я не передумал. Нет, так и сделаем. Хрен с ним!

Пришел контакт. Я немного подождал и через мгновение снова лицезрел Фиону. Место, где она стояла, я узнал, хотя и не сразу: гостиная Дворкина, за тяжелой дверью в глубине пещеры. С нею были и отец, и Дворкин. Отец сбросил маску Ганелона и снова был собой. Я увидел на нем Камень.

— Корвин, — сказала Фиона, — это — правда. Отец действительно послал приказ через Дару и ждал запроса на подтверждение. Я...

— Фиона, проведи меня туда.

— Что?

— Что слышала. Ну же!

Я протянул правую руку, она тоже, и мы коснулись друг друга.

— Корвин! — заорал Рэндом. — Что происходит?

Бенедикт вскочил на ноги, Джерард уже двигался ко мне.

— Скоро узнаете, — ответил я и шагнул вперед.

Я чуть сжал ее руку, прежде чем отпустить, и улыбнулся:

— Спасибо, Фи. Привет, папа. Привет, Дворкин. Как делишки?

Я глянул в сторону тяжелой двери и увидел, что она приоткрыта. Тогда я обошел Фиону и двинулся к тем двоим. Отец наклонил голову и прищурил глаза. Я знал этот взгляд.

— В чем дело, Корвин? Тебя что, сюда звали? — сухо спросил он. — Я подтвердил свой приказ и теперь хочу, чтобы вы его выполняли.

— Выполним, — кивнул я. — Я здесь не затем, чтобы его обсуждать.

— А зачем?

Я подошел ближе, обдумывая слова и расстояние. Хорошо, что папаша не встал.

— Некоторое время мы путешествовали, как приятели, — сказал я. — Ты даже начал мне нравиться. Сам знаешь, раньше такого не было. Никогда не мог набраться смелости и сказать об этом прямо, но ты и сам это знаешь. Мне нравится думать, что все могло быть именно так, как у меня с Ганелоном, не будь мы друг другу теми, кем являемся. — На мгновение его взгляд, казалось, смягчился, я же занял стартовую позицию. — Так или иначе, будем считать, что настоящий ты — тот, а не этот, иначе я не стал бы этого для тебя делать.

— Чего «этого»? — спросил Оберон.

— Сейчас узнаешь.

Я рванул Камень вверх, скинул цепочку с папашиной головы, развернулся и выбежал из комнаты. Дверь за собой я захлопнул, но возможности запереть ее снаружи не представлялось, я просто побежал, повторяя путь, проделанный мною по пещере той ночью с Дворкином. Сзади раздался ожидаемый рев.

Хотя проход петлял дичайшим образом, я споткнулся только один раз. Тяжелый запах Виксера все еще висел в логове. Последнее усилие — и за очередным поворотом мелькнул бледный проблеск света.

Я помчался к выходу, попутно надевая цепь на шею, почувствовал, как Камень упал мне на грудь, и вошел в него со-

знанием. Сзади слышались топот и крики. Последний шаг — и надо мной небо.

Я рванул к Огненному Пути, превращая Камень в дополнительный орган чувств.

Есть всего три человека, полностью настроенных на Камень, — Дворкин, отец и я. Дворкин как-то говорил, что Огненный Путь можно починить, если человек, настроенный на Камень, пройдет его до конца, выжигая на каждом проходе пятно, восстанавливая образ Огненного Пути, несомый им в себе; одновременно уничтожится и Черная Дорога. Тогда уж лучше я, чем отец.

Мне все еще казалось, что Черная Дорога обрела форму и из-за силы проклятия, наложенного мною на Амбер. Это я тоже хотел стереть. В любом случае отец справится с наведением послевоенного порядка лучше меня. В этот момент я понял, что трон мне больше не нужен. Будь он даже и свободен, перспектива век за нудным веком управлять Королевством приводила в ужас. Может, я ищу в смерти простого выхода. Эрик мертв, и ненависти к нему больше нет. Второй мотив — трон — двигал мною лишь потому, что к нему рвался тот же Эрик. Теперь все это в прошлом.

А что осталось?

Вайол права. Старый солдат во мне сильнее всего. Это было чувство долга. Но не только долга...

Я достиг края Огненного Пути и быстро направился к его началу. Повернулся к выходу из пещеры. Ни отца, ни Дворкина, ни Фионы. Отлично. Теперь уж меня не догонишь. Стоит мне лишь одной ногой ступить на Огненный Путь, и им останется лишь смотреть и ждать. На мгновение я вспомнил о растворившемся Яго, отбросил эту мысль, старательно успокоил свой разум перед предстоящим испытанием, вспомнил и битву с Брэндом, и его странное отбытие, эту мысль тоже откинул, замедлил дыхание и приготовился.

И словно впал в летаргию. Следовало начинать, но я все медлил, концентрируясь на стоящей передо мной задаче. Огненный Путь поплыл перед глазами. Ну же! Черт возьми! Давай! Хватит приготовлений! Давай же! Пошел!

И все равно я так и стоял, созерцая Огненный Путь, словно во сне. Глядя на него, я надолго забыл о себе. Огненный Путь, с которого надо убрать эту длинную черную кляксу...

Мне было совершенно безразлично, убьет он меня или нет. Я созерцал его красоту, все остальное куда-то исчезло...

Я что-то услышал. Наверное, идут отец, Дворкин и Фиона. Помнится, следовало что-то сделать, пока они до меня не добрались. Нужно шагнуть вперед, это я сейчас...

Я оторвал взгляд от Огненного Пути и повернулся к пещере. Они выбрались оттуда, поднялись до середины склона и остановились.

Почему? Почему они остановились?

А какая, собственно, разница? Мне хватало времени, чтобы взяться наконец за дело. Я начал поднимать ногу, чтобы шагнуть вперед.

Я почти не мог двигаться. Огромным усилием воли мне удалось продвинуть ногу на дюйм; сделать этот шаг оказалось сложнее, чем идти по Огненному Пути, даже по последней, самой тяжелой его части. Но здесь я боролся не столько с внешним сопротивлением, сколько с вялостью собственного тела. Это было похоже на...

В голове всплыла картина: Бенедикт у Огненного Пути в Тир-на Ног'тхе, приближается ухмыляющийся Брэнд с пылающим Камнем на груди.

Я знал, что увижу, посмотрев вниз.

Красный Камень пульсировал в такт с моим сердцем.

Чтоб их всех!

Отец, или Дворкин, или оба они вместе парализовали меня с его помощью. Не сомневаюсь, что любой из них справился бы с такой задачей и в одиночку.

Но они же еще очень далеко, нельзя сдаваться без боя!

Я продолжал толкать вперед свою ногу, медленно скользя ею к краю Огненного Пути. Когда я на него ступлю, им никаким образом не...

Засыпаю... Я почувствовал, что падаю. На мгновение я заснул. Очнулся. И заснул.

Открыв глаза, я увидел часть Огненного Пути, повернув голову, — ноги, подняв глаза, — отца, держащего Камень.

— Уйдите, — бросил он Дворкину и Фионе. Те отошли, а отец повесил Камень себе на шею. Потом наклонился, протянул мне руку и, когда я взял ее, поднял меня на ноги.

— Идиотская затея, — сказал он.

— Но я почти успел.

— Успел бы совсем, так угробил бы себя, ничего не достигнув!.. Но сработано неплохо. Давай пройдемся.

Он взял меня за руку, и мы двинулись вокруг Огненного Пути. Везде, куда ни посмотри, этот странный, лишенный горизонта простор — не то море, не то небо. Интересно, что бы случилось, если бы мне удалось ступить на Огненный Путь? Что бы происходило сейчас?

— Ты изменился, — произнес отец. — Или я никогда тебя не знал.

— А может, и то и другое. — Я пожал плечами. — Я собирался сказать то же самое про тебя. Ты не поделишься одним секретом?

— Каким?

— Сложно тебе было быть Ганелоном?

— Вовсе нет, — усмехнулся папаша. — Возможно, ты видел настоящего меня.

— Мне он нравился. Или скорее ты в его роли. А что стало с настоящим Ганелоном?

— Он давно мертв. Я встречался с ним после того, как ты выгнал его с Авалона. Неплохой был парень. Я ему ни на грош не доверял, но я и так никому без крайней надобности не доверяю.

— Наш семейный обычай.

— Жаль, конечно, что пришлось его убить, но он не оставил мне выбора. Все уже быльем поросло, а я очень отчетливо его помню.

— А Лоррен?

— Страна? На мой взгляд, неплохая работа. Я взялся за подходящую Тень. Она укреплялась от одного моего присутствия, как, впрочем, и любая другая усилилась бы, пробудь там подольше любой из нас — вроде как ты в Авалоне, а потом еще в том, другом местечке. Чтобы пробыть в Лоррене подольше, мне пришлось изменить темп тамошнего времени.

— Я не знал, что такое возможно.

— Ты набираешь силу постепенно, начиная с инициации в Огненном Пути. Есть еще масса вещей, тебе неизвестных. Да, я укрепил Лоррен, сделал ее максимально податливой к растущей силе Черной Дороги. Я проследил, чтобы она оказалась на твоем пути, куда бы ты ни пошел. После побега все дороги вели в Лоррен.

— Зачем?

— Я устроил тебе ловушку, а может, и проверку. Я хотел быть с тобой, когда ты встретишь силы Хаоса; еще я хотел с тобой попутешествовать.

— Проверка? На что ты меня проверял? И зачем со мной путешествовать?

— Сам не догадаешься? Я годами следил за всеми вами, никогда не называя преемника, специально оставляя вопрос открытым. Все вы достаточно на меня похожи, чтобы объявление любого из вас стало его смертным приговором. Нет уж, я специально все оставил так, как есть, до самого конца. Теперь я решил. Это будешь ты.

— В Лоррене ты ненадолго связался со мной от собственного имени и велел занять трон. Если ты решил еще тогда, к чему было продолжать маскарад?

— Тогда я еще не решил, просто не хотелось, чтобы ты там завяз. Я боялся, что тебе слишком понравятся девчонка и страна. Выбравшись из Черного Круга, ты мог осесть в Лоррене, а так я подтолкнул тебя двигаться дальше.

Я надолго замолчал; мы уже обошли значительную часть Огненного Пути.

— А еще, — сказал я. — Перед тем как прийти сюда, я говорил с Дарой. Она пытается обелить свое имя в наших глазах...

— Оно чисто, — оборвал меня отец. — Я его обелил.

Я покачал головой:

— Я не стал сегодня об этом говорить, однако есть веская причина, по которой Даре нельзя доверять, несмотря на все ее протесты и твои заверения. Даже две веские причины.

— Знаю, Корвин, знаю. Ты думаешь, что она убила слуг Бенедикта, чтобы обеспечить себе положение в доме... Это сделал я, чтобы она с гарантией вышла на тебя, и в подходящее к тому же время.

— Ты? Ты участвовал во всем этом заговоре? Зачем?

— Из нее выйдет хорошая королева, сынок. Кровь Хаоса — сильная кровь. Пришло время для очередного вливания. Ты получишь трон, заранее имея наследника. К тому времени, когда Мерлин дорастет до этого трона, от теперешнего его воспитания и следа не останется.

Мы дошли до черного пятна. Я остановился, присел на корточки и осмотрел его.

— Думаешь, эта штука убьет тебя? — наконец спросил я.

— Уверен.

— Ты не гнушался убиением невинных людей, чтобы управлять мной, и все же жертвуешь жизнью во благо Королевства. — Я перевел взгляд с пятна на отца. — Я сам не без греха и вовсе не собираюсь тебя судить. Но некоторое время назад, когда я собирался войти в Огненный Путь, я подумал, как изменилось мое отношение к Эрику, к трону... Ты делаешь это из чувства долга. У меня тоже есть долг перед Амбером, перед троном. Больше, чем долг, значительно больше, как я тогда понял. А еще я понял, чего этот долг от меня не требует. Не знаю, что или как это произошло и где я изменился, но трон мне не нужен. Извини, отец, это путает твои планы, но я не хочу быть королем Амбера. Извини.

Я снова опустил взгляд, услышал его вздох, а потом:

— Сейчас я отправлю тебя домой. Оседлай лошадь, возьми еды и поезжай из Амбера в какое-нибудь укромное место.

— Моя гробница подойдет?

Оберон фыркнул и усмехнулся:

— Подойдет. Отправляйся и жди моего повеления. Мне надо подумать.

Я встал. Он протянул правую руку и положил ее мне на плечо. Камень пульсировал. Отец смотрел мне в глаза.

— Никому не получить всего именно так, как хочется, — сказал он.

Последовал какой-то трюк с расстояниями, будто от карты, но наоборот. Я услышал голоса, потом вокруг появилась комната, из которой я стартовал. Бенедикт, Джерард, Рэндом и Дара все еще были там. Отец отпустил мое плечо, исчез, и я вновь оказался среди родственничков.

— Ну и что там новенького? — поинтересовался Рэндом. — Мы видели, что отец отправил тебя назад. Не знаешь, кстати, как он это делает?

— Не знаю, — ответил я. — Но он подтверждает все сказанное Дарой. Он дал ей и кольцо, и послание.

— Зачем? — спросил Джерард.

— Хочет, видите ли, — развел я руками, — чтобы мы научились ей доверять.

Бенедикт встал.

— Тогда я пошел выполнять указания.

— Он велел атаковать и отойти, — сказала Дара. — Потом их надо просто сдерживать.

— И долго?

— По его словам, все прояснится само собой.

Бенедикт улыбнулся, что случалось с ним крайне редко, и кивнул. Он сумел одной рукой достать футляр для карт, вынул колоду, большим пальцем отлистал специальную карту Владений Хаоса, которой снабдил его я.

— Удачи, — сказал Рэндом.

— Присоединяюсь, — добавил Джерард.

Я тоже попрощался с Бенедиктом. Когда растаяла оставшаяся на его месте радуга, я отвел глаза и заметил, что Дара беззвучно плачет. Сей факт я решил оставить без комментариев.

— У меня тоже есть приказ, так что я лучше пойду.

— А я вернусь к морю, — сказал Джерард.

— Нет, — возразила Дара. Я замер с поднятой ногой. — Джерард, ты останешься здесь и позаботишься о безопасности Амбера. С моря нападения не будет.

— Я думал, что здесь обороной занимается Рэндом.

Она покачала головой:

— Рэндом присоединится к Джулиану в Арденском лесу.

— Ты точно знаешь? — усомнился Рэндом.

— Абсолютно.

— Отлично, — кивнул он. — Приятно сознавать, что папаша и обо мне не забыл. Извини, Джерард...

Джерард выглядел несколько озадаченно.

— Надеюсь, он знает, что делает.

— Это мы уже проходили, — заметил я. — До скорого.

Выходя, я услышал торопливые шаги — меня догнала Дора.

— Что еще? — спросил я.

— Я думала пойти с тобой. Куда бы то ни было.

— Я всего лишь наверх за припасами. А потом — в конюшню.

— Я пойду с тобой.

— Я еду один.

— Я все равно не смогла бы ехать с тобой, надо ведь поговорить и с твоими сестрами.

— Они тоже при деле?

— Да.

Некоторое время мы шли молча, затем она произнесла:

— Знаешь, Корвин, все это делалось не так бездушно, как тебе сейчас кажется.

Мы вошли в кладовую.

— Ты о чем?

— Сам прекрасно понимаешь.

— А... Хорошо.

— Ты мне нравишься. Со временем это может стать чем-то большим, если у тебя остались хоть какие-нибудь чувства.

Гордость подсказывала мне резкий ответ, но я прикусил язык. За долгие века чему-нибудь да научишься. Да, она меня использовала, но и сама действовала при этом не совсем добровольно. По-моему, худший ответ был бы примерно таков: «Отец хочет, чтобы я тебя хотел». Но разве можно допустить, чтобы обида на подобное вмешательство влияла на мои чувства или на то, чем оные чувства могут стать со временем?

— Ты мне тоже нравишься, — ответил я и посмотрел на Дару.

Казалось, она ждала, чтобы ее поцеловали, и я не обманул ее ожиданий.

— Мне пора идти.

Дара улыбнулась, сжала мою руку, а потом ушла. Я решил, что исследованием своих эмоций займусь малость позже, дел и без того невпроворот.

Я оседлал Стара, одолел гребень Колвира и остановился у своей гробницы. Усевшись на скамейку, я курил трубку и смотрел на облака. Удивительно наполненный день — а ведь он едва перевалил за половину. В моем мозгу весело резвились предчувствия — из той породы, которую в приличных домах не пускают дальше кухни.

Глава 3

Папашин вызов застал меня мирно дремлющим. Я вскочил как ошпаренный.

— Корвин, решение принято, и время пришло, — изрек папаша. — Обнажи левую руку.

Что я и сделал, а он становился все более материальным, приобретая все более царственный вид. На лице его все отчетливее проявлялась никогда раньше мною не виданная печаль.

Левой рукой он взял меня за запястье, а правой достал кинжал.

Я смотрел, как отец сделал на моей руке надрез и тут же вложил кинжал в ножны. Пошла кровь; он поймал ее в горсть, отпустил меня, накрыл левую ладонь правой и отошел. Подняв руку ко рту, он сильно дунул и быстро их развел.

Хохлатая птица размером с ворона и цвета крови постояла на его ладони, перешла на запястье и чуть наклонила голову. Красный, как кровь, глаз смотрел на меня с ни на чем не основанной фамильярностью.

— Это Корвин, ты должна следовать за ним, — сказал отец. — Запомни его.

Потом он пересадил птицу на левое плечо; оттуда она продолжала пялиться на меня, даже не пытаясь улететь.

— Теперь ты должен ехать, и быстро. Садись на лошадь и двигайся на юг. Чем скорее ты уедешь в Тени, тем лучше. Несись как ошалелый и убирайся отсюда подальше.

— Куда я направляюсь, отец?

— К Владениям Хаоса. Дорогу знаешь?

— Скорее теоретически. Я ездил по ней, но не до конца.

Он медленно кивнул:

— Тогда торопись. Я хочу, чтобы разница во времени между тобой и этим местом стала как можно больше.

— Хорошо, — сказал я. — Только я все равно не понимаю.

— Ничего, потом поймешь.

— Но ведь можно же проще, — возразил я. — У Бенедикта есть карта, она приведет меня в эти самые Владения гораздо быстрее и безо всяких хлопот.

— Не выйдет, — сказал отец. — Ты едешь окольным путем, чтобы тебе по пути передали одну вещь.

— Передали? Кто?

Он погладил красные перья птицы.

— Твоя подружка. Она не сможет долететь до самых Владений достаточно быстро.

— И что она мне принесет?

— Камень. Вряд ли по завершении работ я буду способен заниматься пересылками, а там он тебе ой как пригодится.

— Понятно. Но всю дорогу мне ехать все равно не обязательно. Я могу воспользоваться картой, получив Камень.

— Боюсь, что нет. Когда я сделаю то, что должно быть сделано, на некоторое время карты перестанут работать.

— Почему?

— Потому что вся ткань бытия подвергнется изменениям. Двигай же, чтоб тебя. На лошадь — и пошел!

Я постоял еще чуть-чуть, глядя на него.

— Отец, а что, никак иначе нельзя?

Он покачал головой, поднял руку и начал исчезать.

— Счастливо.

Я развернулся и вскочил в седло. Слова еще оставались, а вот времени — нет. Я повернул жеребца к тропе, ведущей на юг.

В отличие от отца уходить в Тени прямо с Колвира мне никогда не удавалось. Я не умел перемещаться так близко от Амбера.

Однако, зная, что это возможно, я счел своим долгом попытаться. Под завывание ветра, двигаясь на юг по голым скалам, осыпям и каменистым перевалам, направляясь к дороге, ведущей на Гарнатх, я решил искривить вокруг себя хоть малый лоскуток пресловутой ткани бытия.

...За каменным уступом — маленькая кочка с голубыми цветами.

Я несказанно обрадовался — ведь они были плодом моих скромных стараний. Я продолжал изменять усилием воли мир за каждым поворотом.

Тень от треугольного камня поперек дороги... Смена ветра...

Мелкие изменения работали. Тропа изгибается назад... расщелина... высоко на каменной полке старое птичье гнездо... еще синих цветочков...

Почему бы и нет? Дерево... другое...

Я чувствовал нарастающую внутри меня силу и продолжал менять мир.

В связи с новообретенной силой пришла мысль — а вдруг раньше подобное мне не удавалось по чисто психологическим причинам? До самого последнего времени я считал Амбер цельной, нерушимой действительностью, твердой первоосно-

вой всех Теней. Теперь он оказался всего лишь первым среди отражений, а место, где стоял мой отец, представляло собой реальность более высокую; поэтому близость Амбера только затрудняла изменения, но не делала их невозможными. И все же при других обстоятельствах я поберег бы силы до более податливых мест.

При других обстоятельствах. Сейчас, чтобы выполнить волю отца, мне придется спешить и выкладываться.

Когда я достиг тропы, спускающейся по южному склону Колвира, характер местности уже изменился. На месте одного круглого склона моему взгляду предстала череда пологих. Я уже зашел в Тени.

И направился вниз.

Слева все так же тянулся страшный шрам Черной Дороги, но этот Гарнатх был все же поблагопристойней того, привычного. Поросшие травой и кустарником участки, лежащие ближе к мертвой полосе, заметно смягчали местность. Мое проклятие словно чуть пообтрепалось — чистая, конечно же, иллюзия, ведь это уже не мой Амбер. Но я сожалею о своем поступке, мысленно воззвал я ко всему вокруг, я еду, чтобы попытаться его исправить. Прости меня, о дух этих мест.

Мой взгляд сместился в сторону Рощи Единорога, однако увидеть священный лес мне не удалось, слишком уж далеко он был на западе, и слишком много деревьев мешало.

Внизу склон перешел в слегка волнистое предгорье. Здесь я припустил Стара сильнее, направляясь сперва на юго-запад, а потом — прямо на юг. Ниже, еще ниже. Далеко слева искрилось и сияло море. Скоро между нами ляжет Черная Дорога, ведь я спускался в долину Гарнатха в ее направлении. Что бы я ни делал с Тенями, от зловещего присутствия Черной Дороги мне не избавиться. Более того, кратчайший путь пролегал как раз вдоль нее.

Наконец мы спустились в долину. Взглянув направо, я увидел вдали Арденский лес, древний и необъятный. Я ехал и прилагал все усилия, чтобы изменения увели меня еще дальше от дома.

Теряя Дорогу из виду — как-никак ориентир, ее-то никак не изменишь, — я все же старался держаться от этой зияющей раны на почтительном расстоянии, загораживался от нее кустами, деревьями, низкими холмиками.

Я сосредоточился, и текстура земли изменилась.

Прожилки агата... Груды сланца... Растительность чуть потемнела...

По небу плывут облака... Сверкает, танцуя, солнце...

Стар прибавил шагу. Мы спустились еще ниже. Тени удлинялись, слились воедино. Лес отступил. Справа высился скалистый обрыв, слева — другой... Холодный ветер гнал меня по дикому каньону. На склонах мелькали выходы отложений — красные, желтые, золотистые и бурые полосы. Дно каньона сделалось песчаным. Вокруг вертелись крохотные смерчи. Дорога пошла в гору, и я наклонился вперед. Стены изогнулись внутрь, сблизились. Проход становился все уже. Я мог бы дотянуться до любой из стен...

Их верхние края сомкнулись. Я ехал по темному туннелю. Когда стало еще темнее, я попридержал жеребца... На стенах вспыхнули узоры, ветер жутковато взвыл.

Пора отсюда выбираться!

Сияние стен слепило глаза, со всех сторон высились кристаллы. Мы неслись мимо них вверх, через мшистые лощины с маленькими, совершенно круглыми прудами, гладкими, как зеленое стекло.

Путь преградили высокие заросли папоротника. Мы помчались напролом. Вдали что-то затрубило.

Поворот, дальше прямо... Теперь папоротники красные, шире и ниже прежних... За ними — обширная равнина, розовеющая на закате.

Вперед, по бледной траве... Запах свежей земли... Далеко впереди — горы темных облаков... Слева проносятся звезды... Короткий залп мелких капель воды... На небо взлетает синяя луна... Мерцание среди темных силуэтов... Воспоминания и глухой рокот... Запах шторма, порывы ветра... По звездам несутся облака... Огненный трезубец вонзается в разбитое дерево, дерево ярко вспыхивает... Покалывание... Запах озона... Сплошной, как из ведра, ливень... Ряд огоньков слева... Цокот копыт по булыжной мостовой... Приближается странная машина — цилиндрическая, пыхтящая... Мы разминулись...

Сзади — отчаянные крики... Лицо ребенка в освещенном окне... Цокот... Всплески... Витрины лавок и дома... Дождь усиливается, слабеет, кончается... Приходит туман, слева разгорается жемчужный свет... Земля под копытами становится

мягче, краснее... Свет в тумане все ярче и ярче... Новый ветер, теперь в спину, теплеет...

Бледно-лимонное небо... Оранжевое солнце ракетой взлетает к зениту... Мир охватывает дрожь! Совершенно непредвиденная вещь, я здесь ни при чем... Земля под нами дрожит... Новое небо, новое солнце, ржавая пустыня, в которой я только что очутился. Раздается треск, мы со Старом оказываемся в одиночестве, среди белого ничто — актеры без декораций. Мы ступаем по ничему. Свет идет отовсюду и ниоткуда и освещает только нас. Непрестанный треск; я вспомнил, как в России ехал весной вдоль реки. Стар, побывавший не в одной Тени, испуганно всхрапнул.

Я внимательно оглядываюсь. Появляются смазанные очертания; становятся резче, яснее. Все как раньше, только какое-то блеклое. Из мира исчезла часть красок.

Мы сворачиваем налево, скачем к невысокому холму, поднимаемся, останавливаемся на вершине.

Черная Дорога — тоже не такая, как раньше, даже в большей степени, чем все остальное. От моего взгляда она покрывается рябью, чуть не волнами. Треск не стихает, напротив, делается громче...

С севера дует ветер; легкий поначалу, он все усиливается. Посмотрев туда, я вижу, как собираются темные тучи.

Я знаю, что ехать надо быстро, как никогда прежде. В месте, где я был — когда не важно, — происходит разрушение и созидание. Волны движутся от Амбера. Все, что вокруг, может исчезнуть — вместе со мной. Если королю Оберону не удастся Шалтая-Болтая собрать.

Я тряхнул поводьями, мы понеслись на юг.

Равнина... Деревья... Разрушенные здания... Быстрее... Дым лесного пожара... Стена пламени... Исчезла... Желтое небо, голубые облака... Пролетает армада дирижаблей... Быстрее...

Солнце падает за горизонт, словно раскаленная железка в ведро воды, звезды растягиваются в полосы... Бледный свет на прямой тропе... Звуки отскакивают от темных смазанных пятен, возвращаются пронзительным воем... Свет все ярче, мир — все бледнее... Что-то серое справа, слева... Кроме тропы, смотреть не на что... Завывание превращается в режущий уши

визг... Формы сливаются... Мы мчимся из Теней сквозь тунель, а тот начинает вращаться...

Поворот, еще один... Реальна лишь дорога... Мимо проносятся миры... Я перестал управлять происходящим и ехал теперь на гребне силовой волны, единственное предназначение которой — убрать меня из Амбера и зашвырнуть в Хаос... Вокруг дует ветер, уши заполнил крик... Никогда еще я не использовал свою власть над Тенями на пределе возможностей... Туннель становится гладким, как стекло... Мне кажется, что я низвергаюсь в водоворот, в око тайфуна... И Стар, и я взмокли от пота... Дикое чувства побега, будто кто-то меня преследует... Дорога стала абстракцией... Я смаргиваю, пот жжет глаза... Долго я такую скачку не выдержу... Биение у основания черепа...

Я мягко потянул поводья, Стар замедляет бег... Стены туннеля делаются зернистыми... Не равномерное затемнение, а какие-то кляксы — серые, черные, белые... коричневые... проблеск синего... зеленый... Завывание переходит в низкий рев, стихает... Ветер слабеет... Появляются и исчезают формы... Медленнее, медленнее...

Тропы нет. Я еду по мшистой земле. Небо синее, облака белые. У меня кружится голова. Я тяну поводья. Я...

Я опустил взгляд и был потрясен, обнаружив себя на окраине игрушечной деревни. Дома поместились бы на моей ладони; тоненькие дорожки, по ним ползают крошечные машины... Я посмотрел назад. Мы раздавили несколько таких миниатюрных жилищ. Оглядевшись, я заметил, что слева их меньше, и аккуратно направил жеребца туда, продолжая двигаться, пока мы не выбрались из поселка. Мне было совестно — что бы это ни было, кто бы там ни жил. Но ведь я ничего не мог сделать.

Мы снова поехали через Тени, пока не набрели на некое подобие заброшенного карьера под зеленоватым небом. Здесь я почувствовал себя увереннее. Слез с лошади, выпил воды, немного побродил. Глубоко вдохнул сырой воздух.

Я порядком удалился от Амбера, дальше вряд ли кому когда было нужно, и заметно приблизился к Владениям Хаоса. Так далеко я почти никогда еще не забирался. Я выбрал это место для отдыха, как самое близкое к нормальным условиям

из попадавшихся мне по пути, дальше изменения будут все сильнее и сильнее.

Я разминал сведенные судорогой мышцы, и тут высоко в небе раздался крик.

Посмотрев наверх, я увидел, как снижается что-то темное. Грейсвандир сам прыгнул мне в руку. Но пока существо спускалось, свет упал по-новому, и его крылья вспыхнули огнем.

Птица сделала круг и села мне на плечо. Ее пугающие глаза светились чем-то вроде разума, но я не стал уделять им особого внимания. Вместо этого я вернул Грейсвандир в ножны и потянулся за папашиной посылкой.

Судный Камень.

Из этого следовало, что почти безнадежное предприятие с тем или иным результатом закончилось. Огненный Путь или починен, или нет. Отец или жив, или нет. Выберите по одному варианту из каждой колонки.

Теперь последствия его поступка будут расходиться от Амбера по Теням, как круги по воде. Скоро я с этими кругами познакомлюсь поближе. А пока у меня приказ.

Я надел цепочку, уронил Камень себе на грудь и опять вскочил в седло. Моя кровная родственница коротко заклекотала и поднялась в воздух.

Мы снова ехали.

...Место, где, по мере того как небо белело, земля темнела. Потом засветилась земля, а небо стало черным. Потом наоборот. Снова... С каждым шагом они будто переключались, когда же мы поехали быстрее, все превратилось в стробоскопическую серию неподвижных кадров, потом в плохой мультфильм, в дерганое немое кино и наконец смазалось.

Словно метеоры или кометы, проносились светящиеся точки. Я чувствовал тяжелые толчки — так, наверное, бьется космическое сердце. Все начало кружиться вокруг меня, будто в смерче.

Что-то было не так. Я терял контроль над происходящим. Могли ли результаты папашиных действий докатиться уже до этого участка отражений? Вряд ли. И все же...

Стар споткнулся. Падая, я крепко в него вцепился — мало хорошего, если мы окажемся в разных Тенях. Я ударился плечом о что-то твердое и некоторое время лежал оглушенный. Когда мир вновь собрался из кусочков, я сел и огляделся. Стояли сумерки, но звезд не было. Вместо них в воздухе плавали большие камни разнообразных форм и габаритов.

Неровная каменистая поверхность, на которой я стоял, вполне могла оказаться валуном размером с гору, плавающим в воздухе, наподобие прочих. Полная, глухая тишина. Ни травинки, ни букашки. Добровольно я бы здесь не остановился. Я стал на колени и осмотрел ноги Стара. Хотелось убраться отсюда как можно скорее и желательно верхом.

Пока я всем этим занимался, прозвучал легкий смешок, исходивший вроде как из человеческого рта. Я положил руку на рукоять Грейсвандира и стал высматривать весельчака.

Ничего. Нигде.

И все же мне не послышалось. Я медленно повернулся, внимательно осмотрел все вокруг. Ничего...

Снова смешок. Только теперь я понял, что он раздался у меня над головой.

Я осмотрел плавающие камни. Трудно различить в тени...

Там!

В тридцати метрах слева от меня и в десяти над землей на огромном булыжнике — нет, на маленьком летающем острове — стояла человеческая фигура. Я обдумывал ситуацию. Что бы оно такое ни было, угрозы оно не представляет — слишком далеко, не успеет до меня добраться, я смоюсь быстрее. Я начал залезать в седло.

— Без толку, Корвин. — Именно этот голос мне меньше всего хотелось услышать. — Ты теперь здесь, и без моего разрешения тебе не уехать.

Я улыбнулся, сел-таки на лошадь и достал Грейсвандир.

— Давай проверим. Ну же, преграждай мне путь.

— Сейчас, — охотно согласился он, и меня окружила высокая стена пламени, беззвучного, вырывавшегося прямо из голого камня.

Стар ошалел. Я сунул Грейсвандир в ножны, обернул глаза несчастного жеребца краем плаща и начал шептать ему ласковые слова. За это время круг расширился, пламя отступило к краю временно занимаемого нами камня.

— Убедился? Здесь слишком мало места. Поезжай куда хочешь. Твой конь взбесится раньше, чем ты сможешь уйти в другую Тень.

— До свидания, Брэнд. — И я тронул поводья.

Мы поехали против часовой стрелки; я заслонял правый глаз Стара от пламени. Брэнд, не понимая, что я делаю, снова усмехнулся.

Пора больших камней... Хорошо. Я продолжал ехать по намеченному маршруту. Теперь иззубренный уступ слева, подъем, впадина... Поперек пути — путаница теней, отбрасываемых пламенем... Вот так. Вниз... Вверх. Чуть позеленить то пятно света...

Я почувствовал, что началось перемещение.

Из того, что по прямой ехать проще, не следует, что по-другому ехать нельзя. Мы слишком много внимания уделяем прямой и забываем, что движением по кругу тоже можно добиться результата...

Приблизившись к двум большим камням, я еще сильнее почувствовал смещение. Примерно тогда же до Брэнда дошло.

— Подожди, Корвин!

Я показал ему кукиш и срезал между камнями, направляясь в узкий каньон, усеянный желтыми искорками. Все — согласно прейскуранту.

Я убрал с головы Стара плащ и натянул поводья. Каньон резко свернул направо, мы вышли по нему на несколько лучше освещенный проезд, который расширялся и светлел по мере нашего продвижения.

...Нависший над тропой уступ, молочно-белое небо, края неба сверкают, как жемчуг...

Скачем глубже, быстрее, дальше...

Слева над осыпью встает иззубренная скала, усеянная зелеными пятнышками каких-то неприхотливых кустарников, с неба льется бледно-розовый свет...

Я ехал, пока растительность не посинела, а небо не пожелтело, пока каньон не перешел в лавандовую равнину, по которой, в такт топоту копыт, катились оранжевые камни. Я пересек долину под крутящимися, как колесо фейерверка, кометами и доехал до берега кроваво-красного моря, от которого резко пахло духами. Проезжая по берегу, я убрал с неба большое зеленое солнце, а за ним и маленькое бронзовое. В это время схватились два ажурных флота, вокруг кораблей с оранжевыми и синими парусами кружили морские змеи. Я черпал силу из Камня, он ярко пульсировал у меня на груди. Дикий

ветер поднял нас в воздух и понес по небу с медными облаками через широкий провал, бесконечно простирающийся в обе стороны; черное дно искрилось, испускало клубы пьянящих запахов...

За спиной нескончаемый гром... Тонкие линии, словно кракелюры на старой картине — впереди, везде... Догоняет холодный, убивающий запахи ветер...

Линии... Трещины ширятся, заполняются растекающейся темнотой... Темные потеки проносятся мимо, вверх, вниз, снова по самим себе... Постановка невода, труды исполинского рыбаря, невидимый паук ловит, как муху, Вселенную...

Вниз, вниз и вниз... Снова земля, кожистая и сморщенная, словно шея мумии... Мы проезжаем без звука... Гром смолкает, ветер стихает... Последний вздох отца? Теперь быстрее и прочь...

Линии сужаются, становятся тонкими, как штрихи на гравюре, исчезают в жаре трех солнц... Еще быстрее...

Приближается всадник... Синхронно со мной берется за рукоять шпаги... Я. Я возвращаюсь?.. Каким-то образом мы проезжаем друг сквозь друга; на одно мгновение воздух сгущается, становится плотным, как вода. Какой Кэрролл придумал это зеркало, что за Ремба или Тир-на Ног'тх выкидывает здесь свои фокусы... И все равно далеко-далеко слева корчится что-то черное... Мы скачем по дороге... Она ведет вперед...

Белое небо, белая земля, никакого горизонта... Впереди ни солнца, ни облаков... Лишь черная нить вдалеке да повсюду мерцающие пирамиды — огромные, подавляющие...

Мы устали. Это место мне не нравится... Но мы оторвались от того — неизвестно чего, — что нас преследовало. Натянуть поводья.

Я устал, но чувствую странную живость. Она словно поднимается из груди... Конечно, это Камень. Я снова обратился к его силе. Сила потекла по моим конечностям, едва останавливаясь у кончиков пальцев. Почти как...

Да. Я потянулся и подчинил пустое геометрическое окружение своей воле. Оно начало меняться.

Движение. Мимо проносятся, быстро угасая, пирамиды. Они сморщиваются, сливаются, рассыпаются в песок. Мир перевернулся, я словно стою на нижней стороне облака и вижу, как подо/надо мной мелькают ландшафты.

Снизу вверх льется свет золотого солнца. Потом это кончается, пушистая твердь темнеет и выстреливает вверх потоки воды, размывающие землю, проносящуюся над головой. Молнии прыгают, чтобы ударить в мир наверху, разбить его. Кое-где он поддается, меня осыпают осколки.

Приходит волна темноты, и осколки мира начинают вертеться в смерче.

Снова возникает свет, на сей раз синеватый. Он исходит из ниоткуда и освещает ничто.

...Золотые мосты длинными лентами тянутся через бездну, один из них сверкает прямо над нами. Мы скачем во весь опор, но почему-то кажется, что стоим неподвижно... Это длится целую вечность. Что-то схожее с синдромом шоссейной дороги входит в меня через глаза, опасно убаюкивает. Я всеми силами пытаюсь ускориться. Проходит еще одна вечность.

Наконец где-то вдалеке — темное туманное пятно, наша цель, растущая, несмотря на скорость, очень медленно.

Когда мы добираемся до пятна, оно огромно — остров в бездне, заросший металлическими деревьями...

Я останавливаю донесшее нас сюда движение, в лес мы въезжаем собственными силами. Едем среди золотых деревьев, под ногами хрустит трава, похожая на алюминиевую фольгу. Вокруг висят странные бледные и блестящие фрукты. Животных здесь, похоже, не водится. Углубившись в лес, мы доезжаем до небольшой поляны, через которую течет ртутный ручеек. Там я спешиваюсь.

— Я ждал тебя, братец Корвин, — доносится все тот же голос.

Глава 4

Я повернулся и увидел, как он выходит из леса. Он был без оружия, и я не стал доставать свое, погрузившись вместо этого сознанием в Камень. После только что закончившегося упражнения я понял, что могу с его помощью не только управлять погодой. Какими бы ни были силы Брэнда, теперь у меня есть что им противопоставить.

Камень запульсировал ярче.

— Мир? — предложил Брэнд. — О'кей? Поговорим?

— Не вижу предмета для обсуждения.

— Не дав мне высказаться, ты никогда не будешь знать наверняка, так?

Он остановился метрах в семи от меня, накинул зеленый плащ на левое плечо и улыбнулся.

— Ладно. Говори.

— Я пытался тебя остановить из-за Камня. Очевидно, теперь ты знаешь, что он такое и как он важен.

Я молчал.

— Отец его уже использовал, — продолжил Брэнд. — Со всем прискорбием должен тебе сообщить, что у него ничего не вышло.

— Как? Откуда ты знаешь?

— Корвин, я способен видеть сквозь Тени. А я-то думал, что сестричка все тебе рассказала... Небольшое усилие, и я вижу происходящее в любом выбранном мною месте. Естественно, исход этого предприятия не был для меня безразличен, вот я за ним и наблюдал. Отец мертв, Корвин. Хиловат оказался. На полпути через Огненный Путь он потерял контроль над силами, которыми манипулировал, и был ими уничтожен.

— Врешь! — сказал я, берясь за Камень.

Брэнд покачал головой:

— Да, я могу солгать для достижения цели, но на сей раз я говорю правду. Отец мертв. Я видел его гибель. Потом птица принесла тебе Камень, как он этого и хотел. Мы остались во Вселенной без Огненного Пути.

Я не хотел ему верить. Но отец действительно мог потерпеть неудачу. Единственный эксперт в данной области, Дворкин, говорил мне, что задача очень сложна.

— Хорошо. Предположим на минуту, что все именно так, как ты сказал. Что будет дальше?

— Мир разваливается, — улыбнулся Брэнд. — Уже сейчас Хаос хлынул в пустоту, образовавшуюся в Амбере. Возник огромный вихрь, он растет, расширяется, уничтожая Тени, и не остановится, пока не дойдет до Владений Хаоса, завершая цикл творения. Хаос снова будет править всем.

Его слова меня ошеломили. И ради этого я пробивался сюда из клиники «Гринвуд» через все, что только можно?! Не-

ужели все лишится значения, формы, содержания, жизни? Неужели мир достоин такого конца?

— Нет! — крикнул я. — Не может быть.

— Если только... — мягко подсказал Брэнд.

— Если только что?

— Если не начертить новый Огненный Путь. Чтобы сохранить форму, нужно создать новый порядок.

— То есть поехать через всю эту кутерьму назад и попытаться закончить работу? Но ведь ты сам говоришь, что того места больше нет.

— Нет. Конечно, нет. Только место ведь значения не имеет. Где Огненный Путь, там и центр мира. Я могу это сделать прямо здесь.

— Ты надеешься преуспеть там, где не вышло у отца?

— Я должен попытаться, ни у кого другого не хватит знаний и времени до прихода волн Хаоса. Слушай, я признаю все, что Фиона, конечно же, вам рассказала. Я не только строил планы, но и действовал. Я вступил в заговор с врагами Амбера. Я пролил нашу кровь. Я пытался сжечь твою память. Но сейчас рушится мир, как мы его знаем, а я тоже в нем живу. Все, что я задумал — да и просто все! — исчезнет, если порядок не уцелеет. Волей-неволей приходится признать, что лорды Хаоса сделали меня, как маленького, — очень, во всяком случае, на то похоже. Но еще не вечер. Мы можем создать новый оплот порядка, прямо здесь.

— Каким образом?

— Мне нужен Камень — и твоя помощь. Здесь будет новый Амбер.

— Предположим — arguendo[1] — и я тебе его дам. Будет ли новый Огненный Путь точной копией старого?

Брэнд покачал головой:

— Это невозможно, как и папашин не был бы копией дворкинского. Никакие два человека не могут рассказать одно и то же одинаково, неизбежны индивидуальные стилистические различия. Как бы я ни старался его скопировать, мой все же будет чуть-чуть другим.

— Откуда такая уверенность в успехе? — удивился я. — Ведь ты не настроен на Камень. Для завершения настройки

[1] Условно (*лат.*). *(Здесь и далее примеч. ред.)*

тебе потребуется Огненный Путь — а я тут недавно от кого-то слышал, что он разрушен. Неувязочка.

— Я же сказал, что мне понадобится твоя помощь. Есть еще один способ настроиться на Камень — для этого требуется содействие уже настроенного человека. Ты должен спроецировать себя и меня в Камень, а потом пройти вместе со мной первичный Огненный Путь.

— А потом?

— Пройдя испытание, я буду настроен, ты отдаешь мне Камень, я рисую новый Огненный Путь, и можно снова заниматься делами. Все на месте. Жизнь продолжается.

— А Хаос?

— Новый Огненный Путь будет незапятнан. Они лишатся Дороги, дающей доступ к Амберу.

— А кто будет управлять новым Амбером, если отец погиб?

— Должно же мне хоть что-то достаться за труды, — криво усмехнулся Брэнд. — Я буду рисковать жизнью, шансы на успех не так уж и велики.

— Что же мешает мне самому сыграть в эту игру? — Я тоже усмехнулся, не знаю уж, криво или нет. — При такой-то ставке.

— То же самое, что помешало отцу. Срабатывает некий космический рефлекс, и все силы Хаоса бросаются в бой. Я знаю их повадки лучше, чем ты, имею больше опыта. У тебя нет никаких шансов. У меня, возможно, есть.

— А теперь, Брэнд, предположим, что ты мне соврал. Или, скажем мягче, не совсем четко разглядел через всю эту неразбериху действительные события. Что, если отец преуспел? Что, если уже существует Огненный Путь? Что произойдет, когда ты нарисуешь здесь еще один?

— Я... такого никогда раньше не случалось. Откуда мне знать?

— Я вот все думаю, вдруг таким образом получится новая версия действительности? Может, для тебя отколется новая вселенная — новый Амбер плюс новые Тени. И что она тогда — заменит нашу? Или будет существовать отдельно? Или они будут перекрываться? Что ты об этом думаешь?

Брэнд пожал плечами:

— Я тебе уже ответил. Откуда мне знать, ведь раньше такого не случалось.

— А мне кажется, что ты очень даже хорошо знаешь — или, по крайней мере, неплохо догадываешься. По-моему, именно это ты и планируешь, именно это и пытаешься сделать — ведь теперь ничего другого тебе не остается. Из нашего разговора я делаю вывод, что отец добился успеха и ты пытаешься разыграть последнюю свою карту. Но тебе нужны Камень и моя помощь. Ни того, ни другого ты не получишь.

— Я ждал от тебя большего, — вздохнул мой хитроумный братец. — Ну да ладно. Хоть ты и ошибаешься, пусть так. Но послушай, лучше я разделю мир с тобой, чем буду смотреть, как все рушится.

— Брэнд, — сказал я. — Мотай отсюда. Ни Камня, ни моей помощи ты не дождешься. Я тебя выслушал и думаю, что ты врешь.

— Боишься ты, вот что, — снова вздохнул Брэнд. — Я не виню тебя за недоверие. Но ты делаешь ошибку. Я тебе сейчас нужен.

— Тем не менее я сделал выбор.

Он шагнул ко мне.

— Что угодно, Корвин. Я могу дать тебе все, что ты назовешь.

— Я был с Бенедиктом в Тир-на Ног'тхе, смотрел его глазами и слушал его ушами, когда ты делал ему точно такое же предложение. Так что иди-ка ты, Брэнд, куда подальше. Я продолжаю свой путь, а если ты думаешь, что можешь меня остановить, — сейчас момент не хуже любого другого.

Я подошел к нему. Я понимал, что убью его, если сумею дойти, и понимал, что не сумею.

Он замер, потом сделал шаг назад.

— Ты совершаешь большую ошибку.

— Не думаю. На мой взгляд, это как раз то, что доктор прописал.

— Я не буду с тобой драться, — торопливо сказал Брэнд, — по крайней мере, здесь, над пропастью. У тебя был шанс. При нашей следующей встрече мне придется забрать у тебя Камень.

— Ну и толку тебе с него, ненастроенному?

— Не исключено, что есть еще один способ — посложнее, но все же возможный. У тебя был шанс. До свидания.

Брэнд отступил в лес. Я было направился следом, но он уже исчез.

...Я поехал дальше, по дороге над пустотой. А что, если Брэнд не соврал? Что, если хотя бы часть сказанного им — правда? Я гнал от себя эту мысль, но без особого успеха. Вдруг отец потерпел неудачу? Тогда я сейчас дурью маюсь. Все уже кончилось. Остается только ждать. Ждать... Не очень-то это приятно — ежесекундно оглядываться, проверять, не догоняет ли тебя нечто непотребное. Я поскакал во весь опор. А еще хотелось связаться с нашими, сообщить им, что я сохранил веру, отважно сражался до самого конца, жил и умер как герой. А то вот докатятся сюда волны Хаоса, и кто же тогда о моем героизме узнает?.. Интересно, как там их сражение, да и началось ли оно вообще в том времени?

Я пронесся по расширяющемуся под светлеющим небом мосту. Когда он превратился в золотую равнину, я обдумал Брэндову угрозу. Зачем он все это наговорил? Просто чтобы зародить у меня сомнения, чтобы я вот так на каждом шагу оглядывался, от каждого куста шарахался, чтобы я скис, ослабел? Возможно. Но, если ему нужен Камень, он устроит на меня засаду. А я уважал его странную власть над Тенями. Почти невозможно приготовиться к нападению того, кто способен следить за каждым твоим шагом, и мгновенно перенестись в самую выигрышную точку. Как скоро это может произойти? По моим оценкам, не очень скоро. Вначале он захочет потрепать мне нервы, а я и так уже издергался и устал. Рано или поздно придется отдохнуть, поспать, за один присест весь путь мне не одолеть, как ни ускоряйся.

Мимо плыл розовый, оранжевый, зеленый туман. Земля звенела под копытами, как металл. Для гармонического, видимо, соответствия сверху доносился чистый хрустальный звон. Мысли мои играли в чехарду. Всплывали, чтобы тут же исчезнуть, воспоминания о многих мирах. Ганелон, мой друг-враг, и отец, мой враг-друг, сливались и расходились, расходились и сливались. Когда-то один из них спросил меня, кто имеет право на престол. Раньше я думал, что Ганелон просто захотел разобраться во всей этой нашей путанице прав, притязаний и обоснований. Теперь я знаю, что это был отец, желавший меня прощупать, узнать мои чувства. Он долго взвешивал и принял решение, а я улизнул в кусты.

Почему же это я улизнул в кусты? Может, я слабоумный какой, недоразвитый? Или лентяй, не желающий связываться

с лишней обузой? А может, это у меня такое просветление, основанное на всем печальном опыте последних лет, может, во мне медленно вызревал более трезвый, умудренный взгляд на тяжкое бремя монаршей власти, взгляд, проникающий сквозь мишуру мимолетной славы?.. Вызревал-вызревал — и вот, значит, вызрел.

Я вспомнил свою жизнь на Земле: отдаю приказы, исполняю их... Передо мной проплывали лица — те, кого я знал эти века, — друзья, враги, жены, любовницы, родственники. Лоррен манила меня, Моэри смеялась, Дейрдре рыдала. Я снова дрался с Эриком. Вспомнилось, как я проходил Огненный Путь — первый раз, еще мальчиком, и тот, другой раз, когда шаг за шагом ко мне возвращалась память. Вернулись убийства, кражи, мошенничества, соблазнения — правильно сказал Мэллори, все они здесь. Я даже не мог расставить их в хронологическом порядке. Волнения особого я не испытывал, вины за прошлые свои поступки — тоже. Время, время, и еще раз время сгладило острые края событий, изменило меня самого. Предыдущие «я» казались мне другими людьми, стародавними знакомыми, которых я перерос. Некоторые вызывали искреннее удивление — ну не может быть, чтобы я был таким.

Я мчался вперед, а сцены из прошлого обретали плоть в окружающем тумане, и это — не поэтическая вольность. Битвы, в которых я участвовал, стали осязаемыми — звук, правда, отсутствовал полностью: сверкание оружия, доспехи и разноцветная военная форма, знамена и кровь. И люди — большинство из них давно умерло — вышли из моих воспоминаний, чтобы сыграть странный спектакль. Членов нашей семьи среди них не было, но все они для меня что-то значили. Однако системы в происходящем не наблюдалось. Деяния благородные и постыдные, враги и друзья, ни один из которых меня не замечал, совершали некую, давно позабытую последовательность телодвижений.

Меня заинтересовала природа этого места. Была ли то некая версия Тир-на Ног'тха, где чувствующая разум субстанция высасывает и проецирует вокруг меня эдакую панораму: «Посмотри, сукин сын, как ты жил»? Или я просто галлюцинирую? Я устал, огорчен и встревожен, я еду по дороге, мягко и монотонно стимулирующей эмоции, ведущие к задумчивости... На самом деле я осознал, что некоторое время назад потерял контроль над Тенями и теперь просто еду прямо по неподконтрольной местности, а может быть, угодил в ловушку спроецированного вовне нарциссизма... Поняв это, я понял и то, что надо остановиться и отдохнуть — даже поспать, — только останавливаться было страшновато. Следовало вырваться отсюда, добраться до места поспокойнее и поуединеннее...

Я набросился на этот театр теней, скрутил его и изломал. Я вырвался.

Вскоре я оказался в неровной гористой местности. Мы заехали под каменистый свод, я напоил и накормил Стара, затем поел и попил сам — совсем немного, только чтобы отогнать голод. Не разводя костер, завернулся в плащ и взятое с собой одеяло. Я лег лицом к выходу, к навалившейся на него тьме, правая моя рука сжимала Грейсвандир.

Меня немного мутило. Хоть я и знал, что Брэнд — трепло поганое, все равно его слова меня беспокоили.

Но я всегда славился умением засыпать. Я закрыл глаза — и мгновенно отключился.

Глава 5

Я проснулся от чьего-то присутствия. Или от шороха и чьего-то присутствия. Как бы там ни было, проснулся я в полной уверенности, что у меня гости. Покрепче сжав Грейсвандир, я открыл глаза — никаких прочих движений на всякий случай не делая.

Снаружи в пещеру лился мягкий, словно лунный, свет. Прямо у входа виднелась некая фигура, возможно — человек. Было слишком темно, и я не мог понять, стоит оное существо лицом ко мне или наружу. Но тут оно шагнуло в моем направлении.

Я вскочил, направив в его (или ее) грудь острие клинка. Существо остановилось.

— Мир! — произнес мужской голос на тари. — Я просто ищу убежище от грозы. Можно разделить с тобой пещеру?

— Какой грозы?

Словно в ответ раздался раскат грома, порыв ветра донес запах дождя.

— Ладно, по крайней мере про грозу ты не врешь. Располагайся.

Он сел в глубине пещеры, спиной к правой стене. Я сложил одеяло в несколько раз и уселся напротив незнакомца. Нас разделяло несколько метров. Нашарив трубку и набив ее, я опробовал спичку с Земли. Спичка загорелась, чем избавила меня от массы трудностей. Приятный запах табака смешался с влажным бризом. Я слушал дождь и созерцал темный силуэт моего безымянного соседа. На ум пришло несколько возможных опасностей, но обратившийся ко мне говорил не голосом Брэнда.

— Это — не обычная гроза, — сказал он.

— Да? А почему?

— Во-первых, она идет с севера. В такое время года гроза не приходит с севера.

— Все бывает когда-нибудь в первый раз.

— Во-вторых, я никогда не видел такой странной грозы. Я весь день следил за ее приближением: ровная линия, медленно наползает, фронт — словно стеклянная плита. Так много молний, что гроза кажется чудовищным насекомым с сотнями светящихся лапок. Очень неестественно. А там, где она прошла, все сильно исказилось.

— Так бывает в дождь.

— Не так. Все будто изменило очертания, поплыло. Словно гроза плавит мир — или забирает форму.

Я непроизвольно вздрогнул. Вот и мои надежды, что темные волны, остались далеко позади, и можно позволить себе небольшой отдых... А вдруг он ошибается, и это обычная — то есть не обычная, но вполне естественная — гроза? Однако рисковать не хотелось, поэтому я встал, развернулся спиной ко входу и свистнул.

Нет ответа. Я прошел в самый конец пещеры, зачем-то ощупал стенки.

— Что-нибудь не так?

— Конь пропал.

— Может, ушел?

— Наверное. Но я как-то считал, что мозгов у него побольше.

Я подошел к выходу из пещеры, ровно ничего не увидел, промок до нитки и вернулся на прежнее место, к левой стене.

— Да обычная вроде гроза. В горах и не такое бывает.

— Может, ты знаешь эту страну лучше меня?

— Нет, я здесь только проездом и очень не хотел бы задерживаться.

Я коснулся Камня, погрузился в него сознанием, а затем ушел наружу и вверх. Я чувствовал грозу и приказал ей уйти; красные пульсации энергии соответствовали ударам моего сердца. Потом я прислонился спиной к стене, нашел еще одну спичку и снова закурил. Даже тем силам, которыми я манипулировал, понадобится немало времени, чтобы управиться с фронтом такого размера.

— Надолго не затянется, — пообещал я.

— Откуда ты знаешь?

— Приватная информация.

Незнакомец усмехнулся:

— По некоторым версиям, так вот и кончится мир[1] — все начнется со странной грозы, пришедшей с севера.

— Именно так, — сказал я, — и это — та самая. Беспокоиться, право, нечего. Скоро все решится в ту или иную положительную сторону.

— Твой камень... он светится.

— Да.

— Но ты шутил, что это конец? Шутил ведь, правда?

— Нет.

— Ты привел мне на ум строку из Священной Книги — «Архангел Корвин поедет перед бурей, молния на груди его...» Тебя случаем не Корвином зовут? Нет?

— А что там дальше?

— «Его спросят: «Куда ты держишь путь?» Он скажет: «Туда, где кончается Земля», и не будет он знать, какой враг поможет ему против врага другого, и до кого дотронется Рог, тоже знать не будет».

— И все?

— Об Архангеле Корвине — все.

— Я уже сталкивался с такими трудностями в Писании.

[1] «Так вот и кончится мир» — строчка из поэмы Т.С.Элиота «Полые люди».

Информация интересная, дразнящая, но практического толку от нее чуть. Словно автор — садист. Один враг против другого? Рог? Сдаюсь.

— Куда же ты едешь?

— Недалеко, если не найду лошадь.

Я вернулся к выходу из пещеры. Гроза стихала, на западе из-за облаков просвечивала вроде как луна, на востоке — другая. Я посмотрел вдоль тропы в одну сторону, в другую, затем — вниз по склону, в долину. Никаких лошадей не видно. Я повернулся к пещере и вдруг где-то далеко внизу услышал ржание Стара.

— Мне надо идти, — сказал я незнакомцу в пещере. — Одеяло можешь оставить себе.

Не знаю, ответил ли он — я уже вышел под мелкий дождик и двинулся вниз по склону. Еще одно упражнение с Камнем, и мерзкая морось сменилась туманом.

Ноги скользили, но я одолел половину склона, ни разу не споткнувшись. Там я остановился, чтобы перевести дыхание, а заодно и сориентироваться. Я уже утратил всякую уверенность, с какой именно стороны донеслось ржание. Свет луны усилился, видно стало получше, однако, осмотрев окрестность, я не обнаружил ровно ничего примечательного. Несколько минут я прислушивался.

И снова донеслось ржание — снизу, слева, со стороны темной то ли скалы, то ли груды камней, то ли еще чего-то в этом роде. В тени, у самого основания непонятного бугра, что-то шевельнулось. Я двинулся на это шевеление со всей скоростью, на какую у меня хватило смелости.

Наконец склон кончился, пошла сравнительно ровная земля. Поспешая к месту событий, я проходил сквозь клочья низового тумана, раздуваемые легким западным ветерком, они серебристо змеились вокруг моих лодыжек. Раздался противный хрустящий звук, словно по камням тянули или катили что-то тяжелое. Внизу темной непонятной массы мелькнул свет.

Подкравшись поближе, я увидел в прямоугольнике света маленьких человечков, сражавшихся с огромной каменной плитой. Оттуда же послышалось слабое цоканье и снова ржание. Камень зашевелился, он поворачивался, как дверь, каковой скорее всего и являлся. Освещенный участок уменьшился, сузился до щелки, с гулким ударом исчез. Все копошившиеся у камня фигурки успели забраться внутрь.

Когда добежал до негостеприимно закрытой двери, вокруг снова царили тишина и покой.

Я прижал ухо к камню и ничего не услышал. Однако кем бы ни были эти человечки, они забрали мою лошадь. Я всегда недолюбливал конокрадов и в прошлом немало их убил, но сейчас Стар нужен мне отчаянно.

Я начал искать края каменной двери. Нащупать контур кончиками пальцев оказалось совсем несложно. Возможно, днем, когда для глаз все смешалось бы и слилось, я бы даже потратил больше времени. Определившись с местонахождением двери, я стал искать какую-нибудь ручку, за которую оную дверь можно будет открыть. Искал я внизу — ориентируясь на низкорослость хозяев дома.

Наконец попалось нечто похожее на выступ; я ухватился за него и потянул. Ни в какую. Или они непропорционально сильные, или тут какой-то фокус, которого я не замечаю.

Ну и плевать. Есть время для тонких действий, а есть — для грубой силы. Я очень злился и очень спешил, так что решение не заставило себя ждать.

Я снова потянул за плиту, напрягая мышцы рук и спины, очень сожалея, что рядом нет Джерарда. Дверь скрипнула. Я продолжал тянуть. Она сдвинулась — примерно на дюйм — и застряла. Я не расслабился, а удвоил усилия. Снова скрип.

Я откинулся назад, переместил вес и уперся левой ногой в каменную стену рядом с дверью, чтобы тащить и толкать одновременно. Плита со скрипом и хрустом подалась еще на дюйм, после чего застряла окончательно.

Я бросил бесплодные старания, размял немного руки, плечом вернул дверь в исходную позицию, глубоко вздохнул и снова взялся за дело.

Левую ногу поставил на прежнее место, и на этот раз не будет никакого постепенного наращивания усилий. Я рванул что было мочи.

Резкий, как выстрел, щелчок, потом изнутри донесся какой-то грохот, и дверь со скрежетом приоткрылась — не больше чем на полфута, но и это было кое-что. К тому же в конце она двигалась вроде как посвободнее. Я поднялся на ноги,

уперся спиной в каменную стену, нащупал край двери и поднажал.

На этот раз дверь двинулась легче, но я устоял перед соблазном и, когда она начала распахиваться, уперся в нее ногой и нажал изо всех сил. Дверь провернулась на все сто восемьдесят градусов, с диким грохотом ударилась о камень, треснула в нескольких местах, покачнулась и упала на землю, сотрясая все вокруг и расколовшись еще на несколько кусков.

Не успела она упасть, как Грейсвандир оказался в моей руке. Я присел и украдкой выглянул из-за угла.

Свет. Там, в глубине, был свет от маленьких ламп, развешанных вдоль стены на крюках... Возле лестницы, ведущей вниз... Туда, где больше света и звуки... Вроде как музыка...

И — никого, ни души. Я-то было подумал, что весь этот устроенный мною тарарам чье-нибудь внимание да и привлечет. Однако музыка не стихала. Или грохот по каким-то причинам до них не дошел, или им это глубоко безразлично. Так или иначе...

Я выпрямился и перешагнул порог. Моя нога ударилась о нечто металлическое. Я поднял это «нечто» и внимательно осмотрел. Изуродованный засов. Заперли, значит, за собой дверь. Я перекинул гнутую железяку через плечо и начал спускаться по лестнице.

Я продвигался, и музыка — скрипки и волынки — становилась громче. По свету я понял, что внизу, справа от лестницы, располагалось что-то вроде зала. Не заботясь о скрытности, я бросился вниз.

Когда я повернулся и оглядел зал, взору моему предстала сцена, достойная сна пьяного ирландца. В задымленном помещении, освещенном фонарями, толпы краснолицых людей метрового роста, одетых в зеленое, танцевали и пили эль из кружек, притопывая ногами, стуча по крышкам столов и друг по другу, ухмыляясь, смеясь и крича что есть мочи. Вдоль одной из стен стояли огромные бочки; к одной из них, вскрытой и снабженной краном, выстроилась очередь пирующих. В дальнем конце зала имелось углубление, где горел гигантский костер, дым уходил в трещину каменной стены, расположенную над парой узких лазов, которые вели неизвестно куда. Стар был привязан к кольцу рядом с костром, тут же

крепко сложенный тип в кожаном фартуке точил и правил какие-то подозрительного вида инструменты.

Несколько лиц развернулось в мою сторону, раздались тревожные крики, музыка смолкла. В зале повисла почти полная тишина.

Клинком, поднятым во вторую позицию, я указал в глубь зала, на своего жеребца. Теперь уже все лица были повернуты ко мне.

— Я пришел за конем. Или вы приведете его мне, или я заберу его сам. Во втором случае ожидается море крови.

— Прошу прощения, — вежливо откашлялся некий седой гигант, ростом в добрые метр тридцать, — но как вы сюда попали?

— Вам понадобится новая дверь. Сходите посмотрите, если вам не лень, и это может изменить ход ваших мыслей. Лично мне кажется, что может. Я подожду.

Я освободил ему дорогу и прислонился спиной к стене. Он кивнул:

— Я схожу.

И стрелой пролетел мимо меня.

Я чувствовал, как рожденная гневом сила переливается через Камень. Одна часть сознания хотела крошить и колоть, прорубить проход через комнату, вторая рассчитывала на более гуманное по форме и содержанию урегулирование взаимоотношений с настолько меньшими меня существами, третья, наиболее мудрая, полагала, что этим малюткам пальца в рот не клади. И вот я ждал, какое же впечатление произведут мои упражнения в открывании дверей на чрезвычайного и полномочного представителя развеселых конокрадов.

Вскоре он вернулся, причем обошел меня, плотно прижавшись к противоположной стенке.

— Отдайте ему коня.

По залу пробежал шепоток. Я опустил шпагу.

— Приношу свои извинения, — продолжал седой исполин. — Мы не хотим ссориться с подобными тебе. Поищем провиант где-нибудь еще. Надеюсь, ты не обижен?

Человечек в кожаном фартуке отвязал Стара и повел жеребца ко мне; участники грубо прерванного пиршества расступились, давая ему проход.

— Покончим с дрязгами, забудем и простим, — вздохнул я.

Коротышка схватил с ближайшего стола кружку и протянул ее мне. Узрев на моей физиономии не совсем полное доверие, он отхлебнул сам.

— Ну так что, выпьешь с нами?

— Почему бы и нет?

Я аккуратно вылил себе в горло все содержимое посудины; гостеприимный патриарх маломерных ворюг сделал то же самое со своей, слегка срыгнул и ухмыльнулся:

— Для такого верзилы, как ты, это — на один глоток. Еще?

Эль — хороший, к тому же после сверхурочной ночной работы хотелось пить.

— Идет.

Ко мне подвели Стара.

— Накинь уздечку на этот крюк, — сказал патриарх, указывая на какую-то штучку, торчащую из стены на уровне моего колена. — Жеребец твой никуда не денется.

Я кивнул и так и сделал; мясник молча удалился. Больше на меня никто не смотрел. Принесли кувшин, человечек снова наполнил кружки. Один из скрипачей завел новую мелодию, секундой позднее к нему присоединился другой.

— Посиди немного, отдохни, — предложил хозяин, ногой пододвинув мне скамейку. — Оставайся, если хочешь, спиной к стене, но только бояться, правду говоря, нечего — ребята у нас мирные.

Я устроился на скамейке, а он обогнул стол и сел напротив; кувшин стоял между нами. Как хорошо посидеть немного, ненадолго забыть о своем путешествии, выпить темного эля и послушать веселый мотив.

— Я не стану по десятому разу извиняться или что-то там объяснять, — сказал хозяин. — Мы оба знаем, что произошло недоразумение. Однако, как ни трудно видеть, право на твоей стороне. — Он ухмыльнулся и подмигнул: — Так что я тоже хотел бы покончить с дрязгами. Мы не оголодаем, просто сегодня не будет пирушки. Красивый у тебя камень. Не расскажешь, что это такое?

Я равнодушно пожал плечами:

— Камень себе и камень.

Танцы возобновились, голоса зазвучали громче. Я допил эль, и мою кружку снова наполнили. Над костром колыхались

языки огня. Ночной холод понемногу покидал мои далеко уже не юные кости.

— Уютное тут у вас местечко, — заметил я.

— Очень. Сколько мы здесь живем — и не упомнить. Хочешь совершить экскурсию?

— Нет, спасибо.

— Да я и не думал, что ты согласишься, просто предложить — долг хозяина. Кстати, если хочешь, можешь потанцевать.

Я покачал головой и засмеялся. Мысль о том, как я буду отплясывать в этой компании, приводила на ум бессмертную книгу Свифта.

— Спасибо за предложение.

Патриарх достал глиняную трубку и стал ее набивать; я вычистил и набил свою. Опасность, казалось, прошла. Мой собеседник — тип, похоже, честный и открытый, а остальные с их музыкой и топтанием — и совсем безобидные.

И все же... На ум приходили сказки какого-то далекого-далекого места... Просыпаешься утром в поле, голый, никаких следов пещеры...

Приходить-то приходили...

Пара кружек — это пустяки, ровно ничего опасного, они уютно меня согрели, а взвизги волынки и торопливое пиликанье скрипок — хоть какое, да развлечение после душу вымотывающей скачки по Теням. Я прислонился спиной к стене и выпустил круглый клуб дыма. Я смотрел на танцующих.

Человечек все говорил, говорил. Все остальные не обращали на меня никакого внимания. Хорошо. Он рассказывал фантастические истории о рыцарях, войнах и сокровищах. Я слушал вполуха, но все равно треп этот приятно меня убаюкивал, пару раз я даже хмыкнул...

Однако откуда-то изнутри мое более мудрое циничное «я» постоянно предупреждало: «Ладно, Корвин, хорошенького понемножку. Пора рвать когти...»

Но каждый раз как-то так выходило, что кружка моя снова оказывалась полной. Я снова брал ее со стола и снова пил. Ну, еще одну, уж одна-то кружка мне ничего...

«Нет, — говорило мое второе ушлое «я», — он заколдовывает тебя. Ты что, ни хрена не чувствуешь?»

А и чувствовать тут нечего, виданное ли дело, чтобы такой

вот замухрышка меня перепил? Правда, с другой стороны, я сейчас как выжатый лимон, да и не ел сегодня почти ничего. А потому было бы благоразумнее...

Я обнаружил, что клюю носом. Я положил трубку на стол. Я часто моргал, и каждый раз глаза мои открывались со все большим и большим трудом. Мне было тепло и хорошо, мои исстрадавшиеся мышцы ощущали блаженное онемение.

Я дважды клюнул носом. Я попытался напомнить себе о жизненно важной миссии, о личной своей безопасности, о Старе... Я что-то такое бубнил — за моими слипшимися веками все еще сохранялся слабенький проблеск сознания. Хорошо бы все-таки посидеть вот так еще полминутки...

Мелодичный голос хозяина стал монотонным, перешел в невнятное бормотание. Что он там такое плел, не имело никакого зна...

Стар громко заржал.

Я рывком поднял голову, затем сел прямо и глупо вытаращился. Зрелище, представшее моим глазам, мигом смахнуло весь сон.

Музыканты продолжали играть, но никто уже не танцевал. Все эти веселые, безобидные ребята дружно и без суеты двигались на меня. Каждый из них запасся тем или иным предметом — кто бутылкой, кто дубинкой, а кто и колюще-режущим оружием. Тот, в кожаном фартуке, мясник, держал наготове топор. Мой дружок-приятель схватился за длинную увесистую палку, невинно стоявшую перед этим у стены. Некоторые оригиналы решили употребить не по назначению предметы меблировки — те, что поменьше: табуретки, скамейки и т.д. А из лазов возле костра выбирались новые когорты отважных бойцов, кто с дубинкой, кто с булыжником. Все веселье куда-то улетучилось, лица героев либо кривились от ненависти, либо гаденько ухмылялись, либо не выражали вообще ничего.

И тут вернулся мой гнев. Правда, он малость поувял, не пылал прежним яростным пламенем праведного отмщения. Мне совсем не хотелось драться со всей этой кодлой. Разум смягчил мои чувства: у меня есть миссия, мне совсем не обязательно рисковать головой, если можно уладить дело по-хорошему. Но я прекрасно понимал, что одних разговоров теперь не хватит.

Я глубоко вздохнул. Они уже собрались броситься на меня, и тут неожиданно я вспомнил Брэнда и Бенедикта в Тирна Ног'тхе — а ведь Брэнд не был даже толком настроен на Камень. Я снова обратился к огненному сокровищу за силой — вдруг, паче чаяния, придется драться. Но сперва я долбану им по нервам.

Я не знал толком, как это делал Брэнд, и без лишних хитростей протянулся через Камень, будто управляя погодой. Странно сказать, но музыка все еще играла, словно теперешние действия карликов были просто неким кровожадным продолжением невинного танца.

— Замрите, — сказал я вслух, вставая и вкладывая в приказ всю силу желания. — Застыньте. Превратитесь в статуи. Все до одного.

В моей груди отдавались тяжелые ритмичные удары. Красные силы рванулись наружу, в точности так же, как и раньше, когда я использовал Камень.

Малогабаритные бандиты и вправду замерли. Ближайшие стояли как каменные, и только в дальних рядах продолжалось угрюмое копошение. Дико взвизгнула и стихла волынка, ее примеру последовали скрипки. И по сей день осталось тайной, я это до них добрался или музыканты сами бросили играть, увидев, как я встаю.

Я чувствовал, как накатывающиеся от меня волны заливают собравшихся, застывают невидимой, все туже сжимающейся матрицей. Влипли ребята, как мухи в мед. Как мошки — в янтарь. Я безбоязненно наклонился и отвязал Стара.

Я вел жеребца к выходу, ни на секунду не забывая о недавних его похитителях. Чтобы удержать их, требовалось усилие ничем не меньшее, чем для прогулок по Теням. Окинув напоследок немую сцену взглядом, я подтолкнул Стара к лестнице и, поднимаясь следом за ним, все время прислушивался, но снизу не доносилось ни звука.

Когда мы вышли на вольный воздух, восток уже занялся зарей. Забравшись в седло, я, к своему удивлению, вновь услышал отдаленные звуки скрипок; мгновение спустя к ним присоединилась и волынка. Похоже, этим ребятам ровным счетом плевать, удалось им покушение на меня или нет: деньги плочены — будем развлекаться.

Когда я повернулся к югу, из дверного проема, лишивше-

гося за эту ночь двери, меня окликнул до боли знакомый голос. Это был тот самый патриарх, мой собутыльник. Я натянул поводья, чтобы лучше его слышать.

— Куда ты держишь путь? — торжественно вопросил он.

Почему бы и нет?

— Туда, где кончается Земля! — крикнул я в ответ.

Странно было видеть, с какой живостью убеленный сединой муж пустился в пляс.

— Доброго тебе пути, Корвин!

Я помахал ему рукой. Действительно, почему бы и нет? Порою очень трудно отделить танец от танцующего.

Глава 6

На юг, на юг... А где он, этот юг?

Не успел я проехать и километра, как все остановилось — и земля, и небо, и горы; передо мной висело грозное полотнище белого света. Тут-то я и попомнил сказанное тем, прятавшимся в моей пещере. Он подозревал, что эта гроза стирает мир — в строгом соответствии с предписаниями местной апокалиптической легенды. Так оно, возможно, и есть. Возможно, я вижу сейчас ту самую волну Хаоса, о которой говорил Брэнд. Идет она себе и идет, все на своем пути коверкает и уничтожает. Только почему же тогда наш конец долины сохранился нетронутым? С чего бы ему такая милость?

Затем я припомнил свои действия, последовавшие за неосмотрительным выбеганием под дождь. Я остановил грозу и использовал для этого Камень, власть сокрытого в нем Огненного Пути. Ну а если эта гроза была не обыкновенной грозой, а чем-то большим? В прошлом Огненному Пути случалось уже одолевать силы Хаоса — и не раз, и не два. Не вышло ли так, что эта долина, которую я укрыл от грозы, стала крохотным островком в бушующем океане Хаоса? А если да — куда же мне теперь ехать?

Я взглянул на восток. По не совсем понятным причинам сегодня в роли светила, пробуждающего мир к радостям и печалям нового дня, выступало не тривиальное солнце, а внушительных размеров корона, начищенная до ослепительного

блеска и пронзенная сверкающим мечом. Откуда-то донеслось птичье пение, очень похожее на издевательский хохот; я спрятал лицо в ладони. Безумие...

Нет! Видел я подобное, бывал в странных Тенях. И чем дальше забираешься, тем более странными они становятся. Пока не... что я думал той ночью в Тир-на Ног'тхе?

И тут же в мозгу услужливо всплыли две фразы из Айзека Дайнзена[1] — фразы, очень взволновавшие тогда Карла Кори, иначе говоря — меня.

«...Весь мир — плод моего воображения; редкий человек может, положив руку на сердце, сказать, что он абсолютно чужд этой вере. Ну и что, довольны мы своей работой? Имеем основания для гордости?»

Краткое резюме любимых философских размышлений нашей семейки. Сами ли мы создаем отраженные миры? Или миры эти существуют независимо ни от кого и только с нетерпением ждут нас в гости? Или наличествует некий третий вариант, некое несправедливо исключенное третье? Может быть, вопрос нужно решать в терминах «больше-меньше», а не «или-или»?

Я невесело хмыкнул, неожиданно осознав, что скорее всего никогда не загляну в конец задачника, не узнаю точного ответа. И все же, как я думал и той ночью, есть некое место, где кончается «Я», место, где солипсизм перестает быть разумным объяснением миров, посещенных нами, вещей, которые мы в этих мирах находим. Существование этого места, этих вещей очевидным образом говорит, что уж там-то, по крайней мере, существует различие между реальностью и фантазией. А если различие существует там, вполне возможно, что оно распространяется и дальше, пронизывает наши отражения, наполняет их реальностью, оттесняет нас на край сцены, переводит нас с первых ролей в рядовые статисты. Ибо я чувствовал, что нахожусь сейчас именно в таком месте, в месте, к которому вряд ли применим вопрос: «Ну и что, доволен ты своей работой? Имеешь основания для гордости?» Вопрос, прямо относящийся к моему проклятию, к уродливому шраму на теле Гарнатха, да и вообще ко всему, что поближе к дому.

[1] Псевдоним баронессы Карен Кристин Бликен-Финекл (1885—1962), датской писательницы, известной утонченной прозой о сверхъестественном.

Вне зависимости от высших философских соображений я чувствовал, что стою на пороге страны полного отрицания «Я». И что за этим порогом вся моя власть над отражениями-Тенями может сойти на нуль.

Я выпрямился в седле и посмотрел, прищурившись, на призрачное сияние. Затем прошептал на ухо Стару пару ободряющих слов и тронул поводья. Мы двинулись вперед.

В первый момент почудилось, будто обступила полоса тумана, только этот туман ослепительно сверкал, и в нем стояла глухая, ватная тишина. А потом оказалось, что мы падаем.

Падаем. Или плывем. Разобраться было не просто, особенно после начального потрясения. В первые секунды мы вроде бы двигались вниз — ощущение, усиленное паническим страхом Стара. Однако бешено взбрыкивавшие ноги не находили опоры, так что мало-помалу жеребец успокоился, лишь тяжело дышал да иногда вздрагивал.

Правая моя рука сжимала поводья, левая же мертвой хваткой вцепилась в Камень. Не знаю точно, на чем я сосредоточил волю и куда ее направлял, мне просто хотелось пройти сквозь это сверкающее ничто, хотелось снова найти дорогу, продолжить свою миссию, довести ее до конца.

Я утратил счет времени. Ощущение спуска исчезло. Двигался я или просто оставался на месте? Было ли это сияние сиянием? А оглушительная тишина... Я поневоле вздрогнул. Большего сенсорного голодания я не испытывал даже в той камере, в давние дни моей слепоты. Здесь не было ни звуков крысиной возни, ни опасного скрежета моей ложки по двери, ни сырости, ни холода, ни стен, которые можно пощупать, не было ничего. Я тянулся в это ничто со всей силой отчаяния...

Проблеск.

Сперва вроде бы прорыв визуального поля, прорыв на мельчайшую долю секунды, почти сублиминальный. Я потянулся направо — и не почувствовал ничего.

Собственно говоря, я не имел ни малейшей уверенности, было там что-нибудь или не было. Может, у меня просто начинаются галлюцинации.

А затем это повторилось, только теперь слева.

Сколько времени прошло в промежутке? Не знаю.

Далее я услышал нечто вроде стона. Стон доносился неизвестно откуда, словно со всех сторон сразу, и стих, едва возникнув.

И наконец — вот тут-то я впервые не усомнился в реальности видения — глазам моим предстал унылый серо-белый пейзаж, нечто вроде лунной поверхности. Окошко было крохотным, располагалось на самом краю поля зрения, слева, да и открылось оно на какую-то секунду, не больше. Стар всхрапнул.

Сперва появился серо-белый лес, сильно скособоченный; можно было подумать, что мы проезжаем мимо него под каким-то диким углом. Изображение крохотное, тусклое, но на этот раз оно держалось подольше, секунды две.

Внизу, прямо под ногами, — часть какого-то горящего здания. Здание черно-серое, огонь — серый.

Сверху — обрывки криков и воя...

Темно-серая, призрачная гора; по ближнему ее склону, по серпантинной дороге поднимается факельная процессия...

Женщина, висящая на древесном суку, шея захлестнута туго натянутой веревкой, голова неестественно свернута, руки связаны за спиной...

Горы вверх тормашками, внизу проплывают черно-белые облака.

Щелчок.

Легкая дрожь, словно мы на мгновение соприкоснулись с чем-то осязаемым — ну, может, копыта Стара царапнули о камень. И снова тишина...

Проблеск.

Головы, сочащиеся темной кровью, катятся по земле... Короткий, неизвестно откуда долетевший хохот... Мужчина, прибитый гвоздями к стене. Вверх ногами...

Снова белое сияние, вздымающееся и опадающее, как морские валы...

Щелчок. Проблеск.

Одну — не больше — секунду над головой висело черно-белое, как гравюра, небо, копыта Стара касались каменной тропы. Затем этот жалкий пейзаж исчез, и я — через Камень — бросился за ним следом, чтобы найти, вернуть.

Щелчок. Проблеск. Щелчок. Грохот.

Каменистая тропа круто карабкается по склону, впереди

перевал... Монохромный, как и прежде, мир... За спиной — не то раскаты грома, не то...

Мир начал бледнеть, теряться в тумане. Я крутил Камень, как ручку фокусировки. Мир вернулся... Два, три, четыре — я считал удары сердца, удары копыт, почти заглушенные громом... Семь, восемь, девять... Мир становился ярче и ярче. Я глубоко вдохнул холодный, пронзительный воздух.

За громом и гулкими раскатами эха донесся мерный шелест дождя. На меня не падало ни капли.

Я оглянулся.

В сотне метров за моей спиной стоял дождь. Ровная, сплошная стена, почти непрозрачная — только пристально вглядевшись, я сумел различить смутные очертания ближайших гор.

Я прищелкнул языком, и Стар пошел резвее. Вскоре мы выбрались на почти ровный участок тропы, проходивший между двух вершин — вылитые средневековые башни. Черно-белый мир напоминал рисунок углем, в низко нависшем небе чередовались полосы тьмы и света. Мы поднялись на перевал.

Меня била дрожь. Я хотел натянуть поводья, спешиться, поесть, попить, покурить, отдохнуть, да просто размять ноги. Однако близость зловещей грозы не позволяла расслабиться.

Копыта Стара мерно стучали по камням, в узком ущелье, зажатом между двумя скалистыми кручами, разносилось гулкое эхо, над головой все так же висела шкура небесной зебры. А вдруг эти горы задержат грозовой фронт? Хорошо бы, но как-то мало верится. Гроза ничем не походила на обычную; не знаю уж почему, но я ощущал тошнотворную уверенность, что она растянулась до самого Амбера и что если бы не Камень, я увяз бы в ней и пропал навеки.

С нелепого неба повалил снег. Нет, не совсем снег, даже совсем не снег, а мелкие бледные цветы; они падали и падали, покрывая камни толстым пушистым ковром. Теперь цокот копыт звучал мягко, приглушенно, а в воздухе повис приятный, чуть сладковатый запах. Приутих и гром, угрожающе ударивший за спиной, на неприступных стенах и слева, и справа повисли косые серебристые полосы. Весь этот мир пронизывало странное, сумеречное — под стать освещению — чувство.

Подъехав к выходу из ущелья, я увидел внизу, то ли близко, то ли далеко — какие-то фокусы перспективы не позволяли определить расстояние — долину, сразу воскресившую в воспоминаниях ту ночь в Тир-на Ног'тхе. В неярком, похожем на лунный, свете полосатого неба тускло поблескивали естественного скорее всего происхождения шпили и минареты, перемежавшиеся купами серебристых деревьев и зеркально гладкими озерцами; медленно плыли по ветру рваные клочья тумана... Или облаков? Трудно провести различие, в горах это почти одно и то же. В некоторых местах на пологих волнистых склонах долины виднелись террасы, наводившие мысль о вмешательстве руки человека, кое-где мерцали и искрились крошечные, непонятного смысла и происхождения огоньки, слабо, словно пунктиром, проглядывала тропа — та самая, по которой двигались мы со Старом. И, сколько можно было верить глазу, ни души.

Окинув элегическую долину взглядом, я не стал тратить времени на размышления и тронул поводья. Копыта моего жеребца осторожно ступали по белесому, словно кость, грунту, слева же — или я ошибся? — неясно проступало нечто вроде тонкой, карандашом проведенной линии. Черная Дорога? Скорее всего — да.

Мне хватало совести не понукать утомившегося за долгий путь Стара. Если гроза не настигнет нас слишком быстро, можно будет сделать внизу привал, отдохнуть на берегу какого-нибудь озера — я ведь и сам устал и проголодался.

Я внимательно оглядывал тропу и прилежащие к ней части склона, однако так и не заметил ни животных, ни каких-либо следов человека. Примерно на половине спуска появилась растительность. Тихо вздыхающий ветер шевелил лианы, густо усыпанные белыми цветами. Оглянувшись назад, я с радостью убедился, что грозовой фронт все еще не перевалил через горы; облака, собиравшиеся на горизонте, не представляли близкой опасности.

Мало-помалу мы спустились в эту странную местность. В воздухе стоял тонкий аромат цветов, давно уже переставших падать с неба. Уши мои не улавливали никаких звуков, кроме производимых нами со Старом да тихого нашептывания ветра. Тропу обступали скалы; с трудом верилось, что причудливые их формы созданы природой, а не резцом ваятеля. Не-

спешно проплывали призрачно-бледные клочья тумана, влажно поблескивала трава.

Деревья, которые я видел сверху, росли по большей части в середине долины. На всем нашем пути к этой рощице перспектива продолжала вести себя необычно — расстояния то сжимались, то вытягивались, прямые линии неожиданно становились изогнутыми. Озеро, к которому я свернул, тут же стало убегать, уменьшаться в размерах. В конце концов я его догнал, спрыгнул с седла и осторожно попробовал воду — после таких фокусов можно было ожидать чего угодно. К счастью, все мои опасения оказались излишними — до ломоты в зубах холодная вода оказалась пресной, нормальной на вкус.

Я достал из седельного мешка съестные припасы, отпустил коня щипать траву, напился вдосталь, устало плюхнулся на землю и начал жевать. Гроза все еще силилась прорваться через зубчатую стену гор. И что же все-таки она такое, эта гроза? Если отца постигла неудача, я слышу сейчас не отдаленные раскаты вполне тривиального грома, а грохот армагеддона, миссия моя утратила всякий смысл, и ее смело можно сворачивать. Я знал, что пойду до конца, что бы там ни случилось, а значит, все мои сомнения не только неприятны, но и совершенно бесполезны — и все же я не мог от них удержаться. Ну доберусь я до места, ну выиграю битву — только затем, чтобы вскоре увидеть, как все будет сметено. Все зря... Нет, совсем не зря. Я исчезну с сознанием, что боролся, боролся до самого конца. И одно уже это оправдывает все мои усилия — что бы там ни случилось с миром. Проклятый Брэнд! Для начала...

Шаги.

Я вскочил, развернулся в направлении звука, принял боевую стойку и схватился за эфес — все это в одно мгновение.

Передо мной стояла невысокая, одетая в белое женщина. У нее были длинные черные волосы, черные же чуть диковатые глаза и ослепительная улыбка. Она опустила к моим ногам корзину.

— Ты голоден, о странствующий рыцарь! — Женщина говорила на тари, с незнакомым мне акцентом. — Я увидела, как ты пришел. Я принесла тебе это.

Я улыбнулся и принял более нормальную позу.

— Благодарю. Я действительно голоден. Меня звать Корвин, а тебя?

— Дева.

Я скептически вскинул бровь:

— Благодарю тебя... Дева. Твой дом в этих местах?

Женщина кивнула, присела и стала развязывать корзинку.

— Да, мой павильон расположен чуть дальше, у самого озера.

Она мотнула головой в восточном направлении — в сторону Черной Дороги.

— Понятно, — сказал я.

Пища и вино, принесенные нежданной благодетельницей, выглядели вполне убедительно — все свежее, аппетитное, куда там моему сухому пайку. Из чего совсем еще не следовало, что их можно есть без неприятных для себя последствий.

— Ты не откажешься разделить мою трапезу? — галантно предложил я даме.

— Если ты того хочешь.

— Я того хочу.

— Хорошо.

Женщина расстелила скатерть, села напротив меня, извлекла припасы из корзины и аккуратно их разложила. Затем быстро, по-деловому перепробовала все блюда и напитки. Я чувствовал себя малость паскудно — но только малость. Женщина, хрупкая и беззащитная, поселилась в такой вот странной, мягко говоря, местности, живет тут, по всей видимости, одна, денно и нощно глядя на дорогу, чтобы накормить-напоить первого попавшегося путника. Очень правдоподобная история, кому расскажи — засмеют. Дара вон тоже накормила меня при первой нашей встрече, теперь же я приближаюсь к концу пути, а значит — и к источнику вражьей силы. Да и Черная Дорога тут близко, прямо под рукой. И к Камню эта самая Дева очень неравнодушна — нет-нет да и взглянет.

Но в целом обстановка за нашим столом была легкая и непринужденная. Дева оказалась идеальной собеседницей, иначе говоря — охотно слушала все мои разглагольствования, смеялась каждой моей шутке. Она почти все время смотрела мне в глаза, и как-то уж так выходило, что каждый раз, когда

мы что-нибудь друг другу передавали, наши пальцы соприкасались. Если у Девы и было что-нибудь такое на уме, она осуществляла свои злостные намерения максимально приятным образом.

Пока мы пили, ели и говорили, я не забывал следить за неумолимо приближающимся грозовым фронтом. В конце концов он перевалил через хребет и начал медленно спускаться по склону.

Убирая остатки трапезы, Дева заметила направление моего взгляда и понимающе кивнула.

— Да, он идет. — Гостеприимная фея черно-белой долины попрятала все свое хозяйство, кроме бутылки и двух кубков, в корзину и села рядом со мной. — Выпьем за него?

— Я выпью с тобой, но только не за эту штуку.

— Как хочешь. — Она протянула мне наполненный кубок. — Все это давно утратило смысл.

Дева улыбнулась и тронула край моего кубка своим. Мы осушили кубки до дна.

— А теперь, — сказала она, беря меня за руку, — пошли в мой павильон, ничто не мешает нам приятно провести оставшиеся часы.

— Благодарю, — поклонился я. — При иных обстоятельствах подобное времяпрепровождение было бы в высшей степени изысканным десертом, вполне соответствующим великолепию обеда. Однако, к крайнему моему сожалению, сейчас мне надо спешить. Долг гонит, время поджимает. Я не могу забывать о своей миссии.

— Ладно, — пожала плечами Дева, — не хочешь — как хочешь, это не имеет особого значения. А про миссию твою я прекрасно знаю. Она тоже не имеет теперь особого значения.

— О? По правде говоря, я все время ждал, когда же ты пригласишь меня поразвлечься вдвоем. Прими я твое приглашение, оказался бы вскоре на каком-нибудь холодном склоне холма, один-одинешенек, бледный и унылый.

Дева звонко расхохоталась:

— Тогда уж и я, Корвин, признаюсь, что все твои подозрения справедливы. Именно это я и хотела с тобой сделать. А теперь — не хочу.

— С чего бы вдруг?

Она указала на неумолимо надвигающуюся линию распада:

— Теперь нет никакой необходимости тебя задерживать. Вот оно, очевидное доказательство полной победы Владений. Победную поступь Хаоса не остановит уже ничто и никто.

Я непроизвольно поежился. Дева снова взялась за бутылку.

— И все же я бы предпочла, чтобы ты не покидал меня в такой момент, — продолжала она, подавая мне наполненный кубок. — Он доберется сюда в считанные часы. Не лучше ли нам провести это последнее время, после которого вообще не будет времени, в дружеском общении? Можно даже не ходить в мой павильон.

Она тесно прильнула ко мне, я же понурил голову. А почему бы и нет, черт побери? Женщина и бутылка — не ты ли, помнится, говорил, что именно в такой компании и хотел бы встретить свой конец? И вино вот у нее — тут я сделал основательный глоток, — очень даже приличное. Да, вполне возможно, что она и права. И все же из ума не шла женщина, окрутившая меня на Черной Дороге, — тогда еще, когда я покидал Авалон. Сперва я бросился ей на помощь, затем быстренько капитулировал перед ее сверхъестественным очарованием, а в конечном итоге, когда маска была снята, увидел, что за этой маской нет ничего — абсолютно ничего. Жутковатое, должен вам признаться, впечатление. Но, извините уж за несвоевременную глубокомысленность, каждый из нас имеет обширнейший гардероб обличий, употребляемых в зависимости от обстоятельств. Базарные психологи год за годом гундосят про эти «я-для-других», и какая это гадость, и что нужно быть самим собой. Самим собой? Сколько раз попадались мне в жизни люди, очень даже привлекательные на первый взгляд, люди, которых я начинал люто ненавидеть, чуть копнувши их нутро. А иногда они вообще оказывались вроде этой псевдоженщины — безо всякого нутра, копай не копай. Сколько раз оказывалось, что маска значительно симпатичнее прячущегося под ней лица. А если так... Вполне возможно, что вот эта девушка, которую я успел нежно обнять за плечики, и не девушка никакая вовсе, а чудовище. Скорее всего именно так оно и есть. Ну а мы-то, все остальные — разве нет? Если уж сдаваться, есть гораздо менее приятные пути... По крайней мере, девушка мне нравилась.

Заметив, что я успел уже опустошить свой кубок, леди услужливо потянулась за бутылкой. Я мягко остановил ее руку.

Она вопросительно вскинула глаза. Я печально улыбнулся:

— А ведь ты почти меня убедила.

И я безумные глаза закрыл, целуя[1]. А потом вскочил в седло.

— Прощай, Дева.

Гроза сползала в долину, я уходил от нее на юг. Впереди виднелись горы, тропа вела прямо к ним. Небо так и осталось черно-белым, полосатым, полосы эти вроде как немного елозили. В целом освещение напоминало то ли утренние, то ли вечерние сумерки — хотя звезд на небе, даже на черных его участках, не было ни одной. Все тот же ветерок, все тот же неотвязный аромат — и тишина, и перекрученные скальные столбы, и серебристая листва, все еще поблескивающая каплями росы. Рваные клочья тумана. Я попытался внести изменения в природу этой Тени, но материал попался трудный, а я, несмотря на долгий привал, чуть не валился из седла от усталости. Так что ничего не вышло.

Я извлек силу из Камня и попытался поделиться ею со Старом. Жеребец шел ровной, неторопливой трусцой, пока тропа не полезла вверх; теперь началось изнурительное карабканье к новому перевалу, более дикому и неприветливому, чем тот, которым мы проникли в долину. Я придержал Стара и обернулся: мерцающая завеса неумолимо надвигающейся грозы закрыла уже добрую треть долины. Как там Дева со своим озером?[2] Я покачал головой и продолжил путь.

На подступах к перевалу тропа стала заметно круче; теперь мы не ехали, а едва ползли. Вверху, над головой, небесные молочные реки приобрели красноватый оттенок, становившийся все ярче по мере нашего продвижения. К тому времени как мы достигли входа на перевал, весь мир словно окрасился кровью. В широком, заваленном разнокалиберными валунами ущелье на нас накинулся сильный, до костей пронизывающий ветер; чтобы удержаться в седле, пришлось навалиться на ветер грудью. Каждый шаг давался Стару с огромным трудом, тем более что подъем, хотя теперь и пологий,

[1] Из стихотворения Джона Китса «La Belle Dame sans Merci».

[2] Персонаж легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола и героиня поэмы Вальтера Скотта «Дева озера».

продолжался; я все еще не мог различить, что ожидает нас за перевалом.

Резкий щелчок, донесшийся откуда-то слева, не вызвал у меня ни тревоги, ни подозрений — я просто оглянулся на звук, ничего не увидел, решил, что это громыхнул упавший сверху камень, и тут же забыл о случившемся. Однако Стар взбрыкнул, испустил громкое жалобное ржание, резко свернул вправо и стал заваливаться на левый бок.

Я успел выпрыгнуть из седла и тут же увидел стрелу, торчавшую из тела лошади, чуть позади и пониже правой лопатки. Ударившись о камни, я несколько раз перекатился и затем взглянул вверх, в ту сторону, где должен был находиться противник.

Справа от тропы, на невысоком, метров в десять, уступе стоял человек с арбалетом. Он торопливо крутил ручку своего оружия, готовясь к новому выстрелу.

Я понимал, что не сумею добраться до него достаточно быстро, не успею его остановить, а потому начал искать глазами подходящий камень. Обнаружив позади себя, у подножия высокой скалы, булыжник, и формами, и размерами напоминающий бейсбольный мяч, я поднял его и взвесил в руке, молясь всем богам и святым, чтобы ярость моя не повлияла на точность броска. На точность она не повлияла, зато придала этому броску дополнительную силу.

Камень попал человеку в левую руку; он издал отчаянный крик и уронил оружие. Арбалет прогромыхал по камням и остановил свое движение на правой стороне тропы, прямо напротив меня.

— Сволочь! — заорал я во весь голос. — Ты убил моего коня! Да я с тебя голову за это сниму!

Бегом пересекая тропу, я искал способ подняться вверх, на уступ. Подходящий путь обнаружился слева; я поспешил к нему и начал карабкаться по не очень крутой скальной стене. И в тот же почти момент я сумел, благодаря близости и новому углу зрения, рассмотреть этого человека, согнувшегося от боли чуть не пополам и растиравшего ушибленную руку. В кровавом свете, лившемся с неба, рыжие волосы Брэнда казались почти алыми.

— Ну, Брэнд, — сказал я, — жаль, что тебя давным-давно не убили.

Брэнд выпрямился и некоторое время наблюдал, как я лезу по этой стене. Он даже не потянулся к своей шпаге. В тот самый момент, когда я выбрался на уступ метрах в семи от него, он скрестил руки на груди и опустил голову.

Я обнажил Грейсвандир и двинулся вперед, готовый — признаюсь в этом безо всяких угрызений совести — убить своего драгоценного братца хоть в этой, хоть в любой другой позе. Красный свет сгустился, мы словно уже купались в крови. Дико завывал ветер, из долины, недавно мною покинутой, доносились пушечные залпы грома.

...Брэнд тихо испарился, прямо у меня на глазах. Его контуры начали бледнеть, расплываться; в два прыжка преодолев разделяющее нас расстояние, я не обнаружил ничего, кроме пустого места.

Мгновение я стоял, ругаясь последними словами и припоминая слухи, что этот тип сумел каким-то образом превратить себя в живую карту и теперь способен почти мгновенно перемещаться в любое место.

Какой-то шум, вроде бы на тропе...

Я бросился к краю уступа и посмотрел вниз. Стар продолжал биться в судорогах, шерсть на боку жеребца насквозь пропиталась кровью; от этого зрелища сердце мое болезненно сжалось. Но я увидел и нечто похуже.

Внизу был Брэнд. Он уже подобрал свой арбалет и снова готовил его к выстрелу.

Я начал отчаянно высматривать камень, однако ничего подходящего под рукой не оказалось. Затем я увидел небольшой валун, лежавший чуть поодаль, в том направлении, откуда я пришел. Я сунул Грейсвандир в ножны, бросился к валуну и поднял его. Увесистая штука, размером с хороший арбуз. Прижимая новообретенное оружие к животу, я вернулся к краю уступа и осторожно заглянул вниз.

Брэнд снова исчез.

И тут я почувствовал себя голым, беспомощным, беззащитным. Мой рыжий родственничек мог переместиться в любую, самую выгодную точку; заложил, наверное, стрелу и целится в меня, прямо вот сейчас, прямо в этот момент.

Я плюхнулся наземь, навалившись животом на свой камень. Мгновение спустя где-то справа звонко щелкнула стрела, затем последовал самодовольный хохоток Брэнда.

Теперь ему потребуется какое-то время на взвод арбалета и перезарядку; я встал во весь рост. Поискав глазами в направлении, откуда донесся смех, я обнаружил Брэнда метрах в двадцати от себя и метрах пяти над собой — на скальной полке, прорезавшей противоположную стенку ущелья.

— Ты уж извини за коня, — сказал он, не прекращая крутить ручку. — Я целился в тебя, а проклятый ветер...

К этому времени я обнаружил нечто вроде укрытия и бросился туда со всех ног, прихватив с собою драгоценный булыжник, дабы использовать его в роли щита. Забившись в узкую, клинообразную трещину, я смотрел, как Брэнд неторопливо закладывает стрелу.

— Непростой выстрел, ох, непростой, — сказал он, поднося оружие к плечу. — Суровое испытание моего мастерства. Так ведь дело стоит, а стрел у меня достаточно.

Он весело хмыкнул, тщательно прицелился и выстрелил.

Я низко согнулся, прижимая валун к животу, но стрела звякнула футах в двух правее трещины.

— Вот чувствовал я, что промажу, — вздохнул он, в очередной раз взводя арбалет. — Ну что ж, нужно же когда-то научиться вносить поправку на ветер.

Я еще раз оглядел уступ, выискивая небольшие, пригодные для метания камни. Таковых в наличии не оказалось. И тогда я вспомнил о Камне. Ведь он, считается, должен спасать меня чуть не от любой опасности!

Спасать-то спасать, но некое чувство подсказывало мне, что способность Камня имеет ограниченный и очень небольшой радиус действия и что Брэнд знает об этом печальном обстоятельстве и пользуется им прямо вот сейчас. И все-таки... Неужели нельзя применить Камень каким-нибудь другим, косвенным способом? Не швыряться же им, в конце концов?

Брэнд выбрал огневую позицию слишком далеко, фокус с параличом не получится, однако я могу управлять погодой и, помнится, очень даже удачно использовал это свое умение против того же Брэнда... Как там, интересно, наша гроза?

Я прощупал грозу и с сожалением убедился, что обрушить на рыжую башку моего братца гром небесный удастся не раньше чем через несколько минут — нужно сперва создать необходимые условия. А где они у меня, те минуты? Вот ве-

тер — ветер совсем другое дело. Я тщательно прощупал воздух...

Брэнд почти изготовился к очередному выстрелу.

Ущелье наполнилось ревом урагана.

Даже и не знаю, куда попала эта стрела. Не в меня и не в ближайшие окрестности моей щели. Брэнд снова начал взводить арбалет. Тем временем я готовил условия для прицельного удара молнией...

Когда Брэнд покончил со своим скучным и утомительным занятием, когда он снова поднял арбалет, я снова поднял бурю. Он прицелился, задержал дыхание и... И опустил оружие, и посмотрел на меня.

— Послушай! — В его голосе звучала искренняя обида. — Ведь это ты поднял ветер, да! Жульничаешь, Корвин. Ну, ничего, — братец окинул взглядом ближайшие скалы, — ничего, я подберу себе место, где никакие твои фокусы мне не помешают. Ага!

Я продолжал подготовку операции «Гром небесный», но условия еще не созрели. Прямо над нашими головами в красно-черно-полосатом небе собиралось нечто вроде тучи. Скоро, очень скоро, вот только бы дожить...

Брэнд снова поблек и исчез; я снова начал дико озираться.

Через секунду все выяснилось. Он перебрался через ущелье и стоял теперь в десяти метрах южнее меня, спиной к ветру.

Я понимал, что не успею развернуть ветер. Швырнуть в него булыжник? Этот попрыгунчик попросту пригнется, а я лишусь своего щита. С другой стороны...

Он вскинул арбалет к плечу.

«Задержи его!» — отчаянно заорал мой собственный голос в моем мозгу, усердно работавшем над метеорологическими проблемами.

— Слушай, Брэнд! Прежде чем выстрелить, расскажи мне одну вещь, ладно?

Он чуть задумался, затем опустил ствол на несколько дюймов.

— Что именно?

— Так это что, правда, все, что ты мне рассказал про отца, Огненный Путь и пришествие Хаоса?

Брэнд откинул голову и произвел серию коротких лающих звуков. Это он так смеется.

— Корвин, ты не можешь себе представить, насколько мне приятно, что ты отправишься на тот свет из состояния такой вот мучительной неизвестности.

Еще один — такой же благозвучный — хохоток, и оружие стало подниматься. Я напрягся, готовый швырнуть булыжник, чтобы затем прыгнуть на Брэнда, и будь что будет.

Ни один из нас не завершил своего действия.

Громкий, пронзительный крик откуда-то сверху, и тут же на рыжую голову моего братца обрушилось нечто, похожее на осколок красной, раскаленной полосы неба. Брэнд отчаянно заорал, уронил арбалет и схватился за голову, силясь освободиться от острых, как стилеты, когтей. Красная птица, порожденная отцовской рукой из моей крови, вернулась, чтобы встать на мою защиту.

Я выпустил из рук камень и бросился вперед, обнажая на пути Грейсвандир. Брэнд ударил птицу, та тяжело взмахнула крыльями, набрала высоту и пошла на боевой разворот, готовясь к новому пикированию. Мой несостоявшийся убийца закрыл голову и лицо руками, но не прежде, чем я заметил кровь, обильно хлеставшую из левой его глазницы.

Брэнд начал растворяться в воздухе, однако птичка сложила крылья, рухнула ему на голову и снова пустила в ход когти. А затем мой верный защитник тоже начал таять. Я успел еще увидеть, как бледный, полупрозрачный Брэнд тянется руками к своему кошмарному — тоже полупрозрачному — врагу, а тот долбит его клювом...

Все вышеописанное успело произойти, пока я преодолевал те самые десять метров. Когда я достиг поля битвы, там не было никого и ничего, кроме арбалета, который я разломал ногой.

Ну вот, и опять все в подвешенном состоянии, опять не видно конца! Сколько еще, спрашивается, будешь ты преследовать меня, о брат мой? Сколько еще должен я пройти, чтобы разобраться с тобой окончательно?

Я спустился на тропу. Стар еще не умер; пришлось завершить Брэндову работу. А не ошибся ли я в выборе профессии? Подобные сомнения одолевают меня все чаще и чаще.

Глава 7

Миска сахарной ваты.

Я перевалил через горы и теперь созерцал раскинувшуюся внизу долину. По крайней мере, я полагал, что внизу раскинулась долина; сахарная вата, наполнявшая миску — то ли облака, то ли туман, — не позволяла видеть ровным счетом ничего.

В небе один из красных мазков помаленьку желтел, а другой — зеленел. Я немного приободрился — примерно так же вело себя небо в прошлый раз, когда меня занесло на край всего сущего.

Я вскинул мешок на спину и начал спускаться по тропе. Ветер постепенно стихал. Вдалеке погромыхивала гроза — та самая, от которой я убегал. А вот Брэнд, он-то куда делся? По какой-то не совсем ясной причине я был уверен, что не скоро увижу рыжего своего братца.

На полпути вниз, когда туман только-только начал подступать ко мне и окутывать мои ноги, я высмотрел какое-то дряхлое дерево и решил вырезать себе посох.

Расставаясь с одним из нижних сучьев, дерево громко взвизгнуло.

— Будь ты проклят! — проскрипело затем нечто вроде голоса из ствола.

— Ты — разумный? — удивился я. — Извини, пожалуйста.

— Я потратил на отращивание этой ветви чертову уйму времени. Хочешь ее сжечь?

— Нет, — ответил я. — Я хотел обзавестись посохом. Мне предстоит долгий путь, и все пешком.

— Через эту долину?

— Абсолютно верно.

— Подойди-ка поближе, чтобы я получше тебя ощутил. Есть в тебе какое-то такое сияние.

Я шагнул вперед.

— Оберон! — воскликнуло дерево. — Я понял по Камню.

— Нет, — покачал я головой, — не Оберон. Я всего лишь его сын. Ну а Камень — да, он на мне. Необходимая для моей миссии принадлежность.

— Тогда бери мою ветку, а вместе с ней — и мое благословение. Не раз и не два давал я твоему отцу сень и укрытие. Это же он меня, собственно, и посадил.

— Неужели? Чего только мой папаша в жизни своей не вытворял, но никогда не видел, чтобы он сажал деревья.

— Я — не какое-нибудь там обычное дерево. Он посадил меня здесь, чтобы отметить рубеж.

— Какой рубеж?

— Я — конец Порядка. Или Хаоса, это уж с какой стороны посмотреть. Я отмечаю раздел — за мной действуют совсем другие законы.

— Какие законы?

— Кто знает? Не я, это уж точно. Я — лишь произрастающая башня, мыслящая древесина. Но этот посох, мой сук, может сослужить тебе добрую службу. Высаженный в почву, он способен чудесным образом расцвести в любой стране и в любых климатических условиях. А может в общем-то и не расцвести. Кто знает? Но ты, сын Оберона, отнеси его все-таки в то место, куда лежит твой путь. Я чувствую приближение грозы. Прощай.

— Прощай, — сказал я. — Спасибо.

Я повернул и продолжил спуск. По мере того как туман сгущался, красноватый его оттенок бледнел, а затем и вовсе исчез. Я скептически покачал головой, вспоминая говорящее дерево, однако посох и вправду сослужил мне добрую службу, особенно на ближайшем участке: тропа была на редкость неровная и каменистая, а видимость — почти нулевая.

Затем немного прояснилось. Скалы, стоячий пруд, какие-то маленькие корявые деревья, сверху донизу облепленные мхом, запах гнили и запустения... Я поспешил дальше.

С вершины одного из деревьев на меня косилась черная птица. Она лениво взмахнула крыльями и полетела прямо ко мне. Недавние события заставляли меня относиться к птицам с некоторой настороженностью; мало удивительного, что я робко попятился, когда она стала кружить над моей головой. Но все завершилось благополучно — птица опустилась на тропу передо мной и начала критически изучать меня левым глазом.

— Да, — объявила она свое решение. — Ты — тот самый.

— Который «тот самый»? — поинтересовался я.

— Тот самый, кого я буду сопровождать. Ты ведь не возра-

жаешь, чтобы за тобой следовал зловещий ворон, предвестник несчастий, верно, Корвин?

Пташка весело хихикнула и сплясала нечто вроде джиги.

— А если бы и возражал — как я могу тебе помешать? Да, кстати, откуда ты знаешь мое имя?

— Я жду тебя, Корвин, с начала Времен.

— Ну и как, не соскучился?

— Не так уж это и долго, в этом-то месте. Время есть то, что ты с ним делаешь.

Я двинулся дальше и миновал ворона, не останавливаясь и не оглядываясь. Секунду спустя он обогнал меня и опустился на камень, чуть правее тропы.

— Меня звать Хуги[1], — представился он. — А ты, смотрю, прихватил с собой обломок старика Игга[2].

— Игга?

— Этот старый надутый пень, который стоит у входа в долину и никому не разрешает посидеть на своих ветках. Вот уж, наверное, взвыл он, когда ты оттяпал у него кусок.

Звонкий, мелодичный смех Хуги абсолютно не вязался с его мрачной внешностью.

— Он весьма достойно смирился с утратой.

— Это он умеет!.. Да и что ему оставалось? Ну и какой тебе, спрашивается, с этой штуки толк?

— А вот такой! — Я замахнулся на разговорчивого пернатого.

Он испуганно перепорхнул на пару метров.

— Эй, ты что! Так не шутят!

Я расхохотался:

— А я думал — шутят.

И пошел дальше.

Долгое время я пробирался по какой-то болотистой местности. Иногда случайный порыв ветра относил туман в сторону; тогда я спешил, чтобы пройти побольше, пока просвет не затянулся. Порой до меня доносились обрывки музыки — медленной и торжественной, исполняемой на каких-то струнных инструментах. Я пытался определить, откуда раздается эта музыка, но не мог.

[1] Имеется в виду Хугин («мыслящий»), один из двух воронов Одина.

[2] Игг — имеется в виду Иггдрасиль, мировое дерево скандинавской мифологии, дерево Одина (по природе своей — ясень).

Вот так и хлюпал я по этой болотине, пока не услышал слева окрик:

— Чужестранец! Остановись и воззри на меня!

Я опасливо остановился. Воззришь тут, когда сквозь эту мерзость ничего не видно.

— Привет, — сказал я. — Где ты там?

В этот момент туман разошелся, и я разглядел огромную голову. Тело, которому принадлежала эта голова, — тоже, надо думать, огромное — по плечи ушло в трясину. Кожа на лысой, как колено, башке была молочно-белая и бугристая — нечто вроде грубо обработанного мрамора. Глаза располагались точно на уровне моих; по контрасту с мертвенной белизной лица они казались черными, как уголь.

— Ясно, — сказал я. — Ты тут немного влип. Руки-то высвободить можешь?

— Если сделаю могучее усилие.

— Ладно, давай-ка поищем что-нибудь твердое и надежное, чтобы ты мог ухватиться. Руки у тебя, наверное, длинные, так что дотянешься далеко.

— В этом нет необходимости.

— Ты что, не хочешь отсюда выбраться? А чего же тогда орал?

— Нет, не хочу. Я просто желал, чтобы ты на меня воззрел.

— Ну хорошо, — сказал я. — Вот я на тебя и воззрел.

— Ты чувствуешь, насколько тяжело мое положение?

— Нет, не очень — ведь ты и сам себе помочь не хочешь, и от помощи со стороны отказываешься.

— А что приобрету я, освободившись?

— Твоя загадка — сам ее и разгадывай.

Я повернулся с намерением уйти.

— Постой, о путник! Куда ты держишь путь?

— На юг, чтобы выступить в морализаторском спектакле.

Вдруг из тумана вылетел Хуги, опустился на мраморную лысину, долбанул ее клювом и расхохотался:

— У тебя что, Корвин, времени слишком много? Нашел с кем разговаривать!

Огромные губы беззвучно проартикулировали мое имя. Затем голова снова заговорила:

— Что, действительно тот самый?

— Тот самый, — подтвердил Хуги.

— Послушай, Корвин! — В голосе ушедшего в трясину гиганта слышалась тревога. — Ты собираешься остановить Хаос, так ведь?

— Да.

— Не надо. Не стоит оно того. Я хочу, чтобы все кончилось. Я желаю освободиться из этого положения.

— Так я же предлагал тебе помощь.

— Мне нужно иное освобождение. Полный конец всего этого безобразия.

— Чего же проще, — пожал я плечами. — Нырни с головой и вдохни поглубже.

— Я стремлюсь не только к личному завершению, но и к завершению всей этой глупой игры.

— Полагаю, найдутся люди, которые предпочли бы принять по этому вопросу свое, самостоятельное решение.

— Пусть им тоже придет конец. Наступит время, они окажутся в таком же, как я, положении и будут чувствовать то же, что я сейчас.

— И перед ними будет стоять тот же самый выбор. Пока.

Я повернулся и пошел.

— И ты, — прогрохотало мне вслед чудище, — и ты будешь в таком же положении!

Через несколько шагов меня догнал Хуги. Он завис надо мною, как вертолет, и опустился на конец посоха.

— До чего же приятно посидеть на ветке старины Игга, когда он не может... Ой!

Хуги взмыл в воздух и начал описывать круги.

— Лапу, лапу обжег!.. Как это он так сделал?

— Спроси чего полегче, — рассмеялся я.

Потрепыхавшись еще немного, ворон нацелился на мое правое плечо.

— Ничего, если я тут отдохну?

— Валяй.

— Спасибо. — Он немного потоптался по мне, устраиваясь поудобнее. — К твоему сведению, у этой Головы давно крыша поехала.

Я пожал плечами. Чтобы сохранить равновесие, безбилетный пассажир сжал когти покрепче и раскинул крылья.

— Он что-то такое нащупывает, — продолжал Хуги, немного успокоившись. — Но при этом исходит из совершенно

порочных предпосылок, возлагая на мир ответственность за свои собственные просчеты.

— Нет, — я убежденно покачал головой. — Ничего он не нащупывает. Он не желает нащупать даже опору, которая помогла бы ему выбраться из болота.

— Я говорю в философском смысле.

— А, так ты про такое болото. Тогда плохо.

— Эта проблема находится в плоскости самосознания, эго, в плоскости взаимоотношений эго с миром и Абсолютом.

— Неужели?

— Да, конечно. От вылупления из яйца и до самой смерти мы плывем по поверхности событий. Иногда мы ошибочно решаем, что способны влиять на ход событий, и в нас возникает стремление. А это — прискорбная ошибка, ибо стремление порождает желание и создает ложное эго, заслоняющее чистое бытие, пребывание. В свою очередь, эго бесконечно множит стремления и желания, а тогда уж ты погряз с головой.

— В болоте?

— Фигурально говоря. Нужно погрузиться в созерцание Абсолюта, полностью отбросить все фантомы, иллюзии, создающие ложное ощущение личности, отделяющее тебя от бытия, превращающее тебя в обособленный островок сознания.

— Помнится, у меня тоже была ложная личность. Она очень помогла мне стать Абсолютом, каковым я являюсь сейчас, — мной.

— Нет, это — тоже фантом.

— Тогда я, которым я буду завтра, поблагодарит его за это — так же, как я благодарю того, прежнего.

— Ты упускаешь из виду самое главное. Завтрашняя твоя личность тоже будет ложной.

— Почему?

— Потому что они все исполнены желаний и стремлений, отделяющих тебя от Абсолюта.

— А что в этом плохого?

— Ты останешься один в мире призраков, в мире чужих, в мире феноменов.

— А я люблю оставаться один на один с самим собой. Я себе очень нравлюсь. И феномены мне тоже нравятся.

— Но ты всегда будешь ощущать присутствие Абсолюта, его зов будет вселять в тебя беспокойство.

— Прекрасно. Значит, можно особенно не спешить — он же всегда рядом. С другой стороны... да, я начинаю догадываться, что ты имеешь в виду. Он принимает форму идеалов. Этого добра у всех хватает. Если ты хочешь сказать, что я должен стремиться к своим идеалам, я и секунды спорить не буду.

— Твои идеалы — всего лишь мутные, искаженные отражения Абсолюта, а то, о чем ты говоришь, — всего лишь еще одно стремление, добавляющееся к прочим.

— Ну да, конечно.

— Вижу, тебе предстоит отучиться от очень многого.

— Если ты это про мой вульгарный инстинкт самосохранения — можешь и не надеяться.

Длинный пологий подъем кончился, перед нами была горизонтальная площадка — ровная, мощенная каменными плитами и слегка присыпанная песком. Здесь музыка слышалась вполне отчетливо, и тем громче, чем ближе подходил я к центру. Затем в тумане проступили какие-то смутные силуэты, совершавшие медленные ритмичные движения. Через несколько секунд я сообразил, что они танцуют под эту самую музыку.

Еще через несколько шагов я смог рассмотреть танцующих — симпатичная, вполне человеческого вида публика, одетая с придворной роскошью, они двигались в такт медленной мелодии, исполняемой укрывшимися музыкантами.

— По какому же такому случаю, — спросил я у Хуги, — устроили они бал, да еще здесь, посреди нигде?

— Они танцуют, — откликнулся ворон, — дабы ознаменовать твое прохождение. Это же не какие-нибудь там смертные, а духи Времени. Они начали свои дурацкие игрища в тот самый момент, когда ты вступил в долину.

— Духи?

— Ну да. Смотри.

Он покинул мое плечо, взлетел над площадкой и нагадил роскошно разодетой публике прямо на головы. Полужидкие сгустки помета проскочили сквозь танцующих, как сквозь голограммы, не оставив ни пятнышка ни на золотом шитых рукавах, ни на снежно-белых шелковых рубашках, никто из веселo улыбающихся кавалеров и дам не сбился с такта. Хуги пару раз ехидно каркнул и вернулся на мое плечо.

Я укоризненно покачал головой:

— В этом не было никакой необходимости. Великолепно танцуют.

— Декаданс, — презрительно бросил ворон. — И не строй особых иллюзий, не обольщайся — они предвидят неудачу твоей миссии. Решили последний раз повеселиться, а то ведь скоро шоу конец.

Однако я не спешил уходить. Фигура, описываемая танцующими, медленно смещалась, в какой-то момент одна из женщин — стройная рыжеволосая красавица — проплыла совсем рядом со мной. Нужно сказать, что за все это время глаза танцующих ни разу не встречались с моими — словно меня тут и вовсе не было. Так что я очень удивился, когда эта женщина изящно, в такт танца, взмахнула правой рукой и бросила к моим ногам некий предмет.

Я нагнулся и потрогал этот предмет — вполне, еще одна странность, материальный. На песке лежала серебряная роза — моя собственная эмблема. Я распрямился и приколол ее к воротнику плаща. Хуги смотрел в сторону и молчал. Я не мог снять шляпу и расшаркаться (за полным неимением шляпы), а потому ограничился куртуазным поклоном. Не могу поклясться, но вроде бы что-то такое в правом глазу этой леди дрогнуло. А потом я пошел дальше.

Земля под ногами быстро утратила всякое сходство с мощеной площадкой, музыка звучала все глуше и глуше, пока не смолкла совсем. Грубая, неровная тропа требовала постоянного внимания и осторожности; в те же редкие моменты, когда туман расступался, глазам моим неизменно представали бесплодные равнины и серые унылые скалы. Когда мои ноги совсем уж отказывались идти, я обращался за силой к Камню; первое время такая необходимость возникала довольно редко, затем — все чаще и чаще.

Почувствовав голод, я остановился, присел на придорожный валун и развязал мешок с остатками припасов.

Хуги стоял неподалеку и наблюдал, как я ем.

— Должен признаться, — сказал он наконец, — что твоя настойчивость и даже то, что ты там говорил об идеалах, вызывают у меня некоторое восхищение — и большое недоуме-

ние. Ранее мы с тобой говорили о тщетности желаний и привязанностей...

— Ты говорил. В моей жизни эти проблемы не занимают особо важного места.

— А должны бы.

— Слушай, Хуги, я прожил долгую жизнь. Предположение, что я никогда не задумывался над этими азами элементарного курса философии, глубоко меня оскорбляет. Тот факт, что ты находишь общую, данную всем реальность холодной и бесплодной, характеризует не столько состояние дел во вселенной, сколько состояние дел в этой вот твоей голове. Zum Beispiel[1], если ты и вправду веришь всему, что ты сегодня мне наплел, я искренне тебе сочувствую, ибо некая непонятная и труднообъяснимая причина привязала тебя ко мне и возбудила в тебе желание долбить по моей ложной индивидуальности, вместо того чтобы освободиться ото всей подобной дребедени и рвануть напрямик к Абсолюту. Ну а если не веришь — значит, тебя подослали, чтобы ты задержал меня и уговорил отступиться, в каковом случае ты попусту тратишь время.

Хуги раздраженно прокашлялся, а затем патетически вопросил:

— Но ведь не настолько ты слеп, чтобы отрицать Абсолют, альфу и омегу всего сущего?

— Вопрос, если подойти к нему широко, по меньшей мере спорный.

— И все же ты допускаешь возможность его существования.

— Послушай, птенчик, вполне вероятно, что я разбираюсь в подобных вопросах значительно лучше тебя. Эго, как я вижу, существует на грани рациональности и рефлекторного бытия. Стереть его, уничтожить — значит сделать шаг назад. Если ты вышел из этого Абсолюта — чего же тогда, спрашивается, спешить назад? Ты что, настолько презираешь себя, что боишься взглянуть в зеркало? Вышел — так почему бы не прогуляться с умом? Развивайся. Учись. Живи. Если тебя послали в поездку, зачем прыгать на ходу с поезда и бежать назад, к станции отправления? А может, этот самый Абсолют попросту ошибся, поручив дело существу твоего калибра? Допусти такую возможность, и кончим чесать языками.

[1] Например (*нем.*).

Хуги чуть не прожег меня ненавидящим взглядом желтого глаза, затем подпрыгнул и улетел.

Лекции повторить, учебник полистать.

Поднимаясь на ноги, я слышал далекие раскаты грома. Я вскинул мешок на плечи и пошел. Всегда старайся быть чуть впереди событий.

Тропа то сужалась, то расширялась, а под конец и совсем исчезла; передо мной открылась каменистая, лишенная каких бы то ни было ориентиров равнина. Я шел, как это делают звери и птицы, по внутреннему компасу и все глубже погружался в отчаяние. Теперь даже далекий рокот грозы казался ободряющим и желанным — он давал мне хоть какое-то представление о том, где находится север. Именно «какое-то» — в тумане трудно определить, откуда доносится звук, трудно идти по прямой, не сворачивая в сторону, и у меня не было полной уверенности. Раскаты тем временем становились все громче и громче... Проклятье.

...А я болезненно переживал гибель верного Стара, да и вороньи лекции по тщете бытия не сильно подняли мне настроение. Денек был, прямо скажем, не из лучших. Я начал сомневаться, сумею ли закончить свое путешествие. Если в самое ближайшее время на меня не выскочит из засады какой-нибудь веселенький обитатель этого веселенького местечка, то нужно будет полагать, что я совсем заблудился и скорее всего так и проплутаю в тумане, пока не рухну, окончательно *лишившись сил — или пока меня не настигнет гроза.* Я совсем не был уверен, что сумею еще раз победить эту всеуничтожающую грозу.

Несколько раз я пытался рассеять туман с помощью Камня, но результаты оказались довольно жалкими. По моей, вероятно, собственной вине, из-за моего неумения. Я мог расчистить небольшой участок, которого хватало на минуту-другую пути, а затем приходилось либо идти в тумане, либо начинать все по новой. В этом месте, являвшемся, в некотором смысле, квинтэссенцией Теней, мое мастерство работы с Тенями почему-то притупилось.

Печально. То ли дело — помереть с музыкой, с помпой — грандиозный вагнеровский финал, битва под странными, чу-

жими небесами, против достойных противников, а тут барахтаешься в тумане...

Что-то уж больно эти камни знакомые. А не хожу ли я, часом, кругами? Есть, говорят, такая склонность у заблудившихся. Я стал прислушиваться к грому, но, как назло, все было тихо. Я подошел к подозрительным камням и сел на песок, прислонившись к одному из них спиной. Ну что, спрашивается, ноги зря снашивать, если не знаешь, в какую сторону идти? Посижу, подожду, услышу гром и сориентируюсь. От нечего делать я вытащил свою колоду. Отец, помнится, говорил, что карты здесь не действуют, но почему бы не попробовать, хоть время убью.

Я перебрал их все, одну за другой, пытаясь связаться со всеми, кроме Брэнда и Кейна. Впустую. Папаша был прав. Карты утратили привычный, еле ощутимый холодок. Затем я перетасовал всю колоду и начал гадать, прямо на песке. Результат получился несусветный и абсолютно невероятный, так что я собрал карты, убрал их подальше и снова прислонился к валуну. Жаль, что воды не осталось ни капли.

Я прислушивался и прислушивался; пару раз вроде бы громыхнуло, но непонятно, с какой стороны. Карты заставили меня задуматься о семье, о родственниках. Все они собрались там — не знаю где — и ждут. Ждут, чего я сделаю. А чего я делаю? Я несу Камень. С какой целью? Сначала я считал, что его мощь потребуется в битве. Если это действительно так и я действительно единственный, кто может его использовать, тогда мы крупно подсели. Затем я подумал об Амбере и чуть не задрожал от жалости и жутких предчувствий. Нет, Амбер не должен кончиться, никогда. Необходимо найти хоть какой-то способ отразить силы Хаоса.

Я рассеянно покрутил маленький камешек и отбросил его в сторону. Вырвавшись из моих пальцев, камешек полетел с черепашьей скоростью, почти завис в воздухе.

Камень. Снова замедляющее действие...

Я вобрал новую порцию силы, и камешек рванул как ужаленный. А ведь казалось, что я подзаряжался от Камня совсем недавно. Новая подзарядка заметно оживила мое тело, но мозг все еще пребывал в тумане, почище этого, что вокруг. Мне нужен был хороший, добротный сон — со многими быстрыми фазами[1]. Отдохни я толком, это место могло бы показаться совсем не таким необычным.

Так сколько же мне еще тащиться? Где моя цель — за первым же перевалом или гораздо дальше? И много ли у меня шансов обогнать грозу, каким бы ни было это расстояние? А как там все остальные? Что, если битва уже закончилась и нас разбили?

Я боялся дойти до цели слишком поздно, вместо героической роли исполнить роль могильщика... Черепа и монологи... Хаос...

И куда провалилась эта проклятая Черная Дорога — именно сейчас, когда она нужна мне позарез? Ведь можно было бы идти вдоль нее. Мною владело некое странное ощущение, что Дорога где-то здесь, рядом, слева...

Я подключился к Камню, сфокусировал посыл, отогнал туман подальше... Нет, ничего...

А это что? Вроде как шевелится.

Животное, сильно смахивающее на большую собаку. Прячется в тумане, старается не вылезать на чистое место. Меня, что ли, подстерегает?

Камень вспыхивал ярко и часто — я собрал все его и свои силы, чтобы отодвинуть туман как можно дальше. Оставшись без прикрытия, животное совсем по-человечески пожало плечами и направилось в мою сторону.

Глава 8

Я встал. Теперь было видно, что это — шакал, довольно крупный. Он смотрел прямо мне в глаза.

— Ты чего-то поторопился, — заметил я. — Я тут просто отдыхаю.

Ироническое хмыканье.

— Я пришел сюда с единственной целью — увидеть принца Амбера, — сообщил мне шакал. — Любой более близкий контакт будет для меня нежданной наградой.

Он снова хмыкнул. Я — тоже.

[1] Одно из двух состояний сна, характеризуемое повышенной активностью автономной нервной системы и сновидениями.

— Тогда насыщай свои глаза. Любой более близкий контакт — и ты убедишься, что я уже вполне отдохнул.

— Нет, нет, — обиделся шакал. — Я давний почитатель королевского дома Амбера. А также — Хаоса. Меня всегда привлекала королевская кровь, принц Хаоса. И конфликты.

— Ты удостоил меня необычного титула. Моя связь с Владениями Хаоса имеет характер сугубо генеалогический.

— Я представляю себе образы Амбера, проскальзывающие сквозь тени Хаоса. Я представляю себе волны Хаоса, накатывающиеся на образы Амбера. В самом средоточии порядка, олицетворяемого Амбером, живет и действует предельно хаотичная семья — тогда как королевский род Хаоса предельно серьезен и спокоен. И связей у этих семей не меньше, чем конфликтов.

— В настоящий момент, — заметил я, — меня не очень трогают парадоксы и прочие словесные игры. Я пытаюсь добраться до Владений Хаоса. Ты знаешь дорогу?

— Да, — кивнул шакал. — Это недалеко, если по прямой. Пошли, я укажу тебе направление.

Он повернулся и затрусил прочь. Я пожал плечами и двинулся следом.

— Я не слишком быстро иду?

— Ничего, иди как идешь. Это же не в этой долине, верно?

— Да. Там будет туннель.

Я шел за ним по песку, по мелкой гальке, по сухой, твердой, как камень, земле. По сторонам — ни деревца, ни кустика, ни травинки. Туман стал вроде пожиже и приобрел зеленоватый оттенок — не иначе как новая выходка полосатого неба.

Время тянулось с убийственной медлительностью.

— Далеко еще? — поинтересовался я.

— Нет, — откликнулся шакал, — не очень. Ты что, устал? Хочешь отдохнуть?

Спрашивая, он обернулся. Призрачный, болотный свет придал хищной, и так-то не отличавшейся большой красотой морде окончательно жуткий вид. Но проводник был мне нужен позарез; к тому же зверь держался вроде бы правильного пути — последнее время мы шли вверх.

— А нет тут где-нибудь рядом воды? — спросил я.

— Нет. То есть есть, но тогда придется возвращаться.

— Ладно, времени у меня мало.

Шакал еще раз пожал плечами, еще раз хмыкнул и двинулся дальше. Туман почти рассеялся; стало видно, что мы поднимаемся на невысокий горный хребет. Я тяжело опирался на посох и старался не отставать.

Мы карабкались вверх уже добрые полчаса. Почва под ногами становилась все каменистее, а подъем — все круче. Я начал задыхаться.

— Подожди, — окликнул я своего неутомимого проводника. — Мне нужно отдохнуть. Ты же вроде говорил, что недалеко.

— Ты уж прости мне, пожалуйста, — с некоторым огорчением в голосе сказал шакал, — мой шакалоцентризм. Я говорил, исходя из своего естественного темпа передвижения. В этом я допустил ошибку, однако сейчас мы действительно почти дошли до места. Вход чуть впереди, у тех скал. Там, может, и отдохнешь?

— Хорошо.

Я зашагал дальше.

Вскоре перед нами поднялась каменная стена — подножие, решил я про себя, какой-то горы. Мы преодолели каменные завалы и подошли наконец к широкому отверстию, за которым не было видно ничего, кроме чернильной тьмы.

— Ну вот и все, — сказал шакал. — Туннель совершенно прямой, безо всяких там боковых ответвлений. Иди себе и ни о чем не беспокойся. Счастливого пути.

— Спасибо, — кивнул я, оставив всякие мысли об отдыхе, и шагнул внутрь. — Очень тебе благодарен.

— Не за что, — откликнулся он сзади. — Всегда рад услужить.

Через несколько шагов под моей ногой что-то хрустнуло. Я пнул непонятный предмет, и туннель огласился громким, насмешливым стуком. Звуки знакомые, из тех, что, раз услышав, до смерти не забудешь. Пол был густо усеян костями.

Сзади донеслись другие звуки — быстрые, мягкие, и я понял, что не успею обнажить Грейсвандир. А потому развернулся, поднял посох и ткнул им перед собой, почти наугад.

Прыжок шакала не достиг цели — мой услужливый проводник напоролся на конец посоха и тяжело рухнул на не знаю чьи уж там кости; сила удара отбросила меня назад, я упал и покатился по тем же самым костям. Теперь можно бы-

ло делать одно из двух: либо искать отлетевший в сторону посох, либо вытаскивать из ножен Грейсвандир; поколебавшись какую-то миллисекунду, я выбрал последнее.

Клинок обнажить кое-как удалось, но тем мои достижения и ограничились. Я лежал на спине, острие зажатого в правой руке Грейсвандира смотрело куда-то влево, а шакал уже пришел в себя и снова прыгнул. Собрав все свои силы, я ударил по злобно оскаленной морде яблоком эфеса.

Я даже испугался, цела ли рука — такой болью отозвался удар в плече. Голова шакала резко откинулась назад, он снова рухнул на пол туннеля, чуть слева от меня. Прежде чем зверь очухался и прыгнул в третий раз, я успел подняться на правое колено, выставить клинок перед собой и перехватить эфес обеими руками.

Я снова остановил врага в прыжке, глубоко загнав сталь в покрытое грязно-серой шерстью тело, тут же выпустил эфес и откатился назад подальше от яростно щелкающих зубов.

Шакал пронзительно взвизгнул, почти сумел подняться на лапы, но тут же обмяк и упал.

Посох лежал прямо под моей спиной; тяжело дыша, я нащупал его, выставил перед собой и, все еще лежа, прижался к стене туннеля. Шакал бился в судорогах, не делая более попыток встать, затем его стошнило. Воздух наполнился смрадом, настолько густым и отвратительным, что я с трудом сдержал позыв к рвоте.

Наконец шакал затих. И взглянул прямо на меня.

— А ведь как это было бы здорово — сожрать принца Амбера, — сказал он негромким голосом. — Меня всегда привлекала королевская кровь.

Тускло-желтые глаза закрылись, шакал последний раз хрипло вздохнул и замер.

Я поднялся — все еще прижимаясь спиной к стене, все еще держа посох наготове — и стал смотреть на шакала. Только очень, очень не скоро я заставил себя шагнуть вперед и вытащить из дохлой твари свой драгоценный клинок.

Никакой это, конечно же, был не туннель — просто неглубокая пещера. К тому времени как я выбрался наружу, туман успел перекраситься в желтый цвет; снизу, из долины, дул легкий ветер.

Я привалился спиной к обломку скалы и попытался сообразить — куда же теперь идти. Тропы не было и в помине.

А что тут сообразишь, если совсем потерял ориентировку? Я побрел налево — с этой стороны склон был вроде бы покруче, а мне не терпелось как можно скорее подняться в горы, выбраться из осточертевшего тумана. Посох, столь удачно послуживший мне оружием, беспрекословно вернулся к мирной своей роли. Я все время прислушивался, стараясь уловить журчание бегущей по камням воды, но безуспешно.

По мере подъема туман все редел и менял оттенок; в конце концов я сумел разглядеть, что впереди лежит обширное плато. Стало просвечивать и небо — разноцветное и непрерывно менявшееся, словно кто-то крутил в нем огромной мешалкой.

Сзади погромыхивало, однако самой грозы видно не было. Я прибавил шагу, но вскоре выдохся, остановился и сел на землю. Мною завладело чувство тщетности. Все зря. Ну ладно, выберусь я, скажем, на плато — и зачем? Чтобы гроза настигла меня не здесь, а там? Я протер слипающиеся от недосыпания глаза. Ну какой, спрашивается, смысл идти дальше, если у меня нет никаких шансов?

Темная тень, беззвучно скользившая в фисташковой дымке, явно направлялась ко мне. Я угрожающе поднял посох, но это был всего лишь Хуги; он затормозил и спланировал прямо к моим ногам.

— Корвин, — прохрипел ворон, — ты прошел вполне приличное расстояние.

— Да нет, — устало отмахнулся я, — не такое уж и приличное. Гроза, похоже, приближается.

— Да, по всей видимости, именно так и обстоит дело. Я предался размышлениям и охотно окажу тебе услугу, поделившись с тобой...

— Не нужно со мной ничем делиться, — прервал я его красноречие, — а если ты и вправду хочешь мне помочь, выполни небольшую просьбу.

— Какую?

— Слетай-ка назад и взгляни, далеко ли отсюда гроза и как быстро она продвигается. Ну а потом вернись и расскажи.

Хуги переступил с ноги на ногу, затем сказал: «Ладно», подпрыгнул и улетел на северо-запад.

Я оперся о посох и встал. Сиди — не сиди, много не выси-

дишь, лучше уж идти дальше, с какой уж я там сумею скоростью. Я снова окунулся в Камень; мгновенный прилив силы на вспышку красной молнии.

Вскоре с той самой стороны, куда удалился Хуги, налетел порыв влажного ветра, затем последовал страшный, словно небо раскололось, грохот. Вот так, никаких тебе больше отдаленных раскатов и погромыхиваний.

Подзарядки, полученной от Камня, хватило на несколько сотен метров быстрого карабканья вверх. Если все равно пропадать, почему бы не добраться сперва до верха? Влезем туда и оценим обстановку, где что находится и есть ли хоть какой смысл стараться дальше.

Чем выше я поднимался, тем отчетливее проступало сквозь туман небо. За последнее время оно радикально изменилось — одну половину круга занимала теперь сплошная, ничем не прерываемая чернота, вторая же продолжала переливаться текучей массой ярких, непрерывно изменяющихся красок. И вся эта небесная плошка вращалась вокруг центра, расположенного прямо над моей головой. Очень, очень интересно. Это же то самое небо, которое мне нужно, небо, нависавшее надо мной во время той, прошлой, прогулки в Хаос.

Я полез дальше. Хотелось крикнуть — или хотя бы пробормотать — что-нибудь такое, воодушевляющее, но пересохшее горло не желало издавать звуки.

Приближаясь к краю плато, я услышал хлопанье крыльев, еще через пару секунд Хуги фамильярно устроился на моем плече.

— Гроза, считай, у тебя под носом, — отрапортовал он. — Будет здесь с минуты на минуту.

Еще несколько шагов... Я собрал последние остатки сил, выбрался на ровное место и встал, хватая воздух ртом. Здесь, на высокой, гладкой, как стол, равнине, тумана не было совсем, и я видел небо далеко вперед. Я начал искать хоть небольшой бугор, чтобы посмотреть — что там, за дальним краем плато. Звуки грозы доносились все громче и громче.

— Не думаю, — заметил Хуги, — что ты пройдешь до конца, не замочив порток.

— Ты же знаешь, что там за гроза, — прохрипел я. — Будь это обычный дождь, я бы только порадовался возможности напиться.

— Знаю. Насчет мокрых порток — это я метафорически.

Я прорычал нечто непристойное и пошел дальше.

Вид на местность постепенно расширялся. Небо так и крутилось в своем бешеном танце, но освещения вполне хватало. Рассмотрев наконец, что же лежит впереди, я остановился и бессильно обвис, цепляясь за упертый в землю посох.

— В чем дело? — озабоченно спросил Хуги.

Говорить я не мог. Я просто указал на каменистую пустыню, начинавшуюся где-то под дальней кромкой плато, тянувшуюся на добрые сорок миль, а затем упиравшуюся в очередной горный хребет. Слева, на самом краю пустыни, отчетливо просматривалась тонкая черная линия.

— Пустошь? — удивился ворон. — Спросил бы, так я бы давно тебе сказал.

Я издал звук, похожий не то на стон, не то на всхлип, и медленно осел на землю.

Горячечный бред — иначе мое состояние и не опишешь. Сколько я валялся в этом бреду? Не знаю. В какой-то момент я вроде как нашел возможное решение — и ужаснулся.

Мало-помалу звуки близкой грозы и беспрестанное бормотание Хуги вывели меня из ступора.

— Мне столько не пройти, — прошептал я. — Никак, никакой силой.

— Ты утверждаешь, что потерпел поражение, — сказал Хуги. — Ошибка. Привязанности и желания не ведут ни к победам, ни к поражениям. Все это — призраки, иллюзии, порождаемые эго.

Я медленно встал на колени.

— Я не говорил ни про какие поражения.

— Ты сказал, что не сможешь добраться до цели.

Я взглянул назад, на исполосованное молниями небо, на неотвратимо надвигающуюся стену грозы.

— Верно, этот путь для меня закрыт. Но если у отца и вправду ничего не вышло, я должен сделать нечто другое. То, на что способен только Брэнд — если, конечно же, верить его словам. Я должен создать новый Огненный Путь — создать его прямо сейчас, прямо на этом месте.

— Ты? Ты вознамерился создать Огненный Путь? Если потерпел поражение Оберон, на что же может рассчитывать

человек, едва держащийся на ногах? Нет, Корвин. Смирись, ибо смирение есть высшая добродетель.

Я поднял голову, подобрал валявшийся рядом посох, уперся им в землю. Хуги, так и сидевший на моем плече, взмахнул крыльями и опустился рядом с посохом. Я взглянул настырной птице прямо в глаза.

— Ты не веришь ничему, что я тебе говорю? — спросил я. — Впрочем, не имеет значения. Между нашими воззрениями лежит непреодолимая пропасть. Я понимаю привязанность как проявление скрытой иначе индивидуальности, а желание — как пристрастие этой индивидуальности. Ты с этим не согласен.

Я опустил ладони на колени.

— Если, по твоему мнению, величайшим благом является растворение в Абсолюте, так что же ты тратишь время зря? Почему не летишь навстречу неотвратимому, все приближающемуся Хаосу? Если я потерплю поражение, он станет самым доподлинным Абсолютом. Что же касается меня лично, я буду до последнего своего дыхания пытаться создать Огненный Путь, остановить Хаос. Я буду бороться потому, что я есть тот, кто я есть, — человек, который мог быть правителем Амбера.

Хуги опустил голову.

— Да, — ехидно хмыкнул он через секунду, — сперва только ворону слопаешь.

Я протянул руку и одним движением свернул ему шею. Стоило бы развести костер, да где там, в такой-то спешке. Хотя Хуги обставил все как добровольное жертвоприношение, трудно сказать, на чьей стороне оказалась моральная победа — я и так собирался его съесть.

Глава 9

...Кассис[1] и аромат цветущих каштанов. Елисейские Поля в белой кипени каштанов...

И фонтаны на площади Конкорд... Улицы вдоль Сены и набережные, насквозь пропитанные запахом старых книг, речным запахом... Запах цветущих каштанов...

[1] Черносмородиновая наливка.

Почему это вдруг мне вспомнилась Земля, тысяча девятьсот пятый год, Париж? Может, потому, что я был тогда счастлив, очень счастлив, и теперь цеплялся за прошлое счастье, как за противоядие от неумолимого настоящего? Да, наверное...

Белый абсент, гренадин... Земляника с кремом д'Исиньи... Шахматы в кафе «Регент» с артистками из «Комеди Франсез», что прямо через улицу... Скачки в Шантильи... Вечера в Буа-де-Фурси, на улице Пигаль...

Я твердо поставил левую ногу перед правой, а затем — правую перед левой. В левой, высоко поднятой руке я держал цепочку, на цепочке висел Камень. Высоко — чтобы заглядывать в его глубины, видеть и ощущать появление нового Огненного Пути, разраставшегося с каждым моим шагом. Посох я воткнул в землю, обозначил им начало Огненного Пути. Налево...

Выл ветер, где-то совсем поблизости громыхал гром. Я не ощущал того физического сопротивления, которое приходилось преодолевать в старом Огненном Пути. Я не ощущал вообще никакого внешнего сопротивления. Зато собственные мои движения утратили легкость и спонтанность, они замедлились, стали элементами ритуала. И это было во сто раз хуже. Я тратил гораздо больше энергии на подготовку к каждому шагу — на то, чтобы обдумать его смысл, обдумать последовательность движений, приказать себе выполнить это движение, — чем на непосредственное исполнение. Но эта медлительность была необходима; нечто огромное и неизвестное требовало, чтобы я выполнял все свои движения с абсолютной точностью и в темпе адажио. Направо...

...Подобно тому как Огненный Путь в Ребме помог мне восстановить утраченную память, этот, еще не созданный, только еще создаваемый мною Огненный Путь воскрешал запахи цветущих каштанов, повозок с овощами, тянущихся на рассвете к рынку... В то время я не был влюблен ни в кого конкретно, хотя и встречался со многими девушками — Иветты, Мими, Симоны, их лица неразличимы, сливаются в одно — и в Париже была весна, и цыганские оркестры, и коктейли у Луи... Я вспоминал все это, и сердце мое рвалось из груди в каком-то прустовском восторге, а Время гремело, как колокол... Возможно, именно в этом и был смысл воспоминаний —

этот восторг передавался всем моим движениям, обострял мое восприятие, укреплял волю...

Я увидел следующий шаг и исполнил его... Я уже совершил один полный обход, создал периметр своего Огненного Пути. Спиной я ощущал грозу. Видимо, она уже поднялась на плато. Небо быстро темнело — на бешеную карусель многоцветного сияния наползали мрачные тучи. Молнии вспыхивали совсем уж рядом, но я не мог отвлекаться, не мог тратить свои силы на управление погодой.

Завершив полный круг, я увидел, что пройденная часть нового Огненного Пути запечатлелась в скальном грунте, мерцает бледным голубоватым сиянием. Но ничего знакомого по прошлому не было — ни искр, ни покалывания в ногах, ни токов, от которых дыбом встают волосы; только огромный, непомерный вес вынужденной, предписанной каким-то законом медлительности, аккуратности каждого шага... Налево...

...Маки, маки и васильки, и высокие тополя, шагающие вдоль сельской дороги, и вкус нормандского сидра... И снова город, запах цветущих каштанов... Сена, усыпанная звездами... Площадь Вогезов, старые дома, подсыхающие после ночного дождя, запах мокрого кирпича... Бар под мюзик-холлом «Олимпия»... Драка в баре... В кровь рассаженные костяшки пальцев, девушка, перевязавшая меня, пригласившая к себе домой... Как же ее звали? Цветущие каштаны... Белая роза...

Я потянул носом. Увядшая роза, все еще висевшая на моем воротнике, почти утратила запах. И как это она уцелела? Прямо чудо какое-то. Я немного приободрился и пошел дальше, плавно сворачивая направо. Уголком глаза я видел надвигающуюся стену грозы, гладкую и блестящую, как стекло. Стирающую все на своем пути. Раскаты грома чуть не рвали барабанные перепонки.

Направо, налево...

Победная поступь армий ночи. Устоит ли перед ними мой Огненный Путь? «Быстрее, быстрее!» — кричал внутренний голос, но я был не в силах спешить, я двигался все медленнее и медленнее. Я испытывал странное раздвоение, словно один «я» находился в Камне, обходил хранящийся там Огненный Путь, другой же — здесь, снаружи — наблюдал за его движениями, тщательно их копировал. Налево... Поворот... Направо...

Серый воздух резко пахнет озоном, гроза совсем уже рядом. Скоро она накроет косточки старины Хуги. Черная, нахохлившаяся птица, ворон, поджидавший меня — если, конечно же, можно верить его словам — с начала Времен... Поджидавший — зачем? Чтобы подискутировать со мной? Или чтобы я съел его здесь, в этом лежащем вне истории месте?

Так или иначе, финал получился весьма эффектный — не сумев наполнить мое сердце тоской и сожалением касательно низменности моей духовной жизни, он наполнил мой желудок под аккомпанемент вполне театрального грома... Некоторый, пожалуй, перебор, но это ничего; морализаторы всегда были склонны к патетике...

Отдаленный раскат грома, близкий раскат, совсем близкий. При очередном повороте я взглянул на грозу и едва не ослеп от бенгальских вспышек молний. Я еще крепче сжал цепочку и сделал очередной шаг...

Подступив к краю Огненного Пути, гроза разделилась, стала обходить его с двух сторон. Ни на меня, ни на Огненный Путь не упало ни одной капли, однако прошло совсем немного времени, и мы оказались в полном окружении.

Пузырек воздуха, чудом прицепившийся ко дну штормового океана. За сплошными стенами воды мечутся какие-то темные, хищные силуэты. Не океан — вся Вселенная навалилась на меня, чтобы раздавить, стереть в порошок. Я погрузился в красный, сверкающий мир Камня. Налево...

Цветущие каштаны... Чашка шоколада в придорожном кафе... Духовой оркестр в саду Тюильри, звуки, разносящиеся в пронизанном солнцем воздухе... Берлин двадцатых годов, Океания тридцатых — тоже удовольствие, тоже радость, но не такая, бьющая через край. Возможно, все это — не настоящее прошлое, а только образы прошлого, приходящие к нам потом, чтобы радовать нас или мучить, — к нам, людям и целым народам. Какая разница? Через новый мост и по Риволи, автобусы и фиакры... Люксембургский сад, художники с мольбертами... Если все окончится благополучно, как-нибудь я найду такую Тень, обязательно найду... Ничем не хуже моего Авалона... Я забыл... Подробности... Штрихи, детали, в которых вся жизнь... Запах каштанов...

Идти, идти дальше... Я завершил еще один круг. Вой ветра, оглушительные раскаты грома — но все это там, за стек-

лянной стеной. Пока я не поддамся им, не отвлекусь, пока я иду, пока все мое внимание в Камне... Я должен держаться, должен делать эти медленные, от начала до конца продуманные шаги, не останавливаться, двигаться — все медленнее и медленнее, но постоянно, непрерывно...

Лица... Оттуда, из-за пылающей границы Огненного Пути, на меня смотрели десятки, сотни лиц... Огромные, как та Голова, но не задумчиво-растерянные, а перекошенные, ухмыляющиеся, издевательски подмигивающие, только и ждущие, чтобы я остановился или сделал неверный шаг... Ждущие момента, когда стена, защищавшая меня, рухнет... В их глазах, в их разинутых ртах сверкают молнии, смех их подобен грому. И тени, крадущиеся среди них тени. Теперь они говорят, обращаются ко мне, и каждое их слово — яростный шквал, прилетевший с темного, бушующего океана... Ты падешь, говорят они мне, падешь и будешь сметен, а этот недоделанный Огненный Путь разлетится вдребезги, бесследно исчезнет... Они проклинают меня, плюются, извергают в мою сторону мутные потоки рвоты... Но ничто, кроме звуков, меня не достигает... Возможно, их и нет здесь вовсе... Возможно, мой мозг не вынес непосильного напряжения... А что же тогда толку ото всех моих стараний? Новый Огненный Путь, начертанный безумцем? Я заколебался — и тут же все они завопили, завизжали голосами, подобными голосам изначальных стихий: «Безумец! Безумец! Безумец!»

Я глубоко вздохнул, снова ощутил запах увядшей розы, снова вспомнил о каштанах, о днях, полных радости и стройного, естественного порядка. В моем мозгу вновь промелькнули события того счастливого года, и голоса начали стихать... Я шагнул... И еще раз... И еще... Они играли на моих слабостях, они чувствовали мою озабоченность, мои сомнения, мою усталость... Кем бы и чем бы они ни были, они хватались за все, что видели, все поворачивали против меня... Налево... Направо... А теперь, сказал я себе, пусть они почувствуют мою уверенность и скиснут. До этого места я дошел. И пойду дальше.

Налево...

Они продолжали виться вокруг меня, продолжали кричать о неизбежной моей неудаче, но без прежнего уже напора, почти неуверенно. Я прошел очередную часть дуги, увидел ее рост в красных глубинах Камня.

Я вспомнил свой побег из клиники «Гринвуд», и как я выманил у Флоры информацию, свою встречу с Рэндомом, нашу схватку с его преследователями, возвращение в Амбер... Я вспомнил бегство в Ребму, и как я прошел Огненный Путь, восстановив большую часть своей памяти... Вспомнил о вынужденной женитьбе Рэндома и о своей жизни в Амбере, как я поцапался с Эриком и бежал к Блейзу... О последующих сражениях, о том, как меня ослепили, о заточении, прозрении и побеге, о своем уходе в Лоррен, а потом — в Авалон...

На еще большей скорости мой мозг пробежался по верхам последующих событий... Ганелон и Лоррен... чудовища из Черного Круга... Рука Бенедикта... Дара... Возвращение Брэнда, покушение на него... Покушение на меня... Билл Рот... Больничные записи... Несчастный случай...

...И вдруг я понял, что уже годы, от пробуждения в «Гринвуде» вплоть до этого, настоящего момента, когда я отчаянно стараюсь выполнить очередной маневр с полной, безупречной точностью, все эти годы во мне нарастало предчувствие. Нарастало — вне зависимости от того, чем мотивировались мои действия в тот или иной конкретный момент — борьбой за престол, жаждой мести или чувством долга, и если я не знал об этом предчувствии, то лишь потому, что прятал его в какой-то далекий уголок подсознания. А теперь к нему, к давнему, присоединилась уверенность, что ожиданию приходит конец, и то неизвестное, которое я предчувствовал, к которому шел, готово воплотиться в явь.

Налево... Очень, очень медленно... Ничто иное не имеет значения. Я вложил в свои движения всю, какая была, волю. Моя сосредоточенность стала абсолютной. Я не видел, не слышал и не знал ничего, лежащего за границей Огненного Пути. Молнии, лица, ветер... они не имели значения, их не было. Только Камень, прирастающий Огненный Путь и я сам — но даже о себе я тогда забыл. Высшее, вероятно, в моей жизни приближение к идеалу Хуги, к слиянию с Абсолютом.

Поворот... Правую ногу... Еще поворот...

Время исчезло, потеряло смысл. Пространство сузилось до рамок воссоздаваемого мной узора. Теперь мне не нужно было черпать силу из Камня — она вливалась в меня сама, ес-

тественный элемент моей работы. В некотором смысле я исчез. Я превратился в точку, двигался согласно указаниям Камня, выполнял операции, поглощавшие меня настолько полно, что в мозгу не оставалось места для самосознания. И все же, не знаю уж на каком уровне, я понимал, что являюсь существенным элементом процесса. Ибо, выполняй этот процесс кто-либо другой, сейчас возникал бы иной, отличный от моего Огненный Путь.

Я смутно осознавал, что прошел уже больше половины. Узор усложнился, медленные мои движения стали еще медленнее. Я вспомнил, как получал многомерную структуру, первоисточник изначального Огненного Пути. Только там не было этой черепашьей, душу выматывающей скорости.

Направо... Налево...

Никакого сопротивления, ничто не прижимало меня к земле; несмотря на кропотливую обдуманность каждого моего движения, я чувствовал себя легким как перышко. Сквозь меня струилась безграничная, неисчерпаемая энергия. Все окружающие звуки сливались в белый шум и пропадали.

И вдруг ощущение медлительности исчезло. Не то чтобы я миновал Преграду — скорее во мне произошла какая-то внутренняя перестройка.

Теперь я словно шел нормальным шагом, пробираясь сквозь все более крутые завитки, подходя к конечной точке узора. Я выполнял свою работу тщательно, но как-то отстраненно, почти равнодушно, хотя и понимал разумом, что внутри меня зреет, рвется наружу бешеный восторг. Еще один шаг... и еще... Остается совсем немного, с полдюжины шагов...

Неожиданно мир померк. Я оказался в безбрежной пустоте, освещаемой только алым угольком Камня и тусклым мерцанием Огненного Пути — спиральной туманности, по которой ступали мои ноги. Я заколебался — но лишь на мгновение. Теперь начинается последнее испытание, финишный бросок, мой последний бой. Нельзя ни на что отвлекаться.

Камень показывал мне, что нужно делать. Огненный Путь — где все бы хорошо, но я не видел себя, того, кто должен все это выполнять. Налево...

Я шел дальше. Все мое внимание, все мои мысли были сосредоточены на этом вот шаге... а теперь на этом... на этом...

Появилось сопротивление — такое же, как на старом Огненном Пути; впрочем, не страшно, за моей спиной — многие годы опыта. Сопротивление нарастало, я сделал еще два шага.

И тут Камень показал мне будущий, завершенный Огненный Путь, всю его ни с чем не сравнимую красоту. В любой другой момент у меня бы захватило дух — в любой другой, но не сейчас, когда все мои движения, даже дыхание, были подчинены одной цели. Я шагнул вперед, прорвал невыносимое сопротивление, и пустота, окружавшая меня, содрогнулась. Следующий шаг дался мне с еще большим трудом. Я находился в средине средин, ступал по звездам, волевым по сути своей, а не физическим актом сообщал Вселенной изначальный толчок.

Я не видел свою ногу, знал только, что она двигается вперед, медленно, очень медленно — но двигается. Огненный Путь начал разгораться. Вскоре его сияние стало ослепительным.

Еще, еще чуть-чуть...

Здесь было труднее, чем на прежнем Огненном Пути — сопротивление казалось непреодолимым, абсолютным. Я собрал всю свою волю, всю решительность, но не мог сдвинуться ни на дюйм, только голубое пламя сверкало все ярче и ярче. Пусть так, пусть ничего не выйдет, зато я погибну на фоне великолепных декораций...

Минуты, дни, годы... Не знаю, сколько времени это продолжалось. Вечность, наверное — мне, во всяком случае, почудилось, будто этот единичный акт воли заполнил всю вечность...

Затем нога моя сдвинулась. Сколько времени она двигалась — этого я тоже не знаю. Но я завершил шаг и начал следующий. И следующий.

Вселенная бешено завертелась. Я прошел.

Невыносимое давление исчезло. Чернота исчезла.

Я даже не осмотрел новосозданный Огненный Путь. Постояв какое-то мгновение неподвижно, я рухнул на колени и согнулся пополам. В ушах гремели тяжелые, как молотом по наковальне, удары пульса, по телу пробегали волны конвульсивной дрожи, голова плыла, мне отчаянно не хватало воздуха. «Получилось», — выплыло где-то на краю сознания. Что

бы там ни произошло дальше, Огненный Путь есть. И он будет существовать...

Этого звука не должно было быть, здесь вообще не должно быть никаких звуков, но сперва измочаленные мышцы отказывались реагировать даже рефлекторно, а потом было поздно. Когда цепочка с Камнем рывком вылетела из моих вялых пальцев, я не вскочил, а только поднял голову и кое-как разогнулся. Никто не следовал за мной по Огненному Пути — что-что, а уж это бы я заметил. Значит...

Свет был почти нормальным. Я проморгался и увидел над собой ухмыляющееся лицо Брэнда. На глазу его красовалась черная повязка, в ладони лежал Камень. Наверное, он телепортировался.

Брэнд ударил меня, и я повалился на левый бок. Затем он ударил меня еще раз, ногой в живот.

— Надо же, — сказал Брэнд, — справился! Вот никогда бы не подумал. А мне теперь новое занятие: уничтожать этот твой Огненный Путь. Ладно, я не ленивый, сотру его, а потом организую все как надо. Но это — потом, а сейчас я с помощью вот этой штуки изменю ход битвы, — он качнул Камнем. — Ну, до скорого.

Брэнд исчез.

Я лежал на боку, скрючившись пополам, хватал воздух ртом и отчаянно старался не потерять сознание, выплыть из ежесекундно накатывающихся валов черноты. Меня охватило огромное, беспредельное отчаяние, я закрыл глаза и застонал. И — никакого Камня, откуда можно было бы почерпнуть силу.

Каштаны в цвету...

Глава 10

Корчась вот так от боли, я представил себе Брэнда, появляющегося на неведомом мне поле, где сошлись в смертельной схватке армии Амбера и Хаоса, представил себе Камень, ярко пульсирующий на его груди. Нужно думать, Брэнд обладает достаточным контролем над Камнем, чтобы развернуть события в пользу Хаоса — так, во всяком случае, считает он

сам. Я представил себе, как он испепеляет наши войска молниями, рвет ураганами, сечет градом... И чуть не заплакал. Ну что ему стоит перейти на нашу сторону, искупить все прежние грехи? Но нет, просто победа — этого Брэнду теперь мало. Ему нужно победить для себя, на своих собственных условиях. А что же я? А ничего, проиграл — вот и все. Я сделал почти невероятное, сделал такое, во что бы и сам никогда не поверил, — остановил победную поступь Хаоса Огненным Путем. Но даже и это не значит ровно ничего: если Амбер проиграет сражение, Брэнд вернется сюда и уничтожит плод моих трудов.

Быть так близко к победе, пройти все испытания, которые я прошел, чтобы затем вот так... Очень хотелось заорать «Нечестно!» — хотя я и знал, что Вселенная абсолютно не обязана придерживаться моих представлений о справедливости. Я скрипнул зубами и сплюнул песок, неведомым образом попавший в рот. Отец поручил мне доставить Камень на поле битвы. Я почти выполнил его поручение.

Меня охватило некое странное чувство. Что-то взывало к моему вниманию. Что?

Тишина.

Гром, ураганный ветер — все это стихло. Над миром нависло спокойствие. Воздух был свеж и прохладен. По другую сторону моих смеженных век имел место быть некий свет.

Я открыл глаза. И увидел небо — яркое, однородно-белое. Я сморгнул и повернул голову. Справа... что же там справа?

Дерево. В том месте, куда я воткнул отрезанный от старины Игга посох, зеленело деревце. Оно было уже заметно выше первоначального посоха. Я почти видел, как оно тянется вверх. Зеленые листья и белая россыпь бутонов, некоторые бутоны успели распуститься. Ветерок, удачно налетевший как раз с этой стороны, донес до меня тонкий, нежный аромат. Мелочь вроде бы, но я почувствовал себя заметно бодрее.

Я ощущал свое многострадальное тело. Ребра вроде бы все в порядке, только вот кишки словно скручены узлом. Сильно же мой братец меня саданул!.. Я протер глаза, причесался пятерней, тяжело вздохнул и встал на правое колено.

Я начал изучать обстановку. Плато — то же самое и вроде не то же самое. Такое же голое, такое же бесплодное, но как-то оно словно утратило прежнюю враждебность. Новое осве-

щение, нечему особенно удивляться... Нет, не только освещение...

Я осмотрел окрестности на все триста шестьдесят градусов. Нет, это не то место, где начал строить Огненный Путь. Различия, везде различия — от мелких, еле заметных, до радикальных, бросающихся в глаза. Другие силуэты скал, впадина, где раньше был холмик, совсем другая текстура камня... А вон там, подальше, даже не голый камень и песок, а нечто вроде земли.

Я встал, повел носом и ощутил слабый, еле уловимый запах моря. Это плато было бесконечно иным, чем то, на которое я с таким трудом взбирался — целую, кажется, вечность тому назад. Прокатившаяся гроза не могла вызвать таких перемен. И было в этом месте что-то до странности знакомое.

Я вздохнул и снова начал глазеть по сторонам. Дела мои оставались ровно в таком же состоянии, как несколько минут назад, когда я валялся вот тут, в центре нового Огненного Пути, и чуть не волком выл с тоски, однако глухое, безнадежное отчаяние куда-то отступало, я почувствовал себя... как бы это получше сказать?.. посвежевшим, обновленным. Чистый, как ключевая вода, воздух, все вокруг проникнуто... чем-то таким, даже и не скажешь — чем. Первозданностью...

Ну конечно. Окрестности изначального Огненного Пути — вот на что это место похоже. Я повернулся и взглянул на деревце. До чего же быстро оно растет!.. Во всем, буквально во всем чувствуется что-то новое — и в воздухе, и в земле, и в небе. Новое место. Новый изначальный Огненный Путь. Все меня окружающее — продукт этого Огненного Пути. Моего Огненного Пути.

И тут я понял, что чувствую себя не просто посвежевшим. Во мне поднималась некая радость, некий восторг, почти экстаз. Я видел вокруг себя чистое, свежее, как при начале мира, место, я был в долгу перед этим местом, отвечал за него.

Время шло и шло. Я смотрел вокруг, наблюдал, как растет мое дерево, купался в накативших волнах эйфории. И все-таки это тоже победа — до тех, конечно же, пор, пока не вернется Брэнд. Вернется, чтобы уничтожить.

Неприятное воспоминание мгновенно меня протрезвило. Я должен остановить Брэнда. Я должен защитить это место. Я нахожусь в центре Огненного Пути. Если этот Огненный

Путь во всем подобен прежнему, я могу с его помощью переместиться куда угодно, я могу завершить свою миссию, хотя и — увы! — без Камня.

Я отряхнул одежду и чуть вытащил клинок из ножен. Может, все еще не так безнадежно, как мне кажется. Мне поручено доставить Камень к месту битвы — и не больше. Теперь это сделает Брэнд. Так или иначе — Камень будет на месте. Всего-то мне и остается, что отправиться туда самому, отнять у Брэнда Камень и пустить события по предначертанному отцом сценарию.

Я снова огляделся. Я сюда еще вернусь, вернусь и спокойно изучу обстановку — если, конечно же, останусь жив. Над этим местом нависло почти осязаемое присутствие тайны. Тайна ощущалась в воздухе, в каждом дуновении ветра. Что изменилось в мире с созданием нового Огненного Пути? Чтобы разобраться в этом, потребуются века и века.

Я поднял руку, прощаясь с деревом, и — готов поклясться! — оно тоже взмахнуло веткой. Я потрогал приколотую к воротнику розу, придал ей, по мере сил и возможностей, нечто вроде первоначальной формы.

Пора в дорогу. У меня еще есть дело.

Я опустил голову, закрыл глаза и попытался вспомнить Владения Хаоса, равнину, примыкающую к предельной бездне. Я увидел странное, дикое небо, увидел эту равнину, населил ее своими родственниками, заполнил войсками. Я словно услышал — или действительно услышал? — звуки далекой битвы. Сцена быстро изменялась (без моего уже участия), становилась ярче и отчетливее. Я вгляделся еще пристальнее — и отдал Огненному Пути приказ.

Мгновение спустя я увидел эту равнину воочию, с вершины крутого холма. Холодный, до костей пронизывающий ветер рвал с меня плащ, небо было то самое, знакомое по прошлому разу — бешено вращающаяся карусель, наполовину черная, наполовину раскрашенная радужными, психоделически-яркими полосами, непрерывно шевелящимися, наползающими друг на друга. В воздухе стоял тяжелый запах то ли гнили, то ли еще какой гадости. Теперь Черная Дорога оказалась справа, чудовищный ее шрам рассекал равнину, перепрыгивал через провал и упирался в черную, мертвенно поблескивающую цитадель. И по Черной Дороге, и по тонким

кружевным мостам, колыхавшимся над бездной, двигались какие-то странные, мучительно чуждые... существа? или вещи? Внизу, у подножия холма, поле было буквально забито войсками — главные, наверное, силы. За моей спиной слышались звуки, совсем не напоминавшие легкий звон крылатой колесницы Времени.

Повернувшись на север (север — если прежние мои оценки направления верны), я снова увидел знакомую картину. Взбесившийся, вставший на дыбы ледник — вот что напоминал голубовато-серый фронт дьявольской грозы. Продвигаясь через дальние горы, гроза рвала воздух пушечными раскатами грома, осыпала землю сотнями молний.

Итак, создание нового Огненного Пути не уничтожило ее, не остановило. Похоже, гроза попросту обошла защищенный пятачок и направилась дальше — туда, куда уж она там направлялась. Будем надеяться, что следом за ней двинутся некие конструктивные силы, порождаемые моим Огненным Путем, что эти силы наново установят порядок во взбаламученных отражениях. Будем надеяться. А еще — очень хотелось бы знать, как скоро эта мерзость доберется сюда?

Я услышал дробный перестук копыт и развернулся, выхватывая одновременно клинок...

Прямо в мою сторону мчался рогатый всадник на мощном вороном скакуне; его глаза сверкали оранжевым, как пламя костра, светом.

Я встал поудобнее и начал спокойно ждать. Откуда он на мою голову? Скорее всего — вон с той кружевной дороги, которую принесло сюда ветром. Мы находились на приличном удалении от главного театра военных действий. Рогатый скакал по холму вверх, а я внимательно его рассматривал. Хороший у него, надо признать, конь, вон какая мощная грудь. А куда подевался Брэнд? Я совсем не намерен драться тут с каждым встречным-поперечным.

В правой руке всадника сверкнула изогнутая сабля. Я отбил жутковатое оружие ударом влево и вниз, когда он попытался разрубить меня пополам, ухватил рогатого героя за низко опущенную руку и выдернул из седла.

— Эта роза... — начал он, тюком валясь на землю, но тут же захрипел и смолк — с перерезанной глоткой много не поговоришь. Рана мгновенно заалела.

Я выпустил обмякшую руку противника, вложил Грейсвандир в ножны, пробежал несколько шагов и успел-таки поймать черного скакуна за уздечку. Пошептал коню на ухо и отвел его от высоко взметнувшегося пламени. Через несколько минут мы установили довольно дружеские отношения, и я вскочил в седло.

Видя, что конь дрожит и прядает ушами, я дал ему прогуляться по вершине холма шагом — пусть успокоится, а мы тем временем проведем рекогносцировку.

Армия Амбера вроде бы наступала, по всему полю валялись дымящиеся трупы. Главные силы противника сгруппировались на высотах, непосредственно прилегавших к провалу. Они отходили — медленно, стройными рядами, но отходили. По мостам, переброшенным через бездну, на помощь защитникам высот спешили свежие войска. Судя по их все возраставшей численности, по позициям, где они разворачивались в боевой порядок, Хаос готовил контрнаступление. Брэнда нигде не было видно.

Даже будь я сейчас в доспехах, будь я свежим и бодрым, как майское утро, — даже тогда я бы десять раз подумал, прежде чем скакать вниз и ввязываться в общую схватку. У меня есть своя, конкретная работа: найти Брэнда. Сомнительно, чтобы этот красавец был в самой гуще сражения. Я осмотрел фланги, выискивая одинокую фигуру. Не видать... Возможно, он на дальнем краю поля. Придется описать круг, заехать с севера. Западные фланги армий были слишком от меня далеко, я почти ничего там не различал.

Я развернул коня и поскакал вниз. Хорошо бы сейчас упасть и не вставать. Свалиться на землю, куда попало, и уснуть. Я горько вздохнул. Так где же он, проклятый Брэнд?

Спустившись с холма, я свернул в широкую, совершенно сухую канаву, тянувшуюся прямо в нужном направлении. Да, этот фланг нужно будет осмотреть получ...

— Лорд Корвин из Амбера?

Он поджидал меня за поворотом — крупный, мертвенно-бледный человек с рыжей шевелюрой, восседавший на гнедом коне. Облаченный в тускло-красные, с зеленоватым орнаментом доспехи, он сидел неподвижно, как статуя.

— Я увидел тебя на вершине холма. На тебе, как я понимаю, доспехов нет?

Я постучал себя по ребрам.

Коротко кивнув, рыжий потянулся к левому своему плечу, к правому, затем к бокам. Расстегнув панцирь, он снял его, уронил на землю и занялся поножами.

— Я давно хотел с тобой встретиться, — обрадовал меня он, продолжая разоблачаться. — Я — Борель. Я не хочу, чтобы потом говорили, будто я убил тебя в нечестном бою.

Борель... Что-то знакомое в имени... Ну да, конечно. Это же Дара рассказывала, она его очень любит и уважает. Великий боец, научивший ее владеть клинком. Великий-то великий, а дурак он тоже немалый. Расставшись с броней, Борель расстался с моим к нему уважением. Бой — не детские игрушки, я совсем не намерен подставлять свое нежно любимое тело под удары самодовольного болвана, придерживающегося иного мнения. И уж тем более когда болван этот имеет приличную квалификацию, а я — что выжатый лимон. Он же меня если сразу не достанет, так до смерти загоняет.

— Сегодня мы разрешим наконец вопрос, столь долго волновавший меня, — обнадежил меня Борель.

Я ответил несколько архаичной непристойностью, развернулся и поскакал назад, откуда приехал. Борель рванул за мной следом.

Положение мое оставляло желать много лучшего. Начальная дистанция — всего ничего, этот тип меня, конечно же, догонит, и очень быстро. Догонит и либо рубанет по незащищенной спине, либо проявит свое хваленое рыцарство, заставит сражаться — и опять же убьет.

— Трус! — орал он мне в спину. — Ты бежишь от боя! И это — великий воитель, о ком я столько наслышан!

Я потянулся к вороту и расстегнул плащ. Края канавы были уже вровень с моими плечами... вровень с поясом...

Я выскочил из седла налево, запнулся о камень, чудом не упал, пробежал пару шагов и остановился; вороной промчался дальше. Я встал на край канавы.

Зажав плащ обеими руками, я взмахнул им перед несущимся во весь опор Борелем, как матадор — перед быком. Через мгновение рыжий воитель утратил всякую способность сопротивляться — его голова была покрыта плащом, рука, сжимавшая обнаженный меч, безнадежно запуталась.

И тогда я ударил его ногой. Целился я в голову, попал всего лишь в левое плечо, но хватило и этого. Борель вылетел из седла, его гнедой скакун проследовал за моим вороным.

Я спрыгнул в канаву, вытаскивая по пути Грейсвандир. Борель уже выпутался из плаща, сел на землю и явно намеревался встать. Я проткнул его насквозь и сразу же вытащил клинок; из раны полыхнуло пламя.

— Сколь низок твой поступок! — возмущенно воскликнул Борель. Его лицо выражало искреннее удивление. — Я был лучшего о тебе мнения!

— Здесь — не Олимпийские Игры, — заметил я, подбирая свой плащ и стряхивая с него искры.

Затем поймал вороного и снова забрался в седло.

Дальнейший мой путь на север пролегал по местности чуть повыше. Отсюда я увидел Бенедикта, руководившего битвой, а глубоко в тылу, в низине, на мгновение заметил Джулиана, возглавлявшего арденские войска. Судя по всему, Бенедикт держал их в резерве.

Я продолжал скакать навстречу надвигающейся грозе под бешено вращающимся, наполовину черным, наполовину радужным небом. Вскоре я приблизился к избранному заранее наблюдательному пункту — самому высокому из окрестных холмов — и начал на него подниматься. По дороге я несколько раз останавливал коня и оглядывался.

Теперь я увидел Дейрдре, облаченную в черные доспехи и вооруженную секирой, Ллевелла и Флора выбрали себе место среди лучников, Фиона куда-то запропастилась, Джерард — тоже. Вон тот всадник с тяжелым мечом, возглавляющий атаку на вражеские высоты, — конечно же, Рэндом. Невдалеке от Рэндома сражался некий незнакомый мне рыцарь; одетый в зеленые доспехи, он работал палицей с прямо-таки устрашающей эффективностью. За спиной незнакомца висел лук, на бедре — колчан, полный сверкающих стрел.

К тому времени как я достиг вершины холма, звуки грозы заметно усилились. Молнии сверкали с регулярностью испорченной неоновой трубки, дождь низвергался сплошным потоком — фибергласовый занавес, успевший уже миновать и закрыть горы.

Внизу, подо мной, сцепились в битве звери и люди, среди которых можно было заметить и зверолюдей. Над полем повисло густое облако пыли. Судя по расположению сил, силь-

но возросшая по своей численности армия Хаоса не намеревалась больше отступать. Скорее наоборот, она готовилась броситься в контратаку. Резервные отряды противника выстроились в скалистых ущельях, им не хватало только приказа.

Я не ошибся: не прошло и двух минут, как картина сражения разительно изменилась. Свежие войска лавиной скатывались со склона, усиливали боевые порядки обороняющихся, с ходу переходили в наступление; по переброшенным через черную бездну мостам двигались все новые и новые подкрепления; наша армия начала более-менее упорядоченный отход. Противник наращивал давление, и в тот самый момент, когда отход был уже готов перейти в паническое бегство, Бенедикт, надо думать, отдал приказ.

Я услышал рожок Джулиана, а вскоре увидел и его самого верхом на Моргенштерне; на поле битвы хлынула арденская гвардия. Теперь силы схватившихся у черной бездны армий приблизительно сравнялись, грохот, долетавший до моих ушей, заметно усилился, в дикое, волчком вращающееся небо взметнулись новые облака пыли.

Я наблюдал за битвой уже с четверть часа; наши войска медленно отходили по всему фронту. Вдруг на вершине одного из дальних холмов появился однорукий всадник с воздетым к небу мечом. Голова полосатого, огненно-яркого скакуна была повернута к западу, в противоположную от меня сторону.

Несколько томительно долгих мгновений всадник не двигался. Затем он резко взмахнул клинком.

На западе громко пропели трубы. Первые секунды я не видел ровно ничего; потом на поле вылетела цепь кавалеристов. Я вздрогнул, сразу же вспомнив о Брэнде, но тут же облегченно сообразил, что это Блейз бросил свои войска на оголенный фланг противника.

Наша армия прекратила отход. Какое-то время она только сдерживала натиск орд Хаоса, а затем двинулась вперед.

Блейз и его всадники ввязались в схватку, и я понял, что сегодня Бенедикт снова одержит победу. Враги будут стерты в порошок.

Затем с севера налетел холодный, пронзительный ветер. Я обернулся.

Гроза заметно приблизилась. Судя по всему, сейчас она двигалась быстрее, чем прежде. Стена дождя угрожающе по-

темнела, молнии сверкали чаще и ярче, гром грохотал с удвоенной яростью.

Ну и что же? Прокатится эта всеуничтожающая волна по полю, и тем дело кончится? А благотворное воздействие нового Огненного Пути? Придет следом и восстановит все как было? Вот тут у меня возникли сильные сомнения. Если армия Амбера будет уничтожена, тем скорее всего дело и кончится — никто и ничто нас не воскресит. Только мощь Камня способна остановить эту дьявольскую грозу, задержать ее до полного восстановления порядка. Сумей мы даже ее пережить, что бы осталось от мира? На этот счет у меня и предположений не было.

Так что же задумал Брэнд? Чего он ждет? Что он намерен делать?

Я снова оглядел поле сражения...

Нечто интересное.

Там, в тени, на тех самых холмах, где скапливались силы противника, на холмах, откуда они бросились в контратаку... там нечто очень и очень интересное.

Еле заметный всплеск красного света... Точно, я видел, я не мог ошибиться!

Я стоял, всматривался и ждал. Нужно засечь эту вспышку снова, сориентироваться, хорошенько запомнить точку.

Прошла минута. Другая...

Вот! И снова!

Я развернул вороного. Представлялось вполне возможным обогнуть ближний фланг противника, а затем подняться на эту вроде бы пустующую высотку. Таким курсом я и поскакал, спустившись с холма.

Наверняка это Брэнд с Камнем. Выбрал себе хорошее, безопасное место, откуда можно наблюдать и за полем сражения, и за надвигающейся грозой. Понаблюдает-понаблюдает да и направит на наши войска молнии. В нужный момент он подаст сигнал к отходу, обрушит на нас всю ярость непонятной грозы, а затем заставит ее обойти войска Хаоса. Самое при сложившихся обстоятельствах простое и эффективное использование мощи Камня.

Моя власть над Камнем значительно сильнее, однако она уменьшается с расстоянием; власть Брэнда слабее, зато Камень висит у него прямо на груди. Лучшее, что можно сде-

лать, — это броситься на Брэнда, любой ценой к нему приблизиться и перехватить контроль над Камнем.

Плохо только, если у него есть охрана. Справиться-то я справлюсь, но потеряю на этом драгоценные секунды. А если охраны нет — что помешает Брэнду телепортироваться в какое-нибудь другое место, коли ситуация покажется ему невыгодной? И что же мне тогда делать? Начинать охоту заново?.. А нельзя ли помешать ему смыться с помощью того же Камня? Дело темное, но попробовать можно.

План далеко не идеальный, но другого у меня не было. Как не было и времени на раздумья.

Неожиданно выяснилось, что эта высотка заинтересовала не меня одного. Рэндом, Дейрдре и Фиона, сопровождаемые восемью всадниками, весьма успешно прорывались сквозь линии противника, за ними поспешали еще какие-то воины — то ли друзья, то ли враги, а может, — и те и другие вперемешку. Всех обогнал тот самый рыцарь в зеленом; я так и не сумел распознать его — а может, и ее. Присутствие среди атакующих Фионы не оставляло никаких сомнений относительно их намерений. Видимо, она обнаружила Брэнда и возглавила группу захвата. С моего сердца свалился один из многочисленных камней. Можно надеяться, что Фиона сумеет нейтрализовать — или хотя бы минимизировать — силы Брэнда.

Я пригнулся к луке и погнал коня еще сильнее. Все так же вертелась небесная карусель, в ушах свистел ветер. Сзади прогремел очередной чудовищный раскат; я даже не оглянулся.

Я пытался их обогнать. Нельзя, чтобы они добрались туда первыми, хотя так скорее всего и будет. Слишком уж мне далеко.

Если бы они подождали, если бы повернулись и заметили меня! Жаль, что нельзя было с самого начала сообщить им о своем присутствии: не было никаких способов. Самое время использовать карты — и именно сейчас они не действуют!

Я начал орать. Я кричал и кричал, но ветер уносил мои слова в сторону, пушечные раскаты грома их заглушали.

— Подождите меня, подождите! Постойте, черт побери, это я, Корвин!

Никто из родственничков и ухом не повел.

А вот и разрозненная группа яростно сражающихся воинов; я миновал их и поскакал вдоль фланга противников,

предусмотрительно держась вне досягаемости стрел и прочих метательных снарядов. Теперь армия Хаоса отступала побыстрее, наши войска занимали все большую территорию. Не иначе как Брэнд готовит свой удар. На вращающееся небо наползла темная, мрачная туча; еще несколько минут назад ее над полем не было.

Я свернул направо, в тыл отступающих войск, и поскакал к холму; Фиона, Рэндом и прочие уже начали на него подниматься.

Подножие холма становилось все ближе и ближе, а небо — все темнее и темнее. Я очень боялся за своих родственников. Слишком уж близко они подобрались к Брэнду, он наверняка что-нибудь этакое сделает. Хватит ли у Фионы сил, чтобы его остановить?

Ослепительная вспышка, прямо впереди; конь встал на дыбы и выбросил меня из седла. И сразу же, еще прежде чем я грохнулся на землю, прозвучал мощный раскат грома.

Несколько мгновений я лежал на спине оглушенный, а затем поднял голову и осмотрелся. Вороной убежал метров на пятьдесят и остановился, нерешительно крутя головой и переминаясь с ноги на ногу. Я перевалился на живот и взглянул вверх по склону. Теперь стало понятно, кому именно предназначалась та молния — Фиона и все ее спутники находились в точно таком же, как я, положении. Горизонтальном. Некоторые из них шевелились, но никто еще не встал. Чуть повыше, в чем-то вроде неглубокой пещеры под нависающей над склоном скалой, устойчивым, ярко-красным огнем горел Камень; всмотревшись получше, я различил и смутные очертания человека, на чьей груди Камень висел.

Я пополз — вверх, вперед и чуть-чуть влево. Встать, пока я нахожусь в поле зрения этого человека, было бы неоправданным риском, а встать было нужно, и поскорее. Проделать весь путь ползком — на это потребуется слишком много времени, к тому же мне придется теперь далеко обогнуть своих родственников; Брэнд, надо думать, не спускает с них глаз.

Я полз медленно, осторожно, используя каждое подручное укрытие. Интересно, собирается ли Брэнд добить их второй молнией, а если нет — скоро ли он начнет уничтожать наши войска? С минуты на минуту, если судить по ситуации на поле боя. Оглянувшись назад, я увидел, что вражеские си-

лы быстро отступают — и, кстати сказать, двигаются прямо в нашем направлении. Еще одна, дополнительная угроза.

Я нашел узкую неглубокую впадину и прополз по ней к югу метров, наверное, десять. Потом подвернулась очень удобная складка, потом — россыпь камней.

Когда я захотел оценить обстановку и поднял голову, красный огонь уже исчез, заслоненный восточным краем расселины, где обосновался Брэнд.

Однако я продолжал ползти в том же направлении, добрался чуть не до самого края бездны и только там свернул направо. Вскоре я позволил себе встать. Я ежесекундно ожидал новую вспышку, новый раскат грома — либо неподалеку, либо на поле сражения, однако все было тихо. Почему бы это? Очень, очень странно... Я попытался ощутить близость Камня, но не смог. Тогда я пошел, почти побежал, к месту, где он недавно светился.

Я оглянулся на бездну — чтобы удостовериться, что с этой стороны не предвидится никаких новых опасностей, — и обнажил Грейсвандир.

Вот оно, логово врага. Последние метры я проделал, плотно прижимаясь к склону. В самом конце своего многотрудного пути я опустился на четвереньки и осторожно, очень осторожно заглянул в глубь расселины.

Красного сияния там не было. Темной фигуры — тоже. Пустая, ничем не примечательная каменная яма. В ближайших ее окрестностях — ровно ничего подозрительного или интересного. Выходит, Брэнд снова телепортировался? А если да, то почему?

Я встал и обогнул скальный выступ. Сзади я уже был, так что пойдем вперед. Я снова попытался нащупать Камень — и почувствовал слабенький, на пределе восприятия, контакт. Где-то вроде бы справа и вверху.

Туда я и направился, бесшумно и настороженно. С чего бы это Брэнд оставил свое убежище? Идеальная ведь позиция для осуществления его планов. Разве что...

Я услышал громкий вопль, а затем — залп проклятий. Два различных голоса. Я побежал, не заботясь больше ни о какой скрытности.

Глава 11

Чуть подальше пещеры обнаружилась тропа, извилисто уходившая вверх. Я помчался по тропе.

Я не видел еще никого и ничего, зато все отчетливее ощущал близость Камня. Справа послышалось какое-то шевеление; я резко развернулся, однако никого не обнаружил. Камень был не в этой стороне и совсем не так близко. Я снова побежал вверх.

От самого края склона, за которым холм круто обрывался в черную, зловещую бездну Хаоса, донеслись возбужденные голоса. Я вслушался, но не смог разобрать ни слова.

Приблизившись к гребню, я замедлил шаги, пригнулся и осторожно выглянул из-за удачно подвернувшейся скалы.

В каком-нибудь десятке метров от меня стояли Рэндом с Фионой, а также лорды Шантри и Фелдейн — все они, исключая Фиону, держали оружие на изготовку, однако стояли совершенно бездвижно: смотрели, затаив дыхание, на узкую, чуть приподнятую гряду, за которой чернело ничто.

Там, у самого края бездны, Брэнд прижимал кинжал к горлу Дейрдре. Дейрдре потеряла где-то свой шлем, ее спутанные волосы трепались по ветру, на белом, таком беззащитном горле уже выступила капелька крови. Я спрятался за свою скалу и стал слушать.

— Фи, — негромко сказал Рэндом, — ты бы не могла что-нибудь с ним сделать?

— Я могу его сдерживать, — ответил голос Фионы. — На таком расстоянии я могу затруднить ему управление погодой. Но это, пожалуй, и все. У него есть настройка на Камень, хоть и неполная, а у меня — никакой. Кроме того, он ближе к Камню. Он легко пересечет любую мою попытку перехватить управление.

— Бросайте оружие, — крикнул Брэнд. — Бросайте, или я ее убью!

— Убивай, — откликнулся Рэндом. — Убивай, и ты порвешь последний волосок, на котором висит твоя жизнь.

Брэнд пробормотал что-то неразборчивое.

— Хорошо, — сказал он через секунду. — Тогда я начну ее калечить.

— Валяй, — презрительно бросил Рэндом. — Дейрдре регенерирует с такой же легкостью, как и любой другой член нашей семьи. Так что придумай что-нибудь осмысленное, чтобы мы и вправду испугались, — или заткнись и попробуй пробиться с боем.

Брэнд молчал. Мне не хотелось выдавать свое присутствие — возможно, я еще сумею что-нибудь сделать. Но так вот сидеть и ничего не видеть... Я осторожно, на одно лишь мгновение, высунул голову; теперь в моем мозгу запечатлелась вся сцена действия, со всеми мельчайшими подробностями, будто фотография. Слева, чуть поодаль, есть камни, но их мало... Нет, не подберешься к нему незаметно, никак не подберешься.

— Думаю, — прозвучал голос Рэндома, — нам придется броситься на него всем вместе, и будь что будет. Лично я других вариантов не вижу. А вы?

Прежде чем кто-либо успел ответить, произошла странная вещь. Сгущавшийся прежде мрак начал быстро рассеиваться.

Я посмотрел вверх, выискивая источник неожиданного освещения.

Безумное небо было все так же затянуто тучами, только теперь эти тучи посветлели, словно за ними пряталось солнце. Посветлели — и продолжали светлеть прямо у меня на глазах.

— Что это он еще придумал? — спросил Шантри.

— Я ничего такого не чувствую, — откликнулся голос Фионы. — Так что это — не он.

— А кто же тогда?

Ответа не последовало — я, во всяком случае, ничего не услышал.

Я смотрел, как тучи становятся все ярче и ярче. И вдруг самая из них большая, самая яркая взвихрилась, словно раскрученная огромной мешалкой. В ней стали образовываться, устанавливаться какие-то формы. Еще несколько секунд — и на небе появились вполне определенные очертания.

Шум, доносившийся с поля битвы, заметно приутих, даже гроза гремела теперь вполсилы, почти робко. Из яркого, повисшего прямо в зените пятна на нас смотрело огромное человеческое лицо.

— Да говорю же тебе, что не знаю! — раздраженно ответила Фиона на чей-то не расслышанный мною вопрос.

Я понял, чье это лицо, — понял еще до того, как оно сфор-

мировалось окончательно. Лицо нашего отца. Красивый фокус!.. Знать бы только, для чего это делается.

Лицо пошевелилось, словно вглядываясь в нас, стоящих здесь, на краю бездны. Лицо отца, усталое и озабоченное. Затем оно стало еще ярче. А еще через мгновение огромные губы зашевелились.

Вместо ожидаемых громовых раскатов я услышал спокойный, хорошо знакомый голос.

— Я составляю это послание, — сказал отец, — перед тем, как приступить к починке Огненного Пути. Сейчас, когда вы меня слушаете, я уже либо добился успеха, либо потерпел неудачу. Сразу за посланием придет волна Хаоса — неизбежное последствие моей попытки. Я почти уверен, что попытка эта меня убьет.

Его глаза пошевелились, словно оглядывая поле сражения.

— Я не узнаю, радуетесь вы сейчас или печалитесь, присутствуете при начале или конце. Как только я закончу работу, Судный Камень будет послан Корвину, Корвин должен доставить его на место битвы. Если волну Хаоса не удастся отвратить, все ваши усилия окажутся втуне. Однако Корвин, вооруженный Камнем, сумеет защитить вас, пока волна не схлынет. Должен суметь.

Я услышал смех Брэнда — бешеный, сумасшедший хохот.

— После моей смерти, — продолжил голос, — перед вами встанет вопрос о престолонаследии. Я имел на этот счет некоторые пожелания, но они оказались тщетными. Поэтому мне остается одно — возложить выбор на рог Единорога.

Дети мои, я не очень вами доволен, но ведь и вы скорее всего можете сказать то же самое про меня. Ладно, что было — то было. Я оставляю вам свое благословение, и это — не просто ритуальная формальность. Теперь я займусь Огненным Путем. Прощайте.

Яркое пятно в тучах начало быстро бледнеть, лицо отца — расплываться. Еще несколько секунд, и оно исчезло без следа. Над полем битвы повисла тишина.

— ...и, как вы сами прекрасно видите, — говорил Брэнд, — у Корвина нет Камня. Бросайте оружие и убирайтесь отсюда к чертовой матери. Или сохраните оружие при себе — и убирай-

тесь. Мне на это наплевать. Просто оставьте меня в покое. У меня еще уйма дел.

— Брэнд, — спросила Фиона, — ты можешь сделать то, что отец поручил Корвину? Ты можешь отвести от нас эту штуку?

— Захочу, так смогу, — издевательски откликнулся Брэнд. — Да, я могу отвести грозу в сторону.

— Сделай так, и ты будешь героем, — негромко сказала Фиона. — Ты заслужишь нашу вечную благодарность. Все прежние грехи будут прощены. Прощены и забыты. Мы...

— Вы? — дико расхохотался Брэнд. — Вы просите меня? Вы, засунувшие меня в эту проклятую башню? Ты, пырнувшая меня ножом? Спасибо, сестричка, большое тебе спасибо. Я очень благодарен тебе за великодушное предложение, но, как ни печально, вынужден его отклонить. Ты уж на меня не обижайся.

— Хорошо, — заговорил Рэндом. — А чего же хочешь? Наших покаянных извинений? Богатств и сокровищ? Занять важный пост? Или и то, и другое, и третье? Бери все, что угодно. Ты только пойми, что затеял крайне глупую игру. Кончим ее, вернемся домой и сделаем вид, что все это было дурным сном.

— Да, — с готовностью откликнулся Брэнд, — покончим. Для этого вы для начала бросите оружие на землю. Затем Фиона развернется на сто восемьдесят градусов и бодро пошагает на север. Именно так вы и сделаете — иначе я убью Дейрдре.

— Тогда уж лучше убивай ее поскорее, — сказал Рэндом, — и будь готов сразиться со мной. Если ты получишь возможность довести свои планы до конца, Дейрдре все равно погибнет, разве что чуть позже. А вместе с ней погибнут и все остальные.

Брэнд презрительно хохотнул:

— Ты что, и вправду надеешься, что я позволю вам умереть? Нет, вы мне нужны, и чем больше вас я сумею спасти — тем лучше. Это касается и Дейрдре. Кто же, кроме вас, сумеет по достоинству оценить мой триумф? Нет, я проведу вас через грядущую катастрофу, буду беречь вас как зеницу ока.

— Я тебе не верю, — холодно кинул Рэндом.

— А ты подумай, подумай. Ты же прекрасно меня знаешь, а потому должен понимать, как я хочу насладиться своим ус-

пехом. Я хочу, чтобы вы увидели, увидели все, что я сделаю. В этом смысле мне просто необходимо ваше присутствие в новом мире. А теперь — убирайтесь.

— Ты получишь все, что только пожелаешь, — сказала Фиона, — плюс нашу благодарность, если просто...

— Убирайтесь!

Я понял, что медлить больше нельзя. Нужно действовать. И я понимал, что не сумею добраться до него достаточно быстро. Оставалось одно — попытаться использовать против Брэнда живой, висящий на его груди огонь.

Я связался с Камнем, ощутил его присутствие. Закрыл глаза, собрал все, какие оставались, силы.

Горячо, думал я, горячо. Он жжет тебя, Брэнд. Он заставляет каждую молекулу твоего тела вибрировать все быстрее и быстрее. Ты превращаешься в факел...

Я услышал жуткий вопль.

— Корвин! — кричал Брэнд. — Корвин, прекрати! Где бы ты ни был!.. Я убью ее! Смотри!

Я встал — ни на мгновение не переставая говорить Камню: «Жги его! Жги его!» Я вышел из-за скалы и взглянул на Брэнда. Его одежда начинала тлеть.

— Прекрати! — взревел он, а затем полоснул Дейрдре кинжалом по лицу.

В глазах моих все поплыло; кажется, я что-то кричал. Я утратил контроль над Камнем. Но в этот же момент растрепанная, окровавленная Дейрдре впилась зубами в руку, снова занесшую кинжал над ее лицом. Воспользовавшись мгновенным замешательством Брэнда, она ударила его локтем в солнечное сплетение и попыталась вырваться.

И тут же в воздухе что-то сверкнуло. Брэнд захрипел и выпустил кинжал — в его горле торчала серебристая стрела. Следующая стрела, мелькнувшая мгновением позже, пробила ему грудь чуть правее Камня.

Брэнд издал кошмарный булькающий звук, покачнулся и отступил на шаг. Но отступать было некуда — он стоял на краю обрыва.

Глаза нашего рыжего брата безумно расширились, он начал падать в черную бездну. Затем правая, с кровавыми следами зубов, рука метнулась вперед и поймала волосы Дейрдре.

Я уже бежал, я что-то кричал — и с ужасом понимал, что не успею.

На окровавленном лице Дейрдре появился ужас, она дико вскрикнула, потянулась навстречу мне руками...

А затем и Брэнд, и Дейрдре, и Камень перевалились через край бездны. Они падали долго, бесконечно долго, исчезли с глаз, и больше их не было.

Я вроде бы попытался броситься следом, Рэндом меня поймал, но я все время вырывался. В конце концов ему пришлось ударить меня, и тогда все исчезло.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на сухой каменистой земле, чуть подальше от обрыва, чем то место, где Рэндом меня шарахнул. Кто-то подсунул мне под голову мой же, в несколько раз сложенный плащ. Но это — чуть позже, а первое, что я увидел, было вращающееся небо, и я сразу вспомнил день первой своей встречи с Дарой и тот сон о колесе. Я чувствовал, что все остальные тут, рядом, и я слышал их голоса, но смотреть на них, поворачивать голову не хотелось. Я просто лежал и созерцал небесную мандалу и думал о своей утрате.

Дейрдре... она значила для меня больше, чем вся остальная семья, вместе взятая. Нехорошо, наверное, но что было — то было, и ничего уж тут не попишешь. Сколько раз мне хотелось, чтобы Дейрдре не была мне сестрой!.. Только реальность приходится принимать такой, какая она есть; постепенно я смирился с ситуацией. Мои чувства не изменились и никогда не изменятся, однако... А теперь ее нет, и эта мысль ужасала меня больше, чем грядущее уничтожение мира.

И все же нужно посмотреть, что там сейчас происходит. С исчезновением Камня надежды наши пошли прахом. И все же... Я попытался почувствовать его присутствие, где бы он ни был, но успеха не добился. Я попытался сесть, чтобы посмотреть, насколько приблизилась война Хаоса, но кто-то толкнул меня в плечо, снова уложил на спину.

— Отдохни, Корвин. — Голос принадлежал Рэндому. — Ты совсем вымотался, словно только что прополз сквозь ад на карачках. Ничего ты сейчас не сделаешь, так что и не трепыхайся!

— А при чем тут состояние моего здоровья? — разумно возразил разумный Корвин. — Очень скоро оно не будет иметь ровно никакого значения.

Я снова попробовал сесть. На этот раз рука Рэндома не стала мне мешать, а, наоборот, помогла.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Только тут и смотреть-то, правду говоря, не на что.

В общем, он был прав. Битва фактически закончилась, остались только немногие очаги сопротивления; очаги быстро окружали, а сопротивляющихся либо убивали, либо брали в плен. Все — и разгромленный противник, и победоносные войска Амбера — двигались в нашу сторону, дружно отступая от неумолимой волны, накатившейся уже на дальний край поля. Скоро эти высоты заполнятся уцелевшими воинами обеих армий.

Я взглянул назад. Со стороны темной цитадели не двигалось никаких новых сил. А может ли эта цитадель послужить нам убежищем, укрыть от надвигающейся волны? Если и да — что потом? Бездна? Да, наверное.

— Скоро, — пробормотал я, вспомнив Дейрдре. — Скоро.

Собственно, почему бы и нет?

Я смотрел на грозовой фронт, сверкающий молниями, все заслоняющий, трансформирующий... Да, очень скоро. Теперь, когда Камень исчез заодно с Брэндом...

— Брэнд... — сказал я. — Кто до него в конце концов добрался?

— Эта честь по достоинству принадлежит мне, — произнес какой-то очень знакомый голос. Знакомый — но чей?

Я повернул голову. Неподалеку на большом валуне сидел человек в зеленом. У его ног лежали лук и колчан. Улыбка, от которой мурашки по коже...

Кейн.

— Будь я проклят! — сказал я, потирая расшибленную Рэндомом челюсть. — Знаешь, а ведь по дороге на твои похороны со мной приключилась очень странная история.

— Как же, как же, — рассмеялся Кейн. — Наслышан. А тебе, Корвин, никогда не приходилось убивать самого себя?

— Что-то не припомню, во всяком случае — за последнее время. И как же это ты исхитрился?

— Забрел в подходящую Тень, подстерег там свою тень — вот тебе и труп. Жуткое, доложу тебе, ощущение. — Он зябко поежился. — Вряд ли я решился бы на такое второй раз.

— Но зачем? — удивился я. — Зачем было тебе симулировать смерть? Чтобы подставить меня?

— Я хотел докопаться до корня всех бед Амбера — и вырвать этот корень. — Кейн больше не улыбался. — Подумав, я решил уйти в подполье. Самый лучший способ уйти в подполье — убедить всех окружающих, что ты умер. Что касается корня бед... и тут я добился в конце концов успеха — причем прямо у тебя на глазах. — Он помолчал. — А насчет Дейрдре — мне тоже очень жаль. У меня не оставалось никакого выбора. Это был наш последний шанс. И я никак не думал, что Брэнд утащит ее с собой.

Я не мог больше смотреть на это лицо и отвел глаза.

— У меня не было выбора, — повторил Кейн. — Надеюсь, ты и сам это понимаешь.

Я кивнул.

— Но почему же все-таки ты обставил дело так, словно это я убил тебя? — спросил я через несколько секунд.

В этот момент появилась Фиона, сопровождаемая Блейзом. Я поздоровался с ними и опять повернулся к Кейну, ожидая ответа на свой вопрос. Блейзу я тоже мог бы задать ох как много вопросов, но это не горит.

— Ну так что?

— Хотелось убрать тебя с пути, — пожал плечами Кейн. — Я сильно подозревал, что за всеми этими бедами стоишь ты. Ты или Брэнд. Никто из остальных не подходил на роль главного злодея. Мне даже казалось, что вы действуете заодно — особенно в тот период, когда он боролся за твое возвращение.

— Вот тут-то ты все перепутал, — заметил Блейз. — Брэнд прямо из кожи вон лез, чтобы Корвин был от нас подальше. Он узнал, что к нему возвращается память, и...

— Понимаю, — прервал его Кейн, — прекрасно понимаю. Но тогда я смотрел на ситуацию иначе. А потому решил упрятать Корвина в каземат, чтобы он не мешал мне искать Брэнда. Я затаился и слушал по картам все ваши разговоры в надежде получить хоть какой-нибудь ключ относительно Брэндова местонахождения.

— Именно это папаша и имел в виду, — вспомнил я.

— Что? — удивился Кейн.

— Он намекал, что в среде карт завелся некий соглядатай.

— Не понимаю, как он мог догадаться... Я же научился сохранять абсолютную пассивность! Я раскладывал все, какие есть, карты, затем легонько касался их, всех по очереди, и ждал. Когда появлялась реакция, я мгновенно переключал все свое внимание на говорящих. А вызывая вас по одному, я даже обнаружил, что иногда могу пробиться в ваши головы — если вы сами не пользуетесь в этот момент картами и находитесь в достаточно беззаботном состоянии, а я сам не реагирую, будто меня и нет.

— И все-таки он знал, — повторил я.

— Да, похоже, — согласилась Фиона. — Очень похоже.

Блейз покачал головой.

— А что это ты так интересовался боком Корвина? — спросил подошедший Рэндом. — Откуда бы тебе об этом знать? Разве что...

Кейн кивнул, даже не дослушав вопроса. Внизу, на поле, Бенедикт с Джулианом обращались, видимо, к войскам. Благодарят, что ли, за верную службу?.. Однако молчаливый кивок Кейна заставил меня мгновенно о них забыть.

— Ты? — прохрипел я. — Так это ты чуть меня не зарезал?

— Попей, Корвин, — сказал Рэндом, подавая мне свою фляжку; я буквально к ней присосался. Жажда мучила меня не знаю уж который час, однако я сделал всего несколько глотков, правда, довольно основательных.

— Ну-ка, — потребовал я, — расскажи поподробнее!

— Хорошо, — пожал плечами Кейн. — Кто-кто, а уж ты имеешь право спросить. Когда я прочитал в голове Джулиана, что ты вернул Брэнда в Амбер, то окончательно уверился в своих прежних догадках, что вы с Брэндом действуете на пару. А значит, вас обоих нужно уничтожить. В ту ночь я пробрался в твои покои при помощи Огненного Пути. Я пытался убить тебя, но ты двигался слишком уж шустро и не дал мне повторить попытки — улизнул через карту.

— Черт побери, — возмутился я, — как же ты не понимал, что режешь совсем не того, кого надо? Ты же сам говорил, что читаешь наши мысли.

— Не все так просто, — покачал головой Кейн. — Я могу подслушать разве что самые поверхностные мысли да реакцию на окружающую обстановку. И то не всегда. И ты не забывай, Корвин, что я слышал твое проклятие. Причем проклятие это сбывалось. Я видел, что вокруг нас происходит, и

проникался все большей уверенностью: вас нужно убрать — и тебя, и Брэнда, — только тогда остальные смогут вздохнуть спокойно. Я знал, на что способен Брэнд, это ясно следовало из всех его действий перед твоим возвращением. Но добраться до него я не мог по милости Джерарда. А потом его сила стала быстро нарастать. Я сделал одну попытку, но из нее ничего не вышло.

— Когда же? — подозрительно прищурился Рэндом.

— Это — та самая история, в которой обвинили Корвина. Я был в маске на случай если он, как Корвин, обратится к карте. Не хотел, чтобы все узнали, что я еще не изъят из обращения. К нему я проник точно так же, как и к Корвину, — дошел до центра Огненного Пути и приказал себя перенести. Я пытался его прикончить, оба мы были ранены, целое море крови, но в конечном итоге Брэнд улизнул. Недавно я связался с Джулианом и выступил вместе с ним в этой битве — уж тут-то без Брэнда никак не могло обойтись. Подозревая, что он давно уже не такой, как все мы остальные, я заказал стрелы с серебряными наконечниками. Я хотел убить Брэнда мгновенно и не в ближнем бою, а с расстояния. Я потренировался в стрельбе из лука и пошел его искать. И нашел. И убил. Теперь вот все в один голос твердят, что насчет тебя я ошибался, так что одна стрела останется неиспользованной.

— Премного тебе благодарен.

— Пожалуй, я должен перед тобой извиниться.

— Это было бы просто великолепно.

— Пойми, я не сомневался в своей правоте. Все мои действия были направлены на наше общее благо и...

Обещанного извинения я так и не услышал — в этот самый момент Вселенную раскололо пение трубы, продолжительное и оглушительно-громкое, донесшееся словно сразу со всех сторон. Мы замолчали и начали озираться, высматривая источник звука.

— Там! — вскочил Кейн.

Его рука указывала на северо-запад. Грозовой фронт разорвался — в том самом месте, где из-под него выходила Черная Дорога. Призрачный всадник на черном коне, появившийся из прорыва, поднес к губам трубу; вскоре до нас донеслись новые звуки. Через мгновение к первому всаднику присоединились еще две призрачно-бледные фигуры на черных конях; теперь поле недавней битвы оглашали звуки трех труб.

— Что бы это могло быть? — поразился Рэндом.

— Я, пожалуй, знаю, — сказал Блейз.

Фиона кивнула.

— Так что же? — спросил я.

Они не ответили. Всадники опустили трубы и поскакали вперед. За их спинами на Черную Дорогу выезжали все новые и новые призрачные фигуры.

Глава 12

Я затаил дыхание. И не только я — над полем битвы, над высотами повисла вязкая тишина. Никто не шевелился, все головы были повернуты в сторону процессии. Туда смотрели даже воины Хаоса, взятые нами в плен.

За призрачно-бледными трубачами двигались верхом на белых конях знаменосцы; среди массы знамен попадались и незнакомые. Над головой высокого человека (во всяком случае, он был очень похож на человека), возглавлявшего знаменосцев, развевалось полотнище с изображением Единорога — королевский штандарт Амбера. И снова музыканты, на этот раз — целый оркестр, некоторые из них играли на инструментах, никогда мною не виданных.

Далее выступали длинные колонны рогатых человекообразных существ. Каждый двадцатый, или около того, из этих закованных в легкую броню воинов вздымал над головой огромный факел. На нас катился глухой мерный шум, пробивавшийся, просачивавшийся даже сквозь оглушительное пение труб и звуки оркестра — топот тысяч солдатских ног.

Мы сидели, не шевелясь, утратив счет времени, боясь проронить хоть слово, а воины все шли и шли по Черной Дороге, под звуки музыки и надсадные вопли труб, с горящими факелами и развернутыми знаменами. Достигнув обрыва, они не остановились, а двинулись дальше, освещая еле различимый, нависший над бездной мост пламенем факелов, еще ярче сверкавших на фоне запредельной тьмы.

Музыка гремела все громче и громче — по мере того как

из-за исчерченного молниями занавеса выползали одна за другой нескончаемые колонны, к ней присоединялись все новые и новые голоса. Музыку эту не могли заглушить неуверенные раскаты грома — так же как ветер, трепавший пламя факелов, не в силах был затушить из них хотя бы один.

Шествие завораживало, гипнотизировало; казалось, я смотрю на него уже многие дни, бессчетные годы, смотрю и пытаюсь узнать мелодию, исполняемую музыкантами, а потом я ее узнал и продолжал смотреть и слушать.

Неожиданно сквозь грозовой фронт прорвался дракон. И еще один, и еще. Зеленый, и золотой, и черный, как вороненая сталь, крылатые гиганты неслись, оседлав ветер, а когда какой-нибудь из них поворачивал голову назад, из его пасти вырывался длинный язык пламени, и пламя это не исчезало сразу, а тянулось, как яркий светящийся след. Подсвеченные сзади вспышками сотен молний, были они ужасны, великолепны и непостижимо огромны. Внизу, прямо под ними, появилось небольшое стадо белых коров; коровы закидывали головы и громко мычали, они взбрыкивали и рыли землю копытами, а вокруг них и среди них скакали всадники и щелкали длинными черными кнутами.

Затем Черную Дорогу заполнили совсем уже нечеловеческого вида воины из далекой Тени, с которой Амбер изредка торговал. Тяжелые, покрытые чешуей, вооруженные острыми, как стилет, когтями, они извлекали из неуклюжих, вроде волынки, инструментов резкие визгливые звуки, от которых мурашки шли по коже, а сердце наполнялось печалью.

И новые, и новые войска с факелами и под своими знаменами изо всех, кажется, Теней, близких и далеких; с нашего холма это было похоже на миграцию светлячков. Все они пересекали равнину, все они направлялись к одной и той же конечной цели — к черным, проступающим на фоне бешеного неба башням, к Владениям Хаоса.

Они шли и шли, и не было им конца, и за все это время грозовой фронт не сдвинулся ни на йоту. Я утратил счет времени, утратил даже ощущение собственной индивидуальности, почти стал непосредственным участником шествия. Я присутствовал при событии, равном которому не было и не будет.

Над колоннами мелькали какие-то яркие летающие твари; другие, темные, парили в вышине. Призрачные барабанщики, существа, сотканные из одного лишь света. Стая летающих машин. Всадники в черном, скачущие на самых разнообразных зверях и чудовищах. В небе вспыхнул — и тут же исчез — сверкающий вайверн[1]; это было похоже на праздничный фейерверк. Через нас перекатывалась мощная волна звуков, в которой мешались и цокот конских копыт, и мерная поступь легионов, и пение, и взвизги волынок, и барабанная дробь, и надсадные вопли труб. Процессия уходила по черному, над кромешной тьмой повисшему мосту все дальше и дальше, факелы передового ее отряда стали едва различимы.

А затем из-за сверкающего занавеса выплыла новая форма: длинные черные дроги, запряженные четверкой черных коней. Высокие жезлы, установленные по углам, горели холодным голубоватым огнем, посреди платформы располагался гроб, обернутый королевским штандартом Амбера. Управлял дрогами горбун в пурпурных с оранжевым одеяниях — Дворкин.

Вот, значит, так, думал я. Не знаю уж почему, но это както очень правильно. Правильно, что последний твой путь лежит в Древнюю Страну. Мне нужно было сказать тебе очень многое; и нужно было, и хотелось. Кое-что я даже успел сказать, но почти всегда — как-то не так, не теми словами. А теперь ничего больше не скажешь — ты умер. Умер, как и все, ушедшие прежде тебя в то место, куда скоро проследуем и мы, остальные. Мне жаль, что тебя больше нет. Только после этих лет, на которые ты принял другое имя, и лицо, и форму, узнал я тебя, начал тебя уважать, даже любить — хотя и в этой форме ты остался хитроумным ублюдком. Был ли Ганелон настоящей твоей, неведомой мне прежде, личностью — или ты, Старый Оборотень, просто использовал его, как подходящую к случаю маску? Я никогда *этого* не узнаю, но мне хочется думать, что я увидел тебя наконец в настоящем твоем виде, что я встретил человека, который мне нравился и которому я мог доверять, и что это был ты, какой ты есть. Был. Мне жаль, что я не узнал тебя еще лучше, но я благодарен и за это...

— Отец?.. — Голос Джулиана был еле слышен.

— Так он и хотел, — сказал Блейз. — Чтобы его отвезли за

[1] Геральдический двулапый дракон.

Владения Хаоса, в запредельную тьму. Это я от Дворкина знаю. За Амбер и за Хаос, в место, которым не правит никто.

— Да, — кивнула Фиона, — выходит, так и сделали. Но остался ли за этой стеной хоть какой-нибудь порядок? Или гроза продлится вечно? Если отец справился с задачей, нам не угрожает никакой особой опасности, все скоро кончится. Но если нет...

— А это не так уж и важно, — сказал я, — справился он или нет. Потому что я — справился.

— Не понимаю, — резко повернулась Фиона. — О чем ты?

— Я думаю, что отец потерпел неудачу. Что он погиб, так и не успев восстановить старый Огненный Путь. Когда я увидел приближение этой грозы — более того, на время в нее окунулся, — то понял, что никак не сумею добраться до вас вовремя. Отец после своей попытки переслал мне Камень, чтобы я доставил его сюда — а я не успевал. Брэнд преследовал меня буквально по пятам: то вытащил Камень, то пытался отнять — чтобы, как он сказал, нарисовать новый Огненный Путь. Вот это и подало мне идею. Когда я увидел, что нет никакого иного выхода, то построил с помощью Камня новый Огненный Путь. Самое, пожалуй, трудное в моей жизни дело, но я справился. После прохождения волны порядок сохранится, вне зависимости от того, останемся мы в живых или нет. Едва я успел закончить Огненный Путь, как Брэнд украл у меня Камень. Оправившись после его нападения, я приказал новому Огненному Пути перебросить меня сюда. Так что теперь Огненный Путь существует и будет существовать, как бы там ни пошли дела дальше.

Фиона на мгновение задумалась.

— Послушай, Корвин, а что, если у папы все получилось? Что тогда будет?

— Не знаю.

— Насколько я понял из объяснений Дворкина, — вмешался Блейз, — два изначально различных Огненных Пути не могут существовать в одной Вселенной. Те, в Ребме и Тир-на Ног'тхе, не считаются, они — только отражение нашего...

— И что же тогда случится? — спросил я.

— Скорее всего произойдет расщепление, где-то образуется новое бытие.

— Новое-то новое, а что будет с нашим?

— Либо полная катастрофа, либо вообще ничего, все останется как прежде, — пожала плечами Фиона. — Я могу найти весьма убедительные доводы и в ту, и в другую сторону.

— Тогда мы опять в исходной позиции, — вздохнул я. — Либо все развалится, причем в самом ближайшем будущем, либо не развалится.

— Похоже на то, — согласился Блейз.

— И не имеет ровно никакого значения, уцелеем ли мы, когда волна нас накроет, — добавил я. — А она не заставит себя долго ждать.

Я снова повернулся к похоронной процессии. За катафалком следовали новые всадники, за ними — строй барабанщиков. Затем колонна пехотинцев с факелами и знаменами. Пение не смолкало, а там, далеко-далеко, за черным бездонным провалом, голова процессии уже приближалась к Владениям Хаоса.

...Как долго я тебя ненавидел, в чем только не обвинял. Теперь все кончено, ни от одного из этих чувств не осталось и следа. Оказывается, ты даже хотел сделать меня королем — совершенно, как я теперь понимаю, не подходящая мне работа.

Выходит, я не был для тебя пустым местом, что-то для тебя значил. Другим я этого не скажу, никогда. Знаю сам — ну и хватит. И я никогда не смогу думать о тебе так, как прежде. Твой образ уже размывается. Вместо твоего лица я вижу лицо Ганелона. Ганелон был мне товарищем. Рисковал ради меня своей шкурой. Это был ты, но другой ты — ты, которого я прежде не знал. Скольких жен ты пережил, скольких врагов? Много ли было у тебя друзей? Нет, наверное. И как же мало мы о тебе знаем. Никогда не думал, что увижу твои похороны. Ганелон... отец... старый товарищ и враг, я прощаюсь с тобой. Ты будешь вместе с Дейрдре, которую я любил. Ты сохранил свою тайну. Покойся в мире, если ты того хочешь. Я отдам тебе эту увядшую розу, пронесенную мной через ад, я брошу ее в бездну. У тебя останется эта роза и путаница красок в небе. Я буду скучать, мне уже тебя не хватает...

А потом все кончилось. Последний строй появился из-за занавеса, прошел Черной Дорогой, исчез в направлении цитадели. Молнии все еще полыхали, дождь лился, гром грохотал. Сколько я помню, ни один из участников шествия не выглядел промокшим. Я стоял на краю бездны и смотрел, как они

уходят. На моей руке лежала чья-то ладонь, лежала скорее всего давно — просто я ее не замечал.

Я посмотрел на грозу — она снова надвигалась. Бурление в небе словно сгущало мрак.

Слева разговаривали. Разговаривали, похоже, давно, просто я не слышал. Только теперь я заметил, что все мое тело болит, что меня бьет неудержимая дрожь, что я валюсь с ног.

— Пойдем, — потянула меня Фиона. — Полежи. Нас и так осталось мало.

Я покорно отошел от обрыва.

— Ну и что? — Я взглянул на грозу, совсем уже близкую. — Какой смысл? Эта штука накроет нас с минуты на минуту.

— А мы что, обязаны ее дожидаться? — пожала плечами Фиона. — Мы пойдем во Владения, по черному мосту. Оборона уже прорвана. Туда гроза может и не дойти. Она может остановиться на краю бездны. И вообще, нам следовало бы попрощаться с папой.

— Похоже, иного выхода нет, — кивнул я. — Обстоятельства заставляют нас проявить должную почтительность.

Я опустился на землю и глубоко вздохнул. Не знаю, как уж это возможно, но я чувствовал себя еще более ослабевшим.

— Сапоги снять? — спросила Фиона.

— Да.

Она стянула с меня сапог, затем другой. Мои ноги гудели.

— Спасибо.

— Я принесу тебе поесть.

Я закрыл глаза. И задремал. Связного сна я не увидел — слишком уж много плясало в моей голове образов, самых разнообразных. Не знаю, как долго это продолжалось, но затем зацокали копыта приближающейся лошади, сработал старый рефлекс, и я проснулся. По моим закрытым глазам скользнула чья-то тень.

Я открыл глаза и увидел над собой всадника, с головы до ног закутанного в длинный плащ. Он сидел абсолютно неподвижно, не произносил ни слова и смотрел мне в лицо. Собственное его лицо было скрыто краем плаща.

Он глядел на меня — я глядел на него. Никаких вроде бы угрожающих телодвижений, однако этот холодный взгляд выражал явную антипатию.

— Се возлежит доблестный рыцарь.

Я промолчал.

— А ведь мне убить тебя — как раз плюнуть.

Тогда я узнал этот голос, но причина столь пламенных чувств оставалась для меня неясной.

— Я нашла Бореля еще живым, — промолвила Дара. — Он поведал мне, как бесчестно ты взял над ним верх.

Тут уж я не мог ровно ничего поделать. Сам, помимо и против воли, в моем горле возник сухой, иронический смешок. Господи, это ж надо придумать такую ересь! Я мог рассказать ей, что Борель был гораздо лучше снаряжен, что он был свеж и полон сил и при этом требовал поединка. Можно бы добавить еще, что я не считаю войну игрой и что, когда моя жизнь в опасности, я не придерживаюсь никаких правил. Я мог наговорить много самых разных вещей, только какой смысл, если Дара не знала их сама, либо знала, но не хотела с ними согласиться? Кроме того, ее чувства ко мне были вполне очевидны и вряд ли могли мгновенно измениться.

А потому я ограничился одним из величайших трюизмов:

— На все можно взглянуть с разных сторон.

— Мне вполне достаточно одной, — отрезала Дара.

Я хотел безразлично пожать плечами, однако воздержался — слишком уж они болели.

— Знакомство с тобой стоило мне двух самых важных в моей жизни людей, — сообщила Дара.

— Да? Весьма сожалею.

— Ты совсем не такой, как меня убеждали и даже — на какое-то время — убедили. Я видела в тебе человека благородного — сильного, но при этом понимающего и великодушного, иногда — нежного. Честного...

За ее спиной сверкали молнии. Гроза заметно приблизилась. Я не удержался и сказал нечто не совсем пристойное. Дара словно не слышала.

— Я возвращаюсь, — продолжала она, — к своему народу. Сегодня вы вроде бы победили, но Амбер — он в той стороне.

Выпростанная из-под накидки рука указала на грозу. Я молчал и смотрел. Не на бушующие стихии — на Дару.

— Вряд ли есть смысл отрекаться от страны, временно меня приютившей, — ведь скорее всего ее попросту не существует.

— А как насчет Бенедикта? — негромко поинтересовался я.

— Не нужно... — начала Дара и тут же отвернулась.

Несколько секунд прошло в полном молчании.

— Не думаю, чтобы мы когда-нибудь встретились еще раз, — промолвила она наконец и ускакала налево, в сторону Черной Дороги.

Циник мог бы решить, что Дара попросту присоединилась к выигравшей стороне — Владения Хаоса скорее всего сохранятся и после катастрофы. Я не знаю и честно в этом признаюсь. Я думаю о том, что увидел, когда она указывала на апокалипсическую грозу. Накидка разошлась, передо мной на мгновение предстало то, во что превратилась бывшая кандидатка в королевы Амбера. Полускрытое тенью лицо почти не походило на человеческое. Однако было в нем что-то, заставившее меня повернуть голову и смотреть вслед Даре, пока та не исчезла во мгле. С уходом Дейрдре, Брэнда и отца — а теперь еще и с этим невеселым прощанием — мир заметно опустел. Мир. А что от него осталось, от этого мира?

Я снова лег и вздохнул. Пусть другие уходят, а я останусь здесь, буду ждать, пока накроет меня гроза, и буду спать... и растворюсь?

Вспомнился Хуги. Неужели я усвоил не только его плоть, но и его бегство от жизни? Я был настолько измотан, что такое бегство казалось простейшим, естественным образом действий...

— Очнись, Корвин!

Я снова успел задремать, правда, — на одно только мгновение. Разбудившая меня Фиона принесла еду и непременную фляжку.

— Не хотелось прерывать твою беседу, — сказала она. — Так что я скромно подождала в стороне.

— Ты слышала? — спросил я.

— Нет, но могу догадаться — исходя из того, что она уехала. Вот, бери.

Глотнув вина, я занялся мясом и хлебом. И сумел оценить их по достоинству, несмотря даже на растерзанное состояние своих мыслей.

— Скоро двинемся, — сказала Фиона, взглянув на бушующую грозу. — Сможешь ехать верхом?

— Думаю, да.

Я еще раз отхлебнул из горлышка.

— Только, понимаешь, Фиона, слишком уж много всего произошло. Я нахожусь в полном эмоциональном оцепенении. В некой Тени я сбежал из психушки. Я обманывал людей, я убивал. Я строил планы и сражался. Я вернул себе память и пытался наладить свою жизнь. Я нашел свою семью и узнал, что я ее люблю. Я помирился с отцом. Я сражался, защищая его Королевство. Я делал все, что только мог, для сохранения Вселенной. И теперь, когда оказалось, что все мои усилия зря, у меня просто нет духу, нет сил скорбеть. Я ничего не чувствую. Прости меня.

Фиона поцеловала меня в лоб.

— Не все еще кончено. Ты снова станешь таким, как прежде.

Я покачал головой.

— Это, — промолвил я, — как в последней главе «Алисы». Мне кажется, если я крикну: «Ведь вы — всего лишь колода карт!», вы вспорхнете в воздух пригоршней раскрашенных картонок. Не поеду я с вами. Оставьте меня здесь. Да и кому я нужен — джокер?

— Сейчас я сильнее тебя, — сказала Фиона, — так что ты едешь.

— Нечестно, — промямлил я.

— Да ты доедай, доедай. Время еще есть.

Я вернулся к прерванной еде.

— Тут твой сын, Мерлин, — продолжила она абсолютно будничным голосом. — Хочет посмотреть на папашу. Позвать?

— Пленный?

— Да не то чтобы. Он не участвовал в битве — просто пришел сюда и попросил о встрече с тобой.

Я молча кивнул, Фиона исчезла. Я оставил еду и еще раз глотнул вина. Мне было, мягко говоря, не по себе. Ну что, спрашивается, скажешь взрослому сыну, о существовании которого ты не догадывался чуть не до вчерашнего дня? А как такой сын может относиться к отцу? А знает ли он, что решила Дара? И как мне вообще с ним себя вести?

Родственники мои держались слева, на почтительном от меня удалении. Я смотрел, как Мерлин отделяется от группы, идет... Я давно уже задавался вопросом, с чего это меня оста-

вили в таком гордом одиночестве? Чем больше я принимал посетителей, тем очевиднее становился ответ. И с отъездом они не иначе как из-за меня тянут.

Влажный ветер, долетавший со стороны фейерверочно-яркой грозы, крепчал. Мерлин шел и смотрел на меня. Ничто в его лице, так похожем на мое собственное, не показывало, что происходит знаменательное событие. Как, интересно, чувствует себя Дара — сейчас, когда давнее ее пророчество о всеобщем уничтожении сбылось — или почти сбылось? Я задавался вопросом, какие у нее отношения с сыном. Я задавался очень многими вопросами.

Он наклонился и пожал мою руку:

— Отец...

— Мерлин...

Я посмотрел ему в глаза и встал, так и не выпустив его ладони.

— Не вставай, не надо.

— Ничего. — Я на секунду обнял его. — Я очень рад. Слушай, — добавил я, — давай выпьем.

И протянул Мерлину фляжку — тактический маневр, призванный скрыть то, что я не знаю, о чем с ним говорить.

— Спасибо.

Он сделал глоток и тут же вернул мне фляжку.

— Твое здоровье, — провозгласил я и тоже глотнул. — Извини, что я не могу предложить тебе стул.

Я сел на землю. Мерлин последовал моему примеру.

— Похоже, — произнес он, — никто из них не знает, чем ты занимался. Кроме Фионы, но она только и сказала, что тебе пришлось очень тяжело.

— Ладно, — отмахнулся я. — Главное, что я сюда добрался — тебя вот хоть увидел. Ты бы, сын, рассказал о себе. Какой ты? Как с тобой обходилась жизнь?

— Я слишком еще мало жил, чтобы много сделать, — ответил Мерлин.

Я предпочел пока не поднимать очень интересовавший меня вопрос — обладает ли он оборотневыми способностями. Стоит ли, только что познакомившись с сыном, сразу вдаваться в то, что нас различает?

— Не могу себе даже представить, — сказал я, — что это такое — вырасти во Владениях Хаоса.

— А я не могу себе представить, что это такое — расти в каком-нибудь другом месте, — улыбнулся Мерлин. Улыбнулся впервые за все это время. — Я заметно отличался от окружающих, а потому часто бывал один. Меня учили всем обычным вещам — магии, обращению с оружием и ядами, верховой езде, танцам. Мне говорили, что когда-нибудь я стану правителем Амбера. Но это же теперь неверно, да?

— Не очень на то похоже, — согласился я. — В обозримом, во всяком случае, будущем.

— Отлично, — кивнул Мерлин. — Вот уж чем я не хотел бы заниматься.

— А чем бы ты хотел заниматься?

— Я хочу пройти Огненный Путь, как мама, и получить власть над Тенями, чтобы бродить в них и смотреть на незнакомые вещи, и делать, что захочу. А я смогу? Как ты думаешь?

Я глотнул из фляжки и передал ее новообретенному сыну.

— Вполне возможно, — вздохнул я, — что никакого Амбера больше нет. Все зависит от того, добился ли твой дедушка успеха в некоем своем предприятии — а его самого уж нет, так что и спросить некого. Но так или иначе, Огненный Путь существует. Если мы переживем эту чертову грозу, я обязательно отведу тебя к нему, объясню, что и как надо делать, и тогда — иди, пробуй.

— Спасибо, — кивнул Мерлин. — А ты расскажешь мне о своем путешествии сюда?

— Не стоит, — поморщился я. — Когда-нибудь потом. Лучше расскажи, что там тебе про меня наговорили.

Мерлин отвел глаза.

— Меня учили, — сказал он наконец, — что в Амбере очень много плохого. — Пауза. — Меня учили, что я должен тебя уважать, потому, что ты — мой отец. Но при этом все время напоминали, что ты — один из наших врагов. — Еще одна пауза. — Я помню тот раз, в патруле, когда ты пришел сюда и я тебя обнаружил сразу после схватки. Мною завладели сложные, смешанные чувства. Ты только что убил моего знакомого — а я восхищался тобой и не мог с этим ничего поделать. Я увидел в твоем лице черты своего собственного. Это было странно, необычно. Мне хотелось с тобой познакомиться ближе.

Очередной поворот неба, и над нами повисла тьма, все

разноцветные огни сверкали над Владениями Хаоса. Неуклонное приближение грозы, ослепительный блеск ее молний стали еще заметнее. Я нагнулся, подобрал с земли сапог и стал его натягивать. Сиди — не сиди, а уходить придется.

— Мы продолжим беседу в родной для тебя обстановке, — сказал я. — Самое время укрыться от бури.

Мерлин посмотрел на буйство стихий, затем — на чернеющие вдали башни.

— Хочешь, я призову сюда скорлупник?

— Это что, летающий мост вроде того, на котором ты раскатывал в тот, первый, раз?

— Да, — кивнул Мерлин. — Очень удобные штуки. Я...

Слева, оттуда, где сидели и стояли мои родственники, долетел громкий дружный вопль. С чего бы это вдруг? Ничего угрожающего в окрестностях не замечалось. Я встал и шагнул в их сторону. Мерлин тоже начал подниматься.

И тут я его увидел. Белый, плавно поднимающийся из бездны, словно бы ступающий по воздуху. Потом его передние копыта ударили по той самой каменной гряде, с которой упал Брэнд; он сделал несколько шагов и остановился, глядя прямо на нас.

Единорог.

Глава 13

Все мои боли, всю мою усталость как рукой сняло. Неожиданное появление этого снежно-белого, невообразимо грациозного существа пробудило во мне нечто вроде надежды. Хотелось сорваться с места, броситься вперед, однако какая-то мощная, непреодолимая сила приказывала стоять неподвижно и ждать.

Не могу сказать, сколько времени это продолжалось. Внизу, на склонах, войска готовились к отходу. Пленных уже связали, вьючных лошадей нагрузили, тяжелое вооружение и прочую громоздкую оснастку закрепили на повозках. И вдруг огромная армия словно забыла и о сборах, и о надвигающейся с севера опасности. Даже удивительно, насколько быстро воины узнали о происходящем, но факт остается фактом — все головы на поле повернулись в одну сторону — к белому силуэту, четко проступавшему на фоне дикого, словно раскрашенного пьяным маляром неба.

Неожиданно я заметил, что ветер совсем стих, хотя гром продолжал громыхать, а вспышки молний все так же заселяли склон бессчетными легионами пляшущих теней.

Единорог... до сегодняшнего дня я видел его лишь однажды, когда нашли труп Кейна-из-Тени, в день неудачной для меня схватки с Джерардом. И все эти рассказы, предания... Сможет ли он нам помочь?

Он шагнул вперед и снова остановился.

Глядя на эту прелесть, на его изящество, я ощутил неожиданный прилив бодрости. И в то же время у меня болезненно сжалось сердце — подобную красоту невозможно воспринимать в концентрированном виде, только малыми дозами. Не знаю уж, каким образом, но я чувствовал, что в снежно-белой, поразительно грациозной головке кроется необъятный, сверхъестественный разум. Мне очень хотелось прикоснуться к покровителю Амбера...

Единорог медленно повел головой, взглянул прямо на меня; я хотел отвести глаза, но не мог. Он смотрел с пониманием, далеко превосходившим мое собственное. Казалось, он знает про меня абсолютно все и сейчас, в этот самый момент, думает обо всех моих недавних испытаниях — видит их, возможно, — сочувствует. Мне даже показалось, что я заметил в его глазах нечто вроде сострадания... и любовь... и легкую насмешку.

Затем тугая, связавшая нас на мгновение нить лопнула, и я облегченно вздохнул, и тут же — или мне это только показалось? — очередная вспышка молнии высветила на узкой, горделиво вздернутой шее что-то блестящее.

Теперь Единорог смотрел на моих родственников, до которых я так и не дошел. Он сделал еще один шаг вперед, опустил голову и негромко, мелодично заржал. Затем стукнул правым копытцем по земле.

Я не видел Мерлина, но ощущал его присутствие. Сколько же я потеряю, если так вот все и кончится, здесь и сегодня...

Он сделал еще несколько легких танцующих шажков, вскинул голову, снова опустил. Похоже, ему не хотелось приближаться к большой группе людей.

И снова этот блеск... и снова... снова... В самом низу шеи сквозь белоснежную шерсть просвечивала красная искорка. Судный Камень. Как он добыл его из бездны? Не знаю, да это и не имеет никакого значения. Получив Камень, я смогу разогнать грозу — или, по крайней мере, отвести ее от нас. Если Единорог отдаст мне Камень...

Он не обращал на меня ровно никакого внимания, ограничившись тем, первым взглядом. Белая грациозная фигурка приближалась к пятачку, на котором столпились Джулиан, Рэндом, Блейз, Фиона, Ллевелла, Кейн, Бенедикт и несколько благородных лордов — приближалась медленно, осторожно, словно готовая умчаться при малейшем их движении.

Я должен был сообразить, что происходит, — но не сообразил. Я просто стоял и смотрел, как Единорог идет вперед, обходит группу по краю...

Он снова остановился, опустил голову, встряхнул гривой и упал на передние колени. С витого, сверкающего золотом рога свисал Судный Камень. Кончик рога почти касался человека, перед которым он преклонил колени.

И вдруг я снова увидел отцовское лицо, сверкающее в зените, снова услышал его слова: «После моей смерти перед вами встанет вопрос о престолонаследии... мне остается одно — возложить выбор на рог Единорога».

По группе моих родственников пробежал легкий, похожий на шелест листьев шепот — к ним пришла та же самая мысль. Единорог не шевельнулся, остался белой мягкой статуей; казалось, он даже не дышит.

Рэндом медленно наклонился, снял Судный Камень с рога. До меня долетел шепот:

— Спасибо.

Джулиан опустился на одно колено, обнажил меч, с поклоном положил его к ногам Рэндома. То же самое сделали Блейз, и Бенедикт, и Кейн, Фиона и Ллевелла. Я подошел и последовал их примеру. И мой сын.

Рэндом молчал, молчал очень долго.

— Я принимаю ваш омаж[1], — сказал он наконец. — А теперь — встаньте.

Как только мы встали, Единорог вскочил на ноги, повернулся и умчался вниз по склону. Доля секунды — и крохотное белое пятнышко исчезло в сгустившейся над полем мгле.

[1] Знак преданности вассала сеньору.

— Никогда бы не подумал, что подобное может случиться, — сказал Рэндом, разглядывая Камень. — Корвин, ты способен с его помощью остановить грозу?

Я пожал плечами:

— Все зависит от глубины возмущения. Может оказаться, что в теперешнем своем состоянии я не продержусь достаточно долго, чтобы сохранить нам жизнь. К тому же Камень теперь твой. Весьма подходящий случай свершить первое королевское деяние.

— Покажи тогда, как с ним работать. Да и как же это, разве можно провести настройку без Огненного Пути?

— Попробуем. По словам Брэнда, настроенный человек может настроить любого другого. Я много об этом думал и, пожалуй, догадался, как это делается. Давай куда-нибудь отойдем.

— Хорошо. Пошли.

В голосе Рэндома, в его осанке успело появиться что-то новое. Неожиданная роль сразу начала формировать исполнителя по своему образу и подобию. Интересно, что за царственная чета выйдет из них с Вайол?

Нет, чересчур. В мозгу моем царил полный разброд. Слишком много событий за слишком короткое время. Я не мог связать эти события в одно обозримое целое. Мне хотелось попросту заползти в какую-нибудь щель и проспать двадцать четыре часа. Или больше. Однако я проследовал за Рэндомом в отгороженный скалой уголок, где тлели остатки маленького костра.

Рэндом разворошил угли палкой, подкинул несколько сухих сучьев, сел у оживающего огня, повернулся ко мне и кивнул. Я подошел и сел рядом.

— Слушай, — сказал он, — насчет заморочек с престолом и прочего... Что мне теперь делать? Для меня это было как снег на голову.

— Что делать? — переспросил я. — Работать. Думаю, у тебя это очень хорошо получится.

— Как ты считаешь, много было обиженных?

— Если таковые и были, — пожал я плечами, — они отлично скрывали свои чувства. Думаю, Единорог сделал очень

правильный выбор. За последнее время так много случилось... Отец, если разобраться, берег нас и лелеял — даже слишком берег. Престол — далеко не подарок, тебе предстоит уйма тяжелой и грязной работы. Думаю, до остальных наших это тоже дошло.

— А как ты сам?

— Я рвался к престолу только потому, что к нему рвался Эрик. Сам-то я этого не понимал, но теперь вижу, что все было именно так. Игра, в которой оба мы хотели сорвать банк. Игра, превратившаяся в вендетту. Я ведь готов был его убить. Убил бы — не найди Эрик другой способ расстаться с жизнью. У нас — у меня и у него — было больше сходства, чем различий. Я это понял... потом, гораздо позже. А после смерти Эрика я придумывал себе все новые и новые мотивы для борьбы за престол. И только совсем недавно до меня дошло, что я абсолютно его не хочу. Я — пас, так что бери, брат, пользуйся, и да будет твое правление благополучным.

— Если Амбер еще существует, — уточнил Рэндом после нескольких минут молчания, — то я попробую. Ладно, займемся Камнем. Гроза совсем близко, мне даже как-то не по себе.

Я кивнул и взял у него Камень. Сгусток алого пламени закачался на цепочке, свет костра пронизывал его насквозь.

— Подвинься ближе, — сказал я, — и смотри вместе со мной.

Некоторое время мы созерцали пламенеющие внутренности Камня.

— Думай об Огненном Пути, — сказал я и тоже начал думать об Огненном Пути, пытаясь вызвать из памяти его петли и завитки, его бледно мерцающие линии.

Прежде Камень казался мне чистым, безупречным; теперь же в нем обнаружился крохотный изъян, пятнышко, повисшее в кроваво-красных глубинах. Я разглядывал пятнышко, не переставая думать о резких изгибах и поворотах, о преграде... Я представлял себе ток, пробегавший через мое тело всякий раз, когда я решался пройти по этой трудной дороге...

Изъян, черневший в Камне, прорисовался отчетливее.

Почти непереносимым усилием воли я заставил его вырасти, проявиться во всей полноте и отчетливости. И тогда на меня нахлынуло знакомое ощущение — то же самое, что и в

день, когда я настраивался на Камень. Оставалось только надеяться, что у меня хватит сил пройти через это испытание вторично.

Я схватил Рэндома за плечо, хрипло спросил:

— Что ты видишь?

— Что-то вроде Огненного Пути, — донесся до меня голос брата, — только он вроде бы объемный. Он лежит на дне красного моря и...

— Пошли со мной, — прервал я Рэндома. — Нам нужно его пройти.

И снова чувство движения — сперва медленно плывешь, затем проваливаешься и падаешь, все быстрее и быстрее несешься к изгибам скрытого в Камне Огненного Пути, к узору, которого ты никогда не видел в полноте и не увидишь. Я чувствовал рядом брата и собирал всю свою волю, и гнал нас вперед, и наконец рубиновое сияние, в которое мы окунулись, потемнело, превратилось во тьму ясного ночного неба. Огненный Путь становился все больше и больше, он прирастал с каждым грохочущим ударом моего сердца. Весь процесс проходил заметно легче, чем в первый раз, возможно, потому, что я прошел уже настройку.

Ощущая рядом с собой Рэндома, я потянул его вперед; тем временем знакомый узор продолжал расти, начальная его точка проявлялась все отчетливее и отчетливее. Направляясь к ней, я снова попытался охватить Путь целиком — и снова заблудился в его складках и изгибах, будто уходивших в высшие измерения. Перед нами извивались величественные параболы и спирали, какие-то немыслимые узоры и сплетения. На меня вновь нахлынуло то же, что и в прошлый раз, благоговение, однако теперь рядом со мной был Рэндом, и я чувствовал в нем тот же самый ужас и тот же восторг.

Едва мы достигли начала Огненного Пути, как что-то мягкое, но непреодолимое бросило нас в его сотканные из света структуры, в призрачное мерцание, пронизанное яркими вспышками искр. На этот раз все мое внимание было сосредоточено на процессе, Париж казался бесконечно далеким.

Подсознательная память предупреждала меня о трудных участках. Я шел по головокружительным маршрутам, используя всю силу желания — или, если хотите, воли; для ускорения процесса я непрерывно черпал энергию из Рэндома.

Мы словно пробирались по фосфоресцирующим внутренностям огромной, причудливо изогнутой раковины. Наше движение было абсолютно бесшумным, мы превратились в бесплотные точки самосознания.

Скорость непрерывно нарастала, а вместе с ней и боль, незнакомая мне по предыдущему прохождению. Болело не тело, не голова — они отсутствовали; болело сознание. Возможно, это было следствием моей усталости или спешки, стараний максимально ускорить процесс. Мы с ходу прорывали барьеры, нас сжимали текучие, из мерцающего света построенные стены. Я ощущал слабость, головокружение, но не мог позволить себе роскоши потерять сознание, не мог я и замедлить движение — гроза подступила совсем близко. Хочешь — не хочешь, пришлось снова черпать энергию из Рэндома, теперь — просто чтобы не сойти с дистанции. Мы помчались дальше.

На этот раз не было того жгучего покалывания, ощущения, что я становлюсь другим. Скорее всего эти эффекты были связаны с настройкой, теперь же предыдущее прохождение через Огненный Путь Камня обеспечило мне определенную долю иммунитета.

Через неизмеримый временем интервал мне показалось, что Рэндом слабеет. Возможно, я высасывал из него чересчур много энергии. Если так пойдет дальше, он не сумеет совладать с грозой, ему попросту не хватит сил. Я решил не обращаться больше к его ресурсам. Мы прошли уже основную часть пути, дальше Рэндом справится и сам — если, конечно, дело дойдет до крайности. А я уже попробую продержаться так — лучше погибнуть мне одному, чем нам обоим.

И дальше, и дальше со всевозрастающей скоростью... Голова моя снова кружилась, ощущения путались. Я собрал всю свою волю, сосредоточился на движении, выкинул из головы все остальное, к движению не относящееся. И вот за несколько витков до конечной точки все окружающее стало быстро темнеть — явление, незнакомое мне по прежнему опыту. Лишь огромное усилие позволило мне подавить мгновенную вспышку паники.

Без толку. Я куда-то соскальзывал, падал. И как ведь близко! Мы же почти достигли конца... Было бы совсем просто...

Все поплыло, стало исчезать, проваливаться. Последнее, что я ощутил, была острая тревога Рэндома.

...Неровные, мерцающие всплески красного и оранжевого огня прямо между моими ступнями. Куда же меня занесло? В какой-нибудь астральный ад?

Вспышки окружены непроглядной темнотой... Голоса, знакомые...

Мир встал на место. Я лежал на спине, ногами к костру.

— Все в порядке, Корвин, все в порядке.

Голос Фионы; я повернул голову. А вот и сама Фиона, сидит на земле, рядом со мной.

— Рэндом?..

Я нерешительно смолк.

— С ним тоже все в порядке... папа.

С другой от меня стороны, справа, сидел Мерлин.

— А как все было?

— Рэндом сумел тебя вытащить, — сказала Фиона.

— А как настройка, получилось?

— Рэндом считает, что да.

Я начал садиться. Она мне мешала, толкала меня в грудь, но я все равно сел.

— Где он?

Фиона указала глазами.

Я повернул голову. До Рэндома было метров тридцать; он стоял на каменном выступе, спиной к нам и лицом к грозе. Гроза надвинулась совсем близко, резкие порывы ветра рвали его одежду. Молнии змеились сплошной ослепительно сверкающей сетью, отдельные удары грома слились в ровный, оглушительный грохот.

— Сколько... сколько он там стоит? — спросил я, не отводя глаз от Рэндома.

— Пару минут, не больше, — откликнулся голос Фионы.

— Это что — мы так недавно вернулись?

— Нет, — качнула головой Фиона, — ты был в отключке довольно долго. Сперва Рэндом поговорил с остальными, затем отдал приказ об отходе. Бенедикт повел войска по Черной Дороге, сейчас они пересекают бездну.

Я повернулся.

Черная Дорога снова заполнилась пешими и верховыми воинами; длинная, едва различимая во мраке колонна направлялась к цитадели. В воздухе плавало несколько паутинно-тонких мостов. Вдали, около чернеющей громады, мерца-

ли слабые, редкие огоньки. Небо завершило очередной оборот, над нами снова нависла черная его половина.

И снова я испытал странное ощущение, что я все это уже видел, давным-давно, что здесь, а не в Амбере, истинный центр Вселенной. Я попытался схватить, удержать это воспоминание. Но не смог.

Я огляделся, ощупал глазами озаренный неверным сверканием молний мрак.

— Они что, все ушли? Ты, я, Мерлин и Рэндом — только мы и остались?

— Да, — кивнула Фиона. — Хочешь — и ты уезжай.

Я энергично потряс головой:

— Я останусь здесь, с Рэндомом.

— Да я и сама знала, что ты скажешь.

Фиона встала, за ней — я и Мерлин. Она хлопнула ладонями, через мгновение из тьмы вырвался белый конь.

— Санитарка тебе больше не нужна, — улыбнулась Фиона, — так что я тоже поеду с ними, к Владениям Хаоса. Лошади для вас есть, в тех скалах привязаны. Ну а ты, Мерлин? Может, поедешь?

— Я останусь здесь, со своим отцом и с королем.

— Ну, значит, так тому и быть. Встретимся, надеюсь в самое ближайшее время, на этом самом месте.

— Спасибо, Фи, — сказал я.

Я помог Фионе сесть на коня и несколько секунд смотрел ей вслед. Затем повернулся, подошел к костру и сел. Рэндом стоял лицом к грозе, недвижный, как скала.

— Здесь много еды и вина, — заговорил Мерлин. — Принести?

— Отличная мысль.

Гроза была уже настолько близко, что я мог бы дойти до исчерченной молниями завесы за пару минут, прогулочным шагом. Усилия Рэндома не вызвали пока никаких видимых изменений. Я тяжело вздохнул и стал думать о другом.

Конец. Так или иначе, но всей моей суете, всем усилиям, предпринимавшимся мною после клиники «Гринвуд», пришел конец. Мстить больше некому. Да хоть бы и было кому — все равно не хочется. У нас есть целый, неповрежденный Огненный Путь, а то и два. Брэнд, корень всех наших бед, умер. Судорожная волна, прокатившаяся по Теням, неизбежно стерла

любые остатки моего проклятия. Я же сделал для искупления своего проступка все, что мог. Я подружился со своим отцом, принявшим образ Ганелона, а затем, незадолго до его смерти, установил пристойные отношения и с ним самим, в естественном его облике. У нас есть новый король — король, благословленный на престол Единорогом, — и мы поклялись ему в верности. Вполне, сколько я понимаю, искренне. Я помирился со всем своим семейством.

Итак, я выполнил свой долг. Ничто не толкало меня на дальнейшие подвиги. Я растратил все свои побудительные мотивы и достиг — сколько это возможно — душевного мира. Все мои беспокойства, все страхи остались позади, в том числе и страх перед смертью. Подступи она ко мне прямо сейчас, я не стану брыкаться и громко изъявлять свое неудовольствие. Ну, может, и стану, но далеко не так громко, как сделал бы прежде.

— Ты, отец, где-то витаешь.

Я кивнул, потом улыбнулся. Взял у Мерлина какую-то еду и начал жевать. Гроза... рано, конечно, судить, но очень похоже, что она притормозила, топчется на месте.

Я был настолько вымотан, что не мог даже уснуть. Все боли стихли и куда-то ушли, меня охватило волшебное оцепенение. Блаженное чувство, будто тебя бережно упаковали в теплую вату. Тем временем прошлые события и впечатления продолжали вести в моем мозгу свой медленный, плавный хоровод. И это тоже было блаженством.

Я покончил с едой, раздул костер посильнее, взял фляжку с вином и стал наблюдать за грозой. Фейерверк, если смотреть на него сквозь матовое стекло, — вот на что это похоже. Что ни говори — жизнь прекрасна. Вот удастся Рэндому этот фокус, и я завтра же поеду во Владения Хаоса. Что может меня там ждать? Этого я не знал. Гигантская ловушка, засада, какой-нибудь мошеннический трюк... Какой смысл задумываться? Сейчас это не имеет решительно никакого значения.

— Ты начал рассказывать о себе, папа.

— Правда? Что-то не припомню.

— Я хотел бы узнать тебя получше. Расскажи еще.

Я раскрыл рот, закрыл его, громко хлопнув губами, и пожал плечами.

— Тогда хоть об этом. — Мерлин неопределенно махнул

рукой. — Об этом конфликте. С чего он начался? Какую роль сыграл в нем ты? Фиона говорит, что ты много лет прожил в одной из Теней, без памяти. Каким образом ты сумел ее вернуть, и найти остальных, и вернуться в Амбер?

Я хмыкнул, еще раз посмотрел на Рэндома и грозу, а затем отхлебнул из фляжки и покрепче завернулся в плащ.

— А почему бы, собственно, и нет? Если, конечно, длинные рассказы не вгоняют тебя в тоску... Думаю, лучше всего будет начать с Земли, места моей ссылки. С частной клиники «Гринвуд». Так вот...

Глава 14

Небо сделало полный оборот, затем еще один, а я все рассказывал. Рэндом победил грозу. Она раздалась посередине, словно расколотая огромным топором, затем щель расширилась, половинки покатились на север и юг, стали бледнеть, уменьшаться и в конце концов исчезли. Местность, по которой прокатилась гроза, не претерпела вроде бы заметных изменений, но Черная Дорога исчезла. Мерлин сказал, что никаких проблем это не вызовет — он переправит нас во Владения на паутинном мостике.

Рэндом покинул нас с Мерлином — после нескольких часов полной отключки. Он испытал неимоверное напряжение. В новом короле Амбера трудно было узнать нашего младшего братца, нахала и весельчака, над которым все мы измывались, с колоссальным причем удовольствием. На его лице появились незнакомые мне морщины, признаки некой — тоже не замечавшейся мной прежде — глубины. Он стал выглядеть благороднее, сильнее и надежнее — хотя, конечно же, мое восприятие несколько окрашено недавними событиями. Неужели все это — волшебные трансформации, осуществляемые его новой ролью? Помазанный Единорогом, рукоположенный апокалиптической грозой, Рэндом приобрел самое доподлинное королевское величие.

Я поспал, а Мерлин все еще спит, что очень меня радует — до пробуждения сына я буду единственным островком сознания на всем этом скальном кряже. Только я один буду смотреть отсюда, с самого края Хаоса, на уцелевший мир, мир, перенесший тяжелые испытания, но выстоявший...

Возможно, мы уже опоздали на похороны отца, так и не станем свидетелями его ухода за пределы Владений, в места, не имеющие названия. Жаль, но у меня просто не было сил двигаться. Буду утешаться тем, что видел его похоронную процессию и — что самое главное — несу внутри себя значительную часть его жизни. И я успел попрощаться. Отец поймет.

И ты прощай, Эрик. Теперь, после всех прошедших лет, я могу сказать это — так. Доживи ты до этих дней, от нашей свары не осталось бы и следа. Мы могли бы даже стать друзьями — теперь, когда причина взаимной ненависти исчезла. У нас с тобой было больше сходства, чем у любой другой пары членов нашей семьи. Исключая, может быть, Дейрдре и меня — да и то только в некоторых отношениях... Но слезы на этот счет пролиты давным-давно и давным-давно высохли. А попрощаться все-таки надо. Прощай, любимая моя сестра, ты вечно будешь жить в моем сердце.

И ты, Брэнд... С горечью и сожалением поминаю я тебя, бешеный мой брат. Ты чуть не погубил нас. Ты чуть не сверг Амбер, наш город, горделиво высящийся на склонах Колвира. Ты был готов разнести все Тени вдребезги. Ты почти сумел уничтожить Огненный Путь и переделать Вселенную согласно своим планам. Злобный и бешеный, ты подошел к исполнению своих желаний настолько близко, что даже сейчас, думая об этом, я дрожу. Я рад, что ты ушел, что стрела послала тебя в бездну, а бездна тебя приняла, что ты не поганишь больше своим присутствием мест, где живут люди, не дышишь сладостным воздухом Амбера. Я хотел бы, чтобы ты никогда не родился или хотя бы чтобы ты умер раньше... Довольно! Думая так, я уничтожаю себя самого. Оставайся мертвым и не лезь больше в мои мысли.

Братья мои и сестры, я раскладываю вас по мастям, как карты, полученные при сдаче. Мне неловко за свою самонадеянность, мне больно судить вас с такой безапелляционностью, но вы — и я тоже, — мы изменились, и, прежде чем снова окунуться в повседневную суету, мне нужно бросить на вас еще один спокойный взгляд.

Кейн. Ты никогда мне не нравился, я все еще тебе не дове-

ряю. Ты оскорблял меня, предавал меня, даже ударил меня ножом. Забудем. Мне не по душе твои методы, однако лояльность твоя не вызывает сомнений, во всяком случае — на этот раз. А значит — мир. Пусть в новом правлении наши отношения начнутся с новой, чистой страницы.

Ллевелла, ты обладаешь большими резервами, недавняя ситуация почти их не востребовала. Ну и хорошо. Выйти из конфликта, не подвергнув свои возможности проверке, — иногда это тоже приятно.

Блейз, для меня ты все тот же рыцарь без страха и упрека — отважный, экспансивный и порывистый. За первое прими мой поклон, за второе — улыбку. А третье за последнее время заметно смягчилось. Наконец-то. Постарайся в будущем держаться подальше ото всех и всяческих заговоров. Худое занятие, да и не по тебе оно.

Фиона, ты переменилась больше всех. В твоем случае мне пришлось полностью заменить старое чувство на новое — мы впервые стали друзьями. Прими мою любовь, колдунья, я перед тобою в долгу.

Джерард, мой медлительный и верный брат, думая о тебе, я понимаю, что не все мы изменились. Ты стоял непоколебимо, как утес, держался того, во что верил. Да не будешь ты поддаваться обману с такой легкостью. Да не придется мне схватиться с тобой еще раз. Выходи в свое море на своих кораблях, дыши чистым соленым воздухом.

Джулиан, Джулиан, Джулиан... Это что же, я и вправду никогда тебя не знал? Нет. Я долго отсутствовал, зеленое волшебство Арден пошло тебе на пользу, прежнее твое тщеславие приугасло, оставив после себя только рыцарскую гордыню и нечто такое, к чему ближе всего подходит название «честь». Качество, не имеющее ровно ничего общего с милосердием, но все равно — ценное добавление к богатому арсеналу прочих твоих достоинств.

И ты, Бенедикт... Боги свидетели, мудрость твоя возрастает год от года — и все равно в своем знании людей ты пренебрегаешь единичными особями этого биологического вида. Возможно, теперь, когда битва завершена, мне посчастливится увидеть твою улыбку. Отдыхай, воин.

Флора... Говорят, что благотворительность нужно начинать с собственного своего дома. Сейчас ты ничем не хуже,

чем много лет назад. Если так подумать, все, чем я сейчас занимаюсь в отношении тебя и прочих — подбиваю какие-то балансные ведомости, выискиваю положительное сальдо, — все это — сентиментальная чушь. Чушь собачья. Сейчас, в настоящий момент ни один из нас не враг другому, этого вполне достаточно.

Ну а некий джентльмен в черном и серебре, с серебряной розой? Хотелось бы думать, что он обрел умение верить людям, что он промыл глаза чистой ключевой водой, что у него появился один-другой идеал. Ладно, пустое. Возможно, он так и остался шибко острым на язык любителем совать свой нос куда не просят. Возможно, он и не умеет-то толком ничего, кроме как выживать в затруднительных ситуациях. И юмор у него казарменный, а что касается тонкой, изысканной иронии — тут он слеп, почище, чем в том каземате. Впрочем, достаточно, забудем. Он никогда мне не нравился, да и не понравится никогда.

Кармен, voulez-vous venir avec moi?[1] Нет? Тогда прощай и ты, принцесса Хаоса. А жаль, могли бы приятно провести время.

Небо снова поворачивается; кто знает, какие деяния свершатся под его витражным светом? Пасьянс разложен, трудно только сказать — сошелся он или нет. Нас было девять, теперь осталось семь, и один из семерых — король. Правда, теперь с нами Мартин и Мерлин, новые карты и новые игроки в нескончаемой игре.

Я смотрю на остывшую золу, вспоминаю прошлый свой путь, и ко мне возвращается сила. Путь грядущий вызывает во мне острое, как зубная боль, любопытство. Я вернул себе все утраченное — и глаза, и память, и семью. И Корвин всегда останется Корвином, вплоть до Судного Дня.

Мерлин шевелится, это тоже хорошо. Самое время двигать, дел осталось невпроворот.

После героической победы над грозой Рэндом сделал еще одно дело. Проспавшись, он позвал меня, и мы вместе, черпая силы из Камня, связались с Джерардом. Карты стали холодными, как прежде, Тени сохранились, Амбер стоит как стоял. С нашего отъезда прошли годы и годы, сколько их пройдет

[1] Не желаете ли вы пойти со мной? (*фр.*)

еще, пока я вернусь... Рэндом картой отправил себя домой, чтобы приступить к исполнению обязанностей; вполне возможно, что и остальные сделали то же самое. Не знаю. Но я должен посетить Владения Хаоса — я обещал, к тому же не исключено, что я там нужен.

Сейчас мы с Мерлином собираем свои вещи, скоро он вызовет паутинную дорогу.

Когда мы там со всем разберемся, когда Мерлин пройдет Огненный Путь и отправится искать себе миры, я непременно совершу некое путешествие. Я съезжу в то место, где воткнул в землю ветку старины Игга, навещу дерево, выросшее из этой ветки. Я посмотрю, что сталось с Огненным Путем, нарисованным под воркование парижских голубей. Если там образовался вход в иную вселенную — как оно скорее всего и есть, — тогда я сбегаю в эту вселенную, полюбуюсь на плод трудов своих.

К нам подплывает дорога, ведущая вверх, к темнеющей вдали цитадели. Значит, пора. Мы садимся на коней и трогаем с места.

Теперь мы скачем над черной бездной, по дороге, словно сшитой из грубой марли. Вражеская крепость, покоренная нация, ловушка, обиталище пращуров... Ладно, посмотрим. На стенах и галерее — какое-то чуть заметное мерцание. Возможно, мы даже успеем на похороны.

Я распрямляю спину и чуть высвобождаю клинок из ножен. Скоро ведь и доедем.

Пока и привет, как всегда.

Содержание

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА. *Перевод И. Тогоевой* 5
РУЖЬЯ АВАЛОНА. *Перевод Ю. Соколова* 189
ЗНАК ЕДИНОРОГА. *Перевод Н. Сосновской* 369
РУКА ОБЕРОНА. *Перевод И. Тогоевой*. 535
ВЛАДЕНИЯ ХАОСА. *Перевод А. Пчелинцева, М. Пчелинцева* . . 717

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

R. Zelazny

ISBN 978-5-699-02640-1

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф